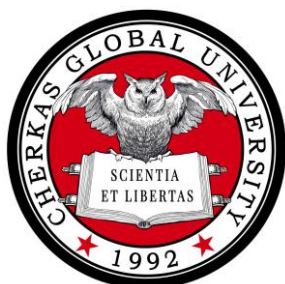

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2023. 18(3)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. Сумы, Украина)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. ДАРОВЕЦ (г. Венеция, Италия)
- П. ДЖОЗЕФСОН (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. КРИНКО (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. МАРВИК (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. МИРОНОВ (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. САНБОРН (Пенсильвания, США)
- В. САНДЕРЛЭНД (г. Цинциннати, США)
- С. Г. СУЛЯК (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. ЧЖАН (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. ШЕНК (г. Базель, Швейцария)
- М. ШМИГЕЛЬ (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.09.2023 г.

Заказ № 75.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи. Самара»

BYLYE GODY. 2023. 18(3)
HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 9/01/2023

Order № 75.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire. Samara”

CONTENTS

ARTICLES

The Siberian Branch of the Shibanids in Kazakh and Russian Historiography: Khan Kuchum B.G. Ayagan, Z.A. Tychinskikh	1053
The Role of State Policy and Free Colonization in the Formation of the Rural Settlement Network of the Middle Irtysh Region in the 16th – early 20th centuries (on the Materials of Modern Historiography) E.V. Sokolova	1064
Mikhail Romanov's Diplomatic Preparation for the Smolensk War of 1632–1634 Y.S. Zhambayev, N.S. Saulen, Zh.D. Seilkhanov, A.A. Kereev	1078
The Economic Development of the Russian State in the 17 th –18 th centuries: Modernization or Protomodernization K.V. Samokhin	1091
Census Books and the Issue of Population Fluctuations in the Time of Peter the Great D.A. Lyapin	1103
Religious Beliefs of the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries as a Phenomenon of “Lived Religion” A. Nurgaliyeva, Zh. Yernazarov, Zh. Zhaksygaliev, S. Kurmanalin	1110
State Transformations of Peter I in the South-East of Russia B.A. Aznabaev, A.I. Kortunov, R.N. Rakhimov, Sh.M. Itkulov	1122
The Status of the Kalmyk Zaisangs in the XVIIIth century M.M. Batmaev	1132
The Position of Women in the Family of Zyryans and Votyaks in the XIX century: Features of Regulation by Customary Law O.A. Plotskaya, N.J. Osmonalieva, E.N. Lotorev, M.S. Osipov	1142
To the Question of the Formation of National Elites in the Kazakh Steppe in the 19th century A.A. Umarov, B.N. Abdrakhmanov, A.E. Karimova, Z.Sh. Aitkenov	1150
The Phenomenon of Panteleimon Kulish in the National History and Culture of Ukraine S.I. Degtyarev, D.V. Strupinska	1159
I.E. Zabelin as a Teacher Yu.G. Kokorina, N.A. Prodanova, M.M. Vagabov, E.R. Ibragimova	1170
The Financial Situation of Retired Russian Officials (19th – early 20th centuries) D.I. Raskin, P.N. Nikitin	1179
The Contribution of Merchants to the Formation of the System of Female Education in the Russian Province (Based on the Materials of Vologda Province in the second third of the 19th century) I.I. Leyman	1187
Russian Initiatives in the Study and Practical Application of Blood Transfusion in the XIX century M.S. Sergeeva, E.L. Panova	1197
Annual Publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee as a Source on the Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Province in the Period 1850–1875 T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	1206

From the Crimean War to Military Reforms: the Background of the Russian Army's Reorganization, 1856–1862 T.A. Volodina, S.S. Yudin	1219
The History of Migration from the Russian Empire to Argentina at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries S.V. Ryazantsev, A.V. Smirnov, N.S. Ryazantsev	1227
Church-Charitable Institutions of the Penza Diocese for the Care of Orthodox Clergy and Their Families in the second half of the XIX – early XX centuries O.V. Kolpakova, N.A. Koblova, A.B. Shigurova	1243
Russian-Native and New Method Schools of the Russian Empire as a Response to the Crisis of Traditional Education in the Kazakh Steppe (late 19th – early 20th centuries) R.D. Kubeyev, K.M. Murzakhodzhaev, B.B. Burkhanov	1253
The Transformation of the State Regulation Model of Labor Migration to the Outlying Territories of Russian Empire in the 19 th century (on the example of the Volga-Caspian Fishing Region) S.V. Vinogradov, Yu.G. Eshchenko, E.E. Krasnozhenova, N.I. Kulakova	1263
Land Policy of the Russian Empire after the Abolition of Serfdom in 1861 and until 1906 A.V. Gurko, K.D. Savitskaya, I.T. Eratov	1275
Pre-Revolutionary Pedagogical Periodical Press: the Reference Publications on Public Education (1862–1916) I.Yu. Cherkasova, A.M. Mamadaliev, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova	1283
The Main Reasons for the Counter-Reform of the Judicial System in the Russian Empire during the Reign of Emperor Alexander III I.S. Denisov, K.K. Atabekov	129,
Kommissarovskaya Almshouse: to the Analysis of Charitable Institutions in Siberia during the Period of Capitalist Modernization K.A. Tishkina, T.A. Kattsina	1298
The Production System of N.I. Putilov in 1868–1880 based on the Materials of Pre-Revolutionary Historiography Yu.B. Nadtochiy	1307
Problematic Factors in the Formation of a Positive Image of the Russian Monarch among Students in the Kingdom of Poland in the late 19th – early 20th centuries S.I. Belov	1316
Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev in the 1870s A.V. Golovinov, A.A. Vasiliev, V.A. Dolzhikov	1324
“Ship List” as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies N.W. Mitiukov, R.V. Faizullin, I.Yu. Cherkasova	1334
The Policy of the Russian Autocracy Toward the Zemstvo Liberal Opposition of the Chernihiv Governorate (late 70s – early 80s of the XIX century) A.E. Lebid, N.A. Kotelnitsky, A.I. Ziakun	1341
Historical Aspects of the Interaction between the Russian Red Cross Society and the Military medical Service of the Russian Army in the Akhal-Teke Campaign of M.D. Skobelev (1880–1881) I.V. Karpenko, M.S. Sergeeva, I.M. Chizh, G.N. Volovchenko	1356
Orthodox Parish Education in the Baltic Provinces: the Case of Vormsi in the late 19 th and early 20 th centuries J. Matthew White	1366

Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the last quarter of the XIX – early XX centuries A.S. Zhulaeva, A.P. Dvoretzkaya, A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina	1374
Exceptional Burials of Orthodox Christians on the Territory of the Tobolsk City and Its Environs in the late XIX – early XX centuries Y.G. Zagvazdina	1384
The Artist in the Periodical of the Russian Empire “Vestnik Izyashchnykh Iskusstv” of the 1880s N.A. Sergeeva, A.V. Kistova, T.K. Ermakov, A.A. Omelik	1396
Znamensky Skete in the Socio-Cultural Environment of the city of Krasnoyarsk and Its Environs D.N. Nesterenko, A.P. Dvoretzkaya, E.A. Akhtamov, T.V. Izluchenko	1409
Russian Ethnography of the late 19th century (based on the Materials of the “Zhivaya Starina” Journal, Issues of the 1890s) N.P. Koptseva, N.N. Pimenova, Ju.S. Zamaraeva, N.N. Seredkina	1421
“Report about the Official Trip of the Minister of War to the Don Host Oblast in 1900” of A.N. Kuropatkin as a Historical Source A.Yu. Peretyatko	1434
The Development of the System of Public Education in the Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.E. Epifanov, S.A. Buryanov	1447
Omsk-Karkaraly Period: the Origins of A. Baitursynov's Educational and Political Activities A.A. Absadyk, O.I. Issenov, B.S. Boranbaeva, K. Mukhitov	1455
Political Associations of the Russian Population of Kyiv in the Conditions of the Revolution of 1905–1907: Party of Legal Order A.V. Antoshin	1467
Radio in the Russian Empire Based on the Materials of the “Priroda (Nature)” Journal (1912–1916) N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, A.A. Shpak, Ju.N. Menzhurenko	1476
Lyalya: Timber Industry Technologies and Innovations at the beginning of the XX century I.V. Zykin	1486
To the Issue of the Charitable Activities of Orthodox Monasteries in the Initial Period of the First World War R.M. Allalyev, M.G. Smirnov, I.V. Tyurin, I.A. Gordeev	1495
The Periodical Press as an Instrument of Public Diplomacy in the Process of Integration of the Countries of the Concord during the First World War I.V. Alferova, V.F. Blokhin, N.B. Akoeva, M.A. Bondarev	1502
Military Aviation and the Aviation Industry of the Russian Empire in the First World War: Potential, Economic and Technological Solutions (according to Archival Documents) A.L. Chupin, S.V. Bryukhovetskaya, M.B. Medvedeva, O.Yu. Kazenkov	1512
To the Issue of the Transformation of Russian Theatrical Art under the Direction of V. Meyerhold at the beginning of the 20th century in the Mirror of Russian Periodicals M.A. Kolesnik, N.M. Leshchinskaia, E.A. Sertakova, A.A. Sitnikova	1522
The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”) G. Rajović, S.N. Bratanovskii	1532

From “Tsarist” to “Soviet”: Russia of the post-revolutionary turning point of 1917 through the Space of Cuisine and Gastronomy D.V. Shchukin, O.G. Nekrylova	1539
Comparative Analysis of Studies on the Problems of Kazakh Women in the first half of the XX century M.A. Shashayeva, A.K. Shashayev, M.M. Kozybayeva, Y. Seyfi	1550
The Role of the Academic Center in the Development of Education, Science and Enlightenment in Kazakhstan (1921–1926) A.K. Shashaev, Sh.B. Tleubaev, N.N. Kurmanalina, S.G. Belous	1561
Historical and Bibliographic Study of the Development of Archeology in the Russian Empire I.V. Sukhareva, G.F. Kayumova, A.A. Gazieva	1570

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1053-1063
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1053

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

The Siberian Branch of the Shibaniids in Kazakh and Russian Historiography: Khan KuchumBurkitbay G. Ayagan ^{a, *}, Zaytuna A. Tychinskikh ^b^a Institute of History of the State, Republic of Kazakhstan^b Tobolsk complex research station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation**Abstract**

The history of Khan Kuchum from the Siberian branch of the Shibaniidov dynasty is considered in the article. The ruler of the Siberian khanate had long military and political contacts with the state leaders of the Russian state. Eventually, some descendants of the Siberian Khan Kuchum, after his defeat, served the Russian crown and even received awards for it. In particular, Arslan, the grandson of Khan Kuchum, who supported the establishment of the Romanov dynasty then was appointed as the governor of the Kasimov kingdom in 1614, and later came the several times to reception of Tsar Mikhail Fedorovich Romanov. His descendants also faithfully served the rulers of this royal dynasty.

The special attention is paid to Khan Kuchum, whose personality causes the greatest discussions in historical literature. The interest to the history of medieval Siberian states, to studying of life and activities of historical figures have increased significantly in recent decades. The huge interest to the history of the past from the representatives of the broad scientific community significantly updated the process of knowledge to the history of Siberia, the period of the reign of Khan Kuchum and the fate of his descendants. The history of the Siberian Khanate, which became part of the territory of Russia as a result of Yermak's campaigns and the military actions of the Russian governors, is very significant. The annexed territory of Siberia subsequently became an important part in the process of the expanding influence of Russia to Asian countries. Currently, there is a revision of many established concepts in modern historiography, which based on the attraction of new sources and the development of new methodological approaches.

Keywords: history of Siberia, Shibaniid, Khan Kuchum, Kuchumovichi, Siberian Khanate, Russian and Kazakh historiography.

Посвящается светлой памяти
д.и.н., член-корреспондента Академии наук России
Вадима Винцеровича Трепавлова

1. Введение

Несмотря на значительное количество новых работ, вышедших в последнее время по истории Улуса Джучи и постзолотоордынских средневековых тюркских государств, проблема всестороннего комплексного изучения роли династии Шибанидов в системе межгосударственных отношений на территории Сибири остается, на наш взгляд, одной из наиболее слабоизученных тем. В настоящее время в историографии происходит пересмотр многих устоявшихся концептов на основе привлечения новых источников и выработки новых методологических подходов. Данная задача является актуальной и при изучении династии Шибанидов. В статье авторы ограничиваются анализом вопроса об

* Corresponding author

E-mail addresses: b.ayagan@mail.ru (B.G. Ayagan), zaityna@mail.ru (Z.A. Tychinskikh)

освещении современными российскими и казахстанскими историками жизни и деятельности одного из самых известных представителей Сибирских Шибанидов – хана Кучума, а также некоторых его потомков, ставших впоследствии сподвижниками русских правителей из династии Романовых.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи авторы использовали широкий круг опубликованных источников, основными из которых являются русские летописи (прежде всего сибирские), тюркоязычные летописи (саджара), делопроизводственные документы (грамоты, письма, указы и пр.) и нарративные идеографические источники, которые позволили выявить масштабы и типологический характер событий. При этом в связи с направленностью работы основное внимание уделено трудам русских историков XVIII – начала XX в. А также современных российских и казахстанских исследователей, их концептуальным подходам при изучении темы. Рассмотрение подходов представителей разных школ к изучению истории Шибанидов и конкретно жизни и деятельности Шибанида Кучума позволяет более объективно представить ситуацию в современной историографии.

При написании статьи использованы традиционные для исторической науки сравнительно-исторический, историко-типологический и ретроспективный методы исследования. Путем сличения сопоставительных данных выявлен ряд лагун в рассматриваемой теме и предложены свои выводы. Авторы также использовали методы контент-анализа, актуализации и ретроспективности событий XVI–XVII веков, происходивших в Сибирском регионе современной России.

3. Обсуждение

Прежде всего следует отметить, что в научной литературе дискуссионным остается вопрос о времени и процессе образования Сибирского ханства и начале правления в нем Шибанидов (Шейбанидов). Автор монографии о жизни хана Кучума, казахстанский ученый М.Ж. Абдиров считал, что «Шейбаниды в XIII веке создали на юге Западной Сибири Тюменское ханство со столицей в Чинга-Туре» (Абдиров, 1996: 25). Однако с этим положением не согласны казахстанские ученые К. Абуев и И. Мухаммадеева, полагающие, что «Создание самостоятельного государства в пределах Золотой Орды не только в XIII, но и в первой половине XIV века было невозможно. Такая возможность возникла... лишь в 60-х годах XIV века, то есть с началом Смуты... Одним из таких государственных образований, возникших в 60-е годы XIV века, было Тюменское царство с центром в Чинга-Туре» (Абуев, Мухаммадеева, 2007: 38-39). На наш взгляд, следует согласиться с данной позицией и отметить ключевую роль в создании этого государства династии Шибанидов.

Весьма значимой в данном контексте являлась история жизни и деятельности видного представителя сибирской ветви династии Шибанидов, внука хана Ибака – Кучума и его потомков. Шибанид Кучум является одной из центральных фигур в позднесредневековой истории Западной Сибири. При этом оценка его личности и исторической роли в дореволюционной российской историографии обычно происходила в постоянном противопоставлении с другим историческим персонажем – атаманом Ермаком. Данная тенденция довольно устойчиво сохранялась в трудах ряда русских историков XVIII–XIX веков. Так, историк XIX в. П.И. Небольсин, обращаясь к личности Кучума, писал: «Кучум неуступчиво боролся с Ермаком. В этой борьбе он не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, ни падал ниц перед покорителем, мстил ему сообразно духу времени и тайно, и явно, и, наконец, семнадцать лет скитался по степи. Он в диком величии своем предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед тем, кого он считал своими притеснителями и врагами...» (Небольсин, 1849: 114). Вместе с тем такая оценка хана Кучума не является типичной для большинства историков. Далеко не однозначно к личности Кучума подходят татарские историки XIX – начала XX в. Ш. Марджани и Х. Атласи, которые дают ему диаметрально противоположные оценки. Если Ш. Марджани в целом негативно оценивает историческую роль Кучума как хана, «не сумевшего отстоять свою столицу» и нашедшего «свой бесславный конец среди башкир». То Х. Атласи считает Кучума личностью незаурядной и героической. Особой заслугой хана Кучума Х. Атласи считает распространение ислама среди сибирских народов, сравнивая его роль при этом с ханом Узбеком в Золотой Орде. Вот почему, как пишет историк, «мы не могли поставить его в один ряд с прочими сибирскими ханами» (Атласи, 2005: 43).

Одной из наиболее значимых работ советского периода, посвященной событиям средневековой истории Сибири, является монография Р.Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака» в которой Кучум представлен как правитель, ведущий агрессивную внешнюю политику, стремящийся «покончить с русским влиянием повсюду», «развязал войну с Россией и попытался осуществить свои давние планы» (Скрынников, 1982: 112-113).

В последние десятилетия появилось значительное количество работ российских исследователей, посвященных истории средневековых сибирских политий, где просматриваются и некоторые сюжеты, связанные с ханом Кучумом и судьбой его потомков. Это труды Д.М. Исхакова, Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябиной, А.В. Матвеева, С.Р. Татаурова, В.В. Трепавлова, А.В. Белякова и др. (Исхаков, 2002; Исхаков, 2006; Маслюженко, Рябина, 2009; Матвеев, Татауров, 2012; Рябина, 2011; Трепавлов, 2012; Трепавлов, Беляков 2018; Тюменское..., 2018).

Среди недавних работ казахстанских исследователей следует отметить труды К. Абуева, И. Мухаммадеевой, Ж. Сабитова, А. Кузембайулы, Е. Абиля, Т. Алибека и др. Монография, посвященная Шибаниду Абулхаиру, была опубликована одним из авторов данной статьи (Аяган, 2018). Из казахстанских авторов особо следует выделить монографию М.Ж. Абдирова «Хан Кучум: известный и неизвестный» которая одна из очень немногих, посвящена жизни и деятельности этой исторической личности (Абдиров, 1996).

История родов царей Сибирских и Касимовских, в числе которых были и потомки хана Кучума, тесно связанные с династией Романовых, системно изучалась С.В. Любимовым. Его труд «Опыт исторических родословий...» примечателен тем, что автор проследил судьбу Кучумовичей на протяжении нескольких столетий, часть из которых впоследствии за верную службу интересам Империи были определены в категорию дворян (Любимов, 1915: 55-79). В 1990-е гг. родословная Сибирских (вместе с Касимовскими) была опубликована в 3 томе серии «Дворянские роды Российской империи» под редакцией С.В. Думина (Дворянские..., 1996: 103-104). Среди работ последнего десятилетия необходимо отметить работу А.В. Белякова «Чингисиды в России XV-XVII вв.», в которой автор проследил родословные и судьбы многих Шибанидов, в т.ч. хана Кучума и его потомков (Беляков, 2011).

Вместе с тем проблематика специальных исследований, посвященных этому историческому деятелю, остается на сегодняшний день недостаточно развитой, где имеется несколько слабо изученных страниц, что актуализирует изучение данной темы.

4. Результаты

Одним из слабо исследованных остается вопрос о происхождении хана Кучума. В «Сибирских летописях» значится, что «казахский» [царевич] Кучум «прийде же степью ис Казачьи орды» (ПСРЛ, 1987: 32, 48). В связи с данной фразой летописи возникла устойчивая историографическая традиция считать прародиной Кучума Казахские степи (Атласи, 2005: 46-47), а самого Кучума, как и его окружение, «казахами» (Левшин, 1996: 156; Миллер, 1937: 190-191). Возможно, данный вывод некоторых исследователей объясняется тем, что у казахов наиболее долго сохранялись традиции возводить на ханский престол правителей из династии Чингизидов, к коим относился и Кучум. Но, как известно, в Казахском ханстве перманентно правили исключительно потомки Урус-хана (Урусиды), но не Шибаниды. И в казахских преданиях Кучум значится как хан соседней и близкой Сибири, но не как казахский хан. В целом следует отметить, что возможность определенной этнической атрибуции правителей средневекового периода, в т.ч. и Кучума, является вопросом неоднозначным.

При обращении к проблеме происхождения хана Кучума многие исследователи используют труды тюркского историка Абульгази и приводят обычно родословную Кучума в его изложении. Эта родословная в целом совпадает с другими тюркскими и арабскими хрониками. По Абульгази, отцом Кучума, назван хан Муртаза, сын хана Махмуда из рода Шибанидов, ведущих родословную от Чингис-хана (Әбілғазы, 1992: 118). Об этом пишут и современные исследователи (Султанов, 2021: 290 и др.). По мнению М.Г. Сафаргалиева, родословная Кучума выглядит следующим образом: Кучум – Муртаза – Ибак – Кутлубуда – Махмудек – Хаджи-Мухаммед – Али-оглан – Беккунде – Менгу-Тимур – Бадакул – Джучи-Бука – Бахадур – Шайбан – Джучи – Чингис-хан (Сафаргалиев, 1996: 520-521). В.В. Трепавлов попытался определить приблизительный возраст Кучума, и по его расчетам, Кучум родился около 1537 г. (Трепавлов, 1997; Трепавлов, 2012: 12). Также исследователь сообщает, что внуки тюменского хана Ибака (Ибрагима) Кучум и Ахмед-Гирей, как и казахский царевич Хакк-Назар б. Касим, воспитывались при дворе мангытского мирзы Шейх-Мамай (Тюменское..., 2018: 109; Трепавлов, 2016: 199-201). На это обстоятельство указывают и омские историки А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, сообщая, что Кучум получил «хорошее военное образование в Ногайской Орде и, вероятно, уже в те годы проявил себя как опытный военачальник» (Матвеев, Татауров, 2012: 39-40). Русскими источниками подтверждаются сведения о том, что хан Ибак (Ибрагим) был дедом Кучума. Так, в «Грамоте царя Федора Иоанновича...», обращаясь к Кучуму, царь пишет: «а после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князь Табучи на роду Магмет...» (Грамота..., 1998: 11).

В то время как в источниках имеется информация о старшем брате Кучума Ахмед-Гирее, который в 1549–1554 гг. был наместником в Башкирии (Трепавлов, 2016: 220, 217-218). То подробных сведений о том, где был Кучум до середины 1550-х годов, когда появляется на исторической арене, пока не имеется. А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров сообщают, что «вскоре после того, как русские войска неожиданно вошли в Астрахань...» в 1554 г., «...Абдаллах-султан сформировал сильный военный отряд, который под руководством Кучума проник по долине р. Иртыш на территорию Тюменского княжества, разорил юрты местных жителей и дошел практически до самой столицы ханства» (Матвеев, Татауров, 2012: 39-40). Другие авторы, опираясь на данные Сибирских летописей, где приводится сообщение Едигера о том, что «их воевал Шибанский царевич и людей поимал многих», относят указанные события к весне-лету 1556 г. (Маслюженко, Рябинина, 2009: 98).

Следующим важным моментом является вопрос о том, как происходила смена власти в Сибирском юрте. Традиционное изложение этих событий, представленное еще Р.Г. Скрынниковым, выглядит следующим образом: «Едигеру не удалось отразить вторжение Кучума. Длительная война

имела трагический для него исход. Опираясь на поддержку бухарского хана Абдаллаха тоже Шибанида, Кучум в 1563 г. нанес поражение Сибирскому «царству». Попавший в его руки Едигер был безжалостно умерщвлен» (Скрынников, 1992: 60).

Данной позиции придерживаются и казахстанские историки А. Кузембайулы, Е. Абиль и др. Так, они сообщают, что «в 1563 г. сибирский шибанид Кошим захватывает Искер, убивает правивших здесь тайбугинских беков Жадигера и Бекболата и провозглашает себя Сибирским ханом...» (Кузембайулы и др., 2022: 189). По мнению А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова, сибирские Шейбаниды здесь действовали, заручившись поддержкой среднеазиатских правителей: «Сибирское княжество Тайбугидов Абдаллах-султан и его покровители решили взять в свои руки и превратить в сильного союзника. Осуществить этот план было поручено хану Муртазе и его сыновьям Ахмед-Гирею и Кучуму. Муртаза был шейбанидом, а значит, он или его потомки могли законно претендовать на власть в любом осколке Золотой Орды... Примерно в 1554 или 1555 гг. Муртаза умер, поэтому план Абдаллах-султана и его покровителей пришлось выполнять Ахмед-Гирею и Кучуму...» (Матвеев, Татауров, 2012: 39-40). По мнению А.Кузембайулы, Бухарское ханство действительно оказывало поддержку сибирским Шибанидам, но в силу большой географической удаленности вряд ли эта помощь могла быть значительной (Кузембайулы и др., 2022: 189).

Вместе с тем имеется и иная точка зрения на характер прихода Кучума в Сибирь. Так, Д.М. Исхаков обращал внимание на то, что в некоторых русских летописях присутствует информация о том, что тот был приглашен знатными татарами, которые «отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося прислать им в князя одного из своих сыновей»: «сибирские люди... изменили... взяли к себе на Сибирь царевича» (Исхаков, 2006: 63). Вслед за Д.М. Исхаковым мнение о добровольном приглашении Кучума «лучшими людьми» придерживают Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина (Маслюженко, Рябинина, 2009: 97-111). Что касается летописных сообщений о том, что «град Сибирь взят и князей поби...» Кучумом, то, по мнению Д.Н. Маслюженко, в их основе лежат источники татарского происхождения, обосновывающие «тайбугидскую легенду» (Тюменское, 2018: 125). Таким образом, трактовка о захвате Искерского юрта, изложенная в Сибирских летописях и в дальнейшем связанная с позициями имперской историографии, стремящейся придать характер насильственной смены власти «законных» правителей Сибири Тайбугидов Едигера и Бекбулата «узурпатором» Кучумом, в определенной степени была направлена на оправдание завоевания Сибирского ханства Московским царством. В течение длительного времени она транслировалась историками, но в настоящее время подверглась пересмотру, связанному с критическим анализом изложенных в источниках событий.

Другой аспект в вопросе о смене власти связан с тем, кто именно из Шибанидов сел на престол в Сибири после Тайбугидов. Существует мнение, что первоначально сибирским престолом мог завладеть отец Кучума Муртаза. Так, в 1558 г. в Москве практически одновременно оказываются послы от Сибирского князя Едигера и от Шибанида Муртазы и его сына Ахмет-Гирея (Тюменское..., 2018: 124-125). В какой роли здесь выступал Муртаза, не вполне понятно, хотя некоторые исследователи полагают, что именно он к тому времени мог быть сибирским ханом, в связи с чем «перевел свои кочевья в лесостепи между Тоболом и Иртышем» и начал «приводить в подданство южные улусы Сибирского юрта» (Копылов, 1989: 72). Также со ссылкой на информацию «Казанской истории» где сообщается о том, что одна из жен Сафа-Гирея была дочерью сибирского царя, исследователи предполагают, что этим «сибирским царем» мог быть Муртаза (Тюменское..., 2018: 69). Не исключается также обстоятельство, что некоторое время князь Едигер оставался у власти, признав хана Муртазу правителем. Таким образом, современными историками признается факт того, что реставрация Шибанидов в Сибирском юрте была связана с отцом Кучума - ханом Муртазой. И даже если Муртаза правил в качестве «сибирского хана» недолго, то к 1563 г. Шибаниды являлись реальными правителями Сибирского юрта (Скрынников, 1982: 109; Копылов, 1989: 73; Исхаков, 2006: 63).

Существует и еще одна трактовка событий, связанных с реставрацией Шибанидов. По ней сибирский престол после Тайбугидов был занят старшим братом Кучума Ахмед-Гиреем. Так, речь об этом идет в монографии «Тюменское и Сибирское ханства» со ссылкой на обнаруженную В.В. Трепавловым ранее непереведенную часть известного документа 1563 г. (письма...) в которой есть фраза «А ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич...» (Тюменское..., 2018: 70). Ранее на это указывал Д.М. Исхаков, сообщавший, что «практически одновременно с Кучумом в Сибирском юрте оказался и средний сын Муртазы Ахмет-Гирей Султан» (Исхаков, 2006: 64). Здесь Д.М. Исхаков опирается на сведения Г.Ф. Миллера, сообщавшего, что Ахмет-Гирей был отправлен на помощь Кучуму ханом Муртазой. С ним прибыло «войско», а также «ахун, несколько мулл и абызов, чтобы провести дело обращения... с большой настойчивостью и успехом» (Миллер, 1999: 194). Далее Д.И. Исхаков отмечает, что «насчет Ахмет-Гирея есть даже информация, ... что он некоторое время был ханом в Сибирском ханстве» (Исхаков, 2006: 64). Аналогичной точки зрения придерживаются А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, которые, как и Д.М. Исхаков, относят время правления в Сибири Ахмет-Гирея к 70-м годам XVI в. и считают, что тот прибыл в Сибирь в качестве правителя. При этом, сообщают исследователи, «Ахмет-Гирей без сопротивления со стороны Кучума сел на ханский престол и управлял государством четыре года» (Матвеев, Татауров, 2012: 43). Отметим, что вопрос о хронологии

преемственности указанных ханов на сибирском престоле пока остается открытым. Но, как видим, все указанные Шибаниды в 60-70-е годы XVI в. правили в Сибирском ханстве.

Еще одним важным вопросом, подвергшимся современными историками пересмотру, является формирование взаимоотношений хана Кучума с Московским царством, а позднее его потомков – с Российской империей, а также и с Казахским ханством. Нередко в историографии эти отношения показывались как перманентно враждебные. Однако еще А.А. Преображенский писал о том, что по отношению к соседним русским владениям со стороны Сибирского юрта «задору некоторого не было» (Преображенский, 1972: 18). Также в источниках отсутствует какая-либо серьезная информация о набегах со стороны сибирского хана на русские территории. В монографии «Тюменское и Сибирское ханства» указывается, что «в 1569–1571 гг. международная политика Москвы и Искера по отношению друг к другу характеризовалась как миролюбивая» (Тюменское..., 2018: 125). Более того, согласно некоторым источникам, хан Кучум был даже готов выплачивать Москве дань (Тюменское..., 2018: 125). Правда, следует заметить, что хан Кучум, настроенный вполне миролюбиво, как можно судить по его ответу Ивану IV на послание от 1570 г. Где он предлагал восстановить прежние дружественные связи их предшественников, когда «гости ходили на обе стороны», и даже был готов признать русского царя «братом старейшим». В то же время о даннических отношениях не пишет, называя себя «вольным человеком» и добавляя при этом: «ныне похощь миру, и мы помиримся; похощь воеватися, и мы воюемся» (Собрание..., 1819: 52). По всей видимости, миролюбивые позиции в отношении Московского царства со стороны сибирских Шибанидов были во многом вынужденными, что было связано со сложившейся опасностью у юго-восточных границ ханства в конце 60-х годов XVI в., когда казахские правители вторглись в Ногайскую Орду. Учитывая давние связи Кучума с мангытами и близостью границ, эта ситуация для Сибирского юрта была небезопасной (Исин, 2004: 84).

В 1573 году Иван Грозный направляет посольство к казахскому хану Хакк-Назару во главе с Третьяком Чебуковым, целью которого было установление непосредственного контакта с правителями степи и, возможно, заключение военного союза против Кучума (История Казахстана..., 2010: 389). Дальнейшие взаимоотношения с казахскими ханами были непростыми и противоречивыми. Между казахскими и сибирскими ханами заключались династийные браки. Так, известно, что дочь Шигая была замужем за старшим братом Кучума Ахмет-Гиреем. Также есть предположение о том, что Кучум сам был женат на казахской царевне и, возможно, ею была Сузге (Сюзге) которую некоторые исследователи считают племянницей Тауекеля. А прибывший к Кучуму и вместе с Кадыр-Али Джалаири попавший в плен к Даниле Чулкому Ураз-Мухамед б. Ондан приходился родным племянником Тауекелю. Таким образом, хан Кучум имел определенные контакты с несколькими представителями династии Урусидов, потомков Джучи – Хакк-Назаром, Шигаем и Тауекелем. Таким образом, между казахскими и сибирскими ханами заключались династийные браки, развивалась транзитная торговля. В этих условиях хан Кучум, как видим по посланию от 1571 г., был готов к восстановлению прежних даннических отношений Сибирского юрта с Москвой: «... чтобы его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имел по прежнему обычаю» (Собрание..., 1819: 63).

В результате «челобитья» как сообщается в источниках, Иван IV берет хана Кучума «под свою руку... и во оберегание принял, и дань на него положил на год по тысяче соболей, да посланнику... тысяча белок» (Собрание..., 1819: 63–65). Правда, обещанный ханом Кучумом ясак, отправленный в 1571 г. в Москву, оказался «последним знаком его вассальной зависимости» (Преображенский, 1972: 20). Российский историк А.И. Филюшкин подробно останавливается на описании официальных идеологических конструктов, обосновывающих причины русского завоевания татарских ханств. Так, он пишет, что если в отношении Казанского и Астраханского ханств формируется концепт, что «эти юрты стояли на исконно русских землях, некогда захваченных татарами», поэтому их завоевание стало реваншем, то по поводу Сибирского ханства «Традиционный вотчинный дискурс для мотивации захвата этих земель не работал – ни «Поле», ни Сибирь уж никак нельзя было назвать «исконно русскими территориями». Оставался дискурс «челобитья». Вторжение в Сибирь первоначально объяснялось необходимостью обороны от набегов сибирских татар. С просьбой о защите обратились русские солепромышленники» (Филюшкин, 2004: 398).

Что касается политики хана Кучума в отношении русских земель в 1570-е годы, Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина считают, что «бытующие в историографии высказывания о якобы неоднократных набегах хана Кучума на пермские земли и на владения Строгановых в 1570-х гг. следует признать историографическим мифом» (Маслюженко, Рябинина, 2009: 104–107). Как видим, традиционные взгляды на изначально агрессивную политику хана Кучума в отношении Москвы и формирование недружественных отношений в период его правления подвергаются современными исследователями определенному пересмотру. Известно, что одним из важнейших мероприятий, проведенных Кучумом в период правления, является внедрение ислама в качестве государственной религии у подвластного ему населения ханства. Об этом писали многие исследователи, в том числе русские историки XVIII в., начиная с Г.Ф. Миллера. В изданиях XXI в. также признается важная роль хана Кучума в исламизации населения Сибирского ханства (Ислам, 2019: 124–125).

Современными исследователями рассмотрены также ранее слабо освещенные в исторической литературе страницы жизни и деятельности хана Кучума после похода Ермака и начала планомерного освоения Москвой сибирских территорий. Особое внимание этим вопросам уделено в работах А.В. Матвеева, С.Ф. Татаурова, В.В. Трепавлова, А.В. Белякова. Так, А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров сообщают о том, что хан Кучум после гибели атамана Ермака в 1585 г. и ухода казаков из Искера начинает активную деятельность по восстановлению власти, для чего он переселяет часть ясачных людей на юг. И, как считают исследователи, «уже к лету 1590 г. восстановил свою власть над значительной территорией Сибирского ханства. Под его контроль снова попали земли лесостепного и степного поясов от р. Ишим до р. Обь» (Матвеев, Татауров, 2012: 48). Еще одной важной задачей, стоявшей перед ханом в этот период, было удержание контроля над торговыми путями и обеспечение поставок пушнины. Для этого по рр. Туй, Шиш, Уй и Тара были построены небольшие крепости с воинскими гарнизонами (Матвеев, Татауров, 2012: 48). Исследователи обращают внимание на сведения русских источников (1586 г.), связанные с обоснованием необходимости строительства на реке Белой города Уфы, где сказано: «...беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву вотчину... в башкирцы, учал кочевати и ясак...с башкирцев почал... имати» (Исхаков, 2006: 148). Такие же цели «Кучума царя истеснить» несколько позже преследовало строительство г. Тары в самом центре кочевков Кучума (Тычинских, 2010: 64). Москвой в процессе освоения новых территорий была выбрана стратегия фронта с созданием на вновь присоединяемых землях сети острогов-форпостов. В результате в течение конца 80–90-х годов XVI в. происходит неуклонное последовательное продвижение и закрепление гарнизонов русских служилых людей на территории Кучумовых владений и строительство по важнейшим речным путям острогов.

Но, несмотря на потерю значительных территорий и власти в столичном центре Искере, Кучум по-прежнему представлял серьезную угрозу для сохранения позиций Московского государства в Сибири. В связи с чем как царское правительство, так и сибирские воеводы предпринимают различные попытки решить вопрос как дипломатическими, так и военными способами. Одним из методов стало стремление склонить хана Кучума перейти на службу Русскому государству и признать русское подданство. Как считает Е.А. Рябина, «Московское государство не оставляло надежду мирным путем решить ситуацию в связи со стремлением избежать крупных людских потерь до окончательной застройки и укреплением своей власти в Сибири, а также получить Кучум-хана в виде подданного, что дополнительно повысила бы авторитет России на международной арене» (Рябина, 2011: 92). Однако эти попытки были безуспешными. И хотя уже в 1597 г. хан понимал, что проиграл – в его грамоте воеводам г. Тары, сказано: «...а Сибирь не язь отдаль, сами есте взяли» (Собрание..., 1819: 131), но, как пишет историк XIX в. П.И. Небольсин, «Кучум неуступчиво боролся с Ермаком. В этой борьбе он не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, ни падал ниц перед покорителем, мстил ему сообразно духу времени и тайно, и явно, и, наконец, семнадцать лет скитался по степи. Он в диком величии своем предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед теми, кого он считал своими притеснителями и врагами...» (Небольсин 1849: 114). Значительное внимание последнему периоду жизни Кучума, этапу «казакования» уделяется в последних работах В.В. Трепавлова и А.В. Белякова (Трепавлов 2012; Трепавлов, Беляков, 2018).

Последним сражением хана Кучума стала битва у р. Ирмень на Оби, в котором он потерпел поражение от отрядов служилых людей, возглавляемых тарским воеводой А. Воейковым (Тычинских, 2010: 55). Большая часть семьи хана Кучума попала в плен. Самому хану с небольшим отрядом удалось уйти (Акты..., 1841: 7).

В историографии серьезных свидетельств о том, что было с Кучумом после этих событий, нет. Сохранились лишь сбивчивые и противоречивые сообщения о том, когда и где он умер. Согласно Г.Ф. Миллеру, известно о двух версиях направления ухода Кучума: «в Казакскую Орду» и к ногайцам (мангытам) (Миллер, 1999: 293). Х. Атласи считал, что хан Кучум умер в племени мангытов. Здесь он опирался на мнение Абуль-Гази, который считал, что уход к мангытам был связан с их близостью с правителями Бухары. К тому же, считает Атласи, «прародиной Кучума были места, близкие к этим. Поэтому вполне естественно, что, потеряв в Сибири ханство, умирать он ушел туда, где родился» (Атласи, 2005: 94). По нашему мнению, после того, как хан Кучум был разбит войсками воеводы Андрея Воейкова, он ушел в Коргалжын к ногаям (озеро Коргалжын находится примерно в ста километрах к северу от Астаны, современной столицы Казахстана). По некоторым сведениям, Кучум был убит ногайскими мурзами якобы в отместку за прежние обиды. По другим данным Кучум умер естественной смертью, а про гибель от рук ногайцев был специально пущен слух, чтобы ввести в заблуждение преследователей. По мнению известного российского историка В.В. Трепавлова, Кучум, очевидно, жил после событий 1598 г. еще около года. То, что ряд источников называет с 1601 г. ханом уже сына Кучума Али, считает исследователь, дает некоторое основание историкам «приблизительно датировать его смерть этим или, скорее, двумя предыдущими годами» (Трепавлов, 2012: 61).

Как далее отмечает В.В. Трепавлов «в статейном списке посольства А.И. Власьева 1599–1600 гг. в Священную Римскую Империю» в титулатуре Бориса Годунова впервые появляется титул «царь Сибирский» внешним выражением которого было наличие у московских государей «Сибирской

короны» (Файзрахманов 2002: 102), изготовленной специально или захваченной в Сибирском юрте в ходе его завоевания. Несмотря на имеющиеся разночтения относительно даты смерти хана Кучума, московская сторона уже считала Сибирское царство своим владением (Трепавлов, 2012: 69). Согласно именному указу 1667 г. «О титуле царском и о государственной печати», где изображены «три коруны, знаменующие три великие Казанское, Астраханское и Сибирское славные царства». изображение этой короны, как одно из важных символов Российского государства, оказалось на «гербе державном». Согласно последним данным нумизматики Шибаниды правда, не совсем ясно, кто именно из них чеканили «очковидные» монеты в Сыгнаке (Города Сауран, Туркестан и Сыгнак расположены в одном округе на юге Казахстана) (Петров и др., 2014: 51).

Совершенно по другому сложилась судьба потомков Кучума, некоторые из которых верно служили интересам Российской империи и, в частности, династии Романовых. Их история подробно изучена М.Ж. Абдировым. К примеру, за свои заслуги перед Отечеством внук Кучума Арслан, сын Али, поддержавший и способствовавший укреплению власти Романовых, был назначен правителем в Касимовском царстве, где правил вплоть до своей смерти в 1626 году. Несмотря на то, что это государство было вассальным, Арслана во время приездов в Москву встречали с большим почетом, жалую наградами и снабжая одеждой, разными видами продовольствия: винами, медом, хлебом, солью, мясом птицы и т.д. К примеру, в 1617 году во время приезда его в Кремле торжественно принимал сам царь Михаил Федорович, тогда как английского королевского посланника, прибывшего в тот же день, встречал боярин Н. Вельяминов. Во время приемов Арслан находился по правую руку от русского царя, ближе, чем его боярское окружение. Профессор М.Ж. Абдиров объяснял данный факт по отношению к потомкам недавних противников тем, что Русское государство одновременно демонстрировало свою мощь и призывало соседские государства к мирным взаимоотношениям с ним, показывая им преимущество такого подхода над военным сопротивлением. В 1623 году Арслану был устроен торжественный прием патриархом Московским Филаретом, являвшимся отцом русского царя Михаила Федоровича Романова. Участниками приема стали многие представители российской знати: бояре и князья. Достаточно тесные взаимоотношения с Романовыми продолжились и во время правления сына Арслана Сеид-Бурхана, который первым из Касимовских правителей принял православие, прошел обряд крещения и получил новое имя – Василия Арслановича. По свидетельству русского историка В.В. Вельяминова-Зернова, этому способствовало рад благ и привилегии, обещанные российской властью. А.В. Беляков со ссылкой на сообщение А.Олеария сообщает, что «юному Сеит-Бурхану в 1636 г. обещал свою дочь царь Михаил Федорович, если царевич согласится принять православие. После крещения касимовского царевича в 1653/1654 г. ему вновь якобы предлагали в жены царевну Ирину Михайловну...» (Беляков, 2011: 112). Несмотря на то, что женитьба так и не состоялась, Василий Арсланович участвовал во многих военных кампаниях России, способствуя расширению ее влияния.

Впоследствии его дети также были тесно связаны с династией Романовых. К примеру, дочь Василия Арслановича Евдокия была женой М.К. Нарышкина, брата русской царицы Н.К. Нарышкиной, матери первого российского императора Петра I. Сыновья Василия Арслановича, Иван и Семен, были приглашены на торжественный обед в Кремле по случаю рождения сына Петра Первого – царевича Алексея, и принимались здесь весьма почетно. Сын Ивана Василии Иванович был женат на сестре супруги царя Иоанна Алексеевича (1682–1696).

В работе М.Ж. Абдирова рассматривается судьба другого сына Али, Алтыная, плененного русскими войсками в 1608 году. Именно упомянутый выше русский царь Алексей Михайлович уговорил Алтыная крестить своих детей, причем сам принимал участие в обряде крещения. Впоследствии потомки Алтыная, получив русские имена также принимали активное участие в политических и военных делах Российского государства периода правления династии Романовых. Я.В. Сибирский, внук Алтыная по линии сына Алексея, служил в русской армии и дослужился до чина подполковника (Абдиров, 1996: 156-160). Другой его внук сибирский царевич Василий Алексеевич был женат на сестре царицы Агафьи Семеновны Грушецкой, жене русского царя Федора Алексеевича (1676–1682) – Анне Семеновне (Беляков, 2011: 113).

А.В. Беляков отмечает, что к концу XVII в. виднейшая московская знать успела породниться с Чингисидами. При этом «служилые царевичи по-прежнему стояли несравненно выше всех представителей служилого сословия» (Беляков, 2011: 115).

Ряд потомков хана Кучума, служившие Романовым, после смерти были захоронены в Московском Новоспасском монастыре. За свою верную службу они даже получили специальный герб (Абдиров, 1996: 156-160).

5. Заключение

Объем представленной рукописи не позволяет авторам статьи описать всю долгую и сложную историю жизни хана Кучума, а также судьбу его потомков, которая является темой отдельного исследования.

Правление Кучума в Сибирском ханстве совпало по времени с завершающим периодом правления в Московском царстве династии Юриковичей. Следующей династией на российском престоле стала

династия Романовых. Именно с ней связана судьба потомков сибирского Шибанида хана Кучума в России. Многие дети и внуки хана Кучума, приняв православную веру и получив русские имена, в дальнейшем стали на службу интересов России и во время правления династии Романовых участвовали во многих ее военных походах и кампаниях: против Крымского ханства, Ногайской Орды, европейских государств, способствовали охране южных границ Российской территории.

В исторической литературе до сих пор не дана объективная характеристика личности хана Кучума и его роли в сибирской истории. Длительное время сохранялись отголоски устаревших историографических традиций и те исторические стереотипы, которые были направлены на исключительное оправдание колонизации Сибири, для чего идеализировались одни персонажи истории, которые противопоставлялись другим. Ярким примером этого является судьба хана Кучума. Современная историография пытается всесторонне рассмотреть происходившие процессы с привлечением нового объема источников и дать объективную оценку данным событиям и историческим персоналиям.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН АР09258941 «Роль и значение династии Шибанидов в истории Золотой Орды, Ак Орды и Казахского ханства (XIII-XVII вв.)»).

Литература

- Абдиров, 1996 – Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: «Жалын», 1996. 117 с.
- Әбілғазы, 1992 – Әбілғазы. Түрік шежіресі. Алматы: Ана тілі, 1992. 208 б.
- Абуев, Мухамедеева, 2007 – Абуев К., Мухамедеева И. Султан Ураз-Мухамед: жизнь и необычная судьба. Астана: Елорда, 2007. 140 с.
- Акты..., 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 472 с.
- Атласи, 2005 – Атласи Х.М. История Сибири. Казань, 2005. 110 с.
- Аяган, 2020 – Аяган Б.Г. Абулхаир Шейбанид-последний правитель Дашти-Кычака, Алматы, 2018. его же.
- Аяган, 2020а – История Улуг Улуса-Золотой Орды. Курс лекций. Алматы, 2020. 224 с.
- Беляков, 2011 – Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир». 2011. 512 с.
- Грамота..., 1998 – Грамота царя Федора Иоанновича к сибирскому царю Кучуму о прекращении его преследования и о позволении ему приехать в Россию для получения замены за потерянное Сибирское царство (1597, мая 20) // *Тобольский хронограф*. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 11-13.
- Долгорукий-Аргутинский, 1913 – Долгорукий-Аргутинский Ф.С. Родословная книга владетельных домов. / кн. Федор Долгорукий. СПб.: Изд. княгини О. И. Долгорукой, 1913. 180 с.
- Дворянские..., 1996 – Дворянские роды Российской империи 1721-1917. СПб.: ИПК «Вести», 1993. Т. 3: Князья. М.: Ликоминвест, 1996. 280 с.
- Исин, 2004 – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI вв. Алматы, 2004. 139 с.
- Ислам..., 2019 – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. [в 3-х т.]. Т.2. М., 2019. 368 с.
- История Казахстана..., 2010 – История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 2. Алматы: «Атамұра», 2010, 618 с.
- Исхаков, 2002 – Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской общности / Сибирские татары. Сб. статей под ред. Сусловой С.В. Казань, 2002. С. 7-16.
- Исхаков, 2006 – Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
- Копылов, 1989 – Копылов Д.И. Ермак. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1989. 237 с.
- Кузембайулы и др., 2022 – Кузембайулы А., Ебиль Е., Алибек Т. Сибирский Улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти. Костанай: Региональный университет имени А. Байтурсынова, 2022. 256 с.
- Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Любимов, 1915 – Любимов С.В. (1872–1935). Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг.: [Тип. Андерсона и Лойцянского], 1915. 108 с.
- Маслюженко, Рябинина, 2009 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI в. / *Средневековые тюрко-татарские государства*. Сборник статей. Вып. 1, Казань, 2009. С. 97-111.

[Матвеев, Татауров, 2012](#) – *Матвеев А.В., Татауров С.Р.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории / *BibliotecaTatarica*. Серия «Этнополитическая история татар». Монография. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2012. 260 с.

[Миллер, 1937](#) – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 1937. Кн. 1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 662 с.

[Миллер, 1999](#) – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т.1. М.: «Восточная литература», 1999. 633 с.

[Небольсин, 1849](#) – *Небольсин П.* Покорение Сибири: историческое исследование Павла Небольсина. Санкт-Петербург: В тип. И. Глазунова и К°, 1849. 112 с.

[Петров и др., 2014](#) – *Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.

[ПСРЛ, 1987](#) – Полное собрание русских летописей. Том 36. Сибирские летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука. 382 с.

[Преображенский, 1972](#) – *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.

[Рябинина, 2011](#) – *Рябинина Е.А.* Внешняя политика Кучум-хана в 1582-1598 гг. / *История, культура и экономика средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы международной конференции*. Курган, 2011. С.90-95.

[Сафаргалиев, 1996](#) – *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды / На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.) / сост. Муслимов И.Б. М.: Инсан, 1996. 768 с.

[Скрынников, 1982](#) – *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982, 252 с.

[Скрынников, 1992](#) – *Скрынников Р.Г.* Ермак М.: Просвещение, 1992. 160 с.

[Собрание..., 1819](#) – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Типография Селиванского. 1819. 610 с.

[Султанов, 2021](#) – *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: Изд-во АСТ, 2021, 448 с.

[Трепавлов, 1997](#) – *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: Урал. науч. центр РАН, 1997. 72 с.

[Трепавлов, 2012](#) – *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.

[Трепавлов, Беляков, 2018](#) – *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевицы в истории России. М.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.

[Трепавлов, 2016](#) – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.

[Тюменское..., 2018](#) – Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография. Адамов А.А., Беляков А.В., Бобров Л.А. и др.; ответственные редакторы: Д.Н. Маслюженко и др. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 558 с.

[Тычинских, 2010](#) – *Тычинских З.А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII-XIX вв.). Казань: ФЭН, 2010. 288 с.

[Файзрахманов, 2002](#) – *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. 488 с.

[Филошкин, 2004](#) – *Филошкин А.И.* Проблематика генезиса Российской империи / Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 375-408.

References

[Abdirov, 1996](#) – *Abdirov, M.* (1996). Khan Kuchum: izvestnyi i neizvestnyi. [Khan Kuchum: known and unknown]. Almaty: «Zhalyn», 117 p. [in Russian]

[Abilgazy, 1992](#) – *Abilgazy.* (1992) Tyrik shezhiresi [Abilgazy. Chronicle of Turks]. Almaty: Ana tili, 208 p. [in Russian]

[Abuev, Mukhamadeeva, 2007](#) – *Abuev, K., Mukhamedeva, I.* (2007). Sultan Uraz-Mukhamed: zhizn' i neobychnaya sud'ba. [Sultan Uraz-Muhammed: life and unusual fate]. Astana: Elorda, 140 p. [in Russian]

[Akty..., 1841](#) – *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu.* [Historical acts, collected and published by the Archaeological Commission]. T.II. SPb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1841. 472 p. [in Russian]

[Atlasi, 2005](#) – *Atlasi, Kh.M.* (2005) Istoriya Sibiri. [History of Siberia]. Kazan, 110 p. [in Russian]

[Ayagan, 2020](#) – *Ayagan, B.G.* (2020). Istoriya Ulug Ulusa-Zolotoi Ordy. Kurs lektsii [History of Ulug Ulusa-Zolotoi Horde. The course is a lecture.]. Almaty, 224 p. [in Russian]

[Belyakov, 2011](#) – *Belyakov, A.V.* (2011). Chingisidy v Rossii XV-XVII vekov: prosopograficheskoye issledovaniye [The Chingisids in Russia of the XV-XVII centuries: a prosopographic study]. Ryazan: "Ryazan'. Mir". 512 p. [in Russian]

[Gramota..., 1998](#) – *Gramota tsarya Fedora Ioannovicha k sibirskomu tsaryu Kuchumu o prekrashchenii yego presledovaniya i o pozvolenii yemu priyekhat' v Rossiyu dlya polucheniya zameny za*

poteryannoye Sibirskoye tsarstvo [Letter from Tsar Fyodor Ioannovich to the Siberian Tsar Kuchum about stopping his persecution and allowing him to come to Russia to receive a replacement for the lost Siberian kingdom (1597, May 20)]. Tobolsk Chronograph. Is. 2. Ekaterinburg. Pp. 11-13. [in Russian]

Dolgorukii-Argutinskii, 1913 – *Dolgorukii-Argutinskii, F.S.* (1913). Rodoslovnaya kniga vladetel'nykh domov. [Genealogical book of ruling houses.] Kn. Fedor Dolgorukii. SPb.: Izd. knyagini O.I. Dolgorukoi, 1913. 180 p. [in Russian]

Dvoryanskie..., 1996 – Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii 1721–1917. [The families of the Nobility of the Russian Empire]. SPb.: IPK «Vesti», 1993. Vol. 3: Knyaz'ya. M.: Likominvest, 280 p. [in Russian]

Isin, 2004 – *Isin, A.* (2004). Kazakhskoe khanstvo i Nogaiskaya Orda vo vtoroi polovine XV-XVI vv. [The Kazakh Khanate and the Nogai Horde in the second half of the XV-XVI centuries]. Almaty, 139 p. [in Russian]

Islam..., 2019 – Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoi Sibiri [The Kazakh Khanate and the Nogai Horde in the second half of the XV-XVI centuries]. In 3 volumes. Vol. 2. M., 2019. 368 p. [in Russian]

Iskhakov, 2002 – *Iskhakov, D.M.* (2002). O metodologicheskikh aspektakh issledovaniya problemy stanovleniya sibirsko-tatarskoi obshchnosti [On methodological aspects of the study of the problem of formation of the Siberian-Tatar community]. Sibirskie tatory. Sb. statei pod red. Suslovoi S.V. Kazan'. Pp. 7-16. [in Russian]

Iskhakov, 2006 – *Iskhakov, D.M.* (2006). Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki. [Introduction to the history of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 196 p. [in Russian]

Kopylov, 1989 – *Kopylov, D.I.* (1989) Ermak. [Ermak]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 237 p. [in Russian]

Kuzembaiuly i dr., 2022 – *Kuzembaiuly, A., Abil', E., Alibek, T.* (2022). Sibirskii ulus i kazakhi: problemy etnicheskoi preemstvennosti i istoricheskoi pamyati [Siberian Ulus and Kazakhs: Problems of Ethnic Continuity and Historical Memory]. Kostanai: A. Baitursynov Kostanay Regional University, 256 p. [in Russian]

Maslyuzhenko, Ryabinina, 2009 – *Maslyuzhenko, D.N., Ryabinina, E.A.* (2009). Restavratsiya Shibanidov v Sibiri i pravlenie Kuchum khana vo vtoroi polovine XVI v. [Restoration of the Shibanids in Siberia and the rule of the Kuchum Khan in the second half of the 16th century]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statei. Vyp. 1, Kazan'*. Pp. 97-111. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei. [Description of Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaysat hordes and steppes]. Almaty: Sanat, 656 p. [in Russian]

Lyubimov, 1915 – *Lyubimov, S.V.* (1915) (1872–1935). Opyt istoricheskikh rodoslovii: Gundorovy, Zhizhemskie, Nesvitskie, Sibirskie, Zotovy i Ostermany. [Experience of historical genealogies: Gundorov, Zhizhensky, Nesvitsky, Sibirsky, Zotovy and Ostermany]. Pg.: Tip. Andersona i Loitsyanskogo, 108 p. [in Russian]

Matveev, Tataurov, 2012 – *Matveev, A.V., Tataurov, S.R.* (2021). Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii. [Siberian Khanate: military and political aspects of history]. Biblioteka Tatarica. Seriya «Etnopoliticheskaya istoriya tatar». Monografiya. Kazan': Izd-vo «Fen» AN RT, 260 p. [in Russian]

Miller, 1937 – *Miller, G.F.* (1937). Istoriya Sibiri. [History of Siberia]. Kn. 1. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 662 p. [in Russian]

Miller, 1999 – *Miller, G.F.* (1999). Istoriya Sibiri. [History of Siberia] T.1. M.: «Vostochnaya literatura», 633 p. [in Russian]

Nebolsin, 1849 – *Nebolsin, P.* (1849). The Conquest of Siberia: a Historical Study by Pavel Nebolsin. St. Petersburg: In the type of I. Glazunov and Co., 146 p., 112 p. [in Russian]

Petrov i dr., 2014 – *Petrov, P.N., Baipakov, K.M., Voyakin, D.A.* (2014). Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Velikoi Mongol'skoi imperii, gosudarstvakh Chagataidov i Dzhuchidov na territorii Kazakhstana. [Coinage and money circulation in the Great Mongolian Empire, Chagataidov and Juchidov states on the territory of Kazakhstan]. Almaty: Khikari, 2014. 264 p. [In Russian]

PSRL, 1987 – Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 36. Sibirskie letopisi. Chast' 1. Gruppy Esipovskoi letopisi. [Full collection of Russian chronicles. Volume 36. Siberian chronicles. Part I. The Group of Esipov chronicle]. M.: Nauka. 382 p. [in Russian]

Preobrazhenskii, 1972 – *Preobrazhenskii, A.A.* (1972). Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v. [Urals and Western Siberia in the late 16th – early 18th centuries] M.: Nauka, 392 p. [in Russian]

Ryabinina, 2011 – *Ryabinina, E.A.* (2011). Vneshnyaya politika Kuchum-khana v 1582–1598 gg. [Foreign policy of Kuchum Khan in 1582–1598]. Istoriya, kul'tura i ekonomika srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri: materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Kurgan. Pp. 90-95. [in Russian]

Safargaliev, 1996 – *Safargaliev, M.G.* (1996). Raspad Zolotoi Ordy [Collapse of the Golden Horde]. Na styke kontinentov i tsivilizatsii... (iz opyta obrazovaniya i raspada imperii X-XVI vv.) [The intersection of continents and civilizations... (from the experience of education and the collapse of empires of the X-XVI centuries)]. Sost. Muslimov I.B. M.: Insan, 768 p. [in Russian]

- [Skrynnikov, 1982](#) – *Skrynnikov, R.G.* (1982). Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka [Siberian expedition of Yermak]. Novosibirsk, 252 p. [in Russian]
- [Skrynnikov, 1992](#) – *Skrynnikov, R.G.* (1992) Ermak [Ermak] M.: Prosveshchenie, 160 p. [in Russian]
- [Sobranie..., 1819](#) – Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikh v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. [Collection of state charters and treaties stored in the State Board of Foreign Affairs]. M.: Tipografiya Selivanskogo. 610 p. [in Russian]
- [Sultanov, 2021](#) – *Sultanov, T.I.* (2021) Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'. [Genghis Khan and Genghis Khan. Fate and power]. M.: Izd-vo AST, 448 p. [in Russian]
- [Trepavlov, 1997](#) – *Trepavlov, V.V.* (1997). Nogai v Bashkirii, XV–XVII vv. Knyazheskie rody nogaiskogo proiskhozhdeniya [Nogai in Bashkiria, 15-17 centuries. Princely families of Nogai origin]. Ufa: Ural. nauch. tsentr RAN, 72 p. [in Russian]
- [Trepavlov, 2012](#) – *Trepavlov, V.V.* (2012). Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh [Siberian country after Yermak: Kuchum and Kuchumovichi in the fight for revenge]. M.: Vost. lit., 231 p. [in Russian]
- [Trepavlov, Belyakov, 2018](#) – *Trepavlov, V.V., Belyakov, A.V.* (2018). Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii. [Siberian princes in the history of Russia]. M.: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 496 p. [in Russian]
- [Trepavlov, 2016](#) – *Trepavlov, V.V.* (2016). Istoriya Nogaikoi Ordy [History of the Nogai Horde]. Kazan': Izd. dom «Kazanskaya nedvizhimost'», 764 p. [in Russian]
- [Tyumenskoe..., 2018](#) – Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva: kolektivnaya monografiya. [Tyumen and Siberian Khanates: collective monograph. Adamov A.A., Belyakov A.V., Bobrov L.A. i dr.; otvetstvennye redaktory: D.N. Maslyuzhenko i dr. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2018. 558 p. [in Russian]
- [Tychinskikh, 2010](#) – *Tychinskikh, Z.A.* (2010). Sluzhilye tatory i ikh rol' v formirovanii etnicheskoi obshchnosti sibirskikh tatar (XVII-XIX vv.). [Service Tatars and their role in the formation of the ethnic community of Siberian Tatars (XVII-XIX centuries)]. Kazan': FEN, 288 p. [in Russian]
- [Faizrahmanov, 2002](#) – *Faizrahmanov, G.L.* (2002). Istoriya sibirskikh tatar (s drevneishikh vremen do nachala 20 v.). [History of the Siberian Tatars (from ancient times to the beginning of the 20th century)] Kazan', 488 p. [in Russian]
- [Filyushkin, 2004](#) – *Filyushkin, A.I.* (2004). Problematika genezisa Rossiiskoi imperii. [Problematic genesis of the Russian Empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Kazan'. Pp. 375-408. [in Russian]

Сибирская ветвь Шибанидов в казахстанской и российской историографии: хан Кучум

Буркитбай Гелманович Аяган ^{a, *}, Зайтуна Аптрашитовна Тычинских ^b

^a Институт истории государства Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

^b Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа работ казахстанских и российских ученых рассматривается история хана Кучума из сибирской ветви династии Шибанидов. Правитель Сибирского ханства имел длительные военные и политические контакты с государственными деятелями Российского государства. Впоследствии отдельные потомки сибирского хана Кучума после его поражения служили Российской короне и даже получали за это награды. В частности Арслан внук хана Кучума, назначенный в 1614 году правителем Касимовского царства, оказал поддержку установлению власти династии Романовых и впоследствии не раз приезжал на прием к царю Михаилу Федоровичу Романову. Его потомки также верно служили правителям этой царской династии.

Особое внимание уделяется хану Кучуму, личность которого вызывает наибольшие дискуссии в исторической литературе. В последние десятилетия значительно возрос интерес к истории средневековых сибирских государств, к жизни и деятельности исторических персоналий. Огромный интерес к истории прошлого со стороны представителей широкой научной общественности значительно актуализировал процесс познания истории Сибири, периода правления хана Кучума и судьбу его потомков. История Сибирского ханства, ставшего в результате походов Ермака и военных действий русских воевод частью территории России, является весьма значимой. Присоединенная территория Сибири впоследствии стала важной частью в процессе расширяющегося влияния России на азиатские страны. В настоящее время в современной историографии происходит пересмотр многих устоявшихся концепций на основе привлечения новых источников и выработки новых методологических подходов.

Ключевые слова: история Сибири, Шибаниды, хан Кучум, Кучумовичи, Сибирское ханство, российская и казахстанская историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.ayagan@mail.ru (Б.Г. Аяган), zaityna@mail.ru (З.А. Тычинских)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1064-1077
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1064

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of State Policy and Free Colonization in the Formation of the Rural Settlement Network of the Middle Irtysh Region in the 16th – early 20th centuries (on the Materials of Modern Historiography)

Evgeniya V. Sokolova^{a, *}

^a Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the process of formation of the rural settlement network of the Middle Irtysh region in the 16th – early 20th centuries. The author focuses on the analysis of the factors that caused this process: the state policy in the field of development and settlement of Western Siberia in general and the Middle Irtysh region in particular and free peasant colonization.

The paper identifies key points in the process of forming a rural settlement network – the foundation of the Tara and Omsk fortresses, the construction of fortification lines, the construction of the Moscow-Siberian highway, the abolition of serfdom, the construction of the Trans-Siberian Railway, the Stolypin agrarian reform – and the influence of the indicated factors on each of the selected points. During the analysis of a wide range of local history material, the dates of the founding of rural settlements were established, the geographical, natural-climatic and social conditions for the emergence of settlements were analyzed, and vectors for the settlement of the territory were established.

The author comes to the conclusion about the organic combination of state policy and free peasant colonization during the late 16th – early 20th centuries, which resulted in the established network of rural settlements on the territory of the Omsk region. Throughout the entire period of settlement of the territory, each of the identified factors determined its vector of movement of migrants and the type of settlements founded (settlement, farm, and others).

Within the framework of free colonization, the author pays considerable attention to internal peasant migration and shows its role in the formation of a network of rural settlements. The combination of internal and external colonization was determined by the characteristics of the territory, such as the combination of taiga, forest-steppe and steppe regions, the historical pattern of the settlement of the indigenous population (the first Russian settlers, Kazakhs, Siberian Tatars), the presence of large water arteries (the rivers Irtysh, Tara, Om, Osh, large lakes), the construction of a tract and a railway.

Keywords: Omsk region, Middle Irtysh region, Western Siberia, settlement network, Siberian village, resettlement.

1. Введение

Формирование сельской поселенческой сети на территории Среднего Прииртышья, включающего в себя территорию современной Омской области, представляет собой сложный и длительный путь, являющийся важной частью освоения и заселения Западной Сибири. Этот процесс важно рассматривать как сложное многоаспектное явление, обусловленное рядом факторов. Среди факторов особое внимание следует уделить государственной политике в области переселения и вольной крестьянской колонизации территории. В отдельные хронологические отрезки времени, которые можно рассматривать как этапы формирования сельской поселенческой сети, данные

* Corresponding author

E-mail addresses: lev-15@mail.ru (E.V. Sokolova)

факторы с разной интенсивностью влияли на появлении на карте области сельских населенных пунктов. Цель настоящей публикации заключается в выявлении роли государственной политики и вольной колонизации на формирование сельской поселенческой сети на территории Среднего Прииртышья в XIX – начале XX веков на материалах современной историографии.

2. Материалы и методы

В основу работы положен анализ современной историографии, изучения роли государственной политики и вольной колонизации в формировании сельской поселенческой сети Западной Сибири в целом и Среднего Прииртышья в частности XVI – начале XX вв. Современная историография предлагает новые подходы к изучению вопроса освоения и заселения Западной Сибири, что дает возможность рассмотреть процесс основания сельских поселений Омской области с учетом принципов междисциплинарного и системного подходов, показать роль личности в этом процессе, выявить его особенности.

Методологической основой настоящего исследования выступает проблемное поле новой локальной истории. Ключевыми позициями для нас при этом выступают следующие: изучаемая территория рассматривается как пространство, развитие которого обусловлено комплексом факторов как объективного, так и субъективного характера, при этом сохраняется ее целостность и единство; при изучении вопроса необходимо учитывать, с одной стороны, самобытность и самостоятельность жизни региона, но в то же время учитывать влияние на нее общегосударственных процессов. Новую локальную историю как предметное поле мы, в след за С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой будем понимать как конструирование предмета исследования – субъекта исторического процесса, нетождественного государству (Маловичко, Румянцева, 2016: 10). Таким образом, изучая государственную политику и вольную колонизацию как факторы формирования сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в дореволюционный период, автор делает акцент на процессах, происходящих внутри территории, уделяя основное внимание деятельности человека как субъекта исторического процесса. При этом изучаемые процессы рассматриваются не изолированно, а в контексте российской истории.

Выбранный нами подход позволит не только дополнить национальную историю, но и показать процессы, происходящие в России на микроуровне, и их влияние на жизнь конкретного человека.

3. Обсуждение

Вопросы формирования сельской поселенческой сети в дореволюционный период сегодня вызывают оживленный интерес. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, регулярно появляются работы, предметом изучения в которых выступают различные аспекты переселенческого движения и колонизационной политики государства. Во-вторых, активизация краеведческого движения позволила собрать большой объем материала по истории отдельных поселений. Но краеведческий материал в настоящее время носит разрозненный характер и требует обобщения и встраивание в контекст российской истории. Кроме этого, сегодня у историка-исследователя появились новые инструменты и возможности для работы: апробируются новые методологические подходы, вводятся в научный оборот новые исторические источники.

Процесс формирования сельской поселенческой сети отдельных территорий России изучают С.М. Ледров (формирование сельской поселенческой сети в Нижегородской области) (Ледров, 2015), Г.С. Хорохордин (формирование сельской поселенческой сети Томского уезда) (Хорохордин, 2021а; Хорохордин, 2021б), Т.Е. Санжиева (формирование сельской поселенческой сети в Прибайкалье) (Малеев, Санжиева, 2014), Л.Н. Мазур (развитие сельской поселенческой сети на Среднем Урале) (Мазур, 2003). Авторы системно подходят к изучению вопросов формирования сельской поселенческой с учетом многообразия определяющих этот процесс факторов. Особо значимый вклад в изучение вопроса формирования сельской поселенческой сети Западной Сибири внесли А.И. Татарникова (Татарникова, 2013; Татарникова, 2019; Татарникова, 2022 и другие), М.К. Чуркин (Чуркин, 2013; Татарникова, Чуркин, 2020 и другие), В.А. Зверев (Зверев, Татарникова, 2005 и другие). Их работы носят обобщающий характер, позволяющий выстроить систему «центр – регион», в которую вписываются и вопросы переселенческого освоения края, и вопросы основания сельских поселений.

Ведущим исследователем формирования сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в дореволюционный период является А.Д. Колесников (Колесников, 1993; Колесников, 1995; Колесников, 1993). Большое внимание он уделяет хозяйственному освоению Среднего Прииртышья, организации крестьянского быта, датировке основания сельских поселений.

Значительный вклад в изучение заявленного вопроса вносят краеведы. Их работы – это собранный фактологический материал, который требует анализа и обобщения. Истории заселения отдельных районов Омской области посвящены краеведческие работы В. Фатеева (Фатеев, 1997), А.П. Долгушина (Долгушин, 1998), Т.Г. Костиной (Костина, 2004), М.В. Куроедова (Куроедов, 1998), Е.П. Зензина (Зензин, 2018) и других.

Таким образом, сегодня накоплен значительный материал, отражающий отдельные аспекты заселения территории. Однако этот материал представлен изолированно, в рамках одного района.

Это не дает возможности рассмотреть процессы, происходящие на изучаемой территории, в контексте общероссийской истории. Поэтому данная тема требует дальнейшего изучения.

4. Результаты

Формирование сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в дореволюционный период проходит несколько этапов и определяется рядом объективных и субъективных факторов. Одними из ключевых факторов выступают политика государства в сфере освоения и заселения Западной Сибири, а также вольная крестьянская колонизация.

Территориальные рамки исследования включают Среднее Прииртышье, которое охватывает территорию Омской области в современных границах. Это обусловлено общим направлением исследования автора: «Формирование сельской поселенческой сети Омской области: факторы, этапы, результаты».

Заселение и хозяйственное освоение Сибири русским населением на начальных этапах определялось задачами ее присоединения к России. Исследования А.И. Татарниковой показывают, что до середины XVII века русское население в Сибири компактно размещалось вокруг укрепленных пунктов (городов-острогов) (Татарникова, 2013: 56). И, соответственно, первые пашни заводились здесь же, на удобных землях.

Первые русские переселенцы на территории Среднего Прииртышья появились в конце XVI – первой половине XVII вв. Именно они заложили первые опорные населенные пункты, закрепляющие в Сибири позиции власти. До строительства Омской крепости главным городом Среднего Прииртышья была Тара, основанная в 1594 г. князем Андреем Васильевичем Елецким. Одновременно с появлением Тары на карте Тарского Прииртышья начинает осваиваться территория Тарского уезда, население которого было представлено не только служилыми людьми, но и крестьянством. Заселяясь вокруг города, они разрабатывали первую пашню, тем самым способствуя зарождению в Сибири русского земледелия.

Основным типом сельских поселений выступали слободы. Они являлись не только центрами крестьянских поселений, но и центрами развития хлебопашества. По переписи 1710 года в Тобольском уезде насчитывалось 58 слобод с численностью населения 41437 душ (Колесников, 1999: 18).

По мере освоения новых земель и возрастания потребности в увеличении урожая крестьяне начинают мигрировать в поисках новых, удобных для ведения хозяйства земель. На карте сельских поселений возникают заимки и займища, которые позже превращаются в деревни (Татарникова, 2013: 57). Так, на карте Среднего Прииртышья появляются такие поселения, как Бутакова, Юрлагина, Изюцкая (Костина, 2004: 30). В первую очередь новые поселения располагались вдоль рек или вокруг озер. Забегая вперед, отметим, что во второй половине XIX – начале XX века, когда берега естественных водоемов уже были заселены, местные власти в рамках оказания помощи переселенцам копали «казенные» колодцы. Доступность питьевой воды выступала одним из критериев при выборе переселенцами места для основания новых деревень. Своё название поселения чаще всего получали по фамилии первых переселенцев или по географическим ориентирам. В работе краеведа Т.Г. Костиной приводится тот факт, что первые поселенцы деревни Изюцкой получили помощь от находящегося в Таре Спасского монастыря, за что отдавали монастырю часть урожая: «В 535 книге Сибирского приказа ... на 916 – 920 листах помещено подрядное обязательство крестьян Тарскому монастырю. В 1666 году крестьянин Г. Холкин и Н. Корнильев дали обязательство пахать на монастырской земле в деревне у озера Нижний Изюк, сеять там озимое и яровое поле. Они обязывались из урожая пятый сноп отдавать монастырю...» (Костина, 2004: 30).

В поисках новых земель для заведения государевой пашни были заинтересованы как сами крестьяне, так и власть: имеющаяся пашня уже не давала прежних урожаев, а численность населения возрастала. В 1667 году И. Горбунов и С. Фирсов получили задание найти новый участок для государевой пашни. Такой участок был найден севернее обжитого района по реке Аев. А в 1668 году пашенные крестьяне деревни Чекрушанской обратились с челобитной, в которой просили разрешения переселиться на новый участок по реке Тара в четырех верстах от Бергомакова городка (Колесников, 1999: 18). Так на карте Тарского Прииртышья появились первые слободы – Аевская и Бергамакская. Позже, в 1682 году – напротив устья реки Татмык была основана Татмыкская (Такмыкская) слобода. По свидетельствам А.Д. Колесникова, основателем Такмыкской слободы был крестьянин Ирбитской слободы Дмитрий Степанович Шипицын. Вместе с ним переселилась небольшая группа крестьян, сюда же из Тары была направлена большая группа «тарских детей казацких», которых зачислили в беломестные казаки. В начале XVIII века сюда прибыли беломестные казаки и крестьяне с Поморья, из Великого Устюга, с Ваги и с Мезени (Долгушин, 1998: 12-13). Район от Татмыкской слободы до Тары быстро заселяется. Это объясняется не только наличием свободных плодородных земель и пастбищ, но и относительной безопасностью, которую обеспечивал водворенный в слободу многочисленный гарнизон. По переписи 1744 года в Татмыцкой слободе значилось 413 душ мужского пола (Долгушин, 1998: 13). В результате к началу XVIII века на карте Тарского уезда насчитывается три слободы, два погоста, 43 русских деревни и 47 татарских юрт. Среди них деревни Черняева, Логинова, Нюхаловская, Евгашина, Усть-Тарская, Сейткулова,

Изюцкий (Знаменский) погост, Юрлагина, Бутакова, Таврская, Кучуковская, Любимова, Терехина, Ложниковский погост и другие (Колесников, 1999: 21-23; Маслов, 2006: 19). Перепись 1701 года зафиксировала на территории Тарского уезда три слободы, два погоста, 43 русских деревни и 47 татарских юрт.

В 1706 году с речки Бызовки на Большую речку был перенесен караул, а на карте Прииртышья появляются новые деревни: Кокшенева, Лисина, Муромцева, Новая Терехина, Колосова, Коновалова, Орлова, Епанчинцева, Ильиных, Степана Шипицина (Колесников, 1999: 26).

Таким образом, до начала XVIII века основным районом заселения территории Омской области было Тарское Прииртышье (территория вокруг города Тары). Роль государственной политики как фактора формирования сельской поселенческой сети была незначительной. Основу освоения и заселения составляла вольная колонизация. Основным вектором заселения были земли вдоль рек Иртыш, Тара и Оша.

Укрепление южной границы России в Сибири оказало значительное влияние на заселение территории: начинается продвижение русского населения из таежных районов на юг (Татарникова, 2013: 57). Так, среди других городов в 1716 году была основана Омская крепость и начинается освоение земель южнее Омска. Однако, по мнению А.Д. Колесникова, первая русская экспедиция к южным границам современной Омской области ещё летом 1596 года, когда отряд из 112 человек на 6 судах отправились из Тары вверх по Иртышу для того, чтобы перекрыть переправы через Иртыш и не дать Кучуму связаться с ногайцами (Колесников, 1999: 13). В результате на карте области появляются новые деревни.

Вокруг Омской крепости начинают появляться новые деревни: Карташова, Качюсова, Пустынная, Серебрянная, Кругиха, Бетеинская, Усть-Заостровский и Изылбашский станцы, Соляной поворот, Ачаирский и Черлакский форпосты. По мнению А.Д. Колесникова, эти деревни не только выступали разведывательными пунктами в освоении новых земель, благоприятных для развития хлебопашества, но и связывали уже существующие поселения с новыми территориями (Колесников, 1999: 36). Черлакский форпост был основан в 1720 году (по другим данным в 1719 году). Сохранилось следующее его описание: «...четырёхугольник, обнесённый заплотом, длина которого достигала 15 сажён. По углам были выведены полубастионы с амбразурами. В заплотах имелись бойницы для стрельбы. Въезд в форпост производился через башню, которую венчала высокая надстройка, где постоянно находились караульные. С внешней стороны форпост окружали рогатки и надолбы» (Азарова и др., 2008: 348).

В данный период государственная власть была заинтересована в освоении новых земель и постройке новых крепостей, так как это позволяло ей дальше закреплять в Сибири свои позиции и укреплять ресурсную базу. Кроме того, новые крепости и форпосты обеспечивали защиту южных границ государства. Необходимость защиты границ стала одной из главных причин появления Большерецкого, Зудиловского, Юйского, Нюхаловского, Кутурлинского и других форпостов. Также в целях обороны были возведены Покровская и Николаевская крепости, Мельничный, Степной, Курганский, Волчий, Солеозерный, Лосев и Первый Тарский редуты. Основной силой при строительстве крепостей и редутов были казаки и местные крестьяне, а основу их населения составляли казаки, солдаты и призываемые крестьяне (Колесников, 1999: 38). В работе А.П. Долгушина приводятся следующие данные: на 25 августа 1744 года на службе в Большерецком форпосте состояло 70 казаков и имелась одна пушка, потом гарнизон был сокращен до 40 казаков; в Нюхаловском форпосте служили 35 казаков (Долгушин, 1998: 14).

Вновь освоенные территории было необходимо заселять и развивать здесь хлебопашество. Это была одна из главных задач, которую ставило государство перед губернской и местной властью. Для решения этой задачи с 1718 года начинается переселение крестьян в Приомье, разработка пашни и появление на карте новых поселений. Большая часть переселенцев прибыла из Тобольского и Тюменского уездов, которые, по мнению сибирского губернатора Гагарина, характеризовались как сравнительно многолюдные. Также переселенцы прибывали из Тары: Тарскому воеводе было предписано направлять в Омскую крепость добровольно приходящих переселенцев. Местные крестьяне были также заинтересованы в переселении на юг Прииртышья, так как степная и лесостепная зоны были привлекательны для хлебопашцев. Еще одна группа переселенцев – это ссыльные. Так были основаны Чернолуцкая слобода, деревни Кулачинская, Красноярская, Милетина (Колесников, 1999: 39) и другие. Например, в 1730 году часть тарских казаков была переведена на постоянное место жительства в Черлакский форпост. С этого момента начинает формироваться постоянное население Черлакского форпоста, появляются первые жилые избы семейных казаков. После того, как в 1745 году форпост был перенесен с берега реки Черлак на три версты ниже по Иртышу на более удобные и безопасные в хозяйственном отношении земли, близ него расселяются ссыльные крестьяне из России. В конце XVIII века в крестьянской части строится Николаевская церковь, а крестьянское поселение начинает именоваться селом Николаевским (Азарова и др., 2008: 348). Это село было основано ссыльными.

На противоположном Омской крепости берегу Иртыша располагалось «... урочище Катай, которое залегло непроходимыми камышами, озерами и займищами». Это территория современного

Называевского района. Основу населения урочища Катай составляли охотники и крестьяне – переселенцы из близ лежащих волостей: Сладковской, Абатской, Тюкалинской и Чернолуцкой. Крестьян привлекали сюда наличие богатых рыбой озер, удобных для заведения пашни земель, сенокосов и пастбищ. Достаточное количество плодородных земель позволяло крестьянам в случае снижения урожаев переходить на новые территории. И если эти территории оказывались далеко от прежнего места жительства крестьянина, то часто основывались новые деревни. Так, на карте современного Называевского района появились деревни: Катайская (около 1782 года), Гляденская (около 1782 года), Рыбья (1785 год), Лебяжья (1788 год), Бузанская (1788 год), Тупицыно (1788 год), Большепесчанская (1785 год), Бабыя (1789 год), Лузина (1797 год, ныне исчезнувшая деревня Любинского района), Орлова (1800 год), Утичи (1804 год), Лескова (1804 год), Драгунская (1805 год) (Колесников, 1999: 67). Например, деревню Лебяжью основали семьи Петра и Алексея Сериковых, а затем к ним подселился отставной солдат Яков Кузьминых и крестьянин Василий Луков (Куроедов, 1998: 13–14). Переселенцы с Ишима в 1811 году основали здесь деревни Лукерью, Жирнову, Мокшину, Щипачи.

С середины XVIII века начинается заселение территории современного Любинского района. Левобережье Иртыша, обозначенное на картах как урочище Катай, с благоприятными для развития сельского хозяйства землями и развития промыслов угодьями, привлекало жителей Чернолуцкой слободы. А в 1741 году было предложено укрепления Сибирской оборонительной линии перенести на левый берег Иртыша для того, чтобы обезопасить территорию с запада и отодвинуть границы оборонительных рубежей. Так на левобережье Иртыша были основаны Инберинский, Бетеинский, Верблюжский, Кушайлинский, Ирчинский, Воровской (получил название по реке Воровская, основан в 1745 году, ныне рабочий поселок Любинский Любинского района) форпосты. В краеведческой литературе приводится следующее описание форпоста Воровского: «... Первыми жителями форпоста были казаки... Его окружали заплот из вкопанных бревен, ров, рогатки и надолбы. Каждую ночь выставлялись дозоры, жителям не разрешалось поодиночке и без оружия выезжать далеко от форпоста». С продвижением русских в южном и западном направлениях недалеко от форпоста Воровского была основана Покровская крепость, Иртышский, Мельничный, Степной, Дубровный и другие редуты (Фатеев, 1997: 8). Эти поселения были основаны в связи со строительством новой Новоишимской или Пресногорьковской укрепительной линии, которая была проложена южнее, вдоль северного берега реки Камышловки. Строительство линии началось в 1752 году (Саньков, 1994: 7).

Строительство новой Омской крепости в 1768 году способствует дальнейшему заселению региона. Часть ее жителей переводятся в уже существующие деревни (Харино, Захламино, Гонокулачинская). А часть переселяется на новые земли вдоль реки Оми и основывают деревни: Сыропятская, Куликова, Игнатьева, Вторая Сыропятская.

Это стало результатом двух взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов: государственная политика в области колонизации Сибири и вольная миграция крестьян. Государство, с одной стороны, обеспечивало безопасность населения, а с другой стороны, координировало векторы переселенческого движения крестьян, определяло места появления новых слобод. Задачей переселенцев была разработка пашни и выстраивание отношений со старожилами.

Следует отметить, что государство не препятствовало вольной внутренней миграции крестьян, поскольку она решала несколько задач:

- закрепляла позиции русской власти в Сибири;
- обеспечивала хозяйственное развитие региона, включая накопления опыта ведения хозяйства в новых природно-климатических и социально-экономических условиях;
- способствовала выстраиванию отношений между пришлым и коренным населением, взаимобмену формами ведения хозяйства, быта, взаимобмену элементами культур;
- обеспечивала освоение природных богатств региона (дары водоемов и лесов).

Стоит отметить, что внутренняя миграция играла главную роль в освоении и заселении территории Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв.

Рассматривая формирование сельских поселений Западной Сибири, А.И. Татарникова отмечает, что ряд населенных пунктов в XVIII веке возник в рамках принудительной правительственной колонизации. Например, при строительстве металлургических предприятий на Алтае или строительстве пограничных линий требовались дополнительные рабочие руки. А при строительстве Московско-Сибирского тракта в обязанности крестьян вошел контроль за состоянием отдельных участков дороги. Основу населения притрактовой полосы составляли ссыльные крестьяне, которые находились в зоне особого внимания местной военной администрации (Татарникова, 2013: 58).

Содержание Московско-Сибирского тракта также оказало влияние на формирование сельской поселенческой сети Среднего Прииртышья. На территории современной Омской области тракт пересекал такие районы, как Большееуковский, Знаменский, Тарский, Большереченский и Муромцевский. Вдоль тракта были основаны ямы (специальные поселения), в которых размещались дома для отдыха проезжающих, помещения для ямщиков, помещения для содержания и кормления лошадей. Также вдоль тракта начинают заселяться новые участки и растет численность уже

существующих поселений. Так на карте области появились деревни Завьялово, Авяк, Чаунино, Чебаклы, Фирстово, Рыбина, Становка и другие. Названные деревни стали результатом в первую очередь внутренней миграции населения. Однако их численность росла также за счет вольноприходящих и опальных людей (Расташанский, 2004: 13). Строительство и содержание тракта стало дополнительной нагрузкой для крестьян: они должны были поставлять лошадей, перевозить грузы, ремонтировать дорогу. Но вместе с тем прикрактовые деревни получили дополнительный импульс для развития. В первую очередь крестьяне стали торговать ремесленными изделиями и заниматься извозом на собственных лошадях. Например, крестьяне деревень Юрлагино и Копейкино изготавливали оглобли и дуги, а в Завьялово успешно развивалось кузнечное и слесарное ремесло (Костина, 2004: 44). В 1812 году в Такмыкской слободе насчитывалось 95 ямщиков (Долгушин, 1998: 24). Однако сильная заболоченность территории и ежегодные весенние подтопления дороги привели к необходимости проложить новую дорогу, которая прошла через Тюкалу и Крутинку (через Абацкую степь). Этот факт вызвал два процесса: с одной стороны, поселения, оказавшиеся в стороне от тракта, утратили дополнительные возможности для развития (в том числе и г. Тара), а с другой – активнее начинает развиваться западная часть современной Омской области. Причем жители бывших прикрактовых поселений охотно переселяются на линию новой дороги. Это крестьяне из Викуловской и Аевской слободы, Такмыкской слободы, Ложниковского и Знаменского (бывшая деревня Изюцкая) погостов. Например, выборным старостой Тюкалинской слободы (бывший Тюкалинский станец) стал выходец из Аевской слободы Яков Сокольников, а Афанасий Гонохов – также житель Аевской слободы, переселившись на речку Крутую основал Крутинку (Костина, 2004: 44). Государство призывало крестьян переселяться вдоль вновь проложенной дороги. Кроме того, генерал-губернатором был издан указ, согласно которому назначенные для руководства расселением офицеры были обязаны селить крестьян деревнями и отводить земли под дворовые строения по 55 сажен (Расташанский, 2004: 15). Таким образом, можно сделать вывод, что власть стремилась полностью контролировать заселение новых территорий и обеспечивать работу тракта всем необходимым. Это подтверждает следующий факт, который приводит в своем исследовании А.Д. Колесников: «Командующий линии при известии о самовольных переездах крестьян писал в губернскую канцелярию, чтоб крестьяне впредь по одиночке и по своему произволу не селились, а селились слободами и деревнями и то с позволения воеводы и управителя...» (Колесников, 1999: 42). Иногда крестьян возвращали на прежнее место жительства, но если они успевали построить дом, то, чаще всего, оставляли на новом месте.

Прикрактовая территория быстро осваивается: на карте появляются такие деревни как Поспелова, Елесина, Огрызкова, Чугунлы, Калегаета и другие. А затем крестьяне из прикрактовых деревень начинают осваивать свободные близлежащие земли и новые поселения появляются все дальше от Сибирского тракта. Так на берегу реки Оши появляются деревни Солдатка и Островная. Если проанализировать современную карту сельских поселений Омской области, то можно увидеть деревни с одинаковыми названиями, расположенные в разных районах области. Это объясняется тем, что основатели этих деревень были выходцами из одного поселения. В 1796 году из-за постоянно затопляемой по причине разливов Иртыша деревни Изюк к Сибирскому тракту переселились братья Евгацины и основали село Евгацино. В XIX веке Евгацино получило следующее описание: «... более крупным торговым селом является следующая станция по тракту – село Евгацино. Это центральный пункт торговли жировыми веществами и хлебом для всей южной части Тарского округа. Общий оборот торговли села достигает солидной суммы – 450 тысяч рублей... Здесь бывает значительная Иоанно-Златоустовская ярмарка с 13 по 16 ноября, значителен салотопный завод Калижниковых с оборотом свыше 60 тысяч рублей» (Долгушин, 1998: 16). На территории современного Большеуковского района появляются деревни Шорина, основанная крестьянами из прикрактовой деревни Становка; деревня Валохина, основанная переселенцами Зудиловой Подставы; деревни Поспелова, Чугунлинская, Верхнеульская были заселены выходцами из деревни Решетниковой (Зензин, 2018: 16).

В отличие от XVII и первой половины XVIII века, во второй половине XVIII и начале XIX веков акцент при заселении территории Среднего Прииртышья был сделан на распашку новых земель, пригодных для заведения пашни. В поисках новых плодородных земель крестьяне Тарского уезда основывают деревни Ингалы, Карасук, Могильная, Хохлова, Хомутинская, Козина, Чинякина, Шипицына. В 1780-е годы несколько татарских семей из Усть-Тары поселились на западный берег Иртыша и основали деревню Берняжку, которая стала центром Аялынской волости с компактным проживанием татарского населения. Тогда же на карте появляются деревни Большие Мурлы, Тусказань, Черналы, Казатово, Уленкуль, Каиркуль, Яланкуль и другие татарские деревни, а также русские поселения Гущино, Рыбино, Сухо-Карасук, Русиново (Долгушин, 1998: 15).

В конце XVIII века начинается заселение верховья реки Тары, освоение берегов реки Уй и продвижение вглубь тайги (север современной Омской области). Кроме особенностей природно-климатических условий, север Омской области отличался тем, что здесь располагались татарские юрты. И при заселении территории необходимо было найти с местным населением компромисс. Отношения русских переселенцев и местных сибирских татар строились по-разному. Чаще всего

имело место взаимообогащение культур, обмен способами ведения быта и хозяйства. Но возникали и конфликтные ситуации. Например, при основании деревни Бакшеевой вблизи Аевских юрт со стороны татар начали поступать жалобы. В ответ на жалобы Тобольская администрация запретила крестьянам заниматься промыслами в татарских угодьях (Колесников, 1999: 71). Государство держало на особом контроле заселение таежных районов, в том числе и из-за возможных социальных конфликтов среди местного населения и переселенцев. В это время на карте появляются такие деревни, как Тевризская, Седельникова, Утьма, Петрова, Шиштомак, Петелина, Кузнецова, Дубровина, Тимофеевка, Рагозина, Львовка и другие.

Еще одним направлением государственной политики как фактора формирования сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в XVIII веке было расселение здесь ссыльных. Начиная с 1762 года ссыльных было разрешено селить по Иртышской линии от Омской до Усть-Каменогорской крепости. В первую очередь их подселяли в форпосты и станицы, но в отдельных случаях ссыльные основывали самостоятельные поселения. Например, между Ачаирским форпостом и Изылбашской станицей была основана деревня Соснина (после строительства церкви во имя Покрова переименована в Покровское), а южнее Черлакского форпоста было основано село Николаевское (Колесников, 1999: 47). Ссыльных зачисляли в крестьяне или в казаки. Также были основаны деревни Баженова, Нагибина, Саргатская, Круянская, Нижнеомская.

Большой поток ссыльных направлялся в Тарский уезд. После подавления польского восстания в 1863 году сюда прибыли ссыльные поляки Першукевич, Сапага, Татаржицкий, Аржаковский и другие. Часть поляков вернулась на родину после закона 1882 года, часть осталась в Сибири. Некоторые, побывав на родине, вернулись в Тарский уезд. Например, Григорий Козьма, отбывавший ссылку в Колосовке, после закона об освобождении вместе с сыновьями отправился на родину. Но через некоторое время было принято решение вернуться в Сибирь. Здесь он основал поселок Поляки на берегу реки Большой Нягов (Костина, 2004: 48).

Новый этап государственной политики в процессе формирования сети сельских поселений Западной Сибири начинается с середины XIX века, когда в действии проявила себя реформа В.Д. Киселева. Для решения проблемы малоземелья государственных крестьян и организации переселения было необходимо определить многоземельные территории. В изучаемых территориальных рамках к таковым были отнесены следующие волости: Кулачинская, Чернолуцкая и Тюкалинская в Омском уезде, Нижне-Колосовская и Бергамакская в Тарском уезде.

Получить разрешение на государственное переселение крестьянину было довольно трудно, поэтому в заселении Сибири в целом и Среднего Прииртышья в частности возрастает роль самовольного крестьянского переселения. Разрешение на переселение выдавалось преимущественно крепким домохозяйствам, поскольку государство имело определенный интерес в освоении региона и развитии здесь сельского хозяйства. Самовольное переселение было представлено прежде всего маломощными семьями (Дорофеев, 2009: 95). Так, во второй половине XIX на карте Среднего Прииртышья появляется ряд новых сельских поселений, основанных преимущественно вольными переселенцами. При этом роль административного контроля переселенческого движения возросла. Всего с 1862 по 1873 гг. в Западную Сибирь проследовало 2800 семей, самовольно переселившихся из Европейской России (Татарникова, 2013: 72). Основной поток переселенцев на территорию современной Омской области был представлен переселенцами из Черниговской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Владимирской, Пензенской, Смоленской, Псковской, Пермской, Вятской, Казанской, Уфимской, Курской губерний. Ими были основаны деревни Кандратьева, Карбыза, Тармаклы, Малинина, Бакмак, Тамочная, Колобова, Плотбище, Калтырка, Курганная, Ленева, Большая Окуневка, Новая Солдатка, Кукушкина, Михайловка-Обетованная и другие. В 1852–1853 годах в Тарском уезде было водворено 1116 мужских душ, в 1853 году в Нижне-Колосовской волости водворено 1795 мужских душ, в Бергамакской – 2830 (Колесников, 1999: 77). Вновь прибывших старались расселять по всей территории выбранных волостей, поэтому на карте всех районов современной Омской области имеются поселения, основанные в середине XIX века. Переселенцы не только основывали новые деревни, но и подселялись в уже существующие. При этом они, как правило, основывали самостоятельные улицы или компактно селились возле старых деревень. Например, переселенцы из Курской губернии получили участок заимки Зубова и основали деревню Владимировка (ныне Колосовский район). В 1840–1850-е годы крестьян из европейской части России подселили в деревню Воровскую (бывший форпост Воровской, а позже деревню переименовали в Любино), в результате этого на карте появились три новые деревни. Самую старую деревню, расположенную на месте форпоста, переименовали в деревню Старожилы; поселение, основанное выходцами из Воронежской губернии, назвали Митрофановское или Москали. Деревню, основанную выходцами из Киевской, Черниговской и Полтавской губерний – Софийское или Любино-Малороссы (Фатеев, 1997: 14).

Однако взгляды крестьян и государственной власти на переселение расходились. Крестьяне видели в Сибири возможности для заведения пашни, что стало особенно актуальным в условиях возрастающего малоземелья в центральных губерниях России после отмены крепостного права. Этот факт выступал одним из мотивов вовлечения их в переселенческое движение. Государственная власть

видела в крестьянах источник дополнительного увеличения казны за счет сбора податей и возможность осваивать новые земли. Поэтому на местные власти возлагались обязанности не только следить за обустройством переселенцев на новом месте, но и оказывать им всяческое содействие.

В конце XIX – начале XX века число сельских поселений на рассматриваемой территории существенно возрастает. При этом роль государства в данном процессе усиливается. Так, в 1896 году для заведования переселенческим делом в составе Министерства внутренних дел было создано Переселенческое управление, главной задачей которого становится организация переселений за Урал на малозаселенные территории. Переселенческому управлению предписывалось осуществлять предварительное изучение районов, пригодных для переселения. Руководить выдачей разрешений на переселение. Осуществлять общее руководство переселенческим процессом, а также заниматься вопросами устройства переселенцев на местах. Данная мера была призвана урегулировать процесс переселения в Сибирь и обустройство здесь переселенцев.

К концу XIX века меняется вектор заселения территории Западной Сибири. Если до середины 1890-х гг. переселенческие участки выделялись в лесостепной полосе, то теперь они смещаются в зону тайги и степей (то есть севернее и южнее), которые раньше рассматривались как земли для вольной колонизации (Татарникова, 2013: 73). В результате реализации данной правительственной меры начинается новый виток освоения и заселения северных районов современной Омской области (Тарского, Тевризского, Усть-Ишимского). Следует учитывать, что заселение таежной и подтаежной зоны имеет свои особенности и требует больших усилий как со стороны переселенцев, так и со стороны государства. В связи с этим при заселении урманов Тарского округа губернские власти оказывали всяческое содействие переселенцам: обустроивали пути сообщения и мельницы за счет отпускаемых ссуд, способствовали обеспечению переселенцев необходимыми предметами крестьянского быта и хозяйства (Татарникова, 2013: 75). По сведениям А.И. Татарниковой, в 1897 году в таежную часть Тарского округа было водворено 3223 переселенца. При выборе места водворения переселенцев государство отдавало приоритет уже существующим поселениям, стараясь сделать из них крепкие в хозяйственном отношении пункты, опоры дальнейшего освоения территории (Татарникова, 2013: 75).

Еще одним фактором, повлиявшим на формирование сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в конце XIX – начале XX века, стало строительство Сибирской железной дороги. Государству было необходимо регламентировать не только вопрос основания вдоль дороги новых поселений, но и вопрос в отношении уже существующих сел, деревень и заимок. Так на карте Омской области появился новый тип поселений – станция (например, Любинская, Марьяновка, Исилькуль, Называевская). Поселения, возникающие вдоль железной дороги, развиваются значительно быстрее остальных. Во-первых, они располагались в экономически благоприятной зоне, во-вторых, государство было заинтересовано в их развитии. В 1911 году на станции Любинская был построен железнодорожный вокзал, в 1912 году от деревни Красный Яр до Любинской проложили водопровод и поставили кирпичную водонапорную башню для заправки водой паровозов. Крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы в поисках выгоды начинают переселяться к дороге, основывая новые деревни. Так на карте современного Любинского района появилась деревня Алексеевка, основанная Артемием Егоровичем Усольцевым. В этой деревне он держал свою лавку (Фатеев, 1997: 33). Водонапорная башня в Марьяновке появилась в 1896 году (Саньков, 1994: 23). Местные власти не препятствовали внутреннему переселению, так как оно решало две главные задачи: обеспечивало деятельность железной дороги и способствовало снижению плотности населения в уже существующих деревнях, а значит, и частично решало проблему сокращения земельных наделов. С.Ю. Витте так определял одну из ролей железной дороги: она должна была обеспечить Сибири «...главнейшие условия для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынки сбыта и приток рабочей силы, открывая вместе с тем спокойный и верный путь государству к разрешению одной из наиболее трудных задач – к прочному устройству экономического быта малоземельного крестьянского населения внутренних губерний Европейской России» (цит. по: Чуркин, 2006: 172).

Вместе с этим строительство Сибирской железной дороги повлекло за собой и исчезновение части поселений. Это связано с тем, что железнодорожное полотно проходило через огороды, пашни и пастбища, вынуждая жителей переселяться вглубь территории, подальше от дороги. Например, на территории современного Марьяновского района дорога прошла через казачий поселок Курганский, и курганские казаки начали переселяться севернее. Так на карте появились два поселения: Старая Курганка и Новая Курганка (Саньков, 1994: 22).

Основной поток «внешних» переселенцев конца XIX – начала XX века расселяется на территории степных и лесостепных районов современной Омской области: Марьяновского, Одесского, Исилькульского, Полтавского, Черлакского, Павлоградского, Называевского и других районов. Этому способствовало не только строительство железной дороги, но и наличие значительного фонда свободных и пригодных для ведения хозяйства земель степной и лесостепной зоны. Например, в краеведческой литературе по Марьяновскому району приводятся воспоминания Андрея Абрамовича Зинченко и Петра Прокофьевича Пономаренко. Андрей Абрамович вспоминает,

что его дед Павел прибыл с Харьковщины. По железной дороге удалось доехать до Петропавловска, поскольку дальше дорога была не готова. Переселенцы, сделав телеги с деревянными осями, приехали в 1895 году на новое место жительства в Боголюбовку. Здесь уже было выкопано три глубоких казенных колодца. Вместе с Зинченко в новой деревне обосновались Павленко, Дмитриенко, Лещина. Примерно в это же время в соседнюю деревню Михайловка с Брянщины приехал дед Петра Прокофьевича Иван Кузьмич Пономаренко вместе с женой и четырьмя сыновьями. Семья получила 75 десятин земли: по 15 десятин на мужскую душу (Саньков, 1994: 32).

Ведущий специалист в области изучения истории освоения и заселения территории современной Омской области А.Д. Колесников так описывает появление на карте рабочего поселка Полтавка: «В начале лета 1895 года к озеру Сары-Куль прибыл конный обоз из украинский фур и киргизских двуколок. ... Мужики во главе с землемером обходили границы земельной дачи, лопатами вырубали дерн, измеряли мощность черноземного слоя. Некоторые даже пробовали на зуб, не солоношна ли земля. Лошади, быки, коровы с охотой поедали сочные степные травы. Земельным участком прибывшие остались довольны и подписали акт о приеме. На первом съезде решили будущий поселок назвать в память о покинутой родине Полтавкой» (Колесников, 1995: 4). К 1914 году территория современного Полтавского района была практически полностью заселена выходцами из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний: на карте появились такие населенные пункты, как Москаленки, Еремеевка, Васютино, Новоцарицыно, Вольное, Городище, Украинка, Ольгино и другие. Карта современного Называевского района пополнилась такими пунктами, как Муравьевка, Покровка, Богодуховка, Дурбет, Лебедки, Нахимовка, Соколовка, Калмацкое, Елизаветинка, Марковка, Ветлинка, Николаевка, Земляное, Носовка, Ефимовка, Мариинка, Водяное, Гагаринка, Кабаново, Кочковатка, Катковка, Ерасовка, Назаровка, Данково, Милютинно, Ростовка, Станкевичи, Бакот, Моховое, Козловка и другими (Куроедов, 1998: 17). Они были основаны переселенцами из нечерноземных губерний, из Украины и Белоруссии. Выходцы из Украины основали на территории современного Одесского района поселения Благодаровка, Новая Одесса (ныне село Одесское), Белостокский, Харитоновка, Лукьяновка, Генераловка, Косяковка и другие (Плотников, 2004: 19-20). В конце XIX века на территории современного Знаменского района были основаны поселения Никольск, Уваровка, Якушино, Липовка, Тузаклы, Айлинка, Новопокровка, Новоягодное, Ларионовка, Таборы, Тайга, Кукса, Курган и другие (Костина, 2004: 51). На рубеже XIX – XX веков на карте современного Большеуковского района появились деревни Еланка, Хмелевка, Баламбашка, Листвяная, Крапивная, Абакшиха, Черноусова, Осинная (Расташанский, 2004: 33-34). Следует отметить, что, несмотря на отсутствие в таежных районах Омского Прииртышья железной дороги, интенсивность их заселения не снизилась.

На рубеже XIX – XX вв. когда в Сибири еще не ощущался дефицит земли и поток переселенцев только нарастал, они имели возможность выбрать себе надел, оценив все его проблемы и преимущества. Местные власти не препятствовали такому поведению, вероятно, по двум причинам: во-первых, чтобы не создавать конфликтных ситуаций и не провоцировать переселенцев возвращаться назад, и, во-вторых, чтобы создавать условия для максимального применения переселенцами имеющегося у них опыта хозяйственной деятельности. Приведем несколько примеров. В 1893–1894 годах на территорию современного Щербакульского района прибыли переселенцы из Поволжья (поволжские немцы). Для расселения им предложили Привальный участок. Однако он переселенцам не понравился из-за отсутствия водного источника. Они выбрали берег озера Кос-Куль и основали деревню Александровку (Колесников, 1993: 23). А в 1895 году вблизи Александровки также выходцами из Поволжья были основаны немецкие деревни Красноярка, Поповка, Сосновка. В 1904 году на территорию современного Полтавского района прибыли крестьяне из предднепровских деревень Еремеевки и Москаленки. Хорошо изучив местные условия и землю, они выбрали места для расселения, где была основана деревня Новоцарицыно (Колесников, 1995: 43).

Кроме вопросов, связанных с наделением земель, перед переселенцами и местными властями стоял вопрос урегулирования отношений с местным населением. И если старожилы, боясь потерять земли, чаще всего легко соглашались на водворение в их деревню переселенцев, то сибирские татары (в таежных районах) и казахи (в степных районах) часто конфликтовали с новоселами. Например, казахи, проживающие на территории современного Полтавского района, неоднократно жаловались, что местные власти ущемляют их при нарезке участков для переселенцев. И если в 1893–1899 годах участки для переселенцев отводились с согласия аульных старшин и на кибитку оставляли до 170 десятин земли, то позже размер земли сократили до 100 десятин, а с 1906 года – до 15 десятин на мужскую душу (Колесников, 1995: 12-13). Одной из главных задач, стоящих перед местной властью в отношении казахского населения, был перевод их на оседлый образ жизни. В результате такой политики часть казахов переселилась на другие территории, а с карты области исчезла большая часть аулов. Но имели место и положительные моменты. Например, переселенцы с Украины, основатели деревень на территории современного Одесского района, строили свои землянки по образцу казахских, лопатами нарезая земляные пласты (Плотников, 2004: 14). А часть казахов основали постоянные поселения. Так, в 1914 году в Омскую временную комиссию по переселению от казахов –

кибитковладельцев аксакальства Джебея Кеменгерова поступило прошение о наделении их земельными участками для перехода к оседлому образу жизни (Плотников, 2004: 26).

Начало XX века тесно связано реализацией столыпинских аграрных преобразований, что отразилось и на формировании сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в дореволюционный период. Усилившийся поток переселенцев и дальнейшее оформление законодательства в области переселения привели к расширению сети сельских поселений в изучаемых границах и формированию нового рисунка поселенческой сети. Именно в рамках реализации данных преобразований на карте сельских поселений появляются хутора и отруба. Например, на территории современного Любинского района к 1910 году насчитывалось 18 хуторов (Фатеев, 1997: 22), появление которых стало результатом как внутренней миграции (в первую очередь, крестьяне переселялись из таежных территорий Тарского уезда так называемых урманов), так и переселения из европейской части России. Одна из причин появления хуторов – истощение земельного фонда. И если в конце XIX – начале XX веков под поселения отводятся большие участки, то после 1906 г. акцент сделан на отведение наделов под хутора. Например, в 1913 году на территории современного Полтавского района возникло 23 населенных пункта, из них половина хутора; в 1914 году – 103 населенных пункта, преимущественно хутора и малодворные поселения (Колесников, 1995: 48). Земли под хутора и отруба выделялись, главным образом из резервного фонда. Например, на территории современного Полтавского района были образованы 42 участка под названием Бельдеж, 23 участка – Кожа-Бей-Газы, 11 участков – Кусемис, 12 участков – Ащи-Куль и ряд других. Эти участки начинают выделяться под хутора. Однако переселенцы предпочитали селиться в деревнях или основывать свои деревни (Колесников, 1995: 50). Это объясняется и особенностями славянского менталитета, и незнакомыми условиями, в которых приходилось начинать вести хозяйство. Однако, начиная с 1911 года, в условиях дефицита свободных земель крестьяне начинают селиться на хуторах. Так, на карте появляются хутора Бельдеж 33, Бельдеж 32 и другие. В 1920 году на территории современного Полтавского района насчитывалось 132 хутора и однодворных поселения (односелья). На 24 хуторах было записано по одной семье, на 11 – по две семьи, на 18 – по три и четыре семьи, на остальных – по пять – девять семей (Колесников, 1995: 52). На территории современного Одесского района возникли однодворные хутора Пасальский и Гонбинский, двух – четырехдворные: Лебяжский, Вольский, Койболганский, Оразгул, Джарычный (Плотников, 2004: 60). Хутор Гофнунгсталь на территории современного Исилькульского района был основан немцами переселенцами из Херсонской губернии (Гензель и др., 2016: 8). Немало хуторов было и в таежных районах Среднего Прииртышья. Следует отметить, что проблема истощения земельного фонда, удобного для ведения хозяйства, затронула как степные и лесостепные районы, так и таежные районы. Это выразилось в том числе и в сокращении 15-десятичной нормы земельного надела. Крестьяне часто обращались с прошениями об увеличении земельных наделов, но эти прошения не удовлетворялись. Например, крестьяне Аевской волости Тарского уезда на жалобу о несоблюдении 15-десятичной нормы земельного надела получили следующий ответ: «... Что касается ходатайства тех же крестьян об увеличении надела до 15-десятичной нормы, то, как видно, крестьяне Аевской слободы наделены 11,33 десятин удобной земли, вполне обеспечивающей быт крестьян означенного селения, а посему нет необходимости в увеличении надела до 15-десятичной нормы, в виду чего ходатайство об этом следует отклонить» (Костина, 2004: 53).

5. Заключение

Таким образом, формирование сельской поселенческой сети на территории Среднего Прииртышья в дореволюционный период было обусловлено двумя самостоятельными и в то же время взаимообусловленными процессами: государственной политикой и вольной крестьянской колонизацией.

Государство регулировало направления переселенческого движения и тем самым определяло векторы заселения территории. Сельские поселения на карте Среднего Прииртышья появлялись в результате органичного сочетания как правительственной, так и вольной колонизации. Это обеспечило разнообразие поселений на рассматриваемой территории и формирование здесь особого колорита. В различные хронологические отрезки времени сочетание правительственной и вольной колонизации существенно отличалось. Так, на первом этапе освоения и заселения Западной Сибири в целом и Среднего Прииртышья в частности (конец XVI – начало XVIII вв.) преобладала вольная колонизация, а во второй половине XIX века правительственный контроль за процессом переселения был ужесточен. Следует отметить, что государство не только контролировало переселенцев, но и оказывало всяческое содействие их обустройству на новых местах.

Особенно тесно государственная политика и вольная крестьянская колонизация пересекаются в конце XIX – начале XX веков. Это связано с несколькими обстоятельствами: строительство Сибирской железной дороги, неурожай 1891–1892 годов, изменение законодательства в области переселенческой политики. В этот период на земли Среднего Прииртышья прибывают как легальные переселенцы, так и крестьяне самовольцы. В обязанности местной власти входила организация помощи переселенцам в их обустройстве на местах.

В начале XX века сельская поселенческая сеть на территории современной Омской области в общем виде была сформирована и включала в себя как многодворные, так и малодворные (хутора, заимки) поселения.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00891, <https://rscf.ru/project/23-28-00891/> на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина».

Литература

Азарова и др., 2008 – Азарова Л.В., Костюк И.А., Новиков С.В. и др. Новейшая история социально-экономического и политического развития районов Омской области. Степная зона. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2008. 446 с.

Гензель и др., 2016 – Гензель Г.Р., Ковлягина Т.В., Бурлачко И.П. и др. Один из малых городов России. Иссилькулю 120 лет. Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2016. 400 с.

Долгушин, 1998 – Долгушин А.П. Сказание о Большеречье. Омск: Омское книжное издательство, 1998. 192 с.

Дорофеев, 2009 – Дорофеев М.В. Поземельные отношения крестьян (переселенцы и старожилы на Алтае в 1880-х гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 322. С. 95-98.

Зверев, Татарникова, 2005 – Зверев В.А., Татарникова А.И. Развитие сельской поселенческой сети Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: историография темы / *Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сборник научных трудов: к 60-летию профессора В.А. Скубневского*. Барнаул, 2005. С. 92 – 105.

Зензин, 2018 – Зензин Е.П. Атлас истории Большеуковского района. Омск, 2018. 96 с.

Колесников, 1993 – Колесников А.Д. Щербакуюлю 100 лет. Очерки истории. Омск, 1993. 216 с.

Колесников, 1995 – Колесников А.Д. Полтавка Сибирская. Очерки истории района. Омск: ИПК «Омич», 1995. 200 с.

Колесников, 1999 – Колесников А.Д. Омская пашня. Омск, 1999. 106 с.

Костина, 2004 – Костина Т.Г. Здесь Родины моей начало. История Знаменского района. Омск: ОГУП «Омская областная типография», 2004. 238 с.

Кротт, 2011 – Кротт И.И. Краеведение, новая локальная история и регионалистика: к вопросу о предметных полномочиях основных направлений региональных исследований / *Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886 – 1971)*. Омск, 2011. С. 73-78.

Куроедов, 1998 – Куроедов М.В. История Называевска и Называевского района. Омск: Издатель-полиграфист, 1998. 228 с.

Ледров, 2015 – Ледров С.М. Об итогах изучения процесса формирования сельской поселенческой сети на территории Спасского района Нижегородской области в XVII веке // *Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV научной конференции*, Балахна, 29 апреля 2015 года. Балахна, 2015. С. 85 – 91.

Мазур, 2003 – Мазур Л.Н. Уральская деревня в 1930-е – 1980-е годы: основные тенденции развития системы расселения // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2003. № 4(33). С. 14-30.

Малеев, Санжиева, 2014 – Малеев Н.Г., Санжиева Т.Е. Формирование сельской поселенческой системы в Прибайкалье // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. Электронный журнал. 2014. № 2.

Маловичко, Румянцева, 2016 – Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Локальная история и историческое краеведение: проблема определения дисциплинарного статуса / *Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении: материалы научного семинара*. Казань, 2016. С. 3-22.

Маслов, 2006 – Прими поклон, село Ложниково. Ред. Маслов Н. Омск: Типография «Полиграф», 2006. 248 с.

Плотников, 2004 – Плотников Ю. Жизнь и судьба. Омск, 2004. 256 с.

Расташанский, 2004 – Расташанский Ф.К. Земля при Аеве. Омск: Омская областная типография, 2004. 228 с.

Саньков, 1994 – Саньков М. Марьяновский меридиан. Очерки истории района. Омск: ИПК «Омич», 1994. 190 с.

Татарникова, 2013 – Татарникова А.И. Сеть сельских поселений Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: масштабы и социальное развитие. Тобольск: ТХНС УрО РАН, 2013. 236 с.

Татарникова, 2019 – Татарникова А.И. Населенные пункты Тобольской губернии: административный и самовольный способы образования и особенности развития во второй половине XIX – начале XX вв. // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 1. С. 17-27.

Татарникова, Чуркин, 2020 – Татарникова А.И., Чуркин М.К. Аграрная колонизация Западной Сибири и Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 1. С. 1-9.

Фатеев, 1997 – Фатеев В. Здравствуй, Любинский. Омск, 1997. 230 с.

Хорохордин, 2021a – Хорохордин Г.С. Применение картографических материалов конца XIX – начала XX в. при характеристике процесса развития сельской поселенческой сети Томского уезда Томской губернии // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2021. № 70. С. 144-151.

Хорохордин, 2021b – Хорохордин Г.С. Развитие сухопутной транспортной системы сельской поселенческой сети Томского округа-уезда во второй половине XIX – первой четверти XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2021. № 6(122). С. 56-61.

Чуркин, 2006 – Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

Tatarnikova, 2022 – Tatarnikova A.I. The Network of Rural Settlements of the Tobolsk Okrug/Uyezd in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries: Scale and Infrastructure // *Bylye gody*. 2022. 17(3): 1227-1236.

References

Azarova i dr., 2008 – Azarova, L.V., Kostyuk, I.A., Novikov, S.V. i dr. (2016). Noveishaya istoriya sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya raionov Omskoi oblasti. Stepnaya zona [The latest history of the socio-economic and political development of the regions of the Omsk region. Steppe zone]. Омск, 446 p. [in Russian]

Churkin, 2006 – Churkin, M.K. (2006). Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii v Zapadnyuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii [Resettlement of Peasants from the Black Earth Center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Омск, 376 p. [in Russian]

Dolgushin, 1998 – Dolgushin, A.P. (1998). Skazanie o Bol'sherech'e [The legend of Bolshereche]. Омск, 192 p. [in Russian]

Dorofeev, 2009 – Dorofeev, M.V. (2009). Pozemel'nye otnosheniya krest'yan (pereselentsy i starozhily na Altae v 1880-kh gg.) [Land relations of peasants (settlers and old-timers in Altai in the 1880s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 322: 95-98 [in Russian]

Fateev, 1997 – Fateev, V. (1997). Zdravstvui, Lyubinskii [Hello Lubinsky]. Омск, 230 p. [in Russian]

Genzel' i dr., 2016 – Genzel', G.R., Kovlyagina, T.V., Burlachko, I.P. i dr. (2016). Odin iz mal'nykh gorodov Rossii. Issil'kulyu 120 let [One of the small towns in Russia. Issilkul is 120 years old]. Омск, 400 p. [in Russian]

Khorokhordin, 2021a – Khorokhordin, G.S. (2021). Primenenie kartograficheskikh materialov kontsa XIX – nachala XX v. pri kharakteristike protsessa razvitiya sel'skoi poselencheskoi seti Tomskogo uezda Tomskoi gubernii [The use of cartographic materials of the late XIX – early XX centuries when characterizing the process of development of the rural settlement network of the Tomsk district of the Tomsk province]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 70: 144-151. [in Russian]

Khorokhordin, 2021b – Khorokhordin, G.S. (2021). Razvitie sukhoputnoi transportnoi sistemy sel'skoi poselencheskoi seti Tomskogo okruga-uezda vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti XX v. [Development of the overland transport system of the rural settlement network of the Tomsk district-county in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6(122): 56-61 [in Russian]

Kolesnikov, 1993 – Kolesnikov, A.D. (1993). Shcherbakulyu 100 let. Ocherki istorii [Shcherbakul is 100 years old. History essays]. Омск, 216 p. [in Russian]

Kolesnikov, 1995 – Kolesnikov, A.D. (1995). Poltavka Sibirskaya. Ocherki istorii raiona [Poltava Siberian. Essays on the history of the area]. Омск, 200 p. [in Russian]

Kolesnikov, 1999 – Kolesnikov, A.D. (1999). Omskaya pashnya [Omsk arable land]. Омск, 106 p. [in Russian]

Kostina, 2004 – Kostina, T.G. (2004). Zdes' Rodiny moei nachalo. Istoriya Znamenskogo raiona [Here is the beginning of my Motherland. History of the Znamensky district]. Омск, 238 p. [in Russian]

Krott, 2011 – Krott, I.I. (2011). Kraevedenie, novaya lokal'naya istoriya i regionalistika: k voprosu o predmetnykh polnomochiyakh osnovnykh napravlenii regional'nykh issledovaniy [Regional Studies, New Local History and Regional Studies: On the Question of the Subject Authority of the Main Directions of Regional Studies]. *Kraevedenie kak fenomen provintsial'noi kultury: materialy Vserossiiskoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya Andreya Fedorovicha Palashenkova (1886 – 1971). Omsk. Pp. 73-78. [in Russian]

Kuroedov, 1998 – Kuroedov, M.V. (1998). Istoriya Nazyvaevska i Nazyvaevskogo raiona [History of Nazyvaevsk and Nazyvaevsky district]. Omsk, 228 p. [in Russian]

Ledrov, 2015 – Ledrov, S.M. (2015). Ob itogakh izucheniya protsessa formirovaniya sel'skoi poselencheskoi seti na territorii Spasskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti v XVII veke [On the results of studying the process of formation of a rural settlement network on the territory of the Spassky district of the Nizhny Novgorod region in the 17th century]. *Nizhegorodskii krai v istorii Rossii (pamyati professora N.F. Filatova): materialy IV nauchnoi konferentsii, Balakhna, 29 aprelya 2015 goda*. Balakhna. Pp. 85-91. [in Russian]

Maleev, Sanzhieva, 2014 – Maleev, N.G., Sanzhieva, T.E. (2014). Formirovanie sel'skoi poselencheskoi sistemy v Pribaikal'e [Formation of a rural settlement system in the Baikal region]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*. Elektronnyi zhurnal. 2. [in Russian]

Malovichko, Rumyantseva, 2016 – Malovichko, S.I., Rumyantseva, M.F. (2016). Lokal'naya istoriya i istoricheskoe kraevedenie: problema opredeleniya distsiplinarnogo statusa [Local history and local history: the problem of determining the disciplinary status]. *Metodologiya i metody izucheniya regional'noi istorii: Tsentral'noe Povolzh'e v globalizatsionnom izmerenii: materialy nauchnogo seminara*. Kazan'. Pp. 3-22. [in Russian]

Maslov, 2006 – Primi poklon, selo Lozhnikovo [Take a bow, the village of Lozhnikovo]. Red. N. Maslov. Omsk, 2006. 248 p. [in Russian]

Mazur, 2003 – Mazur, L.N. (2003). Ural'skaya derevnya v 1930-e – 1980-e gody: osnovnye tendentsii razvitiya sistemy rasseleniya [The Ural village in the 1930s - 1980s: the main trends in the development of the settlement system]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 4(33): 14-30. [in Russian]

Plotnikov, 2004 – Plotnikov, Yu. (2004). Zhizn' i sud'ba [Life and destiny]. Omsk, 256 p. [in Russian]

Rastashanskii, 2004 – Rastashanskii, F.K. (2004). Zemlya pri Aeve [Land under Aev]. Omsk, 228 p. [in Russian]

San'kov, 1994 – San'kov, M. (1994). Mar'yanovskii meridian. Ocherki istorii raiona [Maryanovskiy meridian. Essays on the history of the area]. Omsk, 190 p. [in Russian]

Tatarnikova, 2013 – Tatarnikova, A.I. (2013). Set' sel'skikh poselenii Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: masshtaby i sotsial'noe razvitie [The network of rural settlements in Western Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries: scale and social development]. Tobol'sk, 236 p. [in Russian]

Tatarnikova, 2019 – Tatarnikova, A.I. (2019). Naseleнные пункты Tobol'skoi gubernii: administrativnyi i samovol'nyi sposoby obrazovaniya i osobennosti razvitiya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Settlements of the Tobolsk province: administrative and unauthorized methods of formation and features of development in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 1: 17-27. [in Russian]

Tatarnikova, 2022 – Tatarnikova, A.I. (2022). The Network of Rural Settlements of the Tobolsk Okrug/Uyezd in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries: Scale and Infrastructure. *Bylye gody*. 17(3): 1227-1236.

Tatarnikova, Churkin, 2020 – Tatarnikova, A.I., Churkin, M.K. (2020). Agrarnaya kolonizatsiya Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraja v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian colonization of Western Siberia and the Steppe region in the socio-political discourse of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 1: 1-9. [in Russian].

Zenzin, 2018 – Zenzin, E.P. (2018). Atlas istorii Bol'sheukovskogo raiona [Atlas of the history of the Bolsheukovsky district]. Omsk, 96 p. [in Russian]

Zverev, Tatarnikova, 2005 – Zverev, V.A., Tatarnikova, A.I. (2005). Razvitie sel'skoi poselencheskoi seti Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: istoriografiya temy [Development of the rural settlement network of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: the historiography of the topic]. *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XIX – nachala XX vv.: sbornik nauchnykh trudov: k 60-letiyu professora V.A. Skubneuskogo*. Barnaul. Pp. 92-105. [in Russian]

Роль государственной политики и вольной колонизации в формировании сельской поселенческой сети Среднего Прииртышья в XVI – начале XX вв. (на материалах современной историографии)

Евгения Валерьевна Соколова^{а,*}

^а Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Омск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lev-15@mail.ru (Е.В. Соколова)

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса формирования сельской поселенческой сети Среднего Прииртышья в XVI – начале XX вв. Основное внимание автор уделяет анализу факторов, которые обусловили данный процесс: государственной политике в области освоения и заселения Западной Сибири в целом и Среднего Прииртышья в частности и вольной крестьянской колонизации. В работе выделяются ключевые точки в процессе формирования сельской поселенческой сети: основание тарской и омской крепостей, сооружение укрепительных линий, строительство Московско-Сибирского тракта, отмена крепостного права, строительство Транссибирской магистрали, Столыпинская аграрная реформа и влияние обозначенных факторов на каждой из выделенных точек. В ходе анализа широкого круга краеведческого материала были установлены даты основания сельских поселений, проанализированы географические, природно-климатические и социальные условия возникновения поселений и установлены векторы заселения территории. Автор приходит к выводу об органичном сочетании государственной политики и вольной крестьянской колонизации на протяжении конца XVI–начала XX веков, результатом которой выступает сложившаяся сеть сельских поселений на территории Омской области. На протяжении всего периода заселения территории каждый из выделенных факторов определял свой вектор движения переселенцев и тип основанных поселений (слобода, хутор и другие). В рамках вольной колонизации автор уделяет значительное внимание внутренней крестьянской миграции и показывает ее роль в формировании сети сельских поселений. Сочетание внутренней и внешней колонизации определялось особенностями территории, такими как сочетание таежных, лесостепных и степных районов, исторически сложившимся рисунком расселения коренного населения (первые русские поселенцы, казахи, сибирские татары) наличием крупных водных артерий (реки Иртыш, Тара, Омь, Оша, крупные озера), строительством тракта и железной дороги.

Ключевые слова: Омская область, Среднее Прииртышье, Западная Сибирь, поселенческая сеть, сибирская деревня, переселение.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1078-1090
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1078

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Mikhail Romanov's Diplomatic Preparation for the Smolensk War of 1632–1634

Yerzhan S. Zhambayev ^{a, *}, Nurzhan S. Saulen ^b, Zhanat D. Seilkhanov ^c, Azamat A. Kereev ^a

^a Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov, the city of Kokshetau, Republic of Kazakhstan

^b Institute of Parliamentarism, Astana city, Republic of Kazakhstan

^c Astana International University, Astana city, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the diplomatic preparation of Mikhail Romanov for the Smolensk War of 1632–1634, which took place during the pan-European Thirty Years' War, which covered the period from 1618 to 1648. The motives and goals of diplomatic relations between the Russian Kingdom, Sweden and the Ottoman Empire are investigated. The article analyzes the mutual political rivalry between the Swedish leader Gustav II Adolf and the Polish ruler Sigismund III, which eventually contributed to the rapprochement and cooperation between Moscow and Stockholm. In conclusion, the authors come to a number of conclusions, in particular, the goal pursued by Mikhail Romanov in diplomatic relations with the Ottoman Empire during the Smolensk War, to stop the invasion of the Crimean Tatars and, if possible, to get help against the Poles. In turn, negotiations with Sweden turned out to be beneficial for both sides, in foreign trade affairs, during these years Russia sold cheap and tax-free food and other goods only to Swedes. The authors also note that as a result of Mikhail Romanov's skillful diplomacy carried out during the 30-year war, the military system of the Russian Kingdom moved to the next stage of development.

Keywords: diplomacy, relations, Moscow, Sweden, Ottoman Empire, war, Europe, Poland, Habsburgs.

1. Введение

Сегодня среди многих западных исследователей недооценивается место России в истории Тридцатилетней войны. Конечно, это сначала объясняется тем, что Россия не участвовала в военных действиях на территории Священной Римской империи. В 1632 году Михаилом Романовым была начата Смоленская война против поляков, этим политическим шагом он внес свои собственные коррективы в отношения между враждующими странами Центральной Европы. Помимо ослабления мощи имперской власти в Центральной Европе через Смоленскую войну, до и во время войны антигабсбургские государства снабжались недорогим сырьем, необходимым для их армий. Учитывая объем такой материальной помощи и политические шаги Русского Царя, которые имели важное европейское значение, мы предлагаем рассматривать Смоленскую войну как конкретный этап 30-летней войны. Данный вопрос в советской историографии лег в основу исследовательских работ Вайнштейна и Поршнева. Тем не менее, на сегодняшний день в Западной, даже российской историографии беспристрастная оценка этого вопроса и проведение исследовательских работ все еще относятся к числу актуальных в мировой истории.

2. Материалы и методы

Материалами по теме исследования послужили разнообразные источники, касающиеся 30-летней войны и проблемы России, написанные на разных языках, и которые имеют разный вид

* Corresponding author

E-mail addresses: zhambaev_es@mail.ru (Y.S. Zhambayev)

содержания. Данные о подготовке к Смоленской войне, которая была одним из этапов 30-летней войны, мы решили разделить на следующие три группы:

- к первой группе данных можно отнести архивные документы. В ходе написания статьи максимально использованы архивные документы. Среди них можно назвать опубликованные документы Центрального Государственного архива древних актов ([Обзор посольских..., 1990: 240](#)). Данные документы содержали обширные сведения о политических отношениях между Россией и Польшей накануне Смоленской войны.

- труды государственных должностных лиц и воспоминания отдельных лиц. Следует отметить, что эта группа данных требует особой осторожности для исследователя. Это связано с тем, что отдельные люди создают такие конкретные произведения, полагаясь на свою способность писать и запоминать. Поэтому вполне возможно, что встречаются и косвенные данные. Среди них можно назвать работу Исаака Массы, которая имеет высокую ценность и также нами использована ([Исаак Масс, 1937: 208](#)). Он участвовал в развитии торговых дел между Москвой и Нидерландами, неоднократно бывал на русских землях. Его служба в Москве пришлась на начало XVII века. Поэтому в работе автора изложены причины обострения русско-польских отношений и история споров вокруг города Смоленска и северных районов России, отражена политическая и социальная ситуация на русской земле накануне Смоленской войны.

- основные сведения о Смоленской войне, несомненно, сохранились в русских летописях. Из числа летописей, изданных в годы Смоленской войны, использовано произведение «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича», изданное по указанию князя Оболенского ([Оболенский, 1853: 268](#)). В данном историческом произведении приводятся обширные сведения о политическом кризисе, произошедшем в России, и действиях польских властей на русской земле, которые начали вмешиваться во внутренние дела Москвы. Прежде всего, подрыв территориальной целостности России и выделение северных районов между двумя государствами выявили исторические предпосылки Смоленской войны. Также представляет научный интерес сочинение Ивана Оболенского «Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне. По запискам архидиакона Павла Алеппского» ([Аболенский, 1876](#)).

В процессе работы применялись как известные общенаучные методы (синтез, хронологический анализ, логический анализ, сравнительный, ретроспективный и т.д.), так и специфические для исторической науки методы исследования (историко-генетический, историко-системный и конкретно-исторический).

Хронологический метод исследования позволил проанализировать процесс дипломатической подготовки Михаила Романова к Смоленской войне 1632–1634 годов. С использованием метода логического анализа удалось исследовать мотивы и цели дипломатических отношений между Русским царством, Швецией и Османской империей. При помощи данного метода проанализировано сложившееся взаимное политическое соперничество между Шведским лидером Густавом II Адольфом и Польским правителем Сигизмундом III, которое в итоге способствовало сближению и сотрудничеству Москвы и Стокгольма.

3. Обсуждение

История России в этот период, ее место в Центральной и Западной Европе была представлена в книге Уолтера Лейтча «Moskau und die Politik des kaizerhofes im. XVII Jahrhundert» ([Leitsch, 1960: 289](#)) и Фердинанда Гроунебаума «Frankreich in Ost und Nordeuropa. Die französisch russischen Beziehungen von 1648–1689» ([Grönebaum, 1968: 128](#)). Кроме того, из ученых, сделавших четкий вывод о том, что Смоленская война занимала особое место в истории 30-летней войны, можно назвать Ж. Полисенского, в своей работе «The Thirty year war» он кратко остановился на истории Смоленской войны и попытался показать ее европейское значение ([Polisensky, 1971: 297](#)). Кроме того, также рассказывается история России в годы европейской войны и подчеркиваются особенности русско-польских отношений в трудах Пауля Дюкса «The making of Russian Absolutism 1613–1801» ([Dukes, 1982: 195](#)), Роберта Фроста «After Deluge. Poland – Lithuania and Second Northern War 1655–1660» ([Frost, 1993: 205](#)).

В целом об истории и связях накануне Смоленской войны между Москвой, Швецией и Османской империей можно назвать труд Н. Костомарова «Очерк торгового Московского государства в XVI и XVII столетиях» ([Костомаров, 1862: 301](#)). Кроме того, труд А.З. Мышлаевского «Офицерский вопрос в XVII веке (Очерк из истории военного дела в России)» богат конкретными данными о наемных солдатах, которые должны были решить судьбу Смоленской войны и военной системы в России накануне войны ([Мышлаевский, 1899: 53](#)). Кроме того, исследовательская работа И. Беляева «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим» также направлена на раскрытие хода Смоленской войны, которая была одним из этапов 30-летней войны, наряду с военной подготовкой накануне Смоленской войны ([Беляев, 1846: 118](#)). Также в трудах П. Никитина ([Никитин, 1848: 404](#)), Н.С. Голицына ([Голицын, 1878: 699](#)), А.Н. Куропаткина ([Куропаткин, 1910: 571](#)), Д.В. Цветаева ([Цветаев, 1913: 82](#)), И.П. Лыжина ([Лыжин,](#)

1857: 242), В.С. Иконникова были рассмотрены основные проблемы России в годы 30-летней войны (Иконников, 1889: 102).

4. Результаты

В преддверии русского периода 30-летней войны или в ходе дипломатической подготовки к Смоленской войне можно заметить, что между Москвой, Швецией и Османской империей усилились связи и усилились переговоры (Заборовский, 1981: 3-4). Конечно, взаимные политические отношения между Русским царством, Швецией и Османской империей в XVII веке осуществлялись не только в ходе 30-летней войны. В разные периоды истории отношения этих государств, установивших взаимные политико-экономические и духовные связи, развивались по-разному: во взаимной вражде они знали и друг о друге для определенной цели. Например, если напряженные отношения между Москвой и Стокгольмом в начале XVII века переросли в войну и, как следствие, были урегулированы в соответствии с Столбовским перемирием, принятым 27 февраля 1617 г. (Иконников, 1889: 173), то отношения между Москвой и Стамбулом в этот период развивались относительно мирно. В основном отношении этих стран формировались с точки зрения взаимовыгодных интересов. А накануне Смоленской войны напряженные отношения между Москвой и Польшей развивались в основном по одному характеру: то есть оба главы государства, видя друг друга явным противником, не считались со взаимными интересами и были убеждены, что в будущем будет война, которая определит отношения между двумя странами. Московские лидеры начали рассматривать новые пути возвращения всех северных районов и города Смоленска, которые перешли в состав поляков. Особенно эта задача усилилась на третьем этапе 30-летней войны. Следовательно, напряженная политическая ситуация между Москвой и Польшей, которая с начала XVII века вела длительные войны между собой, в этот период приобрела новый характер. Для Москвы, пережившей глубокий политический кризис, политическая напряженность, сложившаяся в Восточной Европе, оказала огромное влияние на подготовку против поляков. Дело в том, что ход подготовки к Смоленской войне, направленной против габсбургских поляков, сблизил с Москвой и другие антигабсбургские государства. Такую группировку государств следует сначала рассматривать в тесной связи с политикой, которую Польша придерживается в эти годы. С этой целью Михаилу Романову удалось определить основные направления внешней политики государства. Одним из них было сближение с государствами, считающимися авторитетными в Европе, которые придерживались политики против Польши, и обращение за их помощью. Со стороны Михаила Романова в числе таких государств большое значение придавалось ведению переговоров со Швецией и Османской империей. Поэтому между Михаилом Романовым, Густавом Адольфом II и Муратом султаном IV активизировались переговоры и возникла идея объединиться для достижения одной цели. Основная цель этих переговоров, проведенных в ходе 30-летней войны между 1618 и 1648 годами, заключалась в создании политического и военного союза против Габсбургской Польши, основанного на личных интересах этих трех государств. Михаил Романов, проводивший переговоры с таким смыслом, был вовлечен в политическую ситуацию в Центральной Европе и определил свое место в истории 30-летней войны.

В ходе 30-летней войны переговоры между этими тремя государствами начали проводиться в соответствии с грандиозными планами шведского лидера Густава II Адольфа и турецкого султана IV Мурата. Например, известно, что взаимная напряженность протестантов и католиков, начавшаяся в Священной Римской империи, положила начало 30-летней войне. Под предлогом восстановления интересов протестантов, растоптанных в ходе войны, Густав II Адольф имел возможность вмешиваться во внутренние дела империи. Этим он намеревался ослабить власть Габсбургов и окончательно взять на себя лидерство в Центральной Европе и Балтии. Однако этому мнению шведского лидера мешали несколько сложившихся обстоятельств. Густав II Адольф прекрасно понимал, что для победы над Габсбургами необходимо не только военное превосходство, но и ослабление их союзников. В то время одной из стран, которая также угрожала шведскому правительству, поддерживая Габсбургов, была Польша. В первые годы 30-летней войны польский лидер Сигизмунд III оказывал Габсбургам военную и иную помощь. Польша и Габсбурги как союзники были связаны заключенным между собой соглашением. Согласно этому договору, заключенному в 1613 году, Священная Римская империя и Польское государство заключили союз, оказывая друг другу военную помощь (Бобржинский, 1891: 174). Известно, что первый период 30-летней войны закончился победой Габсбургов и их союзника Польши. Конечно, эта победа позволила этим странам развиваться как в политическом, так и в материальном плане. И в это же время, эта ситуация, в свою очередь, представляла серьезную угрозу интересам Швеции в Прибалтике и правлению Густава II Адольфа в Швеции. Шведский лидер относился к Польскому государству не только как к союзнику Габсбургов. Между Густавом II Адольфом и Сигизмундом III в этот период сложилось взаимное политическое соперничество за шведское правление. Сигизмунд III собирался захватить политическую власть в Швеции. Конечно, эти намерения польского лидера не обосновательны. Сигизмунд III был сыном Юхана III, правителя Швеции. Несмотря на смерть короля Швеции Карла IX и приход к власти Густава II Адольфа, Сигизмунд III не оставил своих

попыток стать шведским лидером. Конечно, эта его попытка, вероятно, означала непризнание власти Густава II Адольфа, избранного королем. Поэтому Густав II Адольф должен был положить конец угрозе, исходящей от польского государства, и эти действия шведского лидера переросли в войну между двумя странами. Накануне и во время войны между Швецией и Польшей Густав II Адольф сблизился и начал переговоры с Михаилом Романовым. Следовательно, можно сделать вывод, что попытка Сигизмунда III захватить власть в ходе 30-летней войны способствовала ведению переговоров между Швецией и Москвой. В то время как сближение Швеции и Москвы было вызвано такими проблемами, которые были важны для Швеции, можно также выделить несколько причин намерения Османской империи и Москвы объединиться в один союз. Однако, как и у шведов, причины объединения турок с русскими оказались напрямую тесно связаны с политикой, которой придерживается Польша. Среди исторических предпосылок, которые привели к намерению Османской империи и Москвы объединиться, можно назвать вопрос о казаках, которые зависели от Польши. Даже после мирного перемирия, принятого в 1623 году между Османской империей и Польшей, казаки постоянно создавали негативные условия для Османской империи. Нападая на владения империи вдоль реки Дунай, он нанес огромный ущерб торговым путям Стамбула. Район Босфорского пролива также подвергся нападению казаков. Однако такие грабительские нападения казаков со временем становились похожи на попытки вмешаться во внутреннюю политику Османской империи. В частности, противостояние султана с крымскими татарами, зависимыми от Османской империи, стало угрозой для Стамбула. Чтобы остановить объединенные действия крымских татар и казаков, Стамбул назначил Джанибека крымским ханом. Однако он потерпел поражение от объединенных сил татар и казаков, в результате чего Махмут Керей и его младший брат Шахин сохранили власть в стране. А дружба Шахина с Ираном считалась опасной для Османской империи (Финкель, 2010: 298). После дружеских связей между Шахином и Ираном крымские татары отказались вступать в войну против персов. А учитывая, что связи между Османской империей и Ираном находились в состоянии войны, такое поведение татар, несомненно, изменило политику султана в отношении казаков и поляков. Таким образом, действия казаков, оказавших поддержку крымским татарам в первой четверти XVII века, обострили связи между Османской империей и Польшей.

Еще одна причина, которая проложила путь к установлению переговоров между Москвой и Стамбулом, может быть связана с попыткой Трансильванского Бетлена Габор стать королем Польши в ходе 30-летней войны. Конечно, назначение Бетлен Габор польским королем было в интересах как Москвы, так и Османской империи, а также Швеции. Это связано с тем, что, поддерживая его такие действия, Москва и Стамбул, в свою очередь, смогли легко избежать угрозы, исходящей от Польши. Кроме того, шведы также оказали большую поддержку этому плану Бетлен Габор. Следовательно, после 20-х годов XVII века между Москвой, Стамбулом и Стокгольмом начали идти взаимные переговоры против Варшавы. Однако смерть Бетлен Габор 15 ноября 1629 года изменила ситуацию. Но между Москвой, Стамбулом и Стокгольмом, которые действовали по плану Бетлен Габор, проложили путь к переговорам дружеского характера. После плана Бетлен Габор между Москвой и Стамбулом были предприняты искренние попытки объединиться в единый союз. Между собой происходит обмен послами, составляется и план войны.

Религиозный фактор также повлиял на начало переговоров между Османской империей и Москвой. В составе Османской империи находились в подчинении несколько государств, выбравших Христианское направление. Контакты православных греческих религиозных лидеров с русскими православными также повлияли на сближение Стокгольма и Москвы, создав условия для свободного развития переговоров. Таким образом, представители православного христианства стали орудием политики. Даже Константинопольский патриарх Иеремей, прибывший в Москву еще в конце XVI века, обязался донести до русского правителя информацию, касающуюся ситуации в Османской империи. Дружеские отношения между московскими лидерами и Константинопольской церковью продолжались и при Царе Михаиле Романове. Например, политический кризис в Русском царстве начала XVII века закончился, и Михаил Романов с царской волестью направил посольство в Стамбул. В 1615 году в работе апостолов во главе с П. Мансуровым и С. Самсоновым оказана большая помощь имперскому патриарху. Между двумя политическими силами он занимал языковую должность, еще раз доказывая свою близость к московским властям (Флоря, 1990: 8-9). По нашему мнению, возрождение переговоров между Османской империей и Русским царством тесно связано с приходом Кирилла Лукариса на службу Константинопольскому патриарху. В целом известно, что 30-летняя война произошла в результате преследований протестантов католической династией Габсбургов. Кроме того, католическая Польша, считавшаяся союзником Габсбургов в ходе 30-летней войны, также стремилась максимально ограничить права православных в принадлежащих ей регионах. Поэтому религиозный и политически грамотный Лукарис задумал сблизиться с Москвой для решения проблемы православных. Конечно, этот поступок подчиненного патриарха не противоречил интересам Османской империи. Напротив, с помощью патриарха он начал вести переговоры с Москвой против поляков. Основная цель заключалась в том, чтобы разрешить напряженную ситуацию с Польшей в интересах Османской империи. По этой причине действия греческих православных строго контролировались султаном, и переговоры между Лукарисом и Москвой

должны были идти исключительно в интересах Османской империи. Поэтому православная вера, сближавшая патриарха Лукариса и Михаила Романова, не смогла окончательно объединить Османскую империю и Москву в одну цель. Последующие события показали, что православная вера служила лишь вспомогательным фактором, облегчающим ход переговоров между Стамбулом и Москвой. Основной целью переговоров была защита имперских интересов. Тем не менее Швеция и Османская империя также вели переговоры с учетом своих интересов, желая видеть Москву своим союзником. Следует отметить, что жесткая политика Польши накануне 30-летней войны была направлена как против Швеции, так и против Русского царства. Хотя отношения между Москвой и Варшавой были урегулированы перемирием, все же, когда дело касалось вопроса о власти в Русском царстве, ситуация становилась все более напряженной. Даже для разрешения напряженных отношений в свою пользу после Столбовского перемирия Михаил Романов задумал объединиться со Швецией. Михаил Романов направил посольство в Швецию и передал предложения Густаву II Адольфу. Эти предложения русского царя в ходе русско-польской войны не были поддержаны Густавом II Адольфом: а целью союза, который должен был быть создан, было противостояние Польше (Оболенский, 1853: 206). Следовательно, предпосылка рассматриваемой нами проблемы уже сложилась. Учитывая сопротивление русских властей Польше и угрозу польского царя Сигизмунда III Швеции и Османской империи, Густав II Адольф и Мурат IV пытаются эффективно вести переговоры с Михаилом Романовым в ходе 30-летней войны.

С этой целью Густав II Адольф послал к русскому царю Михаилу Романову специального посланника во главе с Феодулом Фастамом. Основная цель посольства заключалась в том, чтобы убедить московские власти объединиться против польского лидера: однако Царь Михаил отклонил предложение этого посольства. Объяснял его причину мирным перемирием с Польшей и сообщал, что он обязательно воюет во время истечения срока перемирия (Форстен, 1894: 189-190). Из этих данных следует, что Русский Царь Михаил Романов сохранял верность Деулинскому перемирию с поляками: ведь в соответствии с перемирием между Москвой и Польшей должны были установиться мирные отношения на четырнадцать с половиной лет. На наш взгляд, на неподдержку Царем Михаилом Романовым предложения шведского лидера повлияли и другие обстоятельства. Например, политический кризис в стране, еще не завершённый, и неготовность государства к великой войне, а главное – к войне с поляками, не были в ближайших планах Михаила Романова. По этой причине первые предложения Густава II Адольфа не были поддержаны московскими властями. В свою очередь, Османская империя также отправила посла, предложив Русскому Царю досрочно начать войну против поляков. В истории переговоров между Османской империей и Москвой можно выделить имя посла по имени Фома Кантакузин. За эти годы он неоднократно представлял Османскую империю на приеме у Михаила Романова. Фома Кантакузин отправился в Москву в качестве посла по предложению Патриарха Лукариса. Приложив усилия по объединению своей деятельности двух государств в общие интересы, он неоднократно бывал в Москве. Его первый визит в Москву состоялся в 1621 году (Markiewicz, 2004: 116). В 20-е годы XVII века отношения между Османской империей и Польшей находились в состоянии войны. В ходе этой миссии посольство должно было вывести Москву на свою сторону и потребовать, чтобы Царь Михаил Романов не помогал полякам. Понятно, конечно, что полякам, ставшим их соперниками, Михаил Романов не поможет. Достигнув ясного взгляда на этот вопрос, Фома Кантакузин попытался убедить главу Москвы начать войну против Польши (Роман, 2009: 13-14). Однако по причинам, о которых мы упоминали выше, это предложение Кантакузина также не получило поддержки со стороны Михаила Романова. Очевидно, что эти предложения были вызваны личными интересами шведских и турецких лидеров. Но эти мысли были скрыты от Польши под предлогом общей политической угрозы.

Таким образом, мобилизовав Москву на войну против Польского государства, которое было их политическим соперником, Царь Михаил Романов намеревался не вмешиваться в планы Швеции в Европе и Османской империи в Иране. Конечно, в случае продуктивных переговоров Польское государство должно было быть вовлечено в войну в Восточной Европе и заключить с ними неэффективное перемирие, но эти попытки не увенчались успехом. Тем не менее, чтобы вернуть Смоленск, Михаил Романов прекрасно понимал, что не стоит разрывать связи со Швецией и Османской империей такого содержания. С целью усиления связей с империей через год во главе с И.Г. Кондыревым и Т. Бормосовым отправят послов в Стамбул (Обзор посольских..., 1990: 116). Конечно, целью этого посольства не было создание союза против поляков. По нашему мнению, через посольство Михаил Романов и патриарх Филарет намеревались установить тесные связи с Османской империей. Через такие взаимосвязи он думал о создании политического союза против поляков в будущем. Так начался первый обмен послами в 20-х годах XVII века и начало объединения Стамбула и Москвы против общей проблемы. Но первые посольства, организованные Османской империей и Москвой, проводились исключительно с целью определения политики друг друга в отношении Польши. По данным первых посольств, лидеры Османской империи и Москвы выяснили, что друг другу удалось стать союзниками в войне против поляков.

Так в ходе 30-летней войны или накануне Смоленской войны стали проводиться первые переговоры. Интересно, что наряду со шведским и турецким лидерами в летний месяц 1625 года в

Москву приезжали и послы Польши. Посольство состояло из семидесяти человек. Цели заключались в том, чтобы вовлечь Москву в войну против шведов, заключив союз с Польшей. В случае если московские лидеры приняли бы предложение Польши, между двумя странами должен был быть заключен договор о вечном мире, а северные районы должны были перейти в состав Русского царства. Кроме того, против шведской армии просят 40 000 или 50 000 солдат. Однако ни одно из этих предложений польского посольства не было поддержано москвичами. Напротив, среди сотрудников королевского двора часто высказывались мнения о слиянии со Швецией (Форстен, 1894: 206-208). Судя по всему, Швеция и Польша одинаково старались стать союзниками Русского царства. Таким образом, обе стороны намеревались использовать русскую армию в своих интересах. Конечно, этот поступок польского короля был препятствием для переговоров, которые велись против него. Это связано с тем, что в эти годы польская армия была прочно вовлечена в войны на Земле Священной Римской Империи. У них также были цели-стать сильным государством в Европе в союзе с Габсбургами. Кроме того, важным для поляков считалось удержание завоеванных у Москвы северных районов и города Смоленска. Любое государство стремится навсегда сохранить в своем составе территорию, завоеванную у другой страны. Это потому, что такие земли были захвачены для них не простыми переговорами, а войнами, которые увеличивали человеческие потери. То же самое для поляков. Поэтому одним из способов выхода из сложившейся ситуации без поражения поляков было призвать самих москвичей к союзничеству и тем самым сохранить мирные отношения до окончания войны на земле империи.

После того как предложения польских послов не были поддержаны русскими лидерами, такие предложения не повторились. Напротив, Густав II Адольф и турецкий султан много раз пытались переманить Москву на свою сторону. Конечно, в исторически относительном отношении появление Шведско-Русского союза было вполне возможно. Известно, что в начале XVII века существовал Шведский и Русский союз, и этот союз был создан против Польши (Исаак Массе, 1937: 175). Поэтому попытки Густава II Адольфа установить такие отношения тоже не обосновательны. Так, в 1626 году шведский лидер снова организовал посольство в Москву. Ревель, Броман и фон Унгерн, возглавлявшие посольство, уполномочены на особый порядок ведения переговоров со стороны Густава II Адольфа. Политическая подоплека переговоров между Швецией и Москвой была особенно заметна в работе этого посольства. Послы должны были по поручению Густава II Адольфа наиболее серьезно отнестись к политике Польши в отношении Русского царства. Также для этого послы знакомят Михаила Романова с планом на будущее Объединенных сил Польши и Австрии. По плану Австрия планировала захватить все европейские государства, а Польша с течением времени – Швецию, Данию и Русское царство. По таким сведениям, угрожавшим политической независимости Русского царства, Густав II Адольф задумал сделать Москву своим союзником (Богданович, 1853: 208-210).

Таким образом, накануне 30-летней войны Швеция по разным причинам политического значения пыталась сделать Москву союзником и противостоять Польше. Однако переговоры оказались не столь продуктивными, как предполагал Густав II Адольф. Московские лидеры снова отклонили предложение шведского лидера, который намеревался выступить против Польши. Правда, вопрос о взаимном политическом союзе Швеции и Русского царства окончательно не решен. В ходе шведско-польской войны Москва не отправила ни одного солдата на войну. Однако Михаил Романов поддерживал мирные отношения со Швецией. Густав II Адольф без помощи Москвы смог покорить своей воле Польшу. Глава Швеции достиг поставленных целей. Сигизмунд III отказался от шведского правления и признал свое поражение. Затяжное противостояние между шведами и поляками было решено в пользу шведов. Густав II Адольф не только признал свою власть, но и завоевал 15 польских замков (Аболенский, 1876: 172). В ходе войны между шведами и поляками сложились благоприятные условия для Русского царства. Но, как показали более поздние события, московские лидеры не смогли эффективно использовать предложения турок 1621 года и шведов 1626 года против поляков. Это связано с тем, что в результате слияния с турками и шведами Москва имела большие возможности вернуть Северные районы и Смоленск раньше. Даже при объединении с поляками Северные районы по соглашению перешли бы в состав Москвы. Однако предложения двух стран были отклонены, и политика Москвы в этом вопросе затянулась. Для Михаила Романова шведы были надежным союзником. Известно, что шведско-польские отношения в этот период развивались в напряженной обстановке. Михаил Романов отметил, что необходимо сохранить мирное перемирие с двумя государствами и основательно подготовиться к войне. Конечно, накануне Смоленской войны Михаилу Романову было мало, чтобы он полагался на помощь только шведов. Поэтому в этот период укрепились связи с Османской империей и начал интенсивно проводиться посольский обмен. Следует отметить, что отношения между Османской империей и Польшей не носили постоянного характера. Хотя турецкие и польские лидеры признали друг друга соперниками, во многих случаях они заключали взаимовыгодные соглашения. Польские лидеры, чувствуя силу Османской империи, опасались турецкого вторжения, султан в свою очередь не считал целесообразным длительное противостояние с поляками. Но чтобы политика польских лидеров проводилась в интересах турок, Султан пошел на переговоры с русскими властями и попытался усложнить международное положение Польши. Одним из событий, сближавших Османскую империю и Москву накануне

Смоленской войны, вновь стал поступок крымских татар, подчиненных империи. Как мы уже отмечали, ханом крымских татар, подчинявшимся Османской империи, стал Махмуд-Керей. Махмуд-Керей, который установил тесные отношения с иранским шахом Аббасом, соперником Османской империи, во многом полагался на помощь запорожских казаков и сопротивлялся силе империи. Стремилась создать самостоятельное ханство. Турецкий султан решил, что Польша также оказывает влияние на эту политическую ситуацию, сложившуюся в подчиненном ему регионе. Поэтому был поднят вопрос о развязывании войны и против поляков, чтобы остановить объединенные силы крымских татар и казаков. Конечно, это, в свою очередь, привело к возобновлению переговоров между Стамбулом и Москвой, которые начали формироваться. В 1627 году имперское посольство во главе с Ф. Кантакузином, А. Челибеем и Ахметом беем прибывает в Москву ([Обзор посольских..., 1990: 116](#)). Работа посольства завершится 13 декабря соглашением о создании русско-турецкого союза. Для Михаила Романова это предложение султана было очень важным. Поэтому он выражает свою готовность к объединению в политический союз, весной 1628 года, отправив посольство во главе с С. Яковлевым и П. Евдокимовым ([Флоря, 1998: 98](#)). Но результативное окончание войны, начатой турецким султаном против крымских татар, приведет к переменам в русско-турецких переговорах. Свергнув Махмута-Керея, султан не спешил развязывать войну против поляков. Следовательно, между Османской империей и Польшей устанавливается временный мир. Конечно, после подчинения крымских татар своей воле и уменьшения угрозы со стороны поляков перед султаном стояла задача урегулировать конфликт с шахом Ирана. Персидский вопрос отдалил султана от политики в Восточной Европе, но султан пытается вовлечь Москву в войну с Ираном. Конечно, для Михаила Романова было важно сделать отношения с поляками односторонними, и объединение с Османской империей против персов не входило в его планы. Поэтому план сделать Москву союзником против Ирана не достиг своей цели. Со временем, когда контакты с Польшей начали терять дружеский характер, в Москву снова было отправлено посольство, и вопрос о войне снова начал подниматься. Имперское посольство во главе с Кантакузином, которое преследовало различные интересы, прибыло в Москву в июне 1630 года. Ф. Кантакузин передал Михаилу Романову предложения султана и сказал, что Османская империя напала на Крым, победила казаков и теперь будет вести войну против Польши. Правда, в летние месяцы 1630 года на юг Польши начали прибывать солдаты империи и военно-морские силы империи по реке Дунай. После этого послания, которое было благоприятным для Москвы, Ф. Кантакузин от имени Султана высказывает предложение о том, чтобы в войне участвовали и русские солдаты. Естественно, такое предложение получило поддержку со стороны Михаила Романова и Филарета, и Москва начинает подготовку к войне с поляками. Однако в период этих переговоров между Османской империей и Польшей снова будет заключено мирное перемирие. Конечно, польские лидеры опасались появления политического союза между двумя странами, поскольку отношения между Москвой и Стамбулом носили дружеский характер. А решением обостренной ситуации стало восстание казаков, начавшееся в Украине весной 1630 года. Известно, что главной причиной обострения отношений между Османской империей и Польшей в этот период является проблема казачества. Поэтому в целях изменения политики империи, которой она придерживалась, поляки пытались подавить восстание и проинформировали об этом Османскую империю. Этим актом польские лидеры выразили желание дружеских отношений с империей ([Флоря, 1998: 103-104](#)).

Правда, эти действия польских лидеров разрешили напряженную ситуацию между турками и поляками, и два государства заключили договор о перемирии. Однако наиболее ослабили русско-турецкие отношения в этот период. Идя на такой шаг, султан вообще не считался с интересами Москвы. Конечно, это можно объяснить тяжелым положением Османской империи в этот период и тем фактом, что империя вела военные действия против Ирана, но неоднократные предложения Москве и быстрое изменение своего политического решения с течением времени должны были вызвать недоверие. Однако Михаил Романов до недавнего времени поддерживал предложения Османской империи, несмотря на приверженность такой нестабильной политике. Благодаря этому можно заметить, что война с поляками, которая была важна для Москвы, имела большое значение и что стремление к союзу с Османской империей было высоким. Намерение Османской империи вступить в союз с Москвой возникло не только из-за сложившейся ситуации, но и имело большое значение для нее. Для Османской империи наиболее актуальным вопросом стало продуктивное урегулирование отношений с Ираном. В целом иранское завоевание Ирака, Азербайджана, Восточной Грузии и Армении, находившееся под властью Османской империи в начале XVII века, вызвало военные действия между двумя странами. Эти военные действия оказались непродуктивными для Османской империи. Поэтому туркам пришлось заключить перемирие с Ираном ([Петросян, 1990: 173-174](#)). Эта война, которая длилась несколько лет, негативно сказалась на социально-экономическом положении Османской империи. В Османской империи также возникли внутренние трудности. В результате восстания простых людей были убиты лучшие сподвижники султана Мурата IV. Жители выступали против политики, проводимой в империи, и среди них широко распространялись разговоры об ограничении власти Мурата IV. Только проводя жесткую политику, Мурат IV смог установить мир на территории империи и установить свою личную власть ([Лорд, 1999:](#)

325-330). Поэтому предложения поляков, которые пытались установить дружеские отношения с Османской империей, пообещав подавить казачье восстание на Украине, были вынуждено приняты султаном. Швеция и Франция также предприняли несколько попыток, чтобы изгнать Польшу, которая была союзником Габсбургов через Османскую империю, из-за политической напряженности в Центральной Европе. В частности, в начале 1630 года Османская империя пыталась противостоять Польше. Однако трудно сказать, были ли эти действия продуктивными. Это связано с тем, что отношения между Османской империей и персами развивались напряженно и переросли в войну в 1630–1638 годах (Polisensky, 1971: 215-216). Поэтому для Османской империи было важно наладить отношения с Ираном. Конечно, такое развитие событий негативно сказалось на плане войны Москвы против поляков. Однако переговоры между Османской империей и Москвой вновь активизировались накануне Смоленской войны. А после победы над поляками шведский вождь Густав II Адольф вступил в войну непосредственно против Габсбургов. Его действия получили название шведского периода 30-летней войны. Конечно, победа шведов над поляками и развязывание войны против Габсбургов, в свою очередь, снизили шансы на создание шведско-русского политического союза. Однако Густав II Адольф также нуждался в материальной помощи Михаила Романова в ходе войны против Габсбургов. Кроме того, Густав II Адольф прекрасно понимал, что срок заключенного перемирия с поляками истечет со временем, и поэтому не возражал против создания русско-шведского политического союза. Михаил Романов снова попытался сблизиться с Османской империей в то время, когда начался шведский период 30-летней войны, с целью разрешения в свою пользу войны, направленной против поляков при поддержке Швеции. Такой политический шаг Михаила Романова, вероятно, означал, что отношения между Османской империей и Польшей все еще развивались в напряженной обстановке. У Михаила Романова есть все основания для такого политического шага. Ранее напряженность между Османской империей и Польшей была разрешена после польского обещания положить конец казачьему восстанию на Украине. А польские солдаты, наказывающие повстанцев, не смогли организовать продуктивные атаки на украинской земле. Польские солдаты во главе со Станиславом Конецпольским потерпели поражение от повстанцев в решающей битве 25 мая и были вынуждены прийти к Переяславскому перемирию 1630 года. Согласно перемирию, казаки получили несколько привилегий и вынудили польских лидеров считаться с ними (Грушевский, 1922: 65-80). Следовательно, учитывая, что поляки не смогли выполнить свое обещание перед Османской империей, наступил момент возвращения Смоленска, Михаил Романов снова начал добиваться сближения со Стамбулом. Конечно, для Москвы помощь Османской империи в войне против Польши была особенно важна. Это связано с тем, что Москва, начавшая к тому времени выходить из кризиса, нуждалась в военной помощи Османской империи, влияние которой на европейскую политику преобладало. Кроме того, Михаил Романов также был убежден, что турецкий султан, придерживавшийся Габсбургской политики против поляков, будет оказывать военную помощь Москве в ходе Смоленской войны. Поэтому летом 1632 года в Стамбул было отправлено посольство во главе с А. Прончишевым и Т. Бормосовым (Флоря, 1990: 107-110). Для Михаила Романова было важно, чтобы турки оказывали русским военную помощь в Смоленской войне. Однако турецкий султан, несмотря на то, что враждовал с поляками, тем не менее не стремился оказать реальную помощь Михаилу Романову. В то же время Михаил Романов все еще надеялся получить военную помощь со стороны турок в ходе Смоленской войны. Вероятность возникновения политического союза между Швецией и Москвой была выше, чем с турками. Переговоры со Швецией, помимо военной помощи, были направлены на решение других важных вопросов. Например, наряду с переговорами о взаимном политическом союзе против Польши, шведские послы должны были принести информацию о внешней торговле с Русским царством. Причина этого заключалась в желании Густава II Адольфа привлечь Русского Царя к экономической помощи в случае отсутствия взаимного Союза. Поэтому переговоры, которые велись в шведский период 30-летней войны, также преследовали экономические интересы. Таким образом, Москва должна была оказывать экономическую поддержку Швеции в войне против Габсбургов. В этой связи каждому послу, отправившемуся из Швеции в Москву, были поручены особые задания. Например, послы, отправившиеся в 1626 году, должны были принести сведения о ценах на хлеб в Русском царстве, торговых путях и внутривнутриполитическом положении страны (Форстен, 1894: 208-210). Зная экономическое положение Москвы, Густав II Адольф рассматривал способ покупки дешевых продуктов питания у русского правителя в условиях войны. Следовательно, с помощью можно убедиться, что экономическое содержание переговоров Густава II Адольфа с Москвой в ходе 30-летней войны также преобладает. Конечно, для эффективного ведения боевых действий, важно решать материальные проблемы солдат. Это связано с тем, что из-за ухудшения материального положения солдат мирные жители испытывали большие трудности. Для Густава II Адольфа покупка у Русского царства дешевого хлеба для военных нужд во время войны была большим подспорьем. В основном экономика Москвы в этот период была напрямую связана с торговлей. Налог, взимаемый с иностранных и местных торговцев, составлял часть московской казны. Ряд европейских государств также были очень заинтересованы в торговых делах на территории Русского царства. Из-за роста стоимости пшеницы в Европе покупка дешевого русского хлеба считалась для них выгодной.

Конечно, это, в свою очередь, усилило желание нескольких европейских государств торговать на территории Русского царства. Соперниками в этом вопросе оказались Франция, Англия, Голландия, Дания и Швеция. Торговцы стали сотрудниками, которые не только преследуют свои интересы, но и участвуют в ведении государственных дел. Купцы из разных стран, занимавшиеся торговлей на территории Русского царства, доводили до своего государства несколько сведений о внутреннем состоянии Москвы, создавая условия для правильности принимаемых в отношении этого государства решений. Следовательно, купцы, помимо торгового дела, также успешно выполняли шпионские или дипломатические функции. Хотя их деятельность на русской земле была выгодна для их страны, она отрицательно сказалась на работе местных торговцев. Взаимная конкуренция европейских государств вокруг дешевой пшеницы со временем прекратилась, и возникло взаимное соглашение между Москвой и Швецией. Например, Монье, шведский посол, приехавший в Москву в 1629 году, получает разрешение от московских руководителей покупать хлеб по низкой цене. Даже Михаил Романов настаивал на том, чтобы хлеб, продаваемый в Швеции, не облагался налогом. Кроме того, считалось, что это действие имеет политическое значение. Поэтому именно Михаил Романов разрешил продавать Швеции 75 тыс. ржи и 4 тыс. проса (Поршнева, 1976: 212-215).

В ближайшее время московские лидеры запретили продавать пшеничную продукцию Франции, Англии, Голландии и Дании. Так, 1 сентября 1631 года была введена государственная монополия на продажу пшеницы. Теперь по согласованным ценам пшеницу стали отгружать в Швецию только через город Архангельск. Это были хорошо спланированные действия. Для этого Русское царство должно было получить военную помощь от Швеции. Наряду со Швецией несколько европейских государств хотели получить разрешение главы Москвы, предложив взаимовыгодные обмены и различные экономические предложения для покупки русского хлеба. Однако из множества предложений важным для Царя Михаила Романова было предложение Швеции обменять оружие и военных специалистов на дешевый русский хлеб (Костомаров, 1862: 197-202). В результате переговоров, которые начали проводиться после 1620-х годов, и соглашения, заключенного между двумя государствами, Москва согласилась продавать Швеции продукты из пшеницы по более низкой цене. Вопрос о покупке таких недорогих продуктов в Русском царстве стал делом государственного значения. Например, дело шведского лидера по ведению торговой политики в Москве было поручено Юхану Меллеру. Естественно, Общественно-политическая деятельность Юхана Меллера в Москве тесно связана с защитой шведских интересов. Однако его деятельность в Москве длилась недолго. В 1631 году он был назначен на эту должность, а в 1632 году умер. Тем не менее, его деятельность в течение этого года была продуктивной, и Швеция закупала зерно у Москвы по низким ценам (Коваленко, 2010: 81). Следовательно, торговый оборот между Швецией и Русским царством составляли предметы, которые считались дорогими для Западной Европы.

Таким образом, в ходе 30-летней войны товарооборот между двумя странами начал широко развиваться. Большой вклад в развитие торгового дела между двумя государствами внесли торговые дворцы, которые начали строить после Столбовского перемирия. В торговых дворцах, построенных после 1627 года в Новгороде и Москве, шведские послы выполняли дипломатические и шпионские задания и следили за развитием торговых дел (Коваленко, 2010: 86). Объем торговли между Русским царством и Швецией в ходе 30-летней войны был выше, чем в другие годы. В основном эти торговые дела, выгодные Швеции, велись между 1628 и 1633 годами. В частности, объем продукции, продаваемой Швеции без налогов, был высоким в 1630 году (Вайнштейн, 1947: 224-229). Густав II Адольф в войне против Габсбургов не только обеспечивал шведских солдат дешевым русским хлебом, но, в свою очередь, также занимался продажей дешевого русского хлеба на Амстердамском рынке по четырехкратной цене (Polisensky, 1971: 224-229). Следовательно, в результате переговоров между Михаилом Романовым и Густавом II Адольфом накануне Смоленской войны Москва стала союзником Стокгольма, оказавшим надежную материальную помощь в войне против Габсбургов. Сделав такой шаг, московские лидеры оказали огромную помощь Швеции, вступившей в 30-летнюю войну. Безналоговые продажи продукции оказались весьма выгодными для шведской казны. С разрешения Михаила Романова Густав II Адольф сэкономил шведские средства и вселил уверенность в своей победе в будущей войне против Габсбургов. Правда, по низким ценам торговые дела велись не в интересах русского народа. Обострились внутренние социальные условия, произошло повышение цен на хлеб. Это, в свою очередь, вызвало недовольство простых жителей северных регионов Русского государства (Широкард, 2008: 80).

Так, вступив в 30-летнюю войну, шведский лидер получил из Русского царства большую часть пшеничной продукции и прочего необходимого по низким ценам. Конечно, благодаря материальной помощи, оказанной шведскому лидеру, русские власти также намеревались достичь выгодных для себя условий. По истечении срока договора перемирия с Польским государством Михаил Романов имел намерение продолжить военные действия (Оболенский, 1853: 189-190). Учитывая, что он начал готовиться к Смоленской войне с Польшей, в этот период для Русского царства потребовалась военная помощь от Швеции. Поэтому для московских руководителей дело о солдатском и оружейном деле из Швеции было важнее многих других вопросов. В результате военных реформ Густава II Адольфа шведская армия стала сильной державой Европы. Подходы шведской армии к ведению

войны также стали образцом для многих государств. Известно, что военные действия Густава II Адольфа, который начал вмешиваться во внутренние дела Священной Римской империи, также увенчались успехом. Первая победа протестантов также тесно связана с именем Густава II Адольфа. Поэтому московские лидеры начали брать в Русское царство оружейников и оружие из Швеции. Как мы уже отмечали, если из Москвы в Швецию отправляли пшеничную продукцию, то самым перевозимым в Москву из Шведского государства было железо (Костомаров, 1862: 39). Конечно, можно сказать, что под железом подразумевается оружие. Известно, что шведское военное снаряжение, которое развило военную дисциплину и методы ведения войны, также стали образцом для подражания. Кроме того, Москва также успешно начала решать вопрос о привлечении солдат в будущую войну с Польшей. С целью наращивания сил на войну против Польши со стороны Москвы организованы различные посольства. Одним из них можно назвать посольство Ф. Племянникова и А. Аристова, которые накануне Смоленской войны вели переговоры с Густавом II Адольфом на германских землях (Сташевский, 1919: 204). В свою очередь, Густав II Адольф тоже пытался помочь, считаясь с интересами московских лидеров. Конечно, помощь шведского лидера, одержавшего победу от Балтийского моря до германской земли, была необходима Москве для того, чтобы вернуть себе города и принадлежащие ей владения, которые были переданы Польше во время кризиса власти (Dukes, 1982: 202-203). С этой целью накануне Смоленской войны Михаил Романов вновь организовал посольство в Стокгольм. Это посольство подвело итоги переговоров Густава II Адольфа и Михаила Романова накануне Смоленской войны. Основной целью посольства было сделать Швецию своим союзником против Польши и получить военную и финансовую помощь (Форстен, 1894: 435). Михаил Романов считал, что деятельность этого посольства, организованного накануне Смоленской войны, будет успешной. Кроме того, хотя окончательно не было решено, будет ли Швеция и Османская империя оказывать помощь Москве в ходе Смоленской войны, их ненависть к полякам считалась выгодной для Москвы. Для Михаила Романова помощь Швеции и Османской империи в войне против поляков имела ключевое значение. Но поскольку переговоры с двумя странами затягивались слишком долго, Михаил Романов, руководствуясь сложившейся политической ситуацией, развязал Смоленскую войну, которая ослабила взаимоотношения поляков и Габсбургов.

По нашему мнению, московские лидеры пытались удовлетворить свои потребности с помощью материальной помощи, которую они оказывали Швеции в течение 30-летней войны: особенно успешными были поставки в Русское царство военных специалистов и военного снаряжения. Кроме того, Смоленская война имела свое значение и в истории. Хотя вопрос о создании политического союза против поляков окончательно не решен, накануне Смоленской войны шведы и турки по-прежнему оставались сторонниками Москвы. Через своих шведских сторонников накануне Смоленской войны Михаил Романов провел радикальные изменения в русской армии.

5. Заключение

Таким образом, по итогам проведенного исследования мы приходим к следующим выводам:

1) Очевидно, что Смоленская война была значимой и обязательной не только для Антигабсбургских европейских государств, но и для Османской империи и России. Следовательно, мы считаем, что политические позиции и принимаемые решения Москвой в эти годы имели определенное значение. Михаил Романов был заинтересован в тесном контакте с Османской империей. Цель состояла в том, чтобы сохранить дружеские отношения с Османской империей в годы Смоленской войны, остановить нашествие крымских татар и по возможности получить помощь против поляков.

2) Переговоры со Швецией оказались выгодными для обеих сторон, что привело их к взаимной торговле в качестве союзников. Следовательно, есть все основания полагать, что «обмен товарами, которые компенсировали бы необходимость войны, был успешным, хотя объединенных военных действий русско-шведского политического союза против поляков не произошло». Россия предоставила шведам крупнейшую помощь в истории 30-летней войны, направленной против династии Габсбургов. Во внешнеторговых делах Россия в эти годы продавала дешевые и безналоговые продукты питания и другие товары только шведам.

3) Можно сказать, что сильная военная система и материально-техническая основа России сложились в ходе подготовки к Смоленской войне. Политика государства по вооружению и увеличению численности солдат, реализованная в больших масштабах, в будущем стала фундаментом регулярной русской армии и ее передовой технической подготовки. Основанием для этого может служить политика, заключавшаяся в том, что, оказывая такую большую помощь в войне против Габсбургов, с помощью шведского лидера можно было привлечь военных специалистов и средства ведения войны и начать укреплять военный потенциал государства. В этой связи мы сделали четкий вывод о том, что в результате русско-шведских переговоров, проведенных в ходе 30-летней войны, военная система Русского царства перешла на следующую ступень развития.

Литература

- Аболенский, 1876** – Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне. По запискам архидиакона Павла Алеппского. Сочинение Ивана Аболенского. Киев: Т.С. Еремеева, 1876. 203 с.
- Бобржинский, 1891** – *Бобржинский М.* Очерк истории Польши (Dzieje Polski). СПб., 1891. Т. 2. 340 с.
- Беляев, 1846** – *Беляев И.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него, до преобразований сделанных Петром Великим. М., 1846. 118 с.
- Богданович, 1853** – *Богданович М.И.* История военного искусства и замечательнейших походов. Военная история средних веков. СПб., 1853. 132 с.
- Вайнштейн, 1947** – *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947. 213 с.
- Голицын, 1878** – Русская военная история. Часть вторая от Иоанна III до Петра I. Составил князь Н.С. Голицын. СПб., 1878. 699 с.
- Грушевский, 1922** – *Грушевский М.* История Украины-Руси. Киев, 1922. Т. 3, раздел 3. 224 с.
- Заборовский, 1981** – *Заборовский Л.В.* Россия, Польша и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981. 185 с.
- Иконников, 1889** – *Иконников В.С.* Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. М., 1889. 102 с.
- Исаак Масса, 1937** – *Исаак Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 208 с.
- Костомаров, 1862** – *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: издание Николая Тиблена, 1862. 301 с.
- Куропаткин, 1910** – *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. I. 571 с.
- Коваленко, 2010** – *Коваленко Г.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. М: Ломоносов, 2010. 256 с.
- Лыжин, 1857** – *Лыжин И.П.* Столбовский мир и ему предшествовавшие. СПб., 1857. 242 с.
- Лорд, 1999** – *Лорд К.* Рассвет и упадок Османской империи / пер. с англ. М. Пальникова. М.: Крон-Пресс, 1999. 696 с.
- Мышлаевский, 1899** – *Мышлаевский А.З.* Офицерский вопрос в XVII веке (Очерк из истории военного дело в России). СПб: типография главного управления уделов, 1899. 53 с.
- Никитин, 1848** – *Никитин П.* История города Смоленска. М., 1848. 404 с.
- Оболенский, 1853** – Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М.: Университетская типография, 1853. 268 с.
- Обзор посольских..., 1990** – Обзор посольских книг из фондов – коллекций хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII вв). М.: Институт истории СССР, 1990. 240 с.
- Петросян, 1990** – *Петросян Ю.А.* Османская империя: могущество и гибель. М.: Наука, 1990. 187 с.
- Поршнев, 1976** – *Поршнев Б.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. 435 с.
- Роман, 2009** – *Роман Г.Я.* Гриммельсгаузен и нажива: трагедия и ее ментальные мутации на германской почве кануна нового времени // *Вестник Томского Государственного Университета.* Томск, 2009. №2. 106 с.
- Сташевский, 1919** – *Сташевский Е.Д.* Смоленская война 1632-34. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. 166 с.
- Цветаев, 1913** – *Цветаев Д.В.* Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913. 82 с.
- Финкель, 2010** – *Финкель К.* История Османской империи: Видение Османа. М.: АСТ, 2010. 829 с.
- Флоря, 1990** – *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и греческим духовенством / Связи России с народами Балканского полуострова. М.: Наука, 1990. 272 с.
- Форстен, 1894** – *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648): Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). СПб: В.С. Балашева и К., 1894. Т.2. 632 с.
- Широкард, 2008** – *Широкард А.Б.* Швеция. Гроза с Балтики. М.: Вече, 2008. 432 с.
- Dukes, 1982** – *Dukes P.* The making of Russian Absolutism 1613-1801. London: Longman, 1982. 195 p.
- Frost, 1993** – *Frost R.* After Deluge. Poland-Lithuania and Second Northern War 1655-1660. New York: Cambridge University Press, 1993. 205 p.
- Grönebaum, 1968** – *Grönebaum F.* Frankreich in ost-und Nordeuropa. Die französisch russischen Beziehungen von 1648-1689. Wiesbaden: Franz steiner Verlag GMBH, 1968. 128 s.
- Leitsch, 1960** – *Leitsch U.* Moskau und die Politik des kaizerhofes im. XVII Jahrhundert. Wien: Hermann Böhlau Nachf., 1960. 289 s.
- Markiewicz, 2004** – *Markiewicz M.* Historia Polski 1492 – 1795. Kraków, 2004. 126 p.
- Polisensky, 1971** – *Polisensky J.* The Thirty Years War. London: B.T. Batsford Ltd, 1971. 297 p.

References

- Abolenskii, 1876** – Moskovskoe gosudarstvo pri tsare Aleksee Mikhailoviche i patriarkhe Nikone. Po zapiskam arkhidiakona Pavla Aleppskogo [Muscovy under Tsar Alexei Mikhailovich and Patriarch Nikon. According to the notes of Archdeacon Pavel of Aleppo. Composition by Ivan Abolensky]. Sochinenie Ivana Abolenskogo. Kiev: T.S. Eremeeva, 1876. 203 p. [in Russian]
- Belyaev, 1846** – *Belyaev, I.* (1846). O russkom voiske v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha i posle nego, do preobrazovaniia sdelannykh Petrom Velikim [About the Russian army in the reign of Mikhail Fedorovich and after him, before the transformations made by Peter the Great]. M., 118 p. [in Russian]
- Bobrzhinskii, 1891** – *Bobrzhinskii, M.* (1891). Oчерk istorii Pol'shy (Dzieje Polski) [Outline of the history of Poland (Dzieje Polski)]. SPb. T. 2. 340 p. [in Russian]
- Bogdanovich, 1853** – *Bogdanovich, M.I.* (1853). Istoriya voennogo iskusstva i zamechatel'neishikh pokhodov. Voennaya istoriya srednikh vekov [The history of military art and remarkable campaigns. Military history of the Middle Ages]. SPb., 132 p. [in Russian]
- Dukes, 1982** – *Dukes, P.* (1982). The making of Russian Absolutism 1613-1801. London: Longman, 195 p.
- Finkel', 2010** – *Finkel', K.* (2010). Istoriya Ocmanskoi imperii: Videnie Osmana [History of the Ottoman Empire: Osman's Vision]. M.: AST, 829 p. [in Russian]
- Florya, 1990** – *Florya, B.N.* (1990). K istorii ustanovleniya politicheskikh svyazei mezhdru russkim pravitel'stvom i grecheskim dukhovenstvom [To the history of the establishment of political ties between the Russian government and the Greek clergy]. Svyazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova. M.: Nauka, 272 p. [in Russian]
- Forsten, 1894** – *Forsten, G.V.* (1894). Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544-1648): Bor'ba Shvetsii s Pol'shei i Gabsburgskim domom (30-letnyaya voina) [The Baltic Question in the 16th and 17th centuries (1544-1648): Sweden's Struggle with Poland and the House of Habsburg (30 Years' War)]. SPb: V.S. Balasheva i K. T.2. 632 p. [in Russian]
- Frost, 1993** – *Frost, R.* (1993). After Deluge. Poland-Lithuania and Second Northern War 1655-1660. New York: Cambridge University Press, 205 p.
- Golitsyn, 1878** – Russkaya voennaya istoriya. Chast' vtoraya ot Ioanna III do Petra I [Russian military history. Part two from John III to Peter I]. Sostavil knyaz' N.S. Golitsyn. SPb., 1878. 699 p. [in Russian]
- Grönebaum, 1968** – *Grönebaum, F.* (1968). Frankreich in ost-und Nordeuropa. Die französisch russischen Beziehungen von 1648-1689 [France in Eastern and Northern Europe. Franco-Russian Relations 1648-1689]. Wiesbaden: Franz steiner Verlag GMBH, 128 p. [in German]
- Grushevskii, 1922** – *Grushevskii, M.* (1922). Istoriya Ukraïni-Rusi [History of Ukraine-Rus]. Kiev. T. 3, razdel 3. 224 p. [in Russian]
- Ikonnikov, 1889** – *Ikonnikov, V.S.* (1889). Novye issledovaniya po istorii Smutnogo vremeni Moskovskogo gosudarstva [New research on the history of the Time of Troubles of the Moscow state]. M., 102 p. [in Russian]
- Isaak Massa, 1937** – *Isaak Massa* (1937). Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. [Brief news about Muscovy at the beginning of the 17th century]. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 208 p. [in Russian]
- Kostomarov, 1862** – *Kostomarov, N.* (1862). Oчерk torgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII stoletiyakh [Essay on the trade of the Muscovite state in the 16th and 17th centuries]. SPb.: izdanie Nikolaya Tiblena, 301 p. [in Russian]
- Kovalenko, 2010** – *Kovalenko, G.* (2010). Russkie i shvedy ot Ryurika do Lenina [Russians and Swedes from Rurik to Lenin]. M: Lomonosov, 256 p. [in Russian]
- Kuropatkin, 1910** – *Kuropatkin, A.N.* (1910). Zadachi russkoi armii [Tasks of the Russian army]. SPb. T. I. 571 p. [in Russian]
- Leitsch, 1960** – *Leitsch, U.* (1960). Moskau und die Politik des kaizerhofes im. XVII Jahrhundert [Moscow and the politics of the kaizerhof in XVII century]. Wien: Hermann Böhlhaus Nachf., 289 p. [in German]
- Lord, 1999** – *Lord, K.* (1999). Rassvet i upadok Osmanskoi imperii [Rise and decline of the Ottoman Empire]. Per. s angl. M. Pal'nikova. M.: Kron-Press, 696 p. [in Russian]
- Lyzhin, 1857** – *Lyzhin, I.P.* (1857). Stolbovskii mir i emu predshestvovavshie [Stolbovsky world and its predecessors]. SPb., 242 p. [in Russian]
- Markiewicz, 2004** – *Markiewicz, M.* (2004). Historia Polski 1492 – 1795 [History of Poland 1492 – 1795]. Kraków, 126 p. [in Polish]
- Myshlaevskii, 1899** – *Myshlaevskii, A.Z.* (1899). Ofiterskii vopros v XVII veke (Oчерk iz istorii voennogo delo v Rossii) [Officer question in the 17th century (Essay on the history of military affairs in Russia)]. SPb: tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 53 p. [in Russian]
- Nikitin, 1848** – *Nikitin, P.* (1848). Istoriya goroda Smolenska [History of the city of Smolensk]. M., 404 p. [in Russian]
- Obolenskii, 1853** – Novyi letopisets, sostavlennyy v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha. Izdan po spisku knyazyia Obolenskogo [A new chronicler compiled in the reign of Mikhail Fedorovich. Published according to the list of Prince Obolensky]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1853. 268 p. [in Russian]

Obzor posol'skikh..., 1990 – Obzor posol'skikh knig iz fondov – kollektzii khranyashchikhsya v TsGADA (konets XV – nachalo XVIII vv) [Review of embassy books from funds - collections stored in TsGADA (end of the 15th – beginning of the 18th centuries)]. M.: Institut istorii SSSR, 1990. 240 p. [in Russian]

Petrosyan, 1990 – Petrosyan, Yu.A. (1990). Osmanskaya imperiya: mogushchestvo i gibel' [Ottoman Empire: power and death]. M.: Nauka, 187 p. [in Russian]

Polisensky, 1971 – Polisensky, J. (1971). The Thirty Years War. London: B.T. Batsford Ltd, 297 p.

Porshnev, 1976 – Porshnev, B. (1976). Tridtsatiletnyaya voyna i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva [The Thirty Years' War and the entry into it of Sweden and the Moscow state]. M., 435 p. [in Russian]

Roman, 2009 – Roman, G.Ya. (2009). Grimmel'sgauzen i nazhiva: tragediya i ee mental'nye mutatsii na germanskoj pochve kanuna novogo vremeni [Grimmelshausen and profit: tragedy and its mental mutations on German soil on the eve of modern times]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2: 106. [in Russian]

Shirokard, 2008 – Shirokard, A.B. (2008). Shvetsiya. Groza s Baltiki [Sweden. Thunderstorm from the Baltic]. M.: Veche, 432 p. [in Russian]

Stashevskii, 1919 – Stashevskii, E.D. (1919). Smolenskaya voyna 1632-34. Organizatsiya i sostoyanie moskovskoi armii [Smolensk war 1632-34. Organization and condition of the Moscow army]. Kiev, 166 p. [in Russian]

Tsvetaev, 1913 – Tsvetaev, D.V. (1913). Izbranie Mikhaila Fedorovicha Romanova na tsarstvo [The election of Mikhail Fedorovich Romanov to the kingdom]. M., 82 p. [in Russian]

Vainshtein, 1947 – Vainshtein, O.L. (1947). Rossiya i Tridtsatiletnyaya voyna [Russia and the Thirty Years' War]. M., 213 p. [in Russian]

Zaborovskii, 1981 – Zaborovskii, L.V. (1981). Rossiya, Pol'sha i Shvetsiya v seredine XVII v. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evrope [Russia, Poland and Sweden in the middle of the 17th century. From the history of international relations in Eastern and Southeastern Europe]. M.: Nauka, 185 p. [in Russian]

Дипломатическая подготовка Михаила Романова к Смоленской войне 1632–1634 годов

Ержан Сагынханович Жамбаев ^{a, *}, Нуржан Сауленовна Саулен ^b,
Жанат Дюйсенбаевич Сеилханов ^c, Азамат Ануашевич Кереев ^a

^a Кокшетауский университет имени А. Мырзахметова, город Кокшетау, Республика Казахстан

^b Институт парламентаризма, город Астана, Республика Казахстан

^c Международный университет Астана, город Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В настоящей статье рассматривается дипломатическая подготовка Михаила Романова к Смоленской войне 1632-1634 годов, имевшей свое место в процессе общеевропейской Тридцатилетней войны, охватившей период с 1618 по 1648 год. Исследованы мотивы и цели дипломатических отношений между Русским царством, Швецией и Османской империей. Проанализировано сложившееся взаимное политическое соперничество между Шведским лидером Густавом II Адольфом и Польским правителем Сигизмундом III, которое в итоге способствовало сближению и сотрудничеству Москвы и Стокгольма. В заключении авторы приходят к целому ряду выводов, в частности, цель, которую преследовал Михаил Романов в дипломатических отношениях с Османской империей в годы Смоленской войны, - остановить нашествие крымских татар и по возможности получить помощь против поляков. В свою очередь, переговоры со Швецией оказались выгодными для обеих сторон во внешнеторговых делах, Россия в эти годы продавала дешевые и безналоговые продукты питания и другие товары только шведам. Авторами также отмечается, что в результате искусной дипломатии Михаила Романова, проведенной в ходе 30-летней войны, военная система Русского царства перешла на следующую ступень развития.

Ключевые слова: дипломатия, отношения, Москва, Швеция, Османская империя, война, Европа, Польша, Габсбурги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zhambaev_es@mail.ru (Е.С. Жамбаев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1091-1102
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1091

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Economic Development of the Russian State in the 17th–18th centuries: Modernization or Protomodernization

Konstantin V. Samokhin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The paper analyzes the economic processes in Russia in the 17th–18th centuries taking into account the main provisions of the modernization theory. The mentioned theory is the foundation of the methodological apparatus in this research, and regarding the indicated period it is interpreted in its classical formulation as a transition from a traditional (agrarian) society to a modern (industrial) one. Particular attention is paid to such features of the Russian modernization model as ‘catching up’ nature, as well as determination of the starting point, factor and mechanism of modernization processes in the national history. The correlation of the economic development of the Russian state and the main trends of transition from tradition to modernity is carried out on the basis of transformation of the key features inherent in the traditional economy into characteristics that are present in the market/mixed system. At the same time, the emphasis is made on such changes as transition of the priority position of agriculture to industry; presence of basic signs of industrial revolution; establishment of pluralism of ownership forms instead of the predominance of the collective-community; elimination of tendencies that distinguish natural economy; formation of basic principles of state regulation of economic relations; widespread functioning of the laws of value, supply and demand, as well as the competition mechanism; introducing freedom of the producer and consumer’s actions into mass practice. Based on these criteria, it is concluded that the Russian society of the 17th century should be characterized as a traditional society. The shifts that have emerged in the economy of the Russian Empire of the 18th century allow speaking only of protomodernization, since the industrial revolution was identified in a series of economic realities of the historical development of Russia not earlier than the 30s of the 19th century.

Keywords: modernization, ‘catching up’ modernization, protomodernization, economy, Russia, traditional/agrarian society, modern/industrial society, modernization factor, modernization mechanism, Great Northern War.

1. Introduction

Historical processes can be viewed through the prism of various concepts: formational, modernization, civilizational, world-systemic, institutional, synergetic, postmodern, etc. (Mironov, 2018: 31-74). However, the use of a single concept for creating explanatory models for the historical development of all countries and peoples cannot always give a result that will be considered objective and highly productive. Such universalism often leads to the fact that “historical facts are adjusted to a predetermined scheme” (Mironov, 2018: 65). A striking example is the dominance of the formation approach, which took place in the national historical science of the Soviet period.

Trying to overcome mono-conceptual determinism, historians, philosophers, sociologists and political scientists come to the idea of the necessity to combine various theories of historical development, hoping that the synergistic effect will be productive in this case and the resulting interpretative model will be able to

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin)

claim objectivity and deep insight into the essence of the studied phenomena. Of course, such a methodological device may have the right to exist and lead to serious historical research.

However, the application of only one specific concept to the interpretation of historical processes that took place in the development of various states at certain stages of their formation, depending on the goals set, can also be fully realized. In this case, we mean the time interval of the 18th – the first half of the 20th centuries for the Russian state. In our opinion, an acceptable concept for creating an interpretive model of historical processes in Russia in the period indicated above is the modernization theory. The possibility of practical application of this theory is often called into question because of its dichotomy expressed in explaining the development of various countries and peoples as a transition from a traditional society (often associated with the East) to a modern one (identified with the West) (Kapustin, 2001: 14). It should be noted that in this case the so-called classical interpretation of the modernization theory is taken as a basis. According to critics, the dichotomy of the modernization concept outlined above leads to the unidirectionality of the historical process, when “periods of non-linear development are ignored” (Bagdasaryan, 2022: 80). This provision is quite justified if we give the classical interpretation of the modernization theory a universal character (Bukhovets, 2016: 35-36, 48). However, if the modernization concept is used to interpret historical processes within a narrower framework, for example, for the development of the Russian state in the 18th – first half of the 20th centuries, the above classical interpretation has the right to practical implementation.

In this case, we should talk about the priority of Western civilization, which, with the help of various measures and means (where wars played one of the important roles), tried to extend its influence to the rest of the world. Characterizing the Western civilizational type, S. Huntington distinguishes “three major components, in Europe, North America, and Latin America” (Khantington, 2006: 54). The American researcher notes that the first sprouts of the Western power and its “overpowering, unidirectional impact” on all other civilizations appeared towards the end of the 15th century. As evidence, he cites the following facts: the expulsion of the Moors from the Iberian Peninsula and the penetration of the Portuguese into Asia and the Spaniards into both Americas (Khantington, 2006: 63). At that moment, within the framework of Western civilization, the European center dominated. However, such a monopoly was gradually becoming a thing of the past, when the United States and most of Latin American countries gained independence from their European mother countries. Despite this fact, the influence of Western civilization continued to expand, when it began to control almost all of Africa, Asia and the Middle East (Khantington, 2006: 63).

Such a strengthening of the position of the West, according to S. Huntington, is explained by a complex of reasons, summarizing which the American scientist comes to the following conclusion: “The West won the world not by the superiority of its ideas or values or religion (to which few members of other civilizations were converted) but rather by its superiority in applying organized violence. Westerners often forget this fact; non-Westerners never do” (Khantington, 2006: 65).

The dominance of Western civilization continued, according to the author of the monograph “The Clash of Civilizations”, until the early 20th century. This does not mean a complete cessation of Western influence on the rest of the world. In the previous century the power of Europe and the United States began to decline, and the relationship between Western and other civilizations “was dominated by the reactions of the West to developments in those civilizations” (Khantington, 2006: 67).

A.J. Toynbee adhered to a similar point of view with approximately the same chronological framework. In his fundamental work “A Study of History”, the English philosopher also dates the rise of Western civilization and the beginning of its expansion of influence on other countries to the last quarter of the 15th century, when it began to master the technique of ocean navigation, which led to a clash between the Old and New Worlds. At the same time, Toynbee notes that the peak of the dominant role of the West fell on the period between 1683 (the second siege of Vienna by the Turks) and the Second World War. After the end of the latter war, “one of the rivals in the struggle for political power again turned out to be a non-European power”, by which the USSR was meant (Toynbi, 2006b: 197).

Close in conceptual features to the two points of view indicated above in terms of their theses and conclusions about the problem of the Western influence on the non-Western world, one should consider the position of the well-known Russian researcher of modernization problems V.G. Fedotova. The main premise for the formation of her interpretation model is the comprehension of the ‘catching up’ version of modernization, which is widespread in Russian humanities. V.G. Fedotova is trying to overcome the dichotomy of the classical interpretation of modernization processes through a modern understanding of the modernization theory, where Western civilization is treated not as the only one model, but as one of the possible models for the development of non-Western countries, which is generally characterized by such a concept as “Multiple Modernities” (Eisenstadt, 2000; Huntington, 2016: 100-101; Sztompka, 2015: 26-27). The author of the monograph “Modernization and Culture” clearly associates the superiority of the West with the New Age (Fedotova, 2016: 40). At the same time, she notes the debatability of the beginning and end of this time interval in the periodization of the world history (Fedotova, 2016: 48).

V.G. Fedotova is a supporter of the historical development law “Challenge-Response” formulated and proved by A.J. Toynbee (Toynbi, 2006a: 134-157). In relation to the problem posed, this was refracted through the violent, in many cases, impact of Western civilization on non-Western societies (Fedotova, 2016: 38).

However, it does not mean that there is only an external factor to start the transition from an agrarian society to an industrial one. In these cases, the non-Western world often had its own needs for modernization recognized by its political elite who were a kind of actor in the modernization processes (Fedotova, 2016: 33-37).

Despite the less unambiguous position of V.G. Fedotova regarding the chronological framework of the intensive influence of the West on other countries, she generally agrees with S. Huntington and A.J. Toynbee. The beginning of this process, in her opinion, coincides with the so-called era of mercantilism, during which “the challenge of the West was its ability to master the world space” (Fedotova, 2016: 46). Further, V.G. Fedotova distinguishes five phases in the formation of the West. At the same time, the last two of them are defined as “the era of the scientific and technological revolution that began in the mid-1950s of the 20th century and “new technological cycles of the 21st century” (Fedotova, 2016: 47-48) interpreted through the terms “late modernity” and “postmodernity” (Fedotova, 2016: 50). It is for the last two phases that V.G. Fedotova uses a broad understanding of the concept “modernization”, in which the West is considered as one of the possible alternatives among “Multiple Modernities”.

Based on the above reasoning, it is necessary to formulate the basic problems that will be partially or completely solved in this work on the basis of empiricism that took place in the economic development of the Russian state in the 17th–18th centuries:

1. Expediency of the monoconceptual approach, stated as the main thesis in the initial part of this paper, as an explanatory model of the historical development of the Russian state.
2. Identification of the features of the Russian version of modernization, such as:
 - a. the starting point of modernization processes in Russia;
 - b. determination of the mechanism and factor of Russian modernization.

2. Materials and methods

Taking into account the methodological orientation of the article, materials should include scientific papers evaluating the heuristic potential of the modernization paradigm. There is no unity of views on this aspect among domestic scientists, and existing points of view can be combined into three approaches:

1. The critical approach is explicitly presented in the works of B.G. Kapustin and V.P. Buldakov. The first researcher, analyzing the application of the modernization theory to the history of the Russian state in the last fifteen years of the 20th century, reveals its following shortcomings: developmentalism, a linear evolutionist interpretation of history, a rigid opposition between “tradition” and “modernity”, etc. (Kapustin, 2001: 14). The second researcher does not see the need to raise the question of the modernization development in Russia, the result of which should be an innovative type of consciousness that implies self-restraint of the state, which is not ready for such a scenario (Buldakov, 2016: 79-82).

2. The skeptical approach was formulated by the Belarusian historian O.G. Bukhovets. He believes that transitological models used by domestic scientists to interpret Russian reality at the turn of the 20th–21st centuries cannot be universal. However, the modernization discourse, in his opinion, is quite applicable to explaining the historical processes that took place in the late Russian Empire and the Soviet State until the middle of the last century (Bukhovets, 2016: 35-36, 41-44, 48).

3. The optimistic approach can be traced in the works of V.G. Fedotova, B.N. Mironov and others. The first researcher, arguing with B.G. Kapustin, reveals such flaws in the position of critics of the modernization theory as the ontologization of theoretical constructs, anti-historicism and presentism as a kind of the latter (Fedotova, 2016: 118). The second researcher notes the long evolutionary path covered by the modernization paradigm, which allowed its supporters to revise “such fundamental characteristics of the modernization process as irreversibility, progressiveness, length, evolutionism, unilinearity, regularity, randomness” (Mironov, 2018: 41).

The methodological basis of the paper is the modernization theory. Based on the above points of view, it is necessary to summarize that the concept “modernization” can be interpreted using two meanings:

- a) narrow (classical) understanding: as a transition from an agrarian (traditional) society to an industrial (modern) one;

- b) broad: as “a specific way of social establishment that provides the population with wide-open access to the expanding capabilities of human potential implementation” (Sztompka, 2015: 25).

When creating an explanatory model for the history of Russia, both interpretations can be used, but in relation to different periods. Thus, the first of them, in our opinion, is more in line with the realities of the historical development of the 18th – the first half of the 20th centuries. This thesis will be substantiated below. As for the broad meaning, it mainly characterizes the period of the second half of the 20th – early 21st centuries. The starting point here should be considered the First World War that became a landmark event determining the crisis phenomena, which consisted in the exhaustion of the potential for the development of an industrial society and the start of the transition to a post-industrial one. This trigger determined the formation of the situation, which many researchers assessed as “Multiple Modernities”. The main part of this work, which is largely methodological in nature, is devoted to a more detailed identification and justification of the features of the Russian version of modernization.

3. Discussion

I.V. Poberezhnikov, a well-known domestic specialist on the problems of modernization, in his works notes the debatability in the issue of determining the beginning of modernization processes in Russia (Poberezhnikov, 2015: 12; Poberezhnikov, 2021: 90–91). In particular, he classifies the existing points of view on this issue in relation to the five starting chronological cut-offs:

“1. 16th–18th centuries.

2. The era of Petrine reforms (the most common point of view among both foreign and Russian scientists).

3. Early 19th century (at the same time, the period of the 16th–18th centuries is interpreted as an epoch of the continuation of old traditions; in this case, Petrine reforms are not considered as a watershed in the history of Russia).

4. The era of the Great Reforms.

5. The turn of the 19th–20th centuries” (Poberezhnikov, 2015: 12).

Such temporal differentiation, according to the Ural researcher, is due to different interpretations of the term “modernization”.

At the same time, characterizing imperial modernization, I.V. Poberezhnikov actually distinguishes two stages in its development: proto-industrial (manufactory) stage, which had Petrine reforms as a starting point, and early industrial stage, which started either from the 1830s (the beginning of the industrial revolution), or from the mid-1880s (“the establishment of the modern economic growth model in the Russian economy”) (Poberezhnikov, 2021: 94–95).

The controversy of the issue regarding the start of modernization processes in Russia is also noted by B.N. Mironov, who in most of his modern works uses the modernization theory as a key methodological basis. He also notes the pluralism of opinions on the concept “modernization” as the main reason for the lack of a single point of view on the problem of the beginning of transition of the Russian state from an agrarian society to an industrial one. Referring to the experience of Great Britain, the historian from St. Petersburg proposes to consider the industrial revolution as a basic process, which indicates a clear manifestation of Russia’s transition from traditional to modern society. Proceeding from this, B. N. Mironov conducts a periodization of Russian modernization as follows: “1) 18th – first half of the 19th centuries, 2) second half of the 19th century – 1917. Moreover, he considers the first stage as prerequisites for the industrial revolution (protomodernization), while the second stage is viewed as modernization itself, the start of which was laid by the industrial revolution dating back to the 1830s–1850s (Mironov, 2017: 16–17; Mironov, 2018: 663).

Regarding the mechanism of modernization processes, I. V. Poberezhnikov gives a clear statement of this problem. In particular, he analyzes the views of two Western scientists W. Rostow and N. Smelser. The first one has an economic approach, the cornerstone of which is a mechanism of “growth in the rate of accumulation” (Poberezhnikov, 2014: 143), while the second one represents a sociological interpretation of the problem, which is based on structural differentiation (Poberezhnikov, 2014: 144).

Among domestic researchers who are supporters of the ‘catching-up’ model of modernization, the wave mechanism of the development of modernization processes in Russia prevails in the explanatory model (Gavrov, 2004: 38–72; Konovalov et al., 2014: 102). Offering a typology of civilizations in the modernization key, V.G. Fedotova singles out the “mechanism of development” as one of the criteria. This mechanism, in her opinion, can be innovative, mobilizing, based on a combination of innovations and mobilizations or on statist mechanisms or dictatorships (Fedotova, 2016: 79–80). For Western countries, modernization is based on the replacement of tradition with innovation. In traditional societies, according to V.G. Fedotova, innovation is allowed as long as it does not threaten tradition, otherwise innovation ends with a return to tradition, which is characterized as cyclical development (Fedotova, 2016: 86).

The concept “modernization factor” has practically not been developed either in domestic or foreign historiography. A.J. Toynbee interprets this term in the form of “challenges”, which are classified as: a) the Stimulus of Hard Countries; b) the Stimulus of New Ground; c) the Stimulus of Blows; d) the Stimulus of Pressure; e) the Stimulus of Penalizations. Taking into account the ‘catching-up’ model of Russian modernization, the most appropriate factor in this case, in our opinion, is “the Stimulus of Blows”. Wars should be considered as such “blows” when “the unexpected crushing defeat could stimulate a defeated side to bring everything in order and prepare a victorious counterattack” (Toynbi, 2006a: 397–399). E. and H. Toffler agree with a similar point of view: “Past wars reach across time to affect our lives today. The torrents of blood spilled centuries ago over issues now forgotten, the bodies charred, impaled, broken or blown into nothingness, the children reduced to swollen bellies and stick-limbs – all shaped the world we inhabit today” (Toffler, Toffler, 2005: 2).

4. Results

In our opinion, determining the start of modernization processes in Russia should be correlated with the starting point of its transition from a traditional society to a modern one in the economic sphere. It was the latter that had more favorable starting conditions than the political, social or spiritual subsystems of Russian society. For this purpose, it is enough to analyze the general course of development of the Russian state in the 17th century. Quite naturally, the question may arise: why not consider the possibility of the

presence of modernization changes in an earlier period? The answer will be as follows. Europe was the West civilization where modernization manifested itself for the first time. In this case, Europe is understood as a concept, and not a region, which significantly narrows its geographical scope (Fedotova, 2016: 59-73). The shift in the vector of modernization processes in the West went in line with such a trend as (Figure 1).

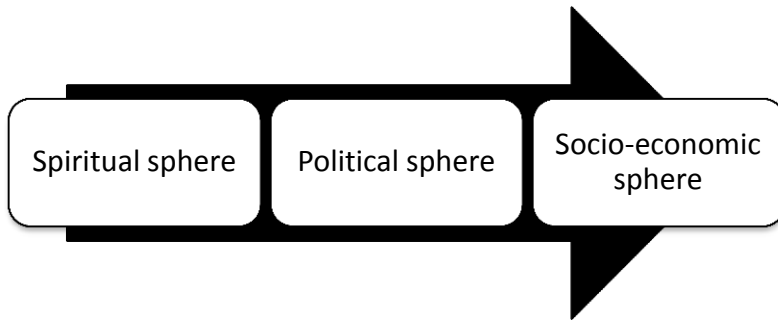

Fig. 1. The vector of modernization processes in the development of the Western Civilization

The spiritual modernization of Europe was based on the Renaissance, the Reformation and the Enlightenment, which led to significant transformations in the mentality of Western European society through the spread of anthropocentrism, humanism and religious pluralism, the secularization of public consciousness, and the formation of a special work ethic. Chronologically, these tendencies manifested themselves in the 14th–18th centuries. Further, the transition from an agrarian society to an industrial one continued as part of the democratization of the political system during the European revolutions of the 16th–17th centuries, as a result of which either a constitutional monarchy or a republic was established in different countries. And, finally, economic modernization as a basis is built on the industrial revolution, which in Great Britain, the leader of the economic development in Europe at that time, began no earlier than the 18th century. The economic transition from a traditional society to a modern one was accompanied by corresponding changes in the social sphere: an increase in the level of social differentiation, social mobility, urbanization, and the level of education among the population; the formation of individualism as the main social attitude that replaced collectivism.

In Russia, these processes could take place only in a later period, therefore, it is not possible to talk about any prerequisites for modernization transformations before the 17th century. Nevertheless, even during this period, Russian society was a society of a traditional type. If we analyze the state of the domestic political sphere, it should be noted that the reign of the first Romanovs was marked, first of all, by the formation of an absolute monarchy. Estate-representative bodies, organizationally taking shape in the sphere of public administration in Russia in the second half of the 15th – 16th centuries, gradually lost their influence in the indicated period: the practice of convening Zemsky Sobor ceased to be implemented in the second half of the 17th century, and the Boyar Duma ceased to exist at the turn of the 17th–18th centuries. The system of *prikazy* reached its climax as the bureaucratic beginning of the administrative apparatus. A set of laws the *Ulozhenie* summed up the existing trends. And, finally, the struggle between secular and ecclesiastical authorities, which was clearly outlined as early as the 16th century, passed one of its key stages through the conflict between Alexis and Patriarch Nikon, which ultimately led to the deprivation of patriarchal dignity and marked the strengthening of the position of the tsar. The abovementioned list of trends indicating that the Russian state steadily followed the line of strengthening the autocratic-monarchist principle in governance, which in fact was the direct opposite of the result of modernization in the political sphere – the liberalization and democratization of the political regime, the formation of the right-wing state and civil society, is not complete.

In the social sphere, there were also changes that went in the opposite direction relative to the basic modernization trends. The *Ulozhenie* was the final point on the way to the formation of serfdom for the peasantry, which at that time constituted the predominant majority in the social structure of Russian society. This fact led to the conservation of existing social relations and did not provide an opportunity for the development of the modernization plan trends that were outlined above with a general description of the European transition from tradition to modernity.

The spiritual attitudes inherent in the bulk of the Russian society did not correspond to the main result of modernization in the mental plan – an innovative type of thinking, the desire to change existing life practices, individualism, egalitarianism in family relations, secularization of public consciousness, rationalism of the worldview. If we characterize the spiritual world of Russian society in the 17th century, the main role will be played in it by such social attitudes as patriarchal relations (or paternalism), religiosity, monarchism, the principles of egalitarian land use (or social justice), communal collectivism combined with individual principles (Kozhevnikova, 2011; Porshneva, 2000: 91-102).

Considering the direction of our study, we will define the main features inherent in the economy in a traditional society, and then on this basis we will analyze the main results of the economic development of the Russian state in the 17th century. In this case, it is necessary to talk about the traditional economic system, which, when conducting a typology of economic relations, is singled out by theorists along with

market, mixed and planned (administrative-command) systems. Its main characteristics are the predominance of the agricultural sector in the economy structure; high proportion of manual labor in production technologies; the presence of the subsistence economy, which as a consequence has a low level of trade development; the prevalence of collective (communal) property over other forms (state, private); the basic units of industrial production become the handicraft workshop and the family farm.

Next, we outline the main trends in the economic development of Russia in the 17th century with a view to their correlation with the features of the traditional economy outlined above. None of the historians disputes the fact that agriculture was still the foundation of the economic sphere of the Russian state during this period. This is evidenced, first of all, by the fact that peasants in the social structure of Russian society constituted the absolute majority – 88.7% (Mironov, 2018: 445). The Time of Troubles made quite significant adjustments to almost all spheres of Russian society, including the system of economic relations, and specifically agriculture (Milov, 2001: 24). First of all, it is worth noting the reduction in the area of cultivated land, since the hostilities and social upheavals at the turn of the 16th–17th centuries covered the most agriculturally (and not only) developed territories of European Russia. The recovery process in this case dragged on for decades. Most of the farms used traditional systems and methods of land cultivation associated with slash-and-burn (*podsechno-ognevoye*) and *perelog* agriculture and previously spread three-field farming (*trekhpol'e*). Under the prevailing conditions it was impossible to talk about any mechanization of agriculture. The degree of peasants' involvement in commodity-money relationship was at an extremely low level due to naturalization of relations, which led to almost complete self-sufficiency of the rural population. The main strategy for the development of the agricultural sector was not the introduction of new technologies, but the further expansion of extensiveness, which received significant support from the colonization of Siberian and Far Eastern lands (Murav'eva, 2001: 81-82).

However, the economy of the Russian state during the period under study was also marked by the emergence of new phenomena in the system of social production. In this case, we are talking about the development of entrepreneurial activity, including the manufacturing industry. The sprouts of the indicated tendencies can also be found in earlier periods, in particular, in the second half of the 15th – the first half of the 16th centuries, when the Cannon Yard (Pushchniy Dvor) and the Armory (Oruzheynaya Palata), resembling manufactories in their characteristics, were created (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 54-55). However, even in the next century, the development of manufactory production did not become the dominant trend in the Russian economy (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 62). In many ways, various factors affected this situation, including the consequences of the Time of Troubles, the overcoming of which stretched for almost half a century; insufficient private capital, which could significantly change the situation around; strict legal regulation, under which the owner of the manufactory could not feel himself the full owner of the enterprise; the weak formation of the free labor market, which was held back by the presence of serfdom for peasants; unsuccessful economic reforms (increasing the price for salt and introducing copper money into circulation) in order to replenish the state treasury, which led to corresponding social upheavals and destabilization of the internal situation of the state; and others. Therefore, the number of manufactories that functioned on the territory of the Russian state seems negligible, and during the 17th century it did not show a desire to increase: in general, according to researchers, about 60 manufactories arose during this period, while by the end of this period there were no more than 30 manufactories (Murav'eva, 2001: 82).

However, along with these rather negative factors, it is necessary to highlight positive aspects that contributed to the development of domestic manufactory production in the analyzed period. In this series, it should also be noted the relative stabilization of the domestic and foreign political situation associated primarily with overcoming the consequences of the Time of Troubles; the creation of an appropriate legal basis through the *Ulozhenie* of 1649, the Customs Charter (*Tamozheniy Ustav*) of 1653, the Trade Charter (*Torgovaya Ustavnaya Gramota*) of 1654, the New Trade Charter (*Novotorgoviy Ustav*) of 1667, etc.; the regional specialization of the economy; the formation of the all-Russian market; the beginning of Siberia development; the activation of foreign trade relations, first of all, with England, Holland, as well as other European countries; and others (Murav'eva, 2005: 54-55; Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 58). These phenomena led to the formation of a relatively ramified structure of domestic entrepreneurship: “state, palace and private. The latter, in turn, was divided into boyars and nobles, merchants, townspeople, monastic and foreign” (Murav'eva, 2005: 62). But even with such a structure, it is worth talking only about creating prerequisites for the formation of manufacturing production in Russia, which does not allow to define it as a leading trend in the functioning of the domestic economy.

Trade at that time occupied a fairly large place in the system of domestic entrepreneurship. The most significant phenomena that took place in the 17th century have already been indicated above. However, a pronounced protectionist policy, pursued during the reign of Alexis and associated to a greater extent with the activities of A.L. Ordin-Nashchokin, should also be mentioned. It was outlined almost at the very beginning of the reign of the second monarch from the Romanov dynasty, when various privileges previously granted to English merchants began to be cancelled. With the help of the legislative acts already mentioned above, customs duties, which were 2-3 times higher than similar measures provided for Russian merchants, were established for foreigners in the middle of the 17th century. The culminating moment in the implementation of this policy was the New Trade Charter of 1667. It established a ban on retail and

significantly limited wholesale trade for foreigners, while duties were levied on them only in gold and silver and could reach 22 %. However, all the positive phenomena that characterized Russian trade in the 17th century could not overcome one of the main features of the traditional economy inherent in the Russian state, i.e. the naturalization of economic relations, since, as noted above, there was a weak involvement of the peasant economy in commodity-money relationship.

The thoughtfulness of the economic policy of the state left much to be desired. The most important factor that forced the authorities to resort to changes in the fiscal and monetary plan was the regular shortage of money in the treasury. This was largely due to the creation of “new model” regiments, the maintenance of which required serious funds, while the amount of financial expenses was constantly increasing. According to the calculations made by V. O. Klyuchevsky, the number of military formations that were financed from the state treasury from 1631 to 1681 increased by 2 times, while the cost of maintaining them more than tripled (Klyuchevskiy, 1989a: 203). An important role in this regard was played by military foreign policy actions carried out by the Russian authorities.

In general, the Russian state was in the general trend of the tax policy pursued by the leading European countries. The theory of mercantilism that prevailed in Europe provided for the replacement of direct taxation with indirect one. According to the apt testimony of V.O. Klyuchevsky, “in Moscow they tried to embark on the same path in a completely original way at the direction of not some outlandish theory, but bad home-grown practice. In Moscow’s financial policy, indirect taxes generally prevailed over direct ones” (Klyuchevskiy, 1989a: 208).

Struggling with the budget deficit, the authorities indulged in various scams. In this case, of course, we mean an attempt to replace many direct taxes with the introduction of an increased duty on salt. However, the outcome of this action led to the infamous Salt Riot (Klyuchevskiy, 1989a: 208-209).

Another important transformation of the fiscal system was the reform carried out during the reign of Theodore, which led to the replacement of land (*pozemel’noye*) taxation with household (*podvornoye*) taxation. However, peasants tried to reduce the tax burden by enlarging households (Murav’eva, 2001: 85).

The introduction of copper money should be attributed to the measures of the monetary direction. However, due to poor knowledge of the basic laws of monetary policy, as well as the desire to solve the problem of lack of funds as much as possible, the relevant senior officials actually led the financial system to disorder, which was embodied in the Copper Coin Riot (Klyuchevskiy, 1989a: 209-212).

It is also important to note the purchase of foreign coins – Jachymovsky tolars, which became one of the sources of silver for the Russian state. They were melted down into Russian coins with a higher nominal value, which brought substantial income to the treasury (Murav’eva, 2001: 86).

On the whole, it should be mentioned the rather spontaneous nature of the economic policy pursued during this period, since the main goal of innovations of the fiscal and monetary plans had the filling of the state treasury, and not the improvement of the financial system.

Thus, Russian society in the 17th century was characterized by the typical features of a traditional society in all spheres of life. Only various degrees of readiness for modernization transformations in various directions can be taken into account. The economy turned out to be the most prepared for modernization, since it outlined a greater number of advances and innovations, while the development of political and social spheres went in the opposite direction, and the spiritual world of the Russian people was conserved on the basis of prevailing mental attitudes.

Next, the economic development of the Russian state in the 18th century for its compliance with the modernization trend should be analyzed. To do this, it is necessary to outline the basic characteristics of economic modernization, since they play a key role in our study. Of course, the key point in this process is the industrial revolution, which is defined as the replacement of manual production by machine one, when manufactory, as the predominant unit in industry, gives way to factories and plants. Ultimately, this leads to the eradication of the foundations of the traditional economy and the formation of trends inherent in the market economic system, i.e. functioning in accordance with the laws of value, supply and demand, as well as the mechanism of competition; pluralism of forms of ownership instead of the dominant of collective-community monism in economic relations; the mass nature of production and consumption as a change in the individual craft; maximization of the degree of freedom in the behavioral practices of the producer and consumer; gradual introduction of state regulation instruments in the economy, such as fiscal and monetary policies.

The last decade of the 17th century and the first quarter of the 18th century were marked by the independent reign of one of the most famous monarchs in the history of Russia, Peter I. As noted above, many Russian historians tend to link the starting point for the formation of modernization processes in Russian society precisely with the period of his reign. The general goal of the first Russian emperor looks quite obvious – to turn Russia into a state of the European type. However, it is necessary to take into account, first of all, the starting conditions of the Russian state, and, as was proved above, they were far from allowing modernization to begin in full swing.

It has already been indicated above that the state economic policy in the 17th century was largely due to a lack of funds in the treasury, and the budget deficit was associated with numerous foreign policy campaigns and the need to maintain the “new model” regiments. Under Peter I, the situation changed little, moreover, this trend became pronounced, as it was extrapolated to most areas of the Russian economy.

The most important international conflict of the first half of the 18th century, which generally changed the face of Russia, was the Great Northern War. The latter was of a local nature and ended for the Russian side with an unconditional victory. Taking into account the already quoted A.J. Toynbee, it is logical to assume that wars play a significant role if they have a geographically wider scale – regional, continental, world – and also end in defeat for any of the countries. The rulers of the defeated country act in this case as the actors of modernization processes, since in the future it is necessary to correspond to the level of development of the winners in order to avoid defeats in the future. As we can see, the Great Northern War only partially corresponds to these features. At the same time, many of the transformations made by Peter I were dictated precisely by bitter defeats at the beginning of this military conflict.

The first Russian emperor himself unambiguously highly appreciated the role of war for state activity. He wrote in his memoirs about the preparation of the first Azov campaign: “Although at that time, as they worked near Kozhukhov during Mars fun, there was nothing more than a game, but this game became a harbinger of real actions” (Pavlenko, 1994 : 39); or he instructed his son, Tsarevich Alexei: “I don’t teach you to be willing to fight without a legitimate reason, but to love this business and teach with all the opportunity, since this is one of the two necessary things to rule, i.e. order and defense” (Pavlenko, 1994: 39). Such reasoning of Peter I was largely gained through military operations, primarily during the Great Northern War, which lasted about 21 years and amounted to about half of his reign, and if we talk about his independent reign, it was even more than half.

Large-scale changes under the influence of the war with Sweden occurred in the system of taxation, trade and manufacturing industry. As in the previous century, the lion’s share of the state budget was “eaten up” by the maintenance of the regular army and navy. According to V.O. Klyuchevsky, for 1705–1707 this item of expenditure accounted on average for about 90 % of the total revenue, with an annual budget deficit of 25 %. By the end of reign of Peter I, the situation had changed: the army and navy expenses were reduced to 67 % of the nominal budget and to 75.5 % of the real one (Klyuchevskiy, 1989b: 116, 130). Such “successes” were achieved through much trial and error.

At the initial stage, all attempts of Peter I to solve the problem of lack of funds were reduced to four areas: a) restructurization of tax authorities, which supposed to reduce the scale of embezzlement and increase the collection of taxes; b) using the experience of predecessors through coinage; c) creation of a more structured system of monetary units; d) introduction of new charges. However, these measures did not produce the desired effect: the budget deficit grew every year. It became clear that it was necessary to radically restructure the entire taxation system. The result of this conclusion was the introduction of a poll tax, the share of which in the revenue part of the state budget in 1724 amounted to 53 % (Knyaz’kov, 1914: 271-274, 288-293). According to V.O. Klyuchevsky, such an alignment was in complete conflict with the principles of mercantilism policy, when the main burden of taxes fell on the taxable population, while indirect taxation did not live up to expectations even with the intensive growth of trade and manufacturing industry (Klyuchevskiy, 1989b: 131). It is necessary to repeat the conclusion drawn for the economic policy of the Russian state in the 17th century: during the reign of Peter I, there was a chaotic nature of the taxation system reform due to the need to maintain the army and navy and not concern for the improvement of the financial system.

As known, the first Russian emperor was a supporter of mercantilism policy, therefore, he attached great importance to the development of trade, both external and internal. However, the methods used in the first quarter of the 18th century were predominantly administrative in nature. It is necessary to consider the following methods precisely in this vein: the introduction of state monopolies for the sale of a certain list of goods that were supposed to bring maximum income to the treasury; the forcible creation of “kumpans” (*kumpanstva*), i.e. formations of several merchants who were under the strict control of the state; the forced movement of the trade flow from Arkhangelsk to St. Petersburg. Of course, such measures were far from the principles of the market economy and brought serious disorganization into the system of trade relations (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 85-86). At the same time, positive trends that took place during this period and were associated with the restructurization of trading corporations (the former hundreds (*sotny*) acquired a new design in the form of guilds), the policy of protectionism (Customs tariff (*Tamozheniy Tarif*) of 1724) (Pavlenko, 1994: 491), the construction of canals (Ivanovsky Canal, The Vyshnevolotsk water system, the canal between the Mologa and Syas rivers, the Ladoga bypass canal, etc.), acquiring the coast of the Baltic Sea could not overcome the negative effect of the economic and social costs of Petrine reforms (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 88).

In many ways, the situation was similar in relation to industry. The main thesis in this case will sound as follows: it was the state needs that determined the emergence and rapid growth of “large” manufactories. Most industrial enterprises were opened with public funds. Even after the victory in the Great Northern War following the results of the Battle of Poltava began to seem like a reality and the state began to develop private enterprise, the latter was under strict state tutelage. Despite the impressive figures indicating the growth of private manufacturing industry (out of 233 enterprises that appeared in the first quarter of the 18th century (Klyuchevskiy, 1989b: 110), about half were privately owned by the end of the reign of Peter I), a high degree of voluntarism in the state policy should be noted in relation to manufactories, as well as the fact that the lion’s share of their products was the state order. In addition, it is necessary to say about forced, rather

than free-lance labor (registered (*pripisnoye*) and possession (*possessionoye*) peasantry) at these enterprises, which after 1736 became decisive for entire industries (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 89–93).

Thus, most of the features inherent in the market economy were absent in Russia in the first quarter of the 18th century. The state grossly interfered in trade and industrial relations, thereby deforming the main principles of the market – the operation of the laws of supply and demand and the competitive mechanism. Russian merchants and manufacturers could not fully enjoy economic freedom and initiative.

Next, the economic development of the Russian Empire under the successors of Peter I should be considered. It is important to note that not a single international conflict in which Russia participated in 1725–1796 played such a role as it did in the case of the Great Northern War. The hostilities with Turkey are not taken into account in this case, since the Ottoman Empire cannot be considered a state that has achieved any success on the path of modernization. Similarly, it is worth evaluating the participation of the Russian state in the Polish conflicts. The two wars with Sweden could not acquire the same significance for Russia as the Great Northern War, because they ended in victory for the Russian side and this result did not become the basis for any large-scale efforts. The Seven Years' War, which covered a large number of European countries and even outgrew the continental framework due to the fact that hostilities were fought between Great Britain and France for the North American colonies, could break out of this series. However, the Russian troops in the campaign against Prussia were assigned a supporting role, which was repeatedly emphasized by the Conference called to lead Russia and its army during the war (Kersnovskiy, 1992: 110). And the very end of this international conflict did not lead to any serious consequences for the Russian side. The pro-Prussian position of Peter III nullified all the efforts of the Russian army, which did not suffer a single defeat in this war. Based on these considerations, one should speak about a certain impulse of the Great Northern War, which continued to affect the further development of the Russian state, since the transformations of the successors of Peter the Great were largely based on the solid foundation that the first Russian emperor laid.

The economic development of Russia in the 18th century after 1725 was marked by the rapid growth of manufactory industrial production. By the end of the reign of Peter I there were 233 manufactories, while by the middle of the 18th century there were already 683 of them (almost a threefold increase), and by the beginning of the reign of Paul I this number had increased 9–10 times to 2000–2400 units (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 123). At the same time, there was such a tendency as a change in the proportions of merchant and peasant manufactories, in which civilian workers were predominantly employed, in relation to state and patrimonial manufactories where serf labor was predominant. In many ways, this trend was facilitated by the relevant regulatory legal acts. First of all, Berg Regulation (*Berg-Reglament*), published in 1739 during the reign of Anne and providing for the privatization of state-owned metallurgical enterprises should be mentioned (Anisimov, 1994: 446). Secondly, it is necessary to note the Manifesto on Freedom of Entrepreneurship (*Manifest o svobode predprinimatel'stva*), which was published in 1775 and allowed everyone to engage in entrepreneurship (with the exception of industries that provide for the army and the mining industry) (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 119). The further spread of freelance labor was facilitated by decrees of 1752 (establishing restrictions on the purchase of peasants for factory camps (*fabrichnie stany*) from 12 to 40 people) and of 1762 (depriving industrialists in principle of the right to buy serfs for manufactories) (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 108).

The innovation of Catherine's reign was the emergence of peasant manufactory accompanied by the formation of a layer of "capitalist" (*kapitalistie*) peasants. Moreover, towards the late 18th century, the proportion of this category of the population increased significantly. But in this case, this trend should be treated with a great degree of caution, since such manufactories legally belonged to landlords, and the majority of workers were quitrent peasants (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 125–126).

Thus, in the industrial sector of the Russian state of the 18th century, the tendency of the predominance of the manufacturing enterprise was consolidated. However, this phenomenon should be regarded only as a fully formed preparation for the industrial revolution. As a result, in this regard, it is worth talking only about a certain degree of readiness for the start of modernization transformations.

Trade during the reign of Anne and Elizabeth was marked by a confrontation between two trends: on the one hand, there were protectionist measures based primarily on the corresponding customs tariff adopted in 1757; on the other hand, efforts to form a free trade policy were made, when moderate customs duties were established in 1731 (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 108–109). E.V. Anisimov states a serious increase in the trade balance of Russia in the period from 1725 to 1739 (Anisimov, 1994: 443–444). The further development of trade relations under Elizabeth was facilitated by the abolition of internal customs duties carried out in 1754 on the initiative of P.I. Shuvalov. It should be noted that a certain impetus to the growth of trade relations was given by the emergence and formation of the banking sector. The beginning was laid by Anne, who signed the decree on the opening of the Mint (*Monetnaya kontora*). This measure was supported by Elizabeth, under whom in 1754 the creation of noble and Merchant banks was announced. This trend was continued by the activities of the Copper Bank (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 110–115).

In the second half of the 18th century, Catherine II also contributed to the development of trade. In a series of measures, it is necessary to note the liquidation of the Manufacture Collegium (*Manufaktur-*

kollegiya) and the abolition of state monopolies. The liberal policy pursued by the empress led to a significant increase in the volume of domestic trade, which by the beginning of the 19th century reached no less than 500 million rubles (Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009: 115-116). An important role in this regard was played by the introduction of paper money (*assignaty*) in 1769. Of course, relatively poor familiarity with the principles of monetary policy led to an increase in inflation, but this was largely due to the Russian-Turkish war in 1787–1791. (Kamenskiy, 2001: 462). It should be noted that the creation of Assignment banks had as its goal not only the stimulation of trade through the improvement of money circulation in the country and the development of the banking system, but also the same urgent need for finance to solve foreign policy tasks, in particular, the intensification of hostilities during various military conflicts.

Thus, it is necessary to denote a fairly rapid pace of trade development under the successors of Peter I, which was largely facilitated by various measures taken in 1725–1796. However, it is worth mentioning the strengthening of serfdom, which significantly hindered the development of economic relations, in general, as well as the manufacturing industry and trade, in particular.

Despite the new trends that emerged in the industrial and commercial spheres, agricultural production continued to play a leading role in the national economy throughout the 18th century. Of course, the urban population was increasing, but this growth was not the determining factor that would have made it possible to record large-scale changes in the structure of the Russian economy. Moreover, in percentage terms, the share of urban dwellers in the social composition of the population in European Russia does not show a clear trend. Thus, B.N. Mironov defines the proportion of city dwellers as follows: in 1719 – 3.9 %, in 1762 – 2.8 %, and, finally, in 1795 – 4.2 % (Mironov, 2018: 445).

L.V. Milov in his fundamental work “The Great Russian Ploughman and peculiarities of the Russian historical process” outlines the following trends in the development of agriculture in the Russian state of the 18th century: traditionalism in relation to farming methods determined by the dominance of a three-field crop rotation throughout European Russia (Milov, 2001: 32-33, 38); widespread subsistence farming (Milov, 2001: 35); an extensive development path associated with the use of such a farming system as fallow and “maximum exploitation of the land fertility” leading to plowing (*vypahannost'*) of the soil, i.e. “reducing the fertility of regular arable land”, however, increased attention was paid to the intensification of soil cultivation through manure fertilization and “increasing the frequency of plowing and harrowing” (Milov, 2001: 38, 57, 93-109); the prevalence of the plow (*sokha*) as the main agricultural tool, while there was a widespread use of binots (*kosulya*), and also involved plows, scratch plows (*ralo*), harrows (*borona*) (Milov, 2001: 77-85, 87-93), etc.

In this case, one cannot ignore the fact that government policy led to a rapid growth in peasant crafts and seasonal works (*otkhodnichestvo*), which resulted in the expansion of the labor market and increase in the number of manufactories (Milov, 2001: 550). A certain role was played by the foundation of the Free Economic Society in 1765 trying to achieve an increase in labor productivity in agriculture, which should have affected the increase in the degree of its marketability. However, the dominance of serfdom severely limited the development of these innovations. The general review we have made in relation to the agricultural sector allows to conclude that there is a rather high degree of conservatism in the sphere of agricultural production, which clearly hindered the formation of modernization processes in the Russian state.

5. Conclusion

To sum up the general results of our study, the Russian society of the 17th century must be characterized as a typical traditional society. This is evidenced by the intensive formation of the absolute monarchy, completion of serfdom registration, and mentality based on appropriate social attitudes. At the same time, the economy demonstrated a higher level of readiness for transformations of the modernization type: the greatest degree of conservatism was inherent in agriculture, while in trade, industrial production and, in general, the economic policy of the state, the first sprouts were outlined, indicating the best starting opportunities for the transition of Russia from an agrarian society to an industrial one.

The 18th century was marked by even greater changes on the path to modernization. The cornerstone event in this case was the Great Northern War, which, due to the defeats of the Russian state at the initial stage, predetermined many of the reforms introduced by Peter I. He became a kind of an actor for these processes willing to turn Russia into a European power. In the future, his successors relied on the achievements of the Russian state in the first quarter of the 18th century when carrying out their reforms, quite often referring to the activities of the first Russian emperor. This allows us to conclude that the modernization mechanism in Russia was of a mobilization nature and was determined by the “challenges” of the West in the form of the Great Northern War.

It is necessary to correctly assess the significance of transformations in Russia throughout the 18th century for the development of modernization trends. In the political sphere, the final formation of the absolute monarchy and authoritarian regime under Peter I, which during the reign of Northern Semiramis acquired a more presentable form of “enlightened absolutism”, was outlined. The social sphere was marked by an even more serious strengthening of serfdom, which reached its apogee during the reign of Catherine II. The spiritual world of the main part of the Russian society has not undergone any changes, with the

exception of the nobility and the top of the urban population, which to a greater extent began to have features of the European mentality.

The Russian economy has found itself in the orbit of a more serious level of change. However, in its pure form, the basic characteristics of the market economy have not yet taken shape in it. This was largely due to the hypertrophy of the state in the development of economic relations, which significantly limited the economic freedom of both producers and consumers. Private and state property increased their presence in the economy of the Russian Empire, but agriculture was still dominated by collective-community land ownership. Manufactory production and trade volumes grew by leaps and bounds, especially during the reign of Catherine II, but the priority remained with the agrarian sector of the Russian economy. Despite the fact that many enterprises in the Russian Empire of the period under study were called factories and plants, in reality they had all the characteristics of a manufactory, since machine production did not become a determining factor in them. Proceeding from this, it is impossible to speak about the formation of a serious scale of mass production and mass consumption in Russia. Thus, one should agree with the opinion of B.N. Mironov and I.V. Poberezhnikov that transformations of the Russian state throughout the 18th century should be regarded only as protomodernization, while the beginning of the real transition of the Russian society from an agrarian society to an industrial one should be attributed to later period – not earlier than the 30s of the 19th century – when the first manifestations of the industrial revolution were identified.

References

- Anisimov, 1994** – *Anisimov, E.V.* (1994). *Rossiya bez Petra: 1725-1740* [Russia without Peter]. Saint Petersburg. 496 p. [in Russian]
- Bagdasaryan, 2022** – *Bagdasaryan, V.E.* (2022). *Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voyna: monografiya* [Russia – West: civilizational war: monograph]. Moscow. 410 p. [in Russian]
- Bukhovets, 2016** – *Bukhovets, O.G.* (2016). «Gosudarstvo-partiya» v sovremennoi Rossii [“The State-Party” in modern Russia]. *Rossiiskaya mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv.: sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov* [The Russian multi-party system and Russian crises of XX-XXI centuries: collected scientific works and works of round tables]. Edited by P.P. Marchenya, S.Yu. Razin. Moscow. Pp. 34-51. [in Russian]
- Buldakov, 2016** – *Buldakov, V.P.* (2016). *Modernizatsiya v Rossii: giri na nogakh progressa* [Modernization in Russia: the weights on the foofs of progress]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 4: 76-96. [in Russian]
- Eisenstadt, 2001** – *Eisenstadt, S.N.* (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*. 129(1): 1-29.
- Fedotova, 2016** – *Fedotova V.G.* (2016). *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and culture]. Moscow. 336 p. [in Russian]
- Gavrov, 2004** – *Gavrov, S.N.* (2004). *Modernizatsiya vo imya imperii: Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the name of the empire: socio-cultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow. 352 p. [in Russian]
- Huntington, 2016** – *Huntington, S.P.* (2016). *The clash of civilizations? Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY. Pp. 99-118.
- Kamenskiy, 2001** – *Kamenskiy, A.B.* (2001). *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of XVIII century (methods of integral analysis)]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Kapustin, 2001** – *Kapustin, B.G.* (2001). *Konets «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletia)* [Is it the end of “transitology”? (About the theoretical interpretation of the first Postcommunist decade)]. *Polis*. 4: 6-26 [in Russian]
- Kersnovskiy, 1992** – *Kersnovskiy, A.A.* (1992). *Istoriya russkoy armii v 4 tomakh* [The History of the Russian Army in 4 volumes]. Moscow. V. 1. 304 p. [in Russian]
- Khantington, 2006** – *Khantington, S.* [2006]. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations]. Translated by T. Velimeev. Moscow. 571 p. [in Russian]
- Klyuchevskiy, 1989a** – *Klyuchevskiy, V.O.* (1989). *Sochineniya* [Works]. In 9 vol. Vol. 3. *Kurs russkoy istorii* [The Course of the Russian History]. Part 3. Moscow. 414 p. [in Russian]
- Klyuchevskiy, 1989b** – *Klyuchevskiy, V.O.* (1989). *Sochineniya* [Works]. In 9 vol. Vol. 4. *Kurs russkoy istorii* [The Course of the Russian History]. Part 4. Moscow. 398 p. [in Russian]
- Knyaz'kov, 1990** – *Knyaz'kov, S.* (1990). *Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni* [The essays from the history of Peter the Great]. Saint Petersburg. 668 p. [in Russian]
- Konovalov i dr., 2014** – *Konovalov, A.A., Tomazov, M.S., Bun'kova, Yu.V.* (2014). *Kontsept gosudarstvennosti i politicheskaya kul'tura imperskoi Rossii na rubezhe XVIII-XIX vv.* [The concept of state system and political culture of Imperial Russia at the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 1. Part 2: 97-103. [in Russian]
- Kozhevnikova, 2011** – *Kozhevnikova, L.M.* (2011). *Rol' krest'yanskoi obshchiny v agrarnoi istorii i sud'be Rossii* [The role of peasants' community in the history and destiny of Russia]. *Historical,*

Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 7(13). Part 3: 85-90. [in Russian]

Milov, 2001 – *Milov, L.V.* (2001). Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [The Great Russian Ploughman and peculiarities of the Russian historical process]. Moscow. 576 p. [in Russian]

Mironov, 2017 – *Mironov, B.N.* (2017). Spornye voprosy imperskoi, sovetskoi i postsovetskoi modernizatsii [Argumentative issues of imperial, Soviet and Post-Soviet modernizations]. *Ural'skii istoricheskii vestnik.* 4(57): 16-24. [in Russian]

Mironov, 2018 – *Mironov, B.N.* (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 1. Saint Petersburg. 896 p. [in Russian]

Murav'eva, 2001 – *Murav'eva, L.A.* [2001]. Ekonomika i finansy Rossii v XVII veke: istoricheskii aspekt [Economy and finances of Russia in the 17th century: historical aspect]. *Finansy i kredit.* 4(76): 81-87. [in Russian]

Murav'eva, 2005 – *Murav'eva, L.A.* (2005). Rossiyskoe predprinimatel'stvo v XVII veke [The Russian entrepreneurship in the 17th century]. *Daidzhest-Finansy.* 4(124): 51-59. [in Russian]

Pavlenko, 1994 – *Pavlenko, N.I.* (1994). Petr Velikii [Peter the Great]. Moscow. 595 p. [in Russian]

Poberezhnikov, 2014 – *Poberezhnikov, I.V.* (2014). Teorii modernizatsii [Theories of modernization]. *Teorija i metodologija istorii.* Edited by V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd. Pp. 133-152. [in Russian]

Poberezhnikov, 2015 – *Poberezhnikov, I.V.* (2015). Chelovecheskiy potentsial rossiyskoy imperskoy modernizatsii [Human potential of the Russian imperial modernization]. *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XIX–XX vv.: sb. nauch. st.* Edited by V.V. Alekseev; the Institute of History and Archeology UrO RAN. Ekaterinburg. Pp. 11-16 [in Russian]

Poberezhnikov, 2021 – *Poberezhnikov, I.V.* (2021). Modernizatsiya v istorii Rossiyskoy imperii i SSSR: obshchee i osobennoe [Modernization in the History of the Russian Empire and the USSR: general and peculiar]. *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy stoletiyu nachala NEPa.* Edited by V.A. Il'inykh, V.M. Rynkov; the Institute of History SO RAN. Novosibirsk. Pp. 89-99. [in Russian]

Porshneva, 2000 – *Porshneva, O.S.* (2000). Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoi mirovoi voiny (1914 – mart 1918) [Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during World War I (1914-March of 1918)]. Ekaterinburg. 416 p. [in Russian]

Sztompka, 2015 – *Sztompka, P.* (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited.* Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore. Pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003

Toffler, Toffler, 2005 – *Toffler, E., Toffler, Kh.* (2005). Voyna i antivoyna: Chto takoe voyna i kak s ney borot'sya na rassvete XXI veka [War and Anti-War: What is War and how to fight with it during the early 21st century]. Moscow. 412 p. [in Russian]

Toynbi, 2006a – *Toynbi, A.J.* (2006). Issledovanie istorii [A study of history]. In 3 volumes. Translated from English, foreword and comments by K.Ya. Kozhurin. Saint Petersburg. Vol. 1. 408 p. [in Russian]

Toynbi, 2006b – *Toynbi, A.J.* (2006). Issledovanie istorii [A study of history]. In 3 volumes. Translated from English, foreword and comments by K.Ya. Kozhurin. Saint Petersburg. Vol. 3. 479 p. [in Russian]

Vereshchagin, Khayrtdinov, 2009 – *Vereshchagin, A.S., Khayrtdinov, R.Kh.* (2009). Istoriya rossiyskogo predprinimatel'stva: ot istokov do nachala XX veka. Ucheb. Posobie [The History of the Russian entrepreneurship: from the cradle till the early 20th century. Textbook]. Ufa. 245 p. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1103-1109
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1103

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Census Books and the Issue of Population Fluctuations in the Time of Peter the Great

Denis A. Lyapin ^{a, *}

^a Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract

There is a difficult question about the time of the reign of Peter I – this is the question of fluctuations in the population of Russia. It was a difficult time of transformation and a long Northern War. Scientists turned to this topic only at the beginning of the 20th century, focusing on the study of mass household censuses of this time. During discussions, the scientific community has questioned the credibility of these sources. As a result, although this topic remained relevant, a tradition arose to ignore the data of the Petrine censuses and consider them unreliable. This article continues a series of works by the author aimed at revising the skeptical view of the censuses of Peter the Great. The article shows the possibilities of censuses as a source for studying fluctuations in the population of Russia in the first quarter of the 18th century. It is concluded that the population of specific regions at that time significantly decreased. A total of ten Landrat censuses were studied. They should be considered together with the data of the description of 1710, from which they all start. Data from the Landrat books indicate that the population of specific regions at that time significantly decreased. In places, the decline since 1710 was 50 %. The main reason for the decline was the high mortality rate. It is concluded that the Landrat census remains undeservedly outside the attention of the scientific community. This is connected not only with the historiographical tradition. The problem is the complexity of working with these sources. It is a difficult task to obtain summary systematic data from this information. This requires a lot of long work. Scribal accounts are often complex and confusing, books do not have a single form. However, Landrat books can be a valuable source for studying population fluctuations.

Keywords: censuses, historical demography, Peter I, taxation, population, Landrat censuses.

1. Введение

Время правления Петра I (1689–1725) характеризуется кардинальными системными реформами, направленными на создание нового государства (Редин, 2022: 5-6). Преобразования и затянувшаяся война закономерно требовали от правительства увеличения налоговых сборов. Для этого в 1710 г. была проведена перепись податного населения, ставшая традиционным продолжением предыдущих, проводившихся в 1646 и 1678 гг. Переписчики составляли описание дворов и проживавших в них людей (впервые стали фиксировать женщин) на основании предыдущих данных (1678). Однако перепись не принесла дохода казне и Петром было объявлено о недобросовестной работе переписчиков (Доклады и приговоры..., 1901: 302; Милуков, 1905: 471-472; Зенченко, 2010: 53). Затем проведены административные преобразования, в ходе которых убернии были разделены на ландратские доли, в которых учредили должности ландратов – помощников губернаторов из числа местных дворян (Дмитриева, Козлов, 2020: 240). По указу Петра I от 10 декабря 1715 г. ландратам поручалось провести новое описание дворов (без «утайки и поноровки») во всех губерниях (ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. № 2964. С. 185).

Вторая перепись началась в 1716 г. и была рассчитана на два года. Власти требовали максимально полной фиксации всего населения податного двора с указанием возраста, а затем

* Corresponding author

E-mail addresses: lyapin-denis@yandex.ru (D.A. Lyapin)

сравнение этих данных с материалами предыдущих переписей 1678 и 1710 гг. Переписчики должны были фиксировать причины «убыли» или «прибыли» жителей каждого двора. В результате выполнения такой сложной задачи перепись сильно затянулась, к тому же впервые она была поручена местным органам власти. Каждый ландрат понимал стоящую перед ним задачу по-своему, поскольку не было единого формуляра, инструкций или образца.

В 1718 г. не дожидаясь окончательных итогов ландратской переписи, Петр I принял решение о переходе к принципиально новой системе сбора налогов – подушевой (ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. № 3287. С. 618-620). При этом начатая ландратами работа была доведена до конца и окончена в 1720 г. (вместе с упразднением их должности). В 1718 г. начался сбор «сказок» с мужского населения для нового налогообложения, а затем они проверялись в ходе специальной ревизии (Богословский, 1911: 56). Очередная перепись растянулась на 10 лет и была окончена уже после смерти Петра в 1728 г.

2. Материалы и методы.

Главным источником данной статьи послужили переписные книги 1716–1720 гг., отложившиеся в Российском государственном архиве древних актов (Москва, Российская Федерация). Поскольку их составление было поручено ландратам, в историографии за этой переписью закрепился термин «ландратская», а составленные по ее итогам книги получили название «ландратских». Всего было изучено десять таких книг, относящихся к разным губерниям Центральной России. В качестве дополнительных источников были привлечены документы Полного собрания законов Российской империи.

Методология работы связана с применением в первую очередь формулярного анализа. Он позволил определить внутреннюю структуру каждого изученного документа, прежде чем перейти к изучению его данных. Затем применялся сравнительный анализ, направленный на сопоставление материалов ландратских книг разных регионов страны. Наконец, важное место занимал описательный анализ, связанный с обобщением результатов, полученных в ходе работы с массовыми источниками, на основании которых осуществлялась визуализация в форме таблиц и диаграмм. Работа с материалами, имевшими главным образом фискальные цели, проводилась с учетом относительности их данных для получения статистической информации. Тем не менее, использование вероятно-статистического метода помогло определить общее направление демографических колебаний. В таком контексте типологический метод позволил сделать выводы, характеризующие динамику численности населения того или иного региона.

3. Обсуждение

Кардинальные преобразования Петровской эпохи, изменившие облик России, всегда вызывали различного рода дискуссии. Но прошло много времени, прежде чем в центре внимания оказался вопрос о колебаниях численности населения. Это случилось благодаря публикации книги П.Н. Милюкова о «государственном хозяйстве» и реформах Петра I (1905) (Милюков, 1905). По подсчетам историка убыль населения с 1678 г. по 1710 г. (годы переписей) составила почти 20 % (Милюков, 1905: 152). Хотя вопрос о резком падении численности в начале XVIII в. косвенно затрагивался А.А. Киезеветтером в 1903 г. В книге о посадской общине ученый подсчитал, что по итоговым данным подушной переписи в России значилось всего 5 655 953 податной души мужского пола – очень небольшая цифра для своего времени (Киезеветтер, 1903: 81).

Первые попытки изучить колебания численности населения, связанные с работами М.П. Милюкова и А.А. Киезеветтера, поставили вопрос о необходимости критического подхода к массовым источникам. В этой связи в 1911 г. увидела свет магистерская диссертация М.В. Ключкова, посвященная переписям населения Петровского времени (Ключков, 1911). Ученый не согласился с цифрой П.Н. Милюкова о падении численности на 19,5 %, снизив ее до 10 %. М.В. Ключков полагал, что война в 1715–1716 гг. на территории России прекратилась и население стало увеличиваться, что должно было отразиться в данных первой подушевой переписи. Однако в отдельной обстоятельной статье М.В. Ключков, изучив материалы первой ревизии (1718–1728), не смог однозначно подтвердить свое предположение. Он отметил, что в 1728 г. правительство инициировало сбор итоговых данных по переписным книгам 1678 г. для сравнения их с материалами подушной переписи. В итоге было посчитано, что в переписных книгах 1678 г. зафиксированы 2 135 784 человек, а по новым данным – 2 922 598 человек (Ключков, 1915: 150). Однако М.В. Ключков не считал, что разница в этих цифрах доказывает рост населения и «надо смотреть на эту прибыль несколько иначе». Подушная перепись позволяла расширить число налогоплательщиков, и именно этим она порадовала власти (Ключков, 1915: 150).

Тем не менее, историки последующего времени считали, что М.В. Ключков установил факт роста населения в эпоху Петра I. Показательно излагается ситуация в «Очерках истории СССР» (1954) за авторством А.Л. Шапиро. Историк развил осторожные выводы М.В. Ключкова в том направлении, что население страны безусловно увеличилось, указывая, что по данным переписи 1678 г. в России проживало 2 135 784 человек. А первая ревизия 1728 г. показала, что теперь страна располагает населением почти в 3 млн. чел. (Очерки истории СССР..., 1954: 154).

Итак, сделанные в 1728 г. официальные подсчёты, приведенные в статье М.В. Ключоква, стали служить доказательством роста населения в первой четверти XVIII в. и основой для скептического отношения к петровским подворным переписям, так как их данные свидетельствовали об обратном. Однако сравнение данных подушной переписи 1728 и подворной 1678 гг. не могут дать объективных результатов. Принимая на веру выводы правительства, следует также безоговорочно довериться данным 1678 г., тогда как они были достоверны максимум на 70 % (Водарский, 1968). Следовательно, если мы признаем достоверными данные 1728 г. (2 922 598 человек), то сравнивая их с показателями 1678 г. (2 135 784 человек) следует прибавить к последней цифре признанную сегодня погрешность почти в 30 % достоверности – 640 735 человек, и получить 2 776 519 человек. Кроме того, подушная перепись проводилась 10 лет, а подворная 1678 г. всего год. Это было связано с тем, что переписчики XVIII в. стремились обложить налогом максимально возможное число подданных империи. Показательно, что в 1725 г. было решено переписать для обложения налогом сирот, лиц старых, больных, находящихся в богадельнях, госпиталях, и нищих - всех кто «шатается без служб» и все равно никакой «пользы государству не приносит» (ПСЗ. Т. 7. СПб., 1830. № 4522. С. 298, 299). Очевидно, что эти категории населения никогда не попадали в прошлые описания. Подушная перепись в итоге стремилась соотнести число податного населения с размерами выплат, но реально «душа» превратилась в условную единицу налогообложения, хотя официально это было признано только в 1783 г. (Ключевский, 1990: 202-203).

А.Л. Шапиро упрекал П.Н. Милокова в том, что его данные, основанные на материалах 1710 г., не учитывают новые градации населения. Однако любая подворная перепись построена так, что она не интересуется градациями, а только дворами, отталкиваясь от прошлых данных. Эта логика была главной и для Ландратской переписи, которая исходила из материалов 1710 г. Таким образом, формировалась традиция подворного описания конкретного региона, отражающая общую тенденцию колебаний численности населения. Показательно, что никто из историков не считал, что переписи первой четверти XVIII в. были необъективны по причине массового укрывательства от налогов. Технически это было довольно сложно и потому процент скрывшихся от бдительных глаз переписчика вряд ли был велик. Во всяком случае, он точно не мог быть большим, чем в 1678 г. (25-30 %) (Водарский, 1968).

Итак, сравнение данных подворной переписи 1678 г. и первых результатов подушного налогообложения 1728 г. нельзя считать однозначно достоверными для выводов о росте населения. Тем не менее историки стали обходить вниманием переписи петровского времени, считая их недостоверными. Ведь они свидетельствовали о падении численности населения, противореча официальным данным 1728 г. К примеру, изучающий численность населения России Я.Е. Водарский решил остановиться только на данных 1678 и первой ревизии (Водарский, 1977). По мнению ученого только по дворцовым (государственным) землям можно получить более-менее точные выводы, и они сводятся к тому, что численность населения не изменилась (Водарский, 1977: 195). Осторожен в оценках итогов подушной переписи был и В.М. Кабузан, отметивший несовершенство ее организации (Кабузан, 1990: 13). Рассматривая особенности проведения податной реформы 1718–1728 гг., Е.В. Анисимов не остановился на рассмотрении подворных переписей, отметив, что они были лишь неудачным опытом организации сбора податей (Анисимов, 1982: 38).

4. Результаты

Нами было изучено десять Ландратских переписей: Елецкая, Козловская, Воронежская (Воронежская губерния), Белгородская, Миропольская (Киевская губерния), Дорогобужская (Рижская губерния), Мещовская (Смоленская губерния), Тульская и Лихвинская (Московская губерния), Царевококшайская (Казанская губерния). Их стоит рассматривать в совокупности с данными описания 1710 г., от которого все они так или иначе отталкиваются. По итогам проделанной работы отметим, что ландратские книги несут в себе массу ценной исторической информации, связанной с социальной, гендерной, экономической и повседневной историей определенного региона (Захаров, Ляпин, 2021; Ляпин, 2021). Однако в контексте данной статьи нас интересуют информативные возможности этого вида источника для получения данных о численности населения.

Обратимся для примера к данным по бывшему Елецкому уезду (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 113). Можно совершенно точно говорить о падении здесь численности податного служилого населения: их количество с 1710 г. упало сразу на 58 %. Причины убыли представлены в Таблице 1. Как видим, главная причина заключалась в смертности (73 %).

В строке «Взяты на службу или на работы» имеется ввиду поступление в солдаты, отправка на работы в Санкт-Петербург, служба в полках ландмилиции. Смена места жительства была обусловлена браком или переездом по иным причинам. Вызывает также интерес информация о числе дворов в 1716 гг. в трех крупнейших сельских поселениях уезда (Таблица 2). Здесь мы видим, что количество пустых дворов (41) было немного меньшим жилых, включая вдовьи (59). Это обстоятельство также свидетельствует о том, что население в данной местности значительно убыло.

Таблица 1. Убыль населения в границах бывшего Елецкого уезда с 1710 по 1716 гг.

№	Причина убыли	В процентах от общего числа
1	Смерть	73
2	«Бежали безвестно»	17
3	Смена места жительства	4
4	Взяты на службу или на работы	3,3
5	«Ходят меж дворы»	1,5
	Итого	100

Таблица 2. Численность и состав дворов с. Пищулино, д. Ищеино и с. Архангельское (Новосильское) в 1716 г.

Соц. категории	Количество обычных дворов (наличные дворы с мужчиной во главе)	Вдовьи дворы	Пустые дворы
Церковнослужители	5		2
Копейщики			1
Рейтары	11	2	8
Солдаты	14	3	9
Городовые службы	17	6	21
Прапорщик		1	
Итого	47	12	41

В соседнем Козловском уезде в одном стане (мелкой административной единице) общее количество населения в 1716 г. составило около 1200 человек, тогда как количество «убылых» с 1710 г. – 454 человека (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 188). Подобного рода потери можно охарактеризовать как весьма существенные. Если исключить число родившихся и переселившихся (около 200 человек), то они составили почти 50 %. При этом число «убылых» мужчин было 211 человек, а женщин – 243. Детей же до 15 лет убыло 128 человек или 35 %.

Причины убыли населения двора сводились к следующим: 1) умер; 2) переехал (сменил место жительства); 3) пропал без вести; 4) «бродит меж дворов»; 5) «в солдатах»; 6) попал в плен. Смена места жительства обычно была связана с браком женщины, вызвавшим ее переезд в другое село или деревню. Соотношение различных причин убыли населения представлены на [Рисунке 1](#).

Рис. 1. Соотношение убывших жителей Козловского уезда 1710 по 1715 г. с указанием причин убыли

Убыль населения отмечается во всех изученных нами переписях. В Воронежской книге приводилось сравнение данных по различным податным категориям с переписью 1678 г. Здесь мы видим падение численности крестьян и бобылей на 52 % (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 94. Ч. 1). Обратимся для примера к описанию крестьянских дворов князя Мосальского в с. Чертовицкое (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 94. Ч. 1. Л. 686-690). Согласно данным переписи, в 1716 г. «на лицо» было 26 дворов, в которых проживали 92 мужчины и 103 женщины (195). При этом по переписи 1710 г. значился 41 двор, т.е. за 6 лет убыло 15 дворов, в которых проживали 28 человек. Далее следуют подсчеты возраста убывших от полугода да 90 лет, а затем информация о причинах убыли: умерло 11 человек, переведено в другое место жительства 9 человек, бежали 5 чел., отправлены в Санкт-Петербург в работники 3 чел.

5. Заключение

Таким образом, ландратская перепись остается за пределами внимания научного сообщества за редкими исключениями (Фурсов, 2018) незаслуженно. Отсутствие должного внимания к этим переписям связано не только со сложившейся традицией, но также с тем, что ландратские книги сложны для изучения: они не имеют единого формуляра, тетради шитых книг бывают перепутаны, информация по населению одного поселения «разбросана» в разных частях текста. Получить общие систематические данные из этих сведений – весьма трудоёмкая задача. Подсчеты писцов часто сложны и запутаны: они вычитают «убылое» население после 1678 или же после 1710 гг., потом прибавляют «прибылое», а тех «что налицо» расписывают по категориям в разных частях книги, местами дублируя информацию. Однако нет сомнений в том, что ландратские книги могут стать ценным источником для изучения колебания численности населения. Проведенная нами работа с конкретными переписями показывает, что население отдельных территорий убывало. Падение числа дворов во всех сельских поселениях и абсолютное доминирование смертности над рождаемостью – факты, говорящие сами за себя. Конечно, к этим сведениям регионального характера надо относиться осторожно, но все же они отражают определенную общую тенденцию.

Задумывая подушную подать Петр I стремился получить с населения деньги на содержание полков после Северной войны. Но в итоге сиюминутная необходимость легла в основу доходов казны страны на огромный период времени (Ключевский, 1990: 269). Демонстрируя успехи в обложении налогами подданных в 1728 г. власти как бы соревновались с допетровской эпохой и лишней раз подчеркивали правильность преобразований. Но их главная цель была не в том, чтобы убедить себя и других в росте населения, а в том, чтобы показать эффективность новой системы сбора налогов в государственную казну.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Литература

- Анисимов, 1982 – Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л.: АН СССР, 1982. 296 с.
- Богословский, 1911 – Богословский М.М. Введение подушной подати и крепостное право / Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911. Т. 1. С. 52-65.
- Водарский, 1968 – Водарский Я.Е. К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // *История СССР*. 1968. № 2. С. 133-143.
- Водарский, 1977 – Водарский Я.Е. Население России в конце XVII–начале XVIII вв.: численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: АН СССР, 1977. 263 с.
- Дмитриева, Козлов, 2020 – Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.
- Доклады и приговоры..., 1901 – Доклады и приговоры состоявшиеся в правительственном Сенате в царствование Петра Великого. Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. VI. Кн. 1. СПб., 1901. С. 302.
- Захаров, Ляпин 2021 – Захаров А.В., Ляпин Д.А. Служилые люди и помещики Азовской губернии при Петре I: к вопросу о социальной идентичности по массовым источникам 1710–1723 гг. // *История: факты и символы*. 2021. № 4 (29). С. 83-98.
- Зенченко, 2010 – Зенченко М.Ю. Как провалилась перепись 1710 года // *Родина*. 2010. № 8. С. 52-54.
- Кабузан, 1990 – Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.
- Кизеветтер, 1903 – Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Университетская типография, 1903. 810 с.
- Клочков, 1911 – Клочков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. СПб.: Сенатская типография, 1911. 435 с.

[Клочков, 1915](#) – *Клочков М. В.* Очерки подушной переписи при Петре Великом // *ЖМНП*. Январь. 1915. С. 110-150.

[Ключевский, 1990](#) – *Ключевский В.О.* Подушная подать и отмена холопства в России // *Сочинения в девяти томах. Т. VIII.* / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. С. 194-270.

[Милоков, 1905](#) – *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

[Очерки истории СССР..., 1954](#) – *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.* Под ред. Б.Б. Кофенгауза, Н.И. Павленко. М.: АН СССР, 1954. 815 с.

[ПСЗ](#) – Полное собрание законов Российской империи.

[РГАДА](#) – Российский государственный архив древних актов.

[Редин, 2022](#) – *Редин Д.А.* «Ментальное государство» Петра Великого: эволюция политического дискурса в России первой четверти XVIII в. / «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России. Под ред. Д.А. Редина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 5-22.

[Фурсов, 2018](#) – *Фурсов С.В.* Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г. // *История: факты и символы*. 2018. № 4 (17). С. 86-94.

References

[Anisimov, 1982](#) – *Anisimov, E.V.* (1982). Podatnaya reforma Petra I [Tax reform of Peter I]. Leningrad, AN SSSR, 296 p. [in Russian]

[Bogoslovskiy, 1911](#) – *Bogoslovskiy, M.M.* (1911). Vvedenie podushnoy podati i krepostnoe pravo [The introduction of the poll tax and serfdom]. Velikaya reforma: russkoe obshchestvo i krest'yanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem. Moscow, T-vo Sytina, t. 1: 52-65. [in Russian]

[Dmitrieva, Kozlov, 2020](#) – *Dmitrieva, Z.V., Kozlov, S.A.* (2020). Nalogi i voyny v Rossii XVI–XVIII vv. [Taxes and wars in Russia in the 16th–18th centuries]. Sankt-Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 568 p. [in Russian]

[Doklady i prigovory..., 1901](#) – *Doklady i prigovory sostoyavshiesya v pravitel'stvennom Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo* [Reports and sentences held in the government Senate during the reign of Peter the Great]. Pod red. N.F. Dubrovina, t. VI (1). Sankt-Petersburg, 1901. P. 302. [in Russian]

[Fursov, 2018](#) – *Fursov, S.V.* (2018). Gorod Dobryy i uezd po materialam landratskoy perepisi 1716 g. [Dobry city and county based on the materials of the Landrat census of 1716]. *Istoriya: fakty i simvolyy*. 4(17): 86-94. [in Russian]

[Kabuzan, 1990](#) – *Kabuzan, V.M.* (1990). Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost' i etnicheskyy sostav [The peoples of Russia in the XVIII century. Number and ethnic composition]. Moscow, Nauka, 256 p. [in Russian]

[Kizevetter, 1903](#) – *Kizevetter, A.A.* (1903). Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st. [Posad community in Russia XVIII century]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 810 p. [in Russian]

[Klochkov, 1911](#) – *Klochkov, M.V.* (1911). Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni [The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time]. T. 1. Sankt-Petersburg, Senatskaya tipografiya, 435 p. [in Russian]

[Klochkov, 1915](#) – *Klochkov, M.V.* (1915). Ocherki podushnoy perepisi pri Petre Velikom [Essays on the poll census under Peter the Great]. *ZhMNP*. Pp. 110-150. [in Russian]

[Klyuchevskiy, 1990](#) – *Klyuchevskiy V.O.* (1990). Podushnaya podat' i otmena kholopstva v Rossii [Poll tax and the abolition of servility in Russia]. *Sochineniya v devyati tomakh*, t. VIII. Pod red. V.L. Yanin. Moscow, Mysl', pp. 194-270. [in Russian]

[Milyukov, 1905](#) – *Milyukov, P.N.* (1905). Gosudarstvennoe khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII st. i reforma Petra Velikogo [The state economy of Russia in the first quarter of the XVIII century. and the reform of Peter the Great]. Sankt-Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 678 p. [in Russian]

[Ocherki istorii SSSR..., 1954](#) – *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya v pervoy chetverti XVIII v. Preobrazovaniya Petra I* [Essays on the history of the USSR. period of feudalism. Russia in the first quarter of the 18th century Transformations of Peter I]. Pod red. B.B. Kofengauza, N.I. Pavlenko. Moscow, AN SSSR, 1954. 815 p. [in Russian]

[PSZ](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

[Redin, 2022](#) – *Redin, D.A.* (2022). «Mental'noe gosudarstvo» Petra Velikogo: evolyutsiya politicheskogo diskursa v Rossii pervoy chetverti XVIII v. [The “mental state” of Peter the Great: the evolution of political discourse in Russia in the first quarter of the 18th century]. «*Mental'noe gosudarstvo*» Petra Velikogo i regiony v pervoy chetverti XVIII v.: materialy i issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya v Rossii. Pod red. D.A. Redina. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. Pp. 5-22. [in Russian]

[RGADA](#) – *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. [in Russian]

[Vodarskiy, 1968](#) – *Vodarskiy, Ya.E.* (1968). K voprosu o dostovernosti perepisnykh knig XVII v. [To the issue of the reliability of census books of the 17th century]. *Istoriya SSSR*. 2: 133-143. [in Russian]

[Vodarskiy, 1977](#) – *Vodarskiy, Ya.E.* (1977). Naselenie Rossii v kontse XVII–nachale XVIII vv.: chislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshchenie) [Population of Russia at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries: number, class composition, distribution)]. Moscow, AN SSSR, 263 p. [in Russian]

[Zakharov, Lyapin, 2021](#) – *Zakharov, A.V., Lyapin, D.A.* (2021). Sluzhilye lyudi i pomeshchiki Azovskoy gubernii pri Petre I: k voprosu o sotsial'noy identichnosti po massovym istochnikam 1710–1723 gg. [Service people and landlords of the Azov province under Peter I: on the issue of social identity according to mass sources 1710–1723]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 4(29): 83-98. [in Russian]

[Zenchenko, 2010](#) – *Zenchenko, M.Yu.* (2010). Kak provalilas' perepis' 1710 goda [How the census of 1710 failed]. *Rodina*. 8: 52-54. [in Russian]

Переписные книги и вопрос о колебании численности населения в Петровскую эпоху

Денис Александрович Ляпин ^{а, *}

^а Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Аннотация. Одним из самых сложных вопросов, связанных со временем правления Петра I, является вопрос о колебании численности населения России в годы преобразований и затянувшейся Северной войны. Однако ученые обратились к этой теме только в начале XX в. сосредоточившись на изучении массовых подворных переписей этого времени. В ходе дискуссий научное сообщество поставило под сомнение достоверность этих источников. В итоге, хотя эта тема осталась открытой, появилась традиция не учитывать данные петровских переписей и считать их недостоверными. Настоящая статья продолжает серию работ автора, направленных на пересмотр скептического отношения к массовым источникам петровского времени, а именно к ландратским книгам 1716–1720 годов. В статье показаны возможности переписей как источника по изучению колебаний численности населения России в первой четверти XVIII в. Всего было детальной изучено десять ландратских переписей. Их стоит рассматривать в совокупности с данными описания 1710 г., от которого все они отталкиваются. Данные ландратских книг свидетельствуют о том, что население конкретных регионов в это время уменьшилось. Местами убыль с 1710 г. составила 50 %. Главной причиной этого была смертность населения. Делаются выводы, что ландратская перепись остается за пределами внимания научного сообщества незаслуженно. Это связано не только с историографической традицией. Проблема в сложности работы с этими источниками. Получить общие систематические данные из этих сведений – весьма трудоёмкая задача. Подсчеты писцов часто сложны и запутаны, книги не имеют единого формуляра. И все же Ландратские книги могут стать ценным источником для изучения колебания численности населения.

Ключевые слова: переписи, историческая демография, Петр I, налогообложение, численность населения, Ландратские книги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lyapin-denis@yandex.ru (Д.А. Ляпин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1110-1121
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1110

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Religious Beliefs of the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries as a Phenomenon of “Lived Religion”

Agila Nurgaliyeva ^{a, *}, Zhaskairat Yernazarov ^b, Zhanabek Zhaksygaliev ^a, Samat Kurmanalin ^b

^a West Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan

^b West Kazakhstan Innovation and Technology University, Republic of Kazakhstan

Abstract

In methodological terms, the provisions and conclusions of the article correlate with the subject field of the concept of “lived religion”, aimed at transmitting the specifics of the manifestation of religion in people's daily lives. Considering the religious beliefs of the Kazakhs from the standpoint of this concept allows, in our opinion, to go beyond the “either-or” dichotomy: Islam/pre-Islamic beliefs, official Islam /popular Islam values. The purpose of the work is to show that publications of different origin of the XIX – early XX centuries can serve as a basis for determining the nature of the religious beliefs of the Kazakhs of this period. Despite the presence of polemical discourses focused on different values in modern historiography, the authors of the research do not deny the existence of a synthesis of pre-Islamic and Islamic cultures, even those who stand on the positions of the long-standing historical tradition of Islam on the territory of Kazakhstan. Results. The publications of the XVIII – early XX centuries, which we took as the basis of the analysis, we divided into five groups. Most of them were created by outside observers. Of particular importance are the works of Kazakh authors, who can be called ethnic, linguistic and religious insiders who had the opportunity to see hidden social connections that are not obvious to an outside observer. It is shown that the publications of contemporaries help to form a complete picture on the issue of the peculiarities of the religious beliefs of the Kazakhs. They allow us to talk about the syncretism of the religious views of the Kazakhs. It was a harmonious synthesis of the traditional complex of ideas about the world with Islam, because for all its inconsistency with orthodox requirements, it was present in the national consciousness of the Kazakhs. Everyday practices, habits and models of social life of Kazakhs were determined by both Islam and pre-Islamic views, and they can be defined by the term “lived religion”.

Keywords: Islam, syncretism, Kazakh steppes, Russian Empire, “either-or” dichotomy, “lived religion”, “Kazakh mediators”, external observers.

1. Введение

Актуальность темы определяется возросшей в современных условиях значимостью религиозного фактора, без учета которого сложно глубоко познать и предвидеть предстоящие социально-политические и духовно-культурные процессы в обществе, в котором продолжается сложный поиск духовных и исторических корней, этнической самоидентификации и национальной идеологии казахского народа.

По ряду доктринальных, практических и исторических причин формы религиозности казахов не всегда укладываются в категории и допущения, принятые в социальных науках о религии, и корни этого уходят в прошлое. Важно рассмотреть глубинных причин функционирования религиозных представлений и ритуалов казахского народа, их характерные черты, включающие как исламские, так и доисламские элементы. В XVIII – начале XX вв. состоялся синкретический сплав традиционных и

* Corresponding author

E-mail addresses: agilamus789@gmail.com (A. Nurgaliyeva)

исламских ценностей и практик, реализовавшихся в быту, досуге, неформальной сфере общения, взаимоотношениях разных слоев.

Цель данной статьи – показать, что разнохарактерные по происхождению публикации XIX – начала XX вв. могут служить основой для определения характера религиозных верований казахов этого периода.

2. Материалы и методы

Основным методом исследования, примененным в данной статье, является историографический анализ трудов ведущих специалистов в изучаемой области как в казахстанской, так и в зарубежной историографии.

С помощью предлагаемого методологического инструментария делается попытка преодолеть кажущееся различие в трактовке характера верований казахов рассматриваемого периода и выйти за рамки дихотомии «или-или»: ислам/доисламские верования, официальный ислам/народный ислам.

В методологическом плане положения и выводы статьи соотносятся с предметным полем концепции «проживаемой религии» направленной на передачу специфики проявления религии в повседневной жизни людей. Как нам представляется, использование концепции «проживаемой религии» позволяет подумать о религии динамично, переосмыслив религиозную историю казахского народа с точки зрения практики, связанной с конкретным социальным контекстом. Подход с точки зрения «проживаемой религии» опирается в основном на этнографические и историографические методы с целью показать, как то, что обычно понимается под «религией» формируется посредством бесчисленных повседневных практик, привычек и моделей социальной жизни (Knibbe, 2020: 158).

3. Обсуждение

В настоящее время классические представления о движении научного знания сменяются представлениями о противоборстве и взаимовлиянии различных исследовательских программ. Эта изменившаяся обстановка определила выбор интерпретационных категорий, в том числе и по религиозной проблематике. В обстановке свободы выбора идеологических и методологических ориентиров авторы пытаются заново переосмысливать и истолковывать историю с точки зрения индивидуального исторического сознания, т.е. собственной системы познавательных, мотивационных и ценностных компонентов.

В целом можно отметить, что современные историки, несмотря на более глубокие исследования и привлечение более обширного документального материала, не сформировали какие-либо общие концептуальные подходы в оценках степени влияния мусульманской религии на казахское общество. Историографический анализ литературы по религиозной проблематике позволяет сделать вывод о наличии противоречивых мнений и аргументов относительно важнейших духовных ценностей.

Так, этнограф А.Т.Толеубаев исходит из положения, что в рассматриваемый период «религиозное сознание народа приобрело синкретический, полиструктурный характер», так что в обрядности казахов-мусульман порой очень трудно провести грань между доисламским и исламским, и объясняет это тем, что, «приспосабливая свою религию к этнической культуре, официальное и неофициальное мусульманское духовенство восприняло многие местные культы» (Толеубаев, 1991: 6).

Алма Султангалиева высказывает точку зрения о существовании особого, так называемого казахстанского варианта ислама и одной из его черт считает достаточно длительную временную протяженность между моментом проникновения ислама и собственно исламизацией территории современного Казахстана в несколько столетий от VIII до XVI веков. Она считает, что даже еще в XVIII в. на уровне массового сознания восприятие ислама как религиозной доктрины и образа жизни оставалось достаточно поверхностным (Султангалиева, 1999: 25). Она также отмечает синкретизм веры, свойственный казахам до включения их территории в состав Российского государства, проявлявшийся в сильных элементах анимизма, шаманизма, поклонения предкам в религиозных представлениях и обрядах, распространенных, по ее мнению, в степи в форме народного ислама (Султангалиева, 1999: 26). Указанные замечания представляются весьма справедливыми и заслуживают внимания.

О взаимопроникновении духовных начал пишет Г.М. Раздыкова: «Религиозность казахов отличалась ярким синкретизмом, т.е. нерасчлененностью. Ислам, отрицая домусульманские верования как ложные, в то же время вбирал их в себя. В сущности, архаичные культы: анимизм, магия, тотемизм, фетишизм, шаманизм в модифицированном виде вошли в ислам. То же самое можно сказать о многих народных традициях и обрядах. Во многих случаях можно говорить о том, что древнейшие традиции получали новую жизнь в результате того, что освящались исламом как достойные существования» (Раздыкова, 2010: 30).

Казахстанский исследователь Павел Шаблей является сторонником идеи о глубоких корнях ислама в Казахстане и признает преувеличенным представление о так называемом «ненастоящем» исламе у казахов, которое активно развивалось в русскоязычной, дореволюционной, советской и отчасти современной исторической науке. Он стоит на позициях давней исторической традиции ислама на территории Казахстана (Шаблей, 2013: 21). Интересной представляется и такая его мысль:

«... в конце XVIII века в Казахской степи произошла так называемая «исламская трансформация», в том числе и с помощью административно-политических и конфессиональных мероприятий Российской империи. Однако роль Российского государства в этом процессе не следует переоценивать, так как казахи к этому времени были уже значительно исламизированы (при слабом развитии мусульманских институтов они обладали устойчивой мусульманской идентичностью и целостным религиозным сознанием)» (Шаблей, 2013: 22).

Сходный подход к проблеме свойственен и казахской исследовательнице Н.Д. Нуртазиной. Она стоит на позициях признания ислама центральным системообразующим элементом казахской традиции (Нуртазина, 2000: 4) и считает, что уже в позднее Средневековье ислам для казахов стал «народной менталитетной религией» (Нуртазина, 2000: 226). Ее монография «Ислам в истории средневекового Казахстана (историко-культурологическое исследование)» в числе прочих проблем рассматривает взаимосвязь ислама и традиционной казахской культуры. Рассуждения автора о составляющих синтеза доисламской и исламской культур тюркского мира представляют несомненный интерес.

В ряде других своих публикаций исследовательница активно возражает против некритичного использования понятия «поверхностный ислам» у казахов. Она поясняет, что эта формула может существовать с серьезной оговоркой: такое положение вещей следует интерпретировать не как тянущееся из века в век «неведение», а скорее как трагический разрыв в некогда целостной и жизнеспособной мусульманской традиции кочевников Золотой Орды, как откат и наступление цикла дезорганизации религии, как языческую реакцию (Нуртазина, Исахан, 2022: 926).

Вопрос о религиозной идентичности исследователя зачастую определяет его позицию в процессе интерпретации имеющихся материалов. Назира Нуртазина относится к той группе казахской интеллигенции, для которой характерно четко выраженное сознание своей принадлежности к миру ислама. В ее работах можно увидеть стремление устранить шоры классических востоковедных штудий с их воинствующим культурным гегемонизмом, изучить духовную составляющую казахской культуры изнутри. В них не наблюдается противостояния исследовательского «я» и объекта исследования. Эту исследовательницу можно назвать саморефлексирующим ученым-религиоведом. И все же, думается, она непропорционально преувеличивает роль мусульманской религии в жизни казахского общества, не бесспорно убедительно отводит «исламскому фактору» решающую роль в определении характера его развития.

Исследователи Е.К. Ауэзов и И.В. Крупко также признают, что в исторической памяти казахстанского общества религиозная идентичность связывается в первую очередь с исламом, выполняя этнодифференцирующую функцию. Они обосновывают определяющую роль Российской империи, воплотившей сценарий «этнографического зеркала», через которое с помощью строительства мусульманских культовых сооружений, направления религиозных служителей из татар «населению Степи был предъявлен убедительный образ религиозной идентичности, ставшей со временем восприниматься как аутентичность» (Ауэзов, Крупко, 2020: 73).

Таким образом, мы видим наличие несовпадающих мировоззренческих подходов к пониманию характера религиозных верований казахов в рассматриваемый период, их исторической динамики, многообразию и единству, взаимосвязи доисламского и исламского.

Можно согласиться с предложением Нуртазиной и Исахана о поиске пути к интеграции различных научных взглядов на религиозное прошлое казахов, обновлении парадигмы и методологического инструментария (Нуртазина, Исахан, 2022: 912). Поиск новых терминов и инструментов анализа позволит взглянуть на знакомый предмет по-новому, попытаться найти новый ракурс, увидеть новые перспективы.

Но, на наш взгляд, можно предложить к этому вопросу концептуальный подход, позволяющий дать интерпретации, выходящие за рамки дихотомии «или-или»: ислам/доисламские верования, официальный ислам/народный ислам. И здесь может помочь концепция «проживаемой религии».

Работой, которая впервые познакомила англоязычную академическую аудиторию с этой концепцией, был сборник «Проживаемая религия в Америке: на пути к истории практике» под редакцией историка Д. Холла, увидевший свет в конце 1990-х годов. Как отмечает Дэвид Холл в своем предисловии, история практик охватывает напряженность, непрекращающуюся борьбу определений, которые конституируются внутри каждой религиозной традиции и всегда присутствуют в том, как люди решают действовать. Здесь же он пояснил, что это понятие возникло как дословный перевод термина *la religion vécue* из французской социологии религии (Lived Religion..., 1997: 7-9).

В настоящее время к наиболее выдающимся защитникам проживаемой религии в западной науке принадлежат социологи Нэнси Аммерман и Мередит Б. Макгуайр, а также историк Роберт Орси. Наше внимание привлекла мысль М. Макгуайр о том, что ценность термина заключается в возможности «отличить реальный опыт религиозных людей от предписанной религии институционально определенных верований и практик» (Макгуайр, 2008: 24). Подобную идею поддерживает и российская исследовательница М. Лютаева, отметившая, что этот термин нацелен на «схватывание» и передачу специфики проявления религии в обычной жизни, в противоположность

ее описаниям в философских трактатах, догматике и организационно-регламентированных формах официальной религии (Лютаева, 2023: 120).

Концепция «проживаемой религии», то есть индивидуальных и коллективных религиозных практик, включает в себя рассмотрение как индивидуального религиозного опыта, так и общественных форм проживания религии (Недзведзь, 2016: 179). По Аммерман (Ammerman, 2013: 190). Рассматриваемая концепция относится к религии как тесно связанной с повседневной жизнью людей. Изучение «проживаемой религии» включает в себя внимание к тому, как люди относятся к рождению и смерти, сексуальности и природе, народным или общественным традициям, вызывающим духовное чувство солидарности, как используют повседневные сакральные пространства. Как отметил Роберт Орси, интерпретационная задача изучения «проживаемой религии» состоит в развитии дисциплинированного внимания к знакам и практикам людей, к тому, как они их описывают, понимают и используют в жизненных обстоятельствах, а также к структурам и условиям, в которых возникают эти знаки и практики (Orsi, 2003: 172).

По нашему мнению, использование концепции «проживаемой религии» может дать более широкие познавательные возможности, чем рассуждения о «народном исламе».

4. Результаты

Все рассуждения и умозаключения современных исследователей по вопросу о характере верований казахов XVIII – начала XX вв. строятся на основании источников, относящихся к этому периоду. Их мы разделили на пять групп.

Авторы этих материалов писали в совершенно разных жанрах: путевые заметки, мимолетные наброски, сделанные различными ранними экспедициями, этнографические труды, опубликованные отчеты ученых, административные отчеты. Большинство из них были сторонними наблюдателями.

Источники первой группы дают представление о точке зрения представителей русской гражданской и военной администрации степных областей. Но, как образно отметил Ян Кэмпбелл, на протяжении большей части XIX века царские чиновники могли с уверенностью говорить только о тех островках, где они обитали сами, посреди моря, о котором им почти ничего не было известно (Кэмпбелл, 2022: 8). Об этом свидетельствуют, например, строки из речи оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского на церемонии открытия Оренбургского отдела Русского географического общества: «Киргизские степи более чем неизвестны. О киргизах имеют в России понятия ложные, что, конечно, гораздо хуже, чем полное незнание» (Речь..., 1870: 26-27).

По мнению российских официальных кругов, казахи были слабо исламизированы и у них преобладали доисламские верования. В «Записках генерал-майора С.Б. Броневского, бывшего начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса и принявшего участие в проведении в жизнь «Устава о сибирских киргизах» ярко отражена официальная точка зрения на характер религиозности казахов: «... киргизы утопают в невежестве и неверии. Они суть магометане только по названию. Малое число духовных, пребывающих между ними и вовсе почти не упражняющих в законе учения, оставляет по сие время их не очищенными от язычества. Все пороки первой и предрассудки последней сугубо в них укоренены... Кроме, часто повторяемого из глубины души: Алла. Редкий знает какую-либо молитву и имеет понятие о Коране. Наружного же богопочтения они вовсе не изъявляют, мечетей не имеют. И суть истинные невежи в религии» (Броневский, 2005: 27-28).

Упоминает Броневский о широком бытовании обряда обрезания и об участии в свадебном обряде муллы (Броневский, 2005: 58-59). В то же время он подробно описывает лечение больных усилиями шаманов-бахсы (Броневский, 2005: 71-73). Здесь мы, по-видимому, имеем дело с описанием феномена, который выше нами был охарактеризован как «проживаемая религия».

Служивший с января 1854 по январь 1863 года Председателем Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев называет недоразумением существовавшее 120 лет мнение, что казахи являются магометанами, «тогда как в прошлом столетии почти все они были шаманистами и остаются значительную частью таковыми и до сих пор» (Григорьев, 1874: 233). «В эпоху номинального присоединения этого народа к России, – пишет он, – только немногие из ханов и султанов его имели смутное понятие о догматах ислама и исполняли кое-какие из его обрядов. Ни одной мечети не существовало еще в степях киргизских. Ни один мулла не отправлял еще там общественного мусульманского богослужения. И если с тех пор киргизы действительно омусульманились, так благодаря тому единственно, что мы принимали их за мусульман, что мы относились к ним как к мусульманам» (Григорьев, 1874: 234).

Полковник Генерального штаба Лев Лаврентьевич Мейер, выражая точку зрения высших управленцев, которые считали казахов народом, неразвитым в религиозном отношении и не знающим о существовании двух толков магометанства: суннитского и шиитского, причину этого видел в кочевом образе их жизни (Мейер, 1865: 228).

Бывший одно время руководителем канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства А.К. Гейнс признает принадлежность казахов к мусульманам: «Киргизы мусульманского вероисповедания, но в них не заметно фанатизма и нетерпимости, присущих усердным

последователям Корана». Но в то же время он отмечает наличие в их обычаях и поверьях следов шаманизма (Гейнс, 1874: 42).

Вторую группу источников составляют работы горных инженеров, военных специалистов, участников военных походов, которые по долгу службы обязаны были собирать информацию об управляемом населении, в том числе и историко-этнографического характера. Многие из них долгое время проживали и работали в казахских степях. В своих описаниях наблюдаемого они обязательно обращали внимание на особенности жизненного уклада, самобытную культуру казахского народа и религиозные верования.

К этому направлению принадлежал переводчик Отдельного Сибирского корпуса Ф. Назаров, тридцать лет прослуживший в Казахстане. В своих работах он уделил внимание брачным обычаям, обрядам при похоронах и поминках казахов. Филипп Назаров окончил Азиатское училище в Омске, где среди других предметов изучал восточные языки. В одной из своих публикаций он утверждал, что казахи исповедует магометанскую веру (Назаров, 1821: 6), в свадебной церемонии участвует мулла (Назаров, 1821: 8), но в обряде похорон некоторые отступают от мусульманских правил: «Набожные киргизы тела богатых родственников своих летом увозят в Туркистан, чтобы там предать погребению у гробов святых своих, а в зимнее время, не имея средств без подножного корма туда уехать, вешают их на деревьях, обвив войлоками и бязями, и по открытии весны увозят уже в Туркистан. Проезжая зимой по киргизским степям, с ужасом иногда встречаешь подобные развешанные на деревьях, покрытые инеем, обледенелые тела, качаемые бурным ветром» (Назаров, 1821: 13-14).

Некоторые наблюдатели отмечали более важное значение в религиозных практиках культа святых. Так, Николай Александрович Маев, участник Среднеазиатских походов с 1869 г. занимавший должность редактора «Туркестанских ведомостей» писал: «Киргизы считаются магометанами, но собственно религиозные верования магометанства мало укоренились между ними, и только султаны, муллы да еще некоторые старики исполняют правила и требования своей веры. Большею же их частью сущность их религиозного культа заключается в молитвах и различных приношениях на могилах святых, уважаемых народом людей, а таких могил с высокими курганами много в степи» (Маев, 1870: 9).

Далеко не всем авторам материалов, отнесенных нами к этой группе, удалось проникнуть в суть наблюдаемых ими явлений. М. Галкин, служивший в Оренбургском крае, объехавший значительную часть степи от Урала и Тобола до среднего течения Сыр-Дарьи, жаловался на трудности сбора материалов из-за подозрительности тамошних жителей. Получение более достоверных сведений, по его мнению, зависело от постановки вопросов, выбора спрашиваемых лиц и проверки одних сведений другими (Галкин, 1868: 199). По мнению Л.А. Словохотова, многие из работ этой группы носили характер мимолетных набросков: «Написанные в большинстве случаев прямо от руки, под первым непосредственным впечатлением, эти труды сильно грешат субъективизмом оценки, что придает им более характер авантюризма, чем серьезной научной работы» (Словохотов, 1905: 22).

Особняком среди этой группы стоит книга внимательного наблюдателя Среднего жуза (Кэмпбелл, 2022: 16) военного инженера-топографа И.Г. Андреева. Ирина Ерофеева в предисловии ко второму изданию его книги «Описание Средней Орды киргиз-кайсаков» пишет, что свои многочисленные поездки по казахским аулам, которые он совершал для выполнения специальных служебных заданий высшего начальства, он использовал и для удовлетворения личной потребности в расширении и углублении этнографических знаний, так как был буквально одержим наукой. Она также особо подчеркнула: «Капитан Андреев, не в пример многим своим сослуживцам, свободно владел казахским языком, хорошо знал образ жизни, домашний быт и культуру казахского народа и имел немало близких знакомых и товарищей среди казахов» (Андреев, 2007: 16).

Труд Ивана Григорьевича Андреева содержат уникальные этнографические и исторические материалы, освещающие быт, нравы, традиции и обычаи казахского народа. В нем автор дал достаточно обстоятельную характеристику верований казахов: «Закон киргиз-кайсаков есть мугаметанский, который приняли они в Бухарии от древнего хана Жанибека...Для богослужения же ахунов и мулов не имеют, а почитают всякого грамотного человека за муллу, коих из природных их ни у кого у них нет, а принимают их из ташкенцов и бухарцов» (Андреев, 2007: 79). В то же время он отмечает, что жители аулов и деревень 5 раз в сутки читают молитву под руководством живущего там почитаемого старого человека, приглашают муллу на свадебную церемонию (Андреев, 2007: 80, 89).

К третьей группе источников могут быть отнесены работы исследователей, чья деятельность, как правило, была тесно связана с научными центрами, такими как Академия наук, Азиатский музей, Московский, Санкт-Петербургский и другие университеты, Императорское русское географическое общество.

Из числа исследований, выполненных учеными-специалистами, следует отметить работу А.И. Левшина. В 1832 году в Санкт-Петербурге было опубликовано трехтомное исследование «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей». Это издание было итогом его этнографических наблюдений за казахами, анализа материалов, извлеченных из центральных архивов и архива Оренбургской Пограничной комиссии, и обобщения научных достижений по казахстанике. Эту работу Левшин вел по заданию Министерства иностранных дел. Ян Кэмпбелл

назвал этот труд стандартным справочником, который отражал последние достижения науки того времени (Кэмпбелл, 2020: 9).

В его книге нашлось место и для характеристики состояния религиозности казахов, даны оценки степени влияния ислама на них. Автор писал о соединении ислама у казахов в XIX веке с доисламскими верованиями: «Все они вообще имеют понятие о высочайшем существе, сотворившем мир, но одни поклоняются ему по законам Корана, другие смешивают учение исламизма с остатками древнего идолопоклонства, третьи думают, что кроме божества благого, пекущегося о счастии людей и называемого ими кудай, есть злой дух или шайтан, источник зла» (Левшин, 1996: 313). Он также отмечал и недобросовестное исполнение предписанных исламом обрядов, в частности пятикратной молитвы (Левшин, 1996: 314).

До сих пор не утратило своего научного интереса исследование выдающегося ученого В.В. Радлова, немца по происхождению, но жизнь свою посвятившего развитию российской науки. Особое значение для темы нашего исследования имеет его книга «Из Сибири» опубликованная в Лейпциге в 1884, а затем в 1893 годах. Но на русском языке полный текст книги вышел в свет только в 1989 году. В книге помещены отрывки из дневников его путешествий, в том числе и по казахской степи. По мнению Радлова, казахи исповедуют ислам уже много столетий. Сравнивая казахов с тюрками-кочевниками Алтая, он отмечает, что благодаря влиянию мусульманской религии казахам присущ больший порядок в одежде и устройстве жилища, чистота, упорядоченные семейные отношения и более совершенные этические принципы. Радлов оспаривает высказывавшееся другими исследователями мнение, что казахи «еще и по сей день остаются язычниками» и заявляет, что они «могут с полным правом считаться правоверными, можно даже сказать, фанатичными мусульманами» (Радлов, 1980: 302). Приведем его доводы: «Киргиз строго придерживается всех формальных предписаний ислама. Обрезание проводится неукоснительно, у мужчин всегда гладко выбриты головы (единственным исключением являются баксы и, кроме того, у так называемых эрке бала, любимых сыновей, до десятилетнего возраста оставляют на голове с двух сторон пучки волос), усы всегда подстрижены и подбриты. Все строго соблюдают время молитвы, хотя во внутренней степи нередко приходится заменять предписанное омовение сухим обтиранием. Хоронят в точном соответствии с мусульманским ритуалом. Посты, напротив, соблюдаются менее строго. Подают милостыню и платят все религиозные сборы, как того требует Коран. Кроме того, всем известен целый ряд арабских изречений, и их произносят постоянно, хотя и в искаженном виде, считая их священными и приносящими удачу» (Радлов, 1980: 302).

При этом он признает наличие суеверного представления о том, что человек, часто умываясь, приносит этим вред молодому скоту, и этим объясняет частое намеренное пренебрежение омовениями, наличие не слишком строгого следования мусульманскому обряду забивания скота. В первом разделе «Казак-киргизы» пятой главы В. Радлов приводит многочисленные материалы, которые он сам определяет как «отголоски старых языческих обычаев, и по сей день широко бытующие у киргизов-мусульман». Это приемы врачевания и гадания, обряды почитания огня и жертвоприношения у одиноко стоящих в степи деревьев (Радлов, 1980: 304-306).

По поводу праздников он также заключает, что большая их часть есть смешение обычаев языческих и мусульманских. Из собственно мусульманских праздников он называет праздничный день после рамазана, курбан, науруз. Пишет он и о все большем распространении среди простых казахов сказаний с религиозной тематикой. «Авторы таких книжных сказаний, отмечает он, – муллы, которые приспособили сюжеты мусульманских рассказов, легенд и религиозных сочинений к народному мировоззрению киргизов». Он заключает, что эти сказания «так удачно приспособлены к народному духу, а содержащиеся в них религиозные мотивы так естественно вплетаются в повествование, что они получили огромное распространение среди народа, особенно в северных степях. Теперь их уже нередко исполняют и неграмотные певцы, считая чисто киргизскими сочинениями» (Радлов, 1980: 323).

Много ценного для анализа материала содержится в статье П.А. Юдина, несмотря на явно антиисламскую позицию ее автора. Степень религиозности казахов он оценивает невысоко: «Киргизы если и исповедовали Магометову веру, то были чужды присущему ей фанатизму и в делах внешних отправлений, т.е. обрядовых особенностей, были почти что “tabula rasa”. Они до сих пор еще не понимают смысла магометанского вероисповедания, не исполняют предписанных этой верой обычаев и ежедневных богомолений с различными омовениями. Многие из них даже не знают, кто такой был Магомет, что такое Аллах, и по-прежнему именуют Бога языческим именем «Худай», т.е. высшее существо» (Юдин, 1897: 517).

На позициях принадлежности казахов к мусульманам стоял А.И. Добросмыслов. Так, он пишет: «Киргизы, как известно, задолго до принятия русского подданства уже были магометане и духовных служителей получали из Бухары, Хивы и, вероятно, из других тогдашних мелких среднеазиатских ханств. Если киргизы как в прошлом, так еще и в настоящем (XIX) столетии не так наружно религиозны, как, например, татары, которых мы постоянно имеем перед глазами, то это еще далеко не значит, чтобы они не были магометанами» (Добросмыслов, 1902: 199).

По богатству своих научных трудов на общем фоне выделяется Оренбургская ученая архивная комиссия, созданная 7 декабря 1887 года. Ее задачами были разбор и исследование архивов, древних книгохранилищ, памятников старины, могильников и курганов, изучение нравов и обычаев различных народностей края, сбор фольклорного материала. В «Трудах» этой комиссии напечатан целый ряд ценных исследований.

Особенно следует выделить монографию Л.А. Словохотова. Ее автор замечает относительно казахов, что в их верованиях легко подметить два слоя: остаток старинной шаманистической религии и элемент мусульманский, и объясняет это тем, что мусульманство стало распространяться среди них сравнительно недавно. «Култ предков, – пишет он, – смешался тут с пылким воображением робкого, инертного и суеверного номада. Случись с киргизом какая-либо беда, он говорит: «арвак урды», т.е. дух умерших предков убил». Для киргиза глухой степи арвак и теперь еще грозная нравственная сила, взысканий которой, как неизбежных, он боится более всего» (Словохотов, 1905: 33-34). В то же время он отмечает, что казахи: постепенно забывают свою прежнюю языческую религию и все более делаются мусульманами.

Ходырев в работе «Из киргизских поверий» отметил, что, несмотря на старания татарских мулл, казахская степь еще оставалась царством амулетов и связанных с ними всевозможных суеверий (Ходырев, 2017: 195). В этой статье он описывает лечебные практики баксы и с осуждением отмечает, что их поддерживают муллы из татар и сартов (Ходырев, 2017: 195-196).

Доказано, что к XVIII веку под влиянием ислама надмогильные сооружения из камней мусульманского типа стали постепенно вытеснять курганные насыпи. Интересным моментом работы И. Кастанье «Отчет о поездке в Туркестан» являются его описания вида казахских надгробных сооружений. Он описывает ориентацию казахских могил в сторону Мекки (Кастанье, 1905: 184). В то же время в другой своей публикации «Надгробные сооружения киргизских степей» он пишет о встречавшихся исключениях: «Иногда еще, нарушая мусульманский закон, и без ведома своих мулл, киргизы хоронят своих мертвецов на краю какого-нибудь кургана, и с тех пор этот последний носит имя покойного. Таким образом, получают названия: Саид-оба, Темирбай-оба, Омар-оба, Селим-оба и т.д.» (Кастанье, 2011: 6).

К источникам четвертой группы можно отнести материалы, оставленные путешественниками, сведения которых были как правило результатом, лишь кратковременного пребывания в казахских аулах. Подробное освещение этого вопроса см. (Нурғалиева, 2008). К имеющимся там описаниям добавим точку зрения знаменитого венгерского путешественника, востоковеда, лингвиста Арминия Вамбери в 1861–1864 годах совершившего путешествие в страны Средней Азии, где по заданию Австро-Венгерской Академии наук он собирал этнографические и лингвистические материалы. Он писал о незавидном состоянии магометанской религии у казахов, о том, что они мало внимания уделяют молитве и посту, поскольку считают религию делом второстепенным, и из этого проистекает значительная роль суеверий (Вамбери, 1868: 246-247). Он отметил также многие пережитки язычества в верованиях казахов: гадание на лопаточных костях и внутренностях животных, на только что выпряденной пряже, не очень уважительное и даже ироничное отношение к пришлым муллам, большой авторитет шаманов (Вамбери, 1868: 347).

Пятую группу источников составляют произведения казахских авторов, которые внесли заметный вклад в становление историографической традиции изучения религиозных верований казахов.

Воссоздание духовной культуры народа только по текстам, написанным представителями других народов, представляется не вполне продуктивным делом. Более важны мнения самих казахов, содержащиеся в их публикациях. Их, очевидно, можно назвать этническими, лингвистическими и религиозными инсайдерами, имевшими возможность увидеть скрытые социальные связи, неочевидные для внешнего наблюдателя. Ян Кэмпбелл называет этих представителей образованных казахов «казахскими посредниками», активно изучавшими своих сородичей и родную среду и публиковавших свои выводы, тем самым поставляя царской администрации знания о степи и ее обитателях (Кэмпбелл, 2020: 4).

Представляют значительный интерес работы Мухаммед-Салиха Бабаджанова. Он принадлежал к роду Ходжей и служил во Временном совете по управлению Внутренней (Букеевской) Ордой. В 1861 году Совет ИРГО по представлению Отделения этнографии избрал его своим членом-сотрудником, а в 1862 году он первым из казахов получил серебряную медаль ИРГО за значительное содействие трудам Отделения этнографии и предоставление статей о быте казахов и различных этнографических предметов.

По версии Бабаджанова, казахи были мусульманами. Однако, как он пишет в статье «Заметки киргиза о киргизах» напечатанной в 1861 году в «Северной пчеле» до 30-х годов XIX века мулл было очень мало. Поэтому для совершения отходной молитвы по нормам ислама родственникам умерших приходилось ездить за 50–150 верст, чтобы найти хоть кого-нибудь, кто учился у муллы. Иногда для этой цели привлекали даже детей. Подобный пример Бабаджанов приводит в той же статье: «Родственники покойного, зная, что этот мальчик некоторое время обучался у муллы, заставили его прослужить умершему отходную молитву. Он исполнил это далеко не в точности, и дело сошло тем с рук: проверить было некому» (Бабаджанов, 1861).

Он признавал ислам важным для казахов и считал, что это понимание приходит и к ним, так как для обучения «правилам веры» некоторые казахи стали посылать своих детей в известные центры мусульманского образования региона, прежде всего, в Стерлитамакский уезд к Ишану (Бабаджанов, 1861).

В другой своей статье он пишет о суеверном уважении казахов к муллам, за которыми он сам не признает высокой и твердой степени знаний мусульманской религии. С сожалением Мухаммед-Салык констатирует, что простому народу приходится обращаться к муллам или к знахарям для излечения от болезней: «вместо надлежащего пособия медицины получают от них одно отчитывание молитвами или писанную на листке бумаги молитву, или какие-либо непонятные знаки для ношения на шею больного» (Бабаджанов, 1864: 10-11).

Статьи М.-С. Бабаджанова по характеру можно отнести к первоисточникам. Вместе с тем они содержат немалый элемент научных изысканий. В еще большей степени этот вывод может быть отнесен к статьям Ч.Ч. Валиханова. Работы его представляют большую ценность, так как их автор был хорошо знаком с предметом исследования. Он разбирался в идеологии и практике ислама, знал текст Корана.

Характеризуя религиозную ситуацию в казахской степи, будучи еще молодым человеком и обучаясь на последнем курсе кадетского корпуса, Чокан Валиханов не отрицал, что казахи относят себя к мусульманам. Об этом можно судить по его замечаниям к третьей части «Описания киргиз-казахских орд...» А.И. Левшина, составленным в 1853 году. Приведем дословную цитату из замечания к странице 52: «Всякий кайсак знает, что он последователь Магомета и что он мусульманин; быть может, он не понимает смысла этого слова, но все-таки оно составляет его гордость перед иноверцами. С самого детства он то и дело слышит, что он мусульманин, а «все прочие, кроме мусульман, кафиры, осужденные богом на вечное наказание на том свете». После этого можно ли допустить, что кайсак не знает своей веры?» (Валиханов, 1984: 198).

В некоторых своих работах он проводит мысль о «двоеверии», о смешении мусульманских и языческих верований и обрядов (Валиханов, 1985: 49, 198). Он свидетельствует, что с заменой божества *тенгри* Аллахом культ солнца, луны, звезд сохранился в некоторых обрядах, а второстепенные божества и особенно те, которые имели изображения, например, истуканы богов земли совсем были забыты при введении ислама, вероятно, потому, что рассматривались как идолы, столь ненавистные мусульманам (Валиханов, 1985: 49). Религиозное почитание священных деревьев сохранилось у казахов с незапамятных времен, как, впрочем, и других предметов, выделявшихся на фоне однообразного степного ландшафта. Подтверждение этому мы находим у Ч. Валиханова: «Все необыкновенные явления природы считают за места священные, освященные пребыванием аулии (мухаммеданского [святого]);...Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служит предметом поклонения и ночевки. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит [в] жертву животных или же навязывает гриву лошадей» (Валиханов, 1984: 209).

Он также видел синкретичность погребально-поминального комплекса обрядов, который включал лишь некоторые мусульманские черты (участие в обряде мулл, чтение молитв, глав из Корана). В поминальной обрядности у казахов был выражен доисламский культ предков. Согласно исламской традиции, приношение в жертву скота допускается только во время празднования Курбан-айта. Но казахи «при малейшем несчастье режут животное во имя божие или во имя арвахов... Такие жертвы они называют курбандык или садака и эти некоторым образом смягчают их языческое содержание», – пишет Ч. Валиханов (Валиханов, 1985: 56). Здесь при сохранении сути обычая, поменялось только имя, название, и обычай приобрел псевдомусульманский вид.

Исследовательские, публицистические и литературные произведения сотрудника Оренбургского отдела ИРГО Ибрая Алтынсарина представляют значительный материал для анализа. Его тоже можно отнести, по определению Кэмпбелла, к «казахским посредникам» – носителям местного знания. Он происходил из знатной, но бедной семьи и занимался не только административной службой, но и писательским трудом.

Казахский этнограф и просветитель стоял на позициях просвещенного либерального ислама. Групповое единство казахов он видел в общем языке и религии. Но в религиозном фанатизме он видел врага прогресса, мешающего развитию разума и чувств людей, разоблачал суеверия, одурманивающие сознание народа. В ряде рассказов И. Алтынсарин в сатирической форме изображал наивную веру в злых и добрых духов.

С большим сожалением И. Алтынсарин отмечал рост влияния исламской религии, увеличение интереса к хаджу среди казахского населения, несмотря на все трудности совершения паломничества и материальные затраты, хотя большинство паломников составляли бай, служители исламского культа, торговцы, то есть те, кто имел для этого достаточно средств.

И. Алтынсарин не раз подчеркивал вредность деятельности проповедников мусульманской религии в деле народного образования. Он с негодованием отзывался о них, разоблачая догматизм невежественных аульных мулл, вдалбливающих ученикам ненужные им в жизни знания, портящих их природный язык. При этом, критикуя позицию мусульманского духовенства в отношении

светского образования, он ссылается на шариат, который нигде не отрицает надобности обучаться вообще светской науке и искусствам (Алтынсарин, 1957: 371).

Из сказанного выше не следует, что просветитель был вовсе свободен от влияния исламской идеологии. Элементы религиозного учения продолжали сохраняться в его мировоззрении до последних дней жизни. Алтынсарин был убежден, что ислам – неотъемлемая часть жизни казахов. Он допускал возможность использования религии в целях просвещения народа при сохранении открытости для светских знаний.

Ян Кэмпбелл считает, что самое успешное его предприятие в образовательной сфере было связано с введением исламского образования (Кэмпбелл, 2020: 36). Реально оценивая сложившуюся ситуацию, И. Алтынсарин считал необходимым знакомить молодое поколение с основами исламского вероучения. Но это ознакомление должно, по его мнению, вестись по учебникам, составленным педагогами-профессионалами на языке, понятном казахским детям. И он сам составил учебник на казахском языке под названием «Шариат-уль ислам», состоящий из четырех разделов (Алтынсарин, 1957: 371-372).

5. Заключение

Таким образом, приведенные выше свидетельства наблюдателей позволяют говорить о синкретичности религиозных воззрений казахов. Это был гармоничный синтез традиционного комплекса представлений о мире с исламом, поскольку при всем его несоответствии ортодоксальным требованиям, в национальном самосознании казахов он присутствовал. Мы думаем, что его нельзя определить как «народный ислам» в его суннитско-ханафитском варианте, тесно сращенным с суфизмом, как считают исследователи Н. Нуртазина и М. Исхан (Нуртазина, Исхан, 2022: 913). В этом случае сохраняется дихотомия «или-или»: ислам/доисламские верования, официальный ислам/народный ислам. Культ предков, поклонение силам природы не были реликтами и периферийными элементами в религиозных практиках казахов. Несомненно, их религиозные убеждения развивались под влиянием суфизма, во многом способствовавшим «омусульманиванию» ряда элементов традиционной культовой практики. Повседневные практики, привычки и модели социальной жизни казахов определялись как исламом, так и доисламскими воззрениями, и их можно определить термином «проживаемая религия».

Литература

- Алтынсарин, 1957 – Алтынсарин И. Избранные произведения. Алма-Ата: Наука, 1957. 424 с.
- Андреев, 2007 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. 2-е изд. доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 210 с.
- Ауэзов, Крупко, 2020 – Ауэзов Е. К., Крупко И. В. Религиозная идентичность в казахской культуре: границы хронотопа // Народы и религии Евразии. 2020. № 22(1). С. 69-78.
- Бабаджанов, 1861 – Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах // Северная пчела. 1861. №4.
- Бабаджанов, 1864 – Бабаджанов Х. С. О каменной бабе, найденной в киргизской степи // Этнографический сборник ИРГО. СПб, 1864. Вып. 6. Отдел «Смесь». С. 8-11.
- Броневский, 2005 – Броневский С.Б. Записки генерал-майора о киргиз-кайсаках Средней Орды / О казахах Средней Орды. Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. С. 1-115.
- Валиханов, 1984 – Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата: Гл. редакция КСЭ, 1984. Т. 1.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата: Гл. редакция КСЭ, 1985. Т. 4.
- Вамбери, 1868 – Вамбери А. Очерки Средней Азии (дополнение к «Путешествию по Средней Азии»). М., 1868.
- Галкин, 1868 – Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб. 1868.
- Гейнс, 1874 – Гейнс А.К. Очерк Туркестана. Степь и кочевники. СПб.: Тип. М.М. Сиасюлевича, 1874.
- Григорьев, 1874 – Григорьев В. Русская политика в отношении Средней Азии: Ист. очерк // Сб. государственных знаний. Т.1. СПб., 1874. С. 233-261.
- Добросмыслов, 1902 – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь: Типо-лит. Н.М. Родионова, 1902. 529 с.
- Кастанье, 1905 – Кастанье И.А. Отчет о поездке в Туркестан / Труды Оренб. Ученой архивной комиссии. Вып. XVI. Оренбург: Типогр. Г.М. Мильберг, 1905. С. 176-201.
- Кастанье, 1911 – Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург: Оренб. Тип. Оренб. Областного правления, 1911. 104 с.
- Кэмпбелл, 2022 – Кэмпбелл Ян. Знание и окраины империи. Казахские посредники и российское управление в степи, 1731-1917 / Пер. с англ. А. Разина и И. Захаряевой. Academic Studies Press, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://baza-book.com/243679-znanie-i-okrainy-imperii-kazahskie-posredniki-i.html>

- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Лютаева, 2023** – Лютаева М.С. «Живая религия» и «вернакулярная религия». Проблема концептуализации терминов // *Вестник САФУ. Философия*. 2023. Т. 23. № 3. С. 119-127.
- Маев, 1870** – Маев Н.А. Путеводитель от Санкт-Петербурга до Ташкента // *Туркестанский сборник*. СПб., 1870. Т. 24. 36 с. .
- Мейер, 1865** – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865. 386 с.
- Недзведзь, 2016** – Недзведзь А. От «народной религиозности» к «проживаемой религии»: дискуссия в польской антропологии религии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 3. С. 172-188.
- Нурғалиева, 2008** – Нурғалиева А.М. Путевые заметки, дневники путешественников как источник сведений о духовном развитии казахского общества нового времени // *Современные проблемы сервиса и туризма*. М. 2008. № 1. С. 24-31.
- Нуртазина, 2002** – Нуртазина Н.Д. Ислам в истории средневекового Казахстана (историко-культурологическое исследование). Алматы: Фараб, 2000.
- Нуртазина, Исахан, 2022** – Нуртазина Н.Д., Исахан М.Б. Постзолотоордынский декаданс и судьбы религии в казахском кочевом обществе XV – начала XVIII вв. // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 4. С. 910-934.
- Радлов, 1980** – Радлов В.В. Из Сибири. М.: ГРВЛ, 1980. 749 с.
- Раздыкова, 2010** – Раздыкова Г.М. Религиозный синкретизм казахов Степного края // *Вестник КарГУ*. 2010. № 3. С. 29-37.
- Речь..., 1870** – Речь, произнесенная покровителем Отдела Н.А. Крыжановским // *Записки Оренбургского отдела ИРГО*. Вып. I. Казань: университетская типография, 1870. С. 13-30.
- Словохотов, 1905** – Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргизов Малой орды // *Труды Оренб. ученой архивной комиссии*. Вып. 15. Оренбург. 1905. 162 с.
- Султанғалиева, 1999** – Султанғалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // *Центральная Азия и Кавказ*. 1999. № 4. С.31–40.
- Толеубаев, 1991** – Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма-Ата. 1991.
- Ходырев, 1917** – Ходырев П. П. Из киргизских поверий // *Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии*. Вып. 35. Оренбург. 1917. С. 187-203.
- Шаблей, 2013** – Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей: Автореф. дис. канд. ист. наук. Челябинск, 2013.
- Юдин, 1897** – Юдин П.А. Барон Игельстром в Оренбургском крае // *Русский архив*. 1897. Вып. 1. Кн. I. С. 513-555.
- Ammerman, 2013** – Ammerman N.T. Sacred stories, spiritual tribes. Finding religion in everyday life. New York: Oxford University Press, 2013.
- Knibbe, Kupari, 2020** – Knibbe K., Kupari H. Theorizing lived religion: introduction // *Journal of Contemporary Religion*. 2020. Vol. 35. Is. 2. Pp. 157-176.
- Lived Religion..., 1997** – Lived Religion in America: Toward a History of Practice / Ed. David Hall. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997.
- McGuire, 2008** – McGuire M. B. Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Orsi, 2003** – Orsi R.A. Is the Study of Lived Religion Irrelevant to the World We Live in? Special Presidential Plenary Address, Salt Lake City, November 2, 2002. // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2003. 42 (2). Pp. 169-174.

References

- Altynsarin, 1957** – Altynsarin, I. (1957). Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Alma-Ata: Nauka. [in Russian]
- Ammerman, 2013** – Ammerman, N.T. (2013). Sacred stories, spiritual tribes. Finding religion in everyday life. New York: Oxford University Press.
- Auezov, Krupko, 2020** – Auezov, Ye.K., Krupko, I.V. (2020). Religioznaya identichnost' v kazakhskoy kul'ture: granitsy khronotopa [Religious identity in the Kazakh culture: the boundaries of the chronotope]. *Narody i religii Yevrazii*. 22(1): 69-78. [in Russian]
- Andreev, 2007**– Andreev, I.G. (2007). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-kaisaks]. 2nd ed. Astana: Altyn kitap. [in Russian]
- Babadzhanov, 1861** – Babadzhanov, M.- S. (1861). Zametki kirgiza o kirgizakh [Notes of the Kirghiz about the Kirghiz]. *Severnaya pchela*. 4. [in Russian]

- Babadzhanov, 1864** – *Babadzhanov, Kh.S.* (1864). O kamennoy babe, naydennoy v kirgizskoy stepi [About a stone woman found in the Kyrgyz steppe] *Etnograficheskiy sbornik IRGO*. SPb. 6: 8-11. [in Russian]
- Bronevskii, 2005** – *Bronevskii, S.B.* (2005). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakh Srednei Ordy [Notes to major General Bronevsky about the Kirghiz of the Middle Horde kaysak]. O kazakhakh Sredney Ordy [About the Kazakhs of the Middle Horde]. Pavlodar: ECO LLP. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1902** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1902). Turgajskaya oblast. Istoricheskij ocherk [Turgai region. Historical sketch]. Tver': Tipol. N.M. Rodionova, 529 p. [in Russian]
- Galkin, 1868** – *Galkin, M.N.* (1868). Etnograficheskiye i istoricheskiye materialy po Sredney Azii i Orenburgskomu krayu [Ethnographic and historical materials on Central Asia and the Orenburg region]. SPb. [in Russian]
- Geyns, 1874** – *Geyns, A.K.* (1874). Ocherk Turkestana. Step' i kochevniki [Essay on Turkestan. Steppe and nomads]. SPb.: Tip. M.M. Siasyulevicha. [in Russian]
- Grigor'ev, 1874** – *Grigor'ev, V.* (1874). Russkaya politika v otnoshenii Srednej Azii: Istorichesky Ocherk [Russian policy towards Central Asia: Historical essay]. *Sb. gosudarstvennyh znaniy*. 1: 233-261. SPb. [in Russian]
- Kastan'ye, 1905** – *Kastan'ye, I.A.* (1905). Otchet o poyezdke v Turkestan [Report on a trip to Turkestan] *Trudy Orenb. Uchenoy arkhivnoy komissii*. 16: 176-201. [in Russian]
- Kastan'ye, 1911** – *Kastan'ye, I.A.* (1911). Nadgrobnyye sooruzheniya kirgizskikh stepey [Tomb structures of the Kirghiz steppes]. Orenburg: Orenb. Tip. Orenb. Oblastnogo pravleniya. [in Russian]
- Kempbell, 2022** – *Kempbell, Yan.* (2022). Znaniye i okrainy imperii. Kazakhskiy posrednik i rossiyskoye upravleniye v stepi, 1731-1917. Per. s ang. [Knowledge and the ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the steppe, 1731-1917]. Academic Studies Press. [in Russian]
- Khodyrev, 1917** – *Khodyrev, P.P.* (1917). Iz kirgizskikh poveriy [From Kyrgyz beliefs]. *Trudy Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*. 35: 187-203. Orenburg. [in Russian]
- Knibbe, Kupari, 2020** – *Knibbe, K., Kupari, H.* (2020). Theorizing lived religion: introduction. *Journal of Contemporary Religion*. 35 (2): 157-176.
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat. [in Russian]
- Lived Religion..., 1997** – *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*. Ed. David Hall. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Lyutayeva, 2023** – *Lyutayeva, M.S.* (2023). “Zhivaya religiya” i “vernakulyarnaya religiya”. Problema kontseptualizatsii terminov [“Living Religion” and “Vernacular Religion”]. *Vestnik SAFU. Filosofiya*. 23(3): 119-127. [in Russian]
- Mayev, 1870** – *Mayev, N.A.* (1870). Putevoditel' ot Sankt-Peterburga do Tashkenta [uide from St. Petersburg to Tashkent]. *Turkestanskiy sbornik*. 24. SPb. [in Russian]
- McGuire, 2008** – *McGuire, M.B.* (2008). *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. Oxford: Oxford University Press.
- Mejer, 1865** – *Mejer, L.L.* (1865). Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba [Kyrgyz steppe of the Orenburg department. Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. SPb. [in Russian]
- Nedz'vedz', 2016** – *Nedz'vedz', A.* (2016). Ot «narodnoy religioznosti» k «prozhivayemoy religii»: diskussiya v pol'skoy antropologii religii [From “folk religiosity” to “lived religion”: a debate in the Polish anthropology of religion]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3: 172-188. [in Russian]
- Nurgaliyeva, 2008** – *Nurgaliyeva, A.M.* (2008). Putevyeye zametki, dnevniki puteshestvennikov kak istochnik svedeniy o dukhovnom razvitiy kazakhskogo obshchestva novogo vremeni [Travel notes, travelers' diaries as a source of information about the spiritual development of the Kazakh society of modern time]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma*. 1: 24-31. [in Russian]
- Nurtazina, 2002** – *Nurtazina, N.D.* (2000). Islam v istorii srednevekovogo Kazakhstana (istoriko-kul'turologicheskoye issledovaniye) [Islam in the history of medieval Kazakhstan (historical and cultural research)]. Almaty: Farab. [in Russian]
- Nurtazina, Isakhan, 2022** – *Nurtazina, N.D., Isakhan, M.B.* (2022). Postzolotoordynskiy dekadans i sud'by religii v kazakhskom kochevom obshchestve XV – nachala XVIII vv. [Post-Golden Horde decadence and the fate of religion in the Kazakh nomadic society of the 15th – early 18th centuries]. *Zolotoordynskoye obozreniye*. 10(4): 910-934. [in Russian]
- Orsi, 2003** – *Orsi, R.A.* (2003). Is the Study of Lived Religion Irrelevant to the World We Live in? Special Presidential Plenary Address, Salt Lake City, November 2, 2002. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 42(2): 169-174.
- Radlov, 1980** – *Radlov, V.V.* (1980). Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow: GRVL. [in Russian]
- Razdykova, 2010** – *Razdykova, G.M.* (2010). Religioznyy sinkretizm kazakhov Stepnogo kraya [Religious syncretism of the Kazakhs of the Steppe region]. *Vestnik KarGU*. 3: 29-37. [in Russian]

Rech'..., 1870 – Rech', proiznesennaya pokrovitelem Otdela N.A. Kryzhanovskim [Speech delivered by the patron of the Department N.A. Kryzhanovsky]. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1: 13-30. Kazan': univetsitetskaya tipografiya, 1870. [in Russian]

Slovokhotov, 1905 – *Slovokhotov, L.A.* (1905). Narodnyy sud obychnogo prava kirgizov Maloy ordy [People's Court of Customary Law of the Kirghiz of the Small Horde]. *Trudy Orenb. uchenoy arkhivnoy komissii*. 15. Orenburg. [in Russian]

Sultangaliyeva, 1999 – *Sultangaliyeva, A.* (1999). Evolyutsiya islama v Kazakhstane [Evolution of Islam in Kazakhstan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 4: 31-40. [in Russian]

Toleubayev, 1991 – *Toleubayev, A.T.* (1991). Relikty doislamskikh verovaniy v semeynoy obryadnosti kazakhov (XIX – nachalo XX v.) [Relics of pre-Islamic beliefs in Kazakh family rituals (XIX – early XX centuries)]. Alma-Ata. [in Russian]

Shabley, 2013 – *Shabley, P.S.* (2013). Orenburgskoye magometanskoye dukhovnoye sobraniye v obshchestvenno-politicheskoy i religioznoy zhizni naseleniya kazakhskikh stepnykh oblastey Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the socio-political and religious life of the population of the Kazakh steppe regions]: Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Chelyabinsk. [in Russian]

Valikhanov, 1984 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984). Sobr. soch. v pyati tomakh [A note on judicial reform]. Vol.1, Alma-Ata. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobr. soch. v pyati tomakh [A note on judicial reform]. Vol.4, Alma-Ata. [in Russian]

Vamberi, 1868 – *Vamberi, A.* (1868). Ocherki Sredney Azii (dopolneniye k «Puteshestviyu po Sredney Azii») [Essays on Central Asia (addition to “Journey through Central Asia”)]. Moscow. [in Russian]

Yudin, 1897 – *Yudin, P.A.* (1897). Baron Igelstrom v Orenburgskom krae [Baron Igelstrom in the Orenburg region]. *Russkij arhiv*. 1. Kn. I. Pp. 513-555. [in Russian]

Религиозные верования казахов XVIII – начала XX вв. как феномен «проживаемой религии»

Агила Нургалиева ^{a, *}, Жаскайрат Ернараров ^b, Жанабек Жаксыгалиев ^a, Самат Курманалин ^b

^a Западнo-Казахстанский университет, Республика Казахстан

^b Западнo-Казахстанский инновационно-технологический университет, Республика Казахстан

Аннотация. В методологическом плане положения и выводы статьи соотносятся с предметным полем концепции «проживаемой религии», направленной на передачу специфики проявления религии в повседневной жизни людей. Рассмотрение религиозных верований казахов с позиций этой концепции позволяет, на наш взгляд, выйти за рамки дихотомии «или-или»: ислам/доисламские верования, официальный ислам/народный ислам. Цель работы – показать, что разнохарактерные по происхождению публикации XIX – начала XX вв. могут служить основой для определения характера религиозных верований казахов этого периода. Не смотря на наличие в современной историографии полемических дискурсов, ориентированных на разные ценности, авторы исследований не отрицают наличия синтеза доисламской и исламской культур, даже те, кто стоит на позициях давней исторической традиции ислама на территории Казахстана. Результаты. Публикации XVIII – начала XX вв., взятые нами за основу анализа, мы разделили на пять групп. Большинство из них были созданы сторонними наблюдателями. Особенную важность представляют работы казахских авторов, которых можно назвать этническими, лингвистическими и религиозными инсайдерами, имевшими возможность увидеть скрытые социальные связи, неочевидные для внешнего наблюдателя. Показано, что публикации современников помогают составить цельную картину по вопросу об особенностях религиозных верований казахов. Они позволяют говорить о синкретичности религиозных воззрений казахов. Это был гармоничный синтез традиционного комплекса представлений о мире с исламом, поскольку при всем его несоответствии ортодоксальным требованиям, в национальном самосознании казахов он присутствовал. Повседневные практики, привычки и модели социальной жизни казахов определялись как исламом, так и доисламскими воззрениями, и их можно определить термином «проживаемая религия».

Ключевые слова: ислам, синкретизм, казахские степи, Российская империя, дихотомии «или-или», «проживаемая религия», «казахские посредники», внешние наблюдатели.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agilamus789@gmail.com (А. Нургалиева)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1122-1131
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1122

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

State Transformations of Peter I in the South-East of Russia

Bulat A. Aznabaev ^a, Aleksey I. Kortunov ^{b, *}, Ramil N. Rakhimov ^a, Shamil M. Itkulov ^b

^a Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

^b M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

To date, the historical literature has not raised the question of which political form of the state corresponded to the administrative transformations of Peter I on the southeastern outskirts of Russia. Some authors claim that the ideal of the tsar was embodied in the creation of a “regular state”. Adherents of the “new imperial history” believe that the converter was guided by the concept of a “cameralist state”. In our opinion, in Bashkiria, the government of Peter the Great made the most radical scrapping of the traditional management system. The analysis of administrative transformations shows that Peter the Great's policy towards non-Russian suburbs demonstrated a desire to homogenize the population, erase tax and administrative differences in the situation of numerous groups of non-Russian population. The liquidation of the Order of the Kazan Palace and the provincial reform destroyed the system of indirect connections of the center with the southeastern periphery. Bashkirs have lost the privilege of direct appeal to the supreme power. Followers of the new imperial history claim that the executors of Peter I's plans were inspired by the teachings of cameralism, which declared the need for equality of all subjects before the law. This policy reflected the idea of a new political form – the nation-state, and, consequently, objectively had an anti-imperial character. Due to the absolute impossibility of introducing cameralist methods in foreign provinces, the specific measures of the authorities differed significantly from the basic principles of this doctrine. So, at the beginning of the XVIII century in Ufa County, all fiscal functions were transferred to the Ingermanland Chancellery. This department, designed to invent new objects of taxation, did not report even to the government, which contradicted the strict functional division of powers declared by the principles of cameralist doctrine. Their activities provoked the longest Bashkir uprising of 1704–1711. The resumption of Russian citizenship of the Bashkirs took place only in 1722 after the government officially confirmed the rejection of all innovations and the return to the pre-Petrine, essentially imperial, Bashkir management system.

Keywords: Bashkirs, the internal policy of Peter I, the uprising of 1704–1711, empire, indirect governance, Ufa province.

1. Введение

В исторической и политологической литературе понятие «имперская политика» трактуется самым произвольным образом. Поэтому исследователь лишен возможности оценивать деятельность того или иного правительства с точки зрения её соответствия имперской форме государства. К примеру, тезис о том, что Петр I создавал именно империю, не вызывает сомнений у подавляющего числа историков. Подтверждением тому служат факты смены титула главы государства, централизация административного аппарата, осуществление реформы армии и гражданской службы, а главное – укрепление абсолютизма и территориальная экспансия. Вместе с тем ни одно из перечисленных мероприятий не имеет прямого отношения к сущности имперского государства.

* Corresponding author

E-mail addresses: azbulatt@rambler.ru (B.A. Aznabaev), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov), rakhimovrn@mail.ru (R.N. Rakhimov), forrrest@gmail.com (S.M. Itkulov)

Империя манифестирует себя прежде всего в системе отношений центра и периферии. Однако именно в петровский период наблюдаются кризисные явления в управлении регионами, обладавшими особыми правами и помнящими о своей прежней самостоятельности (Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Малороссия). При этом Башкирия (Уфимская провинция) представляет собой идеальную имперскую провинцию, поскольку в силу исторических обстоятельств ее коренное население получило наиболее привилегированное положение в сравнении с другими народами. В Уфимской провинции российская администрация попыталась произвести наиболее радикальную трансформацию всей системы управления в направлении отмены всех привилегий и уравнивания местного населения в фискальном и законодательном отношении с другими нерусскими народами Среднего Поволжья. Однако, столкнувшись с массовым вооруженным сопротивлением, российские власти были вынуждены отказаться от прежнего курса реформ, восстановив всю прежнюю систему управления регионом. Мы попытаемся решить вопросы: чем обусловлено было стремление правительства Петра I к унификации положения нерусского населения Уфимской провинции и какое отношение имеют эти мероприятия к имперской форме государства.

2. Материалы и методы

2.1. Основу источниковой базы нашего исследования составили неопубликованные документы отдельного тома сенатских материалов, названного «Дела об уфимских башкирцах» из фондов РГАДА (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115). Формальная опись дела свидетельствует о том, что в него вошло всего 6 документов, что при объеме тома в 1134 листа представляется очень произвольным делением. По нашим расчетам, данное дело состоит из 200 отдельных документов, сгруппированных в хронологическом порядке. При этом состав дела включает в себя не только делопроизводственные и законодательные материалы, но и эпистолярные источники (письмо полковника И.Г. Головкина своему отцу канцлеру Г.И. Головкину): перехваченная властями переписка башкирских волостей, жалованные грамоты и даже генеалогические росписи (шежере) и т.д.

Письма Александра Сергеева, написанные им в 1720 г. не привлекали прежде внимания исследователей. Вместе с тем этот комплекс деловой переписки свидетельствует о том, что взгляды главных военных и гражданских администраторов в отношении башкир кардинально различались. Эти письма являются прямым свидетельством того, что большая часть старой допетровской элиты выступила с критикой преобразований в Уфимской провинции (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 57).

2.2. Методологическую основу исследования составляют традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. Для конкретного анализа политики правительства Петра I в отношении национальных окраин мы обратились к методу типизации, известному по работам М. Вебера. Создание «идеального типа» империи потребовалось нам для выявления наиболее значимых компонентов ее эмпирического содержания (Вебер, 1990: 393). Метод типизации дает нам инструментарий для решения вопроса о том, как идеальный тип имперского государства сопрягается с конкретными мероприятиями правительства Петра I в таком инородческом регионе, как Уфимская провинция.

3. Обсуждение

В отечественной литературе до настоящего времени отсутствует единство в определении империи как одной из политических форм государства. Приведем лишь замечание С.И. Каспэ об отсутствии «четкой концептуализированности» понятия «империя» (Каспэ, 2001: 19). В этом отношении весьма показательно диссертационное исследование Э.И. Дамирчиева «Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования», защищенная в МГУ в 2010 г. Автор посчитал необходимым сформулировать две дефиниции империи: идеальной и реальной. В нашем случае уместно обратиться к сформулированной концепции идеальной империи. Под последней Э.И. Дамирчиев понимает обширное государство со сложным общественным строем (множеством сословных и этнических групп) в котором источником верховной власти признаётся божественное начало (в монотеизме – Бог), а её носителем – единоличный правитель (монарх). Причём идеология этого государства носит универсальный (всемирный) характер.

К числу базовых критериев империй Э.И. Дамирчиев относит принадлежность императора и подданных к одной религии. Отрицание принципа множества религий как такового.

Вместе с тем строгое следование критериям дефиниции выводит за пределы понятия «империя» не только современные государства имперского типа, но и Римскую, Монгольскую, Российскую и Австро-Венгерскую империи, в которых императоры и подданные разделяли разные религии. Тезис о «божественном начале» верховной власти в империи резко ограничивает хронологические рамки существования империй. К тому же, вопреки мнению некоторых исследователей (Motyl, 2001) мы полагаем, что виды политических режимов (абсолютизм, самодержавие, восточная деспотия и т.д.) не имеют прямого отношения к политической форме государства.

Согласно ставшей уже классической дефиниции Ч. Тилли, империями называются сложносоставные политии, связанные с центром непрямым способом (Tilly, 1997: 3). Органы

центральной власти осуществляют военный и финансовый контроль в каждом крупном сегменте имперского доминирования. Но при этом допускается не прямое управление следующими способами:

1) сохранением или заключением особых пактов с органами власти каждого сегмента.

2) отпращиванием своих полномочий через посредников, пользующихся значительной автономией в своих доменах, в обмен на лояльность, сбор дани и военное сотрудничество с центром. Отказ от непрямого управления в пользу прямого стандартизованного набора связей между центром и периферией неизбежно приводит к распаду империй (Tilly, 1997: 5).

Мы полагаем, что характеристика империи, принадлежащая Джейн Бурбанк и Фредерику Куперу, акцентирует внимание лишь на одном аспекте имперской формы: «Империями были большие политические структуры, экспансионистские либо помнящие о власти, которая распространялась на большие пространства - политики, создававшие разграничения и иерархию по мере того, как они включали в себя все новых подданных» (Burbank, Cooper, 2011: 112). Однако в данном случае определяющий империю принцип «divide et impera» не конкретизирован ссылкой на «непрямое управление». Рональд Суни лишь развивает концепт Бурбанк и Купера: «Во власти империи находится народ, находящийся в разной степени подчинения. Не все многонациональные, мультикультурные или многоконфессиональные государства неизбежно являются империями, но в тех случаях, где сохраняются различия и неравное обращение, например, на территориях, отличающихся по этническому признаку, имперские отношения имеют место» (Суни, 2001: 9-24). Таким образом, на сегодняшний день наиболее полное описание империи, соответствующее идеальному типу, принадлежит Чарльзу Тилли. Возникает вопрос: не является ли определение империи Ч. Тилли мыслительной конструкцией, усредненной моделью, не имеющей никакого отношения к реальности? Может быть, в России XVI-XVIII вв. под империей понимали совсем не то, что имеет в виду Тилли?

4. Результаты

В Московском государстве середины XVI в. существовало вполне ясное представление о том, что имперская форма государства предполагает подчинение прежде независимых государств. Для Ивана IV ритуал венчания на царство не стал юридическим основанием для обращения к Вселенскому Патриарху для утверждения его царского титула. Только после завоевания Казанского и Астраханского ханств, правители которых считались суверенными монархами, царь заявил о своих претензиях на царский (императорский) титул на международной арене. Таким образом, уже в середине XVI в. Московское государство превратилось в «сложносоставную политику» и ее правители вполне четко этот факт осознавали. Не был исключением и сам Петр I. Еще до принятия титула императора, возводя своих подданных в графское достоинство, Петр I указывал в дипломе: «Аще данная нам от Всевышнего самодержавная власть во Всероссийском нашем наследном и принадлежащих к оному пространнейших царствиях и государствах тако распространяется...». Таким образом, Петр I утверждает, что он не просто «самодержец Всероссийский нашего Всероссийского Царствия», но и «иных государств» (Новая имперская история..., 2017: 44). Таким образом, представление об империи как сложносоставной политике воспринималось современниками как политическая реальность.

Вопрос о конкретной реализации «непрямого управления» инородческими провинциями в XVII-XVIII вв. требует более основательной аргументации. При этом именно в отношении башкир начала XVIII в. некоторые российские администраторы дословно отзывались как о «непрямых подданных». В 1712 г. казанский губернатор П.М. Апраксин писал своему более высокопоставленному брату: «...так и ныне Его Царскому Величеству предлагаю: зело добро с такими злодеи управитца и привести их в прямое подданство и учинить данниками прямыми (Материалы..., 1936: 277).

Дело в том, что принцип непрямого управления, описанный Ч. Тилли, подразумевает наличие политических соглашений между центром и элитами этнических окраин. Вместе с тем авторы «Новой имперской истории Северной Евразии» вполне обоснованно утверждают, что для Москвы, в отличие от Речи Посполитой, идея контрактных обязательств царя по отношению к новым подданным была неприемлема (Новая имперская история..., 2017: 30).

Действительно, Москва придерживалась другой юридической традиции, которая связана с наследием Монгольской империи. Ведь и ханы не заключали со своими подданными никаких договоров. Тем не менее именно от Золотой Орды до нас дошел единственный письменный источник актового вида – тарханские ярлыки. С.М. Каштанов обоснованно считает их разновидностью жалованных грамот, которые, в свою очередь, классифицирует как договорно-законодательный источник (Каштанов, 1988: 18).

В Башкирии в XVII – первой половине XVIII вв. после каждого восстания, официально означавшего разрыв подданических отношений, «башкирцы всех четырех дорог» вместе с «отпущением вин» получали от царя жалованные грамоты. В конце февраля 1664 г. делегация башкир явилась в Москву, где башкиры «видели ево Царьского величества, аки пресветлое солнце ево Царские пресветлые очи... И запреславную свою милость Великий Государь, его Царское Величество велел им дать свою государскую жалованную грамоту за красною оттворчетою печатью

на двух листах русским и татарским письмом. Велено им, башкирцем, быти под Ево Великого государя самодержавною высокою рукою в вечном холопстве быть по-прежнему» (*Материалы...*, 1936: 183). В 1719 г. после обращения башкир Сенат распорядился «...к ним, башкирцам, послать с жалованной грамотою Великого Государя из Сената, выбрав кого знатного человека, а в той грамоте написать, чтоб они, башкирцы, были Его Императорского Величества в подданстве по-прежнему, а за то обнадежить Его Царского Величества милостью, что всех их прежде показанные противности оставлены будут» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 115. Л. 5*).

Сами башкиры воспринимали эти жалованные грамоты как полноценные контракты с российской властью. В шежере башкирских племен Усерган, Кыпсак, Бурзян, Тамьян и Тангаур отмечено: «Составили указную грамоту, в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир и исповедующих ислам никогда не насиловать в другую религию, и чтобы мы, башкиры, стали нести искреннюю службу. Согласившись на эти договорные между собой условия, взяв друг у друга подписи, нашу грамоту в Казани записали в книгу» (*Кузеев, 1960: 45*).

Тем не менее, можем ли мы считать жалованные грамоты башкирам договорами, если они не предусматривают санкции за нарушение соглашения одной из сторон? Санкции были предусмотрены, но не в российской законодательной практике, а в правовом поле Монгольской империи. Эта юридическая коллизия нашла свое отражение в Ясе. Ибн Баттута, посетивший в середине XIV в. Центральную Азию, свидетельствует: «Чингис составил книгу своих постановлений, называемую у них Йасак, а у них положено, что тот, кто не выполняет постановлений этой книги, должен быть свергнут. По его постановлению они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день праздника». К тому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиса – эмиры, хатун и крупные военачальники. Если их султан изменит что-либо в этих постановлениях, то их предводители встанут и говорят: «Ты изменил то-то и то-то, сделал так-то и так-то, а потому тебя нужно свергнуть». Его берут за руки и заставляют сойти с царского трона, и на его место сажают другого потомка Чингиса» (*Почекаев, 2017: 54*).

В башкирском обществе отсутствовала институциональная элита в лице чингизидов, поэтому роль полномочных собраний выполняли не курултаи (собрание представителей рода Чингисхана и их приближенных), а йыйыны (родовые и общешкирские собрания). На этих собраниях чингизиды, приглашаемые башкирами в качестве башкирских ханов, смещались в том случае, если они выступали против решения йыйынов или не выполняли данные обещания. После добровольного принятия российского подданства в середине XVI в. это представление башкир (имперский мир) о правах и обязанностях ханов был распространен и на русских самодержцев. Таким образом, башкиры полагали, что власть имеет определенные ограничения, обусловленные принятым соглашением, т.е. жалованной грамотой. Нарушение условий этого контракта автоматически делегитимизирует правление монарха.

Однако в российской правовой практике такого ясного императива не существовало. В научной литературе до сей поры отсутствует единое мнение относительно отличия восточной деспотии от российского самодержавия. Считалось, что последняя форма правления все же имеет ограничения со стороны законодательства. Тем не менее дискуссия конца 1960-х – начала 1970-х гг. относительно институциональных различий между восточной деспотией и российским самодержавием не пришла к ясному пониманию вопроса. До сего времени высказываются мнения, что российское самодержавие представляло собой крайнюю форму деспотизма (*Кобрин, Юрганов, 1991: 56*). Во всяком случае, конкретная управленческая практика в Уфимской провинции начала XVIII в. демонстрирует нарушение всех законодательных положений, отраженных в прежних указах самого Петра I. Так, в 1695 г. вопреки обоснованным претензиям сибирской администрации на земли в Зауралье, правительство Петра I официально передало их в вотчинное родовое владение восточным башкирам. При этом в очередной раз местным властям было категорически запрещено нарушать вотчинные права башкир (*Материалы...*, 1936: 84-97). Однако уже в 1704 г. последовало изъятие наиболее ценных в промысловом отношении башкирских вотчинных земель по берегам рек Кама и Белая в собственность казны.

Следует отметить, что в официальном делопроизводстве вооруженные выступления башкир не характеризуются как однозначно криминальные деяния. Еще В.Н. Татищев первым обратил внимание на то, что башкиры употребляют в документах неподобающие слова для обозначения своих восстаний: «Земли данными Е. и В. называют они своими, а бунты – войной, отпущения же вин – миром для того, что народ степной и дикой, и к тому же испортила их прежняя воля» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230*). Вместе с тем Татищев не заметил, что «башкирскими войнами» называют восстания и представители высшей российской администрации (*РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 823. Л. 4-5*). До 1735 г. «ворами», т.е. государственными преступниками, официальные власти называли только отдельных представителей народа, но никогда всех восставших башкир. После восстаний 1682–1684 гг. и 1704–1711 гг. правительство официально выявило представителей администрации, виновных в провоцировании вооруженного выступления. До организации Оренбургской экспедиции все башкирские восстания заканчивались официальным прощением руководителей и участников. В ряде случаев некоторые представители российской администрации признавали требования

восставших башкир законными. В 1704–1711 гг. значительная часть уфимских дворян во главе с воеводой Аничковым поддержало восставших башкир. Уфимский воевода лично принял участие в составлении коллективного обращения восставших башкир к Петру I (РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 57. Л. 420).

В Уфимском уезде никаких репрессий, неизбежных после подавления бунтов в других областях России, не проводилось. Таким образом, администрация не рассматривала башкирские восстания как уголовные деяния. С восставшими велись переговоры, с ними заключались соглашения, производился обмен пленными. Таким образом, право башкир на вооруженное сопротивление властям в случае нарушения условий жалованных грамот не рассматривались властями как однозначно криминальные деяния. Восстания квалифицировались как «башкирская война» и «шатость».

В допетровской России специфика управления присоединенными государствами выражалась в сохранении многих прежних практик и институтов власти, характерных для золотоордынской эпохи. Первые изменения в системе регионального администрирования проявились еще в период Азовских походов. Указом от 20 декабря 1695 г. из ведомства Сибирского приказа были изъяты и переданы в управление уфимских воевод зауральские земли, располагавшиеся по рекам Тоболо-Иртышского бассейна.

Ничем непримечательная на первый взгляд административно-территориальная реформа фактически означала кардинальный отход от традиционного разделения российских подданных. В практике Монгольской империи и России в XVI-XVII вв. статус народов, завоеванных и добровольно принявших подданство, существенно различался. В XVI в. в отличие от уфимских башкир, башкиры Тобольского уезда считались «людьми хана Кучума». Они оказывали военную помощь его сыновьям и внукам вплоть до конца 70-х гг. XVII в. Земли сибирских башкир были объявлены государственной собственностью, а ясачный оклад на порядок превосходил подати башкир Уфимского уезда. В отличие от нерусских народов Сибири, уфимские башкиры официально платили ясак с вотчинных угодий. В случае утраты прав на землю ясак с них снимался. Тем не менее в 1695 г. государство уравнило уфимских и сибирских башкир в правах и привилегиях независимо от характера принятия ими подданства. Следующим шагом правительства Петра I должно было стать уравнивание башкир с другими народами в земельных правах, налогах и податях, свободе передвижения и отношения к верховной власти.

В 1701 г. управление вотчинными и финансовыми делами было перенесено из Приказа Казанского дворца в Казань. Уже в начале XVIII в. это учреждение превращается в губернию, а перенос управления регионом из столицы лишь окончательно оформил этот процесс. До петровских реформ наиболее привилегированным народом юго-востока России были башкиры. Они обладали вотчинным правом на землю, законодательно запрещавшим любые формы отчуждения башкирских земель. Вотчинники имели право принимать на своих землях переселенцев. Уфимские власти не вмешивались в их взаимоотношения. Все башкиры без исключения считались служилыми людьми государства. На весь народ была распространена традиционная привилегия тарханов: право непосредственного обращения к верховной власти (Демидова, 2003: 179-194). Башкиры являлись единственным мусульманским народом России, не испытывавшим никаких ограничений в делах веры с момента принятия ими добровольного подданства России. Шариатские суды действовали легально, их решения официально признавались уфимской администрацией и Приказом Казанского дворца.

До середины XVIII в. во владении башкир находилось около 28 млн. 484 тыс. десятин земли (Акманов, 2000: 76). Ясак, который платили башкиры с этой земли, составлял всего 5217 руб. Причем сами башкиры выплачивали только 1508 руб., все остальное платили переселенцы. Для сравнения: в 1667 г. «иногородцы» только одного Якутского уезда внесли в казну 1,4 млн. рублей. Пользуясь бесконтрольностью со стороны православной церкви, башкирские имамы переводили в ислам не только язычников – мари и удмуртов, но и бежавших на их земли православных крестьян.

С 1704 по 1708 гг. российские власти отменяют практически все привилегии башкир. Чарльз Стейнвелл обратил внимание на то, что правительство Петра проводит в Уфимской провинции действия, которые не имели прямого отношения к фискальной политике (Steinwedel, 2003: 193). Вводятся ограничения мусульманской религии, предписывающие православной церкви контроль за мусульманскими обрядами (свадьбами и похоронами). По образцу православных традиций башкирам указывалось заводить кладбища рядом с мечетями.

Из владений башкир изымаются наиболее доходные промысловые угодья, что в первую очередь затронуло рыбные ловли по большим рекам Уфимской провинции. Это сказалось не столько на башкирском рыболовстве, сколько на ведении полукошечного хозяйства. Лучшие летние и земные пастбища располагались в пойме крупных рек. Ситуация усугубилась после введения запрета на промыслы в так называемых корабельных лесах, которые прежде также принадлежали башкирам. В данном случае указ ударил по наиболее важной статье промысловых доходов башкир – бортничеству. При этом администрация не снимала ясак с изъятых угодий. С 1704 г. в башкирских вотчинных лесах власти основывают поташные заводы, в которых килограмм продукции получался в результате сожжения тонны древесины. Повышенным налогом впервые облагаются башкирские мельницы, розничная торговля, свадьбы, гробы и т.д. В 1705 г. под угрозой военного вторжения в

волости от представителей башкир потребовали поставки в армию 15000 лошадей. Зимой 1705 г. из Казани в Уфу была направлена военная экспедиция во главе с комиссаром Ингерманландской канцелярии А.С. Сергеевым с целью устрашения местного населения.

Вместе с тем башкиры возмутились не вследствие непомерности новых требований государства, а по причине противозаконного характера их предъявления. Согласно жалованным грамотам, все податные и налоговые нововведения должны были согласовываться непосредственно с представителями башкирского народа. Это условие нашло свое отражение как в башкирских родословных росписях, так и в официальном делопроизводстве. В шежере четырех родов отмечено, что во время официального принятия подданства башкирами «царь Иван Васильевич обещал другими повинностями, учрежденными без нашего согласия, не причинять башкирскому народу страданий» (Кузеев, 1960: 63). Когда в 1704 г. служащий Ингерманландской канцелярии Андрей Жихарев сообщил представителям башкир о том, что «указал Великий Государь те прибыльные дела на них наложить... башкиры сказали, де они ему Андрею, что они воры и про те прибыльные дела Великий Государь имянно ведать не изволит» (Материалы..., 1936: 259). Откуда такая убежденность башкир в том, что инициатива по введению новых налогов не могла исходить от царя? Как выяснила Н.Ф. Демидова, первоначальное соглашение о принятии башкирами Российского подданства включало в себя и положение о том, что все спорные вопросы, возникающие между двумя сторонами, должны быть согласованы во время периодических приездов башкирских представителей в Москву (Демидова, 2003: 180). Практика башкирских посольств продолжалась вплоть до конца XVII в. Таким образом, протест башкир, адресованный Жихареву, вполне обоснован. Тем не менее, правительство Петра I не предполагало соблюдать традицию и согласовывать с представителями башкир введение новых податей и налогов.

За всеми этими разноплановыми действиями ясно вырисовывается главная цель Преобразователя – нивелировать различия в положении подданных, уравнивать их в правах и обязанностях. В первую очередь эта политика была направлена в отношении народов, обладавших наибольшими льготами.

Авторы «Новой имперской истории Северной Евразии» полагают, что идеологическое обоснование фискальных реформ Петра I следует искать в учении камерализма (Новая имперская история..., 2017: 30). Эта доктрина, возникшая в немецких княжествах после 30-летней войны, видела в государстве роль объединителя разобщенных экономическими процессами граждан. Интегрирующая функция государственной власти заключалась в создании по возможности равенства и справедливости в податях и налогах. И. Герасимов, М. Могильнер и С. Глебов утверждают, что почти все административные распоряжения Петра I вполне вписываются в логику камералистского мышления (Новая имперская история..., 2017: 56). Тем не менее на юго-восточной окраине России действия властей даже на уровне замыслов противоречили принципам камералистской теории. Дело в том, что данное учение в строгом исполнении исключало искажение финансовой отчетности и совершение мошенничества, поскольку сбор, учет и расход налогов сосредотачивался в разных ведомствах, независимых друг от друга. К тому же камерализм можно определить как первое учение, потребовавшее полной стандартизации учетной документации на всех уровнях.

Можно ли говорить о том, что фискальная политика правительства Петра I на территории Уфимской провинции соответствовала этим принципам?

Итак, с октября 1704 г. непосредственное управление государственными финансами на территории бывшего Казанского дворца сосредоточили в своих руках руководители Ингерманландской канцелярии. А.Д. Меншиков, возглавлявший ведомство, не ставил в известность ни одно учреждение относительно его деятельности. Комиссары канцелярии произвольно определяли новые статьи обложения, не консультируясь с местными властями. Более того, сбор этих же налогов канцелярии возложила на себя. Официальной документации об утверждении новых объектах налогообложения не существовало. Средства, собранные канцелярией, не поступали в бюджет, а представляли собой свободные суммы, которыми распорядился лично Петр I.

Когда в 1720 г. Сенат занялся исследованием причины башкирского восстания 1704–1711 гг., то большинство показаний башкир не было подтверждено ни одним официальным документом. К примеру, знаменитый указ 1704 г. о наложении на башкир 72 новых статей так не обнаружен, несмотря на то, что его искали во всех центральных и местных учреждениях (Материалы..., 1936: 144-151).

Таким образом, фискальная политика Петра I в Среднем Поволжье и Приуралье ни по духу, ни по воплощению не соответствовала камералистской теории. Ее сложно назвать даже оккупационной, так как контрибуция все же подлежит централизованному учету. Тем не менее следует согласиться с основным выводом авторов «Новой имперской истории Северной Евразии», что камерализм ставил под удар перспективы Российской «империи» в смысле сложносоставного политического пространства (Новая имперская история..., 2017: 198).

Дж. Бурбанк и Ф. Купер полагают, что политика унификации и гомогенизации населения чем, по существу, и занимался Петр I в Уфимской провинции ведет не к развалу империи, но знаменует собой переход к иному имперскому проекту. Они утверждают, что имперская эволюция имеет два возможных варианта: евразийский и римский (Burbank, Cooper, 2011: 229). Согласно их концепции,

существуют империи, предпочитающие разнородность как фундамент имперского правления («евразийский путь») и империи, склоняющиеся к унификации и гомогенности («римский путь»). В таком дискурсе башкирское восстание 1704–1711 гг. можно рассматривать как столкновение двух имперских проектов: евразийского (башкиры) и римского (правительство Петра I). Тем не менее мы согласимся с критикой подобной классификации со стороны Ч. Тилли, отметившего, что история знает несколько примеров первого сценария, но не второго (Tilly, 1997: 1-11). От себя добавим, что выделение римского варианта имперской эволюции предполагает, что данная империя имманентно уже содержала в себе тренд к образованию национального государства еще на заре своего становления.

Попытка правительства Петра I «унифицировать» башкир означала аннулирование всех прежних жалованных грамот и одностороннюю ликвидацию системы непрямого управления. Аналогичные действия верховной власти мы наблюдаем в этот период на Украине, Дону, Северном Кавказе и Нижней Волге.

В этой связи мы выдвигаем предположение, что изменение титулатуры главы государства следует увязывать с изменением политической формы государства. В литературе утвердилось мнение, что введение императорского титула никак не связано с радикальным преобразованием внутренней структуры государства. О.Г. Агеева утверждает, что смена титулатуры вызвана, прежде всего, новым внешнеполитическим статусом державы. В начале XVIII в. международное положение России изменилось, и потребовалось четко зафиксировать ранг русского монарха в Европе (Агеева, 2012: 109-121). Ричард Уортман дает иную интерпретацию этому событию. Римское (европейское) государство было более свободно от влияния церкви, нежели Русское царство. Император как триумфатор гораздо менее зависим от религиозного источника власти, чем русский царь. Триумфальная сакрализация власти выполняла ту же функцию, что и коронация (Уортман, 2002). Таким образом, император уже не является ответчиком перед Богом за души своих подданных, но становится победоносным лидером, власть которого исходит от Сената, представляющего народ.

5. Заключение

Мы полагаем, что изменение титулатуры русским монархом в 1721 г. было обусловлено трансформацией отношений «центр – этническая периферия». Внешнеполитический фактор (если не учитывать ориентацию государства на экспансию) или источник власти монарха (от Бога или от народа) никак не связаны с самим пониманием империи как сложного государства. Изменение титулатуры в 1721 г. для всех подданных народов символизировало новую концепцию государства, в котором упразднились все права и привилегии, пожалованные русскими монархами отдельным народам и социальным группам. В 1702 г. вводится единая форма для всех челобитных, поданных на высочайшее имя. Теперь все подданные должны были именоваться «нижайшими рабами» (Марасинова, 2008: 99-118). Прежде башкиры обозначали себя в своих челобитных как «холопы» относя таким образом, себя к привилегированному служилому сословию. К примеру, ясачные жители Казанского уезда называли себя «сиротами».

Деятельность правительства Петра I вела государство не к трансформации империи с «евразийского» на «римский» вариант, а имела очевидный антиимперский характер.

В этой связи вызывают вопросы некоторые определения, даваемые государству Петра I в отечественной литературе. Авторы утверждают, что царь создавал «регулярное» (Нефедов, 2019: 253-257) или «камералистское государство» (Глебов, 2006: 238-242). Однако за этими понятиями стоят декларируемые, но отнюдь не осуществлявшиеся принципы управления. Эти определения не имеют никакого отношения к политической форме государства, которых, по утверждению Ч. Тилли, на протяжении десяти тысячелетий существовало только три: город-государство, аграрно-военные образования, империи или же многочисленные комбинации этих трех форм (Tilly, 1997: 1-11). Только в последние два столетия консолидированные национальные государства стали доминирующей государственной формой в Европе. Устойчивый тренд в политике – стремление к унификации и гомогенизации управляемого пространства и населения не дает никаких оснований считать, что идеалом государства для Петра I являлась одна из указанных трех форм. Вместе с тем административные и социальные реформы царя при известном допущении можно интерпретировать как движение к консолидированному национальному государству. Однако даже для наиболее развитых стран Европы начала XVIII в. политическая форма «государство-нация» представляла собой отдаленную перспективу. Для России же начала XVIII в. петровский проект являл собой абсолютно неосуществимую цель. Однако это обстоятельство вполне объясняет уровень государственного насилия в процессе проведения преобразований.

Башкирское восстание 1704–1711 гг. явившееся ответом на радикальный отказ правительства Петра I от традиционной системы управления, привело к разрыву подданства и более чем десятилетнему пребыванию башкирского народа в состоянии политической неопределенности. Лишь в 1722 г. по инициативе башкир российское подданство было возобновлено в прежнем формате. Однако все нововведения первой четверти XVIII в. касавшиеся башкир и их припущенников, были официально отменены. Жалованная грамота 1722 г. в ключевых пунктах дословно повторяла фрагменты текстов наказов, дававшихся уфимским воеводам XVII в. Российские власти подтвердили

независимость от российских властей племенного ополчения башкир, свободу вероисповедания и незыблемость вотчинного права башкир на родовые земли. Фактически это означало возвращение к прежней имперской системе управления башкирами.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https:rscf.ru/project/22-28-01153/>.

Литература

Агеева, 2012 – Агеева О.Г. От Московского царства к Всероссийской империи / 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории. М.: Наука, 2012. С. 109-121.

Акманов, 2000 – Акманов А.И. Земельная политика Царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начала XX вв.). Уфа: Китап, 2000. 208 с.

Вебер, 1990 – Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Глебов, 2006 – Глебов С.В. Регулярное полицейское государство и ясак: сибирская записка Генриха Фика // *Ab imperio*. 2006. № 1. С. 238-242.

Демидова, 2006 – Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. / От Древней Руси к России нового времени. М.: Наука, 2003. 320 с.

Каспэ, 2001 – Каспэ С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 253 с.

Каптанов, 1988 – Каптанов С.М. Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988. 229 с.

Кобрин, Юрганов, 1991 – Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // *История СССР*. 1991. № 4. С. 54-64.

Кузеев, 1960 – Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

Марасинова, 2008 – Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. / «Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей в Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 541 с.

Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. 612 с.

Нефедов, 2019 – Нефедов С.А. Реформы Петра I в контексте концепции «вызовов и ответов» / Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2019. С. 253-257.

Новая имперская история..., 2017 – Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX вв. М.: Высшая школа экономики, 2017. 215 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Сунин, 2001 – Сунин Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab imperio*. 2001. № 1. С. 9-24.

Уортман, 2002 – Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

Motyl, 2001 – Motyl Alexander J. Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires. Columbia University Press, 2001. 128 p.

Burbank, Cooper, 2011 – Burbank J., Cooper F. Empires in World History. Princeton University Press, 2011. 528 p.

Steinwedel, 2016 – Steinwedel Ch. Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 398 p.

Tilly, 1997 – Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder: Oxford: Westview press, 1997. 200 p.

References

Ageeva, 2012 – Ageeva, O.G. (2012). Ot Moskovskogo tsarstva k Vserossiiskoi imperii [From the Muscovy to the All-Russian Empire]. 1150 let Rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. Materialy k Obshhemu sobraniju Rossijskoj akademii nauk, posvjashhennomu Godu rossijskoj istorii, pp. 109-121. [in Russian]

Akmanov, 2000 – Akmanov, A.I. (2000). Zemel'naja politika Carskogo pravitel'stva v Bashkirii (vtoraja polovina XVI – nachalo XX vv.) [Land policy of the Tsarist government in Bashkiria (the second half of the XVI – early XX centuries)]. Ufa. [in Russian]

Burbank, Cooper, 2011 – Burbank, J., Cooper, F. (2011). Empires in World History. Princeton.

- Demidova, 2003 – Demidova, N.F. (2003). Bashkirskie posol'stva v Moskvu v XVII v. [Bashkir embassies to Moscow in the XVII century]. Moskva. [in Russian]
- Glebov, 2006 – Glebov, S.V. (2006). Reguljarnoe policejskoe gosudarstvo i yasak sibirskaja zapiska Genriha Fika [Regular police State and yasak: The Siberian note by Heinrich Fick]. *Ab imperio*. 1: 238-242. [in Russian]
- Kashtanov, 1988 – Kashtanov, S.M. (1988). Russkaja diplomatika [Russian diplomacy]. Moskva. [in Russian]
- Kaspje, 2001 – Kaspje, S. (2001). Imperija i modernizacija. Obshhaja model' i rossijskaja spetsifika [Empire and modernization. General model and Russian specifics]. Moskva. [in Russian]
- Kobrin, Jurganov, 1991 – Kobrin, V.B., Jurganov, A.L. (1991). Stanovlenie despoticheskogo samodержavija v srednevekovoj Rusi [The formation of despotic autocracy in Medieval Russia]. *Istorija SSSR*. 4: 54-64 [in Russian]
- Kuzeev, 1960 – Kuzeev, R.G. (1960). Bashkirskie shezhere [Bashkir shezhere]. Ufa. [In Russian]
- Marasinova, 2008 – Marasinova, E.N. (2008). «Raby» i «grazhdane» v Rossijskoj imperii XVIII v. ["Slaves" and "citizens" in the Russian Empire of the XVIII century]. Moskva. [in Russian]
- Materialy..., 1936 – Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoj polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. Moskva-Leningrad, 1936. [in Russian]
- Motyl, 2001 – Alexander, J. Motyl (2001). Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires. Columbia.
- Nefedov, 2019 – Nefedov, S.A. (2019). Reformy Petra I v kontekste koncepcii «vyzovov i otvetov» [Peter I's reforms in the context of the concept of "challenges and answers"]. Ekaterinburg, pp. 253-257. [in Russian]
- Novaja imperskaja istorija..., 2017 – Novaja imperskaja istorija Severnoj Evrazii [The New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan [in Russian]
- Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Ju. (2017). Legitimacija vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvah Evrazii. Tjurko-mongol'skij mir XIII – nachala XX v. [Legitimization of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia. The Turkic-Mongolian world of the XIII – early XX centuries]. M. [in Russian]
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Steinwedel, 2016 – Steinwedel, Ch. (2016). Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington.
- Suni, 2001 – Suni, R. (2001). Imperija kak ona est': imperskaja Rossija, «nacional'noe» samosoznanie i teorii imperii [Empire as it is: Imperial Russia, "national" Identity and Theories of Empire]. *Ab imperio*. 1: 9-24. [in Russian]
- Tilly, 1997 – Tilly, Ch. (1997). How empires end / After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires, 1997, pp. 1-11.
- Uortman, 2002 – Uortman, R.S. (2002). Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. M. [in Russian]
- Veber, 1990 – Veber, M. (1990). Izbrannye proizvedenija [Selected works]. M. [in Russian]

Государственные преобразования Петра I на юго-востоке России

Булат Ахмерович Азнабаев^a, Алексей Иванович Кортунов^{b, *}, Рамиль Насибуллович Рахимов^a, Шамиль Мухаметович Иткулов^b

^a Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. До настоящего времени в исторической литературе не поднимался вопрос о том, какой политической форме государства соответствовали административные преобразования Петра I на юго-восточной окраине России. Некоторые авторы утверждают, что идеал царя воплощался в создании «регулярного государства». Приверженцы «новой имперской истории» полагают, что преобразователь руководствовался концепцией «камералистского государства». По нашему мнению, в Башкирии правительство Петра I произвело наиболее радикальный слом традиционной системы управления. Анализ административных преобразований свидетельствует о том, что политика Петра I в отношении нерусских окраин продемонстрировала стремление к гомогенизации населения, стиранию податных и административных различий в положении многочисленных групп нерусского

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azbulattt@rambler.ru (Б.А. Азнабаев), kortunov@rambler.ru (А.И. Кортунов), rakhimovrn@mail.ru (Р.Н. Рахимов), forrrest@gmail.com (Ш.М. Иткулов)

населения. Ликвидация Приказа Казанского дворца и губернская реформа разрушали систему не прямых связей центра с юго-восточной периферией. Башкиры потеряли привилегию непосредственного обращения к верховной власти. Последователи новой имперской истории утверждают, что исполнители замыслов Петра I вдохновлялись учением камерализма, декларировавшего необходимость равенства всех подданных перед законом. Эта политика отражала идею новой политической формы государства-нации, а, следовательно, объективно имела антиимперский характер. В силу абсолютной невозможности внедрения камералистских методов в иногородческих провинциях конкретные мероприятия властей существенно расходились с базовыми принципами данного учения. Так, в начале XVIII в. в Уфимском уезде все фискальные функции были переданы Ингерманландской канцелярии. Это ведомство, призванное изобретать новые объекты налогообложения, не отчитывалось даже перед правительством, что противоречило строгому функциональному разделению полномочий, декларируемого принципами камералистского учения. Их деятельность спровоцировала самое длительное восстание башкир 1704–1711 гг. Возобновление российского подданства башкир состоялось только в 1722 г. после того, как правительство официально подтвердило отказ от всех нововведений и возвращение к допетровской по сути своей имперской системе управления башкирами.

Ключевые слова: башкиры, внутренняя политика Петра I, восстание 1704–1711 гг., империя, не прямое управление, Уфимская провинция.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1132-1141
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1132

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Status of the Kalmyk Zaisangs in the XVIIIth century

Maksim M. Batmaev ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center of the RAS, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a problem little studied in modern oriental studies – the status of the Kalmyk zaisangs, especially its economic and administrative role in the historical life of the Kalmyk people in the Khan period. The work is based on archival materials, introduced into scientific circulation for the first time. In the course of their analysis, historical-genetic, historical-comparative, and historical-systemic methods were used. The zaisang estate played an important role in the history of the Kalmyk people. Occupying a middle position in the class hierarchy of the Kalmyks, they were the link between the upper and lower classes of the entire people. Zaisangs were the mainstay and closest assistants of their owners (noyans), could be used for special assignments or as advisers. In case of serious difficulties, the owners could turn to their zaisangs. At the same time, the zaisangs were completely at the mercy of their noyan, who could take away the aimag entrusted to him or even kill him under certain circumstances. However, the zaisangs could act against noyan as a cohesive group and succeed, especially when he violated established laws and generally accepted customs. In relation to the commoners, the zaisangs had broad powers, especially in matters of tax collection and distribution of public duties, including military mobilizations. Historical circumstances led to the situation that in the zaisang realm there was a large percentage of people from the realm of commoners. At the same time, in some aimags, the position of zaisang becomes hereditary. In general, as a class, the zaisangs had great potential and had effective leverage to manage the Kalmyk society in the direction it needed.

Keywords: zaisangs, Kalmyks, nomads, class group, social relations, Kalmyk Khanate, Zargo.

1. Введение

В калмыцком обществе XVIII в. большую роль играло сословие зайсангов. Обобщая, можно сказать: нойоны господствовали, зайсанги управляли, простолюдины разных категорий подчинялись и исполняли. В административном отношении калмыки проживали в хотонах, аймаках и улусах. Зайсанги находились на социальной лестнице ниже нойонов и выше простолюдинов, но, разумеется, естественным образом контактировали с ними и участвовали в жизненных процессах своих соседей с той и другой стороны. Вход в среду нойонов формально не мог состояться, а вот с народными массами они сожительствовали более тесно, и даже немалая часть их была выходцами из этой среды. Большинство зайсангов управляли аймаками и имели возможность влиять в первую очередь на внутрикалмыцкие дела. Сказанное означает, что историки, занимающиеся изучением внутривосточного и экономического развития Калмыцкого ханства, должны не в последнюю очередь обратить пристальное внимание на историческое положение калмыцкого зайсангства во всей его многогранности.

2. Материалы и методы

Цель предлагаемой статьи заключается в желании внести по возможности скромный вклад в ликвидацию указанной выше недостаточности. Для достижения поставленной задачи были

* Corresponding author

E-mail addresses: nel_max73@mail.ru (M.M. Batmaev)

привлечены впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, в первую очередь из фондов 35 и 36 Национального архива Республики Калмыкии (НА РК). А также привлечены некоторые сведения из Фонда 119 «Калмыцкие дела» хранящихся под одним и тем же номером в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 119) и Архиве внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел РФ (АВПРИ. Ф. 119).

В основу статьи был положен классический историко-генетический метод, позволивший последовательно раскрыть исследуемую тему в процессе ее исторического развития. В ходе работы пришлось привлечь большой объем сведений, вкрапленных в другие научные исследования, а также архивные материалы, сравнительный анализ которых обусловил активное применение историко-сравнительного метода. Для понимания места социальной группы зайсангства в сословном обществе калмыцких кочевников, ее статуса, раскрытия особенностей взаимоотношений зайсангов с нойонами и простолюдинами в XVIII в. был применен историко-системный метод.

3. Обсуждение

Между тем специальных работ по истории калмыцкого зайсангства не имеется. Сведения о зайсангах скупо вкраплены в работы на другие темы. В XVIII в. В.М. Бакунин посвятил зайсангам как сословию два абзаца (Бакунин, 1995: 76), но его труд пролежал без движения на полке вплоть до 30-х годов прошлого века. П.С. Паллас вскользь заметил, что улус делится «на кочующия неподалеку одна от другой толпы или Аймаки, и ими управляют дворяне, по их сайсанг называемыя» (Паллас, 1773: 484). В первой половине XIX в. вышли работы Н.Я. Бичурина (Иакинфа), Н.А. Нефедьева и Ф.А. Бюлера по истории и этнографии калмыцкого народа (Бичурин, 1834; Нефедьев, 1834; Попов, 1839; Бюлер, 1846) в которых так или иначе упоминались зайсанги. Однако из названных авторов краткое определение зайсангам дал только Бюлер: «зайсанги – владельцы аймаков» (Бюлер, 1846: 21).

Во второй половине XIX в. появились работы П.И. Небольсина, К.И. Костенкова, М. Новолетова, где также немногословно давалась характеристика калмыцких зайсангов (Небольсин, 1852; Костенков, 1870; Новолетов, 1884; Позднеев, 1886). В частности, К.И. Костенков считал, что нойоны раздавали аймаки для управления своим дальним родственникам или избранным лицам, «которые, от слова цзисан, назывались цзайсан, или зайсанг» (Костенков, 1870: 31-32). Это мнение стало преобладающим в дореволюционной историографии Калмыкии. Более того, в советское время этого взгляда придерживался И.Я. Златкин (Златкин, 1983: 333).

Промежуточное положение между дореволюционной и советской историографией занимает Н.Н. Пальмов, полагавший, что под влиянием российской действительности «калмыцкие тайши, нойоны и зайсанги, считавшиеся раньше только предводителями в администраторов и владельцев, облеченных широкими полномочиями и правами, напоминающими права и полномочия русских воевод и помещиков» (Пальмов, 1922: 34). Свой вклад в изучение данной проблемы внес Б.Я. Владимирцов, возводя происхождение термина «зайсанг» к монгольскому периоду (Владимирцов, 2002).

Впрочем, в советский период влияние классового подхода в истории сказалось и в этом вопросе. Например, в «Очерках истории Калмыцкой АССР» вышедших в 1967 г. утверждалось: «Зайсанги... были вассалами тайшей. В своем владении они имели аймаки, состоявшие из разного числа семейств. Сравнивая зайсангов с русскими дворянами, источники тем самым подчеркивали, что зайсанги – такие же феодалы, как и дворяне» (Очерки..., 1967: 173).

Вызывают определенный интерес работы К.О. Эрдниева и В.П. Санчирова, опубликованные в 1980-х гг. (Эрдниева, 1987; Санчиров, 1990). В частности, В.П. Санчиров отметил: «Правители более мелких феодальных владений, малые тайши и зайсанги находились в зависимости от больших тайшей. Они должны были платить им подать скотом, принимать участие со своими воинами в их военных мероприятиях и т.д.» (Санчиров, 1990: 12). Работы В.Ш. Бембеева, У.Э. Эрдниева, А.В. Цюрюмова, Д.Б. Гедеевой, Е.В. Дорджиевой помогают уточнить позиции зайсангов в тех или иных конкретных ситуациях (Бембеев, 1984; Эрдниев, 1985; Цюрюмов, 1998; Гедеева, 2002; Дорджиева, 2002).

Таким образом, можно констатировать, что вклад зайсангства в историческую жизнь калмыков был важным и плодотворным, а изучение и освещение этого вклада в калмыцкой истории, мягко говоря, недостаточным.

4. Результаты

В XVII–XVIII вв. зайсанги в калмыцком обществе наравне с нойонами относились к «белой кости», в отличие от «чернокостных» простолюдинов. Большинство из них наследственно управляли аймаками, которые выделялись им нойонами. Имелись в небольшом количестве и безаймачные зайсанги, в основном личные служители нойонов. В исторической литературе о калмыках преобладает взгляд, что зайсанги являются дальними родственниками тайшей и нойонов, живших в конце Средневековья и начале Нового времени (Владимирцов, 2002: 435).

Нужно сказать, что подобное предположение весьма шатко. Но если это даже так и было в указанное время, то впоследствии, не говоря уже о XVIII в., многие зайсангские семьи происходили

из простолюдинов. Например, известный своей непредсказуемостью хан Дондук-Омбо. Как писали в Коллегию иностранных дел 29 ноября 1741 г. тогдашний астраханский губернатор В.Н. Татищев и руководитель Калмыцких дел В.П. Беклемишев: «многих владельцев перевел и протчих улусы и скот обрал, и большую часть зайсангов уничтожил и в убожество привел, а взяв ис подлости (из простолюдинов – М.Б.) и татар обогатил» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 133. Л. 35-36).

Перед исследователем в первую очередь встает вопрос: когда, в какое время и при каких обстоятельствах началось складывание будущего сословия зайсангов? В просмотренных мною материалах нескольких архивных фондов термин «зайсанг» впервые встречается в документе за декабрь 1672 г. В нем говорится, что в это время посланец астраханского воеводы Я.Н. Одоевского видел у хана Аюки крымского посла Тютяя-агу, который жил под защитой ближнего Аюкина человека Лударя зайсанга (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 2. Л. 24). Владимирцов предполагал, что во главе аймаков во второй половине рассматриваемого им периода (XIV–XVII вв.) находились зайсанги (Владимирцов, 2002: 433). Он же задавался вопросом: «откуда происходят эти тайши, зайсанги, хошучи и т.д. Из какой социальной группы они вышли?». На свои вопросы Владимирцов дает ответ: во времена Юаньской династии. Именно в это время, по его мнению, «высшие сановники – монголы носили именно те же титулы, почетные и действительные, и выполняли соответствующие своим званиям обязанности» (Владимирцов, 2002: 435). Думается, что маститый исследователь был на верном пути.

Возвращаясь к статусу зайсангов в калмыцком обществе рассматриваемого времени, нужно отметить, что отдельный представитель своего сословия был в полной власти своего нойона. Последний мог отобрать у зайсанга порученный ему аймак, заставить беспрекословно выполнять приказания и даже убить при определенных обстоятельствах или под влиянием самодурства. Только тогда, когда они выступали сплоченной группой против нарушения нойонами установленных законов и принятых обычаев. Тогда они могли надеяться на успех и часто добивались желаемого. Со своей стороны, нойоны, когда перед ними вставали сложные проблемы и затруднения, не могли не обратиться к собранию своих зайсангов за советом и помощью.

Для полной обрисовки статуса зайсангов, особенно в XVIII в., нужно ответить на вопрос: платили ли они подати своему нойону? Зайсанг Багацохуровского Зюневского улуса Бидрана жаловался В.Н. Татищеву, что его Дондук-Омбо уволил от податей, а владелица Нингба берет с него большие поборы скотом. Ханша Джан подтвердила, что Дондук-Омбо освободил Бидрану от податей, кроме трех: 1) Далай-ламе; 2) по смерти хана на поминки; 3) на приданое ханской дочери (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 177. Л. 23). Управляющий Калмыцкими делами в первой половине 1740-х гг. Н.Г. Спицын сообщал В.Н. Татищеву, который хлопотал о зайсанге Бедирне, у которого Дондук-Даши отнял 10 лошадей и еще братъ хочет, что лошади у него взяты в податъ, как и у прочих положено, а лишнего не брал, с чем и Бедирна согласился. Однако последний просил Спицына, чтоб его вовсе освободить от всех податей. Спицын об этом наместника не просил: «ибо это ему будет в противность, а зайсанг Бедирни человек достаточный, имеет у себя скота более 600, а збирается со ста по десяти скотины, так что платить без нужды может» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 178. Л. 40).

Сказанное выше, без всякого сомнения, предполагает, что зайсанги платили подать своему нойону. Однако в материалах имеются сведения, говорящие о прямо противоположном. Например, два брата зайсанги Темир-Болот и Дондук жаловались В.Н. Татищеву, что владелец их Замьян, которому они отданы Дондук-Дашей, обижают их без всякой причины «и лишает их зайсангства, так что с самих их подати братъ велит и бить грозится» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 177. Л. 23).

К зайсангам могли применяться телесные наказания. Так, за грабежи в русских уездах в августе 1740 г. двум зайсангам сломали по руке (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 123. Л. 47). За побег от Моздока из тысячного военного отряда зайсанги Хасан из Керетев и Хасак из Багутов были жестоко наказаны: им наложили на шеи колодки и содержали в таком положении перед наместниковой кибиткой 30 дней, а потом били публично плетками по 30 ударов каждому, а прочих зайсангов и рядовых за этот же побег штрафовали скотом (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 54. Л. 168). Остается неизвестным, почему двум зайсангам достались кнуты: может быть, они были зачинщиками побега?

Зайсанги могли продавать людей, причем не только своих холопов, но и, по видимости, своих аймачных податных. Но такое случалось редко. Так, один беглый крещенный Чюрень показывал при допросе, что его в 1727 г. их аймака зайсанги Бату-Темир и Занбин, будучи «под Царицыным за рекою Волгою продали его... Царицынскому секретарю Ивану Григорьеву за дватцать рублѣв» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 294. Л. 249-250).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть еще раз, что, несмотря на ряд привилегий, зайсанг мог в одночасье лишиться как своего звания, так и управляемого аймака. Например, тот же Дондук-Омбо зайсанга Теуку за провинность (поддержал восставшего против отца Галдана-Норбо, сына Дондук-Омбо) «из зайсангов уничтожа, аймак ево отдал Темер-Болоту» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 161. Л. 58). Положение и авторитет зайсанга зависели также от количества и зажиточности людей в его аймаке. Аюкин, знатный зайсанг Дурал Дюнбатыров владел 2000 кибитками (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 10). С другой стороны, в сентябре 1764 г. судья в Зарго зайсанг Джамцо писал руководителю Калмыцких дел А. Бехтееву, что он «претерпевает нужду в питании». А. Бехтеев подтвердил, что просьба его

законна, так как его собственный аймак насчитывает только 15 кибиток (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 472). Было зайсанги, у которых могло быть в управлении только до 5-6 кибиток.

Для нойона его зайсанги были опорой и советниками в сложных жизненных ситуациях. Одной из жизненных коллизий, где ярко проявлялось значение зайсангства, были междоусобные столкновения нойонских группировок. Когда в начале сентября 1724 г. начались события, связанные с выбором нового главы Калмыцкого ханства после смерти хана Аюки, в них большую роль сыграли зайсанги. 7 сентября к астраханскому губернатору А.П. Волынскому приехал Церен-Дондук, сопровождаемый 31 зайсангами. 13 сентября приехал к Волынскому Досанг, старший сын Чакур-ламы и один из претендентов на ханское звание. Той же ночью приехал Шакур-лама, тогдашний глава калмыцкого духовенства, для переговоров с Досангом в присутствии губернатора.

Поздоровавшись, сели, и воцарилось довольно длительное молчание. Наконец Волынский сказал, чтоб они говорили о своих делах. Шакур-лама, деланно рассмеявшись, сказал, что ему говорить не о чем и у него ничего не отнято, а кому нанесена обида, тому и надо говорить. Досанг, не отличавшийся красноречием и большим умом, попросил, чтобы вместо него разрешили говорить сопровождавшему его зайсангу Билютке (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 134). Этот Билютка играл активную роль еще при Аюке, был его приближенным советником и известным в улусах и у российской администрации. Через него Досанг просил 25 февраля 1723 г., чтоб «для нынешних их внутренних ссор» прислали пороха и свинца. Волынский приказал послать по пуду того и другого (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 13. Л. 20-21). Билютка далее по поручению Досанга вел переговоры с Волынским 1 июня 1723 г. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 1). 2 октября 1723 г. Билютка вновь приезжал к Волынскому и обрисовал обстановку в улусах (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 3).

16 сентября Волынского вновь посетили Церен-Дондук с зайсангами, которые на переговорах настаивали, чтоб он при вступлении в должность наместника Калмыцкого ханства не давал присягу, а обменялся с Волынским договорными письмами с договорными статьями, как это сделали Аюка и боярин Б.А. Голицын. Волынский такую комбинацию начисто отверг (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 137). 20 сентября Церен-Дондук присягнул и был объявлен наместником, причем Шакур-лама возложил ему на голову бурхана и вместо него расписался, так как новоявленный глава ханства писать не умел. На церемонии присутствовали знатные зайсанги (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 148-149).

26 сентября Волынский устроил большой обед, на котором участвовали вместе с владельцами и знатные зайсанги (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 153-154). Однако названные церемонии еще больше накалили обстановку. Главным действующим лицом постепенно становился Дондук-Омбо, внук Аюки, племянник Церен-Дондука. В разгоровшийся костер междоусобья подбросили дров сыновья Чакур-ламы (старшего сына Аюки) от разных жен. Возмутителем спокойствия здесь стал Дондук-Даши, недовольный выделенным ему при дележе наследства количеством кибиток. Наконец, по совету Билютки Досанг собрал всех своих зайсангов их оказалось 200 человек, но достичь согласия не удалось (АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1725 г. Д. 2. Л. 81).

Приведу еще ряд примеров, которые показывают отношения зайсангов с их нойонами. Далеко не безоблачными были отношения между улусами, особенно между торгутскими и дербетскими. Последние, не желая подчиняться первым, часто откочевывали на Дон. В этих откочевках не всегда проявлялось единодушие дербетских зайсангов и нойонов. Так, в ноябре 1726 г., когда нойон Четер хотел от Дона идти обратно на Волгу, то зайсанги, которые желали остаться на Дону, присягали друг перед другом: «если кто из их нойонов будет переходить Дон на левобережье, то им, зайсангам, несмотря на это, кочевать обратно к Донцу, и хотя они потерпят разорение и скота своего лишаться, а к Волге все равно не кочевать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 62).

Интересные сведения можно извлечь из допроса зайсанга Наракбая, Менкоева сына. У него было примерно 60 кибиток. Раньше он входил в улус хошутского нойона Дондук-Хошота, но ушел от него и кочевал с его сыном Кичиком. Потом он переметнулся к Дондук-Даши, потому что, как он выразился, «владелец мой Кичик ко мне немилостив». Все это происходило в 1733-1734 годах (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 69. Л. 494-494об.). Из этого допроса мы узнаем, что отец и сын могли управлять отдельными аймаками и даже переходить от одного нойона к другому. К сожалению, в деле ничего не говорится об отношении к его поведению Дондук-Хошота.

Из другого архивного документа видно, что не все зайсанги обладали такой решительностью, как Наракбай. Например, после смерти Церен-Дондука его зайсанги объявили вдове бывшего хана Деджит, что они уже были разорены при жизни её мужа. Несмотря на это, с них до сих пор собирают подати: на Дондук-Даши, на Дарму-Балу, жену и детей Галдан-Данжина, (младшего сына Аюки) и на саму Деджит, «чего де они уже снести не могут и от того приходят во всеконечное разорение» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 145. Л. 61).

Действительно, о том, что в это время податной гнет в ханстве был тяжелым, говорят и другие свидетельства. Однако в этом были виноваты не только нойоны, но и многие зайсанги. 1 января 1745 г. В. Татищев, тогдашний астраханский губернатор, из-за болезни приказал заняться калмыцкими делами коллежскому асессору Ф. Черкасову. Он, будучи в марте в улусах наместника, спрашивал знатного Эби-гелюна, с которым был в дружеских отношениях: почему калмыки так много продают своих ясырей (холопов)? Степенный гелюнг, хорошо знакомый с обстановкой,

отвечал, что от скудости, так как с податного населения берут много поборов, а прибыли же ниоткуда нет. Раньше калмыки поправляли свои дела отгоном скота у казахов и татар. К тому же определенные от наместника судьи, (набранные из числа зайсангов), пользуясь положением, хотели разбогатеть, а наместник «судей не очень в страхе содержит и таким образом принуждены и холопей продавать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 209).

Ему же, Ф. Черкесову, говорил зайсанг Шонхолдок, Саков сын, что «калмыки в крайнее убожество от великих податей пришли». Из дальнейшего разговора выяснилось, что сборщики подати собирают не столько наместнику, а больше, так сказать, в свой карман. Ф. Черкесов спросил: «что ж ты и другие зайсанги не доносите об этом наместнику?» На это Шонхолдок ответил: «разве ты обычая наместникова не знаешь, ежели кто о чем ему предложит, тотчас резолюцию учинит, а исполнится ли тот приказ, до того ему дела нет». Некоторые зайсанги ему о том представляли, и он приказал рассмотреть вопрос о податях в Зарго, но приказ по каким-то причинам повис в воздухе (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 212-213).

Вообще, нужно отметить, что от престижа нойона, от его военной силы и даже характера зависело во многом и поведение его зайсангов. Например, В.П. Беклемишев доносил в мае 1727 г. главнокомандующему вооруженными силами юга России М.М. Голицыну, которому в то время подчинялись калмыцкие дела, что Церен-Дондук «никакой силы во владельцах не имеет» и без воли матери ничего предпринять не может. Его зайсанги открыто против Дармы-Балы и Дондук-Омбо ничего сказать не могут: боятся не ханши, а Дондук-Омбо. Если зайсангам случится необходимость сделать какое-то решение в пользу Церен-Дондука, то они «внушат простому народу, а простой народ приговорит по их воле, а бес совету простаго народу великих дел владельцы делать не могут» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 203).

14 февраля 1749 г. умер главный дербетский нойон Лабан-Дондук. 10 марта смерть постигла его старшего сына Сампил-Норбу, ушедшего после ссоры с отцом на Дон, и содержавшегося казаками под Черкасском в кибитках. Власть в улусе на время перешла к Абе, вдове Лабан-Дондука, у которой был малолетний сын Галдан-Церен. Зайсанги, почувствовав слабинку женской руки, «повелениям её в смотреии за улусными людьми не весьма послушны, на что смотря, подлые (простолюдины – М.Б.) калмыки приходят в самовольство» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 241. Л. 81).

Видимо, в ответ Аба и Галдан-Церен стали утеснять четырех зайсангов и отобрали у них часть людей, скота и т.п. Обиженные обратились с жалобой к наместнику и к руководителю калмыцких дел Н.Г. Спицыну. Ниже я привожу некоторые данные из ответа Абы, которые весьма интересны с точки зрения освещения внутриулусных отношений между нойонами и их зайсангами и предмета этих отношений. Эджибек, (один из зайсангов), - писала Аба, - объявляет о себе, что он посвятил себя богу «но: о том, де при бывшем Аюк хане Букун Лама и Гелюн Эмчи суд производили и положено, что без воли владельческой никто сам себя бурханом отдать не может, и так ис числа таковых ево выключили» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 284. Л. 31). Второй зайсанг Доржи просил о возврате четырех кибиток, но оказалось, что их еще Четер освободил от подати, а Лабан-Дондук от зайсанга. Он же, Доржи, просил отдать ему две кибитки, но эти семьи во время болезни Лабан-Дондука находились безотлучно при нем и имели за ним уход «во всякой чистоте. И хотя Лабан-Дондук не ожил, однако за такое их рачительное призрение и труды оставлены они с покоем» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 284. Л. 32) то есть, видимо, освобождены от податей. Третий зайсанг Дюкур, не выполнил трехкратные просьбы об освобождении ещё четырех кибиток за подобные же заслуги. Тогда обозленная Аба, рассудив, что люди не его, а владельцев, отобрали их от строптивного зайсанга (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 284. Л. 33-34).

Говоря о дербетских нойонах, добавлю еще несколько эпизодов по исследуемой теме. 1 марта 1750 г. был у Н. Спицына дербетский нойон Ценден и в разговоре наедине сказал, что зайсанги разлучили его с мачехой Эсенью (жена Солом-Доржи) и просил, чтобы запретили зайсангам так делать. Зайсанги ответили, когда им сказали о просьбе Цендена: пусть живет с ней, но «чтобы не было от этого излишней податной тяжести на улусных людей» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 242. Л. 7).

Оджа, дочь Дондук-Даши, была выдана замуж за дербетовского нойона Галдан-Церена и родила в 1756 г. сына Цебек-Убаши. Супруги не ладили друг с другом, и Оджа ушла от мужа к брату, наместнику Убаши (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 351. Л. 93, 96). Галдан-Церен по его просьбе был допущен до поездки в Санкт-Петербург, куда выехал 16 января 1764 г. Судьба была к нему неблагоприятна. Через небольшое время после приезда в столицу, ничего не успев достичь, он умер (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 351. Л. 475, 552). Оджа по просьбе нойона Тундата и зайсангов была 16 сентября 1764 г. отпущена в дербетские улусы для управления ими по малолетству сына, впредь до определения Коллегии иностранных дел. При этом со вдовы взяли подписку, что она будет управлять улусом в соответствии с данной ей инструкцией (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 464).

Дербетский зайсанг Лажин подал руководителю Калмыцких дел И.А. Кишенскому письмо, в котором говорилось: его отец, будучи при смерти, объявил Лабан-Дондуку, что после него аймаком должен владеть старший сын Лажин. При жизни Лабан-Дондука аймаком владел Лажин. Однако его младший брат от другой матери заявил нойону, что якобы Лажин скрытно продал одну кибитку людей. Но по суду Лажин был оправдан. Несмотря на это, младший брат аймак у него отнял. По второму суду аймак вновь был присужден Лажину. Кроме того, прошлой весной 1765 г., Оджа

приказала аймак вернуть Лажину, однако захватчик-зайсанг так и не отдал его (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 374. Л. 191-192).

Полковник Острогужского полка Тевяшов доносил М. Голицыну, что в мае 1727 г. пришли под Богучары 90 кибиток из улуса Четера, бежавшие от него из-за Волги в марте. Один из бежавших, зайсанг Чурюм, говорил: «Дед де ево и отец имели у себя калмык пятьсот кибиток и ныне за слабым судом Четеревым оные их от них розошлись по другим зайсангам, тако ж и разбежались в разные места» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 189). Чурюм неоднократно просил содействия Четера в возвращении ушедших и разбежавшихся аймачных людей, но нойон не принимал мер. Обиженный Чурюм с отцом Ябаном и старшим братом зайсангом Цеценом «выехал в Россию». Чурюм просил разрешения кочевать по р. Оскол. Содержат их в калмыцкой вере. М. Голицын отправил их обратно к Тевяшову. «И велено ему», Чурюму, «ехать по-прежнему к Волге во владенье владельца Четеря тайши» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 190).

Наконец, как акт нойонского произвола или недомыслия можно отметить распоряжение Оджи, приказавшей всем дербетским зайсангам с их семьями быть при ней безотлучно. По этому поводу А. Бехтеев, руководивший в 1764 г. Калмыцкими делами, резонно заметил, что если она хочет со всеми зайсангами советоваться, то собрать их можно. Но когда у них дел не будет, то надо отпускать их в аймаки, как это и делается у всех владельцев «и они, кроме тех зайсангов, кои уже с начала и домами при них находятся, других никогда быть при себе безотлучно не принуждают» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 472). Кроме этого случая мне в архивных делах встретился один-единственный случай, когда нойон собрал для совета всех своих зайсангов: это сделал Досанг в 1725 г., собрав 200 зайсангов (АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1725 г. Д. 2. Л. 81).

Судьба не была благосклонна к Одже: она умерла 30 мая 1765 г. В связи с её смертью Бекетов 8 июня приказал: Согласно рескрипту Коллегии иностранных дел от 18 марта 1765 г., для предотвращения возможных неурядиц руководство дербетским улусом до совершеннолетия Цебек-Убаши (которому тогда было 9 лет), возложить на дальних родственников-нойонов Тундата и Цендена. Им предписывалось править посменно по году, а при них быть для помощи гелюнгу Араптану, зайсангам Баянцак Убаши, Габунгу и Лаку (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 363. Л. 128-129).

16 ноября 1741 г. близ Селитренного городка В.Н. Татищев объявил Дондук-Даши наместником Калмыцкого ханства (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 132. Л. 154-155). В беседе с наместником Татищев, вскоре назначенный астраханским губернатором, говорил, что Дондук-Омбо муку, получаемую в жалование, «отдавал калмыцкому народу за великую цену из роста, отчего калмыцкий народ пришел в наивысшее разорение и скудость». Дондук-Даши вслед за В. Татищевым осудил этот поступок предшественника и заверил, что «...сам намерен столько о исправлении убогих прилежать, сколько его возможности будет» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 132. Л. 203). На первых порах он взялся за дело с энтузиазмом. В декабре 1741 г. в разговоре с В.Н. Татищевым он сообщил, что во всех улусах запретил продавать «калмычат» однако в Астрахани у татар и бухарцев есть на продажу немалое число калмыцких детей. Наместник просил В. Татищева, чтобы он приказал «оним впредь покупать запретить, а имеющихся ныне у них переписать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 132. Л. 217).

В марте 1742 г. к Татищеву прибыл зайсанг Сойбин Иши и представил трех зайсангов, избранных наместником для разбора судебных и спорных дел между калмыками и русскими и для устройства «убогих» калмык по ватагам для работы (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 142. Л. 75). В 1745 г. Дондук-Даши определил якобы с общего согласия всего народа подати брать не натурой, то есть скотом и продуктами скотоводства, а деньгами. Надо сказать, что в целом это мероприятие было полезным, и в какой-то мере наместник был прав, когда писал: «ныне же, как деньгами расположено и потребности по письмам от нас самих исправляются, то наши улусы все тем стали быть довольны и радуются» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 350). В этом же письме наместник объяснял, почему понадобилось это нововведение: определенные для сбора податей зайсанги собирали ради своей корысти «излишняя подати, отчего некоторые и одолжали» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 181. Л. 353). Нетрудно в данном случае заметить, что наместник в своей бухгалтерской наивности не замечает рвущегося наружу вопроса: а что может помешать зайсангам брать излишние деньги в свой карман? Неудивительно, что управляющий Калмыцкими делами Н.Г. Спицын писал 30 июня 1747 г. новому астраханскому губернатору И.А. Брылкину о недовольстве простых калмыков политикой наместника, так как он их «несправедливостью нынешних их судов утесняет и частым подбором податей к совершенной скудости приводит» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 218. Л. 64).

В период правления Дондук-Даши участились требования российского правительства о посылке калмыцкой конницы на помощь русской армии. В связи с этим в архивных материалах сохранились очень важные и интересные сведения. Оказывается, существовало Уложение о командирующихся в службу по указам Великой Государыни. Сохранилась копия с прибавленного и внесенного в это Уложение пункта о порядке сбора зайсангом людей своего аймака, призванных на службу.

Каждый зайсанг должен был неукоснительно поставить к назначенному времени выделенных на службу людей своего аймака. Если данное предписание не будет выполнено, то провинившихся зайсангов штрафуют. С зайсанга, имеющего в своем ведомстве более 100 кибиток, берут четырехгодовалого верблюда. С тех зайсангов, которые имеют менее ста кибиток, берут хорошую

лошадь. Если из аймака какого-то зайсанга не придут к назначенному сроку несколько человек, то с зайсангов, с которых положено брать верблюда, сверх того, налагают штраф: за каждого человека по четырехлетней лошади, а с тех, с которых положена лошадь, – по трехлетней лошади. Если же зайсанг назначит в наряд людей, непригодных к военной службе, то этим людям необходимо до назначенного конечного дня сбора сообщить об этом начальству, и если зайсанг будет изобличен, то его оштрафуют на четырехгодовалую лошадь. Если же непригодный к службе, не оповестив об этом, самовольно останется в своем доме и пропустит назначенный день сбора, то с таких зайсанг имеет право взять в штраф трехлетнюю лошадь и выслать его на положенную ему службу. Если же кто-то из направленных зайсангом на службу по всем правилам, «по своим вымыслам и упрямству» не идет служить, то у него зайсанг имеет право взять лошадь, бить плетью по двадцать ударов и выслать на службу (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 307. Л. 204).

В кочевой калмыцкой повседневности главным занятием было скотоводство. Однако по мере вживания калмыков в российскую повседневность появляются новые хозяйственные занятия, а у зайсангов – новые должности, которые регулируют новые отношения. Вот один из пропусков, которым снабжались группы недавних кочевников-скотоводов, идущих на заработки: «Объявители сего, кочующие при крепости Енатаевской владения наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши, Эркетенева улуса разных аймаков калмыки Габун Темиров, Зотбо Болотов с товарищи, всего дватцет человек отпущены отсюда до города Черного Яру для найму в работу...» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 42). Новые русско-калмыцкие отношения, вызванные хозяйственно-бытовыми новшествами, нуждались в действенном регулировании и контроле как со стороны калмыцких верхов, так и местной российской администрации. Из переписки Н.Г. Спицына с наместником в июне 1750 г. видна следующая характерная картина. Астраханская рыбная контора сообщила, что кочевавший поблизости Камызяцкого учуга зайсанг Бату откочевал тайно со своим аймаком «вверх» (то есть на север), а оставшиеся зайсанги Бирба и Шарап с небольшим числом кибиток, хотя там кочевать и желают, но боятся гонений бодокчеев. Если же они получают разрешение главных своих владельцев, то кочевать при учуге будут и «противу силы своей в работу людей давать будут» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 95). Рыбная контора с сожалением отмечала, что в лове рыбы «вящая остановка последовала». Поэтому контора требовала не отдалять калмыков от казенных учугов и Бату с его аймаком к учугу возвратит (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 95).

Зайсанги играли большую роль и при найме простолюдинов на ловлю рыбы. Баранг «с товарищи дватцет человек» из аймака зайсанга Джалчина, входящего в улус наместника, в 1768 г. подрядились у коломенского купца Антипа Набатова ловить 20 лодками красную рыбу (белугу, осетра и севрюгу) от вскрытия льда до 1 сентября. В договоре были прописаны условия оплаты и сумма задатка. За будущих рыбаков расписался их зайсанг, который был гарантом выполнения условий договора (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 352. Л. 26). В 1769 г. калмыки из разных аймаков улуса наместника подрядились у купца М. Костромина ловить собственными 96-ю лодками и прочими снастями «со вскрытия вешняго льда сентября по 1 число красную рыбу...» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 352. Л. 27). Такие договорные письма кончаются декабрем 1770 года. При кочующих близ рыбных станов и ватаг калмыках был определен для наблюдения за ними зайсанг, без ведома которого русским «промышленникам» нельзя было нанимать их для работы. Однако это правило нарушалось. Например, зайсанг Бааранг обратился с такой жалобой в Калмыцкие дела, и Н.Г. Спицын был вынужден специально объявлять всем приказчиком и ловцам ватаг и станов, чтоб они без ведома зайсанга в работу калмыков не нанимали (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 326. Л. 237-238).

В целом в рассмотренное время положение зайсангов не менялось. Резких толчков в отношениях зайсангов с простолюдинами не наблюдалось. Вместе с тем положение последних не улучшалось, что вызывало с их стороны протест. В одном из писем за 1764 г. А. Бехтеев писал капитану Тоганову, бывшему при ставке Убаши: «Что же принадлежит до того, что многие улусные калмыки, по притчине чинимых им от зайсангов напрасных обид и усильств начинают оказывать неудовольствие как на тех зайсангов, так и на заргачинаров», то надо об этом докладывать по инстанции, а иначе от таких «от зайсангов чинимых своевольств не иное, что в калмыцком народе как беспокойство произойти может» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 350-351). Остается сказать, что терпения у народа в запасе было еще достаточно, но это предмет дальнейших исследований.

5. Заключение

Калмыцкие зайсанги в XVIII веке по обычаю обладали сравнительно высоким статусом. Они продолжали руководить аймаками, оставаться опорой и ближайшими помощниками нойонов. При серьезных затруднениях владельцы могли обращаться к своим зайсангам. Однако их права и деятельность не были законодательно регламентированы, что сказывалось в их отношениях с нойонами. С одной стороны, нойоны могли отнимать у зайсангов их аймаки. С другой, зайсанги могли выступить против своих владельцев сплоченной группой и добиться успеха. Особенно если те нарушали законы и традиции. Вместе с тем зайсанги допускали произвол в отношении народных масс, что вызывало недовольство последних.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии. Проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (№ госрегистрации: 122022700134-6).

Литература

- АВПРИ** – Архив Внешней Политики Российской Империи Министерства иностранных дел РФ.
- Бакунин, 1995** – *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- Бембеев, 1984** – *Бембеев В.Ш.* О родоплеменных делениях и особенностях улусно-аймачной административной системы калмыков (XVII – XIX вв.) / Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Калмиздат, 1984. С. 59-73.
- Бичурин, 1834** – *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. медицинского департамента МВД, 1834. 275 с.
- Бюлер, 1846** – *Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // *Отечественные записки.* 1846. Т. 47–49. № 7–8. С. 10-11.
- Владимирцов, 2002** – *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Гедеева, 2002** – *Гедеева Д.Б.* «Уложение 20-тысячного войска» как источник военного права калмыков XVIII в. / VIII-й Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.): Докл. рос. делегации. М.: Гуманитарий, 2002. С. 18–21.
- Дорджиева, 2002** – *Дорджиева Е.В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону. Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 112 с.
- Златкин, 1983** – *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 333 с.
- Костенков, 1870** – *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Небольсин, 1852** – *Небольсин П.И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев, 1834** – *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Новолетов, 1884** – *Новолетов М.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Изд. Владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундутова. 1884. 79 с.
- Очерки..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Паллас, 1773** – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. АН, 1773. 657 + 117 с.
- Пальмов, 1922** – *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань. Калмгосиздат, 1922. 137 с.
- Позднеев, 1886** – *Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // *Журнал Министерства Народного Просвещения.* СПб., 1886. Ч. 244. С. 140-170.
- Попов, 1839** – *Попов А.В.* Краткие замечания о приволжских калмыках // *Журнал Министерства Народного просвещения.* СПб., 1839. Ч. 12. С. 20–31.
- РГАДА** – Российский Государственный Архив Древних Актов.
- Санчилов, 1990** – *Санчилов В.П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 138 с.
- Цюрюмов, 1998** – *Цюрюмов А.В.* Административная система Калмыцкого ханства в первой половине XVIII века / *Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. научных трудов.* Элиста: Калм. гос. ун-т, 1998. С. 23-37.
- Эрдниева, 1985** – *Эрдниева У.Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. книж. изд-во., 1985. 282 с.
- Эрдниева, 1987** – *Эрдниева К.О.* Списки «Монголо-ойратских законов 1640 г.» и их изучение / Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи изучения на современном этапе. Элиста, Калм. книж. изд-во, 1987. С. 28-42.

References

- АВПРИ** – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii Ministerstva inostrannyh del RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation].
- Bakunin, 1995** – *Bakunin, V.M.* (1995). Opisaniye kalmyckikh narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo i postupkov ih hanov i vladel'cev: sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of

them the Torgout and the deeds of their khans and owners: an essay of 1761.]. Elista, Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 153 p. [in Russian]

Bembeyev, 1984 – *Bembeyev, V.Sh.* (1984). O rodo-plemennykh deleniyah i osobennostyakh ulusno-ajmachnoy administrativnoy sistemy kalmykov (XVII–XIX vv.) [About the tribal divisions and features of the Kalmyks' ulus-aimach administrative system (XVII–XIX centuries)]. *Problemy etnogeneza kalmykov*. Elista: Kalmizdat. Pp. 59–73. [in Russian]

Bichurin, 1834 – *Bichurin, N.Ya. (Iakin)* (1834). Istoricheskoe obozrenie ojratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the XV century to the present]. St. Petersburg, Tip. medicinskogo departamenta MVD, 275 p. [in Russian]

Byuler, 1846 – *Byuler, F.A.* (1846). Kochuyushchie i osedlo zhivushchie v Astrahanskoj gubernii inorodcy [Nomadic and sedentary foreigners living in the Astrakhan province]. *Otechestvennye zapiski*. 47–49 (7–8, 10–11). [in Russian]

Dordzhieva, 2002 – *Dordzhieva, E.V.* (2002). Iskhod kalmykov v Kitaj v 1771 g. [The exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-na-Donu. Izd-vo SKNC VSh, 112 p. [in Russian]

Erdniev, 1985 – *Erdniev, U.E.* (1985). Kalmyki. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Kalmyks. Historical and ethnographic essays]. Elista: Kalm. knizh. izd-vo., 282 p. [in Russian]

Erdnieva, 1987 – *Erdnieva, K.O.* (1987). Spiski «Mongolo-ojratskih zakonov 1640 g.» i ih izuchenie [Lists of "Mongol-Oirat laws of 1640" and their study]. *Maloissledovannyye istochniki po istorii dorevolucionnoy Kalmykii i zadachi izucheniya na sovremennom etape*. Elista, Kalm. knizh. izd-vo, pp. 28–42. [in Russian]

Gedeeva, 2002 – *Gedeeva, D.B.* (2002). «Ulozhenie 20-tysyachnogo vojska» kak istochnik voennogo prava kalmykov XVIII v. [The Code of the 20 thousandth army" as a source of military law of the Kalmyks of the XVIII century]. VIII-j Mezhdunarodnyj kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 5–12 avgusta 2002 g.): Dokl. ros. delegatsii. M.: Gumanitarij. Pp. 18–21. [in Russian]

Kostenkov, 1870 – *Kostenkov, K.I.* (1870). Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykah, kochuyushchih v Astrahanskoj gubernii [Historical and statistical information about the Kalmyks nomadic in the Astrakhan province]. Sankt-Peterburg, Ministerstvo gosimushchestv, 171 p. [in Russian]

NA RK – Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].

Nebol'sin, 1852 – *Nebol'sin, P.I.* (1852). Ocherki byta kalmykov Hosheutovskogo ulusa, sostavlennyye Pavlom Nebol'sinym [Essays on the life of the Kalmyks of the Hosheutovsky ulus, compiled by Pavel Nebol'sin]. St. Petersburg, Tip. K. Krajsya, 192 p. [in Russian]

Nefed'ev, 1834 – *Nefed'ev, N.A.* (1834). Podrobnyye svedeniya o volzhskih kalmykah, sobrannyye na meste N. Nefed'evym [Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefediev]. St. Petersburg, Tip. K. Krajsya, 290 p. [in Russian]

Novoletov, 1884 – *Novoletov, M.* (1884). Kalmyki. Istoricheskij ocherk [Kalmyks. Historical essay]. St. Petersburg, Izd. Vladel'tsa Maloderbetovskogo ulusa nojona Tseren-Davida Tundutova. 79 p. [in Russian]

Ocherki..., 1967 – Ocherki istorii Kalmyckoj ASSR. Dooktyabr'skij period. Moscow, Nauka, 1967. 480 p. [in Russian]

Pallas, 1773 – *Pallas, P.S.* (1773). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskoj imperii [Travel to different provinces of the Russian Empire]. Ch. 1. St. Petersburg, Imp. AN, 657+117 p. [in Russian]

Pal'mov, 1922 – *Pal'mov, N.N.* (1922). Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelah Rossii [An essay on the history of the Kalmyk people during their stay in Russia]. Astrahan', Kalmgosizdat, 137 p. [in Russian]

Popov, 1839 – *Popov, A.V.* (1839). Kratkie zamechaniya o privolzhskih kalmykah [Brief remarks about the Volga Kalmyks]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. 12: 20–31. [in Russian]

Pozdneev, 1886 – *Pozdneev, A.M.* (1886). Astrahanskije kalmyki i ih otnoshenie k Rossii do nachala nyneshnego stoletiya [Astrakhan Kalmyks and their attitude to Russia before the beginning of this century]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. 244: 140–170. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Sanchirov, 1990 – *Sanchirov, V.P.* (1990). «Ilethel shastir» kak istochnik po istorii ojratov [“Ilathal Shastir” as a source on the history of the Oirats]. M.: Nauka, 138 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 1998 – *Tsyuryumov, A.V.* (1998). Administrativnaya sistema Kalmyckogo hanstva v pervoj polovine XVIII veka [The administrative system of the Kalmyk Khanate in the first half of the XVIII century]. *Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii*. Elista: Kalm. gos. un-t, p. 23–37. [in Russian]

Vladimircov, 2002 – *Vladimircov, B.Ya.* (2002). Raboty po istorii i etnografii mongol'skih narodov [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moskva, Vostochnaya Literatura, 557 p. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin, I.Ya.* (1983) Istoriya Dzhungarskogo hanstva [History of the Dzungarian Khanate]. 1635–1758. M.: Nauka, 333 p. [in Russian]

Положение калмыцких зайсангов в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в современном востоковедении проблеме – положению калмыцкого зайсангства, особенно его хозяйственно-управленческой роли в исторической жизни калмыцкого народа в ханский период. Работа основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот. В ходе их анализа применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Сословие зайсангов играло большую роль в истории калмыцкого народа. Занимая срединное положение в сословной иерархии калмыков, они были связующим звеном между высшими и низшими сословиями всего народа. Зайсанги являлись опорой и ближайшими помощниками своих владельцев (нойонов) и могли использоваться для особых поручений или в качестве советников. При серьезных затруднениях владельцы могли обращаться к своим зайсангам. При этом зайсанги находились в полной власти своего нойона, который мог отобрать порученный ему аймак или даже убить его при определенных обстоятельствах. Однако зайсанги могли выступить против нойона сплоченной группой и добиться успеха, особенно когда тот нарушал установленные законы и общепринятые обычаи. По отношению к простолюдином зайсанги имели широкие полномочия, особенно в вопросах сбора налогов и распределения общественных повинностей, включая воинские мобилизации. Исторические обстоятельства привели к тому положению, что в сфере зайсангов был большой процент выходцев из сферы простолюдином. Вместе с тем в ряде аймаков должность зайсанга становится наследственной. В целом как сословие зайсангство обладало большими возможностями и имело действенные рычаги для управления калмыцким обществом в нужном для него направлении.

Ключевые слова: зайсанги, калмыки, кочевники, сословная группа, социальные отношения, Калмыцкое ханство, зарго.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nel_max73@mail.ru (М.М. Батмаев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1142-1149
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1142

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Position of Women in the Family of Zyryans and Votyaks in the XIX century: Features of Regulation by Customary Law

Olga A. Plotskaya ^{a, b, *}, Nazikgul J. Osmonalieva ^c, Evgeny N. Lotorev ^{a, d, e}, Maxim S. Osipov ^a

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Law Institute, Bishkek, Kyrgyzstan

^d Moscow State University of Management Technologies named after K.G. Razumovsky (PKU), Moscow, Russian Federation

^e Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Customary law, based on legal customs, originating from popular legal consciousness, has historically been the most important factor that played a regulatory role in the life support of the peasant world (community) among the northern peoples. It regulated various spheres of social relations that arose in ethno-local societies, including matrimonial, family-hereditary, trade, contractual, etc. The largest sphere of use of customary law among the Zyryans and Votyaks were relations that arose during marriage and the creation of a family. It was the family, its status, the position of its members, including representatives of several generations of relatives, that for a long time remained an area in which customary law was widely applied, which for a fairly long period was practically the main regulator of emerging social relations.

As a result of the study, the authors came to the following conclusions. Zyryanskaya and Votskaya women were not disenfranchised members of the family. The norms of customary law determined the dual nature of the legal status of women. So, on the one hand, women, being married and living in a large family, were subordinate not only to their spouse, but also to their age relatives, and there was a system of traditional prohibitions regarding their behavior. However, on the other hand, such subordination cannot be called absolute, since the woman retained a significant economic and social status, as evidenced primarily by archival materials. The woman possessed and disposed of the dowry, as well as all the property that was made by her. In addition, zyryanka often remained independent mistresses when her husband was absent.

Keywords: Zyryans, Votyaks, legal custom, legal status of women.

1. Введение

Обычное право, основанное на правовых обычаях, берущих свои корни из народного правосознания, исторически являлось важнейшим фактором, игравшим регулирующую роль в жизнеобеспечении крестьянского мира (общины) у северных народов. Оно регламентировало различные сферы общественных отношений, возникавших в этно-локальных обществах, включая матримониальные, семейно-наследственные, промысловые, договорные и др. Наибольшей сферой использования норм обычного права у зырян и вотяков были отношения, возникавшие при заключении брака и создании семьи. Именно семья, ее статус, положение ее членов, включая представителей нескольких поколений родственников, на протяжении длительного времени оставались областью, в которой широко применялось обычное право, являвшееся достаточно

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), osmonalievanj@mail.ru (N.J. Osmonalieva), lotoreff2010@yandex.ru (E.N. Lotorev), osipov_m@mirea.ru (M.S. Osipov)

продолжительный период практически основным регулятором возникавших общественных отношений. Отношения, существовавшие в семье, как правило, не касались фискальной политики государства, поэтому регулирование обычным правом подобных правоотношений сохранялось до 20-х годов прошлого века.

Обозначенная тема отражает своеобразие обычного права финно-угорских народов пермской подгруппы (коми, удмуртов), а также многовековой опыт правового регулирования складывавшихся общественных отношений, возникавших в браке и семье, что, безусловно, в современных условиях представляет научный интерес. Изучение не только материального, но и духовного наследия народов России, а также архаичных обычно-правовых регуляторов способствует эффективному рассмотрению исторических закономерностей развития и функционирования этнических правовых обычаев, выявлению факторов, влияющих на становление и развитие современных правовых институтов в национальных регионах.

В связи с этим изучение роли женщины в семье у зырян и вотяков, ее положение и статус в ретроспективе как историко-правового явления с этно-традиционным колоритом имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Преобладание норм обычного права при регулировании отношений, возникавших в семье, связано с представлениями членов этно-локальных обществ, ведущих традиционный образ жизни, об основном и доминирующем предназначении человека. Это продолжение его рода, которое сопровождалось созданием семьи.

Регулирующая роль обычного права, широко распространенного в крестьянской общине у российских народов, сегодня привлекает значительное внимание ученых. Исследование особенностей положения женщины в семье у зырян и вотяков в XIX веке, которое регламентировалось не только нормами обычного права, но позитивного, сегодня представляется наиболее актуальным. Важно не только учитывать и рассматривать обычно-правовые представления о ее правах, обязанностях, различных табуированных запретах в поведении женщины, существовавших в обычно-правовом мировоззрении, но и ее роль в семье, как в микрокосмосе, в котором она «растворялась».

Положение женщины в семье у финно-угорских народов пермской подгруппы, к которым относятся коми (устаревшее название - зыряне), удмурты (дореволюционное название – вотяки) регулировалось не только нормами широко распространенного в крестьянском мире обычного права, но и нормами позитивного права. В настоящей работе раскрывается обычно-правовой статус женщины, санкционированный нормами обычного права.

2. Материалы и методы

Опираясь на важнейшие исторические источники, архивные документы и материалы, включая материальные данные официального делопроизводства, постоянно хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми (г. Сыктывкар, РФ), Центральном государственном архиве Удмуртской Республики» (г. Ижевск, РФ), можно частично сгенерировать картину правового положения женщины. Так, в переписке органов власти с органами общинного самоуправления, в отчетах, в письмах, отдельных актах, завещаниях, купчих крепостях и других документах содержится информация о правах и обязанностях незамужней женщины, правомочиях женщины в браке, ее статусе в качестве вдовы на территории расселения зырян и вотяков в XIX веке.

Позволяют оценить возникавшие тенденции, определившиеся в правовом статусе женщины у пермских народов (коми, удмурты) в исследуемый период также и ряд судебных дел, различные письменные данные и материалы, которые были приобщены к научным исследованиям, учеными, как дореволюционного периода, так и советского, современного периодов, публикации, содержащиеся в центральной, местной периодической печати.

К сожалению, писаных и систематизированных в виде кодекса или свода (корпуса) источников обычного права у зырян и вотяков, включавших нормы, регламентирующие положение женщины в семье, не сохранилось. Безусловно, это осложняет исследование обозначенной темы, так как исторически достоверные и научно проверенные данные необходимо собирать «по крупицам», привлекая иные формы историко-эмпирической информации, так как «бесписьменная... история» (Вершинин, Визгалов, 2004: 4) многих северных народов «обрела благодаря русским документам свои... имена» (Вершинин, Визгалов, 2004: 4). Поэтому были привлечены задокументированные исторические факты, события, их описания в хрестоматийных изданиях, а также в сборниках архивных документов.

Дополнительно авторами анализировались иные источники обычно-правовой информации, дающие представление о статусе женщины в зырянской или вотской семье. Среди них можно назвать этническую мифологическую прозу, национальный фольклор.

Привлечение в качестве источниковой основы нормативных правовых актов, которые систематизированы в «Полном собрании законов Российской империи» (далее в тексте – ПСЗ), как важнейших носителей не только исторической, но и государственно-правовой информации о правовом статусе женщины, ее правах, обязанностях, демонстрирует значимость этой темы для российского законодателя.

Методологической основой работы является систематизированный комплекс научно обоснованных подходов, а также методов научного исследования. Значимое место в данном исследовании отводится системному подходу, благодаря которому правовое положение женщины в семье у зырян и вотяков рассматривается как сложный институт, состоящий из многих элементов. Благодаря применению контент-анализа исследователями были выявлены характерные черты значимых понятий как базовых ключевых категорий, широко распространенных и применявшихся в обычно-правовом мире у таких близкородственных народов, как зыряне и вотяки. Системный анализ позволяет не только проанализировать, но и дать комментарий, толкование историко-этнографическим источникам, определяя особенности правового положения женщины у рассматриваемых народов. Историко-правовой метод позволяет учитывать те исторические факты и события, которое происходили в изучаемый хронологический период. Системный метод поможет аккумулировать полученные в результате исследования данные. Герменевтический метод предоставляет возможность разъяснить структуру и содержание привлекаемых к данному исследованию источников.

3. Обсуждение

Ученые советского и постсоветского периодов в своих исследованиях касались некоторых вопросов нормативной обычно-правовой культуры, существовавшей у зырян и вотяков. Среди таких исследователей можно выделить: Ю.В. Александрова, В.Н. Белицер, П.М. Богаевского, Г.Е. Верещагина, Д.В. Вишнякову, Л.С. Грибову, Л.Н. Жеребцова, И.В., Ильину, Н.Д. Конакова, В.А. Семенова, О.И. Уляшева и др. (Александров, 2014; Белицер, 1958; Богаевский, 1888; Верещагин, 1996; Вишнякова, 2014; Грибова, 1983; Жеребцов и др., 1985; Ильина, Уляшев, 2009; Семенов, 1992).

Несмотря на большое количество изданных историко-этнографических работ и предпринятые попытки глубинного анализа материальной и духовной культуры изучаемых народов, сведения, касающиеся правового быта женщины в зырянской и вотской семьях детально не были изучены.

Современные российские и зарубежные ученые проявляют научный интерес к изучению такого историко-правового феномена, как обычное право. В этой связи важно отметить работы таких исследователей, как: М.Б. Аверина, Н.А. Алимбая, С. В. Березницкого, И.И. Галечко, А.В. Дарчиева, П.В. Никитина, С.А. Правкина, П.В. Примака, В.В. Титова, А.Б. Храмцова и др. (Аверин и др., 2020; Алимбай, Смагулов, 2021; Березницкий, 2020; Дарчиев, Дарчиева, 2021; Правкин и др., 2021; Титов, 2021; Храмцов, 2021 и др.). Обычное право различных народов привлекало внимание ученых-исследователей. Однако комплексного изучения обозначенной проблемы пока не составляло отдельного и самостоятельного предмета для научного рассмотрения.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей регулирования нормами обычного права положения женщины в семье у зырян и вотяков в XIX веке.

Настоящий труд в некотором смысле представляет собой продолжение ранее изданных исследований, которые посвящены ряду проблем обычного права у финно-угорских народов (Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022; Plotskaya et al., 2023)

4. Результаты

Народы коми и удмурты обладали высоким уровнем правовой культуры. Они не только соблюдали нормы этнического обычного права, но и являлись законопослушными поданными. Поэтому в большинстве своем старались не нарушать законодательных норм, позволявших заключать брачные союзы. Они признавали и соблюдали законодательные нормы о запретах на заключение брака без согласия, полученного от родителей (лиц, заменявших их) (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 651-652): с лицами, имеющими психические отклонения (ПСЗ РИ. СП, 1830: 643-644); не ранее наступления 18-летнего возраста для молодых людей и 16-летнего возраста для представительниц слабого пола (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 740-741); без наличия взаимного согласия брачующихся (ПСЗ РИ. СП, 1830: 650-652) и т.д.

После заключения брака женщина становилась одним из членов большой семьи с многочисленными родственниками. Либо супруги могли создать малую семью, в которой не было значительной иерархии. В любом случае высокий правовой статус удмуртской женщины появлялся с момента выхода ее замуж. Она была «верною подругой мужа» (Кошурников, 1880: 10), помогала супругу в развитии его «бизнеса». Так, используя широко распространенные правовые знаки собственности (пусы – удмуртский вариант, пасы – коми вариант), женщина могла принимать поступивший товар как хозяйин лавки, фиксируя обычно-правовым способом количество поступившего товара (Верещагин, 1996: 69).

Женщина, также как и дети в удмуртских и коми семьях, имели право пользования семейным имуществом. Кроме того, замужняя дама распоряжалась не только собственным приданым (Белицер, 1958: 285-286) которое имело особый правовой статус и выделялось из общего семейного имущества в отдельную категорию (Александров, 2014: 217) так как являлось ее личной собственностью (Майер, 1981: 44), но и деньгами, полученными от продажи произведенных ею продуктов питания, льна,

холста, яиц, шерсти, семян и др. Даже оставшись вдовой, женщина могла распоряжаться своим приданым (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.).

Однако существовал обычай возвращения приданого в первоначальную семью умершей жены, «прожившей с мужем менее года...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 63. Л. 40б.)

В XIX веке правомочия зырянки были настолько широки, что она могла получать в качестве наследства недвижимое имущество «от... предков...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8), от «...покойного родителя...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1570. Л. 1); от своего отца, который оформлял «...крепостное завещание...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 810. Л. 3 об.-4). Архивные материалы подтверждают правомочия женщины у пермских народов в отношении такого наследуемого недвижимого имущества. Женщина могла предопределять дальнейшую судьбу недвижимого имущества, полностью распоряжаясь им. К примеру, она могла заключить договор купли-продажи: «...девица... продала недвижимое имение...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8)

В Национальном архиве Республики Коми встречаются документы, свидетельствующие о передаче отцом не только сыну, но и незамужней дочери в наследство половины «...движимого и недвижимого имущества и скота...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8).

Зырянка в ряде случаев могла принимать участие в решении мирских (общинных) проблем, а также участвовать при рассмотрении «семейно-хозяйственных дел» (Вишнякова, 2014: 21). Несмотря на то, что в общине на сходах муж представлял интересы семьи, который обладал одним правом голоса, зырянки могли принимать участие в заседании общинных сходов, так как были свободны и даже самостоятельны (Мокшин и др., 2000: 117). Вотские женщины не уступали зырянкам и «сумели сохранить... равноправие» (Пименов, 1993: 189). Удмуртская женщина могла возглавлять семью, что, по мнению П.М. Богаевского, «бывает редко...». (Богаевский, 1888: 48)

В северных районах, к примеру, на Печоре, зырянки вообще являлись «полноправными членами» (Мартынов, 1905: 62) своих семей. Так, при отсутствии супруга (из-за его промысловой деятельности) женщина превращалась в главу семьи (Вишнякова, 2014: 21), которой необходимо было решать все хозяйственные, бытовые, общественные вопросы.

Женщина большое внимание уделяла воспитанию детей, сохраняя и передавая им морально-нравственные, обычно-правовые нормы, национальный язык и культуру, повторяя и демонстрируя должные варианты поведения. Даже сегодня о необходимости введения в гуманитарной среде современного вуза подобных нормативов говорит О.Г. Савка, называя их «морально-правовые составляющие» (Савка, 2021: 98).

Растворяясь в семье, она старалась поддерживать родственные связи, организовывать праздники внутри семьи, участвовать в этно-ритуалах, базировавшихся на постоянном воспроизведении полученного социального опыта и культурологических элементах, снабженных сакрализованным смыслом.

Важно отметить, что поведение и статус женщины в браке регулировала и система запретов. Табуированные нормы предписывали для нее определенную линию поведения. К примеру, женщина должна была придерживаться обычно-правовых требований к ее поведению по отношению к старшим по возрасту родственниками: «сноха... свекру не должна показывать ни босых ног...» (Верещагин, 1996: 35). Мужчина, как глава большой вотской семьи, мог встречать гостей, как хозяин дома. Женщине не позволительно было сидеть за столом с гостями-мужчинами (Блинов, 1856: 67). Такие ограничения были вызваны той значительной ролью, которую жена и мать осуществляла в семье и хозяйстве (Мартынов, 1905: 60-61). Однако, по мнению Д. Н. Островского, женщины у пермских народов пользовались «...большею свободою, чем у русских...» (Островский, 1873: 26).

Даже в пословицах удмуртский народ умудрился отразить отношение к женщине, которая «...весь дом обхаживает» (Герд, 1926: 52), сравнивая отношение мужа к женщине: «...жену бьешь – сам себя бьешь» (Герд, 1926: 52).

5. Заключение

Подводя итог, важно отметить, что зырянская и вотская женщины не являлись бесправными членами семьи. Нормы обычного права определяли двойственный характер правового положения женщины. Так, с одной стороны, женщины, находясь в браке и проживая в большой семье, подчинялись не только супругу, но и возрастным родственникам. В отношении их поведения существовала система традиционных запретов. Однако, с другой стороны, такое подчинение нельзя назвать абсолютным, так как у женщины сохранялся значимый экономико-социальный статус, о чем свидетельствуют в первую очередь архивные материалы. Женщина обладала и распоряжалась приданым, а также всем имуществом, которое было ею изготовлено. Кроме того, зырянки не редко оставались самостоятельными хозяйками, когда отсутствовал муж.

Литература

Александров, 2014 – Александров Ю.В. Обычное право удмуртов: (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 270 с.

- Белицер, 1958** – *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 393 с.
- Блинов, 1856** – *Блинов Н.* Вотяки Вятской губернии (Продолжение) // *Вятские губернские ведомости*. 1856. № 10. С. 67.
- Богаевский, 1888** – *Богаевский П.М.* Очерк быта сарапульских вотяков / *Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее*. М., 1888. Вып. III. С. 13-64.
- Верещагин, 1996** – *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 197 с.
- Вершинин, Визгалов, 2004** – *Вершинин Е.В., Визгалов Г.П.* Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: Издательство «Тезис», 2004. 200 с.
- Вишнякова, 2014** – *Вишнякова Д.В.* Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX – начале XX вв. / *Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность*: Сб. статей. Сыктывкар, 2014. С. 17-24.
- Герд, 1926** – *Герд К.П.* Пословицы и поговорки вотяков / *Вотяки*. Сборник по вопросам быта, экономики и культуры вотяков. М., 1926. С. 49-62.
- Грибова, 1983** – *Грибова Л.С.* Лыдпасы – счетная графика коми // *Традиции и новации в народной культуре коми*. Сыктывкар, 1983. С. 79-88.
- Жеребцов и др., 1985** – *Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С.* Из жизни древних коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1985. 136 с.
- Ильина, Уляшев, 2009** – *Ильина И.В., Уляшев О.И.* Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2009. 224 с.
- Кошурников, 1880** – *Кошурников В.* Быт Вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк. Казань, Типография Императорского Университета, 1880. 44 с.
- Майер, 1981** – *Майер В.Е.* Важный источник по истории соседской общины Удмуртии // *Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв.* Ижевск, 1981. С. 36-60.
- Мартынов, 1905** – *Мартынов С.В.* Печорский край: очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевеча, 1905. 276 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Коми.
- Народы..., 2000** – *Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты* / отв. ред. Н. Ф. Мокшин, Т. П. Федянович, Л. С. Христолюбова. М.: Наука, 2000. 579 с.
- Островский, 1873** – *Островский Д.Н.* Вотяки Казанской губернии // *Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете*. 1873. Т. IV. № 1. С. 1-48.
- ПСЗ РИ. СВ, 1830 – V** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. V. СПб., 1830. № 3807. С. 740-741.
- ПСЗ РИ. СВ, 1830 – XI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XI. СПб., 1830. № 9252. С. 651-652.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – VI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 3949. С. 643-644.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – VI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3963. С. 650-652.
- Савка, 2021** – *Савка О.Г.* Влияние гуманитарной среды на повышение качества подготовки специалистов в техническом вузе // *Российский технологический журнал*. 2021. № 9(5). С. 95-101.
- Семенов, 1992** – *Семенов В.А.* Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. 152 с.
- Удмурты..., 1993** – *Удмурты: историко-этнографические очерки* / науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
- ЦГА УР** – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
- Alimbay, Smagulov (2021)** - Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – *Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V.* The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century - 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – *Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V.* Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Darchiey, Darchieva, 2021** – *Darchiey A.V., Darchieva S.V.* To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 461-470.
- Khramtsov, 2021** – *Khramtsov A.B.* Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 74-84.

Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.

Pravkin et al., 2020 – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagiya R.V., Khvatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.

Titov, 2021 – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.

References

Aleksandrov, 2014 – Aleksandrov, Yu.V. (2014). Obychnoe pravo udmurtov: (XIX – nachalo XX vv.) [Common law of the Udmurts: (XIX – early XX centuries)]. Izhevsk. [in Russian]

Alimbay, Smagulov, 2021 – Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 85-96.

Averin et al., 2020 – Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V. (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914). *Bylye Gody*. 55(1): 162-172.

Belitser, 1958 – Belitser, V.N. (1958). Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v. [Essays on the ethnography of the Komi peoples: XIX – early XX century]. M. [in Russian]

Bereznitsky et al., 2020 – Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V. (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.

Blinov, 1856 – Blinov, N. (1856). Votyaki Vyatskoj gubernii (Prodolzhenie) [Votyaki Vyatka province (Continued)]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 10: 67. [in Russian]

Bogaevskij, 1888 – Bogaevskij, P.M. (1888). Ocherk byta sarapul'skih votyakov [Essay on the life of the Sarapul Votyaks]. Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyj pri Dashkovskom etnograficheskom muzee. M. [in Russian]

CGA UR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki].

Darchiey, Darchieva, 2021 – Darchiey, A.V., Darchieva, S.V. (2021). To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century). *Bylye Gody*. 16(2): 461-470.

Gerd, 1926 – Gerd, K.P. (1926). Poslovice i pogovorki votyakov [Votyak proverbs and sayings]. Votyaki. Sbornik po voprosam byta, ekonomiki i kul'tury votyakov. M., pp. 49-62. [in Russian]

Gribova, 1983 – Gribova, L.S. (1983) Lydpasy – schetnaya grafika komi [Lydpasy – counting chart of Komi]. Traditsii i novacii v narodnoj kul'ture komi. Syktyvkar. [in Russian]

Il'ina, Ulyashev, 2009 – Il'ina. I.V., Ulyashev, O.I. (2009). Muzhchina i zhenshchina v tradicionnoj kul'ture komi [Man and woman in the traditional culture of Komi]. Syktyvkar. [in Russian]

Khramtsov, 2021 – Khramtsov, A.B. (2021). Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 74-84.

Koshurnikov, 1880 – Koshurnikov, V. (1880). Byt Votyakov Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii. Etnograficheskij ocherk [The life of the Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Ethnographic essay]. Kazan.' [in Russian]

Majer, 1981 – Majer, V.E. (1981). Vazhnyj istochnik po istorii sosedskoj obshchiny Udmurtii [An important source on the history of the Udmurtia neighborhood community]. Voprosy social'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Udmurtii v XVII – pervoj polovine XIX vv. Izhevsk. [in Russian]

Martynov, 1905 – Martynov, S.V. (1905). Pechorskij kraj: ocherki prirody i byta. Naselenie, kul'tura, promyshlennost' [Pechora Region: essays on nature and everyday life. Population, culture, industry]. SPb. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].

Narody..., 2000 – Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Marijcy. Mordva. Udmurty. Otv. red. N. F. Mokshin, T. P. Fedyanovich, L. S. Hristolyubova. [The peoples of the Volga region and the Urals. Komi-zyryans. Komi-Permians. Mari people. Mordvins. Udmurts]. M. [in Russian]

Ostrovskij, 1873 – Ostrovskij, D.N. (1873). Votyaki Kazanskoj gubernii [Votyaki of the Kazan province]. *Trudy obshchestva estestvoispytatelej pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 1: 1-48. [in Russian]

Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A. (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.

Pravkin et al., 2020 – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagiyaeva, R.V., Khvatova, M.A. (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.

PSZ RI. SV, 1830 – V – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. V. SPb., 1830. № 3807. Pp. 740-741. [in Russian]

PSZ RI. SV, 1830 – XI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XI. SPb., 1830. № 9252. Pp. 651-652. [in Russian]

PSZ RI. SP, 1830 – VI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. № 3949. Pp. 643-644. [in Russian]

PSZ RI. SP, 1830 – VI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. VI. SPb., 1830. № 3963. Pp. 650-652. [in Russian]

Savka, 2021 – Savka, O.G. (2021). Vliyanie gumanitarnoj sredy na povyshenie kachestva podgotovki specialistov v tekhnicheskoy vuzе [The impact of the humanitarian environment on improving the quality of training of specialists at a technical university]. *Rossiiskij tekhnologicheskij zhurnal*. 9(5): 95-101. [in Russian]

Semenov, 1992 – Semenov, V.A. (1992) Traditsionnaya semejnaya obryadnost' narodov Evropejskogo Severa: k rekonstrukcii mifopoeticheskikh predstavlenij komi (zyryan) [Traditional family rituals of the peoples of the European North: towards the reconstruction of the Mythopoetic representations of Komi (Zyryan)]. SPb. [in Russian]

Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.

Vereshchagin, 1996 – Vereshchagin, G.E. (1996). Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 2. Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii. [Collected works: in 6 vols. Vol. 2. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province]. Izhevsk. [in Russian]

Vershinin, Vizgalov, 2004 – Vershinin, E.V., Vizgalov, G.P. (2004). Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents]. Yekaterinburg. [in Russian]

Vishnyakova, 2014 – Vishnyakova, D.V. (2014). Brachno-semejnye otnosheniya komi krest'yanstva i ih obychno-pravovoe regulirovanie vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Marriage and family relations of the Komi peasantry and their customary legal regulation in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Social'no-kul'turnye processy na territorii Komi kraja: istoriya i sovremennost': 17-24. [in Russian]

Udmurty..., 1993 – Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki [Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk. [in Russian]

Zherebtsov i dr., 1985 – Zherebtsov, L.N., Konakov, N.D., Korolev, K.S. (1985). Iz zhizni drevnih komi [From the life of the ancient Komi]. Syktyvkar. [in Russian]

Положение женщины в семье у зырян и вотяков в XIX веке: особенности регулирования нормами обычного права

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, b, *}, Назикгул Жетигеновна Осмоналиева ^c,
Евгений Николаевич Лоторев ^{a, d, e}, Максим Сергеевич Осипов ^a

^a МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Кыргызский Национальный Университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая),
osmonalievanej@mail.ru (Н.Ж. Осмоналиева), lotoreff2010@yandex.ru (Е.Н. Лоторев),
osipov_m@mirea.ru (М.С. Осипов)

^d Московский государственный университет технологий управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Российская Федерация

^e Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Обычное право, основанное на правовых обычаях, берущих свои корни из народного правосознания, исторически являлось важнейшим фактором, игравшим регулирующую роль в жизнеобеспечении крестьянского мира (общины) у северных народов. Оно регламентировало различные сферы общественных отношений, возникавших в этно-локальных обществах, включая матримониальные, семейно-наследственные, промысловые, договорные и др. Наибольшей сферой использования норм обычного права у зырян и вотяков были отношения, возникавшие при заключении брака и создании семьи. Именно семья, ее статус, положение ее членов, включая представителей нескольких поколений родственников, на протяжении длительного времени оставались областью, в которой широко применялось обычное право, являвшееся достаточно продолжительный период практически основным регулятором возникавших общественных отношений.

В результате проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам. Зырянская и вотская женщины не являлись бесправными членами семьи. Нормы обычного права определяли двойственный характер правового положения женщины. Так, с одной стороны, женщины, находясь в браке и проживая в большой семье, подчинялись не только супругу, но и возрастным родственникам, а в отношении их поведения существовала система традиционных запретов. Однако, с другой стороны, такое подчинение нельзя назвать абсолютным, так как у женщины сохранялся значимый экономико-социальный статус, о чем свидетельствуют в первую очередь архивные материалы. Женщина обладала и распоряжалась приданым, а также всем имуществом, которое было ею изготовлено. Кроме того, зырянки не редко оставались самостоятельными хозяйками, когда отсутствовал муж.

Ключевые слова: зыряне, вотяки, правовой обычай, правовое положение женщины.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1150-1158
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1150

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Question of the Formation of National Elites in the Kazakh Steppe in the 19th century

Arman A. Umarov ^{a,*}, Baurzhan N. Abdrakhmanov ^a, Anara E. Karimova ^a, Ziyat Sh. Aitkenov ^a

^a Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

This scientific article presents a study of the process of formation of national elites in the Kazakh steppe in the XIX century. The Kazakh aristocracy, which previously acted as intermediaries between Kazakh society and Russia, subsequently became direct representatives of the Russian government. The article highlights the role of Kazakh representatives in the structure of the Russian Empire and their function as intermediaries between the Russian authorities and the local population. The article analyzes the important influence of Kazakh intermediaries on the establishment of contacts and cooperation between different cultures, which in turn contributed to the preservation of traditional Kazakh culture in the conditions of Russian domination. The article deeply examines the challenges and difficulties faced by Kazakh representatives, including the impact of the new management system on their lifestyle and traditional power structures. Special attention is paid to the mechanisms and factors that contributed to the formation of national elites in the Kazakh steppe. The article analyzes the role of education, culture and social mobility in the formation of Kazakh leaders, intellectuals and cultural figures during this period. The contribution of the Russian Empire to the training and retraining of personnel, the development of education, the construction of schools, as well as the policy of the Empire to preserve the cultural traditions of the local population in the Kazakh steppe is considered.

Keywords: Kazakh representatives, Russian Empire, cultural borders, communication, officials, traditional culture, incorporation, interpreter, Kazakh elite, Chingizids.

1. Введение

Казахская степь после присоединения к Российской империи всесторонне изучалась, но все же была не достаточно исследована российским чиновником. Возникла острая необходимость в помощи местных представителей. Исследования о роли казахских посредников и их роль в продуцировании знаний о степи требует своего анализа и обращения к прошлому.

Ян Кэмпбелл, следуя за Бейли, считает историю освоения Казахской степи и управления ею неотделимой от процесса производства знаний как русскими, так и казахами (Кэмпбелл, 2022: 11). Управление и освоение Казахской степи Российской империей включало в себя сложный процесс производства знаний. Российские чиновники и ученые стремились понять экологию, географию и демографию степи, чтобы использовать ее ресурсы и управлять ее населением.

Взаимодействие между российской и казахской системами знаний часто характеризовалось конфликтами и переговорами, поскольку у двух групп были разные цели и приоритеты. Российские чиновники стремились извлекать ресурсы из степи и контролировать ее население, в то время как казахи стремились сохранить свой образ жизни и защитить свои земли и ресурсы (Кэмпбелл, 2022: 21).

* Corresponding author

E-mail addresses: arman.umarorov77@mail.ru (A.A. Umarov),
abdrakhmanov_bayr@mail.ru (B.N. Abdrakhmanov), akeo73@mail.ru (A.E. Karimova),
ziyat15@mail.ru (Z.Sh. Aitkenov)

Т.Ж. Шоинбаев отмечает, что некоторые представители казахской степной элиты присоединились к царскому правительству после вхождения Казахской степи в состав Российской империи (Шоинбаев, 1982: 127). Некоторые представители казахской элиты были кооптированы в царскую администрацию. Этим людям, как правило, предоставлялись властные посты, такие как султаны и старшины, и им было поручено поддерживать порядок и обеспечивать соблюдение российского правления в регионе.

В то время как некоторые члены казахской элиты, возможно, рассматривали присоединение к царской администрации как способ сохранить свой статус и влияние, других, возможно, к этому принудили. Кроме того, отношения между казахской элитой и царским правительством часто были напряженными, поскольку казахи изо всех сил пытались сохранить свою культурную и политическую идентичность перед лицом российского колониализма.

В целом вхождение Казахской степи в состав Российской империи внесло значительные изменения в политический и социальный ландшафты региона, и роль казахской элиты в этом процессе была сложной и многогранной.

2. Материалы и методы

В данном исследовании для анализа процессов, способствовавших формированию национальных элит Казахской степи, используются различные источники. Материалами при подготовке настоящей работы послужили архивные материалы Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центрального Государственного архива Республики Казахстан (Алмата, Республика Казахстан), сборники опубликованных документов Полное собрание законов Российской империи, посвященные истории Казахской степи в Российской империи и формированию национальных казахских элит.

Методической основой исследования стал подход к изучению отечественной истории, основанный на достижении современной российской и казахской историографии, в том числе результатами зарубежной исторической науки. Для более глубокого понимания процесса формирования национальных элит в Казахской степи были применены различные исследовательские методы. В их числе анализ содержания, который позволил выявить ключевые темы и тенденции в источниках данных; компаративный анализ для сопоставления событий и процессов в разных регионах и периодах; генеалогический анализ, позволяющий изучить общие и родственные связи между представителями элиты.

Принцип историзма позволил рассмотреть контакты Российской администрации с чингизидами. Использование принципа научной объективности выразилось в анализе различных видов источников. Системный принцип позволил рассмотреть вопросы взаимоотношений представителей различных групп служащих казахов в контексте исторического развития в имперском управлении.

Сравнительный исторический метод применен при сопоставлении развития, образовании в различных регионах Казахской степи.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования обширна. Среди зарубежных авторов особое внимание Яна Кэмпбелла привлекает вопрос о взаимоотношении имперского центра и национальных окраин. В своем исследовании Кэмпбелл описывает различные модели взаимоотношений Российской империи и окраин (Кэмпбелл, 2022). Санжар Асфендияров, выдающийся ученый, педагог и политик, описал переход посредников в более профессиональную группу служащих (Асфендияров, 1993). Гульфира Елубаевна Отепова, доктор исторических наук, исследовала законодательные акты Российской Империи, которые определили и регламентировали все стороны жизни казахского общества XIX века (Отепова, 2015). В работе И.В. Ерофеева дана генеалогическая схема династии хана Абулхаира, приведены важные сведения о наиболее видных потомках хана (Ерофеева, 2007). Т.Ж. Шоинбаев отмечает, что одним из административных преобразований Казахской степи в 19 веке является изменения статуса султанов в Среднем и Старшем жузе (Шоинбаев, 1982). Паоло Сартори отмечает, что после вхождения Казахской степи в состав Российской империи власти предпринимали разнообразные действия по адаптации региона к нуждам колониального управления. Одним из таких мер является подготовка профессиональных кадров (Сартори, 2019).

Изучение вопросов, связанных с формированием национальных элит Казахской степи, нашли свое отражение в труде современника А.В. Васильева, который дает ценную информацию об опыте казахских учащихся в Российских школах в этот период времени и проливает свет на процесс формирования государственных служащих из числа казахских представителей (Васильев, 1896: 205).

Один из ярких представителей Казахской степи Ч. Валиханов занимался проблемами влияния Российской империи на этнокультурные особенности казахского народа. Исследования Валиханова о казахском народе и его взаимодействии с Российской империей остаются весьма ценными по сей день. Его работа дает цельное представление о сложной социальной, культурной и политической

динамике региона и подчеркивает решающую роль, которую играют представители Казахской степи в облегчении общения и торговли между различными группами (Валиханов, 1975: 175).

Видный представитель из Казахской степи в Российской империи И. Алтынсарин оставил значительный объем информации, по которой формируется представление о развитии государственной модели просвещения в Казахстане и реакция коренного населения на эти инновационные изменения (Алтынсарин, 1978: 232).

Абай Кунанбаев актуализировал проблему адаптации казахстанского общества к взаимовлиянию традиционной и европейской культуры (Абай, 1983: 68).

По мнению А.М. Хазанова, представители из Казахской степи в Российской империи играли решающую роль в социально-политической истории Казахской степи (Хазанов, 2002: 328).

Р.Г. Ланда в комплексе рассматривал «взаимовлияние мусульманской и европейской цивилизации в составе Российской империи как симбиоз, сыгравший определенную роль в деятельности казахской интеллигенции» (Ланда, 1995: 312).

Б.А. Кенжетаяв акцентировал внимание на Казахских учебных заведениях, в которых получили образование несколько десятков казахов в исследуемый период. В труде Б.А. Кенжетаява реконструирована модель создания и обучения в учебных заведениях Казани студенчества из казахской молодежи (Кенжетаяв, 1996: 56).

В.М. Устинов в своей научной публикации показала «дифференциацию категории казахских служащих по политическому принципу» (Устинова, 1996: 35). В совместной работе Г. Храпченкова и В. Храпченкова был представлен анализ теоретико-методологических аспектов и проблем развития школьного просвещения и образования в дореволюционное время (Храпченков, Храпченков, 1998: 97). В целом эти источники дают богатую информацию о представителях из Казахской степи в Российской империи XIX века. Хотя каждый источник предлагает несколько иную точку зрения, вместе они дают исчерпывающую картину важности проводников в регионе в этот период времени.

4. Результаты

Царская администрация искала методы и рычаги, которые могли бы помочь в реализации имперской политики в степи, в чем казахские представители оказали значительную помощь и сыграли важную роль. Они проявляли готовность участвовать в различных сферах имперской власти.

Согласно Яну Кэмпбеллу условия продуцирования знания как административного и социального процесса в Казахской степи Имперское государство осознавало степень неведения и постепенно нащупывало способы мышления и обучения, которые могли бы решать его проблему. Казахские представители вступали во взаимодействие с Имперской властью, охотно выступали носителями необходимых знаний для империи (Кэмпбелл, 2022: 25).

В конце XVIII – начале XIX вв. ханы Младшей и Средней орды, по мнению Акимбекова, все чаще выступали в роли посредников между Россией и казахскими племенами. Тесные связи с царским правительством повышали уровень зависимости ханской власти от внешней поддержки. Ханы выступали в роли представителей России в степи, тем самым оказывались фактически между Империей и казахским обществом (Акимбеков, 2018: 336). Именной указ, объявленный Оренбургскому военному губернатору от 15 сентября 1805 года об отставке казахского хана Младшей орды хана Айчувака и об избрании на место его старшего сына султана Жанторе, свидетельствует о том, что ханы меньшей орды в данный исследуемый период были назначаемые, а выборы самими казахами Младшей орды были номинальными. Согласно данного именного указа «хану Младшей орды назначена пенсия в размере 1000 руб. в год» (ПСЗ РИ-1. Т. 28. №21915: 12-49) в утвержденном мнении от 29 марта 1812 года об утверждении в Младшей орде ханами Ширгазы Айчувакова и Букея Нуралина и их утверждение в ханском чине (Масевич, 1960: 51). В оповестительной грамоте об утверждении хана Букея в ханском достоинстве от 1 мая 1812 году хану Букею удостоены ханские знаки в виде грамоты с императорской печатью, саблей с подписью, соболью шубу, шапкой из чернубурой лисицы, свидетельствующий его о назначении на ханскую должность (Ермекбай, 2017: 124-130). 18 января 1819 года комитет министров Российской Империи утвердил положение о вступлении в подданство России султана Старшей орды (большой) Уйсуньской волости Суюка. Далее, как следует из представленного документа «генерала-лейтенанта Глазинапа», были вручены награды султану Суюку Аблайханову: чин 8 класса, золотая медаль на голубой ленте и кафтан с шапкой, а его сыну, султану Джанхоже, также золотая медаль на Александровской ленте и кафтан с шапкой. Биям Сырымбетю Унтагарову и Байбетю Бектурганову, старшине Тугулю Чирукзину - золотые перстни с именными печатями и кафтаны с шапками; находящимся при султани муллам Мусагиту Микманову и Абдулле Мыклюкसेву – чины 14 класса (ПСЗ РИ-1. Т.36. №27642: 28-29; Масевич, 1960: 52-54). В сложившейся ситуации казахским племенам и их родоплеменной чингизидской элите, проживавшей вдоль пограничных линий, для построения взаимоотношений с российскими представителями посредники в виде ханской власти, по большому счету, уже были не нужны. Имперская администрация охотно поддерживала любую группу казахов, поддерживала контакты с людьми, готовых проявить лояльность к царской власти. В то же время ценность ханской власти в

степи для Российской Империи неуклонно снижалась. Ханы не могли контролировать положение в степи, все чаще сами требовали, как военной, так и материальной поддержки.

В Устав о Сибирских Киргизах, принятого в 1822 году, производилось территориальное деление на округа, состоявшие из волостей, а волости формировались из аулов. Устав предусматривал создание имперской управленческой иерархии. В аулах народ избирал старшину сроком на 3 года, которого утверждал окружной приказ. Окружной приказ состоял из 2 русских чиновников, назначаемых губернатором. Во главе волостей находились султаны, власть которых была наследственной. В свою очередь, волостные султаны избирали ага султана (старшего султана). А старшины выбирали двух казахских заседателей в состав окружного приказа. В управленческой вертикали наверху в приказе оказывались ага султан и 2 представителя от старшин, т.е. родоплеменной элиты. Казахскую родоплеменную элиту включили в состав российской бюрократии с предоставлением соответствующих позиций в таблице о рангах. Старший султан имел 8-й класс и звание майора. Как русские, так и казахские заседатели окружных приказов – 9-й, а волостные султаны – 12-й класс в табелях о рангах. Первые 8 классов давали право на потомственное дворянство. К примеру, старший султан мог войти в состав дворянства Российской империи. Это происходило после трех сроков службы. Основная же казахская, чингизидская аристократия исключалась из дворянского сословия. Таким образом, казахская аристократия, выступавшая ранее в роли посредников между казахским обществом и Россией, в последующем стала непосредственным представителем Российской власти. Казахские чингизиды, которые оказались на российской службе, заметно укрепились в своем положении. В то же время они сохранили все свои прежние функции, получили новые возможности, связанные с представлением ими российских интересов, включая военные гарнизоны. Новые возможности они использовали для усиления своих собственных позиций в казахском обществе. Соответственно, нарушился баланс в отношении между казахскими чингизидами и родоплеменной элитой. Естественно, это негативно сказывалось на имидже чингизидов в казахском обществе.

С середины XIX века произошло падение значения чингизидской части казахской элиты в казахском обществе. В итоге чингизидская часть элиты в большинстве своем сделала ставку на максимально тесные отношения с Россией.

Представители из Казахской степи сыграли важнейшую роль в функционировании колониальной Российской империи в XVIII-XIX веках. Они были необходимы для управления обширными и разнообразными территориями, исполняя роль посредников между колониальными властями и местным населением.

Проводимые в России реформы в указанный период определяли изменения в системе управления казахским обществом. По мере усиления влияния Российской империей стала наиболее актуальной в процессе инкорпорации роль местной аристократии и приближенной к ней по социальному статусу знати, которые включались в политическую и экономическую систему империи, выступали посредниками между российскими властями и местным казахским населением. Акцентировалась необходимость профессионально подготовленных специалистов-служащих Российской империи и владеющих русским и казахским языками. В целях реализации кадровой политики Российская империя со второй половины XIX века способствовала развитию системы образования на территории Младшего и Среднего жузов. В эпоху правления императрицы Екатерины II в 1779 году открылась азиатская школа в городе Омске. Там могли обучаться казахские дети. В 1789 году открылась первая школа для казахских детей в Оренбурге. Образовалась группа узко-профессиональных служащих Российской империи (РГИА. Ф. 1125. Оп. 3. Д. 94. Л. 11-17).

Анализ архивных документов свидетельствует об открытии школы на территории Среднего жуза при окружных приказах. Проводились различные языковые курсы для инородцев (ПСЗ РИ-2. Т. 45. Ч. 1. №48185: 314). В начале XIX века были открыты кадетские корпуса в Омске и Оренбурге. Оренбургский кадетский корпус назывался Неплюевским. В нем обучались дети степной аристократии. В программу обучения входили множество предметов и несколько иностранных языков. Одними из известных представителей Российской империи в степи были выпускники Омского кадетского корпуса Ч. Валиханов и выпускник Неплюевского кадетского корпуса, член Русского Географического Общества Ходжа Мухамед-Салих Бабаджанов (1834–1893 гг.), уроженец Внутренней Орды. После окончания Оренбургского кадетского корпуса Бабаджанов служил в пограничной комиссии. Аманжол Кузембайулы и Еркин Абиль в своей книге «История Казахстана» отмечают, что Мухамед-Салих Бабаджанов был большим знатоком истории и этнографии казахского народа, постоянно следил за историко-этнографической литературой по казахской тематике. С 1860 года Мухамед-Салих Бабаджанов стал регулярно публиковаться в газетах и журналах: «Северная пчела» (Санкт-Петербург), «Санкт-Петербургские ведомости», «Волга» и пр.» (Абиль, Кузембайулы, 2006: 195). В конце 60 годов 19 века направлял свои труды в адрес Русского Географического Общества. Бабаджанов награжден серебряной медалью за научные труды. Чокан Валиханов принимал активное участие в 1854–1857 годах в экспедициях по Казахской степи. В 1857 году был избран членом Русского Географического Общества (Абиль, Кузембайулы, 2006: 195).

Радик Темиргалиев отмечает, что Оренбургские власти уделяли большое внимание вопросу образования казахов благодаря деятельности видных российских государственных деятелей, таких как П.К. Эссен, Г.Ф. Генц, В.В. Григорьев и хана Джангира (Темиргалиев, 2019: 356).

В Омске состояние образования казахов было организовано похуже. Всего в Омском кадетском корпусе в период с 1846 по 1865 годы образование получили 13 детей. Тогда как в Оренбурге только в 1844 году официально было закреплено 30 вакансий за учащимися из числа казахов. В Букеевской орде в 1841 году открыта первая школа с преподаванием предметов: казахского, русского, арабского языков, математики, географии, истории, основ шариата и оспопрививание. По плану Оренбургских властей в 1850 году в Оренбурге открылась специализированная школа для казахских детей на 30 мест, которые в будущем должны стать делопроизводителями - переводчиками. Учителями в степные школы должны были избираться молодые казахи, окончившие курс учения в кадетском корпусе или в школе для казахских детей при Пограничной комиссии, и там, где окажется возможным, должность учителя школы может быть соединяема с должностью переводчика при утвержении (Гармс, 1990: 482). В Казахской степи открылось начальное училище (ПСЗ РИ-2. Т. 55. ч. 1. №61796: 845-846). При оренбургской гимназии учреждалась стипендия (ПСЗ РИ-2. Т. 45. Ч. 1. №47991: 141). «Открывались отделения при Оренбургской и Омской военной прогимназии для приготовления переводчиков восточных языков. В Оренбургской прогимназии – персидскому и татарскому, а в Омской – казахскому языку» (ПСЗ РИ-3. Т. 44. Ч. 1. №46987: 346).

Преподавателями работали выпускники Неплюевского кадетского корпуса, обеспечившие высокий уровень знаний. Учащиеся изучали ислам, делопроизводство, геометрию, историю, арифметику, географию, чистописание, татарский и русский языки. Оренбургской администрацией для обустройства специализированной школы выделены значительные средства. В 1859 году число обучающихся Оренбургской специализированной школы увеличено до 40 учащихся, а 1863 году увеличилось еще на 10 мест. Одним из выпускников специализированной школы был Ибрай Алтынсарин, видный казахский педагог-просветитель, государственный деятель. Ибрай Алтынсарин был организатором народного образования во второй половине XIX века. Глубокое изучение истории и современного состояния русской педагогики позволила ему стать высокообразованным человеком своего времени. Под его руководством в 1884 году в Торгае, в 1888 году в Иргизе, в 1884 году в Костаное открыты школы с казахским языком обучения. В 1886 году открыты несколько школ-интернатов для девушек, в котором обучались 211 учениц. Под его началом открыты специализированные школы сельскохозяйственного и ремесленного направления. Ибраем Алтынсариным разработаны дидактические принципы обучения и воспитания детей (Кузембайулы, 2006: 196). Выпускники школы стали учителями школ, открытых в первой половине 60 годов 19 века в Перовском, Оренбургском, Троицком и Уральском укреплениях (Темиргалиев, 2019: 359).

Однако в Среднем жузе проблема образования казахов обострялась еще хуже. М.Н. Сперанский хотел распространить российскую бюрократическую систему на казахскую степь. Но организовать соответствующим документооборотом бюрократическую процедуру было невозможно в степных условиях. В 1865–1867 годах степная комиссия под руководством Ф. Гирса работала над вопросом об организации управления в казахских степях. Комиссия рекомендовала восстановить Народный казахский суд. Данное предложение было очень интересным. По мнению Султана Акимбекова, продолжение линии Сперанского на бюрократизацию суда в казахской степи, согласно общеимперским требованиям, означало, что российские власти должны были создать казахскую бюрократию, причем не только в суде, но и в целом в системе управления. Акимбеков считает, что им пришлось бы обучить достаточное количество казахов для службы в качестве бюрократов с созданием, соответствующим их подготовке, что потребовала от России серьезных затрат на обучение и подготовку кадров, а также определение места казахской бюрократии в общей имперской системе.

Однако Степная комиссия Ф. Гирса сделала выводы, что после устава Сперанского ничего не было сделано для подготовки кадров и для создания административного управления по имперскому образцу. Согласно уставу, по мере организации приказов планировалось открытие при них школ с выделением ассигнований в 500 руб. Однако в 1867 году ни одна школа при приказах не была открыта (Масевич, 1960: 266). Комиссия Гирса также отмечает, что в Казахской степи преобладающим количеством были мусульманские школы. В Каркаралинском округе было 23 мусульманских школ с общим числом 412 обучающихся. В Семипалатинске 8 мусульманских школ, где обучались 420 мальчиков и 280 девочек. «Не надо долго ездить по степи, чтобы убедиться не только в сознании киргизами (казахи) необходимости учения, но и даже в существовании уже довольно обширного по своей распространенности народного татарского учения (Масевич, 1960: 275). Султан Акимбеков считает очевидным отсутствие школ в той части Казахской степи, которая находилась под российским управлением в период 1822–1867 годы. Это означало, что нельзя говорить ни о какой системе подготовки для появления казахских школ по российскому образцу. Российская империя в казахской степи пошла на консервацию местных общественных отношений вследствие отсутствия и желания новой системы управления. Данный факт можно считать учетом культурных традиций местного населения. Казахи оставались традиционным обществом, и данная традиционность поддерживалась русской администрацией. Во второй половине XIX века среди

представителей образованной по-европейски казахов практически не было тех, которые могли бы быть способными к взаимодействию с властью в рамках Российско-имперских структур. Представителем казахской аристократии в политических вопросах на общегосударственном уровне был генерал Губайдулла Чингизхан, курирующий казахские дела в министерстве внутренних дел Российской империи. Европейское образование охватывало незначительную часть казахов. К 1917 году высшее Европейское образование получили 120 казахов, среднего образования – 700 (Нурмагамбетова, 2003). Результатом индивидуальных усилий казахская молодежь получала высшее образование в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Тарту, что показывает об отсутствии модернизации в системе образования по Европейскому образцу. В казахской степи под руководством Российской империи не было единой системы начального образования. Начальное образование казахи получали в мусульманских школах, в школах при медресе, в малочисленных русско-казахских школах и джадидитских школах. «В 1914 году в пяти степных областях находилось всего 2011 школ всех типов, где обучалось 105200 учащихся. В средних школах учились 4300, из них среди всех школьников казахской национальности было около 7,5 %, и они посещали аульные или начальные русские школы» (Richard, 2020). Однако лишь немногие из них продолжали образование в средних или высших учебных заведениях. Большинство казахской молодежи получали образование в мусульманских школах, будь то традиционные или новометодные. Например, в 1908 году в Сыр-Дарьинской области из 132,6 тыс. детей местных национальностей в мусульманских школах учились 32,1 тыс. учеников, что составляло 24 % от общего числа. Хотя некоторые из них были узбеками, преимущественно оседлыми жителями, большинство казахов также предпочитали мусульманские школы. По словам Ричарда Пирса, местные жители имели равные права доступа к русским школам, и была создана сеть начальных школ как в Туркестане, так и в степных районах, чтобы обеспечить им это право. Однако эти усилия имели незначительный успех. Образование нескольких сотен переводчиков, младших чиновников и торговцев не соответствовало революционным идеям Ильминского о трансформации казахов (Richard, 2020). Направление детей в русские школы скорее было стратегией отдельных семей для достижения успеха в местной администрации. Однако это не стало массовым явлением, так как сопряжено с риском потери идентичности в преимущественно русскоязычной среде. Поэтому большинство местного населения, включая казахов, предпочитало традиционные мектебы.

Казахское кочевое скотоводство определяло характер сезонных перекочевков скота на пастбища, и скотоводство было основной формой экономической деятельности для казахов в течение всего имперского периода. Однако численность ветеринаров в Казахской степи была незначительной. И, соответственно, объем работы ветеринарной службы был огромным.

Врачи, приезжавшие в Казахскую степь, не знали местного языка и нуждались в помощниках, знающих казахский и русский языки. «Назначалась должность оспопрививателей из числа казахов, знающих грамоту и изъявивших желание принять на себя обязанности» (ПСЗ РИ-2. Т. 43. Ч. 1. №45587: 252-253). Анализ личного дела выпускника Казанского университета М. Карабаева доказывает «о факте включения казахских специалистов в группу служащих» (ЦГА РК. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29958. Л. 1-240б.).

Строительство военных укреплений в Степи также развивалось. Начиная с 1886 года стали вносить по 10900 руб. в год на содержание строительного отделения Семиреченского областного правления (ПСЗ РИ-3. Т. 5. №2730: 53). В сенатском указе от 23 мая 1875 года написано, что 23 октября 1875 года в городе Ташкенте открыто отделение Государственного банка (ПСЗ РИ-2. Т. 50. Ч. 1. №54739: 547). В указе от 16 сентября 1876 года также указано, что 3 сентября 1876 года в г. Уральске открыто отделение Государственного банка (ПСЗ РИ-2. Т. 51. Ч. 2. №56375: 215). В городах Петропавловске и в Акмолинске, а также в Каркаралах и в Зайсане с 1 января 1887 года открылись уездные казначейства (ПСЗ РИ-3. Т. 6. №3522: 78-79).

По мнению Паоло Сартори, в XIX веке в Казахской степи сложилась ситуация, позволяющая говорить о правовой гибридности и непредсказуемых последствиях российских реформ и выбора предпочтительных правовых альтернатив. Не смотря на свои представления о трансформации местного общества, Российская администрация была вынуждена допускать существование правового разнообразия в использовании в гражданских судах адата и шариата. Одними из представителей в административно-судебном управлении являлись бии. Эта должность была легитимирована при Временном положении в 1868 году. Бии рассматривали вопросы на основе народных обычаев – адата. В их обязанности входили разбирательства гражданских и уголовных дел между казахами. Бий исполнял роль судьи. По традиции, бии в казахском обществе были родовым лидером и судьей, приобретая свой авторитет, исполняя обе роли. Он должен был обладать исключительными качествами, такими как мудрость, справедливость и знание обычаев. В качестве судьи он был единственным источником правового урегулирования, доступных для понимания казахов, искавших правосудие (Мартин, 2009: 104).

Виржиния Мартин подробно описала работу третейского суда: «Кроме единоличного бия и апелляционных инстанций (волостного съезда биев и чрезвычайного съезда биев) казах имел право обратиться к любому уважаемому казаху или группе аксакалов как к посредникам для решения

спора, что в российском бюрократическом аппарате называлось третейским судом или судом аксакалов» (Мартин, 2009: 104).

15 мая 1872 года во внутренней ставке Казахской Орды для заведывания полицейской частью открыт отдел особой полиции (ПСЗ РИ-2. Т. 47. Ч. 1. №50836: 639-640). Добавили должности помощника и полицмейстера, двух помощников полицейских приставов и одного столоначальника и назначили на наем писцов и канцелярские расходы добавочных 600 рублей (ПСЗ РИ-2. Т. 53. Ч. 2. №59117: 300). Штатный состав полицейской команды в городе Верном определили в 44 человека, полагая в этом числе девять старшин и тридцать пять младших городских с присвоением им оклада содержания: первым в 275 руб. каждому (в том числе 95 руб. квартирных) и вторым – в 175 руб. каждому (в том числе 95 руб. квартирных), обмундирование по 25 руб. в год на каждого городского (ПСЗ РИ-3. Т.9. №6439: 655).

5. Заключение

Анализ источников и архивных материалов приводит к выводам, что пространство и знания, которые продуцировали казахские представители в административных и научных сферах жизнедеятельности Российской империи, зависело от прихоти самодержавного государства и его чиновников, поэтому всегда были уязвимы. Это делало позицию казахских представителей нестабильной и подвержено влиянию политических изменений. Попытки казахских представителей обсудить свои интересы, исходя из своего статуса культурных «инсайдеров» не всегда приводили к успеху.

Российская империя внесла ощутимый вклад в развитие образования и формирование молодой казахской интеллигенции в регионе.

Литература

- Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы, 2018.
 Алтынсарин, 1978 – Алтынсарин И. Сочинение в 3-х томах. Т.3. Алма-Ата. Наука, 1978.
 Асфендияров, 1993 – Асфендияров С.Д. История Казахстана. Алма-Ата, 1993.
 Валиханов, 1975 – Валиханов Ч.Ч. Сочинение в 5 томах. Алма-Ата, 1975.
 Васильев, 1896 – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области. РГБ. Оренбург, 1896.
 Гармс, 1990 – Гармс И.Я. Педагог-просветитель Александр Васильев. РГБ. А., 1990.
 Ермакбай, 2017 – Ермакбай Ж.А Хан Жангир: Верноподданный России и Реформатор Степи. Вестник Томского государственного университета. 2017. С.124-130.
 Ерменбаева, 2022 – Ерменбаева К. Историко-культурное наследие в институциональном измерении: материалы II Уральского историко-архивного форума. Екатеринбург. 2022. С. 400-407.
 Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. Хан Абулхаир. Алматы, 2007.
 Кенжетаяев, 1998 – Кенжетаяев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. РГБ. Казань. 1998.
 Кузембайулы, Абиля, 2006 – Кузембайулы А., Абиля Е.А. История Казахстана. Костанай, 2006.
 Кунанбаев, 2012 – Кунанбаев А. Избранное. Алматы, 2012.
 Кэмпбелл, 2022 – Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи. Бостон, Санкт-Петербург, 2022.
 Ланда, 1995 – Ланда Р.Г. Ислам в истории России. РГБ. Москва, 1995. С. 311.
 Мартин, 2009 – Мартин В. Закон и обычаи в Степи: казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке. Алматы, 2009.
 Масевич, 1960 – Масевич М.Г. Материалы по истории политического строя Казахстана: со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Т.1. А., 1960.
 Нурмагамбетова, 2003 – Нурмагамбетова Р.К. Движение Алаш и Алаш-орда. Историография проблемы. 1920-1990-е гг. 20 века. Алматы, 2003.
 Отепова, 2015 – Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской Империи по истории Казахстана (XIX век). Часть 1, 2, 3. Павлодар, 2015.
 ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Сартори, Шаблей, 2019 – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Новое литературное обозрение. Москва, 2019.
 Темиргалиев, 2019 – Темиргалиев Р.Д. Казахи и Россия. Алматы, 2019.
 Устинов, 1996 – Устинов В.М. Служение народу: (Парт. и гос. деятельность Т. Рыскулова). РГБ. А., 1984.
 Хазанов, 2002 – Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, Алматы. Дайк-Пресс, 2002.
 Храпченков, Храпченков, 1998 – Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. АФ СПбГУП. А., 1998.
 ЦГА РК – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
 Шоинбаев, 1982 – Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Казахстан. Алма-Ата, 1982.

Pierce, 2020, 2020 – *Pierce Richard A.* Russian Central Asia. 1867–1917. A study on colonial rule. University of California Press, 2020.

References

- Akimbekov, 2018** – *Akimbekov, S.* (2018). Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty. [in Russian]
- Altynsarin, 1978** – *Altynsarin, I.* (1978). Sochinenie v 3-kh tomakh [Essay in 3 volumes]. Alma-Ata. Nauka. V.3. [in Russian]
- Asfendiiarov, 1993** – *Asfendiiarov, S.D.* (1993). Istorii Kazakhstana [History of Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]
- Campbell, 2022** – *Campbell, Y.* (2022). Znanie i okrainy imperii [Knowledge and the outskirts of the empire]. Boston, St-Petersburg. [in Russian]
- Ermekbai, 2017** – *Ermekbai, Zh.A.* (2017). Khan Zhangir: Vernopoddannyi Rossii i Reformator Stepi [Loyal subject of Russia and Reformer of the Steppe]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Pp. 124-130. [in Russian]
- Ermenbaeva, 2022** – *Ermenbaeva, K.* (2022). Istoriko-kulturnoe nasledie v institutsionalnom izmerenii: materialy II Uralskogo istoriko-arkhivnogo foruma [Historical and cultural heritage in the institutional dimension: materials of the II Ural Historical and Archival Forum]. Ekaterinburg. Pp. 400-407. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair. [Abulkhair khan]. RGB. Almaty. [in Russian]
- Garms, 1990** – *Garms, I.Ia.* (1990). Pedagog-prosvetitel Aleksandr Vasilev [Teacher-educator – Alexander Vasiliev]. RGB. A. [in Russian]
- Kenzhetaev, 1996** – *Kenzhetaev, B.A.* (1996). Kazanskie uchebnye zavedeniia i protsess formirovaniia kazakhskoi intelligentsii v ser XIX – nachale XX vv [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the middle of the 19th – early 20th centuries]. RGB. Kazan. [in Russian]
- Khazanov, 2002** – *Khazanov, A.M.* (2002). Kochevniki i vneshnii mir [Nomads and the outside world]. Almaty. [in Russian]
- Khrapchenkov, Khrapchenkov, 1998** – *Khrapchenkov, G.M., Khrapchenkov, V.G.* (1998). Istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli Kazakhstana [History of school and pedagogical thought of Kazakhstan]. AF SPbGYP Almaty. [in Russian]
- Kunanbaev, 2012** – *Kunanbaev, A.* (2012). Izbrannoye [Selected]. Almaty. [in Russian]
- Kuzenbai, Abil, 2006** – *Kuzenbai, A., Abil, E.A.* (2006). Istorii Kazakhstana [The history of Kazakhstan]. Kostanay. [in Russian]
- Landa, 1995** – *Landa, R.G.* (1995). Islam v istorii Rossii [Islam in the history of Russia]. RGB. M. [in Russian]
- Martin, 2009** – *Martin, V.* (2009). Zakon i obychai v Stepi: kazakhi Srednego zhuza i Rossiiskii kolonializm v XIX vek [Law and Customs in the Steppe: Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian Colonialism in the 19th Century]. Almaty. [in Russian]
- Masevich, 1960** – *Masevich, M.G.* (1960). Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana: so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Materials on the history of the political system of Kazakhstan: from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the Great October Socialist Revolution]. A. V.1. [in Russian]
- Nyrmagambetova, 2003** – *Nyrmagambetova, R.K.* (2003). Dvijenie Alash i Alash-orda. Istoriofina problema. 1920-1990-e gg. 20 veka [Movement of Alash and Alash-Orda. Historiography of the problem. 1920-1990s of the 20th century]. Almaty. [in Russian]
- Otepova, 2015** – *Otepova, G.E.* (2015). Zakonodatelnye akty Rossiiskoi Imperii po istorii Kazakhstana (XIX vek) [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (XIX century)]. P. 1, 2, 3. Pavlodar. [in Russian]
- Pierce, 2020** – *Pierce, Richard A.* (2020). Russian Central Asia. 1867-1917. A study on colonial rule. University of California Press.
- PSZ RI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Sartori, Shablei, 2019** – *Sartori, P., Shablei, P.* (2019). Eksperimenty imperii. Novoe literaturnoe obozrenie [Experiments of Empire. New Literary Review]. Moskva. [in Russian]
- Shoinbaev, 1982** – *Shoinbaev, T.Zh.* (1982). Dobrovolnoe vhozhdenie kazakhskikh zemel v sostav Rosii [Voluntary entry of Kazakh lands into Russia]. Kazakhstan. Alma-Ata. [in Russian]
- Temirgaliev, 2019** – *Temirgaliev, R.D.* (2019). Kazakhi i Rossiia [Kazakhs and Russia]. Almaty. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentralnyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Ustinov, 1996 – *Ustinov, V.M.* (1996). Turar Ryskulov. (Ocherki politicheskoi biografii) [Essays on political biography]. RGB. Almaty. [in Russian]

Valikhanov, 1975 – *Valikhanov, Ch.* (1975). Sochinenie v 5 tomakh [Essay in 5 volumes]. Alma-Ata. [in Russian]

Vasilev, 1896 – *Vasilev, A.V.* (1896). Istoricheskii ocherk russkogo obrazovaniia v Turgaiskoi oblasti [Historical sketch of Russian education in the Turgai region]. Orenburg. [in Russian]

К вопросу о формировании национальных элит в Казахской степи в XIX в.

Арман Алпамысович Умаров ^{a, *}, Бауржан Нариманович Абдрахманов ^a, Анара Еркеновна Каримова ^a, Зият Шайманович Айткенов ^a

^a Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Аннотация. В данной научной статье представлено исследование процесса формирования национальных элит в Казахской степи в XIX веке. Казахская аристократия, выступавшая ранее в роли посредников между казахским обществом и Россией, в последующем стали непосредственными представителями Российской власти. Статья освещает роль казахских представителей в структуре Российской империи и их функцию в качестве посредников между российскими властями и местным населением. Анализируется важное влияние казахских посредников на установление контактов и сотрудничество между различными культурами, что, в свою очередь, способствовало сохранению традиционной казахской культуры в условиях российского господства. В статье глубоко изучаются вызовы и трудности, с которыми сталкивались казахские представители, включая влияние новой системы управления на их образ жизни и традиционные структуры власти. Особое внимание уделяется механизмам и факторам, которые способствовали формированию национальных элит в Казахской степи. Статья анализирует роль образования, культуры и социальной мобильности в становлении казахских лидеров, интеллектуалов и культурных деятелей в указанный период. Рассматривается вклад Российской империи в подготовку и переподготовку кадров, развитие образования, строительство школ, а также о политике империи по сохранению культурных традиций Казахской степи.

Ключевые слова: казахские представители, Российская империя, культурные границы, коммуникация, служащие, традиционная культура, инкорпорация, толмач, казахская элита, чингизиды.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arman.umarorov77@mail.ru (А.А. Умаров),
abdrahmanov_bayr@mail.ru (Б.Н. Абдрахманов), akeo73@mail.ru (А.Е. Каримова),
ziyat15@mail.ru (З.Ш. Айткенов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1159-1169
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1159

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Phenomenon of Panteleimon Kulish in the National History and Culture of Ukraine

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Diana V. Strupinska ^a

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The proposed work is dedicated to the prominent Ukrainian cultural and public figure Panteleimon Kulish (1819–1897). The article attempts to comprehend the phenomenon of P. Kulish as a factor that positively influenced the XIX century, not just the development of Ukrainian history and culture, but more significant processes, including the formation of national consciousness in Ukrainian society and the return of historical memory. Based on a large body of scientific literature and historical sources, the authors have identified several areas of P. Kulish's professional and public activities that most strongly influenced these processes. His social and political activity was realized in his participation in secret political organizations. He defended the idea of national revival and democratic development of Ukraine, enhancing the national-cultural rights and autonomy of the Ukrainian people. P. Kulish's educational and publishing activities were also significant, as they influenced all layers of Ukrainian society (from poor peasants to representatives of social and intellectual elites). An important place in Kulish's activity is occupied by popularizing works by Ukrainian authors on Ukrainian topics and publishing and distributing books in Ukrainian devoted to Ukrainian history, culture, language, etc. P. Kulish's activities as a historian, ethnographer, writer, and poet significantly influenced the revival of historical memory in the Ukrainian public environment. In his scientific, journalistic, and literary works, he paid particular attention to the traditions and customs of the Ukrainian people, issues of the revival of Ukrainian statehood, and the search for ways to solidarize Ukrainian society.

Thus, the influence of P.A. Kulish on Ukrainian culture and the social and political life of Ukrainian society was colossal and undoubtedly played a positive role in forming the Ukrainian people as a nation.

Keywords: Panteleimon Kulish, Ukrainian nation, culture, Ukraine, Russian Empire, ethnic disparities, special education needs, ethnic conflict, civil conflict, legal identity for all, human rights activists.

1. Введение

Ведущую роль в развитии любой нации всегда играют пассионарные личности. Они являются визионерами будущего, формируя целеполагание общества и перспективы самоидентификации его членов. В европейской истории XIX век по праву считается эпохой нациеформирования. На этот процесс наиболее активно в Европе влияли выдающиеся политики, ученые, деятели культуры, военачальники и т.д. На этот же период приходится и процесс формирования украинской нации, представители которой были разделены двумя империями – Габсбургов и Романовых. Одним из наиболее ярких защитников права украинского народа на самоопределение, самостоятельное национально-культурное развитие в XIX веке был Пантелеймон Александрович Кулиш (1819–1897). Фактически вся его профессиональная и общественная деятельность была национально ориентированной.

П. Кулиш, вне всяких сомнений, был знаковой фигурой в украинской литературе, истории, этнографии, педагогике, философии. При этом стоит согласиться с оценкой современника П. Кулиша

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

литературоведа А. Пыпина. Ученый утверждал, что Кулиш никогда не был чистым историком или этнографом (Пыпин, Спасович, 1879: 375). Даже оценивая его вклад как историка, некоторые современники не считали его профессиональным историком (например, такой точки зрения придерживался украинский историк Д. Багале́й). Украинская журналистка и сотрудник Музея книги и книгопечатания Украины (Киев) И. Мочарник применила удачный, по нашему мнению, эпитет, обозначивший П. Кулиша, назвав его «маркетологом украинской культуры» (Мочарник, 2019). Английский историк Д. Сондерс называл П. Кулиша одной из ключевых фигур украинской истории XIX века (Saunders, 1985: 247).

Именно этой выдающейся личности и будет посвящено данное исследование. Мы попытаемся акцентировать внимание на тех результатах деятельности П. Кулиша, которые можно позиционировать как положительно влияющие на украинское общество в контексте возрождения в нем исторической памяти, осознания себя как единой нации.

2. Материалы и методы

Для написания этой статьи нами был изучен достаточной большой массив научных работ, посвященных различным аспектам профессиональной и общественной деятельности П. Кулиша. Это помогло определить сферы его активности, которые в наибольшей степени влияли на формирование национального самосознания в среде украинцев, возвращение их исторической памяти. Источниковую базу исследования составили преимущественно работы самого П. Кулиша (Грама́тка, 1857; Куліш, 1861; Куліш, 2015а; Куліш, 2015b), а также его переписка (Куліш, 2005; Куліш, 2009).

Работая с материалами для статьи, нами были использованы общенаучные и специальные исследовательские принципы и методы. Прежде всего, это принцип объективности, с помощью которого были учтены реалии, повлиявшие на профессиональную деятельность П. Кулиша (например, процессы, происходившие в общественно-политической и культурной жизни на украинских землях). Одним из ключевых также стал принцип исторического антропологизма, поскольку суть данного исследования носит гуманистический характер, а основным ориентиром в работе является конкретная личность – Пантелеймон Кулиш. Избежать субъективных оценочных суждений было крайне трудно без применения критического подхода. Изучая труды самого Кулиша, отзывы о нем современников, нами также к исследованию были привлечены работы и других ученых историков, педагогов, литературоведов и т.д., посвященные анализу его творчества и общественно-политической деятельности, событиям, участником которых он был.

3. Обсуждение

Историография, посвященная П. Кулишу, его творчеству, взглядам, является поистине колоссальной. Для Украины это личность знаковая и разносторонняя. Большое количество работ посвящено П. Кулишу как этнографу, историку, писателю, литературоведу, педагогу, переводчику и т.д. В его честь проводятся научные мероприятия (конференции, симпозиумы, круглые столы) по результатам которых печатаются материалы – результаты обсуждений творчества, общественно-политической деятельности, взглядов П. Кулиша.

К числу наиболее фундаментальных работ следует отнести монографию, посвященную Кулишу, известного украинского историка Д. Дорошенко (Дорошенко), украинско-американского исследователя Дж. Луцкого (Luckyj, 1983), В. Ивашкива (Івашків, 2009), двухтомный труд современного ученого Е. Нахлика (Нахлік, 2007а; Нахлік, 2007b), статьи М. Бондаря (Бондар, 2016) и ряд других.

Недостаточно внимания, по нашему мнению, уделяется именно роли П. Кулиша в процессе формирования национального самосознания украинского общества или даже национального становления украинского народа. А влияние его на эти процессы было, безусловно, очень заметным и положительным. Хотя сейчас и предпринимаются попытки более глубокого осмысления творчества П. Кулиша как фактора нациеобразующего (в большинстве своем пока в виде небольших исследований). В определенной степени эти вопросы затронуты в упомянутых выше книгах Дж. Луцкого и Е. Нахлика (Luckyj, 1983; Нахлік, 2007а; Нахлік, 2007b), статье О. Пелеха (Pelech, 1993). Кроме того, попытки осмыслить, проанализировать участие П. Кулиша в нациеобразующих процессах неоднократно предпринимались рядом других исследователей. Наиболее ранние такие попытки частично проанализировала В. Лазарева (Лазарева, 2012). Современные исследователи также возвращаются к этой проблеме О. Исаенко, Е. Нахлик, В. Лазарева, Г. Петров, О. Ясь (Нахлік, 1997; Исаенко, 2006; Лазарева, 2013; Петров, 2019; Ясь, 2008). Это, безусловно, не полный перечень ученых, которые прямо или опосредованно касались обозначенной темы. Но комплексная работа, посвященная этой проблематике, пока отсутствует.

Целей, поставленных нами в данной работе, было бы тяжело достичь без учета контекста эпохи, в которой жил и работал П. Кулиш, понимания особенностей элитарных групп того времени, места представителей социальных и интеллектуальных элит украинского происхождения в реалиях Российской империи и т.п. В этом нам помогли некоторые более ранние исследования наши и других

ученых (Saunders, 1985; Degtyarev, 2013; Degtyarev, 2015; Degtyarev, Kryvosheia, 2016; Degtyarev et al., 2018; Ilnytskyi, Telvak, 2018a; Ilnytskyi, Telvak, 2018b; Lebid, Shevchenko, 2021; Lebid, Lobko, 2022).

4. Результаты

Пантелеймон Александрович Кулиш родился в местечке Воронеж Глуховского уезда Черниговской губернии (ныне Сумская область, Украина) 26 июля (7 августа) 1819 года в семье мелкого дворянина. Семейство Кулишей вело свои корни от старинного казацко-старшинского рода и имело свой герб.

Начальное образование будущий писатель и ученый получил у местного дьяка и церковной школе. Позже учился в Новгород-Северском уездном училище и Новгород-Северской гимназии. С конца 1830-х годов был слушателем на словесном и юридическом факультетах Киевского университета. В окружении П. Кулиша с самого детства активно использовалась в быту украинская речь, популярными были народные песни, сказки. В университете он познакомился с известным ученым-этнографом М. Максимовичем, который поощрял собирание Кулишом этнографических материалов. Все это в значительной мере и повлияло на формирование профессиональных интересов Пантелеймона Кулиша и его становление как писателя, историка, этнографа, популяризатора украинской истории и культуры.

Общественно-политическая деятельность П. Кулиша была достаточно активной. Еще в 1843 году он вместе с М. Максимовичем, Н. Костомаровым, Н. Гулаком, В. Белозерским, А. Марковичем и другими молодыми представителями украинской интеллектуальной элиты объединились в тайный кружок под названием «Киевская молодая» («Киевская молодежь»). В это время Кулиш позиционировал себя как учитель. Он вместе с другими собирал этнографические материалы, изучал украинскую историю и писал о ней в своих произведениях. Идейным вдохновителем участников этого объединения был Т. Шевченко. Кружок функционировал при Киевском университете Святого Владимира и позиционировался как литературный. Но на самом деле цели, которые ставили члены этого объединения, носили вполне политический характер. Даже их девизом было «национальное возрождение и демократическое развитие Украины». Кроме того, все участники кружка посредством своей просветительской деятельности проповедовали идею отмены крепостного права.

«Киевская молодая» просуществовала примерно два года, прекратив свое существование в 1845 году. Тогда же на ее основе возникла первая на украинских землях тайная политическая организация, известная под названием Кирилло-Мефодиевское общество (Кирилло-Мефодиевское братство). П. Кулиш стал одним из непосредственных основателей этой организации. В качестве членов сюда вошли представители украинского студенчества, преподаватели, чиновники. В работе братства принимали участие бывшие участники «Киевской молодежи» названные выше, и ряд других единомышленников, среди которых были Т. Шевченко, И. Посяда, А. Тулуб и другие представители интеллектуальной элиты того времени.

Кирилло-Мефодиевское братство продвигало идею создания демократической конфедерации славянских народов, в которой каждый из этих народов пользовался бы правом автономии. Достичь этого предполагалось путем ликвидации монархий, крепостного права, предоставления населению гражданских прав и свобод, в том числе равенства всех славянских народов в их национально-культурных правах. Интересно, что П. Кулиш, будучи одним из создателей братства и безусловным приверженцем вышеуказанных идей, так и не стал официальным членом организации (так же, как и Т. Шевченко). Не был он причастен и к созданию основных программных документов братства – статута и манифеста «Книга бытия украинского народа». Он предпочитал не иметь задокументированных связей с политической организацией (хотя при этом был одним из наиболее активных ее деятелей) считая, что он и так прилагает и будет прилагать максимальные усилия в развитие украинской культуры и идеи (Исаенко, 2006). Хотя многие исследователи все же считают Кулиша полноправным участником/членом братства, аргументируя это тем, что и сама организация не имела списков своих членов, протоколов собраний и т.п. В таком случае, считали они, членом Кирилло-Мефодиевского братства можно считать любого, кто поддерживает программные цели общества, тесно сотрудничает с его другими участниками (Зайончковский, 1959; Миллер, 2013). П. Кулиш, без сомнения, понимал важность национальной самобытности украинского народа, его культуры, истории (Петров, 2019: 114). По словам А. Миллера, именно «Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Н.М. Белозерский стали наряду с Т.Г. Шевченко, тем поколением, которое превратило украинофильство в националистическую идеологию» (Миллер, 2013: 67). Этой точки зрения придерживались и другие исследователи (Pelech, 1993), придерживаемся ее и мы.

В течение всего периода существования Кирилло-Мефодиевского братства именно через П. Кулиша поддерживались связи организации с представителями интеллектуальных элит различных национальных регионов Российской империи (земли нынешних Литвы, Беларуси, Польши, Чехии) которые, не будучи членами братства, поддерживали проповедуемые им идеи (Янковська, 2009; Лазарева, 2012; Лазарева, 2013).

В марте 1847 года по доносу А. Петрова Кирилло-Мефодиевское общество было раскрыто. Тайная полиция начала преследование и аресты членов братства и лиц, заподозренных в сотрудничестве с ним. Пантелеймон Кулиш в это время находился в Варшаве, так как незадолго до этого был командирован в Европу для изучения славянских языков, истории, культуры и искусств. Здесь он и был арестован и отправлен в Петербург для допроса. Доказать прямую связь П. Кулиша с Кирилло-Мефодиевским обществом не удалось, кроме дружественных отношений его с членами братства. Но, изучив его произведения, власти все же приняли решение о наказании, так как, по мнению жандармерии, он «вынашивал мысли о придуманной важности Украины», «вселял в малороссов мысли об их праве на отдельное существование от империи». П. Кулиш был выслан в Тулу, где со временем занял должность в губернаторской канцелярии и даже был редактором неофициальной части «Тульских губернских ведомостей». Остальные члены общества также понесли довольно суровые наказания, так как их деятельность была признана попыткой «формулирования программы украинского национального движения» (Миллер, 2013: 68)

Через три года, благодаря протекции ряда высоких столичных сановников, П. Кулиш смог вернуться в Петербург. Здесь он активно занялся научной и издательской работой, не прекращая при этом свою общественную деятельность. Именно в Санкт-Петербурге в конце 1850-х годов появляется первое украинское сообщество. Это сообщество сплотилось вокруг бывших участников Кирилло-Мефодиевского братства П. Кулиша, Н. Костомарова, Т. Шевченко, В. Белозерского. Его членами стали украинские интеллектуалы П. Чубинский, Д. Каменецкий, А. Кистяковский, А. Андриевский, А. Афанасьев-Чужбинский и многие другие (Венгерська, 2013: 157). Члены этого петербургского товарищества продолжили проповедовать украинофильские идеи, хотя, безусловно, не в столь радикальном формате, какой был характерен для Кирилло-Мефодиевского братства.

Важную роль П. Кулиш сыграл и как просветитель. Она не ограничилась лишь его педагогической деятельностью. Какое-то время он преподавал в Луцком, затем Киево-Печерском и Киево-Подольском уездных дворянских училищах, Ровенской гимназии, а с 1845 года в 5-й гимназии Петербурга и Петербургском университете. Но не преподавательской работой он смог повлиять на украинскую общественную мысль того времени. После возвращения из ссылки П. Кулиш уже не возвращался к преподаванию, но начинает писать учебники для украинской школы (Міхно, 2009).

Чтобы иметь возможность наиболее эффективно и массово распространять учебную литературу, он прямо в Петербурге основал собственную типографию. Одним из лучших украиноязычных учебников Кулиша стала так называемая «Грамматка» 1857 года. Сам учебник, хотя и содержал большое количество церковных текстов, был универсальным, содержал правила арифметики, украинской орфографии. Кроме того, П. Кулиш подобрал или составил сам для учебника целый ряд содержательных дидактических текстов, целью которых было поднимать патриотические настроения в среде юных учащихся и педагогов (Євтух, 2019). Это, в частности, достаточно объемный отрывок, где автор попытался вкратце изложить историю украинского народа с древнейших времен (на самом деле он основное внимание здесь уделил событиям, связанным с украинским казачеством) (Грамматка, 1857: 27-40). Отдельный раздел посвящен украинским пословицам, которые П. Кулиш считал кладом народной мудрости, одним из национальных идентификаторов (Грамматка, 1857: 94-96). Второе издание «Грамматки» увидело свет в 1861 году в более сокращенном варианте. Но здесь автор сделал упор на изучение живого народного украинского языка, считая, что каждый украинский ребенок должен знать родной язык, который является одной из основ народной самоидентификации. В целом это было чрезвычайно авторитетное издание для того времени, логику которого активно наследовали составители школьных учебников второй половины XIX века (Т. Шевченко, М. Гатцук, Л. Яценко и др.). Сам же П. Кулиш написал еще ряд статей на педагогическую тематику, где, кроме всего прочего, поддерживал развитие украинского национального образования.

Огромной заслугой П. Кулиша является создание украинского правописания, которое легло в основу современного литературного украинского языка. Работу над ним ученый начал во второй половине 1850-х годов. Считается, что П. Кулиш разработал так называемое «упрощенное правописание» с помощью которого дети любого возраста, а также взрослые могли научиться писать и читать. «Кулишовка» была успешно применена, в том числе в научной, публицистической и художественной литературе, о чем свидетельствуют тексты, опубликованные на страницах сборника «Записки о Южной Руси» журнала «Основа» в романе «Чорна рада» и др. Очень активно использовалась для фиксации фольклорных материалов. Фактически Пантелеймон Кулиш стал первым и единственным ученым-фольклористом, разработавшим фонетическое правописание, которое сократило дистанцию между так называемыми «малороссийским правописанием» и «южнорусским произношением». В работе «Грамматка» 1857 года фактически было научно обосновано это правописание.

Отдельным пунктом Эмского указа 1876 года это правописание было запрещено. Но в несколько видоизмененном виде оно и дальше продолжало существовать, а его популярность на украинских землях постоянно росла. Именно правописание Кулиша стало фундаментом для современной украинской орфографии. А сформировавшийся языковой стандарт распространился как в

восточнoукраинской, так и в западнoукраинской литературе. Это правописание (с некоторыми изменениями) было Е. Желеховским внедрено в 1893 году в школах и некоторых официальных учреждениях Галичины. Ним активно пользовались при написании своих наиболее фундаментальных работ такие украинские ученые, как М. Грушевский, Б. Гринченко и др. (Кумедя, 2016).

Важным достижением П. Кулиша в процессе привлечения внимания как широких слоев населения, так и представителей интеллектуальных элит того времени к украинским традициям, обрядам, устному народному творчеству была его этнографическая деятельность. Как нами уже отмечалось, большое влияние на его формирование как этнографа оказал М. Максимович. Изучением украинского фольклора Кулиш занимался также из патриотических побуждений, о чем сам же и писал Максимовичу, что в этой деятельности ним двигала «искренняя привязанность к родному краю, к родному племени» (Данилов, 1926: 19).

Уже в конце 1830-х годов Кулиш показал Максимовичу сшивку записей устной украинской словесности, который он начал собирать после ознакомления с этнографическими произведениями того. Именно с этого момента П. Кулиш и начал свой путь этнографа-фольклориста. В первой половине 1840-х годов он много путешествовал, собирая и записывая украинские песни, обряды, традиции и т.п. Планировал воплощение этой своей работы в многотомнике «Жизнь малороссийского народа». Уже в 1844 году в собрании Кулиша было большое количество песен, прозы, обычаев. Он даже успел составить сборник «Малороссийские предания, легенды, поверья и разные заметки, касающиеся местных примечательностей, народного быта и т.п. (Материалы для изучающих народную историю и поэзию)». Параллельно этнограф готовил к публикации «Повесть о старых временах и обычаях малороссийских» и историко-фольклористическую статью «Поездка в Украину». Но этим планам не суждено было сбыться, в 1847 году он был арестован и отправлен в ссылку.

После возвращения из ссылки в 1852 году Кулиш возобновил свою собирательскую деятельность. Кроме того, уже имеющиеся в наличии материалы он начал систематизировать и составлять из них этнографическую книгу. В течение лета-осени 1855 года П. Кулишу удалось поработать над этим проектом плодотворно. Сначала том подготовленных материалов он планировал назвать «Этнографические записки о Малороссии», немного позже название было изменено на «Этнографические записки о Южной Руси». Но после прохождения цензуры, перед отдачей материалов в печать, П. Кулиш внес еще одно изменение в название книги, вычеркнув слово «этнографические» чтобы не ограничивать себя в содержании. Таким образом, появился первый том одного из знаковых этнографических трудов П. Кулиша - «Записки о Южной Руси», напечатанный в конце лета 1856 года. Вторая часть «Записок о Южной Руси» вышла в марте 1857 года (в этом томе также были напечатаны несколько литературных произведений самого Кулиша, Т. Шевченко и т.д.) (Івашків, 2015: 265-279). В планах было ежегодно издавать по два тома «Записок», но это осталось нереализованным.

Этнографическая деятельность П. Кулиша не ограничивалась лишь сборанием и публикацией соответствующих материалов. Она непосредственно влияла на его литературное творчество, исторические исследования. Так, уже с 1840 года (а вполне вероятно, что даже раньше) П. Кулиш начал адаптировать некоторые из собранных им украинских поверий и легенд под художественные и поэтические произведения. Одно за другим появляются сочинения, написанные на основе этнографических и фольклорных материалов: «О том, отчего в местечка Воронеже высох Пешевцев став», «О том, что случилось с козаком Бордогом на Зеленой неделе», «Огненный змей», «Коваль Захарко», «Цыган», историко-фольклорная поэма «Украина», поэма «Украина. Од початку Вкраїни до Батька Хмельницького» и другие. Все они были посвящены украинской тематике, а значительная часть была написана на украинском языке. Многие из них были напечатаны на страницах популярных в то время периодических изданий «Киевлянин», «Москвитянин», «Современник», «Основа».

Для адаптации и использования в художественных произведениях изучал П. Кулиш не только источники этнографического характера, но и конкретно исторические. В частности, он очень внимательно ознакомился с содержанием так называемых казацких летописей (Летопись Самовидца, Летопись Грабянки), «Историей русов» и др. Это позволило еще в 1843 году писателю начать работу над его магнум opus – первым украинским историческим романом «Черная рада». В этом произведении Кулиш как писатель-романтик не только описал известные события из истории Украины периода Руины (Пономаренко, 2019: 27-28). Источники для этого романа П. Кулишу помогал собрать известный историк М. Погодин. Будущему историческому произведению Кулиш придавал большое значение. В одном из писем Погодину он писал, что «этим романом, кажется, я нечто сделаю для истории Малороссии». В результате в книге были с максимальной точностью описаны сцены из повседневной жизни казаков и простого населения, архитектура того времени, одежда, традиции и т.д. Первая редакция романа появилась в 1844–1846 годах, а свет он увидел в 1845 году (первые пять частей вышли в журнале «Современник») и 1846 году (остальные части напечатаны в «Москвитянине»). «Черная рада» писалась на русском языке, но довольно за короткое время появилась и украиноязычная его версия. Но опубликован на украинском языке роман был лишь в 1857 году (Івашків, 2009: 165-230).

Изучая исторические источники, П. Кулиш их анализировал и излагал свою научную интерпретацию событий, которые происходили в Украине. Как правило, это касалось времен казачества. Наиболее распространенными были темы, связанные с освободительной войной Б. Хмельницкого, эпохой Руины, борьбой украинского народа против Речи Посполитой и т.п. В начале 1840-х годов был опубликован исторический очерк «Книга о ділах народу українського і славного Війська козацького Запорозького» («Книга о делах народа украинского и славного Войска казацкого Запорожского»), в котором П. Кулиш размышлял об украинской национальной деградации. Он считал серьезной проблемой утрату украинцами своей исторической памяти, малый интерес к изучению собственной истории. Но сам историк также при этом выказывал свою глубокую веру в возрождение Украины, сначала духовное и культурное, и лишь затем государственное (Нахлік, 1997: 66-77).

Вышел из-под пера П. Кулиша и ряд других исторических исследований. Оценки различных исторических событий у него в разное время могли отличаться, что свидетельствует о гибкости его взглядов. Но постоянным было то, по мнению историка А. Оглоблина, что Кулиш все время «пытался найти в украинском прошлом те силы, которые творили украинскую государственность или ее разрушали» (цитируем по Ясь, 2008: 222). Тот же Оглоблин утверждает, что П. Кулиш так же как и Н. Костомаров, пришел к идее негосударственной украинской нации, хотя и другим путем.

А в 1846 году Кулиш издал «Повесть об украинском народе» где он предвидел ликвидацию крепостного права, восстановление украинского государства. Некоторые ученые считают эту работу первой после «Истории русов» «новой политизированной историей Украины» (Нахлік, 2007b; Ясь, 2008). В 1861 году вышел популярный исторический очерк Кулиша «Історія України од найдавніших часів» («История Украины с давнейших времен»), 1862–1863 – «Падение шляхетского господства в Украине обеих сторон Днепра, в XVII столетии», 1863–1864 – «Борьба шляхты с козаками за обладание Украиной обеих сторон Днепра». В своей работе «Выговщина» (1861), анализируя эпоху гетмана И. Выговского, П. Кулиш рассматривает как попытку поставить на ноги старосветскую Украину и создать казацкую шляхетскую нацию (Ясь, 2008: 237; Куліш, 1861).

К числу фундаментальных исторических работ П. Кулиша следует также отнести трехтомное исследование «История воссоединения Руси» (1 и 2 тома напечатаны в Петербурге в 1874 году, а третий в Москве в 1877 году) и тоже трехтомное «Отпадение Малороссии от Польши (1340–1654)» (вышло в Москве в 1888–1889 годах). Довольно большое количество задуманных им исторических проектов так и не были воплощены в жизнь или реализованы лишь частично.

Важной составляющей в процессе популяризации украинской культуры и истории, украинской национальной идеи является также и издательская деятельность Кулиша. Мы уже упоминали о его собственной типографии в Петербурге (хотя издательской деятельностью он занимался не только в столице). Эта работа сопровождалась также литературоведческими исследованиями. Издания Кулиша сопровождалась его же литературоведческими рецензиями, которые касались творчества авторов, которых он публиковал, или состояния украинской литературы в целом. В этих рецензиях часто содержались ссылки на произведения различных известных украинских писателей, поэтов, культурных деятелей, которые, по мнению П. Кулиша, «украсили бы любую литературу по верности живописи с натуры и глубине сердечного чувства». Усилиями П. Кулиша свет увидели и стали доступными для широких масс литературные произведения М. Вовчок, Е. Гребинки, Т. Шевченко и многих других талантливых украинских (и не только украинских) мастеров литературного жанра. Например, в 1858 году вышли два тома «Повестей» Г. Квитки-Основьяненко, «Писания» И. Котляревского, в 1860 году – «Кобзарь» Т. Шевченко и т.д.

Через некоторое время после издания «Кобзаря» П. Кулиш принимает решение изменить формат своих изданий. Он начал публиковать произведения Т. Шевченко, а со временем свои и других авторов (М. Вовчок, Г. Барвинок, Г. Квитки-Основьяненко и др.) в формате маленьких книжек. Серия этих книжек называлась «Сельская библиотека». Хотя на каждое издание нужно было получать разрешение от цензоров, все же значение этой серии было очень высоким, чтобы отказываться от него. Маленькие книжки были дешевы, и их можно было активно распространять среди бедных слоев украинского населения. Они становились доступными для самых широких масс (Бондар, 2016).

Знаменательным явлением в истории украинской культуры и общественной жизни стало появление первого украинского общественно-политического и литературного ежемесячного журнала «Основа». В словаре Брокгауза и Эфрона это издание позиционировалось как самое заметное проявление украинофильства в то время. Журнал был двуязычным (материалы печатались на украинском и русском языках). Позиция редакции журнала сводилась к защите права украинской нации на свободное и разностороннее развитие. Долгое время власти не давали разрешение на открытие этого журнала. П. Кулиш был одним из наиболее активных деятелей, отстаивавших целесообразность такого издания, искал меценатов, готовых финансировать печать. В начале 1861 года свет увидел первый номер «Основы», а Кулиш стал его неофициальным редактором (официальным был В. Белозерский). Именно здесь был напечатан его первый историко-литературный труд «Обзор украинской словесности», многие исследования, посвященные

українським писателям. Фактично «Основа» стала площадкою, де були представлені наробки багатьох українських авторів на українську тематику. К сожалению, журнал просуществовал недолго: в течение 1861-1862 годов вышло 20 номеров. Причиной его закрытия стали преследования со стороны властей, борющихся с проявлениями украинофильства, и финансовые проблемы (Миллер, 2013: 89-100).

5. Заключение

В целом следует отметить, что общественно-политическая, научная, литературная, просветительская деятельность Пантелеймона Кулиша сыграла чрезвычайно важную роль в процессе формирования украинской нации. Реалии, в которых он жил и работал, не были благоприятными для такой деятельности. Любые попытки популяризации украинской культуры, истории, языка (на самом деле не только украинских, а любой национальной специфики) в условиях централизованной, хотя и многонациональной Российской империи воспринимались властью исключительно как проявление сепаратизма и угрозу монархическому государству. Все это незамедлительно пресекалось, а активисты такой деятельности наказывались.

У некоторых исследователей наследия Пантелеймона Кулиша существует мнение, что тот рассматривал Украину скорее идеалистически, чем исторически. Но даже если это в какой-то мере соответствует действительности, то, по нашему мнению, именно эта идеализация очень способствовала формированию (или возвращению) исторической памяти украинцев XIX века, становлению и развитию украинского общества как нации. Романтизм и идеализация в освещении прошлого украинского народа, его культуры, традиций, безусловно, способствовали восприятию этих идей самыми широкими массами украинского населения.

Роль Пантелеймона Александровича Кулиша в процессе становления украинской нации, по нашему мнению, до сих пор остается не до конца осмысленной учеными. Эта тема продолжает быть чрезвычайно актуальной, несмотря на значительную историографию, связанную с личностью Кулиша. Заслуги П.А. Кулиша в украинской истории, литературе, общественно-политической жизни XIX века очень высоки и позволяют поставить его в один ряд с такими современниками, как И. Котляревский, Т. Шевченко, Н. Костомаров и другими. Актуально его наследие и сейчас.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках выполнения условий Договора № БФ/23-2021 от 04 августа 2021 года на выполнение заданий перспективного плана развития научного направления «Гуманитарные науки и искусство» Сумского государственного университета, а также в рамках проекта «Social solidarity mechanisms in crisis: historical experience and modern challenges» (0123U101851) при поддержке Министерства образования и науки Украины.

Литература

Бондар, 2016 – Бондар М.П. Друга половина 1850-х – перша половина 1860-х років: П.Куліш як поет і критик української поезії // *Пантелеймон Куліш в історії української культури*. Суми: ВД «Білий птах», 2016. С. 4-27.

Венгерська, 2013 – Венгерська В.О. Українські проекти та націотворення в імперіях Романових та Габсбургів (кінець XVIII – початок XX ст.): монографія. Житомир: ПП Євенок О.О., 2013. 448 с.

Глизь, 2016 – Глизь І. Спадщина та спадкоємці Кирило-Мефодіївського братства // *У кігтях двоголових орлів. Творення модерної нації. Україна під скіпетрами Романових і Габсбургів*. Харків: КСД, 2016. С. 106-118.

Граматка, 1857 – Граматка. СПб.: В типографії П.А. Кулиша, 1857. 149 с.

Данилов, 1926 – Данилов В. П.А. Куліш і М.О. Максимович // *Україна*. 1926. Кн.5. С. 13-22.

Дорошенко – Дорошенко Д.І. Пантелеймон Куліш. Київ-Ляпциг: Українська накладня, Б/р. 207 с.

Зайончковский, 1959 – Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М.: Издательство Московского университета, 1959. 170 с.

Євтух, 2019 – Євтух М.Б. Освітньо-педагогічна діяльність Пантелеймона Куліша / *Велет українського слова (до 200-ліття Пантелеймона Куліша)*: збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. Київ: Педагогічна думка, 2019. С. 18-23.

Єкельчик, 2010 – Єкельчик С. Українофіли: світ українських патріотів другої половини XIX ст. К.: КІС, 2010. 272 с.

Івашків, 2009 – Івашків В. Художня, літературознавча і фольклористична парадигма ранньої творчості Пантелеймона Куліша. Львів: ВЦ ЛНУ ім. Івана Франка, 2009. 448 с.

Івашків, 2015 – Івашків В. Визначне явище української духовної культури середини XIX століття / *Куліш П. Повне зібрання творів*. Наукові праці; Публіцистика. К.: Критика, 2015. Т. III: Записки о Южной Руси: [У 2 кн.]. Кн. 1. С. 265-296.

Ісаєнко, 2006 – Ісаєнко О. До питання про місце П.О. Куліша в історії Кирило-Мефодіївського товариства // *Скарбниця української культури*: Збірник наукових праць. Чернівці, 2006. Вип. 7. С. 106-109.

- Куліш, 1861 – Куліш П. Виговщина // *Основа*. 1861. № 11/12. С. 1-15.
- Куліш, 2005 – Куліш П. Повне зібрання творів. Листи. К.: Критика, 2005. Т.І: 1841-1850. 648 с.
- Куліш, 2009 – Куліш П. Повне зібрання творів. Листи. К.: Критика, 2009. Т.ІІ: 1850-1856. 672 с.
- Куліш, 2015a – Куліш П. Повне зібрання творів. Наукові праці; Публіцистика. К.: Критика, 2015. Т.ІІІ: Записки о Южной Руси: [У 2 кн.]. Кн. 1. 416 с.
- Куліш, 2015b – Куліш П. Повне зібрання творів. Наукові праці; Публіцистика. К.: Критика, 2015. Т.ІІІ: Записки о Южной Руси: [У 2 кн.]. Кн. 2. 384 с.
- Кумеда, 2016 – Кумеда О. «Кулишівка» і сучасний український правопис // *Пантелеймон Куліш в історії української культури*. Суми: ВД «Білий птах», 2016. С. 54-61.
- Лазарева, 2012 – Лазарева В. До історіографії досліджень державницько-правових ідей у творчості Пантелеймона Куліша // *Український історичний збірник*. Вип.15. 2012. С. 258-272.
- Лазарева, 2013 – Лазарева В. Державотворчі погляди Пантелеймона Куліша як об'єкт наукового дослідження // *Українознавство*. №2. 2013. С. 62-65.
- Міхно, 2009 – Міхно О. Педагогічна і просвітницька діяльність П. Куліша // *Українська мова і література в школі*. 2009. №4. С. 59-60.
- Миллер, 2013 – Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. К.: Laurus, 2013. 416 с.
- Мочарник, 2019 – Мочарник І. Куліш: перший романіст, маркетолог української культури й трохи дивак // *Читомо*. [Electronic resource]. URL: <https://chytomo.com/kulish-pershuj-romanist-marketoloh-ukrainkoi-kultury-j-trokhdyvak/>
- Нахлік, 1997 – Нахлік Є. Проблеми української державності і засобів боротьби за національне самоутвердження українського народу в політико-історіософській концепції Пантелеймона Куліша // *Іван Пулюй – Пантелеймон Куліш. Подвижники нації* / Ред. В. Шендеровський. К.: Рада, 1997. С. 66-87.
- Нахлік, 2007a – Нахлік Є. Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель: Наукова монографія: У 2 т. Т.1: Життя Пантелеймона Куліша: Наукова біографія. К.: Український письменник, 2007. 463 с.
- Нахлік, 2007b – Нахлік Є. Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель: Наукова монографія: У 2 т. Т.1: Світогляд і творчість Пантелеймона Куліша: Наукова біографія. К.: Український письменник, 2007. 462 с.
- Петров, 2019 – Петров Г. Пантелеймон Куліш про державність України // *«Не забудеш мене, моя нене, Вкраїно» П. Куліш: антологія краєзнавчих розвідок письменників і науковців Сумщини: до 200-річчя від дня народження Пантелеймона Олександровича Куліша*. Суми: Триторія, 2019. С. 113-119.
- Пономаренко, 2019 – Пономаренко О.В. Просвітницька діяльність Пантелеймона Куліша на перехресті історичних пошуків // *Велет українського слова (до 200-ліття Пантелеймона Куліша): збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції*. Київ: Педагогічна думка, 2019. С. 27-30.
- Пыпин, Спасович, 1879 – Пыпин А.Н., Спасович А.Д. История славянских литератур: В 2 т. СПб.: Издание типографии М.М. Стасюлевича, 1879. Т.1. 726 с.
- Янковська, 2009 – Янковська Ж.О. Фольклористична діяльність Пантелеймона Куліша. Навчальний посібник. Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія», 2009. 168 с.
- Ясь, 2008 – Ясь О. Козацько-гетьманська минувшина в рецепції П. Куліша (1840-ві – початок 1860-х років) // *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*. К., 2008. Вип. 8. С. 220-244.
- Degtyarev, 2013 – *Dyagterev S.I.* Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. 27(1): 16-25.
- Degtyarev, 2015 – *Degtyarev S.I.* Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2). Pp. 254-259.
- Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 2016. 42(4). Pp. 1118-1126.
- Degtyarev et al., 2018 – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4). Pp. 1530-1537.
- Ilnytskyi, Telvak, 2018a – *Ilnytskyi V., Telvak V.* Mykhailo Hrushevsky and Nicolae Iorga scholars' struggle over the national history // *“Codrul Cosminului”*. XXIV. 2018. № 1. Pp. 53-64.
- Ilnytskyi, Telvak, 2018b – *Ilnytskyi V., Telvak V.* Ukraine between Europe and Russia: Mykhailo Hrushevsky's Vision // *European journal of transformation studies*. 2018. Vol. 6. № 2. С. 25-43.
- Lebid, Shevchenko, 2021 – *Lebid A., Shevchenko N.* Ukrainian «enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the century // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1716-1727.
- Lebid, Lobko, 2022 – *Lebid A., Lobko N.* Rectorship in the System of Higher Education in the 19th and early 20th centuries: The Case of the Imperial University of St. Vladimir // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3). Pp. 972-980.
- Luckyj, 1983 – *Luckyj George*. Panteleimon Kulish: A Sketch of His Life and Times. NY: Columbia University Press, 1983. 229 p.

Pelech, 1993 – *Pelech O.* The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831-1847 // *Ukrainian Past, Ukrainian Present* / Ed. by B. Kravchenko. N.Y., 1993.
Saunders, 1985 – *Saunders D.* The Ukrainian impact on Russian culture 1750–1850. Edmonton, 1985. 415 p.

References

- Bondar, 2016** – *Bondar, M.P.* (2016). Druha polovyna 1850-kh – persha polovyna 1860-kh rokiv: P. Kulish yak poet i krytyk ukrayins'koyi poeziyi [The second half of the 1850s – the first half of the 1860s: P. Kulish as a poet and critic of Ukrainian poetry]. *Panteleymon Kulish v istoriyi ukrayins'koyi kul'tury*. Sumy: VD «Bilyy ptakh». Pp. 4-27. [in Ukrainian]
- Danylov, 1926** – *Danylov, V.* (1926). P.A. Kulish i M.O. Maksymovych [P.A. Kulish and M.O. Maksymovych]. *Ukrayina*. Kn. 5. Pp. 13-22. [in Ukrainian]
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev, S.I., Zavhorodnia, V.M., Polyakova, L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537.
- Degtyarev, 2013** – *Dyagterev, S.I.* (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody*. 27(1): 16-25. [in Russian]
- Degtyarev, 2015** – *Degtyarev, S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2): 254-259.
- Degtyarev, Kryvosheia, 2016** – *Degtyarev, S.I., Kryvosheia, I.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4): 1118-1126. [in Russian]
- Doroshenko** – *Doroshenko, D.I.* Panteleymon Kulish [Panteleimon Kulish]. Kyiv-Lyaptsyh: *Ukrayins'ka nakladnya, B/r.* 207 p. [in Ukrainian]
- Hlyz', 2016** – *Hlyz', I.* (2016). Spadshchyna ta spadkoyemtsi Kyrylo-Mefodiyivs'koho brat-stva [Legacy and heirs of the Cyril and Methodius brotherhood]. U kihtyakh dvohlavykh orliv. Tvorennya modernoyi natsiyi. *Ukrayina pid skipetramy Romanovykh i Habsburhiv*. Kharkiv: KSD. Pp. 106-118. [in Ukrainian]
- Hramatka, 1857** – *Hramatka* [Gramatka]. SPb.: V typohrafyy P.A. Kulysha, 1857. 149 p. [in Ukrainian]
- Ilnytskyi, Telvak, 2018a** – *Ilnytskyi, V., Telvak, V.* (2018). Mykhailo Hrushevsky and Nicolae Iorga scholars' struggle over the national history. "Codrul Cosminului". XXIV(1): 53-64.
- Ilnytskyi, Telvak, 2018b** – *Ilnytskyi V., Telvak V.* (2018). Ukraine between Europe and Russia: Mykhailo Hrushevsky's Vision. *European journal of transformation studies*. 6(2): 25-43.
- Isayenko, 2006** – *Isayenko, O.* (2006). Do pytannya pro mistse P.O. Kulisha v istoriyi Kyrylo-Mefodiyivs'koho tovarystva [To the question of the place of P.O. Kulisha in the history of the Cyril and Methodius Society]. *Skarbnytsya ukrayins'koyi kul'tury: Zbirnyk naukovykh prats'*. Chernihiv. 7: 106-109. [in Ukrainian]
- Ivashkiv, 2009** – *Ivashkiv, V.* (2009). Khudozhnya, literaturoznavcha i fol'klorystychna paradyhma rann'oyi tvorchosti Panteleymona Kulisha [Artistic, literary and folkloristic paradigm of Panteleimon Kulish's early work]. L'viv: VTS LNU im. Ivana Franka. 448 p. [in Ukrainian]
- Ivashkiv, 2015** – *Ivashkiv, V.* (2015). Vyznachne yavyshche ukrayins'koyi dukhovnoyi kul'tury seredyny XIX stolittya [A significant phenomenon of Ukrainian spiritual culture of the middle of the 19th century]. *Kulish P. Povne zibrannya tvoriv*. Naukovi pratsi; Publitsystyka. K.: Krytyka. T.III: Zapysky o Yuzhnoy Rusy: [U 2 kn.]. Kn. 1. Pp. 265-296. [in Ukrainian]
- Kulish, 1861** – *Kulish, P.* (1861). Vyhovshchyna [Vygovshchyna]. *Osnova*. 11/12: 1-15. [in Ukrainian]
- Kulish, 2005** – *Kulish, P.* (2005). Povne zibrannya tvoriv. Lysty [Complete collection of works. Letters]. K.: Krytyka. T. I: 1841-1850. 648 p. [in Ukrainian]
- Kulish, 2009** – *Kulish, P.* (2009). Povne zibrannya tvoriv. Lysty [Complete collection of works. Letters]. K.: Krytyka. T. II: 1850-1856. 672 p. [in Ukrainian]
- Kulish, 2015a** – *Kulish, P.* (2015). Povne zibrannya tvoriv. Naukovi pratsi; Publitsystyka [Complete collection of works. Scientific works; Journalism]. K.: Krytyka. T.III: Zapysky o Yuzhnoy Rusy [Volume III: Notes on Southern Rus]: [U 2 kn.]. Kn. 1. 416 p. [in Ukrainian]
- Kulish, 2015b** – *Kulish, P.* (2015). Povne zibrannya tvoriv. Naukovi pratsi; Publitsystyka [Complete collection of works. Scientific works; Journalism]. K.: Krytyka. T.III: Zapysky o Yuzhnoy Rusy [Volume III: Notes on Southern Rus]: [U 2 kn.]. Kn. 2. 384 p. [in Ukrainian]
- Kumeda, 2016** – *Kumeda, O.* (2016). «Kulyshivka» i suchasnyy ukrayins'kyy pravopys [«Kulyshivka» and modern Ukrainian spelling]. *Panteleymon Kulish v istoriyi ukrayins'koyi kul'tury*. Sumy: VD «Bilyy ptakh». Pp. 54-61. [in Ukrainian]
- Lazaryeva, 2012** – *Lazaryeva, V.* (2012). Do istoriohrafyyi doslidzhen' derzhavnyts'ko-pravovykh idey u tvorchosti Panteleymona Kulisha [To the historiography of studies of state and legal ideas in the works of Panteleimon Kulish]. *Ukrayins'kyy istorychnyy zbirnyk*. 15: 258-272. [in Ukrainian]
- Lazaryeva, 2013** – *Lazaryeva, V.* (2013). Derzhavotvorchi pohlyady Panteleymona Kulisha yak ob'yekt naukovooho doslidzhennya [State-building views of Panteleimon Kulish as an object of scientific research]. *Ukrayinoznavstvo*. 2: 62-65. [in Ukrainian]

Lebid, Lobko, 2022 – *Lebid, A., Lobko, N.* (2022). Rectorship in the System of Higher Education in the 19th and early 20th centuries: The Case of the Imperial University of St. Vladimir. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 972-980.

Lebid, Shevchenko, 2021 – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). Ukrainian «enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the century. *Bylye Gody*. 16(4): 1716-1727.

Luckyj, 1983 – *Luckyj, George.* (1983). Panteleimon Kulish: A Sketch of His Life and Times. NY: Columbia University Press. 229 p.

Mikhno, 2009 – *Mikhno, O.* (2009). Pedahohichna i prosvitnyts'ka diyal'nist' P. Kulisha [Pedagogical and educational activity of P. Kulish]. *Ukrayins'ka mova i literatura v shkoli*. 4: 59-60. [in Ukrainian]

Miller, 2013 – *Miller, A.* (2013). Ukrainskiy vopros v Rossiyskoy imperii [The Ukrainian Question in the Russian Empire]. K.: Laurus. 416 p. [in Russian]

Mocharnyk, 2019 – *Mocharnyk, I.* (2019). Kulish: pershyy romanist, marketoloh ukrayins'koyi kul'tury y trokhy dyvak [Kulish: the first novelist, marketer of Ukrainian culture and a bit of an eccentric]. *Chytomo*. [Electronic resource]. URL: <https://chytomo.com/kulish-pershyj-romanist-marketoloh-ukrainskoi-kultury-j-trokhy-dyvak/> [in Ukrainian]

Nakhlik, 1997 – *Nakhlik, Ye.* (1997). Problemy ukrayins'koyi derzhavnosti i zasobiv borot'by za natsional'ne samoutverdzhennya ukrayins'koho narodu v polityko-istoriosofs'kiy kontseptsiiy Panteleymona Kulisha [Problems of Ukrainian statehood and means of struggle for national self-assertion of the Ukrainian people in the political-historiosophical concept of Panteleimon Kulish]. *Ivan Pulyuy – Panteleymon Kulish. Podvyzhnyky natsiyyi* / Red. V. Shenderovs'kyy. K.: Rada. Pp. 66-87. [in Ukrainian]

Nakhlik, 2007a – *Nakhlik, Ye.* (2007). Panteleymon Kulish: Osobystist', pys'mennyk, myslytel': Naukova monohrafiya: U 2 t. T.1: Zhyttya Panteleymona Kulisha: Naukova biohrafiya [Panteleimon Kulish: Personality, writer, thinker: Scientific monograph: In 2 vols. Volume 1: Life of Panteleimon Kulish: Scientific biography]. K.: Ukrayins'kyy pys'mennyk. 463 p. [in Ukrainian]

Nakhlik, 2007b – *Nakhlik, Ye.* (2007). Panteleymon Kulish: Osobystist', pys'mennyk, myslytel': Naukova monohrafiya: U 2 t. T.1: Svitohtyad i tvorchist' Panteleymona Kulisha: Naukova biohrafiya [Panteleimon Kulish: Personality, writer, thinker: Scientific monograph: In 2 vols. Volume 1: Worldview and creativity of Panteleimon Kulish: Scientific biography]. K.: Ukrayins'kyy pys'mennyk. 462 p. [in Ukrainian]

Pelech, 1993 – *Pelech, O.* (1993). The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831-1847. *Ukrainian Past, Ukrainian Present* / Ed. by B. Kravchenko. N.Y.

Petrov, 2019 – *Petrov, H.* (2019). Panteleymon Kulish pro derzhavnist' Ukrayiny [Panteleimon Kulish about the statehood of Ukraine]. «*Ne zabudesh mene, moya nene, Vkrayino*» P. Kulish: antolohiya krayeznavchyykh rozvidok pys'mennykiv i naukovtsiv Sumshchyny: do 200-richchya vid dnya narodzhennya Panteleymona Oleksandrovycha Kulisha. Sumy: Trytoriya. Pp. 113-119. [in Ukrainian]

Ponomarenko, 2019 – *Ponomarenko, O.V.* (2019). Prosvitnyts'ka diyal'nist' Panteleymona Kulisha na perekhresti istorychnykh poshukiv [Educational activities of Panteleimon Kulish at the crossroads of historical researches]. *Velet ukrayins'koho slova (do 200-littyi Panteleymona Kulisha): zbirnyk materialiv Vseukrayins'koyi naukovo-praktychnoyi konferentsiyyi*. Kyiv: Pedahohichna dumka. Pp. 27-30. [in Ukrainian]

Pypin, Spasovich, 1879 – *Pypin, A.N., Spasovich, A.D.* (1879). Istoriya slavyanskikh literatur [History of Slavic Literature]: V 2 t. SPb.: Izdaniye tipografii M.M. Stasyulevicha. T. 1. 726 p. [in Russian]

Saunders, 1985 – *Saunders, D.* (1985). The Ukrainian impact on Russian culture 1750–1850. Edmonton. 415 p.

Venhers'ka, 2013 – *Venhers'ka, V.O.* (2013). Ukrayins'ki proekty ta natsiotvorennya v imperiyakh Romanovykh ta Habsburhiv (kinets' XVIII – pochatok XX st.): monohrafiya [Ukrainian projects and nation-building in the Romanov and Habsburg empires (late 18th – early 20th centuries): monograph]. Zhytomyr: PP Yevenok O.O. 448 p. [in Ukrainian]

Yankovs'ka, 2009 – *Yankovs'ka, Zh.O.* (2009). Fol'klorystychna diyal'nist' Panteleymona Kulisha [Folklore activity of Panteleimon Kulish]. *Navchal'nyy posibnyk*. Ostroh: Vyd-vo Natsional'noho universytetu «Ostroz'ka akademiya». 168 p. [in Ukrainian]

Yas', 2008 – *Yas', O.* (2008). Kozats'ko-het'mans'ka mynushyna v retseptsiiy P. Kulisha (1840-vi – pochatok 1860-kh rokiv) [The Cossack-Hetman past in the reception of P. Kulish (1840s – early 1860s)]. *Ukrayina v Tsentral'no-Skhidniy Yevropi (z naydavnishykh chasiv do kintsya XVIII st.)*. K. Vyp. 8. Pp. 220-244. [in Ukrainian]

Yekel'chuk, 2010 – *Yekel'chuk, S.* (2010). Ukrayinofily: svit ukrayins'kykh patriotiv druhoyi polovyny XIX st. [Ukrainophiles: the world of Ukrainian patriots of the second half of the 19th century]. K.: KIS. 272 p. [in Ukrainian]

Yevtukh, 2019 – *Yevtukh, M.B.* (2019). Osvitn'o-pedahohichna diyal'nist' Panteleymona Kulisha [Educational and pedagogical activities of Panteleimon Kulish]. *Velet ukrayins'koho slova (do 200-littyi Panteleymona Kulisha): zbirnyk materialiv Vseukrayins'koyi naukovo-praktychnoyi konferentsiyyi*. Kyiv: Pedahohichna dumka. Pp. 18-23. [in Ukrainian]

Zayonchkovskiy, 1959 – *Zayonchkovskiy, P.A.* (1959). Kirillo-Mefodiyevskoye obshchestvo (1846–1847) [Cyril and Methodius Society (1846–1847)]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 170 p. [in Russian]

Феномен Пантелеймона Кулиша в национальной истории и культуре Украины

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Диана Витальевна Струпинская ^a

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Предлагаемая работа посвящена видному украинскому культурному и общественному деятелю Пантелеймону Александровичу Кулишу (1819–1897). В статье предпринята попытка осмыслить феномен Кулиша как фактор, положительно повлиявший в XIX веке не просто на развитие украинской истории и культуры, но на более значимые процессы, в том числе формирование в украинском обществе национального самосознания, возвращение исторической памяти. На основе большого массива научной литературы и источников авторы выделили несколько направлений профессиональной и общественной деятельности П. Кулиша, наиболее сильно влиявших на указанные процессы. Прежде всего, это его общественно-политическая активность. Будучи активным участником тайных политических организаций, он отстаивал идею национального возрождения и демократического развития Украины, национально-культурные права и автономию украинского народа. Просветительская и издательская деятельность П. Кулиша была также очень значимой, так как влияла на все слои украинского общества (от бедных крестьян до представителей социальной и интеллектуальной элит). Прежде всего, это печать и популяризация произведений украинских авторов на украинскую тематику, распространение книг на украинском языке, издание исследований, посвященных украинской истории, культуре, языку и т.п. На возрождение в украинской общественной среде исторической памяти существенно повлияла деятельность П. Кулиша как историка, этнографа, писателя и поэта. В научных, публицистических и литературных произведениях он особое внимание акцентировал на традициях и обычаях украинского народа, вопросах возрождения украинской государственности, поиске путей солидаризации украинского общества.

Таким образом, влияние П.А. Кулиша на украинскую культуру и общественно-политическую жизнь украинского общества было колоссальным и, безусловно, сыграло положительную роль в процессе становления украинского народа как нации.

Ключевые слова: Пантелеймон Кулиш, украинская нация, культура, Украина, Российская империя, этнические различия, особые потребности в образовании, этнический конфликт, гражданский конфликт, правосубъектность каждого, защитник прав.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1170-1178
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1170

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

I.E. Zabelin as a Teacher

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Natalia A. Prodanova ^b, Machach M. Vagabov ^a, Elmira R. Ibragimova ^c

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^c Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University, Russian Federation

Abstract

The authors examine the pedagogical views of the outstanding Russian historian I.E. Zabelin (1820–1908). The historical and archaeological concepts of the scientist attracted the attention of contemporaries and followers, while the pedagogical views of I.E. Zabelin are being considered for the first time. Turning to the history of Russian pedagogical thought is especially relevant in the Year of the Teacher and Mentor, as it allows you to learn from the examples of the past to see the civic essence of teaching history and literature, especially in the situation of information warfare. The authors introduce archival materials into scientific circulation, uses the diary entries of the scientist and the memories of his students. I.E. Zabelin's pedagogical activity unfolded in 1853–1869 at the Konstantinovsky Land Surveying Institute and the School of Land Surveying Topographers in the era of acute discussions about the future of the Russian education system. I.E. Zabelin stood outside the political forces of that time, but his pedagogical views were clearly progressive, echoed the ideas of the father of Russian pedagogy, K. D. Ushinsky (1823–1871). I.E. Zabelin was outside the political forces of that time, but his pedagogical views were clearly progressive, echoed the ideas of the father of Russian pedagogy, K. D. Ushinsky (1823–1871). I.E. Zabelin taught his students to love and understand the ideas and aspirations of his people, educated them into worthy citizens and patriots of his country, instilled a culture of thinking and expressing his thoughts. The scientist's attention to reading, to students' understanding of historical facts and a sober assessment of the political situation sounds relevant today. I.E. Zabelin applied advanced scientific methods, used progressive educational publications, developed author's courses based on historical sources, realized the need for the principle of clarity in teaching. The pedagogical community and the management of educational institutions highly appreciated the efforts of the historian. He read his subject in a fascinating and emotional way, his lectures were remembered by students for many years. The personality of I.E. Zabelin, who brilliantly combined the traits of both a scientist and a teacher, who saw the need not only to teach the subject, but also to educate the younger generation, is a worthy example for our contemporaries.

Keywords: history of pedagogy, history of Russia of the second half of the XIX century, I.E. Zabelin, methods of teaching history and literature in the XIX century, Konstantinovsky Boundary Institute.

1. Введение

Сформировать личность современного преподавателя возможно только на реальных примерах. И одним из ярчайших является пример выдающегося русского историка и археолога И.Е. Забелина (1820–1908). При этом личность ученого предстает в ином свете, иногда отличном от высказывавшихся в литературе мнений. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью сохранить и приумножить позитивные традиции в отечественном образовании,

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), prodanova-00@mail.ru (N.A. Prodanova), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), elmira915@mail.ru (E.R. Ibragimova)

объективно оценить прошлое системы образования для предотвращения ошибок в будущем, для сохранения исторической правды.

Новизна данной работы заключается в раскрытии не исследованного ранее, как будет показано далее, ракурса личности И.Е. Забелина, а именно И.Е. Забелина-педагога. И.Е. Забелин вел курсы «Российской истории в связи с археологией» и «Палеографии» в Константиновском Межевом институте с 1853 по 1869 годы. Тогда же читал «Русскую словесность» в Школе топографов. Если курс лекций ученого опубликован (Забелин, 2009), то подготовительные материалы к лекциям, записи размышлений историка, обращения к руководству учебных заведений, вводятся в научный оборот впервые (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267).

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили рукописи курсов И.Е. Забелина, записи его размышлений о методике преподавания российской истории, археологии, словесности, программы курсов, хранящиеся в архиве ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11, 266, 267, 268, 271). Нами использованы также дневники ученого (Забелин, 2001) и записи воспоминаний его учеников (Забелин как преподаватель, 1892).

В ходе нашей работы нами применены следующие методы: сравнительно-исторический, который позволяет проследить развитие педагогических воззрений ученого в контексте развития педагогической мысли второй половины XIX века, в частности, идей выдающегося российского педагога К.Д. Ушинского (1823–1871), 200-летие которого отмечается в 2023 году. Принцип историзма важен для определения места работ И.Е. Забелина в контексте развития педагогического знания XIX века. Принцип объективности подробно обоснован в работе А.А. Формозова, посвященной биографии ученого (Формозов, 2004: 65). Нами использованы такие специальные методы историко-педагогического исследования, как генетический (объяснение зарождения того или иного педагогического факта, события, явления). Он позволяет проследить зарождение тех или иных педагогических идей в творчестве И.Е. Забелина. Метабиографический метод (выяснение вклада выдающихся педагогов через осмысление их жизненного пути, анализ их мировоззрения) позволяет раскрыть новый ракурс в личности историка, по-новому представить его убеждения и личностные качества (Марченко, 2022: 25).

Мы вводим в научный оборот не публиковавшиеся ранее документы, содержащие образцы как публичной речи ученого, так и бытие его мысли, выразившееся в тщательной работе над текстом, неоднократных исправлениях. Мы хотели бы, чтобы читатель осознал гуманистический посыл педагогических идей историка, по-новому прочувствовал обаяние личности И.Е. Забелина-педагога. Поэтому в нашей работе много цитат из архивных материалов И.Е. Забелина, его дневников и трудов других ученых и педагогов.

3. Обсуждение

Личность И.Е. Забелина (1820–1908) привлекала внимание исследователей, которые рассматривали деятельность ученого как историка (Кузьминский, 1912; Сахаров, 1990; Сахаров, 1996; Формозов, 1984; И.Е. Забелин, 1992) и археолога (Анучин, 1909; Ардашев, 1909; Арциховский, 1948; Алексеев, 2004; Kokořina et al., 2023; Клейн, 2014; Формозов, 1984; Яценко, 2002), предпринимали попытки охарактеризовать его личные качества (Формозов, 1984; Иван Егорович Забелин..., 1988; Формозов, 2004), но деятельность И.Е. Забелина как педагога ускользала от внимания ученых. В работе И.И. Широкоград и Е.В. Рыжковой уделено несколько страниц преподавательской работе выдающегося историка в ряду других педагогов (Константиновский межевой институт..., 2004).

4. Результаты

Кредо И.Е. Забелина как педагога появляется в словах: «чтобы правильно жить, надо правильно мыслить. Надо иметь мысли в голове, а не слова. Тогда и будешь уметь жить» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 320). Всей своей жизнью историк доказывал это свое положение.

Получив пять классов образования в Сиротском училище в Москве, где, по словам из своей «Автобиографии», «воспитание <...> было старозаветное, спартанское, суровое и жесткое» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 6). Работа в Оружейной палате по протекции директора училища Д.М. Львова, знакомство с выдающимися учеными и литераторами, слушание лекций московских профессоров, огромное личное трудолюбие и тщательность позволили ему стать признанным историком, а Киевский университет присвоил ему докторскую степень без защиты диссертации. И.Е. Забелин известен как историк царского быта допетровской Руси (Забелин, 1862; Забелин, 1869) и древней Москвы (Забелин, 1852; Забелин, 1865; Забелин, 1873; Материалы..., 1891), исследователь скифских и античных памятников Северного Причерноморья (Древности..., 1866–1872; Забелин, 1865–1867; Забелин, 2015; Алексеев, 2004; Анучин, 1909). В историографии И.Е. Забелина причисляли как к «западникам», так и к «славянофилам» (Анучин, 1909; Формозов, 1984), но реальной представляется точка зрения, согласно которой И.Е. Забелин стоял вне противоборствующих лагерей (Сахаров, 1990). Педагогическая деятельность И.Е. Забелина

приходится на 1853–1869 годы, когда в пред- и послереформенные годы в обществе шло широкое обсуждение путей развития России, в т.ч. и в педагогике. Образно описал ситуацию К.Д. Ушинский: «Лет восемь тому назад педагогические идеи оживились у нас с такою силою, какой нельзя было ожидать, приняв во внимание почти полное отсутствие педагогической литературы до того времени. Мысль о народной школе, которая удовлетворяла бы потребности народа, вступившего в новый период своего существования, пробудилась повсеместно» (Ушинский, 1871: XXIII). Прореагировал на дискуссию и И.Е. Забелин, публикуя статьи об истории образования в допетровской России (Забелин, 1855; Забелин, 1856).

В каталоге библиотеки И.Е. Забелина нет карточек на педагогические журналы, нет сведений и о членстве ученого в каких-либо педагогических обществах. Но И.Е. Забелин знал о современных ему педагогических идеях, в частности, высказанных К.Д. Ушинским.

К.Д. Ушинский ратовал за народность воспитания, включающую общественную ориентацию воспитания и его национальную самобытность, науку и религию с опорой на географию, историю, литературу. И снова удивительно свежо звучат слова И.Е. Забелина: «Нельзя быть полезным, сознательным гражданином ни на каком поприще, не зная своего прошлого, истинного смысла своей истории, а стало быть, исторического смысла и собственной своей жизни» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 317).

Преподавание истории и литературы, по мнению И.Е. Забелина, должно предоставлять «материал мысли, материал исторических, умственных и нравственных общественных идей, раскрытие которых в изучаемых словесных формах и должно обогащать молодых людей твердыми и основательными, правильными и трезвыми понятиями о жизни, о своем отношении к природе и обществу, об истинных требованиях личной жизни» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 317). Историк ставил перед преподаванием задачу научить воспитанников мыслить и излагать свои мысли. Он разъясняет роль преподавателя для достижения этого: «из учебных правил никакие мысли не появятся и усваивается только искусственный и формальный способ их изложения. Изучение словесности будет изучением идей, мыслей, следовательно обогащением ума мыслями. Это главное. Остальное по необходимости занимает в преподавании второстепенное место» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 318).

Творческую направленность деятельности преподавателя И.Е. Забелин видит в следующем: «вся забота и вся работа преподавателя должна описаться на одно, именно на возбуждение (зачеркнуто: пробуждение) в воспитанниках самостоятельности ума. Необходимо употребить всех средств и всех усилий, чтобы заставить молодой ум двигаться собственными силами (зачеркнуто: без учительской подмоги), каковы бы эти силы ни были. Необходимо, чтобы молодой ум сам вырабатывал мысль, а не получал ее готовою из учебника или от преподавателя. Лучше приобрести таким именно путем две мысли, чем приять бессознательно целую книгу мыслей. Ибо самостоятельно выработанные две мысли послужат плодотворным семенем для развития ума» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 318). На цель педагога - сформировать у воспитанников умение мыслить, когда «ученье есть труд и должно остаться трудом, полным мысли, так, чтобы самый интерес к учению зависел от серьезной мысли, а не от каких-нибудь не идущих к делу прикрас» (Ушинский, 1949: 27), указывал К.Д. Ушинский.

Выдающийся русский педагог выдвигал требование вовлекать всех учеников в работу, добиваться их активности на уроке (Торосян, 2015). И.Е. Забелин подчеркивает, что «еще полезнее <...> чтобы весь класс принимал участие в раскрытии и пробуждении мыслей, лежащих в произведении» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 318).

В своих лекциях как по истории, так и по словесности И.Е. Забелин уделяет внимание народному творчеству: в истории – «Славянские и другие племена, заселявшие страну. Их быт: нравы, обычаи, языческие верования. Значение устных народных памятников: песен, преданий, сказок, заговоров, загадок и пр.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 103). В словесности – «Обрядовые песни, заговоры, загадки и т.п. Песни и сказки, их различия, пословицы. Эпические песни. Былины. Их идеалы, черты мифологические, исторические, бытовые. Эпические песни, исторические. Их идеалы» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 318). Эти идеи перекликаются с мыслями К.Д. Ушинского: «В светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа» (Цит. по: Торосян, 2015).

Внимание к народу, его мыслям и чаяниям, любви к своей Родине, - учил И.Е. Забелин своих учеников. «Гражданином вселенной быть нельзя. Это мечта людей праздных. Необходимо быть прежде всего сыном своей Родины, гражданином своего города, членом своей семьи, человеком своего дела, которое не в облаках, а прямо перед нами, в наших руках» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 268. Л. 279). Аналогичные мысли читаем у К.Д. Ушинского, который писал, что «как бы ни утверждали немецкие педагоги, что они стремятся воспитать «человека вообще, гражданина какого-то абстрактного всеобщего государства, гражданина всего мира», стоит прочесть 3-4 немецкие книги по педагогике, как станет совершенно очевидным, что идеал человека, защищаемого в них, есть не что иное, как идеал настоящего немца» (Смирнов, 1963: 208).

При этом И.Е. Забелин уделяет значительное внимание высокому научному уровню преподавания: «имея ввиду специальную цель преподавания – отсутствие учебного руководства и вообще невозделанное поле русских древностей, преподаватель по необходимости должен при каждом чтении составлять свои особенные записи и извлечения и некоторые отделы разрабатывать даже по источникам» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 266. Л. 288). Более чем за сто лет до положений о меж- и мультидисциплинарности науки он высказывает положение о едином изучении исторического и литературного знания: «изучая в литературе народную мысль в ее словесных проявлениях, необходимо знать факты, как эта мысль двигалась, развивалась, гасла или обогащалась с течением времени, т.е. необходимо знать исторический ход мыслей хотя бы в главных фактах ее проявления» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 318). Но И.Е. Забелин не останавливается на собирании фактов: «надо <...> знать факты, но надо понимать их связь и самый смысл этой связи. <...> чтобы преподавание учебного материала всегда сопровождалось разъяснением смысла и жизненного значения исторических лиц и событий в истории, исторических идей и их словесной формы в литературе» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 319).

Ученый видит гражданственность, важность для формирования мировоззрения молодежи, изучения российской истории: «преподавание Российской истории имеет целью ознакомить молодых людей с не только с ее содержанием, т.е. лицами и событиями, управляющими ее ходом, что должно стоять во главе преподавания, но по возможности с основными идеями или началами, которые в течение веков устраивали русскую историческую жизнь, давали ей известный склад и направление. И способствовали созданию самостоятельной исторической народности и государства» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 299).

Прогрессивный взгляд И.Е. Забелина на преподавание виден во включении в программу творчества современных ученому писателей и запись: «должно строиться преподавание литературы, предлагая воспитанникам для чтения только такие произведения, где наиболее ощутительны и заметны идеи и идеалы времени, т.е. движение народного литературного развития в его положительном или отрицательном направлении» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 316). В современном мире «клипового мышления» молодежи удивительно актуально звучат его слова о необходимости приучать молодежь к осмысленному и внимательному чтению: «Чтение же – единственное средство, которое и пробуждает, и постоянно вызывает мысль, следовательно, действует путем органическим, путем созидания мысли, чего никакой теперешний учебник не может дать, и он, наоборот, действует лишь механически, загромождая память множеством ничем не связанных фактов. Вообще чтение есть правая рука всякого преподавания» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 299).

Преподавание в школе Межевых топографов истории и литературы И.Е. Забелин воспринимал с высоких гражданских позиций. Его мысль бьется в описках более точного слова. Рукопись полна исправлений: «Преподавание названных предметов (зачеркнуто: по моему мнению) по необходимости должно иметь ввиду цель не столько учебную преподавать запас сведений, сколько педагогическую в собственном смысле, образовательную, воспитательную, т.е. развитие (зачеркнуто: молодого ума) умственное, нравственное и эстетическое» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 317).

И.Е. Забелин указывает на необходимость воспитывать у своих студентов ясную гражданскую позицию: «должно дать трезвый спокойный, сознательный взгляд на жизнь, на существующую действительность, избавить от бродячих ветров нашей развитости и образованности, указать основы, неизменные начала жизни нравственной внутренней и общественной внешней. Избавить от всякой риторики и дать смысл и суть» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 320). Вместо риторики «не изучение слога – красно-словия риторики, высокого слога, а высоких идей – красно-мыслие» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 320).

И это с благодарностью воспринимали его ученики: «Он нам рисовал целые картины, то мрачные, то отрадные, то величественные, то жалкие состояния общества в разные эпохи жизни нашей Родины и наших родичей, и перед нами развертывалась панорама, полная живого, захватывающего интереса, где царил и русский характер, и глубокий смысл наших древних праотцов. Он обрисовывал, поэтизировал, просто, ясно все стороны государственной, общественной и бытовой жизни Древней Руси, от созерцания которой не хотелось оторваться. Он дал нам то, чего нельзя забыть и чему нельзя не радоваться, чего нельзя было не уважать» (И.Е. Забелин..., 1892: 3).

Обращает на себя внимание пометка ученого: «NB: изучение и указание замечательнейших памятников по каждому из производств. Памятники сии заключаются в предметах церковной и домашней утвари, в оружии оборонительном и наступательном, в принадлежностях одежды и пр.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 104). В данном случае использован принцип наглядности в преподавании: не только рассказ педагога и книжные иллюстрации, но и обучение студентов работе с древними вещами.

При этом наглядность сочеталась с высокой эмоциональностью и доходчивостью изложения. Его ученик рассказывал, как И.Е. Забелин сравнивал объединение русских земель вокруг Москвы с сжиманием пальцев в кулак, «которого подобие и представил нам Иван Егорович, сжав свою мощную руку в кулак и потрясая им в воздухе, говоря: «теперь вы, други мои, видите, во что превратила

Москва Северную Русь. Вот вся она тут собрана в один компактный и внушительный кулак, который с этого времени становится страшен многим и очень многим и которого начали бояться и татары, и завистливые соседи» (И.Е. Забелин..., 1892: 2).

Примечателен выбор исследователем учебников для своих курсов. Так, для курса русской словесности он рекомендует «Хрестоматию» А.Д. Галахова (1807–1897) которая была подготовлена под сильным влиянием идей, а возможно, и при непосредственном участии В.Г. Белинского (в качестве советчика). А.Д. Галахов поместил в ней лучшие произведения современных ему писателей и отмечал, что «хрестоматия должна была представлять образцы прозы и поэзии, написанные литературным языком Нового времени, т.е. обнимающим эпохи Карамзина и Пушкина, не исключая и только что вступившие таланты (Кольцов, Майков, Фет и другие)» (Бабичева, 2006: 138). И.Е. Забелин опирается в своем курсе и на труд В.Я. Стоюнина (1826–1888), который видел задачу обучения «в беседе с учениками о прочитанном сочинении, в основательном его разборе» (Бабичева, 2006: 368), как и И.Е. Забелин, который использовал «форму простой беседы с самым разнообразным и неуловимым содержанием, сосредотачиваясь только около главной задачи преподавателя, которой он намеревается выяснить в данный урок» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 322).

Один из его учеников писал об обаянии личности историка: «Совсем обыкновенный, но удивительно приятный человек, сразу подчинивший нас обаянию своей личности и прямодушной уверенности в том, что его будут слушать, учиться у него, любить его. И мы его чуть-что не с первой минуты нашего с ним знакомства уже любили крепко, верили ему и ни капельки не боялись ни его, ни его учености. Он нас учил не столько истории, сколько искренности и обязанности обращаться с историческими данными здраво и с уважением» (И.Е. Забелин..., 1892: 3).

Для И.Е. Забелина была значима любовь учеников. Он делает запись в своем дневнике: «Павлов рассказал, как любят меня воспитанники Межевого института. Уж так любят, так любят. Я ужасно рад. Мальчишечка говорит: Так вы, – говорит, знакомы с Иваном Егоровичем? Да, сказал это с таким благоговением в глазах, что он уж очень Вас любит и уважает» (Забелин, 2001: 46).

Ценило талантливое преподавание и руководство: «за труд преподавания в Межевом институте получил Высочайшую денежную награду» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 36). К юбилею историка прислан был адрес от директора Константиновского Межевого института: «Старинный друг и приятель поздравляет Ивана Егоровича Забелина, дай Бог еще на много лет. Аптухин» (Два юбилея..., 1910: 83). Ценила И.Е. Забелина и педагогическая общественность. Редактор журнала «Вестник Воспитания» Е. Покровский писал, что статьи историка «конечно, скоро будет иметь честь напечатать на своих страницах» (Два юбилея..., 1910: 83).

Право женщин на образование дискутировалось в середине XIX века, и факт чтения лекций по русской истории слушательницам говорит о том, что И.Е. Забелин разделял и на деле поддерживал идею женского образования. При чем образования всесловного: список его слушательниц указывает представительниц разных сословий тогдашней Москвы (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 217-218).

Глубоки и проницательны мысли историка о сущности труда преподавателя высшей школы: «Я говорю, следовательно, нужно еще что-то от профессора, кроме учености. <...> Нужен преподаватель – вот что не менее важно» (Забелин, 2001: 52). Друзья ходатайствовали о предоставлении И.Е. Забелину места профессора в Московском университете, но их усилия не завершились успехом.

5. Заключение

Таким образом, И.Е. Забелин предстает как ответственный, добросовестный, знающий, талантливый педагог с прогрессивными взглядами. Они перекликаются с идеями его современника К.Д. Ушинского, прежде всего в отстаивании народного характера образования, воспитания достойного гражданина, любящего и понимающего свой народ. И.Е. Забелин воспитывал у своих учеников умение мыслить и излагать свои мысли, применял передовые по тем временами методики преподавания, создавал авторские курсы, опираясь непосредственно на исторические источники. Он видел высокий гражданский посыл преподаваемых им дисциплин и стремился уберечь студентов от увлечения политическими «крайностями». Иван Егорович положительно относился к женскому образованию, причем образованию всесловному и читал курс российской истории для слушательниц разного социального происхождения. Историк использовал передовые методические приемы, стремился вовлечь в работу весь класс, применял принцип наглядности и был сторонником проведения бесед с учениками, понимая пагубность и бессмысленность простого заучивания. Он стремился научить своих студентов мыслить, привить им любовь к осознанному чтению, использовал учебные пособия прогрессивно настроенных педагогов и ученых. Это высоко ценили коллеги и педагогическая общественность того времени. И главное – это яркая, цельная и творческая личность педагога, которого любили ученики и о котором с восторгом отзывались годы спустя. Можно смело утверждать, что И.Е. Забелин был не только выдающимся ученым, но и талантливым педагогом, добросовестно и ответственно относящимся к преподаванию в Константиновском Межевом институте, Школе топографов, Женских курсах. Можно только сожалеть, что его

педагогический талант не мог развернуться во всю ширь в стенах Московского университета из-за бюрократических препятствий. Педагогическая деятельность выдающегося российского ученого являет собой яркую страницу в истории отечественной педагогики.

Литература

- Алексеев, 2004** – Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А. А. Формозова / Ответственный редактор А.Д. Столяр. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 37-48.
- Анучин, 1909** – Анучин Д.Н. И.Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842–1876). Речь, прочитанная на заседании Московского археологического общества 10 апреля 1909 года. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1909. 42 с.
- Ардашев, 1909** – Ардашев Н.Н. И.Е. Забелин как теоретик археологии // *Древности. Труды Московского археологического общества*. 1909. Т. 22. Выпуск 2. С. 71-218.
- Арциховский, 1948** – Арциховский А.В. Забелин-археолог / Историко-археологический сборник. М.: «Красный печатник», 1948. С.5-11.
- Бабичева, 2006** – Бабичева М.Е. Русские филологи XIX века. Биобиблиографический словарь-справочник. М.: Совпадение, 2006. 432 с.
- Два юбилея..., 1910** – Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. М.: Синодальная типография, 1910. 88 с.
- Древности..., 1866–1872** – Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом / Издание Императорской Археологической комиссии. СПб: В типографии Императорской академии наук, 1866–1872.
- Забелин, 1865–1867** – Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыкский курган // *Древности. Труды Московского Археологического общества*. 1865–1867. Т. 1. С. 56-93.
- Забелин, 2001** – Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки: (1837-1908) / Предисловие Н.А. Каргаполова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
- Забелин, 1862** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1862. 530 с.
- Забелин, 1869** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1869. 670 с.
- Забелин, 1865** – Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1865. 160 с.
- Забелин, 1873** – Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: К.Т. Солдатенков, 1873. 258 с.
- Забелин, 1855** – Забелин И.Е. О начальном образовании до Петра Великого преимущественно в царском быту // *Московские губернские ведомости*. Отдел. 2. 1855. 6 августа (№ 32). С. 317-320.
- Забелин, 2009** – Забелин И.Е. Русская история: курс лекций; Русские древности, или археология: курс лекций / составители И.И. Широкопад, Е.В. Рыжкова. М.: Государственный университет по землеустройству, 2009. 387 с.
- Забелин, 2015** – Забелин И.Е. Скифия и сарматия. Москва: Вече, 2015. 352 с.
- Забелин, 1956** – Забелин И.Е. Характер древнего народного образования в России. Несколько записок о «Заметке для истории просвещения в России» г. Купириянова // *Отечественные записки*. 1856. Т. 105. Кн. 1. От. 2. С. 1-20
- Забелин, 1852** – Забелин И.Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия. СПб: Б.и., 1852. 41 с.
- И.Е. Забелин..., 1892** – И.Е. Забелин как учитель истории // *Московская иллюстрированная газета*. 1892. 24 апреля (№ 113). С. 3.
- И.Е. Забелин, 1992** – И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: В 2 ч. / отв. ред. А. Д. Яновский // *Труды Государственного исторического музея*. 1992. Выпуск 81. Ч. 1-2.
- Иван Егорович Забелин..., 1988** – Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М: Б. и., 1988. 73 с.
- Клейн, 2014** – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Константиновский межевой институт..., 2004** – Константиновский межевой институт: историческое и культурное наследие XIX века. Т. 4 / И.И. Широкопад, Е.В. Рыжкова; Под ред. С.Н. Волкова. М.: Государственный университет по землеустройству, 2004. 187 с.
- Кузьминский, 1912** – Кузьминский К.С. Иван Егорович Забелин и его печатные труды. М.: Синодальная типография, 1912. 14 с.
- Марченко, 2022** – Марченко Г. В. История отечественной школы и педагогики. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2022. 187 с.

Материалы..., 1891 – Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина. В 2 ч. Москва: Московская городская типография, 1891.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Сахаров, 1990 – Сахаров А.Н. И. Е. Забелин: новая оценка творчества // *Вопросы истории*. 1990. №7. Выпуск 3-1. [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.04. 2023).

Сахаров, 1996 – Сахаров А.Н. Народ – разгадка всего. Иван Егорович Забелин / Историки России XVII – начало XIX века. М.: Скрипторий, 1996. С. 315-333.

Смирнов, 1963 – Смирнов В.З. Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX века. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1963. 310 с.

Торосян, 2015 – Торосян В. Г. История образования и педагогической мысли учебник для студентов (Электронный ресурс). Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 471 с.

Ушинский, 1949 – Ушинский К.Д. Методические статьи и материалы к «Детскому миру»// Ушинский К.Д. Собрание сочинений. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1949. Т. 5. 591 с.

Ушинский, 1871 – Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: Т. 1. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1871. 390 с.

Формозов, 2004 – Формозов А.А. Рассказы об учёных. Курск: издательство Курского государственного медицинского университета, 2004. 123 с.

Формозов, 1984 – Формозов А.И. Историк Москвы И.Е. Забелин. Москва: Московский рабочий, 1984. 239 с.

Чертов, 2018 – Чертов В.Ф. Методика преподавания литературы. Персоналии. Библиографический словарь. М.: МПГУ, 2018. 408 с

Яценко, 2002 – Яценко И.В. Представления И.Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык// *Российская археология*. 2002. №4. С. 131-142.

Kokorina et al., 2023 – Kokorina Yu.G., Vagabov M.M., Akimova A.A. (2023). I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later // *Bylye Gody*. 2023. 18 (1): 137-148.

References

Alekseev, 2004 – Alekseev, A.Yu. (2004). K portretu I.E. Zabelina na fone skifologii [To the portrait of I.E. Zabelin against the background of Scythology]. *Neuskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik*. K 75-letiyu A. A. Formozova. Snt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 37-48. [in Russian]

Anuchin, 1909 – Anuchin, D.N. (1909). I.E. Zabelin kak arkheolog v pervuyu polovinu ego nauchnoi deyatel'nosti (1842–1876) [I.E. Zabelin as an archaeologist in the first half of his scientific activity (1842–1876)]. М.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig. 42 p. [in Russian]

Ardashev, 1909 – Ardashev, N.N. (1909). I.E. Zabelin kak teoretik arkheologii [Zabelin as a theorist of archeology]. *Drevnosti*. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva. 22(2): 71-218. [in Russian]

Artsikhovskii, 1948 – Artsikhovskii, A.V. (1948). Zabelin-arkheolog [Zabelin-archaeologist]. *Istoriko-arkheologicheskii sbornik*. М.: «Krasnyi pechatnik». Pp. 5-11. [in Russian]

Babicheva, 2006 – Babicheva, M.E. (Ed.) (2006). Russkie filologi XIX veka. Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik [Russian philologists of the XIX century. Bio-bibliographic dictionary-reference book]. М.: Sovpadenie. 432 p. [in Russian]

Chertov, 2018 – Chertov, V.F. (Ed.) (2018). Metodika prepodavaniya literatury. Personalii. Biobibliograficheskii slovar' [Methods of teaching literature. Personalities. Biobibliographical dictionary]. М.: МПГУ. 408 p. [in Russian]

Drevnosti..., 1866–1872 – Drevnosti Gerodotovo Skifii [Antiquities of Herodotus Scythia]. Sankt-Peterburg: V tipografii Imperatorskoi akademii nauk, 1866–1872. [in Russian]

Dva yubileya..., 1910 – Dva yubileya ucheno-literaturnoi i sluzhebnoi deyatel'nosti Ivana Egorovicha Zabelina (1910). [Two anniversaries of the scientific, literary and official activity of Ivan Egorovich Zabelin]. М.: Sinodal'naya tipografiya. 88 p. [in Russian]

Formozov, 1984 – Formozov, A.I. (1984). Istorik Moskvy I.E. Zabelin [Moscow Historian I.E. Zabelin]. М.: Moskovskii rabochii. 239 p. [in Russian]

Formozov, 2004 – Formozov, A.A. (2004). Rasskazy ob uchenykh [Stories about scientists]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 123 p. [in Russian]

I.E. Zabelin kak uchitel', 1892 – I.E. Zabelin kak uchitel' istorii (1892). [I.E. Zabelin as a history teacher]. *Moskovskaya illyustrirovannaya gazeta*. April 24 (No. 113). p. 3 [in Russian]

I.E. Zabelin, 1992 – I.E. Zabelin (1992). 170 let so dnya rozhdeniya [170 years from the date of birth]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Is. 81. Part 1-2. [in Russian]

Ivan Egorovich Zabelin..., 1988 – Ivan Egorovich Zabelin. Bibliograficheskii ukazatel' [Bibliographic index]. М.: 1988. S.n. 73 p. [in Russian]

- Klein, 2014** – Klein, L.S. (2014). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian Archeology: teachings, schools and personalities]. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya St. Petersburg, EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]
- Kokorina et al., 2023** – Kokorina, Yu.G., Vagabov, M.M., Akimova, A.A. (2023). I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later. *Bylye Gody*. 18 (1): 137-148.
- Konstantinovskii mezhevoi institut, 2004** – Konstantinovskii mezhevoi institut: istoricheskoe i kul'turnoe nasledie XIX veka (2004). [Konstantinovskiy Boundary Institute: historical and cultural heritage of the XIX century. Vol. 4]. M.: Gosudarstvennyi universitet po zemleustroistvu. 187 p. [in Russian]
- Kuzminskii, 1912** – Kuzminskii, K.S. (1912). Ivan Egorovich Zabelin i ego pechatnye Trudy [Ivan Egorovich Zabelin and his printed works]. M.: Sinodal'naya tipografiya. 14 p. [in Russian]
- Marchenko 2022** – Marchenko, G.V. (2022). Istoriya otechestvennoi shkoly i pedagogiki [History of the national school and pedagogy]. Rostov-na-Donu, Donskoi gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 187 p. [in Russian]
- OPI GIM** – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum].
- Sakharov, 1990** – Sakharov, A.N. (1990). I.E. Zabelin: novaya otsenka tvorchestva [I.E. Zabelin: a new assessment of creativity]. *Voprosy istorii*. 7. 3-1. [Electronic resource]. URL :https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (date of access: 03.04. 2023). [in Russian]
- Sakharov, 1996** – Sakharov, A.N. (1996). Narod – razgadka vsego. Ivan Egorovich Zabelin [People – the answer to everything. Ivan Egorovich Zabelin]. *Istoriki Rossii XVII – nachalo XIX veka*. M.: Skriptorii. Pp. 315-333. [in Russian]
- Smirnov, 1963** – Smirnov, V.Z. (1963). Ocherki po istorii progressivnoi russkoi pedagogiki XIX veka [Essays on the history of progressive Russian pedagogy of the XIX century]. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. 310 p. [in Russian]
- Torosyan, 2015** – Torosyan, V.G. (2015). Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoi mysli [History of education and pedagogical thought]. Moscow-Berlin, Direkt-Media, 471 p. [in Russian]
- Ushinskii, 1871** – Ushinskii, K.D. (1871). Chelovek kak predmet vospitaniya [Man as a subject of education]. St. Petersburg, Tipografiya A. M. Kotomina. Vol. 1. 390 p. [in Russian]
- Ushinskii, 1949** – Ushinskii, K.D. (1949) Metodicheskie stat'i i materialy k «Detskomu miru». Ushinskii K.D. *Sobranie sochinenii*. Moscow, Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR. Vol. 5. 591 p. [in Russian]
- Yatsenko, 2002** – Yatsenko, I.V. (2002). Predstavleniya I.E. Zabelina o stroenii nasypi kurgana Chertomlyk [Zabelin's ideas about the structure of the embankment of the Chertomlyk mound]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 4: 131-142. [in Russian]
- Zabelin, 1852** – Zabelin, I.E. (1852). Khronika obshchestvennoi zhizni v Moskve s poloviny XVIII stoletiya [Chronicle of public life in Moscow since the half of the XVIII century]. St. Petersburg. 41 p. [in Russian]
- Zabelin, 1855** – Zabelin, I.E. (1855). O nachal'nom obrazovanii do Petra Velikogo preimushchestvenno v tsarskom bytu [About primary education before Peter the Great mainly in the royal life]. *Moskovskie gubernskie vedomosti*. Otdel. 2. 1855. 6 avgusta (№ 32). Pp. 317-320. [in Russian]
- Zabelin, 1856** – Zabelin, I.E. (1856). Kharakter drevnego narodnogo obrazovaniya v Rossii. Neskol'ko zapisok o «Zametke dlya istorii prosveshcheniya v Rossii» g. Kupiriyanova [The nature of ancient public education in Russia. A few notes about the "Note for the history of Enlightenment in Russia" by G. Kupiriyanov]. *Otechestvennye zapiski*. T. 105. Kn. 1. Ot. 2. Pp. 1-20. [in Russian]
- Zabelin, 1862** – Zabelin, I.E. (1862). Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii. V 2 t. T. 1. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletii [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. Vol. 1. The home life of the Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 530 p. [in Russian]
- Zabelin, 1865** – Zabelin, I.E. (1865). Istoricheskoe opisanie moskovskogo stavropigial'nogo Donskogo monastyrya [Historical description of the Moscow Stavropol Donskoy Monastery]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 160 p. [in Russian]
- Zabelin, 1865–1867** – Zabelin, I.E. (1865–1867). Skifskie mogily. Chertomlykskii kurgan [Scythian graves. Chertomlyk kurgan]. *Drevnosti*. 1: 56-93. [in Russian]
- Zabelin, 1869** – Zabelin, I.E. (1869). Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii. V 2 t. T. 2. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletii [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. 2. The home life of Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 670 p. [in Russian]
- Zabelin, 1873** – Zabelin, I.E. (1873). Kuntsevo i drevnii Setunskii stan: istoricheskie vospominaniya [Kuntsevo and the ancient Setun Camp: historical memories]. M.: K.T. Soldatenkov. 258 p. [in Russian]
- Zabelin, 1891** – Zabelin, I. (1891). Materialy dlya istorii, arkheologii i statistiki goroda Moskvy, po opredeleniyu Moskovskoi gorodskoi Dumy sobrannye i izdannye rukovodstvom i trudami I. Zabelina [Materials for the history, archeology and statistics of the city of Moscow, according to the definition of the

Moscow City Duma, collected and published by the leadership and works of I. Zabelin]. In 2 parts. M.: Moskovskaya gorodskaya tipografiya. [in Russian]

Zabelin, 2001 – Zabelin, I.E. (2001). Dnevniky. Zapisnye knizhki: (1837–1908) [Diaries. Notebooks: (1837–1908)]. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. 383 p. [in Russian]

Zabelin, 2009 – Zabelin, I.E. (2009). Russkaya istoriya : kurs lektzii ; Russkie drevnosti, ili arkhologiya: kurs lektzii [Russian history : a course of lectures ; Russian antiquities, or archeology : a course of lectures]. M.: Gosudarstvennyi universitet po zemleuстроistvu. 387 p. [in Russian]

Zabelin, 2015 – Zabelin, I.E. (2015). Skifiya i sarmatiya [Scythia and Sarmatia]. M.: Veche. 352 p. [in Russian]

И.Е. Забелин как педагог

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Наталья Алексеевна Проданова ^b, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Эльмира Рашитовна Ибрагимова ^c

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^c Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета, Российская Федерация

Аннотация

Авторы рассматривают педагогические воззрения выдающегося российского историка И.Е. Забелина (1820–1908). Исторические и археологические концепции ученого привлекали внимание современников и последователей, тогда как педагогические взгляды И.Е. Забелина рассматриваются впервые. Обращение к истории российской педагогической мысли позволяет учиться на примерах прошлого видеть гражданскую сущность преподавания истории и литературы, Авторы вводят в научный оборот архивные материалы, использует дневниковые записи ученого и воспоминания его студентов. Педагогическая деятельность И.Е. Забелина разворачивалась в 1853–1869 годах в Константиновском Межевом институте и Школе межевых топографов в эпоху острых дискуссий о будущем российской системы образования. И.Е. Забелин стоял вне политических сил того времени, но его педагогические взгляды были явно прогрессивными, перекликались с идеями отца русской педагогики К. Д. Ушинского (1823–1871). И.Е. Забелин учил своих воспитанников любить и понимать идеи и чаяния своего народа, воспитывал из них достойных граждан и патриотов своей страны, прививал культуру мышления и высказывания своих мыслей. Внимание ученого к чтению, к осмыслению студентами исторических фактов и трезвой оценке политической ситуации звучит актуально и в наши дни. И.Е. Забелин применял передовые научные методики, использовал прогрессивные учебные издания, разрабатывал авторские курсы с опорой на исторические источники, осознавал необходимость принципа наглядности в обучении. Высоко ценила усилия историка педагогическая общественность и руководство учебных заведений. Он читал свой предмет увлекательно и эмоционально, его лекции запоминались студентам на многие годы. Личность И.Е. Забелина, талантливо сочетавшего в себе черты и ученого, и педагога, видевшего необходимость не только обучения предмету, но и воспитания молодого поколения, является достойным примером для наших современников.

Ключевые слова: история педагогики, история России второй половины XIX века, И.Е. Забелин, методика преподавания истории и литературы в XIX веке, Константиновский Межевой институт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), prodanova-oo@mail.ru (Н.А. Проданова), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), elmira915@mail.ru (Э.Р. Ибрагимова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1179-1186
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1179

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Financial Situation of Retired Russian Officials (19th – early 20th centuries)

David I. Raskin ^{a, *}, Philipp N. Nikitin ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the financial situation of officials of the Russian Empire after their retirement in the period from 1827 (editions of the Pension Statute) to 1917. When adopting the Pension Statute, it was assumed that the pension of officials should be equal (on average) to their salary received in the service. But in connection with the subsequent repeated increase in salaries, the size of the pension became much less than this salary. The article examines the dynamics of the “replacement rate” of pensions of Russian officials (in the period from the 1840s to the beginning of the 20th century), i.e. relationship between pension and salary. The article shows that the size of the pension of almost all categories of officials gradually made up an ever smaller share of their salary. The main reason for such a lag in pensions from the gradually increasing salaries was the constant lack of funds in the state treasury.

The article shows that after retirement, the financial situation of Russian officials deteriorated sharply. For an official, resignation meant a decrease in the level of income by at least 2-3 steps on the hierarchical career ladder.

In parallel with this process, there were changes in the purchasing power of the ruble, an increase in prices for housing and basic foodstuffs, i.e. changes in the real size of pensions. These changes also affected the financial situation of retired officials.

The article illustrates, using examples from fiction, a sharp decline in the standard of living of Russian officials after their retirement.

At the same time, to the beginning 20th century the vast majority of Russian officials had no other sources of income other than salaries and, therefore, in old age they had to rely only on pensions.

The government's refusal to index pensions predetermined the archaism and inefficiency of the pension system in the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, officials, pensions, salary, “substitution coefficient”, standard of living.

1. Введение

Пенсионное обеспечение чиновников гражданского ведомства являлось важной частью системы государственной службы в Российской империи. Уровень этого обеспечения определял в значительной степени мотивацию и жизненные стратегии служащих. В конечном счете, убеждение в получении при отставке пенсии, обеспечивающей более или менее сносное существование, было одним из важнейших составляющих поддержания стабильности и эффективности деятельности государственного аппарата. Как указывал в 1850 г. гр. П.Д. Киселев, «Распространение этого убеждения между сословием чиновников, чрез которых обращается вся машина государственного управления, необходимо и в нравственном отношении, дабы устранить для чиновников необходимость помышлять об обеспечении своей старости средствами предосудительными» (Раскин, Солнышкин, 2022: 1714).

* Corresponding author

E-mail addresses: d.raskin@mail.ru (D.I. Raskin), mr.fil.nikitin@mail.ru (P.N. Nikitin)

Но «коэффициент замещения» (т.е. соотношение размеров пенсии с получаемым на службе жалованием) в течение XIX – начала XX в. все больше и больше снижался. Пенсии становились по сравнению с окладами жалования все меньше, что делало пенсионную систему все менее эффективной.

В XIX – начале XX в. наблюдалось большое разнообразие окладов жалования чиновников и регулярные изменения размеров этих окладов. Изменялась также реальная стоимость рубля, уровень цен и т.д. Поэтому общая характеристика системы пенсионного обеспечения в Российской империи требует конкретного исследования в динамике для каждого периода и для каждого разряда чиновников.

Настоящая статья является продолжением серии исследований по истории пенсионной системы в Российской империи.

2. Материалы и методы

Основным источником для изучения «коэффициента замещения» служат законодательно установленные размеры пенсий по Пенсионному уставу 1827 г. и штаты министерств и губернских учреждений, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи.

Русский рубль в течение XIX в. претерпел многочисленные изменения: ассигнационный рубль (в начале XIX в. потерявший большую часть своей стоимости) серебряный рубль, установленный реформой Е.Ф. Канкрин, кредитный рубль и, наконец, золотой рубль, введенный С.Ю. Витте. История изменений реальной стоимости рубля была предметом исследований специалистов по экономической и социальной истории. Но для сопоставления размеров жалования и пенсии эти изменения можно не учитывать, т.е. каждый раз жалование указывалось на момент издания соответствующего законодательного акта в ходивших тогда рублях, а размер пенсий в 1827 г. был установлен в ассигнационных рублях, а затем пересчитан на серебро. Так что для оценки «коэффициента замещения» после 1843 г. достаточно использовать «Табель окладам пенсий» по приложению к Уставам о пенсиях и единовременных пособиях, опубликованному в 3-м томе Свода законов издания 1857 г. ([Свод законов..., 1857](#), прилож. к ст. 53). Указанные в табели размеры окладов пенсий не менялись, независимо от того, в каких рублях (серебряных, кредитных или золотых) выплачивалось в тот или иной момент жалование.

Если соотношение размеров пенсий с размером жалования зависело от абсолютных цифр в пенсионных разрядах и штатах соответствующих учреждений, то реальное материальное положение отставных чиновников определялось общим уровнем цен и курсом рубля на каждый конкретный момент. Для оценки степени обеспеченности отставных чиновников в настоящей статье применена методика и расчеты Б.Н. Миронова. Эти расчеты представляются наиболее убедительными.

Количественные показатели проиллюстрированы примерами из художественной литературы и мемуарных источников.

3. Обсуждение

Подавляющее большинство исследований по истории пенсионной системы в Российской империи относятся к жанру историко-правовых. Для этих работ характерно использование главным образом законодательных источников. В них констатируются действовавшие нормы пенсионного обеспечения, чаще всего без анализа степени достаточности этого обеспечения и соотношения размеров пенсий с жалованием.

В ряде случаев отмечается недостаточность пенсий ([Чеснокова, 2012: 175](#); [Чеснокова, 2018: 91](#); [Лапаева, 2020: 20](#)), а также то, что сумма пенсий «в некоторых случаях ощутимо отличалась от поучаемого жалования» ([Федяев, 2008: 166-167](#)). Д.Н. Ермаков полагает, что главной причиной низких пенсий было то, что пенсии «исчислялись только с жалования и премиальных» без учета столовых и квартирных денег ([Ермаков, 2013: 19](#)). Но указанная причина была характерна для военнослужащих, в гражданской же службе (особенно для низших разрядов) выплата столовых и квартирных была не самым характерным явлением. Ю.П. Бокарев указывает, что именно по Уставу 1827 г. «пенсии стали значительно ниже окладов», но при этом сопоставляет оклады чиновников (директора Государственного банка, директора Московской сберегательной кассы и т.д.) на период 1860-х гг., т.е. без учета динамики окладов жалования ([Бокарев, 2018: 17-18](#)).

Таким образом, приходится констатировать, что проблема эволюции «коэффициента замещения» в пенсионном обеспечении чиновников Российской империи на сегодняшний день остается не исследованной.

Несколько лучше обстоит дело с изучением материальной обеспеченности чиновников, находящихся на службе.

Содержательный анализ материального положения российских чиновников в XIX в., включающий сведения об их жаловании, в отдельных случаях – примерных расходных бюджетах, а также о наличии внеслужебных источниках доходов (прежде всего, наличии поместий и др. недвижимости) дан в монографии П.А. Зайончковского ([Зайончковский, 1978: 81-105](#)). Тем не менее, в силу специфики данного исследования, этот анализ не является исчерпывающим.

Проблема уровня жизни российских чиновников в кон. XVIII – первой половины XIX в. исследована в статье Л.Ф. Писарьковой (Писарькова, 1995: 147-159).

Жалованье и, соответственно, материальное положение провинциальных чиновников рассматривается (на примере Урала, Астраханской и Московской и Калужской губерний) в работах С.В. Любичанковского (Любичанковский, 2007: 153-156), Н.Н. Дрыгиной (Дрыгина, 1010: 21-22) и В.А. Иванова (Иванов, 2012: 20-32). Во всех этих работах констатируется низкий уровень материального положения чиновничества.

И, наконец, вопросы материального положения российских чиновников в XVIII – начала XX в. в контексте эволюции уровня жизни основных групп населения Российской империи освещены в фундаментальной монографии Б.Н. Миронова (Миронов, 2015: 208-221). В своей работе Б.Н. Миронов рассматривает размеры номинального жалования (и др. источников доходов) чиновников сравнительно с изменениями покупательной способности рубля и индекса потребительских цен. Автор показал, что после резкого снижения покупательной способности жалованья чиновников в 1-й четверти XIX в. и относительной стабилизации рубля во 2-й четверти правительство повысило жалованье, в результате чего к началу XX в. «годовое содержание бюрократии по своей покупательной способности приблизилось к уровню 1760-х гг. Это все, что могло сделать правительство для бюрократии, на большее средства отсутствовали» (Миронов, 2015: 221).

При этом пенсионное обеспечение вышедших в отставку чиновников автор не рассматривает (Миронов, 2015: 208).

Таким образом, эволюция доходов находившегося на службе чиновничества в целом довольно хорошо изучена. Но аналогичная эволюция их пенсионного обеспечения, т.е. доходов после выхода в отставку, нуждается в исследовании.

4. Результаты

Пенсионный устав 1827 г. был основан на компромиссе между принципом вознаграждения за полный (35-летний) стаж службы, пенсией в размере полного жалования и разнообразием размеров жалования по различным должностям при одинаковых чинах. После долгого изучения окладов жалования в различных учреждениях пенсионные разряды были установлены на основе усредненных размеров жалования (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1821 г. Д. 45-а. Л. 265-268; Raskin, 2020: 2487-2488). Например, жалованье (с учетом столовых денег) губернатора в 1-й четверти XIX в. равнялось 3 тыс. руб. ассигнациями в год, что соответствовало размеру пенсионного оклада по 2-му разряду, к которому была отнесена должность губернатора (Зайончковский, 1978: 74). Годовое жалованье директора департамента в министерствах (также 2-й пенсионный разряд) составляло 3 тыс. руб. ассигнациями (ПСЗ. Т. 44. Ч. 2. № 20747). Пенсия для 1-й степени 3-го разряда равнялась 2 тыс. руб. ассигнациями, а жалованье вице-губернатора, должность которого была отнесена к этому разряду, составляло 2200 руб. (также ассигнациями) в год (Зайончковский, 1978: 74). Но разнообразие должностей в различных ведомствах и, соответственно, разнообразие окладов приводило к тому, что в некоторых случаях усредненные размеры пенсионного оклада были ниже размеров годового жалования, а в некоторых случаях превышали его. Это разнообразие в дальнейшем возросло.

Но уже к 1840 – началу 1860 гг. размеры пенсионных окладов по Уставу 1827 г. стали заметно отставать от размеров повышающегося жалования чиновников.

По подсчетам Б.Н. Миронова, среднее реальное годовое жалованье чиновников составляло в 1820-х гг. 18 % от уровня 1760 г., в 1830-3 гг. – 17 %, в 1840-х гг. – 47 %, в 1850-х – 35%, в 1860-х – 46 %, в 1870-х – 50 %, в 1880-х – 68 % и только в 1890-х гг. достигло 102 %, снизившись в 10-е гг. XX в. до 94 %, в 1911 – 1913 гг. до 83 % (Миронов, 2015: 212-215).

К середине XIX в. оклады жалования чиновников значительно возросли.

Например, если в 1800 г. по Общему штату губерний жалованье губернатора (в губерниях 1-го разряда) составляло 1800 руб. жалования (и 1200 руб. столовых), вице-губернатора – 1200 руб., советника губернского правления – 600 руб., асессора – 300 руб., секретаря губернского правления – 250 руб. (все оклады в ассигнациях) (Зайончковский, 1978: 74). А в 1858 г. в Остзейских губерниях оклад губернатора составил 1716 руб. (и 1716 руб. столовых), вице-губернатора – 1400 руб. (а также 600 руб. столовых и 570 руб. квартирных), советника губернского правления – 560 руб. (и 340 руб. столовых), асессора – 350 руб. (и 250 руб. столовых), секретаря – 336 руб. (и 169 руб. столовых и квартирных) (2ПСЗ. Т. 33. Ч. 3. № 26269).

Поскольку все эти оклады указаны в серебре, соотношение жалования в 1858 г. (без учета столовых и квартирных, т.к. на 1800 г. они не указаны) по отношению к 1800 г. составляет соответственно ок. 400 %, ок. 408 %, ок. 375 % и ок. 470 %.

Соответственно, увеличивался разрыв между жалованием и пенсией.

Например, в 1853 г. жалованье сенатора (1-й пенсионный разряд) равнялось от 2872 до 4939 руб. сер. в год (Зайончковский, 1978: 79-80), так что соответствующая пенсия (1143 руб. 60 коп.) составляла от 39,8 % до 23,1 % от годового жалования. В этом же году годовое содержание директоров Департамента сельского хозяйства МГИ, Хозяйственного департамента МВД, Департамента разных податей и сборов и Департамента Государственного казначейства Министерства финансов

(2-й разряд) составляло, соответственно, 4830, 5030, 8355 и 9930 руб. (Зайончковский, 1978: 80). Пенсия по этому разряду (857 руб. 70 коп.) равнялась, соответственно, от 8,6% до 17,7%. В 1851 – 1853 гг. жалование вице-губернатора равнялось 1400 руб., председателя казенной палаты – от 1400 до 1428 руб., председателя палаты уголовного и гражданского суда – от 700 до 1142 руб. (Зайончковский, 1978: 76-78). Эти должности относились к 1-й степени 3-го пенсионного разряда (571 руб. 80 коп.). Их пенсии составляли, соответственно, от 40 % до 81,7 % жалования.

Годовой оклад советника губернского правления (2-я степень 3-го разряда) в 1845 г. составлял 600 руб. (Зайончковский, 1978: 76), а его пенсия (428 руб. 85 коп.) – 71,5 % от этого оклада. К 1863 г. пенсия советника палаты уголовного и гражданского суда (тот же разряд) составляла всего 48,7 % от годового жалования, в 1866 г. пенсия начальника отделения в МГИ (тот же разряд) – 33 % жалования (2ПСЗ. Т. 41. № 4424).

Аналогичная картина наблюдается и в более низких разрядах. Например, в 1860 г. пенсия помощника столоначальника в Лесном департаменте МГИ (6-й разряд) составляла 62,3 % от его годового жалования (2ПСЗ. Т. 35. № 35687). В 1866 г. пенсия помощника бухгалтера в МГИ составляла 38,2 % их жалования, помощника столоначальника в том же ведомстве (9-й разряд) – 28,6 % от жалования (2ПСЗ. Т. 41. № 4424).

Разброс «коэффициента замещения» пенсий по всем разрядам был довольно большим, что зависело от ведомства. Различным должностям, отнесенным к одному и тому же пенсионному разряду, были присвоены различные оклады жалования. Но в целом размер пенсий для всех разрядов и должностей был заметно, а иногда и значительно меньше жалования.

К началу XX в. это отставание еще больше увеличилось. Так, пенсионные оклады директоров департаментов МВД, МЗиГИ, Министерства финансов, Министерства юстиции (2-й разряд) составляли от 10 до 25 % их содержания (Зайончковский, 1978: 87; 3ПСЗ. Т. 14. № 10457), вице-директоров департаментов в министерствах (1-я степень 3-го разряда) – 28,6 %, а управляющих казенными палатами – 8,8 % (Зайончковский, 1978: 89), начальников отделений Департамента общих дел МВД (2-я степень 3-го разряда) – 14,3 % (Зайончковский, 1978: 88), столоначальников департаментом МВД (7-й разряд) – от 11,4 до 14,5 % (Зайончковский, 1978: 88), помощников столоначальника, бухгалтера в казенных палатах (9-й разряд) – от 9,5 до 10 % (Зайончковский, 1978: 89).

В результате директор департамента или губернатор при выходе на пенсию могли рассчитывать на годовое содержание в размере жалования начальника отделения в департаменте (857 руб.), вице-губернатор – примерно 90 % жалования столоначальника (571 руб. 80 коп.).

П.А. Зайончковский приводит примерные бюджеты столичных чиновников, составленные в 1957 г. экономистом П.Н. Небольсиным. Расходная часть годовых бюджетов трех коллежских асессоров, живущих более или менее на широкую ногу, составляла в среднем ок. 1346 руб. Это больше, чем полная пенсия по 1-му разряду (т.е. пенсия сенатора). При этом современники считали данные бюджеты сильно преувеличенными. Только расходная часть бюджета титулярного советника, питавшегося весьма скромно, покупавшего одежду на толкучке и т.д. (318 руб. 60 коп.) соответствовала, примерно, полной пенсии 4-го разряда (чиновников 6-го – 5-го класса) (Зайончковский, 1978: 80-83).

В этих бюджетах расходы на жилье составляют от 17 – 18 % (квартира) до 24 % (съемная комната). Характерно, что в бюджетах петербургских рабочих на начало XX в. расходы на жилье составляли также от 15 до 21 % (Миронов, 2015: 177). Если исходить из этого соотношения, то в конце XIX – начале XX в. даже получавший пенсию 1-го разряда отставной чиновник не мог позволить себе снимать среднюю (3 – 5 комнат) квартиру, т.е. платить за жилье 500 – 1 тыс. руб. в год. Для большинства отставных чиновников в Петербурге доступным жильем были съемные комнаты в мансардах, углы и подвалы. Несколько лучше обстояло дело в провинции. Например, в Москве малая (менее 4-х комнат) квартира была доступна получавшим пенсию 2-го разряда, в Твери – 2-го, 4-го разряда, а в Бежецке – 1-го, 2-го разряда (Города России..., 1906: 249). Ниже была в провинции и стоимость продуктов питания.

Контраст между уровнем жизни губернатора до и после отставки ярко изобразил М.Е. Салтыков-Щедрин: «Он поселился в четвертом этаже во дворе того самого дома, где живет и бывший его патрон... По воскресеньям... на целый день уходит из дома сначала в греческую кухмистерскую, потом на ералаш (по 1/10 копейки за пункт) к кому-нибудь из бывших помпадуров [губернаторов Д.Р., Ф.Н.], который еще настолько богат средствами, чтоб на сон грядущий побаловать своих гостей рюмкой очищенной и куском селедки. Там в интервалах сдач ропшущие экс-помпадуры рассказывают друг другу о бывшем привольном житье, о стерляжьей ухе, о цене на рябчиков и индюков, о любопытнейших сенатских указах, о столкновениях, пререканиях и проч. ...а наутро опять наступает понедельник... обед ценою не свыше тридцати копеек... Худой и выцветший, в поношенном пальто, с сильно порыжелым бобровым воротником, он первого числа каждого месяца сидит на площадке лестницы Главного казначейства и в ожидании своей очереди для получения пенсии беседует с “старушкой”... “Всей-то моей пенсии, - говорит “старушка”: никак двенадцать рублей сорок три копейки в месяц будет. На себя, значит, семь рублей получаю, да на внучек – сын у меня на службе помер, так вот на них пять рублей сорок три копейки пожаловали... такое ли прежде мое

жизнь было! Дом-то полная чаша, хоть кто приходи, не стыдно! И мы в гости, и к нам гости! Ну, а теперь не прогневайся! Один день с квасом, а другой и так в сухомятку поедим. Ну, а вы, сударь, чай много суммы-то получаете» – да в месяц восемьдесят один рубль шестьдесят копеек. Не развернешься тоже, сударыня!» (Салтыков-Щедрин, 1939: 139-141). Несмотря на гротесковость изображения, обусловленную жанром сатиры, М.Е. Салтыков-Щедрин довольно точен в деталях. «Старушка», очевидно, получает вдовью пенсию по 7-му разряду. Губернатор – по 2-му разряду (указанные сатириком суммы в первом случае несколько меньше, а во втором – несколько больше предусмотренных в законе). Действие происходит в начале 1860-х гг. Отметим, что изображенный автором «помпадур» (губернатор) не составил состояния на службе.

Параллельно с изменениями соотношения размеров пенсий и жалования шел процесс изменения покупательной способности рубля, влиявший на уровень жизни как служащих, так и оставшихся чиновников.

В настоящее время имеется немало исследований по истории цен и, соответственно, реальной заработной платы, но почти все они рассматривают заработную плату и расходные части бюджетов рабочих. Это относится и к поводящей итоги данных исследований фундаментальной монографии Б.Н. Миронова. На спектр расходов рабочего ориентирован и его расчет индекса цен. Поскольку жизненный стандарт чиновника, даже отставного, предполагал несколько иной набор товаров и услуг, этот расчет применительно к чиновникам может служить, скорее, ориентиром. В соответствии с расчетом Б.Н. Миронова, индекс цен по отношению к 1703 г. в 1820-е гг. составлял 301%, в 1830-е гг. – 333 %, в 1840-е – 346 %, 1850-е – 397 %, 1860-е – 431 %, 1870-е – 419 %, 1880-е – 508 %, 1890-е – 533 %, в 1911 – 1913 гг. – 632 %, в 1913 г. – 634 %. (Миронов, 2015: 182-183). Таким образом, с момента введения Пенсионного устава до начала XX в. индекс цен возрос, примерно, в полтора раза. Повышение жалования в течение 2-й половины XIX в., как показал Б.Н. Миронов, позволило достичь уровня их обеспеченности на 1760-е гг. лишь к началу XX в.

Для оценки степени обеспеченности чиновников в отставке существенным является вопрос, какое место пенсия могла занимать в их доходах в целом.

Наличие дворянского имения могло значительно снижать заинтересованность чиновника в пенсии. Но уже в середине XIX в. 73 % классных чиновников не имели крепостных (в том числе 36 % высших чиновников, 46% чиновников VI – VIII классов и 79 % чиновников XIX – XIV классов) (Миронов, 2015: 218). В 1902 г. 73 % чиновников I – IV классов не имели земли, не считая загородных дач, бывших не источником доходов, а статьей расходов (Корелин, 1979: 98). Среди средних и низших чиновников этот процент был, несомненно, гораздо больше.

Доходы от предпринимательской деятельности (в пореформенное время) были актуальны скорее для ушедших с казенной службы. Наличие унаследованных или полученных в приданное за женой (из купечества) капиталов трудно поддается учету, но, скорее всего, это не было массовым явлением, а служба таких чиновников носила номинальный характер (например, чиновник по особым поручениям или причисленный к штату).

Для подавляющего большинства российских чиновников середины XIX - начала XX в. служба была единственным источником дохода, а, следовательно, пенсия – единственным ресурсом после отставки. Именно это заставляло чиновников служить до последней возможности, по крайней мере, до достижения необходимого пенсионного стажа.

Например, по воспоминаниям В.Г. Короленко, его отец (уездный судья в Волынской губ.), уже будучи парализованным, из последних сил старался дожить до 35-летнего стажа, а поскольку ему это не удалось, семья осталась без средств к существованию (Короленко, 1953: 210-211).

Общеизвестным источником доходов чиновников, позволявшим скопить средства и на старость, были взятки и прочие «безгрешные доходы». Но общепринятые представления о российском чиновничестве как о насквозь коррумпированной корпорации нуждаются по меньшей мере в уточнении.

Как и в размерах жалования и условиях службы, так и в возможностях обогащения путем лихоимства наблюдалось большое разнообразие. Это зависело и от ведомства, и от конкретной должности. Например, такой компетентный свидетель, как М.Е. Салтыков-Щедрин, указывая на особенно благоприятное положение членов казенных палат, заведовавших откупом (в их реальных доходах жалование составляло всего ок. 2 %), отмечал: «Какой-нибудь советник губернского правления, чтобы поставить себя в материальном отношении на одну высоту с советником казенной палаты, обязывался совершить что-нибудь необыкновенное: или войти в пай с убийцами, или скрасть сенатский указ, или сделать подлог... Так, например, ... губернский контролер, чтобы получить мзду, нередко оставлял без утверждения даже самые правильные отчеты, так что ему давали взятку только затем, чтобы развязаться с ним. На места губернских казначеев попадали древние старики, которые жили подачками при подписании указов о выдаче денег, а также подарками, получаемыми от уездных казначеев» (Салтыков-Щедрин, 1947: 209).

Одни чиновники наживали на службе состояние, другие в лучшем случае жили. У последних все коррупционные доходы прекращались после выхода в отставку. Но пенсия сулила им по крайней мере скудное выживание в старости.

В пореформенное время сфера коррупционных доходов значительно снизилась. Свободным от коррупции стал пореформенный суд. Уничтожение откупов и др. реформы резко снизили коррупционный потенциал финансового ведомства. Меньше возможностей для злоупотреблений стало у чиновников губернских учреждений. Для служащих это отчасти компенсировалось повышением жалованья. А положение вышедших на пенсию только ухудшалось.

5. Заключение

Главным фактором, предопределившим устаревание пенсионной системы и недостаточность пенсионного обеспечения чиновников, стала неизменность размеров пенсий, установленных в 1827 г. Этот недостаток мог быть устранен периодическим индексированием пенсий по мере увеличения окладов хотя бы при новых изданиях 3-го тома Свода законов. Но правительство при издании в 1857 г. Свода законов ограничилось переводом размеров пенсионных окладов по разрядам с ассигнационного рубля в серебряный. Номинальный размер этих окладов, таким образом, не претерпел изменений. Главной причиной этого был постоянный недостаток средств в казне (Раскин, Солнышкин, 2022: 1714, 1716-1717). В то же время размеры жалованья служащих постепенно увеличивались. Находя средства для увеличения жалованья служащих, правительство не считало необходимым выделять средства для улучшения отставных чиновников. Поэтому разрыв между размерами пенсий и жалованья все более возрастал. Это происходило на фоне роста цен, делавшего реальный размер пенсии еще меньше. Таким образом, к началу XX в. система пенсионного обеспечения чиновников в Российской империи стала абсолютно неэффективной. Это подрывало стабильность всей системы государственной службы.

В то же время рост доли чиновников, единственным источником доходов которых было жалованье, делал проблему пенсионного обеспечения особенно актуальной.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 22-28-00060.

Литература

- Бокарев, 2018 – Бокарев Ю.П. Первые пенсионные системы Российской империи // *Вестник ЮУрГУ*. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 4. С. 17-18.
- Города России..., 1906 – Города России в 1904 году. Т. 1. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.
- Ермаков, 2013 – Ермаков Д.Н. Тенденции развития российской пенсионной системы: дисс. ... док. экон. наук. М., 2013. 421 с.
- Дрыгина, 2010 – Дрыгина Н.Н. Астраханские чиновники: жалование и материальное положение (2-я половина XIX века – начало XX в.) // *Новый исторический вестник*. 2010. № 25. С. 16-24.
- Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Иванов, 2012 – Иванов В.А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // *Вестник Рос. ун-та дружбы народов*. 2012. № 1. С. 20-32.
- Корелин, 1979 – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 г. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Короленко, 1953 – Короленко В.Г. История моего современника / Собрание сочинений. Т. 6. М.: Изд-во «Правда», 1953. 336 с.
- Лапаева, 2020 – Лапаева А. В. Пенсионное обеспечение в Российской империи в XIX – начале XX веков // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 18-23.
- Любичанковский, 2007 – Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
- Миронов, 2015 – Миронов Б.Н. Российская империя: От традиции к модерну. В трех томах. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.
- Писарькова, 1995 – Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII—первой половине XIX в. // *Человек*. 1995. № 3. С. 121-139. № 4. С. 147-158.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Т. 44. Ч. 2. СПб., 1830. 757 с.
- 2ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 33, 35, 41. СПб, 1858, 1862, 1866. 681, 930, 1085 с.
- 3ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 14. СПб., 1898. 1544 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Салтыков-Щедрин, 1939 – Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадур и помпадурши // Н. Щедрин (М.Н. Салтыков). Избранные произведения в семи томах. Т. 2. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1939. 413 с.

Салтыков-Щедрин, 1947 – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа ташкентцы // Н. Щедрин (М.Н. Салтыков). Избранные произведения в семи томах. Т. 3. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1947. 573 с.

Свод законов..., 1857 – Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. 1416 с.

Федяев, 2008 – *Федяев Г.Н.* Пенсионная политика государства в дореволюционной России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2008. № 7. С. 166-167.

Чеснокова, 2012 – *Чеснокова Ю. В.* Становление пенсионного обеспечения в России в XVI - начале XX вв. // *Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 173-175.

Чеснокова, 2018 – *Чеснокова Ю.В.* Становление пенсионного обеспечения в дореволюционной России / *Актуальные проблемы истории, политики и права: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. Пензенский государственный университет*. 2018. С. 88-93.

Raskin, 2020 – *Raskin D.I.* Pension Reform of Nicholas I // *Bylye gody*. 2020. 58(4): 2485-2494.

Raskin, Solnyshkin, 2022 – *Raskin, D.I., Solnyshkin, A.A.* The Fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire // *Bylye gody*. 2022. 17(4): 1712-1712.

References

2PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd collection]. Т. 33, 35, 41. SPb., 1858, 1862, 1866. 681, 930, 1085 p. [in Russian]

3PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 3rd collection]. Vol. 14. SPb., 1898. 1544 p. [in Russian]

Bokarev, 2018 – *Bokarev, Ju.P.* (2018). Pervye pensionnye sistemy Rossijskoj imperii [The first pension systems of the Russian Empire]. *Vestnik YuUrGU. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*. 18(4): 17-18. [in Russian]

Chesnokova, 2012 – *Chesnokova, Ju.V.* (2012). Stanovlenie pensionnogo obespechenija v Rossii v XVI – nachale XX vv. [The formation of pension provision in Russia in the 19th century – the beginning of the 20th centuries]. *Izvestija PGPU imeni V.G. Belinskogo*. 28: 173-175. [in Russian]

Chesnokova, 2018 – *Chesnokova, Ju.V.* (2018). Stanovlenie pensionnogo obespechenija v dorevoljucionnoj Rossii [Formation of pension provision in pre-revolutionary Russia]. *Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava: sbornik statej VI Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii*. Penzenskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 88-93. [in Russian]

Drygina, 2010 – *Drygina, N.N.* (2010). Astrahanskije činovniki: zhalovanie i material'noe položenie (2-ja polovina XIX veka – nachalo XX v.) [Astrakhan officials: salary and financial situation (2nd half of the 19th century – beginning of the 20th centuries)]. *Novyj istoričeskij vestnik*. 25: 16-24. [in Russian]

Ermakov, 2013 – *Ermakov, D.N.* (2013). Tendencii razvitiija rossijskoj pensionnoj sistemy [Trends in the development of the Russian pension system]: dis. ... dok. jekon. nauk. M., 421 p. [in Russian]

Fedjaev, 2008 – *Fedjaev, G.N.* (2008). Pensionnaja politika gosudarstva v dorevoljucionnoj Rossii [State pension policy in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7: 166-168. [in Russian]

Goroda Rossii..., 1906 – *Goroda Rossii v 1904 godu* [Cities of Russia in 1904]. Т. 1. SPb.: Tipo-lit. Nyrkina, 1906. 907 p. [in Russian]

Ivanov, 2012 – *Ivanov, V.A.* (2012). Sluzhebnaja prigodnost' ili lichnye simpatii nachal'nika: okladnoe sodержanie sluzhashhih mestnyh gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossii v seredine XIX v. [Service suitability or personal sympathies of the chief: salary maintenance of employees of local state institutions of Russia in the middle of the 19th century]. *Vestnik Ros. un-ta družby narodov*. 1: 20-32. [in Russian]

Korelin, 1979 – *Korelin, A.P.* (1979). Dvorjanstvo v poreformennoj Rossii. 1861–1904 g. [The nobility in post-reform Russia. 1861–1904]. М.: Nauka, 303 p. [in Russian]

Korolenko, 1953 – *Korolenko, V.G.* (1953). Istorija moego sovremennika [History of my contemporary]. *Sobranie sochinenij*. Vol. 6. М.: Izd-vo «Pravda», 336 p. [in Russian]

Lapaeva, 2020 – *Lapaeva, A.V.* (2020). Pensionnoe obespechenie v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vekov [Pension provision in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Pravo: istorija i sovremennost'*. 3(12): 18-23. [in Russian]

Ljubichankovskij, 2007 – *Ljubichankovskij, S.V.* (2007). Gubernskaja administracija i problema krizisa vlasti v pozdneimperskoj Rossii (na materialah Urala, 1892–1914 gg.) [Provincial administration and the problem of the crisis of power in late imperial Russia (based on the materials of the Urals, 1892–1914)]. Samara; Orenburg: IPK GOU OGU, 750 p. [in Russian]

Mironov, 2015 – *Mironov, B.N.* (2015). Rossijskaja imperija: Ot tradicii k modernu. V treh tomah. [Russian Empire: From tradition to modernity. In three volumes]. Т. 3. SPb.: Dmitrij Bulanin, 992 p. [in Russian]

Pisar'kova, 1995 – *Pisar'kova, L.F.* (1995). Rossijskij činovnik na sluzhbe v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. [Russian official in the service at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. *Chelovek*. 3: 121-139; 4: 147-158. [in Russian]

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Т. 44. Ch. 2. SPb., 1830. 757 p. [in Russian]

Raskin, 2020 – Raskin, D.I. (2020). Pension Reform of Nicholas I. *Bylye gody*. 58(4): 2485-2494.

Raskin, Solnyshkin, 2022 – Raskin, D.I., Solnyshkin, A.A. (2022). The fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire. *Bylye gody*. 17(4): 1712-1712.

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

Saltykov-Shhedrin, 1939 – Saltykov-Shhedrin, M.E. (1939). Pompadury i pompadurshi [Pompadours and Pompadourses]. N. Shhedrin (M.N. Saltykov). *Izbrannye proizvedenija v semi tomah*. Vol. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 413 p. [in Russian]

Saltykov-Shhedrin, 1947 – Saltykov-Shhedrin, M.E. (1947). Gospoda tashkentcy [Gentlemen of Tashkent]. N. Shhedrin (M.N. Saltykov). *Izbrannye proizvedenija v semi tomah*. Vol. 3. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 573 p. [in Russian]

Svod zakonov..., 1857 – Svod zakonov Rossijskoj imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. T. 3. SPb., 1857. 1416 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1978 – Zajonchkovskij, P.A. (1978). Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M.: Mysl', 288 p. [in Russian]

Материальное положение российских чиновников в отставке (XIX – начало XX в.)

Давид Иосифович Раскин ^{a, *}, Филипп Николаевич Никитин ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена материальному положению чиновников Российской империи после их выхода в отставку в период с 1827 г. (издания Пенсионного устава) до 1917 г. При принятии Пенсионного устава предполагалось, что пенсия чиновников должна была быть равна (в среднем) их жалованью, получаемому на службе. Но в связи с последующим неоднократным повышением жалованья размер пенсии стал намного меньше этого жалованья. В статье исследуется динамика «коэффициента замещения» пенсий российских чиновников (в период с 1840-х гг. до начала XX в.), т.е. соотношения размера пенсии и размера жалованья. В статье показано, что размер пенсии почти всех категорий чиновников постепенно составлял все меньшую долю их жалованья. Главной причиной такого отставания пенсий от постепенно повышающегося жалованья был постоянный недостаток средств в государственной казне.

В статье показано, что после выхода в отставку материальное положение российских чиновников резко ухудшалось. Выход в отставку означал для чиновника понижение уровня доходов как минимум на 2-3 ступени по иерархической служебной лестнице.

Параллельно этому процессу происходили изменения покупательной способности рубля, рост цен на жилье и основные продукты питания, т.е. изменения реального размера пенсий. Эти изменения также влияли на материальное положение отставных чиновников.

В статье проиллюстрировано на примерах из художественной литературы резкое снижение уровня жизни российских чиновников после их выхода в отставку.

В то же время к началу XX в. подавляющее большинство российских чиновников не имело других источников дохода кроме жалованья и, следовательно, в старости должны были рассчитывать только на пенсию.

Отказ правительства от индексации пенсий предопределил архаизм и неэффективность системы пенсионного обеспечения в Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, чиновники, пенсии, жалованье, «коэффициент замещения», уровень жизни.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.raskin@mail.ru (Д.И. Раскин), mr.fil.nikitin@mail.ru (Ф.Н. Никитин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1187-1195
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1187

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Contribution of Merchants to the Formation of the System of Female Education in the Russian Province (Based on the Materials of Vologda Province in the second third of the 19th century)

Irina I. Leyman ^{a, b, *}

^a Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Institute of Language, Russian Federation

^b Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Russian Federation

Abstract

The article considers the influence of merchants on the development of female education in the Russian province during the second third of the 19th century (based on the materials of Vologda province). Women's education started being differentiated from the common school system in 1800–1820. It became possible due to the adoption of such educational documents as “Statute of educational institutions subordinated to universities” and “Statute of gymnasiums and schools of district and parish” that were released in 1804 and 1828 respectively. In 1830–1850 women's parochial schools started appearing in Vologda Province thanks to the big support of local merchants. The examples of such schools were Kadnikovskoe (1838), Gryazovetskoe (1840), Yarenskoe (1843), Veliko-Ustyugskoe (1844). Another important educational document devoted to female education was implemented in 1858. It was “Regulations on women's schools” that contributed to the establishment of women's schools in Vologda, Totma, Ust-Sysolsk and Yarensk. All of this happened thanks to the huge support of local merchants, who became the initiators of the opening of women's schools in Totma and Ust-Sysolsk. At the same time the merchants' wives became the trustees of such schools (however, there was an exceptional case in Ust-Sysolsk where the merchant of the 1st guild Latkin V.N. got to be the trustee according to the particular rule of law). Among the significant sources of women's schools support were means of local merchants who bought a lot of books, schools supplies and furniture. Besides, they were really involved into the charity and donated money during such holidays as Easter and Christmas. The buildings – where the women's schools were situated – also were taken care of by merchants. For instance, in 1858–1859 in Ust-Sysolsk the merchant Zaboev I.N. built a wooden building for the women's school using his own money. Thus, the local merchants gave wide and complex support to the development of female education in Vologda province.

Keywords: Merchants, Charity, Female Education, Women's Schools, Vologda Province, Vologda Provincial Gazette, European North of Russia.

1. Введение

В современных реалиях снова обретает актуальность историческая ретроспектива благотворительности. В Российской империи (особенно в провинции) в число наиболее значимых благотворителей и меценатов входили, прежде всего, представители купеческого сословия. Основными направлениями благотворительной деятельности купечества были поддержка церкви, больниц, приютов, образовательных учреждений, обеспечение тюремного хозяйства и нужд городской инфраструктуры. Несмотря на то что уровень грамотности в купеческой среде в целом был невысок, тем не менее, важность развития системы образования представителями торгового сословия

* Corresponding author

E-mail addresses: irinaleyman@gmail.com (I.I. Leyman)

сомнению не подвергалась. Особый интерес представляет в этом ключе становление системы женского образования в Российской империи и роль в этом процессе купечества как наиболее прогрессивного с точки зрения восприятия нововведений и к тому же обладавшего необходимыми финансовыми ресурсами сословия. Локализация данного явления в рамках отдельной административно-территориальной единицы Вологодской губернии позволяет изучить его более детально.

2. Материалы и методы

Базовым источником данного исследования выступают «Вологодские губернские ведомости». Положение об издании Губернских ведомостей было утверждено в 1830 году. Однако их выпуск в большинстве губерний, в том числе и в Вологодской, удалось наладить только с 1838 г. Губернские ведомости издавались еженедельно и включали четыре раздела: «Постановления и предписания», «Объявления казенные», «Известия», «Объявления частные». Также на страницах издания публиковались статьи этнографического и краеведческого характера. В «Губернских ведомостях» находили отражение все наиболее значимые в губернии события: авторы статей зачастую были их непосредственными участниками и свидетелями, что делает опубликованный материал уникальным. Всего за период с 1838 по 1860 гг. было выявлено 26 публикаций, касающихся развития системы женского образования в Вологодской губернии и роли купечества в этом процессе.

Для понимания и формирования исторического контекста становления учреждений женского образования в Вологодской губернии были привлечены законодательные акты (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч1; ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч2; Устав..., 1804; Устав..., 1840) и источники справочного характера (Материалы для истории..., 1860).

Теоретическая база работы обусловлена соблюдением принципов научного исследования, среди которых принцип объективности, принцип системности, принцип динамизма, принцип историзма, что в совокупности позволяет рассмотреть объект исследования в его целостности и в то же время в динамике развития. Методологический инструментарий работы включает комплекс общенаучных и специальных исторических методов исследования. В числе общенаучных методов можно выделить сравнение, анализ и синтез, необходимые при работе с массовыми историческими источниками. Метод дедукции позволяет воссоздать исторический контекст изучаемого явления и обозначить в нем место объекта исследования. При помощи метода индукции, в свою очередь, выявленные в источниках факты интерпретируются в общем ключе логики исторического развития изучаемой сферы. Историко-генетический метод демонстрирует причинно-следственные связи и закономерности исторического развития, определяет характеристику событий и персоналий в их индивидуальности и образности.

3. Обсуждение

Согласно целому ряду научных публикаций, одним из важнейших направлений благотворительной деятельности купечества в различных регионах дореволюционной России была поддержка системы народного просвещения в целом и женского образования в частности (Борисов, 2009; Герасимиди, 2011; Капленко, 2012; Клиницкий, 2016; Кузнецова, 2016; Репина, 2012; Скубневский, 2018). Географические рамки исследований преимущественно охватывают центральные и южные губернии Российской империи, а также Сибирь. В этом плане «выпадает» территория Европейского Севера России: несмотря на наличие комплекса исследовательских работ на тему становления в регионе системы женского образования (Баев, Иванова, 2021; Бондаренко, 2005; Калинина, 2017), отдельных научных публикаций о роли купечества в данных процессах, за редким исключением, не представлено (Аверин, 2015; Козина, 2004). В центре внимания исследователей в основном находится пореформенный период, в то время как основы создания системы открытых женских учебных заведений были заложены еще в первой половине XIX в., а усиление внимания государства к этой сфере произошло в середине XIX в., до начала Эпохи великих реформ.

4. Результаты

Выделение женского образования из общей школьной системы начинается в 1800-1820-е гг. Согласно «Уставу учебных заведений, подведомых университетам» 1804 года, в системе государственного начального образования доступ лицам женского пола был открыт лишь на низшую ступень: «в приходские училища принимаются всякого состояния дети, без разбора полу и лет»; уездные же училища учреждались с целью подготовки «юношества для гимназий» (Устав..., 1804: 42, 56). В приходских училищах Вологодской губернии в первой трети XIX в. число лиц мужского пола значительно превышало число лиц женского пола. К примеру, в Пятницком приходском училище Устюга в 1811 г. было 23 ученика и 2 ученицы, в 1813 – 12 учеников и 1 ученица, в 1814 г. – 12 учеников и ни одной ученицы (в том же году училище было закрыто «за неимением средств поддерживать его» (Материалы для истории..., 1860: 73)). В сельских школах ситуация была схожая. Так, в училище при Николаевской церкви Шемогодской волости Велико-Устюгского уезда в 1811 г. обучалось 16 мальчиков и 2 девочки, в 1813 г. – 7 мальчиков и 2 девочки, в 1814 г. – 9 мальчиков (после 1814 г. обучение не проводилось, и в 1816 г. училище было зарыто) (Материалы для истории..., 1860: 76).

В целом незначительная доля лиц женского пола, обучавшихся в приходских училищах в первой половине XIX в. была отмечена не только на Европейском Севере России, но и в целом по стране (Калинина, 2017: 185).

С 1828 года по «Уставу гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» доступ лицам женского пола в учебные заведения был расширен: «в приходские училища могут быть допускаемы дети всех стояний и обоего пола, но не моложе восьми лет, а девицы не старше одиннадцати»; «в уездных училищах обучаются дети только мужского пола; учреждению равных оным по степени преподавания училищ для девиц местное училищное начальство обязано содействовать всеми имеющимися у него средствами» (Устав..., 1840: 3, 11). В Вологодской губернии были открыты женские приходские училища: Кадниковское (1838 г.), Грязовецкое (1840 г.), Яренское (1843 г.), Велико-Устюгское (1844 г.) (Материалы для истории..., 1860: 75).

Приходское училище в Грязовце появилось во многом «стараниями к учреждению» бывшего городского головы, купца 3-й гильдии Петра Гудкова. За этот вклад (а также за постройку за свой счет деревянного дома для Грязовецкого уездного училища) в 1840 г. Петр Гудков был награжден «золотой медалью на Александровской ленте с надписью «за полезное» для ношения на шее» (ВГВ. ОЧ, 1840, 39: 281). В 1847 г. купец Павел Жилин пожертвовал Велико-Устюгскому женскому приходскому училищу деревянный дом стоимостью 1 430 р. (Материалы для истории..., 1860: 100).

В Вологде в 1843–1852 гг. «на счет остатков от содержания мужского приходского училища» существовала женская приходская школа с одним учителем, в которой в разное время обучалось от 10 до 20 учениц (Материалы для истории..., 1860: 75).

В декабре 1853 г. в Усть-Сысольске во время торжественного обеда у городничего по случаю тезоименитства Государя Императора была «предложена присутствующим подписка в пользу девичьяго приходского училища», в рамках которой «в таком небогатом и далеком городке» было собрано добровольных пожертвований на сумму 300 руб. серебром. Весомый вклад внес усть-сысольский купец И. Забоев, «природный зырянин»: на том же листе, где составлялась подписка, он написал «Слава Богу! Здесь видится Зырянка – мать ученая!» и обязался ежегодно в течение трех лет передавать училищу 50 рублей серебром (ВГВ. НЧ, 1854, 2).

Одним из важнейших импульсов для развития женского образования в Российской империи стало утверждение в 1858 г. «Положения о женских училищах» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч1). «Училища для девиц» необходимо было учреждать «в городах, коих жители наиболее нуждаются в средствах для образования дочерей своих, и где представится возможность дать училищу необходимым для открытия и обеспечения существования онаго способы от Правительства, от разных ведомств и сословий или от частных пожертвований» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч1: 689). Основной целью училищ было дать «религиозное нравственное и умственное образование, котораго должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч1: 690). Интересно, что главными инициаторами открытия женских училищ и жертвователями в разных губерниях стали не дворяне и чиновники, а представители купеческого сословия (Баев, Иванова, 2021: 7-8; Борисов, 2009: 178; Кузнецова, 2016: 23, 27).

В Вологодской губернии вследствие «особенного внимания правительства на распространение образования женского пола» в 1858 г. были открыты Вологодское перворазрядное училище для девиц, Тотемское и Усть-Сысольское второразрядные двухклассные училища для девиц, в 1859 г. – Яренское второразрядное двухклассное училище для девиц (оно было преобразовано из женской приходской школы) (Материалы для истории..., 1860: 75). Таким образом, женские училища в Вологодской губернии были в числе первых подобных в Российской империи (Баев, Иванова, 2021: 6), что стало возможным во многом благодаря вложениям местного купечества.

«Прежде всех в ... губернии» женское училище появилось «в виде опыта на 4 года» в Тотьме стараниями «двух главных участников в этом деле» купца Александра Никитича Бойченко и купеческого сына Александра Михайловича Кокорева, пожертвовавших на эту инициативу по 60 руб. (для сравнения: из городского бюджета было внесено 66 руб.) (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 109; ВГВ. НЧ, 1858, 16: 133). За «деятельное участие в доставлении средств» А.Н. Бойченко и А.М. Кокореву в 1858 г. была объявлена «совершенная признательность» господина попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (ВГВ. ОЧ, 1858, 14: 138). Открытие училища состоялось 9 марта 1858 г. (по ст.стилю) и, по свидетельству жителя Тотьмы, должно было надолго остаться «в памяти жителей ... города и даже окрестных селений» (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110). Пригласительные билеты на торжество получили чиновники, купечество и «почетнейшие из граждан» (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110). Первыми ученицами стали 34 девицы, пять из которых были купеческими дочерьми. В Богоявленском соборе прошла литургия, после которой при колокольном звоне был совершен «в открываемое училище крестный ход ... при необыкновенном стечении народа». Затем директор училищ Вологодской губернии прочитал речь, в которой подчеркнул вклад «в столь полезное для образования края дело» А.Н. Бойченко и А.М. Кокорева, а также городского общества (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110). Почетные гости были приглашены в здание училища на «не роскошное, но радушное угощение»; интересно, что во

время празднования директор отклонил провозглашенный за его здоровье тост и «взамен предложил [за] здоровье жертвовавших деньгами и трудами» (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110).

Почетной блюстительницей Тотемского женского училища стала жена купца 1-й гильдии Елизавета Михайловна Бойченко (по «Положению о женских училищах» 1858 г. попечительница избиралась «из почетных лиц женского пола, живущих в городе, где учреждено училище, и принимающих в процветании онаго наиболее участие») (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84; ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч1: 690).

В 1858–1860 гг., согласно распространенной традиции в дни Рождества и Воскресения Христова вместо нанесения в социальные учреждения визитов делать последним пожертвования, Тотемскому женскому училищу представителями купечества были переданы различные суммы (от 50 копеек до 3 рублей с человека в честь каждого праздника). Среди жертвователей чаще других упоминались купцы Дмитрий Архипов, Александр Бойченко, Илья Воронин, Василий Мальцев, Павел Синецын, Лаврентий Тихановский, Василий Шилов (ВГВ. НЧ, 1858, 16: 135; ВГВ. НЧ, 1859, 5: 43-44; ВГВ. НЧ, 1859, 19: 153-154; ВГВ. НЧ, 1860, 3: 23-24; ВГВ. НЧ, 1860, 9: 69; ВГВ. НЧ, 1860, 17: 133-134). Средства предназначались на покупку собственного учебного здания, т.к. изначально женское училище располагалось «в наемном деревянном двухэтажном на каменном фундаменте доме» (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92). Особенно крупные пожертвования были сделаны в 1858 г. пятигорским купцом 1-й гильдии Г.А. Медынцевым (240 руб. серебром) и в 1860 г. солигаличским купцом 1-й гильдии А.Г. Кокоревым (180 руб. «для усиления средств на покупку дома под училище для девиц в Тотьме») (ВГВ. ОЧ, 1858, 25: 261; ВГВ. НЧ, 1860, 5: 38). В начале 1860 г. необходимая сумма была собрана (420 руб.) и получено разрешение «высшего начальства» на покупку здания (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92; Материалы для истории..., 1860: 99). В апреле 1860 г. пожертвования по случаю Пасхи передавались уже «на устройство и отделку дома под училище» («на исправление» требовалась сумма в 300 руб.) (ВГВ. НЧ, 1860, 17: 133-134; Материалы для истории..., 1860: 99).

По данным на 1 января 1860 г. (по ст.стилю) в Тотемском уездном женском училище обучалось 60 девиц (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85). Важными источниками доходов на содержание училища (помимо средств из городского бюджета) в течение четырех лет стали пожертвования всё тех же А.Н. Бойченко и А.М. Кокорева (по 60 руб. в год каждый) и почетной блюстительницы Е.М. Бойченко (по 50 руб. в год) (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 93). Учебными пособиями и классными принадлежностями училище обеспечивалось в том числе и за счет купечества: к примеру, в 1860 г. купец Насонов пожертвовал «карты 5-ти частей света» (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92).

14 июня 1858 г. (по ст.стилю) в Вологде было открыто перворазрядное женское училище, «по объему преподаваемых предметов приближающееся к курсу гимназическому» для учениц «всех свободных сословий» (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 83). Среди важнейших источников содержания Вологодского женского училища были средства представителей купечества (Баев, Иванова, 2021: 7-8). К примеру, В.А. Кокорев обязался выделять с 1859 г. по 1 000 руб. ежегодно в течение восьми лет из процентов с капитала, пожертвованного им «в пользу офицеров Вологодского ополчения» (для сравнения: Приказ общественного призрения выделял 1 500 руб.; из городского бюджета поступало 1 250 руб.) (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 93). В 1859 г. купечество, торговавшее во время Январской ярмарки в Вологде, передало училищу 93 руб. 20 коп.; вологодский купец Леденцов подарил 1000 руб. (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 69; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 94). Интересно, что еще на этапе планирования открытия в Вологде перворазрядного училища у местных властей были большие сомнения в успехе этого предприятия, так как «не было ни наличных денег в запасе, ни постоянных доходов на содержание» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100). По данным на 1 января 1860 г. (по ст.стилю) в Вологодском женском училище было 80 учениц (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85). К этому времени учебное заведение, по замечанию директора училищ Вологодской губернии, уже успело «окрепнуть и заслужить внимание общества» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100).

Большой вклад в основание Усть-Сысольского женского двухклассного училища был сделан «тремя почтенными жителями Усть-Сысольска П.А. Волковым, И.Н. Забоевым и В.Н. Латкиным» (последние двое были представителями купечества) (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 372). Как писал современник событий, «в таком малозначительном городе, каков Усть-Сысольск, ... котораго коренные жители зыряне, по-видимому, совершенно чужды духу цивилизации, - открываются наконец-то средства к приобретению если не блестящего, то по крайней мере очень, очень достаточного воспитания для женского пола» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 372).

Открытие Усть-Сысольского женского училища состоялось 8 сентября 1858 г. (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 371-375). Всего было набрано 43 ученицы, семь из которых были купеческими дочерьми (к началу октября 1858 г. число учениц возросло до 53). За несколько дней до торжества «чиновники, купечество и почетнейшие из граждан города приглашены были по билетам» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 372-373). В день открытия в Усть-Сысольском Троицком соборе прошла литургия и молебен, далее «при колокольном звоне совершен был в училище крестный ход при многочисленном стечении народа» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 373). При входе процессии в училище штатный смотритель прочитал предписание директора училищ Вологодской губернии о разрешении на открытие данного учебного заведения и объявил признательность Министерства народного просвещения «лицам принесшим

значительных пожертвования», в том числе купцам И.Н. Забоеву и В.Н. Латкину (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 373). Затем был совершен молебен с водосвятием и «окроплением училища водою», произнесены торжественные речи (в частности, прозвучало мнение о том, что Усть-Сысольское общество «ссылаясь на скудные средства, вероятно, не скоро успело бы в таком полезнейшем деле, если бы не приняли в нем самое деятельное участие трое благородных по душе и сердцу сограждане: П.А. Волков, И.Н. Забоев и В.Н. Латкин») (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 374). Завершилась церемония пением гимна «Боже, Царя храни!», после чего ученицы были «одарены конфектами», а почетным посетителям было предложено «радушное угощение» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 374).

По примеру Тотемского, Усть-Сысольское женское училище было открыто «в виде опыта на 4 года» (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84). Его почетной блюстительницей стала жена купца 2-й гильдии Прасковья Андреевна Латкина (ВГВ. ОЧ, 1858, 44: 459; ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84). Кроме того, в училище был назначен и почетный блюститель – купец 1-й гильдии Василий Николаевич Латкин (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84; *Материалы для истории...*, 1860: 79-80). Ввиду того, что «Положением о женских училищах» была предусмотрена только должность попечительницы, 15 ноября 1858 г. (по ст.стилю) было утверждено Положение главного правления училищ «Об учреждении при Усть-Сысольском женском училище должности Почетного Блюстителя», которым должен был быть человек «преимущественно из купеческого сословия», и «на первый раз звание это предоставлено было ... купцу Латкину» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч2: 389). Прямой обязанностью почетных блюстителей было «содействовать процветанию училищ вещественною помощью и нравственным влиянием» (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84; *Материалы для истории...*, 1860: 79-80). Согласно отчету директора училищ Вологодской губернии за 1860 г., почетная блюстительница Усть-Сысольского женского училища, равно как блюстительницы Тотемского и Яренского женских училищ, посещали учебные заведения «весьма усердно» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100).

В 1858–1859 гг. Усть-Сысольское женское училище располагалось «временно в старом деревянном доме купца Забоева» (*Материалы для истории...*, 1860: 103-104). За этот период И.Н. Забоев построил специально для училища новый деревянный дом, который обошелся, согласно смете, в 2 637 руб. В сентябре 1859 г. училище перешло в новое здание. Все ремонтные работы, отопление и освещение здания в течение последующих четырех лет также обязался обеспечивать купец И.Н. Забоев (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 373; ВГВ. НЧ, 1860, 9: 71; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92-95; *Материалы для истории...*, 1860: 103-104).

На содержание женского училища в первые три года из городского бюджета выделялось по 100 руб. Почетный блюститель В.Н. Латкин также вносил 100 руб. в год, почетная блюстительница П.А. Латкина – 40 руб. в год. Кроме того, в 1858 г. купец Забоев передал училищу 50 руб., купец Красных – 10 руб. А Усть-Сысольским купцом 2-й гильдии М.Н. Латкиным училищу был подарен «небольшой портрет Государя Императора в золоченой рамочке» (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 71; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92, 94-95). В 1860 г. купец Забоев взял на себя «отделку картины в золоченую раму со стеклом» для женского училища (ВГВ. ОЧ, 1860, 47: 436).

Почетные блюстители обеспечивали училище книгами: в 1858 г. В.Н. Латкин доставил учебные пособия «для бедных учениц» на 40 руб. и «для помещения в фундаментальную библиотеку» на 15 руб.; П.А. Латкина – книги на 11 руб. 50 коп. (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 71; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92, 94-95). В 1860 г. В.Н. Латкин пожертвовал «70 экз. Нового Завета в русском переводе, суммою на 20 руб. сер., для раздачи ученицам от имени жертвователя, и 8 лотерейных билетов..., выигрыш коих будет предоставлен благонравнейшим из девиц этого училища» (ВГВ. ОЧ, 1860, 47: 436).

На 1 января 1860 г. в Усть-Сысольском женском училище числилось 82 ученицы – наибольшее количество среди всех женских училищ губернии, (в том числе и перворазрядного Вологодского женского училища) (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85).

Яренское женское училище находилось в одном из самых невыгодных положений «по совершенной бедности жителей» (численность купцов в городе была наименьшей в губернии. К примеру, в 1847 г. на 1 212 жителей приходилось семь купцов 3-й гильдии, или 0,6 % от всего губернского купечества (ВГВ. НЧ, 1847, 43: 436)). По этой причине в 1860 г. правление Беломорской компании «в уважение пользы, приносимой училищу краю ... отпустило единовременно 300 р. и определило предложить общему собранию акционеров дальнейшее обеспечение училища» (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 94).

В конце 1850-х гг. продолжали функционировать женские приходские школы в Грязовце, Кадникове и Устюге (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 83). На 1 января 1860 г. в приходских школах обучалось девиц: в Грязовецкой – 34, Кадниковской – 23, Велико-Устюгской – 14 (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85-86). Местное купечество также оказывало учебным заведениям посильную помощь. К примеру, в 1860 г. заменив визит по случаю Пасхи пожертвованием, грязовецкий купец Гудков передал в местное женское приходское училище 1 рубль «на устройство классной мебели» (ВГВ. НЧ, 1860, 17: 134). В 1860 г. в Устюге планировали открыть второразрядное женское училище, на что были сделаны «весьма значительные пожертвования как отдельными лицами из числа местных граждан, особенно Ильею Яковлевичем Грибановым, так и городским обществом в составе целого» (Илья Грибанов был представителем купечества) (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 72; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 94).

Несмотря на значительные объемы средств, вложенных купцами в развитие сферы женского образования, современники отмечали, что в Вологодской губернии женские второразрядные училища «первоначально везде принимаются с трудом, ибо на первых порах мещане, а подчас даже и купечество, грамотность почитают чем-то неуместным и даже неблагопристойным для девушек» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100). В 1859 г. в «Вологодских губернских ведомостях» в статье на тему образования купеческих дочерей (перепечатанной из «Московских ведомостей») было отмечено, что для «богатого купечества еще невообразима мысль, что их дочери должны быть образованы так же, как могут быть образованы и бедные мещанки» (ВГВ. НЧ, 1859, 8: 64). Но высказывалась уверенность, что придет время, когда купечество «поймет значение и цену истинного образования женщины» (ВГВ. НЧ, 1859, 8: 65).

5. Заключение

По совокупности представленных данных не вызывает сомнения огромное значение, которое имела поддержка женских учебных заведений Вологодской губернии со стороны купечества. Во многих случаях именно купцы являлись инициаторами открытия в губернии женских училищ, а купеческие жены становились почетными блюстительницами учебных заведений для девочек. Представители купечества оказывали серьезную финансовую поддержку женским училищам: это могли быть ежегодные пожертвования или пожертвования по случаю православных праздников. В ряде городов купцы брали на себя расходы на содержание или даже на покупку учебных зданий, обеспечение учебными пособиями и канцелярскими принадлежностями. Кроме того, купеческие дочери составляли немалую долю среди первых учениц женских училищ Вологодской губернии (и это несмотря на распространенное мнение о скептическом отношении представителей торгового сословия к женскому образованию).

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Литература

Аверин, 2015 – Аверин А.В. Благотворительная деятельность купеческого сословия на Европейском Севере России (1861–1917 гг.) / *Теория и практика социальной работы: история и современность*. Сборник научных трудов электронное издание. Барнаул, 2015. С. 15-18.

Баев, Иванова, 2021 – Баев А.А., Иванова Т.Н. Вологодская женская Мариинская гимназия во второй половине XIX века: специфика создания и деятельности // *Исторический поиск*. 2021. Т. 2. № 4. С. 5-14.

Бондаренко, 2005 – Бондаренко О.Е. Женское образование в Республике Коми: (XIX – нач. XXI вв.). Сыктывкар, 2005.

Борисов, 2009 – Борисов Б.Ю. Духовно-нравственные основы благотворительности и попечительства русского купечества в отечественном образовании // *Человек и образование*. 2009. № 4(21). С. 177-179.

ВГВ. НЧ, 1847, 43 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1847. №43.

ВГВ. НЧ, 1854, 2 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1854. №2.

ВГВ. НЧ, 1858, 14 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1858. №14.

ВГВ. НЧ, 1858, 16 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1858. №16.

ВГВ. НЧ, 1858, 40 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1858. №40.

ВГВ. НЧ, 1859, 5 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1859. №5.

ВГВ. НЧ, 1859, 8 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1859. №8.

ВГВ. НЧ, 1859, 19 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1859. №19.

ВГВ. НЧ, 1860, 3 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. №3.

ВГВ. НЧ, 1860, 5 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. №5.

ВГВ. НЧ, 1860, 9 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. №9.

ВГВ. НЧ, 1860, 11 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. №11.

ВГВ. НЧ, 1860, 12 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. №12.

ВГВ. НЧ, 1860, 13 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. №13.

ВГВ. НЧ, 1860, 17 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. №17.

ВГВ. ОЧ, 1840, 39 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. 1840. №39.

ВГВ. ОЧ, 1858, 14 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел второй. 1858. №14.

ВГВ. ОЧ, 1858, 25 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел второй. 1858. №25.

ВГВ. ОЧ, 1858, 44 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел второй. 1858. №44.

- ВГВ. ОЧ, 1860, 47 – Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. Отдел первый. 1860. №47.
- Герасимиди, 2011 – Герасимиди Е.И. Роль купечества в развитии образования в Астрахани в XIX в // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. № 1(26). С. 17-21.
- Калинина, 2017 – Калинина Е.А. Женские начальные школы в образовательном пространстве Европейского Севера России (первая половина XIX в.) / «Свое» и «чужое» в культуре = «Our» and «Alien» in Culture: материалы XI Межд. научной конференции (г. Петрозаводск, 22-24 июня 2017 г.). Петрозаводск, 2017. С. 184-185.
- Капленко, 2012 – Капленко А.Н. Иркутское купечество: благотворительность и меценатство (к 75-летию образования Иркутской области) // *Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета*. 2012. Т. 1. № 1. С. 153-158.
- Клиницкий, 2016 – Клиницкий А.И. Мотивы благотворительной деятельности Сибирского купечества в сфере народного образования XIX века // *Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты*. 2016. № 2. С.239-242.
- Козина, 2004 – Козина Г.Н. Вологодское купечество и школа, (XVIII – начало XX века) // *Вологда: Краеведческий альманах*. Вып. 4. Вологда, 2004. С. 38–62.
- Кузнецова, 2016 – Кузнецова М.В. Вклад купечества в развитие женского образования дореформенного Иркутска // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2016. Т. 18. С. 23-28.
- Материалы для истории..., 1860 – Материалы для истории Вологодской дирекции училищ / Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г. Вологда, 1860.
- ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч1 – Положение о женских училищах. №33221. 30 мая 1858 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 33. Ч. 1. 1858. СПб., 1860.
- ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч2 – Об учреждении при устьсысольском женском училище должности Почетного блюстителя. №33768 15 ноября 1858 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 33. Ч.2. 1858. СПб., 1860.
- Репина, 2012 – Репина Н.В. Благотворительность купечества Костромской губернии в середине XIX начале XX века // *Вестник КГУ*. 2012. №1. С. 324-327.
- Скубневский, 2018 – Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2018. №435. С.155-160
- Устав..., 1840 – Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. СПб., 1840.
- Устав..., 1804 – Устав учебных заведений, подведомых университетам: [утвержден 5-го ноября 1804 года]. СПб., 1804.

References

- Averin, 2015 – Averin, A.V. (2015). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupecheskogo sosloviya na Evropeiskom Severe Rossii (1861–1917 gg.) [Charitable activities of the merchant class in the European North of Russia (1861–1917)]. Teoriya i praktika sotsial'noi raboty: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov elektronnoe izdanie. Barnaul. Pp. 15-18. [in Russian]
- Baev, Ivanova, 2021 – Baev, A.A., Ivanova, T.N. (2021). Vologodskaya zhenskaya Mariinskaya gimnaziya vo vtoroi polovine XIX veka: spetsifika sozdaniya i deyatel'nosti [Vologda women's Mariinsky gymnasium in the second half of the XIX century: the specifics of foundation and activity]. *Istoricheskii poisk*. 2(4): 5-14. [in Russian]
- Bondarenko, 2005 – Bondarenko, O.E. (2005). Zhenskoe obrazovanie v Respublike Komi: (XIX – nach. XX vv.) [Women's education in the Komi Republic (XIX – early XXI centuries)]. Syktyvkar. [in Russian]
- Borisov, 2009 – Borisov, B.Yu. (2009). Dukhovno-nravstvennye osnovy blagotvoritel'nosti i popechitel'stva russkogo kupechestva v otechestvennom obrazovanii [Spiritual and moral foundations of charity and guardianship of the Russian merchant class in domestic education]. *Chelovek i obrazovanie*. 4(21): 177-179. [in Russian]
- Gerasimidi, 2011 – Gerasimidi, E.I. (2011). Rol' kupechestva v razvitii obrazovaniya v Astrakhani v XIX v. [The role of merchants in the development of education in Astrakhan in the XIX]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 1(26): 17-21. [in Russian]
- Kalinina, 2017 – Kalinina, E.A. (2017). Zhenskie nachal'nye shkoly v obrazovatel'nom prostranstve Evropeiskogo Severa Rossii (pervaya polovina XIX v.) [Women's Primary Schools in the Educational Space of the European North of Russia (first half of the 19th century)]. «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture = «Our» and «Alien» in Culture: materialy XI Mezhd. nauchnoi konferentsii (g. Petrozavodsk, 22-24 iyunya 2017 g.). Petrozavodsk. Pp. 184-185. [in Russian]
- Kaplenko, 2012 – Kaplenko, A.N. (2012). Irkutskoe kupechestvo: blagotvoritel'nost' i metsenatstvo (k 75-letiyu obrazovaniya Irkutskoi oblasti) [Irkutsk merchants: charity and patronage (to the 75th anniversary of the formation of the Irkutsk region)]. *Sbornik nauchnykh trudov Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1(1): 153-158. [in Russian]

[Klinitskii, 2016](#) – *Klinitskii, A.I.* (2016). Motivy blagotvoritel'noi deyatel'nosti Sibirskogo kupechestva v sfere narodnogo obrazovaniya XIX veka [Motives of charitable activity of Siberian merchants in the field of public education of the XIX century]. *Razvitie sovremennoi nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. 2: 239-242. [in Russian]

[Kozina, 2004](#) – *Kozina, G.N.* (2004). Vologodskoe kupechestvo i shkola, (XVIII – nachalo XX veka) [Vologda merchants and school (XVIII – early XX centuries)]. Vologda: Kraevedcheskii al'manakh. Vyp. 4. Vologda. Pp. 38-62. [in Russian]

[Kuznetsova, 2016](#) – *Kuznetsova, M.V.* (2016). Vklad kupechestva v razvitie zhenskogo obrazovaniya doreformennogo Irkutsk [Merchants' contribution to the development of women's education in pre-reform Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. 18: 23-28. [in Russian]

[Materialy dlya istorii..., 1860](#) – Materialy dlya istorii Vologodskoi direksii uchilishch [Materials for the history of the Vologda directorate of schools]. Pamyatnaya knizhka Vologodskoi gubernii na 1860 g. Vologda, 1860. [in Russian]

[PSZ RI. SV, 1858, 33, Ch1](#) – Polozhenie o zhenskikh uchilishchakh. №33221. 30 maya 1858 g. [Regulations on women's schools. No. 33221. May 30, 1858]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. 33. Ch.1. 1858. SPb., 1860. [in Russian]

[PSZ RI. SV, 1858, 33, Ch2](#) – Ob uchrezhdenii pri ust'sysol'skom zhenskom uchilishche dolzhnosti Pochetnago blyustitelya. №33768 15 noyabrya 1858 g. [On the establishment of the post of Honorary Guardian at the Ust Sysol Women's College]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. 33. Ch.2. 1858. SPb., 1860. [in Russian]

[Repina, 2012](#) – *Repina, N.V.* (2012). Blagotvoritel'nost' kupechestva Kostromskoi gubernii v seredine XIX nachale XX veka [Charity of the merchants of the Kostroma province in the middle of the XIX–beginning of the XX centuries]. *Vestnik KGU*. 1: 324-327. [in Russian]

[Skubnevsky, 2018](#) – *Skubnevsky, V.A.* (2018). Blagotvoritel'nost' predprini-mateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [Charity of Altai entrepreneurs in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 435: 155-160. [in Russian]

[Ustav..., 1804](#) – Ustav uchebnykh zavedenii, podvedomykh universitetam [Statute of educational institutions subordinated to universities]: [utverzhen 5-go noyabrya 1804 goda]. SPb., 1804. [in Russian]

[Ustav..., 1840](#) – Ustav gimnazii i uchilishch uezdnykh i prikhodskikh, sostoyashchikh v vedomstve universitetov: Sankt-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Khar'kovskogo [Statute of gymnasiums and schools of district and parish, which are in the department of universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov]. SPb., 1840. [in Russian]

[VGV. NCh, 1847, 43](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1847. №43. [in Russian]

[VGV. NCh, 1854, 2](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1854. №2. [in Russian]

[VGV. NCh, 1858, 14](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1858. №14. [in Russian]

[VGV. NCh, 1858, 16](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1858. №16. [in Russian]

[VGV. NCh, 1858, 40](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1858. №40. [in Russian]

[VGV. NCh, 1859, 19](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1859. №19. [in Russian]

[VGV. NCh, 1859, 5](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1859. №5. [in Russian]

[VGV. NCh, 1859, 8](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1859. №8. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 11](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №11. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 12](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №12. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 13](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №13. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 17](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №17. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 3](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №3. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 5](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №5. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 9](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №9. [in Russian]

[VGV. OCh, 1840, 39](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. 1840. №39. [in Russian]

[VGV. OCh, 1858, 14](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel vtoroi. 1858. №14. [in Russian]

[VGV. OCh, 1858, 25](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel vtoroi. 1858. №25. [in Russian]

[VGV. OCh, 1858, 44](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel vtoroi. 1858. №44. [in Russian]

[VGV. OCh, 1860, 47](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel pervyi. 1860. №47. [in Russian]

Вклад купечества в становление системы женского образования в российской провинции (на материалах Вологодской губернии второй трети XIX в.)Ирина Игоревна Лейман ^{a, b, *}^a Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Российская Федерация^b Институт языка литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено влияние провинциального купечества на становление системы женского образования в Российской империи во второй трети XIX в. на примере Вологодской губернии. Выделение женского образования из общей школьной системы начинается в 1800–1820-е гг., когда были приняты «Устав учебных заведений, подведомых университетам» (1804 г.) и «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (1828 г.). В 1830–1850-х гг. в Вологодской губернии при широкой поддержке местного купечества открываются женские приходские училища: Кадниковское (1838 г.), Грязовецкое (1840 г.), Яренское (1843 г.), Велико-Устюгское (1844 г.). После утверждения в 1858 г. «Положения о женских училищах» в Вологодской губернии в числе первых были учреждены женские училища в Вологде, Тотьме, Усть-Сысольске, Яренске. Во многом это стало возможным благодаря стараниям представителей купеческого сословия. Так, местные купцы стали инициаторами открытия женских училищ в Тотьме и Усть-Сысольске. Попечителями женских училищ становились купеческие жены (а в Усть-Сысольске - в виде исключения, для чего был издан отдельный законодательный акт – купец 1-й гильдии В.Н. Латкин). Среди важнейших источников содержания женских училищ были средства представителей купечества: закупались книги, канцелярские принадлежности, мебель; делались ежегодные пожертвования по случаю Пасхи и Рождества. Здания, где располагались женские училища, также содержались во многом на пожертвования купцов (а, к примеру, в Усть-Сысольске купец И.Н. Забоев в 1858–1859 гг. построил за свой счет деревянное здание для женского училища). Таким образом, местное купечество оказывало масштабную и комплексную поддержку развития учреждений женского образования в Вологодской губернии.

Ключевые слова: купечество, благотворительность, женское образование, женские училища, Вологодская губерния, Вологодские губернские ведомости, Европейский Север России.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: irinaleyman@gmail.com (И.И. Лейман)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1196-1206
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1196

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Initiatives in the Study and Practical Application of Blood Transfusion in the XIX century

Maria S. Sergeeva ^{a, *}, Evgeniya L. Panova ^b

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

^b RUDN University, Russian Federation

Abstract

The development of blood transfusion in Russia began in the XIX century due to the revived worldwide interest in the study and application of this procedure after a series of prohibitions in Europe two centuries earlier. The purpose of the article is to systematize and analyze Russian initiatives in hemotransfusion in the XIX century, which include both well-known facts and insufficiently studied and new evidence. The following stages in the development of blood transfusion are determined: the initial period in 1830–1840, in which the first attempts were made to use blood transfusion in medical practice, and the prospects of this method were comprehended; in 1860–1870 it was a period of a surge of interest in blood transfusion when fundamental physiological studies were conducted and a significant number of cases of transfusions were carried out. The peak of interest in hemotransfusion in 1873–1875 was caused by the intensification of military operations in the international arena and the related needs of military field surgery; the activities of J.A. Roussel and F.F. Gesellius to promote their blood transfusion devices in Russia, which included public demonstrations and experimental clinical trials; active study of blood transfusion in European medical science. In the 1880s, the popularity of blood transfusion began to decline sharply due to the lack of substantiated results confirming the safety of its use in clinical practice.

Keywords: history of medicine, blood transfusion, hemotransfusion, J.A. Roussel, F.F. Gesellius.

1. Введение

Первые эксперименты по переливанию крови в Новое время были проведены во Франции, Великобритании, Италии, Голландии и Германии в 60-х гг. XVII в. (Marinozzi et al., 2018; Никитина, 2020). Однако к концу 1680-х гг. проведение этой процедуры было осуждено профессиональными медицинскими сообществами и запрещено государственными структурами: французский парламент официально признал проведение экспериментов в области переливания крови преступным деянием. Медицинский факультет Парижского университета и Королевское общество в Лондоне дистанцировались от этой процедуры. Наконец, после запрета гемотрансфузии Папой Римским в 1679 г. данная практика быстро утратила популярность (Learoyd, 2012: 313).

Интерес к переливанию крови возродился в XIX в. В это время среди ученых началось лабораторное изучение физиологических эффектов разных способов гемотрансфузии. Были выполнены сотни переливаний крови человека и животных, предложены новые виды аппаратов для гемотрансфузии, разработаны рекомендации по применению этого метода в терапии разных заболеваний. В последней четверти XIX в. появились первые систематические обзоры, посвященные анализу известных случаев переливания крови.

* Corresponding author

E-mail addresses: sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (M.S. Sergeeva), evepanova@gmail.com (E.L. Panova)

Повышенное внимание к гемотрансфузии в Европе было поддержано российскими специалистами, хотя ее изучение и клиническое применение началось только в XIX веке. Когда благодаря эффективной государственной политике в области медицинского образования и интенсивному взаимодействию с Западом в сфере научно-исследовательской деятельности российская медицинская наука и практика вышли на мировой уровень.

2. Материалы и методы

2.1 Работа основана на документах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), диссертациях, монографиях и публикациях российских ученых и врачей в научных журналах XIX в. Группа архивных документов посвящена деятельности швейцарского врача Джозефа-Антуана Руссея по продвижению собственного прибора для переливания крови во время его пребывания в России в 1873–1874 гг. и попытке внедрения этого устройства в отечественную военную и гражданскую (земскую) медицину. Опубликованные источники представлены статьями отечественных ученых в периодической медицинской печати ([Хотовицкий, 1830](#); [Буяльский, 1846](#); [Гиршман, 1876](#); [Борхсениус, 1874](#)). Анализ данных публикаций позволяет показать преемственность европейских идей в российском медицинском сообществе.

2.2 Методологической основой статьи явились принципы историзма и объективности, позволившие выделить основные периоды в развитии идей переливания крови в российской медицине XIX в. и обосновать условия формирования интереса к данной процедуре. Применение сравнительного метода дало возможность оценить масштабы внедрения гемотрансфузии в отечественную и европейскую медицинскую практику XIX в. Использование методологических приемов системного анализа позволило выявить российские инициативы в области переливания крови и проследить изменения в предпочтениях российских врачей относительно используемых для этого методов и устройств.

3. Обсуждение

В историографии гемотрансфузии можно выделить несколько периодов. Дореволюционный, представленный исследованиями отечественных ученых, отражающими основные исторические этапы изучения переливания крови ([Филомафитский, 1848](#); [Сутугин, 1865](#); [Раутенберг, 1867](#); [Табуре, 1873](#); [Коломнин, 1878](#); [Никольский, 1880](#); [Алексеевский, 1883](#); [Отт, 1884](#)), а также систематическими обзорами, позволяющими оценить эффективность и масштабы его применения в XIX в. ([Gesellius, 1873](#); [Шайкевич, 1876](#)).

Исследования XX в. изобилуют значительным количеством публикаций, отражающих одни и те же разрозненные события и факты, что свидетельствует об использовании ограниченного круга исторических источников. Современной историографии вслед за советским опытом свойственно приписывать первенство в области применения переливания крови в медицинской практике в России С.Ф. Хотовицкому, хотя он самостоятельно не выполнил ни одной ни экспериментальной, ни клинической гемотрансфузии. Приоритет в области научных исследований, в соответствии с той же традицией, отводят А.М. Филомафитскому как автору первой российской монографии по гемотрансфузии, хотя она в большей степени носит историографический характер, поскольку содержит большой исторический обзор, посвященный анализу европейского опыта переливания крови. Довольно поверхностно отечественные историки медицины останавливались на изучении диссертационных работ некоторых российских врачей-исследователей В.В. Сутугина, В.М. Раутенберга, Н.А. Табуре. При этом не получили глубинного научного анализа исследования других отечественных ученых, посвященные широкому кругу вопросов гемотрансфузии.

Отдельные аспекты истории переливания крови в Европе описывают Б. Бернер ([Berner, 2020](#)) и Е.А. Никитина ([Никитина, 2020](#)). Развитие практического применения гемотрансфузии в российской военной медицине последней четверти XIX в. представлено в статьях М.С. Сергеевой и Е.Л. Пановой ([Sergeeva, Panova, 2020](#); [Sergeeva, Panova, 2021](#); [Sergeeva, Panova, 2021a](#)). Опыту развития гемотрансфузии в России посвящена работа коллектива авторов под руководством Ю.Л. Шевченко ([Шевченко и др., 2019](#)). Однако часть статьи, описывающая вклад в развитие этого метода российских ученых XIX в. не подтверждена историческими документами, вследствие чего содержит большое количество неточностей. В частности, от России во Франко-Прусской войне (1870–1871) кроме Н.И. Пирогова, принимал участие военный врач О.Ф. Гейфельдер. Именно он, а не Пирогов, способствовал внедрению переливания крови в отечественную военно-полевую медицину. Стоит отметить отсутствие серьезных работ, посвященных углубленному анализу развития гемотрансфузии в России XIX в., включающих в себя поиск взаимосвязей между европейскими и российскими исследованиями, определение динамики популярности и степени внедрения этой процедуры в российскую клиническую практику.

4. Результаты

Начало активного интереса к переливанию крови в России: использование гемотрансфузии в акушерстве.

Первое в России переливание крови женщине, страдавшей от постродового кровотечения, выполнил 8/20 апреля 1832 г. А.М. Вольф, служивший в то время в должности младшего городского акушера под руководством профессора Медико-хирургической академии С.Ф. Хотовицкого (Шабунин, 1982). За два года до этого Вольф посетил Лондон, где познакомился с британским акушером Д. Бланделлом, осуществившим в 1825 г. первое в мире успешное переливание крови от человека к человеку. В Россию Вольф привез один из приборов Бланделла, с помощью которого он выполнил первую в России операцию гемотрансфузии. О данном случае Вольф доложил на заседании «Общества немецких врачей в Санкт-Петербурге» в 1832 г. В 1842 г. его сообщение о пяти выполненных за 10 лет операциях было опубликовано на немецком языке в отчете «Общества практикующих врачей в Санкт-Петербурге» (Wolff, 1842: 190). Однако ни в одном из этих сообщений не были отражены важные условия проведения операции, например, источник и количество перелитой роженице крови, что в дальнейшем стало поводом для сомнений в приоритете Вольфа как первого врача, выполнившего в России переливание крови (Буяльский, 1846: 6; Gesellius, 1873: 151; Huestis, 2004: 1368). В повторной публикации данного сообщения в «Военно-медицинском журнале» (1846) говорится уже о семи переливаниях Вольфа, однако только одно из них было успешным (Huestis 2004, 1368).

Выдающийся хирург, академик И.В. Буяльский считал гемотрансфузию перспективным лечебным методом, который «позже или раньше должен войти в круг необходимых в акушерстве – *примеч. авт.* практических пособий» при угрожающей жизни кровопотере (Буяльский, 1846: 5). Буяльский первым в России сформулировал требования к донорам и качеству используемой крови. Желательно, чтобы донором стал один из близких больной. В противном случае он рекомендовал использовать кровь любых домашних животных: «если бы нельзя было иметь крови от человека, то можно брать кровь от телят, козы, овцы, коровы или лошади, которую очень скоро можно получить из подкожной шейной вены» (Буяльский, 1846: 9). Как и большинство европейских исследователей того времени, он рекомендовал переливать цельную венозную кровь с помощью аппарата Бланделла. Более того, Буяльский усовершенствовал аппарат, погрузив его в теплую воду для поддержания нормальной температуры и текучести крови.

Примечательно, что, зная о существовавшем во Франции с XVII в. запрете на проведение гемотрансфузий, Буяльский сделал письменный запрос в Медицинский совет Министерства внутренних дел, чтобы «спросить его мнения насчет переливания крови в нашем отечестве» (Буяльский, 1846: 14). В ответ президент Медицинского совета объявил, что эта операция в России не запрещена и может быть проведена при любом необходимом случае. Однако нет свидетельств, что Буяльский выполнил переливание хотя бы один раз.

Первые физиологические исследования в области переливания крови.

Основоположителем экспериментального изучения переливания крови в России считается основатель российской экспериментальной физиологии А.М. Филомафитский, опубликовавший в 1848 г. первый в России фундаментальный труд по переливанию крови (Филомафитский, 1848). Филомафитский одним из первых русских ученых получил превосходное на тот момент образование в области физиологии: сначала в профессорском институте Дерптского университета, позже, в 1833–1835 гг. на стажировке в Берлинском университете, где имел возможность познакомиться с исследованиями И. Мюллера в области межвидового переливания крови (Карнаух, 2015; Раутенберг, 1867: 21). Именно в Берлинском университете начались его собственные экспериментальные исследования в области гемотрансфузии, на что указывает его утверждение о 13-летнем стаже изучения переливания крови. В своей монографии он описал эксперименты по внутривидовым и межвидовым переливаниям венозной и артериальной дефибрированной крови на разных животных (собаках, овцах, лошадях, кошках, козах, птицах). В отличие от Буяльского, он рекомендовал переливать только дефибрированную кровь, утверждая, что эта процедура всегда дает положительный результат, в том числе при межвидовых переливаниях: «кровь артериальная, взятая из козы и лишенная своего фибрина, влитая в вену собаки обескровленной, всегда оказывала животворное действие» (Филомафитский, 1848: 301). При этом Филомафитский утверждал, что межвидовое переливание принципиально не отличается от внутривидового.

Самостоятельно ученый «никогда не выполнял переливания крови людям», однако описал первую публичную демонстрацию переливания сыворотки крови телят, выполненную его помощником прозектором И.М. Соколовым в 1847 г. в Московской холерной больнице (Филомафитский, 1848: 291). На демонстрации присутствовали главный врач больницы профессор Ф.И. Иноземцев, а также студенты и ординаторы медицинского факультета Императорского Московского университета. Как пишет Филомафитский, после переливания больной поправился (Филомафитский, 1848: 305-312).

В 50–60-х гг. XIX в. переливание крови стало предметом активного изучения европейских физиологов Т. Бишофа, Ш. Броун-Секара, Л. Панума, Л. Ландуа и др. Усилия физиологов были

сосредоточены на исследовании проблемы свертывания крови, различного влияния на организм реципиента венозной и артериальной донорской крови и ее превращения после переливания, поиске оптимального источника крови (внутривидовая или межвидовая гемотрансфузия). Интерес зарубежных ученых к переливанию крови разделяли и российские исследователи. Главным научно-исследовательским центром по изучению вопросов гемотрансфузии стала Императорская медико-хирургическая академия (ИМХА) в Санкт-Петербурге. В течение почти 20 лет в ней были защищены 6 докторских диссертаций в области экспериментальной гемотрансфузии: В.В. Сутугина (1865), В.М. Раутенберга (1867), Н.А. Табуре (1873), В.М. Никольского (1880), А.В. Алексеевского (1883), Д.О. Отта (1884).

Заняться изучением вопросов переливания крови В.В. Сутугину предложил профессор А.Я. Крассовский, заинтересовавшийся возможностями его применения в акушерской практике (Сутугин, 1865: 3). Чтобы определить влияние этой операции на организм донора и изучить возможности разных способов ее выполнения, Сутугин провел серию лабораторных опытов на животных. Опираясь на полученные результаты, он рекомендовал применять переливание крови в клинической практике при острой анемии, «доводящей больного до значительного упадка сил с появлением судорог, рвоты и обмороков», а также «при продолжительных кровотечениях, ... значительном истощении вследствие обильного нагноения, ... или когда «нельзя надеяться на поправление больного при обыкновенном ходе питания» (Сутугин, 1865: 61). Он установил, что фибрин не имеет питательной функции и может быть легко удален из донорской крови без последующего вреда для реципиентов. С одной стороны, жидкую часть донорской крови после дефибрирования можно без особых затруднений и в определенном количестве ввести в сосуды, с другой – фибрин в течение 24 часов легко восстанавливается в организме до первоначального уровня.

Продолжая исследования Сутугина В.М. Раутенберг изучал возможность применения переливания крови при острых кровотечениях и отравлениях. Однако он не разделял идеи переливания дефибрированной крови, утверждая, что, несмотря на многочисленные опыты по оживлению обескровленных (истощенных кровотечением) животных, показывавшие хороший результат, попытки применить данный метод к больным людям чаще всего сопровождались смертью пациентов. Раутенберг указывал, что из 15 известных ему случаев использования в клинической практике переливаний дефибрированной крови, выполненных 1847–1865 гг., только один закончился полным выздоровлением пациента (Раутенберг, 1867: 28). По этой причине он рекомендовал использовать только цельную кровь и только в случаях обильных маточных кровотечений, потери крови при операциях, случайных ранениях, легочных и желудочных кровотечениях, в военно-полевой хирургии.

Изучению эффективности внутри- и межвидовых переливаний дефибрированной крови посвящено исследование Н.А. Табуре, выполненное под руководством Н.В. Склифосовского. Целью диссертации была экспериментальная проверка заявленных проживавшим тогда в Санкт-Петербурге немецким врачом Ф.Ф. Гезеллиусом преимуществ переливания животной крови и определение ее влияния на состояние гнойных ран. Практический опыт военно-полевой хирургии прошедших войн: Крымская (1853–1856), Франко-Австрийская (1859), Австро-Прусская (1866), Франко-Прусская (1870–1871) – показал, что массовая кровопотеря является одной из наиболее частых причин тяжелых серьезных осложнений ран. В связи с этим Табуре предлагал ввести переливание дефибрированной крови в военно-полевую хирургию в качестве поддерживающей терапии при лечении гнойных ран (Табуре, 1873: 85). Его эксперименты показали, что гемотрансфузия оказывает благотворное влияние на течение раневой инфекции вне зависимости от качества (цельная или дефибрированная) и природы (человеческая или животная) крови. Важным преимуществом лишенной фибрина крови Табуре считал возможность ее хранения в течение 24–60 часов при 0 градусов без потери эффективности. Это имело принципиальное значение для военных врачей, поскольку позволяло запасать и хранить готовую к употреблению кровь (Табуре, 1873: 94). «По своим неудобствам и опасностям, – заключал Табуре, – переливание цельной разнородной крови ... далеко уступает переливанию дефибрированной» (Табуре, 1873: 94).

Функции фибрина и последствия его полного удаления из крови подопытных животных стали предметом экспериментального исследования, выполненного сотрудником кафедры физиологии Харьковского университета Г. Гиршманом под руководством немецкого физиолога К. Людвига в ходе научной стажировки в физиологической лаборатории Лейпцигского университета. Полученные результаты показали, что «удаление всего фибрина крови не оказывает ... вредного влияния на организм животного», поскольку он быстро восстанавливается (Гиршман, 1876: 219). Однако точно определить, «в каком месте... за счет какой ткани или части организма» происходит его восстановление, Гиршману не удалось (Гиршман, 1876: 219).

Для проверки выводов об эффективности переливания дефибрированной крови при септицемии другой русский врач А.В. Алексеевский под руководством профессора кафедры Академической хирургической клиники ИМХА С.П. Коломнаина провел серию из 6 клинических экспериментов на пациентах и 16 лабораторных экспериментов на собаках. Полученные результаты позволили ему утверждать, что трансфузия дефибрированной крови эффективна в хирургии и

терапии септицемии только после предварительного удаления «источника образования гнилостного яда» (Алексеевский, 1883: 153). Подтверждением эффективности гемотрансфузии он считал наблюдаемое как в клинических, так и в лабораторных экспериментах увеличение гемоглобина и красных кровяных шариков в крови, а также незначительное повышение артериального давления (Алексеевский, 1883: 65–66).

Простота использования дефибринированной крови и отсутствие у фибрина очевидной жизненно важной функции привлекали внимание многих европейских ученых. Немецкий патолог и физиолог Э. Понфик утверждал, что внутрибрюшинные инъекции лишенной фибрина крови могут послужить достойной заменой классического способа внутрисосудистой гемотрансфузии (Понфик, 1875: 82). Он обнаружил, что дефибринированная кровь, введенная в брюшину, может препятствовать смерти за счет увеличения общего объема жидкости в кровеносной системе пациента. Кроме того, как утверждал ученый, введение подобной крови в полость перитонеального мешка позволяло защитить внутренние органы пациента от вредного воздействия разрушенных кровяных телец и попадания кровяных сгустков и воздуха в кровеносные сосуды (Никольский, 1880: 15, 65). Не изученные Понфиком вопросы изменения клеточного состава крови реципиентов после данной процедуры и зависимость эффекта от вида переливаемой крови привлекли внимание другого выпускника ИМХА В.М. Никольского. В серии лабораторных экспериментов по переливанию в полость брюшины однородной (собачьей) и инородной (кошачьей) крови он пришел к выводу, что инъекции дефибринированной крови в брюшину приводят к увеличению содержания кровяных шариков и гемоглобина в крови. Однако он заметил, что в кратчайшие сроки после инъекции клетки крови разлагаются и выделяются с мочой. При этом скорость разложения при введении чужеродной крови значительно больше, чем при использовании однородной (Никольский, 1880: 64). Таким образом, Никольский доказал, что использование «чужеродной» крови должно быть «оставлено навсегда», а инъекции в вены и артерии необходимо заменить переливанием в перитонеальную полость.

Непредсказуемость результатов гемотрансфузии и выявленная зависимость между живительным эффектом переливания и восстановлением общего объема циркулирующей крови подтолкнули ученых к идее использовать физиологический раствор при острой кровопотере. Влияние разных жидкостей (солевых растворов, цельной и дефибринированной крови) на качественный и количественный состав форменных элементов крови изучал русский врач Д.О. Отт. Результаты своих экспериментов, свидетельствовавшие, что «жизнеспасительное действие» сыворотки крови обеспечивается вводимой вместе с ней жидкостью, были доложены Оттом на заседании Берлинского физиологического и терапевтического обществ и представлены в 1884 г. к защите в ИМХА (Отт, 1884). Вывод Отта о том, что при вливании солевого раствора «полное восстановление числа кровяных шариков до первоначально бывшей нормы» происходит значительно быстрее, чем при введении цельной или дефибринированной крови, способствовал переходу от переливаний донорской крови к инфузиям солевых растворов (Отт, 1884: 91).

Таким образом, на протяжении XIX в. русские ученые не только не отставали в изучении физиологических основ переливания крови от своих западных коллег, но и критически переосмысливали популярные в Европе идеи. Высоко оценивая лечебный потенциал переливания крови при анемиях различного генеза, российское медицинское сообщество в целом было настроено против применения животной крови в медицинской практике и активно участвовало в изучении возможных альтернативных методов гемотрансфузии.

Попытки внедрения переливания крови в медицинскую практику. Деятельность Гезеллиуса и Русселя в России в 1873–1874 гг.

Широкое распространение гемотрансфузии в российской клинической медицине тесно связано с деятельностью немецкого врача Ф.Ф. Гезеллиуса, переехавшего в Россию в 1867 г. и швейцарского доктора Дж. А. Русселя, пребывавшего в Санкт-Петербурге с представительскими целями с декабря 1873 г. по май 1874 г. (Зверева, 2003: 22; РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241). Современная историография связывает с их именами пик популярности переливания крови в последней четверти XIX в. (Bernier, 2020). Задачей обоих врачей было продвижение собственной авторской методики гемотрансфузии, включавшей применение изобретенных ими аппаратов для переливания цельной крови ягнят (по методу Гезеллиуса) и человека (по методу Русселя).

В 1873–1874 гг. Гезеллиус издал в Санкт-Петербурге две брошюры, в которых доказывал опасность переливания дефибринированной крови и описывал преимущества переливания крови ягнят людям (Gesellius, 1873; Gesellius, 1874). В июле 1873 г. спустя несколько месяцев после публикации первой брошюры, Гезеллиус вместе с Раутенбергом и Гейфельдером впервые в России выполнили два прямых переливания крови ягнят пациентам, страдавшим от вторичной анемии после тифа и туберкулеза (Gesellius, 1874: 4–5). Оба пациента умерли через несколько недель.

Выход в свет первого историко-статистического издания Гезеллиуса и его первые клинические опыты проходили на фоне грандиозного международного события – Всемирной промышленной выставки в Вене (01.05.1873–02.11.1873). Лауреатом которой в категории «Хирургические инструменты» впервые стал аппарат для переливания крови, изобретенный Русселем. Главный военно-медицинский инспектор Н.И. Козлов, возглавлявший на выставке российскую делегацию,

в декабре 1873 г. принял предложение Русселя провести для русских военных врачей серию публичных клинических опытов для демонстрации работы его устройства (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 21-22). Куратором Русселя «при посещении госпиталей для присутствия и ассистирования при его операциях» был назначен Гейфельдер, уже имевший к этому моменту собственный опыт переливания животной крови (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 36).

В феврале 1874 г. Руссель провел серию публичных испытаний своего аппарата в хирургической клинике ИМХА, Петербургском родовспомогательном заведении, Кронштадтском морском госпитале, Александровской больнице для рабочего населения, Калининской, Мариинской и других больницах Санкт-Петербурга. На испытаниях присутствовали высшие медицинские чиновники, гражданские и военные врачи, студенты и ординаторы ИМХА (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 36). Согласно отчету Гейфельдера, аппаратом Русселя было выполнено 23 операции переливания крови, при этом некоторые из них были выполнены профессорами И.О. Корженевским и Э.Я. Крассовским под руководством Русселя. Четыре операции были сделаны в учебных целях. Исключительно для демонстрации самого устройства и «ознакомления врачей с подробностями применения и действия прибора» (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 67об.). Для этого использовали пациентов в состоянии агонии, что являлось рутинной практикой в системе медицинского образования того времени. Остальные переливания были проведены для лечения пациентов со вторичной анемией после онкологии, сепсиса, чахотки, тифа и других болезней, причем одному из них кровь переливали дважды (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 67, 67об.). Донорами были здоровые молодые крестьяне в возрасте 30–40 лет, жены пациентов или сотрудники больницы. У 15 больных гемотрансфузия привела к «быстрой паллиативной и радикальной помощи» (Руссель, 1873: 402). Тяжелое состояние трех других не принесло видимых результатов.

В это же время в Академической хирургической клинике провели публичную проверку эффективности метода Гезеллиуса и сравнение возможностей двух приборов. Технику проведения операции и клиническую картину переливания крови ягненка по методу и аппаратом Гезеллиуса описал присутствовавший на демонстрации Н. Борхсениус. Реакция пациента на переливание (одышка, крапивница, сильное покраснение тела, жгучий жар в верхней части тела, онемение нижних конечностей, замедленное сердцебиение, набухание всех вен, боль в животе, тошнота) потрясла врачей, бывших свидетелями этой операции (Борхсениус, 1874: 69). Вторая операция переливания крови ягнят, выполненная аппаратом Русселя, напротив, прошла без каких бы то ни было болезненных припадков: «больная успокоилась во время операции, лицо ее зарумянилось, дыхание стало глубоким; ... появился легкий, быстро исчезающий озноб, вслед за которым появилась легкая испарина» (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 86; Руссель, 1873: 380-381). Руссель утверждал, что в результате сравнительного испытания его прибора и аппарата Гезеллиуса большинство русских врачей, присутствовавших на операциях, отказались применять переливание животной крови в медицинской практике, что, безусловно, способствовало признанию аппарата Русселя.

В своем отчете Гейфельдер в целом позитивно оценил результаты клинических испытаний прибора Русселя, отметив при этом необходимость дальнейшего изучения физиологических эффектов переливания крови. Тем не менее, он признавал, что аппарат Русселя «может быть назван лучшим из известных и очень подходящим для военной медицинской практики» (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 36). Доклад Гейфельдера и заключение Военно-медицинского ученого комитета, считавшего необходимым снабдить военные госпитали и окружные военно-медицинские управления аппаратами Русселя для введения операции переливания крови «в число общеупотребительных способов хирургической помощи» стали основанием для закупки Главным военно-медицинским департаментом 200 приборов Русселя и обеспечения ими военных госпиталей мирного времени во всех военных округах России (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 61об.). Кроме того, аппарат Русселя был рекомендован Министерством внутренних дел для использования в гражданских больницах (ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 36).

Масштаб применения переливания крови в России в XIX в.

О степени распространения процедуры переливания крови в российской клинической медицине можно судить по результатам диссертационного исследования Л.С. Шайкевича, которое, по сути, представляет собой систематический обзор случаев переливания крови, выполненных в мире в 1820–1874 гг. (Шайкевич, 1876). Из 527 проанализированных Шайкевичем случаев гемотрансфузии только 69 переливаний было выполнено в России. Данные сведения не являются окончательными, реальное число переливаний крови в больничной или частной практике было значительно выше. Сам Шайкевич пишет, что он не рассматривал многие сообщения из-за фрагментарности представленных в них данных или их устного характера. По его словам, многие авторы либо не считали нужным придавать публичному обсуждению собственный опыт, относясь к нему как к рутинной части работы, либо намеренно не включали в свои отчеты результаты неудачных переливаний (Шайкевич, 1876: 18).

Хронологический анализ показывает, что пик применения гемотрансфузии в российской клинической практике приходится на 1870–1875 гг. (59 случаев) и совпадает с периодом наибольшей популярности методов Гезеллиуса и Русселя. Данные Шайкевича фиксируют всплеск интереса практикующих врачей в этот период как к самой процедуре переливания крови, так и к

использованию ягнят в качестве доноров. Другие этапы применения гемотрансфузии отечественными врачами приходятся на 1840-е г. (6 случаев) и 1860-е г. (4 случая). Проведенный нами анализ показывает, что наибольшее количество клинических случаев гемотрансфузии как в России, так и в Европе было выполнено в 1873–1874 гг. около 40 % (216 случаев) от общего числа переливаний, включенных в исследование Шайкевича. Причем в эти годы врачи активнее использовали для переливаний животную, а не человеческую кровь. Если до 1873 г. соотношение переливаний животной и человеческой крови составляло 1:17 (всего за это время было выполнено 17 переливаний животной и 294 человеческой крови), то в 1873–1874 гг. – 3:2 (130 переливаний животной и 86 переливаний человеческой крови). В России в эти годы было выполнено всего 49 трансфузий: 22 – с использованием крови ягнят и 27 – крови человека.

Российский приоритет в области переливания крови в эти годы, согласно данным Шайкевича, принадлежал нескольким ученым. Переливание дефибринированной крови людям проводил доктор Шмидт. В 1873–1874 гг. им было выполнено 10 переливаний дефибринированной венозной человеческой крови, из которых только 5 привели к временному или полному успеху, и 8 переливаний дефибринированной артериальной крови ягнят, итогом которых была смерть пациентов (Шайкевич, 1876: 86, 92, 98, 106, 114, 120). Возможности использования дефибринированной животной крови изучал профессор Госпитальной хирургической клиники Императорского Московского университета И.Н. Новацкий. Из 6 выполненных им переливаний половина привела к выздоровлению пациентов (Шайкевич, 1876: 89, 105). Всего в исследовании Шайкевича были учтены результаты 15 российских врачей, тем или иным способом обнародовавших собственный опыт гемотрансфузии, однако большинство из них выполняли переливание крови однократно. Косвенное представление о причинах низкой популярности переливания крови в гражданской медицине позволяют сформировать документы Забайкальского областного правления. Местная земская управа отказалась от предложения Медицинского департамента приобрести гемотрансфузор Русселя для земской больницы из-за его высокой стоимости (50 руб.) и сомнительной эффективности самого метода переливания крови (ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 36).

Единственным русским специалистом, применявшим переливание крови в военно-полевой хирургии, был С.П. Коломнин, выполнивший 12 операций переливания дефибринированной человеческой крови во время Сербско-Турецкой (1876–1877) и Русско-Турецкой (1877–1878) войн. Коломнин проводил гемотрансфузию в лучевую артерию раненых перед ампутацией бедра или плеча, чтобы «поддержать угасающую жизнь больного, которому иногда уже раньше была сделана операция», или чтобы укрепить слабого больного перед операцией (Коломнин, 1878: 145-146). Стоит отметить, что Коломнин не был сторонником методов Гезеллиуса и Русселя, считая наиболее эффективным способ введения дефибринированной человеческой крови в артерии реципиента, предложенный немецким хирургом К. Гютером. Свой опыт Коломнин представил в докладе на заседании Общества русских врачей в 1879 г. заключив, что трансфузия всегда полезна и вполне безопасна. Негативные случаи переливания крови он отнес к опасности тех патологий, при которых оно было использовано. Пирогов наблюдал результаты работы Коломнина, однако относил переливание крови к сомнительным и рискованным методам: «переливание крови (трансфузия) ... вряд ли когда взойдет в число операций, производимых на перевязочных пунктах» (Пирогов, 1941: 241). Эта операция, – писал великий хирург, – «так часто обманывала надежды врачей, что поневоле не доверяешь и новым на нее запросам» (Пирогов, 1879: 329).

В целом практическое применение гемотрансфузии в военной медицине, также как в гражданской, столкнулось со скептическим отношением специалистов к ее эффективности и безопасности. Дополнительную сложность составляла необходимость обучения военных хирургов практическим навыкам ее выполнения, что было невозможно без внесения изменений в общую программу подготовки врачей. Попытка решить этот вопрос путем издания специальных инструкций или методических пособий, предпринятая в отношении закупленных для военных госпиталей аппаратов Русселя, не могла решить эту проблему (РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 241. Л. 52-53). Нам не удалось найти свидетельств, подтверждающих, что подобные инструкции были составлены или опубликованы. Даже при условии оснащения военных госпиталей аппаратами Русселя, переливание крови в России не получило массового распространения ни в военной, ни в гражданской медицине.

5. Заключение

Систематизация и анализ как известных фактов, так и малоизученных свидетельств о российских инициативах в области изучения и практического применения переливания крови в XIX в. позволяют сделать следующие выводы.

Начальный этап развития гемотрансфузии в России приходится на 1830–1840 гг. В это время переливание крови эмпирически применяют в гражданской медицине, прежде всего в акушерстве, вслед за чем начинается научное осмысление его возможностей (Вольф, Буяльский, Филомафитский).

На период 1860–1870 гг. приходится наибольший всплеск интереса к переливанию крови среди российских врачей и ученых. В эти годы были проведены основные фундаментальные

физиологические исследования (Сутугин, Раутенберг, Табуре, Гиршман, Алексеевский, Никольский, Отт) и выполнено значительное число переливаний крови пациентам. Центром экспериментального изучения гемотрансфузии стала ИМХА в Санкт-Петербурге. Вслед за пиком практического интереса к гемотрансфузии в 1873–1875 гг., когда было выполнено максимальное количество переливаний и опубликован первый в России систематический обзор показаний к ее применению (Шайкевич). Последовало постепенное снижение внимания профессионального сообщества к этой процедуре.

Период наибольшей популярности гемотрансфузии в России в 1873–1875 гг. на наш взгляд, связан с потребностями военно-полевой хирургии в борьбе с массовыми кровотечениями, деятельностью Русселя и Гезеллиуса по продвижению своих аппаратов в России, включавшей проведение публичных демонстраций и экспериментальных клинических испытаний на людях с участием врачей, студентов и ординаторов. При этом повышенный интерес российского медицинского сообщества как к изучению физиологически основ переливания крови, так и к его практическому применению в 1860–1870 гг. был частью более глобального процесса переосмысления актуальных тенденций европейской научной и практической медицины отечественными специалистами.

Бурный период изучения и применения переливания крови не сумел принести надежных, обоснованных и безопасных результатов для широкого внедрения этой процедуры в медицинскую практику. Поэтому в 80-х годах XIX в. популярность переливания крови начала резко снижаться как в России, так и во всем мире. В эти годы были сделаны важные выводы: доказана опасность переливания людям крови животных и подтверждена эффективность солевых растворов в восстановлении общего объема циркулирующей крови после кровотечения. Ставшие необходимым условием дальнейшего развития трансфузиологии в XX в.

Литература

- Алексеевский, 1883** – Алексеевский А.В. О переливании дефибринированной крови при септицемии. СПб., 1883. 160 с.
- Борхсениус, 1874** – Борхсениус Н. Случай переливания крови по способу доктора Гезеллиуса // *Военно-медицинский журнал*. 1874. Т. СХХ. С. 63-70.
- Буяльский, 1846** – Буяльский И.В. О переливании крови (Transfusio sanguinis). Санкт-Петербург, 1846. 17 с.
- ГАРБ** – Государственный архив республики Бурятия.
- Гиршман, 1876** – Гиршман Г. К вопросу о переливании дефибринированной крови // *Военно-медицинский журнал*. 1876. Т. СХХVI. С. 219. (207-238).
- Зверева, 2003** – Зверева И.С. Франц Гезеллиус и его издательское предприятие (к истории дореволюционной немецкой прессы в Санкт-Петербурге) // *Книжное дело в России в XIX – начале XX века*. 2003. № 11. С. 21-38.
- Карнаух, 2015** – Карнаух Н.В. Совершенствование профессионализма выпускников Дерптского Профессорского института в период зарубежной стажировки // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2015. № 1 (17). С. 139-147.
- Коломнин, 1878** – Коломнин С.П. Общий медицинский очерк Сербско-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 года. Киев, 1878. Ч. 2. С. 145.
- Никитина, 2020** – Никитина Е.А. Переливание крови: начало // *Интегративная физиология*. 2020. № 1 (3). С. 169-180.
- Никольский, 1880** – Никольский В.М. К вопросу о переливании крови в полость брюшины. СПб., 1880. 66 с.
- Отт, 1884** – Отт Д.О. О влиянии на обескровленный организм вливания раствора поваренной соли и сравнение его действия с другими употребляемыми для трансфузии жидкостями. СПб., 1884. 136 с.
- Пирогов, 1879** – Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии в тылу действующей армии. В 1877–1878 гг. Часть 2. СПб., 1879. 385 с.
- Пирогов, 1941** – Пирогов Н.И. Начала общей военно-полевой хирургии взятые из наблюдении военно-госпитальной практики и воспоминаний о крымской войне и кавказской экспедиции. Часть 1. / Под ред. Н.Н. Бурденко. М., Л., 1941. 338 с.
- Понфик, 1875** – Понфик Э. Опытный материал для учения о переливании крови // *Военно-медицинский журнал*. 1875. Т. СХХII. С. 82-91.
- Раутенберг, 1867** – Раутенберг В.М. О переливании крови. СПб., 1867. 75 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Руссель, 1873** – Руссель Дж. О снаряде доктора Русселя для переливания крови // *Военно-медицинский журнал*. 1875. Т. СХХII. С. 381-405.
- Сутугин, 1865** – Сутугин В.В. О переливании крови. СПб., 1865. 58 с.
- Табуре, 1873** – Табуре Н.А. О переливании крови. СПб., 1873. 96 с.
- Филомафитский, 1848** – Филомафитский А.М. Трактат о переливании крови, (как единственном средстве во многих случаях спасти угасающую жизнь), составленный в историческом, физиологическом и хирургическом отношении. М., 1848. 314 с.

- Хотовицкий, 1830** – *Хотовицкий С.Ф.* О болезненном состоянии кровавых испражнений из матки // *Военно-медицинский журнал.* 1830. Т. XVI. 375-382.
- Шабунин, 1982** – *Шабунин А.В.* 150-летие первого переливания крови в России // *Акушерство и гинекология.* 1982. № 8. С. 59-60.
- Шайкевич, 1876** – *Шайкевич Л.С.* О показаниях к операции переливания крови. М., 1876. 128 с.
- Шевченко и др., 2019** – *Шевченко Ю.Л., Карпов О.Э., Жибурт Е.Б.* Переливание крови: история и современность (к 100-летию переливания крови в России) // *Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова.* 2019. № 4(14). С. 4-11.
- Berner, 2020** – *Berner B.* Strange Blood. The Rise and Fall of Lamb Blood Transfusion in 19th Century Medicine and Beyond // *Medical humanities.* 2020. Vol. 5. 214 p.
- Gesellius, 1873** – *Gesellius F.* Die Transfusion des Blutes. Eine historische, kritische und physiologische Studie. St. Petersburg, Leipzig, 1873. 189 p.
- Gesellius, 1874** – *Gesellius F.* Zur Tierblut-Transfusion beim Menschen. St. Petersburg, Leipzig, 1874. 17 p.
- Huestis, 2004** – *Huestis D.W.* The first blood transfusion in Russia (1832) // *Transfusion.* 2004. № 44(9). Pp. 1367-1369.
- Learoyd, 2012** – *Learoyd P.* The history of blood transfusion prior to the 20th century – Part 1 // *Transfusion Medicine.* 2012. № 5 (22). Pp. 308-314.
- Marinozzi et al., 2018** – *Marinozzi S., Gazzaniga V., Iorio S.* The earliest blood transfusions in 17th century in Italy (1667–1668) // *Transfusion Medicine Reviews.* 2018. № 1 (42). Pp. 1-5.
- Sergeeva, Panova, 2020** – *Sergeeva M.S., Panova E.L.* The studies of blood transfusion and the attempts of its implementation into medical practice in 1800–1875: the fate of J.-A. Roussel's device in Russia // *Medicina Historica.* 2020. № 4 (2). [Electronic resource]. URL: <https://mattioli1885journals.com/index.php/MedHistor/article/view/9319>
- Sergeeva, Panova, 2021** – *Sergeeva M.S., Panova E.L.* Blood transfusions for the wounded: promising method of battlefield surgery or utopia of the mid-1870s? // *History of Medicine.* 2021. № 7 (2). Pp. 133-139.
- Sergeeva, Panova, 2021a** – *Sergeeva M.S., Panova E.L.* Brilliant Promotion for a Doubtful Invention: the Blood Transfusion Device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European Medical Science and Practice in 1860–1880 // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 244-252.
- Wolff, 1842** – *Wolff A.M.* Ueber Transfusion des Blutes // *Vermischte Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde von einer Gesellschaft praktischer Arzte zu St. Petersburg.* 1842. № 6. Pp. 190-192.

References

- Alekseevskij, 1883** – *Alekseevskij, A.V.* (1883). О переливании defibrinированной крови при септицемии [About transfusion of defibrinated blood in septicemia]. St. Petersburg, 160 p. [in Russian]
- Berner, 2020** – *Berner, B.* (2020). Strange Blood. The Rise and Fall of Lamb Blood Transfusion in 19th Century Medicine and Beyond. *Medical humanities.* 5. 214 p.
- Blundell, 1829** – *Blundell, J.* (1829). Successful case of transfusion. *Lancet.* 1: 431-432.
- Borhsenius, 1874** – *Borhsenius N.* (1874). Sluchaj perelivaniya krvi po sposobu doktora Gezelliusa [The case of blood transfusion according to the method of Dr. Gesellius]. *Military medical journal*, Vol. CXX, pp. 63–70. [in Russian]
- Buyalsky, 1846** – *Buyalsky, I.V.* (1846). О переливании крови (Transfusio sanguinis) [On Blood Transfusion (Transfusio sanguinis)]. St. Petersburg, 17 p. [in Russian]
- GARB** – Gosudarstvennyj arhiv respubliki Buryatiya [State archive of the Republic of Buryatia].
- Gesellius, 1873** – *Gesellius, F.* (1873). Die Transfusion des Blutes [Blood transfusion]. Eine historische, kritische und physiologische Studie. St. Petersburg, Leipzig. 189 p. [in German]
- Gesellius, 1874** – *Gesellius, F.* (1874). Zur Tierblut-Transfusion beim Menschen [Animal blood transfusion in humans]. St. Petersburg, Leipzig. 17 p. [in German]
- Girshman, 1876** – *Girshman, G.* (1876). К вопросу о переливании defibrinированной крови [To the issue of defibrinated blood transfusion]. *Voенно-медицинский журнал.* CXXVI: 207-238. [in Russian]
- Huestis, 2004** – *Huestis, D.W.* (2004). The first blood transfusion in Russia (1832). *Transfusion.* 44(9): 1367-1369.
- Karnauh, 2015** – *Karnauh, N.V.* (2015). Sovershenstvovanie professionalizma vypusknikov Derptского Professorskogo instituta v period zarubezhnoj stazhirovki. [Improving the professionalism of graduates of the Dorpat Professorial Institute during a foreign internship]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom.* 1(17): 139-147. [in Russian]
- Kolomnin, 1878** – *Kolomnin, S.P.* (1878). Obshchij medicinskij ocherk Serbo-tureckoj vojny 1876 g. i tyla armii v Bessarabii i Rumynii vo vremya tureckoj vojny 1877 goda [General medical sketch of the Serbo-Turkish War of 1876 and the rear of the army in Bessarabia and Romania during the Turkish War of 1877]. Kiev, Vol. 2, p. 145. [in Russian]
- Khotovitsky, 1830** – *Khotovitsky, S.F.* (1830). О болезненном состоянии кровавых испражнений из матки [On the painful state of bloody bowel movements from the uterus]. *Voенно-медицинский журнал.* XVI: 375-382. [in Russian]

- Learoyd, 2012** – *Learoyd, P.* (2012). The history of blood transfusion prior to the 20th century – Part 1. *Transfusion Medicine*. 5(22): 308-314.
- Marinozzi et al., 2018** – *Marinozzi S., Gazzaniga V., Iorio S.* (2018). The earliest blood transfusions in 17th century in Italy (1667–1668). *Transfusion Medicine Reviews*. 1 (42): 1-5.
- Nikitina, 2020** – *Nikitina, E.A.* (2020). Perelivanie krovi: nachalo [Blood transfusion: the beginning]. *Integrative Physiology*. 1(3): 169-180. [in Russian]
- Nikol'skij, 1880** – *Nikol'skij, V.M.* (1880). K voprosu o perelivanii krovi v polost' bryushiny [On the issue of blood transfusion into the cavity of the 'peritoneum]. St. Petersburg, 66 p. [in Russian]
- Ott, 1884** – *Ott, D.O.* (1884). O vliyaniy na obeskrovlennyy organizm vliyaniya rastvora povarennoy soli i sravnenie ego deystviya s drugimi upotrebyaemymi dlya transfuzii zhidkostyami [About the effect of the infusion of sodium chloride solution on the bloodless organism and comparison of its action with other fluids used for transfusion]. St. Petersburg, 136 p. [in Russian]
- Pirogov, 1879** – *Pirogov, N.I.* (1879). Voенно-vrachebnoe delo i chastnaya pomoshch' na teatre voyny v Bolgarii v tylu deystvuyushchej armii. V 1877–1878 gg. Chast' 2 [Military medical care and private assistance at the theater of war in Bulgaria in the rear of the active army. In 1877–1878. Part 2]. St. Petersburg, 385 p. [in Russian]
- Pirogov, 1941** – *Pirogov, N.I.* (1941). Nachala obshchej voенно-polevoj hirurgii vzyatyie iz nablyudenii voенно-gospital'noj praktiki i vospominanii o krymskoj vojne i kavkazskoj ekspedicii. Chast' 1 [The beginnings of general military field surgery taken from observations of military hospital practice and memories of the Crimean War and the Caucasian expedition]. Pod red. N.N.Burdenko. Moscow, 338 p. [in Russian]
- Ponfik, 1875** – *Ponfik, E.* (1875). Opytnyj material dlya ucheniya o perelivanii krovi [Experimental material for teaching about blood transfusion]. *Voенно-meditsinskii zhurnal*. CXXII: 82-91. [in Russian]
- Rautenberg, 1867** – *Rautenberg, V.M.* (1867). O perelivanii krovi [About blood transfusion]. St. Petersburg, 75 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arhiv [Russian state military–historical archive].
- Sergeeva, Panova, 2020** – *Sergeeva, M.S., Panova, E.L.* (2020). The studies of blood transfusion and the attempts of its implementation into medical practice in 1800–1875: the fate of J.-A. Roussel's device in Russia. *Medicina Historica*. 4(2). [Electronic resource]. URL: <https://mattioli1885journals.com/index.php/MedHistor/article/view/9319>
- Sergeeva, Panova, 2021** – *Sergeeva, M.S., Panova, E.L.* (2021). Blood transfusions for the wounded: promising method of battlefield surgery or utopia of the mid-1870s? *History of Medicine*. 7(2): 133-139.
- Sergeeva, Panova, 2021a** – *Sergeeva, M.S., Panova, E.L.* (2021). Brilliant Promotion for a Doubtful Invention: the Blood Transfusion Device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European Medical Science and Practice in 1860–1880. *Bylye Gody*. 16(1): 244-252.
- Wolff, 1842** – *Wolff, AM.* (1842). Ueber Transfusion des Blutes [About transfusion of blood]. *Vermischte Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde von einer Gesellschaft praktischer Arzte zu St. Petersburg*. 6: 190-192. [in German]
- Zvereva, 2003** – *Zvereva, I.S.* (2003). Franc Gezellius i ego izdatel'skoe predpriyatие (k istorii dorevolucionnoj nemeckoj pressy v Sankt-Peterburge). [Franz Gesellius and his publishing company (on the history of the pre-revolutionary German Press in St. Petersburg)]. *Knizhnoe delo v Rossii v XIX – nachale XX veka*. 11: 21-38. [in Russian]
- Russel', 1873** – *Russel', D.* (1875). O snaryade doktora Russelya dlya perelivaniya krovi [About Dr. Roussel's blood transfusion device]. *Voенно-meditsinskii zhurnal*. CXXII: 381-405. [in Russian]
- Sutugin, 1865** – *Sutugin, V.V.* (1865). O perelivanii krovi [About blood transfusion]. St. Petersburg, 58 p. [in Russian]
- Tabure, 1873** – *Tabure, N.A.* (1873). O perelivanii krovi [About blood transfusion]. St. Petersburg, 96 p. [in Russian]
- Filomafitsky, 1848** – *Filomafitsky, A.M.* (1848). Traktat o perelivanii krovi, (kak edinstvennom sredstve vo mnogih sluchayah spasti ugasayushchuyu zhizn'), sostavlennyj v istoricheskom, fiziologicheskom i hirurgicheskom otnoshenii [Treatise on Blood Transfusion (as the only means in many cases to save a dying life), compiled in historical, physiological and surgical terms]. Moskva, 314 p. [in Russian]
- Shabunin, 1982** – *Shabunin, A.V.* (1982). 150-letie pervogo perelivaniya krovi v Rossii [150th anniversary of the first blood transfusion in Russia]. *Akusherstvo i ginekologiya*. 8: 59-60. [in Russian]
- Shajkevich, 1876** – *Shajkevich, L.S.* (1876). O pokazaniyah k operacii perelivaniya krovi [About indications for blood transfusion]. Moskva, 128 p. [in Russian]
- Shevchenko i dr., 2019** – *Shevchenko, Yu.L., Karpov, O.E., Zhiburt, E.B.* (2019). Perelivanie krovi: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu perelivaniya krovi v Rossii) [Blood transfusion: history and modernity (on the 100th anniversary of blood transfusion in Russia)]. *Vestnik Natsional'nogo mediko-khirurgicheskogo Tsentra im. N. I. Pirogova*. 4(14): 4-11. [in Russian]

Российские инициативы в области изучения и практического применения переливания крови в XIX веке

Мария Сергеевна Сергеева ^{a, *}, Евгения Львовна Панова ^b

^a Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Российская Федерация

^b РУДН (Российский университет дружбы народов), Российская Федерация

Аннотация. Развитие переливания крови в России началось XIX в. на фоне возрождавшегося интереса к изучению и применению этой процедуры после серии запретов в Европе двумя столетиями ранее. Целью статьи является систематизация и анализ российских инициатив в области переливания крови в XIX в., включающих в себя как давно известные факты, так малоизученные и новые свидетельства. Определены этапы в развитии отечественной гемотрансфузии XIX в.: начальный период в 1830–1840 гг., в котором были осуществлены первые попытки применения переливания крови в медицинской практике и осмыслены возможности этого метода; 1860–1870 гг. – период всплеска интереса к переливанию крови, когда были проведены фундаментальные физиологические исследования и осуществлено значительное количество случаев переливания крови. Пик интереса к гемотрансфузии в 1873–1875 гг. в России был вызван интенсификацией военных действий на международной арене и связанными с этим потребностями военно-полевой хирургии; деятельностью Дж.А. Русселя и Ф.Ф. Гезеллиуса по продвижению своих аппаратов для переливания крови в России, включавшей проведение публичных демонстраций и экспериментальных клинических испытаний; активным изучением переливания крови в европейской медицинской науке. В 1880-х гг. популярность переливания крови начала резко снижаться из-за отсутствия обоснованных результатов, подтверждающих безопасность его применения в клинической практике.

Ключевые слова: история медицины, переливание крови, гемотрансфузия, Дж.А. Руссель, Ф. Гезеллиус.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (М.С. Сергеева), evepanova@gmail.com (Е.Л. Панова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1207-1218
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1207

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Annual Publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee as a Source on the Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Province in the Period 1850–1875

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers a group of annual publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee of the period 1850–1875, which reflect the theme of socio-economic development of the province.

The source base of the study is represented by the annual publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee of the period 1850–1875. At the study time, the following were published: “Spravochnye knizhki Arkhangel'skoi gubernii”, “Pamyatnye knizhki Arkhangel'skoi gubernii”, “Arkhangel'skii sbornik”, “Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta” and Reports of the provincial Statistical Committee.

In conclusion, the authors state that the annual publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee of the period 1850–1875 are represented by the following publications: “Spravochnye knizhki Arkhangel'skoi gubernii”, “Pamyatnye knizhki Arkhangel'skoi gubernii”, “Arkhangel'skii sbornik”, “Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta” and Reports of the provincial Statistical Committee. At the study time, the greatest scientific and publication activity of officials of the statistical committee was recorded in 1861–1866 (immediately after the abolition of serfdom). And the least active – in the first five years of the 1870s.

In total, in 1850–1875, about 90 research papers on the socio-economic development of the Arkhangelsk province were published in the annual publications of the Arkhangelsk Statistical Committee. At the same time, the unique ethnographic materials were introduced into scientific circulation.

Keywords: socio-economic development, Arkhangelsk province, Russian Empire, sustainable development of regions, 1850–1875, annual publications, Arkhangelsk Provincial Statistical Committee.

1. Введение

Ежегодные издания губернских статистических комитетов периода XIX – начала XX вв. являются важным историческим источником для проведения генеалогических, этнографических, демографических и других исследований. Причина этого заключается в том, что статистические комитеты выпускали самую разнообразную литературу – это и справочные книжки о персональном составе государственных и иных учреждений губернии, это и важные естественно-научные сведения о регионе, статистические ежегодные отчеты о состоянии губернии, а также научно-исследовательские работы. Все это в целом делает ежегодные издания губернских статистических комитетов весьма

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

ценным источником при изучении социально-экономического развития регионов Российской империи. В данной работе мы хотели бы рассмотреть ежегодные издания губернских статистических комитетов на примере Архангельской губернии периода 1850–1875 гг.

2. Материалы и методы

Материалами нашего исследования были ежегодные издания Архангельского губернского статистического комитета периода 1850–1875 гг. В рассматриваемое нами время издавались: «Справочные книжки Архангельской губернии», «Памятные книжки Архангельской губернии», «Архангельский сборник», «Труды Архангельского губернского статистического комитета» и Отчеты губернского статистического комитета.

При проведении источниковедческих исследований важное значение имеет критика исторических документов. Осуществление внутренней критики позволяет нам выявить заслуживающие внимание источники и произвести их фактологический разбор. Благодаря этому мы сфокусировались только на ежегодных изданиях, которые готовились к публикации Архангельским губернским статистическим комитетом. В работе применялся также метод контент-анализа, благодаря которому из значительного количества опубликованного материала были отобраны работы по социально-экономическому развитию региона.

3. Обсуждение

Ежегодные издания губернских статистических комитетов в последнее время многократно становились предметом изучения. При этом авторы рассматривали эту тему как на примере отдельных губерний: например, Н.М. Якуш рассматривала памятные книжки Витебской губернии как справочно-информационный источник для сферы туризма (Якуш, 2022); Т.Г. Шумкина изучала Адрес-календари и памятные книжки Пермской губернии в качестве источника по истории Урала (Шумкина, 2013); С.А. Попов рассматривал памятные книжки второй половины XIX в. как источник по демографическим процессам на территории Коми края (Попов, 2013); на примере Пензенской губернии рассматривала памятные книжки XIX века И.В. Травникова (Травникова, 2015), так и на примере группы губерний и в общероссийском масштабе. Так, например, О.В. Корсак обращалась к теме издательской деятельности статистических комитетов Белорусских губерний (Корсак, 2017), С.В. Левин изучал издания губернских статистических комитетов в качестве исторического источника (Левин, 2014).

4. Результаты

Группа исторических источников, посвященная теме социально-экономического развития региона (в нашем случае - Архангельской губернии) периода 1850–1875 гг. состоит из опубликованных ежегодных изданий, подготовленных Архангельским губернским статистическим комитетом. В рассматриваемое нами время издавались: Справочные книжки Архангельской губернии (1850, 1852, 1860, 1870 гг.); Памятные книжки Архангельской губернии (1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1875 гг.); Адрес-календари (1866 г.); Труды Архангельского статистического комитета (1865 и 1867–1868 гг.); Архангельский сборник (1863 и 1865 гг.), а также Отчеты губернского статистического комитета (1864, 1865, 1866, 1867–1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 гг.). Все эти работы были изданы в губернском центре – городе Архангельск.

Рассмотрим эти издания в хронологической последовательности:

В 1850 г. вышло первое ежегодное издание «Справочная книжка Архангельской губернии на 1850 г.». Данное издание состояло из четырех отделений: в отделении первом была представлена естественно-научная информация о губернии (восход и заход солнца, географическая широта и долгота, метеорологические сведения, расстояния от Архангельска до других мест губернии и т.д.). Во втором отделении были материалы для статистики (пространство губернии, жители, число церквей, домов и других зданий в городах, число приходов, городские доходы и расходы, фабрики, заводы, народное образование, народное здравие и т.д.) – эти материалы были представлены М. Заринским (Заринский, 1850). В третьем отделении были представлены несколько уставов и положений, а среди них две работы П. Клионовского: «О конторе Общества застрахования скота в Архангельске» и «Врачебное описание вод Белого моря» (Клиновский, 1850; Клиновский, 1850а). Отделение четвертое представляло собой Адрес-календарь губернии, где были представлены все учреждения губернии и лица их представляющие.

В 1852 г. в Справочной книжке Архангельской губернии были опубликованы следующие работы: М. Заринский «Материалы для статистики Архангельской губернии» (Заринский, 1852), В. Михайлов «О земледелии православного сельского духовенства Архангельской епархии» (Михайлов, 1852). А также несколько других работ М. Заринского: «О распространении христианства в Архангельской губернии» (Заринский, 1852а), «Иерархи Архангельские и Холмогорские» (Заринский, 1852б), «Двинские воеводы и начальник Архангельской губернии» (Заринский, 1852с).

В 1860 г. в Справочной книжке Архангельской губернии были опубликованы: П. Яниш «Историческое обозрение Архангельской губернии» (Яниш, 1860), Г. Минейко «Законоположение

Петра Великого о речных и морских торговых судах Архангельского порта» (Минейко, 1860), А. Василевский «О водяном пути к Архангельску по Северо-двинскому бассейну» (Василевский, 1860), А. Михайлов «Сийский монастырь Св. Антония» (Михайлов, 1860).

С 1861 года, года отмены крепостного права, и в следующее пятилетнее наблюдался настоящий бум в научно-публикационной работе Архангельского статистического комитета. Так, в это время начали ежегодно издаваться не только Памятные книжки Архангельской губернии и Отчет статистического комитета, но и сугубо научные работы «Архангельский сборник» и «Труды Архангельского губернского статистического комитета».

Так, в 1861 г. впервые на территории губернии вышла «Памятная книжка Архангельской губернии». В литературном отделе которой были опубликованы две научно-исследовательские работы: К. Пилацкого «Историко-статистическое описание г. Архангельска» (Пилацкий, 1861) и П. Богославского «О судостроении в Архангельской губернии» (Богославский, 1861).

В 1862–1865 гг. издание Памятных книжек продолжалось. В литературном отделе были опубликованы следующие труды: Н. Соколов «Описание г. Холмогор с очерком древней истории Двинского края» (Соколов, 1862), М. Истомин «Ижма» (Истомин, 1862), В. Чернышев «Пустозерск» (Чернышев, 1862), В. Чернышев «Новая Земля» (Чернышев, 1862а), М. Заринский «Вайгач» (Заринский, 1862) и М. Заринский «Колгуев» (Заринский, 1862а).

В 1863 г. в Памятной книжке были опубликованы работы: М. Истомина «О движении народонаселения на Соломбале» (Истомин, 1863), Затвариницкого «Смертность в Архангельской губернской больнице Приказа Общественного Призрения с 1856 по 1862 гг.» (Затвариницкий, 1863), Затвариницкого «О врачебной помощи в Архангельской губернии в 1862 году» (Затвариницкий, 1863а), иеромонаха Доната «О характере раскола Архангельской губернии» (Иеромонах Донат, 1863), а также работа автора под псевдонимом И.С. «Исторические сведения об Аароновщине» (И.С., 1863).

В том же 1863 г. была опубликована первая книга «Архангельского сборника». В этом труде было опубликовано несколько работ К. Пилацкого: «Описание города Архангельска» (Пилацкий, 1863), «Статистическое описание Архангельской губернии» (Пилацкий, 1863а), статья И. Поромова «Описание Архангельского уезда» (Поромов, 1863), И. Соколова «Описание города Холмогор» (Соколов, 1863), П. Базилевский «Описание Холмогорского уезда» (Базилевский, 1863) и две работы М. Заринского: «Описание г. Шенкурска» (Заринский, 1863), «Описание Шенкурского уезда» (Заринский, 1863а).

В 1864 г. в Памятной книжке были опубликованы труды: А. Кудрявина «Краткие исторические заметки для Архангельской губернии и, в частности, для Шенкурского уезда» (Кудрявин, 1864), П. Ефименко «Памятники языка и народной словесности, записанные в Архангельской губернии (обереги, подходы, загадки, пословицы, поговорки, провинциализмы, южно-русский элемент в наречии Архангельской губернии)» (Ефименко, 1864), П. Ефименко «Демонология жителей Архангельской губернии (леший, домовый, баба-яга, водяной)» (Ефименко, 1864а), П. Ефименко «Икота и икотницы» (Ефименко, 1864б), Швецов «Очерк промышленности Мезенского уезда» (Швецов, 1864), А. Шадрин «Шенкурская Сретенская ярмарка» (Шадрин, 1864), А. Василевский «Река Мехреньга» (Василевский, 1864) и А. Зарубин «Величина изменений уровня вод Двины, Белого моря и Северного океана в разных прибрежных местах Архангельской губернии от действий прилива» (Зарубин, 1864).

В 1864 г. впервые был опубликован и «Отчет губернского статистического комитета на 1864 г.». Этот отчет содержал всего 36 страниц и никаких научных докладов или статей не содержал (Отчет..., 1864).

В Памятной книжке за 1865 г. никаких литературных материалов не было (Памятная книжка..., 1865), так как в этом году была издана вторая и последняя книга «Архангельского сборника». Во второй книге были опубликованы следующие работы по истории: И. Поромов «Описание города Пинеги» (Поромов, 1865), М. Заринский «Пинежский уезд» (Заринский, 1865), И. Поромов «Описание г. Мизени» (Поромов, 1865а), И. Поромов «Описание Мезенского уезда» (Поромов, 1865б), В. Чернышев «Пустозерск» (Чернышев, 1865), М. Заринский «Новая Земля» (Заринский, 1865а), М. Заринский «Колгуев» (Заринский, 1865б), М. Заринский «Кемский уезд» (Заринский, 1865с) и несколько других его произведений. Помимо этого были опубликованы труды М. Истомина «Ковда-озеро» (Истомин, 1865), И. Поромова «Описание г. Колы» (Поромов, 1865с) и «Описание Кольского уезда» (Поромов, 1865д).

В 1866 г. были изданы две книги «Трудов Архангельского губернского статистического комитета». Так, в первой книге были опубликованы следующие работы: П. Чубинский «О Ломоносове» (Чубинский, 1866), П. Чубинский «Памятник Ломоносову в Архангельске» (Чубинский, 1866а), Ф. Харевич «Акты и материалы, собранные в Холмогорском Спасо-Преображенском Соборе» (Харевич, 1866), П. Ефименко «О заклинаниях» (Ефименко, 1866), С. Огородников «Заговоры, собранные в Соломбале» (Огородников, 1866), Комповский «Провинциализмы Архангельской губернии и в особенности Кемского уезда» (Комповский, 1866), А. Шешенин «Пословицы, поговорки, загадки, байки, прибаутки в Кемском уезде» (Шешенин, 1866) и П. Ефименко «Летние и зимние гулянья Шенкурского уезда» (Ефименко, 1866).

В том же 1866 г. была издана вторая книга «Трудов Архангельского губернского статистического комитета». В этой книге были опубликованы следующие труды: Г. Прушакевич «Обзор деятельности архангельской конторы Коммерческого банка с 1820 по 1860 гг.» (Прушакевич, 1866); С. Огородников «Соломбала» (Огородников, 1866а); П. Чубинский «Статистико-этнографический очерк Корелы» (Чубинский, 1866b); П. Чубинский «Статистика рождений, браков и смертности по г. Архангельску за 10 лет» (Чубинский, 1866с); П. Чубинский «Статистика рождений, браков и смертности в уездных городах и посадах Архангельской губернии за 5 лет» (Чубинский, 1866d); П. Чубинский «Главнейшие ярмарки Архангельской губернии» (Чубинский, 1866е).

В 1866 г. был впервые издан Адрес-календарь Архангельской губернии, который назывался «Губернский адрес-календарь лиц служащих в Архангельской губернии на 1866 г.». Адрес-календарь состоял всего из 80 страниц и ничего, кроме указанных списков служащих, в себе не содержал (Губернский адрес-календарь..., 1866).

В 1868 г. во 2-м выпуске «Трудов Архангельского губернского статистического комитета за 1867 г.» была напечатана естественно-научная работа С. Огородникова «Климат Архангельской губернии» (Огородников, 1868).

В 1869 г. в 3-м выпуске «Трудов Архангельского губернского статистического комитета за 1868 г.» была опубликована работа П. Ефименко «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии» (Ефименко, 1869).

В 1870 г. была издана Справочная книжка Архангельской губернии. В литературном отделе которой был опубликован ряд работ А. Маликова: «Историческая заметка» (Маликов, 1870), «Очерк Архангельской губернии (в географическом и хозяйственном отношении)» (Маликов, 1870а), «Краткие сведения о святых, подвизавшихся в Архангельской губернии и чтимых церковью» (Маликов, 1870б), «Достопримечательности в Архангельской губернии» (Маликов, 1870с). Помимо этого, здесь была опубликована работа А. Голубева «О движении народонаселения в Архангельской губернии в 1858-1867 гг.» (Голубев, 1870).

В начале 1870-х гг. наблюдается спад научно-публикационной активности Архангельского губернского статистического комитета, в это время в ежегодных изданиях публикуется не более одной научно-исследовательской работы. Так, в 1871 г. в Отчете губернского статистического комитета на 1871 г. была опубликована работа В. Комповского «Краткий статистический обзор Архангельской губернии за 1870 г.» (Комповский, 1871).

В 1872 г. также в Отчете губернского статистического комитета была опубликована работа И.А. Протопопова «Сведения об организации и результатах переписи в городах и посадах Архангельской губернии, бывшей 10 декабря 1872 года» (Протопопов, 1872).

В 1873 г. также в Отчете губернского статистического комитета была опубликована работа А.Ф. Юрьева «Краткие статистические сведения по Архангельской губернии за 1872 год» (Юрьев, 1873).

В 1874 г. также в Отчете губернского статистического комитета была опубликована работа А.Ф. Юрьева «Статистические сведения по Архангельской губернии за 1873 год» (Юрьева, 1874).

В 1875 г. была издана Памятная книжка Архангельской губернии, в ней была опубликована только одна научно-исследовательская работа: А. Подвысоцкого «Общие статистические сведения по Архангельской губернии за 1873 г.» (Подвысоцкий, 1875).

5. Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы отметить, что ежегодные издания Архангельского губернского статистического комитета периода 1850–1875 гг. представлены следующими изданиями: «Справочные книжки Архангельской губернии», «Памятные книжки Архангельской губернии», «Архангельский сборник», «Труды Архангельского губернского статистического комитета» и Отчеты губернского статистического комитета. В изучаемое время наибольшая научно-публикационная деятельность чиновников статистического комитета была зафиксирована в 1861–1866 гг. (сразу после отмены крепостного права), а наименее активно - в первое пятилетие 1870-х гг.

Всего же в 1850–1875 гг. в ежегодных изданиях Архангельского статистического комитета было опубликовано около 90 научно-исследовательских работ по социально-экономическому развитию Архангельской губернии. При этом в научный оборот были введены, в том числе уникальные этнографические материалы.

Литература

Базилевский, 1863 – Базилевский П. Описание Холмогорского уезда // Архангельский сборник. Книга первая. Архангельск, 1863.

Богославский, 1861 – Богославский П. О судостроении в Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861.

Василевский, 1860 – Василевский А. О водяном пути к Архангельску по северо-двинскому бассейну // Справочная книжка Архангельской губернии на 1860 г. Архангельск, 1860.

- Василевский, 1864** – *Василевский А.* Река Мехреньга // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год.* Архангельск, 1864.
- Голубев, 1870** – *Голубев Г.* О движении народонаселения в Архангельской губернии в 1858–1867 гг. // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г.* Архангельск, 1870.
- Губернский адрес-календарь..., 1866** – Губернский адрес-календарь лиц служащих в Архангельской губернии на 1866 г. Архангельск, 1866.
- Ефименко, 1864** – *Ефименко П.* Памятники языка и народной словесности, записанные в Архангельской губернии (обереги, подходы, загадки, пословицы, поговорки, провинциализмы, южно-русский элемент в наречии Архангельской губернии) // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год.* Архангельск, 1864.
- Ефименко, 1864a** – *Ефименко П.* Демонология жителей Архангельской губернии (леший, домовый, баба-яга, водяной) // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год.* Архангельск, 1864.
- Ефименко, 1864b** – *Ефименко П.* Икота и икотницы // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год.* Архангельск, 1864.
- Ефименко, 1866** – *Ефименко П.* Летние и зимние гулянья Шенкурского уезда // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Ефименко, 1866** – *Ефименко П.* О заклинаниях // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Ефименко, 1869** – *Ефименко П.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1868 г.* Выпуск 3. Архангельск, 1869.
- Заринский, 1850** – *Заринский М.* Материалы для статистики Архангельской губернии // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1850 г.* Архангельск, 1850.
- Заринский, 1852** – *Заринский М.* Материалы для статистики Архангельской губернии // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 г.* Архангельск, 1852.
- Заринский, 1852a** – *Заринский М.* О распространении христианства в Архангельской губернии // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 г.* Архангельск, 1852.
- Заринский, 1852b** – *Заринский М.* Иерархи Архангельские и Холмогорские // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 г.* Архангельск, 1852.
- Заринский, 1852c** – *Заринский М.* Двинские воеводы и начальник Архангельской губернии // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 г.* Архангельск, 1852.
- Заринский, 1862** – *Заринский М.* Вайгач // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1862 год.* Архангельск, 1862.
- Заринский, 1862a** – *Заринский М.* Колгуев // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1862 год.* Архангельск, 1862.
- Заринский, 1863** – *Заринский М.* Описание г. Шенкурска // *Архангельский сборник.* Книга первая. Архангельск, 1863.
- Заринский, 1863a** – *Заринский М.* Описание Шенкурского уезда // *Архангельский сборник.* Книга первая. Архангельск, 1863.
- Заринский, 1865** – *Заринский М.* Пинежский уезд // *Архангельский сборник.* Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Заринский, 1865a** – *Заринский М.* Новая Земля // *Архангельский сборник.* Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Заринский, 1865b** – *Заринский М.* Колгуев // *Архангельский сборник.* Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Заринский, 1865c** – *Заринский М.* Кемский уезд // *Архангельский сборник.* Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Зарубин, 1864** – *Зарубин А.* Величина изменений уровня вод Двины, Белого моря и Северного океана в разных прибрежных местах Архангельской губернии от действий прилива // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год.* Архангельск, 1864.
- Затвариницкий, 1863** – *Затварницкий.* Смертность в Архангельской губернской больнице Приказа Общественного Призрения с 1856 по 1862 гг. // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1863 год.* Архангельск, 1863.
- Затвариницкий, 1863a** – *Затварницкий.* О врачебной помощи в Архангельской губернии в 1862 году // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1863 год.* Архангельск, 1863.
- И.С., 1863** – *И.С.* Исторические сведения об Аароновщине // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1863 год.* Архангельск, 1863.
- Иеромонах Донат, 1863** – *Донат, иеромонах.* О характере раскола Архангельской губернии // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1863 год.* Архангельск, 1863.
- Истомин, 1862** – *Истомин М.* Ижма // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1862 год.* Архангельск, 1862.

- Истомин, 1863** – Истомин М. О движении народонаселения на Соломбале // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1863 год*. Архангельск, 1863.
- Истомин, 1865** – Истомин М. Ковда-озеро // *Архангельский сборник*. Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Клиновский, 1850** – Клиновский П. О конторе Общества застрахования скота в Архангельске // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1850 г.* Архангельск, 1850.
- Клиновский, 1850а** – Клиновский П. Врачебное описание вод Белого моря // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1850 г.* Архангельск, 1850.
- Комповский, 1866** – Комповский. Провинциализмы Архангельской губернии и в особенности Кемского уезда // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Комповский, 1871** – Комповский В. Краткий статистический обзор Архангельской губернии за 1870 г. // *Отчет губернского статистического комитета на 1870 г.* Архангельск, 1871.
- Корсак, 2017** – Корсак О.В. Издательская деятельность статистических комитетов белорусских губерний (1830-е – начало 1900-х гг.) // *Журнал Белорусского государственного университета*. История. 2017. № 1. С. 9-16.
- Кудрявин, 1864** – Кудрявин А. Краткие исторические заметки для Архангельской губернии и в частности для Шенкурского уезда // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год*. Архангельск, 1864.
- Левин, 2014** – Левин С.В. Издания губернских статистических комитетов как исторический источник // *Наука и мир*. 2014. № 5-2 (9). С. 142-145.
- Маликов, 1870** – Маликов А. Историческая заметка // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г.* Архангельск, 1870.
- Маликов, 1870а** – Маликов А. Очерк Архангельской губернии (в географическом и хозяйственном отношении) // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г.* Архангельск, 1870.
- Маликов, 1870б** – Маликов А. Краткие сведения о святых, подвизавшихся в Архангельской губернии и чтимых церковью // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г.* Архангельск, 1870.
- Маликов, 1870с** – Маликов А. Достопримечательности в Архангельской губернии // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г.* Архангельск, 1870.
- Минейко, 1860** – Минейко Г. Законоположение Петра Великого о речных и морских торговых судах Архангельского порта // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1860 г.* Архангельск, 1860.
- Михайлов, 1852** – Михайлов В. О землепашестве православного сельского духовенства Архангельской епархии // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 г.* Архангельск, 1852.
- Михайлов, 1860** – Михайлов А. Сийский монастырь Св. Антония // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1860 г.* Архангельск, 1860.
- Огородников, 1866** – Огородников С. Заговоры, собранные в Соломбале // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Огородников, 1866а** – Огородников С. Соломбала // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 2. Архангельск, 1866.
- Огородников, 1868** – Огородников С. Климат Архангельской губернии // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1867 г.* Выпуск 2. Архангельск, 1868.
- Отчет..., 1864** – Отчет губернского статистического комитета на 1864 г. Архангельск, 1864.
- Памятная книжка..., 1865** – *Памятная книжка Архангельской губернии на 1865 год*. Архангельск, 1865.
- Пилацкий, 1861** – Пилацкий К. Историко-статистическое описание г. Архангельска // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1861 год*. Архангельск, 1861.
- Пилацкий, 1863** – Пилацкий К. Описание города Архангельска // *Архангельский сборник*. Книга первая. Архангельск, 1863.
- Пилацкий, 1863а** – Пилацкий К. Статистическое описание Архангельской губернии // *Архангельский сборник*. Книга первая. Архангельск, 1863.
- Подвысоцкий, 1875** – Подвысоцкий А. Общие статистические сведения по Архангельской губернии за 1873 г. // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1875 год*. Архангельск, 1875.
- Попов, 2013** – Попов С.А. Памятные книжки как источник по истории населения Коми края второй половины XIX века // *Историческая демография*. 2013. № 1 (11). С. 89-91.
- Поромов, 1863** – Поромов И. Описание Архангельского уезда // *Архангельский сборник*. Книга первая. Архангельск, 1863.
- Поромов, 1865** – Поромов И. Описание города Пинеги // *Архангельский сборник*. Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Поромов, 1865а** – Поромов И. Описание г. Мизени // *Архангельский сборник*. Книга вторая. Архангельск, 1865.

- Поромов, 1865b** – Поромов И. Описание Мезенского уезда // *Архангельский сборник*. Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Поромов, 1865c** – Поромов И. Описание г. Колы // *Архангельский сборник*. Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Поромов, 1865d** – Поромов И. Описание Кольского уезда // *Архангельский сборник*. Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Протопопов, 1872** – Протопопов И.А. Сведения об организации и результатах переписи в городах и посадах Архангельской губернии, бывшей 10 декабря 1872 года / *Отчет губернского статистического комитета на 1872 г.* Архангельск, 1872.
- Прушакевич, 1866** – Прушакевич Г. Обзор деятельности архангельской конторы Коммерческого банка с 1820 по 1860 гг. // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 2. Архангельск, 1866.
- Соколов, 1862** – Соколов Н. Описание г. Холмогор с очерком древней истории Двинского края // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1862 год*. Архангельск, 1862.
- Соколов, 1863** – Соколов И. Описание города Холмогор // *Архангельский сборник*. Книга первая. Архангельск, 1863.
- Травникова, 2015** – Травникова И.В. Памятные книжки – провинциальные справочные издания XIX в. (на примере Пензенской губернии) // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2015. № 3 (11). С. 29-33.
- Харевич, 1866** – Харевич Ф. Акты и материалы, собранные в Холмогорском Спасо-Преображенском Соборе // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Чернышев, 1862** – Чернышев В. Пустозерск // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1862 год*. Архангельск, 1862.
- Чернышев, 1862a** – Чернышев В. Новая Земля // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1862 год*. Архангельск, 1862.
- Чернышев, 1865** – Чернышев В. Пустозерск // *Архангельский сборник*. Книга вторая. Архангельск, 1865.
- Чубинский, 1866** – Чубинский П. О Ломоносове // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Чубинский, 1866a** – Чубинский П. Памятник Ломоносову в Архангельске // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Чубинский, 1866b** – Чубинский П. Статистико-этнографический очерк Корелы // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 2. Архангельск, 1866.
- Чубинский, 1866c** – Чубинский П. Статистика рождений, браков и смертности по г. Архангельску за 10 лет // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 2. Архангельск, 1866.
- Чубинский, 1866d** – Чубинский П. Статистика рождений, браков и смертности в уездных городах и посадах Архангельской губернии за 5 лет // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 2. Архангельск, 1866.
- Чубинский, 1866e** – Чубинский П. Главнейшие ярмарки Архангельской губернии // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 2. Архангельск, 1866.
- Шадрин, 1864** – Шадрин А. Шенкурская Сретенская ярмарка // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год*. Архангельск, 1864.
- Швецов, 1864** – Швецов. Очерк промышленности Мезенского уезда // *Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год*. Архангельск, 1864.
- Шешенин, 1866** – Шешенин А. Пословицы, поговорки, загадки, байки, прибаутки в Кемском уезде // *Труды Архангельского губернского статистического комитета на 1865 г.* Книга 1. Архангельск, 1866.
- Шумкина, 2013** – Шумкина Т.Г. Адрес-календари и памятные книжки Пермского губернского статистического комитета как источники по истории Урала // *Вопросы всеобщей истории*. 2013. № 15. С. 166-173.
- Юрьев, 1873** – Юрьев А.Ф. Краткие статистические сведения по Архангельской губернии за 1872 год / *Отчет губернского статистического комитета на 1873 г.* Архангельск, 1873.
- Юрьева, 1874** – Юрьев А.Ф. Статистические сведения по Архангельской губернии за 1873 год / *Отчет губернского статистического комитета на 1874 г.* Архангельск, 1874.
- Якуш, 2022** – Якуш Н.М. Памятные книжки Витебской губернии как справочно-информационный ресурс туризма // *Труды БГТУ. Серия 6: история, философия*. 2022. № 1(257). С. 11-15.
- Яншин, 1860** – Яншин П. Историческое обозрение Архангельской губернии // *Справочная книжка Архангельской губернии на 1860 г.* Архангельск, 1860.

References

- Bazilevskii, 1863** – *Bazilevskii, P.* (1863). Opisanie Kholmogorskogo uezda [Description of the Kholmogory district]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga pervaya.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Bogoslavskii, 1861** – *Bogoslavskii, P.* (1861). O sudostroenii v Arkhangel'skoi gubernii [On shipbuilding in the Arkhangelsk province]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1861 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chernyshev, 1862** – *Chernyshev, V.* (1862). Pustozersk [Pustozersk]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1862 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chernyshev, 1862a** – *Chernyshev, V.* (1862). Novaya Zemlya [Novaya Zemlya]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1862 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chernyshev, 1865** – *Chernyshev, V.* (1865). Pustozersk [Pustozersk]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga vtoraya.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chubinskii, 1866** – *Chubinskii, P.* (1866). O Lomonosove [About Lomonosov]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 1.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chubinskii, 1866a** – *Chubinskii, P.* (1866). Pamyatnik Lomonosovu v Arkhangel'ske [Monument to Lomonosov in Arkhangelsk]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 1.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chubinskii, 1866b** – *Chubinskii, P.* (1866). Statistiko-etnograficheskii ocherk Korely [Statistical and ethnographic essay on Korela]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 2.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chubinskii, 1866c** – *Chubinskii, P.* (1866). Statistika rozhdenii, brakov i smertnosti po g. Arkhangel'sku za 10 let [Statistics of births, marriages and mortality in Arkhangelsk for 10 years]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 2.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chubinskii, 1866d** – *Chubinskii, P.* (1866). Statistika rozhdenii, brakov i smertnosti v uezdnykh gorodakh i posadakh Arkhangel'skoi gubernii za 5 let [Statistics of births, marriages and mortality in county towns and towns of the Arkhangelsk province for 5 years]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 2.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Chubinskii, 1866e** – *Chubinskii, P.* (1866). Glavneishie yarmarki Arkhangel'skoi gubernii [The main fairs of the Arkhangelsk province]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 2.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Efimenko, 1864** – *Efimenko, P.* (1864). Pamyatniki yazyka i narodnoi slovesnosti, zapisannyye v Arkhangel'skoi gubernii (oberegi, podkhody, zagadki, poslovitsy, pogovorki, provintsializmy, yuzhno-russkii element v narechii Arkhangel'skoi gubernii) [Monuments of language and folk literature recorded in the Arkhangelsk province (amulets, approaches, riddles, proverbs, sayings, provincialisms, the southern Russian element in the dialect of the Arkhangelsk province)]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Efimenko, 1864a** – *Efimenko, P.* (1864). Demonologiya zhitelei Arkhangel'skoi gubernii (leshii, domovoi, baba-yaga, vodyanoi) [Demonology of the inhabitants of the Arkhangelsk province (goblin, brownie, baba-yaga, water)]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Efimenko, 1864b** – *Efimenko, P.* (1864). Ikota i ikotnitsy [Hiccups and hiccups]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Efimenko, 1866** – *Efimenko, P.* (1866). Letnie i zimnie gulyan'ya Shenkurskogo uezda [Summer and winter festivities of the Shenkur district]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 1.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Efimenko, 1866** – *Efimenko, P.* (1866). O zaklinaniyakh [On Spells]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g. Kniga 1.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Efimenko, 1869** – *Efimenko, P.* (1869). Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev Arkhangel'skoi gubernii [Collection of folk legal customs of the Arkhangelsk province]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1868 g. Vypusk 3.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Golubev, 1870** – *Golubev, G.* (1870). O dvizhenii narodonaseleniya v Arkhangel'skoi gubernii v 1858–1867 gg. [On the movement of population in the Arkhangelsk province in 1858–1867]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1870 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Gubernskii adres-kalendar'..., 1866** – Gubernskii adres-kalendar' lits sluzhashchikh v Arkhangel'skoi gubernii na 1866 g. [Provincial address-calendar of employees in the Arkhangelsk province for 1866]. Arkhangel'sk, 1866. [in Russian]
- I.S., 1863** – I.S. Istoricheskie svedeniya ob Aaronovshchine [Historical information about Aaronovshchina]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1863 god.* Arkhangel'sk, 1863. [in Russian]
- Ieromonakh Donat, 1863** – *Donat, ieromonakh* (1863). O kharaktere raskola Arkhangel'skoi gubernii [Donat, hieromonk. On the nature of the split in the Arkhangelsk province]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1863 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]

- Istomin, 1862** – *Istomin, M.* (1862). Izhma [Izhma]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1862 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Istomin, 1863** – *Istomin, M.* (1863). O dvizhenii narodonaseleniya na Solombale [On the movement of population in Solombala]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1863 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Istomin, 1865** – *Istomin, M.* (1865). Kovda-ozero [Kovda-lake]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga vtoraya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Kharevich, 1866** – *Kharevich, F.* (1866). Akty i materialy, sobrannye v Kholmogorskom Spaso-Preobrazhenskom Sobore [Acts and materials collected in the Kholmogory Transfiguration Cathedral]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g.* Kniga 1. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Klinovskii, 1850** – *Klinovskii, P.* (1850). O kontore Obshchestva zastrakhovaniya skota v Arkhangel'ske [About the office of the Cattle Insurance Society in Arkhangel'sk]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1850 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Klinovskii, 1850a** – *Klinovskii, P.* (1850). Vrachebnoe opisanie vod Belogo morya [Medical description of the waters of the White Sea]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1850 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Kompovskii, 1866** – *Kompovskii* (1866). Provintsializmy Arkhangel'skoi gubernii i v osobennosti Kemskogo uezda [Provincialisms of the Arkhangel'sk province and in particular the Kemsky district]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g.* Kniga 1. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Kompovskii, 1871** – *Kompovskii, V.* (1871). Kratkii statisticheskii obzor Arkhangel'skoi gubernii za 1870 g. [Brief statistical review of the Arkhangel'sk province for 1870]. *Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1870 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Korsak, 2017** – *Korsak, O.V.* [2017]. Izdatel'skaya deyatel'nost' statisticheskikh komitetov belorusskikh gubernii (1830-e – nachalo 1900-kh gg.) [Publishing activities of the statistical committees of the Belarusian provinces (1830s – early 1900s)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta.* Istoriya. 1: 9-16. [in Russian]
- Kudryavin, 1864** – *Kudryavin, A.* (1864). Kratkie istoricheskie zametki dlya Arkhangel'skoi gubernii i v chastnosti dlya Shenkurskogo uezda [Brief historical notes for the Arkhangel'sk province and in particular for the Shenkur district]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Levin, 2014** – *Levin, S.V.* (2014). Izdaniya gubernskikh statisticheskikh komitetov kak istoricheskii istochnik [Publications of provincial statistical committees as a historical source]. *Nauka i mir.* 5-2 (9): 142-145. [in Russian]
- Malikov, 1870** – *Malikov, A.* (1870). Istoricheskaya zametka [Historical note]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1870 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Malikov, 1870a** – *Malikov, A.* (1870). Oчерк Arkhangel'skoi gubernii (v geograficheskom i khozyaistvennom otnoshenii) [Essay on the Arkhangel'sk province (in geographical and economic terms)]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1870 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Malikov, 1870b** – *Malikov, A.* (1870). Kratkie svedeniya o svyatykh, podvizavshikhsya v Arkhangel'skoi gubernii i chtimyykh tserkov'yu [Brief information about the saints who labored in the Arkhangel'sk province and are honored by the church]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1870 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Malikov, 1870c** – *Malikov, A.* (1870). Dostoprimechatel'nosti v Arkhangel'skoi gubernii [Sights in the Arkhangel'sk province]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1870 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Mikhailov, 1852** – *Mikhailov, V.* (1852). O zemlepashestve pravoslavnogo sel'skogo dukhovenstva Arkhangel'skoi eparkhii [On the arable farming of the Orthodox rural clergy of the Arkhangel'sk diocese]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1852 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Mikhailov, 1860** – *Mikhailov, A.* (1860). Siiskii monastyr' Sv. Antoniia [The Siya Monastery of St. Antonius]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1860 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Mineiko, 1860** – *Mineiko, G.* (1860). Zakonopolozhenie Petra Velikogo o rechnyykh i morskikh torgovykh sudakh Arkhangel'skogo porta [Peter the Great's legal regulation on river and sea merchant ships of the Arkhangel'sk port]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1860 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Ogorodnikov, 1866** – *Ogorodnikov, S.* (1866). Zagovory, sobrannye v Solombale [Conspiracies collected in Solombala]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g.* Kniga 1. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Ogorodnikov, 1866a** – *Ogorodnikov, S.* (1866). Solombala [Solombala]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g.* Kniga 2. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Ogorodnikov, 1868** – *Ogorodnikov, S.* (1868). Klimat Arkhangel'skoi gubernii [Climate of the Arkhangel'sk province]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1867 g.* Vyp. 2. Arkhangel'sk. [in Russian]

- Otchet..., 1864** – Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1864 g. [Report of the provincial statistical committee for 1864]. Arkhangel'sk, 1864. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1865** – Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1865 god [Memorable book of the Arkhangel'sk province for 1865]. Arkhangel'sk, 1865. [in Russian]
- Pilatskii, 1861** – *Pilatskii, K.* (1861). Istoriko-statisticheskoe opisanie g. Arkhangel'ska [Historical and statistical description of the city of Arkhangel'sk]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1861 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Pilatskii, 1863** – *Pilatskii, K.* (1863). Opisanie goroda Arkhangel'ska [Description of the city of Arkhangel'sk]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga pervaya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Pilatskii, 1863a** – *Pilatskii, K.* (1863). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii [Statistical description of the Arkhangel'sk province]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga pervaya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Podvysotskii, 1875** – *Podvysotskii, A.* (1875). Obshchie statisticheskie svedeniya po Arkhangel'skoi gubernii za 1873 g. [General statistical information on the Arkhangel'sk province for 1873]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1875 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Popov, 2013** – *Popov, S.A.* (2013). Pamyatnye knizhki kak istochnik po istorii naseleniya Komi kraja vtoroi poloviny XIX veka [Memorable books as a source on the history of the population of the Komi region in the second half of the 19th century]. *Istoricheskaya demografiya.* 1(11): 89-91. [in Russian]
- Poromov, 1863** – *Poromov, I.* (1863). Opisanie Arkhangel'skogo uyezda [Description of the Arkhangel'sk district]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga pervaya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Poromov, 1865** – *Poromov, I.* (1865). Opisanie goroda Pinegi [Description of the Pinega city]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga vtoraya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Poromov, 1865a** – *Poromov, I.* (1865). Opisanie g. Mizeni [Description of the Mizen city]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga vtoraya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Poromov, 1865b** – *Poromov, I.* (1865). Opisanie Mezenskogo uyezda [Description of the Mezen district]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga vtoraya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Poromov, 1865c** – *Poromov, I.* (1865). Opisanie g. Koly [Description of the Kola city]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga vtoraya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Poromov, 1865d** – *Poromov, I.* (1865). Opisanie Kol'skogo uyezda [Description of the Kola district]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga vtoraya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Protopopov, 1872** – *Protopopov, I.A.* (1872). Svideniya ob organizatsii i rezul'tatakh perepisi v gorodakh i posadakh Arkhangel'skoi gubernii, byvshei 10 dekabrya 1872 goda [Information on the organization and results of the census in the cities and towns of the Arkhangel'sk province, which was December 10, 1872]. *Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1872 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Prushakevich, 1866** – *Prushakevich, G.* (1866). Obzor deyatel'nosti arkhangel'skoi kontory Kommercheskogo banka s 1820 po 1860 gg. [Overview of the activities of the Arkhangel'sk office of the Commercial Bank from 1820 to 1860.]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g.* Kniga 2. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Shadrin, 1864** – *Shadrin, A.* (1864). Shenskurskaya Sretenskaya yarmarka [Sretenskaya fair]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Sheshenin, 1866** – *Sheshenin, A.* (1866). Poslovitsy, pogovorki, zagadki, baiki, pribautki v Kemskom uезде [Proverbs, sayings, riddles, tales, jokes in the Kemsky district]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1865 g.* Kniga 1. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Shumkina, 2013** – *Shumkina, T.G.* (2013). Adres-kalendar i pamyatnye knizhki Permskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta kak istochniki po istorii Urala [Address-calendars and memorial books of the Perm Provincial Statistical Committee as sources on the history of the Urals]. *Voprosy vseobshchei istorii.* 15: 166-173. [in Russian]
- Shvetsov, 1864** – *Shvetsov* (1864). Ocherk promyshlennosti Mezenskogo uyezda [Essay on the industry of the Mezen district]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Sokolov, 1862** – *Sokolov, N.* (1862). Opisanie g. Kholmogor s ocherkom drevnei istorii Dvinskogo kraja [Description of the city of Kholmogor with an outline of the ancient history of the Dvina region]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1862 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Sokolov, 1863** – *Sokolov, I.* (1863). Opisanie goroda Kholmogor [Description of the Kholmogor city]. *Arkhangel'skii sbornik.* Kniga pervaya. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Travnikova, 2015** – *Travnikova, I.V.* (2015). Pamyatnye knizhki – provintsial'nye spravochnye izdaniya XIX v. (na primere Penzenskoi gubernii) [Commemorative books – provincial reference publications of the 19th century. (on the example of the Penza province)]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta.* 3(11): 29-33. [in Russian]
- Vasilevskii, 1860** – *Vasilevskii, A.* (1860). O vodyanom puti k Arkhangel'sku po severo-dvinskomu basseinu [About the waterway to Arkhangel'sk along the North Dvina basin]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1860 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Vasilevskii, 1864** – *Vasilevskii, A.* (1864). Reka Mekhrena [The Mekhrena River]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Yakush, 2022](#) – *Yakush, N.M.* (2022). Pamyatnye knizhki Vitebskoi gubernii kak spravochno-informatsionnyi resurs turizma [Commemorative books of the Vitebsk province as a reference and information resource for tourism]. *Trudy BGTU. Seriya 6: istoriya, filosofiya.* 1(257): 11-15. [in Russian]

[Yanshin, 1860](#) – *Yanish, P.* (1860). Istoricheskoe obozrenie Arkhangel'skoi gubernii [Historical review of the Arkhangel'sk province]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1860 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Yur'ev, 1873](#) – *Yur'ev, A.F.* (1873). Kratkie statisticheskie svedeniya po Arkhangel'skoi gubernii za 1872 god [Brief statistical information on the Arkhangel'sk province for 1872]. *Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1873 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Yur'eva, 1874](#) – *Yur'ev, A.F.* (1874). Statisticheskie svedeniya po Arkhangel'skoi gubernii za 1873 god [Statistical information on the Arkhangel'sk province for 1873]. *Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta na 1874 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1850](#) – *Zarinskii, M.* (1850). Materialy dlya statistiki Arkhangel'skoi gubernii [Materials for statistics of the Arkhangel'sk province]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1850 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1852](#) – *Zarinskii, M.* (1852). Materialy dlya statistiki Arkhangel'skoi gubernii [Materials for statistics of the Arkhangel'sk province]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1852 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1852a](#) – *Zarinskii, M.* (1852). O rasprostraneni khristianstva v Arkhangel'skoi gubernii [On the spread of Christianity in the Arkhangel'sk province]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1852 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1852b](#) – *Zarinskii, M.* (1852). Ierarkhi Arkhangel'skie i Kholmogorskie [On the spread of Christianity in the Arkhangel'sk province]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1852 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1852c](#) – *Zarinskii, M.* (1852). Dvinskii voevody i nachal'nik Arkhangel'skoi gubernii [Dvinsk governors and head of the Arkhangel'sk province]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1852 g.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1862](#) – *Zarinskii, M.* (1862). Vaigach [Vaigach]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1862 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1862a](#) – *Zarinskii, M.* (1862). Kolguev [Kolguev]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1862 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1863](#) – *Zarinskii, M.* (1863). Opisanie g. Shenkurska [Description of the city of Shenkursk]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga pervaya.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1863a](#) – *Zarinskii, M.* (1863). Opisanie Shenkurskogo uezda [Description of the Shenkursk district]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga pervaya.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1865](#) – *Zarinskii, M.* (1865). Pinezhskii uezd [Pinezhsky district]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga vtoraya.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1865a](#) – *Zarinskii, M.* (1865). Novaya Zemlya [Novaya Zemlya]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga vtoraya.* Arkhangel'sk, 1865. [in Russian]

[Zarinskii, 1865b](#) – *Zarinskii, M.* (1865). Kolguev [Kolguev]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga vtoraya.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarinskii, 1865c](#) – *Zarinskii, M.* (1865). Kemskii uezd [Kemsky district]. *Arkhangel'skii sbornik. Kniga vtoraya.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zarubin, 1864](#) – *Zarubin, A.* (1864). Velichina izmeneni urovnya vod Dviny, Belogo morya i Severnogo okeana v raznykh pribrezhnykh mestakh Arkhangel'skoi gubernii ot deistvii priliva [The magnitude of changes in the water level of the Dvina, the White Sea and the North Ocean in different coastal areas of the Arkhangel'sk province from the action of the tide]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zatvarinitskii, 1863](#) – *Zatvarnitskii* (1863). Smertnost' v Arkhangel'skoi gubernskoi bol'nitse Prikaza Obshchestvennogo Prizreniya s 1856 po 1862 gg. [Mortality in the Arkhangel'sk provincial hospital of the Order of Public Charity from 1856 to 1862]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1863 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]

[Zatvarinitskii, 1863a](#) – *Zatvarnitskii* (1863). O vrachebnoi pomoshchi v Arkhangel'skoi gubernii v 1862 godu [About medical care in the Arkhangel'sk province in 1862]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1863 god.* Arkhangel'sk. [in Russian]

Ежегодные издания Архангельского губернского статистического комитета как источник по социально-экономическому развитию Архангельской губернии периода 1850–1875 гг.

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается группа ежегодных изданий Архангельского губернского статистического комитета периода 1850–1875 гг., в которых отражена тема социально-экономического развития губернии.

Источниковая база исследования представлена ежегодными изданиями Архангельского губернского статистического комитета периода 1850–1875 гг. В рассматриваемое время издавались: «Справочные книжки Архангельской губернии», «Памятные книжки Архангельской губернии», «Архангельский сборник», «Труды Архангельского губернского статистического комитета» и Отчеты губернского статистического комитета.

В заключении авторы отмечают, что ежегодные издания Архангельского губернского статистического комитета периода 1850–1875 гг. представлены следующими изданиями: «Справочные книжки Архангельской губернии», «Памятные книжки Архангельской губернии», «Архангельский сборник», «Труды Архангельского губернского статистического комитета» и Отчеты губернского статистического комитета. В изучаемое время наибольшая научно-публикационная деятельность чиновников статистического комитета была зафиксирована в 1861–1866 гг. (сразу после отмены крепостного права). А наименее активно - в первое пятилетие 1870-х гг.

Всего же в 1850–1875 гг. в ежегодных изданиях Архангельского статистического комитета было опубликовано около 90 научно-исследовательских работ по социально-экономическому развитию Архангельской губернии. При этом в научный оборот были введены, в том числе уникальные этнографические материалы.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Архангельская губерния, Российская империя, устойчивое развитие регионов, 1850–1875 гг., ежегодные издания, Архангельский губернский статистический комитет.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1219-1226
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1219

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the Crimean War to Military Reforms: the Background of the Russian Army's Reorganization, 1856–1862

Tatiana A. Volodina ^{a, *}, Stanislav S. Yudin ^a

^aTula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation

Abstract

The article deals with the situation in the Russian army in the period of 1856–1862. These several post-war years are presented as a transitional stage, in which Alexander II and his close generals had to draw conclusions from the defeat of Russia in the Crimean War of 1853–1856, develop a program of reforms in the army and begin its implementation. However, these tasks were not completed, and the government took only a few isolated measures (for example, the abolition of military settlements). A careful examination of archival and published sources that reflected the discussions that took place at that time makes it possible to assess the reasons for the unsuccessful start of military reforms. Instead of an unequivocal conclusion about the causes of the military failure, which assumed a clear sequence of actions to correct the situation, several competing explanations (myths) were in circulation among the military leadership. These views suggested various strategies for reforming the armed forces. The main lines of judgment were either the need for a “moral cleansing” of the army from abuses, or gradual internal improvement. At the same time, the question of a qualitative restructuring of the military system was not raised. The uncertainty of the direction of further development was intensified by the struggle of various groups in the highest military administration, which were grouped around the War Ministry or the most authoritative figures in the combat command. 1858, when the investigation of the general F.K. Satler and there was a change of editorial board in the journal “Voennyi Sbornik”, can be considered the culmination of these clashes. The War Ministry was able to strengthen its position and move its competitors away from decision-making. This redistribution of influence had important consequences, predetermining the rise of the ministry under D.A. Milyutin. Finally, the financial difficulties of the Russian Empire further limited the range of possible actions to reform the army. Period 1856–1862 can be called “slippage” on the eve of the start of military reforms in Russia.

Keywords: Reforms of Alexander II, Russian Imperial Army, Military reforms of the 1850s–1870s, D.A. Milyutin.

1. Введение

Весной 1856 г. Парижский мир оформил поражение России в Крымской войне. Результаты этого конфликта были восприняты в русском обществе и правительственных кругах как национальное унижение. Справедливо считается, что болезненная реакция на военную неудачу стала ключевым толчком к реформам Александра II. Естественно, в одном ряду с крестьянской, земской и судебной реформами встали военные преобразования. Как правило, под военными реформами 1860–1870-х гг. подразумевается серия мер, принятых под руководством военного министра Д.А. Милютин. В начале 1862 г. императору был представлен всеподданнейший доклад с программой преобразований (*Столетие..., 1902: 78-188*) и в 1874 г. реформаторский процесс в армии увенчался введением всеобщей воинской повинности.

* Corresponding author

E-mail addresses: volodina.tatiana2016@yandex.ru (T.A. Volodina), stasstas08@mail.ru (S.S. Yudin)

Цель этой статьи – подробнее проследить связь между Крымской войной и началом полноценных военных реформ в России и с опорой на источники ответить на несколько вопросов, которые не получали внятного ответа в научной литературе. Во-первых, при всей очевидности связи между Крымской войной и военными реформами, оставалось неясным, почему правительство Александра II не попыталось сразу после окончания боевых действий предпринять масштабные преобразования в войсках и военном управлении. Во-вторых, вопрос военных реформ сразу после 1856 г. неразрывно связан с вопросом исполнителей. Нужно понимать, кто мог бы взять на себя реформаторский почин до того, как военное министерство возглавил Д.А. Милютин. В-третьих, важно представлять тот круг выводов, который был сделан из Крымской войны ведущими русскими военными деятелями. Очевидно, что на этих выводах базировались бы любые дальнейшие шаги руководства армии.

Для решения этих исследовательских задач необходимо обратиться к периоду между заключением Парижского мира в 1856 г. и стартом военных реформ Д.А. Милютина в 1862 г.

2. Материалы и методы

Исследование построено на основе архивных и опубликованных источников, которые удобно сгруппировать в три категории: материалы делопроизводства, военная публицистика и источники личного происхождения.

Важнейшим делопроизводственными документами для этой работы послужили записки генералов Ф.В. Ридигера, Д.А. Милютина и Б.Г. Глинки (Глинки-Маврина), написанные в период с лета 1855 по осень 1856 гг. В этих документах представлен взгляд их авторов на итоги Крымской войны, выявленные недостатки в военной организации России и возможные пути их устранения. Осенью 1855 г. генерал Ридигер был назначен председателем Комиссии для улучшений по военной части. В этот орган стали стекаться предложения по дальнейшим военным преобразованиям, которые обсуждались видными военными деятелями. Материалы комиссии, отложившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) также были привлечены к исследованию.

До 1856 г. в русской армии не существовало форума для печатного обсуждения недостатков и возможных реформ. Но после Крымской войны на такую роль стала претендовать газета военного министерства «Русский инвалид». С 1858 г. ему составил конкуренцию журнал «Военный сборник» – орган Отдельного Гвардейского корпуса (с начала 1859 г. также перешел в ведение военного министерства). Статьи в этих периодических изданиях за период 1856–1862 гг. были проанализированы для настоящего исследования. К этой военной публицистике примыкают полемические издания Ф.К. Затлера, фигуранта крупного скандала вокруг армейских поставок, пытавшегося обелить свое имя.

К сожалению, источники личного происхождения очень слабо освещают процессы в русской армии сразу после Крымской войны. Тем большую ценность имеют соответствующие главы воспоминаний Д.А. Милютина, написанные им преимущественно на основе переписки с А.П. Карцовым (последняя хранится в Отделе Рукописей Российской Государственной Библиотеки – ОР РГБ). Определенный интерес представляют сведения из неопубликованных мемуаров А.Э. Циммермана и недавно появившихся в печати записок Н.Н. Муравьева-Карского.

Чтение, анализ и сопоставление этих источников составили основу настоящего исследования. Кроме того, большим методологическим подспорьем послужила работа В. Шивельбуша ([Schivelbusch, 2001](#)), посвященная «культуре поражения». В ней автор показывает, как болезненная военная неудача порождала в разных обществах середины XIX – начала XX вв. однотипный набор «тропов» – попыток интерпретировать поражение с тем, чтобы (в зависимости от ситуации) инициировать необходимые реформы, снять ответственность, канализировать недовольство и т. п.

3. Обсуждение

Оставляя в стороне ранние попытки свести воедино меры правительства Александра II по реформированию армии ([Новицкий, 1861](#); [Исторический очерк..., 1879](#)), наиболее ранней и влиятельной работой по этой теме следует считать монографию П.А. Зайончковского ([Зайончковский, 1952](#)). К сожалению, в этом подробном и качественном труде период 1856–1862 гг. фактически выведен за рамки исследования. Действия военного руководства до момента, когда военное министерство возглавил Д.А. Милютин, охарактеризованы как хаотичные и недостаточные, направленные исключительно на сокращение военных расходов.

Зайончковский оказал большое влияние на последующие исследования, и те немногие историки, которые обращались к ранним этапам военных реформ, в основном приходили к тем же выводам ([Brooks, 1984](#); [Меннинг, 2015](#)). Можно выделить два объяснения шестилетней «паузы» между окончанием Крымской войны и началом милютинских реформ в армии. Ф. Миллер указывал на отчаянные финансовые обстоятельства во 2-й половине 1850-х гг., которые сначала мешали Александру II принять более активный реформаторский курс, а затем заставили назначить Д.А. Милютина – человека, способного сократить военные расходы ([Miller, 1968: 26-33](#)). А. Рибер высказал смелое предположение, что Александр II тесно увязывал отмену крепостного права и

военные реформы. В соответствии с этой догадкой, реформа 1861 г. проводилась прежде всего по военным соображениям и как только была проведена, стали возможны и были инициированы полномасштабные преобразования в армии (Rieber, 1966). Большинство историков не приняли эту точку зрения, и сам Рибер признавал, что его гипотеза не опирается на источники.

В последние десятилетия исследователи несколько раз касались темы восприятия Крымской войны в русском обществе. А.И. Шепарнева подробно показала, как впечатления и выводы варьировались в зависимости от принадлежности к различным общественно-политическим лагерям (Шепарнева, 1995). М.М. Шевченко провел грань между выводами, сделанными в обществе (обычно в форме безапелляционного приговора), и заключениями в офицерской и чиновничьей среде (чаще более сдержанными) (Шевченко, 2003: 193-200). Эти исследования указывают на множественность и неоднозначность «уроков» Крымской войны. Настоящее исследование стремится показать, что руководство армии также не нашло единственного «вывода» или «урока» из этого военного конфликта.

4. Результаты

Уроки поражения. Летом 1855 г. гарнизон Севастополя, осажденный союзными войсками, оказался в критическом положении. Поражение России в войне превращалось в реальную перспективу. На этом фоне возникли первые попытки анализа причин неутешительных военных итогов. Генерал от кавалерии граф Ф.В. Ридигер, один из наиболее возрастных и авторитетных военных в Российской империи, написал серию записок, формально адресованных военному министру князю В.А. Долгорукову.

Ридигер возлагал основную ответственность за грядущее поражение на высшее командование. С его точки зрения, генералитет много лет подвергался воздействию дефективной военной системы, для которой была характерна жесткая централизация, приоритет старшинства в системе чиновничества, парадомания и т.п. Во-первых, записки указывали на необходимость повысить уровень образования и профессионализма офицеров. Во-вторых, в них требовалось создать военную систему, которая бы выдвигала лучших и поощряла других к саморазвитию в духе боевых требований. Как бы переключаясь с Н.М. Карамзиным, авторитетный военачальник заявлял, что «не формы, а люди важны» (Столетие..., 1902: 20-50).

Вскоре Ридигер был назначен председателем Комиссии для улучшений по военной части. В январе 1856 г. с его предложениями ознакомился генерал-майор Д.А. Милютин, в то время ключевой советник военного министра князя В.А. Долгорукова и член названной комиссии. Вместе со своим дядей графом П.Д. Киселевым он составлял свои записки о реформировании армии. Его «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 22. Ед. хр. 29. Л. 1-320б.) отчасти были ответом на записки Ридигера. Дмитрий Алексеевич выводил военную слабость России не из морального упадка ее военачальников, а из неблагоприятного сочетания географических условий и неразвитости системы резервов. Протяженная территория Российской империи заставляла содержать войска большой численности и нести огромные военные расходы. Несмотря на все усилия, в критический момент войны войск оказалось недостаточно. Дисбаланс между теми жертвами, которая страна приносила в мирное время, и теми средствами, которая она имела в военное, может быть устранен с помощью развитой системы резервов. В соответствии с этим планом в мирное время содержались действующие и запасные войска общей численностью чуть менее 700 тыс. человек. Постепенно формировался запас обученных нижних чинов, который вместе с ополчением насчитывал бы более 1,2 млн человек. Таким образом, в случае военной угрозы Россия могла бы иметь под ружьем почти 2 млн человек, прошедших военное обучение. Милютин предлагал искать «формы» в которых можно развернуть все доступные российскому монарху силы.

В июле 1856 г. Александру II была представлена еще одна записка, автором которой был член Комиссии для улучшений по военной части генерал-майор Б.Г. Глинка. Автор этого документа обрушивался на закоренелые злоупотребления в русской армии: ложь в отчетах, формальный подход к аттестациям офицеров и приему-сдаче полков, жажду наживы у полковых командиров, ради которой они принимают некачественное продовольствие, экономят на необходимом и обманывают свое начальство. Глинка призывал заняться «нравственным преобразованием» войск и дать возможность благонамеренным людям служить честно (Столетие..., 1902: 52-69).

Эти три записки представляют три различных подхода к выводам из Крымской войны и к вытекающим из них преобразованиям в русской армии. Глинка указывал на моральный упадок в русской армии как на источник ее слабости и призывал к нравственному очищению. Ридигер был близок к этой позиции. Разница заключалась в том, что в его записках больше говорилось о постепенной «работе над ошибками», образовании, совершенствовании, формировании новых лидеров. В свою очередь, программа нравственного очищения Глинки предполагала борьбу с пороками прошлого. Милютин вовсе уходил от оценок морального состояния войск, проблем совершенствования человеческой природы и острой темы злоупотреблений в армии. Вместо этого он сосредоточился на оценке и исправлении объективных, независящих от «человеческого фактора» слабостей. С другой

стороны, его записка предполагала гораздо более глубокую перестройку военного механизма: создание военных округов вместо армейских и корпусных управлений, формирование запасных войск, передислокацию частей вглубь империи и накопление резервов. Милютин указывал на крепостное право как на препятствие для сокращения срока службы и для увеличения числа запасных (ОР РГБ. Ф. 169. К. 22. Ед. хр. 29. Л. 7). Будущий военный министр уже в 1856 г. предлагал не ограничиваться постепенным совершенствованием существующей системы, а проводить коренные реформы.

Важно отметить, что предложения Ридигера, Глинки и Милютина не противоречили друг другу и не были взаимоисключающими. Однако они выстраивали различные интерпретации поражения России и, соответственно, предполагали различные стратегии преобразований в армии.

Расклад сил. Будут ли военные реформы проводится под флагом борьбы со злоупотреблениями с целью постепенного нравственного совершенствования или выстраивания новых военных институтов, во многом зависело от того, кто возьмет на себя лидерство в деле армейских преобразований.

Система высшей военной администрации была выстроена при Николае I таким образом, чтобы влияние высших строевых начальников (главнокомандующих армиями, командующих корпусами) уравновешивалось верхушкой военной администрации (военным министром и его подчиненными) (Кухарук, 1999; Kagan, 1999; Кривопапов, 2019). Но после завершения Крымской войны все ключевые военачальники предыдущего царствования сошли со сцены, (среди них Ридигер, умерший в июне 1856 г.). «Олимп» постепенно занимали люди, находившиеся за их спиной, и интерпретация итогов Крымской войны имела для этих людей важнейшее значение. Если ответственность за поражение лежала на некомпетентных начальниках, то под удар попадали те, кто командовал войсками в Крыму. Если причиной военной неудачи признавалась вся военная система с ее злоупотреблениями, то поражение было на совести военных бюрократов.

Сразу после заключения Парижского мира 1856 г. военным министром был назначен генерал от артиллерии Н.О. Сухожанет. Воспоминания А.Э. Циммермана (ОР РГБ. Ф. 325. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 230-428), Д.А. Милютина (Милютин, 2004), Н.Н. Муравьева-Карсского (Муравьев-Карсский, 2023), а также письма А.П. Карцова к Д.А. Милютину (ОР РГБ. Ф. 169. К. 65. Ед. хр. 3. Л. 1-22) позволяют оценить расстановку сил в военной иерархии. Сухожанет не был особенно известен публике, отличался слабым здоровьем и не имел амбиций реформатора. Однако среди его ближайших помощников были сильные фигуры. Так, князь В.И. Васильчиков обладал обширными связями в аристократических кругах, репутацией героя Севастополя и гонителя казнокрадов. Положение деятелей военного министерства выглядело тем прочнее, чем слабее казались высшие строевые начальники. На князя М.Д. Горчакова и А.Н. Лидерса (главнокомандующие 1-й и 2-й армиями соответственно) падала тень военного поражения, а также злоупотреблений и неурядиц в их войсках в период Крымской войны. Рядом с ними на небосклоне строевого командования появлялись новые «звезды» – Н.Ф. Плаутин и князь А.И. Барятинский (главнокомандующие Отдельным Гвардейским и Отдельным Кавказским корпусами соответственно). С этими двумя военачальниками, близкими к императору, связывали свои надежды сторонники реформ. Плаутин возглавил Комиссию для улучшений по военной части после смерти Ридигера. Осенью 1856 г. Д.А. Милютин принял предложение князя Барятинского стать его начальником штаба и отбыл на Кавказ.

С развитием гласности общественное внимание стала занимать тема армейских злоупотреблений. Мотив «нравственного очищения» стал требовать конкретных жертв, и на эту роль был выдвинут Ф.К. Затлер. Во время Крымской войны генерал-интендант Затлер отвечал за поставки в войска князя Горчакова, а затем Лидерса и был близок к обоим главнокомандующим. По окончании боевых действий он был обвинен в коррупции и предстал перед следственной комиссией. Сам обвиняемый прекрасно понимал, что стал жертвой борьбы между военной администрацией и строевым командованием, а главным вдохновителем своего дела считал князя Васильчикова (Затлер, 1877: 5-11). Тему злоупотреблений дополнительно «раскручивал» журнал «Военный сборник» близкий к Плаутину (Обручев, 1858). Формально за все контракты отвечал главный распорядитель в войсках, то есть главнокомандующий, а не Затлер. В какой-то момент возникла опасность, что дело приобретет более серьезный оборот и затронет авторитетные фигуры. В конце 1858 г. Затлер был признан виновным, но Александр II принял во внимание ходатайства Горчакова и Лидерса и смягчил наказание. Одновременно «Военный сборник» был выведен из-под контроля Плаутина, лишился прежних редакторов и оказался в ведении военного министерства.

Представляется, что дело Затлера стало поворотным моментом в предыстории военных реформ. Во-первых, оно неожиданно ударило по позициям Плаутина. Главнокомандующий гвардией лишился важной трибуны: «Военный сборник» в 1858 г. имел более 5000 подписчиков (на уровне «Современника» Н.Г. Чернышевского). Во-вторых, Горчаков и Лидерс, не пострадав напрямую, конечно, оказались запятнаны скандалом. В-третьих, главным выгодополучателем стало военное министерство. Интендантский скандал не только позволил ему оттереть конкурентов и заполучить в свои руки важный печатный орган. Сразу после окончания дела Затлера разоблачительный тон печатных изданий был приглушен, и «грехи» военного министерства не были выведены наружу. Провиантский и Комиссариатский департаменты, отвечавшие за поставки, были поражены

коррупцией не меньше, чем интендантские управления в штабах армий (ОР РГБ. Ф. 169. К. 65. Ед. хр. 4. Л. 50б, 33, 48). Много лет спустя Затлер прямо писал, что его дело прокладывало дорогу господству военного министра (Затлер, 1877: 7).

Первые шаги. После 1858 г. накал борьбы за нравственное очищение армии стал заметно слабеть. Военное министерство проводило меры по сокращению расходов: армия приводилась на мирное положение, штаты сокращались, упразднялись отдельные части и управления. Среди этих мер наиболее значимой было упразднение военных поселений в 1857 г. Переход на нарезное стрелковое оружие и более широкое применение рассыпного строя требовали иного подхода к обучению солдат. Соответственно, в войсках стали уделять серьезное внимание стрельбе в цель, гимнастике и фехтованию. Комиссия для улучшений по военной части постановила переработать уставы, снаряжение, вооружение и методы подготовки войск (РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 15. Л. 2-5).

Новое вооружение требовало новой тактики, а та, в свою очередь, диктовала новые стандарты обучения. Военные хорошо понимали связь этих элементов, и споры возникали только вокруг деталей предстоящих преобразований. Однако вместе с тактическими вопросами вставали новые и гораздо более сложные проблемы. Во-первых, стрелковый бой значительно повышал требования к подготовке офицеров. Необходимость профессионального офицерского корпуса, о которой заявлял Ридигер, становилась все более очевидной. Во-вторых, возникали сомнения в самих солдатах. В отличие от сомкнутых построений, рассыпной строй предоставлял нижним чинам значительную свободу действий. Нужно было как минимум найти способ мотивировать солдата, чтобы в отсутствие контроля он не прятался и не покидал боя. Как максимум, требовалось воспитать умелого, сознательного и патриотичного бойца, главным мотивом которого были бы долг и честь, а не страх наказания (Драгомиров, 1881).

Реформы в области тактики очень показательны. Необходимость развития стрелкового боя была среди наиболее очевидных уроков Крымской войны. Первые шаги по этому пути, сделанные в области обучения солдат, не вызвали больших споров. Однако по мере реформирования возникали новые побочные вопросы, затрагивавшие основы жизни и быта в русской армии. Двигаться дальше по этому пути было невозможно без отмены телесных наказаний и, шире, без пересмотра основ дисциплины и воинского воспитания. Принципы набора и подготовки офицеров и даже их роль по отношению к солдатам могла измениться кардинально. Сразу после Крымской войны это движение не могло не встречать сопротивление.

Другой пример разрастания простой проблемы в сложную представляют реформы в области полкового хозяйства. Традиционно в русской армии полк управлялся его командиром самовластно, на манер поместья. Неконтролируемая власть порождала злоупотребления, гласно критиковавшиеся сразу после Крымской войны (Чичерин, 1974). В недрах Комиссии для улучшений по военной части зародился проект создания полковых хозяйственных комитетов, избираемых из числа офицеров. Этот проект получил поддержку Плаутина и в 1857 г. начал испытываться в частях гвардии. Опасение за хозяйственные прерогативы своих департаментов и за лидерство в деле реформ заставило военное министерство торпедировать проект конкурента. Князь В.И. Васильчиков и другие высокопоставленные военные выразили протест против введения в войсках «избирательного права» (РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 16. Л. 183-183об.). Итогом столкновения стал компромисс: выборные комитеты продолжили испытываться в частях гвардии, а в остальных войсках устояло «самодержавие» полковника.

В 1859 г. произошла серия событий, полностью перевернувших расклады на высших ступенях военной иерархии. В России разразился финансовый кризис, и военный министр Н.О. Сухозанет выказал неспособность сократить военные расходы. Начавшаяся в Италии австро-французская война 1859 г. потребовала частичной мобилизации русских войск в поддержку Наполеона III. Однако приведение в военное положение четырех корпусов на границе с австрийской Галицией полностью провалилось, нанеся дополнительный удар по авторитету военного министра. В конце лета 1859 г. князь Барятинский пленил Шамиля, сделав важнейший шаг к завершению Кавказской войны.

События вокруг Италии показали Александру II необходимость сменить курс военного министерства, а успех на Кавказе указал, где искать нового исполнителя. С подачи князя Барятинского Милютин был приглашен в Петербург, чтобы в ближайшее время заменить Сухозанета. Финансовые обстоятельства также сыграли значительную роль в этом выборе: император читал записку Милютина и знал, что его идеи способны усилить войска без повышения расходов. В 1860 г. Дмитрий Алексеевич стал товарищем (заместителем) военного министра. Как только весной 1861 г. умер князь М.Д. Горчаков, Сухозанет был отправлен в Варшаву занять его должность главнокомандующего 1-й армией. Милютин занял освободившееся место военного министра, а в начале 1862 г. представил Александру II свою программу военных реформ.

5. Заключение

Поражение в Крымской войне не вызвало в России немедленных и полномасштабных военных реформ. Период 1856–1862 гг. можно назвать «пробуксовкой» накануне их старта. В начале статьи

мы поставили вопрос о причинах этой шестилетней «паузы» о возможных исполнителях военных реформ и о круге их идей после поражения в Крымской войне.

Несомненно, финансовые обстоятельства резко ограничивали возможности того, кто взял бы на себя инициативу нововведений. Вдобавок такого человека просто не нашлось, и высшее военное руководство было разбито на враждующие фракции, тратившие энергию на склоки. Наконец, Крымская война скорее формулировала вопросы, чем давала определенные ответы относительно будущего русской армии.

Последняя причина представляется наиболее фундаментальной. Поражение вызвало множество конфликтующих интерпретаций своих истоков и последствий. Магистральными линиями суждений были либо необходимость «морального очищения» армии от злоупотреблений, либо постепенное внутреннее совершенствование. Практическая работа по созданию и совершенствованию военных институтов не имела шанса выйти на первый план для взбудораженных болезненным поражением войск и общества. Борьба и скандалы вроде дела Затлера дополнительно отвлекали силы от формулирования внятной и исполнимой программы реформ.

Столкновение различных «тропов» поражения не было простой борьбой мнений. То направление военных реформ, которое пытались задать принимающие решения лица, было тесно связано с их положением в военной иерархии. Дискуссии пронизывал конфликт между высшей военной администрацией (военный министр и его подчиненные) и высшим строевым командованием (главнокомандующие и их подчиненные). Структурная перестройка русской армии неизбежно повышала роль первой ветви военной власти, а «нравственное совершенствование» всегда признавалось заботой второй из них.

Каждое начинание шло по одному сценарию: ухватывались за очевидную и бесспорную, как казалось, проблему, находили способы ее решения, развивали их и наталкивались на фундаментальные препятствия. Так, стрелковые батальоны приводили военных деятелей к вопросу о способах положительной мотивации солдат. Введение полковых хозяйственных комитетов неожиданно перетекало в дискуссии об избирательном праве. Практически любая инициатива могла спровоцировать обвинения в подрыве дисциплины. Ни армия, ни правительство не были готовы к обсуждению этих политических тем, а дисциплина войск для самодержавия была вопросом жизни и смерти накануне отмены крепостного права.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00325 «Российская армия XVIII – начала XX вв. как социокультурный феномен». (<https://rscf.ru/project/23-28-00325/>)

Литература

Драгомиров, 1881 – Драгомиров М.И. Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т.1. СПб., 1881. С. 23-61.

Зайончковский, 1952 – Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952.

Затлер, 1877 – [Затлер Ф.К.]. Суд над полевым интендантством в 1858–1859 году. Лейпциг, 1877. С. 5-11.

Исторический очерк..., 1879 – Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.) Т. 1-6. СПб., 1879.

Кривопапов, 2019 – Кривопапов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019.

Кухарук, 1999 – Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дисс. на соискание научной степени к. ист. н. М., 1999.

Меннинг, 2015 – Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861-1914. М., 2015.

Милютин, 2004 – Милютин Д.А. Воспоминания. 1856-1860. М., 2004.

Муравьев-Карсский, 2023 – Муравьев-Карсский Н.Н. Возвращение с Кавказа. 1855–1856. Две поездки в Петербург. 1863. М., 2023.

Новицкий, 1861 – Н.Д.Н[овицкий]. Общий обзор преобразований по части устройства вооруженных сил России с 1856-1860 год // *Военный сборник*. 1861. 1: 3-48; 2: 303-352.

Обручев, 1858 – Обручев Н. Изнанка Крымской войны // *Военный сборник*. 1858. 2: 545-586; 4: 429-476.; 7: 239-306.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Столетие..., 1902 – Столетие военного министерства. 1802-1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902.

- Чичерин, 1974** – [Чичерин В.Н.] О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях. Из «Голоса из России». кн. II. М., 1974. С. 46-109.
- Шевченко, 2003** – Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
- Шепарнева, 1995** – Шепарнева А.И. Крымская война в оценке русского общественного мнения (1853-1856). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел, 1995.
- Brooks, 1984** – Brooks E.W. Reform in the Russian Army, 1856-1861 // *Slavic Review*. 1984. 43(1): 63-82.
- Kagan, 1999** – Kagan F.W. The Military Reforms of Nicholas I: The Origins of the Modern Russian Army. New York: St. Martin's Press, 1999.
- Miller, 1968** – Miller F.A. Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Nashville: Vanderbilt University Press, 1968.
- Rieber, 1966** – Rieber A.J. The Politics of Emancipation. From: The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatinskii, 1857–1864. Paris, The Hague: Mouton, 1966. Pp. 15-58.
- Schivelbusch, 2001** – Schivelbusch W. The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery. New York: Picador, 2001.

References

- Brooks, 1984** – Brooks, E.W. (1984). Reform in the Russian Army, 1856-1861. *Slavic Review*. 43(1): 63-82.
- Chicherin, 1974** – [Chicherin V.N.] (1974) O polkovykh komandirakh i ikh khozyaistvennykh rasporyazheniyakh [On regimental commanders and their economic activities]. Iz "Golosa iz Rossii". Kn. II. M. Pp. 46-109. [in Russian]
- Dragomirov, 1881** – Dragomirov, M.I. (1881). Vliyanie rasprostraneniya nareznoho oruzhiya na vospitanie i taktiku voisk [The influence of the distribution of rifled weapons on the education and tactics of troops]. Sbornik original'nykh i perevodnykh statei M. Dragomirova. T.1. SPb., Pp. 23-61. [in Russian]
- Istoricheskii ocherk..., 1879** – Istoricheskii ocherk deyatel'nosti voennogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadtsatiletie blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855–1880 gg.) [Historical sketch of the activities of the military administration in Russia in the first twenty years of the prosperous reign of the Emperor Alexander Nikolayevich (1855–1880)] T. 1-6. SPb., 1879. [in Russian]
- Kagan, 1999** – Kagan F.W. (1999). The Military Reforms of Nicholas I: The Origins of the Modern Russian Army. New York: St. Martin's Press.
- Krivopalov, 2019** – Krivopalov, A.A. (2019). Fel'dmarshal I.F. Paskevich i russkaya strategiya v 1848–1856 gg. [Field Marshal I.F. Paskevich and Russian strategy in 1848–1856]. M. [in Russian]
- Kukharuk, 1999** – Kukharuk, A.V. (1999). Deistvuyushchaya armiya v voennykh preobrazovaniyakh pravitel'stva Nikolaya I [The Active army in the military transformations of the government of Nicholas I]. Diss. na soiskanie nauchnoi stepeni kand. ist. n. M. [in Russian]
- Menning, 2015** – Menning, B.W. (2015). Pulya i shtyk. Armiya Rossiiskoi imperii, 1861–1914 [Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914]. M. [in Russian]
- Miller, 1968** – Miller, F.A. (1968). Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Nashville : Vanderbilt University Press.
- Milyutin, 2004** – Milyutin, D.A. (2004) Vospominaniya. 1856–1860 [Memories. 1856–1860]. M. [in Russian]
- Murav'ev-Karsskii, 2023** – Murav'ev-Karsskii, N.N. (2023). Vozvrashchenie s Kavkaza. 1855–1856. Dve poezdki v Peterburg. 1863 [Return from the Caucasus. 1855–1856. Two trips to Petersburg. 1863]. M. [in Russian]
- Novitskii, 1861** – N.D.N[ovitskii]. (1861). Obshchii obzor preobrazovaniya po chasti ustroystva vooruzhennykh sil Rossii s 1856–1860 god [General overview of the transformations in the structure of the armed forces of Russia from 1856–1860]. *Voennyi sbornik*. 1: 3-48; 2: 303-352. [in Russian]
- Obruchev, 1858** – Obruchev, N. (1858). Iznanka Krymskoi voiny [The underside of the Crimean War]. *Voennyi sbornik*. 2: 545-586; 4: 429-476.; 7: 239-306. [in Russian]
- OR RGB** – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rieber, 1966** – Rieber, A.J. (1966). The Politics of Emancipation. From: The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatinskii, 1857–1864. Paris, The Hague: Mouton. Pp. 15-58.
- Satler, 1877** – [Satler F.K.] (1877). Sud nad polevym intendantstvom v 1858–1859 godu [Trial of the field commissariat in 1858–1859]. Leipzig. Pp. 5-11. [in Russian]
- Schivelbusch, 2001** – Schivelbusch, W. (2001). The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery. New York: Picador.

Sheparneva, 1995 – *Sheparneva, A.I.* (1995) Krymskaya voina v otsenke russkogo obshchestvennogo mneniya (1853–1856) [The Crimean War in the Assessment of Russian Public Opinion (1853–1856)]. Diss. na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. n. Orel. [in Russian]

Shevchenko, 2003 – *Shevchenko, M.M.* (2003). Konets odnogo velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoi Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform [The end of one greatness: Power, education and the printed word in Imperial Russia on the eve of Liberation reforms]. M. [in Russian]

Stoletie..., 1902 – Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Prilozheniya k istoricheskomu ocherku razvitiya voennogo upravleniya v Rossii. SPb., 1902. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1952 – *Zaionchkovskii P.A.* (1952) Voennye reformy 1860–1870 godov v Rossii [Military reforms of 1860–70s in Russia]. M. [in Russian]

От Крымской войны к военным реформам: предыстория преобразований в русской армии, 1856–1862

Татьяна Андреевна Володина ^{а, *}, Станислав Сергеевич Юдин ^а

^аТульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Российская Федерация

Аннотация. Статья рассматривает ситуацию в русской армии в период 1856–1862 гг. Эти несколько послевоенных лет представлены как переходный период, в котором Александр II и его приближенные генералы должны были сделать выводы из поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг., выработать программу реформ в армии и начать ее исполнение. Однако эти задачи не были выполнены, и правительство приняло только несколько изолированных мер (например, упразднение военных поселений). Тщательное изучение архивных и опубликованных источников, отражающих происходившие в то время дискуссии, позволяет оценить причины неуспешного старта военных реформ. Вместо однозначного вывода о причинах военной неудачи, который предполагал ясную последовательную действий по исправлению ситуации, в среде военного руководства циркулировало несколько конкурирующих объяснений (мифов). Магистральными линиями суждений были либо необходимость «морального очищения» армии от злоупотреблений, либо постепенное внутреннее совершенствование. При этом, вопрос о качественной перестройке военной системы не ставился. Неопределенность направления дальнейшего развития усиливалась борьбой различных группировок в высшей военной администрации, которые группировались вокруг военного министерства или наиболее авторитетных фигур в строевом командовании. 1858 год, когда завершилось следствие над генерал-интендантом Ф.К. Затлером и произошла смена редакции в журнале «Военный сборник», можно считать кульминацией этих столкновений. Военное министерство сумело укрепить свои позиции и отодвинуть своих конкурентов от принятия решений. Это перераспределение влияния имело важные последствия, предопределив возвышение министерства при Д.А. Милютине. Наконец, финансовые трудности Российской империи дополнительно ограничивали круг возможных действий по реформированию армии. Период 1856–1862 гг. можно назвать «пробуксовкой» накануне старта военных реформ в России.

Ключевые слова: реформы Александра II, Русская императорская армия, Военные реформы 1850–1870-х гг., Д.А. Милютин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: volodina.tatiana2016@yandex.ru (Т.А. Володина), stasstas08@mail.ru (С.С. Юдин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1227-1242
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1227

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of Migration from the Russian Empire to Argentina at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries

Sergey V. Ryazantsev ^{a, b, *}, Alexey V. Smirnov ^b, Nikita S. Ryazantsev ^b

^a Federal University of Sao-Carlos (UFSCar) and University of Campinas (UNICAMP), Brazil

^b Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

According to censuses, Argentina's population quadrupled over fifty years due to migration: 1.8 million in 1869 and 7.8 million in 1914. Between 1857 and 1914, 4.6 million migrants entered Argentina. Taking into account the departure of 1.6 million people, 3 million people "settled" in the country, adding to the Argentine population. The proportion of foreigners in Argentine society was also rising: 8 per cent in 1869 and 30 per cent in 1914. Research objective: to assess the socio-demographic characteristics of the migration flow from the Russian Empire during the "pioneering" stage of the settlement of Argentina. Method of historical-demographic analysis of Russian migration in the context of other ethnic migration waves was used.

Migrants from the Russian Empire ranked fourth among the foreigners who entered the country. Argentine census data from 1914 showed that migrants from the Russian Empire made up 1 per cent of the population, contributing to the economy. Migration from the Russian Empire to Argentina included three major ethnic waves: German, Jewish, and Polish-Lithuanian. The German-Mennonites came with capital and contributed to the development of agriculture. The Jewish wave of immigration to Argentina developed with the support of Baron Hirsch and the Jewish Colonisation Society. The migration of the inhabitants of the western border regions of the Russian Empire was represented by Jews, Poles, Lithuanians and Finns. The share of Russian (Orthodox) population among Russian migrants was insignificant, but has been steadily increasing since the beginning of the 20th century. Argentina's migration policy was open to foreigners, including Russian nationals. The integration of Russian immigrants into Argentine society proceeded rather quickly and successfully.

The migration from the Russian Empire to Argentina was multinational. Among the natives of Russia were Jews, Germans, Poles and Lithuanians, while the proportion of ethnic Russians was insignificant.

Keywords: migration to Argentina, emigration to Argentina, resettlement, Argentina, immigration, New World, the Russian Empire, Mennonites, Jews, Jewish migration.

Федеральное правительство поощряет европейскую иммиграцию и не может ограничивать или облагать каким-либо налогом въезд на территорию Аргентины иностранцев, которые прибывают с целью обработки земли, улучшения промышленности, а также внедрения и преподавания искусств, и наук¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: riazan@mail.ru (S.V. Ryazantsev), sofetel@mail.ru (A.V. Smirnov), ryazantsevo80700@ya.ru (N.S. Ryazantsev)

¹ Примечание. Статья 25 конституции Аргентинской Республики. Принята Генеральным Конституционным Конгрессом 1 мая 1853 г. ([Constitucion..., 2023](#)).

1. Введение

Привлечение иммигрантов было характерно для большинства стран Нового Света. Однако именно Аргентина стала не только страной массовой миграции, но она сделала миграцию драйвером развития экономики, в частности, таких отраслей, как земледелие и промышленность, добившись благодаря миграции процветания общества. Власти Аргентины в XIX веке, чувствуя ситуацию в Европе, вызванную сокращением смертности и увеличением численности населения европейских стран, избыточностью трудовых ресурсов и социально-политическими настроениями в европейских обществах, открыли ворота для въезда в страну для европейцев. Во второй половине XIX века в Аргентину поехали сотни тысяч мигрантов из Европы, которые привезли капитал и знания, а также были готовы трудиться на благо принимающей страны. Одним из крупных миграционных потоков в Республику Аргентина стали мигранты из Российской империи. Русскоговорящая миграция была многонациональной и разнообразной в социально-экономическом отношении. Среди выходцев из России были евреи, немцы, поляки, литовцы. При этом доля этнических русских была крайне незначительной. Таким образом, миграция из Российской империи была многонациональной.

2. Материалы и методы

Основой исследования послужили материалы дореволюционных источников конца XIX и начала XX веков. Среди них «Сборник консульских донесений», «Статистический ежегодник России», материалы переписи населения Республики Аргентина 1914 года. Был проведен контент-анализ газет: «Новый мир», «Новости и биржевая газета», «Сын отечества», «Земледельческая газета» за 1892–1916 годы с целью выявления социально-демографических характеристик миграционного потока из Российской империи в Республику Аргентина. Были использованы архивные материалы и фото из музея иммиграции (Museo de la Inmigracion) в Буэнос-Айресе, отражающие этнодемографические особенности иммиграции из Европы и Российской империи (журналы транспортных компаний, материалы пограничной службы, документы миграционных властей и пр.). В частности, были проанализированы архивные и наглядные материалы, отражающие этнорелигиозные волны иммиграции в Аргентину из Европы и Российской империи: итальянскую, испанскую, еврейскую, польскую, немецкую.

Основным методом исследования стал сравнительный историко-демографический анализ миграции из Российской империи в Аргентину на фоне этнических волн миграции из других стран Европы в конце XIX – начале XX веков (в частности, итальянской и испанской миграции). Историко-демографический метод включал анализ данных этнодемографической структуры миграционных потоков из Европы, прежде всего Российской империи. Доступные данные статистики основаны на нескольких источниках информации. Во-первых, это сведения транспортных компаний, осуществлявших перевозку пассажиров через европейские порты в Латинскую Америку. Во-вторых, сведения пограничной службы Республики Аргентины собирались в разрезе ключевых демографических характеристик: гражданство, пол, возраст. В особый блок доступной статистики можно выделить данные по временной трудовой миграции в Республику Аргентину, которая доступна по ключевым демографическим параметрам: гражданство, пол, возраст. В-третьих, были использованы данные переписи населения и текущей демографической статистики Аргентины по численности населения и рождаемости в разрезе ключевых демографических когорт населения, в том числе по гражданству. Для анализа на основе доступных статистических данных были построены ряды динамики по миграционным потокам и демографическим процессам.

3. Обсуждение

Прежде всего, следует отметить, что иммиграцию из Российской империи в Республику Аргентина следует рассматривать в контексте трех этапов заселения Латинской Америки. Первый этап – «конкистадорско-рабовладельческий», который продолжался до первой половины XIX века и характеризовался иммиграцией незначительного количества переселенцев, главным образом из Испании и Португалии, которые занимались эксплуатацией колоний, ввозом рабов из Африки. Он привел к формированию расово-этнической основы населения стран Нового Света, характеризующейся европейским и африканским компонентами. Второй этап – «пионерский» начался во второй половине XIX века и закончился с началом Первой мировой войны. В это время массовая иммиграция из Европы привела к наращиванию демографического потенциала за счет мигрантов, формированию системы расселения и сети поселений, а также способствовала развитию экономики стран Латинской Америки. Современный этап иммиграции начался примерно с 1914 г. Когда активизировались потоки трудовых и вынужденных мигрантов, которые стали доминировать в социально-демографической структуре иммиграции в странах Южной Америки, а также увеличилась миграция из Аргентины в другие страны континента (Марианский, 1969).

В российской научной литературе в основном изучается вторая и третья волна иммиграции в Латинскую Америку и Республику Аргентина в частности. Среди первых исследований необходимо отметить описания российской иммиграции в Аргентине XIX века дипломатом А. С. Иониным и ученым А. М. Беркенгеймом. Современные российские ученые Э.Г. Путятова, В.М. Кабузан, Е. Лушев

на основе архивных материалов достаточно подробно освещают исторические аспекты миграции российских подданных в Аргентину в контексте социально-политических событий в Российской империи XIX–XX веков.

В работе “Российская эмиграция в Латинскую Америку: исторические и современные тенденции” представлен обзор истории российской эмиграции в Латинскую Америку с конца XIX века до наших дней. В ней рассматриваются причины, по которым русские покинули свою страну, проблемы, с которыми они столкнулись на новом месте жительства, и то, как они адаптировались к новой культуре. Авторы также анализируют влияние российской эмиграции на общество и культуру стран региона, а также на отношения между Россией и странами Латинской Америки (Караяннис, Шлапентох, 2002).

В работе “Российская эмиграция в Латинскую Америку: роль государства в содействии и ограничении эмиграции” представлен обзор истории русскоязычной эмиграции в регион, включая причины эмиграции и проблемы адаптации эмигрантов, а также анализируется роль российского государства, включая политику и законодательство в области контроля эмиграционного потока из России (Крыштановская, 2001).

В научных статьях “Российские эмигранты в Аргентине: исследование этнической идентичности” и “Русские эмигранты в Бразилии: исследование этнической идентичности” рассматриваются факторы эмиграции, особенности адаптации в принимающих странах, трансформация этнической идентичности русскоязычных мигрантов в Аргентине и Бразилии (Филлипс, 2013а; Филлипс 2013b).

В монографии М. Н. Мосейкиной “Эмиграция из России в Латинскую Америку: история и современность” описана история русской эмиграции в регион с начала XX века до начала XXI века, в том числе причины, особенности адаптации русских эмигрантов, их вклад в экономическое и культурное развитие стран (Мосейкина, 2003а). В монографии М.Н. Мосейкиной “Русские в Латинской Америке: общественная жизнь и деятельность” рассматриваются социальные аспекты жизнедеятельности русскоязычных мигрантов в принимающих странах, в том числе культурные традиции, образование, религиозную жизнь, политическую деятельность (Мосейкина, 2004b).

В статье С.В. Рязанцева и Е.Е. Письменной “Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку” рассматриваются особенности пяти волн эмиграции и их социально-демографическая структура, а также анализируются данные отечественной статистики по современной эмиграции в страны региона (Рязанцев, Письменная, 2014). В статье С.В. Рязанцева и М.Н. Храмовой “Современное состояние и перспективы русскоязычных общин в странах Латинской Америки” выделено и описано пять исторических волн русскоязычной эмиграции, а также факторы и особенности русскоязычной эмиграции в регион с 1870 по 2015 гг., даны оценки современной численности русскоязычных сообществ в ключевых странах региона (Рязанцев, Храмова, 2016).

Целью настоящей статьи является восполнение некоторых пробелов в российской научной литературе в части оценки социально-демографического состава миграционного потока выходцев из Российской империи на этапе «пионерского» заселения Аргентины, оценка на основе архивных материалов количественных и качественных характеристик миграционного потока из Российской империи в Аргентину в конце XIX – начале XX веков.

4. Результаты

Масштабы и социально-демографическая структура миграционных потоков в Аргентину. По данным переписей население Аргентины росло значительными темпами: в 1869 году оно составляло 1830 тыс., в 1895 году – 3 955 тыс., а в июне 1914 года – 7 885 тыс. человек (ЧНА, 1916). Таким образом, почти за пятьдесят лет население страны увеличилось более чем в четыре раза. Безусловно, основной вклад в данный рост вносила иммиграция (Рисунок 1). В 1869 году доля иностранных граждан, проживающих в республике, составляла около 8 %, в 1895 году – уже 25 %, а в 1914 году – 30 % (TCN, 1916).

В 1914 году суммарный коэффициент рождаемости в Аргентине был самым высоким: у итальянских женщин – 4,9 ребенка на одну женщину, в то время как у аргентинок он был равен 4,3, у испанок – 3,7 (TCN, 1916: 288). Например, у 28 женщин, проживавших в Буэнос-Айресе, было по 20 детей (почти половина из них были итальянки) (НА, 1916).

И все-таки основной рост численности населения Аргентины был обусловлен именно иммиграцией. Благодаря открытой миграционной политике, обеспечению равных прав различным этническим и религиозным групп иммигрантов, упрощенному процессу натурализации и относительно высоким заработкам, транспортному сообщению, число желающих приехать в Аргентину во второй половине XIX века увеличивалось. В 1854 году в страну въехало 2,5 тыс. человек, за период 1854–1859 годов – 27,5 тыс. В 1860–1869 годы в страну прибыли 134 тыс. человек, в 1870–1879 годы – 265 тыс. человек. В 1880–1889 годы миграция приняла огромные масштабы – в Аргентину приехало более 1 млн человек (Крюков, 1911).

Пароходные компании, оценив выгоду, стали строить «быстроходные пароходы-колоссы только для сообщения с Буэнос-Айресом», которые субсидировало правительство (Ионин, 1892).

А.С. Ионин описывал миграцию в Аргентину: «Пароход... обыкновенно битком набит эмигрантами и пассажирами со всех концов Европы, из всех слоев общества, а таких пароходов пристает до 60 в месяц к порту в Буэнос-Айресе» (Ионин, 1892: 227). Среднее число мигрантов на судне могло достигать до 1500 человек. Поработав несколько месяцев в Аргентине, итальянец получал 500–1000 франков, возвращался домой и жил на эти деньги с семьей один-два года. Затем снова возвращался на заработки в Аргентину. Итальянцы хоть и дешево (60–65 франков), но платили за проезд. Правительство Аргентины заключило контракты с Гамбургским пароходным обществом и с марсельским «Trasports Maritimes» для бесплатного проезда 50 тыс. немцев и 25 тыс. французов (Ионин, 1892).

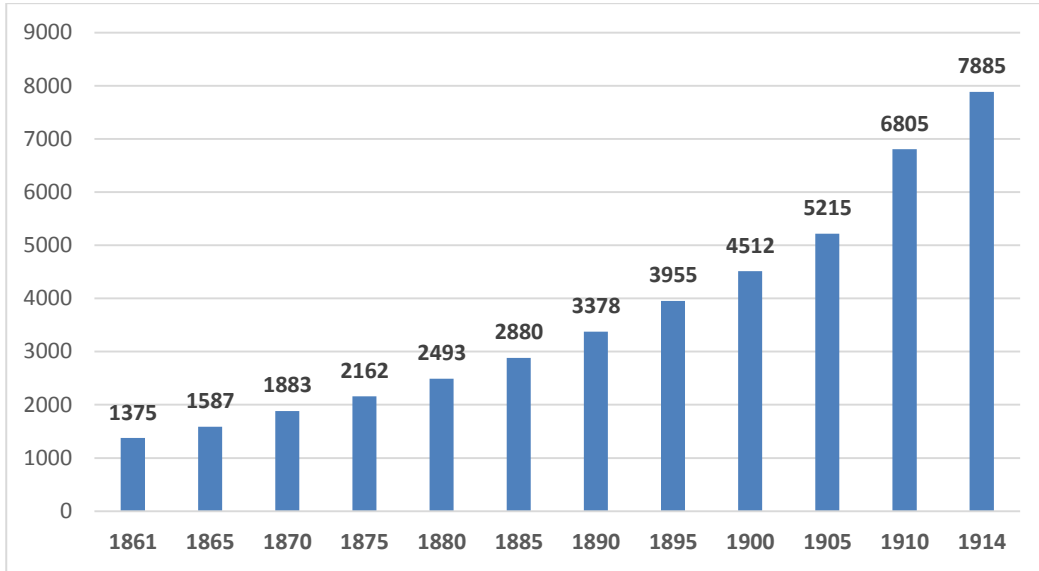

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Аргентина с 1861 по 1914 гг., тыс. чел. Источник: БКРБ, 1916; СДОА, 1916а; ЧНА, 1916; ТСН, 1916

В 1887–1889 годы правительство Аргентины субсидировало и оплачивало проезд мигрантов. За три года в страну въехало более 500 тыс. человек, из них 260 тыс. пришлось на 1889 год. В это время особого внимания социально-демографическому составу («качеству») мигрантов не уделялось: «Приехало много элементов негодных и неспособных» (Климан, 1904: 20). Считается, что негативным последствием стало обратное возвращение значительной доли переселенцев в Европу в 1889–1891 годы (Рисунок 2). Некоторая часть европейцев переезжала из Аргентины в соседние страны: например, в Чили, Уругвай, Бразилию, Северо-Американские Штаты (Крюков, 1911).

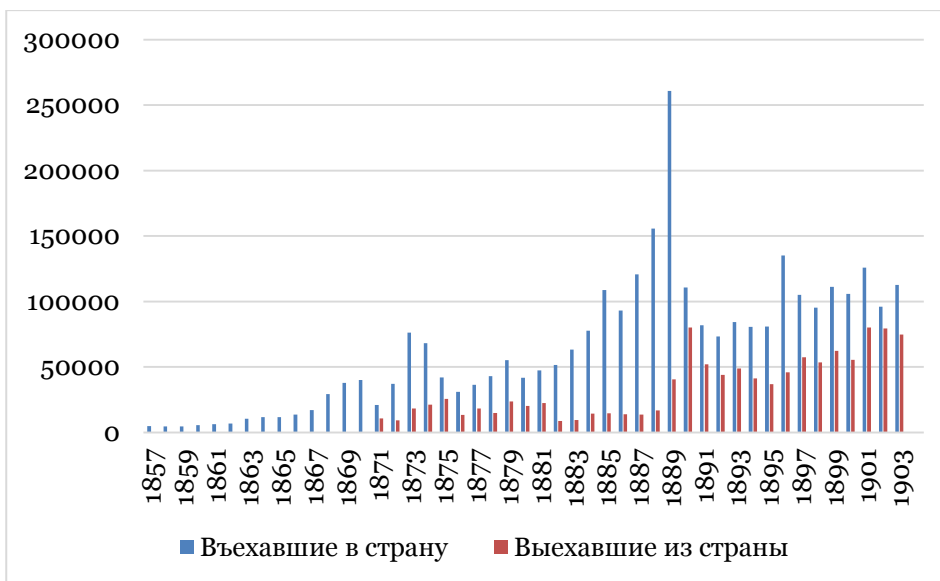

Рис. 2. Динамика численности мигрантов в Аргентинской Республике в 1857–1903 годах, чел. (Климан, 1904; Ревелиотти, 1910).

За 1890–1899 годы в Аргентину приехали 950 тыс. человек, но при этом выехали более 500 тыс. человек (Климан, 1904). Эмиграции из Аргентины способствовал экономический кризис, «вызванный злоупотреблением кредита», неурожаем, риск войны с Чили из-за неясности лимитации границы, выросших цен на жилье и землю в земледельческих районах (Вобльи, 1905; Ревелиотти, 1910).

Трудовая миграция. После отмены бесплатного проезда значительная доля приезжающих была представлена трудовыми мигрантами. Численность трудовых мигрантов в Аргентине была максимальной во время уборки урожая и жатвы, которая начиналась в декабре и заканчивалась в январе (Рисунок 3). В остальные месяцы мигрантам было сложно найти работу. В 1903 году в Аргентину въехало 112 тыс. человек, из них 37 тыс. прибыли из столицы Уругвая - Монтевидео, а 75 тыс. человек – из Европы. Доля мужчин составила 63 %, женщин – 21 %, детей – 16 %. Среди мигрантов доля итальянцев составила 56 %, испанцев – 29 %, российских подданных – только 1 % (Климан, 1904). В 1905 году для работы в сельском хозяйстве в Аргентину приехали до 100 тыс. человек, в этом же году 77 тыс. вернулись в Европу. В среднем каждый мигрант зарабатывал до 150 пиастров золотом (Ревелиотти, 1910).

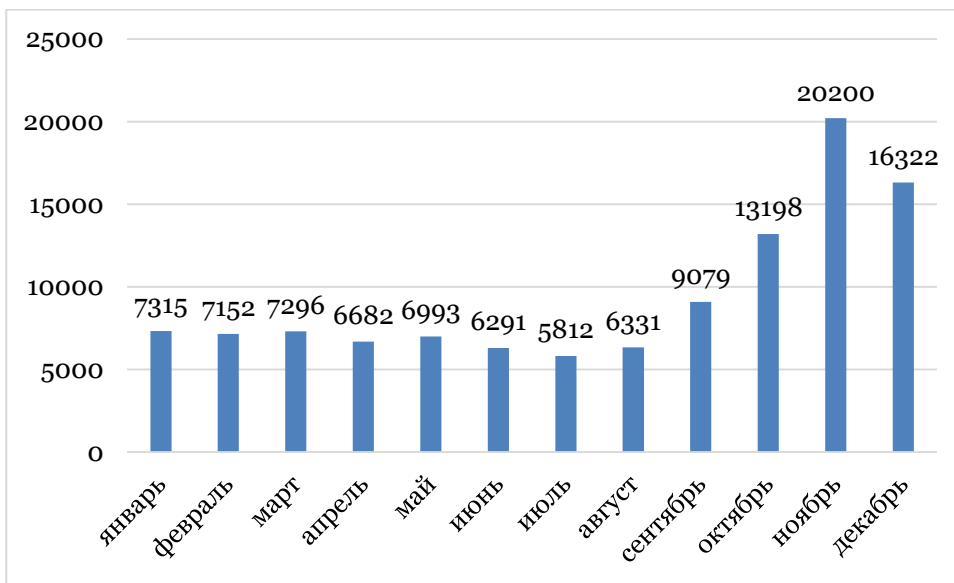

Рис. 3. Динамика численности въезда мигрантов в Аргентину по месяцам в 1903 г. (Климан, 1904)

Трудовая миграция приводила к серьезной диспропорции полов. Поскольку большая доля трудовых мигрантов была представлена мужчинами в трудоспособных возрастах, то их перевес и в половозрастной структуре населения был значителен. По данным переписи 1895 года, в Аргентине из одного миллиона проживавших иностранцев, около 700 тыс. человек были мужчины (TCN, 1916). Подобная половозрастная структура сделала востребованными в Буэнос-Айресе сексуальные услуги и дома терпимости. В конце XIX века агенты из числа бывших эмигрантов возвращались в свои страны происхождения для вербовки девушек. Рекрутеры были дорого одеты, рассказывали о перспективах заработка до 100 рублей в день (обещая, например, работу компаньонки), про хорошие климатические условия в стране и гарантировали бесплатный проезд в Аргентину (ВП, 1896).

Главными местами концентрации женщин, вовлекаемых в проституцию в Южной Америке, были портовые города Рио-да-Жанейро и Буэнос-Айрес. Здесь было много мигранток из Российской империи (преимущественно губерний Царства Польского) и Австро-Венгрии (Бог-пов, 1900).

Осознавая проблему трафикинга женщин с целью сексуальной эксплуатации, 2 июля 1902 года министр иностранных дел Франции Т. Делькассе открыл Вторую международную конференцию по вопросам торговли женщинами. На конференции пришли к выводу, что «все усилия прекратить эту торговлю останутся тщетными, пока европейские правительства не найдут деятельной поддержки заатлантических республик, в особенности Аргентины, где преступная деятельность агентов не встречает никаких препятствий» (МКБР, 1902: 2). Первая Мировая война вызвала поток беженцев в страны Нового Света. В Буэнос-Айресе было создано отделение биржи труда, обслуживающего только беженцев. Были известны случаи, когда женщин приглашали работать портнихами, а в реальности они оказывались в домах терпимости. Сотрудники биржи отвечали, что не могут проверять каждую организацию, отправляющую заявку (БТЖЛ, 1915).

Этнические волны миграции в Аргентину: место миграции из Российской империи.

Миграция итальянцев и испанцев. Основными этническими группами мигрантов в Аргентине во второй половине XIX – первой четверти XX века были итальянцы и испанцы. Почти за шестьдесят

лет (с 1857 по 1914 годы) в Аргентину переехали 4666 тыс. человек, выехало 1626 тыс. человек. Таким образом, миграционное сальдо составило 3 млн человек. Аргентина приняла 2,2 млн итальянцев, 1,5 млн испанцев, 214 тыс. французов, 161 тыс. выходцев из Российской империи (Рисунок 4). Преобладание итальянских и испанских мигрантов объяснялось «выталкивающими» факторами в Южной Европе – высокой плотностью населения и низкими зарплатами. А «притягивающими» факторами для итальянцев и испанцев в Аргентине были возможности заработка за короткий срок и схожесть языков романской группы (Климан, 1904). По данным переписи 1895 года, в Аргентине доля итальянцев и испанцев составляла соответственно 12 % и 10,5 % от общей численности населения, а в 1914 году – 12 % и 5 % соответственно (TCN, 1916).

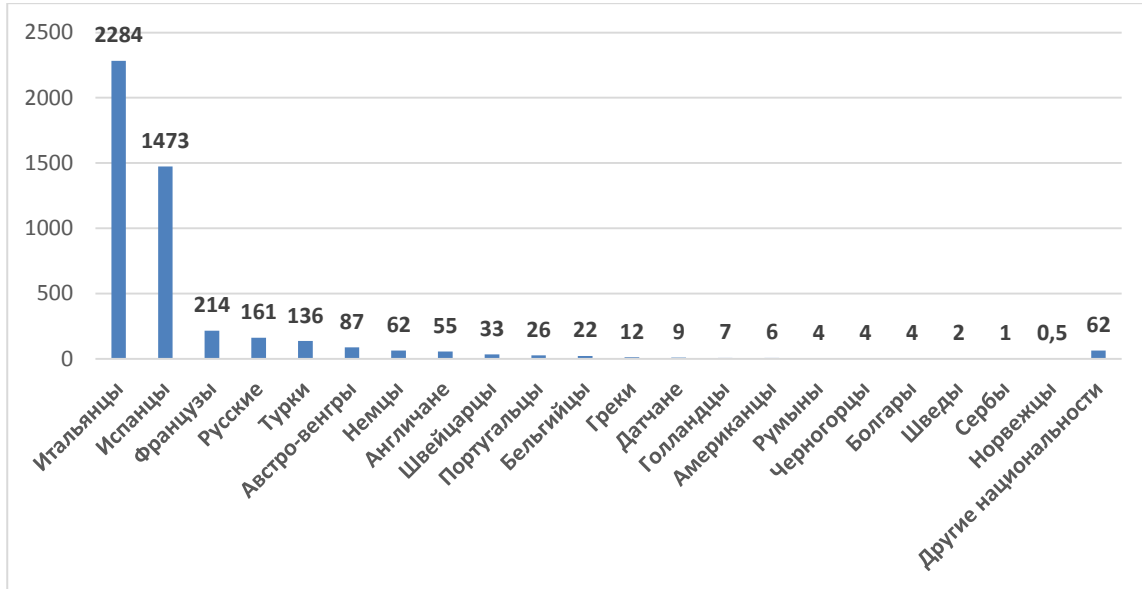

Рис. 4. Распределение по гражданству пассажиров второго и третьего классов кораблей, прибывших в Аргентину в 1857–1914 годах, тыс. чел. (TCN, 1916)

Массовая эмиграция из Италии возникла в 60-е годы XIX века. До этого времени в Италии преобладала внутренняя миграция между провинциями страны. В итальянской статистике эмигрантов разделяли на две группы: «выселение навсегда» (эмиграция) и «временное выселение» (временная трудовая миграция) (Рисунок 5) (Сипягин, 1898). Итальянцы и испанцы приезжали преимущественно в Аргентину на время полевых работ. Заработав денег, большая доля из них возвращалась на родину (Климан, 1904). Аргентинские источники того времени сообщали: «Самым неприятным явлением для правительства представляется иммиграция массы итальянцев, прибывающих в Аргентину на летний сезон и затем уезжающих обратно в свою прекрасную Италию» (Крюков, 1911: 444-445).

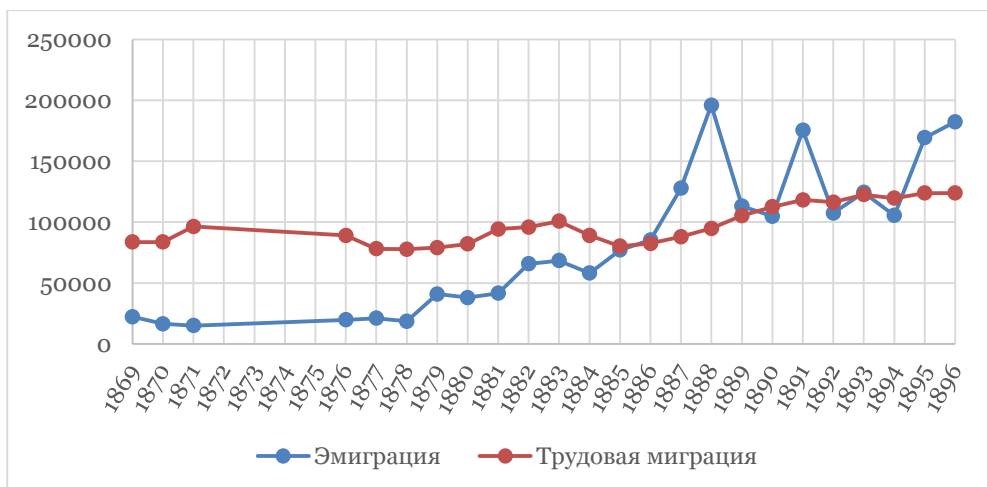

Рис. 5. Динамика численности выезжающих из Италии эмигрантов и трудовых мигрантов 1869–1896 годах, чел. (Сипягин, 1898)

Численность итальянских мигрантов стала особенно увеличиваться с 1876 года. Социально-профессиональная структура потока итальянцев, уезжавших в 1895 году на заработки в страны Южной Америки, включала земледельцев (73 %), полевых работников (13 %), ремесленников (6 %), каменщиков (4 %). В конце XIX века основным направлением итальянских мигрантов были Аргентина и Бразилия. В 1895 году в Бразилию выехали 34 % всех итальянцев, а в Аргентину – 14 % (Сипягин, 1898). Однако в 1896 году из-за отсутствия договоренности между правительствами Италии и Бразилии миграционный поток развернулся в пользу Аргентины (Климан, 1904). Итальянские мигранты в Аргентинской Республике даже смогли организовать влиятельную политическую партию, которая добилась открытия в стране итальянских школ (Ревелиотти, 1910).

Миграция из Российской империи. При въезде в страну аргентинские власти регистрировали мигрантов по стране исхода. При этом выходцы из Российской империи были разных национальностей, в том числе «евреи, частью поляки и только ничтожное количество приходится на собственно русских» (Крюков, 1911: 442). До конца XIX века этнически русское (православное население) практически не приезжало в Аргентину. Описывая открытие 1 января 1889 года первой русской православной церкви в Южной Америке, протоирей Г.К. Изразцов пишет: «Открыта была новая православно-русская церковь в стране, где и до сих пор не наберется десятка православных русских подданных» (Изразцов, 1904: 14).

По данным переписи 1895 года, численность русского населения была столь незначительна, что их занесли в графу «другие национальности». А по данным переписи 1914 года численность проживающих русских подданных составила 1 % от всего населения страны 93,6 тыс. человек. Из них 54,9 тыс. приходилось на мужчин, а 38,7 тыс. – на женщин (TCN, 1916).

Важным источником информации были данные о гражданстве владельцев недвижимости в Аргентине. Выходцы из Российской империи в 1895 году владели 2016 объектами в Аргентине, что составило 0,5 % от всех объектов недвижимости. В 1914 году граждане Российской империи владели 9687 объектами (0,9 % объектов). Можно предположить, что до 1895 года из Российской империи в Аргентину преимущественно иммигрировали более обеспеченное население с капиталом (TCN, 1916).

Миграцию из Российской империи в Аргентину до 1914 года можно условно разделить на три крупных этно-территориальных потока: немецкая, еврейская, польско-литовская (из западных приграничных регионов).

Миграция российских немцев. Первыми русскими подданными, переселившимися в Аргентину, стали девять тысяч немецких менонитов, которые вынуждены были покинуть страну из-за введенной воинской повинности (Ионин, 1892). Религиозные убеждения запрещали менонитам служить в армии, поэтому они в конце 1870-х годов эмигрировали в Бразилию, а затем были вынуждены переместиться в Аргентину, поскольку им не подошли земли, выделенные бразильским правительством. Описывая успехи менонитов за океаном, А.С. Ионин писал: «Самый лучший колонизаторский элемент доставила Аргентинской Республике Россия...» (Ионин, 1892: 236).

Менониты отличались от других эмигрантов тем, что привезли с собой капитал. На купленных участках земли стали выращивать хлебные культуры, доказав правительству республики, что земледелие может быть прибыльным. Зерновые культуры приносили прибыль не меньшую, чем сахарный тростник и овцеводство. Они также привезли неизвестную культуру для Латинской Америки – лен, который выращивали для урожая семян. Помимо земледелия, менониты также успешно занимались разведением лошадей (Ионин, 1892).

Основным районом расселения менонитов стала Олаваррия, которая из маленького укрепления превратилось в центр торговли. Стоимость земли, которая продавалась за 100 долларов, через 10 лет выросла до 20–25 тыс. долларов. Менониты открыли свои школы, где обучение велось на немецком языке, банк, приют и больницы. При этом, несмотря на то, что они говорили по-немецки и жили в Аргентине, считали себя русскими: «Мы говорим по-немецки, это правда..., но мы все-таки русские и очень любим Россию» (Ионин, 1892: 239).

А.М. Беркенгейм, посетивший Южную Америку примерно в одно время с А.С. Иониным, пришел к выводу, что среди русских немцев, проживающих в Аргентине, менонитов нет. И основной мотив, по которому немцы переехали в Аргентину, был экономической (истощение земли и неурожаи) а также нежелание нести воинскую службу (Беркенгейм, 1894: 17). Земля была продана правительством Аргентины немцам за невысокую цену с рассрочкой на 10 лет. Но и А.С. Ионин, и А.М. Беркенгейм были едины во мнении, что колонии немцев (менонитов или католиков) были очень успешными в развитии сельского хозяйства.

В последнем десятилетии XIX века немцы продолжали уезжать из Российской империи. Неурожаи 1889 и 1891 гг. вызвали сильный упадок экономического благосостояния немцев в Самарской губернии. Под видом рабочих, чтобы проехать по более дешевому тарифу, без паспортов они доезжали до границы с Пруссией. Затем они нанимали крестьянина, который за небольшую плату переводил через границу. Большая доля немцев не оседала в Германии, а уезжала в страны Нового Света, в том числе в Аргентину (Рязанцев и др., 2023).

Иммиграция российских евреев. Еврейские поселения в Аргентине возникли благодаря Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО) которое организовал барон Гирш (Крюков, 1911).

Барону Гиршу была не безразлична судьба еврейского народа, проживающего на территориях Российской империи и Балканских государств (главным образом Румынии). Изначально было предложено 50 млн франков русскому правительству для организации просвещения евреев. Правительство согласилось принять деньги, но отказалось отчитываться о расходовании средств. Тогда барон Гирш решил дать возможность евреям эмигрировать из Российской империи. Он отправил агентов в Бразилию, Мексику, Канаду и Аргентину, для изучения отношения местного населения к евреям и перспектив для ведения земледелия (Кибрик, 1916). За четверть века Ассоциация планировала выселить из Российской империи 3,2 млн евреев (ВЕ, 1892).

В 1891 г. были приобретены земли в провинциях Буэнос-Айрес, Санта-Фе и Энтре-Риос. Колонистам давалась рассрочка оплаты земли на двадцать лет с ежегодными взносами. Цена взноса образовывалась из цены, за которую ЕКО купило землю, и 4 % годовых. На практике многие за двадцать пять лет проживания в колонии не смогли выплатить долг (Кибрик, 1916).

Рис. 6. Еврейские иммигранты в Аргентине в конце XIX века
Источник: Фото автора из архива Музея иммиграции в Буэнос-Айресе, апрель 2023 г.

Благодаря ЕКО к 1909 году в Аргентину переселилось 75 тыс. евреев. Около 5 тыс. приехало из Марокко, Турции, Румынии и других стран. Около 70 тыс. евреев приехало из Российской империи. В колониях, организованных ЕКО, проживало более 19 тыс. бывших российских подданных. Остальные занимались сельским хозяйством самостоятельно либо нанимались в качестве рабочих. Много выходцев из Российской империи работало в винодельческих провинциях, поскольку работодатели отдавали им предпочтения «из-за трезвости и спокойного нрава» (Крюков, 1911).

К 1911 году ЕКО прекратило заниматься эмиграцией евреев из России. Российские евреи стали приезжать самостоятельно. Многие из эмигрантов этой волны имели родственников и знакомых в Аргентинской Республике. Сами колонии переводили деньги в Российскую империю для организации переезда евреев. В 1907 году родственникам через ЕКО в Российскую империю из Аргентины было послано около 51,5 тыс. рублей. А в 1909 году только одна колония Маурисио (Maurgisio) отправила в Российскую империю 27 тыс. рублей (Крюков, 1911).

Большая доля иммигрантов среди евреев были бедными людьми: «Когда евреи прибывают в Буэнос-Айрес, то все поражаются их странным, изношенным видом: длиннополые сюртуки, грязные, в заплатках, странные какие-то шапки, пейсы, на худых лицах уныние и гнет. Но в Аргентине они скоро преображаются: одежда, как у всех аргентинцев, пейсов более не носят... В особенности молодое поколение, успевшее пойти школу и говорящее по-испански, становится настоящими аргентинцами...» (Крюков, 1911: 257).

Миграция евреев, поляков и литовцев из приграничных регионов Российской империи. До 1897 года большее число российских подданных эмигрировало через немецкие порты Гамбурга, Бремена и Штеттина. Начиная с 1897 года русские стали использовать порт Гамбурга для транзита между Англией и страной конечного назначения (РПД, 1899). По данным немецких портов, в 1890–1906 годах через немецкие порты выехали 31 тыс. российских подданных (Рисунок 7).

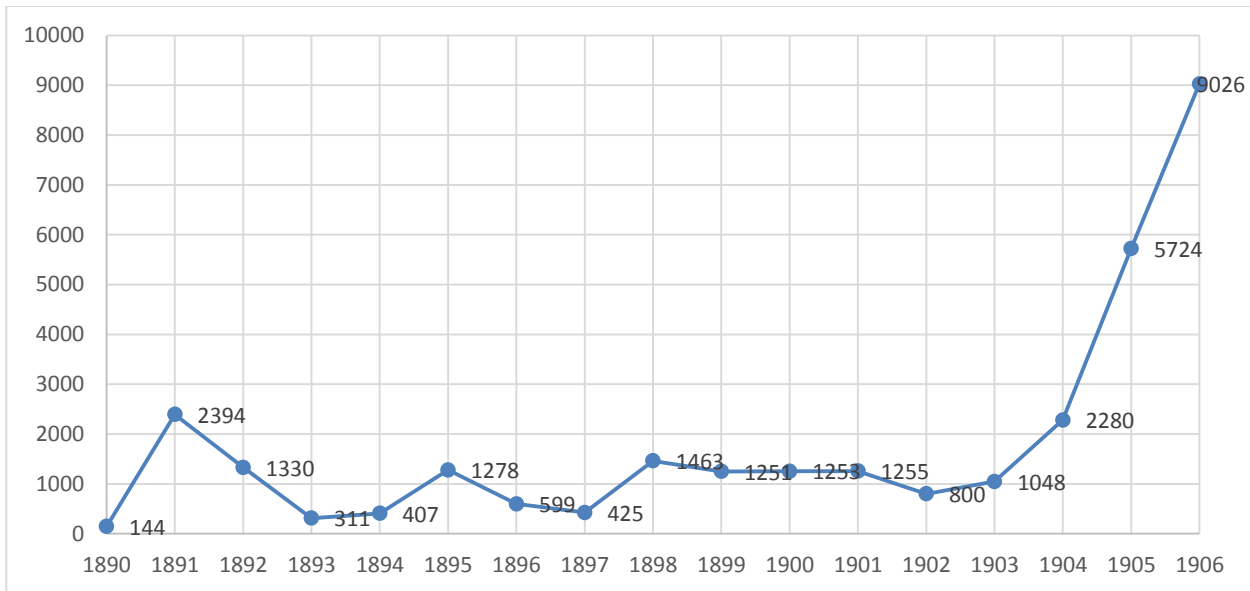

Рис. 7. Численность подданных Российской империи, выехавших через немецкие порты в Аргентину в 1890–1906 годах (СЕР, 1908; СЕР, 1909)

Из тысячи эмигрантов – подданных Российской империи, в 1891–1906 годах 900 человек направлялись в Северо-Американские Соединенные Штаты. При явной ориентации россиян на Северную Америку роль Аргентины как направления эмиграции постепенно росла: в 1891–1895 годах в Аргентину уехали только двадцать человек, в 1896–1900 годах – 29 человек, в 1901–1905 годах – 33 человека, а в 1906 году – 74 человека (СЕР, 1909).

Иммиграционные власти Северо-Американских Соединённых Штатов при въезде собирали данные не только о подданстве (как это делала Аргентина), но и о национальности (этничности). За десятилетие (1900–1909 годы) уроженцы Российской империи, въехавшие в Северо-Американские Соединенные Штаты, распределялись следующим образом по этничности: 45 % – евреи, 26 % – поляки, 9 % – литовцы, 9 % – финны, 6 % – немцы, 4 % – русские (православные), 1 % – другие национальности (СЕР, 1912). Доля русских (православных) среди подданных Российской империи, эмигрировавших в Северо-Американские Соединенные Штаты, со временем увеличивалась: в 1899 году – 3 %, в 1909 году – 8 %, в 1910 году – 8 %, в 1911 году – 11 %, в 1912 году – 13 %, в 1913 году – 17 % (Рязанцев и др., 2023). Аналогичная тенденция прослеживалась в эмиграционном потоке в Бразилию (Ryazantsev et al., 2023). Полагаем, что аналогичная ситуация была свойственна и эмиграционным потокам из Российской империи в Республику Аргентину.

На рубеже XIX–XX веков в Новый Свет через порты Гамбурга и Бремена выезжали в основном жители Привислинского края, а также Финляндской, Витебской, Минской, Бессарабской и Херсонской губерний Российской империи (РПД, 1901). В 1890 году население Привислинского края составляло 8,2 млн. человек. В религиозном отношении население было представлено: католиками (75 %), иудеями (14 %), протестантами (5 %), православными (5 %) и другими (1 %) (НПК, 1892). Большая часть евреев проживала в западной части Российской империи (ВЕ, 1892). Например, в Минской губернии доля еврейского населения составляла 20 %, в Гродненской – 20 %, Ковенской – 19 %, Подольской – 19 %, Могилевской – 18 % (ДНП, 1892).

В Привислинском крае эмиграция в последние десятилетие XIX века стала «миграционной горячкой», основными причинами которой было малоземье и безземелье. Соседство с Пруссией, где эмиграция существовала давно, а также активная работа миграционных агентов выступали дополнительными катализаторами миграции из Российской империи (Ryazantsev et al., 2023). В 1890-х годах миграция приняла большие размеры. Нелегальных мигрантов задерживали на границе и отправляли домой. Привлекали к ответственности миграционных агентов (ТПК, 1892). В конце XIX века миграционные агенты работали преимущественно в западных территориях Российской империи. Известно, что перед Первой мировой войной миграционные агенты в Сибири распространяли брошюры, описывающие «жизнь в Бразилии и Аргентине и блестящее положение эмигрантов в этих странах» (М.К., 1914).

LISTA GENERAL DE PASAJEROS
REPUBLICA ARGENTINA

BUENOS AIRES

REGLAMENTO DE EMERGENCIAS
LEY 11.370
DE 1914

Numero del Buque	Clase	Matricula	Procedencia	Numero del Capitan		Numero del Médico		Tonelaje	Tropaje	N.º de pasajeros en tránsito	Lugar de Embarque	Observaciones
				Nombre	Apellido	Nombre	Apellido					
800	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
801	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
802	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
803	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
804	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
805	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
806	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
807	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
808	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
809	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
810	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
811	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
812	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
813	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
814	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
815	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
816	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
817	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
818	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
819	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
820	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
821	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
822	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
823	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
824	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
825	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
826	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Norddeutscher Lloyd, Bremen.

Passagier-Liste
für Dampfer „Coburg“
am 24. November von BREMEN nach Buenos Aires

Rang	Namen der Passagiere	Alter	Geschlecht	Beruf	Staatsangehörigkeit	Bisheriger Wohnort	Provinz	Geburtsort	Bemerkungen
1	Adolf Kottenbrock	62	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
2	Paul Diebert	26	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
3	Otto Seyditz	35	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
4	Carl Kludde	59	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
5	Agnes	43	F	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
6	Wolfgang Kottwitz	23	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
7	Ludwig Wulberg	21	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
8	Walter Böber	31	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
9	Wirma Böber	22	F	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
10	Helene Köhl	26	F	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
11	Carl Koch	26	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
12	Frau Koch	23	F	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
13	Erhard Hammermann	49	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	
14	Karl Müller	20	M	Handelmann	Preuss.	Breslau	Preuss.	Breslau	

Рис. 8. Списки мигрантов, отплывших из порта Бремен и прибывших в Республику Аргентина в конце XIX века
Источник: Фото автора из архива Музея иммиграции в Буэнос-Айресе, апрель 2023 г.

LLOYD NORTE ALEMAN
Coburg

Relación de los emigrantes que embarcan en el vapor „Coburg“ desde el puerto de VIGO con destino á B^o Aires según lo prevenido en el artículo 98 del Reglamento provisional para la aplicación de la Ley de 21 de Diciembre de 1907 sobre emigración.

NUMERO	NOMBRES Y APELLIDOS	NATURALEZA		EDAD	SEXO		PROFESION U OFICIO	ULTIMO DOMICILIO		CLASE
		PAIS	PROVINCIA		VARON	MUJER		PAIS	PROVINCIA	
2 1127	Julio Jorison Garcia	Argentina	Corrientes	18	Varon	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	3.ª
3 59	Francisco Enrique Gonzalez	Argentina	Corrientes	34	Varon	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
4 51	Agustín Alberto Laboy	Argentina	Corrientes	17	Varon	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
5 51	Julio Victoria Laboy	Argentina	Corrientes	15	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
6 59	Manuela Elena Gonzalez	Argentina	Corrientes	15	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
11 53	María de la Cruz Gonzalez	Argentina	Corrientes	32	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
12 54	María Blanca Rodriguez	Argentina	Corrientes	16	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
13 53	José Manuel Gonzalez	Argentina	Corrientes	61	Varon	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
14 59	Concepción Garcia	Argentina	Corrientes	51	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
18 2703	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	31	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
17 1181	María Elena Gonzalez	Argentina	Corrientes	19	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
19 1181	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	33	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
21 5	José Gonzalez	Argentina	Corrientes	34	Varon	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
22 2704	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	41	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
23 5	María Elena Gonzalez	Argentina	Corrientes	24	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
24 1181	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	35	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
25 2705	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	35	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
26 2706	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	35	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
27 2706	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	35	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
28 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
29 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
30 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
31 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
32 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
33 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
34 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
35 5	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.
36 1187	Concepción Gonzalez	Argentina	Corrientes	18	Mujer	1	Comerciante	Argentina	Corrientes	id.

Рис. 9. Списки пассажиров компании «Ллойд Норте Алеман», отплывающих в Республику Аргентина в декабре 1907 года
Источник: Фото автора из архива Музея иммиграции в Буэнос-Айресе, апрель 2023 г.

Влияние иммиграционной политики Республики Аргентина на интеграцию российских подданных в аргентинское общество.

Закон об аргентинском гражданстве 1869 года устанавливал, что любой иностранец в возрасте 18 и старше может подать заявление на гражданство, если он прожил два года на территории страны или женат на аргентинке или добился общественно признаваемых успехов (TCN, 1916).

Статья 20 Конституции Республики Аргентина гарантировала иностранцам все права аргентинских граждан. Кроме того, иностранцы имели привилегии: подчинение специальным судам, дипломатическая защита и отсутствие воинской повинности (Micheletti, 2006).

В переписи 1869 году не упоминалось число натурализованных. По данным переписи 1895 года, в стране натурализовалось только 1638 человек, родившихся за границей. По данным переписи 1914 г. из 1474 тыс. мужчин-иностранцев процедуру натурализации в Аргентине прошли 33 тыс. человек. Число российских подданных, которые натурализовались в Аргентине в 1906–1915 годах, составило 1525 человек. За указанный период паспорт Аргентины также получили 12 тыс. итальянцев, 15 тыс. испанцев, 850 французов (TCN, 1916). В провинции Санта-Фе в 1871–1900 годах натурализовалось 615 человек (в том числе пять поданных Российской империи) из более 166 тыс. иностранцев, проживающих в провинции (Micheletti, 2006).

Рис. 10. Сертификат иммигранта, прибывшего в Республику Аргентина
Источник: Фото автора из архива Музея иммиграции в Буэнос-Айресе, апрель 2023 г.

К 1914 году наибольшее количество российских подданных проживало в Буэнос-Айресе (28,8 тыс.), провинции Энтре-Риос (17,6 тыс.), провинции Санта-Фе (10,8 тыс. человек) (СДОА, 1916b). В 1914 году на русском языке в Аргентине издавалась «Новый мир», две газеты – на французском языке, три газеты – на турецком, четыре – на итальянском, пять – на английском и немецком, 493 (!!!) – на испанском (W, 1916). На страницах русскоязычной газеты рекламировались услуги (например, русскоговорящих врачей и учителей), а также орудия труда (например, плуг «El Ruso», сконструированный русскими немцами) (ЗП, 1916; ЗК, 1916; Крюков, 1911). Рекламировались балы и концерты, средства от которых шли на создание русскоязычной библиотеки (БКРБ, 1916). Газета писала о визите в Буэнос-Айрес русских артистов (например, русской балерины А. Павловой, итальянской оперной певицы русского происхождения Розы Раисы) (ПВБЭ, 1914; ПРР, 1916).

На страницах газеты «Новый мир» призывали российских иммигрантов участвовать в выборах в Аргентине: «Наша колония политически не организована, огромнейшая ее часть даже не натурализована, и не пользуясь избирательными правами, не может оказать какого-либо прямого влияния на выборы... Мы надеемся, что наши соотечественники понимают свои интересы и, соответственно, с ними будут голосовать за тех, кого они считают достойными...» (ВИМ, 1916: 1). Российские иммигранты достаточно успешно адаптировались и интегрировались в принимающее общество Аргентины.

5. Заключение

Во второй половине XIX века – начале XX веков иммиграция вносила значительный вклад в формирование населения Республики Аргентина. Если в 1869 году население страны составляло около 1,8 млн, то в 1914 году оно увеличилось до 7,8 млн человек. Таким образом, за полвека население Аргентины увеличилось более чем в четыре раза. Столь масштабный рост численности населения был возможен именно благодаря иммиграции. С 1857 по 1914 годы в Аргентину въехало 4,6 млн мигрантов. С учетом отъезда 1,6 млн человек в стране «осели» 3 млн человек, пополнив численность аргентинского населения.

Выходцы из Российской империи вносили существенный вклад в формирование потока мигрантов в Аргентину: с 1857 по 1914 годы в страну въехало 2,2 млн. итальянцев, 1,5 млн. испанцев, 214 тыс. французов, 160 тыс. человек россиян. Таким образом, мигранты из Российской империи занимали четвертое место среди приехавших в Аргентину. Данные переписи населения Аргентины 1914 года показывали, что доля выходцев из Российской империи составляла 1 % населения страны. Они владели 0,9 % недвижимости в Аргентине, а также вносили существенный вклад в развитие экономики и особенно сельского хозяйства страны.

Миграция из Российской империи в Республику Аргентина включала три крупных этнических волны: немецкая, еврейская, польско-литовская из западных приграничных регионов. Немцы, преимущественно менониты, приехали в конце 1870-х годов с капиталом и внести серьезный вклад в развитие земледелия в стране. Еврейская волна иммиграции в Аргентину развивалась благодаря барону Гиршу и созданному им Еврейскому колонизационному обществу. Миграция в Аргентину жителей западных приграничных регионов Российской империи была представлена евреями, поляками, литовцами, финнами. Доля русского (православного) населения среди иммигрантов из Российской империи была незначительной, но с начала XX века постоянно увеличивалась.

Иммиграционная политика Республики Аргентина была очень открытой в отношении иммигрантов, включая российских подданных. Иностранцы не особенно спешили получать аргентинские паспорта, поскольку они имели равные права с аргентинскими гражданами и, более того, также имели дополнительные преференции. Дети мигрантов, рожденные в Аргентине, автоматически становились гражданами страны. Численность выходцев из Российской империи, получивших аргентинское гражданство в 1906–1915 годах, составила полторы тысячи человек. Численность российских подданных, которые эмигрировали в Аргентину к 1914 году, составляла около 80 тыс. человек. Интеграция российских иммигрантов в аргентинское общество проходила достаточно быстро и успешно.

6. Благодарности

The article was prepared with the support of FAPESP – Fundação de Amparo à Pesquisa do Estado de São Paulo (process # 2022/04437-3).

Литература

- Беркенгейм, 1894** – Беркенгейм А.М. Аргентина и ее колонии. Статья первая: Развитие колонизации и устройство земледельческих поселений. М.: Типо-литография Высочайше утвржд. Т-ва И.Н. Кушнерев и К. 1894. 51 с.
- БКРБ, 1916** – Бал и концерт русской библиотеки // *Новый мир*. 1916. № 122. 19 марта. С. 7.
- Бог-пов, 1900** – Бог-пов М. Позорное пятно нашей цивилизации // *Сибирский вестник*. 1900. № 279. 21 декабря. С. 3.
- БТЖЛ, 1915** – Беженцы и торговля живым товаром // *Новый мир*. 1915. № 105. 21 ноября. С. 4.
- ВЕ, 1892** – Выселение евреев // *Новости и биржевая газета*. 1892. № 151. 3 июня. С. 1.
- ВИМ, 1916** – Выборы и мы // *Новый мир*. 1916. № 124. 2 апреля. С. 1.
- Воблый, 1905** – Воблый А.Г. Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия: опыт статистико-экономического исследования. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1905. 195 с.
- ВП, 1896** – Внутренняя почта // *Петербургский листок*. 1896. № 297. 27 октября. С. 6.
- ДНП, 1892** – Дела и нужды провинции // *Сын отечества*. 1892. № 219. 13 августа. С. 1.
- ЗК, 1916** – Знаменитая косилка «Massey Harris» // *Новый мир*. 1916. № 118. 20 февраля. С. 6.
- ЗП, 1916** – Знаменитый плуг «El Ruso» // *Новый мир*. 1916. № 116. 6 февраля. С. 7.
- Изразцов, 1904** – Изразцов К.Г. Православная церковь в Буэнос-Айресе при Императорской российской миссии в Южной Америке. СПб.: Синодальная типография, 1904. 52 с.
- Ионин, 1892** – Ионин А.С. По Южной Америке. В двух томах. Т. 2. СПб.: Типография «Общественная польза», 1892. 462 с.
- Караяннис, Шлапентох, 2002** – Караяннис Т., Шлапентох В. Российская эмиграция в Латинскую Америку: исторические и современные тенденции // *Journal of Latin American Studies*. 2002. Т. 34. № 2. С. 295-318.
- Кибрик, 1916** – Кибрик Л. По еврейским колониям // *Новый мир*. 1916. № 128. 30 апреля. С. 3.
- Климан, 1904** – Климан Н. Иммиграция в Аргентинской Республике // *Земледельческая газета*. 1904. № 28. 7 июля. С. 16-21.

- Крыштановская, 2001** – *Крыштановская О.В.* Российская эмиграция в Латинскую Америку: Роль государства в содействии и ограничении эмиграции // *Международные отношения*. 2001. № 4. С. 45-60.
- Крюков, 1911** – *Крюков Н.А.* Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. Петербург: Типография В.О. Киришбаума, 1911. 521 с.
- М.К., 1914** – *М.К.* Эмиграция из Енисейской губ. // *Енисейская мысль*. 1914. № 146. 6 июля. С. 2.
- Марианский, 1969** – *Марианский А.* Современные миграции населения. М.: Статистика. 1969. 224 с.
- МКБР, 1902** – Международная конференция о белых рабынях // *Петербургский листок*. 1902. № 181. 5 июля. С. 2.
- Мосейкина, 2004a** – *Мосейкина М.Н.* Эмиграция из России в Латинскую Америку: история и современность. М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Мосейкина, 2004b** – *Мосейкина М.Н.* Русские в Латинской Америке: общественная жизнь и деятельность. М.: Индрик, 2004.
- НА, 1916** – Население Аргентины // *Новый мир*. 1916. № 157. 19 ноября. С. 3.
- НПК, 1892** – Население Привислинского края // *Правительственный вестник*. 1892. № 160. 24 июля. С. 2.
- ПВБЭ, 1914** – А. Павлова в Буэнос-Айресе // *Новый мир*. 1914. № 171. 25 февраля. С. 4.
- ПРР, 1916** – Приезд Розы Райсы // *Новый мир*. 1916. № 131. 21 мая. С. 6.
- Ревелиотти, 1910** – *Ревелиотти Л.* Иммиграция в Аргентине // *Сборник консульских донесений*. 1910. Выпуск IV. С. 304-341.
- РПД, 1899** – Русское переселенческое движение через Гамбург и Бремен за 1898 г. // *Сборник консульских донесений*. Вып. III. 1899. С. 226-230.
- РПД, 1901** – Русское переселенческое движение через Гамбург и Бремен в 1900 году // *Сборник консульских донесений*. Вып. III. 1901. С. 210-215.
- Рязанцев, Письменная, 2014** – *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку // *Народонаселение*. 2014. № 2. С. 58-64.
- Рязанцев и др., 2023** – *Рязанцев С.В., Серра Труцци О.М., Смирнов А.В.* История эмиграции из Российской империи в Америку в конце XIX – начале XX века // *Миграционное право*. 2023. № 2. С. 9-16.
- Рязанцев, Храмова, 2016** – *Рязанцев С.В., Храмова М.Н.* Современное состояние и перспективы русскоговорящих общин в странах Латинской Америки // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2016. № 6. С. 5-14.
- СДОА, 1916a** – Статистические данные об Аргентине // *Новый мир*. 1916. № 124. 2 апреля. С. 7.
- СДОА, 1916b** – Статистические данные об Аргентине // *Новый мир*. 1916. № 149. 24 сентября. С. 7.
- СЕР, 1908** – Статистический ежегодник России 1907 г. СПб.: Центральный стат. ком. М.В.Д. 1908. 463 с.
- СЕР, 1909** – Статистический ежегодник России 1908 г. СПб.: Центральный стат. ком. М.В.Д. 1909. 422 с.
- СЕР, 1912** – Статистический ежегодник России 1911 г. СПб.: Центральный стат. ком. М.В.Д. 1912. 710 с.
- Сипягин, 1898** – *Сипягин П.* Эмиграционное движение в Италии // *Сборник консульских донесений за 1898 г.* Вып. I. С. 32-37.
- ТПК, 1892** – Тайны переселенческой конторы // *Сын отечества*. 1892. № 219. 13 августа. С. 4.
- Филлипс, 2013a** – *Филлипс М.К.* Российские эмигранты в Аргентине: исследование этнической идентичности // *Международная миграция и интеграция*. 2013. Т. 14, № 1. С. 127-144.
- Филлипс, 2013b** – *Филлипс М.К.* Русские эмигранты в Бразилии: Исследование этнической идентичности // *Международная миграция и интеграция*. 2013. Т. 14, № 2. С. 211-228.
- ЧНА, 1916** – Численность населения Аргентины // *Новый мир*. 1916. № 133. 4 июня. С. 5.
- Constitucion..., 2023** – *Constitucion De La Nacion Argentina*. April 23, 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-24430-804/texto> [in Spanish]
- Micheletti, 2006** – *Micheletti M.G.* "El orgullo de ser argentino": Solicitud de cartas de ciudadanía en Santa Fe durante el siglo XIX // *Anuario del Centro de Estudios Históricos "Prof. Carlos S. A. Segreti"*. 2006. № 6. Pp. 47-66. [in Spanish]
- Ryazantsev et al., 2023** – *Ryazantsev S.V., Smirnov A.V., Serra Truzzi O.M., Ruseishvili S.* Emigration From the Russian Empire to Brazil in the Late XIX and Early XX Centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 842-857.
- TCN, 1916** – Tercer censo nacional. Levantado el 1de Junio de 1914. Tomo 1. Buenos Aires: Talleres Graficos de L.J. Rosso Y Cia, 1916. 656 p. [in Spanish]
- W, 1916** – *W.* Аргентинская периодическая печать // *Новый мир*. 1916. № 154. 29 октября. С. 4.

References

- Berkengejm, 1894** – *Berkengejm, A.M.* (1894). Argentina i ee kolonii. Stat'ya pervaya: Razvitie kolonizacii i ustrojstvo zemledel'cheskix poselenij [Argentina and its colonies. Article One: The Development of Colonization and the Arrangement of Agricultural Settlements]. Moscow. 51 p. [in Russian]
- BKRB, 1916** – Bal i koncert ruskoj biblioteki [Ball and concert of the Russian library]. *Novyj mir.* 1916. 122: 7. [in Russian]
- Bog-pov, 1900** – *Bog-pov, M.* (1900). Pozornoe pyatno nashej civilizacii [The shame of our civilization]. *Sibirskij vestnik.* 279: 3. [in Russian]
- BTZhL, 1915** – Bezheny i trgovlya zhivym tovarom [Refugees and human trafficking]. *Novyj mir.* 1915. 105: 4. [in Russian]
- ChNA, 1916** – Chislennost' naseleniya Argentiny [Population of Argentina]. *Novyj mir.* 1916. 133: 5. [in Russian]
- Constitucion..., 2023** – Constitucion De La Nacion Argentina. April 23, 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-24430-804/texto> [in Spanish]
- DNP, 1892** – Dela i nuzhdy provincii [Affairs and needs of the province]. *Syn otechestva.* 1892. 219: 1. [in Russian]
- Fillips, 2013** – *Fillips, M.K.* (2013). Rossijskie e'migranty v Argentine: issledovanie e'tnicheskoj identichnosti [Russian Emigrants in Argentina: A Study of Ethnic Identity]. *Mezhdunarodnaya migraciya i integraciya.* 14. 1: 127-144. [in Russian]
- Fillips, 2013** – *Fillips, M.K.* (2013). Rossijskie e'migranty v Brazilii: issledovanie e'tnicheskoj identichnosti [Russian Emigrants in Brazil: A Study of Ethnic Identity]. *Mezhdunarodnaya migraciya i integraciya.* 14. 2: 211-228. [in Russian]
- Ionin, 1892** – *Ionin, A.S.* (1892). Po Yuzhnoj Amerike. V dvux tomax. T. 2 [In South America. In two volumes. T. 2.]. Saint-Petersburg. 462 p. [in Russian]
- Izrazcov, 1904** – *Izrazcov, K.G.* (1904). Pravoslavnaya cerkov' v Bue'nos-Ajrese pri Imperatorskoj rossijskoj missii v Yuzhnoj Amerike [Orthodox Church in Buenos Aires at the Imperial Russian Mission in South America]. Saint-Petersburg. 52 p. [in Russian]
- Karayannis, Shlapentox, 2002** – *Karayannis, T., Shlapentox. V.* (2002). Rossijskaya e'migraciya v Latinskuyu Ameriku: istoricheskie i sovremennye tendencii [Russian emigration to Latin America: historical and current trends]. *Journal of Latin American Studies.* 34. 2: 295-318. [in Russian]
- Kibrik, 1916** – *Kibrik, L.* (1916). Po evrejskim koloniyam [In Jewish colonies]. *Novyj mir.* 128: 3. [in Russian]
- Kliman, 1904** – *Kliman, N.* (1904). Immigraciya v Argentinskoj respublike [Immigration in the Republic of Argentina]. *Zemledel'cheskaya gazeta.* 28: 16-21. [in Russian]
- Kryshchanovskaya, 2001** – *Kryshchanovskaya, O.V.* (2001). Rossijskaya e'migraciya v Latinskuyu Ameriku: Rol' gosudarstva v sodejstvii i ogranichenii e'migracii [Russian emigration to Latin America: The role of the state in promoting and limiting emigration]. *Mezhdunarodnye otnosheniya.* 4: 45-60. [in Russian]
- Kryukov, 1911** – *Kryukov, N.A.* (1911). Argentina. Sel'skoe xozyajstvo v Argentine v svyazi s obshhim razvitiem strany [Argentina. Agriculture in Argentina in connection with the general development of the country]. Peterburg: Tipografiya V.O. Kirshbauma. 521 p. [in Russian]
- M.K., 1914** – *M.K.* (1914). E'migraciya iz Enisejskoj gub [Emigration from Yeniseysk Gov.]. *Enisejskaya mysl'.* 146: 2. [in Russian]
- Marian'skij, 1969** – *Marian'skij, A.* (1969). Sovremennye migracii naseleniya [Modern population migrations]. Moscow. 224 p. [in Russian]
- MKBR, 1902** – Mezhdunarodnaya konferenciya o belyx rabynnyax [International conference about white female slaves]. *Peterburgskij listok.* 1902. 181: 2. [in Russian]
- Mosejkina, 2003** – *Mosejkina, M.N.* (2003). E'migraciya iz Rossii v Latinskuyu Ameriku: istoriya i sovremennost' [Emigration from Russia to Latin America: history and modernity.]. Moscow. [in Russian]
- Mosejkina, 2004** – *Mosejkina, M.N.* (2004). Russkie v Latinskoj Amerike: obshhestvennaya zhizn' i deyatel'nost' [Russians in Latin America: public life and activity]. Moscow. [in Russian]
- NA, 1916** – Naselenie Argentiny [Population of Argentina]. *Novyj mir.* 1916. 157: 3 [in Russian]
- NPK, 1892** – Naselenie Privislinskogo kraja [Privislinsky region]. *Pravitel'stvennyj vestnik.* 1892. 160: 2. [in Russian]
- PRR, 1916** – Priezd Rozy Raisy [Arrival of Rosa Raisa]. *Novyj mir.* 1916. 131: 6. [in Russian]
- PVBJe, 1914** – A. Pavlova v Bue'nos-Ajrese [A. Pavlova in Buenos Aires]. *Novyj mir.* 1914. 171: 4. [in Russian]
- Reveliotti, 1910** – *Reveliotti, L.* (1910). Immigraciya v Argentine [Immigration in Argentina]. *Sbornik konsul'skix donesenij.* 3: 304-341. [in Russian]
- RPD, 1899** – Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen za 1898 g. [Russian resettlement movement through Hamburg and Bremen in 1898]. *Sbornik konsul'skix donesenij.* 1899. 3: 226-230. [in Russian]

- RPD, 1901 – Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i bremen v 1900 godu [Russian resettlement movement through Hamburg and Bremen in 1900]. *Sbornik konsul'skix donesenij*. 1901. 3: 210-215. [in Russian]
- Ryazancev, Khranova, 2016 – Ryazancev, S.V., Khranova, M.N. (2016). Sovremennoe sostoyanie i perspektivy russkogovoryashhix obshhin v stranax Latinskoj Ameriki [The current state and prospects of Russian-speaking communities in Latin America]. *Nauchnoe obozrenie*. Seriya 1. E'konomika i pravo. 6: 5-14. [in Russian]
- Ryazancev, Pis'mennaya, 2014 – Ryazancev, S.V., Pis'mennaya, E.E. (2014). Starye i novye tendencii e'migracii iz Rossii v Latinskuyu Ameriku [Old and new trends in emigration from Russia to Latin America] *Narodonaselenie*. 2: 58-64. [in Russian]
- Ryazantsev et al., 2023 – Ryazantsev, S.V., Smirnov, A.V., Serra Truzzi, O.M., Ruseishvili, S. (2023). Emigration From the Russian Empire to Brazil in the Late XIX and Early XX Centuries. *Bylye Gody*. 18(2). 842-857.
- Ryazantsev i dr., 2023 – Ryazancev, S.V., Serra Truzzi, O.M., Smirnov, A.V. (2023). Istoriya e'migracii iz Rossijskoj imperii v Ameriku v konce XIX – nachale XX veka [The history of emigration from the Russian Empire to America in the late 19th – early 20th centuries]. *Migracionnoe pravo*. 2: 9-16. [in Russian]
- SDOA, 1916a – Statisticheskie dannye ob Argentine [Statistical data about Argentina]. *Novyj mir*. 1916. 124: 7. [in Russian]
- SDOA, 1916b – Statisticheskie dannye ob Argentine [Statistical data about Argentina]. *Novyj mir*. 1916. 149: 7. [in Russian]
- SER, 1908 – Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1907 g. (1908). Saint-Petersburg. 463 p. [in Russian]
- SER, 1909 – Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1908 g. (1909). Saint-Petersburg. 422 p. [in Russian]
- SER, 1912 – Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1911 g. (1912). Saint-Petersburg. 710 p. [in Russian]
- Sipyagin, 1898 – Sipyagin, P. (1898). E'migracionnoe dvizhenie v Italii [Emigration movement in Italy]. *Sbornik konsul'skix donesenij za 1898 g.* 1: 32-37. [in Russian]
- TCN, 1916 – Tercer censo nacional. Levantado el ide Junio de 1914. Tomo 1. (1914). Buenos Aires. 656 p. [in Spanish]
- TPK, 1892 – Tajny pereselencheskoj kontory [Secrets of the resettlement office]. *Syn otechestva*. 1892. 219: 4. [in Russian]
- VE, 1892 – Vyselenie evreev [Expulsion of Jews]. *Novosti i birzhevaya gazeta*. 1892. 151: 1. [in Russian]
- VIM, 1916 – Vyборы i my [Elections and us]. *Novyj mir*. 1916. 124: 1. [in Russian]
- Voblyj, 1905 – Voblyj, A.G. (1905). Zaatlanticheskaya e'migraciya, ee prichiny i sledstviya: opyt statistiko-e'konomicheskogo issledovaniya [Transatlantic emigration, its causes and consequences: the experience of statistical and economic research]. Warsaw. 195 p. [in Russian]
- VP, 1896 – Vnutrennyaya pochta [Internal post]. *Peterburgskij listok*. 1896. 297: 6. [in Russian]
- W, 1916 – W. (1916). Argentinskaya periodicheskaya pechat' [Argentine periodical press]. *Novyj mir*. 154: 4. [in Russian]
- ZK, 1916 – Znamenitaya kosilka «Massey Harris» [A famous mower “Massey Harris”]. *Novyj mir*. 1916. 118: 6. [in Russian]
- ZP, 1916 – Znamenitij plug «El Ruso» [A famous plow “El Ruso”]. *Novyj mir*. 1916. 116: 7. [in Russian]

История миграции из Российской Империи в Аргентину в конце XIX – начале XX века

Сергей Васильевич Рязанцев ^{a, b, *}, Алексей Викторович Смирнов ^b, Никита Сергеевич Рязанцев ^b

^a Федеральнй Университет Сан-Карлос и Университет Кампинас, Бразилия

^b Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация. По данным переписей численность населения Аргентины за пятьдесят лет увеличилась в четыре раза за счет миграции: в 1869 году – 1,8 млн, в 1914 году – 7,8 млн человек. С 1857 по 1914 годы в Аргентину въехало 4,6 млн мигрантов. С учетом отъезда 1,6 млн человек, в стране «осели» 3 млн человек, пополнив численность аргентинского населения. Доля иностранных граждан в аргентинском обществе также росла: в 1869 году – 8 %, в 1914 г. – 30 %. Цель исследования: оценить социально-демографические характеристики миграционного потока из Российской империи

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazan@mail.ru (С.В. Рязанцев), sofetel@mail.ru (А.В. Смирнов), ryazantsevo80700@ya.ru (Н.С. Рязанцев)

на этапе «пионерского» заселения Аргентины. Использован метод историко-демографического анализа российской миграции в контексте других этнических волн миграции.

Мигранты из Российской империи занимали четвертое место среди въехавших в страну иностранцев. Данные переписи населения Аргентины 1914 года показывали, что доля выходцев из Российской империи составляла 1 % населения, которые вносили вклад в развитие экономики. Миграция из Российской империи в Аргентину включала три крупных этнических волны: немецкая, еврейская, польско-литовская. Немцы-менониты приехали с капиталом и внесли вклад в развитие земледелия. Еврейская волна иммиграции в Аргентину развивалась при поддержке барона Гирша и Еврейского колонизационного общества. Миграция жителей западных приграничных регионов Российской империи была представлена евреями, поляками, литовцами, финнами. Доля русского (православного) населения среди российских мигрантов была незначительной, но с начала XX века постоянно увеличивалась. Миграционная политика Аргентины была открытой в отношении иностранцев, включая российских подданных. Интеграция российских иммигрантов в аргентинское общество проходила достаточно быстро и успешно.

Миграция из Российской империи в Аргентину была многонациональной. Среди выходцев из России были евреи, немцы, поляки, литовцы, при этом доля этнических русских была незначительной.

Ключевые слова: миграция в Аргентину, эмиграция в Аргентину, переселение, Аргентина, иммиграция, Новый Свет, Российская империя, менониты, евреи, еврейская миграция.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1243-1252
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1243

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Church-Charitable Institutions of the Penza Diocese for the Care of Orthodox Clergy and Their Families in the second half of the XIX – early XX centuries

Olga V. Kolpakova ^{a, *}, Natalia A. Koblova ^a, Alena B. Shigurova ^a

^a Penza state University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the creation and activity of church-charitable institutions of the Penza Diocese for the care of the Orthodox clergy in the second half of the XIX – early XX centuries – the guardianship of the poor of the clergy and the Mutual Assistance Society of the clergy of the Penza diocese. There are analyzed the organizational structure of institutions, their financial condition, the volume of charitable assistance, as well as problematic issues related to the functioning of societies. These organizations implemented various services related to social protection and financial assistance.

The authors came to the conclusion that due to limited financial resources, the district guardianship of the poor of the clergy could not provide the necessary assistance to those in need. The opening of a special mutual assistance fund – the Mutual Assistance Society of the Clergy of the Penza Diocese was a necessary step to ensure effective support for the clergy and their families. But still, despite the increase in the amounts of the Society in the first years of its existence, these funds were not enough to provide decent assistance to all those in need.

Keywords: church charity, Penza Diocese, guardianship of the poor of the clergy, the Society for Mutual Assistance of the clergy of the Penza Diocese, charity of widows and orphans of the clergy.

1. Введение

Изучение деятельности церковно-благотворительных учреждений по призрению православного духовенства определяется необходимостью осмысления и описания механизмов и принципов работы организаций, занимающихся поддержкой церковно- и священнослужителей и их семей. Решение этой научной проблемы связано с анализом практик социального обеспечения в системе управления епархией, оценки роли института церковной благотворительности в культурной и социальной жизни российской провинции.

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. проблема бедственного материального положения православного духовенства не теряла своей актуальности. Ведь в качестве основного источника доходов духовенства выступала плата за требы, что вызывало нарекания со стороны духовного сословия, так как не устанавливался четкий фиксированный размер, и вознаграждение часто зависело от взаимоотношений священно- и церковнослужителей со своей паствой.

В особенно тяжелом положении находились клирики, которые оставляли службу (в случае болезни или ухода на покой). И хотя материальное положение у пензенского духовенства было неоднородным, но подавляющее большинство имело низкий уровень дохода, особенно в сельских приходах. В этой связи создание благотворительных организаций выступало одним из способов решения вопроса обеспечения бедных духовного звания.

* Corresponding author

E-mail addresses: al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), nata_koblova@mail.ru (N.A. Koblova), abshigurova@gmail.com (A.B. Shigurova)

2. Материалы и методы

Исследование практик социального призрения православного духовенства построено на комплексном анализе источников и литературы: архивных документов, отчетов и протоколов собраний, периодической печати. Использовались данные Российского государственного исторического архива, в частности, отчеты епископов о состоянии Пензенской епархии, а также проект Устава Общества взаимного вспомоществования Пензенской епархии от 1897 г.

Информация о создании и развитии церковно-благотворительных учреждений, их роли в жизни Пензенской епархии, финансировании и организации их деятельности содержится в местной периодической печати – «Пензенских епархиальных ведомостях» (ПЕВ). Материалы, повествовавшие о церковно-благотворительных учреждениях, публиковались как в официальной части ПЕВ, так и неофициальной. Статистические данные о суммах попечительств о бедных духовного звания представлены в отчетах обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания.

Методологическую базу исследования составил комплекс исторических и общенаучных методов исследования. Сравнительный метод позволил сопоставить деятельность церковно-благотворительных организаций Пензенской епархии с аналогичными учреждениями по другим епархиам. С помощью статистического метода проанализированы численность попечительств, количество членов Общества, их средства, а также объем оказываемой благотворительной помощи.

Использование историко-системного метода позволило осуществить комплексное исследование благотворительной деятельности церковных учреждений по призрению православного духовенства Пензенской епархии во второй половине XIX – начале XX в. а также проанализировать исторические процессы и тенденции, оказывающие влияние на их работу.

3. Обсуждение

Интерес к изучению деятельности церковно-благотворительных учреждений по призрению православного духовенства и членов их семей фиксируется в отечественной историографии на рубеже XIX – XX вв. и в современную нам эпоху.

На дореволюционном этапе вопросы функционирования попечительств и Общества взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии затрагиваются в работе А. Попова «Памятная книжка Пензенской епархии», изданной в 1897 г. (Попов, 1897). В издании «Пензенская епархия. Историко-статистическое описание» также представлена информация справочного характера о церковно-благотворительных организациях (Пензенская епархия, 1907).

С конца 1990-х гг. – начала 2000-х гг. российские исследователи все чаще обращаются к подобной проблематике. Так, Е.Н. Шелепина в ходе изучения благотворительной деятельности духовенства Пензенской епархии в 1860–1870-х гг. приходит к выводу о том, что после открытия Общества взаимного вспомоществования на территории епархии дело обеспечения духовенства было поставлено «на прочную основу, но и этих средств не хватало для оказания достойной помощи» (Шелепина, 2007: 102). Вопрос оказания помощи лицам духовного сословия исследовался на примере различных епархий (Лисицына, 2010; Ковалев, Горшкова, 2013; Иконников, 2017 и др.).

4. Результаты

Открытие Пензенского епархиального попечительства о бедных духовного звания состоялось в 1823 г. В 1869 г. помощь в виде пособия получали 347 чел., в 1870 г. на бедных духовного звания было потрачено 2722 руб. (Шелепина, 2007: 102).

Епархиальное попечительство также заведовало богаделенным домом для вдов и сирот духовного звания, находившимся в г. Пензе при Казанской церкви (Пензенская епархия..., 1907: 54). В 1893 г. в данной богадельне проживало 17 семейств, состоящих из 42 лиц (Ведомость о суммах..., 1894: 62). В 1895 г. число призреваемых лиц составляло 48 чел. (Ведомость попечительства..., 1894: 197).

В 1870-х годах началось создание окружных попечительств, ответственных за заботу о нуждающихся священно- и церковнослужителях. В 1871 году духовенство 3-го Благочиннического округа Краснослободского уезда через местного благочинного представило просьбу о создании подобной организации. Пензенское епархиальное начальство определило: «Так как духовенством 3 Благочиннического округа Краснослободского уезда в 1870 году внесено в Пензенское епархиальное попечительство на призрение бедных духовного звания всего 26 р. 33½ коп., а из сего Попечительства отослано для выдачи в пособие бедным духовного звания 58 р. 50 к., более на 32 р. 16½ коп., то в виду сохранения интересов Епархиального попечительства разрешить благочинному 3-го округа Краснослободского уезда с подведомым ему духовенством открыть в своем округе Попечительство о бедных и сиротствующих духовного звания со всеми правами и последствиями, на каких открыто окружное попечительство во 2 Благочинническом округе Пензенского уезда» (Об учреждении..., 1871: 266).

С момента создания окружных попечительств функции епархиального попечительства о бедных духовного звания изменились. Теперь оно не выдавало пособий нуждающимся духовного сословия, но занималось «рассмотрением представляемых окружными попечительствами ведомостей о назначении пособий заштатным вдовам и сиротам, рассмотрением дел о наследствах, назначением

опекунов и попечителей, выдачей сиротских сумм, ревизией отчетов опекунов по их отчетам» (Попов, 1897: 44).

К 1880 г. Окружные попечительства о бедных духовного звания были созданы в каждом благочинии под председательством благочинного. Средства попечительств в основном составлялись из пожертвований по подписным листам или через кружки и вносились добровольно.

Сумма пособий, по данным А. Попова (1897 г.), составляла 8–9 тыс. в год, а размер пособия отдельному лицу - от 6 до 40 руб. Решение о выдаче определенной суммы принималось на благочиннических съездах (Попов, 1897: 45).

Средства попечительств состояли из: отчислений из церковных сбережений, добровольных пожертвований духовенства во время окружных съездов, определенных сумм по подпискам, налагаемым епархиальным начальством на виновных членов причта (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1462. Л. 2).

Согласно Извлечению из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания, в 1878 г. на призрение вдов и сирот Пензенской губернии было собрано духовенством 5500 руб., израсходовано 4000 руб., в запасе к 1879 г. оставалось с остатками прошлых лет 4500 руб. В общей сложности на попечении находилось более 400 семей (Ведомость..., 1879: 274).

В 1904 г. епархиальным и окружными попечительствами было выдано 9848 руб. 35 коп. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2044. Л. 10). В 1907 г. окружные попечительства выплачивали 9–10 тыс. в год в виде пособий (размер пособия одному лицу составлял от 6 до 50 руб.). Средства, выдаваемые на семью, нельзя назвать значительными. Число лиц, которым выдавалось пособие, доходило до 744 (Пензенская епархия..., 1907). Представление о суммах попечительств о призрении бедных духовного звания дают отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания. В 1877 г. наличными поступило 2569 руб. 36 коп. (Ведомость..., 1879:106-107), в 1881 – 5212 руб. 56 коп. (Ведомость..., 1884: 108-109), в 1883 г. – 4590 руб. 86 коп. (Ведомость, 1886:108-109), в 1885 г. – 9759 руб. 23 коп. (Ведомость..., 1887:108-109), в 1887 г. – 3868 руб. 71 коп. (Ведомость..., 1889:104-105), в 1890 г. – 5442 руб. 90 коп. (Ведомость..., 1893: 96-97).

В 1899 г. у большинства окружных попечительств не было капитала для оказания помощи. У двадцати суммы являлись незначительными – от 100 до 1500 руб. Существенную финансовую помощь могли оказывать только три окружных попечительства. Например, одно из попечительств имело капитал в 3090 руб. при 23 сиротствующих семействах и выдавало по 54 руб. в год.

В большинстве же попечительств помощь сиротам была минимальной (в двух попечительствах по 7 руб. на семью в год, в 22 – от 10 до 15 руб., а одном – 5 руб. 75 коп., в 2-3 – до 20 руб.) (Голубинский, 1901: 39-40).

В целом основными источниками оказания помощи нуждающимся являлись взносы от духовенства Пензенской епархии и добровольные пожертвования. Данных средств не хватало для оказания существенной помощи лицам духовного сословия. Епархиальные попечительства на территории некоторых епархий также не имели возможности оказывать реальную поддержку нуждавшимся духовным лицам. Например, в Тамбовской епархии в 1906 г. попечительством о бедных духовного звания выплачивалось пособие в размере 5 руб. 59 коп. на человека в год (Иконников, 2017: 90-91). В Воронежской епархии в 1911 г. минимальный размер выплат составлял 13 руб. в год, максимальный – 30 руб. в год (Иконников, 2018: 152-153).

В 1866 г. среди духовенства Пензенской епархии стала высказываться мысль об учреждении Общества взаимного вспомоществования. Священник Николаевской церкви г. Пензы А. Терновский отмечал, что «в духовенстве Пензенской епархии с некоторого времени обращается мысль об учреждении в своей среде Общества взаимного вспомоществования с целью вспомоществования членам его в разных случаях денежными ссудами, пособиями, а заштатным и пенсиями. Эта мысль доселе не получила еще общей известности между духовенством Пензенской епархии, а для некоторых кажется и неудоисполнимою. Таковых, впрочем, очень немного» (Соображения об учреждении..., 1866: 273).

Тем не менее создание Общества затянулось на несколько лет, и официальное учреждение Общества состоялось в 1878 г. В состав входили священно- и церковнослужители Пензенской губернии. Проект Общества был принят в 1878 г. (Ведомость..., 1879: 278).

Основная цель Общества заключалась в оказании помощи действительным членам в случае увольнения за штат из-за старости или болезни, осиротевшим семействам духовенства (жене, детям и престарелым родителям). Являясь учреждением благотворительным, Общество при жизни членов в случае необходимости выдавало им краткосрочные и небольшие ссуды в размере членских взносов заемщика и его поручителей. В случае поступления за штат или смерти заштатным или их вдовам и сиротам полагались ежегодные пенсии в размере половины всех годовых членских взносов. Начиная с шести лет взносов пенсия повышалась ежегодно в соответствующем количестве (Попов, 1897: 46).

Избранное общепархиальным съездом духовенства правление Общества было открыто 1-го марта 1880 г. До этого момента делами общества заведовало Попечительство о бедных духовного звания, действия которого ограничивались сбором сумм, поступающих в общество, и отправкой их в свечной епархиальный завод.

Руководство Общества заботилось о создании резервного капитала, который обеспечивал бы его существование. Для этого каждый новый член Общества, при вступлении в него, вносил в кассу половину суммы, которую он выразил желание вносить ежегодно. Эти деньги составляли основной капитал. Кроме того, в первые пять лет своего существования Общество должно было расходовать не более одной четверти всей суммы, поступающей в кассу в год (Отчет..., 1881: 2).

Члены Общества взаимного вспомоществования делали взносы в зависимости от разряда, причисление к которому зависело от собственного желания. По первому разряду сумма взноса равнялась 10 руб., второму – 8 руб., третьему – 6 руб., четвертому – 4 руб., пятому – 2 руб.

Большинство членов Общества вносило взносы именно по пятому разряду, что показывают данные Таблицы 1. Данное обстоятельство, на наш взгляд, связано с такими факторами, как материальная необеспеченность духовенства, а также непонимание определенных моментов в деятельности Общества. Так, благочинный Городищенского уезда С. Уранов отметил, что большая часть духовенства 3-го благочиннического округа в 1878 г. сделала взнос по 5-му разряду, т. к. оно нашло в Уставе некоторые неопределенности, без разъяснения которых не решалась вносить по первому разряду. Например, что пристроенные дети после смерти отца, делавшего взнос, не могли получить от Общества пенсию или пособие, ни сам капитал, внесенный родителем. Кроме того, духовенство 3-го Городищенского округа высказывалось о том, чтобы §12 Устава получил большую определенность в вопросе, за сколько лет вперед Общество может принимать взносы (Журналы..., 1880: 12).

Таблица 1. Количество членов Общества взаимного вспомоществования Пензенской епархии в 1881 г. (Отчет..., 1881: 6-7)

Город и уезд	Разряды				
	1	2	3	4	5
г. Пенза и Пензенский уезд	62	8	25	17	67
г. Городище и Городищенский уезд	21	2	10	20	128
г. Мокшан и Мокшанский уезд	35	1	11	15	98
г. Ломов и Нижнеломовский уезд	36	4	8	27	104
г. Чембар и Чембарский уезд	38	7	17	27	55
г. Керенск и Керенский уезд	16	4	22	31	46
г. Наровчат и Наровчатский уезд	41	-	15	20	81
г. Инсар и Инсарский уезд	37	4	10	24	131
г. Саранск и Саранский уезд	26	6	19	35	84
г. Краснослободск и Краснослободский уезд	31	5	18	24	103
Всего	343	41	155	240	897

В 1882 г. единовременное пособие было выдано из самого Правления 54 осиротевшим семействам на сумму 1659 руб. и 744 руб. получили 16 семейств от местных благочинных (Отчет..., 1883: 13). Расход (на единовременные пособия, пенсии и др.) на 1885 г. составил 1634 р. Эта цифра, увеличиваясь с каждым годом, дошла в 1890 г. до 6206 руб. (Студенцов, 1891: 331-332).

В 1893–1894 гг. помощь оказывалась 728 лицам (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1462. Л. 20б.). В 1896 г. в Обществе состояло 1625 человек (по первому разряду – 446, по второму – 42, по третьему – 117, по четвертому – 166, по пятому – 854). В том же году 526 духовным лицам и их семействам выдана пенсия на сумму 13676 руб. 89 коп., единовременное пособие 5 лицам – 249 руб. 76 коп. Кроме того, взносы возвращены 18 лицам в количестве 576 руб. 48 коп. (Попов, 1897: 49). В 1904 г.

Обществом было назначено и выдано пенсий 18612 руб. 66 коп., а также единовременные пособия 36 лицам (2488 руб. 34 коп.) (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2044. Л. 10).

Согласно отчетам Правления Общества взаимного вспомоществования, не все вносили необходимые взносы. В 1882 г. не сделали взносов 106 человек, а за период с 1879 г. по 1881 г. состояли недоимщиками 44 человека (Отчет..., 1883: 13).

Капитал Общества первоначально возрастал с 64 тыс. в 1885 г. до 140 тыс. к 1892 г. Но все же, валовой доход снижался. Увеличение наблюдалось с 12349 руб. в 1885 г. до 16985 руб. в 1887 г. В последующие годы доход стал падать и составлял в 1888 г. – 14838 руб., в 1889 г. – 16691 руб., в 1890 г. – 16623 руб. (Студенцов, 1891: 331-332).

Священник И. Студенцов отмечал, что в начале своего существования, особенно в первые шесть лет, у Общества были незначительные расходы, так как пенсии еще не полагались, а выдавались только единовременные пособия. Когда началась выдача пенсий, расход был не большой из-за незначительного числа пенсионеров.

В 1885 г. расход Общества составлял 1634 руб., в 1891 г. был равен 7565 руб. Из-за данных обстоятельств капитал возрастал значительно и с 8764 руб. в 1885 г. дошел до 140 тыс. в 1891 г. До 1892 г. расходы покрывались процентами.

В следующие годы рост капитала уменьшился и к 1900 г. достиг 179 тыс. руб. А расходы за данные годы увеличивались ежегодно на 1476 руб. и в 1899 г. выросли до 19378 руб. Тем самым для покрытия расходов Обществу приходилось использовать членские взносы (Студенцов, 1902: 86-87).

По журналам правления Общества можно заметить, что представители духовного сословия обращались за финансовой помощью по разным причинам. Например, священник с. Селикса Городищенского уезда И. Ювенский просил правление Общества выдать ему ссуду тысячу рублей сроком на три года, объясняя тем, что сумма нужна ему для выдачи замуж дочери. Священник представлял в залог землю в количестве 63,5 десятин, находящуюся при деревне Михайловка Городищенского уезда. На общепархиальном съезде духовенства было решено выдать ссуду на три года под 7 % и залог земли, принадлежащей его жене, с обязательством в случае несвоевременной уплаты ссуды, платить пеню по одной копейке в месяц на каждый не внесенный рубль. Благочинный священник Д. Артоболевский ходатайствовал о выдаче единовременного пособия жене умершего пономаря с. Николаевка С. Мраморнова, который внес за 5 лет членских взносов 10 рублей и в основной капитал 1 руб. На основании Проекта Устава Общества было выдано единовременное пособие через благочинного тридцать рублей (Журналы..., 1882: 2; 6-7).

Правление Общества выдавало и безвозвратную ссуду лицам духовного звания в случае серьезных продовольственных затруднений. Например, на общепархиальном съезде в 1891 г. в пользу бедствующих из-за голода лицам решено было выдать две тысячи рублей. Сумму необходимо было распределить на съезде по благочинническим округам в зависимости от числа причтов каждого округа (Таблица 2). Ссуда состояла из членских взносов, поступающих в Общество (Постановления..., 1892: 5-6).

Таблица 2. Выдача пособия нуждающимся лицам духовного звания в 1892 г. по случаю голода (Ведомости..., 1892: 6-7)

Уезд Пензенской епархии	Число		Сумма пособия
	Церквей	Причтов	
Пензенский	77	86	224 руб. 51 коп.
Городищенский	70	75	196 руб. 58 коп.
Мокшанский	70	73	190 руб. 01 коп.
Саранский	77	80	208 руб. 91 коп.
Инсарский	87	91	234 руб. 92 коп.
Нижнеломовский	72	76	197 руб. 88 коп.
Керенский	50	54	140 руб. 54 коп.
Наровчатский	75	76	204 руб. 11 коп.
Чембарский	63	69	182 руб. 53 коп.
Краснослободский	74	86	224 руб. 51 коп.

Отдельное место в деятельности Общества занимала помощь вдовам. Ведь после смерти мужа, состоявшего членом причта, вдова лишалась источников содержания: готового церковного помещения, усадебной и полевой земли, причтовых доходов.

Источником содержания вдов, помимо должности просфорни, которую она могла занимать, служили именно выплаты от церковно-благотворительных учреждений, ежегодное пособие от

окружных благотворительных попечительств и единовременное пособие от Общества взаимного вспомоществования (По вопросу..., 1883: 5).

С 1890 г. при Обществе взаимного вспомоществования духовенства открыто Отделение Общества, цель которого заключалась в выдаче вдовам и сиротам духовенства епархии единовременного пособия из членских взносов независимо от пенсии Общества.

Взносы в Отделение Общества были наполовину меньше, чем по Обществу взаимного вспомоществования Пензенской епархии, и также делились на пять разрядов. При вступлении в Отделение нужно было единовременно внести в кассу полуторный взнос. Пособие из Отделения выдавалось в случае смерти действительных членов. При выдаче принималось во внимание число смертных случаев и членские взносы умерших.

Членские взносы в Общество и Отделение представлялись в начале года через благочинных епархии, которые из принятых взносов выдавали заштатным, а также их вдовам и сиротам пенсии и пособия. Свободные суммы отсылались в епархиальный свечной завод с целью получения прибыли (6 % в год) (Попов, 1897: 47).

Современники отмечали несовершенство положений Устава Отделения Общества. Так, священник И. Студенцов указывал на то, что «есть в уставе и частные пункты, которые также неудобны и не желательны для духовенства, таковы параграфы 8 и 15. По смыслу последнего, член Общества, по выходе за штат, не должен прекращать взносов, в противном случае семья его лишится пособия. Таким образом, проплатил человек 10 или 20 лет, явится старческая немощь, уволится или уволят его за штат, и пропадай все его взносы, лишайся его семья будущего пособия, ради которого этот член так старался, пока были силы и была возможность, а подчас, может быть, не доедал и не допивал ради аккуратной уплаты всех существующих взносов, это даже несправедливо. Требование, чтобы заштатные продолжали взносы, может быть приложимо разве только к членам состоятельным, но отнюдь не к неимущим, которым и жить-то нечем» (Студенцов, 1891: 341-342).

В 1897 г. Устав Общества пересмотрен и дополнен Особой комиссией. 24 мая 1897 г. Пензенским епархиальным начальством Св. Синоду был представлен на утверждение проект Устава Общества взаимного вспомоществования местного духовенства. Данный проект по предварительному рассмотрению в Хозяйственном управлении при Св. Синоде был возвращен в 1892 г. пензенскому епископу Митрофану для пересмотра и исправления согласно сделанным указаниям и для доставления сведений о деятельности и денежных оборотах Общества с момента его учреждения, а также вероятных расчетов, по которым можно было бы судить о прочности существования Общества в следующие годы.

Преосвященный Павел, представляя новый проект Устава Общества, измененный и дополненный согласно сделанным указаниям, сообщал, что изменения в Уставе касались: отмены для общества единовременных пособий и ограничения сроков для назначения и увеличения пенсий, размера пенсий осиротевшим семействам, выдачи ссуд членам Общества в чрезвычайных случаях, хранения сумм в государственных кредитных учреждениях, назначения кандидатов правления Общества, отчисления по 2 руб. с каждой церкви из кошелековых сумм (с согласия причтов и без ущерба для церквей, а также из прибылей епархиального свечного завода 2000 р. ежегодно) оказания всеми присутственными местами и начальственными лицами епархии содействия и защиты обществу, собственной печати общества (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1100. Л. 1-2).

По рассмотрении данного проекта Общества Хозяйственным управлением при Св. Синоде отмечалось, что постановление о том, что все присутственные места и начальственные лица епархии оказывают обществу свое содействие и в случае нужды законную помощь и защиту, не имеют обязательной силы и следовало бы согласиться с замечанием Преосвященного и исключить из устава (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1100. Л. 3 об.).

Главным образом, изменения в новом Уставе были следующие: отменено единовременное пособие из Общества, которое выдавалось за первые 5 лет взносов; изменен срок назначения пенсий с 6-ти летнего на 10-ти летний; оклады пенсий повышались не ежегодно, а по пятилетиям (Попов, 1897: 48).

Пенсии не полагались, а положенные прекращались в следующих случаях: при поступлении в монашество, вдовам членов, вступившим в новый брак, заштатным, снова вступающим на епархиальную службу или временно поступающим на службу, дающую средства к содержанию (Устав..., 1897: 219).

5. Заключение

Церковно-благотворительная деятельность являлась важным элементом социальной защиты и развития общества. Церковные учреждения, создаваемые для оказания благотворительной помощи, представляли собой неотъемлемую часть социальной и культурной истории региона, институтом, закреплявшем моральную миссию церкви.

На базе созданных окружных попечительств о бедных духовного звания, Общества взаимного вспомоществования Пензенской епархии была разработана система взаимной поддержки духовного сословия и их семей.

На территории Пензенской епархии церковно-благотворительные учреждения оказывали помощь нуждающимся лицам духовного сословия и их семьям в виде пенсий и пособий. Окружные попечительства о бедных духовного звания обеспечивали пособием заштатных, сирот и бедных, состоящих в штате. Общество взаимного вспомоществования Пензенской епархии оказывало помощь действительным членам в случае увольнения за штат из-за старости или болезни, а также осиротевшим семействам духовенства.

Созданная система взаимопомощи способствовала активизации епархиальной жизни и развитию социального пространства российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Но все же качественно решить материального положения духовного сословия и их семей не удалось.

6. Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.»

Литература

Ведомость о суммах..., 1894 – Ведомость о суммах Пензенского епархиального попечительства и Окружных попечительств в 1893 год // *Пензенские губернские ведомости. 1894.* №8. С. 62-65.

Ведомость попечительств..., 1889 – Ведомость о суммах епархиального и окружных попечительств и о действиях их за 1888 год // *Пензенские епархиальные ведомости. 1889.* №24. С. 4-5.

Ведомость попечительства..., 1894 – Ведомость о суммах Пензенского епархиального попечительства и Окружных попечительств в 1895 год // *Пензенские губернские ведомости. 1894.* №15. С. 196-201.

Ведомость..., 1879 – Ведомость о состоянии сумм попечительств о призрении бедных духовного звания за 1877 год / Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1878 год. СПб.: Синодальная типография, 1879. С. 106-107.

Ведомость..., 1884 – Ведомость о состоянии сумм попечительств о призрении бедных духовного звания за 1881 год / Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1882 год. СПб.: Синодальная типография, 1884. С. 108-109.

Ведомость..., 1886 – Ведомость о состоянии сумм попечительств о призрении бедных духовного звания за 1883 год // Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству дел православного исповедания за 1884 год. СПб.: Синодальная типография, 1886. С. 108-109.

Ведомость..., 1887 – Ведомость о состоянии сумм попечительств о призрении бедных духовного звания за 1885 год / Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству дел православного исповедания за 1884 год. СПб.: Синодальная типография, 1887. С. 108-109.

Ведомость..., 1889 – Ведомость о состоянии сумм попечительств о призрении бедных духовного звания за 1887 год / Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству дел православного исповедания за 1884 год. СПб.: Синодальная типография, 1889. С. 104-105.

Ведомость..., 1893 – Ведомость о состоянии сумм попечительств о призрении бедных духовного звания за 1890 год // Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству дел православного исповедания за 1884 год. СПб.: Синодальная типография, 1893. С. 96-97.

Голубинский, 1901 – *Голубинский И.* Благочиннические братские кассы (проект к обеспечению сирот духовенства) // *Пензенские епархиальные ведомости. 1901.* №2. С. 39-40.

Журналы..., 1880 – Журналы Правления Общества взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии. Журнал №2 от 20 февраля 1880 г. // *Пензенские епархиальные ведомости. 1880.* №7. С. 11-15.

Журналы..., 1882 – Журналы Правления Общества Взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии за 1883 г. // *Пензенские епархиальные ведомости. 1882.* №1. С. 1-9.

Иконников, 2017 – *Иконников С.А.* Роль попечительств о бедных духовного звания в материальном обеспечении православного приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017.* №12(86). С. 89-91.

Иконников, 2018 – *Иконников С.А.* Материальное обеспечение заштатных клириков, вдов и сирот духовного звания во второй половине XIX - начале XX века (по материалам епархий Центрального Черноземья) // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018.* Т. 23. № 177. С. 151-158.

Ковалев, Горшкова, 2013 – *Ковалев Е.В., Горшкова С.Е.* Деятельность Псковского попечительства о бедных духовного звания как реальный механизм помощи духовному сословию // *Актуальные проблемы православной теологии. 2013.* № 2. С. 49-57.

Лисицына, 2010 – Лисицына О.Л. Социальная помощь Тульского епархиального попечительства о призрении бедных духовного звания православного исповедания (1824–1899 гг.) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2010. №1. С. 91-102.

Об учреждении..., 1871 – Об учреждении двух Округных попечительств // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1871. №16. С. 266-267.

Отчет..., 1881 – Отчет Правления Общества Взаимного Вспомоществования духовенства Пензенской епархии за время его существования (1878-1880) // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1881. №24. С. 2-7.

Отчет..., 1883 – Отчет Правления Общества Взаимного Вспомоществования духовенства Пензенской епархии за 1882 г. // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1883. №16. С. 12-16.

Пензенская епархия, 1907 – Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. Пенза: Типография губернского правления, 1907. 321 с.

По вопросу..., 1883 – По вопросу об устройстве богадельни для сирот духовного звания в Пензенской епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1883. №2. С. 5-8.

Попов, 1897 – Попов А. Памятная книжка Пензенской епархии. Пенза: Типография Губернского правления, 1897. 86 с.

Постановления..., 1892 – Постановления общепензенского съезда духовенства Пензенской епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1892. №1. С. 5-8.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Соображения об учреждении..., 1866 – Соображения об учреждении Общества взаимного вспоможения духовенства Пензенской епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1866. №8. С. 273-277.

Студенцов, 1891 – Студенцов И. Об Обществе взаимного вспомоществования духовенства и его Отделения // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1891. №9. С. 329-348.

Студенцов, 1902 – Студенцов И. К вопросу о состоянии общества взаимн. вспомоществования духовенства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1902. №2. С. 85-90.

Устав..., 1897 – Устав Общества взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1897. №21. С. 209-226.

Шелепина, 2007 – Шелепина Е.Н. Благотворительная деятельность духовенства Пензенской епархии в 1860-1870-х годах // *Труды Международного симпозиума «Надежность и качество»*. 2007. Т.1. С. 102.

References

Golubinskii, 1901 – Golubinskii, I. (1901). Blagochinnicheskie bratskie kassy (proekt k obespecheniyu sirot dukhovenstva) [Deanery fraternal funds (project to provide orphans of the clergy)]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 2: 39-40. [in Russian]

Ikonnikov, 2017 – Ikonnikov, S.A. (2017) Rol' popechitel'stv o bednykh dukhovnogo zvaniya v material'nom obespechenii pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Tsentral'nogo Chernozem'ya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [The role of the guardianship of the poor of the clergy in the material provision of the Orthodox parish clergy of the Central Chernozem region of the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*. Voprosy teorii i praktiki. 12(86): 89-91. [in Russian]

Ikonnikov, 2018 – Ikonnikov, S.A. (2018). Material'noe obespechenie zashtatnykh klirikov, vdov i sirot dukhovnogo zvaniya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (po materialam eparkhii Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Material support of minor clerics, widows and orphans of the clergy in the second half of the XIX – early XX centuries (based on the materials of the dioceses of the Central Chernozem region)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 23(177): 151-158. [in Russian]

Kovalev, Gorshkova, 2013 – Kovalev E.V., Gorshkova S.E. (2013) Deyatel'nost' Pskovskogo popechitel'stva o bednykh dukhovnogo zvaniya kak real'nyi mekhanizm pomoshchi dukhovnomu sosloviyu [The activities of the Pskov Guardianship of the poor of the clergy as a real mechanism for helping the clergy]. *Aktual'nye problemy pravoslavnoi teologii*. 2: 49-57. [in Russian]

Lisitsyna, 2010 – Lisitsyna, O.L. (2010). Sotsial'naya pomoshch' Tul'skogo eparkhial'nogo popechitel'stva o prizrenii bednykh dukhovnogo zvaniya pravoslavnogo ispovedaniya (1824–1899 gg.) [Social assistance of the Tula Diocesan Guardianship for the care of the poor of the spiritual rank of the Orthodox confession (1824–1899)]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Gumanitarnye nauki. 1: 91-102. [in Russian]

Ob uchrezhdenii..., 1871 – Ob uchrezhdenii dvukh Okruznykh popechitel'stv [On the establishment of two District Guardianships]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1871. 16: 266-267. [in Russian]

Otchet..., 1881 – Otchet Pravleniya Obshchestva Vzaimnogo Vspomoshchestvovaniya dukhovenstva Penzenskoi eparkhii za vremya ego sushchestvovaniya (1878-1880) [Report of the Board of the Mutual Assistance Society of the Clergy of the Penza Diocese during its existence (1878-1880)]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1881. 24: 2-7. [in Russian]

Otchet..., 1883 – Otchet Pravleniya Obshchestva Vzaimnogo Vspomoshchestvovaniya dukhovenstva Penzenskoi eparkhii za 1882 g. [Report of the Board of the Mutual Assistance Society of the Clergy of the Penza Diocese for 1882]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1883. 16: 12-16. [in Russian]

Penzenskaya eparkhiya, 1907 – Penzenskaya eparkhiya. Istoriko-statisticheskoe opisanie [Penza Diocese. Historical and statistical description]. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1907. 321 p. [in Russian]

Po voprosu..., 1883 – Po voprosu ob ustroistve bogadel'ni dlya sirot dukhovnogo zvaniya v Penzenskoi eparkhii [On the issue of setting up an almshouse for orphans of the clergy in the Penza diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1883. 2: 5-8. [in Russian]

Popov, 1897 – Popov, A. (1897) Pamyatnaya knizhka Penzenskoi eparkhii [Memorial book of the Penza Diocese]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1897. 86 p. [in Russian]

Postanovleniya..., 1892 – Postanovleniya obshcheeparkhial'nogo s'ezda dukhovenstva Penzenskoi eparkhii [Resolutions of the General Patriarchal Congress of the Clergy of the Penza Diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1892. 1: 5-8. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shelepina, 2007 – Shelepina, E.N. (2007). Blagotvoritel'naya deyatelnost' dukhovenstva Penzenskoi eparkhii v 1860–1870-kh godakh [Charitable activity of the clergy of the Penza Diocese in the 1860s-1870s]. *Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo»*. T. 1. P. 102. [in Russian]

Soobrazheniya ob uchrezhdenii..., 1866 – Soobrazheniya ob uchrezhdenii Obshchestva vzaimnogo vspomozheniya dukhovenstva Penzenskoi eparkhii [Considerations on the establishment of a Society for Mutual Assistance of the Clergy of the Penza Diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1866. 8: 273-277. [in Russian]

Studentsov, 1891 – Studentsov, I. (1891). Ob Obshchestve vzaimnogo vspomoshchestvovaniya dukhovenstva i ego Otdeleniya [About the Society for Mutual Assistance of the Clergy and its Branches]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 9: 329-348. [in Russian]

Studentsov, 1902 – Studentsov, I. (1902) K voprosu o sostoyanii obshchestva vzaimn. vspomoshchestvovaniya dukhovenstva [To the question of the state of society reciprocally. clergy assistance]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 2: 85-90. [in Russian]

Ustav..., 1897 – Ustav Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya dukhovenstva Penzenskoi eparkhii [Charter of the Mutual Assistance Society of the Clergy of the Penza Diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1897. 21: 209-226. [in Russian]

Vedomost' o summakh..., 1894 – Vedomost' o summakh Penzenskogo eparkhial'nogo popechitel'stva i Okruzhnykh popechitel'stv v 1893 god [Statement on the amounts of Penza diocesan guardianship and District guardianship in 1893]. *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1894. 8: 62-65. [in Russian]

Vedomost' popechitel'stv..., 1889 – Vedomost' o summakh eparkhial'nogo i okruzhnykh popechitel'stv i o deistviyakh ikh za 1888 god [Statement of the amounts of the diocesan and district guardianship and their actions for 1888]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1889. 24: 4-5. [in Russian]

Vedomost' popechitel'stva..., 1894 – Vedomost' o summakh Penzenskogo eparkhial'nogo popechitel'stva i Okruzhnykh popechitel'stv v 1895 god [Statement on the amounts of Penza diocesan guardianship and District guardianship in 1895]. *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1894. 15: 196-201. [in Russian]

Vedomost'..., 1879 – Vedomost' o sostoyanii summ popechitel'stv o prizrenii bednykh dukhovnogo zvaniya za 1877 god [Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1878]. Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu dukhovnykh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1878 god. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1879. Pp. 106-107. [in Russian]

Vedomost'..., 1884 – Vedomost' o sostoyanii summ popechitel'stv o prizrenii bednykh dukhovnogo zvaniya za 1881 god [Statement on the status of the amounts of guardianship of the poor of the clergy for 1881]. Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu dukhovnykh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1882 god. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1884. Pp. 108-109. [in Russian]

Vedomost'..., 1886 – Vedomost' o sostoyanii summ popechitel'stv o prizrenii bednykh dukhovnogo zvaniya za 1883 god [Statement on the status of the amounts of guardianship of the poor of the clergy for 1883]. Vsepoddaneishii otchet ober-prokurora Sv. Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu del pravoslavnogo ispovedaniya za 1884 god. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1886. Pp. 108-109. [in Russian]

Vedomost'..., 1887 – Vedomost' o sostoyanii summ popechitel'stv o prizrenii bednykh dukhovnogo zvaniya za 1885 god [Statement on the status of the amounts of guardianship of the poor of the clergy for 1885]. Vsepoddaneishii otchet ober-prokurora Sv. Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu del pravoslavnogo ispovedaniya za 1884 god. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1887. Pp. 108-109. [in Russian]

Vedomost'..., 1889 – Vedomost' o sostoyanii summ popechitel'stv o prizrenii bednykh dukhovnogo zvaniya za 1887 god [Statement on the status of the amounts of guardianship of the poor clergy for 1887]. Vsepoddaneishii otchet ober-prokurora Sv. Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu del pravoslavnogo ispovedaniya za 1884 god. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1889. Pp. 104-105. [in Russian]

Vedomost'..., 1893 – Vedomost' o sostoyanii summ popechitel'stv o prizrenii bednykh dukhovnogo zvaniya za 1890 god [Statement on the status of the amounts of guardianship of the poor clergy for 1890].

Vsepoddaneishii otchet ober-prokurora Sv. Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu del pravoslavnogo ispovedaniya za 1884 god. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1893. Pp. 96-97. [in Russian]

Zhurnaly..., 1880 – Zhurnaly Pravleniya Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya dukhovenstva Penzenskoi eparkhii. Zhurnal №2 ot 20 fevralya 1880 g. [Journals of the Board of the Mutual Assistance Society of the Clergy of the Penza Diocese. Journal No. 2 of February 20, 1880]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1880. 7: 11-15. [in Russian]

Zhurnaly..., 1882 – Zhurnaly Pravleniya Obshchestva Vzaimnogo vspomoshchestvovaniya dukhovenstva Penzenskoi eparkhii za 1883 g. [Journals of the Board of the Mutual Assistance Society of the Clergy of the Penza Diocese for 1883]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1882. 1: 1-9. [in Russian]

Церковно-благотворительные учреждения Пензенской епархии по призрению православного духовенства и их семей во второй половине XIX – начале XX вв.

Ольга Васильевна Колпакова ^{a, *}, Наталия Андреевна Коблова ^a, Алена Борисовна Шигурова ^a

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается создание и деятельность церковно-благотворительных учреждений Пензенской епархии по призрению православного духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. – попечительства о бедных духовного звания и Общества взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии. Анализируется организационная структура учреждений, их финансовое состояние, объем благотворительной помощи, а также проблемные моменты, связанные с функционированием обществ. Данные организации реализовывали различные услуги, связанные с социальной защитой и финансовой помощью.

Авторы пришли к выводу, что из-за ограниченности финансовых ресурсов, окружные попечительства о бедных духовного звания не могли обеспечить необходимую помощь нуждающимся. Открытие специальной кассы взаимопомощи – Общества взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии являлось необходимым шагом для обеспечения эффективной поддержки духовенству. Но все же, несмотря на увеличение сумм Общества в первые годы его существования, данных средств не хватало для оказания необходимой помощи всем нуждающимся.

Ключевые слова: церковная благотворительность, Пензенская епархия, попечительства о бедных духовного звания, Общество взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии, призрение вдов и сирот духовного звания.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова), nata_koblova@mail.ru (Н.А. Коблова), abshigurova@gmail.com (А.Б. Шигурова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1253-1262
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1253

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian-Native and New Method Schools of the Russian Empire as a Response to the Crisis of Traditional Education in the Kazakh Steppe (late 19th – early 20th centuries)

Rustem D. Kubeyev^{a,*}, Kuanysh M. Murzakhodzhaev^a, Bimurad B. Burkhanov^a

^aCh.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with the issues related to the crisis of traditional Muslim education in the Kazakh steppe in the late 19th and early 20th centuries and attempts to modernize it by the Russian authorities and Muslim intellectuals, which resulted the opening of Russian-Kazakh and new method schools. On the basis of archival documents, studies and testimonies of direct participants in the processes under study, as well as authors of later periods, the features of reforming the education system in the Kazakh steppe have been studied. When considering processes and phenomena, the literature of various historical periods was used, which contributes, both to the utmost detail of the processes and phenomena under consideration, and to the abstraction and generalization required in certain cases, using the advantages of a certain chronological remoteness. The paper considers the school programs of both new educational institutions and old ones (mektebs and madrasas), attention is paid to the peculiarities of each type of school and the processes of modernization, adaptation to the situation on the ground. The issues under study are considered in the context of the processes of modernization within the Russian Empire itself, the development of the newly attached territories of the Kazakh steppe and their further integration into the all-Russian agenda, significant socio-economic transformations in the state.

Keywords: traditional Muslim education, Russian-Kazakh and new method schools, Kazakh steppe, modernization of the education system.

1. Introduction

The education system is a mirror of society, reflecting the demands and needs of the society for certain knowledge that is in demand in it. It is the education system that is often subject to reform and adjustment, based on the vision of the future society by the authorities. The process of reforming the education system by the Russian authorities in the Kazakh steppe had additional difficulties in the context of attempts to modernize the traditional society in the territories integrated into the legal and socio-cultural system, with a population representing an economic and cultural type and religious beliefs that were different from the metropolis.

The processes of modernization here are inevitably superimposed on the situation in the Russian Empire in the Muslim world community itself and the world as a whole. The purpose of this article is to consider such an element from the process of modernization of traditional society as attempts to reform education in the Kazakh steppe in the late XIX – early XX centuries.

Yu.A. Lysenko, researching the “frontier modernization” of the Russian part of the Central Asian region in 19 century, discovers the large-scale changes throughout the country as a whole, when bourgeois reforms were launched in the Russian Empire in the 1860s and 1870s. In this period we can see how the proletariat and the bourgeoisie classes began to appear, the social mobility of the population increased, a single market began to form, and regional specialization appeared (Lysenko, 2021: 395).

* Corresponding author

E-mail addresses: rustemlw@hotmail.com (R.D. Kubeyev)

Consideration of reforms in the education system in the Kazakh steppe territories in the context of the processes of modernization of traditional society, the attempts to at least partially bring the population in socio-cultural terms under the “common denominator”, in our opinion, can reveal the essence of the processes and highlight important aspects of the problem that deserve research attention. In general, this can also contribute to the development of research problems related to the integration of the territories of the Kazakh steppe into the legal and socio-cultural system of the Russian Empire. At the same time, the traditional system of Muslim education, with all its disadvantages, nevertheless provided the necessary set of knowledge over a long historical period. Therefore, it is not surprising that, as Russian researchers-witnesses (and sometimes direct participants) of attempts to modernize certain areas of the Kazakh traditional society note, in the first years after the accession of power, the local population was very wary of innovations in the education system. At the same time, as researchers and archival data show a demand among the local population for a new type of education, provided in Russian-native schools, and later in “new method” educational institutions. Of particular note is the relatively higher popularity of new schools among the Kazakh nomadic population.

In fact, these reforms were demanded by the very realities of life and dictated by the need to comply with them, overcome isolation from the processes of the modern world and at least partially correspond to the rapid changes of the modern times. Thus, we can say that the changes carried out by the Russian administration were necessary for the local population itself. Certain work on the modernization of the traditional society by the tsarist authorities, due to the need for further development of the newly annexed lands, new trends in the Islamic world (Jadidism), caused by a certain crisis in the traditional education system, pronounced in the region, all led to the need to modernize the education system. And it was done in one way or another. In this article, we will try to consider this process, reflected in the works of the authors (witnesses and direct participants of the events). The period under review was characterized by dynamic changes in the education system. New educational institutions were represented by Russian-native and new method schools. This historical period is of particular interest to researchers due to socio-economic changes and political changes associated with the establishment of a new legal system, the crisis of the traditional education system, all the more clearly manifested in terms of contact with the Russian administration as representatives of a more scientifically and technologically advanced society that exposed the problems of traditional Kazakh society.

2. Materials and methods

The study is based on the works of contemporary researchers of the described and analyzed processes, their witnesses and direct participants, scientists of later periods, as well as archival material (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan). The use of such a set of sources, in our opinion, will allow some comparative analysis. Moreover, the consideration of the issues in a historical perspective, in the works of researchers, due to the existing opportunity to trace the reforms in education on the territory of the Kazakh steppe after a long time, will more fully assess the consequences and significance of certain processes, phenomena, analyze the causes and factors that predetermined that or some other course of events.

3. Discussion

The issues of education in the Kazakh traditional society in the new socio-economic, cultural conditions were considered, one way or another, by many researchers in the context of more “general” processes: the modernization of traditional society and the development of new territories by the Russian Empire, socio-cultural contacts (Krupko et al., 2023: 662-670).

From pre-revolutionary studies, one can single out the work of Russian missionaries, officials and administrative workers. Of the works of the authors-contemporaries of the process, it should be noted the research of S.M. Gramenitsky (Gramenitsky, 1896: 75), N.P. Ostroumov (Ostroumov, 1906: 113-166), N.A. Bobrovnikov (Bobrovnikov, 1913: 90) who provided an overview of the situation with education in the Kazakh steppe, data on mektebs, madrasas and Russian-native schools.

Of particular interest are the studies of the processes of pre-revolutionary modernization of traditional education by Soviet researchers. In particular, the work of V.V. Bartold provides detailed information about the educational institutions that existed in the Kazakh steppe, the Kirghiz (Kazakh) makhtabs and the Russian-native and new method schools that functioned in parallel with them (Bartol'd, 1927: 256). In our opinion, S.D. Asfendiyarov, in his research touched upon an important aspect of school education among the indigenous nomadic population, drawing attention to the influence of a particular education on the formation of the personality of graduates, the future intelligentsia of Kazakh society, and their subsequent adherence to certain views in the process of socio-political activities. In particular, the author notes the attraction of graduates of Russian gymnasiums to Russian culture (Asfendiyarov, 1993: 304). T.T. Tazhibayev focuses his attention on the influence of Russian culture in the education of the local population, its mediating role in familiarizing the Kazakhs with the contemporary world culture at that time (Tazhibayev, 1962: 507). Of modern researchers, the works of T.V. Kotyukova (Kotyukova, 2016: 800) on the policy of the Russian Empire in Turkestan, including the modernization of the traditional education system are of particular interest. N.D. Nurtazina (Nurtazina, 2016: 354), S.O. Smagulova (Smagulova, 2014) in their

studies of educational institutions among Kazakhs, they focus their attention on the activities of new method schools, noting their importance in raising the level of literacy of the local population. I.K. Zagidullin in his works highlights the processes of modernization among Russian Muslims in the late 19th – early 20th centuries (Zagidullin, 2014: 512). S. Gafarov in his works pays attention to issues of historical personalism related to Muslim education in Russia in the late 19th and early 20th centuries, in particular, the activities of I. Gasprinsky (Gafarov, 2001: 256). Research by A.Z. Kulbakhtina are dedicated to the traditional educational institutions of Russian Muslims in the period studied in this article (Kulbakhtina, 2012: 149). A.Yu. Khabutdinov studies the processes of formation of a modern-type nation among Russian Muslims, including issues of education (Khabutdinov, 2008: 214).

4. Results

Based on the situation, the new authorities were cautious about the issues of modernizing the traditional education for the region, represented mainly by the basics of religious knowledge, Arabic grammar and simple arithmetic calculations. It should be noted that the history of Muslim educational institutions in the Kazakh steppe at the time of joining the Russian Empire had already spanned several centuries. At the initial stage, the basics of religion were taught directly at mosques, and later schools began to open, in which teaching was conducted by mullahs. As is known, Muslim educational institutions were divided into 2 types: mektebs (elementary schools, Arabic “maktab” - “where they write”), where children were taught Arabic and reading the Koran, and madrasahs (higher educational institutions, “madrasah” in Arabic means “a place where they study”), which provided knowledge of Sharia spiritual and ethical norms and trained specialists in the field of Islamic law (Ostroumov, 1906: 113-166). N.P. Ostroumov recognized the role of madrasahs as moral and intellectual centers in Turkestan and throughout Central Asia, despite their poor material support (Ostroumov, 1907: 1-58).

V.P. Nalivkin, before proceeding to judgments about the current state of the “native school”, considers it necessary to recognize the achievements of the Muslim world in the field of science during the heyday, making the reservation that this heyday “did not bear fruit”, moreover, in his opinion, it bore “negative fruits” (Nalivkin, 1889: 3, 4). T.V. Kotyukova considers the educational policy of the Russian Empire in the context of the system of administration of new territories. Paying attention to the traditional educational system of the local population, represented only by religious institutions, the author notes the differences between the schools of the settled Turkestan population and the nomadic one, due to economic differences. In addition, as the researcher writes, traditional maktab, in fact, were not schools in the modern sense of the word due to the lack of a class-lesson system, and the curriculum itself. Education in maktab was mainly based on “rote learning” without reflection. Among the minuses, the lack of stable funding was also noted and, as a result, the impossibility of continuous operation, which could not but affect the education process. Regarding the subjects taught in maktab, the author cites such as reading, writing and primary knowledge on the basics of the Muslim religion and morality (due to the requirements of the Muslim community). T.V. Kotyukova draws attention to the characteristics of education in madrasahs, higher educational institutions, in particular, the duration of education (about 20 years), a certain inertia, the details of the curriculum, which consisted of 2 cycles of subjects: religious (basic) sciences and rational, which included mathematics, logic, calligraphy, medicine, etiquette, etc. At the same time, the researcher uses a completely balanced approach, refraining from a one-sided consideration of religious education in Turkestan in the pre-revolutionary period, when graduates often did not receive even elementary knowledge and learned religious texts by heart without comprehending them. The scholar also pays tribute to this type of education, its role in the “preservation and reproduction of the cultural code” over a long historical period, emphasizing its quite natural obsolescence over time (Kotyukova, 2016: 283). The famous Russian orientalist N.P. Ostroumov, considering the issue of Muslim education in Russia as a whole, recognizes its “prominent place in the history of cultural development not only in Asia, but also in Europe...” and, accordingly, expresses his surprise at the situation he observes, when neither Europeans nor Asian (Muslim) sources do not contain exhaustive works on the formation and development of Muslim education. Thus, European authors at that time mentioned “Muslim education” in a general cultural context, while the presence of a school among Muslims as such was simply stated as a fact. The author draws attention to the low awareness of Russians about the Russian Muslim school and the wrong idea about it. The scholar pays tribute to the “originality” of the Muslim school, notes its connection with the spiritual needs of Muslims and the trend towards reform (Ostroumov, 1906: 113-114). The researcher emphasizes the religious orientation of local Muslim schools, explaining this fact by the actual goals of these educational institutions (Ostroumov, 1906: 116-117). I.I. Gejer, a Russian researcher of Central Asia, in his work also notes the almost non-intervention of Russia in the system of local educational institutions in Turkestan at the initial stage after accession. The author calls the transition to the election of teachers in madrasah (mudaris), as well as the opening of “Russian-native” schools in parallel with maktab, as small changes to the existing system, carried out by the new authorities. At the same time, a new type of school gained great popularity among the natives due to the provision of “more productive knowledge”, which made it possible to obtain previously inaccessible professions (typist in Russian). Accordingly, the local population did not even consider the higher prices for education in Russian-native schools. The author especially highlights the Kirghiz (Kazakhs), who showed “special sympathy for this kind

of school” and maintained these schools and boarding schools at their own expense. The paper also draws attention to the specifics of the system of Muslim education that existed at that time in Turkestan. In particular, the maintenance of madrasas (higher educational institutions) at the expense of charity as a charitable cause, the absence of transitional exams between courses (students moved from studying one religious book to another), and the author notes cases of students being detained in madrassas for up to 40 years and staying in madrassas for life. In some cases, this was due to a desire to learn the Shari'ah down to its intricacies and a feeling of being unprepared to consider oneself to have completed the training. Other students remained in education for life due to a feeling of unpreparedness for independent living and a preference for living in a madrasah, with its minimal, but guaranteed and tolerable living conditions. The basics of Islamic doctrine in the madrasah were studied in Persian, among other subjects I.I. Gejer names Arabic grammar, general education subjects (theology, dialectics, logic, cosmography, astrology, interpretation of the Quran) and jurisprudence (religious law, civil and criminal law). Jurisprudence was especially popular among students, since it was this knowledge that opened prospects for graduates to rise to a high religious position. Also, students were taught the basics of mathematics (enough for “practical land surveying”) and geometry, along with medicine. Students of the madrasah, who did not complete the full course of study, mainly occupied the positions of scribes serving the qazis or were involved in the correspondence of books. In addition, I.I. Gejer dwells on the local institutions of primary education in Turkestan – maktabs, mostly also open at mosques, where most often the teachers are employees of the mosque – the imam himself or azanchi. In the maktabs, students learned the Arabic alphabet and reading part of the Quran. Among the shortcomings of teaching in maktabs, the author notes the “mechanical” reading of the Quran, when the students did not understand its content, and the teacher often could not explain the meaning of many words. Subsequent books (some religious prescriptions, collections of poems), as well as the study of writing, according to the researcher, are also studied “mechanically”. Accordingly, at the end of the maktab, the students, in fact, did not have practical knowledge, except for Muslim etiquette. This is how I.I. Gejer explains the situation when, with a large number of Muslim schools, a large percentage of illiterates was observed among the population at the same time. Knowledge that was not applicable in practice was quickly forgotten if the training was not continued in the madrasah. The quality of education in women's primary schools the author assesses as “even lower than men's” (Gejer, 1909: 27-28). N.P. Ostroumov also talks about the beginning of the education of children from 5-6 years old in maktabs, noting the “narrow religious and ritual nature” of education (Ostroumov, 1908: 55). V.P. Nalivkin draws attention to the number of students in the maktab (no more than 30-40) aged 6-15 years, calling training essentially “learning” and noting the widespread use of corporal punishment in the learning process (Nalivkin, 1889: 8). As a result of such (an average of four years) training, graduates, at best, acquired the skills of mechanical reading of books studied in maktab, tracing letters or copying (rewriting) texts from the original. Of the negative aspects of such education, the author notes the habit of reading texts purely mechanically, which was rooted in maktabs among “native boys”, because of which they were unable to retell what they read. In the worst case, the graduate acquires the title of “chala-mullah,” as the researcher explains, “not quite literate, who can only read,” or leaves the school with a baggage of “vague memories” of the graphic image of Arabic letters without understanding them. Regarding the details of education in the madrasah, the scholar tells of a fairly large number of students (200 or more) in the most financially secure madrassahs. Accordingly, the richest madrasas had several teachers. Noteworthy is the personal testimony of V.P. Nalivkin about the recognition of some students of the madrasah in the use of various kinds of fraud avoided the study of certain disciplines for the speedy transition to the next class (high school students received a higher scholarship). The annual sums of scholarships given by the author in the average level of the madrasah are 15-35 rubles for high school students and 4-12 rubles for elementary grades. It is also worth noting the author's information about the frequent cases of low literacy of graduates in their native language due to the study of only Arabic from one book and neglect of local languages. Among other things, the official draws attention to the low level of knowledge provided by local educational institutions in secular sciences, with the possible exception of history due to the presence of solid works (Nalivkin, 1889: 13). If we talk about statistical data on public education institutions, I.I. Gejer in his work of 1909 gives the following figures for the Turkestan region (with a note regarding their relative accuracy): Syrdarya region – 49 madrasahs (1099 students), 1809 maktabs (19453 students); Trans-Caspian – there were no madrasas, 125 maktabs (2235 students); Samarkand region – 69 madrasahs (1606 students), 1680 maktabs (34175 students); Ferghana – 159 madrasahs (5320 students), 1143 maktabs (11 145 students); Bukhara – 117 madrasahs (11 500 students), 5 000 maktabs (100 000 students); Khiva – 61 madrasahs (2200 students), 1440 maktabs (20200 students). For comparison, I.I. Gejer provides data on Russian-native schools in Turkestan: Syr-Darya – 27 schools (787 students), maintenance: at the expense of the government – 8061, at the expense of donations from the population – 16624; Semirechenskaya – 12 schools (278 students), maintenance: all at the expense of the population; Trans-Caspian – 4 schools (93 students), maintenance: at the expense of the government – 4072, at the expense of the population – 7359; Ferghana – 10 schools (877 students), maintenance: at the expense of the government – 7969, at the expense of the population – 7849; Samarkand – 15 schools (517 students), maintenance: at the expense of the government – 19379, at the expense of the population – 8176 (Gejer, 1909: 29). It is noteworthy that I.I. Gejer, writes about public

education in Turkestan, did not miss the phenomenon of ishans – Sufi spiritual leaders, representatives of "folk Islam", who were popular with the population. Due to the ascetic way of life, some ishans had great influence among Muslims and some of them had "thousands of followers" (Gejer, 1909: 30). E. Alektorov, in his work on the study of the Turgai region, also draws attention to the desire of the local Kazakh population to educate children in schools and their willing donation of funds for these purposes. The author notes that according to the Regulations on the administration of October 21, 1868 on administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions, the Kirghiz (Kazakhs) were entitled to "establish special fees, according to public decisions, approved by the regional authorities." Accordingly, as the official explains, the local Kazakh population got the opportunity to raise funds for "the arrangement and maintenance of schools and, in general, for the development of public education among them, as well as to use for this purpose the remains of the zemstvo tax paid by the Kirghiz for the maintenance of the Kirghiz government officials." (Alektorov, 1891: 72). In addition, A.E. Alektorov also cites such basic norms of legislation regarding the local population's education as the mandatory existence of a common school "for all without distinction between nationalities", control of the educational program by governors-general (in agreement with the Ministry of Public Education), the need for permission from local authorities to train Kazakh children at home by school teachers, the release of special amounts to the districts in accordance with the needs for opening schools and their maintenance, allowing Kazakh children to attend schools in villages with the consent of village societies (for a moderate fee or free of charge), as well as the distribution of functions for control over education between local authorities and the ministry. At the same time, the author is inclined to associate the "Systematic establishment of Russian schools" in the region with the opening of four "central Russian-Kirghiz schools." These schools were opened in Turgai, Irgiz, Ak-Tube and Kustanai in the period from 1879 to 1883, where both Kazakh children (with accommodation, "in the form of boarders") and Russians "in the form of visitors" studied together. E.A. Alektorov also, speaking about the release of significant amounts to finance schools in the region from the state (for example, in 1888 – 8310 rubles), indicates a high level of financial support from the public (in the same 1888 – 7230 rubles). The author notes with satisfaction that at the time of writing of the work by the author, the annual expenses for training amounted to 33 291 rubles 51 kopecks and draws attention to the desire of the local Kazakh population to educate their children in Russian-Kirghiz schools, contrasting education in them with studying in madrasahs and makhtabs, where education is conducted "in the spirit of inertia..." (Alektorov, 1891: 73-74). N.P. Ostroumov, speaking about the details of the opening of a school at the expense of the government for the children of Kazakhs and Russian settlers in Fort Perovsky (the first on the Syr-Darya line) on October 6, 1863, emphasizes that representatives of the tsarist administration considered the opening of such schools, with joint education of children of Kazakhs and Russian settlers are an important and best means of "rapprochement between the Kirghiz and the Russians." At the same time, the researcher notes a small number of students in the school. So, from among the "Kirghiz" (Kazakhs) who wanted to send their sons to school, 18 were noted, of which 10 are "honorary Kirghiz", and 8 are "simple." At that, out of these 18 who expressed a desire, 16 eventually sent their children to study. As for the Russian population, the author speaks of 27 parents who expressed their desire to educate their children in the school, of which only 13 began to attend school). N.P. Ostroumov concludes that both the Kazakh population and the Russians are distrustful of the new school, while talking about some emphasis on the part of the authorities on the recruitment of students from among the Kazakhs (Ostroumov, 1899: 254, 255). The Kazaly school was opened, according to N.P. Ostroumov, "in the period from November 1865 to February 1866." In February 1866, following the results of the audit, a conclusion was made about its "almost nominal existence", in connection with which 6 students studying in it were transferred to the Perov school. Based on the results of the work of the local administration to open these schools with the joint education of children of Kazakhs and Russian settlers in Perovsk and Kazalinsk, the researcher concludes that "the Russian authorities found them useful for the Kirghiz" (Ostroumov, 1899: 260). In addition, some of the features of teaching in these schools given in the work of N.P. Ostroumov deserve some attention, as they make it possible to have an approximate image of educational institutions. Educational work in schools was regulated by the "Rules on schools established in the Orenburg and Ural fortifications and at forts No. 1 and Perovsky, for the education of Kirghiz children and Russian settlers" dated October 1862. In his comments on this document, the author notes, inter alia, such features of these schools as preference for admission to study for children whose parents are in the service of the Steppe Administration. If there were vacancies, everyone from among the Kazakhs (including adults) could be admitted to study. The scholar is inclined to explain this rule by the greater awareness of parents in the tsarist service about the benefits of getting an education in a Russian school. As for the absence of an age limit when accepting students, according to the author, this is due to the desire of the tsarist administration to recruit the required number of students, since young students "could be afraid of the Russian school and separation from their parents." With the same need, the researcher connects the rule according to which new students could be enrolled in vacant places throughout the school year (except for the vacation period). At the same time, N.P. Ostroumov makes very interesting conclusions about a certain difference between theory and practice when he discusses the norm on combining the duties of a school superintendent and the teacher himself. This rule, in his opinion, is very useful, but only if there are trained people. In the case of the first Kirghiz schools, economic reasons prevailed rather than

pedagogical considerations, since, according to the notes to the same rules, the school teacher could act as an interpreter for the head of the fortification. It should be noted the desire of N.P. Ostroumov to delve into the matter. In particular, regarding the norm of the rules that “mostly young Kirghiz who have completed a course of study in the Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps or in schools for Kirghiz children under the Regional Government” with a good knowledge of Russian should be appointed to the steppe schools. The researcher asks about the validity of necessarily considering persons who meet the above standards as good teachers, noting that both of the above educational institutions did not set the task of training teachers for Kirghiz schools. The author, among other things, can find interesting information that the main attention in schools was given to teaching the Russian language, but the condition for teaching Russian grammar was the ability to read Kazakh (Ostroumov, 1899: 262, 266-268). Probably, the authorities included this rule in order to avoid fears on the part of the local population about the possible isolation of young people from their roots, forgetting their native language and culture. It is also noteworthy that, according to the rules, due to the impossibility of dividing students into classes, since there was only one teacher, the so-called Lancaster method of teaching was provided in schools, when the teacher teaches the best students, and those, in turn, teach others. On the one hand, this method was quite common, was considered justified under certain conditions, and had its supporters. At the same time, N.P. Ostroumov asks about its applicability in the conditions of Kirghiz schools, when the leadership did not face the real use of such teaching, and the teacher was periodically involved in work in the county administration, not being able to control the learning process (Ostroumov, 1899: 272). In general, considering the policy pursued by the Governor-General of Turkestan K.P. Kaufman in the field of public education, N.P. Ostroumov noted his vision of the issue, in particular, he cited the opinion of an official on the need for the joint upbringing of Kazakh and Russian children, taking as a basis the same rules, “with the help of which it would be possible to make the children of Turkestani Orthodox residents and Muslim children equally useful citizens of Russia...” (Ostroumov, 1899: 49). P.V. Znamenskij also writes about the special attention of K.P. Kaufman, to the “education of foreigners.” According to the author, the Governor-General considered this segment the most significant direction in his educational activities. It was foreign education that mainly determined, according to the official, the future of public education in Turkestan due to the predominant local population. According to P.V. Znamenskij, a peculiarity of the ongoing P.K. Kaufman's policy was that the activities of the Governor-General “... coincided with the development of the general issue of local education in our country, raised in the second half of the 1860s in the eastern provinces of European Russia and in the south in the Crimea.” The Russian historian believed that the school of the previous model for foreigners was alien to them, the program of this school was ill-conceived. So, even the teaching of the Russian language was set up in such a way that it took place “with great difficulty, to the obvious detriment of the study of the most subjects, the school course.” The new type of foreign school adopted “purely folk (for each people) forms of education and life”, which was a huge advantage over all the old schools in the eyes of the local population. In schools of a new type, as P.V. Znamenskij, “Russian education ... has clothed itself in its native national form ...”. External life most closely resembled the life of local population. In the recruitment of teachers, preference was given to the students’ “fellow tribesmen” (representatives of the same ethnic group as students). Teaching was conducted in local languages, the Russian language was taught as an academic subject on an equal basis with others, “with the help of one’s own native language,” and became the language of instruction as one mastered it. Russian transcription was used as a preparatory measure for the study of Russian textbooks in foreign languages (Znamenskij, 1900: 5-6). N.A. Kazbekova, speaking about public education on the territory of Kazakhstan in the period under study, notes the positive role of Russian-Kazakh schools in obtaining primary education for Kazakh children. At the same time, the establishment of school affairs, undoubtedly, facilitated the access of the younger generation from Kazakh families to obtaining initial knowledge. In post-reform Russia, the desire of the people for literacy, familiarization with scientific knowledge, literature and art was intensifying. In realizing this need, the advanced Russian intelligentsia played a major role, creating various educational organizations at zemstvos and scientific societies, as well as new extracurricular forms of education. More capable graduates of Russian-Kazakh schools had the opportunity to continue their education in secondary, and then in higher educational institutions in Russia, forming the core of the Kazakh intelligentsia. Thus, the development of Russian education among the Kazakh population of the Steppe region contributed to the cultural rapprochement of the two peoples (Kazbekova, 2007: 4).

Based on the given statistical data on the oblasts in the table, one can note the largest increase in the number of madrasahs and maktab (and, accordingly, students) in the Semirechenskaya oblast. In addition, attention is drawn to the increase in the number of female students in the first decade of the twentieth century. At the same time, things did not always go well. So, according to documents from the archives, in 1890 in two districts of the Turgaiskaya oblast (Kostanaiskaya and Turgaiskaya) there were more than 129 schools and 4 madrasahs. At the same time, according to archival data, neither the schools nor the teachers themselves had official documents allowing them to conduct educational activities (CGA RK. F. 369. Op. 1. D. 780. L. 27). Archival data give us the opportunity to track the dynamics of the growth in the number of maktab madrasahs in the Semirechenskaya oblast. So, as of 1891, there were 64 maktab-madrasahs in the Semirechenskaya oblast (the number of students was 1251). In 1895, the number of maktab-madrasahs was 74 (9086 students), in 1897 – 88 maktab-madrasahs (12835 shakirds). In 1907 – 243 maktab

(6076 students). Archival documents contain information about the total number of Muslim schools (both Kadimist and new method) (CGA RK. F. 90. Op. 1. D. 487. L. 101). For comparison, in the Bukey Horde until 1868 there was one Russian-Kazakh school, the rest were Muslim madrasah schools. As of 1872, the authors speak of 38 Muslim schools and madrasahs. At the beginning of 1899 there were 60 maktab and madrasahs with 1679 students (1436 males, 243 females). Female students were taught by wives of mullahs (27 people) (Tazhibayev, 1962: 507). In the Ural region, in the Lbishchensky district, as of 1904, there were 71 maktab-madrasahs with 1211 students (1065 males, 146 females) (Obzor Ural'skoj..., 1904: 32). As can be seen from the works of researchers and archival data, there was a great demand for education from the traditional Kazakh society, and the authorities in this situation even had to deal with a somewhat spontaneous increase in the number of educational institutions. In this situation the so-called new method schools have gained quite a lot of popularity.

Table 1. Maktab and madrasahs (late 19th – early 20th centuries)

#	Oblast	Year	Number of maktab and madrasahs			Number of students		
			Total	Maktab	Madrasah	Total	Men's	Women's
1	Akmolinskaya	1890	27	-	-	1170	849	321
		1895	13	-	-	693	578	115
		1907	15	-	-	970	895	75
		1911	31	19	12	1298	-	-
		1914	29	19	10	1424	-	-
2	Semipalatinskaya	1895	17	-	-	892	846	52
		1903	14	-	-	700	655	45
		1908	21	-	-	932	752	180
3	Semirechenskaya	1894	9	-	-	249	-	-
		1897	-	-	-	7859	-	-
		1900	63	-	-	2099	1611	488
		1907	243	-	-	6076	5208	868
		1908	246	-	-	5939	5198	741
4	Syr-Daryinskaya	1892	1534	1479	35	27082	22704	4378
		1910	777	742	35	24424	21634	2790
		1911	771	739	32	23805	18855	4950
5	Turgaiskaya	1894	59	-	-	457	-	-
		1907	2	-	2	69	-	-
		1914	6	-	-	-	-	-
6	Uralskaya	1899	81	-	-	1754	1512	242
		1902	58	-	-	1145	651	494
		1905	39	-	-	729	652	77
		1911	27	-	-	1259	981	278

Among the main differences of the new method schools are the following: a fixed (two-year) period of study; established requirements for the age of children entering the study (seven years); use of the book "Khovaje-i subyan" by I. Gasprinsky as a teaching aid; teaching, in addition to religious sciences, also secular subjects; application of the so-called "sound method" in teaching (Gankevich, 1998: 164). This sound method has proven to be more effective. A certain sound was associated with each letter of Arabic, the reading and writing of letters was explained depending on its location in the word (Gafarov, 2001: 51). When teaching according to the so-called old method, a simple repetition of syllables from letters was used without understanding the meaning (Krasnov, 1887), accordingly, the advantages of new schools over old-style educational institutions were obvious. In connection with the growing popularity of new method schools, in parallel with the opening of such educational institutions, a very interesting process was observed – the transition of old type schools to the use of a new method in the education of students. It is noteworthy that while new-method schools were opened under the influence of Tatar intellectuals, in rural areas the process of transition of old schools to the new method was mainly observed. At the same time, this process

was partly noted in the city of Turkestan, where two old-method schools (there were 30 in total) changed their educational program to a new method (Bartol'd, 1927: 137).

Archival documents tell us about the functioning as of 1909 of 18 new-type schools in the Semirechensk region and 39 in the Syrdarya region. Schools opened in the period 1870–1883 in the cities of Semipalatinsk, Akmolinsk, Verny, Karkaralinsk, Kapalsk, they switched to a new method by 1904–1905 (CGA RK. F. 90. Op. 4. D. 189. L. 20). In general, by 1917, about 100 Jadid schools functioned on the territory of Kazakhstan. Speaking about the influence of education received at a young age on the future social and political activities of students, one can note the observed trend when graduates of Russian-Kazakh schools were supporters of the European path of development, while among those educated in new method schools, ideas of pan-Turkism prevailed (Kaziev, 2014: 130, 128).

5. Conclusion

The period of the late 19th-early 20th centuries undoubtedly occupies a special place in the history of Kazakhstan. This time period was marked both by the completion of the processes of joining the territory of the Kazakh steppe to the Russian Empire, and the need that arose for the new authorities to develop the territory, to include the traditional Kazakh society in the all-Russian socio-cultural discourse and, accordingly, to carry out all the necessary reforms for this, to take all measures to at least partial reduction of new subjects to a “common denominator” with the population of the central part of the empire. And in solving these problems, it is the sociocultural factor that plays a paramount role, especially when it comes to the education of the younger generation, when the value orientations of the future intellectual elite of the Kazakh society were laid. As we can see, the need for changes led to the launch of the processes of modernization of education that existed at that time in the traditional Kazakh society. Moreover, these processes were initiated both in a certain sense from the outside, by the tsarist administration, and from within the Kazakh society itself, which received new trends within the proper Muslim education system. The reforms in the field of education carried out by the new authorities were in demand in the Kazakh society, and despite some difficulties that arose at the implementation stage (lack of teachers, the curriculum that needed to be adjusted in the course of application, in some cases - a wary attitude on the part of the Kazakh population), the situation with the lack of modern education in the Kazakh traditional society at that time, which would have made it possible to become, in a sense, a part of the modernization processes that took place all over the world, nevertheless was changed. At the same time, part of this "educational vacuum" was naturally filled with Jadid schools. It should be noted that the initiatives of the tsarist administration, despite all the difficulties, had some positive results, including a kind of "delayed effect". The results of those reforms, both carried out by the new authorities and initiated by Muslim intellectuals themselves, the ideas instilled in the process of studying in one or another type of educational institution, can be seen in the activities of a number of prominent Kazakh public and political figures, who, in turn, influenced mindset of Kazakh society as a whole. In addition, one should not underestimate the role of these educational institutions in increasing the level of literacy of the population as a whole, a kind of cumulative effect, which, of course, could not but affect the socio-cultural sphere of the Kazakh traditional society. Thus, we can say that educational institutions of a new type, to one degree or another, fulfilled their task and left a noticeable mark in the history of the Kazakh people. In general, the issues of modernizing the education system of the traditional Kazakh society, of course, require further in-depth research and understanding already at the present stage.

6. Acknowledgments

The article was prepared as part of the research project "Trends and transformations of the historical memory of Kazakhstan society (1992–2020)" (IRN: AP09259759).

References

Alektorov, 1891 – *Alektorov, A.E.* (1891). Turgajskaya oblast': Estestv. i proizvoditel'nye sily obl., hoz. deyatel'nost' ee naseleniya i nar. obrazovanie: (Stat. ocherki) [Turgai region: Natural and productive forces of the region and economic activity of population and public education: (Statistic essays)] Orenburg. 98 p. [in Russian]

Asfendiyarov, 1993 – *Asfendiyarov, S.* (1993). Istoriya Kazahstana [History of Kazakhstan]. 2nd edition. Almaty. 304 p. [in Russian]

Bartol'd, 1927 – *Bartol'd, V.V.* (1927). Istoriya kul'turnoj zhizni Turkestana [The history of the cultural life of Turkestan]. Leningrad. 256 p. [in Russian]

Bobrovnikov, 1913 – *Bobrovnikov, N.A.* (1913). Russko-tuzemnye uchilishcha, mekteby i medresy Srednej Azii: Putevye zametki [Russian-native schools, mektebs and madrassas of Central Asia: Travel notes]. Saint-Peterburg. 90 p. [in Russian]

CGA RK – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

- Gafarov, 2001** – *Gafarov, S.* (2001). Ismail bej Gasprinskij: zhizn' i deyatel'nost' [Ismail Bey Gasprinsky: life and work]. Ismail Gasprinskij – velikij prosvetitel'. Comp. by F. Ziyatdinov. Ed. board T. Kulagina et al. Simferopol'. 256 p. [in Russian]
- Gankevich, 1998** – *Gankevich, V.Yu.* (1998). Ocherki istorii krymsko-tatarskogo narodnogo obrazovaniya (reformirovanie etnokonfessional'nyh uchebnyh zavedenij musul'man v Tavricheskoj gubernii v XIX - nachale XX veka) [Essays on the history of Crimean Tatar public education (reformation of ethno-confessional educational institutions of Muslims in the Tavride province in the XIX – early XX centuries)]. Simferopol'. 164 p. [in Russian]
- Gejer, 1909** – *Gejer, I.I.* (1909). Turkestan [Turkestan]. 2nd edition. A.L. Kirsner edition. Tashkent. 346 p. [in Russian]
- Gramenickij, 1896** – *Gramenickij, S.* (1896). Ocherk razvitija narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae [Essay on the development of public education in the Turkestan krai]. Tashkent. 75 p. [in Russian]
- Habutdinov, 2008** – *Habutdinov, A.Yu.* (2008). Ot obshchiny k nacji: tatory na puti ot srednevekov'ya k Novomu vremeni (konec XVIII – nachalo XX vv.) [From the community to the nation: Tatars on their way from the Middle Ages to the new time (late XVIII – early XX centuries)]. Kazan'. 214 p. [in Russian]
- Kazbekova, 2007** – *Kazbekova, N.A.* (2007). Dzhadidizm i narodnoe obrazovanie v Kazahstane v konce XIX – nachale XX vv. [Jadidism and popular education in Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik KarGU*. 2(46): 23-28. [in Russian]
- Kaziev, 2014** – *Kaziev, S.Sh.* (2014). Nacional'no-prosvetitel'skoe dvizhenie i proekty nacionalizma v Kazahstane v konce XIX – nachale XX v. [National educational movement and nationalism projects in Kazakhstan in the late XIX – early XX century.]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-2(84): 128-133. [in Russian]
- Kotyukova, 2016** – *Kotyukova, T.V.* (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii [Turkestan in the Imperial Policy of Russia]. Monograph in documents. Comp. by S.N. Abashin. Ex. ed. T.V. Kotyukova. Moscow. 800 p. [in Russian]
- Krasnov, 1887** – *Krasnov, A.N.* (1887). Kirghiz-kazaki Ilijskoj doliny. Ocherk byta semirechenskih kirgiz [Kirghiz-Kazakhs of the Ili Valley. An essay on the life of the Semirechensk Kirghiz]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. [Electronic resource]. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/352668.html> (date of access: 02.02.2023). [in Russian]
- Krupko et al., 2023** – *Krupko, I.V., Ashimova, S.A., Kubeyev, R.D.* (2023). Medical and Cultural Narratives and Practices of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (19th century). *Bylye Gody*. 18(2): 662-670.
- Kulbahtina, 2012** – *Kulbahtina, A.Z.* (2012). Tradicionnaya shkola musul'man Bashkirii na rubezhe XIX–XX vekov: monografiya [The traditional school of Bashkiria Muslims at the turn of the XIX–XX centuries: monograph]. Ufa. 149 p. [in Russian]
- Lysenko, 2021** – *Lysenko, Yu.A.* (2021). Central'noaziatskij region Rossijskoj imperii v usloviyah frontirnoj modernizacii [The Central Asian region of the Russian Empire in the conditions of frontier modernization]. Ex. Ed. Yu.A. Lysenko. Barnaul. 395 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1889** – *Nalivkin, V.P.* (1889). Shkola u tuzemcev Srednej Azii [The school of the natives of Central Asia]. Tashkent. Pp. 36-49. [in Russian]
- Nurtazina, 2016** – *Nurtazina, N.D.* (2016). Rasprostranenie Islama i formirovanie kazahskoj musul'manskoj tradicii (VIII – nach. XIX vv.) [The spread of Islam and the formation of the Kazakh Muslim tradition (XIII – early XIX centuries.)]. Almaty. 354 p. [in Russian]
- Obzor Ural'skoj..., 1905** – *Obzor Ural'skoj oblasti za 1904 god (1905)*. Prilozhenie k Vsepodannejšemu otchetu Voennogo Gubernatora [Review of the Ural region for 1904. Appendix to the Most Comprehensive report of the Military Governor]. Ural'sk. 34 p. [in Russian]
- Ostroumov, 1899** – *Ostroumov, N.P.* (1899). Konstantin Petrovich fon-Kaufman – ustroitel' Turkestanskogo kraja: lichnye vospominaniya N. Ostroumova (1877–1881 gg.) [Konstantin Petrovich von Kaufman – organizer of the Turkestan Region: personal memoirs of N. Ostroumov (1877–1881)]. (K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae). Tashkent. 286 p. [in Russian]
- Ostroumov, 1906** – *Ostroumov, N.P.* (1906). Musul'manskije maktaby i russko-tuzemnyya shkoly v Turkestanskom krae [Muslim maktabs and Russian-native schools in Turkestan]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. New series. Part I*. February. Saint-Peterburg. Pp. 113-166. [in Russian]
- Ostroumov, 1907** – *Ostroumov, N.P.* (1907). Madrasy v Turkestanskom krae [Madrasahs in Turkestan region]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. New series. Part VII*. Saint-Peterburg. January. Pp. 1-58. [in Russian]
- Ostroumov, 1908** – *Ostroumov, N.P.* (1908). K sorok tret'ej godovshchine vzyatiya Tashkenta russkim otryadom generala Chernyaeva [On the forty-third anniversary of the capture of Tashkent by the Russian detachment of General Chernyaev]. *Turkestanskije vedomosti*. Tashkent. P. 55. [in Russian]
- Smagulova, 2014** – *Smagulova, S.O.* (2014). Kazakstandagy musul'mandyq oqu oryndary men agartushlyq qogamdar (XIX g. ayagy men XX g. basy) [Muslim educational institutions and Educational societies (late nineteenth century and early twentieth century)]. Elektronnyj istoricheskij portal. [Electronic resource]. URL:

<http://e-history.kz/media/upload/1534/2014/06/24/42d327cf6de095518f14e5cae46631d2.pdf> (date of access: 02.03.2023). [in Kazakh]

[Tazhibayev, 1962](#) – *Tazhibayev, T.T.* (1962). Prosveschenie i shkoly Kazahstana vo vtoroj polovine XIX veka [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Alma-Ata. 507 p. [in Russian]

[Zagidullin, 2014](#) – *Zagidullin, I.K.* (2014). Modernizacionnyye processy v tatarsko-musul'manskom soobshchestve v 1880-e – 1905 gg.: dokumenty i materialy [Modernization processes in the Tatar-Muslim community in the 1880s – 1905: documents and materials]. Kazan'. 512 p. [in Russian]

[Znamenskij, 1900](#) – *Znamenskij, V.* (1900). Uchastie N.I. Il'minskago v dele inarodcheskogo obrazovaniya v Turkestanskom krae [Participation of N.I. Ilminsky in the foreign education in the Turkestan region]. Kazan'. 84 p. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1263-1274
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1263

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Transformation of the State Regulation Model of Labor Migration to the Outlying Territories of Russian Empire in the 19th century (on the example of the Volga-Caspian Fishing Region)

Sergey V. Vinogradov ^a, Yuliya G. Eshchenko ^{a, *}, Elena E. Krasnozhenova ^a, Nataliya I. Kulakova ^a

^a Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract

The national historical experience of using labor migration as an instrument of state policy for the development of marginal territories contains many interesting and significant stories for the present, one of which is the history of the development and settlement of the Volga-Caspian fishing region. Moreover, in order to implement this project, the state in different historical periods used different forms of labor migration.

The transformations that took place in the fisheries of the region during the period under study were part of the Great Reforms of the 1860s. The successful transformation of the labor migration model was related with the general transition of the country's economy from a serf model to a capitalist one. An important consequence of this transition was the formation of the labor market after 1861, which had a positive effect on the increase in migration flows to the Volga-Caspian fishing region.

The paper provides an analysis of the Charter of the Caspian-Volga fish and seal trades adopted by the Government in 1865, the implementation of which contributed to the successful reform of the fishing industry and the settlement of the region. In this article considered the socio-economic consequences of the transformations carried out on the example of such social groups as landowners-nobles, merchants-fishermen, workers of fishing enterprises and catchers. It is revealed achievements and shortcomings in the current in the second half of the XIX century models of state regulation of labor migration. Based on the collected material, some of which introduced into scientific circulation for the first time, authors made an original judgment that the main beneficiaries from the introduction of the Charter of 1865 were sea trappers, as well as small and medium-sized entrepreneurs working in the fishing industry.

Keywords: Caspian Sea, Volga, Volga-Caspian fishing region, Astrakhan province, migration policy, labor migration, reform, fishery, resettlement, fisherman.

1. Введение

Актуальность исследования обусловлена научным интересом к проблеме трудовой миграции как к одному из ключевых факторов успешного социально-экономического развития современного государства. Понимание этого сложного явления тесно связано с изучением его исторического контекста. Целью данного исследования является изучение трансформации государственной модели регулирования трудовой миграции в Волго-Каспийском рыболовном районе в XIX в. Процессы заселения и освоения Волго-Каспийского рыболовного района тесным образом коррелировали с развитием рыбного промысла в регионе.

С XVIII в. Российская империя пыталась заселить и освоить богатый рыбными ресурсами Волго-Каспийский рыболовный район (ВКРР). Как северная страна с рискованным земледелием и частыми неурожаями, Россия нуждалась в дополнительных источниках продовольствия, каковыми

* Corresponding author

E-mail addresses: dissovvetm@yandex.ru (S.V. Vinogradov), pushistik_yuliya@mail.ru (Y.G. Eshchenko), eleena@inbox.ru (E.E. Krasnozhenova), vol-na1986@yandex.ru (N.I. Kulakova)

потенциально являлись богатые рыбные ресурсы данного региона. Опыт освоения ВКРР показывал, что привычные в тот период инструменты заселения окраин, такие как монастырская и казачья миграции, хорошо зарекомендовавшие себя при освоении аграрных территорий, на этой территории работали неэффективно.

Отчасти это объяснялось спецификой рыбного промысла, которой являлся основой экономики региона. Он требовал от работников иных, отличных от занятия земледелием качеств: быстроты мышления, предприимчивости, умения работать в команде (бригаде) и т.д. В этих условиях эффективным инструментом освоения региона, обеспечивавшим рыбную отрасль подходящими для ее нужд работниками, зарекомендовала себя вольная миграция. Как правило, в тот период вольными мигрантами становились беглые крепостные крестьяне. Позже к ним добавились крепостные крестьяне, прибывавшие в регион на легальной основе с целью отработки оброка для помещика. Именно такие мигранты, оседавшие в низовьях Волги, смогли обеспечить во второй половине XVIII в. развитие рыбного промысла и переход к более производительному морскому лову. Но в условиях крепостного права одной вольной миграции для освоения региона было недостаточно.

С середины XVIII в. правительством делались попытки привлечения в регион дворян через продажу земли по льготным ценам в надежде на заселение приобретенных ими имений крепостными крестьянами из центральных губерний. Однако успешное ведение сельского хозяйства из-за жаркого засушливого климата и отсутствия плодородных земель в регионе было не выгодно, и поначалу дворяне неохотно приобретали имения в Астраханской губернии. Но по мере развития рыбного промысла и роста доходов астраханского купечества от выгодной продажи рыбы во второй половине XVIII в., ВКРР становился все более привлекательным для дворянства, которое тоже стремилось получить доступ к доходам от рыбодобычи.

В годы правления Павла I дворянам удалось отеснить купечество от пользования рыболовными промыслами. Указ Екатерины II 1762 г. о передаче рыбных промыслов в коллективное владение Астраханскому купечеству был отменен, а большинство рыболовных участков в низовьях Волги и на северном побережье Каспийского моря в 1797 г. были переданы императором во владение крупным землевладельцам (Виноградов и др., 2022: 1569). Результатом этих изменений стал переход рыбных промыслов под контроль дворянства. Таким образом, в рыбном промысле региона в конце XVIII в. сформировались крупные дворянские рыбопромысловые монополии, что негативным образом сказалось на экономическом развитии региона, снизило его миграционную привлекательность.

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками для написания статьи послужили материалы Государственного архива Астраханской области (ГААО) отложившиеся в Объединенном архивном фонде Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами. Это контракты, заключавшиеся арендаторами казенных рыболовных вод с Управлением; реестры и книги записей, содержащие сведения о служащих и ловцах, находившихся на арендованных купцами промыслах; материалы о проведении в Астраханском Управлении торгов об отдаче промысловых вод в аренду и многое другое.

Отдельная группа документов иллюстрирует реализацию в регионе центральных законодательных инициатив, в частности, меры по введению в действие Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов 1865 г.: рапорты землемеров о составлении плана по межеванию и нарезке береговой полосы и северной части Каспийского моря, отчеты, содержащие промысловые сведения по участкам рыболовных вод и др.

Движение миграционных потоков и связь переселенцев с рыбным промыслом отражает делопроизводственная документация ряда рыбопромышленных фирм, находившихся на территории Астраханской губернии. Это списки служащих и рабочих, договора о найме с ловцами, бригадирами и смотрителями астраханской конторы рыбопромышленной фирмы «Наследники Г.С. Лионозова» Астраханской конторы рыбопромышленника К.В. Карастелева и др. Также сведения демографического характера содержатся в данных ревизий и Первой всеобщей переписи населения, проводившихся в Российской империи, отчетах Астраханского губернского статистического комитета и Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами.

2.2. Теоретической базой исследования является концепция модернизации. Она была детально проработана в трудах уральских исследователей (Алексеев, 1999; Модернизация..., 1998) и позволяет интерпретировать пореформенный период как первую общероссийскую индустриализацию, ставшую возможной в условиях складывания рынка свободной рабочей силы. Выработка государством новой модели трудовой миграции происходила под влиянием модернизационного процесса и являлась ответом на вызовы технического прогресса и эволюцию социально-экономических отношений. В Волго-Каспийском регионе это привело к ускорению темпов освоения богатых рыбных ресурсов окраинной территории, что было обеспечено за счет значительного притока рабочей силы.

3. Обсуждение

Вопросам освоения природных ресурсов окраинных регионов, их заселения в современной историографии посвящено значительное количество работ. Хозяйственное освоение территории Астраханской губернии в XIX в. также становилось предметом исследования региональных историков.

Развитие земельных отношений в Нижнем Поволжье (Астраханской и Саратовской губерниях) в контексте имперской переселенческой политики является предметом исследования И.В. Кузьминой (Кузьмина, 2011; Кузьмина, 2016). Однако специфические природно-климатические условия Астраханской губернии, наличие обширных степных пространств с кочевым населением не позволяют говорить о земледелии как значимом факторе освоения региона. Исследованию аграрного вопроса в кочевом обществе, развитию животноводства и особенностям традиционного природопользования у калмыков в XIX – начале XX в. посвящен ряд работ калмыцких историков: А.Н. Команджаева (Команджаев, 2011; Команджаев и др., 2022), Е.Н. Бадмаевой (Badmaeva, 2016; Бадмаева и др., 2021), Э.У. Омакаевой (Омакаева и др., 2006).

История соляного промысла в Астраханской губернии в XIX – начале XX в. отражена в исследованиях М.М. Хайрлаповой и Т.В. Юдиной (Хайрлапова, Юдина, 2022; Хайрлапова, 2020). Заселение губернии сквозь призму строительства и освоения транспортных коммуникаций освещалось в работах С.С. Белоусова (Белоусов, 2011; Белоусов, 2020). История рыбной отрасли Астраханской губернии в пореформенный период изучена А.А. Вороновой (Воронова, 2005; Воронова, Кузьмина, 2022).

Несмотря на обширную историографию проблем освоения и заселения Астраханской губернии, трудовая миграция как фактор освоения окраинных территорий Волго-Каспийского рыболовного района в пореформенный период не становилась предметом специальных исследований.

4. Результаты

Скромные результаты дворянской экспансии заставили Александра I искать другие возможные пути по освоению этой территории. Правительство сосредоточилось на заселении северных земель Астраханской губернии, более пригодных для ведения земледелия, чем районы Понизовья, переселяя туда государственных крестьян (Любомиров, 1926: 65). В начале XIX в. в губернию было переселено около 16 тыс. государственных крестьян, преимущественно из Воронежской, Тамбовской и Харьковской губерний (ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 876; ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 4; ГААО. Ф. 687. Оп. 10. Д. 20; ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 2222). Новыми поселенцами было образовано 15 новых сел (История Астраханского края, 2000: 587). При всех недостатках организованная правительством миграция государственных крестьян обеспечила Астраханской губернии в условиях крепостного права наибольшее количество переселенцев. В 1851 г. два северных земледельческих уезда Астраханской губернии: Царевский и Черноярский, на которые пришелся основной поток таких мигрантов (ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 4; ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 876), оказались в лидерах по количеству жителей, уступая только рыболовецкому Астраханскому уезду (Кеппен, 1857: 21).

Недоволен был Александр I и сложившимся положением дел в рыбном промысле. Захватив лучшие рыболовные воды и ослабив вольный лов, дворяне не смогли предложить в рыбном деле чего-то нового, более производительного. Помещики, за редким исключением, не обустроивали новых промыслов и не осваивали производительный морской лов. Поэтому правительство Александра I вынуждено было реагировать на сложившуюся в рыбной отрасли негативную ситуацию (Юдин, 1925: 67-68).

В начале XIX в. положению дел в рыбном промысле ВКРР были посвящены два правительственных документа: Императорский указ Сенату от 27 августа 1802 г. (ПСЗРИ, Собр. I, № 20388) и Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел от 17 июля 1803 г. (ПСЗРИ, Собр. I, № 20851). Указ от 27 августа 1802 г. оспаривал право крупных землевладельцев на монопольное владение морским побережьем в ВКРР, вызывавшее недовольство населения. В указе говорилось о необходимости свободного использования приморских территорий для устройства местным ловецким населением рыболовных вагаг и пристанищ во время непогоды.

При всей декларативности этот документ имел определенную практическую пользу для региона. Во-первых, был дан сигнал местной власти прекратить излишнее давление на вольный лов, точнее, на то, что от него осталось. Во-вторых, курирование рыбного промысла в ВКРР Александр I поручил министру иностранных дел графу В.П. Кочубею, пользовавшемуся доверием императора (Лебедев, 1863: 29). В-третьих, не имея юридического основания для отмены продворянских указов Павла I, Александр I сумел все-таки найти способы по развитию рыбного промысла и ограничению дворянской монополии. За 150 тыс. руб. правительством у графа И.П. Кутайсова были выкуплены обширные рыболовные воды в устье реки Эмбы и переданы в пользование купцам-рыбопромышленникам (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 3). В-четвертых, в 1803 г. в Астрахани было создано особое учреждение – Экспедиция Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов при Астраханском губернском правлении, задачей которой была организация вольного лова в эмбенских водах и открытом море и ограждение его от произвола помещиков (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 4).

Первый же год функционирования вольного лова в Эмбенских водах и в открытом море показал его преимущество перед помещичьими речными промыслами. По данным за 1804 г. общая добыча рыб осетровых пород в ВКРР составила 1 219 830 голов на сумму 2 062 000 руб. 56 % (662 тыс. голов) в этом улове принадлежало представителям свободного лова, ловцам и рыбопромышленникам, и лишь 20 % добыли помещичьи рыболовные предприятия. Оставшиеся 24 % составляли добычу речных ловцов, которые в основном работали на себя, а не на владельцев имений (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 2).

В течении первой половины XIX в. разрыв в производительности вольного и помещичьего сегментов в региональной рыбодобыче продолжал расти. Так, в 1860 г. доля вольного лова достигла уже 74 %. Число судов, принадлежавших рыбопромышленникам и морским ловцам, выросло со 100 в 1810 г. до 621 в 1860 г., то есть выросло на 521 судно. За тот же период число рыболовных промыслов, принадлежавших помещикам, увеличилось всего лишь с 47 до 52, то есть на пять предприятий (Зыков, 1924: 130).

Но, несмотря на некоторые успехи вольного морского лова в первой половине XIX в. основное препятствие для его дальнейшего развития продолжало сохраняться: доступ к рыбным ресурсам оставался в основном под контролем дворянских рыбопромышленных монополий, а общий скромный результат рыбодобычи в ВКРР не мог удовлетворить спрос на рыбную продукцию со стороны растущего городского населения империи. В этих условиях положение дел в ВКРР вновь оказалось в поле зрения правительства. В 1854 г. министром государственного имущества П.Д. Киселевым в Астрахань для прояснения ситуации был командирован статский советник И.Г. Иславин. 16 января 1856 г. вышло Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о выделении из губернского правления в самостоятельное подразделение созданной еще при Александре I Экспедиция Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Теперь она преобразовывалась в Комиссию Рыбных и тюленьих промыслов (далее Комиссия) (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 8).

Общая направленность готовившихся преобразований в отрасли вытекала из рекомендованного Государственным Советом будущего состава Комиссии, где помимо статского советника И.Г. Иславина, астраханского губернатора, управляющего Астраханской палатой государственных имуществ, должны были работать представители от рыбопромышленников (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 9). А вот представителей от «благородного дворянства», сетовали некоторые современники, «пригласить забыли» (Лебедев, 1863: 62). Затем это недоразумение было поправлено, но, тем не менее, акцент приоритетов в грядущих изменениях в рыбном промысле региона был правительством расставлен.

Одним из первых важных решений Комиссии, предвращавших начало реформирования рыбной отрасли в регионе, стало внедрение в 1864 г. в речное рыболовство так называемого билетного лова. Для этого все речные государственные рыболовные воды были разделены на небольшие участки, которые сдавались в аренду сроком на 5 лет (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 8). Для получения права на аренду рыболовного участка соискателю необходимо было на конкурсной основе приобрести в Комиссии специальный документ – билет. Стандартным сроком действия билета был 1 год. Арендная плата вместе с различными комиссионными сборами взималась заранее при заключении договора-аренды (Юдин, 1925: 65-66). Решение о введении билетного лова носило экспериментальный характер и ограничивалось только территорией ВКРР. Но в 1867 г. этот успешный опыт был использован Министерством государственных имуществ для распространения его на другие рыболовные районы страны (Труды АГСК..., 1874: 10-12).

Первым председателем Комиссии стал И.Г. Иславин (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 8). Под его руководством она выработала «Проект новых постановлений для Каспийских рыбных и тюленьих промыслов». Представлял этот документ в Министерстве государственных имуществ статский советник С.Н. Каразин. «Означенный проект по рассмотрении и изменении его в Министерстве государственных имуществ удостоился Высочайшего утверждения 25 мая 1865 г.» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 9).

Новый документ, получивший название Устав Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов (ПСЗРИ, Собр. II, № 42136: 540-559) (далее Устав) положил начало реформированию рыбного промысла в ведущем рыболовном районе страны.

Устав содержал пять глав. Первая глава этого документа касалась организации и структуры управления рыбными промыслами ВКРР (§ 9-57). Вместо прежней Комиссии был создан Комитет рыбных и тюленьих промыслов (далее Комитет), состоявший из 7 членов от правительства и 19 от рыбопромышленников. Также, как и прежняя Комиссия, Комитет был выведен из губернского подчинения в отдельную структуру, подчиненную Министерству государственных имуществ (Устав..., ? : 20). Текущая работа концентрировалась в Правлении рыбных и тюленьих промыслов, состоявших из назначавшихся Министерством председателя, 2-х членов и чиновников по штату (Устав..., 11). При Комитете была организована полиция рыбных и тюленьих промыслов, состоявшая из 7 смотрителей и 8 общественных надзирателей (Устав..., 14).

В состав морских участков, на которых распространялось действие Устава, входили: участок прибрежных вод площадью в 22 тыс. кв. км от реки Терек до западной границы вод, принадлежавших Уральскому казачьему войску; участок прибрежных вод площадью в 61 тыс. кв. км от восточной границы вод Уральского казачьего войска до мыса Тюб-Караган, расположенного на западной оконечности Мангышлакского полуострова. Прибрежный участок в этом районе был передан Правительством в льготное пользование мигрантам из русских губерний, селившихся в этом районе; участок прибрежных вод, располагавшийся вдоль восточного берега Каспийского моря, начиная от Тюб-Карагана и до границы Российской империи с Персией; открытое пространство Каспийского моря. На этих участках были разрешены два вида лова рыбы: так называемый бакенный лов (жестко регламентированный лов в прибрежных водах северной части Каспия), и «вольный» лов, осуществлявшийся непосредственно в открытом море (Устав..., 10).

Бакенный лов производился в районе устья Волги на площади приблизительно в 4 тыс. кв. км и напротив северных рукавов Терека на площади, приблизительно равной 1 300 кв. км. Для этого лова Комитетом были определены бакенные полосы, которые делились на Волжские и Терские (Устав..., 7). Бакенные полосы уходили вглубь моря на 50 км, достигая 8,5 метровой глубины. Они, в свою очередь разделялись на черневые и морские. Черневой считалась часть полосы, простиравшаяся от берега до 2-х метровой глубины. В условиях того времени черневая часть бакенной полосы достигала в длину в среднем 14 км. Морская часть бакенной полосы начиналась от завершения черневой части (от 2-х метровой глубины) и до 8,5 метровой глубины. Во всех бакенных полосах лов рыбы разрешался только крючковой самоловною снастью. Она располагалась рядами параллельно направлению полос и ходу рыбы в реку. Ставить снасть поперек категорически запрещалось статьями Устава. Расстояние между рядами должно было быть не менее длины перетяги, т. е. 48 м, а места для лова распределялись жребием (Устав..., 8). Устав определил 11 волжских бакенных полос, простиравшихся от устья Волги вглубь Каспия в юго-восточном направлении. Ширина этих полос варьировалась от 2 до 8 км. У Терека располагалась одна полоса с направлением на северо-восток. Ширина ее составляла приблизительно 2,5 км (Устав..., 7).

Напротив волжского устья между бакенными полосами по распоряжению Комитета были оставлены свободные пространства шириною от 7 до 13 км для беспрепятственного прохода рыбы в Волгу. В этих промежутках было запрещено всякое рыболовство. Устья северных рукавов Терека были ограждены запретным пространством шириною приблизительно в 22 км. Бакенные полосы от берега и до 4-х метровой глубины обозначались с помощью вбитых в дно деревянных кольев, а далее – плавучими бакенами (ГААО. Ф. 194. Оп.1. Д. 27. Л. 6). Отсюда название этого вида лова рыбы. За билеты, дававшие право на лов в бакенных водах, по сведениям за 1873 г. взимались следующие сборы: на лов в морских бакенных полосах за год взималось 120 руб.; на лов в черневых бакенных полосах годовой сбор составлял 50 руб.; на лов около самого берега годовой сбор был 6 руб.; на лов в остальном пространстве моря, составляющем «вольный» промысел годовой билет стоил 50 руб.; на зимний подледный лов билеты выдавались промышленникам, имевшим годовые билеты бесплатно, а имевшим полугодовые билеты с оплатой в 15 руб. (ГААО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 7. Л. 11).

По временным периодам морской лов разделялся на весенний, осенний, зимний и годовой. И производился по билетам, выдававшимся Комитетом на каждое судно и на каждый период лова за установленную плату. Периоды лова, на которые распространялось действие билетов, регламентировались следующим образом: годовой с 15 июля до замерзания моря и с 1 марта следующего года по 15 июля; весенний – с 1 марта по 15 июля; осенний – с 15 июля до замерзания моря и зимний от замерзания моря до 1 марта.

Речные рыболовные воды ВКРР, включавшие в себя северные рукава реки Терек и всё низовье реки Волги, также попадали под действие Устава 1865 г. Северные рукава Терека – Раздольевский, Коктобейский и Чернорынский – находились в 1860-е гг. на территории Ставропольской губернии. В 1868 г. они были выкуплены правительством у помещиков Всеволожских, поделены на отдельные участки и сданы в аренду мелким и средним рыбопромышленникам по примеру Астраханской губернии (Труды АГСК..., 1874: 12-13).

Нижняя Волга со всеми рукавами, заливами и ильменями от Камышина до моря занимала пространство в 17 тыс. кв. км. К моменту введения Устава это пространство имело сложную структуру собственности, которая представляла собой чересполосицу: государственная, частная, муниципальная, сельских обществ и казачьих станиц. В 1873 г. на этой территории размещалось приблизительно 170 речных участков, из них государственных – 108, частновладельческих – 47, казачьих – 17 и калмыцких – 4. Все казенные участки сдавались в аренду с торгов, а остальные, представленные разными формами собственности, также в основном сдавались в аренду на различные временные сроки (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 13).

Комитет взимал особый сбор на расходы по общественному надзору за рыболовством. Одна половина этого сбора поступала с морских ловцов одновременно с билетным сбором, а другая – с владельцев и арендаторов речных рыболовных участков на Волге и северных рукавах Терека.

Устав призван был ослабить дворянское доминирование в рыбном промысле и допустить к нему выходцев из всех сословий русского общества. С этой целью правительством был предпринят

ряд важных мер, призванных оживить предпринимательскую активность в ВКРР. С 1867 г. береговая полоса северной части Каспийского моря от реки Терек и до реки Урал шириной в 1 версту, а также берега морских островов в северной и центральной части Каспия были предоставлены государством для развития вольного лова (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 28. Л. 49). Для этого в 1865–1867 гг. Министерство государственных имуществ выкупило у помещиков 363 кв. км прибрежной земли на сумму в 443 628 руб. 30 коп. (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 9). На освобожденной прибрежной территории, рыбопромышленники и ловцы могли арендовать земельный участок в 400 кв. м (1/4 квадратной версты) сроком не менее чем на 25 лет под устройство рыболовных и рыбообрабатывающих предприятий. В зависимости от величины и месторасположения участков годовая арендная плата за их эксплуатацию варьировалась от 75 коп. до 3 руб. 50 коп. за 1,09 га (десятину) берегового участка (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 35. Л. 147). Такие расценки были приемлемы для мелких и средних рыбопромышленников, а также для морских ловцов. Таким образом, все это выкупленное у помещиков пространство стало, по сути, «свободной экономической зоной», предназначенной для развития рыбного промысла средними и мелкими предпринимателями. Ограничивая стоимость аренды и размер участков, сдаваемых на длительный срок под определенную хозяйственную деятельность – рыбный промысел, правительство стремилось не допустить к этим ценным хозяйственным землям и водам крупных рыбопромышленников и финансовых спекулянтов. За первые пять лет действия этой Волго-Каспийской «свободной экономической зоны» (1867–1873 гг.) там было открыто 53 новых рыболовных и рыбообрабатывающих предприятия, то есть больше, чем построили дворяне за предыдущие 100 лет (Зыков, 1924: 130).

До 1865 г. большая часть населения ВКРР вынуждена была соглашаться на предлагаемые помещиками невыгодные условия работы в рыбной промышленности, чтобы иметь средства к существованию. Теперь для жителей региона, занимавшихся рыбным делом, открывались новые возможности. Бедняки могли наниматься на открывавшиеся рыбопромышленниками в прибрежной зоне предприятия, где оплата была выше, чем у помещиков. Ловцы, зарабатывая на недорогом прибрежном лове, вкладывали полученные средства в покупку судов, рыболовного снаряжения и переходили к более прибыльному морскому лову. Все больше предпринимателей считало выгодным для себя вкладывать средства в рыбный промысел и прежде всего в морской лов. По сведениям Астраханского губернского статистического комитета: «выдвинулись для оборотов капиталы лиц, прежде мало известных, и вместо бывших 5-ти или 6-ти промысловых контор образовались сотни отдельных хозяйств для развития морского лова» (Труды АГСК..., 1874: 15). В результате развития конкуренции цены на найм работников на рыбные промыслы в течении семи лет после введения Устава выросли более чем в два раза и продолжали расти в последующие годы (Отчет Астраханского управления..., 1907: 117–118). Одновременно увеличивались закупочные цены на рыбу, что также было выгодно для ловцов (Отчет Астраханского управления..., 1900: 163–165). Преобразования, связанные с введением Устава, положительным образом сказались на росте уловов. За период 1865–1901 гг. добыча рыбы в ВКРР выросла приблизительно в два раза: со 140 360 т в 1860 г. до 274 701 т в 1900 г. (Зыков, 1924: 131).

Помещичьи хозяйства в ВКРР продолжали сохраняться и после введения Устава. Располагались они в низовьях Волги. Из частных владений крупнейшими в конце XIX в. являлись: рыболовные воды генерал-майорши М.А. Чубаровой, находившиеся в селах Житном, Харбае, Икряном и Макове; рыболовные воды князя Долгорукова в Харбае; Синеморское поместье, находившееся в собственности наследников графа Безбородко (Пелль, 1895: 110). В новых экономических условиях владельцы поместий в основном предпочитали сдавать свои рыболовные воды в аренду либо продавали их рыбопромышленникам. Муниципальные рыболовные воды в Астраханской губернии, также как и помещичьи, в основном сдавались в аренду рыбопромышленникам (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 15).

Рыболовные воды, находившиеся в пользовании Астраханского казачьего войска, являлись важным источником дохода для войсковой казны. Зимнее рыболовство в этих водах осуществляли сами казаки с 15 ноября по 1 марта ежегодно. В остальное время года эти воды сдавались в аренду. Самые большие рыболовные участки астраханских казаков находились вблизи станиц Казачебугоровской и Городофорпостинской, располагавшихся недалеко от Астрахани (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 35. Л. 79).

Помимо успешных экономических преобразований, Устав стал важным инструментом в выработке новой миграционной модели, удачно встроившей ВКРР в общую правительственную политику развития окраинных территорий. Мигранты, прибывавшие в новых условиях в Волго-Каспийский регион, используя возможности Волго-Каспийской свободной экономической зоны, бакенного лова и др., могли со временем начать свое дело: стать морскими ловцами, завести хозяйство, иметь высокие доходы от рыбного промысла. Причем эта миграционная модель, связанная с развитием рыбного промысла, была настолько привлекательной, что во второй половине XIX в. Астраханская губерния стала одним из лидеров роста численности населения среди европейских территорий Российской империи, уступая лишь Санкт-Петербургской губернии и Области Войска Донского. В период 1850–1897 гг. ее население выросло на 157 %, с 387 тыс. чел.

в 1850 г. до 995 тыс. чел. в 1897 г. (*Демография регионов...*). Количество работников, прибывавших для работы на рыбные промыслы, также увеличивалось: если в 1860 г. их было 17 тыс. чел., то в 1900 г. уже 160 тыс. чел. Часть из вновь пребывавших оседала в ВКРР на постоянное место жительства (*Виноградов и др., 2021: 753-755*). Но даже после этого рывка Астраханская губерния, по переписи 1897 г., продолжала оставаться одной из самых незаселенных территорий в Российской империи (*Россия..., 1991: 77*).

Быстрыми темпами в пореформенный период росло ловецкое население региона. Рыболовные поселки, населенные «вольными мигрантами», стали стихийно создаваться в низовьях Волги и на северном побережье Каспийского моря в XVIII в. (*Белоусов, 2021; Ещенко, Красноженова, 2023*). Здесь, с одной стороны, были сосредоточены огромные рыбные ресурсы, с другой - десятки волжских рукавов, притоков и ильменей (озер) представляли естественную защиту для беглецов от нападений кочевников. Основным занятием населения этих поселков был лов рыбы, а отсюда самоназвание их обитателей – ловцы. Позже, в XIX в. эти люди трансформировались в устойчивую социальную группу, ставшую мощным драйвером хозяйственного освоения Волго-Каспийского рыболовного района. До 1930-х гг. в ВКРР более известное в настоящее время слово рыбак практически не использовалось, так как носило другую смысловую нагрузку: скупщик рыбы, а тот, кто ее ловил, – это ловец (*Копылова, 1984: 55*). Если до 1865 г. низовья Волги представляли собой малозаселенные места с небольшими поселениями в 30 дворов, располагавшимися по крупным волжским притокам, то через 10 лет «старые села разбухли в 10 раз и с каждым годом все разбухают и разбухают» (*Бородин, 1903: 12*). Мало того, выросли и, как грибы, продолжают расти все новые поселения. Кем же и чьей силой вызвано и это разбухание старых населенных мест и возникновение многих и многих десятков новых? Астраханским морским ловцом. Это он разбух и выпустил новые бесчисленные ветви, и все продолжает разбухать, все продолжает разветвляться» (*Зыков, 1924: 132*).

Состав ловецкого населения был пестрым. В основном это были выходцы из центральных и поволжских губерний. Но были среди ловцов и представители местных кочевых народов: казахи и калмыки, часть которых в пореформенный период оседала в прикаспийских селениях, предпочитая рыбный промысел традиционному скотоводству (*ГААО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 82-95; ГААО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 15-18*). В 1870-е гг. среднее число ловцов в ВКРР доходило до 23 тыс. чел. (*ГААО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 7. Л. 24*). В 1900 г. их насчитывалось уже более 150 тыс. чел. (*Кисилевич, 1924: 9*).

По месту лова, оснащению, а также благосостоянию ловецкое население распалось на две неравные группы – морских и речных. В 1905 г. от общего количества ловцов на долю морских приходилось 70,4 %, а 29,6 % занималось речным ловом. Морские ловцы проживали в селах и поселках, расположенных ниже Астрахани, в низовьях Волги и на северном побережье Каспия. Ловецкое население, занимавшееся речным ловом, в основном селилось по берегам Волги выше Астрахани вплоть до Царицына (*ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 7*).

Сотрудники Астраханского статистического комитета в 1870-е гг. отмечали рост благосостояния и «полный достаток» во многих ловецких семьях, которые получили возможность заработать первоначальный капитал и начать заниматься морским ловом (*Отчет АГСК..., 1875: 49-50; Отчет АГСК..., 1878: 66-67*). Известный ученый-ихтиолог К.А. Кисилевич, описывая ловецкие села 1910–1914 гг., констатировал целый ряд внешних признаков материального благополучия, которого достигли морские ловцы к этому времени. По его наблюдениям, в море ловцы выходили на исправных стоечных судах, причем паруса на мачтах были чистыми и «дыр на них никто не видел». Они имели полный комплект рыболовной сбруи (орудий). Причем дома у морских ловцов имелось в запасе еще несколько комплектов рыболовных сетей, что в той среде, как и чистые паруса, тоже считалось признаком достатка. Об этом же свидетельствовали хорошее питание и добротная одежда, причем не только в ловецких семьях, но и у их работников («товарищей») (*Кисилевич, 1924: 20*).

Рост доходов морских ловцов являлся мощным стимулом для прибывавших в ВКРР мигрантов. Но прежде чем стать ловцом-хозяином, им предстояло обучиться ремеслу в ватаге (бригаде) в качестве «товарища». Такое определение работников ловецких ватаг, широко распространенное в низовьях Волги, точно передавало суть дела. Тяжелая работа и длительное пребывание в суровых условиях морской стихии требовали от каждого члена коллектива таких качеств, как психологическая устойчивость, способность к слаженной командной работе, поддержка товарищеских взаимоотношений. Они являлись залогом общего выживания и успеха. Поэтому ловцы жестко отбирали членов своей бригады, беспощадно отбраковывая не справлявшихся после первого же плавания. Впрочем, желавших попасть в работники к морским ловцам было много. Для этого в ловецких селах перед выходом в море скапливались приезжие из других губерний империи. Наряду с крестьянами своей удачи ожидали и мещане – жители различных российских городов, пытавшихся освоить рыбный промысел (*Кевдин, 1915: 37*).

Для менее зажиточных речных ловцов существовало два типа ловецкого найма (подряда). По первому типу ловцы получали оговоренную договором плату за сданный заказчику улов. Причем расценки варьировались в зависимости от вида рыбы и времени года. По второму типу ловцы нанимались к работодателю на определенное договором жалованье сроком на год или на путину. Как правило, ловцы, работавшие по договору первого типа, осуществляли рыболовство на своих судах

собственными рыболовными орудиями и, соответственно, получали более выгодные условия найма по сравнению с ловцами, заключавшими договора второго типа.

5. Заключение

В конце XVIII в. в ВКРР установилась система помещичьих монополий на рыболовные воды, которая с небольшими изменениями просуществовала до 1860-х гг. Дворяне, получая доход от принадлежавших им рыболовных участков, не обустроивали новых рыбных промыслов. Замедлилось развитие морского рыболовства, резко сократилась вольная миграция. Правительству, поддерживавшему переселение в Астраханскую губернию дворянами крепостных крестьян, не удалось в этот период добиться серьезных прорывов в заселении и освоении ВКРР. В начале 1860-х гг. Астраханская губерния являлась одной из самых незаселенных территорий в Европейской части Российской империи.

Некоторый прогресс в социально-экономическом развитии региона в первой половине XIX в. связан с решениями правительства Александра I по поддержке свободного лова и по переселению в Астраханскую губернию государственных крестьян. Но эти изменения не сняли главного противоречия в развитии региона: доступ к главному богатству региона – рыбным ресурсам – в основном оставался под контролем дворянства. Особенно остро это противоречие проявилось в середине XIX в, когда невысокие в условиях дворянских монополий уловы рыбы не могли удовлетворить спрос на рыбную продукцию со стороны растущего городского населения империи.

Преобразования, происходившие в рыбной промышленности ВКРР в 1860-е гг. являлись частью Великих реформ, а успешная трансформация государственной системы регулирования трудовой миграции была тесно связана с общим переходом экономики страны от крепостнической модели развития к капиталистической. Важнейшим элементом этого перехода стало формирование рынка труда в пореформенный период. Принятый в 1865 г. Устав Каспийско-Волжских рыбных и тюленых промыслов, регулировавший рыбный промысел, ВКРР открыл свободу предпринимательской деятельности в рыбном деле, предоставил возможность заниматься им мелким и средним предпринимателям.

В связи с реализацией Устава в ВКРР в 1860-е гг. произошли следующие изменения в рыбной отрасли. 1. Министерство государственных имуществ Российской империи осуществило выкуп помещичьих земель по северному побережью Каспия. 2. На этой территории были созданы льготные условия для развития мелкого и среднего предпринимательства, а также ловецких хозяйств. 3. Государственные речные рыболовные воды были разделены Комиссией на небольшие участки, которые через продажу билетов сдавались в аренду мелким и средним предпринимателям. Эти меры способствовали развитию конкуренции, росту доходов работников отрасли и увеличению рыбодобычи.

Отмена крепостного права и успешные преобразования в рыбной отрасли ВКРР способствовали росту трудовой миграции в регион и, как следствие, увеличению численности населения региона. По темпам роста населения во второй половине XIX в. Астраханская губерния становится одним из лидеров среди территорий европейской части Российской империи. Преобразования в рыбном промысле положительным образом сказались на социально-экономическом положении астраханских ловцов, активно осваивавших низовья Волги и северное побережья Каспийского моря.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861-1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)» <https://rscf.ru/project/23-28-00547>.

Литература

- Алексеев, 1999 – Алексеев В.В. Регионализм в России. Екатеринбург: УрО РАН, УрГИ, 1999. 194 с.
- Бадмаева и др., 2021 – Бадмаева Е.Н., Кидирниязов Д.С., Магомаев В.Х. Природно-климатические факторы в хозяйственной деятельности кочевых народов Прикаспийского региона // *Вопросы истории*. 2021. № 10-2. С. 223-234. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi69
- Белоусов, 2011 – Белоусов С.С. Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XIX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 3. С. 153-158.
- Белоусов, 2021 – Белоусов С.С. Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII-XIX в.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14, № 4. С. 685-696. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696
- Бородин, 1903 – Бородин Н.А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. 96 с.
- Воронова, 2005 – Воронова А.А. Государственное регулирование рыболовства в Каспийско-Волжском регионе во второй половине XIX - начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2005. № 4. С. 129-136.

- [Воронова, Кузьмина, 2022](#) – Воронова А.А., Кузьмина И.В. К проблеме заселения Северного Прикаспия в XIX – начале XX в.: п. Лагань // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 1 (70). С. 9-15. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_9
- [ГААО](#) – Государственный архив Астраханской области.
- [Демография регионов...](#) – Демография регионов Российской империи в 1850-1916 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/479773&full&ysclid=lhc39vrie5887304651> (дата обращения: 16.04.2023).
- [Ещенко, Красноженова, 2023](#) – Ещенко Ю.Г., Красноженова Е.Е. Проблемы обустройства вольных мигрантов в Волго-Каспийский рыболовный район в пореформенный период // *Вопросы истории*. 2023. № 5-2. С. 30-43. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202305Statyi46
- [Зыков, 1924](#) – Зыков Ф.П. Астраханские морские ловцы // *Астрахань и Астраханский край*. Сборник первый. Астрахань: Коммунист, 1924. С. 119-150.
- [История Астраханского края, 2000](#) – История Астраханского края. Астрахань: изд-во АГПУ, 2000. 1122 с.
- [Кевдин, 1915](#) – Кевдин В.А. Современное рыболовство России. М.: Тип. "Земля", 1915. 153 с.
- [Кеппен, 1857](#) – Кеппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1857. 296 с.
- [Кисилевич, 1924](#) – Кисилевич К.А. К ловецкому вопросу // *Наш край*. 1924. № 1. С. 1-64.
- [Команджаев, 2011](#) – Команджаев А.Н. Кочевое хозяйство калмыков: исторический опыт и современное звучание // *Экономическая история*. 2011. № 4 (15). С. 22-25.
- [Команджаев и др., 2022](#) – Команджаев А.Н., Сангаджиев Б.В., Команджаев Е.А. Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 259-269. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269
- [Копылова, 1984](#) – Копылова Э.В. Ловецкое слово. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1984. 128 с.
- [Кузьмина, 2016](#) – Кузьмина И.В. Аренда земли в структуре крестьянского хозяйства в Нижнем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2016. № 2 (47). С. 47-55.
- [Кузьмина, 2011](#) – Кузьмина И.В. Государственное регулирование переселений в Нижнее Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. № 2 (27). С. 33-38
- [Лебедев, 1863](#) – Лебедев К.Н. О каспийском рыболовстве. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1863. 132 с.
- [Любомиров, 1926](#) – Любомиров П.Г. Заселение Астраханского края в XVIII в. // *Наш край*. 1926. № 4. С. 54-77.
- [Модернизация..., 1998](#) – Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург: Полиграфист, 1998. 182 с.
- [Омакаева и др., 2006](#) – Омакаева Э.У., Очирова Н.Г., Ташнинова Л.Н., Богун Н.М., Санджиева А.Г., Намруева Л.В., Курепина Н.Л., Розен Л.В. Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии. Элиста: Джангар, 2006. 112 с.
- [Отчет АГСК..., 1875](#) – Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1874 г. Астрахань: Губернская типография, 1875. 101 с.
- [Отчет АГСК..., 1878](#) – Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1877 г. / Сост. секретарем Комитета Д. В. Чичинадзе. Астрахань: Губернская типография, 1878. 118 с.
- [Отчет Астраханского управления..., 1900](#) – Отчет Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1898 г. Астрахань: Губернская типография, 1900. 318, [21], X с.
- [Отчет Астраханского управления..., 1907](#) – Отчет Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1902 г. Астрахань: Паровая губернская типография, 1907. 123, [15] с.
- [Пелль, 1895](#) – Пелль Ф.А. Синеморские рыболовные промыслы. Астрахань: Типография Н.Л. Рослякова, 1895. 140, [4], XXXVI с., 26 л. ил.
- [ПСЗ РИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.
- [Россия..., 1991](#) – Россия. Энциклопедический словарь. Репринт, СПб., 1898. Ленинград: Лениздат, 1991. 922 с.
- [Труды АГСК..., 1874](#) – Труды Астраханского губернского статистического комитета. Выпуск третий. Астрахань: Губернская типография, 1874. 121 с.
- [Устав...](#) – Устав Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов (выработанный Комиссией при Департаменте земледелия и сельской промышленности). Б. м.: Типография и Литография Л. Бермана и Г. Рабинович, 76 с.
- [Хайрлапова, 2020](#) – Хайрлапова М.М. Организация добычи соли на Баскунчакском озере Астраханской губернии во второй половине XIX в. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2020. № 5. С. 168-179. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.33810

Хайрлапова, Юдина, 2022 – Хайрлапова М.М., Юдина Т.В. Организация соляного дела в Астраханской губернии на рубеже XIX-XX вв. (на примере Басинских соляных озер) // *Вопросы истории*. 2022. № 5-2. С. 78-88. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi52

Юдин, 1925 – Юдин П. К истории астраханского рыболовства // Наш край. 1925. № 7. С. 58-69.

Badmaeva, 2016 – Badmaeva E.N. The Peasant-migrants from the Land-Poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. № 42(4). Pp. 1173-1181.

Belousov, 2020 – Belousov, S.S. (2020). Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century). *Bylye gody*. 57(3): 1264-1269. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1264

Vinogradov et al., 2021 – Vinogradov S.V., Turitsyn I.V., Eshchenko Yu.G., Savel'eva E.V. Meaning of Labor Migration in the Developing of the Outlying Territories of the Russian Empire in 1861–1914 (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region) // *Bylye gody*. 2021. 16(2): 750-759. DOI: 10.13187/bg.2021.2.750

Vinogradov et al., 2022 – Vinogradov S.V., Eshchenko Yu.G., Savel'eva E.V., Likholeit O.V. Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th century: the Search for a Strategy (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region) // *Bylye gody*. 2022. 17(4): 1564-1574. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1564

References

Alekseev, 1999 – Alekseev, V.V. (1999). Regionalizm v Rossii [Regionalism in Russia]. Ekaterinburg: UrO RAN, UrGI, 194 p. [in Russian]

Badmaeva et al., 2021 – Badmaeva, E.N., Kidirniyazov, D.S., Magomae, V.Kh. (2021) Prirodno-klimaticheskie faktory v khozyaistvennoi deyatelnosti kochevykh narodov Prikaspiiskogo regiona [Influence of natural and climatic factors on the economic life of the nomadic peoples of the Caspian region]. *Voprosy istorii*. 10-2: 223-234. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi69 [in Russian]

Badmaeva, 2016 – Badmaeva, E.N. (2016). The Peasant-migrants from the Land-Poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries. *Bylye Gody*. 42(4): 1173-1181.

Belousov, 2011 – Belousov, S.S. (2011). Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century). *Voprosy istorii*. 3: 153-158.

Belousov, 2020 – Belousov, S.S. (2020). Vliyanie zheleznykh dorog na razvitiye poselencheskoi seti v Astrakhanskoi gubernii (poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XX vv.) [Influence of railways on the development of the settlement network in Astrakhan province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century)]. *Bylye gody*. 57(3): 1264-1269. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1264 [in Russian]

Belousov, 2021 – Belousov, S.S. (2021). Samovol'nye pereselenchesknye rybatskie poselki na kalmytskikh zemlyakh (vtoraya polovina XVIII-XIX v.) [Unauthorized fishing settlements of migrants in Kalmyk lands, mid-18th and 19th centuries]. *Oriental Studies*. 4(14): 685-696. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696. [in Russian]

Borodin, 1903 – Borodin, N.A. (1903). Kaspiisko-Volzhs кое rybolovstvo i ego ekonomicheskoe znachenie [Caspian-Volga fishery and its economic importance]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 96 p. [in Russian]

Demografiya regionov... – Demografiya regionov Rossiiskoi imperii v 1850-1916 gg. [Demography of the regions of the Russian Empire in 1850-1916]. [Electronic resource]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/479773&full&ysclid=lh39vrie5887304651> (date of access: 16.04.2023). [in Russian]

Eshchenko, Krasnozhenova, 2023 – Eshchenko, Yu.G., Krasnozhenova, E.E. (2023). Problemy obustroystva vol'nykh migrantov v Volgo-Kaspiiskii rybolovnyi raion v poreformennyi period [Problems of accommodation of free migrants in the Volga-Caspian fishing region in the post-reform period]. *Voprosy istorii*. № 5-2. S. 30-43. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202305Statyi46 [in Russian]

GAO – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State Archive of the Astrakhan Region].

Istoriya Astrakhanskogo kraia, 2000 – Istoriya Astrakhanskogo kraia [History of the Astrakhan region]. Astrakhan': izd-vo AGPU, 2000, 1122 p. [in Russian]

Keppen, 1857 – Keppen, P.I. (1857). Devyataya reviziya. Issledovanie o chisle zhitelei v Rossii v 1851 g. [Ninth revision. Study on the number of inhabitants in Russia in 1851]. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 296 p. [in Russian]

Kevdin, 1915 – Kevdin, V.A. (1915). Sovremennoe rybolovstvo Rossii [Modern fishery in Russia]. M.: Tip. "Zemlya", 153 p. [In Russian]

Khairlapova, 2020 – Khairlapova, M.M. (2020). Organizatsiya dobychi soli na Baskunchakskom ozere Astrakhanskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v. [Organization of salt mining on the Baskunchak lake of the Astrakhan province in the second half of the 19th century]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5: 168-179. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.33810 [in Russian]

Khairlapova, Yudina, 2022 – Khairlapova, M.M., Yudina, T.V. (2022). Organizatsiya solyanogo dela v Astrakhanskoi gubernii na rubezhe XIX-XX vv. (na primere Basinskikh solyanykh ozer) [Organization of salt business in Astrakhan province at the turn of the 19th-20th centuries (on the example of the Basinsk salt lakes)]. *Voprosy istorii*. 5-2: 78-88. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi52 [in Russian]

- [Kisilevich, 1924](#) – *Kisilevich, K.A.* (1924). K lovetskomu voprosu [To the lovets' question]. *Nash krai*. 1: 1-64. [in Russian]
- [Komandzhaev et al., 2022](#) – *Komandzhaev, A.N., Sangadzhiev, B.V., Komandzhaev, E.A.* (2022). Kalmytskaya step' Astrakhanskoi gubernii v kontse XIX v. (po novym arkhivnym materialam) [Kalmyk Steppe of Astrakhan governorate, late 19th century: newly discovered archival materials analyzed]. *Oriental Studies*. 2(15): 259-269. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-259-269 [in Russian]
- [Komandzhaev, 2011](#) – *Komandzhaev, A.N.* (2011). Kochevoe khozyaistvo kalmykov: istoricheskii opyt i sovremennoe zvuchanie [Kalmyk nomadic economy: historical experience and modern sound]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 4(15): 22-25. [in Russian]
- [Kopylova, 1984](#) – *Kopylova, E.V.* (1984). Lovetskoe slovo [Lovets' word]. Volgograd: Nizhne-Volzhske knizhnoe izdatel'stvo, 128 p. [in Russian]
- [Kuz'mina, 2011](#) – *Kuz'mina, I.V.* (2011). Gosudarstvennoe regulirovanie pereselenii v Nizhnee Povolzh'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [State regulation of resettlement in the Lower Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2(27): 33-38. [in Russian]
- [Kuz'mina, 2016](#) – *Kuz'mina, I.V.* (2016). Arenda zemli v strukture krest'yanskogo khozyaistva v Nizhnem Povolzh'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Lease of land in the structure of the peasant economy in the Lower Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2(47): 47-55. [in Russian]
- [Lebedev, 1863](#) – *Lebedev, K.N.* (1863). O kaspiiskom rybolovstve [About the Caspian fishery]. SPb.: Tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 132 p. [in Russian]
- [Lyubomirov, 1926](#) – *Lyubomirov, P.G.* (1926). Zaselenie Astrakhanskogo kraia v XVIII v. [Settlement of the Astrakhan region in the XVIII century]. *Nash krai*. 4: 54-77. [in Russian]
- [Modernizatsiya..., 1998](#) – *Modernizatsiya v sotsiokul'turnom kontekste: traditsii i transformatsii* [Modernization in the socio-cultural context: traditions and transformations]. Ekaterinburg: Poligrafist, 1998, 182 p. [in Russian]
- [Omakaeva et al., 2006](#) – *Omakaeva, E.U., Ochirova, N.G., Tashninova, L.N., Bogun, N.M., Sandzhieva, A.G., Namrueva, L.V., Kurepina, N.L., Rozen, L.V.* (2006). Traditsionnoe prirodopol'zovanie i stepnye ekosistemy Kalmykii [Traditional nature management and steppe ecosystems of Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 112 p. [in Russian]
- [Otchet AGSK..., 1875](#) – *Otchet Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1874 g.* [Report of the Astrakhan Provincial Statistical Committee for 1874]. Astrakhan': Gubernskaya tipografiya, 1875, 101 p. [in Russian]
- [Otchet AGSK..., 1878](#) – *Otchet Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1877 g.* [Report of the Astrakhan Provincial Statistical Committee for 1877]. Astrakhan': Gubernskaya tipografiya, 1878, 118 p. [in Russian]
- [Otchet Astrakhanskogo upravleniya..., 1900](#) – *Otchet Astrakhanskogo upravleniya rybnymi i tyulen'imi promyslami i kratkii obzor Kaspiisko-Volzhskego rybolovstva i tyulen'ego promysla za 1898 g.* [Report of the Astrakhan Administration of Fisheries and Seals and a Brief Review of the Caspian-Volga Fisheries and Seals for 1898]. Astrakhan': Gubernskaya tipografiya, 1900, 318, [21], X p. [in Russian]
- [Otchet Astrakhanskogo upravleniya..., 1907](#) – *Otchet Astrakhanskogo upravleniya rybnymi i tyulen'imi promyslami i kratkii obzor Kaspiisko-Volzhskego rybolovstva i tyulen'ego promysla za 1902 g.* [Report of the Astrakhan Administration of Fisheries and Seals and a Brief Review of the Caspian-Volga Fisheries and Seals for 1902]. Astrakhan': Parovaya gubernskaya tipografiya, 1907, 123, [15] p. [in Russian]
- [Pell', 1895](#) – *Pell', F.A.* (1895). Sinemorskie rybolovnye promysly [Sinemorsky fisheries]. Astrakhan': Tipografiya N.L. Roslyakova, 140, [4], XXXVI p. [in Russian]
- [PSZRI](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- [Rossiya..., 1991](#) – *Rossiya. Entsiklopedicheskii slovar'*. Reprint, SPb., 1898 [Russia. Encyclopedic Dictionary. Reprint, St. Petersburg, 1898]. Leningrad: Lenizdat, 1991, 922 p. [in Russian]
- [Trudy AGSK..., 1874](#) – *Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Proceedings of the Astrakhan Provincial Statistical Committee]. Astrakhan': Gubernskaya tipografiya, 1874, 121 p. [in Russian]
- [Ustav](#) – *Ustav Kaspiisko-Volzhskego rybnymi i tyulen'imi promyslov (vyrabotannyi Komissiei pri Departamente zemledeliya i sel'skoi promyshlennosti)* [The Charter of the Caspian-Volga fish and seal trades (developed by the Commission under the Department of Agriculture and Rural Industry)]. B. m.: Tipografiya i Litografiya L. Bermans i G. Rabinovich, 76 p. [in Russian]
- [Vinogradov et al., 2021](#) – *Vinogradov, S.V., Turitsyn, I.V., Eshchenko, Yu.G., Savel'eva, E.V.* (2021). Meaning of Labor Migration in the Developing of the Outlying Territories of the Russian Empire in 1861–1914 (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region). *Bylye gody*. 16(2): 750-759. DOI: 10.13187/bg.2021.2.750
- [Vinogradov et al., 2022](#) – *Vinogradov, S.V., Eshchenko, Yu.G., Savel'eva, E.V., Likholet, O.V.* (2022). Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th century: the Search for a Strategy

(on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region). *Bylye gody*. 17(4): 1564-1574. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1564

Voronova, 2005 – Voronova, A.A. (2005). Gosudarstvennoe regulirovanie rybolovstva v Kaspiisko-Volzskom regione vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [State regulation of fishing in the Caspian-Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii*. 4: 129-136 [in Russian]

Voronova, Kuz'mina, 2022 – Voronova, A.A., Kuz'mina, I.V. (2022). K probleme zaseleniya Severnogo Prikaspiya v XIX – nachale XX v.: p. Lagan' [On the problem of settling the Northern Caspian in the 19th – early 20th centuries: Lagan village]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 1(70): 9-15. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_9 [in Russian]

Yudin, 1925 – Yudin, P. (1925). K istorii astrakhanskogo rybolovstva [On the history of the Astrakhan fishery]. *Nash kraj*. 7: 58-69. [in Russian]

Zykov, 1924 – Zykov, F.P. (1924). Astrakhanskii morskii lovtsty [Astrakhan sea lovtsty]. *Astrakhan' i Astrakhanskii kraj*. Astrakhan': Kommunist, pp. 119-150. [in Russian]

Трансформация государственной модели регулирования трудовой миграции на окраинные территории Российской империи в XIX в. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района)

Сергей Вадимович Виноградов ^a, Юлия Геннадьевна Ещенко ^{a, *}, Елена Евгеньевна Красноженова ^a, Наталия Игоревна Кулакова ^a

^a Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Отечественный исторический опыт использования трудовой миграции как инструмента государственной политики освоения окраинных территорий содержит множество интересных и значимых для современности сюжетов, одним из которых является история освоения и заселения Волго-Каспийского рыболовного района. Причем для реализации этого проекта государство в разные исторические периоды использовало разные формы трудовой миграции: вольную, монастырскую, дворянскую, казацкую и т.д.

Преобразования, происходившие в рыбном промысле региона в исследуемый период, являлись частью Великих реформ 1860-х гг. А успешная трансформация модели трудовой миграции была тесно связана с общим переходом экономики страны от крепостнической модели к капиталистической. Важным следствием этого перехода стало формирование рынка свободной рабочей силы после 1861 г., что положительным образом сказалось на увеличении миграционных потоков в Волго-Каспийский рыболовный район.

В работе дается анализ принятого Правительством в 1865 г. Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, реализация которого способствовала успешному реформированию рыбной отрасли и заселению региона. Социально-экономические последствия проведенных преобразований рассматриваются на примере таких социальных групп, как помещики-дворяне, купцы-рыбопромышленники, рабочие рыболовных предприятий и ловцы. Выявлены достижения и недоработки в сложившейся во второй половине XIX в. модели государственного регулирования трудовой миграции. На основе собранного материала, часть из которого впервые вводится в научный оборот, делается оригинальное суждение, что основными выгодополучателями от введения Устава 1865 г. стали морские ловцы, а также мелкие и средние предприниматели, работавшие в рыбной отрасли.

Ключевые слова: Каспийское море, Волга, Волго-Каспийский рыболовный район, Астраханская губерния, миграционная политика, трудовая миграция, реформа, рыбный промысел, переселение, рыбопромышленник.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dissovvetdm@yandex.ru (С.В. Виноградов), pushistik_yuliya@mail.ru (Ю.Г. Ещенко), eleena@inbox.ru (Е.Е. Красноженова), vol-na1986@yandex.ru (Н.И. Кулакова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1275-1282
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1275

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Land Policy of the Russian Empire after the Abolition of Serfdom in 1861 and until 1906

Anton V. Gurko ^{a,*}, Krystsina D. Savitskaya ^b, Iskender T. Eratov ^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Republic of Belarus

^c Kyrgyz Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin, Kyrgyzstan

Abstract

The implementation of the peasant reform of 1861 represented a fundamental step towards meeting the new round of development of the Russian Empire. However, as a result of this reform, a number of new issues and tasks have arisen, one of which is the order of land distribution among peasants. This article is devoted to the study of the policy of the agrarian course of the Russian Empire in the second half of the XIX century – after the grandiose reform of Emperor Alexander II on the abolition of serfdom. The authors of the article describe in detail the role of the peasant community in the life of peasants. The article examines in detail the legal order of land distribution among peasants, as well as the peasant community as a subject of land ownership. In addition, the role of the elders of the community in the distribution of land plots, as well as in the resolution of disputes between peasants, is considered. The key principles of the distribution and redistribution of the land fund, such as the principles of equality and equalizing justice, are also analyzed. Their advantages and disadvantages are investigated. The authors analyzed quotes from statesmen regarding their proposals on the abolition of the peasant community and the transition to the European capitalist system, in particular, the Head of the Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, Count P.A. Shuvalov. At the same time, key obstacles to the implementation of these ideas were identified. The authors pay special attention to the issue of the ambiguity of the consequences of the rapid demographic growth of the population of the Russian Empire. The authors provided specific statistical data on the population in the period from 1858 to 1914, which showed a record increase in the population over the entire history of the state.

Keywords: The Russian Empire, the abolition of serfdom, the agrarian policy of the XIX century, the peasant community, the distribution of land plots among peasants, the headman of the peasant community.

1. Введение

Вторая половина XIX века в Российской империи представляет собой исключительно интересный материал для исследователей. По мнению ряда авторов, данный период характеризуется глубоким социальным кризисом. «...Который выражался в революционных настроениях, связанных с массовым крестьянским восстанием и эскалацией революционной борьбы в XIX веке» (Denisov et al., 2022a: 1193).

В целях разрешения данной ситуации император Александр II предпринял ряд решительных мер, направленных на ускоренный экономический и социальный рост государства, выраженный в ряде великих реформ, затрагивающих различные сферы жизни всех слоев общества.

* Corresponding author

E-mail addresses: gurkoantonwork@gmail.com (A.V. Gurko)

Безусловно, самой значительной и глобальной реформой Александра II, следует назвать отмену крепостного права в 1861 году (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730 б. Л. 27-410б.). Она затронула жизнь огромного числа населения- русских крестьян, которые своим количеством представляли собой основу населения Российской империи. Вследствие крестьянской реформы миллионы крестьян получили свободу и были обязаны приобрести земельные наделы в качестве участников общинного землевладения и землепользования. В результате данного события особо важной задачей стал поиск наиболее эффективного и оптимального решения вопроса относительно аграрного курса государства.

2. Материалы и методы

При разработке данного исследования в качестве источников были использованы архивные материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и Государственного архива Воронежской области (Воронеж, Российская Федерация), источники личного происхождения – мемуары князя В. П. Мещерского (Мещерский, 1898), а также материалы периодической печати, среди которых следует указать газету «Новое время» (Новое время), а также Вестник Союза русского народа (Вестник Союза..., 1910).

Данное исследование было проведено на эмпирическом и теоретическом уровнях. Среди эмпирических методов авторы избрали методы опосредованного описания и измерения. Среди теоретических методов авторы применили такие общелогические методы, как анализ и синтез, а также метод индукции.

Благодаря методу описания были выделены ключевые черты, характеризующие образ, уклад жизни и мировоззрение крестьян Российской империи в период с середины XIX по начало XX века. Метод измерения позволил проследить динамику демографического роста численности населения Российской империи за заданный временной период.

С помощью методов анализа и синтеза было произведено аналитическое исследование порядка наделения крестьян земельными наделами, а также достоинств и недостатков действовавшей на тот период земельной политики государства. Метод индукции позволил исследовать порой противоположные стороны влияния демографического роста на жизнь крестьян в различных уголках Российской империи и установить, что данные факторы, помноженные на неэффективную земельную политику государства, представляют собой ключевую причину крестьянских восстаний начала XX века.

3. Обсуждение

Анализируя историографию, авторы пришли к выводу о том, что вопросы земельной политики середины XIX – начала XX веков в Российской империи выглядели интересными и актуальными для его исследователей как в дореволюционный, так и в советский и современные периоды.

Среди дореволюционных авторов интересным выглядит мнение русского историка и публициста Ковалевского М.М.: «Примем прежде всего во внимание, что господство общинных форм владения землею, являясь препятствием к переходу последней из рук в руки, нарушает тем самым интересы как привилегированных сословий и народных вождей, так и ремесленно-торгового населения городов» (Ковалевский, 1879: 10). Особое внимание современников дореволюционной России уделено недостаточному земельному наделу, который представлял собой основную причину упадка благосостояния крестьян. (Розенберг, 1904: 7).

Советские ученые нередко указывали на актуальность необходимости реформирования государственного строя Российской империи в целом: «Понимание необходимости перемен в политическом строе России, модернизации ее политической системы и введения в стране в той или иной форме общественного представительства было свойственно многим государственным деятелям периода царствования Александра II, в том числе и наиболее близким к императору и влиятельным представителям высшей бюрократии» (Чернуха, 1972: 138).

Из числа советских вопроса оценки общинного строя стоит выделить, прежде всего, П.А. Зайончковского, который указывал: «Наличие общины и круговой поруки крайне отрицательно сказывалось на процессе экономического развития деревни, тормозя процесс дифференциации крестьянства, в частности рост сельской буржуазии» (Зайончковский, 1968: 302).

По мнению современных ученых, исследование аграрной политики и аграрного развития государства заслуживает особого внимания и интереса: «Состояние сельскохозяйственного производства и положение занятых им людей в социальной структуре становились в определенные моменты истории существенным фактором реформаторских либо революционных сдвигов» (Пьянков и др., 2013: 25). Также современными исследователями высказываются мнения относительно того, что задача по оптимальному решению вопроса аграрного курса Российской империи не была решена своевременно: «...после отмены крепостного права практически не было цивилизованного решения крестьянского вопроса» (Воронин и др., 2016: 81).

4. Результаты

Отмена крепостного права стала решительным шагом в сторону модернизации и экономического развития страны. Тем не менее разрешение крестьянского вопроса потребовало значительно более глубокой проработки. По мнению авторов, стоит согласиться с мнением советского историка С.М. Дубровского: «Хотя «реформа 1861» года проходила под знаком перехода крепостнических хозяйств в капиталистические, однако последний был задержан самим ее проведением, обеспечившим долгое сохранение крепостничества в деревне» (Дубровский, 1925: 4).

В данном контексте особо интересным выглядит вопрос аграрной политики, а именно порядка наделения крестьян земельными участками. В качестве ключевого нормативного документа, регулирующего данный порядок, необходимо назвать «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730 б. Л. 53).

Абсолютному большинству крестьян земля передавалась сначала в общинное пользование, а затем посредством выкупа передавалась в собственность. Саму общину современники характеризовали следующим образом: «Трудно себе представить что-либо более сложное и многообразное, чем русская община. Раскинутая на огромной территории, развиваясь в различных климатических условиях, завися в значительной мере от степени густоты населения и обилия земли, она в каждом из этих случаев носит на себе своеобразный отпечаток, приобретает особую форму, несколько отличающую ее от других общинных форм» (Украинский, 1907: 11). Механизм передачи земель выглядел следующим образом: земля передавалась либо от помещиков, либо от государства в собственность крестьянских общин, членами которых были крестьяне.

Возглавлялись общины старостами, которые принимали участие в распределении земель между участниками общины. Кроме этого, старосты были уполномочены разрешать споры между крестьянами, в то время как ранее, до периода реформ, споры крепостных разрешались помещиками (Denisov et al., 2022b: 1781). В качестве примера можно назвать спор между жителями деревни Саловка братьями Иваном и Федором Маловыми, которые разделили имущество, но не могли поделить земельный надел, в результате чего Федор захватил всю территорию и начал распашку поля. Иван обратился к старосте для справедливого разрешения данного конфликта. Староста наложил запрет на действия Федора, который, в свою очередь, его проигнорировал и в результате получил наказание в виде ареста сроком на одни сутки (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 65). Также в зону ответственности старост входили полномочия по сбору податей. Причем в данной сфере сохранилось немало свидетельств относительно неправомерного поведения старост: «Дьячковский сельский староста Нестеренко при взыскании податей врывается в избы семей запасных, забирает самовары, забирает мелкий рогатый скот, орет во все горло, пугает старуху -мать, жену и малых детей, производит целый разгром, выколачивает последние деньги» (ГАРФ. Ф. 730. Д 4. Оп. 124. Д. 14. Л. 4).

Старосты общин избирались на общих сельских сходах. В целом можно сказать об атмосфере недоверия крестьян по отношению к честности процесса выборов: «Сельские и волостные сходы, которым предоставлен выбор должностных лиц и решение хозяйственных дел, утратили в глазах народа всякое доверие. Не одно дело не решается беспристрастно, ибо не бывает схода без угощения водкой заинтересованными лицами» (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1541. Л. 6).

Таким образом, вплоть до начала XX века община выступала в качестве субъекта, то есть собственника переданных земельных владений крестьянства. А крестьяне выступали в качестве пользователей общинной земли.

При распределении земель между крестьянскими семьями учитывался ряд критериев, среди которых одним из ключевых было наличие мужских ревизских душ, лиц мужского пола в возрасте от 7 до 60 лет. Стоит отметить, что распределение земель не было окончательным. Через несколько лет после распределения крестьянская община во главе со старостой была вправе инициировать и организовать перераспределение земель с учетом изменившейся демографической ситуации.

Ключевыми принципами распределения земель можно назвать принципы равенства и уравнительной справедливости: площадь общего фонда земель общины делилась на общее количество мужских душ в общине, а затем умножалась на количество мужских душ в каждой конкретной крестьянской семье для выдачи ей земельного надела. Как указывают исследователи: «Размер земельных наделов определялся местными Положениями для губерний и в целом колебался от 3 до 12 десятин» (Шатковская, 2020: 54).

Однако если в количественном измерении принцип справедливости был легко реализуем, то возникали вопросы относительно качества передаваемых земель, так как, безусловно, земли имели существенные отличия по ряду критериев, таких как, например их качество и удаленность от центра деревенской общины. В целях того, чтобы принцип справедливости соблюдался и в качественном отношении: земельные наделы передавались крестьянским семьям не в качестве единых участков, а в виде разрозненных территорий, количество которых могло достигать до 40 полосок земель, разбросанных на огромной территории. В связи с дроблением земельных наделов крестьянские семьи, с одной стороны, были удовлетворены справедливостью распределения, а с другой стороны, сталкивались с безусловными трудностями в рациональном использовании переданных им в пользование земельных участков.

Подобное положение дел негативно сказывалась на плодородные характеристики земель. Крестьяне не стремились обрабатывать и удобрять земли в целях поддержания плодородия земель, так как знали, что данные земли им не принадлежат и через какое-то время возможен передел участков. Кроме этого, обработка земель была затруднительна по причине протяженности разброса участков. В итоге это приводило к истощению природных запасов и сокращению показателей плодородия земель. Как справедливо подчеркивал П.Н. Квитка: «Социализм понимаемый как фактическое обобществление средств производства, общественное производство и обобществление произведенного продукта при наличии прямого и полного народовластия, говоря вообще, может получить практическое осуществление лишь в отдаленном и при том непредвиденном будущем» (Квитка, 1907: 1).

Тем не менее, несмотря на все недостатки общинного строя, крестьянское население в целом относилось к нему с поддержкой, так как община на протяжении многих веков помогала им выжить в суровых условиях крестьянской жизни: природно-климатические условия, жесткое самодержавие, неурожаи, пожары в деревянных домах – все это понуждало крестьян поддерживать подобный коллективизм, помогающий крестьянам преодолеть вышеназванные условия.

Суммируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что община помогала крестьянам выживать, но тормозила экономическое развитие: успешный землепользователь при очередном переделе земель вновь был вынужден отступить в прежнее экономическое положение. Поэтому все усилия по налаживанию аграрной экономики выглядели бесперспективными.

Правительство Российской империи, безусловно, осознавало данные недостатки крестьянско-общинного строя и порядка наделения крестьянами земель. Нередко высокие чины высказывали свои мнения относительно необходимости изменения данного порядка. В частности, князь В.П. Мещерский в своих воспоминаниях описывал беседу с Графом П. А. Шуваловым в 1871 году. В этот период граф занимал высокую должность Главноуправляющего Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. В данном диалоге П. А. Шувалов высказывал мнение относительно необходимости решения «...варварского вопроса общины... Десять лет прошло с тех пор и очень пора устроить более европейский порядок землевладения, при котором была бы мыслима сельскохозяйственная культура и рациональное хозяйство» (Мещерский, 1898: 147).

Однако переход на индивидуальное право землевладения и землепользования выглядел достаточно трудоемким, сложным и даже опасным. Сама отмена крепостного права и так представляла собой довольно революционное решение, которое существенно изменило жизнь всего населения Российской империи: был снят помещичий контроль, в значительной степени перераспределен земельный фонд с выделением земель для пользования крестьянам, организован порядок подписания уставных грамот и т.д. Все это выглядело в значительной степени новаторским и важным, и поэтому дальнейшая реорганизация жизни крестьян выглядела весьма затруднительной в связи с тем, что все свершившиеся перемены и так происходили в некоторой степени болезненно, в том числе с учетом разрушения сложившейся на протяжении веков народной психологии.

Кроме этого, для того, чтобы индивидуализировать крестьянское земельное право и осуществить переход на индивидуально-семейное частное право, требовалось большое количество специалистов-экспертов, которые должны были бы провести грандиозную работу, которая включала бы в себя такие пункты, как: оценка земель, деятельность по проведению земельного кадастра, межевание земель и т.д. Все вышперечисленные масштабные мероприятия требовали огромного количества ресурсов, как финансовых, так и кадровых, которые на тот момент были в существенном дефиците. Поэтому сохранение крестьянской общины и установленного порядка владения, распределения и пользования землями выглядело наиболее привычным и оптимальным решением. Также данный порядок обеспечивал довольно простое функционирование системы налогов и сборов, а также системы управления.

В дополнение к этому необходимо сказать и об идеологической составляющей. На протяжении длительного времени крестьянство представляло собой опору самодержавно-монархической системы, где сама модель крестьянской жизни, которой во многом руководил сначала помещик, а после отмены крепостного права – староста общины, прекрасно подходила под монархическую модель неограниченного самодержавия, так как российская монархия базировалась не только на дворянской солидарности, но и на крестьянской стабильности.

Вторая половина XIX века характеризуется масштабной и ускоренной модернизацией российской экономики, развитием транспортной сети, урбанизацией, появлением промышленных районов. Подобное успешное развитие государства, безусловно, положительно отразилось, в т.ч. и на демографическом росте. Для наглядности хотелось бы привести статистические данные. Однако показатели по изменению общего числа населения Российской империи не будут в полной мере корректны, так как в XIX веке продолжалось расширение территорий Российской империи преимущественно за счет присоединения земель Средней Азии. Поэтому в целях представления объективных данных за основу стоит взять показатели количества населения, проживающего в пределах границ государства до 1646, то есть до периода масштабного увеличения площади Российской империи. Итак, по состоянию на 1858 год число населения, проживающего в границах

1646 года, составляло 40,8 млн. К 1897 году данные показатели увеличились более чем на четверть, и население составило 52 млн человек. А еще через 17 лет, в 1914, число населения достигло 73 млн человек (Миронов, 2003: 20).

Естественный прирост населения вызвал сокращение площади земельных наделов, распределяемых на душу населения, что, в свою очередь, в тех деревнях, где отсутствовала иная возможность получения доходов, вызвало сокращение ресурсов, снижение урожайности и обеднение крестьянского населения. В 1907 году вышла в свет работа политического и государственного деятеля, в то же время являвшегося врачом общей практики, А. И. Шингарева, в которой он подробно описал результаты своих санитарно-экономических исследований в двух деревнях Воронежского уезда. В итоге А. И. Шингарев пришел к выводу относительно крайне неблагоприятных жизненных условий крестьянских жителей: их скудном питании, крайней бедности, частых болезнях, антисанитарии и высокой детской смертности, в том числе по причине недостаточных размеров земельных наделов (Шингарев, 1907).

Периодическая печать также не обходила вниманием вопрос малоземелья крестьян: в 1906 году была издана статья автора Д.П. Пестржецкого под названием «Очерки по крестьянскому вопросу», в которой автор высказывал мнение относительно необходимости реформирования порядка передачи земель крестьянам: «...не только помощь материальная, но и реформа нужна – вмешательство властей, чтобы железное кольцо, в котором крупные земледельцы выжали все соки из землепашца было разрублено, иначе земледельческому населению придется искать спасение в эмиграции» (Новое время, 1906: № 10709). В то же время периодическая печать нередко высказывала, напротив, консервативные взгляды: «Все меры следует принять для поднятия общего уровня нравственности, для внедрения в умы и совесть наших сограждан понятия о долге и обязанностях каждого перед Богом, Царем и своим народом. И только при этом стоит писать новые законы» (Вестник Союза..., 1910: №7).

Тем не менее ситуация не выглядела столь однозначной. И, безусловно, если бы картина, описанная Шингаревым, была бы актуальна для всей Российской империи, то определенно нельзя было бы говорить о естественном численном приросте населения. Подобное состояние крестьянского населения можно было наблюдать в тех селениях, где крестьяне не могли найти какого-либо иного источника дохода. В поисках лучшей жизни крестьяне подавали прошения в адрес генерал-губернаторов о переселении их семей в регионы с более благоприятным и теплым климатом (РГИА. Ф. 1282. Оп. 14. Д. 836. Л. 4-5).

Сокращение душевого земельного надела являлось побуждающим мотивом для поиска дополнительных заработков и промыслов, таких как работа в городах или на железнодорожных станциях, строительство дорог, швейное производство, работа в шахтах и т.д. Причем все эти виды деятельности приносили больший доход, чем земледелие. Знакомство с иной жизнью, помимо крестьянского земледелия, существенно меняло саму психологию крестьян. Они стали более мобильны, менялось их мировоззрение, развивались навыки анализа, а доминировавшая ранее в сознании крестьян покорность сходила на нет. Тогда как община, в свою очередь, в условиях увеличения количества трудовых ресурсов становилась все более настойчивой и даже агрессивной по отношению к частным землевладельцам, а порой и по отношению к государственной власти.

Начало XX века характеризуется волной крестьянских восстаний. В частности, в 1902 году в ряде губерний и уездов произошли массовые крестьянские беспорядки, выраженные в разорении и поджогах помещичьих хозяйств: «Весной прошлого 1902 года поднялись крестьяне Полтавской, Харьковской и других губерний и пошли на помещиков, отпирали их амбары, делили между собою их добро, давали голодным хлеб, посеянный и собранный мужиком, но захваченный в собственность помещиком, требовали нового раздела земли» (Карпов, 1925: 41). Кроме того, можно говорить о том, что в целом данный исторический период характеризуется падением уровня правосознания крестьянского населения: в том числе и ростом краж. Также стоит отметить и возросшее количество устроенных случаев самосуда по отношению к ворами. Отчет уездного исправника М.И. Буловича содержит следующие сведения: «При дознании крестьяне заявляли, что все воры, попадающие в руки суда, наказываются очень слабо, а отбыв такое наказание, они снова принимаются разорять их кражами. Поэтому они, крестьяне, предпочитают избавляться от таковых врагов своим самосудом и будут их убивать» (ГАВО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 170. Л. 28-29).

Указанные события представляли собой очень серьезные симптомы. Возникла серьезная аграрно-промышленная диспропорция. На фоне ускоренного развития промышленности и транспортной сети во второй половине XIX – начале XX столетия русская общинная деревня, скорее напротив, оставалась на примитивном уровне: отсутствовало развитие и модернизация сельскохозяйственных приемов, что приводило в том числе к снижению урожаев, а также крайне низкой доходности крестьянского двора. В стране нарастал очень острый и тревожный аграрный вопрос, в результате чего возникала ситуация раскола между городом и деревней, что представляло собой серьезную угрозу революционных потрясений для Российской империи.

5. Заключение

После отмены крепостного права 1861 года перед государственной властью встал один из острейших вопросов того времени – задача по наиболее оптимальному решению крестьянского вопроса в области порядка распределения земель. Первоначально был избран путь общинного землепользования, где собственниками земель выступали крестьянские общины, а крестьяне, в свою очередь, выступали пользователями земельных наделов, размер которых мог быть перераспределен по решению старост общин с учетом изменения количества мужских душ в общине и в каждой конкретной крестьянской семье.

В качестве ключевых принципов данного порядка можно назвать принципы равенства и уравнительной справедливости. Реализация данных принципов была весьма затруднительна по причине различных качественных характеристик земель. Среди недостатков выбранного курса можно назвать то, что общинный характер землепользования существенно затруднял использование современных агрономических приемов, направленных на окультуривание земли.

Весомую роль в крестьянском вопросе сыграл стремительный демографический рост населения Российской империи, произошедший во второй половине XIX века, который стал прямым основанием для сокращения земельных наделов, выделяемых на крестьянскую семью, что, в свою очередь, вызвало существенное обеднение крестьянских слоев населения в ряде регионов, где отсутствовала иная возможность получения дополнительных источников доходов.

Безусловно, представители государственной власти в лице самого императора и его приближенных прекрасно осознавали все вышеперечисленные недостатки общинного порядка землепользования. Однако проведение каких-либо решительных действий представляло собой весьма затруднительную задачу, в том числе по причине нехватки ресурсов для реализации столь масштабных мероприятий. Подобное затягивание решения земельно-крестьянского вопроса привело к массовым крестьянским восстаниям в начале XX столетия.

Таким образом, можно говорить о том, что сохранение традиционных устоев на протяжении нескольких десятилетий представляло собой наиболее предпочтительное решение для государства. Но так продолжалось до начала XX века. Смена земельной политики государства представляла собой вынужденную меру. Подводя итог, в качестве ключевых причин смены аграрного курса можно выделить три основных: политическая причина (угроза революции), экономическая (снижение урожая), а также социальная (необходимость решения крестьянского вопроса по причине массового снижения их доходов).

Литература

Вестник Союза..., 1910 – Вестник Союза русского народа: официальный орган Союза Русского Народа (СРН) «марковского». 1910.

Воронин и др., 2016 – Воронин Б.А., Маслаков В.В., Сарабский А.А., Федоров М.В., Потехин Н.А. Земельно-аграрная реформа П.А. Столыпина и развитие сельского хозяйства в современной России // *Аграрный вестник Урала*. 2016. № 10 (152). С. 78-85.

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Дубровский, 1925 – Дубровский С.М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Институт красной профессуры. Ленинград: Прибой: Коммунистический университет имени тов. Зиновьева, 1925. 302 с

Зайончковский, 1968 – Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России - 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Просвещение, 1968. 368 с.

Карпов, 1925 – Карпов Н.И. Аграрная политика Столыпина / Н. И. Карпов; Научно-исследовательский институт при Коммунистическом университете имени тов. Зиновьева. Ленинград: Прибой, 1925. 238 с.

Квитка, 1907 – Квитка П.Н. Опыт программы аграрной реформы в связи с общегосударственными реформами и мероприятиями и переселенческо-колониационное дело / П. Квитка, (агроном). Семипалатинск: Типо-лит. торг. д. "П. Плещеев и К^о", 1907. [2], IV, [2], 129 с.

Ковалевский, 1879 – Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения / [Соч.] М. Ковалевского. Москва: тип. Ф.Б. Миллера, 1879. [4], VIII, 235 с.

Мещерский 1898 – Мещерский В.П. Мои воспоминания. Часть 2. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1898. 518 с.

Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / В 2 Т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 1. 549 с.

Новое время, 1906 – Новое время. Русская газета, издававшаяся в 1868-1917 годах в Санкт-Петербурге. СПб., 1906.

Пьянков и др., 2013 – Пьянков С.А., Баранов Е.Ю., Михалев Н.А. Столыпинская аграрная реформа: оценки, подходы и дискуссии в современной российской историографии // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 2-1. С. 25-31.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

[Розенберг, 1904](#) – *Розенберг В.А.* Очерки по крестьянскому вопросу: Собр. ст. под ред. проф. Моск. ун-та А.А. Мануилова. Вып. 1: Из хроники крестьянского дела. Москва: Издание Д.С. Горшкова. 1904. VI, 285 с.

[Украинский, 1907](#) – *Украинский В.* Крестьянская община и аграрная реформа. Москва: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. 119 с.

[Чернуха, 1972](#) – *Чернуха В.Г.* Проблема политической реформы в правительственных кругах России в начале 70-х годов XIX в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дookтябрьский период. Л., 1972. С. 138-190.

[Шатковская, 2020](#) – *Шатковская Т.В.* Крестьянская реформа 1861 г.: принципы, правовое содержание и последствия (к юбилею великой реформы) // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2020. № 4. С. 50-58.

[Шингарев, 1907](#) – *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Издание 2-е. С.-Петербург: типография товарищества "Общественная польза", 1907. [4], 223 с.

[Denisov et al., 2022a](#) – *Denisov I.S., Allalyev R. M., Katsarskiy M.I., Smirnov M.G.* Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1189-1196.

[Denisov et al., 2022b](#) – *Denisov I.S., Allalyev R.M., Katsarskiy M.I., Smirnov M.G.* Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1780-1787.

References

[Chernuha, 1972](#) – *Chernuha, V.G.* (1972). Problema politicheskoy reformy v pravitel'stvennykh krugakh Rossii v nachale 70-h godov XIX v. [The problem of political reform in Russian government Circles in the early 70s of the XIX century]. Problemy krest'yanskogo zemlevladieniya i vnutrennej politiki Rossii. Dooktyabr'skiy period. L. Pp. 138-190. [in Russian]

[Denisov et al., 2022a](#) – *Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Katsarskiy, M.I., Smirnov, M.G.* (2022). Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1. *Bylye Gody*. 17(3): 1189-1196.

[Denisov et al., 2022b](#) – *Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Katsarskiy, M.I., Smirnov, M.G.* (2022). Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2. *Bylye Gody*. 17(4): 1780-1787.

[Dubrovskij, 1925](#) – *Dubrovskij, S.M.* (1925). Stolypinskaya reforma: kapitalizaciya sel'skogo hozyajstva v XX veke [Stolypin reform: capitalization of agriculture in the XX century]. Institut krasnoj professury. Leningrad: Priboj: Kommunisticheskij universitet imeni tov. Zinov'eva, 302 p. [in Russian]

[GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].

[GAVO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti. [The State Archive of the Voronezh Region].

[Karpov, 1925](#) – *Karpov, N.I.* (1925). Agrarnaya politika Stolypina [Stolypin's Agrarian policy]. Nauchno-issledovatel'skij institut pri Kommunisticheskom universitete imeni tov. Zinov'eva. Leningrad: Priboj. 238 p. [in Russian]

[Kovalevskij, 1879](#) – *Kovalevskij, M.M.* (1879) Obshchinnoe zemlevladienie, prichiny, hod i posledstviya ego razlozheniya [Communal land ownership, causes, course and consequences of its decomposition]. [Soch.] M. Kovalevskogo. Moskva: tip. F.B. Millera. [4], VIII, 235 p. [in Russian]

[Kvitka, 1907](#) – *Kvitka, P.N.* (1907) Opyt programmy agrarnoj reformy v svyazi s obshchegosudarstvennymi reformami i meropriyatiyami i pereselenchesko-kolonizacionnoe delo [Experience of the agrarian reform program in connection with national reforms and measures and resettlement-colonization business]. Semipalatinsk: Tipo-lit. torg. d. "P. Pleshcheev i K^o". [2], IV, [2], 129 p. [in Russian]

[Meshcherskij, 1898](#) – *Meshcherskij, V.P.* (1898) Moi vospominaniya. Chast' 2. [My memoirs. Part 2]. SPb.: Tipografiya kn. V.P. Meshcherskogo. 518 p. [in Russian]

[Mironov, 2003](#) – *Mironov, B.N.* (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Empire Period [XVIII – early XX centuries]. V 2 T. 3-e izd., ispr., dop. SPb. V.1. 549 p. [in Russian]

[Novoe vremya, 1906](#) – *Novoe vremya*. Russkaya gazeta, izdavavshayasya v 1868-1917 godah v Sankt-Peterburge. [New time. A Russian newspaper published in 1868-1917 in St. Petersburg]. St. Petersburg. 1906.

[P'yankov i dr., 2013](#) – *P'yankov, S.A., Baranov, E.YU., Mihalev, N.A.* (2013). Stolypinskaya agrarnaya reforma: ocenki, podhody i diskussii v sovremennoj rossijskoj istoriografii [Stolypin Agrarian Reform: Assessments, Approaches and Discussions in Modern Russian Historiography]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2-1: 25-31. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv [Russian state historical archive].

[Rozenberg, 1904](#) – *Rozenberg, V.A.* (1904). Ocherki po krest'yanskomu voprosu: Sobr. st. pod red. prof. Mosk. un-та А.А. Мануилова. Вып. 1: Из хроники крестьянского дела. [Essays on the peasant question:

Collected articles edited by Prof. Moscow. A.A. Manuilova University. Issue 1: From the Chronicle of peasant affairs]. Moskva: Izdanie D.S. Gorshkova. VI, 285 p. [in Russian]

Shatkovskaya, 2020 – *Shatkovskaya, T.V.* (2020). Krest'yanskaya reforma 1861 g.: principy, pravovoe sodержanie i posledstviya (k yubileyu velikoj reformy) [Peasant Reform of 1861: principles, legal content and consequences (for the anniversary of the great reform)]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 4: 50-58. [in Russian]

Shingarev, 1907 – *Shingarev, A.I.* (1907) Vymirayushchaya derevnya: opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvuh selenij Voronezhskogo uezda [The dying village: the experience of sanitary and economic research of two villages of the Voronezh district]. Izdanie 2-e. S.-Peterburg: tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", [4], 223 p. [in Russian]

Ukrainskij, 1907 – *Ukrainskij, V.* (1907) Krest'yanskaya obshchina i agrarnaya reforma. Moskva : tip. G. Lissnera i D. Sobko. 119 p. [in Russian]

Vestnik Soyuzov..., 1910 – Vestnik Soyuzov russkogo naroda: oficial'nyj organ Soyuzov Russkogo Naroda (SRN) «markovskogo» [Russian People's Union Bulletin: the official organ of the Union of the Russian People (NRC) «Markovsky»]. 1910.

Voronin i dr., 2016 – *Voronin, B.A., Maslakov, V.V., Sarabsky, A.A., Fedorov, M.V., Potekhin, N.A.* (2016). P.A. Stolypin's land and agrarian reform and the development of agriculture in modern Russia [P.A. Stolypin's land and agrarian reform and the development of agriculture in modern Russia]. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 10(152): 78-85. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1968 – *Zajonchkovskij, P.A.* (1968). Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia]. 3-e izd., dop. i pererab. Moskva: Prosveshchenie. 368 p. [in Russian]

Земельная политика Российской империи после отмены крепостного права в 1861 году и до 1906 года

Антон Владимирович Гурко ^{a, *}, Кристина Дмитриевна Савицкая ^b, Искендер Тажибаевич Эратов ^c

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

^c Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Киргизия

Аннотация. Реализация крестьянской реформы 1861 года представляла собой основополагающий шаг на встречу новому витку развития Российской империи. Однако в результате данной реформы возник ряд новых вопросов и задач, один из которых – порядок распределения земель между крестьянами. Данная статья посвящена исследованию политики аграрного курса Российской империи второй половины XIX века после грандиозной реформы императора Александра II об отмене крепостного права. Авторы статьи подробно описывают роль крестьянской общины в жизни крестьян. В статье подробно исследован юридический порядок распределения земель между крестьянами, а также крестьянская община в качестве субъекта землевладения. Кроме этого, рассмотрена роль старост общины в распределении земельных наделов, а также в разрешении споров между крестьянами. Проанализированы в том числе и ключевые принципы распределения и перераспределения земельного фонда: такие как принципы равенства и уравнительной справедливости. Исследованы их достоинства и недостатки. Авторы проанализировали цитаты государственных деятелей относительно их предложений об упразднении крестьянской общины и переходе на европейский капиталистический строй, в частности, Главноуправляющего Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии графа П. А. Шувалова. В то же время были выявлены ключевые препятствия для реализации данных идей. Особое внимание авторы уделяют вопросу неоднозначности последствий стремительного демографического роста числа населения Российской империи. Авторами были приведены конкретные статистические данные численности населения в период с 1858 по 1914 год, которые показали рекордный рост численности населения за всю историю государства.

Ключевые слова: Российская империя, отмена крепостного права, аграрная политика XIX века, крестьянская община, распределение земельных наделов между крестьянами, староста крестьянской общины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gurkoantonwork@gmail.com (А.В. Гурко)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1283-1289
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1283

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Pre-Revolutionary Pedagogical Periodical Press: the Reference Publications on Public Education (1862–1916)

Irina Yu. Cherkasova ^a, Anvar M. Mamadaliev ^{b,*}, Valentina S. Nikitina ^c, Natalia V. Svechnikova ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the Russian periodical press devoted to the reference publications on public education. In total, 12 publications were considered, which were published in the period 1862–1916. The source base of the study was a variety of reference literature on the periodical press of the period of the Russian Empire.

In conclusion, the authors state that reference publications on public education had their own regional specifics. Of the twelve titles, eleven were published in the capitals (9 in St. Petersburg, 2 in Moscow) and only the latest edition is the “Byulleten' spravochnogo byuro...” in Samara. This geographical distribution was due to the fact that it was in the capitals that most of the pedagogical works were published or the most significant events were held.

The reference publications were devoted to reviews of the latest literature for both teachers and students, the activities of Russian and foreign public schools, analysis of the organization of the educational process and much more. The publication history of all twelve reference publications did not differ in its duration. Only four of them were published for 5 or more years, four editions – 2 years, and the remaining four – less than 1 year (three of them ceased publication during the First World War).

Keywords: periodical press, Russian Empire, pedagogy, extracurricular education, 1907–1917.

1. Введение

Справочные издания имперского периода по народному образованию – это особый тип публикации, имеющий практическое назначение, в котором кратко излагались разнообразные сведения (о типах учебных заведений, о научно-педагогической литературе и т.д.). При этом расчет делался на выборочное чтение, то есть на то, чтобы читатель быстро мог обнаружить интересующую его информацию. Ввиду того, что в пореформенное время книгопечатание в России активно развивалось, возрастал и спрос на справочные издания, в том числе касающихся вопросов народного образования. В данной работе мы хотели бы обратиться к справочным изданиям по народному образованию за период 1862–1916 гг.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования традиционно стала разнообразная справочная литература по вопросам периодической печати периода Российской империи. Среди таких трудов можно назвать Л.Н. Беляева «Библиография периодических изданий России. 1901-1916» (Беляева, 1958), Н.Н. Аблов «Pedagogical periodical press (1803–1916)» (Ablov, 1937) и другие.

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

Методология нашего исследования базируется на комплексном применении ретроспективного метода и метода контент-анализа. Сочетание этих методов позволило нам рассмотреть тему нашего исследования в ее хронологической последовательности, а из общего массива периодических изданий периода Российской империи выявить только справочные издания. В результате чего было отобрано и описано двенадцать периодических изданий справочного характера, которые издавались в период 1862–1916 гг.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования не отличается своей многочисленностью. Тем не менее она может быть разделена на две группы: публикации, посвященные российским справочным изданиям, а также публикации, посвященные дореволюционной педагогической периодической печати.

К первой группе мы хотели бы отнести следующие работы: статью А.М. Чеботарева и Е.К. Козыревой о российских справочных изданиях второй половины XVIII века ([Чеботарев, Козырева, 2019](#)) близкую по теме работу И.Л. Беленького об отечественных справочных изданиях в XX веке (материалы к библиографии) ([Беленький, 2000](#)) а также труд А.Х. Парастаева об отраслевых справочных изданиях, а также их роли и месте в социокультурной сфере ([Парастаев, 2013](#)).

Ко второй группе работ мы хотели бы отнести исследования, имеющие непосредственное отношение к дореволюционной периодической печати и ее редакторам. Так, например, Н.А. Антишин в своей работе к 150-летию Е.Ф. Проскуряковой уделил внимание жизненному пути известного российского редактора справочных изданий ([Антишин, 2023: 114-118](#)). Напомним, что Е.Ф. Проскурякова в разное время занималась редактированием таких справочных изданий, как: «Вестник народного образования», «Внешкольное образование и самообразование» и «Народная школа». Помимо этого, мы в разное время занимались изучением периодической печати: Духовного ведомства ([Mamadaliyev et al., 2022](#)), а также Кавказского и Киевского учебных округов ([Mamadaliyev et al., 2022a; Mamadaliyev et al., 2023a](#)).

Подводя итоги историографическому обзору, необходимо отметить, что тема периодической печати, посвященной вопросам справочных изданий по народному образованию, до настоящего времени не становилась самостоятельной темой для изучения. Это обстоятельство и предопределило актуальность данного исследования.

4. Результаты

Первая попытка создания педагогического справочного издания была предпринята еще в 1862 г. Им стал «Справочный листок», который издавался при журнале «Учитель». Местом издания был город Санкт-Петербург. Издание имело периодичность 1 раз в 2 недели (или 24 номера в год) и издавалось вплоть до 1870 г. «Справочный листок» был ориентирован на публикацию сведений о вновь выходящих книгах и учебниках, посвященных педагогическим вопросам. Есть основания считать «Справочный листок» одним из первых педагогических справочных изданий на территории Российской империи ([Аблов, 1937: 33](#)).

Там же, в Санкт-Петербурге, в 1869 г. возникло второе справочное педагогическое периодическое издание «Биографический указатель» - листок для родителей и воспитателей. Это издание являлось приложением к журналу «Детское чтение». Редактировал «Биографический указатель» А. Острогорский ([Содержание, 1869: 1-2](#)). Издание выходило ежемесячно также вплоть до 1870 г., а в 1871 г. сменил свое название на «Педагогический листок». В этом издании публиковались в большинстве своем критико-библиографические обзоры детских книг.

В 1869 г. в Санкт-Петербурге начало издаваться и третье справочное издание, посвященное педагогическим вопросам – «Библиографический листок». Данное издание также являлось приложением к широко известному российскому журналу «Народная школа». Это издание выходило ежемесячно до 1877 г. В нем публиковались обзоры новых педагогических работ (книги, учебники) ([Аблов, 1937: 38](#)).

В ноябре 1875 г. в Санкт-Петербурге возникает новое (четвертое) справочное педагогическое издание – «Педагогический музей» ([Рисунок 1](#)).

Журнал позиционировал себя как ежемесячное обозрение периодической литературы, учебных пособий и книг по педагогике и училищеведению. В 1875–1876 гг. журнал издавал Н.О. Фену, в 1877–1878 гг. – П.И. Рогов, а в 1879–1880 гг. – П.П. Офросимов. Редактировал журнал с 1875 по 1878 гг. П.И. Рогов, а в 1879–1880 гг. – С.В. Божковский. Журнал издавался до 1880 г. и являлся одним из первых журналов, посвященных критической библиографии педагогической литературы. Журнал имел следующую рубрикацию: обзор педагогических журналов, обзор учебной литературы и педагогическая хроника. В журнале публиковались сведения о деятельности российских и зарубежных народных училищ и обзоры, посвященные организации учебного процесса ([Педагогический музей, 1878: 2-3](#)). В журнале принимали участие: Ф. Булгаков, А. Введенский, А. Тихомиров, О. Миллер, П. Каптерев, М. Семевский и др. ([Аблов, 1937: 88](#)).

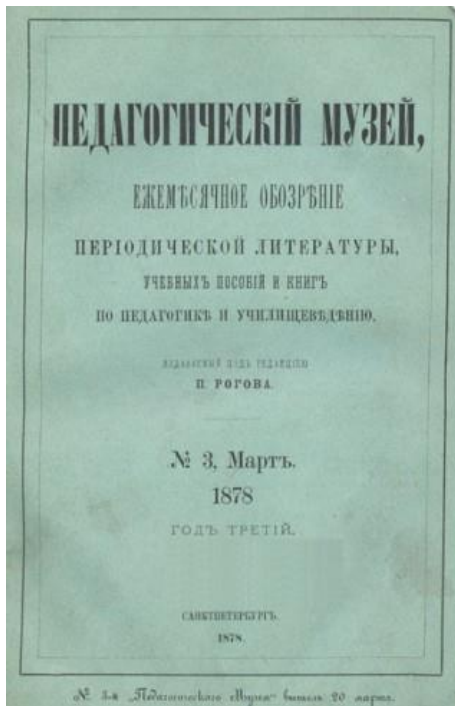

Рис. 1. Журнал «Педагогический музей» (Педагогический музей, 1878: 1)

Следующее справочное издание пятое возникло в 1907 г. Им стал «Ежегодник внешкольного образования» который издавался в Москве в издательстве Сытина в 1907 г. Всего вышло два выпуска этого издания: первый в Москве в 1907 г., а второй - в Санкт-Петербурге в 1910 г. Редактором этого издания был В.И. Чарнолуский (Паршиков, Столяров, 2016; Степанов, 1985: 119-122). Ввиду того, что ранее мы уже рассматривали это издание и приводили краткие сведения о редакторе, когда рассматривали периодическую печать, посвященную вопросам внешкольного образования (Mamadaliyev et al., 2023: 295-300), то сейчас подробно останавливаться не будем.

В 1910 г. в Москве предпринималась попытка создания журнала «Ежемесячник» (шестое издание) который был посвящен вопросам высших, средних и низших учебных заведений системы Министерства народного просвещения. Редактором-издателем этого проекта являлся Д.П. Кузьменко. Издание выходило ежемесячно в 1910–1911 гг. Журнал носил информационный характер. В нем публиковались постановления правительства, распоряжения министра народного просвещения, педагогическая хроника и справочные сведения (Аблов, 1937: 90).

В 1911 г. в Санкт-Петербурге начал издаваться ежемесячный журнал «Вестник народного образования» (Антишин, 2023: 115). Это было информационно-справочное издание по вопросам общеобразовательной и профессиональной школы, дошкольного и внешкольного образования, образования учительского персонала, а также самообразования и педагогической библиографии. Редактором-издателем являлась Е.Ф. Проскурякова (Рисунок 2).

Об издатель-редакторе необходимо сказать несколько слов: Екатерина Федоровна Проскурякова родилась в дворянской семье в Кишиневе в 1873 г. В 1889 г. она с серебряной медалью закончила Санкт-Петербургскую литейную женскую гимназию, а в 1892 г. завершила обучение на физико-математическом отделении Высших педагогических женских курсов. Трудовую деятельность Е.Ф. Проскурякова начала учительницей в сельской школе. Однако достаточно рано она оставила преподавательскую деятельность. В 1896 г. Е.Ф. Проскурякова возглавила библиотеку-читальню Невского общества устройства народных развлечений, в 1906 г. – заведующая библиотекой женской гимназии М.Н. Стоюниной, а с 1910 г. по 1916 гг. заведующая библиотекой Вольного Экономического общества (Антишин, 2023: 116).

В журнале «Вестник народного образования» Е.Ф. Проскурякова вела несколько разделов, посвященным новым книгам по психологии, педагогике, детскому чтению и библиотечному делу. С 1908 г. – член общества библиотековедения, избиралась в состав правления и совет. В 1911 г. Е.Ф. Проскурякова участвовала в работе I Всероссийского съезда по библиотечному делу (Труды..., 2011: 202).

В журнале «Вестник народного образования» публиковались значительные справочные материалы по народному образованию в России периода 1911-1916 гг. Среди материалов были: законы и циркуляры; библиография изданий по вопросам народного образования; свод рецензий общих и специальных журналов по вопросам народного образования, систематического чтения, самообразования, по методике и дидактике; материалы по детскому чтению; об учебниках; сведения

о педагогических обществах, съездах и прочем. Журнал издавался с октября 1911 г. по август 1916 г. (Антишин, 2023: 116)

Рис. 2. Проскурякова Екатерина Федоровна (1873–1942 гг.)

В 1914 г. в Самаре возникает новое (восьмое) справочное издание «Бюллетень справочного бюро отдела народного образования Самарской губернской земской управы». Журнал издавался в 1914–1915 гг. и всего вышло пять номеров. Данный Бюллетень составлялся по поручению земской управы и включал в себя большой фактический материал по вопросам развития и постановке внешкольного образования на территории губернии (воскресные школы и народные чтения, а также народные библиотеки) и обзор общего состояния народного образования. Данные о народном образовании сопровождалось вводными педагогическими статьями (Беляева, 1958: 34).

В 1915 г. в Петрограде возникло девятое справочное издание – «Летопись средней школы» (Рисунок 3). Издателем этого проекта был Я. Башмаков, а редактором Н.И. Березин. С февраля по декабрь 1915 г. вышло 32 номера этого издания. Журнал ставил себе исключительно информационно-справочные задачи и был ориентирован на учителей средней школы. Рубрикация журнала была следующей: критико-библиографические обзоры новых книг и учебников; распоряжения министерства народного просвещения и других органов; сводка правительственных распоряжений и мероприятий; ознакомление с деятельностью общественно-педагогических учреждений в области среднего образования; хроника внутренней жизни средней школы и другое (Аблов, 1937: 104).

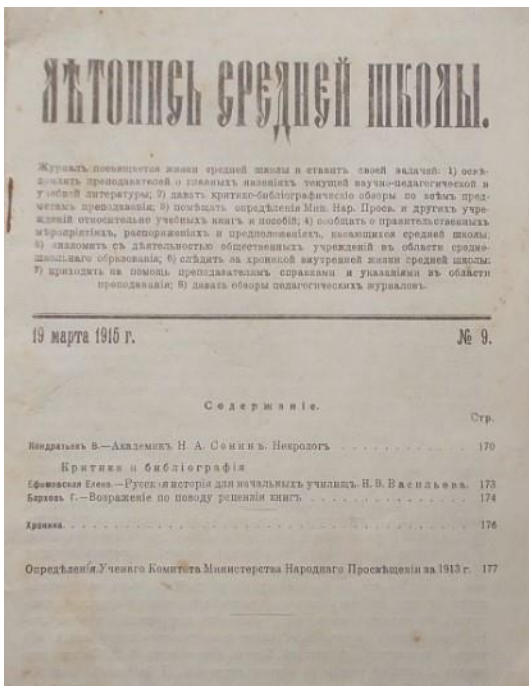

Рис. 3. Обложка журнала «Летопись средней школы»

В 1915 г. при журнале «Вестник народного образования» в Петрограде начал издаваться новый (десятый) журнал – «Ежегодник народного образования». Всего вышло два выпуска: в 1915-м и в 1916-м гг. В первом выпуске за 1915 г. были опубликованы материалы о съездах по народному образованию, а в первом выпуске за 1916 г. была помещена библиография статей по народному образованию. Составлением ежегодников занимался уже упомянутый В.И. Чарнолуцкий ([Mamadaliyev et al., 2023: 295-300](#)).

В 1916 г. Е.Ф. Проскурякова в Петрограде приступила к изданию и редактированию одиннадцатого периодического издания «Внешкольное образование и самообразование». Издание представляло собой настольный ежемесячный справочник для учреждений внешкольного образования. Всего вышли три номера данного издания. По сути, журнал являлся извлечением из общесправочного педагогического журнала «Вестник народного образования», в той его части, которая непосредственно касалась внешкольного образования и самообразования ([Антишин, 2023: 117](#)).

В том же 1916 г. в Петрограде Е.Ф. Проскуряковой издавался и последний двенадцатый справочный журнал «Народная школа». Так же, как и предыдущее издание, оно являлось настольным ежемесячным справочником, извлеченным из журнала «Вестник народного образования», но адресованным народной школе и народным учителям. Всего было опубликовано также три номера ([Антишин, 2023: 117](#)).

5. Заключение

В завершении мы хотели бы отметить, что справочные издания по народному образованию имели свою региональную специфику. Из двенадцати наименований одиннадцать издавались в столицах (9 – в Санкт-Петербурге, 2 – в Москве) и только последнее издание «Бюллетень справочного бюро...» – в Самаре. Такое географическое распределение было связано с тем, что именно в столицах издавалась большая часть педагогических работ или проводились самые значимые мероприятия.

Справочные издания были посвящены обзорам новейшей литературы как для учителей, так и для учащихся, деятельности российских и зарубежных народных училищ, анализу организации учебного процесса и многому другому. История издания всех двенадцати справочных изданий не отличалась своей длительностью: только четыре из них издавались 5 и более лет, четыре издания – 2 года, а остальные четыре – менее 1 года (три из них прекратили издаваться в период Первой мировой войны).

Литература

- [Аблов, 1937](#) – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803-1916 гг.). М., 1937.
- [Чеботарев, Козырева, 2019](#) – Чеботарев А.М., Козырева Е.К. Российские справочные издания второй половины XVIII века // *Вестник Тюменского государственного института культуры*. 2019. № 1(11). С. 243-249.
- [Беленький, 2000](#) – Беленький И.Л. Отечественные справочные издания в XX веке: материалы к библиографии // *Россия и современный мир*. 2000. № 4 (29). С. 167-194.
- [Парастаев, 2013](#) – Парастаев А.Х. Отраслевые справочные издания: роль и место в социокультурной сфере // *Вестник МГУП имени Ивана Федорова*. 2013. № 1. С. 127-131.
- [Труды..., 2011](#) – Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу 1–7 июня 1911 г.: Избранные материалы / Вступ. ст. А. Н. Ванеев, М. Ю. Матвеев. СПб., 2011.
- [Содержание, 1869](#) – Содержание // *Библиографический указатель*. 1869. № 1. С. 1-2.
- [Педагогический музей, 1878](#) – *Педагогический музей*. 1878. № 3.
- [Степанов, 1985](#) – Степанов С. В.И. Чарнолуцкий // *Советская педагогика*. 1985. № 8. С. 119-122.
- [Паршиков, Столяров, 2016](#) – Паршиков Н.А., Столяров Ю.Н. В.И. Чарнолуцкий – основоположник отечественной педагогической библиографии // *Образование и общество*. 2016. № 2(97). С. 48-52.
- [Беляева, 1958](#) – Беляева Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. М., 1958.
- [Антишин, 2023](#) – Антишин Н.А. Е.Ф. Проскурякова (1873–1942 гг.): учитель, редактор и библиограф (к 150-летию со дня рождения) / *Материалы 3-й межвузовской научно-практической конференции*. 22-24 апреля 2023 г. Тверь, 2023. С. 114-118.
- [Mamadaliyev et al., 2023a](#) – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 251-257.
- [Mamadaliyev et al., 2022](#) – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1877-1884.
- [Mamadaliyev et al., 2022a](#) – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.

Mamadaliyev et al., 2023 – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The Russian Prerevolutionary Periodical Press on Out-Of-School Education (1907–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(1): 295–300.

References

- Ablov, 1937 – Ablov, N.N. (1937). Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803–1916 gg.) [Pedagogical periodical press (1803–1916)]. M. [in Russian]
- Antishin, 2023 – Antishin, N.A. (2023). E.F. Proskuryakova (1873–1942 gg.): uchitel', redaktor i bibliograf (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Proskuryakova (1873–1942): teacher, editor and bibliographer (to the 150th anniversary of his birth)]. *Materialy 3-i mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 22-24 aprelya 2023 g. Tver'. Pp. 114-118. [in Russian]
- Belen'kii, 2000 – Belen'kii, I.L. (2000). Otechestvennye spravochnye izdaniya v XX veke: materialy k bibliografii [National reference publications in the XX century: materials for bibliography] *Rossiya i sovremenniy mir*. 4(29): 167-194. [in Russian]
- Belyaeva, 1958 – Belyaeva, L.N. (1958). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii [Bibliography of Russian periodicals]. 1901–1916 gg. M. [in Russian]
- Chebotarev, Kozyreva, 2019 – Chebotarev, A.M., Kozyreva, E.K. (2019). Rossiiskie spravochnye izdaniya vtoroi poloviny XVIII veka [Russian reference publications of the second half of the 18th century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1(11): 243-249. [in Russian]
- Mamadaliyev et al., 2022 – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1877-1884.
- Mamadaliyev et al., 2022a – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.
- Mamadaliyev et al., 2023 – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). The Russian Prerevolutionary Periodical Press on Out-Of-School Education (1907–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 295-300.
- Mamadaliyev et al., 2023a – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917. *Bylye Gody*. 18(1): 251-257.
- Parastaev, 2013 – Parastaev, A.Kh. (2013). Otrasleyve spravochnye izdaniya: rol' i mesto v sotsiokul'turnoi sfere [Industry reference publications: role and place in the socio-cultural sphere]. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova*. 1: 127-131. [in Russian]
- Parshikov, Stolyarov, 2016 – Parshikov, N.A., Stolyarov, Yu.N. (2016). V.I. Charnoluskii – osnovopolozhnik otechestvennoi pedagogicheskoi bibliografii [Charnolusky – the founder of the national pedagogical bibliography]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 2(97): 48-52. [in Russian]
- Pedagogicheskii muzei, 1878 – Pedagogicheskii muzei. 1878. 3. [in Russian]
- Soderzhanie, 1869 – Soderzhanie [Contents]. *Bibliograficheskii ukazatel'*. 1869. 1: 1-2. [in Russian]
- Stepanov, 1985 – Stepanov, S. (1985). V.I. Charnoluskii [Charnolusky]. *Sovetskaya pedagogika*. 8: 119-122. [in Russian]
- Trudy..., 2011 – Trudy Pervogo Vserossiiskogo s'ezda po biblioteknomu delu 1–7 iyunya 1911 g.: Izbrannye materialy [Proceedings of the First All-Russian Congress on Library Science June 1-7, 1911: Selected materials]. Vstup. st. A. N. Vaneev, M. Yu. Matveev. SPb., 2011. [in Russian]

Дореволюционная педагогическая периодическая печать: справочные издания по народному образованию (1862–1916 гг.)

Ирина Юрьевна Черкасова ^a, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{b, *},
Валентина Сергеевна Никитина ^c, Наталья Викторовна Свечникова ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается российская периодическая печать, посвященная справочным изданиям по вопросам народного образования. Всего рассмотрено 12 изданий, которые издавались в период 1862–1916 гг. Источниковой базой исследования стала разнообразная справочная литература по вопросам периодической печати периода Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

В заключении авторы отмечают, что справочные издания по народному образованию имели свою региональную специфику. Из двенадцати наименований одиннадцать издавались в столицах (9 в Санкт-Петербурге, 2 – в Москве) и только последнее издание – «Бюллетень справочного бюро...» в Самаре. Такое географическое распределение было связано с тем, что именно в столицах издавалась большая часть педагогических работ или проводились самые значимые мероприятия.

Справочные издания были посвящены обзорам новейшей литературы как для учителей, так и для учащихся, деятельности российских и зарубежных народных училищ, анализу организации учебного процесса и многому другому. История издания всех двенадцати справочных изданий не отличалась своей длительностью. Только четыре из них издавались 5 и более лет, четыре издания – 2 года, а остальные четыре – менее 1 года (три из них прекратили издаваться в период Первой мировой войны).

Ключевые слова: периодическая печать, Российская империя, педагогика, внешкольное образование, 1907–1917 гг.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1290-1297
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1290

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Main Reasons for the Counter-Reform of the Judicial System in the Russian Empire during the Reign of Emperor Alexander III

Ivan S. Denisov ^{a, *}, Kairat K. Atabekov ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Chui University named after Sultan Mambetkaliev, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

This study is devoted to the analysis of the political activity of Emperor Alexander III, who did not follow the path of his predecessor, the reformer Tsar Alexander II. The authors of this article investigated the issues concerning the causes and prerequisites for changing the vector of Russia's political development from the formation of liberal democratic principles to a return towards strengthening conservative views and autocracy. The article analyzes the personality of Alexander III, as well as the circumstances under which he became heir to the throne of the Russian Empire. The key events that became the root causes for the counter-reform policy were analyzed in detail. In addition, the authors examined the indirect causes and circumstances that became the motives for making a number of changes to legislative innovations that were previously adopted by Alexander II. The article also formulates the main policy goals pursued by Emperor Alexander III, the characteristic features of his rule, and analyzes the fundamental documents reflecting the given political direction. In this study, the authors tried to reveal as much as possible the essence of the ideological principles that became relevant again during the reign of Alexander III. The authors also paid attention to such topics as the mass change of the Cabinet of Ministers, as well as the Finnish issue. The authors attach particular importance to the so-called judicial counter-reform. The key normative legal acts regulating the activities of judicial bodies adopted during the reign of Alexander III, which made significant changes to the image of the new judicial system built by Alexander II during the judicial reform of 1864, were investigated.

Keywords: the Russian Empire, Alexander III, judicial reform of 1864, judicial statutes, counter-reforms of Alexander III, judicial counter-reform, justices of the peace, the principle of transparency of proceedings.

1. Введение

Вторую половину XIX века в Российской империи можно смело назвать эпохой реформ и преобразований. В то время как период правления императора Николая I прочно ассоциируется с укреплением консервативных взглядов и стагнацией, его сын, император Александр II, напротив, избрал путь проведения масштабных либеральных реформ, что, в свою очередь, продвинуло Российскую империю на очередной новый виток своего развития. Период правления императора-освободителя оставил яркий след в истории государства. Однако после серии покушений в 1881 году в результате террористического акта в Санкт-Петербурге погибает Александр II – император-реформатор, который за время своего правления внес колоссальные изменения в различные сферы жизни государства вследствие проведения целого комплекса либеральных реформ.

Императором становится его второй сын Александр, который на протяжении первых двадцати лет своей жизни готовился к военной карьере, а не к роли главы Российской империи. Ранее наследником престола по праву считался его старший брат Николай Александрович, который

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

скоропостижно скончался от туберкулезного менингита в возрасте двадцати одного года. Таким образом, после смерти старшего брата первым в очереди на престолонаследие стал Александр.

В целом, если императора Александра II принято считать либеральным политиком, то его сына, императора Александра III, напротив, можно охарактеризовать как сторонника весьма консервативных взглядов. Правление Александра II прочно ассоциируется с великими реформами, такими как отмена крепостного права, земская реформа, судебная реформа и т.д., в то время как период царствования его сына, напротив связан с проведением контрреформ, которые во многом заключались в отмене ряда нововведений, одной из которых стала судебная контрреформа.

Судебная реформа 1864 года, проведенная Александром II, по праву считается одной из самых успешных и прогрессивных преобразований, в результате чего был сделан огромный шаг в сторону развития юриспруденции в Российской империи. Тем не менее, несмотря на масштабные нововведения в судебной системе государства, преемник императора-реформатора, его сын, ставший императором Александром III, принимает решение относительно необходимости проведения контрреформ. О причинах и предпосылках принятия данного решения, а также о его последствиях и пойдет речь в данной статье.

2. Материалы и методы

В числе ведущих материалов, использованных при разработке данного исследования, стоит выделить архивные материалы Российского государственного исторического архива (Санкт Петербург, Российская Федерация) и Государственного архива Тамбовской области (Тамбов, Российская Федерация), материалы периодической печати, в частности, ежедневную газету «Правительственный вестник» ([Правительственный вестник](#)), еженедельное издание «Московские губернские ведомости» ([Московские губернские...](#)) и ежемесячный юридический журнал «Юридический вестник» ([Юридический вестник, 1890](#)), а также источники личного происхождения, такие как воспоминания русского ученого В. Ф. Грубе ([Грубе, 1894](#)) и письмо М.К. Цебриковой к императору Александру III ([Цебрикова, 1894](#)). Кроме этого, в целях проведения данного исследования был проанализирован ряд нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность судебной системы Российской империи.

В качестве основополагающих методов исследования были применены: хронологический метод, методы индукции и синтеза, метод аналогии, а также метод сопутствующих изменений. Благодаря использованию данных методов авторами данной статьи были выявлены ключевые факторы и мотивы, ставшие основаниями для проведения политики контрреформ в период правления императора Александра III, в частности, контрреформы деятельности судебной системы Российской империи, а также рассмотрены ключевые нормативно-правовые документы, принятые в целях внесения изменений в функционирование судебной системы Российской империи и их историческое значение.

3. Обсуждение

Современник эпохи правления Александра III, российский историк А.А. Кизеветтер давал следующую характеристику судебной контрреформе: «...в 80-х. 90-х годах XIX столетия, хотя Судебные Уставы и не были подвергнуты пересмотру в полном объеме и не были заменены новыми уставами, тем не менее рядом сепаративных указов, так называемых новелл, был постепенно внесен в них дух противоположных начал. В совокупности эти новеллы представляли собой контрреформу, и многие компетентные деятели нашего суда совершенно верно считают, что в настоящее время от Судебных Уставов Александра II-го остался один только переплет» ([Кизеветтер, 1909: 123](#)).

Советский историк П. А. Зайончковский давал деятельности императора Александра III следующую характеристику: «Александр III обладал определенной системой взглядов. Эти воззрения были достаточно примитивны. Они не выходили за пределы уваровской триединой формулы: «православия, самодержавия и народности»» ([Зайончковский, 1964: 300](#)).

Среди современных авторов интересным выглядит исследование доктора юридических наук К.П. Краковского, в котором он подробно рассматривает различные точки зрения ученых относительно вопроса о том, можно ли называть ряд законодательных изменений в сфере организации судебной системы Российской империи в период правления императора Александра III контрреформой, или же, напротив, данные изменения вернее назвать совершенствованием судебной системы. В заключение данного исследования, автор приходит к следующему выводу: «Нам представляется, что масштаб не только задуманного (но, не реализованного), но сделанного правительством на пути «ограничения» Судебных уставов ставит под сомнение утверждение противников идеи о бытии судебной контрреформы, о «скромности» этих преобразований российского суда и судебного процесса в пореформенный период» ([Краковский, 2018: 28](#)).

4. Результаты

Для того чтобы разобраться в причинах и предпосылках для проведения контрреформ в противовес либеральной политики предшественника императора Александра II, следует выделить ключевые аспекты, характеризующие период правления его сына Александра III.

В первую очередь необходимо внимательно рассмотреть саму личность Александра Александровича. Как уже говорилось выше, Александр III не должен был становиться наследником императорского трона. С детства его готовили к военной карьере, а не к управлению крупнейшим государством. Статус наследника он получил лишь в двадцатилетнем возрасте, при весьма трагических обстоятельствах – смерти старшего брата Николая. Как справедливо указывал в своих воспоминаниях известный государственный деятель С.Ю. Витте: «Он в юности к царствованию не был подготовлен; Наследником был Его старший брат Николай, на которого и было обращено все внимание. Будущий же Император Александр III был с точки зрения образования и воспитания как бы в загоне» (Витте, 1924: 365). По этой причине можно предположить о неуверенности императора в своих знаниях, способностях и готовности взять на себя ответственность за государство.

Тем не менее современники характеризовали его как душевного человека и крайне приятного собеседника: «Слезы умиления и до сих пор навертываются у меня каждый раз, как я вспомню про те милые беседы, которых неоднократно удостоивал меня Государь Император Александр III. Обаятельная простота обращения, необычайно ласковый взгляд и задушевный голос Царя-Богатыря никогда не изгладятся из моей памяти» (Грубе, 1894: 11).

Период правления Александра III связан с такими факторами, как: политический кризис в связи с убийством императора Александра II, укрепление развития западноевропейских революционных идей, а также падение дворянства как опоры Российской империи. Раскрывая тему падения роли дворянства, необходимо подчеркнуть, что данное явление получило свое начало еще в эпоху Александра II. В качестве основной причины можно назвать проведение реформ, направленных на либерализацию многих сторон жизни Российской империи. В первую очередь речь идет о таких реформах, как «Земская реформа», «Реформа городского самоуправления» и, безусловно, «Отмена крепостного права» (РГИА Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730 б. Л. 27-41об., 1861). Кроме этого, можно отметить и некоторые косвенные причины падения роли дворянства, такие как: праздный образ жизни дворян, основанный не на успешном ведении хозяйственной деятельности, а, напротив, на росте долговых обязательств, а также укрепление позиций буржуазии как основной силы, развивающей экономику государства. В дополнение к этому стоит сказать о возросшей роли земств как органов местного самоуправления, которые выступали в том числе, местом концентрации либеральной интеллигенции.

С учетом перечисленных обстоятельств первостепенными целями политики Александра III стали: укрепление самодержавной государственной императорской власти, ликвидация революционных идей и настроений, а также стабилизация и развитие финансового состояния страны. Кроме этого, в связи с трагичной кончиной его отца (Московские губернские..., 1881: № 10. 7 мар.), связанной не с естественными причинами смерти, а с организацией спланированного убийства террористической организацией «Народная воля» (Правда о кончине..., 1898: 20). Одним из приоритетов в жизни Александра Александровича становится усердная и жесткая борьба с подобными организациями.

Одним из первостепенно важных документов, направленных на укрепление императорской власти, является Манифест «О незыблемости самодержавия» впервые опубликованный в газете «Правительственный вестник» (Правительственный вестник, 1881: № 93. 30 апр.). Стоит отметить, что данный документ, автором которого стал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, был принят спустя менее чем два месяца после гибели Александра II. Основными идеями и ценностями, провозглашенными в данном Манифесте, являются сохранение самодержавной власти и искоренение революционных настроений.

В качестве характерной черты правления Александра III можно назвать очередную смену основополагающих идеологических принципов и ценностей, представляющих собой фундамент управления государством, а также вместе с этим смену Состав министров Российской империи. Под сменой идеологических принципов и ценностей стоит понимать возвращение от действовавших во времена императора Александра II принципов ограничения императорской власти, экономической свободы и самоуправления к консервативным идеям самодержавия. Раскрывая вопрос об идеологии эпохи правления Александра III, можно упомянуть строки из собрания публикаций в периодических изданиях, которые были написаны в память о почившем императоре Александре III. Данное собрание публикаций было опубликовано в 1894 году типографией князя Мещерского. В качестве примера можно привести следующие слова о негативном влиянии западных идеологий и ценностей на Российскую империю: «В силу этого преклонения, длившегося в течение не одного, а целого ряда царствований, с каждым шагом все более слабела у нас долженствующая быть неразрывной связь между правительственной мыслью и историческими заветами Святой Руси, заменяясь благожелательным стремлением заменить всяческое «русское варварство» всяческой «европейской культурой»» (Император Александр III, 1894: 65).

Существенные кадровые перестановки правительства Российской Империи были вызваны в том числе и реакцией министров на Манифест «О незыблемости самодержавия» (Правительственный вестник, 1881: № 93. 30 апр.). В частности, был назначен новый Председатель Государственного совета Российской империи. Им стал Великий князь Михаил Николаевич, который

сменил на данном посту Великого князя Константина Николаевича. Михаил Николаевич и Константин Николаевич приходились младшими братьями императору Александру II. После кончины Александра III, произошедшей в 1894 году, Председателем Государственного Совета Российской Империи Великим князем Михаилом Николаевичем был подготовлен Всеподданейший отчет председателя Государственного Совета, который содержит следующие сведения относительно целей государственной политики Александра III: «Монаршее попечение Усопшего Государя Императора об устройении Своей Державы осуществлялось в целом ряде мер, имевших целью преобразование центральных и местных правительственных учреждений в видах более успешной и согласной их деятельности: устройство окраин, улучшение быта дворянства и сельского населения и упорядочение отношений, из личного найма возникающих» ([Россия. Государственный..., 1895: 24](#)).

Давая характеристику правления Александра III, нельзя не упомянуть о такой проблеме, как финский вопрос. Перед императором стояла сложная задача в поиске баланса между укреплением институтов, направленных на усиление национально-государственной идентичности, что составляло основу его видения верного политического пути Российской империи, и в тоже время сохранением финской национальной идентичности. Как справедливо отмечают исследователи данного вопроса: «Можно констатировать, что уже к моменту начала правления Александра III ситуация в Великом княжестве Финляндском сложилась таким образом, что любые активные попытки продвижения имперской идентичности на его территории могли привести к стремительному росту политической нестабильности в регионе и, как следствие, усилению внешней опасности на западных границах России» ([Titov, 2021: 143](#)).

Итогом политики Александра III стал ряд принятых контрреформ, а именно: Земская контрреформа, Городская контрреформа, а также Судебная контрреформа. Политический вектор, заданный императором Александром III, получал немало критики среди современников той эпохи. В качестве показательного примера можно привести строки из открытого письма русской писательницы и литературного критика М.К. Цебриковой к императору, датированное 1890 годом: «В силу какого же рокового недоразумения правительство, вместо того, чтобы идти по пути реформ, намеченному в лучшую пору правления Александра II, уничтожает реформы эти? В одних только законах, расширяющих права граждан, уничтожающих сословные перегородки, открывающих народу широкий путь к образованию и улучшению быта его, и заключается ручательство в здоровом росте России» ([Цебрикова, 1894: 12](#)).

По мнению авторов данного исследования, особый интерес вызывает судебная контрреформа. Судебная реформа 1864 года ([РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864](#)) которая была принята императором Александром II, внесла существенный вклад в строительство либерально-демократического общества, а также развитие правосознания населения. Это был решительный шаг в сторону реконструкции жизни Российской империи. Тем не менее в период правления Александра III был принят ряд изменений в организации судебной системы. Стоит отметить, что данные изменения не были приняты единовременно. Ключевые нормативные документы судебной контрреформы были приняты в период с 1885 по 1891 год.

Судебная реформа Александра II неоднократно подвергалась критике, в том числе от лиц, занимавших высшие государственные чины в период правления Александра Александровича. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев в своих письмах к императору Александру III писал следующие строки: «Когда суд отделен от государства (на наше горе успели сделать это и у нас в России) и суд становится орудием господствующей партии или известных политических тенденций» ([Победоносцев, 1925: 11](#)).

Итак, под контрреформой судебной системы Александра III авторы данной статьи понимают комплекс нормативно-правовых актов, направленных на регулирование деятельности судебной системы Российской империи, которые во многом шли в разрез с теми принципами организации судостроительства, которые ранее провозгласил его предшественник и отец – император Александр II.

Стоит выделить несколько основополагающих документов, которыми были внесены наиболее существенные изменения. Авторы предлагают рассмотреть данные документы в хронологическом порядке и в первую очередь стоит сказать о принятом в 1885 году Высочайшем утвержденном мнении Государственного Совета «О порядке издания Общего Наказа судебным установлением и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» ([Высочайше утвержденное..., 1885](#)). Данный документ наделил Сенат полномочиями по исполнению дисциплинарного производства в отношении судей. С этого момента Сенат стал правомочен применять меры дисциплинарного взыскания в адрес судей. Таким образом, функционирование принципа независимости суда и судей было ограничено.

Следующий документ, о котором необходимо сказать: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 февраля 1887 года Об изменении и дополнении статей 88, 89; 620-622, 624, 918, 1056, 1061 и 1105 Устава уголовного судопроизводства ([Высочайше утвержденное..., 1887](#)). Данный указ позволял проводить ряд судебных разбирательств в закрытом формате, тем самым нарушая принципы открытости и гласности судопроизводства.

Еще одним немаловажным нормативным актом стало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей» ([Высочайше утвержденное..., 1889](#)). Данный документ наложил существенные ограничения на деятельность присяжных заседателей. В частности, суд присяжных перестал рассматривать дела политической направленности. Объясняя мотив данного решения, стоит вспомнить громкий процесс Веры Засулич, датированный 1878 годом, которая совершила покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Мотив преступления – совершенное правонарушение Ф.Ф. Трепова, а именно применение физического наказания в адрес политического заключенного. Результатом рассмотрения дела стало решение присяжных заседателей о признании невиновности Веры Засулич в совершении покушения на убийство ([Процесс Веры Засулич, 1906](#)). В дополнение к сужению компетенции был значительно повышен имущественный ценз, что существенно снизило число кандидатов в присяжные заседатели.

Кроме этого, 12 июля 1889 года было принято Положение о земских участковых начальниках ([Положение о земских..., 1889](#)), которое фактически ликвидировало систему мировых судей в большинстве губерний Российской империи. Данное Положение стало основанием для зарождения института земских участковых начальников, в полномочия которых входило осуществление административной и судебной власти на территориях 43 губерний Российской империи. Безусловно, с введением Положения о земских участковых начальниках были нарушены принципы разделения административной и судебной власти, а также принцип независимости суда и судей. Стоит отметить, что у нового порядка было немало противников. В частности, задокументировано обсуждение на одной из сессий Тамбовского губернского собрания в декабре 1889 вопроса о сохранении института мировых судей ([ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 8346. Л. 6](#)). Ученые дают следующую оценку упразднению мировых судов: «На селе мировой суд практически заменился произволом чиновников. Служащие из поместных дворян стали во главе всей административной и судебной власти. Они были вправе отменять решения сельских и волостных сходов. Управы на местах на них было не найти, а подчинялись они только предводителю дворянства. Зависимость суда от властей усилилась, в присяжные стали приглашать некомпетентных людей» ([Ананьин и др., 2021: 12](#)).

Несколько позднее были приняты также Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям ([Правила о производстве..., 1890](#)).

Безусловно, все вышеперечисленные изменения буквально рушили новую систему судопроизводства Российской империи, которую построил император Александр II. Последствия судебной контрреформы Александра III затронули фактически все институты суда эпохи Александра II, основанного на либерально-демократических принципах. Современник указанных событий, юрист и общественный деятель П.Н. Обнинский в своей статье «Откуда идет деморализация нашей адвокатуры?», опубликованной в журнале «Юридический вестник», высказывал негативную оценку в адрес изменений, в том числе в организации деятельности адвокатуры: «Газеты уже известили о предстоящем в ноябре текущего года пересмотре постановления судебных уставов о присяжных поверенных. Назначенный этими вестями срок нам кажется чрезвычайно поспешным: к такому делу, как пересмотр судебных уставов Императора Александра II «надо приступать не иначе как «со страхом»...» ([Юридический вестник, 1890: Г. 22, Т. 6, кн 1., сент.](#)).

5. Заключение

Александр II остался в памяти потомков императором-реформатором. С его уходом либеральный курс развития Российской империи был изменен в сторону консерватизма. Его сын Александр III решил вернуться к политике укрепления самодержавия. Период царствования Александра III был осложнен такими факторами, как: укрепление развития западноевропейских революционных идей, а также падение дворянства как опоры Российского государства. Тем не менее основной причиной возврата к дореформенному времени стала гибель его отца в результате террористического акта, которая стала большим ударом для Александра Александровича. Таким образом реакцией на Великие реформы Александра II стало проведение контрреформ Александра III. Среди самых крупных можно назвать: Земскую контрреформу, Городскую контрреформу, а также Судебную контрреформу.

Одной из самых значительных реформ Александра II можно назвать судебную реформу 1864 года. Александр III, в свою очередь, принял ряд законодательных актов в промежутке между 1885 и 1891 гг., которые были направлены на внесение изменений либо частичную отмену нововведений, принятых его отцом. Среди основных положений, которые были приняты внутри судебной контрреформы, можно назвать: наделение Сената полномочиями осуществления дисциплинарного производства в адрес судей, ликвидация мировых судов, отвод суда присяжных от рассмотрений дел политической направленности, повышение имущественного ценза для кандидатов на роль присяжных заседателей, а также ограничение открытости судебного процесса. Таким образом, можно говорить о нарушении целого ряда принципов, провозглашенных судебной реформой 1864 года, а именно: принципы гласности, открытости судебного процесса, а также

независимости судебной системы путем отделения судебной власти от власти административной. В качестве основной цели политики контрреформ можно назвать стремление удержания государства и сохранения его целостности путем более жесткой централизации власти.

Литература

- Ананьин и др., 2021** – Ананьин О.Ю., Базулина А.А., Жуланов А.В. Значение реформ Александра III с точки зрения современников и правоведов // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. (3). С. 11-13.
- Витте, 1924** – *Витте С.Ю.* Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III – (1849-1894). Изд. Слово, 1924. 416 с.
- Высочайше утвержденное..., 1885** – Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке издания Общего Наказа судебным установлением и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» от 20 мая 1885 г. // ПСЗРИ 3. Т. V. № 2959.
- Высочайше утвержденное..., 1887** – Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении и дополнении статей 88, 89; 620-622, 624, 918, 1056, 1061 и 1105 Устава уголовного судопроизводства» от 12 февраля 1887 года. Собрание Узаконений 1887 г. 27 февраля. С. 194.
- Высочайше утвержденное..., 1889** – Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей». 7 июля 1889 г. // ПСЗРИ 3. № 6162.
- ГАТО** – Государственный архив Тамбовской области.
- Грубе, 1894** – *Грубе В.Ф.* Воспоминание об императоре Александре III / Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. [2], 15 с.
- Зайончковский, 1964** – *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
- Император Александр III, 1894** – Император Александр III. С.-Петербург: типография князя. В. П. Мещерского, 1894. 634 с.
- Кизеветтер, 1909** – *Кизеветтер А.А.* История России XIX века : Курс, чит. в Моск. ун-те в 1908-9 акад. г.: Изд. для слушателей: Без ред. лектора / Пр.-д. А.А. Кизеветтер. М.: О-во взаимопомощи студентов-филологов по зап. студента Ф. Юрьева, 1909. 129 с.
- Краковский, 2018** – *Краковский К.П.* Судебная контрреформа, «судебная контрреформа» или так называемая судебная контрреформа // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2018. № 2. С. 139-170.
- Московские губернские..., 1881** – Ежедневная газета «*Московские губернские ведомости*». 1881, № 10. 7 марта.
- Победоносцев, 1925** – *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева к Александру III / с предисловием М. Н. Покровского; Центрархив. М.: Новая Москва. 1925.
- Положение о земских..., 1889** – Положение о земских участковых начальниках. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 81. СПб., 1889. С. 1373-1418.
- Правда о кончине..., 1898** – Правда о кончине Александра II: из записок очевидца. Изд. 2-е. Стутгарт: издание Карла Малькомеса; Карлсруэ: типография Г. Браун. 1898. 32 с.
- Правила о производстве..., 1890** – Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 3. СПб., 1890. С. 63-118.
- Правительственный вестник, 1881** – Ежедневная газета «*Правительственный вестник*». 1881. № 93. 30 апреля.
- Процесс Веры Засулич, 1906** – Процесс Веры Засулич: (Суд и после суда): [Сборник]. Санкт-Петербург : Современник, [1906]. 125, [2]; 18 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Россия. Государственный..., 1895** – Россия. Государственный совет. Обзор деятельности Государственного совета в царствование государя императора Александра III. 1881-1894 гг.: Всеподданейший отчет председателя Государственного совета. С.-Петербург: Гос. тип., 1895.
- Цебрикова, 1894** – *Цебрикова М.К.* Письмо императору Александру III: С портретом и письмом к Кеннану / [соч.] М. Цебриковой. 1-я тысяча. Лондон, 1894. 46 с.
- Юридический вестник, 1890** – *Юридический вестник*. Издание Московского юридического общества. 1890. Г. 22, Т. 6, кн. 1. Сентябрь.
- Titov, 2021** – *Titov V.V.* Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland during the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Restrictions // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.

References

- Anan'in et al., 2021** – *Anan'in, O.Yu., Bazulina, A.A., Zhulanov, A.V.* (2021). Znachenie reform Aleksandra III s tochki zreniya sovremennikov i pravovedov [The significance of Alexander III's reforms

- from the point of view of contemporaries and jurists]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 3: 11-13. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State Archive of the Tambov Region].
- Grube, 1894** – *Grube, V.F.* (1898). Vospominanie ob imperatore Aleksandre III [Memory of the Emperor Alexander III]. Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. [2], 15 p. [in Russian]
- Imperator Aleksandr III, 1894** – Imperator Aleksandr III. (1894) [Emperor Alexander III]. S.-Peterburg: tipografiya knyazya. V. P. Meshcherskogo. 634 p. [in Russian]
- Kizevetter, 1909** – *Kizevetter, A.A.* (1909). Istoriya Rossii XIX veka : Kurs, chit. v Mosk. un-te v 1908-9 akad. g. [The History of Russia of the XIX century: A course, a cheat. at Moscow University in the 1908-1909 academic year]: Izd. dlya slushatelej: Bez red. lektora. Pr.-d. A.A. Kizevetter. M.: O-vo vzaimopomoshchi studentov-filologov po zap. studenta F. Yur'eva. 120 p. [in Russian]
- Krakovskij, 2018** – *Krakovskij, K.P.* (2018). Sudebnaya kontrreforma, «sudebnaya kontrreforma» ili tak nazyvaemaya sudebnaya kontrreforma [Judicial counter-reform, “judicial counter-reform” or the so-called judicial counter-reform]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 2: 139-170. [in Russian]
- Moskovskie gubernskie..., 1881** – Ezhenedel'naya gazeta «Moskovskie gubernskie vedomosti». 1881, № 10. March, 7. [in Russian]
- Pobedonoscev, 1925** – *Pobedonoscev, K.P.* (1925). Pis'ma Pobedonosceva k Aleksandru III. S predislovie M.N. Pokrovskogo [Letters of Pobedonostsev to Alexander III. With a preface by M.N. Pokrovsky]. Tsentrarkhiv. M.: Novaya Moskva. [in Russian]
- Polozhenie o zemskih..., 1889** – Polozhenie o zemskih uchastkovyh nachal'nikah [Regulations on zemstvo precinct chiefs]. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. № 81. SPb., 1889. Pp. 1373-1418. [in Russian]
- Pravda o konchine..., 1898** – Pravda o konchine Aleksandra II: iz zapisok ochevidca [The truth about the death of Alexander II: from the notes of an eyewitness]. Izd. 2-e. Shtutgart: izdanie Karla Mal'komesa; Karlsruhe: tipografiya G. Braun, 1898. 32 p. [in Russian]
- Pravila o proizvodstve, 1890** – Pravila o proizvodstve sudebnyh del, podvedomstvennyh zemskim nachal'nikom i gorodskim sud'yam [Rules on the production of court cases under the jurisdiction of zemstvo chiefs and city judges]. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. № 3. SPb. 1890. Pp. 63-118. [in Russian]
- Pravitel'stvennyj vestnik, 1881** – Ezhednevnyaya gazeta «Pravitel'stvennyj vestnik». 1881. № 93. April, 30. [in Russian]
- Process Very Zasluch, 1906** – Process Very Zasluch: (Sud i posle suda) [Vera Zasluch Trial: (Trial and after trial)].: [Sbornik]. Sankt-Peterburg : Sovremennik, 1906. 125, [2]; 18 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Rossiya. Gosudarstvennyj..., 1895** – Rossiya. Gosudarstvennyj sovet. (1895) Obzor deyatelnosti Gosudarstvennogo soveta v carstvovanie gosudarya imperatora Aleksandra III. 1881-1894 gg.: Vsepoddanejsij otchet predsedatelya Gosudarstvennogo soveta. [Review of the activities of the State Council during the reign of Emperor Alexander III. 1881-1894: The most comprehensive report of the Chairman of the State Council]. S.-Peterburg: Gos. tip. [in Russian]
- Titov, 2021** – *Titov, V.V.* (2021). Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland during the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Restrictions. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.
- Tsebrikova, 1894** – *Tsebrikova, M.K.* (1894). Pis'mo imperatoru Aleksandru III: S portretom i pis'mom k Kennanu [Letter to Emperor Alexander III: With a portrait and a letter to Kennan]. [soch.]. M. Tsebrikovoj. 1-ya tysyacha. London. 46 p. [in Russian]
- Vitte, 1924** – *Vitte, S.Yu.* (1924). Vospominaniya. Detstvo. Carstvovanie Aleksandra II i Aleksandra III – (1849-1894). [Memories. Childhood. The Reign of Alexander II and Alexander III] – (1849-1894). Izd. Slovo. 416 p. [in Russian]
- Vysochajshe utverzhdennoe..., 1885** – Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta «O poryadke izdaniya Obshchego Nakaza sudebnym ustanovleniem i o disciplinarnoj otvetstvennosti chinov sudebnogo vedomstva» [The most highly approved opinion of the State Council «On the procedure for issuing a General Order by Judicial Institution and on the disciplinary responsibility of the ranks of the judicial department»] (1885) May, 20. PSZRI 3. T. V. № 2959. [in Russian]
- Vysochajshe utverzhdennoe..., 1887** – Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta «Ob izmenenii i dopolnenii statej 88, 89; 620-622, 624, 918, 1056, 10619 i 1105 Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva» [The most highly approved opinion of the State Council «On the amendment and addition of articles 88, 89; 620-622, 624, 918, 1056, 10619 and 1105 of the Statute of Criminal Proceedings»] ot 12 fevralya 1887 goda. Sobranie Uzakonenij (1887) February, 27. P. 194. [in Russian]
- Vysochajshe utverzhdennoe..., 1889** – Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta «Ob izmenenii poryadka proizvodstva del po nekotorym prestupleniyam, podlezhashchih vedeniyu sudebnyh mest s uchastiem prisyzhnyh zasedatelej» [The most highly approved opinion of the State Council «On changing the procedure for the production of cases on certain crimes subject to the conduct of judicial places with the participation of jurors»] (1889) July, 7. PSZRI 3. № 6162. [in Russian]

Yuridicheskij vestnik, 1890 – *Yuridicheskij vestnik*. Izdanie Moskovskogo yuridicheskogo obshchestva. 1890. G. 22, T. 6, kn 1. September. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1964 – *Zajonchkovskij*, P.A. (1964) *Krizis samodержaviya na rubezhe 1870–1880-h godov* [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s-1880s]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 511 p. [in Russian]

Основные причины проведения контрреформы судебной системы в Российской империи в период правления императора Александра III

Иван Сергеевич Денисов^{a, *}, Кайрат Кулбакович Атабеков^b

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Чуйский университет им. С.А. Мамбеткалиева, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу политической деятельности императора Александра III, который не стал идти по пути своего предшественника царя – реформатора Александра II. Авторами данной статьи были исследованы вопросы относительно причин и предпосылок смены вектора политического развития России от становления либерально-демократических принципов к возврату в сторону укрепления консервативных взглядов и самодержавия. В статье проанализирована личность Александра III, а также обстоятельства, при которых он стал наследником престола Российской империи. Были подробно проанализированы ключевые события, которые стали первопричинами для проведения политики контрреформ. Кроме этого, авторы рассмотрели косвенные причины и обстоятельства, которые стали мотивами к внесению ряда изменений в законодательные нововведения, которые были ранее приняты Александром II. В статье также сформулированы основные цели политики, преследуемые императором Александром III, характерные черты его правления, а также проанализированы основополагающие документы, отражающие заданное политическое направление. В данном исследовании авторы попытались максимально раскрыть сущность идеологических принципов, которые вновь стали актуальны в период правления Александра III. Авторы уделили внимание также таким темам, как массовая смена Кабинета министров, а также финский вопрос. Особое внимание авторы уделяют так называемой судебной контрреформе. Были исследованы ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность судебных органов, принятые в период правления Александра III, которые внесли значительные изменения в образ нового судоустройства, построенного Александром II при проведении судебной реформы 1864 года.

Ключевые слова: Российская империя, Александр III, Судебная реформа 1864 года, Судебные уставы, контрреформы Александра III, Судебная контрреформа, Мировые судьи, Принцип гласности судопроизводства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1298-1306
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1298

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kommisarovskaya Almshouse: to the Analysis of Charitable Institutions in Siberia during the Period of Capitalist Modernization

Ksenia A. Tishkina ^a, Tatyana A. Kattsina ^{a, *}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article presents the results of a study of the Kommisarovsky almshouse, opened on the initiative of the Governor-General P.N. Zamyatnin in the village of Nazarovo, Yenisei province in 1868 in memory of the event of April 4, 1866. The sources were regulations, periodicals, office documentation extracted from the fund 595 “Yenisei Provincial Administration” of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory For the first time, data on the organization and financing of the almshouse are introduced into scientific circulation. The definitions of “almshouse”, “eternal contribution” are given. The authors come to the conclusion that the Kommisarovsky almshouse became the largest in the Yenisei province in terms of the number of detainees, the first rural almshouse, which had its own charter, governing body, and provided full support for the detainees. An appeal to the factual material showed that an administrative resource played a significant role in the organization of the almshouse, the composition of the detainees was heterogeneous, the main contingent was exiled settlers. The scientific novelty of the study is seen in the fact that a significant number of new historical documents and facts of the regional level have been introduced into scientific circulation, which can be used as a basis for further scientific development of problems related to the history of charitable institutions in Siberia during the period of capitalist modernization (1860s – 1917).

Keywords: Keywords: capitalist modernization, public charity, conserved, charitable institutions, almshouse, perpetual deposits, Yenisei province.

1. Введение

В Российской империи богадельни занимали важное место в системе общественного призрения. Они предназначались для лиц, «почему бы то ни было неспособных к труду, как-то престарелых, немощных, увечных и выздоравливающих (но, не временно больных и умопомешанных)» (*Богадельня, 1891: 141*). Существенным признаком богаделен являлось наличие определенного имущества (денег, земельных участков, недвижимости и т. д.) для полного содержания призреваемых на продолжительное время.

Цель данной работы – провести анализ устройства, финансирования и деятельности Коммисаровской богадельни в селе Назарово Ачинского округа Енисейской губернии, с одной стороны, отражающей существенную региональную специфику, а с другой – общие характеристики и тенденции развития отечественных благотворительных учреждений периода капиталистической модернизации (1860-е – 1917 гг.).

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу представленного в статье исследования составляют рукописные и печатные источники, используемые в комплексе: «Устав об общественном призрении» 1857 г.; «Положение об устройстве и содержании Коммисаровской богадельни Енисейской губернии

* Corresponding author

E-mail addresses: ksetishkina@mail.ru (K. A. Tishkina), tkatsina@sfu-kras.ru (T. A. Kattsina)

Ачинского округа в селе Назаровском» 1868 г.; делопроизводственная документация (все разновидности служебной переписки, общественные приговоры крестьян, распорядительные и отчетно-информационные материалы); повременные издания регионального уровня, – газеты «Енисейские губернские ведомости», «Томские губернские ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости». В делах волостных и сельских управлений нам не удалось обнаружить письменных свидетельств, которые относились бы к организации Коммисаровской богадельни; собранные сведения о настоящем предмете исследования, большинство из которых ранее не публиковались, выявлены преимущественно в фонде 595 «Енисейское губернское управление» государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация).

Нужно заметить, что в источниках встречается разное написание богадельни: Комисаровская, Коммисаровская, Комиссаровская. Нами за основу взят вариант, наиболее часто встречающийся в документах 1866–1868 гг.

2.2. Специфика источниковой базы и цели исследования обусловили применение междисциплинарного подхода, который строился прежде всего на основе синтеза исторических, социологических и правовых знаний. Исторический (историко-генетический) метод использовался для оценки фактов, явлений, событий в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами. В их взаимосвязи и взаимообусловленности, благодаря чему была выявлена высокая степень вовлеченности отдельных личностей и представителей губернских органов власти в организацию Коммисаровской богадельни в память событий 4 апреля 1866 г. («чудесного спасения жизни императора Александра II» при покушении Д. В. Каракозова). Диахронное сравнение позволило охарактеризовать деятельность Коммисаровской богадельни в разные годы ее существования. Метод формально-юридического анализа применялся для уяснения сути и значимости закона или нормативного акта, исходя из содержания, так или иначе касающегося деятельности богадельни. На основе статистического метода была представлена динамика изменений ежегодного подушного сбора с крестьян Назаровской, Березовской и Подсосенской волостей на содержание Коммисаровской богадельни в период с 1887 по 1905 гг. Исследование строилось на принципах научно-исторического познания – объективности, комплексности.

3. Обсуждение

Современная наука располагает не одним десятком трудов, обращенных к теме развития общественного призрения и благотворительности периода капиталистической модернизации в России (1860-е – 1917 гг.). Монографических работ, специально посвященных истории богаделен, нами не обнаружено. В силу узости тематики благотворительные заведения зачастую включаются в контекст работ общего характера – как общероссийского (Павлова, 2003: 45-66), так и регионального (Катцина, 2018: 56-61) уровней изучения.

В исследовании Г.Н. Ульяновой (Ульянова, 2021) особое внимание уделено типологии богаделен, основанной на материалах по Владимирской губернии. Интересный и малоизученный аспект темы – особенности архитектурного строения богаделен и домов призрения, – рассмотрен в статье Б.Л. Крундышева (Крундышев, 2016). Существенно расширяет представление о статусных особенностях пожилого возраста и основных направлениях социальной помощи в отношении престарелых лиц в XIX – начале XX вв. публикация А. С. Ковалева с соавторами (Kovalev et al., 2023). А.С. Ковалевым рассматриваются и проблемы призрения пожилых людей в общественной и частной богадельнях города Красноярска в предреволюционный период (Ковалев, 2010; 2011).

Тем не менее многие вопросы темы остаются недостаточно проясненными как в общероссийской, так и в региональной историографии. Например, о возникновении того или иного типа богаделен в соответствии с местными потребностями и веяниями государственной социальной политики; вопросы организации и финансирования богаделен, условия приема и содержания в сельских богадельнях, отношение сибирского социума к проблеме пожилых людей. Эти вопросы, имеющие вневременное значение, безусловно, требуют дальнейшего изучения.

4. Результаты

4.1. Коммисаровская богадельня – памятник событию 4 апреля 1866 г.

Первая сельская богадельня возникла в Енисейской губернии в 1846 г. в с. Балахтинское, к началу «великих реформ» по всей губернии их насчитывалось 2 (Катцина, 2018: 155; Катцина, 2017), а к 1915 г. – 18 (Катцина, 2018: 61). Большинство богаделен возникло спонтанно, имело незначительное число мест (от 2 до 8), а организаторами, чаще всего крестьянами, двигало сострадание к нуждающимся. Но были и другие примеры. Так, 19 июля 1866 г. енисейским губернатором генерал-майором Павлом Николаевичем Замятниным (1861–1868) перед назаровским сельским обществом была озвучена идея об открытии «богадельного дома с наименованием онога Коммисаровским в память чудного и доблестного подвига, содеянного в 4-й день апреля 1866 года по промыслу божию достославным дворянином О. И. Коммисаровым-Костромским» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 203). Осип Иванович Коммисаров, уроженец Костромской губернии, известен тем, что

спас жизнь императору Александру II, отведя в сторону руку покушавшегося на него Д. В. Каракозова, за что был возведен в потомственное дворянство с фамилией Коммисаров-Костромской.

Причиной избрания во всей Енисейской губернии села Назарово местом для устройства богадельни было главным образом то обстоятельство, что в нем проживали родители О.И. Коммисарова: отец Иван Алексеевич, сосланный в Сибирь в 1858 г. и мать Евгения Ивановна, добровольно последовавшая за мужем (О родителях..., 1866: 334). Следуя полученной 13 мая 1866 г. депеше, где «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР Высочайше повелеть соизволил: отца дворянина Осипа Ивановича Коммисарова и жену его Евгению Ивановну немедленно возвратить к сыну их О.И. Коммисарову-Костромскому» (Цит. по: О родителях..., 1866: 334), П. Н. Замятнин незамедлительно выехал в Назарово, чтобы лично сопроводить их до Красноярска. Оказалось, что Евгения Ивановна скончалась в 1865 г. и похоронена на общем сельском кладбище (О родителях..., 1866: 334; ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 203). По распоряжению губернатора на месте захоронения был установлен скромный памятник, ставший, как и дом, где проживали Коммисаровы, местной достопримечательностью, которую жители села охотно показывали всем желающим (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 63).

По принятому во многих богоугодных заведениях православному обычаю «иметь свой собственный при заведении однажды определенный годовая праздник», в Коммисаровской богадельне ежегодно 4 апреля в день Преподобного Иосифа, после божественной литургии в сельской церкви и по окончании в ней молебствия и крестного хода, совершался молебен уже в самой богадельне, а затем праздничный обед в ее столовой (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 208; Положение, 1868: 13). В каждое же 24 число декабря, в день преподобной мученицы Евгении, в богадельне служили панихиду за упокой души родительницы дворянина О. И. Коммисарова-Костромского (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 208; Положение, 1868: 13).

4.2. Основные мероприятия по устройству богадельни

Коммисаровская богадельня учреждалась «во всем согласно статьи 368 Устава о общественном призрении» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 204; Положение, 1868: 11), которая гласила, что «общественные и частные благотворительные заведения дозволяется учреждать посредством пожертвований с тем, чтобы ни одно из таковых заведений не было дозволено к открытию, пока оно не будет иметь всех средств, необходимых для его содержания, не рассчитывая при учреждении подобных заведений на лотереи и другие случайные и неверные доходы, и чтобы сии заведения распространяли круг своих действий не иначе, как только тогда, когда будут иметь достаточные для того способы» (Свод учреждений..., 1857: 72). Примечательно, что одним из условий открытия благотворительного заведения являлось наличие в шаговой доступности от него церкви, а если она отсутствовала, то необходима была ее постройка.

Движимый верноподданническими чувствами, П. Н. Замятнин действовал решительно и энергично, рассчитывая открыть богадельню уже в 1867 г. В месте, указанном им, Назаровское сельское общество по мирскому приговору, состоявшемуся 26 июля 1866 г., отвело под постройку богадельни участок длиной 32 сажени (68 м) и шириной 25 сажений (53 м) по ул. Пеньковской, недалеко от местной Свято-Троицкой церкви (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 150б.; 205).

В августе 1866 г. Замятнин обращается к генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову за разрешением провести в Енисейской губернии по подписке сбор частных средств для богадельни как пожертвование в память события 4 апреля 1866 г. Одновременно направляет письмо канскому купцу первой гильдии Игнатию Никитичу Некрасову с приглашением принять участие в ее строительстве (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 190б.). Купец, намеревавшийся открыть очередной винокурный завод недалеко от Назарово, конечно же соглашается «с величайшим удовольствием», ибо «для такой великой цели» не только он, «но и каждый верноподданный гражданин не должен бы от этого отказаться», тем более, что губернатор обещает ему за это звание почетного попечителя богадельни (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 22). Но Некрасов сразу отказывается от участия в дальнейшем поддержании богадельни, ссылаясь на удаленность места своего проживания от села. Настаивает на отсрочке строительства до следующего 1867 г., в связи с необходимостью заготовки нужных материалов (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 23).

В апреле 1867 г. П. Н. Замятнин просит Ачинского земского исправника привлечь жителей Назаровской волости к строительным работам. А также провести добровольный сбор пожертвований на закупку мебели, посуды и прочих предметов для обстановки богадельни (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 480б.). В середине мая 1867 г. губернатору был дан ответ, что И. Н. Некрасов «заподрядил чрез ачинского купца Алексея Щетникова некоторых крестьян села Назаровского к рубке и сплаву леса, которого в настоящее время и приготовлено уже до 1 000 штук» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 55). Но из-за занятости крестьян на полевых работах бревна были доставлены на стройку только к концу мая. Некрасов спешно заключает подряд на строительство богадельни с поселенцем Игинского селения И.Е. Лоцмановым, обещая ему за работу 1 200 руб. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 34). По условиям контракта, деревянный одноэтажный дом богадельни вместе с хозяйственными постройками и баней должны быть готовы к октябрю 1867 г., соответствовать плану застройки

участка и смете (5 070 руб. 52 коп.), которые составил архитектор П. М. Дорофеевский (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 31).

В сентябре 1867 г. ачинский земский исправник сообщил начальнику губернии о возведении крыши, начале укладки пола, сборе печей, распланировке участка под сад и огород, заказанной у мастеров, содержащихся в Ачинском городском остроге, мебели для богадельни. Он сетовал на И.Е. Лоцманова как весьма медлительного, неисправного и недобросовестного подрядчика, из-за которого пришлось нанять другого, чтобы установить забор и надворные постройки (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 88об.).

Несмотря на оговоренный срок, к октябрю 1867 г. внутренняя отделка богадельни и бани не была готова (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 100). Часть печей не сооружена из-за отсутствия кирпича, который был заказан в Ачинске, но так и не выкуплен. Губернатор был обеспокоен сложившейся ситуацией, так как запланировал открытие богадельни на 4 апреля 1868 г. В начале февраля 1868 г. он обращается за содействием к И. Н. Некрасову, после чего тот уже в конце месяца предоставляет 6 тыс. кирпичей для строительных нужд (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 150об.). По имеющимся сведениям, постройка богадельного дома обошлась купцу И. Н. Некрасову в 2 500 руб. серебром (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 386. Л. 3об.), за что он получил благодарственное письмо от губернатора.

Невзирая на неурядицы, к концу марта 1868 г. были собраны все необходимые средства, закончены строительные и отделочные работы, составлены именные списки кандидатов в богадельню, утверждено «Положение об устройстве и содержании Коммисаровской богадельни Енисейской губернии Ачинского округа в селе Назаровском». В столовой богадельни разместили портрет О. И. Коммисарова-Костромского в позолоченной раме, пожертвованный потомственным почетным гражданином г. Красноярска Д. И. Щеголевым. Управляющий железодельного Абаканского завода купца А. Г. Кольчугина А. М. Ширяев предоставил необходимые для богадельни чугунные вещи: котлы для кухни и бани, сковороды, рукомойники, подсвечники, чайники и т.д.; Ачинский купец П. И. Розанов вместе с женой пожертвовали 20 пудов ячменной крупы, а инородец Кизыльской степной думы Федор Сулека – 20 травяных прикроватных ковриков и четыре больших половика (Освещение и открытие..., 1868: 9).

Богадельню торжественно открыли 4 апреля 1868 г. Мероприятие привлекло большое число людей: «...кажется от малы до велика все Назаровское население присутствовало при молебствии, и, не смотря на то, что комнаты в богадельне очень просторны, они далеко не могли вместить всех прибывших на молитву, а потому многие и оставались на дворе, усердно творя и там знамение кресты» (Освещение и открытие..., 1868: 9).

За счет местных купцов и зажиточных крестьян для призываемых был устроен праздничный обед из четырех блюд, а также «предложено по рюмочке водки, за которою мгновенно слившиеся голоса старцев и посетителей выразили громкое и долго несмолкаемое “Ура!” за здоровье доблестного русского дворянина О. И. Коммисарова-Костромского, а также за учредителя богадельни енисейского губернатора, за строителя богадельного дома купца Некрасова и за всех благотворителей» (Освещение и открытие..., 1868: 9).

4. 3. Условия приема, контингент и правила содержания в богадельне

Коммисаровская богадельня предназначалась для жителей всей Енисейской губернии «без всякого различия сословий, не исключая отставных солдат и унтер-офицеров», но обыватели Назаровской волости имели предпочтение перед прочими на поступление в богадельню «с неперменным и для всех неизменным условием приема одних дряхлых, престарелых и слепых, сиротствующих, лишенных всякой возможности собственными трудами снискивать себе пропитание» (Положение..., 1868: 11). Это означало, что на особом попечительском сельском Комитете, который был образован для заведования богадельней из местного окружного инспектора, сельского священника, участкового заседателя Назаровского волостного головы, «будет всегда лежать строгая разборчивость и полное беспристрастие в приеме лиц на призрение в богадельне» (Положение..., 1868: 11). Сельским старостам вменялось в обязанность направлять в Комитет письменные заявления нуждающихся и сопровождать их подробным изложением оснований для зачисления в богадельню.

Представление о контингенте призываемых, принятых в богадельню в 1868 г., дают следующие данные: всего, согласно установленному комплекту мест, поступило 20 человек, в том числе 17 мужчин, из них – поселенцы (14), отставной унтер-офицер, отставной рядовой, крестьянин; из женщин (3) – две поселенки, жена рядового унтер-офицера (Катцина, 2017: 58). Среди причин, по которым они помещались в богадельню, в восьми случаях – возрастная дряхлость, в семи – слепота, а по одному – «слепа и безнога, чахоточный, слеп и калека, слеп и дряхл, калека, разбит параличом». Минимальный возраст призываемых составил 36 лет, максимальный – 96, а средний 70 лет (Катцина, 2017: 58-59).

В богадельне содержались и семейные пары. Например, в 1903 г. по ходатайству сельского старосты с. Малый Улуй приняли ссыльнопоселенца Ивана Елисеевича Елисеева и его супругу Марию Федоровну на том основании, что они проживали в селе длительное время (с 1875 г.), в 1903 г. Елисееву исполнилось 90 лет, а супруга его «разбита параличом, ... не имеет владения в руках и ногах» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 6234. Л. 56). Однако супруги ненадолго обрели попечение, оба

скончались в том же году. В отчете богадельни за 1903–1904 гг. операционный год (считался с 4 апреля) усматривается, что в список призреваемых, т. е. постоянно проживающих и находящихся на полном содержании, был включен повар Конон Сергеев, а также малолетний сын призреваемой Агафьи Глуховой – Николай (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 6234. Л. 56). О статистике призреваемых в Коммисаровской богадельне в 1903–1904 гг. операционном году дает представление Таблица 1.

Таблица 1. Статистика призреваемых в Коммисаровской богадельне в 1903–1904 гг. операционном году

Месяц	Количество проживавших		Умерло		Выбыло по разным причинам		Прибыло	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1903 г.								
апрель	33	7	4	1	4	1	–	–
май	29	9	1	–	9	2	4	2
июнь	23	7	3	1	2	1	3	–
июль	20	5	2	1	2	–	2	–
август	21	5	3	1	–	–	4	1
сентябрь	29	5	–	1	2	–	10	1
октябрь	31	4	1	–	2	–	2	–
ноябрь	31	5	1	–	2	–	1	3
декабрь	30	8	–	–	1	–	2	3
1904 г.								
январь	30	8	2	1	2	–	1	–
февраль	28	7	2	2	1	–	2	–
март	28	6	–	–	2	–	1	1

Источник подсчета: ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 6234. Л. 53; 55; 58; 61; 64; 80; 83; 86; 91; 97; 100; 106.

Как видно из приведенных в Таблице 1 данных, в 1903–1904 гг. операционном году призревало почти в два раза больше человек, чем было предусмотрено определенным для богадельни комплектом мест.

Для контроля за установленным в богадельне порядком назначался старший из числа проживающих. О случаях нарушения дисциплины он сообщал местному земскому заседателю или Назаровскому волостному голове. В богадельне запрещалось употреблять алкогольные напитки. Родственники и знакомые в дневные часы могли посещать призреваемых и снабжать их продуктами. Посетители, пытавшиеся пронести алкогольные напитки, штрафовались на два рубля серебром в пользу богадельни (Положение..., 1868: 13). Для поддержания богадельного дома в чистоте и порядке устанавливались место и режим питания. Не приветствовалось, особенно без уважительных причин употреблять пищу в спальнях на своих кроватях. Рацион питания представлял собой следующее: «щи или похлебка с мясом и каша с маслом или кисель, а в постные дни щи или похлебка с рыбой, или горох и каша, и чтобы в богадельне никогда не переводился квас, в праздничные же дни» пироги; в течение всего лета – преимущественно молочная пища (Положение..., 1868: 13). Меню («расписание кушанью») составлялось на неделю и подписывалось одним из членов Комитета.

4.3. Финансирование богадельни

Устройство и содержание на будущее время Коммисаровской богадельни должны были обеспечивать частные пожертвования. В память события 4 апреля 1866 г. было собрано 8 035 руб. 70 коп. (ГАКК. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3. Л. 204). Из них часть предназначалась для покрытия текущих расходов, а другая должна была составить так называемый неприкосновенный капитал («вечный вклад») который подлежал хранению в банках с получением ежегодного годового дохода.

По распоряжению П. Н. Замятнина, 7 260 руб. серебром в декабре 1867 г. были препровождены на вечный вклад в Скопинский городской общественный банк, предлагавший самую высокую процентную ставку (7 вместо 4,5) на каждые сто рублей в год. На проценты, составляющие 508 руб. 20 коп. годового дохода и содержались призреваемые в богадельне (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 254) до 1882 г.

В конце 1870-х гг. в прессе начали появляться тревожные заметки о подложных схемах Скопинского банка. В декабре 1880 г. Ачинский окружной исправник обратился к енисейскому губернатору с просьбой оказать содействие в выведении неприкосновенного капитала Коммисаровской богадельни со счетов банка. Но на запросы губернской администрации директор банка Иван Гаврилович Рыков отвечал, что внесенные как вечный вклад денежные средства не могут быть возвращены вкладчику согласно Положения о городских общественных банках от 6 февраля 1862 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 410. Л. 3). В 1882 г. в самом банке была обнаружена большая растрата, в отношении директора И. Г. Рыкова

возбуждено уголовное дело (в 1884 г. его осудили за хищения и сослали на поселение в Енисейскую губернию). Из имеющихся в нашем распоряжении источников совершенно невозможно уяснить, что стало с Вечным вкладом за крахом банка, но, очевидно, он был растрачен.

Отсутствие средств сделало положение призреваемых катастрофическим. Они проживали в нетопленном здании без продовольствия, «кое как подкрепляя свое убожество приносимую разными людьми незначительной милостыней» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6498. Л. 4). Доведенные до отчаянья, в начале мая 1883 г. они обратились к Енисейскому губернатору Ивану Константиновичу Педашенко (1882–1890) с ходатайством «о подаче им вспомошествования к жизни» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6498. Л. 4об.). Губернатор же, в свою очередь, предложил обществу крестьян Назаровской волости поддержать богадельню своими средствами. 12 июня 1883 г. Волостной сход постановил в ознаменование и на память коронации Александра III, свершившейся 15 мая, «собирать с общества Назаровской волости с каждой наличной платящей души крестьян и поселенцев ежегодно и навсегда по 10 коп. на поддержание средств Назаровской богадельни» но с тем, чтобы в ней призревались крестьяне и отставные безродные нижние чины, преимущественно из жителей данной волости (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6498. Л. 4 об., 5). Фактически сбор средств на богадельню (5 коп. в полугодие с каждой платежной души) начался с 1 января 1885 г., когда был утвержден приговор об этом в установленном порядке (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6498. Л. 4 об., 5). У богадельни к этому времени оставалось собственных средств немногим более 30 руб. В последующие годы она поддерживалась в основном за счет сбора от крестьян и поступлений из Енисейской экспедиции о ссыльных в пособие призреваемым в богадельне ссыльным из экономического поселенческого капитала, который формировался за счет сбора денежных средств с трудоспособных поселенцев (Катцина, 2010: 5; Сальникова, 2012: 275). Так, в 1885 г. из 555 руб., имевшихся в распоряжении попечительского Комитета, на содержание богадельни, на долю подушного сбора пришлось 354 руб., экономического поселенческого капитала – 169 руб. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6498. Л. 79об.).

В 1886 г. богадельня смогла выйти из тяжелого финансового положения благодаря крупному пожертвованию (500 руб.) купца И. Н. Некрасова (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6498. Л. 16). В конце 1890-х гг. к подушному сбору на содержание богадельни присоединились крестьяне Березовской и Подсосенской волостей. Статистика подушного сбора крестьян Назаровской, Березовской и Подсосенской волостей на содержание Коммисаровской богадельни за 1887–1904 гг. приведена выборочно в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Подушный сбор крестьян Назаровской, Березовской и Подсосенской волостей на содержание Коммисаровской богадельни (1887–1904 гг.), руб.

Волость	Операционный год						
	1887–1888	1891–1892	1895–1896	1899–1900	1900–1901	1901–1902	1904–1905
Назаровская	423	484	666	346	250	426	374
Березовская	–	–	–	–	148	149	249
Подсосенская	–	–	–	125	139	119	50

Источник: ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4200. Л. 19; Д. 4389. Л. 165; Д. 6498. Л. 124; Ф. 595. Оп. 8. Д. 754. Л. 67; Д. 4396. Л. 47; Д. 4993. Л. 62; Д. 6234. Л. 115, 115об.; Отчет, 1900: 3

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, наибольшие ассигнования на содержание богадельни поступали от Назаровского волостного правления.

В 1908 г. на содержание богадельни, в которой в среднем пребывало 28 человек (из них 6-8 женщины), было израсходовано 806 руб. 88 коп. Эта сумма была образована из ассигнований Березовской (150 руб.) и Назаровской (123 руб.) волостей, штрафов, наложенных на должностных лиц в административном порядке начальников второго крестьянского участка – 503 руб. 50 коп. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 685. Л. 30об.).

Со временем финансовое положение богадельни все больше усугублялось. За Березовским и Подсосенским волостными правлениями числилась недоимка в сумме 1 200 руб. за 1909 и 1910 гг.; Назаровский волостной сход отказывался делать ассигнование на богадельню, ссылаясь на плохое экономическое положение (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 685. Л. 4; 30 об., 31).

Известно, что в 1910 г. капитал, принадлежащий богадельне состоял в процентных бумагах на сумму 1 800 руб., в билете Второго внутреннего 5 % с выигрышами займа 1866 г. (стоимость по курсу 385 руб.), в книжках бессрочных вкладов и сберегательной кассы Государственного банка (433 руб. 84 коп.) (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 685. Л. 30, 31) в связи с чем вставала острая проблема изыскивать местные средства на содержание призреваемых.

5. Заключение

Коммисаровская богадельня стала в Енисейской губернии самой крупной по числу призреваемых. Первой сельской богадельней в буквальном смысле этого слова, так как в

организационном плане представляла собой самостоятельное учреждение, имела свой устав (Положение), орган управления – особый попечительский сельский Комитет. Давала полное содержание призреваемым, за исключением периода, когда из-за краха Скопинского городского общественного банка лишилась привычной процентной прибыли и вечного вклада. Однако, несмотря на сложное финансовое положение, сумела сохранить свою работоспособность и контингент за счет новых источников финансирования – ассигнаций сельских обществ. Обращение к фактическому материалу показало, что значимую роль в организации богадельни играл административный ресурс, состав призреваемых был неоднороден, основной контингент составляли ссыльнопоселенцы.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>», Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Литература

- Богадельня, 1891** – Богадельня / Энциклопедический словарь под ред. И. Е. Андриевского. Т. IV. Санкт-Петербург, 1891. С. 141-143.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Катцина, 2010** – Катцина, Т.А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2010. № 3. С. 5-16.
- Катцина, 2017** – Катцина Т.А. Реестр благотворительных заведений Восточной Сибири (1822–1870 гг.). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2017621434, 07.12.2017. Заявка № 2017620907 от 14.08.2017.
- Катцина, 2018** – Катцина Т.А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Красноярск, 2018. 199 с.
- Ковалев, 2010** – Ковалев А.С. Условия и качество жизни пожилых людей в богадельнях Красноярска во второй половине XIX – начале XX в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 1. С. 102-105.
- Ковалев, 2011** – Ковалев А.С. Богадельня как институт общественного призрения пожилых людей во второй половине XIX – начале XX в. (на примере г. Красноярска) / Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. № 21-2. С. 157-160.
- Крундышев, 2016** – Крундышев Б.Л. Российские богадельни и дома призрения во второй половине XIX – начале XX веков // *Вестник гражданских инженеров*. 2016. № 2 (55). С. 5-15.
- О родителях..., 1866** – О родителях О. И. Коммисарова // *Иркутские епархиальные ведомости*. 1866. 9 июля. С. 334-336.
- Освещение и открытие..., 1868** – Освещение и открытие Коммисаровской богадельни в селе Назаровском Ачинского округа // *Томские губернские ведомости*. 1868. 3 мая. С. 9.
- Отчет..., 1900** – Отчет о приходе, расходе и остатке денежных средств Назаровской Ачинского уезда Коммисаровской богадельни за время от 4 апреля 1899 г. по 4 апреля 1900 г. // *Енисейские губернские ведомости*. 1900. 26 августа. С. 3.
- Павлова, 2003** – Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века: монография. Красноярск, 2003. 249 с.
- Положение..., 1868** – Положение об устройстве и содержании Коммисаровской богадельни Енисейской губернии Ачинского округа в селе Назаровском // *Томские губернские ведомости*. 1868. 10 мая. С. 11-13.
- Сальникова, 2012** – Сальникова Е.С. Положение ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // *Вестник ИрГТУ*. 2012. № 2 (61). С. 269-275.
- Свод учреждений..., 1857** – Свод учреждений и уставов о общественном призрении / Свод законов Российской империи. Т. 13: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб.: 1857. 163, [294], [384], [136] с.
- Ульянова, 2021** – Ульянова Г.Н. Благотворительность в России в первой половине XIX в.: итоги и перспективы изучения законодательства и статистики // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. № 2(100). DOI: 10.18254/S207987840014110-0
- Kovalev et al., 2023** – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 830-841.

References

- Bogadel'nya, 1891** – Bogadel'nya [Bogadelnya] (1891). Enciklopedicheskij slovar' pod red. I.E. Andrievskogo. T. IV. Sankt-Peterburg, 1891, pp. 141-143 [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory].

Kattsina, 2010 – *Kattsina, T.A.* (2010). Ugolovnaya sсылка i problemy nishchenstva v sibirskom obshchestve XIX – nachala XX v. [Criminal Exile and Problems of Beggary in Siberian Society in 19th – early 20th century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Istoriya Rossii.* 3: 5-16. [in Russian]

Kattsina, 2017 – *Kattsina, T.A.* (2017) Reestr blagotvoritel'nyh zavedenij Vostochnoj Sibiri (1822–1870 gg.). [Register of charitable institutions in Eastern Siberia (1822–1870)]. Database registration certificate RU 2017621434, 07.12.2017. Application No. 2017620907 dated 08/14/2017 [in Russian].

Kattsina, 2018 – *Kattsina, T.A.* (2018) Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v Enisejskoj gubernii (1822–1917 gg.). [Public charity and charity in Yenisei province (1822–1917)]. Krasnoyarsk, 199 p. [in Russian]

Kovalev, 2011 – *Kovalev, A.S.* (2011). Bogadel'nya kak institut obshchestvennogo prizreniya pozhilyh lyudej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere g. Krasnoyarska) [Bogadel'nya as an institution of public charity for the elderly in the second half of the XIX – early XX century (on the example of Krasnoyarsk)]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta.* 21-2: 157-160. [in Russian]

Kovalev, 2010 – *Kovalev, A.S.* (2010). Usloviya i kachestvo zhizni pozhilyh lyudej v bogadel'nyah Krasnoyarska vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Conditions and quality of life of the elderly in almshouses in Krasnoyarsk in the second half of XIX – early XX century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 1: 102-105. [in Russian]

Kovalev et al., 2023 – *Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N.R., Rakhinsky, D.V., Ravochkin, N.N.* (2023). Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk). *Bylye Gody.* 18(2): 830-841.

Krundyshev, 2016 – *Krundyshev B.L.* (2016) Rossijskie bogadel'ni i doma prizreniya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov [Russian almshouses and houses of care in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik grazhdanskih inzhenerov.* 2(55): 5-15. [in Russian]

O roditelyah..., 1866 – O roditelyah O. I. Kommissarova [About the parents of O. I. Kommissarov]. *Irkutskie eparhial'nye vedomosti.* 1866. 9 iyulya. Pp. 334-336. [in Russian]

Osveshchenie i otkrytie..., 1868 – Osveshchenie i otkrytie Kommissarovskoj bogadel'ni v sele Nazarovskom Achinskogo okruga [Illumination and opening of the Kommissarovsk almshouse in the village of Nazarovskoye, Achinsk district] *Tomskie gubernskie vedomosti.* 1868. 3 maya. P. 9. [in Russian]

Otchet..., 1900 – Otchet o prihode, raskhode i ostatke denezhnyh sredstv Nazarovskoj Achinskogo uezda Kommissarovskoj bogadel'ni za vremya ot 4 aprelya 1899 g. po 4 aprelya 1900 g. [Report on the inflow, expenditure and balance of funds of the Nazarovskoye Kommissarovskoye almshouse in Achinsk district for the period from 4 April 1899 to 4 April 1900]. *Enisejskie gubernskie vedomosti.* 1900. 26 avgusta. P. 3. [in Russian]

Pavlova, 2003 – *Pavlova, I.P.* (2003) Social'noe popechenie v Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Social care in Russia in the late XIX – early XX century: a monograph; Krasnoyarsk State Agrarian University]. Krasnoyarsk, 249 p. [in Russian]

Polozhenie..., 1868 – Polozhenie ob ustrojstve i sodержanii Kommissarovskoj bogadel'ni Enisejskoj gubernii Achinskogo okruga v sele Nazarovskom [Regulations on the arrangement and maintenance of the Kommissarovsk almshouse of Yenisei province, Achinsk district in the village of Nazarovskoye]. *Tomskie gubernskie vedomosti.* 1868. 10 maya. Pp. 11-13. [in Russian]

Sal'nikova, 2012 – *Sal'nikova, E.S.* (2012) Polozhenie sсыl'nyh v mestah ih prichisleniya v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. [Situation of exiles in places of their enrolment in Eastern Siberia in the second half of the XIX century]. *Vestnik IrGTU.* 2(61): 269-275 [in Russian]

Svod uchrezhdenij..., 1857 – Svod uchrezhdenij i ustavov o obshchestvennom prizrenii [Code of Institutions and Statutes on Public Charity]. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 13: Ustavy o narodnom prodovol'stvii, obshchestvennom prizrenii i vrachebnye. SPb., 1857. 163, [294], [384], [136] pp. [in Russian]

Ul'yanova, 2021 – *Ul'yanova, G.N.* (2021). Blagotvoritel'nost' v Rossii v pervoj polovine XIX v.: itogi i perspektivy izucheniya zakonodatel'stva i statistiki [Charity in Russia in the first half of the XIX century: the results and prospects of the study of legislation and statistics]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya».* 12. 2(100). DOI: 10.18254/S207987840014110-0 [in Russian]

Коммисаровская богадельня: к анализу благотворительных учреждений в Сибири периода капиталистической модернизации

Ксения Алексеевна Тишкина ^a, Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ksetishkina@mail.ru (К. А. Тишкина), tkatsina@sfu-kras.ru (Т. А. Катцина)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования Коммисаровской богадельни, открытой по инициативе генерал-губернатора П. Н. Замятина в селе Назарово Енисейской губернии в 1868 г. в память о событии 4 апреля 1866 г. Источниками выступили: нормативные акты, периодическая печать, делопроизводственная документация, извлеченная из фонда 595 «Енисейское губернское управление» Государственного архива Красноярского края. Впервые вводятся в научный оборот данные об организации и финансировании богадельни. Приводятся определения «богадельня», «Вечный вклад». Авторы приходят к выводу о том, что Коммисаровская богадельня стала в Енисейской губернии самой крупной по числу призреваемых. Первой сельской богадельней, которая имела свой устав, орган управления, давала полное содержание призреваемым. Обращение к фактическому материалу показало, что значимую роль в организации богадельни играл административный ресурс, состав призреваемых был неоднороден, основной контингент составляли ссыльнопоселенцы. Научная новизна исследования видится в том, что в научный оборот введено значительное число новых исторических документов и фактов регионального уровня, что может быть использовано в качестве основы для дальнейших научных разработок проблем, связанных с историей благотворительных учреждений в Сибири периода капиталистической модернизации (1860-е – 1917 гг.)

Ключевые слова: капиталистическая модернизация, общественное призрение, призреваемые, благотворительные заведения, богадельня, вечные вклады, Енисейская губерния.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1307-1315
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1307

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Production System of N.I. Putilov in 1868–1880 based on the Materials of Pre-Revolutionary Historiography

Yulia B. Nadtochiy ^{a,*}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article presents the experience of creating a full-fledged national production system on the example of the factories of Nikolai Ivanovich Putilov (later, the Society of Putilov Factories). The purpose of the study is to reconstruct the elements of the production system through the analysis of various historical publications, which reflect the main moments of the formation and development of production during the existence of the Putilov factories under the creator himself (N.I. Putilov). At that time, the concept of “production system” did not yet exist, but all the elements of the production system, as this study showed, are present and it is possible to confidently assert the existence of a domestic production system at that time.

The sources used in the article are important for understanding the contribution to the pre-revolutionary development of the national production system (work system), thanks to the existence of which Russian products were not only not inferior to foreign analogues, but sometimes surpassed them through the efforts of domestic entrepreneurs-researchers, since they met certain conditions more (the products produced were suitable for the Russian climate, for the specifics of the operation of facilities in our country and etc.).

The materials of the article demonstrate a certain chronological order of development of the national production system of N.I. Putilov – from the acquisition of the first plant to the large-scale deployment of production of high-quality strategic products.

Keywords: production system, N.I. Putilov, Putilov factories, tsarist Russia, history of national production, strategic products.

1. Введение

Вклад в историю становления и развития отечественной производственной системы рассмотрим на примере заводов выдающегося нашего соотечественника Николая Ивановича Путилова. Заводы Николая Ивановича (с 1857 года), а позже и Общество Путиловских Заводов (1873 г., акционерное общество, куда входило пять заводов) существовали в период царствования российских императоров Александра II, Александра III и Николая II (и до настоящего времени Кировский завод).

В статье рассмотрим подробнее, как развивалось производство при самом создателе Путиловских Заводов Николае Ивановиче Путилове с 1868 по 1880 годы в Санкт-Петербурге (Н.И. Путилов до конца своего жизненного пути активно занимался развитием отечественного производства) во времена правления Александра II.

В настоящий момент времени, когда научный дискурс разворачивается вокруг вопросов развития отечественной производственной системы, которая могла бы не уступать зарубежным аналогам, обращение к истории успешных российских дореволюционных производственных систем

* Corresponding author

E-mail addresses: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Yu.B. Nadtochiy)

может стать определенным ценным ориентиром для создателей современных отечественных производственных систем.

В проведенном исследовании предпринята попытка изучить вопросы становления отечественной производственной системы Н.И. Путилова как с исторических, так и с научно-технических позиций.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы проведенного исследования сформировали опубликованные источники: документы (Полное собрание законов Российской империи, Уставы и др.), материалы личного происхождения (*Русский архив...*, 1895) и материалы отечественной дореволюционной историографии: научные труды, посвященные вопросам изучения процесса производства на Путиловских заводах, воспоминания современников о Н.И. Путилове и его деятельности, исторические очерки о развитии отечественных предприятий и др. (*Левицкий, 1898; К столетию...*, 1902 и др.).

Изученные исторические материалы позволяют представить один из периодов истории развития российских производственных систем.

Основными методами научных изысканий стали общенаучные методы познания, такие как теоретический анализ, синтез, конкретизация и обобщение, благодаря которым удалось установить основные элементы производственной системы Н.И. Путилова, ее ценности и особенности функционирования. В работе применялись и некоторые специфические методы: анализ документов, понимание и объяснение, в результате чего статья содержит также авторское понимание и объяснение содержания некоторых аспектов производственной системы в рассматриваемом прошлом на основе проведенного анализа исторических материалов.

Использование историко-ситуационного метода позволило выявить определенные исторические факты становления и развития отечественной производственной системы по отношению к рассматриваемому периоду времени.

В целом, вместе с решением главного исследовательского вопроса, сформулированного ранее, одним из направлений проводимой работы видится вклад в описание недостаточно освещенных в специализированной исторической литературе страниц, касающихся вопросов развития отечественных дореволюционных производственных систем.

3. Обсуждение

Историография по теме нашего исследования не очень обширна. Специализированных исследований в области развития конкретных отечественных производственных систем (именно производственных систем и именно на примере отечественных предприятий) дореволюционного периода не проводилось. Однако можно отметить наличие фиксации и архивирования различных данных, связанных с развитием производства в Российской империи.

В существующих работах (дореволюционного и современного периода времени) рассматривается отдельно история дореволюционного становления и развития либо заводов определенной отрасли например, оружейных заводов (*Оружейные заводы...*, 1898), либо конкретной промышленной отрасли, например, машиностроения (*Фабрично-заводская...*, 1896), черной металлургии (*Пыхалов, 2017*).

Большинство трудов посвящено самому Н.И. Путилову, его биографии, его идеям, в том числе идеям-мечтам (например, мечте о строительстве Морского канала) (*Русский архив...*, 1895; *Ошарин, 2002*), изучению его предпринимательского, управленческого и исследовательского опыта (*Ошарин, 2002*), изучению/испытанию качества выпускаемой его заводами продукции (*Левицкий, 1898*).

Таким образом, в историографии наблюдается интерес в основном к изучению развития отечественного производства в разных отраслях экономики, к конкретным историческим личностям, связанным с этим развитием и внесшим в него определенный вклад, но не конкретных (можно даже сказать, именных) производственных систем.

4. Результаты

Обычно понятие производственной системы связывается с понятием «бережливое производство» и, соответственно, с японской компанией Тойота (Toyota Production System). Но у нас есть отличный пример отечественных производственных систем, на концептуальные основы (вовлеченность в качество российской продукции, развитие отечественного производства, отношение к рабочим, организация труда и др.) которых, заложенные еще нашими уникальными соотечественниками (в том числе и Николаем Ивановичем Путиловым), можно и нужно равняться. Для этого обратимся к некоторым страницам истории развития заводского дела в Российской империи.

Как было отмечено ранее, в настоящее время в основном исследуются зарубежные производственные системы даже в историческом аспекте. В центре внимания данной работы находятся заводы Н.И. Путилова, в то время как существовали и другие отечественные заводы и фабрики в изучаемый период времени.

Для полноценного рассмотрения исторических вопросов становления и развития российской производственной системы в обозначенный период времени (в дореволюционные годы) необходимо дать определение понятия «производственная система» и рассмотреть составляющие ее элементы.

В целом под производственной системой понимается комплекс условий, созданных с целью эффективного выпуска готовой продукции.

Определений понятия «производственная система» (как и многих других понятий) существует множество, обратимся к некоторым из существующих определений.

Производственная система – это «взаимосвязанная совокупность постоянно развивающихся персонала, процессов и процедур, средств производства и отношений с обществом (внешней средой), управление и развитие которой опирается на философию, технологию и инструменты бережливого производства и систему общечеловеческих ценностей» (Корчагин, 2019).

Исходя из определений понятия, элементами производственной системы являются: 1) люди (персонал): условия, культура труда (корпоративная культура), обучение, компетенции; 2) средства производства: ресурсы, проект производства работ, оборудование, автоматическое, автоматизированное производство; 3) процессы: стратегическое планирование, работа с поставщиками, качество продукции (Корчагин, 2019).

Очень важно учитывать, как влияет производственная система на общество: территориальное развитие, благотворительность и др.

Производственная система также включает производственную и непроизводственную инфраструктуры. А главное, производственная система базируется на определенной системе ценностей.

Как и любая система, производственная система Н.И. Путилова имела свои элементы, которые будут рассмотрены ниже с ракурса развития отечественного производства в указанный исторический период времени. Центром внимания в приведенном исследовании стали три завода: Екатерининский завод (чугуноплавильный завод в Финляндии), Путиловский (железоделательный и сталелитейный завод) и Обуховский сталелитейный (сталепушечный) заводы в Санкт-Петербурге.

Существует множество публикаций дореволюционного времени, рассказывающих о Н.И. Путилове и деле его жизни (Левицкий, 1898; Русский архив..., 1895 и др.), поэтому в статье отметим только основные исторические вехи, имеющие значение для проведенного исследования и связанные с развитием отечественного производства. Начнем с небольшой справки о самом создателе заводов и краткой истории появления заводов у Н.И. Путилова.

Николай Иванович Путилов - «пионер рельсопрокатного дела в России, металлург, строитель, изобретатель и знаток военно-орудийного производства» – вот емкая характеристика нашего соотечественника из Биографического словаря, изданного в 1910 году (Русский биографический словарь, 1910: 151). О военном деле Н.И. Путилов знал не понаслышке, это подтверждает и его «Сборник известий» (Сборник известий..., 1855: 287-299), и этот факт еще более акцентирует внимание на обширных знаниях и всесторонней вовлеченности владельца заводов в рабочий процесс, что также является одной из причин высоких показателей качества выпускаемой заводами продукции.

В набросках из воспоминаний князя Д.Д. Оболенского даются такие сведения о Н.И. Путилове: «... сам он, как бывший моряк и человек ума обширного, самородок чисто-Русский, выбившийся сам на дорогу ...», «... он прежде чем о собственной выгоде, думал о пользе самого предприятия и главною целью ставил поэтому отличное исполнение самого дела, не думая о себе, о личных своих барышах» (Русский архив..., 1895: 232).

1863 год – Н.И. Путилов, наряду с П.М. Обуховым и С.Г. Кудрявцевым является соучредителем/создателем Обуховского сталелитейного завода (Каптерев, 1913: 12).

В 1868 году, когда Н.И. Путилов приобретает разорившийся механический, литейный и железоделательный завод «Перун» (ПСРИ, 1869: 197-198) и запускает производство отечественных рельсов, тогда впервые был поставлен вопрос об отказе от закупки рельсов за рубежом (которые не выдерживали российского климата и быстро ломались). Завод получил название «Путиловский» и «благодаря энергии и таланту своего владельца пошел по пути быстрого развития» (К столетию..., 1902: 15).

Так, на период 1869 года отмечается, что Н.И. Путилов является владельцем трех заводов в Финляндии: (чугунно-плавильными и железоделательными), небольшим заводом «Аркадия» (выделка пудлинговой стали) и третью доли в Обуховском заводе, а также огромного выкупленного рельсового завода (Всемирная иллюстрация..., 1869: 39).

В то время работали и выполняли оборонные заказы Ижевский оружейный и сталелитейный завод (основан в 1760 году), Императорский Тульский оружейный завод, Сестрорецкий оружейный завод и др. Интересен тот факт, что стволы и коробки на всех трех заводах (Ижевском, Тульском и Сестрорецком) делались из болванок ижевской стали, а часть деталей для ружей на Сестрорецком заводе делали из отечественной стали Путиловского завода, в то время как на Тульском использовали сталь бельгийского завода Англёр, а в целом собирались переходить на ижевскую инструментальную сталь, которая на испытаниях оказалась не хуже зарубежных аналогов (Оружейные заводы..., 1898: 61). Первоначально частный Путиловский завод и Обуховский завод отозвались на призыв принять

участие в изготовлении стволов с коробками для Императорского Тульского и Сестрорецкого заводов. Однако: «В смысле развития честной промышленности заказ стволов и коробок на частных заводах не представляет выгоды для военного ведомства, так как подобные заказы даются периодически с большими промежутками безработицы, во время которых каждый частный завод должен совершенно забросить ствольное дело, чтобы при следующем заказе создавать его снова с большими затратами» ([Оружейные заводы..., 1898: 70](#)). Поэтому заказ отдали на выполнение переустроенному в то время казенному Ижевскому заводу.

В 1872 году Н.И. Путилов идет на такой шаг (в связи с финансовым положением дел) как учреждение Общества Путиловских заводов на основании утвержденного Устава, в котором описаны цель, права и обязанности Общества, а также его капитал, права и обязанности владельцев акций и вопросы управления делами, разбора споров и прекращения действий Общества ([ПСРИ, 1872: 840-849](#)).

В образовавшееся в 1873 году Акционерное общество вошли: Рельсовый и механический петербургский завод, завод «Аркадия» (литейный завод), Екатерининский (чугуноплавильный), завод в Хаапакоски (металлургический) и завод в Орави (чугунолитейный) ([Полное собрание..., 1872: 841](#)).

Необходимо отметить, что сведений о внутреннем устройстве заводов и организации труда на них не так уж и много (а, зачастую и они рассматриваются с разных позиций: дореволюционных и послереволюционных), но и их достаточно для того, чтобы сделать выводы о становлении производственной системы Николая Ивановича Путилова, которая была ориентирована на постоянное улучшение производства продукции (качества продукции) для служения на благо Отечества.

В построении и функционировании производственной системы очень многое зависит от того, кто и как (насколько грамотно) ей управляет и насколько сам следует заявленным принципам (ценностям).

Будучи прекрасным управленцем, организатором работ, как показывает его опыт сооружения тридцати двух паровых машин в 1855 году (подробно описывает весь ход работ и устройство лодок, составил таблицу распределения работ между разными заводами, учел необходимые затраты и пр. ([Путилов, 1856: 185-209](#))), Н.И. Путилов также прекрасно продумывал и планировал работу на всех своих заводах. Руководил собранным им рабочим коллективом: в 1870 году на заводах Николая Ивановича работало до 60 человек инженеров и мастеров и до 12 000 рабочих ([Иллюстрированное описание Всероссийской мануфактурной выставки, 1870: 52](#)).

В соответствии с действовавшими в то время Уставами, владелец фабрики, завода мог набирать на работу вольнонаемных людей. Для рабочих людей необходимо было составить общие правила о порядке, соблюдаемом на фабрике, которые надо было вывесить в рабочих комнатах для ознакомления ([Уставы торговых, фабричной и заводской промышленности и ремесленной, 1870: 12](#)).

В связи с поставленной целью исследования рассмотрим подробнее некоторые заводы Н.И. Путилова с позиций производственной системы (персонал, средства производства, рабочие процессы).

Один из заводов Н.И. Путилова, известный также под названием «Екатерининский Путиловский завод», в 1858 году был оборудован паровыми машинами (в 200 сил), водяными колесами (в 50 сил), доменной печью с двумя воздухоудвными машинами, пудлинговыми печами (9 печей), паровыми молотами (3 шт.), сварочными (3 шт.), вальцовками (3 шт.), а также действовали такие производственные подразделения, как: кузница, механическая и модельная мастерские. В качестве непромышленной инфраструктуры при заводе были созданы больница и школа, открыты вечерние классы для рабочих ([Иллюстрированное описание..., 1870: 51](#)).

На приобретенном в 1868 году Путиловском заводе Н.И. Путилов сразу же вводит усовершенствования в производственный процесс: железные рельсы делаются со стальной головкой, закаливающейся в воде, что позволяет ей приобрести высокую твердость ([К столетию..., 1902: 18](#)).

Рабочих, трудящихся на заводе в то время насчитывается около 2 000 человек. К труду работников завода Н.И. Путилов, как отмечают его современники, относился с большим уважением ([К столетию..., 1902: 18](#)).

В 1869 году в связи с получением заказа на переделку ружей на заводе для производства литой стали устанавливается Бессемеровский конвертор ([К столетию..., 1902: 18](#)) и указывается на существование пяти заводских мастерских: кузнечной, литейной, прокатной, механической и бессемеровской.

Завод в 1870 году занимался также изготовлением мостов, железнодорожных инструментов, отдельных частей паровозов и вагонов помимо изготовления прокатных изделий и снарядов, а в 1874 году начался выпуск товарных вагонов (уже после создания Общества Путиловских заводов) ([К столетию..., 1902: 18](#)).

Ассортимент изделий, производимых заводом, постоянно увеличивался и соответственно, не прекращалось улучшение устройства помещений мастерских завода и находящегося в них оборудования ([Общество Путиловских заводов. 1905: 3-4](#)).

Завод в период участия в его деятельности Н.И. Путилова (как управленца, ученого, изобретателя) «... 1868–1879 гг. достиг уже столь большого развития, что стал одним из самых

крупных металлургических заводов России, доставив железным дорогам одних рельсов 13.766,000 пудов, из коих 4.920,000 стальных» (К столетию..., 1902: 20).

Структура производственной системы, как правило, состоит из организационной (управленческой/административной) и производственной структур/подструктур, иногда в отдельную подструктуру выделяются непромышленные подразделения (подразделения социальной сферы). Всем этим требованиям отвечает и структура завода Н.И. Путилова.

Рассмотрим на рисунке структуру Путиловского завода, сложившуюся к концу XIX века (К столетию..., 1902: 33-34).

Также при заводе находились подразделения социальной сферы: временная церковь и постоянная каменная церковь, больница, школа, библиотека для рабочих, лавки общества потребителей, театр с заводским парком, ссудо-сберегательная касса и жилые дома для служащих (К столетию..., 1902: 35)

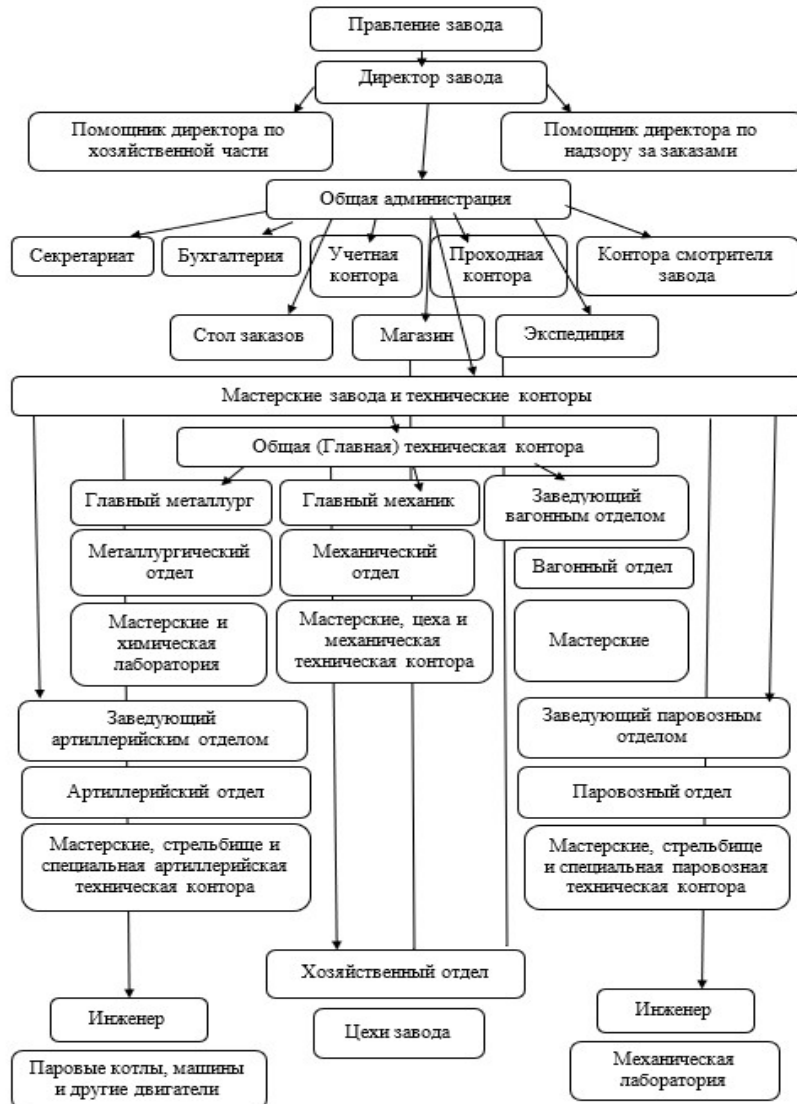

Рис. 1. Примерная структура Путиловского завода (К столетию..., 1902: 33-34)

На Обуховском заводе, как и на других заводах, проекты зданий, мастерских (сталелитейной, пушечно-отделочной и молотовой) составляет сам Николай Иванович Путилов. В 1863 году за границей заказывается необходимое для мастерских завода оборудование: машины, механические станки, молоты и пр. Для работы на заводе выписываются рабочие и мастера с Урала, также организуется обучение рабочих процессу отливки стали на другом заводе для того, чтобы незамедлительно приступить к изготовлению продукции. В начале 1865 года при заводе действуют тигельная, сталелитейная, молотовая, чугунно-литейная и пушечно-отделочная (сверлильная) мастерские, кузницы, лаборатории (механическая, химическая и пр.) и другие отделы, оборудованные паровыми молотами, станками (токарными, сверлильными и др.), подвижным краном и паровой машиной, а в 1872 году устанавливается газо-сталеплавильная печь системы Сименса-Мартена (мартеновская печь), поэтому годовая производительность стали в 1873 году

достигла 200 000 пудов. И далее строились здания и закупалось требуемое оборудование для расширения ассортимента изделий и развития завода (рычажный пресс Киркальди, рычажный пресс Брауна, гидравлический пресс) (Каптерев, 1913: 21–31).

Относительно работающих на Обуховском заводе есть сведения, что служащим и рабочим завода предоставлялись квартиры с некоторыми удобствами, освещение газом (Каптерев, 1913: 20).

На всех заводах отмечались различные праздники, связанные с выпуском определенного количества продукции. Например: «3-го мая Петербургский Путиловский железно-прокатный механический завод праздновал окончание обработки второго миллиона пудов рельсов» (Всемирная иллюстрация, 1869: 323).

Н.И. Путилов строил работу своих заводов на достижениях науки и техники, занимался научными изысканиями (Путилов, 1840: 59–63), проводил сам исследования, поэтому приветствовал разные разработки того времени (инновации) связанные с выпускаемой продукцией с целью ее усовершенствования, повышения качества и осуществлял производство продукции на своих заводах по разработанным лично технологиям: «первый ввел в России приготовление бронепробивающих снарядов из быстро охлажденного чугуна, в то время только что появившихся за границей и составляющих секрет Прусского фабриканта Грюзона», «первый в России водворил на рельсовом заводе ... выделку железных рельсов со стальной головкой, утилизируя для этого производства изношенные старые рельсы» (Русский энциклопедический словарь, 1876: 657).

Как видно из описаний трех рассмотренных заводов, со временем увеличивались площади заводов, строились дополнительные здания под мастерские и постоянно обновлялось оборудование, набирался необходимый персонал под возникающие требования к новому ассортименту и качеству продукции.

Чрезвычайно высокое качество произведенной продукции заводов отмечается на мануфактурной выставке, где были представлены образцы чугуна, сделанные по способу самого Путилова, бессемеровской стали, рельсов и др. (Иллюстрированное описание..., 1870: 51).

Зарубежные исследования также подтверждали качество изделий (оружия) Путиловских заводов (Обуховского завода) и говорили о возможном вытеснении русскими с рынка продукции Ф. Холли (Holley, 1865: 759).

Качество продукции Путиловских заводов часто проверялось в присутствии царя (рельсы, оружие и др.) и всегда продукция оказывалась на высшем уровне.

Так, развитие производственной системы, заложенной Н.И. Путиловым, продолжалось и после его ухода. В историческом очерке, посвященном 100-летию Путиловского завода, отмечается, что в 1900 году на заводе уже работало 12 440 человек. Годовой оборот завода составлял 20 млн рублей. Площадь завода была 1245495.3 кв. м. (114 десятин) на которой размещалось 38 мастерских (К столетию Путиловского завода, 1902: 5).

А каковы же ценности, на которых была построена производственная система Н.И. Путилова? В ходе исследования удалось выявить следующие ценности:

- 1) патриотизм;
- 2) уважение к труду;
- 3) постоянное развитие производства, улучшение качества продукции;
- 4) дисциплина и ответственность;
- 5) непрерывные исследования.

5. Заключение

Эффективность производственной системы во многом зависит от вовлеченности всего трудящегося персонала, включая руководителя, от его компетенции (знаний, опыта и др.), решений и пр.

Как показала проведенная работа, производственная система Н.И. Путилова – это комфортная рабочая обстановка, уважительное отношение к работающим, постоянные исследования (проведение научно-исследовательских работ, в том числе и изучение зарубежного передового опыта) и высокое качество выпускаемой продукции. Также производственная система Н.И. Путилова – это постоянный прогресс на благо общества, людей, государства. Это можно смело заявить по результатам выполненного исследования.

Суть производственной системы (в частности, бережливого производства) заключается в сокращении затрат за счет того, что исключаются разного рода потери, и это способствует повышению качества (качества труда, качества продукции и др.). И в производственной системе Н.И. Путилова постоянные исследования, неунынное следование своим идеям улучшения/совершенствования производства, рвение за Отечество даже не оставляли времени на мысль о браке и потерях. Все было направлено на развитие только качественного производства качественной продукции.

Литература

Всемирная иллюстрация..., 1869 – Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. Т. 1. Санкт-Петербург: Гоппе Г.Д., 1869.

Иллюстрированное описание..., 1870 – Иллюстрированное описание Всероссийской мануфактурной выставки. 1870: 76 рисунков, исполненных лучшими художниками журнала «Всемирная иллюстрация», с описанием выставившихся предметов, указателем экспонентов, списком наград и проч. Санкт-Петербург: Издание Германа Гоппе, 1870. 122 с.

К столетию..., 1902 – К столетию Путиловского завода. 1801-1901 гг.: [Ист. очерк и описание зда]. Санкт-Петербург: Путил. з-д, 1902. 120 с.

Каптерев, 1913 – *Каптерев Н.А.* Обуховский сталелитейный завод: [Очерк] Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 76 с.

Корчагин, 2019 – *Корчагин С.* Современный взгляд на Производственную систему // ИП Корчагин И.Е. [Электронный ресурс]. URL: <https://leannext.pro/journalnewlookps> (дата обращения: 01.08.2023).

Левицкий, 1898 – *Левицкий М.Г.* Путиловский сталелитейный, железнодорожный и механический завод / Очерк сост. полк. М. Левицкий. Кронштадт: типо-лит. Д.М. Комарова, 1898. 89 с.

Общество Путиловских заводов, 1905 – Общество Путиловских заводов. Сортамент изделий. Санкт-Петербург, 1905. 291 с.

Оружейные заводы..., 1898 – Оружейные заводы: (Тульский, Сестрорецкий и Ижевский) / [Сергей Зыбин, Михаил Нехлюдов, Михаил Левицкий]. Кронштадт: типо-лит. Д.М. Комарова. 1898. 89 с.

Ошарин, 2002 – *Ошарин А.В.* Н.И. Путилов и дело его жизни // *История Петербурга*. 2002. № 1. С. 40-42.

ПСРИ, 1869 – Правительствующий сенат. О несостоявшемся товариществе С.-Петербургского железоделательного завода «Перун» // Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1873. Т. XLIV, отделение первое, 1869. № 46823. С. 197-198.

ПСРИ, 1872 – Высочайше утвержденный устав Общества Путиловских заводов / Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1875. Т. XLVII, отделение второе, 1872. № 51438. С. 840-849.

Путилов, 1840 – *Путилов Н.И.* Отрывки из лекции академика Остроградского // *Маяк современного просвещения и образованности*. Санкт-Петербург. Ч. 4. 1840. С. 59-63.

Путилов, 1856 – *Путилов Н.И.* Краткое описание сооружения канонерской флотилии вообще и преимущественно изготовления тридцати двух винтовых машин на частных заводах // *Морской сборник, издаваемый морским ученым комитетом*. Т. XXII. № 7. Санкт-Петербург, 1856. С. 185-209.

Пыхалов, 2017 – *Пыхалов И.В.* Развитие чёрной металлургии в российской империи // *Проблемы современной экономики*. 2017. №1. С. 221-227.

Русский архив..., 1895 – Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. Т 2. Москва, 1895. 200 с.

Русский биографический словарь, 1910 – Путилов Николай Иванович // *Русский биографический словарь*. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1910. Т. 15. 559 с.

Русский энциклопедический словарь, 1876 – Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. Т. IV. Санкт-Петербург, 1876. 694 с.

Сборник известий..., 1855 – Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с выс. соизволения Н. Путиловым: Кн. 19. Санкт-Петербург: в типографии Эдуарда Веймара, 1855. 210 с.

Уставы торговый..., 1870 – Уставы торговый, фабричной и заводской промышленности и ремесленный: (Свод законов, т. 11, ч. 2): Доп. и изм. по продолж. 1863, 1864 и 1868 гг. и позднейшим узаконениям, с разъясн. по решениям кассац. деп. Правительствующего сената: с прил. Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. Изд. 2-е. С.-Петербург : Тип. Юлии Андреевны Бокрама, 1870. 989 с.

Фабрично-заводская..., 1896 – Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Типография И.А. Ефрона, 1896. 636 с.

Holley, 1865 – *Holley A.L.* A treatise on ordnance and armor: embracing descriptions, discussions, and professional opinions concerning the material, fabrication, requirements, capabilities, and endurance of European and American guns for naval, sea-coast, and iron-clad warfare, and their rifling, projectiles and breech-loading. New York, D. Van Nostrand; London, Trübner & company, 1865. 900 p.

References

Fabrichno-zavodskaya..., 1896 – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii [Factory industry and trade of Russia]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Tipografiya I.A. Efrona, 1896. 636 p. [in Russian]

Holley, 1865 – *Holley, A.L.* (1865). A treatise on ordnance and armor: embracing descriptions, discussions, and professional opinions concerning the material, fabrication, requirements, capabilities, and endurance of European and American guns for naval, sea-coast, and iron-clad warfare, and their rifling, projectiles and breech-loading. New York, D. Van Nostrand; London, Trübner & company. 900 p.

- Ilyustrirovannoe opisanie..., 1870** – Ilyustrirovannoe opisanie Vserossiiskoi manufakturnoi vystavki. 1870 [Illustrated description of the All-Russian Manufacturing Exhibition. 1870]: 76 risunkov, ispolnennykh luchshimi khudozhnikami zhurnala «Vsemirnaya illyustratsiya», s opisaniem vystavlyavshikhsya predmetov, ukazatelem eksponentov, spiskom nagrad i proch. Sankt-Peterburg: Izdanie Germana Goppe, 1870. 122 p. [in Russian]
- K stoletiyu..., 1902** – K stoletiyu Putilovskogo zavoda. 1801-1901 gg. . [To the centenary of the Putilov plant. 1801-1901]: [Ist. ocherk i opisanie z-da]. Sankt-Peterburg: Putil. z-d, 1902. 120 p. [in Russian]
- Kapterev, 1913** – *Kapterev, N.A.* (1913). Obukhovskii staleliteinyi zavod: [Ocherk] [Obukhov Steel Plant]: [Essay]. Sankt-Peterburg: t-vo R. Golike i A. Vil'borg, 76 p. [in Russian]
- Korchagin, 2019** – *Korchagin, S.* (2019). Sovremennyy vzglyad na Proizvodstvennyuyu sistemu sistemu [A modern view of the Production system]. IP Korchagin I.E. [Electronic resource]. URL: <https://leannext.pro/journalnewlooks> (date of access: 01.08.2023). [in Russian]
- Levitskii, 1898** – *Levitskii, M.G.* (1898). Putilovskii staleliteinyi, zheleznodorozhnyi i mekhanicheskii zavod [Putilovsky steel, railway and mechanical plant]. Ocherk sost. polk. M. Levitskii. Kronshtadt: tipo-lit. D.M. Komarova, 89 p. [in Russian]
- Obshchestvo Putilovskikh zavodov, 1905** – Obshchestvo Putilovskikh zavodov [Society of Putilov Factories. Assortment of products]. Sortiment izdelii. Sankt-Peterburg, 1905. 291 p. [in Russian]
- Oruzheinye zavody..., 1898** – Oruzheinye zavody: (Tul'skii, Sestroretskii i Izhevskii) [Armory factories]: (Tula, Sestroretsky and Izhevsk). [Sergei Zybin, Mikhail Nekhlyudov, Mikhail Levitskii]. Kronshtadt: tipo-lit. D.M. Komarova. 1898. 89 s. [in Russian]
- Osharin, 2002** – *Osharin, A.V.* (2002). N.I. Putilov i delo ego zhizni [N.I. Putilov and his life's work]. *Istoriya Peterburga*. 1: 40-42. [in Russian]
- PSRI, 1869** – Pravitel'stvuyushchii senat. O nesostoyavshemsya tovarishchestve S.-Peterburgskogo zhelezodelatel'nogo zavoda «Perun» [Governing Senate. About the failed partnership of the St. Petersburg iron-making plant “Perun”]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, sobranie vtoroe. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1873. T. XLIV, otdelenie pervoe, 1869. № 46823. Pp. 197-198. [in Russian]
- PSRI, 1872** – Vysochaishe utverzhdennyi ustav Obshchestva Putilovskikh zavodov [The most highly approved charter of the Society of Putilov Factories]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, sobranie vtoroe. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1875. T. XLVII, otdelenie vtoroe, 1872. № 51438. Pp. 840-849. [in Russian]
- Putilov, 1840** – *Putilov, N.I.* (1840). Otryvki iz lektsii akademika Ostrogradskogo [Excerpts from the lecture of academician Ostrogradsky]. Mayak sovremennogo prosveshcheniya i obrazovannosti. Sankt-Peterburg. Ch. 4. Pp. 59-63. [in Russian]
- Putilov, 1856** – *Putilov, N.I.* (1856). Kratkoe opisanie sooruzheniya kanonerskoi flotilii voobshche i preimushchestvenno izgotovleniya tridsati dvukh vintovykh mashin na chastnykh zavodakh [A brief description of the construction of the gunboat flotilla in general and mainly the manufacture of thirty-two screw machines at private factories]. *Morskoi sbornik, izdavaemyi morskim uchenym komitetom*. T. XXII. 7. Sankt-Peterburg. Pp. 185-209. [in Russian]
- Pykhalov, 2017** – *Pykhalov, I.V.* (2017). Razvitie chernoi metallurgii v rossiiskoi imperii [Development of ferrous metallurgy in the Russian Empire]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 1: 221-227. [in Russian]
- Russkii arkhiv..., 1895** – Russkii arkhiv, izdavaemyi Petrom Bartenevym [Russian Archive, published by Peter Bartenev]. T 2. Moskva, 1895. 200 p. [in Russian]
- Russkii biograficheskii slovar', 1910** – Putilov Nikolai Ivanovich [Nikolai Ivanovich Putilov]. *Russkii biograficheskii slovar'*. Sankt-Peterburg: Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, 1910. T. 15. 559 p. [in Russian]
- Russkii entsiklopedicheskii slovar', 1876** – Russkii entsiklopedicheskii slovar', izdavaemyi professorom S.-Peterburgskogo universiteta I.N. Berezinyim Russian encyclopedic dictionary, published by Professor of St. Petersburg University I.N. Berezin]. T. IV. Sankt-Peterburg, 1876. 694 p. [in Russian]
- Sbornik izvestii..., 1855** – Sbornik izvestii, otnosyashchikhsya do nastoyashchei voyny, izdavaemyi s vys. soizvoleniya N. Putilovym [Collection of news related to the present war, published with the permission of N. Putilov]: Kn. 19. Sankt-Peterburg: v tipografii Eduarda Veimara, 1855. 210 p. [in Russian]
- Ustavy torgovyi..., 1870** – Ustavy torgovyi, fabrichnoi i zavodskoi promyshlennosti i remeslennyyi: (Svod zakonov, t. 11, ch. 2) [Charters of trade, factory and factory industry and handicraft: (Code of Laws, vol. 11, part 2)]: Dop. i izm. po prodolz. 1863, 1864 i 1868 gg. i pozdneishim uzakoneniym, s raz'yasn. po resheniyam kassats. dep. Pravitel'stvuyushchego senata: s pril. Polozheniya o poshlinakh za pravo torgovli i drugikh promyslov. Izd. 2-e. S.-Peterburg: Tip. Yulii Andreevny Bokrama, 1870. 989 p. [in Russian]
- Vsemirnaya illyustratsiya..., 1869** – Vsemirnaya illyustratsiya: ezhenedel'nyi illyustrirovannyi zhurnal [World Illustration: Weekly illustrated magazine]. T. 1. Sankt-Peterburg: Goppe G.D., 1869. [in Russian]

Производственная система Н.И. Путилова в 1868–1880 гг. на материалах дореволюционной историографии

Юлия Борисовна Надточий^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен опыт создания отечественной производственной системы на примере заводов Николая Ивановича Путилова (в последствии Общества Путиловских Заводов). Целью исследования является реконструкция элементов производственной системы посредством анализа различных исторических публикаций, в которых отражены основные моменты становления и развития производства в период существования Путиловских заводов при самом создателе (Н.И. Путилове). В то время понятие «производственная система» еще не существовало. Однако все элементы производственной системы, как показало данное исследование, присутствуют, и можно с уверенностью утверждать о существовании в то время отечественной производственной системы.

Использованные в статье источники важны для понимания вклада в дореволюционное развитие отечественной производственной системы, благодаря существованию которой российская продукция не только не уступала зарубежным аналогам, но стараниями отечественных предпринимателей-исследователей иногда и превосходила их, так как больше отвечала определенным условиям (подходила под российский климат, под особенности эксплуатации объектов в России и др.).

Материалы статьи демонстрируют некий хронологический порядок развития отечественной производственной системы Н.И. Путилова – от приобретения первого завода до масштабного развертывания производства качественной продукции стратегического назначения.

Ключевые слова: производственная система, Н.И. Путилов, Путиловские заводы, Российская империя, история отечественного производства, продукция стратегического назначения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Ю.Б. Надточий)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1316-1323
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1316

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problematic Factors in the Formation of a Positive Image of the Russian Monarch among Students in the Kingdom of Poland in the late 19th – early 20th centuries

Sergey I. Belov ^{a, b, *}

^a Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the topic of problematic factors that blocked the process of forming a positive image of the Russian monarch among students in the Kingdom of Poland in the late 19th – early 20th centuries. The source base of the work includes materials deposited in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive. The research methodology includes elements of structural and comparative analysis. The author comes to the conclusion that in the structure of factors that blocked the promotion of a positive image of the emperor among Polish students, three levels can be distinguished. Firstly, geopolitical considerations and the experience of past conflicts pushed the political leadership of the empire to implement projects of accelerated integration of the Kingdom of Poland, which, taking into account the specifics of the structure of the social memory of the Poles, in itself formed a stable negative frame for the discursive perception of the images of autocrats. Secondly, the implementation of this program on the ground was carried out in an exaggerated form, either formally, or was of a half-hearted nature. At the same time, the quality of the corps of civil servants remained insufficiently high, and the general attitude of officials towards the Polish population was determined mainly by distrust. In conditions of chronic underfunding and poor quality of administration, integration projects did not give a positive effect, but only irritated ethnic Poles and, above all, the national intelligentsia. Thirdly, the efforts to Russify Warsaw University and limit the public activity of students, along with the selectively tough attitude of the authorities towards this university, initially formed negative attitudes towards the head of state among students.

Keywords: Poland, Vistula region, students, positive image, emperor, monarchy, factor.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. Польша по праву считалась одним из наиболее «проблемных» регионов Российской империи. С момента присоединения к России на ее территории дважды вспыхивали крупномасштабные восстания, подавление которых потребовало организации полномасштабных боевых действий против мятежников. Польские добровольцы регулярно выступали против России в армиях почти всех ее противников, включая отряды кавказских горцев. При этом факт наличия многочисленного польского населения на сопредельных территориях Германии и Австро-Венгрии вкупе с попытками Габсбургов и Гогенцоллернов организовать данную часть своих подданных для участия в планируемой войне против России и автоматически превращал жителей региона в потенциальную «пятую колонну» в глазах российских чиновников. По этой причине власти империи активно пытались ускорить процесс интеграции края, в том числе за счет продвижения позитивных образов России и ее государственности. Значимую часть соответствующего символического ряда составляла галерея образов российских монархов. Однако позитивный образ

* Corresponding author

E-mail addresses: belov2006s@yandex.ru (S.I. Belov)

самодержца, как правило, с большим трудом продвигался в широких массах. А среди образованной молодежи, в особенности студенчества, (т.е. фактически «рассадника» будущей польской элиты) он и вовсе встречал отторжение.

Данный аспект общественно-политической повестки на польских территориях империи в конце XIX – начале XX вв. нашел широкое освещение в научной литературе. Однако интерпретация соответствующих явлений до сих пор носит дискуссионный характер. В одних случаях неприязнь к образу монарха объясняют личными качествами конкретного императора (что зачастую связано с предвзятостью автора исследования), в других и вовсе рассматривают как данность, признавая фактически безальтернативность негативного отношения польских студентов к правителям империи (автоматически приписывая польской молодежи и интеллигенции в качестве имманентного свойства русофобию). За счет этого объективные факторы, обусловившие низкую степень восприимчивости польской образованной молодежи к попыткам продвижения позитивного образа российского монарха, до сих пор остаются на периферии области исследовательских интересов, изучаются по остаточному принципу и до сих пор не приобрели статуса самостоятельного объекта исследования.

Цель данной работы – выявить конкретные исторические условия, препятствовавшие формированию позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в конце XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

Источниковая база основывается в первую очередь на неопубликованных материалах архивных фондов. При подготовке работы широко использовались делопроизводственные материалы в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (далее РГИА). В первом случае автор обратился к документам из фонда канцелярии Варшавского генерал-губернатора, во втором – к содержимому фондов канцелярии главы Министерства внутренних дел, Департамента общих дел МВД и личного фонда министра просвещения И.Д. Делянова. Также при написании исследования использовались источники личного происхождения: воспоминания С.Ю. Витте, В.И. Гурко, Ф.А. Головина, А.И. Деникина, А.И. Гучкова, А.И. Деникина, А.А. Кизеветтера, В.Н. Коковцова. Дополнительно были проанализированы опубликованные циркуляры и распоряжения МВД по отношению к региональным и местным властям.

Методология исследования включает в себя элементы структурного и сравнительного анализа.

Структурный анализ позволил нам выделить конкретные факторы, блокировавшие продвижение положительного образа монарха, и увязать их между собой в единый комплекс. Сравнительный анализ дал возможность выстроить иерархию «блокирующих условий», определив купирующие факторы первого и второго порядков.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема получила широкое освещение, однако ее изучение проводилось в большинстве случаев в контексте политической полемики, а исследователи отстаивали детерминированные определенной идеологией точки зрения и во многом следовали социальному заказу (Гильфердинг, 2009а; Гильфердинг, 2009b; Гурко, 1897; Корнилов, 1915; Рождественский, 1902; Спасович, Пильц, 1903).

Советская историография темы включает в себя широкий круг работ с высоким уровнем источниковой фундированности: работавшие в соответствующий период исследователи проделали огромную работу с точки зрения введения в научный оборот неопубликованных ранее материалов в первую очередь неопубликованных делопроизводственных документов. Равным образом был подробно освещен и проанализирован экономический контекст динамики общественного мнения на территории Привислинского края. Но в то же время исследователи были вынуждены адаптировать свои выводы к установкам официальной идеологии и историографическим стереотипам, закрепленным в творческом наследии основателей правящей партии, в том числе в ключе стигматизации национальной политики последних императоров (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В современный период были предприняты активные попытки ревизии темы на основе ее деполитизации, привлечения иноязычных источников и использования междисциплинарных подходов. Однако в то же время имели место смещение фокусов внимания исследователей на персоны конкретных исторических деятелей (что способствовало распространению их апологетики), влияние на развитие научных изысканий «мемориальных войн» между Россией и Польшей и трансформацию дискурса под воздействием конъюнктуры политики памяти государства и иных значимых мнемонических акторов. Помимо того, отдельные исследователи активно заимствовали ранее сложившиеся историографические стереотипы, несмотря на существенное обновление источниковой базы и исчезновение прямой идеологической детерминированности (Баглай, 2016; Бовуа, 2012; Боханов, 2006а; Боханов, 2006b; Верняев, 2018; Верт, 2012; Вишленкова, 2012; Воронин, 2012; Вортман, 1999; Гольдин, 2012; Горизонтов, 1999; Григорьева, 2015; Дамешек, Дамешек, 2017; Дякин, 1995; Кисляков, 2011; Кудряшев, 2013; Кудряшев, 2018; Майорова, 2012; Миллер, 2007; Миронов, 2003; Мюллер и др., 2017; Сосновских, 2016; Урусов, 1896).

Как следствие, сконструированная историками объяснительная модель, используемая для интерпретации образа российского монарха польским студенчеством, характеризуется не только наличием существенных лагун, но и несет на себе следы политической конъюнктуры, что указывает на необходимость дополнительных изысканий в области соответствующей проблематики.

4. Результаты

В роли базового фактора, препятствовавшего формированию позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в исследуемый период выступало недоверие властей к соответствующей социальной группе (имевшее под собой реальные основания). Как жандармы, так и представители полиции сообщали политическому руководству империи о высоком уровне оппозиционных настроений среди польских студентов и наличии у них готовности активно участвовать в любых антиправительственных акциях. При этом подчеркивалось, что протестная активность польских студентов может быть использована внешними противниками России (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 5. Л. 23; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 17, 48, 79). В то же время политики в Петербурге скептически относились к предложениям относительно урегулирования ситуации за счет уступок польскому национальному движению: предыстория восстаний 1830–1831 г. и 1863–1864 гг. убеждала их в бесперспективности этой модели. В то же время руководство империи было хорошо осведомлено об успехах политики ассимиляции польского населения, проводимой властями Германии. Все это способствовало формированию жесткого курса в отношении «студенческой оппозиции», что закономерно закрепляло негативные стереотипы в рамках восприятия образа монарха польской образованной молодежью (Баглай, 2016: 800; Гильфердинг, 2009b: 279).

Дополнительным аргументом в пользу сохранения жесткой позиции в отношении «бунтующих студентов» являлось оформление в конце 1870-х – начале 1880-х гг. военно-политического альянса Германии, Австро-Венгрии и Италии. Сразу после создания данного блока российское руководство начало рассматривать Польшу в качестве главного театра боевых действий в ходе потенциального конфликта. Как следствие, вопрос обеспечения прочного тыла для российских войск в Польше приобрел стратегическое значение (Горизонтов, 1999: 34, 35).

Источником серьезных проблем в плане формирования позитивного образа монарха оставалось и восприятие его предшественников. Память о Екатерине II прочно ассоциировалась у польских студентов с ликвидацией Речи Посполитой, образ Александра I – с поглощением Россией Великого герцогства Варшавского, которое польские историки позиционировали в качестве возрожденного национального государства. Николай I воспринимали сквозь призму поданной в националистическом ключе истории восстания 1830–1831 гг. Правление Александра II (даже вне контекста восстания 1863–1864 гг.) также воспринималось негативно: императору вменяли в вину распространение на территории Польши действия судебной и военной реформ, изъятие права региона на формирование отдельного бюджета и в целом ликвидацию его административной автономии и, конечно же, запуск переходов учреждений среднего и начального образования к преподаванию на русском языке (Вортман, 1999: 238; Гурко, 1897: 51, 52; Дякин, 1995: 133).

Негативное позиционирование политики российских монархов в отношении Польши в мемориальном поле закономерно сформировало весьма четкие рамки восприятия деятельности Александра III и Николая II, которые последовательно пытались интегрировать польские территории в состав империи за счет унификации «гражданского быта» и борьбы с их «духовным обособлением», т.е. «политически перевоспитать регион». При этом важно отметить, что оба монарха четко обозначили перед членами кабинета министров задачу донести до польского общества и в первую очередь до образованной молодежи четкий месседж: Польша была, есть и будет частью империи, и ее будущее неразрывно связано с судьбой России (Гучков, 1993: 53; Дякин, 1995: 133; РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 243. Л. 2, 11, 13).

Вполне ожидаемо: польское студенчество, в массе своей настроенное националистически, достаточно агрессивно реагировало на такого рода риторику. Роль факультативного фактора, вызывавшего раздражение у учащейся молодежи, играла непоследовательность и бессистемность реализации на местах курса, заданного Петербургом. Последнее было связано в первую очередь с отсутствием согласованности в действиях ведомств. С одной стороны, в рамках системы гражданского и военного управления краем управлял аппарат генерал-губернатора. С другой стороны, реализация культурной и образовательной политики оставалась прерогативой попечителя Варшавского учебного округа. При этом нормативно-правовое регулирование их деятельности во многих аспектах изобиловало пробелами, следствием чего стало отсутствие четкого разграничения полномочий, порождавшее частые конфликты между отдельными ведомствами. Как следствие, многие инициативы центра реализовывались частично или формально, в силу чего их полезный эффект минимизировался. Как результат, «эксцесс исполнителя» приводил к тому, что инициативы имперского центра воспринимались на местах в искаженном виде (Гурко, 2000: 77; Коковцов, 1992: 95).

Ситуацию усугубляло то, что, по отзыву возглавившего край в 1897 г. князя А.К. Имеретинского, кадровый состав бюрократического аппарата в регионе не соответствовал тяжести возложенных на него задач. Генерал-губернатор отмечал, что «русская» часть чиновничества, с одной стороны,

обладает слишком низкой квалификацией относительно сложности поставленных перед нею задач и слабо мотивирована материально, с другой – в массовом порядке демонстрирует наличие предвзятости к польскому населению (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 15 – 17, 21, 162, 163).

Впрочем, на практике четкое разграничение их функций зачастую отсутствовало. Многие государственные учреждения находились в двойном подчинении по линии как Министерства внутренних дел, так и Министерства просвещения. Естественным следствием этого стало широкое распространение межведомственных конфликтов, провоцировавшее соперничество между генерал-губернатором и попечителем учебного округа. Последнее закономерно снижало эффективность решения задач, поставленных перед ними монархом (Кудряшев, 2018: 98; Мюллер и др., 2017: 204; Спасович, Пильц, 1903: 31).

Отдельно необходимо отметить, что в течение почти двух десятилетий прямое управление Польшей (на тот момент именовавшейся Привисленским краем) было доверено двум администраторам, занимавшим максимальную жесткую позицию относительно проведения в жизнь инициатив, озвученных руководством империи, за счет чего воля императора зачастую воплощалась в жизнь в гипертрофированной форме (Витте, 1960: 71; Кизеветер, 2001: 112).

И именно в этот период в сознании молодых поляков были прочно закреплены многие негативные стереотипы восприятия фигуры монарха. В 1879–1897 гг. обязанности попечителя Варшавского учебного округа исполнял А.Л. Апухтин. В 1883–1894 пост генерал-губернатора края занимал И.В. Гурко. Они часто вступали между собой в конфликты относительно разграничения сферы полномочий, но оба являлись решительными сторонниками русификации края. Благодаря этому руководству империи длительное время транслировалась одновременно по двум линиям коммуникации одна позиция в отношении оценки ситуации в крае в целом, настроений студенчества и перспектив взаимодействия с ним со стороны властей.

Одновременно данный политический тандем активно реализовывал в крае политику, которая не могла не спровоцировать рост недовольства среди польской интеллигенции, в том числе – радикально настроенного студенчества (Миллер, 2007: 342).

С одной стороны, они лоббировали внедрение ограничений на владение земельными владениями в Западном крае (на юге Литвы, на Украине и в Белоруссии) для этнических поляков. Эта мера была предпринята с целью «деполонизации» местного дворянства, но фактически коснулась всех поляков и была расценена как мера дискриминации. Радикальные националисты увидели в действиях властей попытку вытеснить поляков с большей части территории исторической Речи Посполитой, что способствовало всплеску экстремистских настроений среди части польского студенчества (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 406. Л. 77; Гурко, 1897: 89, 90; Майорова, 2012: 112).

Были введены ограничения для католических гимназий и религиозных объединений. Их деятельность подлежала регулярным проверкам со стороны местной администрации. Предполагалось, что данная мера приведет к сокращению числа католических организаций. Однако она спровоцировала обратный эффект. При этом ключевую роль в создании новых братств, наряду с ксендзами, играли именно студенты, рассматривавшие религиозные объединения как легальную форму для организации политической деятельности. Власти под разными предлогами старались закрывать эти объединения, но данная практика способствовала лишь возникновению нелегальных религиозных братств (Спасович, Пильц, 1903: 91-93; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 301. Л. 54-57; Урусов, 1896: 87, 88, 91).

Недовольство среди студентов вызывали и попытки властей расширить масштабы использования русского языка в образовательном процессе. Начиная с марта 1885 г. преподаватели могли использовать польский язык лишь в рамках занятий по таким предметам, как «закон Божий» и Родная речь (Рождественский, 1902: 538, 539). При этом на практике чиновники добивались, вопреки норме закона, ужесточения правил, и требовали преподавания на русском языке всех предметов. Важно отметить, что польский язык не относился к числу обязательных предметов и не предполагал сдачи экзамена. Более того, использование польского языка в рамках повседневного общения в учебном заведении также было запрещено. При этом на практике данный запрет не приводил к реальной русификации: польские педагоги и студенты выполняли его лишь формально (Бок, 1992: 35; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 882. Л. 34-37; Деникин, 1990: 12-15, 25, 27).

На этом реформы в сфере образования не ограничивались. После унификации устава Варшавского университета с регламентами организации прочих российских вузов был введен запрет на функционирование любых объединений студентов, не имевших научного характера. Согласно неформальному предписанию, этнических поляков почти не допускали до должности заведующего кафедрой и выше (Спасович, Пильц, 1903: 85; Урусов, 1896: 395, 397).

Вполне ожидаемо, в период начала революционных событий польские студенты начали проводить массовые акции с требованием перехода к преподаванию на польском языке. В итоге в январе 1906 г. вуз закрыли. Более того, Варшавский университет в итоге остался единственным российским вузом, в котором к 1907 г. не были возобновлены занятия. Университет возобновил работу только в 1908 г. Однако в новых условиях среди его абитуриентов почти отсутствовали этнические поляки. В итоге напряженность в отношениях между студенчеством и властями росла.

Волнения в 1911 г. были подавлены силой, после чего польское население начало массово бойкотировать вуз (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 15. Л. 81; Корнилов, 1915: 221).

5. Заключение

Таким образом, можно заключить, что на рассматриваемый период сразу несколько групп факторов блокировали успешное продвижение позитивного образа российского монарха среди польских студентов.

Во-первых, геополитические соображения и опыт конфликтов прошлого подталкивали политическое руководство империи к реализации проектов форсированной интеграции Царства Польского, что с учетом специфики структуры социальной памяти поляков, само по себе формировало устойчивую негативную рамку дискурсивного восприятия образов самодержцев.

Во-вторых, реализация данной программы на местах осуществлялась в гипертрофированном виде либо формально, или же носила половинчатый характер. При этом качество корпуса госслужащих оставалось недостаточно высоким, а общий настрой чиновничества в отношении польского населения определялся преимущественно недоверием. В условиях хронического недофинансирования и низкого качества администрирования проекты интеграции не давали позитивного эффекта, а лишь раздражали этнических поляков и в первую очередь национальную интеллигенцию.

В-третьих, усилия по русификации Варшавского университета и ограничению общественной активности студенчества наряду с избирательно жестким отношением властей к данному вузу изначально формировало среди студентов негативные установки по отношению к главе государства.

6. Благодарности

Проект № 1022062000240-7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II // *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. Омск, 2016. С. 798-801.

Бовуа, 2012 – Бовуа Д. «Другой» не должен быть безликим // *Российская история*. 2012. № 4. С. 58-61.

Бок, 1992 – Бок М. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992.

Боханов, 2006a – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006.

Боханов, 2006b – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.

Бурмистрова, 1962 – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905-1907 гг. Л., 1962.

Верняев, 2018 – Верняев И.И. Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // *Русин*. 2018. Т. 53. Вып. 3. С. 97-114.

Верт, 2012 – Верт П. Заметки на полях многочисленных страниц // *Российская история*. 2012. № 4. С. 48-52.

Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.

Вишленкова, 2012 – Вишленкова Е.А. «А Вы, собственно, кто?» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 84-85.

Воронин, 2012 – Воронин В.Е. Конфессиональная политика самодержавия не отличалась «католикофобией» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 71-73.

Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М., 1999. С. 233-244.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гильфердинг, 2009a – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос / *Россия и славянство*. М., 2009. С. 168-251.

Гильфердинг, 2009b – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе / *Россия и славянство*. М., 2009. С. 278-295.

Головин, 2006 – Головин Ф.А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. М., 2006. С. 11-25.

Гольдин, 2012 – Гольдин С. Вызов историографическим канонам // *Российская история*. 2012. № 4. С. 64-66.

Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.

Григорьева, 2015 – Григорьева А.А. Русско-польские отношения (панславистский контекст) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 392. С. 103-106.

Гурко, 1897 – Гурко В.И. Очерки Привислянья. М., 1897.

- Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993 – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Дамешек, Дамешек, 2017 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2017. Т. 21. С. 23–29.
- Деникин, 1990 – Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. 300 с.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130–142.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кизеветер, 2001 – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Кисляков, 2011 – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 11. С. 135–143.
- Коковцов, 1992 – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т 2. М., 1992.
- Корнилов, 1915 – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915. 395 с.
- Кудряшев, 2013 – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно–политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58–66.
- Кудряшев, 2018 – Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в русской либеральной публицистике 1860–1880–Х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97–103.
- Майорова, 2012 – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.
- Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых / Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332–350.
- Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1.
- Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201–208.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рождественский, 1902 – Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902.
- Сосновских, 2016 – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205–207.
- Спасович, Пильц, 1903 – Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском. Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.
- Урусов, 1896 – Урусов В.П. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярии губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений с 1858 по 1896 гг. М., 1896.

References

- Baglai, 2016 – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholay II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798–801. [in Russian]
- Bok, 1992 – Bok, M. (1992). P.A. Stolypin: Vospominaniya o moem ottse [Stolypin: Memories about my father]. М. [in Russian]
- Bokhanov, 2006 – Bokhanov, A.N. (2006). Poslednii tsar' [Emperor Alexander III]. М. [in Russian]
- Bokhanov, 2016 – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. М. [in Russian]
- Bovua, 2012 – Bovua, D. (2012). «Drugoi» ne dolzhen byt' bezlikim [“The Other” should not be faceless]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 58–61. [in Russian]
- Burmistrova, 1962 – Burmistrova, T.Yu. (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [The National policy of the Bolshevik Party in the First Russian revolution 1905–1907]. L. [in Russian]
- Denikin, 1990 – Denikin, A.I. (1991). Put' russkogo ofitsera [The path of the Russian officer]. М., 300 p. [in Russian]
- Dyakin, 1995 – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130–142. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

- Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 168-251. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., pp. 278-295. [in Russian]
- Gol'din, 2012** – *Gol'din, S.* (2012). Vyzov istoriograficheskimi kanonami [Challenge to historiographical canons]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 64-66. [in Russian]
- Golovin, 2006** – *Golovin, F.A.* (2006) Nikolai II. Nikolai Vtoroi [Nicholas II]. *Vospominaniya. Dnevnik*. M., pp. 11-25. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: pol'yaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M., 270 p. [in Russian]
- Grigor'eva, 2015** – *Grigor'eva, A.A.* (2015). Russko-pol'skie otnosheniya (panslavistskii kontekst) [Russian-Polish relations (pan-Slavic context)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 392: 103-106. [in Russian]
- Guchkov, 1993** – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov says...]. M. [in Russian]
- Gurko, 1897** – *Gurko, V.I.* (1897). Ocherki Privislyan'ya [Essays on Privislyan'ya]. M., 1897. 377 p. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Kislyakov, 2011** – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties on the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]
- Kizeveter, 2001** – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. *Vospominaniya. 1881–1914* [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]
- Kokovtsov, 1992** – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. T 2. M. [in Russian]
- Kornilov, 1915** – *Kornilov, A.A.* (1915). Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka [Russian policy in Poland from the time of partitions to the beginning of the 20th century]. Petrograd, 395 p. [in Russian]
- Kudryashev, 2013** – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]
- Kudryashev, 2018** – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880–Kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]
- Maierova, 2012** – *Maierova, E.I.* (2012). Aleksandr III – bogatyr' na russkom trone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M., 284 p. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii [Russian nationalism in the Romanov empire]. M., pp. 332-350. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3–e izd., ispr. i dop. SPb.: Dmitrii Bulanin, Vol. 1. 547 p. [in Russian]
- Myuller i dr., 2017** – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Rozhdestvenskii, 1902** – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1902). Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1802–1902 [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education, 1802–1902]. SPb., 785 p. [in Russian]
- Sosnovskikh, 2016** – *Sosnovskikh, A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 5. 1(14): 205-207. [in Russian]
- Spasovich, Pil'ts, 1903** – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otveti na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom [Russia and its Western Outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev, 1903. 176 p. [in Russian]
- Urusov, 1896** – *Urusov, V.P.* (1896). Sbornik tsirkulyarov i rasporyazhenii Ministerstva vnutrennikh del, odnosyashchikhsya do gubernatorov, vitse-gubernatorov, sovetnikov gubernskikh pravlenii, kantselyarii gubernatorov, gubernskikh tipografii, stroitel'nykh i vrachebnykh otdelenii, a takzhe do gorodskikh i zemskikh uchrezhdenii s 1858 po 1896 gg. [Collection of circulars and orders of the Ministry of the Interior, relating to governors, vice-governors, advisers to provincial boards, the office of governors, provincial printing houses, construction and medical departments, as well as to city and zemstvo institutions from 1858 to 1896]. M., 482 p. [in Russian]

- Vernyaev, 2018 – Vernyaev, I.I. (2018). Reshenie kholmского voprosa: diskursivnye praktiki v Rossiiskoi imperii nachala XIX v. [The solution of the Kholm question: discursive practices in the Russian Empire of the early twentieth century]. *Rusin*. 53(3): 97-114. [in Russian]
- Vert, 2012 – Vert, P. (2012). Zametki na polyakh mnogochislennykh stranits [Notes in the margins of numerous pages]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 48-52. [in Russian]
- Vishlenkova, 2012 – Vishlenkova, E.A. (2012). «A Vy, sobstvenno, kto?» [“And you, actually, who?”]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 84-85. [in Russian]
- Vitte, 1960 – Vitte, S.Yu. (1960). Vospominaniya [Memories]. T. 3. M. [in Russian]
- Vortman, 1999 – Vortman, R. (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. M., pp. 233-244. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Проблемные факторы формирования позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в конце XIX – начале XX вв.

Сергей Игоревич Белов ^{a, b, *}

^a Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено теме проблемных факторов, блокировавших процесс формирования позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в конце XIX – начале XX вв. Источниковая база работы включает в себя материалы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. Методология исследования включает в себя элементы структурного и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что в структуре факторов, блокировавших продвижение положительного образа императора среди польского студенчества, можно выделить три уровня. Во-первых, геополитические соображения и опыт конфликтов прошлого подталкивали политическое руководство империи к реализации проектов форсированной интеграции Царства Польского, что, с учетом специфики структуры социальной памяти поляков, само по себе формировало устойчивую негативную рамку дискурсивного восприятия образов самодержцев. Во-вторых, реализация данной программы на местах осуществлялась в гипертрофированном виде либо формально, или же носила половинчатый характер. При этом качество корпуса госслужащих оставалось недостаточно высоким, а общий настрой чиновничества в отношении польского населения определялся преимущественно недоверием. В условиях хронического недофинансирования и низкого качества администрирования проекты интеграции не давали позитивного эффекта, а лишь раздражали этнических поляков и, в первую очередь, национальную интеллигенцию. В-третьих, усилия по русификации Варшавского университета и ограничению общественной активности студенчества, наряду с избирательно жестким отношением властей к данному вузу, изначально формировало среди студентов негативные установки по отношению к главе государства.

Ключевые слова: Польша, Привислинский край, студенты, положительный образ, император, монархия, фактор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: belov2006s@yandex.ru (С.И. Белов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1324-1332
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1324

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev in the 1870s

Alexander V. Golovinov ^{a,*}, Anton A. Vasiliev ^a, Vyacheslav A. Dolzhikov ^a

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to identify and show the organic connection between the basic political, legal and socio-cultural narratives in the early ideological work of the leader of the movement of Siberian democratic regionalists (regionalists) – N.M. Yadrintsev. To achieve this goal, written sources were analyzed – articles and ego-documents, such as autobiographical information and epistolary materials. Appropriate tools were chosen – the methodology of a new cultural and intellectual history, which allows a comprehensive study of discourses and texts in their relation to the activities of a particular historical personality.

Within the framework of this study, it is shown that the range of political and legal problems considered by the ideologist of regionalism was extremely diverse and organically permeated with ideas to solve the pressing issues of the Siberian region. The subject of penal policy, the impact of penal colonization on the Eastern outskirts, reflections on the essence of criminal punishment, in symphony with the ideals of the democratic federal territorial structure of the Russian Empire, constituted the content of the policy-legal narrative of the early period of the ideological world of N.M. Yadrintsev, that is, in the 1870s.

Reflection on the ethno-cultural interaction of the Slavic-Russian peoples and the endemic peoples of Siberia, the problems of colonization and development of the eastern outskirts, together with educational concepts and proposals for reforming the cultural and educational policy of imperial Russia, constituted a system of socio-cultural discourses in the journalism of the Siberian educator. The position of the ideologist of regionalism was reduced to the ideologeme of the reciprocal influence of ethnic groups, which obviously had two vectors immanently built into one general process of cultural influence.

In general, the article found that the political, legal and socio-cultural narratives of the creative heritage of the famous Siberian were in dialectical unity.

Keywords: N.M. Yadrintsev, Siberian regionalism, Russian Empire, history of penal policy, colonization, cultural influence, history of pre-revolutionary journalism, history of political and legal thought, federalism.

1. Введение

Идейно-публицистическое наследие Н.М. Ядринцева, лидера движения сибирских демократических регионалистов (областников) представляет собой сложный, отчасти эклектичный сплав разнородных идей, объединенных одной генеральной линией: решение насущных проблем Восточной окраины и мягкого инкорпорирования сибирского макрорегиона в единое общегосударственное пространство. Публицистика сибирского просветителя сегодня становится предметом научных поисков целого ряда гуманитарных наук. В настоящее время отчетливо виден многообразный спектр познания идейного мира адепта областничества, представленный широкой палитрой, включающей в себя традиционно исторические, а также философские, политико-правовые, социальные и этнокультурные исследования. Представляется очевидным, что такой междисциплинарный подход в историографии

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov), anton_vasiliev@mail.ru (A.A. Vasiliev), dolshikov@yandex.ru (V.A. Dolzhikov)

идеологии сибирского демократического регионализма и, в частности, наследия Н.М. Ядринцева свидетельствует о разнообразии фрагментов и оттенков интеллектуальной галереи классиков областничества. Потому актуальной видится попытка реконструкции отдельных аспектов творческого наследия известного сибиряка, таких как политико-правового и социокультурного, в фокусе их диалектического единства. В действительности концептуальные идеи регионального просветителя были не всегда эксплицированы. Потому в ракурсе инструментария «новой интеллектуально-культурной истории» определенное научное значение может иметь обращение к малоизученному аспекту – политическим и правовым воззрениям Н.М. Ядринцева. Однако данный фрагмент синкретически был связан с социальными и этнокультурными разработками «достойного сына Сибири». В этом свете актуальность проводимого исследования заключается также в выявлении и возможном герменевтическом анализе данных доктринальных частей областнической идеологии. К тому же в исследовательских кругах освещение получают преимущественно идеалы и концепты, представленные в известных и «классических» произведениях Н.М. Ядринцева, таких как «Сибирь как колония...» (1882) и «Сибирские инородцы...» (1891). Также часто рассматриваются материалы газеты «Восточное обозрение» (1882–1906). Все это – наследие уже зрелого публициста, состоявшегося как мастера актуальной журналистики. В нашем исследовании акцент смещен на слабо изученный ранний период творческого наследия Н.М. Ядринцева 1870-е гг. Хронология обусловлена актуальностью обращения к этому недостаточно освещенному в исследовательской литературе периоду идейного наследия основоположника сибирского областничества. Таким образом, цель настоящего исследования представляет собой попытку обозначить палитру политико-правовых и социально-культурных вопросов в ранней публицистике сибирского интеллектуала, представленной в дореволюционных периодических изданиях прежде все таких, как «Дело», «Камско-волжская газета» и в первой крупной книге Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872).

2. Материалы и методы

Основу исследования составляет методологический инструментарий «новой культурной истории». Такой исследовательский подход направлен на всестороннее изучение нарративов и текстов, причем в их отношении к конкретной личности, которая создавала и транслировала определенные идеалы. Полагаем, что выбор данных исследовательских инструментариев наиболее удачно подходит для выявления дискурсов публицистики основоположника сибирского областничества и позволяет показать, как реальные потребности региона формировали мировоззрение Н.М. Ядринцева и находили отражение в текстах. Также привлекался инструментарий «новой интеллектуальной истории», направленный на постижение теоретических позиций основоположника идеологии сибирского областничества. Данная теоретико-методологическая установка также позволяет учитывать контекст исторической эпохи и определять, под воздействием какого «популярного» тогда идейного массива формировались и агрегировались политико-правовые и социокультурные идеалы сибирского просветителя.

3. Обсуждение

Идейно-публицистическое наследие основоположника движения сибирских областников Н.М. Ядринцева вызывает традиционно высокий интерес в среде современных ученых. Такие авторитетные отечественные исследователи, как В.П. Зиновьев (Зиновьев, 2022), И.Л. Дамешек (Дамешек, 2019), М.В. Шиловский (Шиловский, 2021), Ю.Б. Костякова (Костякова, 2017), Н.В. Жилиякова (Жилиякова, 2010), Б.С. Токмурзаев, М.К. Чуркин, С. Н. Апашева (Tokmurzaev et al., 2022), А.В. Головинов (Головинов, 2022) и др. внесли значительный вклад в изучение публицистики Н.М. Ядринцева и в целом идеологии сибирского демократического регионализма (областничества). Вместе с тем особенности писательского таланта известного сибиряка на столбцах центральных и региональных изданий в 1870-е гг. рассматривались до сих пор фрагментарно. Потому с учетом достижений новейшей отечественной историографии обращение к данному фрагменту наследия просветителя видится значимым.

В зарубежной историографии также виден интерес к наследию Н.М. Ядринцева и областническому движению в целом. Так, в своей научной работе Энтони Джонсон пишет о том, что Н.М. Ядринцев и другие регионалисты развернули широкую кампанию публикаций для продвижения своего видения проблем сибирского региона. Они готовили публикации статей в сибирских газетах, выпускали книги об уникальной природе Сибири и даже открывали такие газеты, как «Восточное обозрение» посвященную исключительно краеведческим вопросам (Johnson, 2022). Другой англоязычный историк, Норман Перейра, акцентирует внимание на том, что лидеры движения демократических регионалистов в Сибири были сторонниками федеративной государственности (Pereira, 1988). Выводы и интерпретационные оценки областнической мысли в среде зарубежных ученых по сути своей не новы и опираются на достижения отечественной историографии.

4. Результаты

Формирование политико-правового нарратива в публицистике Сибирского областника пришлось на первую половину 1870-х гг. что было вызвано стремлением проникнуться проблемами

сибирского региона. Причем активизация рефлексии о насущных проблемах отчего края продолжалась в 1874 г. В этом году идеолог областничества прибыл в Петербург, что естественным образом открывало перспективы сотрудничества с центральными газетами и журналами. Таким образом, прибытие в Петербург несколько изменило ситуацию, предоставив новые возможности. С первых дней защитник сибирских интересов активнейшим образом принялся за поиски работы. Снова выручила журналистика. Ранее сотрудничество с «Камско-Волжской газетой» то есть в самом начале 1870-х гг. позволила получить статус ведущего сибирского публициста. А с таким реноме можно было писать и для столичных изданий. Но, например, столичный журнал «Дело» принимал новые статьи к публикации с большими цензурными правками. «Вымарками цензора, – констатировал Григорий Николаевич Потанин, ближайший друг просветителя – из моих статей я не печалюсь, но мне жаль мест, которые теряют статьи Николая Михайловича. У него, несчастного, от этого происходят нелепости. Не достаёт слов выразить сожаление о судьбе стольких политических известий» (Потанин, 1987: 65).

Здесь важным считаем сразу отметить, что одни из первых своих политических и отчасти философско-правовых идей Н.М. Ядринцев еще в 1873 г. излагал на страницах казанского издания «Камско-Волжская газета».

Документально подтверждено, с 34 номера 1873 года стартовало сотрудничество с Камо-Волгой. Уже с первых публикаций сибирский областник начал разбирать другие провинциальные печатные органы и нападать на столичную печать в общеполитических вопросах. Именно поэтому газету заметили в Санкт-Петербурге. Плодотворный характер сотрудничества с Камо-Волгой вполне объясним и идеологической близостью мировоззренческих установок ее редактора К.В. Лаврского с регионалистами. Известно, что в июле 1863 года будущий редактор казанского издания был арестован по делу о затеянном польскими эмиссарами казанском заговоре. Обвинялся он в том, что якобы распространял прокламации к крестьянам с призывом восстать против властей и помещиков (Серебренников, 2004). Понятно, что такая похожесть биографий вызывала исключительно взаимные симпатии и усиливала общее доверие.

Идейные импульсы и родство мировоззрения на фоне с практически безграничной авторской свободой создавала тем самым позитивную синергию концептов, идеалов и политико-правовых убеждений либерально-демократического толка. Эти идеологические постулаты в духе регионализма полностью пронизывали дух газеты.

Таким образом, в этот период жизни Н.М. Ядринцев сформировался политико-правовой взгляд на страну как огромную территорию, где особым образом выстраиваются отношения центра с периферией. Будучи носителем либерально-народнических взглядов, он стал сторонником федерализма и даже замечал его отдельные проявления в политике государственной власти. С этого времени отчетливо видно, что известный сибиряк стал апологетом провинциальности. Все свою жизнь он будет бороться за преодоление стереотипа отсталости, наивности и простоты по отношению к провинции. Он будет искренно отдавать свою жизнь во имя реализации интересов русской глубинки.

В буквальном смысле слова казанская газета стала подобием плацдарма для политико-правовой апологии Н.М. Ядринцевым федеративной теории. Так, размышляя о значении Великой Французской революции, просветитель замечал, что это величественное событие не избавляло европейскую страну от централизации. Напротив, традиции революции стремились только к централизации власти в своих руках, но созданная искусственно и независимо от народа, такая власть обуславливала их падение. Он считал, что как правительство, так и партии одинаково пренебрегали конституционным договором с народом, они допускали все средства обмана и насилия. «Франции, – писал Н.М. Ядринцев, – было завещано только две политические системы: конституционный макиавеллизм Мирабо и система якобинцев. Оба они стремились к подавлению самобытности народа и считали самоуправление провинций или помехою власти, или помехою реформ, вместо того, чтобы это самоуправление сделать прогрессивным орудием своих целей и могучей гарантией свободы» (Ядринцев, 1873: 8). Ключевой смысл цитируемого источника, как видно, сформулирован в духе политико-правовой теории федерализма, основанной на идее самоуправления в регионах-провинциях.

Особого внимания заслуживает анализ уголовно-исполнительной политики царизма, который стал одним из центральных нарративов в политико-правовых воззрениях Н.М. Ядринцева данного периода. Предметом пристальной рефлексии выступила ссылка как вид наказания. Из под пера молодого публициста вышло сразу несколько статей, с разных сторон рассматривающих вопрос ссылки. Публикации «Колонизационное значение русской ссылки» (Ядринцев, 1870), «Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений» (Ядринцев, 1870а) и «Условия прогресса в сфере наказаний» (Ядринцев, 1871а) на обширном фактическом материале с привлечение истории вопроса и зарубежного опыта раскрывали негативные последствия уголовной и политической ссылки.

Серия данных материалов имела важно значение для ознакомления широкой дореволюционной общественности с многочисленными патологиями уголовно-исполнительной политики царизма на территории Сибири. Учено-литературный журнал «Дело» в котором были размещены выше отмеченные материалы, выходил крупным по тем временам тиражом. Он распространялся более чем в четырех тысячах экземплярах. Среди «коллег» Н.М. Ядринцева по писательскому цеху в этом издании были такие

авторитетные умы эпохи эмансипации, как В.П. Острогорский, П.Л. Лавров, Л.И. Мечников и др. Подобная характеристика издания ярко свидетельствует, что его читательская аудитория была весьма разнообразной. Региональная тематика, таким образом, приобретала наконец, общероссийский масштаб. Сибирскому просветителю, одному из первых в истории отечественной журналистики и региональной политико-правовой мысли, удалось обратить внимание на ключевую проблему родной Сибири – чрезмерную уголовную ссылку и каторгу.

«По мере того, – отмечал тогда Н.М. Ядринцев, – как уголовные теории смягчались и взгляд на преступника становился человечней, юристы-теоретики, а за ними и законодатели-практики стали смотреть на наказание как на меру временную и исправительную. Вместе с тем и ссылка сама уже приняла характер преимущественно исправительный. Однако, избавляя общество, по мнению юристов, от преступника как опасного члена общества, законодатели понимали, что сосланный составляет бремя для государственного бюджета, и потому у них, естественно, явилась мысль утилизировать насколько возможно, ссылку» (Ядринцев, 1870: 1).

Идеолог областничества, выступая с критикой ученых-юристов того времени, также оценивал колонизационное влияние ссыльной системы как совершенно безуспешное. В Российской Империи ссылка назначалась в места отдаленные и безлюдные, что должно было способствовать колонизационным процессам. Тем самым виделся ее экономически обоснованный, то есть утилитарный характер. Просветитель не разделял идею о том, что постоянный прилив ссыльных в Сибирь целыми тысячами с самого древнего времени послужил поводом к распространению убеждения о том, что Сибирь населена чуть не исключительно ссыльными. Н.М. Ядринцев придерживался точки зрения о том, что колонизационное значение ссылка имела весьма скромное, при чем во все времена, даже на первых этапах освоения сибирского пространства. В самое первое время ссыльная система могла хоть как то быть целесообразной, но в современном для просветителя периоде, то есть во вт. пол. XIX в. ее роль вообще сводилась к нулю. Учитывая то, что приток колонизаторов был свободным и, соответственно, слабо контролируемым, а коренное население размножалось естественным образом, необходимость ссылкой достичь колонизаторских целей оказалось сомнительной. (Ядринцев, 1870: 34).

Весьма приземленно и очень прагматично в своей публицистической деятельности сибирский просветитель рассматривал колонизационное влияние ссыльнопоселенцев на социум Восточной окраины. Н.М. Ядринцев констатировал, что желаемого сближения коренных и пришлых, увы, не произошло. Апеллируя к статистике, публицист акцентировал взгляд на том, что особенно бобыли, то есть неженатые переселенцы в Сибири умирали или просто исчезали. Потому якобы идею о происхождении сибиряков от ссыльнопоселенцев он считал исторически не подтвержденной, называя ее остроумной шуткой Великорусов. (Ядринцев, 1870: 34).

В общем, в непростом деле освоения и заселения Сибирского макрорегиона уголовная и штрафная колонизация, по мысли областника, играла незначительную роль. Большее значение приобретала вольно-народная колонизация крестьянами, прибывавшими за лучшей жизнью в Восточную окраину.

Особого внимания может заслуживать написанный в автобиографических тонах материал «Секретная (из записок подследственного арестанта)». Публикация вышла в тираж на полосах петербургского издания «Дело» в 1869 году. По сути, это первая по-хорошему удавшаяся Н.М. Ядринцеву литературная и научно-исследовательская попытка познакомить широкий круг общественности с таинственным и жутким миром тюремных застенков. Позднее именно этот материал, ставший продуктом собственных переживаний и жизненного опыта, откроет выдающийся опус просветителя «Русская община в тюрьме и ссылке» (Ядринцев, 1872). В данном фундаментальном труде он будет продолжать и развивать традиции постижения мира арестантов, заложенные в «Записках из мертвого дома» Ф.М. Достоевского и «Сибири и каторге» С.В. Максимова.

Данный материал красочно, на основе личных переживаний, рисовал безрадостную панораму тюремного быта дореволюционной уголовно-исполнительной системы. Отметим, что действительно лидер движения областников провел в заключении около 3 лет. Время, проведенное в Омском остроге, неизгладимой печатью легло на сердце тогда еще юному публицисту. Н.М. Ядринцев был подозреваемым по уголовному производству о так называемом сибирском сепаратизме. Однако неопровержимых доказательств следствие не смогло установить, потому известного сибиряка можно считать только лишь подозреваемым. Хотя производство было долгим: с 1865 по 1868 гг. и все это время региональный мыслитель пребывал в заключении. По официальным источникам известно, что окончательный приговор был вынесен в июне 1868 года. Николай Михайлович о решении судебного органа вспоминал так: «Суд был к нам строг: меня, Потанина и Шашкова приговорили к 12 годам каторги, но после наказание смягчили в виду молодости и долгого ожидания под следствием» (Ядринцев, 1904: 158). Как следует из воспоминаний С.С. Шашкова, благодаря ходатайству Государственного Совета наказание это было смягчено так: Потанина - в каторгу на 5 лет, Ядринцева, Щукина, Шашкова, Усова, Шайтанова и Ушарова лишит всех личных прав и преимуществ и сослать навсегда в губернии... (Шашков, 1910: 15).

Уже после кончины Н.М. Ядринцева в некоторых общественных кругах оценивали уголовное дело и суровость вынесенного приговора. Так, академик Пыпин в некрологе, посвященном Николаю

Михайловичу, назвал это Дело «очень странным, если вспомнить, что обвинение направлялось против юношей, виновных только в идеалистических мечтаниях, какими они делились между собой» (Пыпин, 1894: 445). Конечно, сепаратистские идеи были совершенно не свойственны мировоззрению публициста. Они носили интегративно-федералистский характер.

В биографических материалах, собранных М.К. Лемке еще в 1904 г. находим, что 17 ноября 1873 года вышел доклад главногоуправляющего политической полицией Шувалова о помиловании Н.М. Ядринцева и возвращении ему прежних прав и дозволения повсеместного жительства. С этого времени все подозрения и обвинения были сняты, и просветитель долгое время был причастен к делам государственной важности! Он работал в 1870-е гг. экспертом в комиссии В.А. Соллогуба по подготовке проекта тюремной реформы и был чиновником при генерал-губернаторе Западной Сибири Н.Г. Казнакове. Все это может свидетельствовать о том, что государство и власть совершенно не видели в деятельности известного сибиряка каких либо экстремистских умонастроений. Иначе как квалифицировать его приближенность к «власть имущим».

Итак, мир тюрьмы, бремя каторги и тяготы ссылки герой нашей публикации познал на личном опыте. Потому весьма смело высказывался о содержании политики исполнения наказания и содержания осужденных. «Но что тяжелее всего обнаруживал просветитель, так это то, что одиночный арестант должен нести свое горе и досаду в себе. Ему нельзя высказаться, у него нет облегчающего рефлекс для разрядки своего чувства. И чем молчаливей и скрытней должен держать себя арестант, тем сильнее и яростнее развивается его злоба» (Ядринцев, 1869: 61). Идеолог областничества акцентировал тогда, что одиночное заключение, особенно длительное, только огрубляет преступника. На основе личных наблюдений Н.М. Ядринцев считал, что арестанты, которые слишком долго сидели в уединении, становились только грубее и неразвитее. Их озлобление росло с каждым днем пребывания в одиночных камерах. Длительное одиночное заточение, да еще и с применением цепей, воспитывало озлобление даже среди людей, развитых интеллектуально.

Пенитенциарная и тюремоведческая тематики оказалась не единственной, которую сибирский общественный деятель развивал на полосах центральных журналов. Справедливости ради отметим, что во вт. пол. 1870-х гг. в рамках сотрудничества с Центральным периодическим изданием Н.М. Ядринцев также разрабатывал вопрос образовательной политики. Материалы «Потребность знания на Востоке: (По поводу учреждения Сиб. ун-та)» (Ядринцев, 1875) и «Экономическое значение Сибири в связи с потребностью знания (Ядринцев, 1876)» развивали давнюю мечту всех участников движения Сибирского областничества – учреждение высшего учебного заведения в отчем крае.

Вопросы жизнеобеспечения сибирского региона просветитель понимал в неразрывной связи. Например, необходимость создания высшего учебного заведения в Азиатской части Российской Империи он связывал не только возможностью социально-культурного роста сибирского общества, но и убедительно доказывал экономическую пользу высшего учебного заведения в Азиатской части России. «Если знание – это сила, – заявлял Н.М. Ядринцев в 1876 г., – то дайте эту силу Сибири, поднимите социальный уровень народа, и вы увидите, какое могущество, какое экономическое благосостояние явится там, где теперь бессилие и неисходная бедность. (Ядринцев, 1876: 84). Разработки естественных богатств Сибири для укрепления прочной промышленности в регионе, как полагал сибирский общественный деятель, напрямую зависят от научной составляющей. Университет в этом смысле прекрасно бы способствовал росту экономического благосостояния Сибири и всей страны в целом.

Социально-экономическое прогрессивное развитие Сибирского макрорегиона просветитель очень активно рассматривал в центральной прессе. Материальный подъем он естественным образом связывал с железнодорожным полотном, которое окутает всю Восточную окраину. В действительности рельсы могли бы очень прочно интегрировать Азиатскую Россию и центральной частью Империи. Но этот вопрос решался Н.М. Ядринцевым с критических позиций.

«Всегда ли, размышлял просветитель, железные дороги приносят только одну пользу и нет ли случаев, когда получаются обратные результаты». Здесь публицист как бы намекал на возможные колониационно-эксплуататорские побочки от рельсовой дороги. (Ядринцев, 1876: 107). «Поднимаемся господа, – призывал Н.М. Ядринцев на высшую государственную и экономическую точку зрения, – и обратим внимание на главные цели дороги и усвоим прежде всего тот экономический принцип, которому она должна подчиниться...» (Ядринцев, 1876: 110).

Отдельно можно выделить этнокультурный нарратив, над которым сибирский просветитель активно рефлексировал также на столбцах центральных и региональных изданий. В 1873 г. на страницах «Камско-Волжской газеты» Н.М. Ядринцев рассматривал проблематику этнокультурного взаимодействия коренного населения Сибири со славяно-русской народностью. «Наша культура, – замечал он тогда, – и обрусение заметны у многих инородцев. Но вспомним, что эти племена жили замкнутые и окруженные русским племенем, всегда их превосходившим числом. Везде русская народность в наших провинциях, хоть, например, в восточных губерниях, была сильнее инородческой, и притом инородцы еще крепко сохраняют свой быт. Наше слитие с инородцами было скорее физиологическое, оно проходит через всю нашу историю. Но наше цивилизаторское и культурное влияние было гораздо слабее» (Ядринцев, 1873: 11).

Вообще, по мысли просветителя, инородческий элемент дает превосходный материал для развития цивилизации и отчетливо показывает, что обусловит духовное сближение коренных и пришлых. Этническое и культурное пространство Сибири показывает опыт успешного развития цивилизации в новоприобретённых азиатских территориях. Н.М. Ядринцев был убежден в том, что для распространения света и знания на Востоке очень удобно создать контингент из азиатско-колонизаторов. Это будут элементы не столь чуждые местным племенам, а исходящие из народностей, близко подходящих к верованиям, обычаям и языку коренного населения, но в то же время более доступные для русской цивилизации и находящиеся в непосредственных сношениях с русскими. В этом случае, следуя за мыслью просветителя, прекрасный материал для такого «передового отряда цивилизаторов» представляли инородцы восточных окраин Российской Империи, такие, например, как татары и киргизы. Именно такое мягкое культурное воздействие вполне может стать основанием мирного и быстрого сближения разных этнокультурных общностей в макрорегионах. В свою очередь, такой подход будет содействовать сохранению целостности отечественного государства в фокусе принципа единства в многообразии.

В 1874 г в журнале «Дело» публицист задавался весьма серьезными вопросами из области культурной антропологии. По мысли Н.М. Ядринцева, Культурное значение славяно-русской национальности при сближении с инородцами обнаруживалось, во-первых, в отставании собственных культурных качеств от инородческого влияния и, во-вторых, влиянием этой культуры на самих инородцев. Идеолог областничества предлагает формулу исключительно взаимного, причем по преимуществу позитивного влияния. «Если русские, - писал просветитель, - в силу своего расового и культурного превосходства, наконец, в роли завоевателей, хотя и повлияли на инородцев поднятием их расы при помощи метисации, передачей им своей культуры, языка, некоторым нравственным и умственным влиянием, то в то же время не могли и сами перенести подобного влияния без потери своих расовых черт и без изменения в своем типе, физиологическом складе, способностях и даже бытовых и культурных чертах» (Ядринцев, 1874: 312).

В целом в учении «достойного сына Сибири» просвещение и цивилизация понимались как естественное право всего человечества. Потому единственным залогом умственного и социального преобладания русского населения должно быть его высшее культурное воздействие на автохтонное население Сибири. Оценка такого воздействия в публицистике известного сибиряка была не высокой. «Без сомнения, – констатировал Н.М. Ядринцев, – сила сохранения расовых и национальных черт обусловливается высотой культуры, умственным развитием и теми средствами, которыми обладает население. Какими культурными и умственными средствами обладало русское население в прежнее время! Это легко себе представить, если мы припомним, какими явились за Урал русские несколько столетий назад в среду чуждых народностей и как низок был их нравственно-умственный уровень» (Ядринцев, 1873: 337).

Позиция идеолога областничества сводится в данном случае к взаимному воздействию этнических групп, которое, очевидно, имело два вектора, имманентно встроенных в один общий процесс культурного влияния. Эта такие направления, возникшие в результате неизбежной встречи разных этнокультур, как русификация и одновременно метисация.

5. Заключение

Таким образом, можно заключать, что все самые насущные проблемы Восточной окраины Н.М. Ядринцев понимал исключительно в системной, неразрывной взаимосвязи. Потому политико-правовой и социально-культурный нарративы творческого наследия известного сибиряка находились в диалектическом единстве.

Текстологический анализ опубликованных работ просветителя за 1870-е гг. позволяет установить содержание политико-правового дискурса. Это, прежде всего нарративы о проблемах уголовной ссылки, о последствиях и негативном влиянии пенитенциарной политики на социум Сибири. Также достаточно смелой оказалось тема о сущности и природе наказания, к которой Н.М. Ядринцев подходил с гуманистических позиций, делая акцент не на карательном, а на исправительном значении уголовного наказания. Политико-правые идеи того времени были наполнены рефлексией о государственно-территориальном устройстве страны. Уже в ранней публицистике идеолога областничества был сформирован федералистский идеал, позволяющий, по мысли просветителя, сохранять единство огромной страны, органически учитывая интересы регионов и провинций.

На основе анализ содержания идейного наследия Н.М. Ядринцева в 1870-е гг. можно установить социальные и культурные концепты его творческого наследия. Данная часть идейного мира провинциального писателя включала в себя нарративы о этнокультурном взаимовлиянии эндемичных народностей Сибири и славян-колонистов. В этом вопросе Н.М. Ядринцев придерживался парадигмы мягкого культурного воздействия русских цивилизаторов в целях мирного сближения разных этнокультурных общностей в макрорегионах Российской Империи. Очень активно обсуждалась необходимость умственного центра в Азиатской части страны, что позволило бы экономически и интеллектуально-духовно развить родную Сибирь. Также нарратив о целесообразности строительства

Сибирской железной дороги, ее социальное и экономическое влияние на общество Восточной окраины были имманентно встроены в публицистику известного сибиряка.

Литература

- Головинов, 2022 – Головинов А.В. Проблемы преобразований пенитенциарной политики государства в общественно-политической мысли Н.М. Ядринцева во второй половине XIX в // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 3(72). С. 54-57.
- Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областная концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: Коллективная монография / Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью. Издательство Отгиск, 2019. С. 98-120.
- Жилякова, 2010 – Жилякова Н.В. «Центр или провинция?» областническая дискуссия в сибирской печати 1870-1880-х годов // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. №6. С. 13-19.
- Зиновьев, Филонов, 2022 – Зиновьев В.П., Филонов И.Д. "Сибирский вестник" и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 121-126.
- Костякова, 2017 – Костякова Ю.Б. Отношение Сибирских областников к революциям 1917 г. (на материалах журнала "Сибирские записки") // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 3(56). С. 23-30.
- Потанин, 1987 – Потанин Г.Н. Письма Г.Н. Потанина. Т. 2. [Отв. ред. Н. Флоренсов, Ю.П. Козлов]. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1987. С. 65.
- Пыпин, 1894 – Пыпин А.Н. Николай Михайлович Ядринцев: некролог // *Вестник Европы*. 1894, т. 4, кн. 7/8, июль/август. С. 445.
- Серебренников, 2004 – Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск. 2004. 308 с.
- Шашков, 1910 – Шашков С.С. Курьезное дело // *Сибирские вопросы*. 1910. № 10-11. С. 10-16.
- Шиловский, 2021 – Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870–1880-е гг. // *Ядринцевские чтения 2021*. Вып. 9. Омск. ОмГУ. С. 22-26.
- Ядринцев, 1869 – Ядринцев Н.М. Секретная (из записок подследственного арестанта) // *Дело: учено-литературный журнал*. 1869. № 5. С. 46-72.
- Ядринцев, 1870 – Ядринцев Н.М. Колонизационное значение русской ссылки: (Ист. очерк) // *Дело: учено-литературный журнал*. 1870. № 12. С. 1-34.
- Ядринцев, 1870а – Ядринцев Н.М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // *Дело: учено-литературный журнал*. – 1870. №10. С. 220-248.
- Ядринцев, 1871 – Ядринцев Н.М. Исправительное значение русской ссылки: (Ист. очерк) // *Дело: учено-литературный журнал*. 1871. №1. С. 193-213.
- Ядринцев, 1871а – Ядринцев Н.М. Условия прогресса в сфере наказаний // *Дело: учено-литературный журнал*. 1871. № 6. С. 124-148.
- Ядринцев, 1872 – Ядринцев Н.М. Преступники по изображению романтической и натуральной школы // *Дело: учёно-литературный журнал*. 1872. № 6. С. 130-191.
- Ядринцев, 1872а – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872. 708 с.
- Ядринцев, 1873 – Ядринцев Н.М. Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции // *Камско-Волжская газета*. 1873. № 71. С.2-3.
- Ядринцев, 1873а – Ядринцев Н.М. Крестовый поход науки на Восток // *Камско-Волжская газета*. 1873. № 54. С. 3-6.
- Ядринцев, 1874 – Ядринцев Н.М. Русская народность на Востоке // *Дело: учено-литературный журнал*. 1874. № 11, отд. 1. С. 297-340.
- Ядринцев, 1875 – Ядринцев Н.М. Потребность знания на востоке: (По поводу учреждения Сиб. ун-та) // *Дело: учено-литературный журнал*. 1875. № 10. С. 33-69.
- Ядринцев, 1876 – Ядринцев Н.М. Экономическое значение Сибири в связи с потребностью знания // *Дело: учено-литературный журнал*. 1876. № 4. С. 58-84.
- Ядринцев, 1904 – Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // *Русская мысль*. 1904. Кн. 6. С. 152-166.
- Ядринцев, 1905 – Ядринцев Н.М. Хронология событий моей жизни (к автобиографии) // На сибирские темы: сборник в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. Санкт-Петербург. 1905. С. 248-260.
- Johnson, 2022 – Johnson A. Captives of the Empire: Siberian Regionalism and the Siberian Separatist Affair // *Journal of the North Carolina Association of Historians*. 2022. 29: 32-39.
- Pereira, 1988 – Pereira N. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. 1988. Vol. 30. No. 1. Pp. 112-133.

[Tokmurzaev et al., 2022](#) – Tokmurzaev B.S., Churkin M.K., Apasheva S.N. Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 338-348.

References

[Dameshek, 2019](#) – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazhenie sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoe obshchestvo i «sibirskie voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and “Siberian issues”]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX – nachala XX vekov: Kollektivnaya monografiya. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu. Izdatel'stvo Ottisk. Pp. 98-120. [in Russian]

[Golovinov, 2022](#) – Golovinov, A.V. (2022). Problemy preobrazovaniya penitentsiarnoi politiki gosudarstva v obshchestvenno-politicheskoi mysli N.M. Yadrintseva vo vtoroi polovine XIX v [Problems of transformations of the penitentiary policy of the state in social and political thought N.M. Yadrintsev in the second half of the 19th century]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 3(72): 54-57. [in Russian]

[Kostyakova, 2017](#) – Kostyakova, Yu.B. (2017). Otnoshenie Sibirskikh oblastnikov k revolyutsiyam 1917 g. (na materialakh zhurnala "Sibirskie zapiski") [The attitude of the Siberian regionals to the revolutions of 1917 (based on the materials of the journal "Siberian Notes")]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 3(56): 23-30. [in Russian]

[Pereira, 1988](#) – Pereira, N. (1988). Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers*. 30(1): 112-133.

[Potanin, 1987](#) – Potanin, G.N. (1987). Pis'ma G.N. Potanina [Letters of G.N. Potanin]. [Otv. red. N. Florensov, Yu.P. Kozlov]. T. 2. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. P. 65. [in Russian]

[Pypin, 1894](#) – Pypin, A.N. (1894). Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: nekrolog [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: obituary]. *Vestnik Evropy*. T. 4, kn. 7/8, iyul'/avgust. P. 445. [in Russian]

[Serebrennikov, 2004](#) – Serebrennikov, N.V. (2004). Opyt formirovaniya oblastnicheskoi literatury [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk. 308 p. [in Russian]

[Shashkov, 1910](#) – Shashkov, C.C. (1910). Kur'eznoe delo [Curious case]. *Sibirskie voprosy*. 10-11: 10-16. [in Russian]

[Shilovskii, 2021](#) – Shilovskii, M.V. (2021). Publitsisticheskoe osmyslenie N.M. Yadrintsevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870–1880-e gg. [N.M. Yadrintsev's publicistic comprehension of the prospects for the development of Siberia in the 1870–1880s]. *Yadrintsevskie chteniya 2021*. Vyp. 9. Omsk. OmGU. Pp. 22-26. [in Russian]

[Tokmurzaev et al., 2022](#) – Tokmurzaev, B.S., Churkin, M.K., Apasheva, S.N. (2022). Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism. *Bylye Gody*. 17(1): 338-348.

[Yadrintsev, 1869](#) – Yadrintsev, N.M. (1869). Sekretnaya (iz zapisok podsledstvennogo arestanta) [Secret (from the notes of a prisoner under investigation)]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 5: 46-72. [in Russian]

[Yadrintsev, 1870](#) – Yadrintsev, N.M. (1870). Kolonizatsionnoe znachenie russkoi ssylki: (Ist. ocherk) [Colonization value of the Russian exile: (Historical essay)]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 12: 1-34. [in Russian]

[Yadrintsev, 1870a](#) – Yadrintsev, N.M. (1870). Istoricheskie ocherki russkoi ssylki v svyazi s razvitiem prestuplenii [Historical essays on Russian exile in connection with the development of crimes]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 10: 220-248. [in Russian]

[Yadrintsev, 1871](#) – Yadrintsev, N.M. (1871). Ispravitel'noe znachenie russkoi ssylki: (Ist. ocherk) [Corrective meaning of the Russian exile: (Historical essay)]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 1: 193-213. [in Russian]

[Yadrintsev, 1871a](#) – Yadrintsev, N.M. (1871). Usloviya progressa v sfere nakazaniya [The terms for progress in the sphere of punishment]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 6: 124-148. [in Russian]

[Yadrintsev, 1872](#) – Yadrintsev, N.M. (1872). Prestupniki po izobrazheniyu romanticheskoi i natural'noi shkoly [Criminals in the image of the romantic and natural school]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 6: 130-191. [in Russian]

[Yadrintsev, 1872a](#) – Yadrintsev, N.M. (1872). Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke. Issledovaniya i nablyudeniya za zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin. Sravnenie razlichnykh sistem nakazaniya u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnova novoi ratsional'noi sistemy ispravleniya soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytu russkoi tyuremnoi obshchiny [Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community]. SPb., 708 p. [in Russian]

[Yadrintsev, 1873](#) – Yadrintsev, N.M. (1873). Sud'ba provintsii i provintsial'nyi vopros vo Frantsii [The fate of the province and the provincial question in France]. *Kamsko-Volzhsкая gazeta*. 71: 2-3. [in Russian]

- Yadrintsev, 1873a** – *Yadrintsev, N.M.* (1873). Krestovyi pokhod nauki na Vostok [Crusade of science to the East]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 54: 3-6. [in Russian]
- Yadrintsev, 1874** – *Yadrintsev, N.M.* (1874). Russkaya narodnost' na Vostoke [Russian nationality in the East]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 11, otd. 1. Pp. 297-340. [in Russian]
- Yadrintsev, 1875** – *Yadrintsev, N.M.* (1875). Potrebnost' znaniya na vostokey: (Po povodu uchrezhdeniya Sib. un-ta) [The need for knowledge in the East: (About the establishment of the Sib. university)]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 10: 33-69. [in Russian]
- Yadrintsev, 1876** – *Yadrintsev, N.M.* (1876). Ekonomicheskoe znachenie Sibiri v svyazi s potrebnost'yu znaniya [The economic significance of Siberia in connection with the need for knowledge]. *Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal*. 4: 58-84. [in Russian]
- Yadrintsev, 1904** – *Yadrintsev, N.M.* (1904). K moei avtobiografii [To my autobiography]. *Russkaya mysl'*. Kn. 6. Pp. 152-166. [in Russian]
- Yadrintsev, 1905** – *Yadrintsev, N.M.* (1905). Khronologiya sobytii moei zhizni (k avtobiografii) [Chronology of the events of my life (to my autobiography)]. Na sibirskie temy: sbornik v pol'zu tomskikh voskresnykh shkol i Gogolevskogo narodnogo doma. Sankt-Peterburg. Pp. 248-260. [in Russian]
- Zhilyakova, 2010** – *Zhilyakova, N.V.* (2010). «Tsentri ili provintsiya?» oblastnicheskaya diskussiya v sibirskoi pechati 1870-1880-kh godov [Center or province? regional discussion in the Siberian press in the 1870-1880s]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6: 13-19. [in Russian]
- Zinov'ev, Filonov, 2022** – *Zinov'ev, V.P., Filonov, I.D.* (2022). "Sibirskii vestnik" i sibirskoe oblastnichestvo: evolyutsiya otnoshenii v 1885–1905 gg. ["Sibirskii vestnik" and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885–1905]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 484: 121-126. [in Russian]

Синтез политико-правовых и социально-культурных нарративов идейно-публицистического наследия Н.М. Ядринцева в 1870-е гг.

Александр Викторович Головинов^{a, *}, Антон Александрович Васильев^a, Вячеслав Александрович Должиков^a

^a Алтайский государственный университет Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи выявить и показать органическую связь базовых политико-правовых и социально-культурных нарративов в раннем идеологическом творчестве лидера движения сибирских демократических регионалистов (областников) – Н.М. Ядринцева. Для достижения обозначенной цели анализу подвергались письменные источники – статьи и эго-документы, такие как автобиографические сведения и эпистолярные материалы. Был выбран соответствующий инструментарий – методология новой культурной и интеллектуальной истории, что позволяет всестороннее изучить дискурсы и тексты в их отношении к деятельности конкретной исторической личности.

В рамках настоящего исследования показано, что круг политико-правовых проблем, рассматриваемых идеологом областничества, был чрезвычайно разнообразным и органически проникнутым идеей решить насущные вопросы сибирского региона. Тематика уголовно-исполнительной политики, воздействие штрафной колонизации на Восточную окраину, размышления о сущности уголовного наказания, в симфонии с идеалами демократического федеративного территориального устройства Российской Империи составляли содержание политико-правового нарратива раннего периода идейного мира Н.М. Ядринцева, то есть в 1870-е гг.

Авторы приходят к выводу о том, что рефлексия об этнокультурном взаимодействии славяно-русской народности и эндемикой народов Сибири, проблемы колонизации и освоения восточных окраин в совокупности с просветительскими концептами и предложениями реформирования культурно-образовательной политики имперской России представляли собой систему социально-культурных дискурсов в публицистике сибирского просветителя. Позиция идеолога областничества сводилась к идеологеме взаимообратного воздействия этнических групп, которое очевидно имело два вектора имманентно встроенных в один общий процесс культурного влияния.

В целом в статье установлено, что политико-правовой и социально-культурный нарративы творческого наследия известного сибиряка находились в диалектическом единстве.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, сибирское областничество, Российская Империя, история уголовно-исполнительной политики, колонизация, культурное влияние, история дореволюционной публицистики, история политической и правовой мысли, федерализм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов), anton_vasiliev@mail.ru (А.А. Васильев), dolshikov@yandex.ru (В.А. Должиков)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1333-1340
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1333

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Ship List” as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies

Nicholas W. Mitiukov ^{a,*}, Rinat V. Faizullin ^b, Irina Yu. Cherkasova ^c

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^b MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^c Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

“Ship’s Lists” were annual periodicals that published information about the current state of the Russian Imperial Navy, including lists of ships and vessels. It is traditionally believed that in the period from 1871 to 1908, 28 editions of the “Ship’s Lists” were published, but, apparently, this list is not complete, and at present, the creation of a complete selection of the “Ship’s Lists” editions is an urgent task. The paper summarizes the author’s experience in the reconstruction of ship’s biographies according to the “Ship’s Lists”.

“Ship’s Lists” are a valuable and the only published source on the history of the watercraft of the Russian Imperial Navy. Of particular value is the periodicity of their publication, which makes it possible to reconstruct biographies with an accuracy of up to a year. This is demonstrated on the example of the watercraft of the Baltic Fleet. When reconstructing biographies, two main levels of methodology are proposed: reconstruction for the entire reference group and reconstruction for individual courts. Despite the simplicity of the latter, during the reconstruction with its help, some periods of the biography for individual courts may “fall out”. This is illustrated by the example of barge No. 35 of the Kronstadt port, which served as a diving boat for a long time, as well as barge No. 21, for which the period from 1882 to 1886 “fell out”.

However, the value of the “Ship’s Lists” lies in the fact that with their help it is possible to reduce the chronological framework by up to a year when conducting more thorough archival searches.

Keywords: “Ship’s List”, the Russian Imperial Navy, analysis methodology, reconstruction of biographies, non-self-propelled floating craft.

1. Введение

«Судовые списки» (до 1900 г. «Судовые списки флота») представляли собой ежегодные периодические издания, публиковавшие информацию о текущем состоянии Российского императорского флота, в том числе списки кораблей и судов. Библиографический указатель под редакцией П.А. Зайончковского сообщает, что всего было 28 изданий этого справочника: 1871, 1877—1886, 1888—1891, 1893—1894, 1897—1904, 1906—1908 гг. (Справочники..., 1978). В отличие от аналогичных западных изданий типа «Jane’s fighting ships», «Weyers taschenbuch der kriegsflottens» и других, «Судовые списки» публиковали данные о вспомогательных судах флота. И в этом смысле они представляют собой уникальный печатный источник.

К сожалению, приведенный выше список далеко не полный. Так, имеется издание «Судового списка Российского Императорского флота» за 1914 г. Но, несмотря на общность названия, это фактически другое издание. В его оформлении явно пошли на поводу справочников Джейна и Веера,

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov), rf85@mail.ru (R.V. Faizullin), i.cherkasova@cherkasgu.press (I.Yu. Cherkasova)

отойдя от уже сформированных канонов. Поэтому, скорее всего, издание 1908 г. следует рассматривать как последний классический «Судовой список». С другой стороны, имеются и более ранние издания. Так, в библиотеке РГА ВМФ есть издание 1868 года, а также непрерывная подборка с 1874 по 1886 гг. Известный историк российского флота В.В. Яровой поделился с автором изданием 1864 г. Поэтому составление полного перечня «Судовых списков» в настоящее время можно считать актуальной задачей.

В предлагаемой работе обобщается авторский опыт в реконструкции судовых биографий по «Судовым спискам».

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили «Судовые списки» за 1864, 1868, 1874–1886, 1888 гг. на основе которых производится реконструкция биографий вспомогательных плавсредств Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов Балтийского флота.

Ранее нами были сформулированы основные методы работы со Списками судов, морскими и речными регистрами (Mitiukov, 2016), которые в данном случае использовались и при обработке данных «Судовых списков».

1. Принцип историзма (хронологическая преемственность). Если расположить справки из списков, относящиеся к одному судну, в хронологическом порядке, то по изменениям записей можно проследить изменения в биографии. При дублировании записи в более позднем списке сообщенная информация хоть и повторяется, но не теряет актуальности. Если же запись меняется, значит, дата изменения лежит в годах, прошедших между списками.

2. Ретроспективный принцип (обратный поиск справок) от более новых к более старым, применяемая при обработке данных регистров, при обработке «Судовых списков» теряет актуальность, поскольку суда хоть и переименовывались, но оставались у одного хозяина – Военно-морского флота.

3. Типологический принцип (системного поиска). При поиске справок по одиночным судам нередко возникает ситуация неопределенности, которая разрешается, если вести поиск по всей референтной группе, например, по судам данного хозяина или по всем судам одного места постройки. В данном случае имеет смысл производить анализ, например, по всему Балтийскому флоту.

4. Генетический принцип (соответствие характеристик). Если не удается отыскать соответствия между старой и новой записью в списках, в качестве дополнительного анализа можно проанализировать соотношение характеристик.

3. Обсуждение

«Судовые списки» достаточно часто присутствуют в списках литературы научных работ. Но, как правило, речь идет лишь об одном-двух справочниках, конкретизирующих информацию о характеристиках какого-то судна или группы судов.

Так, «Судовой список» за 1904 г. использовал А.В. Зуев для уточнения данных по судам, на которых проходили службу капитаны морских торговых судов (Зуев, 2010). В работе В.Л. Агапова тот же список оказался ценным как справочник по судовому составу военного флота, в котором перечислялись в том числе и торговые суда крупнейших пароходных компаний: Добровольного флота, Русского общества, пароходства и торговли и др. (Агапов, 2006).

Информацию о тактико-технических элементах судов, построенных в Соединенных Штатах Америки для Российского Императорского флота, из «Судовых списков» за 1864 и 1914 гг. использовал С.Д. Климовский (Климовский, 2018). При описании боевых действий Российского флота в годы Первой мировой войны «Судовой список» за 1914 г. использовал Д.Ю. Козлов для уточнения характеристик участвовавших в боях кораблей (Козлов, 2015) и А.Д. Федечкин для анализа проблемы перевооружения крейсеров «Россия» и «Громобой» (Федечкин, 2022). «Судовой список» за 1864, 1878 и 1888 гг. потребовались для работы А.В. Чистому для уточнения состава и характеристик судов, отправленных Россией на Дальний Восток в середине XIX в. (Чистый, 2002).

Применительно к конкретным кораблям отдельные выпуски «Судовых списков» использовались в ряде работ для уточнения их характеристик, таких как броненосные канонерские лодки «Никополь» и «Сисово» (Кондратенко, 2019), ледоколы Российской империи (Бордученко, 2018), буксиры типа «Удалец» (Андриенко, 2003) и другим. Уточнение характеристик кораблей с помощью «Судовых списков» производилась и в справочниках по судовому составу, например, для морских сил Северного моря (Яровой и др., 2013).

Из этого ряда особняком выглядит работа А.А. Терехановой. Она использовала два десятка «Судовых списков» периода 1871–1908 гг. для уточнения номеров флотских экипажей и рангов судов, которые не раз изменялись за этот рассматриваемый период. Это ей потребовалось для отыскания закономерностей в награждении флотских офицеров (Тереханова, 2007). То есть фактически, она частично решала задачу реконструкции судовых биографий. Ссылка на «Судовые списки» периода 1900–1914 гг. имеется в ряде работ Р.М. Мельникова, например (Мельников, 1986), однако анализ ссылок позволяет утверждать, что автор использовал не весь массив «Судовых списков»,

а информацию по отдельным кораблям из отдельных выпусков, что не давало возможности анализа динамики этих записей и создать судовую биографию. Впрочем, у автора такой задачи и не стояло.

Таким образом, получается, что пока серию «Судовых списков» для создания судовых биографий использовали лишь авторы данной работы (Mitiukov et al., 2018).

4. Результаты

Как показал опыт работы, в целом методика анализа «Судовых списков» аналогично методике анализа речных регистров и списков судов, рассмотренных нами ранее (Mitiukov, 2016). Ее можно разделить на два уровня, которые способны дать несколько различающиеся друг от друга результаты. Во-первых, это реконструкция биографий по всей референтной группе и, во-вторых, это реконструкция для отдельного судна или групп судов. Первый уровень ниже продемонстрирован на примере реконструкции биографий металлических плавсредств Кронштадтского и Петербургского порта периода 1864–1874 гг. (Таблица 1), а второй – реконструкции биографий барж воткинской постройки периода 1874–1886 гг. (Таблица 2).

Как уже отмечалось, период 1864–1874 гг. состоит из отдельных выпусков «Судового списка», между которыми пробелы в несколько лет. В этом случае имеет смысл рассматривать достаточно большую референтную группу, включающую в себя все железные плавсредства. Из Таблицы 1 видно, что в период с 1865 по 1868 г. все баржи были перенумерованы. К сожалению, определить точнее дату этого события без привлечения дополнительных источников указанного периода невозможно.

На Рисунке 1 приведен фрагмент «Судового списка» 1864 г. с баржами Кронштадтского порта №1–12. Из них первая часть списка (с длиной корпуса 85') сделана на Воткинском заводе в 1855 г., вторая часть (длина 50') – на предприятии РЖД. При указанной разметке текста понять, сколько барж первого типа, а сколько второго имелось в составе флота, скорее всего, невозможно. Подсознательно по разбиению колонок с указанием места постройки определяется, что построено шесть барж первого типа (№1–6) и шесть второго (№7–12). Этот вывод, казалось бы подтверждает построечная информация, говорящая, что в Воткинске построили шесть барж этого типа.

В списке 1868 г. все эти баржи были перенумерованы (Таблица 1), но в нем четко видно, что воткинских барж – четыре (№4–7), а «железнодорожных» – восемь (№12–19). Таким образом, получается, что в списке 1964 г. должны быть указаны как воткинские баржи №1–4, а как «железнодорожные» – №4–12.

Однотипные указанным 85-футовые баржи воткинской постройки, вошедшие в состав Петербургского порта, в 1864 г. имеют номера №4 и №5. Но в списке 1868 г. им соответствует одна баржа – №14. Второй нет. Анализ всего «Судового списка» 1868 г. показывает, что вторая баржа стала плавучим маяком Елагинским.

БАРЖИ.							
№№		85—	21—	2—9	2—4	На Воткинских заводах, в 1855 г., изъ железа. Стоимость каждой составляет 9215 р. 25 к.	Въ Кронштадтѣ; съ исправленіемъ благонадежны.
1	До 7000 пуд.						
2							
3							
4							
5							
6							
7		50—	17—	2—9	2—4	На бывшемъ механическомъ и антейномъ заведеніи Главнаго Общества Россійскихъ Железныхъ дорогъ, изъ железа. Каждая стоитъ 2867 руб.	Въ Кронштадтѣ; въ распоряженіи контрагентовъ, углубляющихъ тамошнія гавани.
8							
9							
10							
11							
12							
13	До 11800 пуд.	130—6	28—6	4—6	4—6	Построены въ Англіи, изъ железа. Куплены у Общества Петербурго-Волжскаго Пароходства, в 1862 г., за 15900 р. каждая, съ полнымъ вооруженіемъ и запасными вещами.	Въ Кронштадтѣ; благонадежны.
14							

Рис. 1. Фрагмент «Судового списка» 1864 г. с кронштадтскими баржами

Следующим интересным моментом, присутствующим в [Таблице 1](#), является баржа №10 Петербургского порта из списка 1868 г. В списке 1874 г. судно с такими же характеристиками указана как плавучая баня Кронштадтского порта. Это очень важное замечание, поскольку в последующих списках в примечании напротив плавучей бани можно прочитать, что это бывший корпус парохода «Граф Вронченко». Однако это не более чем опечатка, поскольку в списке 1868 г. и 1874 г. характеристики парохода полностью совпадают с баржей Кронштадтского порта №1. Опечатка сохраняется до списка 1883 г., где уже четко указано, что баня – это баржа №53.

Наконец, в списке 1868 г. интересно наличие в плавсредствах Петербургского порта баржей №30 и №31. Их номера вполне логичны как продолжение списка петербургских барж, вслед за №29. Однако в списке 1874 г. их нет. Но есть баржи №30 и 31 в Каспийской флотилии, причём их характеристики полностью совпадают. Таким образом, получается, что строившиеся для Петербургского порта баржи вошли под теми же номерами в состав Каспийской флотилии.

Отсутствие плашкоутов в Списке 1868 г. объясняется тем, что к 1868 г. вся серия еще не построена – отдельные суда достраиваются, отдельные принимаются, а некоторые уже и находились в составе флота.

Кроме того, данные [Таблицы 1](#) показывают, что в период с 1865 по 1868 г. все баржи Петербургского порта перенумеровали (кроме №1–3). При этом баржей №16 стало «Грузовое судно №1» Петербургского порта из списка 1864 г.

Таблица 1. Соответствие кронштадтских и петербургских барж по Судовым спискам 1864, 1868 и 1874 г.

Описание	Характеристики	1864 г.	1868 г.	1874 г.
Железные баржи				
В Англии, куплены у о-ва Петербурго-Волжского пароходства в 1862 и 1863 г.	11000 п., 130-0, 28-6, 4-6, 4-6	С 1	С 1	С 1
		С 2	С 2	С 2
		С 3	С 3	С 3
На Воткинском з-де в 1855 г.	7000 п., 85-0, 21-3, 2-9, 2-4	С 4	С 14	С 14
		С 5	–	–
На Воткинском з-де в 1861 г.	5000 п., 75-0, 17-6, 3-0, 3-0	С 6	С 4	С 4
		С 7	С 5	С 5
		С 8	С 6	С 6
		С 9	С 7	С 7
На Воткинском з-де в 1860 г.	3500 п., 60-0, 14-3, 3-0, 3-0	С 10	С 8	С 8
		С 11	С 9	С 9
В Швеции, куплена в 1861 г. у о-ва Петербурго-Волжского пароходства	12500 п., 145-0, 27-6, 3-6, 4-6	С 12	–	–
В Англии, куплена у О-ва Петербурго-Волжского пароходства в 1863 г.	11000 п., 130-0, 28-6, 4-6, 4-6	–	С 10	К Баня
Куплены у почетного гражданина Тура в 1865 г.	11000 п., 130-0, 28-6, 4-6, 4-6	С 13	С 11	С 11
		С 14	С 12	С 12
Куплена от заводчика Макферсона в 1864 г.	333 т., 135-0, 28-6, 4-6, 4-6	–	С 13	С 13
На Воткинском з-де в 1867 г.	157 т., 90-0, 22-0, 3-0, 3-0	–	С 15	С 15
На Адмиралтейских Ижорских з-дах 1865 г.	10000 п., 80-0, 22-0, 1-11, 1-0	С №1	С 16	С 16
Построены в 1865 г. в Новом Адмиралтействе	6800 п., 90-0, 22-6, 4-6, 4-0	–	С 17	С 17
		–	С 18	С 18
На Воткинском з-де в 1865, 1866 гг.	10000 п., 80-0, 22-6, 2-6, 2-6	–	С 19	С 19
		–	С 20	С 20
		–	С 21	С 21
		–	С 22	С 22
На Воткинском з-де в 1867 г.	10000 п., 80-0, 22-0, 2-6, 2-6	–	С 34	С 34
		–	С 35	С 35
		–	С 36	С 36
На Воткинском з-де в 1855 г.	7000 п., 85-0, 21-0, 2-9, 2-4	К 1	К 4	К 4
		К 2	К 5	К 5
		К 3	К 6	К 6
		К 4	К 7	К 7

На бывшем механическом литейном заведении Главного Общества Российских Железных дорог	5000 п., 50-0, 17-0, 2-9, 2-4	К 5	К 12	К 12
		К 6	К 13	К 13
		К 7	К 14	К 14
		К 8	К 15	К 15
		К 9	К 16	К 16
		К 10	К 17	К 17
		К 11	К 18	К 18
		К 12	К 19	К 19
Построены в Англии, куплены у О-ва Петербурго-Волжского пароходства в 1862 г.	11800 п., 130-6, 28-6, 4-6, 4-6	К 13	К 2	К 2
		К 14	К 3	К 3
Переделана из парохода «Граф Вронченко», построенного на Воткинском з-де в 1850 г.	241 т., 140-0, 20-0, 3-0, 3-0	–	К 1	К 1
На Воткинском з-де в 1862–1864 г.	6000 п. 90-0, 22-0, 4-0, 4-0	–	К 8	К 8
		–	К 9	К 9
		–	К 10	К 10
		–	К 11	К 11
В 1867 г. на Воткинском з-де	10000 п., 120-0, 22-0, 4-2, 4-2	–	–	К 123
		–	–	К 124
		–	–	К 125
		–	–	К 126
Полубаржи				
Построены в 1861 г. на Адмиралтейских Ижорских з-дах	1000 п., 52-8, 12-0, 2-9, 2-9	С 1	С 23	С 23
	1500 п., 65-0, 14-0, 3-0, 2-11	С 2	С 24	С 24
	1700 п., 70-0, 14-3, 3-0, 2-11	С 3	С 25	С 25
Построена на Адмиралтейских Ижорских з-дах в 1864 г.		–	С 26	С 26
Построена в Новом Адмиралтействе в 1865 г.	2800 п., 70-0, 14-0, 3-0, 4-0	–	С 27	С 27
На Воткинском з-де в 1867 г.	56,4 т., 70-0, 14-0, 3-0, 3-0	–	С 28	–
		–	С 29	С 29
	93 т., 75-0, 17-6, 3-3, 3-3	–	С 30	–
		–	С 31	–
Плашкоуты				
В 1864 г. на Воткинском з-де	5000 п., 61-0, 22-4, 1-0	–	?	20-32

Примечание: С – Санкт-Петербургский порт, К – Кронштадтский порт. Графа «Описание» составлена на основе примечаний к данным судам в «Судовых списках» – год и место постройки. В графе «Характеристики» приведены следующие сведения: грузоподъемность (тонны или пуды), длина (футы-дюймы), ширина (футы-дюймы), осадка носом и кормой (футы-дюймы).

В [Таблице 2](#) приведены ежегодные данные уже конкретно по баржам воткинской постройки. Список 1887 года отсутствует, но приведен список 1888 г., поскольку по нескольким судам он позволяет уточнить справки. Более новые списки интереса не представляют, они практически неизменные и сохраняются до 1908 г. (Mitiukov et al., 2018; Mitiukov, 2021). По таблице видно, что в целом основная масса судов сохраняли в указанный период неизменным свой номер, но в 1880 г. прошла перенумерация Санкт-Петербургских барж.

Из всех судов только для брандвахты Большого Невского фарватера имеется опубликованная биография (Яровой, 2018). Судя ней, судно вошло в строй как баржа Санкт-Петербургского порта №15, в 1876 г. стала брандвахтой и выполняла эти функции во время русско-турецкой войны. С 1878 г. использовалась для прежних целей, с 1879 г. снова баржа №15 Петербургского порта, с 1885 г. – баржа №10. Дата списания отсутствует (Яровой, 2018: 71). Данные [Таблицы 2](#) эту информацию частично подтверждают. В 1876 г. баржа №15 действительно переименована в брандвахту, но судя по Спискам, начиная с 1880 г., судно числится как «бывшая брандвахта». Информации, что ей вернули старый номер, нет. Как и у В.В. Ярового, с 1885 г. судно указано как баржа №10. Но к 1888 г. ее списали.

В Списке 1886 г. отсутствует Санкт-Петербургская баржа №5. Но список 1888 г. ее указывает. Таким образом, скорее всего, это обычная опечатка, хотя не исключен, например, и капитальный ремонт судна или привлечение его для других работ, например, в промерную партию.

С 1882 г. из списков пропадает баржа №21 Санкт-Петербургского порта, а в 1888 г. она появляется под тем же номером среди плавсредств Кронштадтского порта. Скорее всего, ее использовали для каких-то целей, по окончании чего оставили в Кронштадте.

Наконец баржа №35 Кронштадтского порта то появляется в списках, то исчезает. Это связано с тем, что ее использовали как водолазный бот. В связи с чем она то показана с номером, то без номера, в зависимости от предпочтений редактора списка.

А вот бывшие баржи Санкт-Петербургского порта №30 и 31, в итоге оказавшиеся в Каспийской флотилии, в 1884 г. окончательно исчезают из «Судовых списков». Учитывая их относительную современность, можно предположить, что по окончании боевых действий в Средней Азии их, скорее всего, продали частным лицам.

Таблица 2. Соответствие кронштадтских и петербургских барж воткинской постройки по Судовым спискам 1874–1888 гг.

	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1888 г.
1850 г. 140'	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1	К 1
1857 г. 85'	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4	К 4
	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5	К 5
	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6	К 6
	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7	К 7
1860 г. 60'	С 14	С 14	С 14	С 14	С 14	С 14	С 11	С 11	С 11	С 11	С 11	С 11	С 11	С 11
	С 8	С 8	С 8	С 8	С 8	С 8	С 7	С 7	С 7	С 7	С 7	С 7	С 7	С 7
1861 г. 75'	С 9	С 9	С 9	С 9	С 9	С 9	С 8	С 8	С 8	С 8	С 8	С 8	С 8	С 8
	С 4	С 4	С 4	С 4	С 4	С 4	С 3	С 3	С 3	С 3	С 3	С 3	С 3	С 3
	С 5	С 5	С 5	С 5	С 5	С 5	С 4	С 4	С 4	С 4	С 4	С 4	С 4	С 4
	С 6	С 6	С 6	С 6	С 6	С 6	С 5	С 5	С 5	С 5	С 5	С 5	–	С 5
1862 г. 90'	С 7	С 7	С 7	С 7	С 7	С 7	С 6	С 6	С 6	С 6	С 6	С 6	С 6	С 6
	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8	К 8
	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9	К 9
	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10	К 10
1864 г. 61'	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11	К 11
	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32	20-32
	С 19	С 19	С 19	С 19	С 19	С 19	С 15	С 15	С 15	С 15	С 15	С 15	С 15	С 15
	С 20	С 20	С 20	С 20	С 20	С 20	С 16	С 16	С 16	С 16	С 16	С 16	С 16	С 16
1865 г. 80'	С 21	С 21	С 21	С 21	С 21	С 21	С 17	С 17	С 17	С 17	С 17	С 17	С 17	С 17
	С 22	С 22	С 22	С 22	С 22	С 22	С 18	С 18	С 18	С 18	С 18	С 18	С 18	С 18
	С 15	С 15	БВ	БВ	БВ	БВ	Б. БВ	Б. БВ	Б. БВ	Б. БВ	Б. БВ	С 10	С 10	–
1867 г. 80'	С 34	С 34	С 34	С 34	С 34	С 34	С 19	С 19	С 19	С 19	С 19	С 19	С 19	С 19
	С 35	С 35	С 35	С 35	С 35	С 35	С 20	С 20	С 20	С 20	С 20	С 20	С 20	С 20
	С 36	С 36	С 36	С 36	С 36	С 36	С 21	С 21	–	–	–	–	–	К 21
1867 г. 70'	–	–	–	–	К 35	К 35	К 35	К 35	К 35	К 35	–	–	–	К 35
	С 29	С 29	С 29	С 29	С 29	С 29	С 27	С 27	С 27	С 27	С 27	С 27	С 27	С 27
1867 г. 120'	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123	К 123
	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124	К 124
	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125	К 125
	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126	К 126
1867 г. 75'	30	30	30	30	30	30	30	30	30	30	–	–	–	–
	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	–	–	–	–

Примечание: С – Санкт-Петербургский порт, К – Кронштадтский порт

5. Заключение

«Судовые списки» являются ценным и единственным опубликованным источником по истории плавсредств Российского Императорского флота. Особую ценность придает периодичность их издания, что дает возможность реконструкции биографий. Это продемонстрировано на примере плавсредств Балтийского флота. При реконструкции биографий предлагается два основных уровня методики: реконструкция по всей референтной группе и реконструкция по отдельным судам. Несмотря на простоту последней, при реконструкции с ее помощью возможны «выпадения» некоторых периодов биографии для отдельных судов. Это ясно видно на примере баржи №35 Кронштадтского порта, долгое время служившей водолазным ботом, а также баржи №21, для которой «выпал» период с 1882 по 1886 гг.

Тем не менее, ценность «Судовых списков» заключается в том, что с их помощью можно до года сократить хронологические рамки при проведении более тщательных архивных поисков.

Литература

Агапов, 2006 – Агапов В.Л. Морская торговля и торговое судоходство России и Японии накануне и во время русско-японской войны. Дисс. ... канд. истор. наук. Владивосток, 2006. 251 с.

Андрюченко, 2003 – Андрюченко В.Г. Портовые ледокольные буксиры типа "Удалец" // Судостроение. 2003. №1 (746). С. 77-83.

Бордученко, 2018 – Бордученко Ю.Л. Ледокольный флот России. СПб., ИПТ РАН, 2018. 274 с.

Зуев, 2010 – Зуев А.В. Капитаны морских торговых судов Российской империи (вторая половина XIX - начало XX вв.): подготовка, статус, повседневность. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2010. 256 с.

Климовский, 2018 – *Климовский С.Д.* Российско-американские научно-технические и производственные связи в области кораблестроения: вторая четверть XIX в. - 1917 г. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2018. 327 с.

Козлов, 2015 – *Козлов Д.Ю.* Нарушение морских коммуникаций: проблемы и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне: 1914–1917 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2015. 769 с.

Кондратенко, 2019 – *Кондратенко Р.В.* Казематированные лодки "Никополь" и "Систово" // *Судостроение*. 2019. №6 (847). С. 73-76.

Мельников, 1986 – *Мельников Р.М.* Крейсер «Очаков». Л.: Судостроение, 1986. 256 с.

Справочники..., 1978 – *Справочники по истории дореволюционной России*. Библиографический указатель. Изд. 2-е / Под ред. проф. П. А. Зайончковского. М., «Книга», 1978.

Тереханова, 2007 – *Тереханова А.А.* Наградные традиции российского военно-морского флота: XVIII - начало XX вв. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2007. 428 с.

Федечкин, 2022 – *Федечкин А.Д.* "Относительная слабость наших крейсеров вызвала желательность усиления артиллерии...". Проблемы перевооружения крейсеров "Россия" и "Громобой" в 1915-1916 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2022. №9. С. 72-79.

Чистый, 2002 – *Чистый А.В.* Морская политика Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2002. 200 с.

Яровой и др., 2013 – *Яровой В.В., Смолин А.А., Приданников М.И.* Морские силы Северного моря 1920-1922 годы. СПб.: Галера-Принт, 2013. 280 с.

Яровой, 2018 – *Яровой В.В.* Балтийский флот 1877–1878 гг. Справочник по корабельному составу // *Морская кампания*. 2018. №6 (82). 72 с.

Mitiukov et al., 2018 – *Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V.* Votkinsk's barges for the Baltic Fleet // *Voennyi Sbornik*. 2018. 6(2): 95-99.

Mitiukov, 2016 – *Mitiukov N.W.* Maritime and River Registers as a Historical Source // *Bylye gody*. 2016. 2(40): 469-478.

Mitiukov, 2021 – *Mitiukov N.W.* Votkinsk Barges of the Baltic Fleet according to the Ship List of 1908 // *Voennyi Sbornik*. 2021. 9(1): 15-20.

References

Agapov, 2006 – *Agapov, V.L.* (2006). Morskaya torgovlya i torgovoe sudokhodstvo Rossii i Yaponii nakanune i vo vremya rusko-yaponskoi voyny [Maritime trade and merchant shipping of Russia and Japan on the eve and during the Russo-Japanese war]. Diss. ... kand. istor. nauk. Vladivostok. 251 p. [in Russian]

Andrienko, 2003 – *Andrienko, V.G.* (2003). Portovye ledokol'nye buksiry tipa "Udalets" [Port icebreaking tugs "Udalets" class]. *Sudostroenie*. 1 (746): 77-83. [in Russian]

Borduchenko, 2018 – *Borduchenko, Yu.L.* (2018). Ledokol'nyi flot Rossii [Icebreaking fleet of Russia]. St. Petersburg, IPT RAN. 274 p. [in Russian]

Chisty, 2002 – *Chisty, A.V.* (2002). Morskaya politika Rossiiskoi imperii na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v. [Maritime policy of the Russian Empire in the Far East in the second half of the 19th century]. Diss. ... kand. istor. nauk. SPb. 200 p. [in Russian]

Fedechkin, 2022 – *Fedechkin, A.D.* (2022). "Otnositel'naya slabost' nashikh kreiserov vyzvala zhelatel'nost' usileniya artillerii...". Problemy perevooruzheniya kreiserov "Rossiya" i "Gromoboi" v 1915-1916 gg. ["The relative weakness of our cruisers caused the desirability of strengthening artillery ..."]. Problems of re-equipment of the cruisers "Russia" and "Gromoboy" in 1915-1916]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 9: 72-79. [in Russian]

Klimovsky, 2018 – *Klimovsky, S.D.* (2018). Rossiisko-amerikanskie nauchno-tekhnicheskie i proizvodstvennye svyazi v oblasti korablestroeniya: vtoraya chetvert' XIX v. – 1917 g. [Russian-American scientific, technical and industrial relations in the field of shipbuilding: the second quarter of the 19th century – 1917]. Diss. ... kand. istor. nauk. SPb. 327 p. [in Russian]

Kondratenko, 2019 – *Kondratenko, R.V.* (2019). Kazematirovannye lodki "Nikopol" i "Sistovo" [Casemated boats "Nikopol" and "Sistovo"]. *Sudostroenie*. 6(847): 73-76. [in Russian]

Kozlov, 2015 – *Kozlov, D.Yu.* (2015). Narushenie morskikh kommunikatsii: problemy i puti ikh resheniya po opytu deistvii Rossiiskogo flota v Pervoi mirovoi voine: 1914-1917 gg. [Violation of sea communications: problems and ways to solve them based on the experience of the Russian fleet in the First World War: 1914-1917]. Diss. ... kand. istor. nauk. M. 769 p. [in Russian]

Melnikov, 1986 – *Melnikov, R.M.* (1986). Kreiser «Ochakov» [Cruiser "Ochakov"]. Leningrad: Sudostroenie. 256 p. [in Russian]

Mitiukov et al., 2018 – *Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N., Matveev, D.V.* (2018). Votkinsk's barges for the Baltic Fleet. *Voennyi Sbornik*. 6(2): 95-99.

Mitiukov, 2016 – *Mitiukov, N.W.* (2016). Maritime and River Registers as a Historical Source. *Bylye gody*. 2(40): 469-478.

Mitiukov, 2021 – *Mitiukov, N.W.* (2021). Votkinsk Barges of the Baltic Fleet according to the Ship List of 1908. *Voennyi Sbornik*. 9(1): 15-20.

Spravochniki..., 1978 – Spravochniki po istorii dorevolutsionnoi Rossii. Bibliograficheskii ukazatel' [Reference books on the history of pre-revolutionary Russia. Bibliographic index]. Izd. 2-e. Pod red. prof. P.A. Zaionchkovskogo. M., «Kniga», 1978. [in Russian]

Terekhanova, 2007 – *Terekhanova, A.A.* (2007) Nagradnye traditsii rossiiskogo voenno-morskogo flota: XVIII – nachalo XX vv [Award traditions of the Russian navy: XVIII – early XX centuries]. Diss. ... kand. istor. nauk. SPb. 428 p. [in Russian]

Yarovoy i dr., 2013 – *Yarovoy, V.V., Smolin, A.A., Pridannikov, M.I.* (2013). Morskie sily Severnogo morya 1920-1922 gody [Naval Forces of the North Sea 1920-1922]. SPb: Galeya-Print. 280 p. [in Russian]

Yarovoy, 2018 – *Yarovoy, V.V.* (2018). Baltiiskii flot 1877–1878 gg. Spravochnik po korabel'nomu sostavu [Baltic Fleet 1877–1878. Handbook of the composition of the ship]. *Morskaya kompaniya*. 6(82): 72. [in Russian]

Zuev, 2010 – *Zuev, A.V.* (2010). Kapitany morskikh torgovykh sudov Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): podgotovka, status, povsednevnost' [Captains of sea merchant ships of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries): training, status, everyday life]. Diss. ... kand. istor. nauk. SPb. 256 p. [in Russian]

«Судовой список» как источник по дореволюционным судовым биографиям

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Ринат Васильевич Файзуллин ^b, Ирина Юрьевна Черкасова ^c

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^b МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^c Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. «Судовые списки» представляли собой ежегодные периодические издания, публиковавшие информацию о текущем состоянии Российского Императорского флота, в том числе списки кораблей и судов. Традиционно считается, что в период с 1871 г. по 1908 г. вышло 28 изданий «Судового списка». Но, по-видимому, этот перечень не полный, и в настоящее время создание полной подборки изданий «Судовых списков» является актуальной задачей. В работе обобщается авторский опыт в реконструкции судовых биографий по «Судовым спискам».

«Судовые списки» являются ценным и единственным опубликованным источником по истории плавсредств Российского императорского флота. Особую ценность придает периодичность их издания, что дает возможность реконструкции биографий с точностью до года. Это продемонстрировано на примере плавсредств Балтийского флота. При реконструкции биографий предлагается два основных уровня методики: реконструкция по всей референтной группе и реконструкция по отдельным судам. Несмотря на простоту последней, при реконструкции с ее помощью возможны «выпадения» некоторых периодов биографии для отдельных судов. Это показано на примере баржи №35 Кронштадтского порта, долгое время служившей водолазным ботом, а также баржи №21, для которой «выпал» период с 1882 по 1886 гг.

Тем не менее, ценность «Судовых списков» заключается в том, что с их помощью можно до года сократить хронологические рамки при проведении более тщательных архивных поисков.

Ключевые слова: «Судовой список», Российский Императорский флот, методика анализа, реконструкция биографий, самоходное плавучее средство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков), rf85@mail.ru (Р.В. Файзуллин), i.cherkasova@cherkasgu.press (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1341-1355
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1341

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Policy of the Russian Autocracy Toward the Zemstvo Liberal Opposition of the Chernihiv Governorate (late 70s – early 80s of the XIX century)

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Nazar A. Kotelnitsky ^c, Alla I. Ziakun ^a

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^c Academician Y. Bugay International Scientific and Technical University, Kyiv, Ukraine

Abstract

The article is devoted to the study of repressive measures of the Russian autocracy against the zemstvo liberal opposition in Chernihiv province in the late 70s – early 80s. Having analyzed unique historical primary sources, the absolute majority of which are introduced into the international scientific turnover for the first time, the authors came to the conclusion that the main reason for the punitive measures of the Russian monarchy against the aristocratic opposition of the region was the unprecedented, public opposition activities of the liberal zemstvo in 1878–1879. The first strike of the Russian authorities against the Zemstvo opposition was the prompt arrest and administrative internment of its leader, I. Petrunkevich, in the ethnically Russian provinces of the country.

Top officials and the head of the political police of Chernihiv province proposed to the central authorities to take tough measures in the fight against the “liberal contagion”: to expel from the territory of Chernihiv province the most dangerous members of the aristocratic opposition; to establish supervision over the remaining representatives of the Zemstvo liberal party by the police and gendarmerie; to promptly amend the legislation of the Russian Empire in order to establish control and supervision of the institutions of state power over the elected institutions. The authorities implemented the absolute majority of these recommendations. By the fall of 1886, the zemstvo liberal movement in Chernihiv province had been crushed and its personal composition reduced to a minimum.

Keywords: zemstvo liberal opposition, repressions, Russian autocracy, Chernihiv Governorate.

1. Введение

История украинского земского либерализма является актуальной, но малоисследованной проблемой исторической науки. Только в последние годы наблюдается обстоятельное изучение земского либерального движения в украинских губерниях Российской империи, в частности, на примере Черниговской губернии (Lebid, Kotelnitsky, 2022; Котельницький, 2019; Котельницький, 2020; Котельницький, 2021; Kotelnitsky, Degtyarev, 2022; Kotelnitsky et al., 2022; Kotelnitsky, 2023). Политическая история этого течения в освободительном движении на территории Российской империи, пожалуй, является на данный момент самым разработанным аспектом истории аристократической оппозиции на севере Левобережной Украины (Мироненко, 2000; Мойсієнко, 1999; Петров, 1976; Редькіна, 2002; Скакун, 1982).

Однако, несмотря на это, вне поля зрения ученых остаются отдельные аспекты политической деятельности либеральных аристократов, которые заслуживают предметного исследования. К таким аспектам, с нашей точки зрения, принадлежит проблема карательной политики против Земской Либеральной Партии Черниговской губернии в конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. В этом контексте

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

необходимой представляется попытка исследования истории репрессий российского самодержавия по отношению к членам Земского Либерального вижения региона.

2. Материалы и методы

Основой для написания данной рукописи стали неопубликованные исторические источники из фондов Центрального государственного исторического архива Украины, Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского Национальной Академии Наук Украины, Специализированного фонда редких и рукописных изданий Черниговской областной универсальной научной библиотеки имени Александра и Софии Русовых. Большинство из этих документов впервые вводится в международный научный оборот.

При подготовке рукописи были использованы общенаучные методы научного исследования (методы синтеза и анализа, дедукции и индукции, метод обобщения и описательный метод) а также специально исторические методы (историко-типологический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, метод контент-анализа и др.). Использование данной методологии в целом позволило достичь поставленных в работе научных целей и задач.

Универсальные методы научного анализа и синтеза позволили понять сущность исторических процессов в Российской империи второй половины XIX в., непосредственно повлиявших на формирование отношения Российской монархии к Земской Либеральной оппозиции региона, изучить отдельные аспекты событий и сделать необходимые выводы.

С помощью индуктивного и дедуктивного методов был выявлен и накоплен необходимый комплекс эмпирических материалов, обосновавший фундамент исследования: фактографический материал сформировал теоретические дефиниции, а научные выводы были аргументированы и подтверждены конкретными эмпирическими фактами. Авторы также обобщили фактографический материал рукописи.

Описательный метод позволил последовательно изложить историю практической реализации репрессивных мер верховной власти Российской империи по отношению к членам Земской Либеральной Партии края.

Были имплементированы и специальные исторические методы исследования. Так, например, критический метод был применен при оценке репрезентативности привлеченных исторических источников и документов, а также существующих в исторической науке точек зрения на объект и предмет нашего исследования с целью их критического осмысления и анализа.

Использование историко-генетического метода позволило авторам показать генетическую преемственность и идеологическую солидарность либеральных земцев Черниговской губернии как со своими предками – прогрессивными деятелями первого украинского государства Гетманщины, так и со своими коллегами по освободительному движению – представителями украинских национальных организаций, тем самым убедительно показав глубинное влияние казацко-старшинского происхождения земских либералов на их политическую и общественную деятельность.

Использование сравнительно-исторического метода позволило уяснить характер карательных мер российских имперских властей против течений в освободительном движении Российской империи второй половины XIX в.: радикалов в лице революционеров-народников и конструктивной оппозиции правящему режиму – либеральных земцев.

Проблемно-хронологический метод позволил сформировать общее представление о репрессивной политике российского самодержавия против земских либералов в своей хронологической последовательности и логической завершенности.

Посредством историко-типологического метода были обозначены типологические характеристики политических оппонентов аристократической оппозиции, так и их непримиримых и принципиальных оппонентов: на региональном уровне – представителей губернаторской администрации, чиновничества края, консервативно реакционного политикума, на столичном уровне – высших сановников Российской империи, представителей верховной бюрократии государства, высших должностных лиц силовых ведомств страны.

Метод контент-анализа был имплементирован при анализе неопубликованных архивных документов. Он позволил обнаружить и понять главные идеологические императивы, побудившие российские власти предпринять репрессивные меры в отношении аристократической оппозиции Черниговской губернии.

Что касается применяемых в исследовании терминов «Земская Либеральная Партия» и «Фронда», то их использование, на наш взгляд, вполне оправдано и обосновано. Как исследователь истории земств в Российской империи Б. Веселовский ([Веселовский, 1911](#)), так и непосредственные участники, свидетели и очевидцы структурирования политических процессов в земских институтах Черниговской губернии В. Хижняков и С. Русова ([Русова, 1996](#); [Хижняков, 1878](#)) полностью подтверждали наличие двух идеологически ярко выраженных партий депутатов, которые вели политическую борьбу между собой: консервативной, «правой», провластной и «левой» демократической, либеральной, оппозиционной.

В контексте этого употребление понятия «фронта» по отношению к земской либеральной оппозиции вполне логично, поскольку современные историческая и политическая науки понимают под этим термином общую политико-идеологическую оппозиционность определенного общественного движения к действующей власти.

3. Обсуждение

В историографии политической истории земского либерального движения в Черниговской губернии есть ряд работ, в которых наряду с непосредственной деятельностью аристократической оппозиции были освещены и некоторые иные моменты, связанные с непропорциональной реакцией российского абсолютизма на эти публичные общественные выступления, в частности – применением самодержавием репрессивных мер в отношении отдельных членов земской либеральной партии.

Так, из наследия советской исторической науки следует назвать труды А. Волощенко, Б. Итенберга, Л. Корнейчук, А. Катренко, Ф. Петрова, Н. Пирумовой и др. (Волощенко, 1974; Итенберг, 1983; Корнейчук, 1971; Катренко, 1975; Петров, 1974; Петров, 1981; Петров, 1993; Пирумова, 1977). Отметим, что несмотря на идеологизацию, характерную для советских историков, указанные исследования не потеряли своего актуального значения и остаются содержательным источником историографии обозначенной нами научной проблемы.

В украинской историографии по данной проблеме можно назвать научные работы А. Катренко, Н. Котельницкого, В. Мойсиенко, П. Юцевича (Катренко, Мойсієнко, 1994; Катренко, 2001; Котельницький, 2015; Котельницький, 2019; Котельницький, 2020; Котельницький, 2021; Котельницький, 2021; Юцевич, 2021). Им удалось реконструировать общую картину участия членов земской либеральной оппозиции Черниговской губернии в освободительном движении в Российской империи конца 70 – начала 80-х гг. XIX в., как на уровне отдельных исторических личностей, так и в аспекте организационной работы.

Однако, можем констатировать, что многочисленные аспекты, связанные с историей применения репрессивных мер российской монархии против репрезентантов земского либерализма региона все еще остаются малоизученными. В связи с этим полагаем, что предлагаемая работа является не только своевременной, но и достаточно актуальной.

4. Результаты

Как известно, российские имперские власти перешли к преследованиям земской либеральной фронды Черниговской губернии после участия ее членов как в нелегальных, так и вполне публичных общественных акциях оппозиционного характера. После десятилетия подвижнической реформаторской деятельности в земских и городских собраниях, управах и думах члены аристократической оппозиции разочаровались в намерениях как верховной, так и региональной власти относительно революционной внутривластной модернизации системы Российской империи и радикальной трансформации общественной жизни страны. Все прогрессивные инициативы и программы, разработанные и публично предложенные земской оппозицией, наталкивались на непримиримое и ожесточенное сопротивление консервативно-реакционной части политикума и бюрократии государства. Либеральные земцы Черниговской губернии, осознавая бесперспективность ситуации, отважились на смелый для того времени шаг и перешли к публичной оппозиционной политической деятельности.

Например, одной из первых их общественных акций был благотворительный сбор средств для помощи голодающим крестьянам северных уездов Черниговской губернии – Мглинского и Суражского. Однако публичные требования земских либералов о понижении выкупных платежей бывших крепостных крестьян. Разработка прогрессивной, социально справедливой налоговой системы в регионе, которая включала введение налога на роскошь, вызвали незамедлительную реакцию верховной бюрократии: член аристократической оппозиции, председатель Черниговской губернской земской управы А. Карпинский был приглашен в Санкт-Петербург для предоставления официальных объяснений в Министерстве внутренних дел (Корнейчук, 1971: 30-31; Волощенко, 1974: 147).

На протяжении 1878 г. делегация Земской Либеральной Партии Черниговской губернии во главе с И. Петрункевичем и тремя членами - А. Карпинским, В. Савичем, А. Линдфорсом осуществила несколько визитов к своим идеологическим партнерам, в том числе к представителям польских политических партий и революционеров-народников, с целью консолидации и объединения всех оппозиционных сил Российской империи.

Миссионерская кампания либеральных земцев Черниговской губернии в целом удалась. Несмотря на то, что народники принципиально отказались быть союзниками аристократической оппозиции региона по политическим причинам, идеологические императивы черниговских оппозиционеров были позитивно восприняты абсолютным большинством партнеров – было принято решение об одновременном направлении верховной власти от имени земских учреждений инициатив относительно системного продолжения модернизации Российской империи и пожеланий создания органа «представителей народа» (Катренко, 1975: 28-30; Петров, 1974: 37-41; Петров, 1981: 149-153).

В январе 1879 г. земская либеральная партия подготовила и внесла на рассмотрение Черниговского Губернского Земского Собрания проект «Черниговского адреса» в котором прямо отказывала верховной власти в борьбе против революционеров-народников и подвергала конструктивной критике внутреннюю политику императора Александра II. Рассмотрение документа закончилось скандалом с участием полиции и жандармерии. Общественность не была допущена на заседание земства, поскольку оппозиционеры распространили текст документа в форме агитационных листовок. Председатель собрания Н. Неплюев официально запретил И. Петрункевичу как докладчику проекта, публично огласить текст документа. Фракция Либеральной Партии, под давлением полиции и жандармерии покинула зал заседаний. Проект документа был запрещен для официальной публикации и без промедлений направлен для «политической экспертизы».

Однако либеральным земцам удалось разослать копии этого документа в другие земские собрания империи, что воодушевило политическую кампанию земств. В феврале того же года во Львове благодаря всесторонней помощи прогрессивной украинской интеллигенции, в частности, выдающегося антрополога и этнолога с мировым именем Ф. Вовка, была опубликована и распространена написанная И. Петрункевичем брошюра «Ближайшие задачи земства» которая стала первым программным документом украинского земского либерализма, политическим трактатом, который, кроме требований гражданских прав и свобод граждан, экономической свободы, защиты права частной собственности, прямо заявлял о насущной необходимости принятия Конституции и перехода Российской империи к модели конституционной монархии (Пирумова, 1977: 128-133).

Бурная политическая деятельность Земской Либеральной Партии Черниговской губернии, которая уже вышла за границы Российской империи, не могла не привлечь пристального внимания верховной власти. Последовали первые репрессивные действия со стороны властей. В феврале-марте 1879 г. члены делегации А. Линдфорс и А. Карпинский, которые участвовали в миссионерской кампании, были вызваны в политическую полицию, центральный офис жандармерии в Санкт-Петербурге, для дачи официальных показаний в деле о подозрении в «революционной» деятельности и «подрыве» существующего государственного строя. В результате оба представителя либеральной партии были переданы под гласный надзор как полиции, так и жандармерии в Черниговской губернии. Другому члену земской оппозиции, который занимал должность секретаря Черниговского губернского по крестьянским делам присутствия – Н. Константиновичу черниговский губернатор при личной аудиенции дипломатично «посоветовал» оперативного и добровольно подать в отставку, что он и вынужден был сделать (Волощенко, 1974: 148-149; Катренко, 2001: 126).

Апофеозом публичной оппозиционной деятельности Земской Либеральной Партии Черниговской губернии стало участие ее делегации в работе I Общеземского съезда, который состоялся в Москве и Твери 1-2 апреля 1879 г. На форуме были приняты решения о широкомасштабном распространении конституционных требований к Правительству и императору Александру II от имени земских институций; учреждении в перспективе постоянно действующего печатного органа оппозиционных сил за границей; периодичном и регулярном характере созыва земских съездов с целью координации действий; создании в перспективе политической организации для консолидации усилий и реализации стратегической цели созыва Учредительного Собрания (Петров, 1993: 215-217).

Беспрецедентное, вызывающее продолжение публичной оппозиционной деятельности аристократической фрондой Черниговской губернии вызвало уже эксцесс со стороны властей. 27 апреля 1879 г., по личному распоряжению императора Александра II и руководителей силовых ведомств Российской империи, основатель и лидер Земского Либерального Движения И. Петрункевич без предъявления каких-либо официальных обвинений и судебных процессов, был арестован и административно интернирован с территории Левобережной Украины сроком на 7 лет в этнически русские губернии страны (Котельницький, 2015: 97-98; Котельницький, 2019: 173-175). По нашему убеждению, так был сделан первый и самый сильный удар по Земской Либеральной Партии Черниговской губернии, вызвавший огромный общественный резонанс в обществе, от которого земская либеральная партия так и не смогла по существу оправиться.

Нужно заметить, что даже в просвещенных кругах страны, например, среди профессоров университетов, присутствовало очень разное отношение к «патриарху» земского либерализма Российской империи И. Петрункевичу. Например, выдающийся историк права, либеральный профессор Императорского Университета Святого Владимира А. Кистяковский, который первоначально симпатизировал украинскому национальному движению, но потом из-за своего скепсиса к его персональному составу и радикальной методологии достижения целей движения, стал убежденным конституционалистом. А. Кистяковский долгие годы был в очень близких, дружественных отношениях с самыми деятельными членами аристократической оппозиции Черниговской губернии. В своем знаменитом «Дневнике» он поведал о беседе с профессором Императорского Новороссийского университета в Одессе Ф. Леонтовичем, которая состоялась, в которой одесский гуманитарий утверждал, что И. Петрункевич является одним из главарей государственных преступников, радикалов - террористов, и что он, якобы, потратил на поддержку революционеров - народников финансовые субсидии в размере 150 тысяч рублей.

А. Кистьяковский не поверил своему консервативно настроенному коллеге. Он свидетельствовал, что как только в Черниговском губернском земстве власть перешла к Н. Неплюеву, сразу же начались преследования членов либеральной партии. Все их прогрессивные начинания были уничтожены. Дошло до того, что единомышленников и симпатиков оппозиции, например, О. Русова, великого ученого – статистика и этнографа, начали подозревать в «украинском сепаратизме». Поскольку Статистическое бюро губернской земской управы, которое состояло из представителей земской оппозиции, исследуя вопросы народного быта и жизни провинции, согласно рекомендациям Юго-западного отделения Российского Императорского географического общества, изучало народное творчество края, например, фольклор и хореографию. Само собой разумеется, на фоне официального принятого Эмского акта 1876 г. подобные «выходки» либералов вызывали очень много вопросов у блюстителей спокойствия из местных администраций. Прогрессивных земцев начали обвинять в революционной агитации (*Кістяківський, 1994: 121-122, 187-188, 414, 468-471, 511-513*).

Как ближайшие родственники, так и политические соратники И. Петрункевича сразу предприняли ряд шагов, чтобы освободить его из ссылки. Однако эти усилия не дали положительных результатов (*Котельницький, 2021: 146-147*). В Российской империи в связи с распространением террористической деятельности революционеров-народников, был введен режим особого положения, Черниговская губерния была переподчинена Временному Харьковскому генерал-губернатору А. Дондукову-Корсакову.

Следует отметить, что верховная власть предприняла комплекс действий, дабы «усмирить» оппозиционную деятельность аристократии Черниговской губернии. Например, 12 февраля 1880 г., профессор А. Кистьяковский записал в своем дневнике новость о том, что во 2-ю Киевскую гимназию, где учился 12-летний младший сын И. Петрункевича, с визитом прибыл отряд жандармов во главе с офицером, которые потребовали у директора учебного заведения выдать им сына «политического неблагонадежного».

Администрация была вынуждена удовлетворить желание политической полиции. А. Кистьяковский свидетельствовал, что допрос сына И. Петрункевича длился продолжительное время. Разговор проходил в очень жесткой форме. Они детально расспрашивали и записывали все, что он знал об отце. В результате мальчик получил нервное расстройство. Александр Федорович многозначительно заметил, что терроризм народников обнажил все проблемы государственного устройства Российской империи, а земские учреждения Черниговской губернии являются обителью свободы, независимости и носителем духа конституционного строя.

В своей записи от 17 февраля того же года А. Кистьяковский сообщил, что общался на одной из частных встреч с А. Карпинским. Он отметил, что член Либеральной партии очень плохо выглядел, уже страдал хроническим алкоголизмом на фоне нервных срывов, связанных с неравной политической борьбой черниговских земских либералов против консервативно-реакционного большинства, и политических доносов в Черниговское губернское жандармское управление. 29 февраля профессор записал в дневник новость о том, что в Чернигове в частную квартиру другого видного представителя либеральной партии В. Варзара под видом служащих государственной почты ворвалась команда из 12 жандармов и произвела обыск (*Кістяківський, 1995: 51-55, 65-66, 72, 83*).

В своих мемуарах В. Варзар вспоминал, что начальник Черниговского губернского жандармского управления А. фон Мерклин следил и «охотился» за ним, как за дичью. Автор признавал, что он создал в губернии небольшой кружок единомышленников под названием «Вперед» состоящий из земских служащих, которые исповедовали идеологию либерального народничества. Однако ни одного повода и причины для ареста он не создал. Впрочем, до обыска полиции дело все-таки дошло. Жандармерия осмотрела служебные апартаменты В. Варзара, поскольку он занимал посты мирового судьи и ответственного чиновника Черниговского уездного земства.

По свидетельству мемуариста, Глава Черниговской жандармерии, учитывая значительный служебный статус В. Варзара, побаивался, что он направит жалобу в Министерство юстиции. Ввиду этого он вел себя жестко, но не выходил за рамки приличия. Во время обысков руководитель политической полиции потребовал от В. Варзара показать место, где тот прячет бомбы для террористических актов. Вообще же, характеризуя А. фон Мерклина, В. Варзар особо указывал на то, что этот чиновник силового ведомства имел большую слабость в жизни, которая ему очень импонировала: он очень любил и коллекционировал пресмыкающихся животных, особенно змей, гадюк, ящериц, жаб и им подобных, фактически создав у себя домашний серпентарий (*Варзар, 1922: 12*).

После выполнения упомянутых выше следственных действий, бюрократия Черниговской губернии направила в центральные органы власти соответствующие отчеты о своей работе и, главное, комплекс конкретных предложений, которые могли бы нейтрализовать «пагубную» деятельность земских либералов региона.

Так, 11 мая 1880 г., предводитель дворянства Черниговской губернии, председатель Черниговского Губернского Земского Собрания Н. Неплюев направил в Канцелярию временного Харьковского генерал-губернатора А. Дондукова-Корсакова особую «Записку» с грифом «Совершенно секретно» в которой просил чиновника, которому временно была подчинена Черниговская губерния, подать написанный им документ на рассмотрение Правительства и

компетентных органов центральной власти в Санкт-Петербурге. Кроме того, Н. Неплюев обещал незамедлительно приехать в Харьков для разъяснения «исключительного и ненормального» положения, сложившегося в Черниговской губернии, если А. Дондуков-Корсаков этого потребует (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 1).

Проанализируем контент главных тезисов «Записки». Первым делом Н. Неплюев констатировал, что Черниговская губерния, по его мнению, является территорией, где наиболее успешно в Российской империи ведется революционная пропаганда. Главным органом в этих процессах являются земские учреждения со всеми зависящими от них и избираемыми в их состав персонами. Он заявил, что абсолютное большинство состава губернской земской управы; некоторых уездных земских управ; мировых судов; губернских и уездных по крестьянским делам Присутствий; сельских урядников; педагогов народных училищ; большинство состава городских дум, управ и руководителей городских общественных банков; практически весь корпус приглашенных по найму земских служащих – учителя, медики, статистики и другие – все они принадлежат к либеральной, революционной партии.

Автор особо указывал, что упомянутая партия, помимо своей сплоченности, единства, организации и внутренней солидарности имеет в своем арсенале одно неоспоримое преимущество – она щедро финансируется Черниговским общественным городским банком, который был создан и на протяжении всего времени существования управляется исключительно членами партии. Общий объем капиталов банка достигает 1 миллиона рублей, поэтому революционеры не испытывают особой нужды в средствах. В связи с этим верховной власти было настоятельно рекомендовано принять неотложные меры по борьбе с этой партией, поскольку, по его убеждению, эта организация будет только увеличиваться в численности, набирать политическую силу, что может привести к появлению крайне опасных угроз для власти, поскольку партия уже захватила господство в земских учреждениях некоторых уездов губернии: Борзенском, Городницком, Нежинском, Сосницком, Черниговском (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 2-3).

Описывая механизмы «захвата власти» либеральной революционной партией, Н. Неплюев особо акцентировал внимание генерал-губернатора на том, что именно земства Черниговской губернии стали настоящим убежищем для политически неблагонадежных, скомпрометированных особ и, что самое опасное, поклонников и непосредственных членов радикальных группировок. Абсолютное большинство подобных персон и становятся наемными земскими служащими.

Н. Неплюев особо указывал, что подобные угрожающие явления для государства уже имели место в истории страны. И если вовремя не предпринять надлежащие меры, то Российская империя рискует получить новый большой внутривластный конфликт, который уже имел место в 1863–1864 гг. в Великом Царстве Польском. Автор признал, что после карательных мер в отношении крайне левых «красных» террористов черниговские земские деятели приутихли, однако это совсем не означает, что они отказались от своих убеждений. Безудержное стремление этой партии к широкомасштабному расширению прав органов земского управления, четко обозначенных действующим законодательством, ярко свидетельствует о том, по убеждению Н. Неплюева, что организация планирует захват власти в губернии и распространение революционных идей в другие части государства (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 306-406.).

Поясняя свои терминологические утверждения о том, что Черниговская Либеральная Партия является мирной частью общей революционной партии в государстве, Н. Неплюев приводит два факта: первый – после неудавшейся попытки либеральной партии «захватить» Межевую Палату Черниговской губернии ему якобы приходили письма с прямыми угрозами лишения жизни за противодействие деятельности честных людей. Второй – известный радикал-террорист, дворянин и землевладелец Д. Лизогуб долгое время проживал у себя на хуторе в Городницком уезде Черниговской губернии, а органами полиции доказаны факты его контактов с представителями Либеральной партии.

Принимая во внимание изложенное, Н. Неплюев предлагал правительству создать и направить в Черниговскую губернию особую специальную комиссию, в задачи которой бы входило всестороннее расследование деятельности Либеральной партии и ее роли в общем революционном движении, включая террористические акты в отношении представителей законной власти (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп. 2. Д. 137. Л. 5-7).

Перечисляя все «преступные деяния» Либеральной партии в земских учреждениях губернии, Н. Неплюев заявил, что все они являются примером антиправительственной деятельности и социалистической пропаганды, поскольку проводимые партией меры прямо противоречат законодательству страны. Если же допустить, что проекты либеральной партии о введении прогрессивных налогов и покупке за счет земств земельных латифундий помещиков для крестьян будут реализованы, то, по убеждению Н. Неплюева, появятся все шансы для осуществления коммунистического переворота. Именно поэтому деятельность партии является антигосударственной и имеет своей целью свержение существующего строя (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 706.-9).

Н. Неплюев признавал, что либеральная партия уже полностью завоевала симпатии крестьянства Черниговской губернии, избирается исключительно от сельской и городской среды,

является хоть и небольшой, но очень дисциплинированной организацией, инициировал перед верховной властью острую необходимость принципиального пересмотра законодательных основ функционирования органов земского и городского управления, который должен обеспечить жесткий государственный контроль над выборными персонами, а также делегировать функции назначения, удаления и перемещения для всех наемных служащих земских и городских управ представителям местных институтов государственной власти. Только такие меры, с точки зрения Н. Неплюева, помогут искоренить «либеральную заразу», которая имеет распространение в Черниговской губернии (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 9-11об.).

Уже 16 мая 1880 г. временный Харьковский генерал-губернатор выслал с пометкой «Совершенно секретно» два письма на имя черниговского губернатора А. Шостака и автора «Записки» Н. Неплюева. Обращаясь к черниговскому губернатору, А. Дондуков-Корсаков просил доставить ему всю документацию и информацию, которая свидетельствует о нарушении земскими учреждениями Черниговской губернии существующего порядка назначения педагогического состава в учебных заведениях региона. Отдельно генерал-губернатор просил А. Шостака всесторонне помочь губернскому предводителю дворянства в борьбе с либеральной партией, взаимодействовать с ним в деле установления спокойствия и порядка (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 12-12об.).

В письме к Н. Неплюеву генерал-губернатор признался, что с огромным интересом прочел его «Записку». Он просил его не переживать, поскольку большинство предлагаемых им мер будут реализованы верховной властью. А. Дондуков-Корсаков ввиду «фактов нарушений» со стороны земских учреждений поддержал инициативу относительно изменения законодательства и острой потребности в установлении государственного контроля и надзора над системой народного просвещения. Генерал-губернатор поблагодарил Н. Неплюева за его бдительность и многозначительно отметил, что таких верных слуг Отечества и государственного строя, как он, очень не хватает Государю (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 13-13об.).

1 июня 1880 г. черниговский губернатор А. Шостак направил на имя временного Харьковского генерал-губернатора официальное письмо, в котором сообщал, что нарушения земскими учреждениями Черниговской губернии порядка назначения педагогического персонала имеют место, поскольку циркуляр Министерства народного просвещения предоставил земским управам право влияния на формирование штата наемных служащих – учителей, в связи с тем, что именно земства в большинстве случаев являются органами, которые финансово содержат учебные заведения. Однако поскольку в среду земских служащих попадают «темные личности», которые наносят вред общественному спокойствию, то он абсолютно согласен с инициативой Черниговского губернского предводителя дворянства и председателя Черниговского губернского земского собрания Н. Неплюева относительно того, чтобы лишить земские управы юридических прав каким-либо способом влиять на формирование штата учителей и передать эти полномочия исключительно Черниговскому губернскому училищному совету, который возглавляет Н. Неплюев (ЦДІАК. Ф. 1191. Оп.2. Д. 137. Л. 15-16об.).

В контексте анализа «Записки» Н. Неплюева считаем важным акцентировать внимание на одном нюансе. Современная российская историческая наука, опираясь на концепцию просвещенного консерватизма, фактически солидаризировалась с убеждениями части революционеров-народников о том, что земское либеральное движение якобы не представляло из себя автономного, самодостаточного направления в освободительном движении в Российской империи во второй половине XIX в., а являлось всего лишь пассивным партнером революционеров-народников.

Так, известный народник Л. Тихомиров заявлял, что абсолютное большинство либералов были политиканствующими интеллигентами, идеи которых не поддерживали широкие слои населения Российской империи. Главной же их целью было получение политической власти в государстве, дабы ослабить страну, превратив ее, таким образом, в «лакомый кусок» для врагов в виде конституционной парламентарной монархии. В глазах Л. Тихомирова революционеры и либералы были ни чем иным, как «отцами и детьми» или «началами и концами», поскольку их программы отличались только средствами достижения целей: либералы, в отличие от революционеров, проповедовали исключительно мирные формы и способы политической борьбы (Тихомиров: 15-16; 46-51; 60-61; 73).

После Н. Неплюева свою часть работы выполнил и начальник Черниговского губернского жандармского управления, который 14 сентября 1880 г. направил на имя черниговского губернатора и прокурорских органов региона докладные записки агентов полиции, обзор о персональном составе земских учреждений Черниговской губернии и рекомендации властям относительно дальнейших необходимых действий.

А. фон Мерклин сообщал Черниговскому губернатору о том, что ввиду очень большой влиятельной роли на население губернии земских деятелей А. Линдфорса и А. Карпинского, их «исключительно вредной и пагубной деятельности». Он ходатайствует перед губернатором о немедленном удалении этих лиц с территории губернии в более отдаленные местности Российской империи, дабы раз и навсегда избавить как население, так и лиц, которые «заразились» их «преступными идеями» в силу финансовой независимости либеральной партии, от носителей и агитаторов революционных и антигосударственных мыслей.

Шеф Черниговской жандармерии настаивал на том, что либеральная партия гораздо опаснее для законной власти, нежели тайные политические масонские сообщества. Масонские ложи остаются закрытыми группами, и оттуда практически никогда не просачивается никакой информации. В случае с Либеральной партией дело обстоит принципиально иначе: неограниченно используя трибуну земских собраний и присутствие общественности, земские деятели публично и смело оглашают «крамольные идеи». Либеральная партия распространила свое влияние на всю губернию. Она оказывает всестороннее содействие среде радикалов-террористов и разнообразным симпатикам революционеров-народников, из которой выходят государственные преступники.

Продолжая, А. фон Мерклин докладывал губернатору о том, что политическая полиция имеет в своем распоряжении достоверные факты того, что А. Карпинский неоднократно помогал государственным преступникам избежать заслуженной казни путем предоставления им заграничных паспортов для выезда из Российской империи. Говоря о А. Линдфорсе, шеф жандармов указал, что тот является связующим звеном между земцами и революционерами, имеет большие связи, в частности, в Москве и Санкт-Петербурге. Отдельно было отмечено, что А. Линдфорс состоит в родственных отношениях с политически неблагонадежной семьей Русовых и группой земских либералов Борзенского уезда под руководством уже сосланного И. Петрункевича. А. Линдфорс укрывал в своем имении в Городницком уезде преступников-террористов, откуда позже они скрывались за рубеж.

Руководитель политической полиции настаивал на том, чтобы за остальными активными членами либеральной партии был установлен полицейский надзор, и просил черниговского губернатора безотлагательно проинформировать временного Харьковского генерал-губернатора о проведенной работе и рекомендациях жандармского управления (ЦДІАК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 30. Л. 2-5).

Свои ходатайства А. фон Мерклин подкрепил докладной запиской агента полиции Н. Григорьева. Н. Григорьев выдал полиции список активных членов партии и ее симпатиков, которых он называл «социалистами». Он указал, что общий состав партии доходит до 30 человек и что они регулярно и систематически собирались на частной квартире А. Карпинского. На своих «сходках» либералы пели запрещенные песни, вели беседы о свержении законного правительства и, самое главное, о перспективах своей службы в органах государственной власти на постах высших сановников после смены действующего политического режима.

Характеризуя А. Карпинского, Н. Григорьев указывал, что он всегда радушно относился к простолюдинам-крестьянам, агитировал их продавать ненужное им имущество, обучать на эти средства детей, поскольку партия земских деятелей со временем создаст конституционное правительство. Государя будут выбирать граждане страны, крестьяне будут равными в правах с остальными членами общества и сами смогут свободно избирать своих представителей в высшие органы власти. Будут обеспечены главные гражданские права и свободы, крестьяне будут платить минимальные налоги. Все члены партии уверяли крестьян в том, что сегодняшняя «Малороссия» станет опять независимым государством и будет существовать отдельно от России (ЦДІАК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 30. Л. 5-7).

Черниговский губернатор оперативно выполнил настоятельную просьбу А. фон Мерклина и направил все имеющиеся материалы в Харьков временному генерал-губернатору региона с грифом «Совершенно секретно». В донесении Черниговский губернатор подчеркнул исключительную опасность, которую несет в себе деятельность Черниговской Земской Либеральной Партии. Отдельно он составил справки по каждому известному ему члену партии. Например, он особо указал, что известный в регионе адвокат, воспитанник И. Петрункевича и активный член партии В. Савич очень удачно женился на одной из богатых женщин и получил необходимый экономический ценз для участия в избирательных кампаниях земских учреждений и зависящих от них органов. В. Савич, по убеждению губернатора, заменил И. Петрункевича на посту лидера Либеральной партии и поддерживает с ним постоянную связь.

Губернатор подчеркивал, что члены партии братья Н. и Г. Волк-Карачевские также очень опасны для власти, поскольку своей практической работой фактически готовят «широкомасштабный социальный переворот». Руководитель губернии акцентировал внимание на том, что членами партии являются и представители еврейства, например, известные в провинции купцы, коммерсанты и адвокаты, что также вызывает беспокойство.

Резюмируя, черниговский губернатор просил содействия у верховной власти в борьбе с «либеральной заразой» и призывал принять жесткие меры в отношении указанных земцев. Нужно особо отметить, что нами был обнаружен особый лист в материалах донесения, который свидетельствовал о том, что все существующие документы о Земской Либеральной Партии Черниговской губернии были переданы в Санкт-Петербург для личного ознакомления одним из высших сановников страны, сенатором Российской империи А. Половцевым (ЦДІАК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 30. Л. 10-17).

В ходе наших архивных изысканий нам удалось обнаружить и исторические источники, которые показывают механизмы, с помощью которых либеральные земцы Черниговской губернии поддерживали систематические контакты со своими единомышленниками и респондентами в

странах Европы, в том числе с украинцами Австро-Венгерской империи. Так, документы свидетельствуют, что летом 1880 г. член аристократической оппозиции А. Карпинский начал переговоры с Международным телеграфным агентством и Международным западным комиссионерством, один из офисов которого располагался в городе Вильна. 11 августа 1880 г. Черниговский губернатор направил в канцелярию Временного Харьковского генерал-губернатора донесение с грифом «Совершенно секретно», в котором сообщал, что А. Карпинский официально обратился к нему за разрешением занять пост агента в Чернигове двух выше указанных международных структур. А. Карпинский собирался выполнять обязанности регионального корреспондента Телеграфного агентства путем систематического обмена информацией о происходящих событиях в виде особых телеграмм и извещений, а также уполномоченного представителя Западного комиссионерства в Черниговской губернии с целью обеспечения доставки разнообразной букинистической продукции иностранного происхождения в губернию и организации системы библиотечных подписок на комплекс периодических изданий как Российской империи, так и других государств. Черниговской губернатору, ввиду очень неоднозначной репутации А. Карпинского, просил генерал-губернатора взять на себя миссию разрешения ходатайства. В качестве дополнительных материалов были высланы нотариальные доверенности на имя А. Карпинского от представителей международных организаций.

Документы свидетельствуют, что А. Карпинский за исполнение обязанностей регионального агента Международного телеграфного агентства имел право получать до 1 рубля комиссионного процента за каждую телеграмму или извещение, а также продавать по любой цене информационные телеграммы из-за рубежа по своему усмотрению. По линии Западного комиссионерства предполагались подобные условия сотрудничества. 17 августа 1880 г. временный Харьковский генерал-губернатор ответил черниговскому губернатору, что он не видит оснований для отказа в ходатайстве А. Карпинскому, разрешает ему занять пост агента указанных международных организаций в Чернигове, однако с условием, что он будет строго выполнять требования законодательства Российской империи (ЦДИАК. Ф. 1191. Оп. 2. Д. 185. Л. 1-53в).

Кроме этого, нам удалось обнаружить документы, которые свидетельствуют о прямых личных контактах членов оппозиционной аристократической фронды с деятелями украинского национально-освободительного движения второй половины XIX в. Например, выдающийся мыслитель, экономист, статистик, выходец из среды либерального народничества П. Червинский, который был удостоен высокой награды Министерства государственных имуществ Российской империи – премии имени графа Д. Киселева за выдающийся вклад в развитие земской статистики, состоял в дружеских отношениях с профессором Императорского университета Святого Владимира в Киеве В. Антоновичем.

Так, в одном из своих писем П. Червинский обратился к нему с профессиональной просьбой. Он напомнил, что выслал историку в Киев по почте одну из книг 15-ти томного монументального труда статистического бюро Черниговской губернской земской управы - «Материалов для оценки земельных угодий, собранные экспедиционным способом Статистическим отделением при Черниговской губернской земской управе». В контексте этого он просил оказать ему услугу составить и выслать список известным историку научных трудов, а возможно, и сами книги из библиотеки университета, на основе которых с помощью историко-сравнительного метода можно сопоставить уровень жизни и благосостояния большинства населения украинских губерний Российской империи крестьянства с периодом первой Украинской державы – Гетманщиной. П. Червинский подчеркивал, что его очень интересует эта проблема в свете его экономических научных студий. Особенно его интересовал уровень технологического оснащения аграрного сектора экономики. Земский оппозиционер просил профессора высказать свое мнение о методологии его исследований, поскольку для него была важна оценка прогрессивных деятелей (ІРНБУВ. Ф. III. №67058. Л. 1-10б.).

Ввиду сказанного, можем согласиться с мнением Б. Итенберга, который в своей работе о земской оппозиции в Российской империи на рубеже 70-80 гг. XIX в. особо указывал, что в связи с инородным характером украинских губерний, специфики их исторического и государственного развития, близости к западным границам, восприятия европейского уклада и стиля жизни, более быстрого развития на этих территориях капиталистических отношений и открытой формы запрещения украинского языка и культуры, именно здесь земское либеральное движение достигло наибольшего прогресса в развитии и несло в себе заряд украинской суверенной идеи (Итенберг, 1983: 370-371).

Последним убедительным доводом в деле завершения процесса репрессий против земской либеральной партии края стал приезд в Черниговскую губернию для осуществления всесторонней ревизии региона сенатора Российской империи А. Половцева, который уже имел в своем архиве особую папку документов о «вредной» деятельности либеральных земцев, присланных губернатором, руководителем политической полиции, должностными лицами и лидерами реакционных политических сил. Инспектируя губернию с октября 1880 по май 1881 гг. Сенатор имел возможность лично познакомиться, побеседовать и принять на аудиенции всех активных членов персонального состава аристократической оппозиции Черниговской губернии.

В своем дневнике он поведал о своих встречах с земскими либералами. Поскольку уникальное эпистолярное наследие А.Половцева уже стало предметом наших исследований ([Котельницкий, 2020](#)), считаем уместным лишь указать на то, что А. Половцев после встреч с оппозиционерами полностью поддержал выводы региональной бюрократии и предельно четко понял, что земская либеральная партия Черниговской губернии является непримиримым публичным политическим оппонентом российского абсолютизма, который выдвигает альтернативную программу развития страны и имеет все шансы для установления в Российской империи западного демократического парламентско-конституционного режима.

С учетом вышеизложенного совершенно не удивительно выглядит финал репрессивных мер против земских либералов региона. К концу 1883 г. по указанию верховной власти, все исполнительные органы системы земского и городского самоуправления Черниговской губернии были оперативно «очищены» от присутствия в них членов оппозиции: некоторых убрали «убедительными конфиденциальными беседами», одних «вежливо» отстранили в связи с завершением выборной каденции, на других нашли компрометирующую информацию, ну а с отдельными разбиралась уже политическая полиция. Как писал в одном из своих отчетов черниговский губернатор в Министерство внутренних дел Российской империи: «смутный период в истории земских учреждений Черниговской губернии, который придавал им характер антиправительственной деятельности, может считаться законченным» ([Волощенко, 1974: 150](#)).

Действительно, по существу можно утверждать, что к середине 80-х гг. XIX в. как в силу начавшегося периода Контрреформ, так и по причине успешно проведенных репрессивных мероприятий, общественно-политическая деятельность Земской Либеральной Партии Черниговской губернии свелась к формальностям. Однако присутствовал и субъективный фактор, который внес существенные коррективы в катастрофическое сокращение персонального состава партии. В 1874 г. совсем молодым от туберкулеза скончался М. Имшенецкий. В 1883 г. не выдержав политического давления со стороны региональной администрации и атмосферы правления нового монарха, которые разрушили его здоровье, умер А. Карпинский. Весной 1886 г. в силу тех же причин скоропостижно скончался Н. Константинович. Летом 1886 г. закончил свою жизнь самоубийством верный помощник И. Петрункевича В. Савич. А. Линдфорс, понимая беспросветность положения партии, отошел от общественной деятельности, занявшись юридической практикой, однако в 1890 г. скончался вследствие неизлечимого психиатрического диагноза. Братья Г. и Н. Волк-Карачевские избрали путь внутренней «духовной эмиграции», окончательно «закрывшись» в своем провинциальном имении, особо никуда не выезжая, усердно занимаясь сельским хозяйством, и перешли к публицистической работе. В. Варзар, П. Червинский, А. Шликевич вынуждены были покинуть территорию Черниговской губернии в связи с усилением преследований и давления местной власти.

Что же касается лидера партии И. Петрункевича, то он, вернувшись из ссылки в конце лета 1886 г., вновь был образцово-показательно избран гласным Борзнянского уездного земского собрания, после чего вызван в Чернигов на аудиенцию к губернатору, после которой по «настоятельной рекомендации», ввиду принципиального несогласия И. Петрункевича с предложениями верховной власти относительно окончания его общественно-политической деятельности и отказа от идеологических убеждений, был вынужден покинуть территорию Юго-Западного края и Левобережной Украины сроком на 25 лет, поскольку региональный чиновник предъявил соответствующее распоряжение ([Варзар, 1922: 12-13](#); [Котельницкий, 2021: 151-152](#); [Петрункевич, 1934: 106-107](#); [Рахно, 2009](#)).

Мы солидарны с мнением исследователя государственно-правовых взглядов И. Петрункевича А. Мазур о том, что российские власти не казнили и не сослали в Сибирь лидера аристократической оппозиции Черниговской губернии только потому, что ни он, ни его идеологические соратники, в отличие от революционеров-народников, не занимались политическим терроризмом и публично не призывали к насильственному вооруженному свержению государственного строя Российской империи ([Мазур, 2007: 16](#)).

5. Заключение

Подводя итог, можем утверждать о том, что главной причиной репрессий российского самодержавия против земской либеральной оппозиции Черниговской губернии стала беспрецедентная публичная оппозиционная деятельность аристократической партии в 1878–1879 гг. Политическая деятельность членов земского либерального движения региона стала предметом расследований как институций верховной власти, учреждений краевой администрации, так и политической полиции. В ходе архивных поисков нам удалось обнаружить уникальные исторические первоисточники, большинство которых впервые вводятся в международный научный оборот. Они помогли проследить хронологию применения карательных мер в отношении земской либеральной партии Черниговской губернии.

Первым весомым ударом по земской оппозиции, от которого она так и не смогла оправиться, стал оперативный арест и административное интернирование ее лидера И. Петрункевича с территории Левобережной Украины в этнически русские губернии страны. Силами корпуса

жандармерии был предпринят комплекс следственных действий, в контексте которых были применены меры жесткого давления как в отношении собственно членов Земской Либеральной Партии, так и их наследников. После этого все ответственные должностные персоны Черниговской губернии: губернатор, шеф жандармского управления, губернский предводитель дворянства направили в вышестоящие инстанции отчеты о проведенной работе и комплекс рекомендаций по борьбе с земским либеральным движением в регионе.

Анализ уникальных исторических документов свидетельствует о том, что ни верховная власть, ни региональная администрация совершенно не различали и не разбирались в разных оппозиционных течениях освободительного движения в Российской империи, по существу отождествляя преступления радикалов-террористов с деятельностью либеральных земцев и однозначно квалифицируя их как антигосударственную, направленную на свержение государственного строя.

Реакционные правящие круги как на столичном, так и на региональном уровне осознали, что в государстве, кроме бескомпромиссной радикальной оппозиции, появилась подчеркнуто конструктивная, легально функционирующая либерально-демократическая оппозиция российскому самодержавию, которая имела легитимный фундамент своей подвижнической деятельности в виде выборных институтов местного самоуправления; реальную электоральную поддержку большинства населения провинции; существенный финансовый базис, системные связи с украинством как в Российской, так и Австро-Венгерской империи; не запрещенное законодательством широкомасштабное сотрудничество с общественными кругами Европы.

Кроме того, работа оппозиционеров, так или иначе, свидетельствовала об историко-генетической преемственности подвижнических усилий земских либералов с деятельностью их предков эпохи Гетманщины, ввиду аристократического, казацко-старшинского происхождения абсолютного большинства персонального состава партии. На наш взгляд, подобные тенденции указывали российской монархии на реальную угрозу институционализации «украинского сепаратизма» и дезинтеграции империи Романовых, учитывая тесные зарубежные контакты земских либералов.

В связи с этим российскому абсолютизму было предложено принять жесткие меры в борьбе с «либеральной заразой»: выслать с территории Черниговской губернии наиболее опасных для власти членов аристократической оппозиции; установить за оставшимися представителями земской либеральной партии надзор полиции и жандармского управления; оперативно внести изменения в законодательство Российской империи на предмет установления контроля и надзора институтов государственной власти над выборными учреждениями земского и городского самоуправления; принять меры по «очищению» исполнительных органов местного самоуправления от присутствия членов земской либеральной партии.

Направленный верховной властью в Черниговскую губернию для проведения широкомасштабной ревизии осенью 1880 – весной 1881 гг. сенатор А. Половцев полностью подтвердил наличие опасности для монархического режим со стороны аристократической оппозиции региона. Большинство предложенных российскому самодержавию действий по борьбе с земским либерализмом были реализованы.

В конечном результате проведенные репрессивные меры дали свои «плоды». К концу 1883 г. все исполнительные органы выборных институтов местного самоуправления были «очищены» от присутствия членов Земской Либеральной Партии, а до осени 1886 г. земская оппозиция была нейтрализована: И. Петрункевич был вынужден покинуть украинские губернии сроком на 25 лет, часть состава организации покинула территорию губернии, а несколько активнейших членов партии ушли из жизни, не выдержав преследований и жесткого административного давления. Таким образом, по существу, земское либеральное движение в Черниговской губернии было разгромлено, а его персональный состав сократился до минимума.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта (направления) «Гуманитарные науки и искусство» на 2021–2025 гг.: История Северо-Восточной Украины, выполняемого в Сумском государственном университете (№БФ/23-2021).

Литература

Варзар, 1922 – Варзар В. (1922). Воспоминания старого статистика. Ростов-на-Дону: Редакция «Вестника» Донского статистического областного бюро, 1922. 22 с.

Веселовский, 1911 – Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909-1911. Т.4. С. 302-457.

Волощенко, 1974 – Волощенко А. Земська опозиція / Нариси з історії суспільно-політичної думки на Україні (70-80 рр. XIX ст.). Київ: Наукова думка, 1974. С. 133-155.

ІРНБУВ, 2023 – Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського Національної академії наук України.

- Итенберг, 1983 – Итенберг Б. Либеральная оппозиция // *Россия во время второй революционной ситуации*. Москва: Наука, 1983. С. 351-390.
- Катренко, 1975 – Катренко А. Земський буржуазно-ліберальний рух на Україні в роки другої революційної ситуації // *Вісник Київського університету. Історичні науки*. 1975. Вип. 17. С. 27-34.
- Катренко, 2001 – Катренко А. Політична діяльність земців - лібералів в Україні (друга половина 70 - початок 80 рр. XIX ст.) // *Київська старовина*. 2001. 1: 118-137.
- Катренко, Мойсієнко, 1994 – Катренко, А., Мойсієнко, В. (1994). Демократичний рух в Україні (70-80 рр. XIX ст.). Черкаси: РВК ЧДПІ, 1994. 28 с.
- Кістяківський, 1994 – Кістяківський О. Щоденник. Київ: Наукова думка, 1994. Т.1. 648 с.
- Кістяківський, 1995 – Кістяківський О. Щоденник. Київ: Наукова думка, 1995. Т.2. 582 с.
- Корнійчук, 1971 – Корнійчук Л. Економічні проблеми пореформеного розвитку і земський рух // *Суспільно-економічна думка на Україні в 70-х рр. XIX ст.* Київ: Видавництво Київського університету, 1971. С. 10-40.
- Котельницький, 2015 – Котельницький Н. Иван Ильич Петрункевич: жизнь и деятельность на Черниговщине. Историко-биографический очерк. Москва: Летний сад, 2015. 124 с.
- Котельницький, 2019 – Котельницький Н. Мировоззрение И.И. Петрункевича: штрихи к политическому портрету // *Диалоги со временем*. 2019. Выпуск 66. С.405-415.
- Котельницький, 2020 – Котельницький Н. Дневник А.А. Половцева как источник по истории земского либерального движения на севере Левобережной Украины (60-80 гг. XIX в.) / *VII Зиминские чтения. Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи*. К 100-летию со дня рождения А.А. Зимины: материалы Международной научной конференции. Москва: Архив РАН-РГГУ, 2020. С. 524-534.
- Котельницький, 2021 – Котельницький Н. «Еврейский вопрос» в деятельности земской либеральной фронды северной Украины 1880-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 32-46.
- Котельницький, 2019 – Котельницький Н. Иван Ілліч Петрункевич (1843-1928): життя та діяльність в Україні. Riga: GlobeEdit, 2019. 197 р.
- Котельницький, 2020 – Котельницький Н. Земська реформа 1864 р. на сторінках земської преси Чернігівської губернії // *ЕМІНАК*. 2020. 4: 43-51.
- Котельницький, 2021 – Котельницький Н. Земська ліберальна партія північної України та І.І. Петрункевич: спроба визволення з політичного заслання // *Розумовські зустрічі: збірник наукових праць*. Випуск 8. Чернігів: Сіверський центр післядипломної освіти, 2021. С. 144-154.
- Мазур, 2007 – Мазур А. Государственно-правовые взгляды И.И. Петрункевича. Дисс...канд. юрид. наук. Харьков, 2007. 203 с.
- Мироненко, 2000 – Мироненко О. Иван Петрункевич як фундатор ідеї новітньої європейської моделі судової конституційної юстиції // *Вісник Академії правових наук України*. 2000. №4. С. 79-96.
- Мойсієнко, 1999 – Мойсієнко В. Ліберально-демократичний рух в Україні (середина 60 – 80 рр. XIX ст.). Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 1999. 19 с.
- Петров, 1974 – Петров Ф. Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // *Вопросы истории*. 1974. № 9. С.33-44.
- Петров, 1976 – Петров Ф. Земское либеральное движение в период второй революционной ситуации (конец 1870-начало 1880 гг.). Автореф. дис...канд. ист. наук. Москва, 1976. 20 с.
- Петров, 1981 – Петров Ф. Из истории общественного движения в период второй революционной ситуации в России. Революционеры и либералы в конце 1870 гг. // *История СССР*. 1981. № 1. С. 144-155.
- Петров, 1993 – Петров Ф. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864-1879 гг. / *Великие реформы (1856-1874)*. Москва: Наука, 1993. С. 203-221.
- Петрункевич, 1934 – Петрункевич И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Прага: Б.и., 1934. 472 с.
- Пирумова, 1977 – Пирумова Н. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. Москва: Наука, 1977. 272 с.
- Рахно, 2009 – Рахно О. Чернігівські земці. Чернігів: Чернігівські обереги, 2009. 350 с.
- Редькіна, 2002 – Редькіна О. Земства Лівобережної та Південної України як органи місцевого самоврядування та осередки ліберального руху в другій половині XIX – початку XX століття. Автореф. дис...канд. іст. наук. Запоріжжя, 2002. 18 с.
- Русова, 1996 – Русова С. Мої спомини. Київ: Віта - Україна, 1996. 208 с.
- Скакун, 1982 – Скакун О. Политические и конституционно-правовые идеи либерального земства на Украине // *Советское государство и право*. 1982. №3. С. 119-126.
- Спицина, 2016 – Спицина Е. «Отцы и дети», или кто финансировал революционный террор в России в конце 1870-х – начале 1880-х гг. // *Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории*. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2016. С. 92-100.

- Тихомиров, 1895 – Тихомиров Л. Конституционалисты в эпоху 1881 года. Москва: Университетская типография, 1895. 115 с.
- Хижняков, 1878 – Хижняков В. Письма из Чернигова. О земских делах и деятелях. Письмо первое // Слово. 1878. № 10. С.243-253.
- ЦДІАК, 2023 – Центральний державний історичний архів України.
- Юцевич, 2021 – Юцевич П. Громадська та політична діяльність Олександра Федоровича Ліндфорса (1837-1890). Автореф. дис...канд. іст. наук. Чернігів, 2021. 21 с.
- Degtyarev, 2014 – Degtyarev S. The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol 34(4). Pp. 554-558.
- Kotelnitsky, 2023 – Kotelnitsky N. The Clerical policy of the zemstvo liberal fronde of Chernihiv province(1860-80s) // *EMINAK*. 2023. №1. Pp. 80-96.
- Kotelnitsky et al., 2022 – Kotelnitsky N., Degtyarev S., Nesterenko V. The Policy on Women's Education Pursued by the Zemstvo Liberal Party in Chernigov Governorate in the Period between the 1870s and 1880s. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1345-1352.
- Kotelnitsky, Degtyarev, 2022 – Kotelnitsky N., Degtyarev S. The Policy on Women's Education Pursued by the Zemstvo Liberal Party in Chernigov Governorate in the Period between the 1870s and 1880s. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 994-1003.
- Lebid, Kotelnitsky, 2022 – Lebid A., Kotelnitsky N. The Ukrainian Question in the Activity of the Zemstvo Liberal Opposition of Chernihiv Governorate (60-80th of XIX century) // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1153-1162.

References

- Degtyarev, 2014 – Degtyarev, S. (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. 34(4): 554-558.
- IRNBUV, 2023 – Instytut rukopysu Natsionalnoi biblioteky Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo NANU [Manuscript Institute of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky of the National Academy of Sciences of Ukraine]. [in Ukrainian]
- Itenberg, 1983 – Itenberg, B. (1983). Liberalnaia oppozitsiia [Liberal opposition]. *Rossyia vo vremia vtoroi revoliutsyonnoi situatsii*. Moskva: Nauka. Pp. 351-390. [in Russian]
- Katrenko, 1975 – Katrenko, A. (1975). Zemskiy burzhuaizno-liberalnyi rukh na Ukraini v roky drugoi revoliutsiinoi situatsii [Zemsky bourgeois-liberal movement in Ukraine in the fate of another revolutionary situation]. *Visnyk Kyivskogo universytetu. Istorychni nauky*. 17: 27-34. [in Ukrainian]
- Katrenko, 2001 – Katrenko, A. (2001). Politychna diialnist zemstiv - liberaliv v Ukraini (druga polovyna 70 – pochatok 80 rr. XIX st.) [Politic activity of zemstvo-liberals in Ukraine (another half of the 70s – an ear of 80 rubles of the XIX century)]. *Kyivska starovyna*. 1: 118-137. [in Ukrainian]
- Katrenko, Moisiienko, 1994 – Katrenko, A., Moisiienko, V. (1994). Demokratychnyi rukh v Ukraini (70 – 80 rr. XIX st.) [Democratic movement in Ukraine (70 - 80 pp. XIX century)]. Cherkasy: RVK ChDPI, 28 p. [in Ukrainian]
- Khizhniakov, 1878 – Khizhniakov, V. (1878). Pisma iz Chernigova. O zemskikh delakh i deiateliakh. Pismo pervoe [Letters from Chernigov. About zemstvo affairs and figures. The first letter]. *Slovo*. 10: 243-253. [in Russian]
- Kistiakivskiy, 1994 – Kistiakivskiy, O. (1994). Shchodennyk [Diary]. Kyiv: Naukova dumka. T. 1. 648 p. [in Ukrainian]
- Kistiakivskiy, 1995 – Kistiakivskiy, O. (1995). Shchodennyk [Diary]. Kyiv: Naukova dumka. T.2. 582 p. [in Ukrainian]
- Korniichuk, 1971 – Korniichuk, L. (1971). Ekonomichni problemy poreformenogo rozvytku i zemskiy rukh [Economic problems of the post-reform development and the Zemsky Rukh]. *Suspilno-ekonomichna dumka na Ukraini v 70-kh rr. XIX st.* Kyiv: Vydavnytstvo Kyivskogo universytetu. Pp. 10-40. [in Ukrainian]
- Kotelnitsky, 2023 – Kotelnitsky, N. (2023). The Clerical policy of the zemstvo liberal fronde of Chernihiv province(1860-80s). *EMINAK*. 1: 80-96.
- Kotelnitsky et al., 2022 – Kotelnitsky, N., Degtyarev, S., Nesterenko, V. (2022). The Policy on Women's Education Pursued by the Zemstvo Liberal Party in Chernigov Governorate in the Period between the 1870s and 1880s. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1345-1352.
- Kotelnitsky, Degtyarev, 2022 – Kotelnitsky, N., Degtyarev, S. (2022). The Policy on Women's Education Pursued by the Zemstvo Liberal Party in Chernigov Governorate in the Period between the 1870s and 1880s. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2022. № 11(3): P. 994-1003.
- Kotelnitsky, 2015 – Kotelnitsky, N. (2015). Ivan Ilych Petrunkevych: zhyzn y deiatelnost na Chernyuhovshchyne. Ystoryko-byografycheskyi ocherk [Ivan Ilyich Petrunkevich: life and work in the Chernihiv region. Historical-biographical sketch]. M.: Letnyi sad, 124 p. [in Russian]
- Kotelnitsky, 2019a – Kotelnitsky, N. (2019). Mirovozzrenie I.I. Petrunkevicha: shtrikhi k politicheskomu portretu [The worldview of I.I. Petrunkevich: touches on a political portrait]. *Dialogi so vremenem*. 66: 405-415. [in Russian]

Kotelnytskyi, 2019b – *Kotelnytskyi, N.* (2019). Ivan Illich Petrunkevych (1843-1928): zhyttia ta diialnist v Ukraini [Ivan Illich Petrunkevich (1843-1928): life and activity in Ukraine]. Riga: GlobeEdit, 197 p. [in Ukrainian]

Kotelnytskyi, 2020a – *Kotelnytskyi, N.* (2020). Dnevnik A.A. Polovtseva kak istochnik po istorii zemskogo liberalnogo dvizheniya na severe Levoberezhnoi Ukrainy (60-80 gg. XIX v.) [Diary of A.A. Polovtsev as a source on the history of the Zemstvo liberal movement in the north of the Left-Bank Ukraine (60-80s of the 19th century)]. *VII Zymynskyye chtenyia. Dokumentalnyi istochnik v ystorycheskom yssledovanii y v yssledovanii po ystoriy nauky: opyt yspolzovaniya, sovremennyye problemy y zadachy.* K 100-letiyu so dnia rozhdeniya A.A. Zymyna: materyaly Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsyy. Moskva: Arkhyv RAN-RGGU, pp. 524-534. [in Russian]

Kotelnytskyi, 2020b – *Kotelnytskyi, N.* (2020). Zemska reforma 1864 r. na storinkakh zemskoi presy Chernihivskoi gubernii [Zemska reform 1864 on the sides of the zemstvo press of the Chernihiv province]. *EMINAK.* 4: 43-51. [in Ukrainian]

Kotelnytskyi, 2021 – *Kotelnytskyi, N.* (2021). «Evreiskiy vopros» v deiatelnosti zemskoi lyberalnoi frondy severnoi Ukrainy 1880-kh gg. [“The Jewish Question” in the Activities of the Zemstvo Liberal Fronde in Northern Ukraine in the 1880s]. *Vestnyk Rossyiskogo unyversiteta druzhby narodov.* Seryia: Ustoriya Rossii. 20(1): 32-46. [in Russian]

Kotelnytskyi, 2021 – *Kotelnytskyi, N.* (2021). Zemska liberalna partiia pivnichnoi Ukrainy ta I.I. Petrunkevych: sproba vyzvolennia z politychnoho zaslannia [Zemska Liberal Party of Pivnichnoy Ukraine and I.I. Petrunkevich: a test of political intimidation]. *Rozumovski zustrichi: zbirnyk naukovykh prats.* Vypusk 8. Chernihiv: Siverskyi tsentr pislidyplomnoi osvity. Pp. 144-154. [in Ukrainian]

Lebid, Kotelnitsky, 2022 – *Lebid, A., Kotelnitsky, N.* (2022). The Ukrainian Question in the Activity of the Zemstvo Liberal Opposition of Chernihiv Governorate (60-80th of XIX century). *Bylye Gody.* 17(3): 1153-1162.

Mazur, 2007 – *Mazur, A.* (2007). Gosudarstvenno-pravovyye vzgliady I.I. Petrunkevicha [State-legal views of I.I. Petrunkevich]. *Dyss... kand. yuryd. nauk.* Kharkov, 203 p. [in Russian]

Moisiienko, 1999 – *Moisiienko, V.* (1999). Liberalno-demokratychnyi rukh v Ukraini (seredyna 60 – 80 rr. XIX st.) [Liberal-democratic movement in Ukraine (mid-60s - 80s of the 19th century)]. *Avtoref. dys...kand. ist. nauk.* Kyiv, 19 p. [in Ukrainian]

Myronenko, 2000 – *Myronenko, O.* (2000). Ivan Petrunkevych yak fundator idei novitnoi yevropeiskoi modeli sudovoi konstytutsiinoi yustytsii [Ivan Petrunkevich as a founder of the idea of a new European model of judicial constitutional justice]. *Visnyk Akademii pravovykh nauk Ukrainy.* 4: 79-96. [in Ukrainian]

Petrov, 1974 – *Petrov, F.* (1974). Nelegalnye obshchezemskyye soveshchaniya y sezdy kontsa 70-kh – nachala 80-kh gg. XIX v. [Illegal all-zemstvo meetings and congresses of the late 70s – early 80s of the 19th century]. *Voprosy istorii.* 9: 33-44. [in Russian]

Petrov, 1976 – *Petrov, F.* (1976). Zemskoe liberalnoe dvizhenie v period vtoroi revoliutsionnoi situatsii (konets 1870-nachalo 1880 gg.) [Zemstvo liberal movement during the second revolutionary situation (late 1870-early 1880)]. *Avtoref. dys...kand. yst. nauk.* Moskva, 20 p. [in Russian]

Petrov, 1981 – *Petrov, F.* (1981). Iz istorii obshchestvennogo dvizheniya v period vtoroi revoliutsionnoi situatsii v Rossii. Revoliutsionery i liberaly v kontse 1870 gg. [From the history of the social movement during the second revolutionary situation in Russia. Revolutionaries and liberals at the end of 1870]. *Istoriia SSSR.* 1: 144-155. [in Russian]

Petrov, 1993 – *Petrov, F.* (1993). Organy samoupravleniia v sisteme samodержavnoi Rossii: zemstvo v 1864-1879 gg. [Bodies of self-government in the system of autocratic Russia: Zemstvo in 1864-1879]. *Velikie reformy (1856-1874).* Moskva: Nauka. Pp. 203-221. [in Russian]

Petrunkevich, 1934 – *Petrunkevich, I.* (1934). Iz zapisok obshchestvennogo deiatelia. Vospominaniya [From the notes of a public figure. Memories]. Praha: B.y., 472 p. [in Russian]

Pirumova, 1977 – *Pirumova, N.* (1977). Zemskoe liberalnoe dvizhenie. Sotsialnye korni y evoliutsiia do nachala XX v. [Zemstvo liberal movement. Social roots and evolution until the beginning of the twentieth century]. Moskva: Nauka, 272 p. [in Russian]

Rakhno, 2009 – *Rakhno, O.* (2009). Chernihivski zemtsi [Chernigiv zemts]. Chernihiv: Chernihivski oberehy, 350 p. [in Ukrainian]

Redkina, 2002 – *Redkina, O.* (2002). Zemstva Livoberezhnoi ta Pivdennoi Ukrainy yak orhany mistsevoho samovriaduvannia ta osередky liberalnogo rukhu v druhii polovyni XIX - pochatku XX stolittia [Zemstvos of the Livoberezhnoy and Pivdenny Ukraine as an organization of self-regulation and the middle of the liberal movement in the other half of the 19th century - the beginning of the 20th century]. *Avtoref. dys...kand. ist. nauk.* Zaporizhzhia, 18 p. [in Ukrainian]

Rusova, 1996 – *Rusova, S.* (1996). Moi spomyny [Remember mine]. Kyiv: Vita - Ukraina, 208 p. [in Ukrainian]

Skakun, 1982 – *Skakun, O.* (1982). Politicheskie i konstitutsionno-pravovyye idei liberalnogo zemstva na Ukraine [Political and constitutional-legal ideas of the liberal Zemstvo in Ukraine]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* 3: 119-126. [in Russian]

Spitsyna, 2016 – *Spitsyna, E.* (2016). «Ottsy i deti», ili kto finansyrovал revoliutsionnyi terror v Rossii v kontse 1870 – nachale 1880 gg. [“Fathers and Sons”, or who financed the revolutionary terror in Russia in the late 1870s – early 1880s.]. *Gertsenovskyye chteniia* 2015. Aktualnye problemy russkoi istorii. Sankt-Peterburh: ElekSys. Pp. 92-100. [in Russian]

Tikhomirov, 1895 – *Tikhomirov, L.* (1895). Konstitutsionalisty v epokhu 1881 goda [Constitutionalists in the era of 1881]. Moskva: Universitetskaia tipografiia, 115 p. [in Russian]

TsDIAK, 2023 – Tsentralnyi derzhavnyi istorychnyi arkhiv Ukrainy [Central State Historical Archive of Ukraine].

Varzar, 1922 – *Varzar, V.* (1922). Vospomynaniia starogo statystyka [Memoirs of an old statistician]. Rostov na Donu: Redaktsiia «Vestnyka» Donskogo statystycheskogo oblastnogo biuro, 22 p. [in Russian]

Veselovskiy, 1911 – *Veselovskiy, B.* (1911). Istoriia zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]. SPb.: Izdatelstvo O.N. Popovoi, 1909–1911. T. 4. Pp. 302-457. [in Ukrainian]

Voloshchenko, 1974 – *Voloshchenko, A.* (1974). Zemska opozyttsiia [Zemstvo opposition]. Narysy z istorii suspilno-politychnoi dumky na Ukraini (70-80 rr. XIX st.). Kyiv: Naukova dumka. Pp. 133-155. [in Russian]

Yutsevych, 2021 – *Yutsevych, P.* (2021). Hromadska ta politychna diialnist Oleksandra Fedorovycha Lindfors (1837-1890) [Gromadska and political activity of Oleksandr Fedorovich Lindfors (1837-1890)]. Avtoref. dys... kand. ist. nauk. Chernihiv, 21 p. [in Ukrainian]

Политика российского самодержавия в отношении земской либеральной оппозиции Черниговской губернии (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.)

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Назар Анатольевич Котельницкий ^c, Алла Ивановна Зякун ^a

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Международный научно-технический университет имени академика Юрия Бугая, Киев, Украина

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрессивных мер российского самодержавия против земской либеральной оппозиции Черниговской губернии в конце 70 – начале 80 гг. XIX в. Проанализировав уникальные исторические первоисточники, абсолютное большинство которых впервые вводится в международный научный оборот, авторы пришли к выводу о том, что главной причиной карательных мероприятий российской монархии против аристократической оппозиции региона стала беспрецедентная публичная оппозиционная деятельность либеральных земцев в 1878–1879 гг. Первым ударом российских властей по земской оппозиции стал оперативный арест и административное интернирование ее лидера И. Петрункевича в этнически русские губернии страны.

Высшие должностные лица и руководитель политической полиции Черниговской губернии предложили центральной власти принять жесткие меры в борьбе с «либеральной заразой»: выслать с территории Черниговской губернии наиболее опасных членов аристократической оппозиции; установить за оставшимися представителями земской либеральной партии надзор полиции и жандармского управления; оперативно внести изменения в законодательство Российской империи на предмет установления контроля и надзора институтов государственной власти над выборными учреждениями земского и городского самоуправления; «очистить» исполнительные органы местного самоуправления от членов земской либеральной партии. Власти реализовали абсолютное большинство этих рекомендаций. До осени 1886 г. земское либеральное движение в Черниговской губернии было разгромлено, а ее персональный состав сократился до минимума.

Ключевые слова: земская либеральная оппозиция, репрессии, российское самодержавие, Черниговская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1356-1365
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1356

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical Aspects of the Interaction between the Russian Red Cross Society and the Military medical Service of the Russian Army in the Akhal-Teke Campaign of M.D. Skobelev (1880–1881)

Igor V. Karpenko ^a, Maria S. Sergeeva ^{a,*}, Ivan M. Chizh ^a, Galina N. Volovchenko ^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The Akhal-Tekin operation of General M.D. Skobelev is one of the most controversial and ambiguous campaigns in the history of the Russian military medical service. On the one hand, scientists note careful strategic planning and the personal interest of the commander-in-chief in its perfect arrangement, on the other hand, tactical decisions taken during the campaign cast doubt on the success of the medical service and discredited the military medical leadership. The situation was complicated by problems on communication lines, a specific climate, and an unfavorable epidemiological situation in the Trans-Caspian region. Under these conditions, private assistance in the form of the Russian Red Cross Society (RRCS) turned out to be the only guarantee of the necessary medical and sanitary support of the army both in the rear areas and on the front line. The forces and means of the RRCS actively participated in the supply of medical and clothing equipment, sanitary transport, food, the organization of infirmaries and dressing stations, and the evacuation of the wounded and sick. The incommensurable distribution of the burden between the military medical department and the RRCS led to tensions in the relationship between the two structures, the settlement of which required the personal intervention of the Commander-in-Chief M.D. Skobelev.

Keywords: military medicine, Akhal-Teke expedition, RRCS, O.F. Heyfelder, medical evacuation, medical support.

1. Введение

Тема обеспечения армии в период активных боевых действий относится к одной из наиболее обсуждаемых в современном информационном пространстве. Важным ее аспектом является медицинское оснащение частей и подразделений в целом, а также роль и взаимодействие в этом процессе государственных и частных структур. Ахал-Текинская экспедиция (1880–1881) под руководством генерала М.Д. Скобелева (1843–1882) является уникальным историческим примером, демонстрирующим наиболее распространенные проблемы, возникающие в процессе совместного участия разных ведомств в медико-санитарном обеспечении военных кампаний.

Особенностью данной операции являлось ее тщательное планирование, которое Скобелев считал залогом успешного завершения экспедиции. Утвержденный им проект устройства медико-санитарной помощи предусматривал, с одной стороны, открытие в Ахал-Текинском оазисе пяти военно-временных госпиталей и двух дивизионных лазаретов, с другой – организацию трех эвакуационных линий, соединяющих главный сортировочный пункт в Бами с передовой линией в Геок-Тепе и конечными пунктами эвакуации в портовых городах Чекишляр и Кисловодск.

* Corresponding author

E-mail addresses: karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (I.V. Karpenko),
sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (M.S. Sergeeva), chizh_i_m@staff.sechenov.ru (I.M. Chizh),
volovchenko_g_n@staff.sechenov.ru (G.N. Volovchenko)

Реализация данного плана возлагалась на Военно-медицинское ведомство и Российское общество Красного Креста (РОКК). При этом ответственность за медицинское обеспечение отряда должно было нести Военно-медицинское ведомство, отвечавшее за развертывание лечебно-эвакуационных заведений, выделение медицинского персонала, снабжение лекарственными, перевязочными, дезинфицирующими средствами и санитарным транспортом, организацию эвакуации в тылу и на передовой (Гродеков, 1883а: 49). Красный Крест, не имея собственных лечебных учреждений, транспортов и врачей, должен был обеспечить уход за ранеными и больными в военно-медицинских учреждениях тыла, сопровождение их во время эвакуации по железнодорожным, сухопутным и морским путям, снабжение предметами, не входившими в казенное снаряжение и довольствие (Гейфельдер, 1879: 11; Отчет..., 1883: 36; Отчет..., 1884: 29, 53). В свою очередь, военное ведомство должно было помогать РОКК, предоставляя ему бесплатные помещения для складов и персонала, осуществляя перевозку грузов, обеспечивая обслуживающим персоналом из числа нижних чинов (Отчет..., 1883: 38). Однако в ходе военной кампании блестяще спланированная операция закончилась для медицинской службы армии провалом и стала поводом для язвительных замечаний о «слишком достаточных ... средствах, которыми отряд должен был быть наделен военно-медицинским ведомством» (Отчет..., 1884: 29). Рассмотрение исторических аспектов взаимодействия военного и гражданского ведомств в Ахал-Текинской экспедиции Скобелева позволяет выработать оптимальное распределение их обязанностей и стратегию совместного участия в военных конфликтах.

2. Материалы и методы

2.1. Работа основана на ранее неопубликованных документах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) отражающих деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК) в Ахал-Текинской экспедиции Скобелева и опубликованных источниках. Отчеты начальника штаба отряда Н.И.Гродекова (Гродеков, 1883; Гродеков, 1883а), Главноуполномоченных РОКК (Отчет..., 1883; Отчет..., 1884), главного отрядного врача О.Ф.Гейфельдера (Heyfelder, 1882; Heyfelder, 1882a) и других врачей, участвовавших в походе (А.Ф.Келдыша, Н.А.Вельяминова, В.А.Студицкого, М.В.Миловидова, А.В.Щербака), позволяют оценить общую санитарно-гигиеническую ситуацию в Закаспийском крае, особенности медицинского обеспечения похода и эвакуации раненых, характер взаимодействия военно-медицинского ведомства и РОКК в процессе решения поставленных главнокомандующим задач, объем боевых и санитарных потерь армии (Келдыш, 1879; Вельяминов, 1882; Записки, 1947; Приложение № 43, 1883; Щербак, 1900).

Аналитическая заметка Н.А.Гольдберга демонстрирует причинно-следственные связи между численностью больных и раненых, их диагнозом и исходом лечения в госпиталях и лазаретах Закаспийского края (Гольдберг, 1880). Научные труды врачей 1860–1870 гг. (Наранович, 1866; Congres, 1876; Crothers, 1875; Гейфельдер, 1879) отражают процесс формирования в международном медицинском сообществе новых принципов организации медицинской помощи и определения роли частной помощи в медико-санитарном обеспечении армии. Заметки, освещавшие события Ахал-Текинской экспедиции в периодических изданиях 1880–1881 гг., дополняют официальные документы сюжетами реальной жизни (Сообщение..., 1881; Известия..., 1881; Действия..., 1881; Деятельность..., 1881). Источники личного происхождения, записки и воспоминания сообщают персональный опыт пребывания авторов в госпиталях и лазаретах края (Майер, 1886; Heyfelder, 1887).

2.2. Методология исследования базируется на принципах историзма и объективности, позволяющих рассматривать функционирование медицинской службы армии в Ахал-Текинском походе 1880–1881 гг. как процесс динамично изменяющихся взаимоотношений между военным ведомством и общественной организацией РОКК. Использование нарративного метода позволяет выявить основные причины, провоцировавшие нарастание напряжения в отношениях двух структур. Применение системного анализа подчеркивает высокую роль интегрированного подхода к планированию и реализации военных операций, при котором вопросы медицинского обеспечения решаются в тесной взаимосвязи с другими стратегическим и тактическим задачами армии.

3. Обсуждение

Историография данного вопроса весьма ограничена. Наиболее полная работа была составлена в 1947 г. полковником медицинской службы Я.И.Акодусом (Акодус, 1947). Автор восстановил исторический ход событий в процессе формирования медицинской службы в Ахал-Текинском оазисе, особо подчеркнув заслуги врачей и сестер милосердия. Влияние природно-географических условий Закаспийской области на санитарное состояние, здоровье и боеспособность армии в Туркестанских походах в дореволюционной России рассматривала группа ученых во главе с О.Т. Касымовым (Касымов, 2012). Работа Н.А.Блохиной направлена на изучении особенностей медицинского обеспечения похода Скобелева с точки зрения использования новейших терапевтических и хирургических методов лечения, правил асептики и антисептики, перевязочных средств и биндажей, применения актуальных санитарно-гигиенических принципов и средств (Блохина, 2016). Однако чаще всего в центре внимания исследователей находилась административная и государственная

деятельность Скобелева, в связи с чем Ахал-Текинский поход рассматривался учеными с политической и оперативно-стратегической точек зрения (Потапов, 2021).

4. Результаты

При планировании медицинского обеспечения похода Скобелев опирался на имевшиеся в Закаспийском крае ресурсы: барачный госпиталь в Чекишляре на 200 мест, палаточный госпиталь в Чате на 200 мест, лазарет на 100 мест в Красноводске и запасы мягких вещей для оснащения еще 200 мест. По мере продвижения отряда вглубь Ахал-Текинского оазиса планировалось открыть еще два военно-временных госпиталя на 200 мест. Для обеспечения большей маневренности и облегчения транспортировки госпиталей они были разбиты на отделения (полугоспитали) однако их дислокация не была точно определена. В частности, указывалось, что запасные госпитали будут развернуты либо в Михайловском заливе, либо в Красноводске, либо «там где может указать надобность» (Гродеков, 1883а: 262). Такая неопределенность привела к тому, что госпитали либо долгое время стояли в свернутом виде, либо многократно перемещались из укрепления в укрепление. Так, Красноводский лазарет, который должен был стать базой для передового госпиталя на 200 мест, был свернут и перемещен из Красноводска в Михайловское, где простоял в таком виде несколько месяцев в ожидании транспорта и решения о выдвигении (Акодус, 1947: 54). Сводный лазарет РОКК и военного ведомства за месяц поменял три места дислокации, изначально будучи развернут в укреплении Келяты, позже перемещен в Самурское, а затем в аул Янги-Кала (Записки..., 1947: 141–143). В период продвижения армии вглубь оазиса ее части должны были сопровождать подвижные дивизионные лазареты 19 и 21 дивизий, прибытие которых в Закавказье ожидалось вместе с войсками (Гродеков, 1883а: 262). В их задачи входило призрение заболевших в пути, оказание первой помощи раненым и отправка их в военно-временные госпитали. Каждый лазарет должен был иметь по 20 санитарных двуколок для размещения больных и 5 солдатских палаток: 2 для операционной, 2 для аптеки и инструментария, 1 для мертвых тел (Акодус, 1947: 48).

В основе медицинского обеспечения Ахал-Текинского похода лежал принцип эвакуации из зоны боевых действий на большие расстояния, прекрасно зарекомендовавший себя в ходе Русско-Турецкой войны (1877–1878) (Гейфельдер, 1879: 82). Данный принцип объединял личные убеждения Скобелева, взгляды медицинских представителей РОКК и рекомендации военно-медицинского ведомства. Учитывая санитарные и климатические особенности Закавказского края, эвакуация больных с передовой линии считалась главнейшей задачей медицинской части. Медицинский представитель РОКК при Главнокомандующем, участник Балканской войны доктор В.А. Студицкий (?–1880) писал, что отсутствие хорошей воды (глубокое залегание, избыточное содержание солей и продуктов гниения), резкие колебания суточных температур, сочетание болотистой и пустынной местности, неприспособленная к местным условиям пища отнимали у отряда «гораздо больше штыков, чем сражения с неприятелем» (Приложение № 43, 1883: 7). Скобелев рассматривал эвакуацию как способ поддержать моральный дух войск и предотвратить развитие эпидемии брюшного и сыпного тифа (Гродеков, 1883а: 123). Отрядный врач, военный хирург О.Ф. Гейфельдер (1828–1890) считал эвакуацию раненых неизбежной с военной и корректной с медицинской точек зрения мерой (Heyfelder, 1882а: 110). На этом основании все усилия по организации медико-санитарной части отряда в начале операции были направлены на устройство госпиталей и лазаретов в конечных пунктах эвакуации раненых и больных на восточном (Чекишляр, Карасноводск, Михайловское) и западном (Баку и Петровске) берегах Каспийского моря (Акодус, 1947: 57; В Закаспийской области..., 1892: 183). С помощью современных ледоделательных машин и водоопреснителя частично удалось решить проблему данных учреждений с обеспечением питьевой водой (Отчет..., 1883: 39).

Для разведения транспортных потоков и ускорения процесса эвакуации Скобелевым была предусмотрена организация двух тыловых и одной передовой коммуникационных линий. Атрекская линия (Чекишляр–Бами) частично уже была оснащена во время первого похода в 1879 г. Расположенный на этом пути Чатский госпиталь при подготовке к новому походу был разделен на два отделения по 5 офицерских и 100 солдатских мест, которые переместили в укрепления Бами и Дуз-Олум для сокращения длительности переходов между эвакуационными пунктами. С этой же целью в укреплении Ходжа-Кала был открыт лазарет на 25 человек. На всех этапных пунктах данной линии были организованы медицинские околотки, где заболевшие или раненые при нападениях текинцев могли получить амбулаторную помощь (Щербак, 1900: 28). Создание Михайловской линии (Красноводск – Бами) началось в феврале 1880 г. со строительства железной дороги. Скобелев отводил ей ведущую роль в подготовке к штурму Геок-Тепе, в связи с чем планировал завершить ее строительство к октябрю 1880 г. (Отчет..., 1883: 43; Щербак, 1900: 24). Для эвакуации раненых здесь планировалось обустроить 3 лазарета по 25 мест каждый в кишлаках Кизыл-Арват, Казанджик и Бала-Ишем (Акодус, 1947: 57). Передовая линия (Бами–Геок-Тепе) должна была соединять передовой госпиталь под Геок-Тепе и главный сортировочный госпиталь в Бами на 200 мест каждый (Гейфельдер, 1887: 218).

Обеспечение этапных пунктов персоналом (врач, фельдшер и прислуга), провиантом, врачебными средствами и эвакуационным транспортом входило в ведение военно-медицинской службы (Гродеков, 1883: 265). РОКК снабжало их постельным и носильным бельем, платьем, посудой, съестными припасами, тулупами, сапогами, фуфайками, одеялами, халатами, бельем, вином, коньяком, сгущенным молоком, бульоном, консервами, крупами, для чего при лазаретах и госпиталях были созданы склады РОКК (Отчет..., 1883: 43). В тыловых госпиталях за больными и ранеными ухаживали сестры милосердия Крестовоздвиженской и Касперовской общин, многие из которых имели опыт работы в военных учреждениях во время Балканской войны (1877–1878) (Отчет..., 1884: 30, 55; Сообщение..., 1881: 186). Главноуполномоченный РОКК князь С.В. Шаховской (1852–1894) в письме Председателю Главного Управления РОКК А.К.Баумгартену писал: «Едва возвратившись с бывшего театра военных действий в Болгарии, как почти без отдыха были отправлены в Закаспийский край на работу, связанную с лишениями более трудными, чем в Болгарии» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 21. Л. 60). Сестры прибывали группами. К концу операции в отряде РОКК насчитывалось 28 сестер милосердия. В августе вместе с доктором Красного Креста А.В.Щербаком (1848–1894) и графиней Е.Д.Милутиной (1844–1938) из Санкт-Петербурга прибыло 10 сестер Крестовоздвиженской общины во главе со старшей сестрой Е.А.Королевой (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 19. Л. 22). Группа сестер Касперовской общины из Одессы прибывала частями в период активной подготовки к штурму в октябре и ноябре 1880 г. (Деятельность..., 1881: 11). В январе в Чекишлярский госпиталь прибыло 9 сестер Крестовоздвиженской общины из Шуры и Петровска (Отчет..., 1884: 30, 56). Деятельность сестер милосердия в Бами возглавляла сестра А.М. Стрякова (Щербак, 1900: 36). Все они находились на офицерском довольствии в военном ведомстве и получали по 15 руб. ежемесячного жалованья от Красного Креста (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 19. Л. 22). В штате медицинской службы армии состояло 37 врачей, 15 фармацевтов и 58 фельдшеров, которых считалось более чем достаточно для медицинского обслуживания 7000 армии (Акодус, 1947: 54).

Несмотря на «идеальное» планирование медико-санитарного обеспечения операции, уже на этапе сосредоточения войск и медицинских подразделений на театре военных действий возникли сложности, связанные с удаленностью Закаспийской области от центральных областей России, растянутостью и плохим состоянием коммуникаций, крайним дефицитом транспортных средств. Перемещение по узким тропам Атрекской линии с подъемами и спусками с хребтов, изрытых «грудой каменьев и рытвин», занимало около 20 дней (Отчет..., 1884: 42-43). Доставку всех тяжелых и громоздких грузов, в том числе лазаретов и госпиталей передового отряда, планировалось осуществлять по более удобной Михайловской линии, проходившей через безводную солончаковую пустыню. В октябре, сославшись на готовность в ближайшее время железнодорожного пути, Скобелев отказался перевозить передовой госпиталь в Бами на верблюдах (Гейфельдер, 1886: 216). Когда в ноябре началось общее передвижение войск, дорога была готова только на половину. Вторую часть перехода приходилось преодолевать на верблюдах, испытывавших трудности при перемещении по мокрой глинистой почве в период осенней распутицы. Более того, вопреки отчету начальника штаба войск Н.И. Гродекова (1843–1913) о приобретении для нужд отряда 16 тысяч верблюдов, реальное количество животных всегда было недостаточным (Гродеков, 1883а: 314). Во многом это связано с отсутствием возможностей для их содержания. Гейфельдер отмечал, что проще было купить новое животное, чем лечить и кормить уже имевшихся: «было решено вовсе не кормить верблюдов, а пользоваться ими до тех пор, пока они не падут от истощения» (Гейфельдер, 1886: 214). Участники событий отмечали огромное количество трупов животных, разлагавшихся на обочинах дорог (Келдыш, 1879: 65; Гродеков, 1883а: 290; Майер, 1886: 28-29). Груз с мертвых верблюдов перераспределяли на оставшихся или оставляли в ближайших придорожных укреплениях (Гейфельдер, 1886: 217). В таких ситуациях имуществом медицинского ведомства чаще жертвовали в пользу военных грузов или провианта, которых в Бами должно было быть достаточно для обеспечения 7000 армии в течение двух месяцев (Гейфельдер, 1886: 216). Распоряжением генерала Н.Г. Петрусевича (1838–1880) командовавшего одним из обозов, часть аптечных предметов (медикаменты, перевязочные и дезинфицирующие средства, инструменты) и провианта передовых лазаретов была оставлена в Дуз-Олуме, где пролежала до окончания кампании в связи с его смертью (Гейфельдер, 1886: 218). Первую часть мягких вещей передового госпиталя (палатки, белье) удалось доставить в Бами только к началу штурма Геок-Тепе (Гейфельдер, 1886: 217). Не был доставлен и обещанный эвакуационный транспорт: 200 одноколки, приспособленных для перевозки раненых, и необходимое количество лошадей и верблюдов (Гродеков, 1883: 265). Такая ситуация с доставкой медицинского имущества военного ведомства не позволяла полноценно развернуть и организовать работу передового военно-временного госпиталя и лазаретов. Дефицит в распоряжении медицинской службы приспособленного санитарного транспорта (одноколки, двуколки, фургоны) и необходимых для него животных делала невозможной своевременную эвакуацию раненых и больных (Гродеков, 1883: 265).

Главноуполномоченный РОКК И.П. Балашев (1842–1924) видя транспортные проблемы военно-медицинского ведомства, впервые отступил от первоначального плана деятельности РОКК, отказавшись использовать военный транспорт. Имея больше свободы в распределении средств, чем

отрядный врач Гейфельдер, он выписал из Кавказского региона больше 40 лошадей и одноколки, что позволило ему к концу ноября не зависеть от военного ведомства в перевозке имущества Красного Креста (Отчет..., 1883: 43). Тем не менее частые нападения текинцев на караваны вынуждали отправлять их в сопровождении военного конвоя (Потапов, 2021: 62). Малая численность гарнизонов не давала возможности обеспечить охраной частные караваны, поэтому РОКК не удалось добиться «совершенной независимости от военного ведомства» (Деятельность..., 1881: 11). Обозы Красного Креста были вынуждены присоединяться к казенным транспортам, отправлявшимся из Чекишляра в среднем 3 раза в месяц на 30–40 лошадях и 1 раз на 25 верблюдах (Действия..., 1881: 26).

В сложившейся накануне подготовки к активному передвижению войск ситуации военно-медицинское ведомство в лице Главного Военно-медицинского инспектора Кавказского округа А.А.Реммерта (1835–1902) и отрядного врача Гейфельдера было вынуждено обратиться к РОКК за помощью в развертывании лазаретов и перевязочных пунктов передовой линии, а также создании сети дополнительных лазаретов и ночлежных пунктов на тыловых эвакуационных путях. Таким образом, РОКК был вынужден отойти от следующего положения первоначального плана, согласно которому сфера его деятельности была ограничена исключительно тыловыми районами.

Благодаря помощи РОКК в октябре удалось до 200 коек расширить отделение в Бами, до 300 коек – госпиталь в Чекишляре, открыть дополнительные лазареты в укреплениях Яглы-Олуме и Ходжа-Кала на 50 коек каждый, в два раза увеличить количество мест во всех этапных лазаретах (до 50 в каждом). Снабдить их складами РОКК. Обеспечить каждый пост Атрекской и Михайловской эвакуационных линий ночлежно-питательными пунктами (Акодус, 1947: 57, 61–63; Гродеков, 1883а: 158). РОКК снабжала тыловые заведения необходимым имуществом: зимними палатками, кибитками, носилками, бельем, посудой, продуктами (кофе, чай, сахар, вино), а военное ведомство обеспечивало их медицинскими средствами и персоналом (Акодус, 1947: 57, 61–63; Гродеков, 1883а: 158). На передовой линии Бами – Геок-Тепе к концу ноября был организован лазарет на 50 мест в Дуруне и два ночлежно-питательных пункта. В декабре РОКК развернуло лазарет на 150 мест и два перевязочных пункта на 20 человек под руководством врачей РОКК Щербака и Малиновского, сопровождавших рекогносцировочные отряды во время наступления. Каждый пункт РОКК был обеспечен 2 фургонами, 2 одноколками, носилками, походной аптекой, перевязочными вещами, запасом белья, полушубков и вина (Отчет..., 1884: 35). Военное ведомство обеспечивало данные пункты санитарями-носильщиками из частей войск (Действия..., 1881: 26). В ближайшем к осадному лагерю укреплении Янги-Кала (Самурское) был развернут сводный лазарет РОКК и Самурского батальона на 150 коек, сформированный из прибывшего к этому времени имущества передового военного госпиталя, запаса медикаментов и личного состава (2 врача, аптекарь и 3 фельдшера) военного ведомства, а также лазаретного имущества РОКК на 100 коек (носилки, постельное белье, одеяла, белье и одежда для больных) (Деятельность..., 1881: 11; Записки..., 1947: 138).

По ходатайству Главноуполномоченного РОКК Шаховского в виде исключения в осадный лагерь были допущены сестра милосердия Стрякова и дочь военного министра графиня Милютина, ухаживавшие за ранеными в передовом лазарете и помогавшие во время штурма на передовых перевязочных пунктах (Щербак, 1900: 129). Таким образом, организация медицинского обеспечения передового отряда оказалась невозможна без активного участия РОКК. Это стало поводом для упреков военно-медицинской службе отряда. Военный врач Миловидов писал, что Красный Крест «сумел выдвинуться вперед и занять якобы первое место в деле помощи раненым», а его руководителя, князя Шаховского, «стали ставить в пример военно-медицинскому ведомству» (Записки..., 1947: 141, 163).

Другим обстоятельством, способствовавшим эскалации напряжения в отношениях между военным и гражданским руководством медицинских служб во время похода, было использование отрядным врачом Гейфельдером прусской модели оказания медицинской помощи в войсках. В соответствии с данной организационной структурой за каждым батальоном, даже если в нем не больше 300 человек, закреплялся отрядный врач (всего 25 военных врачей) постоянно находившийся при своей части. Только на время сражений из состава передового лазарета формировался перевязочный пункт для выполнения перевязок и сбора раненых с поля боя (Наранович, 1866: 65). Это позволяло снизить общую нагрузку на врачей и максимально быстро оказать первую помощь раненым в момент сражения. Данная модель предполагала, что врач на поле боя окажет первую медицинскую помощь, зафиксирует диагноз и характерные особенности раны на специальной карточке и оставит раненого ожидать санитаров, которые доставят его в полевой лазарет (Crothers, 1875: 122). Появление подобной тактики стало следствием десятков тысяч раненых, умиравших без первой помощи на полях сражений во время Австро-Прусской (1866) и Франко-Прусской (1870–1871) войн. В качестве военного врача, командированного Санкт-Петербургским обществом попечения о раненых и больных воинах, Гейфельдер принимал участие во Франко-Прусской войне, где заведовал походным лазаретом и имел возможность лично наблюдать результаты несвоевременного оказания медицинской помощи на поле боя. Он изучил устройство военно-врачебных заведений большинства Европейских держав, участвовал во Всемирной промышленной выставке в Вене (1873) и Международной выставке гигиены и средств спасения в Брюсселе (1876) направленных на отбор

лучших медико-санитарных приборов и определение оптимальных условий взаимодействия военного ведомства и гражданских (благотворительных) организаций во время боевых действий (РГВИА. 1873. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1278. О. 3; Sergeeva, 2021: 247; Congres..., 1876: 444). Весь накопленный в европейских войнах опыт организации медицинской помощи он пытался использовать в азиатской кампании Скобелева. Действительно, участники Ахал-Текинского похода отмечали, что благодаря выбранной Гейфельдером тактике на одного врача приходилось не больше 100 раненых. Однако окопный характер боевых действий под Геок-Тепе не позволял врачам оказывать более сложную медицинскую помощь, чем простая перевязка ран без какой-либо асептической обработки (Записки..., 1947: 160). В то же время на поле боя под ружейным огнем противника чрезмерно возрастала угроза их жизни. По данным Гейфельдера, за время похода медицинская служба потеряла убитыми 2 врачей и 11 фельдшеров, еще 2 врача было ранено и 22 контужено (Акодус, 1947: 65, 76).

Более эффективной оказалась предложенная Н.И.Пироговым этапная модель оказания помощи раненым, основанная на организации в максимальной близости от линии атаки перевязочных пунктов, где врачи проводили первичную обработку раненых, доставленных санитарями с передовых позиций (Отчет..., 1884: 37). Значительные потери санитарного персонала, занятого эвакуацией раненых во время сражений, подтверждают опасность, которой подвергалась жизнь врачей на поле боя. Только в ночь с 28 на 29 декабря было убито и ранено 8 санитаров (Известия..., 1881: 27). Поэтому перед штурмом в дополнение к двум передовым перевязочным пунктам РОКК Гейфельдер велел организовать еще 7 пунктов военного ведомства, перераспределив между ними всех отрядных врачей (Отчет..., 1884: 34). Благодаря РОКК все военнослужащие, санитары и врачи были снабжены индивидуальными перевязочными пакетами «повязка-самопомощи» позволяющими свести к минимуму риск смерти от массовой кровопотери на поле боя (Акодус, 1947: 63).

Другим поводом немедленно эвакуировать раненых было неприемлемое с точки зрения международного гуманитарного права отношение текинцев к русским раненым: издевательство над пленными и постоянный обстрел русских лазаретов. Двое солдат, пропавших без вести после штурма укрепления Янги-Кала, спустя несколько дней были обнаружены «без головы, грудь разрезана на три части, вынута сердце, вытянуты ногти на руках и ногах, прожжена ягодичная часть». По сообщению князя Шаховского, все это было сделано при жизни, при этом головы погибших так и не были найдены (Сообщение..., 1881: 186).

Единственный полевой лазарет, располагавшийся в белых палатках РОКК с красными крестами, с начала осады Геок-Тепе постоянно обстреливался противником, представляя собой «самую выдающуюся мишень во всем лагере» (Отчет..., 1884: 37). Раненые, больные и медицинский персонал не были защищены от случайных ранений. Участник операции А.А. Майер (1858–1919) попавший в лазарет после контузии, описывает такой случай: «Один бедняк фельдшер получил пулю в бедро в госпитале во время перевязки раненого; ... на другой день бердановская пуля пробила ему навывлет легкое, ... под вечер третьего дня ему перебило шейные позвонки, тогда только этот здоровяк ... скончался» (Майер, 1886: 83). Доктор Миловидов приводит в качестве примера судьбу капитана Яблочкова, поступившего в лазарет с ранением в бок, повторно раненого там на вылет в руку и позже контуженного в спину (Записки..., 1947: 147). Опасность для жизни пациентов возрастала в связи с постоянным перемещением осадного лазарета ближе к неприятельской крепости, предпринимавшимся, чтобы избежать окружения и сохранить связь резервов с передовыми группами и штурмующими колоннами. Гейфельдер пишет, что за первые 9 дней наступления (20–29 декабря) лагерь перемещали трижды, при этом «каждая лазаретная палатка была снята и поставлена опять, каждый больной и раненый был перенесен на руках и помещен опять, каждый предмет был упакован и вновь вынут» (Гейфельдер, 1887: 231). Таким образом, гуманные соображения о сохранении жизни раненых и недопущении пыток над ними стали дополнительным фактором, не только изменившим первоначальную тактику организации медицинской помощи на поле боя, избранную отрядным врачом Гейфельдером, но и обосновывавшим необходимость срочной эвакуации пациентов из полевого лазарета. В сложившейся ситуации Скобелев требовал, чтобы все раненые были немедленно эвакуированы в ближайший военный госпиталь в Бами. «Здесь нет места для больных и раненых, это слишком опасно для них, и они мешают нам», – заявлял он (Heyfelder, 1887: 41).

Однако уникальный характер ранений под Геок-Тепе: изрубленные головы, челюсти, плечи, суставы и вспоротые животы, не допускал экстренной транспортировки. Плохие дороги, особенности климата и отсутствие приспособленного к медицинской эвакуации транспорта усугубляли состояние раненых (Гейфельдер, 1887: 230; Записки..., 1947: 145; Щербак, 1900: 136). Согласно характеристики травм, данной отрядным хирургом Н.А.Вельяминовым (1855–1920), 78,65 % от общего количества ранений было нанесено огнестрельным оружием и только 20,73 % холодным. При этом около половины из них приходилось на голову (45,59 %), верхние конечности (17,09 %) и туловище (8,80 %) (Вельяминов, 1882: 659). В результате стремления в кратчайшие сроки освободить переполненный полевой лазарет, в эвакуацию попадали тяжелораненые, чье состояние резко ухудшалось от длительной транспортировки, либо их перемещение требовало чрезвычайных усилий (Записки...,

1947: 164). Так, Шаховской пишет, что из-за спешки двух тяжелораненых офицеров из лазарета под Геок-Тепе пришлось эвакуировать в Самурский лазарет на руках (Отчет..., 1884: 41).

В связи с тем, что все аспекты вывода раненых из Закавказья (обеспечение специальными транспортными средствами, работа эвакуационных пунктов, уход за ранеными, снабжение их теплыми вещами и провиантом) находились в ведении РОКК, 9 октября 1880 г. личным приказом Скобелева по войскам князь Шаховской был назначен заведующим эвакуацией больных и раненых. По мнению руководителя РОКК, проблемы в их отправке были связаны с несогласованной работой эвакуационных комиссий военно-временных госпиталей, которые не учитывали потребности и возможности других учреждений. В результате этого возникала «возможность переполнения больными [тыловых – примеч. Авт.] госпиталей и лазаретов» (Отчет..., 1884: 40). Сразу после штурма крепости Геок-Тепе (17 января 1881 г.) Скобелев распустил все эвакуационные комиссии, назначив князя Шаховского главным распорядителем в деле эвакуации и подчинив ему в этом вопросе главных врачей всех медицинских учреждений военного ведомства (Акодус, 1947: 69; Записки..., 1947: 167). Хотя в приказе Скобелева говорилось о том, что «главный распорядитель отнюдь не вмешивается в распоряжения военных врачей относительно назначения больных и раненых в эвакуацию», а занимается исключительно соблюдением правильного порядка и количества эвакуируемых на протяжении всех эвакуационных путей. Это решение стало беспрецедентным явлением в истории военно-медицинской службы, поскольку личным приказом Главнокомандующего военно-медицинское ведомство было поставлено в подчинение РОКК (Отчет..., 1884: 40). Кроме материальной причины такого решения, Акодус указывает на разочарование Скобелева организационными способностями отрядного врача и возможностями военного ведомства (Акодус, 1947: 69). С нашей точки зрения, другой причиной такого решения могло быть сопротивление военных врачей срочной эвакуации раненых и больных из Закаспийского края. Сам Акодус утверждает, что экстренная эвакуация не была предусмотрена первоначальным планом, ее «старательно хотели избежать, ради чего на 12-тысячный отряд и была сформирована такая масса госпиталей и лазаретов» (Акодус, 1947: 75). Кавказский медицинский инспектор Реммерт заявлял, что «желал бы по возможности ограничить эвакуацию раненых и больных, так как при больших расстояниях, при самых плохих транспортировочных средствах она будет отзываться в особенности на раненых крайне вредно» (Акодус, 1947: 73). На соблюдении правильной организации процесса эвакуации настаивал отрядный врач Гейфельдер (Heyfelder, 1882a: 110). Руководитель Сводного лазарета РОКК и Самурского батальона М.Ф.Миловидов считал, что во время Ахал-Текинской операции большого успеха удалось бы добиться, превратив передовые лазареты в Геок-Тепе и Самурском в полноценные госпитали. Увеличение их коечной массы и медицинского обеспечения позволило бы предотвратить переполнение лечебных учреждений передовой линии и ближайшего тыла (Геок-Тепе, Самурское, Бами), избежать ненужной экстренной эвакуации, ограничив ее легко ранеными и ввести «самую строгую систему изоляции тифозных больных от раненых», предотвратив распространение эпидемии в районы глубокого тыла (Записки..., 1947: 164). Подобное решение Скобелева имело как положительные, так и отрицательные стороны. РОКК удалось обеспечить безупречные, по оценке военного хирурга Вельяминова, условия эвакуации (Вельяминов, 1882: 659). Однако активное вмешательство военной администрации и гражданских лиц в ее организацию и исключение из этого процесса военных врачей нарушало правильный медицинский порядок. В результате в процессе эвакуации из передовых лазаретов в Геок-Тепе и Самурском «подозрительные формы лихорадок и катары кишок, напоминавшие тиф», последовательно перемещались в тыловые районы, в результате чего третья часть всех пациентов военно-временных госпиталей и лазаретов Закаспийского края в январе-марте 1881 г. страдала инфекционными болезнями (тиф, болотная лихорадка, дизентерия). При этом смертность от тифа в процентном соотношении значительно превышала смертность от боевых ран (9 % против 5,5 %) (Гольдберг, 1880: 4; Отчет..., 1884: 40).

Заключение

Ахал-Текинская экспедиция генерала Скобелева является уникальной с точки зрения медико-санитарного обеспечения армии. В ходе ее реализации были выявлены наиболее сложные моменты в деятельности военно-медицинских служб, касавшиеся доставки, развертывания и снабжения госпиталей, лазаретов, перевязочных пунктов, организации работы врачей, медицинских сестер и санитарного персонала, эвакуации раненых. Дефицит транспортных средств, сложность коммуникационных линий, несвоевременность доставки медицинских грузов и применение европейской модели организации медицинской службы армии без учета особенностей азиатского театра военных действий стали главными факторами, ставившими под сомнение возможность успешного выполнения лечебно-эвакуационных мероприятий.

В непредвиденных обстоятельствах самостоятельность частных организаций стала гарантией успешной реализации общих медицинских задач. За время Ахал-Текинской операции 1880–1881 гг. трижды изменялись первоначально утвержденные Скобелевым обязанности РОКК: приобретение собственных транспортных средств, лошадей и верблюдов для доставки грузов и эвакуации раненых,

открытие собственные лазаретов, перевязочных и эвакуационных пунктов, организация медицинской помощи на передовых позициях. Непропорциональное увеличение нагрузки на РОКК привело к тому, что личным решением Главнокомандующего общее руководство эвакуацией раненых было поручено гражданскому лицу – Главноуполномоченному РОКК. Подобное решение, направленное на достижение лучшего результата в решении конкретной медицинской задачи, выходило за рамки деятельности РОКК как «посредника между частной благотворительностью и армией в районе военных действий» и провоцировало нарастание напряжения во взаимоотношениях двух ведомств (Отчет..., 1883: 33). Полученный в данной экспедиции опыт лег в основу распределения обязанностей и определения стратегии взаимодействия РОКК и военно-медицинского ведомства в дальнейших военных конфликтах.

Литература

- Акодус, 1947** – Акодус Я.И. Военно-медицинское обеспечение Ахал-Текинских экспедиций 1879–1881 гг. // *Очерки по истории военной медицины в России*. 1947. № 4 (9). С. 1-124.
- Блохина, 2016** – Блохина Н.А. Деятельность медицинских отрядов во время 2-й Ахал-Текинской экспедиции // *Казанский медицинский журнал*. 2016. № 97(1). С. 163-167.
- В Закаспийской области, 1892** – В Закаспийской области. Воспоминания о М.Д. Скобелеве врача О.Ф. Гейфельдера 1879–1887 гг. // *Русская старина*. 1892. № 7. С. 181-216.
- Вельяминов, 1882** – Вельяминов Н.А. Воспоминания хирурга из Ахал–Текинской экспедиции // *Медицинский вестник*. 1882. № 41. С. 659-660.
- Гейфельдер, 1879** – Гейфельдер О.Ф. Карманная книжка военно-полевой хирургии. СПб., 1879. 318 с.
- Гейфельдер, 1886** – Гейфельдер О.Ф. Воспоминания врача о М.Д. Скобелеве 1880–1881 гг. // *Русская старина*. 1886. № 53. С. 203-225.
- Гейфельдер, 1887** – Гейфельдер О.Ф. Воспоминания врача о М.Д. Скобелеве 1880–1881 гг. // *Русская старина*. 1887. № 54. С. 217-239.
- Гольдерберг, 1880** – Гольдерберг Н.А. Три месяца военно-санитарного дела на Кавказе // *Военно-санитарное дело*. 1880. № 25. С. 3-4.
- Гродеков, 1883** – Гродеков Н.И. Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883. Т. 1. 282 с.
- Гродеков, 1883а** – Гродеков Н.И. Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883. Т. 2. 336 с.
- Действия..., 1881** – Действия Красного Креста в Закаспийском крае // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1881. №4. С. 26.
- Деятельность..., 1881** – Деятельность камергера Балашова в Закаспийском крае // *Вестник русского общества Красного Креста*. 1881. №2. С. 10–11.
- Записки..., 1947** – Записки об Ахал–Текинской экспедиции военного врача Миловидова М.Ф. // Акодус Я.И. Военно-медицинское обеспечение Ахал-Текинских экспедиций 1879–1881 гг. 1947. № 4 (9). С. 127-188.
- Известия..., 1881** – Известия из Средней Азии // *Всемирная иллюстрация*. 1881. № 626 (25). С. 26-27.
- Касымов, 2012** – Касымов О.Т., Адылова Г.К., Касымова Р.О., Карагулова А.Ш. Исторические аспекты медико-санитарного обслуживания туркестанских походов // *Медицина Кыргызстана*. 2012. № 8. С. 62–66.
- Келдыш, 1879** – Келдыш А.Ф. Ахал-Текинский военно-временный госпиталь в 1879 г. Тифлис. 1879. 98 с.
- Майер, 1886** – Майер А.А. наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881: (Из воспоминаний раненого). Кронштадт, 1886. 261 с.
- Наранович, 1866** – Наранович П.А. Замечания по осмотру клиник в Берлине и учреждению санитарной части в прусской армии во время войны в 1866 году. СПб., 1866. 88 с.
- Отчет..., 1883** – Отчет главного управления общества Красного Креста за 1880 год. СПб, 1883. 234 с.
- Отчет..., 1884** – Отчет главного управления общества Красного Креста за 1881 год. СПб, 1884. 340 с.
- Потапов, 2021** – Потапов А.Е. Вторая Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. (К 140-летию окончания Ахалтекинских походов 1879–1881 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2021. № 2. С. 61-67.
- Приложение № 43, 1883** – Приложение № 43. Записка врача Студицкого // Гродеков Н.И. Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб, 1883. Т. 2. С. 7–9.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сообщение..., 1881** – Сообщение князя Шаховского // *Вестник русского общества Красного Креста*. 1881. №24. С. 185–186.
- Щербак, 1900** – Щербак А.В. Ахал–Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. СПб, 1900. С. 28
- Congres..., 1876** – Congrès international d'hygiène, de sauvetage et d'économie sociale, Bruxelles, 1876. Paris, 1877. 876 p.

- Crothers, 1875** – Crothers T.D. American contributions to military hygiene and surgery // *The medical and surgical reporter*. 1875. № 7 (XXXIII). P. 122–127.
- Heyfelder, 1882** – Heyfelder O. Sanitatsbericht der Expedition nach Achal-Teke // *Berliner Klinische Wochenschrift*. 1882. № 5 (19). P. 79–80.
- Heyfelder, 1882a** – Heyfelder O. Sanitatsbericht der Expedition nach Achal-Teke // *Berliner Klinische Wochenschrift*. 1882. № 7 (19). P. 110–111.
- Heyfelder, 1887** – Heyfelder O. Erinnerungen eines Militärarztes an Skobolew // *Berliner klinische Wochenschrift*. 1887. № 41 (24). P. 778–779.
- Sergeeva, 2021** – Sergeeva M.S., Panova E.L. Brilliant promotion for a doubtful invention: the blood transfusion device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European medical science and practice in 1860–1880 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 244–252.

References

- Akodus, 1947** – Akodus, Ya.I. (1947). Voенно-медицинское обеспечение Ахал-Текинских экспедиций 1879–1881 гг. [Military medical support of the Akhal-Tekin expeditions of 1879–1881]. *Oчерки по истории военной медицины в России*. 4(9): 1–124. [in Russian]
- Blokhina, 2016** – Blokhina, N.N. (2016). Deyatel'nost' meditsinskikh otryadov vo vremya 2-j Ахал-Текинской экспедиции. [Medical detachments activities during the 2nd battle of Geok Tepe]. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal*. 97(1): 163–167. [in Russian]
- Congres, 1876** – Congrès international d'hygiène, de sauvetage et d'économie sociale, Bruxelles, 1876. Paris, 1877. 876 p. [in French]
- Crothers, 1875** – Crothers, T.D. (1875). American contributions to military hygiene and surgery. *The medical and surgical reporter*. Nr 7 (XXXIII), pp. 122–127.
- Dejstviya..., 1881** – Dejstviya Krasnogo Kresta v Zakaspijskom krae [Actions of the Red Cross in the Transcaspian region]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1881. 4: 26. [in Russian]
- Gejfel'der, 1879** – Gejfel'der, O.F. (1879). Karmannaya knizhka voенно-polevoj hirurgii [Pocket book of military field surgery]. Saint Petersburg, 318 p. [in Russian]
- Gejfel'der, 1886** – Gejfel'der, O.F. (1886). Vospominaniya vracha o M.D. Skobelevе 1880–1881 gg. [Memoirs of a doctor about M.D. Skobelev 1880–1881]. *Russkaya starina*. 53: 203–225. [in Russian]
- Gejfel'der, 1887** – Gejfel'der, O.F. (1887). Vospominaniya vracha o M.D. Skobelevе 1880–1881 gg. [Memoirs of a doctor about M.D. Skobelev 1880–1881]. *Russkaya starina*. 54: 217–239. [in Russian]
- Gol'derberg, 1880** – Gol'derberg, N.A. (1880). Tri mesyaca voенно-sanitarnogo dela na Kavkaze [Three months of military sanitary work in the Caucasus]. *Voенно-sanitarnoe delo*. 25: 3–4. [in Russian]
- Grodekov, 1883** – Grodekov, N.I. (1883). Voyna v Turkmenii: Pohod Skobeleva v 1880–1881 gg. [The War in Turkmenistan: Skobelev's Campaign in 1880–1881]. Saint Petersburg, T. 1. 282 p. [in Russian]
- Grodekov, 1883a** – Grodekov, N.I. (1883). Voyna v Turkmenii: Pohod Skobeleva v 1880–1881 gg. [The War in Turkmenistan: Skobelev's Campaign in 1880–1881]. Saint Petersburg, T. 2. 336 p. [in Russian]
- Heyfelder, 1882** – Heyfelder, O. (1882). Sanitatsbericht der Expedition nach Achal-Teke. *Berliner Klinische Wochenschrift*. 5(19): 79–80. [in German]
- Heyfelder, 1882a** – Heyfelder, O. (1882). Sanitatsbericht der Expedition nach Achal-Teke *Berliner Klinische Wochenschrift*. 7(19): 110–111. [in German]
- Heyfelder, 1887** – Heyfelder, O. (1887). Erinnerungen eines Militärarztes an Skobolew. *Berliner klinische Wochenschrift*. 41(24): 778–779. [in German]
- Kasymov, 2012** – Kasymov, O.T., Adylova, G.D., Kasymova, R.O., Karagulova A.Sh. (2012). Istoricheskie aspekty mediko-sanitarnogo obsluzhivaniya turkestanskih pohodov. [Historic aspects of the medical-sanitary service of the Turkistan campaigns]. *Kyrgyzstan Medicine*. 8: 62–66. [in Russian]
- Potapov, 2021** – Potapov, A.Ye. (2021). Vtoraya Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. (К 140-летию окончания Ахалтекинских походоv 1879–1881 гг.). [Second Akhalteke expedition. Initial stage. (To the 140th anniversary of the end of the Akhalteke campaigns of 1879–1881)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2: 61–67. [in Russian]
- Prilozhenie № 43, 1883** – Prilozhenie № 43. Zapiska vracha Studickogo [Appendix No. 43. The note of the doctor Studitsky]. In the Grodekov N.I. *The War in Turkmenistan: Skobelev's Campaign in 1880–1881*. Saint Petersburg, 1883. T. 2. Pp. 7–9. [in Russian]
- Sergeeva, 2021** – Sergeeva, M.S., Panova, E.L. (2021). Brilliant promotion for a doubtful invention: the blood transfusion device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European medical science and practice in 1860–1880. *Bylye Gody*. 16(1): 244–252.
- V Zakaspijskoj oblasti, 1892** – V Zakaspijskoj oblasti. Vospominaniya o M.D. Skobelevе vracha O.F. Gejfel'dera 1879–1887 gg. [In the Transcaspian region. Memoirs of M.D. Skobelev by doctor O.F. Gejfelder 1879–1887]. *Russkaya starina*. 1892. 7: 181–216. [in Russian]
- Vel'yaminov, 1882** – Vel'yaminov, N.A. (1882). Vospominaniya hirurga iz Ахал-Текинской экспедиции [Memoirs of a surgeon from the Akhal-Tekin expedition]. *Meditsinskiy vestnik*. 41: 659–660. [in Russian]

Исторические аспекты взаимодействия Российского общества Красного Креста и военно-медицинской службы русской армии в Ахал-Текинском походе М.Д. Скобелева (1880–1881)

Игорь Владимирович Карпенко ^a, Мария Сергеевна Сергеева ^{a, *}, Иван Михайлович Чиж ^a,
Галина Николаевна Воловченко ^a

^a Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация: Ахал-Текинская операция генерала М.Д. Скобелева является одной из самых противоречивых и неоднозначных в истории военно-медицинской службы. С одной стороны, ученые отмечают тщательное стратегическое планирование и личную заинтересованность главнокомандующего в ее совершенном устройстве. С другой – принимаемые во время похода тактические решения ставили под сомнение успешность работы медицинской службы и дискредитировали военно-медицинское руководство. Ситуация осложнялась проблемами на коммуникационных линиях, специфическими климатическими условиями и неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в Закаспийском крае. В этих условиях частная помощь в лице Российского общества Красного Креста (РОКК) оказалась единственным гарантом необходимого медико-санитарного обеспечения армии как в районах тыла, так и на передовой. Силы и средства РОКК активно участвовали в снабжении медицинским и вещевым имуществом, санитарным транспортом, продуктами питания, организации лазаретов и перевязочных пунктов, эвакуации раненых и больных. Несоразмерное распределение нагрузки между военно-медицинским ведомством и РОКК привело к возникновению напряжения во взаимоотношениях двух структур, урегулирование которого требовало личного вмешательства главнокомандующего М.Д. Скобелева.

Ключевые слова: военная медицина, Ахал-Текинская экспедиция, РОКК, О.Ф. Гейфельдер, эвакуация раненых, медицинское обеспечение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (И.В. Карпенко),
sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (М.С. Сергеева), chizh_i_m@staff.sechenov.ru (И.М. Чиж),
volovchenko_g_n@staff.sechenov.ru (Г.Н. Воловченко)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1366-1373
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1366

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orthodox Parish Education in the Baltic Provinces: the Case of Vormsi in the late 19th and early 20th centuries

James Matthew White ^{a, *}

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The following article considers the history of Orthodox parish schooling in terms of the parish of Vormsi, an island off the western coast of Estland province populated by Swedish speakers. Its novelty lies in the fact that no scholars have previously attempted to consider the history of the Orthodox parish of Vormsi, a highly unique case due to the conversion of Swedish speakers. The materials on which the article is based are documents (previously unintroduced into academic circulation) from the Russian State Historical Archive and the Estonian State Historical Archive, including the fonds of the imperial Russian Orthodox diocese of Riga, the Vormsi Orthodox parish fond, and the fonds of some of the individual schools concerned. Drawing on the approach of microhistory, the article demonstrates that Orthodox parish schooling on Vormsi was hampered by several problems, including the language barrier, inadequate funding, and heavily flawed teaching personnel.

Keywords: Vormsi, Russian Orthodox Church, parish school, Estland province, Orthodox education.

1. Введение

Проблематика православного приходского образования в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях недавно начала привлекать внимание исследователей. В своих обзорах о православных прихожанах в Балтийском регионе А. Гаврилин и В. Мусаев приводят ценную статистику (Гаврилин, 1999; Мусаев, 2018). И. Пярт и Т. Швак представили общую картину православного образования в данном регионе в имперский и послеимперский периоды (Schvak, 2011; Paert, Schvak, 2014; Paert, 2016; Пярт, 2016). У Т. Шор находим обзор соответствующего законодательства и архивных источников, относящихся к 1870-м годам (Шор, 2018). А. Раудсепп и С. Цоя исследовали приходское образование в Рижской духовной семинарии как в Российской Империи, так и в Латвийской Республике (Raudsepp, 1998; Цоя, 2015).

Несомненно, будучи плодотворными, эти исследования лишь косвенно указывают на значимость отдельных представителей преподавательской среды, обстоятельств вокруг конкретных фигур и их истории, содействовавших успехам или затруднявших процесс приходского образования. Целью статьи является демонстрация спектра факторов, влиявших на развитие такого образования, во многом связанных со спецификой местности, на примере прихода на о. Vormsi.

Данный подход обоснован по двум причинам. Во-первых, церковное образование в приграничных регионах с преобладанием иноязычного и не исповедующего православие населения представлялось задачей, имеющей не только религиозное, но и национальное значение: в нашем случае – в Балтийских губерниях периода 1880–1890 годов, где русификация была инициирована губернским правлением. Понимание нетривиального характера проблем и процессов в рамках приходского образования в подобном регионе способно пролить свет на способы, которыми правительство пыталось сконструировать связанные с империей идентичности, и на то, почему эти

* Corresponding author

E-mail addresses: d.m.uait@urfu.ru (J.M. White)

конструкты не выдерживали конкуренции с националистическими движениями. Во-вторых, православная община острова Вормси практически не изучена (White, 2022). К примеру, как шведский исследователь А. Исберг, так и американец Г. Крэнкинг практически полностью обходят вниманием обращения в православие и последующее формирование православного прихода (Isberg, 1978; Kranking, 2009). Вместе с тем количество таких обращений было существенным, и они имели политическое значение. Из всего населения острова, составлявшего примерно 2600 человек (Арепьев, 1916: 4), количество православных прихожан достигало 500–600. Возникновение прихода на о. Вормси, кроме того, проходило при участии губернатора Эстляндии князя Сергея Владимировича Шаховского и обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева (Из архива, 3-15). О. Вормси крайне примечателен ещё и тем, что до 1944 года большая часть населения являлась носителем одного из диалектов шведского языка и была очень мобильна, обеспечивая себя посредством рыбной ловли в Балтийском море и торговли в портах по его берегам. Настоящая статья, таким образом, представляет собой взгляд на жизнь уникального и малозаметного сообщества в рамках Российской империи.

2. Материалы и методы

Исследованию прихода на о. Вормси благоприятствует богатство источниковой базы. В Эстонском государственном историческом архиве хранятся соответствующие документы: в собраниях обнаруживаются бумаги губернской канцелярии (№ 29 и 30), Рижской епархии (№ 1655), православного священника и учителя Якоба Ваараска (№ 2288), православного прихода Вормси, а также приходских школ в Фелларна (№ 5185) и Хулло (№ 5186). Собрание Балтийского православного братства (№ 812) в Российском государственном историческом архиве также содержит ценные источники.

Основу методологического подхода составляет микроистория. Разработанный в 1980-х гг. микроисторический подход «концентрируясь на отдельных случаях, персоналиях и обстоятельствах, [...] даёт возможность интенсивного исторического изучения предмета, предоставляя совершенно иную картину прошлого по сравнению с исследованиями наций, государств, социальных объединений, охватывающими десятилетия, века или сколь угодно долгое время» (Magnússon, Szijártó, 2013: 5). Более того, он сфокусирован на агентности отдельных акторов. Применение микроисторического подхода позволяет нам в рамках данной статьи продемонстрировать агентность отдельных фигур в деле развития приходского образования на о. Вормси, показывая то, как успехи и неудачи подобного проекта в значительной степени зависели от случайных локальных факторов.

3. Результаты

Массовое обращение латышей и эстонцев в православие (более 100,000 человек) произошедшее в 1840-х годах, практически сразу привело к строительству школ и организации религиозного образования. Православная церковь отдавала себе отчёт в том, что школьное образование обладало фундаментальным значением в её соперничестве с лютеранами, чья налаженная сеть образовательных институтов к тому времени уже создала условия для относительно высокого уровня грамотности в регионе. Со второй волной обращений в православие, произошедших в основном в Эстляндской губернии в 1880-х годах (между 1883 и 1887 обращено 15662 человека: см. Полунов, 2018: 207). Православные школы приобрели в глазах имперского правительства ещё большее значение в качестве перспективного инструмента политики русификации: так, к 1900 году в трёх Балтийских губерниях существовало 493 школы.

Данная стратегия, однако, страдала массой недостатков. В течение рассматриваемого периода школы часто не имели собственных зданий и вынуждены были размещаться в крайне примитивных арендуемых помещениях. Учителя в основном принадлежали к числу духовенства, и без того перегруженного своими приходскими обязанностями: сотрудникам из числа мирян платили мало, и их с лёгкостью переманивали к себе частные или государственные школы. В то время как образовательный процесс с 1880-х предполагалось вести на русском, латышский и эстонский на практике зачастую оказывались более предпочтительны в качестве языков обучения (Пярт, 2016: 197). Несмотря на то, что преобладание русского языка в школах вызывало недовольство местных национальных движений, его знание могло существенно облегчить выпускникам строительство карьеры в институтах империи. Так, прошедшие через приходскую образовательную систему часто могли получить доступ к священству и профессии учителя, что способствовало формированию первых поколений эстонской и латышской интеллигенции (Швак, 2018).

Православное образование на о. Вормси было сопряжено с собственными трудностями, в основном связанными с языком. Православное духовенство практически не обладало знанием шведского. В результате обращения в православие 500–600 островитян в 1886 году перед Церковью возникла необходимость обучения священников и преподавателей, которые не только были бы способны преподавать на шведском, но и понимать самобытный диалект о. Вормси.

Первым присланным туда священником был о. Николай Федорович Орлов (1838–1898) получивший, по крайней мере, некоторые познания в шведском двумя десятилетиями ранее, в ходе

неудачной попытки обращения шведоязычного населения Руну: ещё более маленького острова на юге (Tollefsen, White, 2021). Однако всеми, включая самого Орлова, было признано, что выбор был крайне неудачным. Даже разговорным шведским Орлов владел неуверенно, к тому же был совершенно не знаком с местным диалектом (Православие..., 22). Несмотря на это, он перевёл с русского на шведский немало богослужебной и педагогической литературы (Арепьев, 1914: 18). Будучи опытным и заслуженным педагогом, Орлов страдал иными недостатками (о карьере Орлова см. ЕАА.1655.2.3799 и ЕАА.1914.1.50 б.с.). Его пребывание на Вормси было частью договорённости о назначении в более крупный и благополучный приход в Палдиски (Балтийский порт) как только ему найдётся замена: сам он не желал оставаться на острове ввиду ряда причин (ЕАА.1884.1.172.445).

Орлов страдал от прогрессирующего ревматизма. Разлука с женой лишала его поддержки в повседневной жизни: другие священники в Российской империи часто зависели от помощи своих жён в делах вроде преподавательской работы. Как следствие, он часто оставался должен собственным прихожанам на острове (ЕАА.2288.1.28.75). Большая семья из восьми детей была дополнительным бременем. Его сын Лони (Леонид) Орлов совершил однажды пьяную выходку, украв лошадь у соседей отца. Наказывая его, Орлов старший чуть не сломал себе руку (ЕАА.2288.1.28.1706-1806.). Николай Николаевич Орлов младший обвенчался с местной женщиной лишь за тем, чтобы вместе со своим отцом избивать её. После связанного с этим скандала один из островитян отказался позволить о. Орлову крестить своего ребёнка «ибо та рука, которая ударила другого будто не может благословить ребенка» (ЕАА.2288.1.33.12). Наконец, авторитет самого Орлова не мог основываться ни на уважении к нему, ни на его достоинстве: по одной из версий, он отказывался регулярно мыться и стирать одежду, а потому имел грязный, растрёпанный вид и источал зловоние (ЕАА.2288.1.28.76).

Другие представители духовенства, присланные на остров, были не намного лучше. Псаломщик и учитель Кирилл Вибе (1865 – ?), эстонец и выпускник второй учительской семинарии в Тарту (Дорпат/Юрьев) должен был учить шведский по учебникам, чтобы служить и псаломщиком, и учителем (о его карьере, см. ЕАА.93.1.854). И хотя Вибе, по-видимому, достиг некоторых успехов в устройении хора, он был вынужден уехать в близлежащий материковый город Хаапсалу после того, как ударил во время свадьбы одного из своих учеников – сына мирского старейшины церкви (ЕАА.30.8.3881.506-6; 17; 20-2006.). Псаломщик и учитель Григорий Андросов (1867 – ок. 1917) был рождён в России и вырос в Финляндии (о его карьере см. ЕАА.1914.1.50 б.с.). Он обучался в шведской школе в Хельсинки и прибыл на Вормси в 1886 году, когда ему едва исполнилось девятнадцать. Похоже, однако, что он не проявлял ни малейшего интереса к педагогике и, по свидетельствам очевидцев, учил плохо (ЕАА.2288.1.25.20). Псаломщик и учитель Яаан Шпул (1859 – ?), шурина Ваараска и известный садовод, к моменту своего прибытия на остров практически не знал ни шведского, ни русского. Псаломщик и учитель Константин (Густав) Креэк (1852-1916) отец знаменитого композитора Кирилла Креэка, признавал спустя годы, что в начале 1880-х обратился в православие лишь за тем, чтобы помочь своей учительской карьере (ЕТММ.М11.1.263).

Был, наконец, Якоб Ваараск, сын процветающего крестьянина с востока Эстонии и окончивший полный курс учительской семинарии в Тарту. Умеренный вегетарианец, воздерживавшийся от крепких напитков, прибыв в 1889 году в качестве учителя и псаломщика на о. Вормси, он был энергичен и амбициозен. Изучая шведский во время насыщенной двухмесячной поездки в Хельсинки в 1890 году, он, по-видимому, знал язык лучше своих коллег. В отличие от остальных представителей духовенства, он был осведомлён о деятельности местного сектантского движения, возникшего в 1870-х благодаря шведскому миссионеру Ларсу Остерблому. Он быстро перенял практику проповедей в деревнях на общепонятном доступном языке (ЕАА.2288.1.25.2306.-24) и проведения ежегодного «детского праздника» в день св. Иоанна (24 июня) (ЕАА.2288.1.33.2706.): оба обстоятельства возбудили подозрения его начальства. Когда Ваараск в 1894 году принял сан, он направил ресурсы общины на данные начинания: «детский праздник», изначально являвшийся скромной проповедью и раздачей подарков, превратился в полноценный крестный ход с яркими знамёнами в сопровождении хора к самой высокой точке острова (ЕАА.1914.1.50 б.с.).

Однако некоторые проблемные аспекты деятельности и личности Ваараска сводили на нет все сказанное выше. При поддержке полиции он развернул бурную кампанию против воскресных школ последователей Остерблома. Подвергнув их закрытию, Ваараск открыл новые, укомплектованные сотрудниками из числа членов православного прихода. Как священник Ваараск управлял приходскими землями и поступающими с них доходами, из-за чего он оказался вовлечён в несколько продолжительных и трудных тяжёб со своими прихожанами (ЕАА.1655.2.768). Несмотря на собственное крестьянское происхождение, он видел в островитянах диких и грубых варваров, постоянно жалуясь на их лень, лицемерие и жадность: «У шведов настоящая цыганская совесть – как богаты бы они ни были, а все надо просить милостыни» (ЕАА.2288.1.34.63). Жизнь на острове тяготила его: получив долю в хозяйстве своей жены в Мяэмыйза на материке, он регулярно оставлял приход в пользу обработки своей земли, за что в 1912 году получил выговор (ЕАА.2288.1.13.124/206).

Столь проблемной была команда священнослужителей, в руках которой находилось просвещение православной молодёжи о. Вормси. Приходская школа была построена в центральной деревне Хулло к 1889 году, и первоначально там работали Орлов и Вибе. Прибыв на остров Ваараск

возглавил вспомогательную школу сначала в поселении Фёрби, а затем во Фялларна. Андросов руководил другой вспомогательной школой в Свиби, однако его равнодушное отношение к преподаванию (как сетовал один из родителей, его сын – ученик, не знал, сколько будет дважды два) (ЕАА.2288.1.27.31) привело к её закрытию в 1891 году за отсутствием обучающихся.

Учебный год во всех подобных учреждениях длился с середины октября до середины марта с перерывом на Рождество и новогодние праздники. Это гарантировало, что летом дети будут свободны для работы, однако ставило занятия под угрозу из-за зимней погоды на Vormsi. Предполагалось, что учебная неделя длится шесть дней с сокращённым днём в субботу. Занятия начинались в девять утра и заканчивались к трём дня с часовым обеденным перерывом в полдень. Школа в Фялларне располагала общежитием, так что ученики из отдалённых деревень могли там ночевать. Что касается материального обеспечения, то Балтийское православное братство почти ежегодно жертвовало школам канцелярские принадлежности (РГИА. Ф. 812. Оп. 1. Д. 271).

Расписание как в приходских, так и во вспомогательных школах под руководством Орлова ограничивалось шестью предметами: Законом Божьим, шведским и русским языками, математикой, пением и гимнастикой. Первая попытка преподавать уроки ремёсел девочкам и молодым женщинам была сделана в 1889 году. К 1900 о. Ваараск существенно расширил перечень дисциплин, предлагаемых приходской школой, включив в него церковнославянский язык, рисование, географию, историю и естествознание. Во время своего пребывания на Vormsi Шпул преподавал эстонский язык (ЕАА.5186.1.3).

Классные журналы дают нам некоторое представление о содержании программы. Уроки религии, как правило, охватывали изучение библейской истории и толкования основных православных ритуалов и молитв (включая Никейский Символ веры) (ЕАА.5186.1.1.8; 130б; 29). Посещения воскресных служб, очевидно, дополняли эти уроки, как и проповеди Ваараска: определённо, ученики были обязаны присутствовать на последних. Тем не менее, следует отметить, что библейская история до 1895 года преподавалась по лютеранскому учебнику на шведском языке (ЕАА.1914.1.50 б.с.).

Пение занимало в программе важное место, поскольку позволяло детям участвовать в хоре, а также производить впечатление на приезжавших чиновников. Ваараск составил список из 48 песен, которым он обучал на Vormsi в течение трёх лет до принятия им сана. Этот список он разделил на разделы по признаку языка (русский или шведский) и характера (светский или религиозный). Наибольшее внимание из песен, по-видимому, уделялось ~~был~~ имперскому гимну «Боже, Царя храни!», хотя шведская *Vårt Land* («Наш край», лежащая в основе современного гимна Финляндии), также пользовалась популярностью (ЕАА.5186.1.3).

В 1899 – 1900 учебном году уроки географии были посвящены разговорам о самом о. Vormsi, Балтийском море (особенно о русской части его побережья), топографических особенностях империи, а также о континентах и странах мира. Естествознание было в основном сосредоточено на объяснении часто наблюдаемых природных явлений, (в особенности погодных), в то время как уроки истории строились вокруг формирования Русского государства. Занятия математикой, как нетрудно догадаться, были посвящены сложению, вычитанию, делению и умножению.

На уроках языка от учеников требовалось учиться читать, писать как на шведском (в его литературном, а не диалектном варианте), так и на русском: им также нужно было переводить (устно и письменно) со шведского на русский. Все остальные дисциплины тоже могли дополнять изучение русского языка, поскольку ученики должны были описывать математические выражения и на шведском, и на русском (ЕАА.2288.1.32.8). Неизвестно, изучил ли кто-то из них последний язык в совершенстве. Ни одно из имеющихся к настоящему времени свидетельств не даёт представления о том, одобряло или отторгало население острова особое внимание к русскому языку в процессе обучения их детей, хотя одна девочка и расплакалась, когда узнала, что ей придётся изучать этот язык (ЕАА.2288.1.28.34).

Ясно, однако, что целью такого образования было формирование у учеников чёткого представления о себе как о православных верующих и лояльных подданных Российского государства. Мы также можем предположить, что уроки географии, вероятно, заложили понимание детьми места их острова между мирами Балтийского моря и Российской империи, что, возможно, сыграло свою роль в утверждении шведского меньшинства в период первой Эстонской Республики. Вопреки утверждениям шведских историков, пишущих об о. Vormsi, православная образовательная программа не пренебрегала шведским языком в пользу русского: изучению обоих было отведено равное количество часов наряду с разучиванием шведских песен (часто носивших на удивление лютеранский и патриотический характер).

Что касается самих учеников, то их состав был сравнительно разнообразным. Во вспомогательной школе в Фялларна в 1890–1891 учебном году мы видим 27 мальчиков и 20 девочек, записанных как ученики Ваараска. Из них 24 были православными и 23 – лютеранами (ЕАА.5185.1.2.1–20б.). Тем временем в приходской школе Хулло в том же году было 13 зарегистрированных учеников: 6 мальчиков и 7 девочек (ЕАА.2288.1.28.470б.). В последней также были проблемы с посещаемостью. Церковные записи полагают причинами прогулов занятий

бедность: «дети школьного возраста не все посещают школы. Причиною сему служит частью бедность родителей, которые не в состоянии одеть и отправить детей своих в школу, а большею частью нерадение их о воспитание своих детей» (ЕАА.1914.1.50 б.с.). Эта довольно любопытная ситуация, при которой вспомогательная школа обладала большим количеством учеников и лучшей посещаемостью в сравнении с главной приходской, вероятно, объясняется большей популярностью Ваараска относительно других представителей православного духовенства.

Практика принятия лютеранских детей в подобные школы была распространена в Балтийских губерниях и, несомненно, расценивалась Церковью как разновидность миссионерской тактики: в целом с этим не было проблем на Vormsi, хотя Орлов будто однажды и выгнал лютеран из класса приходской школы в Хулло (ЕАА.2288.1.34.650б.). Не сообщается, чем занимались ученики лютеранского вероисповедания во время уроков явно православного содержания (длившихся один час и практически ежедневных). В отличие от православных, лютеране должны были платить за обучение.

Возраст обучающихся варьировался от шести до четырнадцати лет. Это было основной распространённой в империи педагогической проблемой: разница возрастов присутствующих на занятиях приводила к тому, что учителя зачастую не могли проводить совместные занятия и были вынуждены тратить время на объяснения каждому в отдельности. Была предпринята попытка разделить класс приходской школы на группы, однако на практике это означало, что учитель одновременно выполнял два или три плана уроков.

Вспомогательная школа на Vormsi не имела собственного отдельного здания, располагаясь вместо этого в арендованных помещениях. Это создавало ужасающие условия для преподавания. Первая классная комната в Фёрби находилась в доме Йохана Омана, торговца с хорошими связями в Финляндии. Здесь же, в классном помещении за дверью, находилась крошечная квартира Ваараска. Согласно договору аренды, Оман был обязан предоставить класс с отоплением, однако демонстративно медлил. Во время работы зимой Ваараск был вынужден сильно топить своё жилище, чтобы часть тепла уходила в класс: в результате и квартира и класс заполнялись дымом от печи, а Ваараск не мог открыть окон, так как боялся выпустить тепло (ЕАА.5186.1.7 б.с.). Наконец, в школе была установлена маленькая печка, снятая с одной из лодок Vormsi, но её едва хватало для обогрева. Наконец, Ваараск без ведома начальства арендовал другие комнаты в Фялларна: православный благочинный из Хаапсалу сетовал на отсутствие гарантий того, что епархия одобрит возросшие расходы на аренду, а Оман настаивал на том, что духовенство нарушило своё обещание перезаключить договор с ним, и угрожал обращением к гражданским властям (ЕАА.2288.1.31.320б.-360б.). Когда Ваараск со своей женой временно вели уроки в Диби, наиболее отдалённой от школ в Хулло и Фёрби деревне, им пришлось в течение двух недель 1892 года жить в крошечной комнате с разбитым окном, захламлённой сельскохозяйственным инвентарём. Они мёрзли так, что спать приходилось полностью одетыми: «Так начали жить, как Лапландцы, почти в снегу», – отмечал Ваараск (ЕАА.2288.1.28.250б.). Даже обладавшая собственным зданием приходская школа в Хулло страдала проблемами с отоплением: периодически она закрывалась вследствие нехватки топлива для печи. Однажды Ваараску пришлось просить учеников принести с собой керосин (ЕАА.2288.1.49.1320б.).

Наиболее распространённым наказанием за мелкие проступки (например, прогулы) было лишение обеденного перерыва и постановка на колени на время проведения уроков (напр. ЕАА.2288.1.31.710б.). Куда реже применялось суровое наказание в виде порки розгами. Эта участь постигла мальчиков, деливших табак на пороге класса, и тех, кто напал на одноклассника, серьёзно повредив ему спину (ЕАА.2288.1.31.72-750б.). В обоих случаях Ваараск позаботился о вызове родителей виновных для получения их согласия на приведение наказания к исполнению. Существовали и дисциплинирующие меры в отношении учителей, заключающиеся в регулярных проверках школ благочинным из Хаапсалу, который мог неожиданно прибыть с тем, чтобы опросить учеников, прочитать их письменные работы и проверить школьную документацию (напр. ЕАА.2288.1.21.17-180б.).

4. Заключение

В конце концов, после указа об Укреплении начал веротерпимости 17 апреля 1905 года православная община Vormsi сократилась: к 1907 году 374 православных островитянина пожелали вернуться в лютеранскую веру (ЕАА.1914.1.9.18), ещё 71 – в 1918 году. В 1911/12 учебном году в приходской школе было всего 10 учеников, во вспомогательной – 14 (ЕАА.1655.2.1402 б.с.). Свидетельством провала православного образования на острове в данном случае является то, что многие из этих «отступников» в 1886 году, когда произошло обращение, были маленькими детьми. Иными словами, это были люди, прошедшие обучение в средних и приходских школах под эгидой православия. В этом смысле школы не выполнили своей основной задачи: укрепить позиции православия на острове и привить имперскую идентичность шведоязычному населению. Достичь этого, однако, всегда было очень трудно. В ситуации недостатка говорящих по-шведски духовных и преподавательских кадров православная церковь была вынуждена использовать низкоквалифицированных священников, не говоривших на местном языке, что было явно

недостаточным для попечения над прихожанами, факт обращения которых имел мало общего с утверждением в истинах православия.

5. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030".

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Литература

- [Арепьев, 1914](#) – *Арепьев Н.Ф.* Остров Вормс и его шведское население. СПб, 1914.
- [Из архива..., 1910](#) – Из архива князя С. В. Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885-1894 гг.). Т. 3. СПб, 1910.
- [Гаврилин, 1999](#) – *Гаврилин А.В.* Очерки истории Рижской епархии 19 век. Рига: Филадельфия, 1999.
- [Мусаев, 2018](#) – *Мусаев В.И.* Православие в Прибалтике в 1890-1930-е гг. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2018.
- [Полунов, 2018](#) – *Полунов А.Ю.* Империя, православие и проблема реформ в Прибалтике: к истории религиозно-политической борьбы 1880-х – первой половины 1890-х гг. / Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840-е – 1930-е гг. Под ред. И. Пярт. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2018. С. 207-227.
- [Православие..., 1888](#) – Православие на островах Даго и Вормс. Ревел, 1888.
- [Пярт, 2016](#) – *Пярт И.В.* Православные школы в Прибалтийских губерниях (1840-1914): проблем религиозной и этнической идентичности / Религиозное образование в России и Европы в конце XIX – начале XX века. Под ред. Е.Токаревы и М.Инглота. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 187-202.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив
- [Цоя, 2015](#) – *Цоя С.* Рижская Православная Духовная семинария в межвоенные годы (1926-1936) / Латвийский православный хронограф. Под ред. Олега Пелевина. Рига: Синод Латвийской Православной Церкви, 2015. С. 31-99.
- [Швак, 2018](#) – *Швак Т.* О формировании Эстонской православной интеллигенции и ее деятельность в XIX в. Православие в Прибалтике: Религия, политика, образование 1840-е – 1940-е гг. Под ред. И. Пярт. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2018. С. 271-293.
- [Шор, 2018](#) – *Шор Т.* Православные школы в Прибалтийских губерниях в 1870-гг.: обзор законодательства и архивных источников / Православие в Прибалтике: Религия, политика, образование 1840-е – 1940-е гг. Под ред. И. Пярт. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2018. С. 97-110.
- [ЕАА](#) – National Archives of Estonia.
- [ЕТММ](#) – Estonian Theatre and Music Museum.
- [Isberg, 1978](#) – *Isberg A.* Svensk mission och kyrklig verksamhet i Estland 1873–1943. Uppsala, 1978.
- [Kranking, 2009](#) – *Kranking G.* Island People: Transnational Identification, Minority Politics and Estonia's Swedish Population / PhD dissertation; Ohio State University, 2009.
- [Magnússon, Szijártó, 2013](#) – *Magnússon S.G., Szijártó I.* What is Microhistory? Theory and Practice. London: Routledge, 2013.
- [Paert, Schvak, 2014](#) – *Paert I., Schvak T.* Orthodox Education in the Baltic Provinces of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941 // *Quaestio Rossica*. 2014. 3: 142-158.
- [Paert, 2016](#) – *Paert I.* The Russian Imperial Practices of Language and Religion in the Classroom in the Baltic Provinces: The Case of the Orthodox Schools in Livland (1880-1914) // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 2016. 236: 362-367.
- [Raudsepp, 1998](#) – *Raudsepp A.* Riia Vaimulik Seminar 1846–1918. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 1998.
- [Schvak, 2011](#) – *Schvak T.* Õigeusu vaimulikkonna ettevalmistamisest Eesti Vabariigis 1918–1940 // *Usuteaduslik Ajakiri*. 2011: 70–86.
- [Tøllefsen, White, 2021](#) – *Tøllefsen T.O., White J.M.* Navigating an Orthodox Conversion: Community, Environment, and Religion on the Island of Ruhnu, 1866-7 // *Scandinavian Journal of History*. 2021. 46(5): 642-664.
- [White, 2022](#) – *White J.M.* Changing Tides of Nation and Confession: Building Orthodoxy and Empire on the Island of Vormsi, 1873–1905 // *Ab Imperio*. 2022. 2: 147-177.

References

- Arep'ev, 1914** – *Arep'ev, N.F.* (1914). Ostrov Vormsi i ego shvedskoe naselenie [The island of Vormsi and its Swedish population]. SPb. [in Russian]
- EAA** – National Archives of Estonia.
- ETMM** – Estonian Theatre and Music Museum.
- Gavrilin, 1999** – Gavrilin, A.V. (1999). Ocherki istorii Rizhskoi eparkhii 19 vek [Essays on the history of Riga diocese in the 19th century]. Riga: Filokaliya. [in Russian]
- Isberg, 1978** – *Isberg, A.* (1978). Svensk mission och kyrklig verksamhet i Estland 1873–1943. Uppsala.
- Iz arhiva..., 1910** – Iz arhiva kniazia S.V. Shakhovskogo. Materialy dlia istorii nedavnogo proshlogo Pribaltiiskoi okrainy (1885–1894 gg.) [From the archives of Prince S.V. Shakhovskoi. Materials for the history of the recent past of the Baltic fringe]. T. 3. SPb, 1910. [in Russian]
- Krinking, 2009** – *Krinking, G.* (2009). Island People: Transnational Identification, Minority Politics and Estonia's Swedish Population. PhD dissertation; Ohio State University.
- Magnússon, Szijártó, 2013** – *Magnússon, S.G., Szijártó, I.* (2013). What is Microhistory? Theory and Practice. London: Routledge.
- Musaev, 2018** – Musaev, V.I. Pravoslavie v Pribaltike v 1890-1930-e gg [Orthodoxy in the Baltic region, 1890s-1930s]. SPb.: Izdatel'stvo Politekhničeskogo universiteta, 2018 [in Russian].
- Paert, Schvak, 2014** – *Paert, I., Schvak, T.* (2014). Orthodox Education in the Baltic Provinces of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941. *Quaestio Rossica*. 3: 142-158.
- Paert, 2016** – Paert, I. (2016). The Russian Imperial Practices of Language and Religion in the Classroom in the Baltic Provinces: The Case of the Orthodox Schools in Livland (1880–1914). *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 236: 362-367.
- Polunov, 2018** – *Polunov, A.Yu.* (2018). Imperiya, pravoslavie i problema reform v Pribaltike: k istorii religiozno-politicheskoi bor'by 1880-kh – pervoi poloviny 1890-kh gg. [Empire, Orthodoxy and the problem of reform in the Baltic region: on the history of the religious-political struggle of the 1880s-first half of the 1890s]. Pravoslavie v Pribaltike: religiya, politika, obrazovanie 1840-e – 1930-e gg. Pod red. I. Pyart. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. Pp. 207-227. [in Russian]
- Pravoslavie..., 1888** – Pravoslavie na ostrovakh Dago i Vormsi [Orthodoxy on the islands of Dago and Vormsi]. Reval, 1888. [in Russian]
- Pyart, 2016** – *Pyart, I.V.* (2016). Pravoslavnye shkoly v Pribaltiiskikh guberniyah (1840-1914): problem religioznoj i etnicheskoi identichnosti [Orthodox schools in the Baltic provinces (1840-1914): the problem of religious and ethnic identity]. Religioznoe obrazovanie v Rossii i Evropy v konce XIX – nachale XX veka. Pod red. E. Tokarevy i M. Inglova. SPb: Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. Pp. 187-202. [in Russian]
- Raudsepp, 1998** – *Raudsepp, A.* (1998). Riia Vaimulik Seminar 1846–1918 [Riga Theological Seminary 1846–1918]. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum. [in Estonian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Schvak, 2011** – *Schvak, T.* (2011). Õigeusu vaimulikonna ettevalmistamisest Eesti Vabariigis 1918–1940 [On the preparation of Orthodox clergy in the Republic of Estonia 1918–1940]. *Usuteaduslik Ajakiri*. Pp. 70-86. [in Estonian]
- Shor, 2018** – *Shor, T.* (2018). Pravoslavnye shkoly v Pribaltiiskikh guberniyakh v 1870-gg.: obzor zakonodatel'stva i arhivnykh istochnikov [Orthodox schools in the Baltic provinces in the 1870s: a review of the legislation and archival sources]. Pravoslavie v Pribaltike: Religiya, politika, obrazovanie 1840-e – 1940-e gg. Pod red. I. Pyart. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. Pp. 97-110. [in Russian]
- Shvak, 2018** – *Shvak, T.* (2018). O formirovanii Estonskoy pravoslavnoy intelligentsii i ee deyatel'nost' v XIX v. [On the formation of the Estonian Orthodox intelligentsia and its activities in the 19th century]. Pravoslavie v Pribaltike: Religiya, politika, obrazovanie 1840-e – 1940-e gg. Pod red. I. Pyart. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. Pp. 271-293. [in Russian]
- Tøllefsen, White, 2021** – *Tøllefsen, T.O., White, J.M.* (2021). Navigating an Orthodox Conversion: Community, Environment, and Religion on the Island of Ruhnu, 1866-7. *Scandinavian Journal of History*. 46(5): 642-664.
- Tsoya, 2015** – *Tsoya, S.* (2015). Rizhskaya Pravoslavnaya Duhovnaya seminariya v mezhoennye gody (1926–1936) [The Riga Orthodox ecclesiastical seminary in the interwar years (1926–1936)]. Latviiskii pravoslavnyi khronograf. Pod red. Olega Pelevina. Riga: Sinod Latviiskoi Pravoslavnoi Tserkvi. Pp. 31-99. [in Russian]
- White, 2022** – *White, J.M.* (2022). Changing Tides of Nation and Confession: Building Orthodoxy and Empire on the Island of Vormsi, 1873–1905. *Ab Imperio*. 2: 147-177.

Православное приходское образование в Прибалтике: на примере Вормси в конце XIX – начале XX вв.

Джеймс Мэттью Уайт ^а, *

^а Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается история православного приходского образования на примере прихода Вормси, острова у западного побережья провинции Эстляндия, со шведскоязычным населением. Его новизна заключается в том, что ранее никто из ученых не пытался рассмотреть историю православного прихода Вормси, что является в высшей степени уникальным случаем, связанным с обращением шведоязычного населения. Материалами, на которых основана статья, являются документы (ранее не вводившиеся в научный оборот) из Российского государственного исторического архива и Эстонского государственного исторического архива, в том числе из фондов Рижской Императорской Русской православной епархии, фонда Вормсийского православного прихода и фонды некоторых отдельных школ. Опираясь на микроисторический подход, в статье показано, что православному приходскому обучению на Вормси препятствовало несколько проблем, в том числе языковой барьер, недостаточное финансирование и несовершенство преподавательского состава.

Ключевые слова: Вормси, Русская Православная Церковь, приходская школа, провинция Эстляндия, Православное образование.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: d.m.uait@urfu.ru (Д.М. Уайт)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1374-1383
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1374

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the last quarter of the XIX – early XX centuries

Anna S. Zhulaeva ^{a,*}, Anna P. Dvoretzkaya ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^a, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

On the basis of archival and published sources, the article examines the process of formation of female professional personnel on the basis of a concrete example of the society of Eastern Siberia in the last quarter of the XIX – early XX centuries, analyzes the types of their labor activity.

The data of statistical sources in the studied period are systematized and grouped according to the forms of employment of graduates of higher educational institutions.

The authors come to the following conclusions on the example of Eastern Siberia.

In general, the educational and professional mobility of Siberians was low. The opportunity to build an independent career in traditionally male fields of activity, breaking away from the parental family and without the support of her husband, was not possible for many. The majority of educated girls faced misunderstanding and lack of support due to the predominance of traditional patriarchal beliefs in Russian society. All the more admired are those Siberian *bestuzhevki* who were able not only to realize their knowledge in their professional activities, but also to serve as an example to the next generations of young girls who risked radically changing their fate by going for education from the hinterland to the center of a huge country.

Keywords: Eastern Siberia, women education, education mobility, types of professional activity, women professional personnel.

1. Введение

Свершившиеся в России Великие реформы, открывшие дорогу преобразованиям во многих социально-экономических сферах жизни общества, не могли не затронуть и женское население страны. Женщины из разных социальных слоев и групп постепенно начинают включаться в различные виды профессиональной деятельности (педагогическую, предпринимательскую, научную, производственную и проч.).

Путь к самостоятельной жизни через профессиональную деятельность в отрыве от традиционного семейного уклада, где девушку ждала только роль дочери, а позже жены, открывало женское образование. Одна из первых в России исследовательница истории женского образования Е.О. Лихачева (1836–1904 г.ж.) утверждает, что в России раньше, чем в других странах Европы, произошло формирование системы женского образования, чем страна обязана императрице Екатерине II и ее последовательнице Марии Федоровне (Лихачева, 1890: II).

Благодаря Е.Р. Дашковой, выразившей уверенность, что науки не будут составлять монополию Академии наук и художеств, но «присвоены будучи всему отечеству и вскоренившись процветать будут» (Дашкова, 2016: 311-312) начали читаться публичные лекции, которые получили живой интерес у молодых девушек и женщин к научным знаниям. Безвозмездное чтение лекций для женщин лучшими профессорами, их благотворительные пожертвования деньгами, книгами и недвижимостью

* Corresponding author

E-mail addresses: annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

способствовали делу становления женских учебных заведений в России в XVIII и XIX вв.

Несмотря на достаточно раннее начало становления системы женского образования в стране, процесс его дальнейшего развития в XIX – начале XX вв. не стал победным шествием женщин через высшее образование к профессиям ученых, врачей, учителей в активную общественную жизнь, а встречался на каждом шагу со стойким сопротивлением и непониманием на всех этажах социальной лестницы – от семьи до высших государственных кабинетов (Шохоль, 1912: 154).

Еще сложнее реализовать себя в выбранной сфере, будь то предпринимательство, наука или общественная деятельность, было в указанный период сибирячкам, особенно в удаленных уголках огромной, подчас «глухой» к веяниям новой эпохи Восточной Сибири. Тем более сильным было стремление к высшему образованию наиболее ярких его представительниц. Закончив высшие женские курсы, особенно в центральных Петербурге и Москве, сибирячки стремились применить полученные знания у себя в регионе, реализовавшись в различных видах профессиональной деятельности.

2. Материалы и методы

В статье авторами анализируются особенности процесса формирования женских профессиональных кадров Восточной Сибири последней четверти XIX – начала XX вв. На основе вновь выявленных источников изучаются достижения в этой области наиболее ярких представительниц восточносибирского социума, а также результаты их интеллектуальной деятельности, направленной на улучшение общественной и экономической жизни населения исследуемого региона.

Основным историческим материалом для исследования стали отчеты Красноярской и Енисейской женских гимназий, хранящиеся в государственных архивах Иркутской области и Красноярского края. В фондах данных архивов содержится большой массив документов по теме исследования: статистические ведомости о состоянии училищ в Восточной Сибири, свидетельства и аттестаты об окончании средних учебных заведений и высших женских курсов, распоряжения инспекторов образовательных учреждений, отчеты о программах и содержании преподаваемых дисциплин, которые дают представления о полученных знаниях и навыках сибирячек-бестужевек в женских образовательных учреждениях.

Особо ценным для исследования стали статистические и аналитические материалы, опубликованные с 1880-х гг. по 1910-е гг. в Санкт-Петербурге по результатам деятельности Высших женских курсов (бестужевских). Таким важным источником в изучении процесса формирования женских профессиональных кадров являются памятные книжки окончивших Санкт-Петербургские высшие женские курсы за период 1882–1903 гг. (Памятная..., 1895; Памятная..., 1903).

Частично особенности формирования женских профессиональных кадров были прослежены в документах личного происхождения: воспоминаниях В.А. Баландиной и о ней, летописи А.И. Кытманова (Баландин, 1995; Кытманов, 2016). Живой и оригинальный взгляд на все возрастающую роль женщин в развитии системы образования, важнейшего, несмотря на удаленность, старинного сибирского города Енисейска, представлен в Записках очевидца изучаемых процессов Михаила Прокопьевича Миндаровского (Енисейск..., 2019).

Историко-сравнительный метод позволяет выявить общее, типичное и особенное, уникальное в развитии отдельных региональных и локальных сообществ. В диалектической связи с общим процессом исследуется специфика и динамика его проявления в Восточносибирском регионе.

Статистический метод позволяет провести полный сравнительный анализ количественного состава сибирячек – выпускниц Высших Бестужевских курсов в соотношении с общим количеством, а также впервые представить сводную информацию по основным областям выбранной ими в дальнейшем профессиональной деятельности.

Конкретно-исторический подход позволил раскрыть профессиональный путь и судьбу отдельных наиболее ярких представительниц Восточной Сибири в контексте социальной истории России последней четверти XIX начала XX века. Воссозданию конкретных биографий образованных сибирячек в исследуемый период служит и метод историко-биографической реконструкции.

Благодаря историко-антропологическому подходу возможно показать динамику изменений роли и статуса женщины в семье и обществе с получением образования. Данный вопрос о роли и статусе женщин в обществе и их изменении при получении образования, (особенно высшего), сегодня так и не исследован. Традиционно считалось, что, получив образование, женщина автоматически повышает свой социальный статус. Изменяется и ее роль в семье, где она становится самостоятельной распорядительницей финансов, стремится сделать карьеру. Дети и муж уходят на второй план.

Можно согласиться с заключением О.М. Долидович и В.И. Федоровой о том, что в социально-экономических реалиях того времени получение женщинами образования становилось вызовом для традиционного общества, основанного на семейных ценностях. Только самые смелые из них начинали строить свою карьеру и вносить денежные средства в семейный бюджет (Долидович, Федорова, 2008: 197).

Однако наше исследование показывает, что значительная часть активных женщин продолжает оставаться верными спутницами своих мужей и хранительницами семейного очага. Это свидетельствует, что традиционный образ жизни при поддержке его обществом превалирует в

формировании гендерной роли женщин в рассматриваемый период. Кроме этого, источники личного происхождения, мемуары и воспоминания современников свидетельствуют о личном кризисе, а подчас и трагедии молодой женщины, «вырвавшейся» из патриархального семейного уклада, ушедшие от опеки отца или мужа, но не смогнувшие выстроить новую самостоятельную жизнь (Шохоль, 1912: 154).

3. Обсуждение

Общие процессы трансформации женского мира в контексте всей российской цивилизации, роль и статус женщины в обществе глубоко изучены в многочисленных исторических трудах исследователей Н.Л. Пушкаревой, В.В. Пономаревой (Пушкарева, 2002; Пономарева, Хорошилова, 2009).

Большую ценность для нашей работы представили работы по исследуемой нами проблеме дореволюционной исследовательницы Е.О. Лихачевой. Наибольшую ценность в них представляет аналитика по самым разным проблемам (Лихачева, 1890).

Историография процесса формирования женских профессиональных кадров в Восточносибирском регионе неразрывно связана с исследованием темы истории вовлечения сибирячек в процесс получения высшего образования. Однако без развития женских гимназий в регионе у них не появилась бы и возможность осуществить академическую мобильность, отправившись за тысячи верст в столичный университет. Одной из первых работ в этой области стала работа Н.Н. Бакая. На обширном материале он показывает процесс становления Красноярской женской гимназии, дает статистику и характеристику выпускниц, показывает основные принципы передачи знаний (Бакай, 1895).

Исторические и социокультурные предпосылки становления высшего женского образования в России освещаются в работах О.Б. Вахромеевой, в которых изучены и процессы вовлечения женщин Российской империи с высшим образованием в различные виды профессиональной деятельности (Бестужевка..., 2008).

В монографии сибирского историка П.Н. Мешалкина рассказывается о сибирячках Приенисейского края, которые прославились своими делами, талантами, подвижничеством, благотворительностью. Автор показывает не простой путь, который прошли первые бестужевки с берегов Енисея для того, чтобы реализовать себя в профессиях, о которых несколько десятилетий назад девушки не смели и мечтать (первые Красноярки: врачи, предпринимательницы и общественные деятельницы) (Мешалкин, 2005).

На современном этапе профессиональные аспекты развития женского социума в Сибири в эпоху зарождения в России женского движения рассматриваются в комплексных работах О.М. Долидович, В.И. Федоровой и др. На большом массиве архивных источников авторами убедительно доказывается тезис о том, что сибирячки все более активно вторгаются в сферу частного предпринимательства, не просто продолжая семейный бизнес, а иницируя свое дело. Получение образование стимулирует их делать карьеру, разрушая патриархальные взаимоотношения (Долидович, Федорова, 2008; Ищенко, 2011; Седельникова, 2021; Быконя, 2014).

Женская история активно изучается во взаимосвязи с другими вопросами семьи, такими как: внутрисемейные отношения и тип семьи, изменение роли и статуса женщины в семье под влиянием географического и социального факторов, женское представление о своих роли и места в обществе (Гончаров, 2020).

Таким образом, обратившись к феномену формирования женских профессиональных кадров, убеждаемся, что при всем многообразии в исторической науке точек зрения на вопрос об изменениях роли и статуса образованных женщин в российском обществе в рассматриваемый период, мы не можем прийти к однозначному выводу об освобождении через образование женщины от влияния семьи и общества. Кроме этого, большинство работ ограничено европейской частью России.

4. Результаты

Первый уровень образования девочки-сибирячки получали в гимназии. Изучая правила поведения и обучения гимназисток в Красноярской 1-й женской гимназии, невольно поражаешься строгости и мельчайшей регламентации поведения, действий и поступков учениц не только в учебное, но и свободное от получения образования личное время. Тем сложнее приходилось девушкам в попытках самостоятельно выстроить свою дальнейшую образовательную и профессиональную траекторию в бурном море жизни. Здесь очень многое зависело от позиции родителей и опекунов юных женщин (ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 44. Л. 3-11).

Примером прогрессивного взгляда на необходимость развития сферы женского образования в своем уездном городе Енисейске являлся его Почетный гражданин И.П. Кытманов. Отправляя своих детей получать гимназическое и университетское образование в другие города, Игнатий Петрович хорошо прочувствовал на себе необходимость развития этой сферы в родном Енисейске. С 1879 по 1895 г. (до кончины) ежегодно жертвовал по 100 руб. на нужды женской гимназии и предпринимал немало усилий для её сохранения, как председатель Попечительского совета. Долгое время гимназия

функционировала в каменном доме Кытмановых по Береговой улице. Кытманова Анна (по мужу Барш) училась в Петербурге. Александр, Пётр и Анна Кытмановы являлись почётными членами Общества попечения о начальном образовании Енисейска (Кытманов, 2016).

Енисейский купец 2-й гильдии Михаил Михайлович Бородин в 1886 г. вошёл в Попечительский совет Енисейской женской гимназии, а с 1906 г. стал его председателем. В 1907 г. он пожертвовал 100 руб. на нужды гимназии, дал 600 руб. в долг учебному заведению для выплаты жалованья персоналу. Он завещал капитал в 6 тыс. руб. для женской гимназии 13 650 руб. (по другим данным – 12 000 руб.) на достройку её здания, что было насущной необходимостью учебного заведения (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 104. Л. 8 об., 12; ГАИО. Ф. 63. Оп. 5. Д. 26. Л. 60б.). Его дочь, Зоя Бородинкина, являлась преподавательницей Енисейской воскресной школы, в 1911 г. вошла в Попечительский совет Енисейской женской гимназии (ГАИО. Ф. 63. Оп. 5. Д. 26. Л. 48-49).

Насколько большое значение придавалось высшему образованию, показывает переписка Попечительского Совета Красноярской женской гимназии с Главным инспектором училищ Восточной Сибири за 1886–1887 гг. Переписка свидетельствует, что кандидатуры из курсисток отбирались очень тщательно. Предпочтение отдавалось такому качеству, как образование. У всех кандидаток за плечами были Высшие Бестужевские курсы. Однако рассматривались кандидатуры и уроженок Сибири. Например, примечательна фигура Ольги Егорьевны Крестьяновой, дочери Тобольского штатного смотрителя, коллежского асессора, учительницы школы Заневской заставы, ученицы проф. Миллера, выпустившей совместно с ним ряд своих работ по литературе. В документах отмечалось ее безупречное поведение по службе, усердное выполнение учительских обязанностей. Данная кандидатура была утверждена Попечительским Советом, но была без объяснений отклонена генерал-губернатором Восточной Сибири. Повторное ходатайство в канцелярию генерал-Губернатора Восточной Сибири повлекло за собой ответ, что виновата молодость кандидатки (ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 43. Л. 9, 15, 16, 22, 23). Свое желание получить место начальницы гимназии она объясняла достаточно прозаически: ее привлекало преимущество сибирской службы – наличие прогонных (ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 43. Л. 10).

После продолжения поисков возникла вторая кандидатура начальницы Грязовецкой прогимназии Волковой (имя и отчество в документе не указаны) которая проработала в этой должности 14 лет и была очень опытной учительницей. Ей даже предполагалось увеличить оклад до 800 руб. и оплачивать квартирные в размере 300 руб. и урочные 200 руб. Однако с прежнего места службы ее так и не отпустили (ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 43. Л. 25-31). В конце концов на должность начальницы гимназии была утверждена дочь генерал-лейтенанта Мария Егоровна Адель. Причина, почему остановились именно на этой кандидатуре, в документе не указана, но возможно предположить, что в данной кандидатке счастливо совпадали все требуемые качества: образование, происхождение и опыт работы (ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 43. Л. 32).

Были в женской гимназии учителя с университетским образованием. Например, преподавательница русского языка, словесности, истории и педагогики А. В. Васильева окончила курс историко-филологического факультета Высших женских курсов. Работала в гимназии с 1911 г., ежегодно имела большую нагрузку, к своему делу относилась усердно, строго требовала выполнения заданий, умела держать дисциплину. Алевтина Викторовна отличалась демократическими взглядами, поэтому в 1917 г. на посту начальницы гимназии сменила вдову А. И. Кытманова Анастасию Алексеевну (Аксенова и др., 2019: 101).

Движение женщин за равное с мужчинами право на образование стало первым шагом для включения их в профессиональную сферу. Например, через Енисейскую гимназию прошло значительное количество девочек и девушек. Социально-экономический кризис и процесс модернизации повышали спрос на образованных женщин, которые могли обеспечивать себя и свои семьи. Так, в последней трети XIX – начале XX в. число учениц Енисейской гимназии увеличилось более чем в 4 раза. Если в 1872 г. в ней обучалось 53 чел., то в 1875 г. – уже 74 чел., в 1878 г. – 90 чел., в 1885 г. – 150 чел., в 1896 г. – 124 чел., в 1902 г. – 160 чел., в 1915 г. – 228 чел. (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 623. Л. 51; Уманьский, 1888).

В Красноярской женской гимназии за пять лет с 1881 по 1885 гг. было выпущено 42 ученицы: в 1881 г. – 12; в 1882 г. и 1883 г. – по 9 соответственно; в 1884 г. – 12; в 1885 г. – 6, из них одна с серебряной медалью. Всего в 1885 г. здесь обучалось 169 учениц. Из 15 человек педагогического состава 3 имело высшее образование (Ф. 265. Оп. 1. Д. 37. Л. 3-10). Тенденция роста отмечалась и в последующие годы: в 1887 г. 199 получало обучение в гимназии; в 1891 г. – 229; в 1894 г. – 254 (Бакай, 1895: 46).

Первоначально сибирячки, стремившиеся получить высшее образование, вынуждены были на учебу уезжать за границу, в зарубежные учебные заведения. Известен пример Веры Арсентьевны Баландиной (Емельяновой) которая вместе с мужем, Енисейским купцом 1-й гильдии, покорила Париж. Она слушала лекции в Сорбонне, изучала химию в Институте Пастера. Получила степень магистра естественных наук. При этом, она олицетворяла в себе идеал будущей женщины: «женщины-человека, матери-гражданки», как было написано о ней в газете «Сибирская жизнь» (Баландина, 1995: 244-245; Сибирская жизнь, 1900: 2).

В дореволюционной России получение женщинами высшего образования долгое время не имело поддержки государства. Считалось, что образованная женщина легко могла попасть в ложную среду и забыть свои естественные обязанности. Общественная установка на подчиненное положение женщины в семье также не способствовала расширению сферы высшего женского образования. Однако проведенное анкетирование студенток-бестужевок в 1909 г. показало, что во время обучения на ВЖК в С.-Петербурге «из всех отдельных источников дохода самым значительным является, несомненно, семья. Часть семейного дохода на образование получала половина всех курсисток, а почти 90 % из тех, кто жил лишь от одного источника, полностью содержался на семейные средства (Слушательницы..., 1912: 27).

На основании Памятной книжки окончивших курс Санкт-Петербургских высших женских курсов в 1882–1889 и 1892–1903 гг., можно сделать вывод, что в эти годы всего 22 женщины-сибирячки получили высшее образование. В среднем в год число окончивших не превышало одного–двух, в редком случае трех человек. Невозможно говорить и о популярности среди девушек какого-либо направления. Предпочтение отдавалось как историко-филологическим, так и физико-математическим наукам (Памятная, 1903).

После получения высшего образования в основном все женщины пытались строить карьеру. Они предпочитали работать в сфере образования (14 человек), науки (2) или медицине (2). Часть являлась служащими (5 человек). Только три женщины из 22 продолжили образование (подсчитано по: Памятная книжка..., 1903).

Сибирские реалии в целом совпадали с общероссийским, где преобладали те же самые сферы занятости женщин. По данным статистики, большинство выпускниц Санкт-Петербургских Высших женских курсов в период с 1882 по 1903 гг. выбрали педагогическую деятельность, на втором месте – литературный труд, и третья группа выбрала профессию служащих казенных и частных контор, банков, правлений железных дорог, библиотек и пр. (Памятная книжка..., 1903).

Как мы видим, нельзя говорить и об оторванности от реалий современного мира женщин, стремящихся к высшему образованию. Они очень хорошо видели потребности общества того времени и сферы, где они могли применить свои таланты.

Вполне реалистичны они были и в оценке трудностей, которые будут встречаться на их пути: неблагоприятные условия жизни, материальная необеспеченность, жилищный вопрос, недостаток времени, недоступность интеллектуальных богатств современности. Среди причин, толкавших их на путь получения образования, они в большинстве своем называли стремление к достойному заработку (Слушательницы..., 1912: 143, 144).

Вклад же выпускниц-бестужевок во внутреннее экономическое и культурное развитие Восточной Сибири на удивление разнообразен и ценен. Полное описание всех данных по их профессиональной деятельности в регионе выходит за рамки данного исследования. Однако есть личности, результаты научной и общественной работы на благо родного края которых настолько велики, что требуют освещения здесь.

Одной из таких женщин с уникальной для того времени биографией не только для Восточной Сибири, но и в целом для страны явилась уже упомянутая Вера Арсеньевна Баландина (Емельянова) (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 267. Л. 7, 9).

В.А. Баландина (Емельянова) происходила из купеческого звания. Окончила Красноярскую женскую гимназию с золотой медалью, восьмой класс со званием домашней наставницы. Окончила физико-математическое отделение ВЖК с представлением сразу двух работ: «О фторе» по химии и «Золото, его происхождение и о приисках Енисейской тайги» по геологии. Работала в области неорганической химии в Институте Пастера в Париже, по органической химии в Женеве у проф. Гребэ. В 1905 г. награждена золотой медалью по народному образованию. В 1893 г. вышла замуж за уроженца Енисейска, происходившего из влиятельной купеческой семьи, кандидата естественных наук Санкт-Петербургского университета Александра Алексеевича Баландина. Имела двоих детей: сына Алексея, ставшего впоследствии знаменитым химиком, и дочь Вивею (ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 464. Л. 1–2; Д. 466. Л. 1–2).

Поражает разносторонность сфер ее деятельности: развитие всех ступеней народного образования от создания ясель до преподавания и членства в попечительном Совете Енисейской женской прогимназии; от выступления с публичными научными лекциями до организации дешевой столовой в г. Енисейске; от литературно-публицистической и издательской деятельности до разведки месторождений (золота, каменного угля и открыт первый в Сибири алмаз) (Мешалкин, 2005: 26). Она также была Почетной блюстительницей Новоселовского министерского двухклассного училища и одноклассного сельского в Большом Хабыке Минусинского уезда, учредительницей частной школы в улусе Усть-Сыда этого же уезда (ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 466. Л. 1–2).

Крупное состояние свекра попало в надежные предприимчивые руки. Вера Арсеньевна глубоко осознавала вклад Высших женских курсов в Петербурге в свое личностное становление. В 1897 г. она пожертвовала курсам 2 600 руб. на образование капитала ее имени для ежегодной выдачи из его процентов стипендии слушательнице из Сибири (С.-Петербургские..., 1903: 230).

Избыток творческих сил и познавательных интересов приводил молодых образованных сибирячек-бестужевок к активности не только в основной профессии, но и дополнительных занятиях: от руководства театром, заведования книжным складом до управления золотодобывающими приисками и подпольной политической деятельности ([Памятная книжка..., 1903](#)).

Среди них, например, была Анна Павловна Елтышева, управляющая библиотекой-читальней в г. Енисейске. В прошении Правления Общества Попечения о народном образовании в г. Енисейске сказано: «Господину Енисейскому Губернатору. Желая открыть Народную бесплатную библиотеку-читальню в помещении Общества («Народная бесплатная библиотека-читальня имени А.С. Баландина) на Большой улице г. Енисейска. Правление имеет честь просить Ваше Превосходительство о разрешении на открытие и содержание означенного учреждения и об утверждении жены окончившего курс естественных наук в Петроградском университете Анны Павловны Елтышевой ответственным заведывающим лицом [...]. 8 октября 1915 г. ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 3633. Л. 1](#)). А.П. Елтышева, осознавая свою гражданскую ответственность, давала следующее обещание: «Я нижеподписавшаяся, принимаю на себя ответственность по открывающейся Обществом попечения о народном образовании в г. Енисейске в помещении здания имени А.С. Баландина бесплатной библиотеки-читальни и обязуюсь в точности исполнять все как существующие, так и могущие впредь последовать по этому предмету постановления и правила. Жена окончившего физ.-матем. факультет Анна Елтышева. 10 ноября 1915 г. ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 3633. Л. 10](#)).

Для некоторых получение высшего образования, несомненно, являлось продвижением в социальном статусе. Так, Логвина (Баргашева) Серафима Нафанаиловна происходила из крестьянских детей Ермаковской волости Минусинского уезда, окончила курс Минусинской женской прогимназии, до замужества была помощницей учителя Мало-Минусинского сельского училища и выдержала испытание на звание народной учительницы в 1907 г. После того как она стала женой служащего Богомдарованной группы рудников Российского Золотопромышленного общества, была принята учительницей рудничной школы ([ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 600 Л. 1-11](#)). Ей установлен оклад 35 руб. – «каковой по местным условиям жизни для самостоятельного существования недостаточен» ([ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 600 Л. 3, 30б.](#)), что подтверждает наш тезис о нередкой поддержке семьи и мужа в получении образования и продвижении в карьере.

Очень интересны судьбы сибирячек-бестужевок, вышедших замуж за студентов университетов Санкт-Петербурга. Мы видим прекрасные примеры, когда супруги стали соратниками в научной и общественно-значимой деятельности. Так, дочь мелкого золотопромышленника Елизавета Николаевна Клеменц (Зверева) уроженка г. Красноярска, институтка первого выпуска девичьего института в Иркутске и ВБК, продолжила преподавательскую деятельность в женской гимназии Минусинска, стала в ней начальницей. Часто ее уроки проходили, строящегося музея в г. Минусинске, членом Комитета по постройке которого и являлась Елизавета Николаевна. Преподавательскую деятельность Зверева совмещала с заведованием метеорологической станцией при строящемся музее ([Милявский, 2017: 280, 281](#)).

На почве общественных и научных интересов произошло сближение с выдающимся археологом, геологом, географом, этнографом, блестящим эрудитом и музееведом Дмитрием Александровичем Клеменцом, женой которого она и стала в 1887 г. Следующие 30 лет прошли в совместной научно-общественной деятельности. Она стала его верной соратницей, собирала гербарии, шкурки животных, проводила метеорологические наблюдения. Елизавета Николаевна деятельно помогала мужу и в работе его в экспедициях и музее Академии наук, а затем и в Музее императора Александра III, во «второй петербургский период» жизни Д.А. Клеменца ([Сибирский..., 1915: 515, 516](#)).

Схожую личную и трудовую жизнь провела бестужевка Аделаида Федоровна Баркова (1854–1888). Не сибирячка по рождению (родилась и училась в Нижнем Новгороде), детство она провела в г. Енисейске. Получив высшее образование на педагогических курсах в С.-Петербурге, Аделаида Федоровна состояла специальным корреспондентом казанской газеты «Волжско-Камское слово». В редакции газеты она свела знакомство на почве общих взглядов и интересов с известным сибирским областником Николаем Михайловичем Ядринцевым, за которого она вышла замуж. Дальнейшую свою судьбу она положила на общественное служение областнической идее ([Аксенова и др., 2019: 36, 37](#)).

5. Заключение

Таким образом, в последней четверти XIX – начале XX вв. высшее женское образование в России, как и вся образовательная система, претерпели заметные изменения: возросло количество женщин, не только стремящихся к продолжению своего обучения, но и появляются заведения, способные его предоставить. Статистические данные свидетельствуют о постепенном увеличении количества студенток, получивших свидетельства о прохождении полного курса и успешной сдачи экзаменов, что открывало им дорогу к квалифицированному труду педагогов, ученых, служащих.

Большинство выпускниц Высших женских курсов из Восточной Сибири в указанный период трудоустроивались в качестве педагогического персонала. Таким образом, получение женщинами высшего образования в центральных учебных заведениях имело и еще одно важное общественно значимое последствие: была решена проблема недостатка учителей и преподавателей в изучаемом регионе. Кроме того, не оценим вклад образованных женщин в развитие культурной и научной сфер Восточной Сибири.

Из всего этого следует, что роль женщины как созидательной, активной в профессиональной деятельности в пореформенный период в России действительно возросла. Однако в силу его платности в большинстве своем только обеспеченные семьи могли поддерживать девочку в ее устремлениях. И даже его успешное завершение не всегда гарантировало успешной профессиональной деятельности.

Кроме того, положение женщин из Восточной Сибири, стремящихся через среднее и высшее образование к общественно значимой и квалифицированной профессии, осложнялось удаленностью региона от центров культуры и образования, какими традиционно являлись столичные города. Тем более ярко выраженный подвижнический и направленный на благо всего общества характер имела профессиональная деятельность бестужевки из нашей глубинки.

Литература

Аксенова и др., 2019 – Аксенова, А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Красноярский аграрный университет, 2019. 537 с.

АРАН – Архив Российской академии наук.

Бакай, 1895 – Бакай Н.Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии (1869–1894 гг.). Красноярск: типография А.Д. Жилина, 1895. 78 с.

Баландина, 1995 – Баландина В.А. Автобиография / Алексей Александрович Баландин: Очерки. Воспоминания. Материалы. Москва: Наука, 1995. 302 с.

Бестужевка..., 2008 – Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею С.-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.) / Сост. О.Б. Вахромеева. СПб: [б.и.], 2008. 412 с.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гончаров, 2020 – Гончаров Ю.М. Историография, источники и методы изучения городской семьи Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 168 с.

Дашкова, 2016 – Дашкова Е.Р. (1743–1810). Записки княгини Дашковой. Москва: Захаров, 2016. 371 с.

Долидович, Федорова, 2008 – Долидович О.М., Федорова В.И. Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: (демографический, социальный, профессиональный аспекты): монография. Федерал. агентство по образованию, ГОУ ВПО «Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева», Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2008. 228 с.

Енисейск..., 2019 – Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг. / Сибирский федеральный университет; Енисейский краеведческий музей имени А.И. Кытманова; ред.-сост. М.А. Лаптева, Н.В. Поздеева, А.В. Ульверт; вступ. ст. А.П. Дворецкой, Н.В. Поздеевой. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2019. 512 с.

Ищенко, 2011 – Ищенко О.В. Развитие общего и профессионального женского образования в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 82–85.

Кытманов..., 2016 – Кытманов А.И. (1858–1910). Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год. М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный ун-т, Енисейский краеведческий музей им. А.И. Кытманова. Красноярск: СФУ, 2016. 850, [1] с.

Лихачева, 1890 – Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России: [в 3 кн. / соч.] Е. Лихачевой. С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1890–1895. [Кн. 1]: (1086–1796) / [предисл. авт.]. 1890. 296 с.

Мешалкин, 2005 – Мешалкин П.Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков). Красноярск: СибГТУ, 2005. 107 с.

Милявский, Панченко, 2017 – Милявский О.А., Панченко А.Б. Беспокойный Клевец: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 695 с.

Очерки..., 2014 – Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI вв.). [Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, С.Н. Ценюга и др.; отв. ред. В.И. Федорова]; М-во образования и науки Краснояр. края, ФГБОУ ВПО «Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева», Совет ветеранов пед. труда системы образования Краснояр. края. Красноярск: [б. и.], 2014. 577 с.

Памятная книжка..., 1895 – Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889; 1893–1895 / 2-е изд. СПб., 1895.

- Памятная книжка..., 1903** – Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889; 1892–1903 / 4-е изд. СПб., 1903.
- Пономарева, Хорошилова, 2009** – Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2009. 349, [2] с.
- Пушкарева, 2002** – Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. (Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой). М: научно-изд. центр «Ладомир», 2002. 523 с.
- Седельникова, 2021** – Седельникова Н.А. Система женского образования в Сибири во второй половине XIX – начале XX века на примере Тобольской губернии. // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2021. № 1 (70). С. 40.
- С.-Петербургские..., 1903** – С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб: [б.и.], 1903. 328 с.
- Сибирская жизнь, 1900** – *Сибирская жизнь*. 1900. № 277. 22 декабря. С. 2.
- Сибирский..., 1915** – Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. СПб: Изд-во Петроград, 1915. С. 515, 516.
- Слушательницы..., 1912** – Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов: По данным переписи (анкеты), выполн. Стат. семинарием в нояб. 1909 г., СПб., 1912. 144 с.
- Уманский, 1888** – Уманский А. Золотой город (Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге). СПб., 1888. 169 с.
- Шохоль, 1912** – Шохоль К.Р. К вопросу о развитии высшего женского образования в России // *Журнал Министерства народного просвещения* / ред. В. Васильковский: Изд-во М-во народного просвещения. СПб., 1912. Ч. 40, август. С. 169, 170.

References

- Aksenova i dr, 2019** – Aksenova, A.V., Gonina, N.V., Dvoretzkaya, A.P., Terskova, A.A. (2019). Mir kul'tury g. Eniseiska vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: slovar' osnovnykh kharakteristik, ponyatii i personalii (k 400-letiyu Eniseiska) [The world of culture of Yeniseisk in the second half of the XIX – early XX centurie: dictionary of basic characteristics, concepts and personalities (to the 400th anniversary of Yeniseisk)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii agrarnyi universitet, 537 p. [in Russian]
- ARAN** – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences].
- Bakai, 1895** – Bakai, N.N. (1895). K dvadtsatipyatiletyu Krasnoyarskoi zhenskoi gimnazii (1869–1894 gg.) [To the twenty-fifth anniversary of the Krasnoyarsk Women's Gymnasium (1869–1894)]. Krasnoyarsk: tipografiya A.D. Zhilina, 1895. 78 s. [in Russian]
- Balandina, 1995** – Balandina, V.A. (1995). Avtobiografiya. Aleksei Aleksandrovich Balandin: Ocherki. Vospominaniya. Materialy [Autobiography. Alexey Alexandrovich Balandin: Essays. Memories. Materials]. Moskva: Nauka, 302 p. [in Russian]
- Bestuzhevka..., 2008** – Bestuzhevka v tsifrakh: k 130-letnemu yubileyu S.-Peterburgskikh Vysshikh zhenskikh kursov (1878–1918 gg.) [Bestuzhevka in numbers: to the 130th anniversary of the St. Petersburg Higher Women's Courses (1878–1918)]. Sost. O. B. Vakhromeeva. SPb: [b.i.], 412 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [The State Archive of the Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Goncharov, 2020** – Goncharov, Yu.M. (2020). Istoriografiya, istochniki i metody izucheniya gorodskoi sem'i Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Historiography, sources and methods of studying the urban family of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX century]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 168 p. [in Russian]
- Dashkova, 2016** – Dashkova, E.R. (2016) (1743–1810). Zapiski knyagini Dashkovo [Notes of Princess Dashkova]. Moskva: Zakharov, 371 p. [in Russian]
- Dolidovich, Fedorova, 2008** – Dolidovich, O.M., Fedorova, V.I. (2008). Zhenshchiny Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: (demograficheskii, sotsial'nyi, professional'nyi aspekty) [Women of Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: (demographic, social, professional aspects)]: monografiya. Federal. agentstvo po obrazovaniyu, GOU VPO «Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva», Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 228 p. [in Russian]
- Eniseisk..., 2019** – Eniseisk v zapiskakh Mikhaila Prokop'evicha Mindarovskogo. 1891–1935 gg. [Yeniseisk in the notes of Mikhail Prokopevich Mindarovsky. 1891–1935]. Sibirskii federal'nyi universitet; Eniseiskii kraevedcheskii muzei imeni A.I. Kytmanova; red.-sost. M.A. Lapteva, N.V. Pozdeeva, A.V. Ul'vert; vstup. st. A.P. Dvoretzkoi, N.V. Pozdevoi. Krasnoyarsk: OOO «Izdatel'stvo Polikor», 512 p. [in Russian]
- Ishchenko, 2011** – Ishchenko, O.V. (2011). Razvitie obshchego i professional'nogo zhenskogo obrazovaniya v Sibiri vo vtoroi polovine vo vtoroi polovine XIX – nachale XX [Development of general and professional women's education in Siberia in the second half of the second half of the XIX – early XX centuries]. *Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. 2(8): v 3-kh ch. Ch. III. Pp. 82-85. [in Russian]
- Kytmanov, 2016** – Kytmanov, A.I. (2016) (1858–1910). Kratkaya letopis' Eniseiskago uezda i Turukhanskago kraya Eniseiskoi gubernii, 1594–1893 god. [Brief Chronicle of the Yenisei County and Turukhansk territory of the Yenisei Province, 1594–1893]. M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii,

Sibirskii federal'nyi un-t, Eniseiskii kraevedcheskii muzei im. A. I. Kytmanova. Krasnoyarsk: SFU, 850, [1] p. [in Russian]

Likhacheva, 1890 – *Likhacheva, E.O.* (1890). Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii: [v 3 kn. soch.] [Materials for the history of women's education in Russia]. E. Likhachevoi. SPb: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1890–1895. [Kn. 1]: (1086–1796). [predisl. avt.]. 296 p. [in Russian]

Meshalkin, 2005 – *Meshalkin, P.N.* (2005). Zhenshchiny Krasnoyar'ya (na rubezhe XIX–XX vekov) [Women of Krasnoyarsk (at the turn of the XIX–XX centuries)]. Krasnoyarsk: SibGTU, 107 p. [in Russian]

Milyavskii, Panchenko, 2017 – *Milyavskii, O.A., Panchenko A.B.* (2017). Bepokoinyi Klemets: Opyt intellektual'noi biografii. [Restless Klemets: The experience of intellectual biography]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 695 p. [in Russian]

Ocherki..., 2014 – Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraja (XVII – nachalo XXI vv.) [Essays on the history of public education of the Krasnoyarsk Territory (XVII – early XXI centuries)]. [G.F. Bykonya, V.I. Fedorova, S.N. Tsenyuga i dr.; otv. red. V.I. Fedorova]; M-vo obrazovaniya i nauki Krasnoyar. kraja, FGBOU VPO «Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva», Sovet veteranov ped. truda sistemy obrazovaniya Krasnoyar. kraja. Krasnoyarsk: [b. i.], 2014. 577 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1895 – Pamyatnaya knizhka okonchivshikh kurs na S.-Peterburgskikh Vysshikh zhenskikh kursakh. 1882–1889; 1893–1895. [A commemorative book of those who graduated from the course at the St. Petersburg Higher Women's Courses. 1882–1889; 1893–1895]. 2-e izd. SPb., 1895. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1903 – Pamyatnaya knizhka okonchivshikh kurs na S.-Peterburgskikh Vysshikh zhenskikh kursakh. 1882–1889; 1892–1903 [A commemorative book of those who graduated from the course at the St. Petersburg Higher Women's Courses. 1882–1889; 1892–1903]. 4-e izd. SPb., 1903. [in Russian]

Ponomareva, Khoroshilova, 2009 – *Ponomareva, V.V., Khoroshilova, L.B.* (2009). Mir russkoi zhenshchiny: sem'ya, professiya, domashnii uklad: XVIII – nachalo XX veka. [The world of the Russian woman: family, profession, home life: XVIII – early XX century]. Moskva: Novyi khronograf, 349, [2] p. [in Russian]

Pushkareva, 2002 – *Pushkareva, N.L.* (2002). Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost'. (Dva veka izucheniya «zhenskoi temy» russkoi i zarubezhnoi naukoj). [Russian Woman: History and Modernity. (Two centuries of studying the «female theme» by Russian and foreign science)]. M: nauchno-izd. tsentr «Ladomir», 523 p. [in Russian]

Sedel'nikova, 2021 – *Sedel'nikova, N.A.* (2021). Sistema zhenskogo obrazovaniya v Sibiri vo vtoroi polovine XX – nachale XX veka na primere Tobol'skoi gubernii. [The system of women's education in Siberia in the second half of the XIX – early XX century on the example of the Tobolsk province]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(70): 40. [in Russian]

S.-Peterburgskie..., 1903 – S.-Peterburgskie vysshie zhenskie kursy za 25 let. 1978–1903. Ocherki i materialy. [St. Petersburg Higher women's courses for 25 years. 1978–1903. Essays and materials]. SPb, 1903. 328 s. [in Russian]

Sibirskaya zhizn', 1900 – *Sibirskaya zhizn'*. 1900. № 277. 22 dekabrya. P. 2. [in Russian]

Sibirskii..., 1915 – Sibirskii torgovo-promyshlennyi ezhegodnik 1914–1915 gg. [Siberian Commercial and Industrial Yearbook 1914–1915]. SPb: Izd-vo Petrograd, 1915. Pp. 515–516. [in Russian]

Slushatel'nitsy..., 1912 – Slushatel'nitsy S.-Peterburgskikh vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursov: Po dannym perepisi (ankety), vypoln. Stat. seminariem v noyab. 1909 g. [Trainees of St. Petersburg Higher women's (Bestuzhev) courses: According to the census (questionnaire), completed. Stat. seminary in November 1909]. SPb., 1912. 144 p. [in Russian]

Uman'skii, 1888 – *Uman'skii, A.* (1888). Zolotoi gorod (Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseiskoi taige) [The Golden City (Essays on the gold industry in the Yenisei taiga)]. SPb., 169 p. [in Russian]

Shokhol', 1912 – *Shokhol', K.R.* (1912). K voprosu o razvitiu vysshego zhenskogo obrazovaniya v Rossii. [To the issue of the development of higher female education in Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Red. V. Vasil'kovskii: Izd-vo M-vo narodnogo prosveshcheniya. SPb. Ch. 40, avgust. P. 169, 170. [in Russian]

Формирование женских профессиональных кадров в Восточной Сибири в последней четверти XIX – начале XX вв.

Анна Сергеевна Жулаева ^{a, *}, Анна Павловна Дворецкая ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^a, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Красноярск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере социума Восточной Сибири последней трети XIX начале XX вв. рассматривается процесс формирования женских профессиональных кадров, анализируются виды их трудовой деятельности.

Данные статистических источников в изучаемый период систематизируются и группируются по формам профессиональной занятости выпускниц высших учебных заведений.

В целом образовательная и профессиональная мобильность сибирячек была невысокой. Возможность выстроить самостоятельную карьеру в традиционно мужских сферах деятельности, оторвавшись от родительской семьи и без поддержки мужа, удавалось не многим. Большинство образованных девушек сталкивались с непониманием и отсутствием поддержки из-за преобладания традиционных патриархальных убеждений в российском социуме. Тем большее восхищение вызывают те сибирячки-бестужевки, которые смогли не только реализовать полученное знания в профессиональной деятельности, но и послужить своим примером следующим поколениям молодых девушек, которые рискнули кардинально изменить свою судьбу, отправившись за образованием из глубинки в центр огромной страны.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, женское образование, образовательная мобильность, виды профессиональной деятельности, женщины-специалисты.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1384-1395
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1384

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Exceptional Burials of Orthodox Christians on the Territory of the Tobolsk City and Its Environs in the late XIX – early XX centuries

Yana G. Zagvazdina ^{a, *}

^aTobolsk Complex Scientific State of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article tells about the special burial sites of the Orthodox population that existed on the territory of Tobolsk and its nearest environs in the late XIX – early XX centuries. It is noted that, despite the closure of cemeteries in the city at the end of the XVIII century, burials were still carried out on the territory of Tobolsk during the studied period.

The attention is paid to the legislative aspect of the commission of such exceptional burials. Specific cases of burials carried out outside the parish cemetery are given. On the basis of these data, it was established that representatives of the highest clergy, merchants and officials, and occasionally burghers could be buried near temples, on the territory of the Tobolsk Znamensky Monastery and the suburban of the Bishop's grove.

The information also shows that there was a cholera cemetery on the left bank of the Irtysh River, which has not been localized yet. In addition, the military could be buried in a military cemetery organized on the territory of the parish cemetery. The article concludes that, there were at least seven necropolises where Orthodox Christians could be buried in the late XIX – early XX centuries in Tobolsk and its environs, in addition to the main parish cemetery.

Keywords: Tobolsk, cemetery, clergymen, late XIX - early XX centuries, burials, Tobolsk Znamensky Monastery, Bishop's grove, Church of the Annunciation, Church of Michael the Archangel, Sophia Assumption Cathedral.

1. Введение

Старинные некрополи являются значимым историческим памятником, который содержит ценные сведения о прошлом. Помимо этого, кладбища выступают носителями информации культурного, этнографического, археологического, религиозного, генеалогического характера (Сорокин, 2012: 171). Но зачастую информация о кладбищах, существовавших в прошлом на территории того или иного населенного пункта, бывает утрачена вследствие различных причин. Это может касаться не только некрополей, существовавших в XVII-XVIII вв., но и более поздних, отделенных от нас менее продолжительным временным промежутком. И если данные об утративших внешние признаки ранних кладбищах порой можно получить только в результате проведения археологических изысканий или случайно (Балюнов, Данилов, 2013: 50-51), при проведении, например, земляных работ, то в изучении погребальных памятников относительно позднего времени значительно могут помочь довольно хорошо сохранившиеся письменные источники.

2. Материалы и методы

Для исследования привлечены материалы фонда Тобольской духовной консистории, Государственного архива в г. Тобольске (г. Тобольск, Россия). В первую очередь метрические книги

* Corresponding author

E-mail addresses: wandy00@mail.ru (Y.G. Zagvazdina)

тобольских церквей за несколько лет начала XX в. которые содержат сведения о смерти и месте погребения тоболяков, а также скончавшихся во время пребывания в Тобольске жителей других населенных пунктов. В третью часть метрической книги «о умерших» вносились данные о фамилии, имени и отчестве, дате смерти и погребении умершего, о причинах смерти, сословном положении и месте жительства.

Также использованы материалы периодической печати, в частности, Тобольские епархиальные ведомости, где публиковались некрологи лиц духовного звания. Публикации такого характера были различными по объему и содержащейся в них информации. Так, в статьях, сообщающих о смерти наиболее видных представителей тобольского духовенства, могла быть довольно подробно указана биография священнослужителя, причины и обстоятельства их ухода из жизни, тогда как менее авторитетным служителям церкви могла быть посвящена лишь небольшая заметка. В ряде случаев упоминаются вопросы согласования места погребения с правящим архиереем.

Кроме того, при работе был использовано Полное собрание законов Российской империи (том XIX) – один из наиболее полных сборников опубликованных документов дореволюционного периода. Дополнительно для локализации границ конкретного некрополя был привлечен картографический источник, а именно план военного кладбища из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (г. Тобольск, Россия).

При написании данной работы применялись такие методы, как анализ, сравнение, обобщение, картографирование и классификация данных. При проведении картографирования и классификации данных применялось историко-географическое районирование города Тобольска с его сложившейся в течении четырех с лишним веков застройкой. Это позволило локализовать большую часть выявленных в ходе исследования некрополей и соотнести их с территорией современного города.

3. Результаты

На территории Тобольска практически с момента его основания существовало несколько православных некрополей. Как правило, они находились близ городских церквей, и хоронили там, вероятно, прихожан этих храмов (Адамов и др., 2008: 64; Данилов, 2014: 173). Часть этих ранних православных кладбищ уже была выявлена при проведении археологических изысканий (Адамов и др., 2008: 29-31; Балюнов, 2010: 12-13; Данилов, 2013: 259; Данилов, 2014: 173-174; Загваздин, 2006: 192; Загваздин, 2008: 24). Такое положение вещей сохранялось вплоть до конца XVIII в., когда, согласно Указу Сената от 24 декабря 1771 г., был введен запрет на захоронения в городской черте (ПСЗРИ, т. XIX: 409). Чуть позже, 19 мая 1772 г., появляется новый указ, регламентирующий расстояние от кладбища до жилых домов (не менее 100 сажен «а, если место дозволит, то хотя бы и за 300 сажен»). В этом же документе было предписано обносить некрополь забором или валом (ПСЗРИ, т. XIX: 500). В Тобольске новое приходское кладбище, получившее наименование Завального вследствие расположения за городским валом, начинает действовать с 1772 г. (Балюнова, Балюнов, 2008: 281).

Но, несмотря на введенный запрет, в целом по стране практика захоронений на закрытых кладбищах близ храмов иногда всё же имела место (Бердников, 2011: 279-280; Загваздин, 2017b: 153-158; Чёрная, 2013: 87). Связано это, вероятно, с тем, что пространство некрополя, как указывает М.П. Чёрная, воспринималось как «вдвойне сакральное» в случае нахождения его рядом с культовым объектом (Чёрная, 2013: 87). Со временем, в соответствии с вышедшим 12 апреля 1833 г. Указом Святейшего Синода, в действующее законодательство были внесены некоторые изменения, которые всё же допускали захоронения близ храмов. Так, 2 пункт упомянутого выше Указа разрешал погребать протоиереев и священников «при церквях, находящихся в селениях (...) честно и беспорочно проходивших своё служение и христиански скончавшихся». В редких случаях близ храма также можно было хоронить лиц, не принадлежавших к духовному званию, но при этом требовалось особое разрешение епархиального архиерея и весьма уважительная причина. В качестве примеров упоминается создание храма иждивением почившего или обеспечение содержания причта. Кроме того, погребаемый должен был иметь «житие благозаконное и кончину не постыдную» (Определения..., 1882: 253).

Определение Святейшего Синода №1690 от 25 августа-22 сентября 1882 «О погребении умерших в оградах при церквях» сообщает, что погребение в оградах церквей как священнослужителей, так и мирян имеет место лишь в редких, исключительных случаях (Определения..., 1882: 252). В связи с этим мы считаем, уместно будет называть такие погребения исключительными.

Такие исключительные захоронения на территории Тобольской губернии уже были зафиксированы в публикациях Е.П. Загваздина (Загваздин, 2017a: 120-121; Загваздин, 2017b: 154-158). Следует отметить, что эти погребения совершались в соответствии с принятыми в тот период времени нормами законодательства. Е.П. Загваздин также обращает внимание на вопросы согласования с руководством епархии случаев таких захоронений. Часто запросы отправлялись телеграфом и в силу этого дошли до нашего времени (Загваздин, 2017a: 120-121; Загваздин, 2017b: 154-155). На территории Тобольска подобные погребения выявлялись и в ходе производства

археологических исследований (Балунов, Данилов, 2013: 50-53; Балунова, Балунов, 2008: 279, 281). Примеры захоронений вне приходского кладбища, выполненных незаконно, рассмотрены П.Г. Даниловым (Данилов, 2018: 340-347).

Хотелось бы обратить внимание на случаи осуществления таких исключительных погребений в конце XIX – начале XX вв., которые имели место на территории города Тобольска и ближайших его окрестностей, так как комплексно этот вопрос в литературе еще не рассматривался. Актуальность этой темы связана с тем, что за редким исключением в настоящий момент какие-либо следы надгробий или надмогильных сооружений утрачены, и установить наличие погребений можно только случайно. Но и в этом случае зачастую бывает сложно установить датировку обнаруженной могилы. А уж определить, кто именно погребен в выявленном захоронении, без привлечения письменных источников практически невозможно. Вследствие этого выявление конкретных случаев таких исключительных захоронений, осуществленных в конце XIX - начале XX вв. на территории главного города губернии, может представлять значительный интерес.

Ввиду того, что каждое такое захоронение, осуществляемое вне приходского кладбища, рассматривалось как открытие нового кладбища (Вопросы..., 1918: 234) можно говорить о существовании нескольких некрополей на указанной территории. Кроме того, представляют интерес и вопросы согласования с руководством епархии или властями таких случаев исключительных захоронений.

Как уже было отмечено выше, всё городское православное население Тобольска надлежало хоронить на территории приходского Завального кладбища, организованного за городской чертой, еще в конце XVIII вв. (Балунова, Балунов, 2008: 280-281; Софронова, Софронова, 2008: 35-36). Все остальные захоронения, осуществляемые в черте города и его ближайших окрестностей, на наш взгляд, можно отнести к исключительным.

3.1. Случаи исключительных захоронений на территории нагорной части г. Тобольска

Вероятно, одним из самых привилегированных мест упокоения была территория Софийского двора близ алтаря Софийско-Успенского собора. Известно, что там похоронены М.Ф. Боголепов, Н.Д. Скосырев и А.П. Архангельский. Об этом можно узнать по сохранившимся до сегодняшнего дня каменным надгробиям (Рисунок 1) установленным, вероятно, вскоре после захоронения погребенных. Надписи на памятниках сообщают краткую информацию об умерших.

Также сведения о погребениях близ главного собора епархии содержат Тобольские епархиальные ведомости, прежде всего опубликованные в «Ведомостях» некрологи лиц духовного звания.

Рис. 1. Каменные надгробия на территории Софийского двора
Источник: Фото автора.

Согласно сведениям, полученным из этих источников, самое раннее из упомянутых выше трех захоронений близ Софийского собора относится к февралю 1893 г. и принадлежит кафедральному протоиерею Матвею Федоровичу Боголепову. Умерший на протяжении 13 лет состоял на должности

настоятеля и благочинного кафедрального собора, являлся председателем Совета Епархиального женского училища и цензором Тобольских Епархиальных ведомостей. Кроме того, Матвей Федорович имел множество наград, начиная с набедренника, орденов Анны и Владимира различных степеней и заканчивая палицею, полученной в 1890 г. Более того, в 1891 г. покойный получил в дар от наследника престола, ставшего впоследствии императором Николаем Вторым, золотые часы с государственным гербом. После отпевания М.Ф. Боголепов был похоронен близ алтаря придела св. Иоанна Златоуста. Как можно судить из некролога, решение о погребении его на этом месте принято было архиереем – «это последнее жилище назначено почившему сердечным расположением к нему Архипастыря» (Лебедев, 1893: 71-72).

Возле алтаря летнего Софийского собора был погребен также и протоиерей Николай Дмитриевич Скосырев, скончавшийся 22 января 1905 г. Почивший служил в различных учреждениях духовного ведомства, но основной его службой была должность ключаря Тобольского кафедрального собора, которую он занимал с 1880 г. Протоиерей Николай Скосырев, прослуживший 27 лет в кафедральном храме Тобольской епархии, вошел в историю Тобольска как деятельный и разумный администратор, педагог и попечитель соборной ризницы, где хранились церковные сокровища и древности (Горохов, 2007: 24). На похороны, как сообщают Тобольские епархиальные ведомости, пришло значительное количество людей. Вот как это описывается в некрологе: «на отпевание собралось все градское Тобольское духовенство». «Проводить усопшего собралось такое множество почитателей, что широкая Ильинская улица не могла вместить всех: некоторым пришлось обходить по другим улицам, чтобы снова встретить усопшего на площади против кафедрального собора» (Протоиерей Николай..., 1905: 38, 41).

Там же указано, что «усыпальница по благословию (...) Владыки нашего уготована почившему по желанию и заслугам его и по месту долголетнего и усердного служения его около храма Соборного, в нескольких шагах от св. Престола, у которого священнодействовал почивший вблизи и от тех учреждений, которыми он (...) заведовал и особенно дорожил» (Протоиерей Николай..., 1905: 41).

21 февраля 1907 г. скончался кафедральный протоиерей Александр Петрович Архангельский. Покойный служил в должности преподавателя духовной семинарии с 1897 по 1905 г., а затем в должности настоятеля кафедрального собора. Помимо этого, выполнял А.П. Архангельский и другие обязанности, в частности, был членом духовной консистории, председателем совета Епархиального женского училища, имел знаки отличия – ордена Анны и Владимира различных степеней. В некрологе отмечено, что в отпевании приняло участие почти все городское духовенство, а тело покойного было погребено напротив алтаря Летнего собора, рядом с могилами протоиереев Боголепова и Скосырева (Кафедральный..., 1907: 164-166).

Кроме того, удалось найти информацию еще об одном священнослужителе, который покоится там же. 30 мая 1917 г. скончался преподаватель практического руководства для пастырей гомилетики и литургики в семинарии, бывший кафедральный протоиерей Никанор Гаврилович Грифцев. Более 30 лет своей жизни Н. Г. Грифцев посвятил служению в Тобольской епархии. Согласно высказанному покойным желанию быть похороненным возле собора, его семьей была послана в Тюмень телеграмма соответствующего содержания к находившемуся там Преосвященному Гермогену. На эту телеграмму Владыка дал ответ с разрешением и выражением соболезнования семье почившего. Н.Г. Грифцев был похоронен за приделом рядом с бывшим настоятелем кафедрального собора протоиереем А. Архангельским (Головчинский, 1917: 310-312, 341). В настоящее время надгробие на месте погребения Н.Г. Грифцева отсутствует.

Особняком, даже в таких исключительных случаях погребения стоит захоронение епископа Гермогена в самом здании собора 2 августа 1918 г. Безусловно, в выборе места для погребения сыграли роль высокий сан священнослужителя и обстоятельства его ухода из жизни. Ввиду мученической кончины епископа Гермогена (в миру Георгия Ефремовича Долганева) он был похоронен в Тобольском кафедральном соборе, в приделе Иоанна Златоуста (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 637об.-638; Пономаренко, 1919: 81). Тело епископа было погребено в склепе у правой стены, на месте первой могилы Иоанна Максимовича (Протокол..., 1918: 147-148). Можно сказать, что гибель епископа Гермогена стала резонансным событием для всей епархии, если не для страны, в связи с чем и погребен он был в особенном месте. Вероятно, в выборе места погребения для преосвященного значительное влияние оказала и традиция погребать архиереев в соборе (Балунов, Данилов, 2013: 52-53; Данилов, 2009: 56). К сожалению, нет информации о том, потребовались ли для его погребения в храме какие-либо согласования с вышестоящим духовенством.

В 2005 г. на территории Софийско-Успенского собора были проведены археологические раскопки, которые позволили обрести мощи причисленного ранее к лику святых Гермогена (Балунов, Данилов, 2013: 53).

3.2. Исключительные захоронения на территории подгорной части г. Тобольска

По свидетельству Тобольских епархиальных ведомостей, совершались погребения и в нижней части города, в частности, на территории Знаменского монастыря. Так, в соответствии с записью в некрологе, в январе 1910 г. скончался протоиерей Петр Дмитриевич Головин, в течении 27 лет

находившийся в звании ректора Тобольской духовной семинарии. Покойный за время служения сделал много полезного, был удостоен множества наград, включая Золотой наперсный крест, награжден орденами Св. Анны и Владимира различных степеней. Петр Дмитриевич был похоронен с разрешения архиерея в ограде главного монастырского Спасо-Преображенского храма с правой стороны его алтаря (Бирюков, 1910: 50, 135, 187-188).

В июне 1917 г. на территории Знаменского монастыря было предано земле тело еще одного ректора Духовной семинарии – протоиерея Александра Ивановича Архангельского. Погребение было совершено в соборной монастырской ограде рядом с могилой П.Д. Головина. В некрологе не упоминаются какие-либо согласования с архиереем места погребения А.И. Архангельского. Вполне вероятно, что они осуществлялись и принимая во внимание тот факт, что отпевал усопшего сам владыка Гермоген, очевидно, погребение почившего ректора на территории монастыря не встретило возражений архиерея (Протоиерей Александр..., 1917: 343-345).

Метрические книги также содержат информацию о захоронениях, где в разделе «о умерших» указывалось место погребения каждого почившего прихожанина. Из этого источника можно узнать о похоронах не только духовных, но и гражданских лиц, прошедших в начале XX вв. на территории Тобольского Знаменского монастыря. Так, в метрической книге Воскресенской (Захарьевской) церкви за 1908 г. имеется запись о том, что купец Сергей Прокопиевич Холин, скончавшийся в ноябре 1908 г., похоронен в ограде Знаменского монастыря в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 752. Л. 660б.-67).

Метрическая книга той же церкви за 1918 г. содержит запись о том, что еще один тобольский купец, Иван Алексеевич Корнеев, скончавшийся 19 января 1918 г. в возрасте 71 года от плеврита, похоронен в Тобольском Знаменском монастыре (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 3410б.-342). В июне этого же года умерла вдова тобольского купца Ольга Николаевна Холина 64 лет, которая также была похоронена на территории Знаменского монастыря около Преображенского собора (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 3430б.-344). Судя по тому, что в погребении участвовал преосвященный Иринарх, можно предположить, что скончавшаяся вдова была приближена к церкви, возможно, жертвовала значительные суммы, в связи с чем было дозволено похоронить ее на территории монастыря близ храма. Как уже было отмечено выше, за десять лет до этого на территории монастыря был погребен С.П. Холин, вероятно, являвшийся супругом О.Н. Холиной.

Есть все основания полагать, что и близ приходских храмов в указанный период времени также совершались захоронения. Так, в некрологе, опубликованном в Тобольских епархиальных ведомостях и посвященном заштатному протоиерею Благовещенской церкви Иоанну Георгиевичу Сентяшеву, сообщается о том, что умерший похоронен в сентябре 1907 г. в ограде Благовещенской церкви напротив алтаря. Именно с этим храмом было связано более чем 25-летнее служение почившего протоиерея, в связи с чем, вероятно, и было принято решение похоронить его близ церкви Благовещения (Заштатный..., 1907: 531-532).

Близ другого приходского храма подгорного Тобольска – Михаило-Архангельского – также имеются могилы. По меньшей мере об одной из них сообщают Тобольские Епархиальные Ведомости. 12 октября 1918 г. в ограде храма Михаила Архангела состоялось погребение много лет служившего там настоятеля храма протоиерея Михаила Дмитриевича Доброхотова, скончавшегося после тяжелой болезни (Из епархиальной..., 1918: 253). Эту информацию подтверждает и запись в метрической книге Михаило-Архангельской церкви за 1918 г., где сообщается, что настоятель погребен «при сей церкви против среднего храма на южной стороне» (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 1020б.-103).

В настоящее время ни на территории бывшего Знаменского монастыря, ни близ храма Михаила Архангела, ни на месте утраченной Благовещенской церкви нет никаких внешних признаков упомянутых выше захоронений.

3.3. Исключительные захоронения в окрестностях г. Тобольска

Основное место захоронения православных горожан с конца XVIII в. – Завальное кладбище находилось, в соответствии с действующим законодательством, за пределами городской черты. В настоящий момент эта территория вошла в состав города. Местоположение его известно, некоторые надгробия на нем сохранились практически с начала его функционирования в качестве некрополя. И, в целом оно неплохо, пусть и недостаточно исследовано (Баллонова, Баллонов, 2008: 280-282; Загваздин, 2016: 74-76; Софронова, Софронова, 2008: 35-41; Сулимов, 2017; Сулимов, 2020). В связи с этим, мы не будем его рассматривать. Кроме того, здесь могли похоронить любого православного христианина, поэтому эти погребения нельзя назвать исключительными. Если же говорить о последних, находившихся в ближайших окрестностях города, то можно сказать, что относительно часто хоронили на территории Архиерейской рощи. (Находящейся за пределами города эта местность считалась в конце XIX – начале XX вв. Сейчас она тоже является частью городской территории).

Так, в апреле 1905 г. скончавшийся от апоплексии столоничальник Тобольской духовной консистории о. диакон Петр Яковлевич Шевелев был погребен в ограде Загородной (Рощинской) Преображенской церкви с благословения и разрешения Его Преосвященства «в знак

признательности покойному за добрую жизнь и добросовестное исполнение служебных обязанностей» ([Служивец, 1905: 130-131](#)).

В конце декабря 1905 года там же, в ограде Рощинской церкви, похоронили священника-надзирателя Тобольского духовного училища Михаила Степановича Ильинского ([Священник..., 1906: 20-21](#)).

В марте 1908 г. в Архиерейской роще возле церкви был погребен заштатный священник Тульской епархии Алексей Васильевич Ивановский, в последнее время проживавший в Тобольске у сына секретаря Духовной консистории В.А. Ивановского ([Памяти..., 1908: 131](#)). Похоронен он был, как гласит запись в метрической книге Спасской и Никольской церквей за 1908 г., «в ограде Преображенского храма, что в Архиерейской роще» ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 752. Л. 559-560об.](#)).

В метрической книге Градо-Тобольского Знаменского монастыря за 1906 г. указано, что иеромонах упомянутого монастыря Вениамин (в миру Варфоломей Иоаннов Шалабанов) похоронен «в Архиерейской загородной роще в ограде против алтаря» ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 746. Л. 602об.-603](#)).

В июне 1908 г. в Архиерейской роще похоронили заштатного протоиерея Юговского завода Пермской епархии Михаила Петровича Добротворского ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 752. Л. 26об.-27](#)). 13 сентября 1918 г. на кладбище при Рощинской церкви было предано земле тело протоиерея Тобольского Кафедрального Софийского собора Александра Андреевича Громова ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 459об.-460](#)).

В Архиерейской роще могли погребать и людей, не принадлежащих к духовному званию. В апреле 1906 г. на кладбище в Архиерейской роще был похоронен отставной чиновник Николай Петрович Карамышев, а в октябре 1906 г. Николай Бологовский, годовалый сын чиновника Николая Федоровича Бологовского ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 746. Л. 285об.-286, 554об.-555](#)). В январе 1908 г. там же был погребен сын умершего ранее чиновника Николая Александровича Петляева Александр, скончавшийся от воспаления легких в возрасте полутора лет ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 752. Л. 457об.-459](#)). В декабре 1908 г. в Архиерейской роще упокоился Тобольский губернский землемер, статский советник Александр Ильич Пашков ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156, Оп. 15. Д. 752. Л. 475об.-476](#)). Через несколько дней после похорон последнего там же прощались с чиновником Тобольской казенной палаты Андреем Григорьевичем Куликовым ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 752. Л. 476об.-477](#)).

21 июля 1918 г. на Рощинском кладбище был погребен Владимир Семенович Ланитин, частный поверенный, бывший помощник губернского комиссара. Возможно, захоронение его здесь связано с тем, что умерший – воспитанник Тобольской Духовной семинарии ([Из текущей..., 1918](#)). Запись о его погребении в Архиерейской роще подтверждает и метрическая книга Богоявленской (Богородской) церкви за 1918 г. ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 266об.-267](#)).

Как следует из записей в метрических книгах, в марте 1918 г. в Архиерейской роще был похоронен статский советник Дмитрий Фомич Жариков-Красовский, в августе – инспектор городской Торговой школы коллежский асессор Михаил Николаевич Новоуспенский, в декабре того же года – 10-летняя Мария Гаврилова, дочь тобольского мещанина Иоанна Гаврилова ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 198об.-199, 303об.-304, 683об. 684](#)).

В мае 1919 г. (по новому стилю в июне) в ограде Архиерейской Рощинской церкви был погребен преподаватель Тобольской губернской мужской гимназии Алексей Алексеевич Васильев ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп.15. Д. 780. Л. 253об.-254](#)). А в августе того же года в Архиерейской роще были похоронены жители Екатеринбурга Павел Иванович Корольков и купеческая дочь Елена Николаевна Королькова, по всей видимости, являющиеся родственниками. Причем в метрической книге указано, что последняя погребена в ограде церкви ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 780. Л. 255об.-257](#)). В сентябре 1919 г. в Архиерейской роще похоронили жену преподавателя Тобольской духовной семинарии Ольгу Петровну Бирюкову ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 780. Л. 288об.-289](#)).

В настоящее время на территории бывшей Архиерейской рощи располагается медицинское учреждение и отсутствуют какие-либо внешние признаки находящегося здесь некрополя.

Кроме того, в Тобольске были организованы отдельные кладбища для особых категорий умерших. В первую очередь стоит обозначить существовавшее за рекой Иртыш холерное кладбище. Так, в метрической книге Воскресенской (Захарьевской) церкви за 1918 г. для нескольких умерших от холеры как место погребения упоминается как «холерное кладбище», кладбище «у холерного барака» «на левом берегу реки Иртыша» ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 347об.-349](#)). В метрической книге погребенными там записаны семь человек. Все они умерли и были похоронены в сентябре 1918 г. Практически все погребенные являются приезжими из других губерний или уездов Тобольской губернии. Возможно, с этим связано их погребение за городом. Умершие различного возраста, включая детей, подавляющее большинство – крестьяне. Один является представителем дворянского сословия. Более подробную информацию о самом холерном кладбище, месте его расположения, и о захоронениях на его территории выявить пока не удалось.

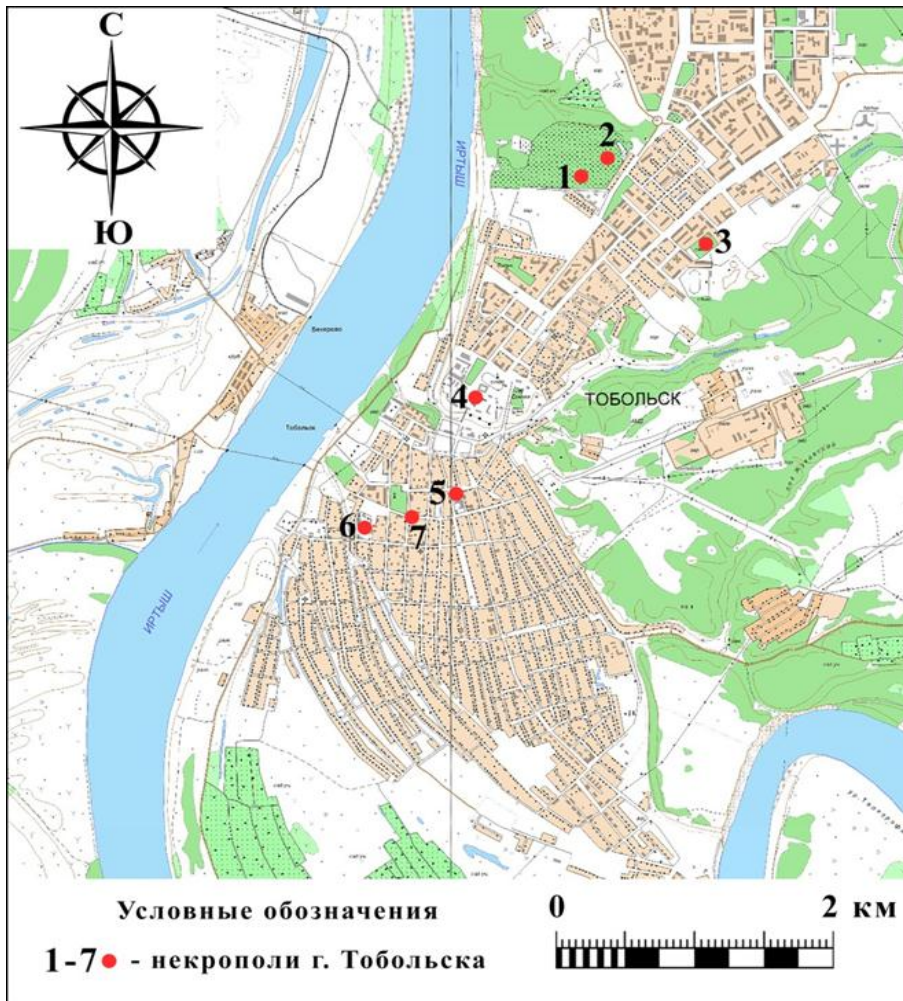

Рис.2. Схема расположения некрополей конца XIX – начала XX вв. на карте современного Тобольска. 1 – Завальное кладбище; 2 – военное кладбище; 3 – Роцинское кладбище; 4 – Софийское кладбище; 5 – кладбище у церкви Михаила Архангела; 6 – кладбище на территории Знаменского монастыря; 7 – кладбище у Благовещенской церкви.

Еще одним таким кладбищем для отдельной категории умерших можно считать Военное городское кладбище, упоминания о захоронениях на котором можно найти в метрической книге Благовещенской церкви за 1918 г. и Христорождественской церкви за 1919 г. Записи содержат сведения о том, что 11 сентября 1918 г. на Военном кладбище были похоронены убитые в бою с большевиками лейтенант Михаил Антониев Плетнев и прапорщик Стефан Андреев Лосевич (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 779. Л. 307об.-308). В 1919 г. на военном городском кладбище был похоронен «убитый в бою с красноармейцами» улан Петропавловского Уланского полка Семен Никифоров Лупалов (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 780. Д. 612об.-613).

Этот некрополь был организован на территории уже существующего Завального кладбища, служащего основным местом упокоения для православных горожан с конца XVIII в. В фондах Тобольского музея-заповедника имеется план военного кладбища, устроенного на отведенном участке городского кладбища. Ввиду того, что этот план является приложением к приказу 1888 г., можно утверждать, что военное кладбище было организовано не позднее 1888 г. (План..., ТМ-11794/30). Судя по наименованию, предназначено оно было для захоронения военных. Но, по всей видимости, не всех военных хоронили на нем, так как нами на данный момент выявлено всего три случая захоронения. Пока сложно сказать что-то более конкретное про этот некрополь. Этот вопрос требует более пристального изучения.

4. Заключение

Таким образом, в Тобольске и его ближайших окрестностях в конце XIX – начале XX вв. существовало кроме основного приходского Завального кладбища, как минимум еще семь некрополей (Рисунок 2). В первую очередь это кладбище в Архиерейской роще (Роцинское), где довольно часто совершалось захоронения. Кроме того, существовало Софийское кладбище в центре города, кладбище у храма Михаила Архангела, у Благовещенской церкви, у Преображенского собора

Знаменского монастыря, а также Военное кладбище, организованное на территории уже существующего Завального кладбища, и холерное кладбище в левобережье Иртыша.

Причем на Софийском кладбище, а также близ Благовещенской и Михаило-Архангельской церквей в указанный период времени, судя по выявленным случаям, могли быть погребены лишь священнослужители. На военном кладбище – лишь военные. На других некрополях могли похоронить и светских людей. Среди последних преобладают представители чиновничества и купечества, в единичных случаях – мещане. Пока не встречено представителей крестьянского сословия, которые были бы похоронены на каком-либо из упомянутых выше кладбищ. Исключение составляет холерное, где среди погребенных большинство составляют представители крестьянства. По всей видимости, захоронение на этих кладбищах, за исключением холерного, было привилегией, доступной не всем, показателем особого статуса и заслуг умершего (либо родителей или супругов умерших в случае погребения детей или, например, жен) в первую очередь перед православной церковью или государством. И так как захоронения на этих некрополях можно отнести к редким, исключительным случаям, их можно было осуществлять (кроме захоронений на холерном и Военном кладбищах), вероятно, только с разрешения правящего архиерея. Последнее достаточно сложно выявить, так как в Тобольске, месте постоянного пребывания архиерея, возможно, эти согласования происходили устно, без их документальной фиксации. Тогда как разрешения из других населенных пунктов епархии зачастую отправлялись телеграфом и поэтому сохранились в качестве письменного источника.

Стоит также упомянуть, что в настоящее время какие-либо внешние признаки захоронений рассматриваемого периода на всех этих кладбищах, кроме Софийского, утрачены. Данный фактор существенно осложняет локализацию выявленных в источниках могил и определение границ некрополей.

Литература

- Адамов и др., 2008 – Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск. 2008. 114 с.
- Балюнов, 2010 – Балюнов И. В. Погребальный обряд Спасского кладбища г. Тобольска // Диалог культур и цивилизаций: Мат-лы XI Всерос. науч. конф. молодых исследователей. Тобольск, 2010. с. 12-13.
- Балюнов, Данилов, 2013 – Балюнов И.В., Данилов П.Г. Археологи открывают тайны Софийского собора // *Наследие Тюменской области*. 2013. №1(3). С. 50-53.
- Балюнова, Балюнов, 2008 – Балюнова Е.А., Балюнов И.В. Из истории погребального обряда русского населения // *Архивы Урала*. 2008. №12. С. 279-282.
- Бердников, 2011 – Бердников И.М. Некрополи Иркутска XVIII-XIX вв. Результаты археологических исследований / *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск. 2011. С. 275-282.
- Бирюков, 1910 – Бирюков Н. Протоиерей П. Д. Головин (Некролог) // *Тобольские епархиальные ведомости*. Часть неофициальная. 1910. № 3. С. 50-55; №4. С. 74-80; №6. С. 127-135; №7. С. 142-156; №8. С. 181-189; №11. С. 257-268.
- Вопросы..., 1918 – Вопросы и ответы // *Тобольские епархиальные ведомости*. Часть официальная. 1918. № 26/27/28. С. 234.
- ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске.
- Головчинский, 1917 – Головчинский В. Светлой памяти о. протоиерея Никанора Грифцева // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1917. № 22. С. 310-317; № 23-24. С. 339-343.
- Горохов, 2007 – Горохов В. Ключарь Софии // *Град Тобольск*. 2007. №2(6). С. 24-25.
- Данилов, 2009 – Данилов П.Г. Некоторые итоги археологического изучения развития Тобольского кремля в XVII – XIX веках // *Исторический сборник. Сборник научных работ, посвященный 30-летию юбилею исторического факультета ТГСПА им. Д. И. Менделеева*. Тобольск. 2009. С. 54-57.
- Данилов, 2013 – Данилов П.Г. Археологические исследования на месте Никольской церкви Тобольского кремля // *Тобольск научный – 2013: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Тобольск. 2013. С. 259-260.
- Данилов, 2014 – Данилов П.Г. Некрополи XVII-XVIII веков в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов / *Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей*. Том II. Омск; Тюмень; Екатеринбург. 2014. С. 19-22.
- Данилов, 2018 – Данилов П.Г. Погребальная практика русского населения Тобольского Прииртышья в XVIII-XIX веках: случаи отступления от официального законодательства // *Научный диалог*. 2018. №12. С. 338-351.
- Загваздин, 2006 – Загваздин Е.П. Исследование у церкви Петра и Павла в г. Тобольске // *Ежегодник Тобольского музея-заповедника*. Тюмень. 2006. №3-4 (32-33). С. 190-194.

- Загваздин, 2008** – Загваздин Е.П. Об одной черте погребального обряда тоболяков в XVII в. / *Диалог культур и цивилизаций*. Материалы IX Всероссийской научной конференции молодых историков. В 2 ч. Тобольск. 2008. Ч. 1. С. 24-26.
- Загваздин, 2016** – Загваздин Е. П. Образ Голгофы на могильных надгробиях Тобольска // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 74-76.
- Загваздин, 2017а** – Загваздин Е.П. Е. Я. Текутьева: новое архивное свидетельство post mortem // *Современные научные исследования и разработки*. 2017. Вып. №7 (15) С. 119-121.
- Загваздин, 2017б** – Загваздин Е.П. «Похороните меня в ограде»: отражение экстраординарной погребальной практики в материалах Тобольской духовной консистории // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2017. Т. 3. №4. С. 150-162.
- Заштатный..., 1907** – Заштатный протоиерей Иоанн Георгиевич Сентяшев // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1907. № 19. С. 531-532.
- Из епархиальной..., 1918** – Из епархиальной хроники // *Тобольские епархиальные ведомости*. Часть неофициальная. 1918. № 26/27/28. С. 252-253 .
- Из текущей..., 1918** – Из текущей жизни // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1918. № 18/19/20. С. 317-318.
- Кафедральный..., 1907** – Кафедральный протоиерей Александр Петрович Архангельский. (Некролог) // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1907. № 6. С. 164-166.
- Лебедев, 1893** – Лебедев М. Кафедральный протоиерей Матвей Боголепов // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1893. № 3-4. С. 69-72.
- Определения..., 1882** – Определения Святейшего Синода // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел официальный. 1882. №22. С. 252-255.
- Памяти..., 1908** – Памяти о. Алексея Ивановского. // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1908. № 6. С. 131.
- План..., ТМ-11794/30** – План военного кладбища, устроенного на отведенном участке на городском кладбище (приложение к приказу № 300 от 1888 г.). Из коллекции тематических карт Тобольской губернии, планов городов и местностей, архитектурных чертежей. ТМ-11794/30 // Госкаталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33725794> (дата обращения: 19.01.2023).
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. 1830. Том XIX (1770–1774). 1081 с.
- Пономаренко, 1919** – Пономаренко К.А. Благоговейной памяти мученика за веру, Церковь и отечество – Епископа Тобольского и Сибирскаго Гермогена / К.А. Пономаренко // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1919. № 5. С. 79-82.
- Протоиерей Александр..., 1917** – Протоиерей Александр Иоаннович Архангельский. (Некролог) // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1917. № 23-24. С. 343-345.
- Протоиерей Николай..., 1905** – Протоиерей Николай Дмитриевич Скосырев. (Некролог) // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1905. № 6. С. 35-41; № 7. С. 49-54.
- Протокол..., 1918** – Протокол соединенного заседания, под председательством Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иринарха, Епископа Березовскаго, временно управляющего Тобольской епархией, Тобольского епархиального Совета и градо-Тобольского духовенства // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел официальный. 1918. № 18/19/20. С. 147-149.
- Священник, 1906** – Священник Михаил Степанович Ильинский. (Некролог) // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1906. № 2. С. 20-21.
- Сорокин, 2012** – Сорокин А. П. «Места памяти»: проблемы сохранения, изучения и популяризации исторических некрополей (на примере Омска и Тобольска) / *Первые Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894)*. Омск. 2012. С. 170-175.
- Сослуживец, 1905** – Сослуживец Г.Т. Некролог // *Тобольские епархиальные ведомости*. Отдел неофициальный. 1905. № 10. С. 130-132.
- Софронова, Софронова, 2008** – Софронова А., Софронова М. Мир живых – миру усопших // *Тобольск и вся Сибирь*. Номер десятый. 2008. С. 35-41.
- Сулимов, 2017** – Сулимов В. Загадки Завального кладбища. Тобольск. 2017. 46 с.
- Сулимов, 2020** – Сулимов В. Тобольский некрополь: имена и судьбы. Тобольск. 2020. 78 с.
- Чёрная, 2013** – Чёрная М. П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // *Вестник ТГУ: Сер. «История»*. 2013. №3(23). С. 81-90.

References

- Adamov i dr., 2008** – Adamov, A.A., Balyunov, I.V., Danilov, P.G. (2008). Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskii ocherk [City of Tobolsk. Archaeological essay]. Tobol'sk. 114 p. [in Russian]

- Balyunov, 2010** – *Balyunov, I.V.* (2010). Pogrebal'nyi obryad Spasskogo kladbishcha g. Tobol'ska [The funeral rite of the Spassky cemetery in Tobolsk]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsii: Mat-ly XI Vseros. nauch. konf. molodykh issledovatelei*. Pp. 12-13. [in Russian]
- Balyunov, Danilov, 2013** – *Balyunov, I.V., Danilov, P.G.* (2013). Arkheologi otkryvayut tainy Sofiiskogo sobora [Archaeologists discover the secrets of St. Sophia Cathedral]. *Nasledie Tyumenskoi oblasti*. 1(3): 50-53. [in Russian]
- Balyunova, Balyunov, 2008** – *Balyunova, E.A., Balyunov, I.V.* (2008). Iz istorii pogrebal'nogo obryada russkogo naseleniya [From the history of the funeral rite of the Russian population]. *Arkhivy Urala*. 12: 279-282. [in Russian]
- Berdnikov, 2011** – *Berdnikov, I.M.* (2011). Nekropoli Irkutska XVIII-XIX vv. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Necropolises of Irkutsk XVIII-XIX centuries. Results of archaeological research]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk. Pp. 275-282. [in Russian]
- Biryukov, 1910** – *Biryukov, N.* (1910). Protoierei P. D. Golovin (Nekrolog) [Archpriest P. D. Golovin (obituary)]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 3: 50-55; 4: 74-80; 6: 127-135; 7: 142-156; 8: 181-189; 11: 257-268. [in Russian]
- Chernaya, 2013** – *Chernaya, M.P.* (2013). Metodiko-istochnikovedcheskie podkhody k resheniyu problemy lokalizatsii istoricheskikh ob'ektov [Methodological and source study approaches to solving the problem of localization of historical objects]. *Vestnik TGU: Ser. «Istoriya»*. 3(23): 81-90. [in Russian]
- Danilov, 2009** – *Danilov, P.G.* (2009). Nekotorye itogi arkheologicheskogo izucheniya razvitiya Tobol'skogo kremlya v XVII – XIX vekakh [Some results of the archaeological study of the development of the Tobolsk Kremlin in the 17th – 19th centuries]. *Istoricheskii sbornik. Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennyi 30-letnemu yubileyu istoricheskogo fakul'teta TGSPA im. D. I. Mendeleeva*. Tobol'sk. Pp. 54-57. [in Russian]
- Danilov, 2013** – *Danilov, P.G.* (2013). Arkheologicheskie issledovaniya na meste Nikol'skoi tserkvi Tobol'skogo kremlya. [Archaeological research at the site of St. Nicholas Church of the Tobolsk Kremlin]. *Tobol'sk nauchnyi – 2013: Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Tobol'sk. Pp. 259-260. [in Russian]
- Danilov, 2014** – *Danilov, P.G.* (2014). Nekropoli XVII-XVIII vekov v strukture gorodskoi zastroiki Tobol'ska v svete arkheologicheskikh i istoricheskikh materialov [Necropolises of the XVII-XVIII centuries in the structure of urban development of Tobolsk in the light of archaeological and historical materials]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh statei*. T. II. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg. Pp. 19-22. [in Russian]
- Danilov, 2018** – *Danilov, P.G.* (2018). Pogrebal'naya praktika russkogo naseleniya Tobol'skogo Priirtysh'ya v XVIII-XIX vekakh: sluchai otstupleniya ot ofitsial'nogo zakonodatel'stva [Funeral practice of the Russian population of the Tobolsk Irtysh region in the 18th-19th centuries: cases of deviation from official legislation]. *Nauchnyi dialog*. 12: 338-351. [in Russian]
- GA v g. Tobol'ske** – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske. [State archive in Tobolsk].
- Golovchinskii, 1917** – *Golovchinskii, V.* (1917). Svetloi pamyati o. protoiereya Nikanora Griftseva. [Blessed memory of Archpriest Nikanor Griftsev]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 22: 310-317; 23-24: 339-343. [in Russian]
- Gorokhov, 2007** – *Gorokhov, V.* (2007). Klyuchar' Sofii [Sophia's key keeper]. *Grad Tobol'sk*. 2(6): 24-25. [in Russian]
- Iz eparkhial'noi..., 1918** – Iz eparkhial'noi khroniki. [From the diocesan chronicle]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 26/27/28: 252-253. [in Russian]
- Iz tekushchei..., 1918** – Iz tekushchei zhizni [From current life]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 18/19/20: 317-318. [in Russian]
- Kafedral'nyi..., 1907** – Kafedral'nyi protoierei Aleksandr Petrovich Arkhangel'skii. (Nekrolog) [Cathedral Archpriest Alexander Petrovich Arkhangel'sky. (Obituary)]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 6: 164-166. [in Russian]
- Lebedev, 1893** – *Lebedev, M.* (1893). Kafedral'nyi protoierei Matvei Bogolepov [Cathedral Archpriest Matvey Bogolepov]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 3-4: 69-72. [in Russian]
- Opredeleniya..., 1882** – Opredeleniya Svyateishego Sinoda [Definitions of the Holy Synod]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel ofitsial'nyi. 22: 252-255. [in Russian]
- Pamyati..., 1908** – Pamyati o. Aleksey Ivanovskogo [In memory of Alexei Ivanovsky]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 6: 131. [in Russian]
- Plan..., TM-11794/30** – Plan voennogo kladbishcha, ustroennogo na otvedennom uchastke na gorodskom kladbishche (prilozhenie k prikazu № 300 ot 1888 g.). Iz kolleksii tematiceskikh kart Tobol'skoi gubernii, planov gorodov i mestnostei, arkhitekturnykh chertezhei. TM-11794/30. [Plan of the military cemetery, arranged on a designated area in the city cemetery (appendix to order No. 300 of 1888). From the collection of thematic maps of the Tobolsk province, plans of cities and areas, architectural drawings]. Goskatalog muzeinogo fonda RF. [Electronic resource]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33725794> (date of access: 19.01.2023).

Ponomarenko, 1919 – Ponomarenko, K.A. (1919). Blagogoveinoi pamyati muchenika za veru, Tserkov' i otechestvo – Episkopa Tobol'skogo i Sibirskago Germogena [Reverent memory of the martyr for the faith, the Church and the fatherland – Bishop of Tobolsk and Siberia Hermogenes]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 5: 79–82. [in Russian]

Protoierei Aleksandr..., 1917 – Protoierei Aleksandr Ioannovich Arkhangel'skii. (Nekrolog) [Archpriest Alexander Ioannovich Arkhangel'sky. (Obituary)]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 23-24: 343-345. [in Russian]

Protoierei Nikolai..., 1905 – Protoierei Nikolai Dmitrievich Skosyrev. (Nekrolog). [Archpriest Nikolai Dmitrievich Skosyrev. (Obituary)]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 6: 35-41. 7: 49-54. [in Russian]

Protokol..., 1918 – Protokol soedinennogo zasedaniya, pod predsedatel'stvom Ego Preosvyashchenstva, Preosvyashchenneishego Irinarkha, Episkopa Berezovskago, vremeno upravlyayushchego Tobol'skoi eparkhie, Tobol'skogo eparkhial'nogo Soveta i grado-Tobol'skogo dukhovenstva [Minutes of the joint meeting, chaired by His Grace, His Grace Irinarch, Bishop of Berezovsky, temporary administrator of the Tobolsk Diocese, the Tobolsk Diocesan Council and the city-Tobolsk clergy]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel ofitsial'nyi. № 18/19/20. Pp. 147-149. [in Russian]

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda. [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. SPb. 1830. Tom XIX (1770-1774). P. 1081. [in Russian]

Sorokin, 2012 – Sorokin, A.P. (2012). «Mesta pamyati»: problemy sokhraneniya, izucheniya i populyarizatsii istoricheskikh nekropolei (na primere Omska i Tobol'ska). [“Places of Memory”: problems of preservation, study and popularization of historical necropolises (on the example of Omsk and Tobolsk)]. Pervye Yadrinsevskie chteniya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 170-letiyu so dnya rozhdeniya Nikolaya Mikhailovicha Yadrinseva (1842-1894). Omsk. Pp. 170-175. [in Russian]

Sosluzhivets, 1905 – Sosluzhivets, G.T. (1905). Nekrolog [Obituary]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 10: 130-132. [in Russian]

Sofronova, Sofronova, 2008 – Sofronova, A., Sofronova, M. (2008). Mir zhivykh – miru usopshikh [The world of the living – the world of the dead]. *Tobol'sk i usya Sibir'*. Nomer desyatyi. Pp. 35-41. [in Russian]

Sulimov, 2017 – Sulimov, V. (2017). Zagadki Zaval'nogo kladbishcha. Tobol'sk [Mysteries of Zavalnoye Cemetery]. Tobol'sk. P. 46. [in Russian]

Sulimov, 2020 – Sulimov, V. (2020). Tobol'skii nekropol': imena i sud'by [Tobolsk necropolis: names and fates]. Tobol'sk. P. 78. [in Russian]

Svyashchennik..., 1906 – Svyashchennik Mikhail Stepanovich Il'inskii. (Nekrolog) [Priest Mikhail Stepanovich Ilyinsky. (Obituary)]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 2: 20-21. [in Russian]

Voprosy..., 1918 – Voprosy i otvety. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. Chast' ofitsial'naya. 1918. 26/27/28: 234. [in Russian]

Zagvazdin, 2006 – Zagvazdin, E.P. (2006). Issledovanie u tserkvi Petra i Pavla v g. Tobol'ske [Research at the Church of Peter and Paul in Tobolsk]. *Ezhegodnik Tobol'skogo muzeya-zapovednika*. Tyumen'. 3-4(32-33): 190-194. [in Russian]

Zagvazdin, 2008 – Zagvazdin, E.P. (2008). Ob odnoi cherte pogrebal'nogo obryada tobolyakov v XVII v. [On one feature of the funeral rite of the Tobolyaks in the 17th century]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsii. Materialy IX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh istorikov*. V 2 ch. Tobol'sk. Ch. 1. Pp. 24-26. [in Russian]

Zagvazdin, 2016 – Zagvazdin, E.P. (2016). Obraz Golgofy na mogil'nykh nadgrobiyakh Tobol'ska [The image of Golgotha on the tombstones of Tobolsk]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12(74): v 3-kh ch. Ch. 1. Pp. 74-76. [in Russian]

Zagvazdin, 2017a – Zagvazdin, E.P. (2017). E.Ya. Tekut'eva: novoe arkhivnoe svidetel'stvo post mortem [E.Ya. Tekutyeva: new archival evidence post mortem]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 7(15): 119-121. [in Russian]

Zagvazdin, 2017b – Zagvazdin, E.P. (2017). «Pokhoronite menya v ograde»: otrazhenie ekstraordinarnoi pogrebal'noi praktiki v materialakh Tobol'skoi dukhovnoi konsistorii [“Bury me in the fence”: reflection of extraordinary burial practice in the materials of the Tobolsk spiritual consistory]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 3(4): 150-162. [in Russian]

Zashtatnyi..., 1907 – Zashtatnyi protoierei Ioann Georgievich Sentyashev [Freelance Archpriest John Georgievich Sentyashev]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Otdel neofitsial'nyi. 19: 531-532. [in Russian]

Исключительные захоронения православных христиан на территории города Тобольска и его окрестностей в конце XIX – начале XX вв.

Яна Геннадьевна Загваздина^{а, *}

^аТобольская комплексная научная станция уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особые места захоронения православного населения, которые существовали на территории г. Тобольска и его ближайших окрестностей в конце XIX, а также начале XX века. Отмечается, что, несмотря на закрытие еще в конце XVIII века кладбищ, находящихся в черте самого города Тобольска, на его территории в изучаемый период время от времени всё же совершались погребения. В исследовании уделяется внимание и законодательному аспекту совершения таких исключительных захоронений. В работе приведены конкретные случаи погребений, которые были осуществлены за пределами приходского Завального кладбища. На основе этих данных установлено, что некоторых представителей высшего духовенства, купцов и чиновников, изредка – мещан могли хоронить близ храмов города Тобольска, на территории Тобольского Знаменского монастыря, а также загородной Архиерейской рощи. В ходе исследования получена информация о том, что существовало холерное кладбище на левом берегу реки Иртыш, которое пока не удалось локализовать. Кроме того, удалось выяснить, что военных, в отдельных случаях, могли хоронить и на военном кладбище, организованном на территории приходского Завального кладбища. В статье сделан вывод о том, что в конце XIX – начале XX вв. в Тобольске и его ближайших окрестностях, помимо основного приходского кладбища, существовало, как минимум, еще семь некрополей, на которых могли погребать православных христиан.

Ключевые слова: Тобольск, кладбище, священнослужители, конец XIX – начало XX вв., захоронения, Тобольский Знаменский монастырь, Архиерейская роща, Благовещенская церковь, храм Михаила Архангела, Софийско-Успенский собор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: wandyoo@mail.ru (Я.Г. Загваздина)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1396-1408
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1396

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Artist in the Periodical of the Russian Empire “Vestnik Izyashchnykh Iskusstv” of the 1880s

Natalya A. Sergeeva ^{a,*}, Anastasia V. Kistova ^{a,b}, Tikhon K. Ermakov ^a, Anna A. Omelik ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov, Russian Federation

Abstract

This study reflects the image of the artist and the ways of his formation on the basis of publications in the periodical press of the Russian Empire at the end of the 19th century. An important role in this process was played by the journal “Vestnik izyashchnykh iskusstv”, dedicated to art history problems and descriptions of artists' biographies, works of art of various genres, and aesthetic and philosophical essays. The publication actively published articles by art historians and art critics, which had a significant impact on the formation of the ideological and aesthetic line of the artistic community of the Russian Empire at the end of the 19th century. The purpose of this study was to analyze the publications of the “Vestnik izyashchnykh iskusstv”, dedicated to the work of national and foreign artists of different eras, published between 1883 and 1885 on the pages of the magazine. The subject of the study is the image of the artist, which is created in such publications, as well as the identification of criteria that determine the formation of the artist's creative path and the significance of his contribution to world artistic culture. In this study, with the help of discourse analysis and content analysis, articles by Russian art historians on the life and work of domestic and foreign artists of different eras were considered. Articles devoted to the work of N.S. Mosolov, Michelangelo Buonarroti, Jean-Jacques Charles, V.V. Vereshchagin, V.G. Schwartz and Francisco Goya, as well as a detailed article “Zhenshchiny-khudozhnitsy” (“Women Artists”) – about women in art from antiquity to the 17th century. The study made it possible to establish important criteria that affect the formation of an artist, the formation of his artistic style, and the determination of his contribution to the history of world art. Separately, the aspect of the formation of women artists and the significance of their artistic contribution to the history of world art was considered. And also identified three ways of teaching creativity: academic, natural and innovative.

Keywords: image of an artist, female artist, “Vestnik izyashchnykh iskusstv”, development of an artist, ways of teaching creativity, artist's path.

1. Введение

В 1880-х годах издавался журнал по вопросам изобразительного искусства «Вестник изящных искусств» в котором публиковались богатые фактическими сведениями статьи по истории русского и зарубежного искусства и эстетике. В издании активно публиковались статьи историков искусства и художественных критиков, которые оказали значительное влияние на формирование идейно – эстетической линии художественного сообщества Российской империи конца XIX века. Значительное количество статей «Вестника» было посвящено развернутому описанию жизни и творчества художников разных эпох. Подобный материал послужил основанием для формирования образа

* Corresponding author

E-mail addresses: nasergeeva@sfu-kras.ru (N.A. Sergeeva), kistochka7@mail.ru (A.V. Kistova), erm-tihon@mail.ru (T.K. Ermakov), omelik@inbox.ru (A.A. Omelik)

художника в конце XIX века в Российской империи, а также определил важнейшие аспекты, влияющие на значимость художественных произведений художника и его творчества в целом.

Целью данного исследования стал анализ публикаций «Вестника изящных искусств» посвященных творчеству отечественных и зарубежных художников разных эпох, вышедших между 1883 и 1885 годами на страницах журнала. Предметом исследования выступает образ художника, который создается в подобных публикациях, а также выявление критериев, определяющих становление творческого пути художника и значимости его вклада в мировую художественную культуру.

2. Материалы и методы

Основанием данной статьи выступили номера «Вестника изящных искусств» опубликованные с 1883 по 1885 год. В качестве источника исследовательского материала были выбраны статьи, посвященные творчеству Н.С. Мосолова, Микеланджело Буонарроти, Жан-Жака Шарля, В.В. Верещагина, В.Г. Шварца и Франциско Гойи, а также развернутая статья «Женщины-художницы» посвященная женщинам в искусстве от античности до XVII века. Каждая из статей посвящена творчеству и жизнеописанию художников, на основе которых складывается образ художника и выявляются важнейшие аспекты, влияющие на становление художника и его творческую деятельность. «Вестник изящных искусств» публиковался в Петербурге при Академии художеств и оказывал значительное влияние на становление художников конца XIX века в Российской империи.

Журнал «Вестник изящных искусств» издавался на протяжении 7 лет: с 1883 по 1890 год. За это время он стал значимым историческим источником для искусствоведческих исследований.

Данное исследование было проведено с помощью методов дискурс- и контент-анализа. В ходе анализа была проведена интерпретация текстов, посвященных творчеству отечественных и зарубежных художников разных эпох, для выявления соотношения различных критериев, оказывающих значительное влияние на творческую жизнь художника, значимость его произведений и вклада в мировую историю искусств.

3. Обсуждение

Ю.Г. Благодер в статье «Китайское искусство в России (по страницам журналов "Вестник изящных искусств", "Зодчий", конец XIX – начало XX вв.)» (Благодер, 2018) показывает роль российской периодической печати в распространении информации о китайском искусстве. Дает анализ статей, опубликованных в журнале «Вестник изящных искусств» в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX века, которые предназначались читателям, интересующимся китайским искусством. Автор анализирует содержание статей с целью определить степень заинтересованности российских научно-просветительских организаций художников и деятелей искусства в распространении китайской культуры.

Этот же автор, Ю.Г. Благодер продолжает тему исследования китайского искусства на основе периодических изданий Российской империи конца XIX века в своей следующей статье «Восприятие китайского искусства творческой интеллигенцией императорской России» (Благодер, 2022). В ней рассматриваются изучение и популяризация знаний о китайской культуре в Российской империи. Проводится анализ публикаций в журналах, издававшихся российской творческой интеллигенцией, в том числе в журнале «Вестник изящных искусств».

В статье «Порабощенное» и «освобожденное» искусство в эстетической критике Н.Д. Ахшарумова» Козлова А.Е. (Козлов, 2022) рассматриваются ключевые работы критика и писателя Н.Д. Ахшарумова, выступившего в русской печати одним из первых теоретиков «порабощенного искусства». Прослеживается становление его эстетических взглядов – от «программной» статьи «О порабощении искусства» до искусствоведческих работ и рефератов, написанных специально для периодического издания «Вестник изящных искусств» в 1884 и 1885 годах.

4. Результаты

Журнал по вопросам изобразительного искусства «Вестник изящных искусств» издавался в Петербурге при Академии художеств с 1883 по 1890 год. Все это время главным редактором журнала выступал историк искусств и музейный деятель А.И. Сомов, положивший начало нового этапа в истории русского искусствознания второй половины XIX – начала XX века. В 1883 году было издано 4 номера журнала. Начиная с 1884 года, издавалось 6 номеров журнала ежегодно. С «Вестником изящных искусств» сотрудничали такие историки искусства, как Д.В. Айналов, П.Н. Петров, Н.П. Собко и художественный критик В.В. Стасов. На страницах журнала публиковались материалы по истории искусства, эстетике, техникам пластических искусств, благодаря которым расширялись идейно-эстетические представления творческой интеллигенции Российской империи XIX века. Значительное количество статей было посвящено описанию жизни и творчеству художников, на основе которых в данном исследовании мы рассмотрим, как был представлен образ художника в

периодической печати Российской империи. А также рассмотрим важнейшие аспекты, влияющие на становление художника и внесение им вклада в мировую историю искусств.

По структуре исследование разделено на три части. В первой части в качестве материала для исследования выступает статья русского искусствоведа, историка искусств и редактора журнала «Вестник изящных искусств» Андрея Ивановича Сомова «Женщины-художницы», вышедшая в свет в третьем выпуске первого тома 1883 года.

Вторая часть исследования опирается на три статьи выдающегося отечественного художественного критика Владимира Васильевича Стасова, опубликованные в выпусках «Вестника изящных искусств» за 1883 и 1884 годы и посвященные жизни и творчеству Василия Верещагина, Вячеслава Шварца и Франциско Гойи.

В третьей части исследования методологическим основанием являются статьи, опубликованные в Вестнике в 1885 году и посвященные отечественному гравёру Николаю Семеновичу Мосолову, жизни и творчеству Микеланджело Буонарроти и творчеству французского художника Жан-Жака Шарля.

«Женщины-художницы» А.И. Сомова

В третьем выпуске первого тома 1883 года периодического издания «Вестник изящных искусств» представлена статья русского искусствоведа, историка искусств Андрея Ивановича Сомова «Женщины-художницы». В этот период, с 1883 по 1890 годы, Сомов становится главным редактором журнала «Вестник изящных искусств» как автор каталогов коллекций Императорской Академии искусств и Эрмитажа, он очень хорошо знаком с живописью и художниками. Будучи профессором в одном из первых высших учебных заведений в России Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге, Андрей Иванович читал цикл лекций «Истории изящных искусств». Ему были знакомы проблемы молодого поколения русских женщин, которые перестали довольствоваться скромным воспитанием (Сомов, 1883: 356). Автор статьи отмечает, что рисование плотно вошло в систему образования в женских учебных заведениях, а также в домашнем образовании девушек высшего и среднего класса. Однако отсутствие квалифицированных кадров и малую значимость, которую придавали ему родители, данный процесс не давал особых результатов. После обучения только девушки, наделенные даром, продолжали рисовать и писать, остальные же без особой надобности бросали это дело. Даже самые преданные поклонницы искусства, по словам автора, не превращали свои навыки в профессию. Ситуация изменилась во второй половине XIX века, когда новое веяние, пришедшие в Россию с Англии и Америки в стремлении женщин завоевать свое место значительным образом развернули так называемый «женский вопрос».

Автор статьи задается вопросом: «Будут ли когда-нибудь замечательные художницы в нашей школе, как были замечательные художники?» (Сомов, 1883: 359). Ответ на свой вопрос он будет искать в истории искусства разных странах, начиная с античности. В данной части статьи будет сделан краткий обзор по истории искусства в Италии, Франции, Германии и Нидерландах, названы наиболее известные или в некоторых моментах только дошедшие до нашего времени имена женщин-художниц. Уже с самого начала повествования Сомов отсылает читателя к сочинению Эрнста Гуля, немецкого профессора Академии художеств и Университета Фридриха Вильгельма в Берлине, под названием «*Die Frauen in der Kunstgeschichte*» («Женщины в истории искусства») 1858 года, в котором писателю уже удалось собрать некоторые исторические факты, опираясь на которые, Сомов будет создавать образ женщины-художницы.

Начинает свое повествование автор с упоминания о древнегреческой художнице *Коре*, дочери гончара Дибутада. Ее имя связывают с созданием изобразительного искусства. Движимой силой, как подмечает Сомов А.И. стала любовь, «превосходной наставницей и вдохновительницей в делах искусства» (Сомов, 1883: 359). В Древней Греции автор указывает дошедшие до настоящего времени имена других женщин-художниц: *Кирена*, *Аристеазия*, *Калипсо*, так же встречаются имена *Анаксандры*, *Алкисоены*, *Ирены*. В Древнем Риме это *Елена* и *Лалу*. О последней известно, что ее считали родоначальницей миниатюрной портретной живописи (Сомов, 1883: 361). Автор пишет, что в течении 700 лет после падения Рима история искусства не представляет ни одного имени женщины-художницы. Наступающие новые времена формировали новое мироотношение, мировоззрение и новые идеалы. Личность художника находилась в тени церковных догмат. Автор говорит о том, что не только имена женщин-художниц, но и мужчин практически не дошли до нашего времени. Однако Сомов А.И. не сомневается в том, что женщины не переставали заниматься искусством, по крайней мере, миниатюрой на пергаменте. А затем данный род живописи получил свое применение в иллюстрировании рукописей в мужских и женских монастырях. Ближе к эпохе Возрождения некоторые имена монахинь-художниц стали известны, одно из них известно по скульптурным работам Страсбургского собора XIII столетия, ее звали *Савина* (*Сабина*) (Сомов, 1883: 362). Ей принадлежит отделка южной дверей собора с изображением двенадцати апостолов, Самсона, Иисуса Христа, Успения Богородицы, Положения во гроб, Вознесения, Венчания Богоматери, Положения во гроб и аллегорические олицетворения христианской церкви и еврейской синагоги (Сомов, 1883: 362). Имя художницы высечено на свитке, вложенном в руку Апостола Павла.

Эпоху Средневековья, где отношение к женщине, сравнимое с религиозным культом, когда о ее красоте слагали песни, ее внимание заслуживали рыцари, сменил XV век. Политические и

социальные перемены XIV века не благоприятным образом отразились на положении женщин в обществе. В поле интересов искусства стал человек, его живой и земной образ с его чувствами и страстями. Сомов говорит о том, что эта работа, требующая упорного труда, была сложна для женщин. Поэтому столь мало известных художниц в этот период нам известно. Но, тем не менее, несколько из выдающихся женщин-художниц в этот период следует отметить, это нидерландская художница *Маргарита ван-Эйк*, сестра выдающихся братьев Яна и Губерта ван Эйков. Преимущественно Маргарита выполняла заказы Бургундского герцогского дворца. Но к совместной работе Маргариты с братьями Ван Эйк принадлежит иллюстрирование молитвенника герцога Бедфордского (Сомов, 1883: 362). Еще одна выдающаяся художница этого периода – *Маргарита* из Нюрнбергского монастыря. К ее работам принадлежат иллюстрации духовных сочинений. В Италии художница, удостоенная канонизации *Каторин Вигри из Феррары*, расписывала священные книги и молитвенники, а также работала с масляными красками. Ее кисти принадлежат образы Святой Урсулы, находящиеся в Национальной пинакотеке Болоньи и Венецианской академии изящных искусств, а также образ младенца Иисуса, считающийся чудотворным. Еще одна итальянская художница, *Онората Рудьяно*, к своим двадцати трем годам уже умело владела кистью и получала значительные заказы.

Конец XV столетия ознаменован «золотой порой искусства». Выработанные новые художественные приемы и принципы породили множество выдающихся произведений. Имена женщин-художниц остаются в тени таких выдающихся мастеров как Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Корреджо, Тициан и другие.

К итальянской школе XVI века принадлежат работы портретной живописи художницы *Марии Робусты* (1560–1590), дочери Тинторетто. Сомов А.И. отмечает, что в некоторых работах ее мастерство достигла уровня знаменитого Тинторетто. Дарованием Марии Робусты восхищались Император Максимилиан и испанский король Филипп II, каждый из них старался привлечь ее к работе в своем дворце. *Лавания Фонтана* (1552–1602) дочь и ученица итальянского художника болонской школы Проспера Фонтана. Она специализировалась на религиозной живописи, работала в Болонье, а потом и в Риме. Ее желание превзойти мастерство отца с подвергло ее обратиться к другому жанру – портретной живописи. Автор отмечает некоторые характерные для ее письма особенности: мягкость кисти, умение писать дорогие материалы, схватывать сходства. Лавания быстро стало известной в Риме, а вскоре была назначена Папой Григорием XIII, придворным живописцем (Сомов, 1883: 367). Портретистка *Сафонисба Англишоло* (1530–1620) ученица итальянского художника Бернардино Кампи, работая в Мадриде при испанском Довре, писала портреты короля Филиппа II, его супруги и инфанта дона Карлоса. Сильно потеряв зрения, но не любовь к искусству, организовала в своем доме место встречи художников и любителей искусства. Одно из произведений, указанный в статье как портрет богато одетой дамы, по другим данным «Портрет королевы Кипра», а позднее идентифицированный как автопортрет 1826 года, можно было наблюдать в Петербурге в Галерее герцогов Лейхтенбергских, в настоящее время портрет утерян. Ее работы отличались теплым колоритом, рисунком и мастерством исполнения (Сомов, 1883: 368). Итальянская художница и поэтесса *Ирен ди Спинлиберго* (1540–1559) еще будучи младенцем, осталась сиротой. Будучи маленькой девочкой, она проявляла интерес к живописи. Родственники передали малышку в ученики к великому Тициану. Благодаря чему к семнадцати годам мастерство Ирен достигало уровня опытного художника, а в возрасте восемнадцати лет она преждевременно ушла из жизни. Автор статьи отмечает, что до 19 века дошли три ее работы, находящиеся в Удино. Они изображают бегство Св. семейства в Египет, Ноя, входящего в ковчег, и всемирный потоп (Сомов, 1883: 368). Автор пишет о том, что со слов свидетелей картин, работы юной художницы отличают талантливое исполнение и колорит. *Плаутилла Нелли* (1523–1588), настоятельница монастыря Св. Екатерины Сиенской, расположенного на площади Сан-Марко во Флоренции, ученица итальянского художника Фра Паоло да Пистойя и итальянского живописца, одного из представителей маньеризма флорентийской школы, Фра Бартоломео. В силу того, что с четырнадцати лет Плаутилла поступила в монастырь, живопись составляла часть ее монашеского подвига и была посвящена духовным сюжетам. Сомов А.И. выделяет две работы художницы, это «Христо у Марфы» находящейся в музее Берлина, и «Обручение святой Екатерины» находящийся в Венецианской академии изящных искусств (Сомов, 1883: 369). Из других источников можно узнать, что в 1560-х года впервые женщиной-художницей было написана ее самая известная и значительная работа – полотно «Тайная вечеря» (Форчун, Фальконе, 2010). Как отмечают исследователи, создав полотно «Тайная вечеря» и подписав его, Нелли ставит себя в ряд таких мастеров Возрождения, как Леонардо да Винчи, Доменико Гирландайо и др. Также Сомов называет имена *Квинтилии Амальтео*, дочери венецианского живописца и жены Джузеппе Моретто, скульптора и живописца в портретном жанре; *Барбары Лонги*, известной портретистки из Равенны, дочери художника-маньериста Луки Логи, автора таких работ, как «Поклонение Мадонны младенцу Христу» (ок. 1600–1605). Заслуживают внимания и портреты *Чечилио Риччи* из Вероны, а также гравера *Дианы Гизи* (1530–1590). Итальянский живописец, один из учеников Рафаэля, имел значительное влияние на Гизи.

Одной из ее лучших работ считают гравюру «Свадьба Психеи» в Палаццо дель Те и «Блудница перед Христом».

В Испании к именам, достойным внимания, автор причисляет портретистку *Исабелле Коельо* (1564–1612) и сестер *Хоанес Мариш и Доротеи*, дочерей и учениц Хуана де Хуаноса. Работы сестер находятся в церкви Церковь св. Хуана де ла Круз в Валенсии. В Нидерландах в XVI веке практически все женщины-художницы были миниатюристками. Среди них *Сусанна Горебоут*, сестра живописца Давида Герарда, представителя раннего Северного Возрождения, упомянутая в журналах Альбрехта Дюрера и других исторических источниках (Сомов, 1883: 370). *Клара де-Кейзер* из Гента, ушедшая из жизни в раннем возрасте восемнадцати лет, прекрасно работала в миниатюре. *Анна Смейтерс* из Гента работала в жанре портрета в крошечных размерах. *Анна Зегерс* из Антверпена, *Анна ван-Кроненбург*, *Льевина Бенейег*, *Катерина ван-Гемсен* также работали в жанре миниатюрных портретов.

Семнадцатое столетие, по мнению автора статьи, значительно богато женщинами-художницами. Это связано с успехами, сделанными женщинами в своем интеллектуальном развитии, а также к любви к прекрасному и изящному. Италия по-прежнему является лидером среди стран, где имена женщин-художниц занимают значительное место. Ученица итальянского художника, гравера, рисовальщика Болонской школы Гвидо Рени, а позднее Джоменикино *Артемизия Джентилески* (1590–1642) работала в историческом жанре, но значительно преуспела в портретном. Получила широкую известность и была приглашена королем Англии Карлом I Стюартом ко своему Двору. Как отмечает Сомов А.И., лучшей картиной Артемизии считается картина «Юдифь» находящейся в галереи Флоренции (Сомов, 1883: 372). Еще одна ученица Гвидо Рени – *Элизабета Сирани* (1638–1665) дочь болонского живописца Джованни Андреа Сирани. Одними из лучших работ Элизабеты Сирани историки искусства считают «Христо на берегу Иордана», находящейся в Чертозе (Болонья), «Магдалена», в Эрмитаже Санкт-Петербурга находятся два произведения автора: «Отдых святого семейства на пути в Египет» и «Христос-младенец» (Сомов, 1883: 372). Также автор приводит других женщин-художниц этого периода, среди которых: *Лаура Бернаскони*, ученица итальянского художника Марио Нуцци, расписавшая знаменитый плафон в Палаццо Колонна в Риме; *Джованна Гарцони* из Асколи, которая мастерски создавала копии известных мастеров, работала в портретном жанре миниатюры; *Вероника Фонтана*, *Феде Галиция*, *Кьяра Варотари*, *Аньезе Долчи*, *Мария Марратта*, *сестры Мадалена и Орсола Каччья*, *Виттория Казанова*, *сестры Раньери*, *Кьяра Сальмеджа*, *Тареза дель-По и другие*. В Испании – портретистка *Мария де-Абраку*, в Португалии монахиня-художница *Мария да Круз* (Сомов, 1883: 373-374). Со второй половины XVII века живопись в Испании становится любимым делом времяпрепровождения среди знати. Богатые дамы много писали, но были дилетантами в своем деле. В Голландии *Анна-Мария Схурмань* (1607–1678) (Сомов, 1883: 375) дочь антверпенского живописца уже с одиннадцати лет Анна-Мария знала еврейский и греческий языки, читала Гомера, Эсхила и подлинный текст Библии, изучала арабский и другие восточные языки. *Маргарита Годвейк* (1627–1677) из Дортрехта, ученая, знающая несколько языков (Сомов, 1883: 377). Работала в жанре пейзажа и морских видов. Будучи дочерью голландского художника Франса Питерса де Греббера, Мария де Греббер очень хорошо разбиралась в архитектуре и применяла перспективу в своих работах, ее работы посвящены городским видам и архитектуре. Сомов приводит еще несколько десятков имен женщин, чьи достижения в искусстве удостоены внимания, среди них: *Мария де-Гере* и *Алида Витхос* мастера ботанических иллюстраций; *Мария ван Остервейк* мастер натюрмортов, ученица Яна Девиса де Хейма; портретистка *Якина Метцу* и *Диана Глаубер* (Сомов, 1883: 377-378). Голландские художницы обращались не только к натюрмортам, тема человеческой жизни также была им не чужда. Среди художниц бытового жанра можно назвать: *Газону* и *Марию Терборх* и других (Сомов, 1883: 377). Особое внимание автор уделяет голландской художнице *Рахель Рейс (Рюйш)* (1664–1750) мастеру цветочных натюрмортов, дочери известного анатома и естествоиспытателя Фредерика Рёйса и жене портретиста Юриана Пола. Несколько произведений Рахель входили в коллекцию С.Г. Строгонова в Петербурге. Сомов отмечает, что ее мастерство отбирать и группировать предметы, рисунок и роскошный колорит по праву выделяют ее как искусного мастера не только своего времени, но и среди других мастеров.

Во Фландрии художницы *Катерина Пенейн*, *Анна-Франциска де Бруейн*, *Гертруда ван-Вень*, дочери антверпенского живописца Яна Филиппа ван *Тилена*, *Мария-Тереза*, *Анна-Мария* и *Франциско-Катерина* (Сомов, 1883: 378-379).

В Германии одной из выдающихся художниц можно назвать *Марию-Сибиллу Мериан*, дочь гравера Меттеуса Мериана (Сомов, 1883: 379). Будучи еще ребенком, у нее умер отец. Опекун принял решения отдать ее на обучение нидерландскому художнику, мастеру натюрмортов Абрахаму Меньону. Маленькая девочка была любознательна, изучала латынь и проявляла интерес к изучению насекомых. Последнее пристрастие и сделала юную художницу знаменитой. Большинство рисунков насекомых вошли в книгу «*Metamorphosis insectorum surinamensium*» 1705 года. Часть рисунков были переданы в библиотеки и ученые коллекции, зоологические музеи. Сомов отмечает, что ее рисунки интересно не только с научной точки зрения, но и с художественной стороны. Свою мастерство Мария-Сибилла передала двум своим дочерям, одна из которых была вызвана на русскую службу в Петербург для преподавания рисования в школе при типографии, а потом и в Академию наук,

а также она была хранительницей естественно-исторических ценностей в Кунсткамере. Также к германской школе можно отнести несколько художниц: дочери голландского живописца И.Г. Фишера *Сусанна* и *Анна-Катерина*, мастера миниатюры и портрета. *Магдалина Фюрстинь*, ученица Фишера и Сибиллы Мериан, гравер и художница *Мария-Клара Эймарт*, швейцарка *Анна Вазер* – великолепная исполнительница миниатюрных идеалистических ландшафтов с изображением фигурок ним и сатиров (Сомов, 1883: 380). Мастер умело работала в разных техниках, владела карандашом, тушью, бисером, масляными красками.

В Англии можно назвать имена миниатюристки *Анны Карлейил*, ученицы английского портретиста Питера Лели – *Марию Бель*, знаменитую своими портретами; *Анну Кильгру*, писавшую исторические картины, натюрморты и портреты по манере исполнения также напоминавшие руку мастера Питера Лели (Сомов, 1883: 381).

Во Франции в эпоху Людовика XIV искусство вошло в раздел модных занятий француенок. Дочери французского живописца Луи Булоня известной творческой династии Булонь, *Женевьева* и *Мадлена* были известны как мастера искусного исполнения не только цветов и фруктов, но картин исторического жанра. Дочь французского художника, гравера и иллюстратора Клода Виньона – *Шарлота Виньон*, жена французского скульптора Франсуа Жирардона – *Катарина Дюшмен*, ученица французского рисовальщика и гравера Нантёйль Робер – миниатюристка *Катрина Перро*, мастерски владела карандашом и акварельным рисунком, ее работы можно имели популярность в естественно-исторических сочинений. Под руководством французского живописца, гравера и коллекционера произведений искусства Жака Стелла выросли ее племянницы – *Клодина*, *Антуанета* и *Франсуаза Бузоне-Стелла* (Сомов, 1883: 382). Наибольшую известность своими эстампами картин Н. Пуссена получила Клодина Бузоне-Стелла. Наиболее известные ее работы: «Моисей, источающий воду из камня», «Моисей-младенец на водах Нила» и «Распятие» три картины Н. Пуссена. Ее характерной особенностью можно назвать тщательный рисунок тушью. И в заключении еще одна представительница женского пола – поэтесса, художник, музыкант и академик *Элизабет Софи Шерон* (Сомов, 1883: 382). Будучи ученицей своего отца, живописца А. Шерона, в 1670 году была принята в Королевскую академию живописи и скульптуры в качестве портретиста.

Подводя итоги, можно заключить, что, создавая образ художника, а в нашем случае – образ женщины-художницы, историк искусства Андрей Иванович Сомов обращается уже к исследованным фактам, приводит примеры и дает характеристики творчества наиболее известным в мире искусства женщинам-художникам. Говоря о художнике и об искусстве, созданным женской рукой, автор отмечает факторы, повлиявшие на его становление и формирование. Безусловно, это актуально-исторический контекст, исторические события, повлиявшие на мироотношение в той или иной стране, определившие место женщины в бытовом и культурном пространстве. Во-вторых, образование, та возможность, которая позволила женщине добиться успеха в научном пространстве. Бытовой уклад, стремление женщины создавать произведения были обусловлены бытовыми обстоятельствами. Так, например, монахини-художницы считали своим монашеским делом иллюстрировать священные книги или создавать произведения религиозного характера. И, наконец, одна из главных причин, которая способствовала выходу женщин-художниц на мировой уровень, – это образование внутри творческих семей и союзов. Автор неоднократно обращает внимание зрителя на то, что все известные художницы – это дочери, родственницы, опекуны, жены, подмастерья известных мастеров. Та, атмосфера, которая царил внутри семьи, возможность обучать, передавать опыт и мастерство от главы семейства своим детям, способствовала развитию художественного образования.

Говоря об образе художника в нашей части статьи женщине-художнице, Андрей Иванович Сомов говорит с некоторой теплотой, отмечая, что наставницей и вдохновительницей в искусстве является любовь. И женщине с ее домашними обязанностями и заботами, чувством материнства кисть и холст тоже были не чужды. Среди работ, выполненных женской рукой, действительно есть произведения, достойные внимания, по исполнению не уступающие мастерам «золотого века».

Василий Верещагин, Вячеслав Шварц и Франциско Гойя в статьях художественного критика В.В. Стасова

Отдельного внимания заслуживают 3 большие статьи выдающегося отечественного художественного критика Владимира Васильевича Стасова, опубликованные в выпусках Вестника изящных искусств за 1883 и 1884 годы (Стасов, 1883, 1883а, 1884, 1884а; Ватсон, Стасов 1884, 1884а). Статьи посвящены жизни и творчеству двух отечественных художников – Василия Верещагина и Вячеслава Шварца и испанского мастера Франциско Гойи. Все статьи представляют весьма обширный материал о биографии и творческом наследии авторов, являя особый образ художника как неординарной личности, способной оказывать влияние на общество не только своим творчеством, но и самой своей жизнью.

В статье, посвященной В.В. Верещагину, современником которого был В.В. Стасов, художественный критик так обозначает свою основную задачу: «В течение последних 10 лет биография Верещагина много раз появлялась в русских, французских, немецких, английских и американских книгах, журналах и газетах, но всегда она излагалась очень неудовлетворительно по отсутствию достаточных материалов. У меня накопилось в настоящее время довольно большое

количество таких материалов, надеюсь, вполне достоверных, а потому я и решаюсь изложить подробно жизнь нашего повсюду уже знаменитого художника. <...> я все-таки полагаю, что даже в настоящем виде факты, сообщаемые мною, послужат к более полной оценке личности, характера и жизни Верещагина» (Стасов, 1883: 98).

Далее следует подробный рассказ о детстве и юношеских годах Василия Васильевича Верещагина с описанием не только его характера и привычек, которые впоследствии проявятся в самостоятельной творческой жизни художника, но и описание характеров его родителей, которые, по мнению автора статьи, сильно повлияли на становление личности будущего мастера батального жанра, а также случаев из жизни и окружения. В.В. Стасов создает подробный биографический портрет Василия Верещагина именно с целью формирования у читателя наиболее полного и правдивого представления о знаменитом уже к тому времени художнике.

Подобный же принцип характерен и для двух других статей. С той лишь разницей, что статья о Вячеславе Григорьевиче Шварце, историческом русском художнике, рано ушедшем из жизни, построена в основном на воспоминаниях о нем его родных, друзей и коллег (Стасов, 1884; Стасов, 1884а), а статья о Франсиско Гойе, знаменитом испанском мастере рубежа XVIII – XIX веков, написана Стасовым в соавторстве с испанским автором М.В. Ватсон, которая написала историко-биографическую часть статьи (Ватсон, Стасов, 1884; Ватсон, Стасов, 1884а).

Важно отметить выразительный литературный слог статей Стасова о художниках, благодаря которому рисуется живой и яркий характер личности и ее переживаний: «Некоторые письма Верещагина с описанием того, что он видел на поле сражения под Телишем, а также после входа русского передового отряда в Адрианополь – страшно щемят, гнетут безотрадно» (Стасов, 1883а: 268).

Также выразительно и эмоционально В.В. Стасов описывает и произведения рассматриваемых художников, стараясь дать их подробный словесный портрет и создать у читателя эмоциональное впечатление. Часто автор пользуется сравнением, таким образом и расширяя кругозор читателя, и вписывая менее известного художника в признанную художественную традицию, и отсылая к своим же исследованиям о творческой судьбе другого автора: «Это один из превосходнейших рисунков, когда-либо сделанных Шварцом. Он всегда невольно приводит мне на память характерную сцену трех беседующих азиатов в превосходной картине Верещагина «Среднеазиатские политики в опиумной лавочке», написанной в Ташкенте в 1870 году. Конечно, между обеими сценами есть довольно и различия: ташкентцы Верещагина – жалкие оборвыши, босоногие и в лохмотьях, тогда как из евреев Шварца двое в изрядных сюртуках и башмаках, в изрядных же шаровидных фуражках поверх яломеек, и только третий, высчитывающий им на пальцах какое-то выгодное предприятие, одет в рваный и заплатанный зипун. Конечно, и физиономии, и национальные типы иные, но в обеих группах есть нечто общее, родственное. И тут и там одна и та же ориентальная важность и серьезность, одни и те же позы и наклон тела, те же руки, засунутые в карманы или за пояс, то же неподвижное, как бы равнодушное внимание, то же окаменелое выслушивание доказательств и доводов» (Стасов, 1884: 49).

При этом автор описывает все стороны творчества и жизни художников, удачные и неудавшиеся, создавая портрет художника сложным и разносторонним: «Но в этом 1873 году явилось у Верещагина и несколько картин мало удовлетворительных. Например, огромная картина «С гор на долины: перекочевка киргизских аулов», «Молла Раим и Молла Керим, по дороге на базар, верхом на осликах, ссорятся», изображение туркестанских офицеров «Когда поход будет» и «Когда похода не будет». Вообще можно было бы, кажется, сказать, что, после трех лет страшной, нечеловеческой работы, Верещагин достигал изумительного технического совершенства, но это совершенство доставалось ему ценой легко понятного утомления. Пора было ему, не взирая на всю громадную энергию и силу, остановиться и передохнуть» (Стасов, 1883а: 251).

В случае с описанием жизни и творчества, мало оцененного при жизни В.Г. Шварца, Стасов ставит своей целью вписать его имя в историю отечественного искусства: «Я думаю, что как от «Свежего кавалера» Федотова пошла наша бытовая живопись, так от «Ивана Грозного» Шварца пошла наша настоящая историческая живопись. Но 20 лет тому назад это еще не осознавалось...» (Стасов, 1884: 52). И он выстраивает статью об этом художнике как расследование, описывая вначале факты и условия его жизни, которые должны были привести к развитию в нем таланта баталиста, и тем самым создавая интригу по поводу его разворота в сторону исторического жанра, которую тут же сам Стасов разъясняет другими фактами биографии: «Вот с каким настроением и с каким запасом русского исторического материала, горячо любимого, поступил Шварц в Академию и в ученики к профессору Виллевалду. Зная такие условия его художественной природы, можно ли было ожидать, что из него выйдет батальный живописец? Конечно, нет» (Стасов, 1884: 42).

Такой ход позволяет продемонстрировать, что на становление вкусов и пристрастий художника влияет очень многое. Но разобраться в истинных причинах может лишь очень внимательный исследователь, который учитывает и малозначительные на первый взгляд детали биографии.

Посвящая большую четырех частную статью малоизвестному художнику, рано ушедшему из жизни, В.В. Стасов фиксирует важность бережного отношения к талантливым людям и необходимость внимательного взгляда к работам молодых авторов, чей талант так же мог расцвести

ранее обыкновенного: «Он умер молодым, всего 30 лет, себя не пережил, но все-таки не умер вовремя: от его таланта, от его способностей, едва достигших в ту минуту зрелости, можно и надо было ожидать еще многого, и если он уже в таких молодых годах успел (по выражению А.Г. Смирновой) «бросить яркий луч света на русское искусство и внести реформу в нашу историческую живопись», то сколько же крупных дел и начинаний свершил бы он еще, если бы прожил дольше?» (Стасов, 1884а: 141).

В статье о Франсиско Гойе В.В. Стасов делает больший упор на критический разбор творческого наследия художника и мнений о нем: «Во второй половине этого труда я изложил свой взгляд на Гойю и его творения, основываясь на знакомстве с подлинными произведениями художника. При этом мне хотелось лишь изредка соглашаться с теми взглядами, которые я находил изложенными в сочинениях испанских, французских, немецких, английских и итальянских художественных писателей. С большинством из них я был не согласен во взгляде на Гойю» (Ватсон, Стасов, 1884: 351-352).

Из всего творческого наследия знаменитого испанского художника В.В. Стасов наиболее ценит именно графические листы серии «Капричос», оценивая живописное и предшествующее им творчество как не вполне самостоятельное: «<...> до этих пор его самостоятельность, его истинный характер и натура еще не просияли во всем блеске» (Ватсон, Стасов, 1884а: 392). Из чего можно заключить, что для В.В. Стасова одна из главных черт таланта художника, выделяющая его из массы обыкновенных талантливых мастеров, – это самостоятельность. Именно эту самобытность, неординарность, непохожесть на остальных ищет Стасов в характере, судьбе и творческом наследии каждого автора.

Можно сделать вывод, что, по мнению В.В. Стасова, для действительно выдающихся художников не существует единых правил формирования таланта, поиска своей темы и стиля. Каждый идет своим уникальным путем, который складывается из случайных деталей, ярких случаев, личных пристрастий, особенностей семейного и социального окружения, встреч с учителями и друзьями, личных выборов и трудолюбия самих художников.

Но всех выдающихся художников объединяет глубина творческой мысли, обращение к общечеловеческим настоящим чувствам и ценностям через национальные и исторические типы и темы. Именно так В.В. Стасов завершает статью о Ф. Гойе, сравнивая его талант с талантом В. Верещагина: «И вот с этой-то стороны правды, естественности, глубокой мысли, горячего чувства, национальности и историчности Гойя есть, на мой взгляд, лучший и высший художник конца XVIII – начала XIX века. Поэтому-то мне давно хотелось рассказать нашей публике его биографию, указать его направление» (Ватсон, Стасов, 1884а: 398).

Н.С. Мосолов, Микеланджело Буонарроти и Жан-Жак Шарль в изданиях «Вестника изящных искусств» 1885 года

В качестве методологического основания исследования статей 1885 года, мы обратимся к методам дискурс- и контент-анализа в духе современных теорий функционирования нарративов (Никитина, 2021; Фуко, 2020). Наша задача состоит в выявлении типической схемы построения текста о художнике в текстах, опубликованных в этот год и выявлении отличительных особенностей художника, которые позволяют отличить данную дефиницию от других возможных, позволяя нам проследить логику общего представления о художнике в культуре Российской Империи конца XIX века (методологическим основанием подобной связи выступает, например, концепция отношений языка и мира Л. Витгенштейна) (Витгенштейн, 2022).

За период 1885 года в журнале «Вестник изящных искусств» были опубликованы три биографические статьи о художниках. Первая посвящена отечественному гравёру Николаю Семеновичу Мосолову, вторая – жизни и творчеству Микеланджело Буонарроти. И, наконец, последняя статья описывает творчество французского художника Жан-Жака Шарля. Для всех статей характерна общая структура. Первая часть представляет собой краткую биографическую справку, за которой следует более или менее подробное описание избранных автором конкретной статьи работ. Некоторые статьи перемежаются черно-белыми репродукциями работ художников.

Первый смысловой блок обозначенных статей и первая важная характеристика художника – это его детство. Отчасти здесь прослеживается формирующееся к этому времени представление о важности социального контекста для формирования личности, заложенное ещё идеями эпохи Просвещения (Локк, 1985) которые находят своё воплощение в работах ведущих российских философов (Чотчаева, 2008).

По отношению к личности художника идея социального конструирования выражается в мысли о взрослении в среде уже творческой или, как минимум, художественной. Иными словами, художник может быть родом из разных социальных слоёв (богатый-бедный, знатный-незнатный), но хоть кто-то из ближайших родственников должен быть приобщен к искусству. Причём это может быть как непосредственно творческая деятельность, так и собирание произведений искусства (так отец Мосолова – коллекционер, что, по мысли автора, способствует формированию у будущего художника эстетического чувства). Интересно, что степень родства может достаточно сильно варьироваться, это не обязательно родители, но может быть и кто-то из ближайшего окружения (например для Ж-Ж. Шарля это дядя). Важно подчеркнуть, что эти первые упоминания о детстве не являются «биографическим методом» анализа, поскольку ранние эстетические опыты формируют не

конкретную направленность творчества будущего художника, но создают принципиальную возможность проявления творческих способностей.

Логическим следствием из детского общения с искусством становится ранний интерес к творчеству как таковому. Здесь важно отметить, что нарратив о раннем проявлении творческих способностей, по сути, отражает своеобразное стремление к согласованию установки на социальное конструирование и чуть более древнего представления об одарённости как неотъемлемом качестве творческой личности (Богоявленская, 2021). Подобное синтезирование можно считать отличительной чертой русской мысли конца XIX века: стремление совместить традиционное религиозно-мистическое мировоззрение с набирающим вес материально-рациональным подходом к пониманию мира. Отсюда художник становится, с одной стороны, продуктом социального контекста, с другой стороны, ему необходимо изначально обладать предрасположенностью, чувствительностью к этому самому контексту.

Предрасположенность молодого художника находит своё выражение не только в том, что он стремится творить, но и в особых чувствах, которые побуждают его к творчеству. Здесь речь идёт о таких эпитетах, как «энергия», «любовь», «вовлечённость». Возникает в этом контексте и довольно интересная идея о способах научения творчеству. Три рассмотренные статьи демонстрируют три различных подхода к разговору о приобретении художником навыков.

Первый способ, который можно обозначить как «академический» представлен в биографии Н.С. Мосолова. Говоря о становлении художника, автор статьи подчеркивает внимательное изучение им работ старых мастеров и постепенное приобщение к уже существующей художественной традиции. Пример Мосолова можно считать предельным, поскольку большая часть его творчества представляет гравюры с работ мастеров эпохи Возрождения и ряда современных художников. В современном медийном контексте подобный взгляд на художника кажется несколько странным. По сути, творчество превращается в сложный процесс копирования уже признанных произведений, но такая «вторичность» творчества не становится предлогом для принижения деятельности Мосолова. Напротив, он провозглашается выдающимся творцом своего времени. На наш взгляд, это отражает общую культурную установку на искусство и его восприятие. Сверхакадемическое искусство является способом сохранения уже сформированной традиции, художник академического пути развития воспринимается как носитель и продолжатель этой традиции. Его творчество полностью погружено в контекст уже созданной системы произведений, формируется из неё и из неё же создаёт нечто новое, являющееся продолжением старого.

Полностью противоположный путь, который можно обозначить как «естественный» отражается в биографии Ж.-Ж. Шарля. Теперь автор статьи подчеркивает, напротив, исключенность художника из какой-либо художественной традиции, максимально естественное освоение им приёмов живописания. Проявляется эта отстранённость не столько в разрывы с академическим стилем (творчество Шарля в целом укладывается в русло традиций живописи XIX века) сколько в подходе художника к выбору сюжета картин и работы его с исходной натурой. Шарль в первую очередь анималист, и его картины связаны с «живым наблюдением над натурой», изучая реальность, он копирует её. В этом ценностной содержание его работ: если «академист» пересказывает зрителю традиционную живопись, то «естественный» художник пересказывает зрителю саму реальность. Интересно, что тон обеих статей весьма комплементарный, а потому нельзя говорить о преимуществе того и или иного пути творчества, в сущности, Шарль и Мосолов представляются авторам в равной степени выдающимися современными художниками, занимающими каждый свою нишу.

Наконец, третий путь – «новаторский» представлен в творческой биографии Микеланджело Буонарроти. По сути, он представляет собой синтез обозначенных выше способов формирования художника. С одной стороны, подчеркивает «ученичество» художника у старых мастеров, его тесные отношения с формирующимися в Возрождении живописными и скульптурными школами. С другой стороны, Микеланджело добивается невероятных успехов с помощью наблюдения за натурой. Внимательное изучение анатомии позволяет ему, с точки зрения автора статьи, достигать выдающихся результатов в скульптурной практике. В каком-то смысле синтетический путь предстаёт как способ бытия не просто выдающегося художника, но художника-первооткрывателя. Совмещение академической выучки и естественного наблюдения за природой способствуют созданию работ, которые развивают текущую академическую традицию, не просто повторяя её, но расширяя саму систему произведений искусства, формируя новый плацдарм для дальнейшего развития академического искусства.

5. Заключение

В результате исследования статей, опубликованных в журнале «Вестник изящных искусств» в 1883, 1884 и 1885 годах, было установлено следующее:

В случае с женщинами-художницами и искусством, созданным женской рукой, можно выделить несколько определяющих факторов, влияющих на его становление и формирование. Во-первых, актуально-исторический контекст, влияющий на мировоззрение, определяющее место женщины в бытовом и культурном пространстве. Во-вторых, образование как возможность,

позволяющая женщине добиться успеха в научной и творческой среде. Также – бытовой уклад, определяющий обстоятельства, в которых творчество рассматривается как одна из обязанностей женщины. И, наконец, образование и воспитание внутри творческих семей и союзов, то есть нахождение внутри творческой среды и окружения с самого детства.

Одним из нарративов становления художника является увлеченность искусством и интерес к творчеству как таковому с самого детства. А также воспитание внутри художественной среды или наличие в достаточно близком окружении художника хотя бы одного человека, непосредственно связанного с художественной деятельностью или занятого в сфере, близкой к искусству (например, коллекционированием), что позволяет сформировать эстетический вкус.

Выделено три способа научения творчеству: академический, естественный и новаторский. При академическом способе научения основное внимание уделяется изучению и копированию работ старых мастеров. Естественный способ предполагает выключенность художника из какой-либо художественной традиции и максимально естественное освоение им приемов живописания. Новаторский способ объединяет оба предыдущих и, с одной стороны, подчеркивает преемственность от старых мастеров, а с другой стороны, делает акцент на естественном изучении природы непредвзятым взглядом.

Не существует единых правил формирования таланта, поиска своей темы и стиля. Каждый художник идет своим уникальным путем, который складывается из случайных деталей, случаев, личных пристрастий, особенностей социального окружения, встреч, личных выборов и трудолюбия самих художников. Но всех выдающихся художников объединяет глубина творческой мысли, обращение к общечеловеческим настоящим чувствам и ценностям через национальные и исторические типы и темы.

Литература

Благодер, 2018 – Благодер Ю.Г. Китайское искусство в России (по страницам журналов "Вестник изящных искусств", "Зодчий", конец XIX – начало XX вв.). Россия – Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников XI Международной научно-практической конференции, Казань, 18–20 октября 2018 года // *Академия наук Республики Татарстан*. 2018. С. 46-52.

Благодер, 2022 – Благодер Ю.Г. Восприятие китайского искусства творческой интеллигенцией Императорской России / VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы Международной научно-практической конференции, 2022 года. Иркутский государственный университет, 2023. С. 89-94.

Богоявленская, 2021 – Богоявленская Д.Б. Раскрытие понятий творчества и одаренности по этапам развития познания // *Российский психологический журнал*. 2021. Т. 18. № 3. С. 159-168.

Ватсон, Стасов, 1884 – Ватсон М.В., Стасов В.В. Франсиско Гойя // *Вестник изящных искусств*. 1884. Т. 2. Вып. 5. С. 350-369.

Ватсон, Стасов, 1884а – Ватсон М.В., Стасов В.В. Франсиско Гойя (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1884. Т. 2. Вып. 6. С. 373-398.

Витгенштейн, 2022 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. С нем. В.П. Руднева / Академический проект. 2022. 271 с.

Дегтяренко и др., 2022 – Дегтяренко К.А., Менжуренко Ю.Н., Пчелкина Д.С., Шпак А.А. Древние художественные произведения Центральной Сибири // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15, № 6. С. 799-810.

Козлов, 2022 – Козлов А.Е. "Порабощенное" и "освобожденное" искусство в эстетической критике Н.Д. Ахшарумова // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2022. № 45. С. 124-135.

Копцева, Пименова, 2020 – Копцева Н.П., Пименова Н.Н. Своеобразие культурных сообществ сегодня: опыт изучения трансформаций в культурных пространствах и классификация Т.Х. Эриксона // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2020. Т. 4, № 3. С. 57-69.

Локк, 1985 – Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении (Философское наследие). М.: Мысль, 1985. 621 с.

Никитина, 2021 – Никитина Е. Сказка о малом и большом: межвидовые инструменты рассказывания историй // Синтез современности: руины ГАХН и постдисциплинарность / под ред. Н. Сазонова, А. Хенинг // Изд-во Института Гайдара, 2021. С. 122-143.

Сергеева, 2023 – Сергеева Н.А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7, № 2. С. 108-115.

Ситникова, Ли, 2022 – Ситникова А.А., Ли С. Образ Китая в творчестве Красноярского художника Сергея Форостовского // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6, № 4. С. 87-98.

Сомов, 1883 – Сомов А.И. Женщины – художницы // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1 (3). С. 356-383.

Стасов, 1883 – Стасов В.В. Василий Васильевич Верещагин // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1. Вып. 1. С. 98-128.

- Стасов, 1883а** – Стасов В.В. Василий Васильевич Верещагин (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т.1. Вып. 2. С. 238-278.
- Стасов, 1884** – Стасов В.В. Вячеслав Григорьевич Шварц // *Вестник изящных искусств*. 1884. Т.2. Вып. 1. С. 25-63.
- Стасов, 1884а** – Стасов В.В. Вячеслав Григорьевич Шварц (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1884. Т.2. Вып. 2. С. 112-142.
- Форчун, Фальконе, 2010** – Форчун Д., Фальконе Л. «3: молитесь за художницу [Сестра Плаутилла Нелли]» / Женщины-невидимки. Забытые художники Флоренции (на английском и итальянском языках) (2-е изд.). Флоренция, Италия: Флорентийская пресса. 2010.
- Фуко, 2020** – Фуко М. Археология знания / Пер. С фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2020. 416 с.
- Чотчаева, 2008** – Чотчаева М.Ю. Концепция человека и личности в русской мысли XIX века // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 43-47.
- Gül, 1858** – Gül E. Die Frauen in der Kunstgeschichte. Berlin, 1858. 288 p.
- Kistova et al., 2023** – Kistova A.V., Sitnikova A.A., Ilchenko K.I. Collection of Russian avant-garde paintings in the funds of the Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2023, 16(4): 608-624.
- Koptseva, Sitnikova, 2019** – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2019. Vol. 32, No. 1. Pp. 47-74.
- Koptseva, Seredkina, 2021** – Koptseva N.P., Seredkina N.N. The Journal "North" (1903) as a Historical Source: The Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. № 16(1). Pp. 343-356.
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Y.N. The Journal "Cine-phono" as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916 // *Bylye Gody*. 2021. № 16(4). Pp. 2043-2052.
- Sergeeva, Zamaraeva, 2023** – Sergeeva N.A., Zamaraeva Yu.S. Creation of new art associations in the Soviet fine arts 1917-1922 // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2023. 16(7). Pp. 1043-1061.

References

- Blagoder, 2018** – Blagoder, Yu.G. (2018). Kitajskoe iskusstvo v Rossii (po stranicam zhurnalov "Vestnik izyashchnyh iskusstv", "Zodchij", konec XIX – nachalo XX vv.) [Chinese art in Russia (according to the pages of the magazines "Vestnik izyashchnyh iskusstv", "Zodchij", late XIX – early XX centuries)]. Rossiya – Kitaj: istoriya i kul'tura: Sbornik statej i dokladov uchastnikov XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Kazan', 18-20 oktyabrya 2018 goda. Akademiya nauk Respubliki Tatarstan. Pp. 46-52. [in Russian]
- Blagoder, 2022** – Blagoder, Yu.G. (2022). Vospriyatie kitajskogo iskusstva tvorcheskoj intelligenciej Imperatorskoj Rossii [The Perception of Chinese Art by the Creative Intelligentsia of Imperial Russia]. VI Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2022 god. Irkutskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 89-94. [in Russian]
- Bogoyavlenskaya, 2021** – Bogoyavlenskaya, D.B. (2021). Raskrytie ponyatij tvorchestva i odarennosti po etapam razvitiya poznaniya [Disclosure of the concepts of creativity and giftedness by stages of development of knowledge]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*. 18(3): 159-168. [in Russian]
- Chotchaeva, 2008** – Chotchaeva, M.Yu. (2008). Konceptiya cheloveka i lichnosti v russkoj mysli XIX veka [The concept of man and personality in Russian thought of the 19th century]. *Vestnik Aдыгейского государственного университета*. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 1: 43-47. [in Russian]
- Degtyarenko et al., 2022** – Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Yu.N., Pchelkina, D.S., Shpak, A.A. (2022). Drevnie hudozhestvennye proizvedeniya Central'noj Sibiri [Ancient art works of Central Siberia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(6): 799-810. [in Russian]
- Forchun, Fal'kone, 2010** – Forchun, D., Fal'kone, L. (2010). «3: Molites' za khudozhnitsu [Sestra Plautilla Nelli]» [«3: Pray for the artist [Sister Plautilla Nelly]»]. Zhenshchiny-nevidimki. Zabytye khudozhniki Florentsii (na angliiskom i ital'yanskom yazykakh) (2-e izd.). Florentsiya, Italiya: Florentiiskaya pressa [Invisible women. Forgotten Artists of Florence (in English and Italian) (2nd ed.). Florence, Italy: Florentine Press].
- Fuko, 2020** – Fuko, M. (2020). Arheologiya znaniya [Archeology of knowledge]. Per. S fr. M.B. Rakovoj, A.Yu. Serebryannikovoj. SPb.: IC «Gumanitarnaya akademiya», 416 p. [in Russian]
- Gül, 1858** – Gül, E. (1858). Die Frauen in der Kunstgeschichte [Women in the history of art]. Berlin. 288 p.
- Kistova et al., 2023** – Kistova, A.V., Sitnikova, A.A., Ilchenko, K.I. (2023). Collection of Russian avant-garde paintings in the funds of the Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 16(4): 608-624.

- Kopceva, Pimenova, 2020 – Kopceva, N.P., Pimenova, N.N. (2020). Svoeobrazie kul'turnyh soobshchestv segodnya: opyt izucheniya transformacij v kul'turnyh prostranstvah i klassifikaciya T.H. Eriksena [The originality of cultural communities today: the experience of studying transformations in cultural spaces and the classification of T.H. Eriksen]. *Severnye arhivy i ekspedicii*. 4(3): 57-69. [in Russian]
- Koptseva, Sitnikova, 2019 – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law*. 32(1): 47-74.
- Koptseva, Seredkina, 2021 – Koptseva, N.P., Seredkina, N.N. (2021). The Journal "North" (1903) as a Historical Source: The Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356.
- Koptseva et al., 2021 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Y.N. (2021). The Journal "Cine-phono" as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- Kozlov, 2022 – Kozlov, A.E. (2022). "Poraboshchennoe" i "osvobozhdennoe" iskusstvo v esteticheskoj kritike N.D. Ahsharumova ["Enslaved" and "liberated" art in art critic by N.D. Akhsharumov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 45: 124-135. [in Russian]
- Lokk, 1985 – Lokk, Dzh. (1985). Sochineniya v 3-h t. T.1. Opyt o chelovecheskom razumenii (Filosofskoe nasledie) [Works in 3 volumes. T.1. An Essay on Human Understanding (Philosophical Heritage)]. M.: Mysl', 621 p. [in Russian]
- Nikitina, 2021 – Nikitina, E. (2021). Skazka o malom i bol'shom: mezhhvidovye instrumenty rasskazyvaniya istorij [A Tale of Small and Large: Interspecies Storytelling Tools]. *Sintez sovremennosti: ruiny GAHN i postdisciplinarnost'*. Pod red. N. Sazonova, A. Hening. Izd-vo Instituta Gajdara. Pp. 122-143. [in Russian]
- Sergeeva, Zamaraeva, 2023 – Sergeeva, N.A., Zamaraeva, Yu.S. (2023). Creation of new art associations in the Soviet fine arts 1917–1922. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 16(7): 1043-1061.
- Sergeeva, 2023 – Sergeeva, N.A. (2023). Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennyh teorii i istorii iskusstva [The concept of “visuality” in modern theory and history of art]. *Severnye arhivy i ekspedicii*. 7(2): 108-115. [in Russian]
- Sitnikova, Li, 2022 – Sitnikova, A.A., Li, S. (2022). Obraz Kitaya v tvorchestve Krasnoyarskogo hudozhnika Sergeya Forostovskogo [The image of China in the work of the Krasnoyarsk artist Sergei Forostovskiy]. *Severnye arhivy i ekspedicii*. 6(4): 87-98. [in Russian]
- Somov, 1883 – Somov, A.I. (1883). Zhenshchiny – khudozhnitsy [Women artists]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv*. 1(3): 356-383. [in Russian]
- Stasov, 1883 – Stasov, V.V. (1883). Vasilij Vasil'evich Vereshchagin [Vasily Vasilyevich Vereshchagin]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv*. 1(1): 98-128. [in Russian]
- Stasov, 1883a – Stasov, V.V. (1883). Vasilij Vasil'evich Vereshchagin (okonchanie) [Vasily Vasilyevich Vereshchagin (ending)]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv*. 1(2): 238-278. [in Russian]
- Stasov, 1884 – Stasov, V.V. (1884). Vyacheslav Grigor'evich SHvarc [Vyacheslav Grigorievich Schwartz]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv*. 2(1): 25-63. [in Russian]
- Stasov, 1884a – Stasov, V.V. (1884). Vyacheslav Grigor'evich SHvarc (okonchanie) [Vyacheslav Grigorievich Schwartz (ending)]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv*. 2(2): 112-142. [in Russian]
- Vatson, Stasov, 1884 – Watson, M.V., Stasov, V.V. (1884). Fransisko Gojya [Francisco Goya]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv*. 2(5): 350-369. [in Russian]
- Vatson, Stasov, 1884a – Watson, M.V., Stasov, V.V. (1884). Fransisko Gojya (okonchanie) [Francisco Goya (ending)]. *Vestnik izyashchnyh iskusstv*. 2(6): 373-398. [in Russian]
- Vitgenshtejn, 2022 – Vitgenshtejn, L. (2022). Logiko-filosofskij traktat [Logico-Philosophical Treatise] Per. S nem. V.P. Rudneva. Akademicheskij proekt. 271 p. [in Russian]

Художник в периодическом издании Российской империи «Вестник изящных искусств» 1880-х годов

Наталья Анатольевна Сергеева ^{a, *}, Анастасия Викторовна Кистова ^{a, b},
Тихон Константинович Ермаков ^a, Анна Александровна Омелик ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kistochka7@mail.ru (А.В. Кистова), nasergeeva@sfu-kras.ru (Н.А. Сергеева), erm-tihon@mail.ru (Т.К. Ермаков), omelik@inbox.ru (А.А. Омелик)

Аннотация. В данном исследовании отражен образ художника и пути его становления на основе публикаций в периодической печати Российской империи конца XIX века. Важную роль в этом процессе играл журнал «Вестник изящных искусств» посвященный искусствоведческим проблемам и описанию биографий художников, произведений искусства разных жанров и эстетико-философских очерков. В издании активно публиковались статьи историков искусства и художественных критиков, которые оказали значительное влияние на формирование идейно – эстетической линии художественного сообщества Российской империи конца XIX века. Целью данного исследования стал анализ публикаций «Вестника изящных искусств» посвященных творчеству отечественных и зарубежных художников разных эпох, вышедших между 1883 и 1885 годами на страницах журнала. Предметом исследования выступает образ художника, который создается в подобных публикациях, а также выявление критериев, определяющих становление творческого пути художника и значимости его вклада в мировую художественную культуру. В данном исследовании при помощи дискурс-анализа и контент-анализа были рассмотрены статьи русских искусствоведов, посвященные жизни и творчеству отечественных и зарубежных художников разных эпох. В качестве основы исследовательского материала были выбраны статьи, посвященные творчеству Н.С. Мосолова, Микеланджело Буонарроти, Жан-Жака Шарля, В.В. Верещагина, В.Г. Шварца и Франциско Гойи, а также развернутая статья «Женщины-художницы» о женщинах в искусстве от античности до XVII века. Проведенное исследование позволило установить важные критерии, влияющие на становление художника, формирование его художественного стиля и определение его вклада в историю мирового искусства. Отдельно был рассмотрен аспект становления женщин художниц и значимость их художественного вклада в историю мирового искусства. А также выделено три способа научения творчеству: академический, естественный и новаторский.

Ключевые слова: образ художника, женщина-художница, «Вестник изящных искусств», становление художника, способы научения творчеству, путь художника.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1409-1420
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1409

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Znamensky Skete in the Socio-Cultural Environment of the city of Krasnoyarsk and Its Environs

Daria N. Nesterenko ^{a, *}, Anna P. Dvoretzskaya ^a, Evgeny A. Akhtamov ^a, Tatyana V. Izluchenko ^a

^aSiberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

Abstract

In this article on the basis of archival sources the socio-cultural aspect of the existence of the Znamensky monastic hermitage in the XIX – early XX centuries is considered. The article is based on the materials of the State Archive of Krasnoyarsk region, namely on the fundamental fund on the history of the monastic monastery – Krasnoyarsk Znamensky monastic skete. It contains a variety of documents from the hermitage construction records to the service lists of the brethren. Also of interest are the Yenisei Diocesan Bulletins, a periodical where one can trace aspects of the existence of the monastic monastery.

The Krasnoyarsk Znamensky dormitory skete was unique not only for its location, which required it to be polyfunctional, but also for the composition of its inhabitants, including the founder of the monastery, Philaret. The brethren of the skete provided not only its economic life, showing the nearest settlements an example of everyday life, but also improved and increased the range of their duties and socio-cultural interactions.

The considerable attention in the article is paid to the environment of the hermitage, its interrelationship with it, namely with the city of Krasnoyarsk and the surrounding settlements. The role of the monastery for the surrounding area is considered. Being at the crossroads of both water and land routes to the main provincial center, the monastery became the main link in the unique historical space of Yenisei province. It is worth noting that the skete established both collective socio-cultural ties with the local population and individual ties with patrons of the arts.

Moreover, the authors have considered the main functions of the skete, the expansion of which over time was demanded by the local population. Among the main functions the authors considered: educational, missionary, moral-orienting, socio-cultural animation.

The Znamensky skete influenced the social environment, the local population and the provincial center, playing an important role in its representation; in turn, the historical landscape determined the main functions of the monastery, thus marking the needs for it.

Keywords: Siberia, the Yenisei Siberia, Krasnoyarsk, skete, the end of the XIX – beginning of the XX centuries.

1. Введение

Являясь самоорганизующейся структурой с определенным комплексом ценностей, Русская православная церковь представляет собой важный общественный институт. Монастыри в этом случае являются частью системы Церкви, имеют социально-значимые функции. В то же время монастырь, находясь в конкретной местности, всегда несет и дух той территории, на которой находится. Исторически ландшафт монастыря обуславливался, как правило, потребностями региона, в котором он располагался: это могла быть как миссионерская специфика, так и реализация просветительской функции по отношению к населению данной территории. В то же время сакральный ландшафт

* Corresponding author

E-mail addresses: d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

монастыря всегда имел, как считают И.Л. Манькова и М.Ю. Нечаева (Манькова, Нечаева, 2020), «культурно-ландшафтные маркеры, связанные с культовой деятельностью». Они же предположили, что «особенности размещения и развития этих элементов всегда связаны с разнообразными историческими реалиями, включая социально-политическую обстановку и бытовые условия». И далее: «С периферией локального монастырского ландшафта связаны система жизнеобеспечения и круг социальных контактов монашеской общины».

Енисейская губерния представляла особый исторический локус, где инородческое население, переселенцы и другие представители сословных категорий создавали определенную субкультуру, в которой монастырям отводилась особая роль. В Енисейской губернии на момент создания Знаменского скита было три мужских и два женских монастыря, один архиерейский дом. Насельников мужского пола в них имелось 57, а женского – 220 (Федоров, 2017: 44). В рассматриваемый нами период центр монастырской жизни переместился в Красноярский округ. Здесь проживало 30 мужчин и 76 женщин – насельников (Памятная книжка..., 1897–1898: 67).

Традиционно монастыри (Туруханский Троицкий, енисейские Спасский и Иверский) несли миссионерскую деятельность на Енисейском Севере, являясь здесь своеобразными очагами христианского просвещения. По мере обустройства центральной части территории с центром в г. Красноярске, появляются новые обители и в этой местности, в районе Сибирского тракта (красноярские Успенский и Знаменский монастыри). Знаменский скит стал единственным монастырем в районе Красноярска, на правом берегу Енисея, в районе старых казачьих и старожильческих поселений и в непосредственной близости от золотых промыслов, несущих идеи христианского монастырского жития (Федоров, 2017: 44).

2. Материалы и методы

В статье на основе документов Государственного архива Красноярского края (Ф. 16, Ф. 104, Ф. 516, Ф. 592, Ф. 595, Ф. 674, Ф. Р. 745) и материалов периодической печати «Енисейские епархиальные ведомости» рассматривается влияние Красноярского Знаменского мужского скита на социокультурное окружение губернского города Красноярска и одноименного уезда с момента его основания в 1888 г. и до упразднения в 1921 г. Показываются социальные коммуникации скита на коллективном уровне с местными приходскими общинами и индивидуальном уровне с отдельными меценатами. В рамках теории монастырского ландшафта показывается процесс появления отдельных маркеров территории, таких как крестный ход, проведение молебнов в прилегающих территориях.

В рамках данного исследования использовались общеисторические методы, такие как хронологический и историко-генетический методы. А также специально-исторический метод структурно-функционального анализа. Хронологический метод позволил сделать вывод об изменении процессов, происходящих внутри братии Знаменского скита, а также их влиянии на город. Историко-генетический метод позволил выявить закономерности социокультурных связей между отдельными населенными пунктами и скитом, формы взаимозависимости между «миром» и монастырем. Метод структурно-функционального анализа позволил выявить набор ролей и функций, присущих Знаменскому скиту в указанный период с учетом условий и запросов внешнего мира.

3. Обсуждение

Роль монастырей в колонизации пространства и хозяйственном освоении территории Сибири и Приенисейского региона традиционно привлекает исследователей в России и за рубежом. В дореволюционной историографии отдельные аспекты деятельности монастырей за Уралом находили отражение в работах, посвященных описанию и истории Сибири. Сведения о Посольском Спасо-Преображенском мужском монастыре, Свято-Троицком Селенгинском мужском монастыре встречаются в работе К. Риттера (Риттер, 1894). Автор уделяет внимание описанию расположения, а также деятельности монастырей. В работе В.В. Птицына (Птицын, 1896) содержатся сведения об организации жизни, месторасположении Посольского Спасо-Преображенского, Свято-Троицко Селенгинского, Чикойского Иоанно-Предтеченского мужских монастырей. В работе Н.Н. Фирсова «Чтения по истории Сибири» (Фирсов, 1915) рассматривается миссионерская и хозяйственная деятельность монастырей Западной Сибири.

В советский период появились работы по истории социально-экономического развития Сибири, в которых, в частности, рассматривалась роль монастырей в хозяйственном освоении Приенисейской Сибири (Александров, 1964; Вахрушин, 1955). Также исследовалась роль сибирских монастырей как мест лишения свободы уголовных преступников (Шорохов, 1978), роль монастырей в развитии феодальных отношений собственности на землю в Сибири (Шорохов, 1983).

На современном этапе исследователи стали уделять внимание более широкому спектру вопросов. Факторы, оказывавшие влияние на развитие монашеских обителей, внутренний строй, а также миссионерскую деятельность монастырей в Сибири, подробно рассмотрены в работах В.А. Овчинникова (Овчинников, 2004; Овчинников, 2010; Овчинников, 2010; Овчинников, 2011). Среди таких факторов автор выделяет географическое расположение, природно-климатические условия, геополитические и экономические интересы Российского государства. При этом автор

преимущественно рассматривает монашеские обители, основанные на территории юга Западной Сибири. В работах А.П. Дворецкой исследуются вопросы социокультурной роли обителей в формировании религиозной жизни населения Приенисейского региона в начале XX в. (Дворецкая, 2014), роль монастырских соборов в формировании сакрального пространства Приенисейской Сибири (Дворецкая и др., 2018), проблемы изучения памятников монастырского зодчества (Дворецкая, Пиков, 2022). В ряде статей авторским коллективом были проанализированы особенности деятельности православия в Приенисейской Сибири, взаимодействия общины и духовенства (Khait et al., 2020).

Отдельные аспекты формирования монастырского ландшафта Знаменского скита рассмотрены в работе Е.В. Гевель «Образ города в Красноярском урочище» (Гевель, 2012). Так, автор делает вывод о том, что Знаменский скит был построен «ангарским монахом Гермагеном» (Гевель, 2012: 165). Вероятно, этот илимский мастер первым назвал места в устье Маны и далее на запад – «Дивными» и захотел остаться здесь, срубив скитскую церковь, так точно повторяющую формы Киренской деревянной монастырской церкви...» (Гевель, 2012: 165).

Несомненен вклад И.Г. Федорова (Федоров, 2017) в воссоздании истории Знаменского скита и его отдельных насельников, выявления имен меценатов, связанных с обителью, восстановлении его первоначального облика.

Роль монастырей в ходе колонизации и хозяйственном освоении новых земель также исследовали зарубежные ученые. Так, в работе П. Харрисона (Harrison, 2004) отмечена роль монастырей в ходе русской колонизации как в Европейской части России, так и за Уралом. Более подробно эти вопросы изучены в работе Р. Дж. Кернера (Kerner, 2022). Р. Дж. Кернер рассматривает историю Российского государства, делая акцент на присоединение новых территорий. Особую роль в этом процессе он отводит острогам и монастырям как отправным точкам процесса освоения новых земель, неким способом маркирования территории. Он обращает внимание, что выстраивание связи между острогами и монастырями шло посредством речного сообщения.

Таким образом, вопрос формирования монастырского ландшафта, его зависимость от пространственных факторов, а также коммуникации монастырей с окружающим населением остается за рамками большинства исследований.

4. Результаты

Красноярский Знаменский мужской общежительный скит был построен в 1888 г. и располагался на правом берегу р. Енисей (Зыков, 1978: 5). Он стал последним монастырем Енисейской губернии, созданным в XIX в. и успевшим обустроить свой быт и обрести социальными связями до революции 1917 г. Своим основанием скит был обязан настоятелю Красноярского Успенского монастыря Тихону, а также бывшему наместнику Успенского монастыря Филарету (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). Изначально территория, на которой был возведен Знаменский скит, принадлежала Красноярскому общежительному Успенскому монастырю (Енисейские епархиальные ведомости, 1888: 78). Ввиду отдаленности этой территории от монастыря и невозможности следить за ней, Иркутский генерал-губернатор планировал вновь передать в казну эти земли для «правильной эксплуатации» (Енисейские епархиальные ведомости, 1888: 78). Филарет, на тот момент наместник Успенского монастыря, предложил возвести монашеский скит. Необходимость в монастыре на этой территории была острой: территория была богата лесом, плодородна, но ее нужно было обрабатывать, на что у Успенского монастыря не было возможностей, а также скит мог бы удовлетворять потребности быстро растущего населения близ себя, а также создавать облик губернского города на пути к нему. С момента создания монастыря он не являлся самостоятельной обителью. До 1892 г. Знаменский скит был в ведении Успенского монастыря и осуществлял значительную поддержку в области хозяйства (Енисейские епархиальные ведомости, 1904: 245). Юридический статус монастыря при этом в документах значится как «общежительный скит». Соответственно, проблема обретения независимости от Успенского монастыря был лишь вопросом времени.

Скит представлял собой один деревянный храм на каменном фундаменте, два корпуса («трапезной кухни и пекарни») (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 16. Л. 1). В 1891 г. монастырь был освящен Красноярским и Енисейским епископом Тихоном (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 2).

Социальное окружение скит в большинстве своем имел православное (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 2). Согласно рапорта настоятеля Знаменского скита в Енисейскую духовную консисторию, количество богомольцев в год - около 6 000 человек, преимущественно приходящих во время Великого поста. Для богомольцев отводились помещения, если это было им необходимо, а также «бесплатный отпуск хлеба, горячей пищи и чаю» (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 2). Посещение монастыря было притягательным для богомольцев по нескольким причинам. Храм был расположен в живописном месте, с трех сторон окруженный густым лесом. Он нередко привлекал не только богомольцев, но и людей, которые «нарочно приезжали в скит для сборов в окрестностях грибов и различных ягод» (Енисейские епархиальные ведомости, 1904: 233).

Миссионерская деятельность монастыря как социального института – неотъемлемая часть его культурного облика. Православные миссии являлись значимой частью их деятельности в Енисейской

губернии ввиду миграционных потоков переселенцев (Дворецкая и др., 2018: 23). Данная социальная категория создавала определенные экономические, политические, социальные условия. Красноярск был городом, который принимал постоянный миграционный поток по Транссибирской магистрали в город постоянно пребывали переселенцы: новобранцы с Амура, возвращались обратно со службы солдаты, проезжали потоки торговых людей, чиновников. Дополнительно в летнее время передвижение осуществлялось и по р. Енисей (ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 97. Л. 80). Исходя из губернаторских отчетов, в Енисейской губернии к третьей четверти XIX в. большая часть переселенцев происходили из крестьянского сословия и занимались хлебопашеством. Именно сельские жители составляли основной поток трудовой миграции внутри губернии (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 687. Л. 18).

Так как скит находился непосредственно рядом с городом, через него шли потоки т.н. «отходников». Отходничество, распространенное на территории Енисейской губернии и характерное для разных сословных категорий, могло формировать и маргинальную среду. Ведь данная категория населения оставляла семью и двигалась на заработки в сторону промышленных центров, где процветали пьянство, блуд и другие девиантные социальные явления (ГАКК. Ф. Р-745. Оп. 2. Д. 8. Л. 51). Отхожий промысел создавал все условия для нравственного падения личности. В данном случае скит, являясь закрытой общиной со строгим внутренним уставом и распорядком, принимал «гостей» в своих стенах и осуществлял нравственную функцию, показывая своим укладом и бытовыми нормами пример нравственной строгости.

Знаменский скит с одной стороны находился вокруг деревень и сел, где население в большей степени было православное по вероисповеданию старожильческое, крестьянское. С другой стороны монастырь окружали золотопромышленные прииски, ближайший из которых находился на реках Осиновая и Бирюса и принадлежал И. П. Полуянову (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). На золотых приисках в Енисейской губернии трудилось множество рабочих. Для наглядной картины повседневной жизни и работы на приисках далее приведем в пример картину, имевшуюся в 1915 г. на приисках Красноярско-Канского горного округа (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 301. Л. 5). Отдельного священника на приисках не было, если у рабочего появлялась потребность сходить в церковь, то он отправлялся в ближайшее село. Можно говорить о том, что прививания определенных церковно-моральных норм для подрастающего поколения в рамках церкви не велось. Школа на приисках также отсутствовала. А ведь малолетние дети оставались на приисках круглый год и в отсутствии должного образования постоянно пополняли маргинальную прослойку общества. Можно сделать вывод, что, находясь на пути следования рабочих из приисков, монастырь осуществлял нравственную и просветительскую функции.

Удобное расположение скита на пути в крупный губернский центр г. Красноярск, а также в окружении близлежащих деревень создавали особые условия для его развития. Знаменский скит являлся первой тарифной пристанью после Красноярска. Пароходы делали остановку около монастыря, а плавающие на судне могли поучаствовать в молебне «за здравие плавающих и путешествующих» (Зыков, 1978: 6). Таким образом, скиту отводилась особая роль в укреплении города Красноярска, его репрезентации на окраине.

В Красноярском Знаменском мужском ските наблюдалось постоянство состава насельников (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 6-8). Иеромонах Филарет, «строитель скита», выходец из крестьянского сословия, на момент возведения монастыря старался собрать вокруг себя монахов, которые могли бы ему помочь в налаживании хозяйственно-бытовой жизни скита (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 5. Л. 7). С большинством из братии он был знаком со служения в Красноярском Успенском мужском монастыре (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 6). Близкий круг лиц, а также стабильность численности насельников создавали благоприятные условия для развития скита, а также формированию его относительной автономности от Успенского мужского монастыря (Таблица 1). В сентябре 1892 г. согласно распоряжению епархиального начальства, изложенного в указе Духовной Консistorии, Знаменский скит был изъят из подчинения наместника Успенского мужского монастыря и предоставлен в ведение местного Епископа (ГАКК. Ф. 592. Оп. 2. Д. 563. Л. 1). Эти обстоятельства создавали фундамент для дальнейшего расширения функциональности самого скита и расширению его влияния на прилегающие территории.

Фигура «строителя монастыря» Иеромонаха Филарета имела особое значение в данном случае. Федор Васильев происходил из крестьян Псковской губернии (Торопов, 1911: 25-28). Изначально являясь отставным унтер-офицером и получив свое основное образование в полку, он прошел длинный путь после пострижения в монахи (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 3). Таким образом, он совмещал в себе административные качества, а также обладал достаточными практическими знаниями о жизни в монастыре. С его личностью можно связать не только непосредственное строительство самого скита, но и его расцвет в качестве важного узлового центра на пути к губернской столице. Таким образом, Знаменский скит играл важную роль в репрезентации города.

Таблица 1. Образовательный уровень братии Красноярского Знаменского мужского скита (1894 г.)

Имя, год рождения	Место в системе Знаменского скита. Происхождение	Образование и особые навыки	Дополнительные сведения из биографии
Филарет. 1840 г.р.	Иеромонах. Происходил из крестьянского сословия	Обучался в полку (был унтер-офицером до пострижения в монахи)	1879 г. – зачислен в число братства Успенского монастыря. 1880 г. – рукоположение в Иеродиаконы. 1883 г. – определен ризничим «с поручением ближайшего надзора за поведением братии монастыря». 1884 г. – назначен духовным монахом Успенского монастыря. 1886 г. – утвержден в должности казначея монастыря, в марте того же года – определен Управляющим Красноярским Успенским монастырем. 1887 г. – утвержден Наместником Красноярского Успенского монастыря. 1889 г. – по прошению уволен от должности наместника Красноярского Успенского монастыря и определен строителем Знаменского скита.
Владимир 1860 г.р.	Иеродиакон. Происходил из мещанского сословия	Получил домашнее образование.	1890 г. – пострижен в монахи в Знаменском общежительном ските. 1891 г. – рукоположен в Иеродиаконы.
Сафоний 1834 г. р.	Послушник. Происходил из крестьян.	Неграмотный.	1892 г. – принят в монашество и зачислен в число послушников Знаменского скита.
Иоанн 1894 г.р.	Послушник. Происходил из духовенства.	Получил духовное 4-классное образование.	С 1886 по 1887 гг. – состоял при Красноярском Успенском мужском монастыре учителем, а также имел должность псаломщика. С 1891 г. – состоит при Знаменском мужском ските.
Филипп 1878 г.р.	Послушник. Происходил из крестьян.	Образование: народная школа	«К послушанию способен», принят в число братии Знаменского скита в возрасте 15 лет.
Василий 1856 г.р.	Послушник. Происходил из мещанского сословия.	Образование: народная школа	1894 г. – определен послушником в Знаменский скит.

Известность монастыря обуславливалась духовным авторитетом братии. Послушники выполняли хозяйственные функции для обеспечения внутреннего быта: пели на клиросе, читали Псалтири (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2297. Л. 3) (Таблица 2). Повышение уровня образования братии Знаменского скита создало условия для создания одноклассной церковно-приходской школы (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4626. Л. 2). Таким образом, скит мог осуществлять просветительскую функцию среди населения.

Таблица 2. Род занятий насельников Знаменского скита

Сословная категория насельника	Род занятий
Крестьянин из ссыльных	Пчеловодство
Крестьянин	Повар, пение на клиросе
Поселенец	Караульщик около монастыря
Крестьянин	Пение на клиросе
Мещанин из ссыльных	Хозяйство на «черном» дворе
Крестьянин	Внутренний «обиход» церкви
Обер-офицер	Пение на клиросе

Монастырь затрагивали политические события эпохи, которые выходили за рамки нормы иноческой жизни и привычных каналов взаимодействия с обществом. Интересен случай, произошедший в 1907 г., когда на Знаменский скит было совершено вооруженное нападение «анархистов-коммунистов» с целью грабежа (ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 599. Л. 9). Примечателен факт того, что путники представились механиками с медного завода Минусинского уезда. Насельники скита оказали им радушный прием: накормили, показали короткую дорогу от скита в город. Показательным в этом случае является то, что, находясь вдали от города, насельники не смогли оказать должного сопротивления нападавшим: «во время стрельбы в ските поднялась тревога, кто-то из служителей начал бить в набат, прекратили стрельбу и скрылись из скита по свистку одного из них» (ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 599. Л. 27). Дело было резонансным для общества.

Социальная среда, в которой существовал скит, требовала расширения его функциональности. В целом увеличение количества обязанностей насельников в отношении направлений деятельности монастыря коррелировало с богослужением через нравственный подвиг. Это также напрямую связано с достижением общегосударственных культурных задач. Сибирский историк В.А. Овчинников функцию по организации досуга для местного населения со стороны монастырей именуется социокультурной анимацией (Овчинников, 2011: 130). Так, например, насельники скита понимали необходимость оборудования библиотеки-читальни, устройство по праздничным дням духовных чтений, расширение библиотечного фонда. Это говорит о полифункциональности монастыря: здесь сочетается просветительская, миссионерская, нормативно-ориентирующая функции.

В конце XIX в. – начале XX вв. наблюдался рост экономического благосостояния монастыря. Основные занятия братии – земледелие, а именно хлебопашество и ремесло в мастерских (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 16. Л. 27). Окружающие условия Знаменского скита являлись благоприятными для того, чтобы осуществлять комплексное хозяйство на территории монастыря. Большинство прихода Знаменского скита – выходцы из крестьянского сословия (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 16. Л. 27). Знаменский скит принимал в своих стенах богомольцев, при этом показывая «душеполезные дела», как пример ведения хозяйствования (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 16. Л. 6). Это можно было расценить как возможность для местного населения познакомиться с различными формами и приемами бытовой культуры. Такое социально значимое взаимодействие с членами прихода создавало условия для религиозного просвещения, а также влекло за собой положительные социокультурные изменения. Более того, наличие вокруг скита густого леса, а внутри пасеки и огорода имело также утилитарную функцию. Происходило формирование особого отношения к природе как к первозданной среде.

Основная святыня скита – икона Абалакской Божией Матери (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 16. Л. 1). Она получила свое название от села Абалак, расположенного в 25 верстах от сибирского города Тобольска (Енисейские епархиальные ведомости, 1904: 195-203). Абалакская икона служила предметом особого почитания не только среди губернского населения, но и общероссийского. Посещение скита для поклонения этой иконе носило, в том числе, просветительский характер. Стоит отметить, что выбор такой иконы не случаен. Можно проследить особую социокультурную связь с одной из самых почитаемых сибирских икон.

Губернское правительство оказывало содействие при проведении молебн вне стен Знаменского скита с вынесением главной иконы, например, в ежегодный крестный ход (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 12. Л. 37). «Крестными» селениями, согласно отношению строителя Знаменского скита в Енисейское губернское управление, были: Бугачёво, Овсянка, а также крестный ход проходил через Мининскую церковь и Еловскую (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 12. Л. 39). Более того, скит оказывал содействие населенным пунктам Красноярского уезда по причине «ежегодных изношений иконы Божьей Матери» для проведения молебн с иконой Знаменского скита (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 12. Л. 28). Таким образом, скит выполнял репрезентативную функцию во время подобных мероприятий, а святыня определяла характер богослужбной повседневности обители.

Знаменский мужской общежительный монастырь имел тесное сотрудничество с близлежащими деревнями: Овсянка, Бирюсинская, Еловская, Мининская (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 4). Такие связи складывались из крестных ходов, крещения, отпевания, благотворительности (Таблица 3). Особенно в этом отношении любопытна Овсянка, которая постоянно принимала потоки переселенцев (Быконя, 2004: 42-44). Данный населенный пункт ввиду значительных миграций постоянно рос. До строительства Знаменского скита население Овсянки относилось к Торгашинскому приходу (Лозовская, 2008: 107-108). Основные занятия братии скита напрямую зависели от того, какими видами деятельности промышленяют окружающие и близлежащие к монастырю населенные пункты. Например, основное занятие жителей Овсянки – хлебопашество (Федоров, 1998: 9). Насельники занимались тем же и транслировали правильное ведение быта гостям монастыря. Такой порядок формировал особый тип взаимодействий, где коммуникацию определяют социальные связи и равновесное состояние потребностей и процессов их удовлетворения.

Кроме хлебопашества, насельники имели и другие навыки (Таблица 2). В данном случае перед скитом было обязательство отклика на религиозно-нравственные, социально-бытовые потребности окружающих его населенных пунктов и населения. Социальные связи скита с членами прихода были формой деятельности, которая была направлена не только на религиозное просвещение, но и на

помощь. Общество само создавало фундамент для расширения функциональности обители. Таким образом, род занятий насельников напрямую зависел от нужд социального окружения монастыря, что свидетельствует о тесных взаимодействиях и связях, сформированных в ходе осуществления комплекса функций и коммуникативных практик скита.

Таблица 3. Окрестное население Красноярского Знаменского мужского скита XIX в.

Населенный пункт	Описание	Количество дворов	Соотношение мужского населения и женского	Сословный состав
Овсянка	Располагается на р. Енисей (Зеледеевская волость). Основное занятие жителей – хлебопашество.	77 дворов. 4853 десятин (удобной-3513, неудобной – 1340 земли).	Мужчин 220; Женщин 234.	Постоянно принимала переселенцев. Более 80 % - крестьяне.
Торгашинское	В селе имелась церковно-приходская школа, кредитное товарищество, хлебозапасный магазин	153 двора. В их распоряжении находилось 482 десятин земли крестьян (удобной – 55), 4 064 десятины земли крестьян из казаков (удобной – 919), 2 946 земли казаков (удобной – 618).	453 мужчин; 402 женщины.	Крестьянское и казаческое сословие.
Бирюса	Располагалась на реке Енисей и ручье Дворовая. Имелся хлебозапасный магазин	40 дворов. в них. Имелось 2436 удобной и 1530 неудобной земли	121 мужчин; 122 женщины	Преимущественно крестьянское
Минино (Прокопьево)	Располагалась на рч. Бугаче, имелась церковь Св. Прокопия, церковно-приходская школа, кредитное товарищество, казенная винная лавка, хлебозапасный магазин	103 двора. Земли удобной: крестьян из казаков 5643, крестьян 555 десятин	249 мужчин; 294 женщины	Крестьянское и казаческое население.
Еловая	Деревня располагалась на ручье Бугач и Еловая, имелся хлебозапасный магазин	60 дворов. Земли удобной: крестьян 359, казаков 160, крестьян из казаков 3640 земли неудобной: 24, 31 и 472 соответственно	178 мужчин; 169 женщин	Крестьянское и казаческое

Знаменский скит размещал в помещениях монастыря нуждающихся, таким образом выполняя функцию по благотворительности. Находясь на путях следования из Минусинского уезда, где располагались заводы, а также близ путей водного сообщения. При этом, имея удобную дорогу от монастыря в г. Красноярск, скит часто привлекал внимание страждущих. Монастырь являлся ключевой фигурой в освящении пространства, которое проходило до города. Знаменский скит можно назвать своеобразным спутником Красноярска, где проходило взаимодействие монашеской обители с неосвященной территорией.

При ските на берегу Енисея находилась деревянная часовня в честь Святителя и Чудотворца Николая. Часовня также известна тем, что была построена в 1894 г. купцом И. В. Поповым совместно с Красноярским Потомственным почетным гражданином Н. Н. Гадаловым (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 2).

Среди меценатов скита значатся следующие жители городов губернии, а также других территорий: К.Ф. Бабенков – Екатеринбургский казак, им была пожертвована икона Абалакской Божьей Матери Красноярскому Успенскому монастырю; Т.К. Матонин – красноярец, жертвовал монастырю средства на строительство; Н.Н. Гадалов – житель г. Красноярска, пароходовладелец, жертвователю: именно он предложил делать часовую остановку с молебнами пароходов близ монастыря для его поддержки; И.О. Занин – минусинский купец, пожертвовал участок земли с деревянным домом в г. Минусинске скиту; Н.М. Воротников – красноярец, передал скиту деревянный дом с «местом земли под ним» на сумму 2 000 руб. (1900 г.); И. П. Карноухов – пожертвовал землю с деревянными постройками (Енисейские епархиальные ведомости, 1904: 245); вдова священника П.И. Закоурцева завещала Знаменскому скиту денежную долю имевшейся у нее суммы в размере 2 100 руб. (1909 г.) (ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 17. Л. 33).

Тем самым можно отметить важную роль в строительстве и благоустройстве скита не только духовных представителей общества, но и светских, что существенно расширяло индивидуальные социальные связи монастыря за пределами округа (Сазонова и др., 2022: 134).

Скит смог сохранить свою идентичность, не попав под влияние «мира» вплоть до политического вихря 1917 г. После 1917 г. необходимость в социокультурной миссии монастыря отходит. Енисейский губисполком в 1921 г. принимает решение использовать земли Знаменского скита «для устройства советского хозяйства» (ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 16. Л. 14) и скит как монашеская обитель был ликвидирован.

5. Заключение

Город Красноярск оказывал существенное влияние на скит. При этом удобное расположение монастыря около губернского центра, но на правом берегу Енисея, среди окрестных сел и золотых промыслов, вне стремительных процессов урбанизации, положительно влияло на сохранение его уникальности. Скит выполнял просветительскую, миссионерскую, духовную функции. Насельники смогли благоустроить обитель, выстроить коллективные социальные связи с окрестными селениями и индивидуальные связи с меценатами. Здесь хранилась особо чтимая икона, с которой проходил ежегодно крестный ход, что, несомненно, делало скит значимым маркером в окружающем религиозном и социо-культурном пространстве.

Начавшиеся потрясения в целом ослабляли религиозную деятельность региона. Монастыри претерпевали значительные изменения, а вскоре многие из них в ходе проводимой будут ликвидированы в ходе проводимой политики советской власти. Политические события лишили скит всех социокультурных функций, лишили всех социальных связей насельников с окружающим миром.

6. Благодарности

Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644.

Литература

Александров, 1964 – Александров В.А. Русское население Сибири XVIII – начала XVIII в. (Приенисейский край). М.: Наука, 1964. 304 с.

Быконя, 2004 – Быконя Г.Ф. О времени возникновения Овсянки // Енисейская провинция. 2004. №1. С. 45–49.

Вахрушин, 1955 – Вахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. Часть первая. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI-XVII вв. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. 376 с.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гевель, 2012 – Гевель Е.В. Образ города в Красноярском урочище. Красноярск, 2012. 224 с.

Гусейнова, 2006 – Гусейнова Т.Н. Миссионерская деятельность русской православной церкви среди старообрядцев в Забайкалье (XVIII-начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд.-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 242 с.

Дворецкая, Пиков, 2022 – Дворецкая А.П., Пиков Н.О. Формирование представлений о храме как объекте историко-культурного наследия во второй половине XIX–начале XX в. (на материалах Енисейской губернии) // Северные архивы и экспедиции. 2022. №4. С. 43–52.

Дворецкая, 2016 – Дворецкая А.П. Минусинский Спасский собор в конце XVIII – начале XXI века. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. 175 с.

- Дворецкая, 2014** – Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900-1930-е гг.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 186 с.
- Дворецкая, 2012** – Дворецкая А.П. Храмовое пространство Приенисейской Сибири. Культура и искусство сибирского города: традиции и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Красноярск: Красноярская государственная академия музыки и театра, 2012. С. 40-43.
- Дворецкая и др., 2018** – Дворецкая А.П., Терскова А.А., Хаит Н.Л. Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919 гг. Красноярск, 2018. 314 с.
- Енисейские епархиальные ведомости, 1888** – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1904. №6. С. 195-203.
- Енисейские епархиальные ведомости, 1888** – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1888. №7. С. 78.
- Енисейские епархиальные ведомости, 1904** – *Енисейские епархиальные ведомости*. 1904. №7-8. С. 233-248.
- Зыков, 1978** – Зыков В.П. Дивногорск. Красноярское книжное изд-во, 1978. 167 с.
- Лозовская, 2008** – Лозовская А. История деревни Овсянка / *Сборник научно-практической конференции Мартыановские краеведческие чтения*. 2008. № 5. С. 107-108.
- Манькова, Нечаева, 2020** – Манькова И.Л., Нечаева М.Ю. Концепт «религиозный ландшафт» – «двуликий янус» в современных исторических исследованиях // *Уральский исторический вестник*. 2020. №2. С. 89-98.
- Овчинников, 2004** – Овчинников В.А. Историография монастырей русской православной церкви Западной Сибири XIX-XX вв. // *Ползуновский вестник*. 2004. № 3. С. 269-275.
- Овчинников, 2001** – Овчинников В.А. Монастыри русской православной церкви на юге Западной Сибири (конец XVIII-XX вв.). Расцвет. Ликвидация. Возрождение. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2001. 544 с.
- Овчинников, 2010** – Овчинников В.А. Общее и особенное в миссионерской деятельности христианских церквей в XIX – начале XX вв. (на примере Алтайской миссии русской православной церкви, католической миссии во Внутренней Монголии, миссии центрального миссионерского общества англиканской церкви в Сьерра-Леоне) // *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2010. № 20-2. С. 45-47.
- Овчинников, 2010** – Овчинников В.А. Православные монашеские обители на территории современной Кемеровской области в XVII-начале XXI века: традиции и современное состояние // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2010. № 10. С. 97-105.
- Памятная книжка..., 1897–1898** – *Памятная книжка Енисейской губернии 1897–1898*. С. 66-67.
- Птицын, 1896** – Птицын В.В. Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края: В 2 ч. 10 рис. и геогр. карт. Забайкалья. Санкт-Петербург: Экон. типо-лит., 1896. 307 с.
- Риттер, 1894** – Риттер К. Землеведение Азии: география стран, находящихся в непосредственных отношениях с Россиею, т.е. Китайской империи, Независимой Татарию, Персии и Сибири. Ч.1: Саянское нагорье в пределах Иркутской губернии до юго-западной оконечности озера Байкала, к югу от Большого Сибирского тракта. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. Наук, 1894. 605 с.
- Сазонова и др., 2022** – Сазонова Н.И., Фендель Е.Р., Артамонов М.В., Шкляр Я.Ю. Сибирский монастырь и городское пространство: проблемы взаимодействия (на материале Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря) // *Праксема: проблемы визуальной семиотики*. 2022. №1. С. 127-152.
- Торопов, 1911** – Торопов Г. Слово при погребении о. Игумена Филарета // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1911. №1. С. 25-28.
- Федоров, 1998** – Федоров И.Г. История Овсянки / *Сборник Всероссийской конференции по проблемам современной отечественной литература, книгопроизводства, чтения и библиотечного дела*. 1998. №2. С-11.
- Федоров, 2017** – Федоров И.Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск, 2017. 160 с.
- Фирсов, 1915** – Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири: Вып. 1. Москва: Издание Императорского Московского Археологического института Имени Николая II, 1915. 86 с.
- Шорохов, 1983** – Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII веках (развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1983. 164 с.
- Шорохов, 1978** – Шорохов Л.П. Узники Сибирских монастырей в XVIII веке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 294-307.
- Dvoretzskaya et al., 2017** – Dvoretzskaya A.P., Gonina N.V., Gaydin S.T. The Place and Role of the Cathedral in the Socio-cultural life of the Provincial town of the late XIX – early XX centuries (on the example of Yeniseisk) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 576-585.
- Dvoretzskaya et al., 2019** – Dvoretzskaya A.P., Konovalova O.V., Terskova A.A. The Evolution of the Socio-Political Views of the Clergy of the Yenisei Province in the period of Revolutionary Upheavals of the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1333-1341.

Harrison, 2004 – Harrison P. Castles of God: fortified religious buildings of the world. NY, 2004. 243 p.

Kerner, 2022 – Kerner R.J. The Urge to the Sea. The Course of Russian History: The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries, and Furs. University of California Press, 2022. 242 p.

Khait et al., 2020 – Khait N.L., Dvoretzkaya A.P., Gergilev D.N., Konovalova O.V. The Evolution of the Orthodox Parish on the Territory of Yenisei Siberia in the late XVIII – first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1055-1064.

References

Aleksandrov, 1964 – Aleksandrov, V.A. (1964). Russkoe naselenie Sibiri XVIII – nachala XVIII v. (Priensejskij kraj) [Russian population of Siberia in the 18th – early 18th centuries (Priensei Territory)]. M.: Nauka, 304 p. [in Russian]

Bykonya, 2004 – Bykonya, G.F. (2004). O vremeni vozniknoveniya Ovsyanki [On the time of occurrence of Ovsyanka]. *Enisejskaya provinciya*. 1: 45-49. [in Russian]

Dvoretzkaya i dr., 2018 – Dvoretzkaya, A.P., Terskova, A.A., Hait, N.L. (2018). Pravoslavnaya cerkov' i naselenie Priensejskoj Sibiri. 1700–1919 gg. [The Orthodox Church and the population of the Yenisei Siberia. 1700–1919]. Krasnoyarsk, 314 p. [in Russian]

Dvoretzkaya, 2012 – Dvoretzkaya, A.P. (2012). Hramovoe prostranstvo Priensejskoj Sibiri. Kul'tura i iskusstvo sibirskogo goroda: tradicii i sovremennost' [Temple space of the Yenisei Siberia. Culture and art of the Siberian city: traditions and modernity]. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya gosudarstvennaya akademiya muzyki i teatra*. Pp. 40-43. [in Russian]

Dvoretzkaya, 2014 – Dvoretzkaya, A.P. (2014). Religioznaya zhizn' naseleniya Priensejskogo regiona v pervoj treti XX v. (1900-1930-e gg.) [Religious life of the population of the Yenisei region in the first third of the 20th century. (1900-1930s)]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 186 p. [in Russian]

Dvoretzkaya, 2016 – Dvoretzkaya, A.P. (2016). Minusinskij Spasskij sobor v konce XVIII – nachale XXI veka [Minusinsky Cathedral of the Savior in the late 18th – early 21st centuries]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 175 p. [in Russian]

Dvoretzkaya, Pikov, 2022 – Dvoretzkaya, A.P., Pikov, N.O. (2022). Formirovanie predstavlenij o hrame kak ob'ekte istoriko-kul'turnogo naslediya vo vtoroj poloviny XIX–nachale XX v. (na materialah Enisejskoj gubernii) [Formation of ideas about the temple as an object of historical and cultural heritage in the second half of the 19th – early 20th centuries. (based on the materials of the Yenisei province)]. *Severnyye arhivy i ekspedicii*. 4: 43-52. [in Russian]

Dvoretzkaya et al., 2017 – Dvoretzkaya, A.P., Gonina, N.V., Gaydin, S.T. (2017). The Place and Role of the Cathedral in the Socio-cultural life of the Provincial town of the late XIX – early XX centuries (on the example of Yeniseisk). *Bylye Gody*. 44(2): 576–585.

Dvoretzkaya et al., 2019 – Dvoretzkaya, A.P., Konovalova, O.V., Terskova, A.A. (2019). The Evolution of the Socio-Political Views of the Clergy of the Yenisei Province in the period of Revolutionary Upheavals of the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1333-1341.

Enisejskie eparhial'nye vedomosti, 1888 – *Enisejskie eparhial'nye vedomosti*. 1904. №6. Pp. 195-203. [in Russian]

Enisejskie eparhial'nye vedomosti, 1888 – *Enisejskie eparhial'nye vedomosti*. 1888. №7. P. 78. [in Russian]

Enisejskie eparhial'nye vedomosti, 1904 – *Enisejskie eparhial'nye vedomosti*. 1904. №7-8. Pp. 233-248. [in Russian]

Fedorov, 1998 – Fedorov, I.G. (1998). Istoriya Ovsyanki [History of Ovsyanka]. *Sbornik Vserossijskoj konferencii po problemam sovremennoj otechestvennoj literatura, knigoproizvodstva, chteniya i biblioteknogo dela*. 2: 4-11. [in Russian]

Fedorov, 2017 – Fedorov, I.G. (2017). Ocherki po istorii monastyrej Priensejskoj Sibiri v dosovetskij period [Essays on the history of the monasteries of the Yenisei Siberia in the pre-Soviet period]. Krasnoyarsk, 160 p. [in Russian]

Firsov, 1915 – Firsov, N.N. (1915). Chteniya po istorii Sibiri [Readings on the history of Siberia]: Vyp. 1. Moskva: Izdanie Imperatorskogo Moskovskogo Arheologicheskogo instituta Imeni Nikolaya II, 86 p. [in Russian]

GAIO – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk Krai].

Gevel', 2012 – Gevel', E.V. (2012). Obraz goroda v Krasnoyarskom urochishche [The image of the city in the Krasnoyarsk tract]. Krasnoyarsk, 224 p. [in Russian]

Gusejnova, 2006 – Gusejnova, T.N. (2006). Missionerskaya deyatel'nost' russkoj pravoslavnoj cerkvi sredi staroobryadcev v Zabajkal'e (XVIII-nachalo XX vv.) [Missionary activity of the Russian Orthodox Church among the Old Believers in Transbaikalia (XVIII – early XX centuries)]. Ulan-Ude: Izd.-poligraficheskij kompleks FGOU VPO VSGAKI, 242 p. [in Russian]

Harrison, 2004 – Harrison, P. (2004). Castles of God: fortified religious buildings of the world. NY, 243 p.

- Kerner, 2022** – Kerner, R.J. (2022). The Urge to the Sea. The Course of Russian History: The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries, and Furs. University of California Press, 242 p.
- Khait et al., 2020** – Khait, N.L., Dvoretzskaya, A.P., Gergilev, D.N., Konovalova, O.V. (2020). The Evolution of the Orthodox Parish on the Territory of Yenisei Siberia in the late XVIII – first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1055-1064.
- Lozovskaya, 2008** – Lozovskaya, A. (2008). Istoriya derevni Ovsyanka [The history of the Ovsyanka village]. *Sbornik nauchno-prakticheskoy konferencii Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya*. 5: 107-108. [in Russian]
- Man'kova, Nechaeva, 2020** – Man'kova, I.L., Nechaeva, M.Yu. (2020). Koncept «religioznyj landschaft» – «dvulikiy yanus» v sovremennyh istoricheskikh issledovaniyah [The concept of "religious landscape" – "two-faced Janus" in modern historical research]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2: 89-98. [in Russian]
- Ovchinnikov, 2001** – Ovchinnikov, V.A. (2001). Monastyri russkoj pravoslavnoj cerkvi na yuge Zapadnoj Sibiri (konec XVIII-XX vv.). Rascvet. Likvidaciya. Vozrozhdenie [Monasteries of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia (late 18th-20th centuries) Rise. Liquidation. Renaissance]. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet. 544 p. [in Russian]
- Ovchinnikov, 2004** – Ovchinnikov V.A. Istoriografiya monastyrej russkoj pravoslavnoj cerkvi Zapadnoj Sibiri XIX-XX vv. Polzunovskij vestnik. 2004. № 3. Pp. 269-275. [in Russian]
- Ovchinnikov, 2010** – Ovchinnikov, V.A. (2010). Obshchee i osobennoe v missionerskoj deyatel'nosti hristianskih cerkvej v XIX – nachale XX vv. (na primere Altajskoj missii russkoj pravoslavnoj cerkvi, katolicheskoy missii vo Vnutrennej Mongolii, missii central'nogo missionerskogo obshchestva anglikanskoj cerkvi v S'erra-Leone) [General and special in the missionary activity of Christian churches in the 19th – early 20th centuries (on the example of the Altai Mission of the Russian Orthodox Church, the Catholic Mission in Inner Mongolia, the Mission of the Central Missionary Society of the Anglican Church in Sierra Leone)]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 20-2: 45-47. [in Russian]
- Ovchinnikov, 2010** – Ovchinnikov, V.A. (2010). Pravoslavnye monasheskie obiteli na territorii sovremennoj Kemerovskoj oblasti v XVII-nachale XXI veka: tradicii i sovremennoe sostoyanie [Orthodox monastic cloisters on the territory of the modern Kemerovo region in the XVII-beginning of the XXI century: traditions and current state]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 10: 97-105. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1897–1898** – Pamyatnaya knizhka Enisejskoj gubernii 1897–1898 [Memorable book of the Yenisei province 1897–1898]. Pp. 66-67. [in Russian]
- Pticyn, 1896** – Pticyn, V.V. (1896). Selenginskaya Dauriya: Ocherki Zabajkal'skogo kraja [Selenga Dauria: Essays on the Trans-Baikal Territory]: V 2 ch. 10 ris. i geogr. kart. Zabajkal'ya. Sankt-Peterburg: Ekon. tipol.-lit., 307 p. [in Russian]
- Ritter, 1894** – Ritter, K. (1894). Zemlevedenie Azii: geografiya stran, nahodyashchih'sya v neposredstvennyh otnosheniyah s Rossieyu, t.e. Kitajskoj imperii, Nezavisimoy Tatarii, Persii i Sibiri [Geography of Asia: the geography of countries in direct relations with Russia, i.e. Chinese Empire, Independent Tataria, Persia and Siberia]. Ch. 1: Sayanskoe nagor'e v predelah Irkutskoj gubernii do yugo-zapadnoj okonechnosti ozera Bajkala, k yugu ot Bol'shogo Sibirskogo trakta. Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. Nauk, 1894. 605 p. [in Russian]
- Sazonova i dr., 2022** – Sazonova, N.I., Fendel', E.R., Artamonov, M.V., Shklyar, Ya.Yu. (2022). Sibirskij monastyr' i gorodskoe prostranstvo: problemy vzaimodejstviya (na materiale Tomskogo Ioanno-Predtechenskogo zhenskogo monastyrya) [Siberian monastery and urban space: problems of interaction (on the material of the Tomsk John the Baptist convent)]. *Praksema: problemy vizual'noj semiotiki*. 1: 127-152. [in Russian]
- Shorohov, 1978** – Shorohov, L.P. (1978). Uzniki Sibirskih monastyrej v XVIII veke [Prisoners of Siberian monasteries in the XVIII century]. Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.). Novosibirsk: Nauka. Pp. 294-307. [in Russian]
- Shorohov, 1983** – Shorohov, L.P. (1983). Korporativno-votchinnoe zemlevladienie i monastyrskie krest'yane v Sibiri v XVII-XVIII vekah (razvitie feodal'nyh otnoshenij i ih osobennosti) [Corporate-patrimonial landownership and monastic peasants in Siberia in the 17th-18th centuries (development of feudal relations and their features)]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo universiteta, 164 p. [in Russian]
- Toropov, 1911** – Toropov, G. (1911). Slovo pri pogrebenii o. Igumena Filareta [Word at the burial of Fr. Abbot Filaret]. *Enisejskie eparhial'nye vedomosti*. 1: 25-28. [in Russian]
- Vahrushin, 1955** – Vahrushin, S.V. (1955). Nauchnye Trudy [Scientific works]. T. III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI-XVII vv. Chast' pervaya. Voprosy russkoj kolonizacii Sibiri v XVI-XVII vv. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 376 p. [in Russian]
- Zykov, 1978** – Zykov, V.P. (1978). Divnogorsk [Divnogorsk]. Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo, 167 p. [in Russian]

Знаменский скит в социокультурном окружении города Красноярска и его окрестностей

Дарья Николаевна Нестеренко ^{а,*}, Анна Павловна Дворецкая ^а, Евгений Александрович Ахтамов ^а,
Татьяна Владимировна Излученко ^а

^а Сибирский Федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье на основе архивных источников рассматривается социокультурный аспект существования Знаменского общежительного мужского скита в XIX – начале XX вв. Статья основана на материалах Государственного архива Красноярского края, а именно на основополагающем фонде Об истории монашеской обители Красноярского Знаменского общежительного скита. В нем содержатся разнообразные документы: от ведомостей по строительству скита до послужных списков братии. Интерес также представляют Енисейские Епархиальные ведомости – периодическое издание, где можно проследить аспекты существования монашеской обители.

Красноярский Знаменский общежительный скит был уникален не только своим расположением, требовавшим от него полифункциональности, но и составом насельников, в том числе основателем обители Филаретом. Братия скита обеспечивала не только его хозяйственную жизнь, показывая ближайшим населенным пунктам пример быта, но и совершенствовала и увеличивала круг своих обязанностей и социокультурных взаимодействий.

Значительное внимание в статье уделено окружению скита, его взаимосвязи с ним, а именно с г. Красноярском и окрестными населенными пунктами. Рассмотрена роль монастыря для окружающей его территории. Находясь на пересечении, как водных, так и сухопутных путей в главный губернский центр, монастырь становился главным связующим звеном в уникальном историческом пространстве Енисейской губернии. Стоит отметить, что скит устанавливал как коллективные социокультурные связи с местным населением, так и индивидуальные – с меценатами.

Более того, авторами рассмотрены основные функции скита, расширения которых со временем требовало местное население. Среди основных функций авторами были рассмотрены: просветительская, миссионерская, нравственно-ориентирующая, социокультурной анимации.

Знаменский скит влиял на социальное окружение, местное население и губернский центр, играя важную роль в его репрезентации, в свою очередь, исторический ландшафт определял основные функции обители, маркируя таким образом потребности в нем.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская Сибирь, Красноярск, скит, конец XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1421-1433
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1421

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Ethnography of the late 19th century (based on the Materials of the “Zhivaya Starina” Journal, Issues of the 1890s)

Natalya P. Koptseva ^{a,*}, Natalya N. Pimenova ^a, Julia S. Zamaraeva ^a, Natalya N. Seredkina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the consideration of the periodical “Zhivaya Starina”, published by the Imperial Russian Geographical Society, as a historical source on the methodology and practice of ethnographic research in the Russian Empire at the end of the 19th century. This journal was published for more than 15 years – from 1890 to 1916. The material for this study was the issues of the journal for the last decade of the 19th century. And the key areas of publications analyzed in the article were the specifics of the methodology of ethnographic research developed by scientists of the late 19th century, and the image of the ethnic groups of Siberia presented in the published results of ethnographic research of the late 19th century. Essential for articles that have program materials addressed to researchers and aimed at defining the tasks of the science of ethnic groups and its methodology (including those published in the first issue of the “Program for collecting information on ethnography”). As a practical result of ethnographic research, the results of which were published in “Zhivaya Starina” journal, the article analyzes materials on Siberian ethnic groups (Kachins and Ostyaks).

Keywords: “Zhivaya Starina” journal, ethnography, Russian Empire, 1890–1899, methodology of ethnographic research, ethnic groups of Siberia, late 19th century.

1. Введение

Журнал «Живая старина» появился вслед за первым в Российской империи этнографическим журналом, каким было «Этнографическое обозрение» от этнографического отделения Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и выступил одним из двигателей российской науки в области изучения этносов. Программа сбора этнографических сведений, опубликованная Императорским Русским географическим обществом в первом выпуске журнала, послужила методологической основой для проведения этнографических исследований, стимулом для развития полевых исследований по изучению этнокультурных групп, проживающих на всей территории Российской Империи, публикации академических исследований с новыми наблюдениями, формированию науки «народоведения» как единства этнологии и этнографии Российской науки. Структура программы представлена в четырех разделах (антропологический, психофизиологический, этнолингвистический, культурно-бытовой) с целью сбора эмпирического материала самими жителями губерний в помощь ученым (этнографам, лингвистам, этнологам, политикам, правоведам, мастерам искусства и литературы). Ученые отдела «Этнография» Императорского Русского географического общества придавали большое значение исследованию многообразия населяющих Россию народов, поскольку достигнутое знание способствовало сохранению прочного и независимого государства исторического народа, межкультурного и межэтнического развития великорусского единства. Публикации журнала позволяют пронаблюдать

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova), rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina)

специфику методологии этнографических исследований конца XIX века, а также специфику образа жизни различных этногрупп России.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами выступили публикации журнала «Живая старина», который издавался Этнографическим отделением Императорского русского географического общества в Санкт-Петербурге. В ходе исследования проведен анализ номеров журнала за период с 1890 по 1899 год, в ходе которого определены тематические направления материалов журнала, выделены два ключевых для исследования (о методологии в русской этнографии конца XIX века и о сибирских этногруппах), в их контексте для детального анализа выбраны отдельные публикации.

2.2. Ключевой метод исследования

Методом исследования выступает источниковедческий анализ, предполагающий два этапа. На первом этапе номера журнала «Живая старина» за последнее десятилетие XIX века изучены авторами на предмет тематических направлений публикаций. Выделены два наиболее интересующих направления: методология этнографических исследований ученых конца XIX века и этнические группы Сибири в этнографических исследованиях конца XIX века. Публикации, репрезентативные для выделенных тематических направлений, проанализированы с точки зрения их содержания.

Методологическим основанием исследования является взгляд на периодику (Рынков, 2010; Никаев, 2013; Артамонова, 2017; Каменская, 2017; Sereckina et al., 2022) и другие печатные свидетельства (Koptseva, Sitnikova, 2019; Koptseva, Sereckina, 2021; Koptseva, Sitnikova, 2019; Середкина и др., 2021; Копцева и др., 2022; Сертакова и др., 2022; Сертакова, Ситникова, 2022; Шпак, Менжуренко, 2022; Пчелкина, 2022; Иванова, 2022) как на значимый исторический источник.

3. Обсуждение

Журнал «Живая старина» издавался в дореволюционное время, в период с 1890-го по 1916-й год. Издание было учреждено Этнографическим отделением Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге и выходило четыре раза в год под редакцией академика Санкт-Петербургской академии наук, историка и слависта В.И. Ламанского. «Живая старина» стал значимым фактором в развитии российской этнографии: именно в нем публиковались ведущие документы народоведческой науки того времени – как программы сбора этнографических сведений, так и отчеты состоявшихся этнографических экспедиций.

Самым распространенным направлением исследования журнала «Живая старина» как исторического источника, естественно, является изучение этнографической картины дореволюционной России, т.е. анализ того, как на страницах журнала представлены этнокультуры, населяющие империю. Как, например, анализ материалов о праздничной культуре (Литвинчук, Панченко, 2011), о фольклоре (Дякиева, 2018), об отдельных этносах (Ганцовская, 2015),

Исследуется журнал также и как историческое свидетельство о развитии в России музейного дела, музееведения и систематизации в музеях этнографических данных (Турьинская, 2004; Турьинская, 2005). А также как издание, существенно повлиявшее на развитие библиографии (Титова, 1974).

В настоящее время ряд статей также посвящен современному журналу «Живая старина». (Ахметова, Неклюдов, 2008; Белова, 2018). Выпуск журнала под названием «Живая старина» был возобновлен в конце XX века: одноименный журнал учрежден Государственным республиканским центром русского фольклора (ГРЦРФ) в 1992 году, выпуск возобновлен с 1994 года. Современный журнал позиционирует себя как продолжатель традиций своего предшественника – дореволюционного журнала, как преемник его целей, задач и тем. Новыми темами стал анализ бытования традиционной культуры славян в иноэтничной среде, как, например, образ жизни русских старообрядцев, живущих в Южной и Северной Америке (Ахметова, 2018).

4. Результаты

4.1. Методология этнографических исследований учёных конца XIX века

В первом выпуске журнала, вышедшем в 1890 году, опубликована «Программа для собирания сведений по этнографии», адресованная исследователям как предъявление методологических возможностей этнографических исследований для фиксации эмпирических данных с их последующим анализом и составлением этнографического описания народонаселения Российской империи. Программа структурирована четырьмя частями: физические свойства, наружность, внешние признаки; умственное и нравственное развитие; язык, народные предания и памятники; домашний быт.

населенных мест, зданий, устройства жилья, хозяйственных построек, домашнего скота и птиц), названия видов одежды (части, детали), хозяйственных вещей, утвари, музыкальных инструментов, игрушек и игр, традиционных блюд, местных промыслов и занятий (с упоминанием задействованных инструментов), общеупотребляемых слов с объяснением их смысла и причин происхождения, заимствованных слов из других языков и наречий. Особое значение, согласно программе, необходимо уделять местному говору – певучести, растянутости, усеченности произношения слов, ударению на гласные, смягчению звуков, замене одного звука другим. При записи фольклорных образцов исследователь должен детально фиксировать обороты речи рассказчика. Дополнительно к этнографическому описанию предложено прилагать планы местности; вести подробный список живых урочищ (сел, деревень, слобод, сельбищ, находящихся с этой местности) и памятников старины (насыпи, курганы, могилы, городища, валы, старые здания, селения) или их остатков.

Четвертый раздел снабжен подробным списком к этнографическому описанию домашнего быта. Структуру описания определяют семь подразделов: 1) «местные названия и описание народных жилищ» по-отдельности и в расположении друг к другу строительных материалов, фасада и внутреннего устройства избы (с месторасположением печи, стола, красного угла), дворовых принадлежностей и домашней утвари; 2) «платье» мужчин, женщин, зимних и летних, повседневных и праздничных, у взрослых и молодежи, с местным именованьем всех частей и деталей; особенности причесок, головных уборов и обуви; 3) «пища» ежедневная и праздничная, постная и скоромная, с подробным обозначением состава и способа приготовления, что не употребляется в пищу и какие блюда непременно присутствуют в известных простонародных праздниках или известных обрядах; подробные словари местных названий пищи, а также принадлежностей столового и домашнего кухонного обихода; 4) «обычаи и обряды» и особые житейские случаи (полевые работы, пожары, неурожаи, скотские падежи, болезни); лекарства и лечения, заговоры и обряды при болезнях; 5) «занятия, наиболее любимые в местности» (сельские промыслы) с описанием времяпровождения, видов и названий, способов и употребляемых в них орудий; 6) «народное веселье» (простонародные праздники): взрослые и детские игры, забавы, музыкальное сопровождение и инструменты; 7) семейный доход с указанием источника дохода и видами расходов (подати, повинности, земские сборы, питание). В каждом подразделе особо отмечена важность документирования в виде приложения планов, рисунков, зарисовок портретов, образцов (одежды, утвари), словарей местных названий.

Таким образом, программный характер методологии этнографических исследований обозначен указанием универсальных культурных особенностей, на основании которых начинающий или опытный исследователь способен соотнести и зафиксировать отличительные социоантропологические (физиологические, психологические, языковые) черты. Наличие структуры в программе предполагает возможность проведения отдельных тематических исследований (по одному разделу или нескольким). Программа сбора этнографических сведений Императорского Русского географического общества адресована жителям губерний с просьбой заняться сбором сведений и составлением местных описаний для доставления в Общество. В качестве искренней признательности авторам описаний гарантирована публикация материалов в журналах. Лучшим авторам – награды (малые золотые, серебряные, бронзовые медали).

Программа «для собиранья сведений по этнографии», ее содержание, план и структура имеют особо важное значение в формировании российской этнографии как академической науки, ставшей фундаментом для проведения этнографических, антропо-, социо- и культурологических исследований в последующее время. В первом выпуске 1894 года к статье Н. Лескова «Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонекимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 г.» опубликовано примечание от редакции о значении российской этнографии и этнологии, объединенных под названием «народоведение» и имеющих ряд важных задач для развития (Отчет..., 1894: 31-36).

Одной из задач «народоведения» ставилось изучение и определение места, характера и значения каждой этнокультурной группы, как в прошлом, так и в настоящем. Великое значение исследования многообразия населяющих Россию народов заключалось в сохранении прочного и независимого государства исторического народа, благоприятного и плодотворного поликультурного развития для укрепления гражданственности и образованности главного национального элемента (славянского, и в нем – общерусского, а в последнем - великорусского). Согласно публикации, чем больше будут просвещаться и развиваться этнокультурной группы, тем «более при всем ревнивом охранении своей народности они будут нуждаться в русском языке, в русской книге и принимать деятельное участие в общей русской государственной и культурной жизни» (Отчет..., 1894: 32). Просветительское, христианско-человеческое и государственное значение науки «народоведение» видится ученым конца XIX века в убедительном и наглядном доказательстве безбоязненного, искреннего, дружелюбного расположения по отношению ко всем народам, населяющим Российскую империю.

Другой, но не менее важной стала постановка задачи развития русского языка как национального (общерусского) с целью сохранения государственного единства и плодотворных государственных и культурных отношений с другими странами: «При справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России никакие силы в мире не могут помешать широкому в ближайшие 50-100 лет распространению русского литературного языка вне пределов

России, так что если не к концу первого, то, несомненно, к концу второго полувека он станет мало-помалу общим органом разума во взаимных сношениях различных народностей между собой. ... Русским языком в России будет говорить свыше 200-300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайному развитию всякого рода отношений Западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими» (Отчет..., 1894: 32). Становлению русского языка как государственного способствует признание и уважение к культуре, родным языкам и религии всех этнокультурных групп: «чем культурнее народ и край, тем легче вводить обязательное обучение русской грамоте и языку» (Отчет..., 1894: 33). Государственная национально-культурная политика видится в дружественном отношении «ко всем без различия инородческим элементам нашим», их сплочении в единство с русским народом, возвышению и усилению общественной нравственности, укреплению здорового государственного порядка.

В качестве третьей задачи авторами упоминается будущее развитие «русского народоведения» по изучению всех этнокультурных групп России: «антропология, лингвистика, филология, история в самом широком объеме – этнологическая (или историческая этнология), церковная, политическая, история права, искусств, литературы и пр. и пр. Художества изобразительные, музыка, поэзия приобретут громадный запас новых данных, новые кругозоры, методы и приемы, несказанно таким образом обогатят русскую науку, русскую литературу, искусство, вообще русскую образованность» (Отчет..., 1894: 34). Для выполнения задачи требовалось особое внимание и уважение ко всем общностям без различия с целью сохранения их грамотности, духовности, народных учителей, знающих родные языки. Без помощи местных уроженцев, знатоков и наблюдателей в сборе этнографического материала, русские ученые не смогут иметь полное представление о народностях. Заинтересованность в развитии русской этнографии как ученых, так и знатоков-местных жителей, укрепит искренние дружественные отношения великих и малых центров русской образованности с отдаленными окраинами, сформирует благожелательное отношение к приезжим исследователям, а также способствует появлению «из их среды даровитых общественных и государственных деятелей, вполне преданных русскому отечеству» (Отчет..., 1894: 35).

Четвертой задачей ставилось развитие русской науки как просветительского дела по отношению ко всем этнокультурным группам. Преградой развитию, по мнению ученых Императорского Русского географического общества, служило многолетнее издание Российской Академией наук научных трудов (академических бюллетеней и мемуаров) на немецком языке, что ставило русский язык в подчинение одной из сотен российских народностей. Ориентация на российское читателя, по мнению авторов, в конце XIX столетия была важнее, чем освещение научных достижений (находок, новых наблюдений) русских ученых европейскому жителю: «Во многих науках и даже, вероятно, во всех бывало, бывает и будет еще не раз, что иное замечательное исследование, напечатанное на любом из самых распространенных языков, по годам оставляется без внимания, проходит незамеченным. И такие случаи часто повторяются с трудами оригинальными, особенно на успевших еще приобрести громкой репутации молодых ученых или ученых и не молодых, но не привыкших прибегать ни к каким рекламам» (Отчет..., 1894: 35). Широкая известность трудам российских ученых придет только в условиях издания их трудов на русском языке, другие страны же способны сделать литературный перевод изданий. Российская наука является высшим русским знанием. Это великая сила, обогащающая и возвышающая русскую культуру, русский язык. Процветание русской литературы и науки способствует укреплению русского самосознания и его развитию, повышают нравственный авторитет русского языка и народа среди российских жителей, искореняет предубеждение относительно русской мысли и литературы в ее широком значении.

4.2. Этнические группы Сибири в этнографических исследованиях конца XIX века

Объектом этнографических исследований российских ученых конца XIX века, согласно материалам журнала «Живая старина» за 1890-е годы, выступала культура различных этнических групп Российской империи. Именовались они в материалах журнала как племена, народности, инородцы. В ходе длительных полевых экспедиций большое внимание учеными уделялось сбору фольклорных текстов разных народностей, которые затем публиковались на страницах этнографического журнала «Живая старина». Например, в выпусках журнала за 1899 год опубликованы тексты Сказок Минусинских инородцев (№1), а также Сказка о Чесоточном шамане (№2), Сказание об Эленди и его сыновьях (в переводе с чукотского) (№3) и Три сказки, записанные в Кодымском крае (№3). Наряду с практикой сбора текстов фольклора, легенд и преданий ученые вели кропотливую аналитическую работу по выстраиванию истории формирования этнического состава того или иного региона и определенной системы знаний о культуре отдельных этнических групп.

Сибирь представляла для исследователей особый интерес. Это было связано, во-первых, с тем, что этническая история данного региона была еще мало изучена к концу XIX века. Как отмечает С.К. Патканов, «судьба Северо-Западной Сибири и культура ее обитателей до водворения здесь русских нам почти совершенно неизвестны» (1891, 3: 85). Во-вторых, в конце XIX века наметился вектор на переосмысление значения Сибири для развития Российской империи в целом. В своем очерке «Красноярский округ Енисейской губернии» (1890) член Императорского Русского

географического общества Н.В. Латкин призывает изменить отношение к Сибири, которая ассоциировалась прежде всего с местом «ссылки преступников и нравственно порочных людей» (Цит. по: *Живая старина*, 1890, 1: 13). Подобная трансформация Красноярского округа наметилась намного раньше, а именно после 1628 года. Именно этот год называется автором очерка рубежным в том смысле, что до 1628 года «он имел ограниченное местное значение» (*Живая старина*, 1890, 1: 12). Особое внимание Н.В. Латкиным уделено Красноярску. По его убеждению, Красноярск – это один из будущих процветающих районов Енисейской губернии и потому требующий формирования в нем и народного просвещения, и храмов, и судов.

Результаты крупных этнографических полевых исследований Сибири были опубликованы в журнале «Живая старина» в выпусках за 1891-й (№3, 4), 1895-й (№3-4) и 1896-й (№3-4) годы.

В статье «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, сведения об их численности» Н.А. Аристов показывает подвижный характер состава всех племен и народностей на всем протяжении их исторического существования (*Аристов*, 1896, 3-4: 446). Подобное изменение этнического состава племен достигалось путем постоянного их переселения и подчинения себе иных народностей для взимания дани, как, например, это произошло с самоедами и енисейцами, которые были отуречены тюрками, переселившимися на север Алтая, на восток, в бассейн Верхнего Енисея и на обе стороны Саянского хребта. Сами тюрки, выселившиеся в бассейн реки Абакан, по замечанию автора, составляли в смеси с динлинами племя кыргызов (*Аристов*, 1896, 3-4: 338). Собственно, к Енисейским тюркским племенам автором были отнесены кызылы, качинские татары, сагайские татары, карагасы и камасинцы. Общее число енисейских тюрков составляло, по данным Н.А. Аристова, 35 793 человека. Одним из главных тюркских племен названо племя саха, или якутское, являющееся главным населением северо-востока Сибири (*Аристов*, 1896, 3-4: 446). География расселения якутов фиксируется территорией бассейна р. Лены, откуда они распространились на восток до Охотского моря и на запад до Нижнего Енисея (*Аристов*, 1896, 3-4: 329). Согласно автору, весьма вероятным является то, что якуты «представляют собой часть тюркского племени сагай, перешедшую с Енисея в бассейн Лены и получившую сильные примеси в аборигенах этой страны тунгусах и в соседних с нею с юга бурятах» (*Аристов*, 1896, 3-4: 332). Трансформация данной этнической группы была обусловлена также экономическими изменениями и изменениями основ духовной их жизни, вследствие чего корни родового быта якутов, по замечанию автора, были подорваны.

В отчете П. Островских «Этнографические заметки о тюрках Минусинского края» за 1894 год на основе результатов полевой работы в Минусинском крае Енисейской губернии описаны традиции такой этнической группы, как качинцы (*Островских*, 1895, 3-4). По замечанию автора, это племя, которое в наибольшей степени уцелело от русского влияния и, соответственно, сохранило свои исконные традиции (*Островских*, 1895, 3-4: 297). Качинцы составляли ведомство Абаканской Инородной Управы, которое насчитывало в 99 населенных пунктах 10 877 человек по данным на 1892 год. Сравнение с данными 1847 года свидетельствовало о положительной динамике численности качинцев, которая выросла на 13 % к 1892-му году.

По своим внешним характеристикам качинцы отличались «широким скуластым лицом, плоским носом, узкими глазами и резкими, как бы еще нетронутыми никакой культурой чертами лица» (*Островских*, 1895, 3-4: 304). Отношение к образованию у инородцев в целом было положительное. Как отмечает автор отчета, инородцы «охотно отдают детей в ученье», однако небольшое количество школ на сравнительно больших территориях их проживания тормозило развитие среди них грамотности (*Островских*, 1895, 3-4: 325). По замечанию П. Островских, инородцы являются достаточно способными учениками, которые зарекомендовали себя с лучшей стороны. Например, «многие из них участвуют теперь в сибирских повременных изданиях, состоя сельскими учителями и священниками. Казанский же проф. Катанов, родом сагаец, сам себе пробил дорогу к высшему образованию» (*Островских*, 1895, 3-4: 326).

Как и у других коренных сибирских этносов, у качинцев существовала определенная система обычаев и традиций, которая и формировала их материальную и духовную культуру. При этом духовная культура определяла во многом материальную культуру, что выразилось в практике особой организации жилища и быта качинцев. Духовная культура качинцев определяла взаимоотношения между членами семьи, их отношение к болезням и смерти. Безусловно, духовная культура нашла свое воплощение и в их музыкальной культуре.

Взаимоотношения между родственниками основывались на обычае соблюдения особого отношения замужней женщины к родственникам мужа. Она не должна была, например, называть их по имени, подходить к ним близко, говорить с ними, появляться с непокрытой головой или босиком. Общение с ними могло происходить только через другое лицо. В противном случае это расценивалось как неуважение или оскорбление родственников мужа с ее стороны.

Отношение качинцев к болезням и смерти было определено развитием среди них традиции шаманизма и веры в духов – хозяев гор, рек, зверей, юрт, огня, духов покровителей семьи, в особые духов каждой семьи. Как отмечает П. Островских, духи могли нанести вред семье «если ему (духу) не оказывать почитаний» (*Островских*, 1895, 3-4: 337-338). Большая роль в отношении с духами

отводилась шаманам. Сами качинцы должны были беречь амулеты и животных, посвященных шаманом духам. В целях защиты от духов качинцами проводился также обряд посвящения лошади или коровы «бурой» шерсти, или овцы в изык.

Особое значение также имели амулеты, которые создавались шаманами и были посвящены духам, потому требовали к себе особого почитания, как со стороны людей, так и со стороны самого шамана. Почитание выражалось в том, что каждому амулету преподносилась определенная пища. Амулеты могли располагаться, как внутри, так и снаружи юрты качинца. Это можно наглядно проследить на представленном схематичном рисунке качинской юрты (Рисунок 2).

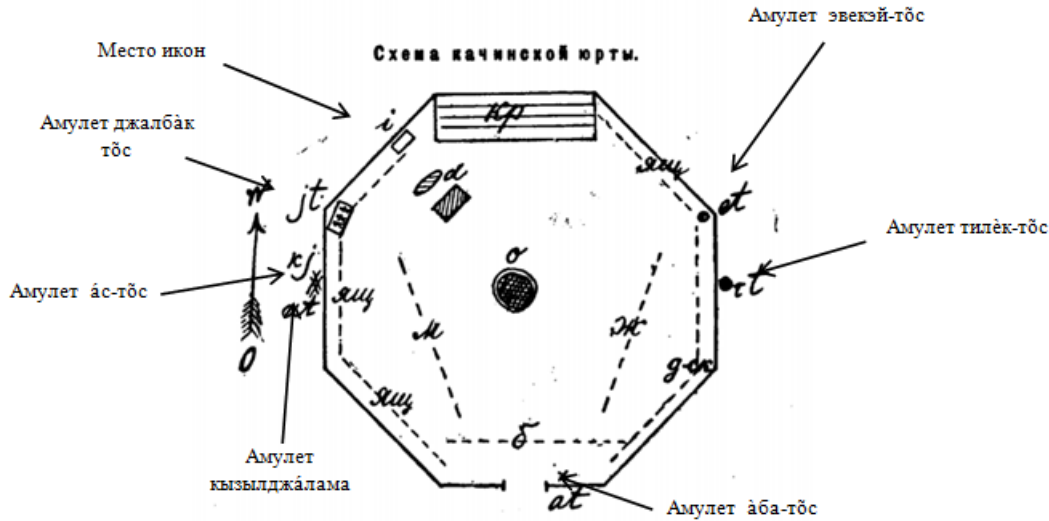

Рис. 2. Схема качинской юрты с обозначением расположения амулетов
Источник: Журнал «Живая старина», 1895, 3-4

Некоторые амулеты размещались и вовсе на некотором расстоянии от жилища. Их местоположение, а также форма зависели от того назначения, которое им приписывалось людьми и самим шаманом.

Каждый амулет имел свое название. В общей сумме, как отмечает П. Островских, этих названий было не менее 20 (Островских, 1895, 3-4). В каждой без исключения качинской юрте встречались такие амулеты, как тилёк-тõс и джалбак тõс. Они располагались на противоположных друг от друга сторонах юрты.

Первый амулет располагался снаружи юрты, с северной стороны. Его сила распространялась как на людей, так и на животных. Кормили его кашей. Второй амулет располагался внутри юрты, на противоположной стороне, слева от входа, рядом с местом расположения иконы. П. Островских приводит схематичный образец данного амулета (Рисунок 3).

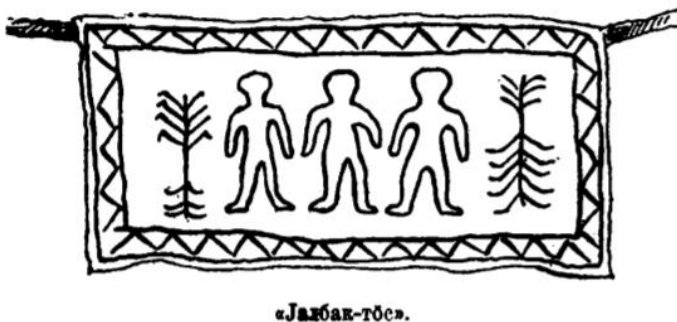

Рис. 3. Амулет джалбак тõс
Источник: Журнал «Живая старина», 1895, 3-4

Материалом для данного амулета послужил кусок холста размером 20*40 см. Амулет подвешивался на козьих ремешках. За правый ремешок, пришитый к верхнему углу амулета,

прикреплялся маленький деревянный бубен шамана. В этом амулете видели силу избавления от грудных заболеваний. Кормил его шаман молоком.

По центру холста красной краской (преимущественно охрой, добываемой в ближайших горах) изображены три человеческие фигуры. Над головой каждой человеческой фигуры пришивались кусочки парчи и собольей шкурки, имитировавшие шапки. По сторонам от этих фигур схематично изображены две березы. Изображенная справа береза изображена корнем вниз, слева – корнем вверх. Вся площадь холста окаймлена узорчатым изображением в виде зигзагообразной линии, ограниченной сверху и снизу прямыми горизонтальными линиями. Схематичность изображения на амулете определяет его символическое назначение и наполнение. Ограниченность орнаментальной рамой пространства изображения человеческих фигур подчеркивает замкнутость композиции, замкнутость фигур. Замкнутость может пониматься как зависимость жизни человека от внешних сил, сил природы и духов. Зигзагообразность линии вносит характеристику ритмичности и цикличности. Сама жизнь подчинена этому ритму, и жизнь человека не исключение. Цикличность изображения поддерживается также зеркальным принципом схематичного изображения берез. Взаимооборачивание сил природы, таким образом, окружает и определяет ритм жизни и человека.

К 1895 году в связи с развитием миссионерской деятельности среди представителей коренных народов, в том числе среди качинцев, шаманство начинает уступать место христианскому обычаю крещения и венчания. Согласно П. Островских, на 1895 год все взрослые качинцы были покрещены. Ежегодно по церковному обряду, по данным автора, крестят в среднем до 65-70 % детей до 14 лет. Некрещенных детей разного возраста по приходу на июль 1895 года было до 80 человек. Браков было до 70 в год и от 10 до 15 % они совершались по христианскому обычаю (Островских, 1895, 3-4: 348).

Музыкальная культура представляет также особый пласт духовной культуры качинцев. Как замечает автор отчета, качинцы являлись «очень музыкальным народом» (Островских, 1895, 3-4: 329). В каждой качинской юрте был музыкальный инструмент – комса, представляющий по форме вид большой деревянной ложки, затянутой сверху кожей. Струны у комса были сделаны из конского волоса. Одна из них была белая, другая – черная. Длина инструмента составляла 80 см. Менее распространенным был такой инструмент, как чатган. Оба этих инструмента певцы использовали в качестве аккомпанемента во время исполнения своих поэм. Кроме того, охотники-качинцы также прибегали к использованию отдельных музыкальных инструментов во время охоты с целью имитации звуков тех или иных животных. Этой цели служили такие музыкальные инструменты, как быргы и сымысха (Островских, 1895, 3-4: 331).

Еще одну этническую группу Сибирского региона составляли остяки. Ее анализу посвящены статьи С.К. Патканова «Стародавняя жизнь Остяков и их богатыри по былинам и сказаниям» (Патканов, 1891, 3) и «Внешний вид и образ прежних Остяков (продолжение)» (Патканов, 1891, 4). Автор внес большой вклад в изучение культуры остяков, единственных наряду с вогулами представителями в Сибири обширного финского племени (Патканов, 1891, 3: 87). По своему развитию остяки находились на более высокой ступени по сравнению, например, с самоедами. С.К. Патканов склонен относить остяков к оседлому населению, которое лишь на время промысла расходилось по речкам и лесам. И это, по мнению автора, не может рассматриваться в качестве основания для причисления остяков к кочевому народу (Патканов, 1891, 3: 107).

На основе анализа собранных автором текстов былин и героических сказаний остяков южного племени, С.К. Патканов реконструирует отдельные стороны их жизни.

Местом проживания остяков названа «глухая страна севера» Тобольской губернии (Патканов, 1891, 3: 87), которая для самих жителей представлялась «страной обетованной» (Патканов, 1891, 3: 87), родиной, которую никто не желал добровольно покидать. История культуры остяков реконструируется автором с позиции таких форм, как виды их деятельности, вероисповедание, административное устройство, социальная структура общества, включая положение женщин, внешний вид, образ жизни, вооружение остяцких князей и обустройство жилища.

В конце XIX века, по замечанию автора, актуализировалась тенденция утраты исконных форм остяцкой культуры вследствие влияния процессов ассимиляции остяков с русскими. Данный процесс стал результатом «прочного» русского владычества над остяками, которое началось, согласно С.К. Патканову, в 1581 году. По замечанию автора, «за последние годы стали пропадать и последние остатки их прежней культуры» (Патканов, 1891, 3: 88). Данные процессы, согласно публикации, затронули такие формы остяцкой культуры, как одежда, музыка, поэзия, фольклор (в частности, сказки), танец и язык. Женский костюм был заменен русским платьем и платком, этнические музыкальные инструменты, такие, как «лебедь» и «домбра», были вытеснены «бандуркой» и балалайкой. Остяцкие песни и пляски были вытеснены русскими, что в свою очередь оказало существенное влияние и на сохранность родного языка, который постепенно забывался и вытеснялся русским (Патканов, 1891, 3: 88). Единственными формами культуры остяков, которые продолжали сохранять свою самобытность, были былины и героические сказания. Однако в силу того, что молодое поколение не стремилось перенимать традицию их создания и использовать в своей жизни, они также оказались в ситуации своего исчезновения (Патканов, 1891, 3: 88).

5. Заключение

Программа сбора этнографических сведений, опубликованная учеными Императорским Русским географическим обществом в самом первом выпуске журнала «Живая старина» направлена на поиск особенных и уникальных черт этнокультурных групп, населяющих Россию, с целью сохранения культурной памяти, фиксации актуального содержания культурно-бытовых и языковых форм, развития науки «народоведения» как живого знания о поликультурном единстве народов Российской Империи. Предложенная в программе методология этнографических исследований преобразовала деятельность начинающих и опытных ученых, способствовала определению ключевых задач для будущего программного развития академических исследований: изучению каждой этнокультурной группы в ее прошлом и настоящем для сохранения прочного и независимого государства; становлению русского языка как государственного с целью просвещения народов, усилению общественной нравственности, уважению ко всем родным культурам, языкам, религиям; обогащению российской науки этнографическим материалом, сплачивающим все области науки, ученых и научных центров, жителей губерний и государственных деятелей; продвижению русской науки и литературы для укрепления русского самосознания, просветительской образовательной деятельности по сохранению традиционных ценностей и единого культурного пространства страны. Примерами применения методологии исследования, согласно программе, в том числе могут служить опубликованные в журнале результаты изучения коренных народов Сибири. Наиболее подробными являются публикации, посвященные таким этногруппам, как качинцы и остяки. Культура этих этносов изучена исследователями как с материальной стороны, так и со стороны духовных представлений народов и их отражения в характерных чертах традиционного образа жизни. Российская этнография конца XIX века в материалах представлена как активно развивающаяся, тщательно определяющая собственные задачи и методы. Образ коренных сибирских этносов в журнальных материалах, систематизирующих результаты полевых исследований российских этнографов, представлен в современном авторам состоянии, которое стало итогом и специфического пути развития традиционной культуры этих народов, и их длительного опыта связей с русским этносом. Исследователи большое внимание уделяют тому, как изменилась традиционная культура под воздействием общегосударственной. При этом со столь же большим интересом и вниманием российские этнографы фиксируют уникальные практики и черты жизни коренных сибирских народов, сохранившиеся в повседневности этих этносов.

Литература

- Аристов, 1896** – Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, сведения об их численности // *Живая старина*. 1896. № 3-4. С. 277-456.
- Артамонова, 2017** – Артамонова Л.М. Самарские публикации В.Г. Варенцова в столичной и местной периодике 1860-х гг. как исторический источник // *Библиография. Археография. Источниковедение*. 2017. С. 61-70.
- Ахметова, Неклюдов, 2008** – Ахметова М.В., Неклюдов С.Ю. О журнале «Живая старина» // *Антропологический форум*. 2008. 8. С. 389-393.
- Ахметова, 2018** – Ахметова М.В. Журнал «Живая старина»: история и перспективы // *Культура и текст*. 2018. 1 (32). С. 197-198.
- Белова, 2018** – Белова О.В. Четверть века «Живой старины» // *Живая старина*. 2018. 4. С. 2.
- Богораз, 1899** – Богораз В.Г. Сказание об Эленди и его сыновьях (перевод с чукотского) // *Живая старина*. 1899. № 3. С. 350-370.
- Богораз, 1899** – Богораз В.Г. Сказка о Чесоточном Шамане // *Живая старина*. 1899. № 2. С. 263-270.
- Богораз, 1899** – Богораз В.Г. Три сказки, записанные в Кодымском крае // *Живая старина*. 1899. № 3. С. 371-380.
- Ганцовская, 2015** – Ганцовская Н.С. Русское географическое общество и обследование костромских говоров (Ф.И. Покровский) // *Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»)*. 2015. С. 160-164.
- Дякиева, 2018** – Дякиева Б.Б. Журнал «Живая старина» (1891-1916 гг.) и фольклор народов Российской империи (на примере устного народного творчества калмыков) // *Вестник Калмыцкого университета*. 2018. 3 (39). С. 22-29.
- Иванова, 2022** – Иванова Л.С., Кистова А.В. Социокультурные возможности музеев Красноярска как пространств межкультурной коммуникации // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6, № 2. С. 46-55.
- Каменская, 2017** – Каменская Е.В. Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // *Человек, общество, власть*. 2017. № 100. С. 37-44.
- Копцева и др., 2022** – Копцева Н.П., Резникова К.В., Квашина Ю.В., Середкина Н.Н., Лещинская Н.М. Культурная динамика коренных малочисленных народов Севера Красноярского

края в живописных и графических произведениях // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 6. С. 840-852.

Литвинчук, Панченко, 2011 – Литвинчук М.С., Панченко А.Б. Изучение праздничной культуры на страницах журнала «Живая старина» // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2011. 4. С. 103-107.

Никаев, 2013 – Никаев Х.Р. Материалы периодической печати как исторический источник // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. 9. С. 73-80.

Островских, 1895 – Островских П. Этнографические заметки о Тюрках Минусинского края // *Живая старина*. 1895. № 3-4. С. 297-348.

Отчет..., 1894 – Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // *Живая старина*. 1894. № 1. С. 19-36.

Очерк..., 1890 – Очерк Н.В. Латкина «Красноярский округ Енисейской губернии» // *Живая старина*. 1890. № 1, отдел 3. С. 12-13.

Патканов, 1891 – Патканов С.К. Внешний вид и образ прежних Остяков (продолжение) // *Живая старина*. 1891. № 4. С. 67-108.

Патканов, 1891 – Патканов С.К. Стародавняя жизнь Остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // *Живая старина*. 1891. № 3. С. 85-117.

Программа..., 1890 – Программа для собирания сведений по этнографии // *Живая старина*. 1890. № 1. С. XLVIII–LII.

Пчелкина, 2022 – Пчелкина Д.С., Пименова Н.Н., Замараева Ю.С., Дегтяренко К.А., Тимошкин Д.О. Нацистроительство на территории Эвенкийского и Таймырского национальных округов в 1920-1970-е гг.: культурные и художественные практики // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15, № 10. С. 1465-1479.

Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.

Середкина и др., 2021 – Середкина Н.Н., Ермаков Т.К., Шишкова Е.Е., Темникова О.А. Эвенкийский национальный (автономный) округ в контексте советской национальной политики 1920-1970 гг. // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. Т. 5, № 3. С. 77-88.

Сертакова и др., 2022 – Сертакова Е.А., Лецинская Н.М., Колесник М.А., Кистова А.В. Этнокультурная динамика коренных народов Енисейской Сибири в исследованиях 2010-2020-х гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 5. С. 702-716.

Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам енисейской губернии в XIX - начале XX веках // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. №2. С. 94-106.

Титова, 1974 – Титова З.Д. Роль народоведческих журналов – «Этнографического обозрения» и «Живой старины» в развитии отечественной библиографии // *Из истории советской книги и библиографии. Сб. матер. по библиографии и книговедению*. Вып. 3. Д., 1974. С. 125-149.

Турьинская, 2004 – Турьинская Х.М. Штрихи к портрету музейного радателя. По материалам журналов «Живая старина» (1890-1916) и «Старые годы» (1907-1916) // *Этно-журнал*. 2004. 1.

Турьинская, 2005 – Турьинская Х.М. Этномузееведческая мысль в журнале «Живая старина» (1890-1916) // *Гуманитарная культура и этноидентификация*. 2005. С. 270-279.

Четыре..., 1899 – Четыре сказки Минусинских инородцев // *Живая старина*. 1899. № 1. С. 140-149.

Шпак, Менжуренко, 2022 – Шпак А.А., Менжуренко Ю.Н. Анализ совокупности мер государственной и муниципальной поддержки развития традиционной хозяйственной деятельности в сельских поселениях Севера // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6. № 3. С. 203-215.

Koptseva, Sitnikova, 2019 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. 32(1). Pp. 47-74.

Koptseva, Seredkina, 2021 – Koptseva N.P., Seredkina N.N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. Is. 1. Pp. 343-356.

Koptseva et al., 2021 – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2052-2043.

Seredkina et al., 2022 – Seredkina N.N., Pimenova N.N., Shpak A.A., Zamaraeva Ju.S. «Niva» Journal (1909) as a Source on the History of the Artistic Culture of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1976-1989.

References

Akhmetova, 2008 – Akhmetova, M.V., Neklyudov, S.Yu. (2008). O zhurnale «Zhivaya starina» [About the ["Zhivaya Starina" journal]]. *Antropologicheskii forum*. 8. Pp. 389-393. [in Russian]

- Akhmetova, 2018** – *Akhmetova, M.V.* (2018). Zhurnal «Zhivaya starina»: istoriya i perspektivy [“Zhivaya Starina” magazine: history and perspectives]. *Kul'tura i tekst.* 1(32): 197-198. [in Russian]
- Aristov, 1896** – *Aristov, N.A.* (1896). Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei, svedeniya ob ikh chislennosti [About the journal “Zhivaya starina”]. *Zhivaya starina.* 3-4: 277-456. [in Russian]
- Artamonova, 2017** – *Artamonova, L.M.* (2017). Samarskie publikatsii V.G. Varentsova v stolichnoi i mestnoi periodike 1860-kh gg. kak istoricheskii istochnik [Samara publications by V.G. Varentsov in the capital and local periodicals of the 1860s. as a historical source]. *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovedenie.* Pp. 61-70. [in Russian]
- Belova, 2018** – *Belova, O.V.* (2018). Chetvert' veka «Zhivoi stariny» [A quarter of a century of “Zhivaya starina”]. *Zhivaya starina.* 4: 2. [in Russian]
- Bogoraz, 1899** – *Bogoraz, V.G.* (1899). Skazanie ob Elendi i ego synov'yakh (perevod s chukotskogo) [The legend of Elendi and his sons (translated from Chukchi)]. *Zhivaya starina.* 3: 350-370. [in Russian]
- Bogoraz, 1899** – *Bogoraz, V.G.* (1899). Skazka o Chesotochnom Shamane [The tale of the Itchy Shaman]. *Zhivaya starina.* 2: 263-270. [in Russian]
- Bogoraz, 1899** – *Bogoraz, V.G.* (1899). Tri skazki, zapisannye v Kodymskom krae [Three fairy tales recorded in the Kodyma region]. *Zhivaya starina.* 3: 371-380. [in Russian]
- Chetyre..., 1899** – Chetyre skazki Minusinskikh inorodtsev [Four Tales of the Minusinsk Aliens]. *Zhivaya starina.* 1899. 1: 140-149. [in Russian]
- Dyakieva, 2018** – *Dyakieva, B.B.* (2018). Zhurnal «Zhivaya starina» (1891-1916 gg.) i fol'klor narodov Rossiiskoi imperii (na primere ustnogo narodnogo tvorchestva kalmykov) [“Zhivaya starina” journal (1891-1916) and the folklore of the peoples of the Russian Empire (on the example of Kalmyk folklore)]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta.* 3(39): 22-29. [in Russian]
- Gantsovskaya, 2015** – *Gantsovskaya, N.S.* (2015). Russkoe geograficheskoe obshchestvo i obsledovanie kostromskikh govorov (F.I. Pokrovskii) [Russian Geographical Society and survey of Kostroma dialects (F.I. Pokrovsky)]. *Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnykh regional'nykh issledovaniy (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva»).* Pp. 160-164. [in Russian]
- Ivanova, 2022** – *Ivanova, L.S., Kistova, A.V.* (2022). Sotsiokul'turnye vozmozhnosti muzeev Krasnoyarska kak prostranstv mezhkul'turnoi kommunikatsii [Sociocultural opportunities of Krasnoyarsk museums as spaces of intercultural communication]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii.* 6(2): 46-55. [in Russian]
- Kamenskaya, 2017** – *Kamenskaya, E.V.* (2017). Sovetskie gazety kak istoricheskii istochnik: spetsifika i vozmozhnosti ispol'zovaniya [Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use]. *Chelovek, obshchestvo, vlast'.* 100: 37-44. [in Russian]
- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N.* (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916. *Bylye Gody.* 16(4): 2052-2043.
- Koptseva i dr., 2022** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Kvashnina, Yu.V., Seredkina, N.N., Leshchinskaya, N.M.* (2022). Kul'turnaya dinamika korenykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya v zhivopisnykh i graficheskikh proizvedeniyakh [Cultural dynamics of the indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory in paintings and graphic works]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 15(6): 840-852. [in Russian]
- Koptseva, Seredkina, 2021** – *Koptseva, N.P., Seredkina, N.N.* (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody.* 16(1): 343-356.
- Koptseva, Sitnikova, 2019** – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique.* 32(1): 47-74.
- Litvinchuk, Panchenko, 2011** – *Litvinchuk, M.S., Panchenko, A.B.* (2011). Izuchenie prazdnichnoi kul'tury na stranitsakh zhurnala «Zhivaya starina» [The study of festive culture on the pages of the journal «Live Antiquity»]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 4: 103-107. [in Russian]
- Nikaev, 2013** – *Nikaev, Kh.R.* (2013). Materialy periodicheskoi pechati kak istoricheskii istochnik [Periodical press materials as a historical source]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.* 9: 73-80. [in Russian]
- Ocherk..., 1890** – *Ocherk N.V. Latkina «Krasnoyarskii okrug Eniseiskoi gubernii»* [Essay by N.V. Latkin “Krasnoyarsk district of the Yenisei province”]. *Zhivaya starina.* 1890. 1, otdel 3. Pp. 12-13. [in Russian]
- Ostrovskikh, 1895** – *Ostrovskikh, P.* (1895). Etnograficheskie zametki o Tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic notes about the Turks of the Minusinsk region]. *Zhivaya starina.* 3-4: 297-348. [in Russian]
- Otchet..., 1894** – *Otchet o poezdke k Olonetskim Korelam letom 1893 g.* [Report on a trip to the Olonets Korelay in the summer of 1893]. *Zhivaya starina.* 1894. № 1. Pp. 19-36. [in Russian]

Patkanov, 1891 – Patkanov, S.K. (1891). Starodavnyaya zhizn' Ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i skazaniyam [The ancient life of the Ostyaks and their heroes according to epics and legends]. *Zhivaya starina*. 3: 85-117. [in Russian]

Patkanov, 1891 – Patkanov, S.K. (1891). Vneshnii vid i obraz prezhnikh Ostyakov (prodolzhenie) [Appearance and image of the former Ostyaks (continued)]. *Zhivaya starina*. 4: 67-108. [in Russian]

Pchelkina i dr., 2022 – Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N., Zamaraeva, Yu.S., Degtyarenko, K.A., Timoshkin, D.O. (2022). Natsiestroitel'stvo na territorii Evenkiiskogo i Taimyrskogo natsional'nykh okrugov v 1920-1970-e gg.: kul'turnye i khudozhestvennyye praktiki [Nation-building on the territory of the Evenk and Taimyr national districts in the 1920s-1970s: cultural and artistic practices]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(10): 1465-1479. [in Russian]

Programma..., 1890 – Programma dlya sobiraniya svedenii po etnografii) [Program for collecting information on ethnography]. *Zhivaya starina*. 1890. № 1. Pp. XLVIII–LII. [in Russian]

Rynkov, 2010 – Rynkov, V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Seredkina et al., 2022 – Seredkina, N.N., Pimenova, N.N., Shpak, A.A., Zamaraeva, Ju.S. (2022). «Niva» Journal (1909) as a Source on the History of the Artistic Culture of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(4): 1976-1989.

Seredkina i dr., 2021 – Seredkina, N.N., Ermakov, T.K., Shishkova, E.E., Temnikova, O.A. (2021). Evenkiiskii natsional'nyi (avtonomnyi) okrug v kontekste sovetskoi natsional'noi politiki 1920-1970 gg. [Evenk national (autonomous) district in the context of the Soviet national policy of 1920-1970]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 5(3): 77-88. [in Russian]

Sertakova i dr., 2022 – Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Kolesnik, M.A., Kistova, A.V. (2022). Etnokul'turnaya dinamika korennykh narodov Eniseiskoi Sibiri v issledovaniyakh 2010-2020-kh gg. [Ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of the Yenisei Siberia in the studies of 2010-2020s.]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(5): 702-716. [in Russian]

Sertakova, Sitnikova, 2022 – Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A. (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam eniseiskoi gubernii v XIX - nachale XX vekakh [The Charter on the «Office of Aliens», compiled by M.M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 2: 94-106. [in Russian]

Shpak, Menzhurenko, 2022 – Shpak, A.A., Menzhurenko, Yu.N. (2022). Analiz sovokupnosti mer gosudarstvennoi i munitsipal'noi podderzhki razvitiya traditsionnoi khozyaistvennoi deyatel'nosti v sel'skikh poseleniyakh Severa [Analysis of the totality of measures of state and municipal support for the development of traditional economic activities in rural settlements of the North]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 6(3): 203-215. [in Russian]

Titova, 1974 – Titova, Z.D. (1974). Rol' narodovedcheskikh zhurnalov – «Etnograficheskogo obozreniya» i «Zhivoy stariny» v razvitiy otechestvennoi bibliografii [The role of ethnographic journals – «Ethnographic Review» and «Living Antiquity» in the development of national bibliography]. *Iz istorii sovetskoi knigi i bibliografii. Sb. mater. po bibliografii i knigovedeniyu*. Vyp. 3. D., 1974. Pp. 125-149. [in Russian]

Tur'inskaya, 2004 – Tur'inskaya, Kh.M. (2004). Shtrikhi k portretu muzeinogo radetelya. Po materialam zhurnalov «Zhivaya starina» (1890-1916) i «Starye gody» (1907-1916) Strokes to the portrait of a museum guardian. Based on the materials of the journals «Zhivaya starina» (1890-1916) and «Starye gody» (1907-1916)]. *Etno-zhurnal*. 1. [in Russian]

Tur'inskaya, 2005 – Tur'inskaya, Kh.M. (2005). Etnomuzevedcheskaya mysl' v zhurnale «Zhivaya starina» (1890-1916) [Ethno-museological thought in the «Zhivaya starina» (1890-1916)]. *Gumanitarnaya kul'tura i etnoidentifikatsiya*. Pp. 270-279. [in Russian]

Российская этнография конца XIX века (по материалам журнала «Живая старина», выпуски 1890-х гг.)

Наталья Петровна Копцева^{a, *}, Наталья Николаевна Пименова^a, Юлия Сергеевна Замараева^a, Наталья Николаевна Середкина^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова), rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению периодического издания «Живая старина». Издававшегося Императорским Русским географическим обществом в качестве исторического источника по методологии и практике этнографических исследований в Российской империи конца XIX века. Этот журнал выпускался больше 15 лет – с 1890 по 1916 год. Материалом для данного исследования стали номера журнала за последнее десятилетие XIX века с 1890-го по 1899 год. А ключевыми направлениями публикаций, анализируемых в статье, стали вопросы специфики методологии этнографического исследования, вырабатываемой учеными конца XIX века, и образ этнических групп Сибири, представленных в опубликованных результатах этнографических исследований конца XIX века. Существенное значение для статьи имеют программные материалы, адресованные исследователям и нацеленные на определение задач науки об этносах и ее методологии (в том числе опубликованная в первом выпуске «Программа сбора информации по этнографии»). В качестве практических результатов этнографических исследований, результаты которых опубликованы в журнале «Живая старина», в статье проанализированы материалы о сибирских этногруппах (качинцы и остяки).

Ключевые слова: журнал «Живая старина», этнография, Российская империя, 1890–1899 гг., методология этнографических исследований, этнические группы Сибири, конец XIX века.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1434-1446
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1434

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Report about the Official Trip of the Minister of War to the Don Host Oblast in 1900” of A.N. Kuropatkin as a Historical Source

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^a Rostov State University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the “Report about the official trip of the Minister of War to the Don Host Oblast in 1900” of A.N. Kuropatkin. This historical source is interesting because it is a personal narrative of the Minister of War of the Russian Empire, describing a trip to the Don Host Oblast in order to “understand the essence of the life of a Cossack”. Thus, it potentially makes it possible to understand the specifics of the views of the imperial government on the Don Cossacks at the turn of the 19th-20th centuries. However, until now, this text has been relatively little used by historians of the Cossacks (the studies of the Don Cossacks, carried out around the same time by A.N. Kuropatkin’s subordinates, generals P.O. Shcherbov-Nefedovich and N.A. Maslakovets, enjoy great authority). The article shows that this is not accidental. Research optics A.N. Kuropatkin was extremely specific: it is characterized by lack of system, inattention to some important aspects of the problem under study, unpreparedness for in-depth analysis and peremptory judgments. As a result, the minister's report demonstrates his detachment from reality and inability to understand the real problems of the Cossacks (for example, when inspecting the Don schools, he paid great attention to choral singing, but was not at all interested in more important things, such as the curriculum and the competence of teachers). Ultimately, the report of A.N. Kuropatkin clearly demonstrates why the imperial authorities failed to solve the problems of the Cossacks of the late imperial period: in their reform activities, imperial officials sometimes proceeded not from reality, but from a priori ideas about what the Cossacks should be like.

Keywords: source study, Russian Empire, Don Cossacks, A.N. Kuropatkin, government and the Cossacks.

1. Введение

«Увы даже школа, так как она поставлена, не приносит в дом казака только радость. Старики жалуются, что окончившие курс даже в сельской Министерства Народного Просвещения школе (три года) мнят себя учеными. Не хотят черной работы. Заводят другое (штатское) платье и особенно калоши. Калоши стали признаком высшего состояния. Бывает, что их берут взаймы, только чтобы пощеголять ими. Таков пока диагноз болезни. Надо подумать и об лечении. Время еще не ушло. Надо только приступить к лечению с молитвою и верою в силы русского народа, приступить с любящим сердцем и лечить не увеличением переписки и не составлением бесконечных проектов, а по плану, скромно составленному на несколько лет вперед и неуклонно проводимому в жизнь» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 55).

Этот выпад против школ и калош принадлежит не кому-то из героев сатирических произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина или А.П. Чехова. Мы привели цитату из «Отчета о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.», написанного лично военным министром, генералом от инфантерии А.Н. Куропаткиным, человеком весьма

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretako@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

оригинальным и достаточно значимым для российской истории. Созданный им текст во многих местах далек от обычных официальных отчетов не только стилистически, но и содержательно. Например, министр считал нужным зафиксировать информацию о том, что ему удалось добиться знаков расположения от жены атамана Платовской станицы: «Жена атамана, молодая калмычка, очень милостива и, видимо, замечала обращенное на нее внимание и кокетничала на коне» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51). А описывая Донской кадетский корпус, генерал не только констатировал, что его учащиеся увлекаются цветоводством, но и сообщил, что кадеты «приходят даже в праздники из отпуска, чтобы полить свой горшок с цветком» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 80б.).

Впрочем, большую часть объемного отчета генерала (114 печатных страниц) составляют все же традиционные для отчета о служебной поездке элементы: статистические таблицы, описания проверенных объектов и учреждений, рекомендации и советы о развитии края. Но и здесь есть важный нюанс – А.Н. Куропаткин осматривал многие учреждения, Военному Министерству неподведомственные, например, церкви и монастыри, которым даже посвящен целый небольшой раздел (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 480б-490б.). При этом никакой полезной служебной информации выполненные им описания церквей и монастырей не содержат: министр хорошо резюмировал все содержание соответствующего раздела одним предложением: «Храмы на Дону есть замечательные как по своей архитектуре, так и по тем старинным вещам, утвари и драгоценным предметам, кои сохраняются в этих храмах» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 480б.). Наконец, служебные рекомендации и советы генерала нередко напоминают реплики чиновников-героев сатирических произведений. Одним подобным примером мы начали свою статью. Встречаются и другие, не менее странные: например, не держать волов для сельскохозяйственных работ весь год, а продавать осенью, пускать на зиму деньги в оборот и снова покупать новых волов весной (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 240б.).

В результате «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» получился очень странной книгой. Глубокого анализа или важных, достоверных и эксклюзивных наблюдений о жизни донского казачества обобщающего характера там нет. Гораздо более подробный, системный и качественный отчет о жизни донских казаков на рубеже XIX-XX вв. за год до этого, в 1899 г., подготовила «Высочайше утвержденная комиссия для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Войска Донского и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» чаще именуемая по фамилии председателя «комиссией Н.А. Маслакова» (Маслаковец, 1899). А А.Н. Куропаткин в своем отчете, касаясь общих вопросов жизни донского казачества, или транслировал без должного обоснования популярные на 1900 г. представления о казаках и их быте, или вообще делал весьма спорные собственные выводы на недостаточном материале.

В то же время повествование генерала наполнено массой частных фактов о различных сторонах жизни Донского края, о его повседневности. Причем эти факты уникальны. Например, из отчета мы можем узнать не только то, что кадеты Донского кадетского корпуса увлекались цветоводством, но и то, что они сами сажали деревья и разбили при корпусе сад; что каждый класс этого кадетского корпуса на общую подписку покупал икону, которая затем украшала их учебную аудиторию до самого выпуска; что при каждой сотне кадетов была столярная мастерская, и донские кадеты мастерски владели ручным трудом; что в корпусе был прекрасный зубной кабинет и отличная дантистка, а в числе кадет имелись музыканты и фотографы, и, наконец, что при корпусе открыли бактериологическую станцию (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 9). Таких любопытнейших частных фактов в отчете военного министра немало. Но и с ними есть серьезная проблема: дело в том, что отчет А.Н. Куропаткина не вполне достоверен. Его автор в некоторых местах транслирует откровенно ошибочную информацию. Например, А.Н. Куропаткин описывал, как ему в Усть-Медведицком реальном училище ученики спели «Боже, Царя храни» и «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», причем авторство последней песни он приписал «известному донскому поэту Леонову» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 420б.). Речь идет о А.А. Леонове, поэте XIX в., рецензию на сборник которого опубликовал сам В.Г. Белинский (Белинский, 1953: 231-234). Вот только автором текста песни «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», легкой в основу современного гимна Ростовской области, является Ф.И. Анисимов (Бабайцев, 2012: 131).

Итак, в 1900 г. единственный раз в истории Российской империи ее военный министр не просто посетил Донское Войско, но провел его специальную инспекцию, написав по ее итогам подробный обширный авторский текст, причем текст, содержащий уникальную информацию и не укладывающийся в нормы стандартной делопроизводственной документации того времени. Каковы бы ни были достоинства этого текста как исторического источника о реальной жизни донского казачества на рубеже XIX-XX вв., он важен как источник, демонстрирующий представления имперской власти о казаках. Что увидел А.Н. Куропаткин в Донском Войске? А что он хотел увидеть? Почему вообще военным министром был создан такой жанрово странный текст? Разбираемая работа А.Н. Куропаткина многогранна, и для ее полного анализа мало одной статьи. Но в рамках данного исследования мы бы хотели хотя бы наметить ответы на заданные вопросы.

2. Материалы и методы

Источниковой базой нашего исследования будет служить, прежде всего, сам «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.», который мы будем соотносить с другими источниками о донском казачестве рубежа XIX-XX вв. В частности, с материалами комиссии Н.А. Маслаковца.

Поскольку мы уже описывали поездку А.Н. Куропаткина в Донское Войско и сделанные им выводы (Peretyatko, 2019: 1326-1328), в данной статье мы сделаем акцент на анализе нарратива А.Н. Куропаткина как исторического источника. Мы попытаемся понять, насколько внимательным и объективным наблюдателем он был, насколько приводимые им факты адекватны исследуемым темам, а выводы – приведенным фактам. Это позволит нам уяснить особенности исследовательской оптики А.Н. Куропаткина, то, каковы были методологические и идейные особенности проведенного им исследования донского казачества. В то же время мы кратко охарактеризуем предысторию поездки военного министра на Дон и организацию этой поездки, поскольку они тоже, разумеется, влияли на его нарратив.

3. Обсуждение

С учетом жанровой специфики и недостоверности нарратива А.Н. Куропаткина вполне предсказуемо, что историками донского казачества «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» используется мало. Впрочем, в советское время на отмеченные А.Н. Куропаткиным в ходе данной поездки факты несколько раз ссылался И.П. Хлыстов в монографии «Дон в эпоху капитализма. 60-е - середина 90-х годов XIX в.» (Хлыстов, 1962: 16, 28). Однако после этого труд А.Н. Куропаткина оказался не столько забыт, сколько неинтересен исследователям казачества. Так, внимания крупного казаковеда А.П. Скорика в книге «Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции» удостоился не сам отчет А.Н. Куропаткина, но приложения к нему, описывающие инспекцию Донецкого округа начальником Главного управления казачьих войск (ГУКВ) П.О. Щербовым-Нефедовичем (Скорик, 2015: 82-109). Конечно, это связано в том числе и с тем, что А.П. Скорика больше интересовал осмотр властями конкретной станицы, Милютинской, произведенный как раз П.О. Щербовым-Нефедовичем. Однако исследователь регулярно касается в своей книге и общих проблем донского казачества той эпохи, например, рассматривая возможные меры по борьбе с его обеднением (Скорик, 2015: 108-109). Вот только, разбирая подобные проблемы, он обращается исключительно к материалам комиссии Н.А. Маслаковца, игнорируя написанное на этот счет А.Н. Куропаткиным (Скорик, 2015: 108-109). Вообще деятельность комиссии Н.А. Маслаковца А.П. Скорик оценивает крайне высоко (она собрала «бесценные социально-экономические свидетельства о положении дел в Области Войска Донского» (Скорик, 2015: 109). Хвалит он и П.О. Щербова-Нефедовича, (последний «являлся ординарным профессором Николаевской академии Генерального штаба», что «не могло не отразиться на качественных характеристиках <его> итогового отчета» (Скорик, 2015: 83). А А.Н. Куропаткину историк ставит в заслугу только организацию работ подчиненных (Скорик, 2015: 82). А специалист по истории Донского Войска второй половины XIX в. А.А. Волвенко в «Очерках по истории донского казачества в позднимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.)» вообще только упоминает о поездке А.Н. Куропаткина в Область Войска Донского в 1900 г., не используя подготовленный по ее итогам отчет (Волвенко, 2017: 108, 143).

С другой стороны, деятельность А.Н. Куропаткина, независимо от ее оценки, была крайне многогранна, и поэтому многочисленные биографы генерала обращаются к самым разным ее эпизодам, включая, например, воззрения министра на российскую политику в Персии (Гоков, 2015: 187-197) или на протектораты Российской империи в Средней Азии (Почекаев, 2019: 44-53). Специально изучались и некоторые поездки А.Н. Куропаткина, например, в Сибирский военный округ (Авилов, 2019: 157-176). Однако вопросы отношения военного министра к казачьим войскам его биографами изучались сравнительно мало: можно отметить только статью Р.С. Авилова «Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина)» (Авилов, 2021: 149-159). Р.С. Авилов разбирает предельно частный сюжет, подробно описывая ситуацию в двух казачьих сотнях на основании материалов поездки А.Н. Куропаткина, рассматривая утверждения министра как достаточно объективные и отражающие действительность. В то же время мы в одной из своих прошлых работ, напротив, пришли к выводу, что «А.Н. Куропаткин исходил при изучении экономических проблем казачьих войск не столько из реальных фактов, сколько из своих сомнительных концепций» (Peretyatko, 2019: 1329).

Таким образом, остается констатировать, что нарратив А.Н. Куропаткина о казачьих войсках в целом и его «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» изучены далеко не достаточно. Специалисты по донской истории уделяют мало внимания данному тексту: большим авторитетом пользуются исследования казачества, подчиненных А.Н. Куропаткина, Н.А. Маслаковца и П.О. Щербова-Нефедовича. С другой стороны, биографы А.Н. Куропаткина уделяют основное внимание работам генерала, не связанным с казачеством. В итоге среди

исследователей даже нет консенсуса о том, насколько надежным источником являются работы А.Н. Куропаткина о казаках.

4. Результаты

Причины поездки

До самого 1917 г. в Российской империи не было создано учебных заведений, где готовили бы чиновников и экономистов для казачьих войск, и ключевые должности в Донской администрации часто занимали строевые военные без всякого административного опыта. Князь Н.И. Святополк-Мирский, Донской атаман в 1881-1898 гг., был ярчайшим примером этого: блестящий офицер, участник Кавказской войны и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. До назначения атаманом он занимал исключительно строевые должности (*Альманах..., 1897: 1201*). Согласно свидетельствам современников, к гражданскому управлению вверенного ему региона князь оказался совершенно равнодушен (*Карасев, 1899: 112-114*). В современной историографии встречаются и положительные оценки деятельности этого атамана (*Тикиджьян, 1998*). Однако на момент его снятия с должности в 1898 г. ситуация в Донском Войске представлялась крайне безрадостной и из станиц, и из Санкт-Петербурга.

В этом году донские дворяне подали Николаю II прошение о создании специальной комиссии для изучения экономических проблем казачества (будущая комиссия Н.А. Маслаковца) (*ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 1-6об.*). Администрация Н.И. Святополк-Мирского попыталась воспрепятствовать им, утверждая, будто бы таким ходатайством дворяне «вышли из своей компетенции, присвоив себе право, которого они не имеют» (*Протоколы..., 1899: 132*). Однако областной предводитель дворянства М.С. Марков сумел передать это ходатайство не через атамана, но как раз через А.Н. Куропаткина, к которому ездил в Санкт-Петербург (*Донцы..., 2003: 302*). Вскоре после этого Н.И. Святополк-Мирский был снят с должности, а исполнять должность Донского атамана назначили природного казака, генерала А.П. Короченцева, который поддержал опасения донских дворян, сигнализируя начальству о тяжелом экономическом положении в крае (*Скорик, 2015: 78-81*).

А комиссия Н.А. Маслаковца вскрыла массу проблем в управлении регионом и возложила на власти частичную ответственность за экономический кризис казачества. Даже ее председатель, бывший помощник Н.И. Святополк-Мирского по гражданской части, признал, что одной из причин обеднения казаков стали постоянно растущие требования к ним по военной службе «как высшего правительства, так и местной администрации» (*Протоколы..., 1899: 136*). Итоговые предложения комиссии предполагали увеличение правительственного финансирования Войска Донского более чем на 1 000 000 руб., что якобы позволило бы казакам экономить 5 000 000 руб. в год (*Маслаковец, 1899: 118*). А.Н. Куропаткин просил дополнительное финансирование для Донского Войска у министра финансов С.Ю. Витте, но понимания не нашел (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 60. Л. 1*).

Тем временем местные донские чиновники, сохранившие должности со времен Н.И. Святополк-Мирского и несущие ответственность за сложившуюся в войске ситуацию, тоже проявляли активность, доказывая, что проблемы донской экономики сильно преувеличиваются их критиками. Их поддержал утвержденный с 1899 г. Донским атаманом генерал К.К. Максимович, передавший в Военное Министерство записку помощника начальника Войскового штаба В.М. Лютенкова, в которой члены комиссии Н.А. Маслаковца даже именовались «компетентными лицами» (именно в кавычках, с явной иронией в отношении их способности анализировать экономические проблемы большого масштаба) (*РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 81*).

Итак, к 1900 г. на Дону сложилась уникальная ситуация: имперская власть официально и публично признала экономический кризис донского казачества. Для его разрешения была создана комиссия по ходатайству снизу, о деятельности и итогах работы которой было прекрасно известно казачьим общественным деятелям (в число ее членов предсказуемо вошел, например, сам М.С. Марков (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3*)). Эта комиссия заявила, что положение дел требует резкого увеличения финансирования Войска Донского. В то же время имперские финансовые институции не желали брать на себя это финансирование, а часть местного чиновничества обвиняла комиссию в искажении реальности. Личная поездка военного министра для того, чтобы разобраться в ситуации, действительно была лучшим способом понять экономическую обстановку в регионе. Но хотел ли А.Н. Куропаткин узнать реальное положение вещей?

Организация поездки

Мы не случайно достаточно подробно остановились на причинах поездки А.Н. Куропаткина на Дон, хотя они уже известны современной историографии. Дело в том, что в своем отчете министр искажил предшествовавшие поездке факты, причем весьма своеобразно и ловко. В общих чертах А.Н. Куропаткин описал ситуацию корректно: он признал, что экономика донского казачества находится в упадке. Об этом сообщают разные лица, а комиссией Н.А. Маслаковца предложен ряд серьезных реформ Донского Войска (*РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3-4*). Однако детали министр искажил в пользу имперской и местной власти. А.Н. Куропаткин утверждал, будто бы «опасение со стороны Военного Министерства» в связи с ростом повинностей казачества возникло совершенно самостоятельно, хотя параллельно с этим в министерство и поступали предупреждения об этом из различных источников (*РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3об.*). Таковых источников

А.Н. Куропаткин называл два: Донскую войсковую администрацию под руководством А.П. Короченцева и донских дворян (именно в таком порядке) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 30б.). В результате министр создал в своем отчете совершенно превратную картину ситуации, предшествовавшей его поездке: если в действительности вопрос о тяжелом экономическом кризисе казачества в 1898–1900 гг. был вынесен на официальное обсуждение исключительно по инициативе донских дворян, причем при поддержке имперских властей и противодействии властей местных, то в интерпретации А.Н. Куропаткина выходило, будто бы данный вопрос совместно подняли имперские власти, местные власти и донское дворянство (именно в таком порядке).

Таким образом, министр в своем нарративе сразу ослабил позиции донских дворян, во многом оппозиционных власти, и усилил позиции региональных и имперских чиновников. В действительности Военное Министерство фактически не заметило обострения экономических проблем донского казачества в 1890 гг. А войсковые власти вообще попытались скрыть эти проблемы, вследствие чего к их оценкам текущего положения в донской экономике необходимо было относиться с определенной осторожностью. Донские дворяне, напротив, эти проблемы выявили, и поэтому их мнения заслуживали большего внимания. Но А.Н. Куропаткин скрыл этот сюжет, что позволило ему далее опираться на утверждения имперских и особенно региональных чиновников, не поднимая вопроса о том, стали ли они более достоверны и обоснованы по сравнению с предшествующим периодом.

А отчет А.Н. Куропаткина строится в основном именно на показаниях либо собственно местных чиновников, либо полученных в их присутствии. Министра в поездке сопровождал ряд лиц «от Войска Донского», причем все это были исключительно представители администрации: атаман К.К. Максимович, начальник войскового штаба В.И. Пневский и ряд менее значительных должностных лиц (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 5). Ехал с ним и ряд чиновников от Военного Министерства, самым влиятельным из которых являлся начальник ГУКВ П.О. Щербов-Нефедович (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б-5). Более того, на границе каждого округа Войска Донского А.Н. Куропаткина встречал окружной атаман, также присоединявшийся к свите министра до тех пор, пока он инспектировал соответствующий округ (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). В окружной станице их встречали еще и помощник окружного атамана, воинский начальник и полицейский пристав (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Затем А.Н. Куропаткин посещал станичный собор (это важно для характеристики его приоритетов) и только после встречи со светским и духовным начальством шел на назначенную ему квартиру, где его должны были ожидать депутации от станиц округа, причем депутация от самой окружной станицы «во главе с станичным атаманом» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4).

Между тем комиссия Н.А. Маслаковца отмечала, что именно окружные власти и станичные атаманы во многом и создали нездоровую экономическую ситуацию на Дону, когда ради выполнения требований снаряжения на службу разрушалась экономическая устойчивость казачьих хозяйств, а всякая инициатива станичных сходов по защите казачьих интересов подавлялась. «С одной стороны, требования начальства к делу снаряжения казака из года в год растут. С другой стороны, возможность со стороны казака к исполнению этих требования из года в год падает, и окружная администрация, поставленная в необходимость разрешить эту неразрешимую дилемму, под страхом всяких административных кар требует от станичного атамана исправного снаряжения, какие бы от того экономические последствия не последовали. Станичный атаман для разрешения ему поставленной задачи обращается к регулированию схода в сторону его себе подчинения, его безгласности, к регулированию в том же направлении и всех казаков станицы. Средства же для того у него достаточны: штрафы, аресты». Описывал ситуацию в своем обстоятельном докладе о причинах упадка казачьего благосостояния член комиссии П.Г. Мордвинцев (Протоколы..., 1899: 98). Таким образом, возникла крайне ироничная ситуация: А.Н. Куропаткин, принимая депутации от казачьих станиц, чтобы обсудить с ними экономические проблемы, делал это исключительно в присутствии тех влиятельных людей, которых специальная комиссия перед этим обвинила в соучастии в создании этих проблем.

А.Н. Куропаткин посещал и станичные правления, где беседовал с полным станичным сбором, но, опять же, только в присутствии станичных чиновников (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.). И даже согласно предварительной программы путешествия министр рассчитывал знакомиться с хозяйством станицы не из беседы со сбором, а «по книгам», вызывая для консультаций неких «почтенных казаков» и «хозяев разного достатка» (интересно, что принцип их отбора остался не указан, что позволяет предположить: «почтенность» казаков должны были определять все те же местные чиновники) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.). Только на заключительном этапе осмотра станицы А.Н. Куропаткин должен был посещать дома отдельных казаков, беседуя с ними и осматривая их хозяйства (принцип отбора этих казаков также не указывался) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.).

Конечно, контакты с местными чиновниками при инспекции военным министром ситуации в Донском Войске были неизбежны. Сотрудничали с местными чиновниками и другие представители Военного Министерства. В 1899–1903 гг. изучавшие в связи со вскрывшимися проблемами ситуации в других казачьих войсках (например, в 1902 г. Оренбургское войско было проинспектировано

П.О. Щербовым-Нефедовичем (Щербов-Нефедович, 1902), а в 1903 г. Забайкальское войско проверял Н.А. Маслаковец (Маслаковец, 1903). Однако этими генералами при изучении казачьих территорий ставились иные, куда более скромные задачи по сравнению с военным министром. Так, П.О. Щербов-Нефедович хотел только произвести «ближайшее личное ознакомление на месте с условиями быта Оренбургских казаков и с экономическим положением их станиц», причем сразу оговаривал, что в его итоговом докладе будет много не вполне достоверной, оценочной общей статистики (Щербов-Нефедович, 1902: 1-2). А А.Н. Куропаткин желал не только «ознакомиться на месте с условиями быта донского казака как по гражданской, так и по военной частям, с занятиями казака, его хозяйством», но и «лично видеть казака в домашней среде, вникнуть в суть самой жизни казака в ее всесторонних проявлениях», чего, разумеется, нельзя было сделать, общаясь с казаками только в присутствии местных чиновников (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3-4). Иными словами, П.О. Щербов-Нефедович во время своей поездки в Оренбургское казачье войско с помощью войсковых чиновников изучал достаточно объективные вещи: быт казачьих станиц и их экономическое положение, сразу предупреждая, что его текст не всегда достоверен. А А.Н. Куропаткин во время поездки на Дон желал с помощью войсковых чиновников понять вещи как объективные, так и субъективные, изучить абсолютно все стороны казачьей жизни, включая жизнь непубличную, домашнюю. И при этом он не оговаривал возможную неточность своих наблюдений. Важно и то, что ошибку министра нельзя списать на простую непродуманность деталей его поездки: он планировал ее настолько тщательно, что, как сообщал в своем отчете, заранее разрешил «подносить хлеб-соль, но только на самых простых глиняных блюдах или на полотенцах» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.).

Таким образом, становится ясно, зачем А.Н. Куропаткин посещал множество учреждений, деятельность которых имела крайне косвенное отношение или вовсе не имела отношения к экономической жизни казачества, вплоть до церквей: это было не случайностью или ошибкой, но осознанным ходом, порожденным желанием «вникнуть в суть самой жизни казака». Вот только поездка А.Н. Куропаткина на Дон длилась менее месяца (с 11 мая по 3 июня 1900 г.), причем он успел осмотреть 4 города, 1 посад, 21 станицу и 1 хутор (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б-5). Понятно, что «вникнуть в суть самой жизни казака» за такой срок было в принципе невозможно, даже независимо от ошибок, допущенных при составлении программы поездки. Почему же А.Н. Куропаткин взял на себя подобную заведомо неразрешимую задачу? А.Ф. Редигер жаловался, что с военным министром было трудно работать, особенно в первое время, когда он «по поводу каждого дела сам говорил с безапелляционной уверенностью» (Редигер, 1999: 264). Как нам представляется, нечто подобное наблюдалось и в данном случае: А.Н. Куропаткин ехал на Дон не для того, чтобы реально изучить ситуацию в казачьих станицах, но для того, чтобы найти подтверждения своим представлениям о казачестве и о необходимых реформах Донского Войска. Продемонстрируем это на двух примерах.

А.Н. Куропаткин (не)изучает казачьи хозяйства

Отдельные казаки в повествовании А.Н. Куропаткина встречаются довольно редко. Как правило, он говорил с казачьей массой, не слишком интересуясь ее ответом. Уже в первой станице, которую он посетил, в станице Урюпинской, общение генерала с выборными казаками, в числе которых было много георгиевских кавалеров, выглядело так: «Сказал им речь, в которой указал, что Хоперские казаки пользуются худой славой слушников начальства: было несколько случаев слушания, и им все сходило с рук, что теперь этого не будет, станут о них заботиться, но при слушании употребят силу» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 220б.). Ответа казаков на это выступление министр не упомянул. Что он подчеркнул из общения с урюпинскими выборными, вообще непонятно: никакие их высказывания не приводятся, а положение дел в станице описывается в основном на основании официальной отчетности станичного правления и мнения окружного атамана (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 220б-23).

Впрочем, А.Н. Куропаткин лично посетил двух казаков станицы - Павла Степанова и Николая Кутарева. Однако посещение первого из них просто упоминается без всяких деталей, а жалобы второго на бедность и действия властей удостоились у А.Н. Куропаткина следующей презрительной характеристики: «Плакался что нечем починить хату» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Семья Николая Кутарева имела два пая земли (на него самого и его сына), и поскольку снарядить сына на службу помогло станичное правление, для компенсации долга был не только принудительно сдан в аренду один из этих паев, но и с обоих вырубил весь лес (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Однако А.Н. Куропаткин прокомментировал эту ситуацию исключительно в том плане, что Николай Кутарев в таких условиях не проявил должной хозяйственности и не разбил огород вместо сада на приусадебном участке, чтобы продавать с него овощи (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23).

Далее из описания объезда военным министром станиц: простые казаки, названные по именам, почти пропадают. Ему жалуются «станичники» и что-то объясняют «стариками» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 240б.). С обходами отдельных хозяйств ситуация еще интереснее. Во второй посещенной станице, станице Которовской, министр обошел «разные хаты, по преимуществу ниже среднего достатка», из чего вынес только то, что «огороды небольшие», а «сады не в порядке» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 24). В описаниях посещения последующих станиц, которые выделены в

отдельный раздел отчета «Население и его землепользование», осмотры личных хозяйств казаков не упоминаются (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 21-32). Но в конце отчета А.Н. Куропаткин неожиданно возвращается к описаниям обхода отдельных хозяйств в небольшом разделе без названия, посвященном личным впечатлениям от поездки (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 490б-53). Там он снова и совершенно иначе описывает посещение ряда станиц, и выясняется, например, что в третьей посещенной им станице, станице Михайловской, он тоже «обошел много изб казаков и иногородних, преимущественно бедных» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 490б.). И здесь А.Н. Куропаткин уже не скрывает своего раздражения, описывая увиденное в целом так: «Неряшливо и убого» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 490б.).

Обратим внимание на подобную запутанность структуры отчета: обратившийся только к разделу «Население и его землепользование» где, как может показаться, если не читать текст полностью, описано посещение А.Н. Куропаткиным всех станиц, его беседы со станичными сходами, осмотр хозяйств отдельных казаков и т. п., читатель просто не узнает многих фактов о положении местного населения и казачьих хозяйствах. Заслуживает внимания и то, что как раз негативно характеризующие донскую экономику сюжеты порой выносились военным министром в безымянный раздел о личных впечатлениях, что позволило ему создать в разделе «Население и его землепользование» намного более благозвучную картину казачьей жизни. И даже этим запутанность структуры отчета не ограничивается: описания посещений А.Н. Куропаткиным отдельных хозяйств в других станицах, кроме Урюпинской, Которовской и Михайловской, разбросаны по всему тексту отчета, причем встречаются в нем крайне редко, что затрудняет их поиск. Затрудняет поиск конкретной информации и то, что при посещении хозяйств военного министра интересовали самые разные, далеко не только экономические вопросы. Так, в русской слободе Сидоры А.Н. Куропаткин зашел в дом старика, ветерана Кавказской войны Андрея Нарыжного, но хозяйство ветерана военного министра не заинтересовало, зато его впечатлило, что старик «еще работает и живо бегаёт» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 50).

Помимо личного посещения казачьих хозяйств, министр иногда расспрашивал о них казаков на встречах со станичными сходами, но в отчет попали только предельно общие описания достаточно благополучных хозяйств. Например, в станице Романовской генералу «показали свои обороты» четыре оставшихся неназванными казака, из которых первый имел в год доход с хозяйства в 1 200 руб., второй – в 300 руб., третий – в 400 руб., а четвертый – в 120 руб. (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 28). Не вполне ясно само построение предложения: выходит, остальные казаки станицы отказались говорить о положении своих хозяйств военному министру? Но такой отбор 4 хозяйств в целой станице никакой внятной характеристики ее экономического положения в целом не давал. Кроме того, весьма непрофессиональна и мало что в действительности дает оценка хозяйства по исключительно доходу, без указания его расходов. Например, заработавший 1 200 руб. казак арендовал 60 десятин земли и держал 4 годовых работников, расходы на что А.Н. Куропаткин не привел (правда, само описание хозяйств весьма неясно, и «продал» и «выручил» используются в нем в одном ряду, так что, возможно, для каких-то хозяйств генерал привел не доход, а чистую прибыль) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 28).

Для сравнения, в наиболее информативном из докладов комиссии Н.А. Маслаковца, докладе упомянутого выше П.Г. Мордвинцева, делалась попытка примерно оценить доли богатых, средних и бедных казаков по всему Донскому Войску, в результате чего выводилось соотношение в 21,6 % богатых, 45 % средних и 33,4 % бедных (Протоколы..., 1899: 98). Кроме того, П.Г. Мордвинцевым давалась оценка годовых дохода и расхода для среднего казачьего хозяйства: они были оценены в 164 руб. 30 коп. и 142 руб. 19 коп. соответственно (Протоколы..., 1899: 109-110). Понятно, что расчеты П.Г. Мордвинцева могли быть неточными и оценочными, но ничего похожего на подобные обобщающие экономические расчеты в отчете А.Н. Куропаткина вообще нет. Описания отдельных казачьих хозяйств в нем тоже не позволяют понять, как жили казаки в целом: этих хозяйств не просто описано очень мало, но они еще и выбраны довольно случайным образом, а их описания сумбурны и неинформативны.

Складывается впечатление, что после посещения первых трех станиц А.Н. Куропаткин понял: бедные хозяйства и дальше будут «неряшливы и убоги». Поэтому, если он и осматривал их в других станицах, то либо не систематически, либо этот процесс, по его мнению, был настолько маловажен, что в отчет почти не попадал. Понять, как выглядит среднее, типичное казачье хозяйство министр тоже не пытался, предпочитая сложному анализу внешнее наблюдение и расспросы отдельных лиц. Нам остается констатировать, что из «Отчета о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» следует: при декларативном желании «вникнуть в суть самой жизни казака» реальное исследование даже экономического положения казачьих хозяйств, т. е. того аспекта этой жизни, для изучения которого А.Н. Куропаткин ехал на Дон, оказалось ему малоинтересно. В итоге текст отчета содержит вывод о том, что комиссия Н.А. Маслаковца сильно преувеличила тяжесть экономических проблем казачества, но обосновывается этот вывод фактически только личным мнением А.Н. Куропаткина, которое, как мы видели выше, нельзя считать обоснованным: «Из знакомства моего с условиями жизни казаков даже беднейших станиц я вынес более отрадное

впечатление, чем то можно было ожидать на основании заявлений донского дворянства и работ комиссии Маслаковца» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 510б.).

А.Н. Куропаткин (не)изучает казачье образование

Из описания А.Н. Куропаткиным донских хозяйств видно, что особенностями его специфической исследовательской оптики были бессистемность, невнимание к некоторым важным сторонам исследуемой проблемы, неготовность к глубокому анализу и безапелляционность суждений, порой довольно странных. Однако именно в этой области сложно понять, насколько проявленные министром особенности исследования мешали ему видеть реальную картину. Конечно, на первый взгляд подобные особенности несовместимы с объективным исследованием в принципе. Однако в последнее десятилетие наметилась определенная тенденция к представлению А.Н. Куропаткина оригинальным, но крайне талантливым и разносторонним деятелем, непонятым и даже оклеветанным потомками. Так, в коллективной монографии «Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи» прямо утверждается: «Искусственно и необоснованно созданный в советское время образ генерала заслонил собой выдающегося военного и государственного деятеля и патриота России» (Сальников и др., 2018: 11). Р.Ю. Почекаев, анализируя работы А.Н. Куропаткина о Средней Азии, утверждает, что в них присутствует «широкий кругозор, научный подход» (Почекаев, 2019: 51). Теоретически возможно, что, несмотря на отмеченные нами особенности исследовательской оптики А.Н. Куропаткина, "широкий кругозор", "научный подход" или другие личные качества позволяли ему ухватить хотя бы отдельные элементы общей картины. А в случае с донской экономикой рубежа XIX-XX вв. сама противоречивость ее оценок и несовместимость утверждений разных авторов о положении казачьих хозяйств затрудняют понимание того, насколько адекватен реальности в своих описаниях был военный министр. Поэтому мы решили обратиться к той области, в которой нарратив А.Н. Куропаткина позволяет корректно сравнить сами приводимые факты с их оценками, даваемыми военным министром. Проанализируем, что А.Н. Куропаткин писал о донском образовании.

Порочность подходов военного министра становится сразу ясна при рассмотрении того, как он описывал реальные училища. Подобных училищ в Донском Войске было всего два, причем разница между ними была принципиальной: Урюпинское реальное училище существовало с 1877 г., большая часть его выпускников поступала в Санкт-Петербургский технологический институт, а недавно открытое Усть-Медведицкое реальное училище еще не сделало ни одного выпуска (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 42-420б.). Понятно, что с точки зрения объективного наблюдателя Урюпинское реальное училище было безусловно эффективным, а Усть-Медведицкое реальное училище свою эффективность успешными выпускниками еще не доказало. Однако А.Н. Куропаткин жестко раскритиковал Урюпинское реальное училище именно за то, что его ученики успешно поступали в статусное высшее учебное заведение и не желали идти на военную службу (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 42). О учебной программе училища, компетентности учителей и т. д. из отчета нельзя понять ничего, зато министра встревожило, что в этом училище у учеников «больные лица»: «угрюмые, смотрят исподлобья; до 1/3 имеют сумрачный вид» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 42). Напротив, Усть-Медведицкое реальное училище А.Н. Куропаткину понравилось, хотя о его программе и компетентности учителей министр тоже не счел нужным ничего написать: там в выпускном классе 3 ученика из 9 собирались поступать на военную службу, и не было «угрюмых, сумрачных лиц» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 420б.). Как мы видим, генерал интересовался не уровнем знаний учащихся молодых казаков, а их желанием служить и довольным видом. Кроме этого, военному министру было важно пение. В Усть-Медведицком реальном училище А.Н. Куропаткину спели, и он описывал свои эмоции от этого так: «Я повернул их к широкому виду на Дон. Пели с душой. Смотря на молодые, поющие, славные лица, я сам растрогался и понимал, что при чудной весенней панораме на Дон, чудном ароматном воздухе можно горячо любить этот уголок великой нашей России...» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 420б.). Итак, при описании реальных училищ министром опускалось самое главное, то, как в них был организован процесс учебы, а их оценка давалась по показателям, либо вообще не связанным с их реальной образовательной эффективностью, либо используемым ошибочно. В интерпретации А.Н. Куропаткина хорошее реальное училище должно было готовить учеников не к поступлению в высшее учебное заведение, но к военной службе, учащиеся должны были выглядеть довольно и уметь хорошо петь.

Не лучшая ситуация наблюдается и при описании министром других учебных заведений, которым в отчете уделено немало места. Например, при описании Урюпинского окружного училища он писал: «Вид учеников бодрый, веселый. Ученики отлично пели» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 430б.). Нижне-Чирское окружное училище: «Хорошо пели» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 430б.). Усть-Медведицкое окружное училище: «Пели недостаточно стройно» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 430б.). О программах преподавания, уровне подготовки учеников и учителей (кроме пения), организации учебного процесса А.Н. Куропаткин снова почти ничего не сообщал.

Более того, министр демонстрировал явную антипатию к образованию, регулярно предупреждая учеников и преподавателей: увлечение учебой вредно. Так, при описании Нижне-Чирского окружного училища он написал такое предложение о его учениках: «Предостерегал их:

от увлечений своей ученостью, от появления отчужденности от земледелия» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43об.). Генералу было подозрительно даже увлечение казаков военным обучением. В Усть-Медведицком окружном училище, где пели плохо, какой-то офицер прекрасно организовал обучение казачат строю, что вызвало такой комментарий А.Н. Куропаткина: «Боюсь даже, нет ли увлечений?» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43об.). Дело дошло до того, что, когда в Нижне-Чирской станице, где еще в 1887 г. закрыли гимназию, «простые казаки и атаманы хуторов» просили взамен открыть у них реальное училище, А.Н. Куропаткин высказал «замечание, что не боятся ли они, что ученые дети бросят их, станут чужими» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43). Казаки ответили, что не боятся, однако этот факт генерал приводил без частых в его тексте одобрительных комментариев, а вопрос о открытии училища был передан им в Главное управление казачьих войск на рассмотрение, а не для исполнения (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43).

Важной проблемой донского казачества А.Н. Куропаткину представлялось развитие в его среде женского образования. Он регулярно критиковал начальные школы для девочек за то, что они якобы были малополезны для хозяйства и вели к вредным увлечениям казачек. Например, низшую школу для девочек в станице Михайловской генерал характеризовал так: «Одегты все как институтки. Подносят букеты, говорят коротенькие речи. Проходили попарно, взявшись за руки. Увлечение вредное» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 44об.). В Аксайской школе для девочек министра возмутило чрезмерно изящное рукоделие: к его приезду на двух столах выложили сложные вязания, и только порывшись, он смог обнаружить в массе вещей такие более важные при обучении девочек, по его мнению, предметы, как «рубашки, носки и проч.» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 45об.). Этот случай так возмутил А.Н. Куропаткина, что он не просто указал на него в своем отчете, но заявил, что «надо принять общие меры сверху» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 45об.).

При этом поддержки у казаков подход министра к женскому образованию обычно не находил. Во всем отчете он привел всего один случай, когда с похожих позиций выступил один казак, зато этот казак сразу презентовался в тексте отчета как «опытный»: «Опытный казак говорил мне, что, окончив в школе, казачки чуждаются черной работы, а простые казаки боятся взять их замуж» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 44об.). Напротив, когда в неуказанном хуторе А.Н. Куропаткин столкнулся с девушкой-казачкой, за счет родителей учившейся в 6 классе гимназии с оплатой в 300 руб. в год, чтобы стать учительницей, не выходить замуж за казака и не заниматься тяжелой работой, это было подано в отчете в том контексте, что «девочки тянутся далее <низших школ>», без упоминания мнения на этот счет родителей девушки, явно зажиточных, хозяйственных и желающих дать дочери хорошее образование (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 44об.).

Таким образом, попытка А.Н. Куропаткина «вникнуть в суть самой жизни казака» в той части его отчета, которая касается образования, свелась к крайне поверхностным описаниям учебных заведений, причем с полным игнорированием важнейших аспектов их деятельности, и сентенциям военного министра о том, что современное образование донскому казачеству более или менее вредно и им не следует увлекаться, а девочкам школы вообще то ли не нужны вовсе, то ли их нужно срочно реформировать, оставив только предметы, полезные будущим женам казаков. При этом реальные факты, приводимые министром, часто противоречили его сентенциям: ученики Урюпинского реального училища хотели учиться в столичном институте, в Нижне-Чирской станице простые казаки желали иметь реальное училище, и наблюдались случаи, когда родители оплачивали девочкам дороге образование. Но эти факты А.Н. Куропаткин просто приводил без анализа и выводов из них, строя свои умозаключения исключительно на немногочисленных случаях обратного свойства. И здесь мы ясно видим, как именно исследовательская оптика А.Н. Куропаткина вела к серьезнейшим искажениям и ошибкам в его тексте. В нарративе министра выводы нередко следуют из априорных представлений автора, с опорой только на те факты, которые укладываются в эти представления, а сами факты даются бессистемно, с лакунами в важных областях.

А.Н. Куропаткин и калоши

Вернемся в заключение к калошам. Они появляются в отчете А.Н. Куропаткина в связи со станицей Сиротинской. Описывая ее посещение в разделе «Население и его землепользование», генерал обращал внимание на те моменты, из которых могло сложиться впечатление, будто бы в этом населенном пункте в хозяйствах все было благополучно: «В 1899 году никто из Сиротинцев не снаряжался на станичный счет. Вообще, чтобы не задолжаться в станичные суммы, Сиротинцы предпочитают продавать часть движимого имущества. Так, один казак заявил мне в станичном правлении, что ему пришлось сразу снарядить и сына, и зятя, на что потребовалось 500 руб.; казак этот продал пару быков и хлеб – а долгу не сделал» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 26об.). Вот только комиссия Н.А. Маслакова практику продажи хозяйственного имущества для снаряжения молодого казака на службу осуждала безоговорочно, отмечая, что она часто навязывалась чиновниками сверху (у не снарядивших сына принудительно отбирали пай и сдавали его в аренду до компенсации подобным образом долга), подрывала устойчивость казачьего хозяйства и вела к его обеднению (Маслаковец, 1899: 42). Однако А.Н. Куропаткин в очередной раз приводил слова казака (возможно, сказанные отнюдь не одобрительно) без всяких комментариев и в позитивном контексте, так, что у

читателя должно было сложиться впечатление, будто бы казаки Сиротинской станицы продавали имущество для снаряжения на службу вполне добровольно и даже гордились отсутствием долгов.

Вот только станица Сиротинская попала в число описанных дважды. И при повторном описании в безымянном разделе в конце отчета министром давалась совершенно иная картина ее быта. Оказалось, что станица бедная, А.Н. Куропаткин в ней посетил 12 хозяев и убедился, что «бедноты много» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Выяснилось, что, несмотря на продажу имущества, у местных казаков все-таки есть долги, а некий урядник Насонов не может восстановить хозяйство как раз потому, что в счет долга его пай на много лет вперед отобран станичным обществом (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56).

А далее мы переходим к самому любопытному. А.Н. Куропаткин в связи с описанной картиной станичной бедности ни словом не упомянул мнения комиссии Н.А. Маслаковца о пагубности принудительного отчуждения пая и продажи хозяйственного имущества при снаряжении казака на службу. При этом причины обеднения станицы он описывал, но в соответствии с мнением ее атамана, кстати, находящегося в должности уже четвертое трехлетие и, в отличие от простых жителей, живущего «с большим достатком» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Однако каких-либо претензий к атаману, не сумевшему добиться улучшения ситуации в станице более чем за 9 лет, у министра не возникло. И это не было случайно: атаман сумел назвать А.Н. Куропаткину такие причины обеднения казаков, которые были объективны, не зависели от чиновников и хорошо укладывались в воззрения министра на проблемы казачества. Согласно станичному атаману, Сиротинская беднела из-за истощения почв, уходов жен от мужей, частых семейных разделов, франтовства молодежи и особенно моды на калоши (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Министр не только вслед за ним включил в свой отчет все эти причины, но и особенно остановился на последней, добавив: «Чтобы и пройтись по улице, и щегольнуть калошами многие, по словам станичного атамана, платят даже за прокат калош» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Затем он упомянул калоши как важный фактор современной жизни казачества в обобщающей заключительной части своего отчета, и этой цитатой мы начали свою статью. Приведенные чиновником оправдания экономических проблем во вверенной ему станице настолько удовлетворили А.Н. Куропаткина, что, во всяком случае судя по отчету, простых казаков об этом он не спрашивал. Зато он посетил отца диакона, сообщившего ему заслуживающий включения в отчет факт, что «станция пения вообще и церковного в частности не любит» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56).

5. Заключение

Итак, «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» действительно представляет собой важный для понимания истории донского казачества рубежа XIX-XX вв. документ. При этом в нем нет даже отдаленно объективных описаний Донского Войска. А.Н. Куропаткин смотрел на донских казаков через крайне специфическую исследовательскую оптику, для которой были характерны бессистемность, невнимание к некоторым важным сторонам исследуемой проблемы, неготовность к глубокому анализу и безапелляционность суждений. Но именно поэтому его текст важен для понимания того, что проблемы казачества Российской империи зачастую были следствием искаженного восприятия чиновников, которые в своих проектах реформ казачьих войск исходили не из реальности, а из априорных представлений о том, какими должны быть казаки.

В то же время нарратив А.Н. Куропаткина важен для понимания его личности. Безусловно, советская историография была далека от объективности в отношении многих деятелей Российской империи, а отдельные ошибки допускались и выдающимися государственными деятелями. Однако разобранный нами текст показывает, что в 1900 г. А.Н. Куропаткин демонстрировал полную оторванность от реальности. Так, из его отчета видно, что в области казачьего образования министра больше всего интересовало хоровое пение и почти во всех мужских учебных заведениях он проверял именно то, как поют молодые казаки. Соответственно, попытки не просто реабилитировать А.Н. Куропаткина, но представить его «выдающимся военным и государственным деятелем» едва ли обоснованны. Даже к текстам генерала нужно относиться осторожно: как мы видели, анализ в них ненадежен, а важные факты могут быть искажены или опущены.

Наконец, «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» заслуживает определенного внимания и в контексте истории Российской империи рубежа XIX-XX вв. Этот текст показывает, что в качестве отчета о важнейшей поездке имперский министр мог сдать крайне слабое и жанрово неопределенное сочинение, местами больше напоминающее записки путешественника, чем подведение чиновником итогов его работы. Предсказуемо, что в государстве, где подобное принималось в качестве служебного отчета высокой важности, многие проблемы не решались, а углублялись и обострялись.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 23-28-00653) в рамках конкурса 2022 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами».

Литература

- Авилов, 2019** – Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // *Мир политики и социологи.* 2019. № 4. С. 157-176.
- Авилов, 2021** – Авилов Р.С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // *Известия Лаборатории древних технологий.* 2021. № 3. С. 149-159.
- Альманах..., 1897** – Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 1201.
- Бабайцев, 2012** – Бабайцев А.В. Символика Ростовской области: между традицией и современностью // *Научная мысль Кавказа.* 2012. № 2. С. 131.
- Белинский, 1953** – Белинский В.Г. Стихотворения Алексея Леонова / Полное собрание сочинений. Т III. М., 1953. С. 231-234.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Гоков, 2015** – Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890-1915 гг.) // *Клио.* 2015. № 5. С. 187-197.
- Донцы..., 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 302.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив.* 1899. Кн. 2. С. 112-114.
- Маслаковец, 1899** – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
- Маслаковец, 1903** – Маслаковец Н.А. Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Почекаев, 2019** – Почекаев Р.Ю. А.Н. Куропаткин о российских протекторатах в Средней Азии // *Юридическая наука: история и современность.* 2019. № 1. С. 44-53.
- Протоколы..., 1899** – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. С. 132.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Редигер, 1999** – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I. М., 1999. С. 264.
- Сальников и др., 2018** – Сальников В.П., Белозерова О.А., Белоконь И.В. и др. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. СПб., 2018. 370 с.
- Скорик, 2015** – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. С. 82-109.
- Тикиджьян, 1998** – Тикиджьян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк–Мирский (1881–1898) // *Донской временник.* 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97
- Хлыстов, 1962** – Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е - середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону, 1962. С. 16, 28.
- Щербов-Нефедович, 1902** – Щербов-Нефедович П.О. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902.
- Peretyatko, 2019** – Peretyatko A.Y. Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900 // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 53. Is. 3. Pp. 1326-1328.

References

- Al'manakh..., 1897** – Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyatelei Almanac of modern Russian statesmen]. SPb., 1897. S. 1201. [in Russian]
- Avilov, 2019** – Avilov, R.S. (2019). Poezdka voennogo ministra A.N. Kuropatkina v Sibirskii voennyi okrug v 1899 g. i ee rezul'taty [The visit of the Minister of War A.N. Kuropatkin to Siberian Military District in 1899 and its results]. *Mir politiki i sotsiologi.* 4: 157-176. [in Russian]
- Avilov, 2021** – Avilov, R.S. (2021). Brat'ya po neschast'yu: Irkutskaya i Krasnoyarskaya kazach'i sotni v 1899 g. (po materialam poezdki A.N. Kuropatkina) [Brothers in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack Sotnias in 1899 (according to the materials of the visit of A.N. Kuropatkin)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii.* 3: 149-159. [in Russian]

- Babaitsev, 2012** – *Babaitsev, A.V.* (2012). Simvolika Rostovskoi oblasti: mezhdru traditsiei i sovremennost'yu [Symbolism of the Rostov Region: between tradition and modernity]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2: 131. [in Russian]
- Belinskiĭ, 1953** – *Belinskiĭ, V.G.* (1953). Stikhotvoreniya Alekseya Leonova [Poems by Aleksey Leonov]. Polnoe sobranie sochinenii. T III. M. Pp. 231-234. [in Russian]
- Dontsy..., 2003** – *Dontsy XIX veka* [Don Cossacks of the 19th century]. Rostov-na-Donu, 2003. P. 302. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region].
- Gokov, 2015** – *Gokov, O.A.* (2015). Evolyutsiya vzglyadov A.N. Kuropatkina na politiku Rossii otноситel'no Persii (1890–1915 gg.). *Klio*. 5: 187-197. [in Russian]
- Karasev, 1899** – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [The Don Atamans for the past half century]. *Russkii arkhiv*. Kn. 2. Pp. 112-114. [in Russian]
- Khlystov, 1962** – *Khlystov, I.P.* (1962). Don v epokhu kapitalizma. 60-e – seredina 90-kh godov XIX v. [The Don in the era of capitalism. 60s – mid 90s of the 19th century]. Rostov-na-Donu. P. 16, 28. [in Russian]
- Maslakovets, 1899** – *Maslakovets, N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the works of the Commission supremely established in the Don Host Oblast on the 16th of June 1898 and its achieved results: The report on 23rd of August 1899 by, at the disposal of the Minister of War, lieutenant general Maslakovets]. SPb., 123 p. [in Russian]
- Maslakovets, 1903** – *Maslakovets, N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtsa v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [The report on the results of the official journey by, at the disposal of the Minister of War, lieutenant general Maslakovets to the Transbaikal Cossack Host in 1903]. SPb. [in Russian]
- OR RNB** – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Manuscripts Department of the National Library of Russia].
- Peretyatko, 2019** – *Peretyatko, A.Yu.* (2019). Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900. *Bylye Gody*. 53(3): 1326-1328.
- Pochekaev, 2019** – *Pochekaev, R.Yu.* (2019). A.N. Kuropatkin o rossiiskikh protektoratakh v Srednei Azii [A.N. Kuropatkin about the Russian Protectorates in Middle Asia]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 1: 44-53. [in Russian]
- Protokoly..., 1899** – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Protocols of the Commission for researching the needs of the Cossack population of the Don Oblast]. B.m., 1899. P. 132. [in Russian]
- Rediger, 1999** – *Rediger, A.F.* (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [The story of my life. Memories of the Minister of War. Vol 1]. T. I. M. P. 264. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Sal'nikov i dr., 2018** – *Sal'nikov, V.P., Belozerova, O.A., Belokon', I.V. i dr.* (2018). General Kuropatkin – gosudarstvennyi i voennyi deyatel' Rossiiskoi imperii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya [General Kuropatkin – state and military figure of the Russian Empire. To the 170th anniversary since birth]. SPb., 370 p. [in Russian]
- Shcherbov-Nefedovich, 1902** – *Shcherbov-Nefedovich, P.O.* (1902). Doklad o rezul'tatakh komandirovki nachal'nika Glavnogo upravleniya kazach'ikh voisk general-leitenanta Shcherbov-Nefedovicha v 1902 godu v Orenburgskoe kazach'e voisko [The report on the results of the official journey of the head of the Chief Department of the Cossack Hosts lieutenant general Shcherbov-Nefedovich to the Orenburg Cossack Host in 1902]. SPb. [in Russian]
- Skorik, 2015** – *Skorik, A.P.* (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocheerkassk. Pp. 82-109. [in Russian]
- Tikidzh'yan, 1998** – *Tikidzh'yan, R.G.* (1998). Voiskovoi nakaznoi ataman, knyaz' N.I. Svyatopolk–Mirskii (1881–1898) [Host's Appointed Ataman, prince N.I. Svyatopolk–Mirskii (1881-1898)]. *Donskoi vremennik*. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 [in Russian]
- Volvenko, 2017** – *Volvenko, A.A.* (2017). Ocherki po istorii donsokogo kazachestva v pozdneimperskii period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Sketches about the history of the Don Cossackdom in the Late-Imperial period (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-na-Donu, 226 p. [in Russian]

**«Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.»
А.Н. Куропаткина как исторический источник**

Артем Юрьевич Перетяtko ^{а, *}

^а Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу «Отчета о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» А.Н. Куропаткина. Данный исторический источник интересен тем, что представляет собой собственноручный нарратив военного министра Российской империи, описывающий поездку в Область Войска Донского с целью «вникнуть в суть самой жизни казака». Таким образом, он потенциально позволяет понять специфику взглядов имперского правительства рубежа XIX-XX вв. на донское казачество. Однако до настоящего времени данный текст использовался историками казачества сравнительно мало (большим авторитетом пользуются исследования донского казачества, выполненные примерно в это же время подчиненными А.Н. Куропаткина, генералами П.О. Щербовым-Нефедовичем и Н.А. Маслаковцом). В статье показано, что это не случайно. Исследовательская оптика А.Н. Куропаткина была крайне специфична: для нее характерны бессистемность, невнимание к некоторым важным сторонам исследуемой проблемы, неготовность к глубокому анализу и безапелляционность суждений. В результате отчет министра демонстрирует его оторванность от реальности и неспособность понять реальные проблемы казаков (так, при осмотре донских школ он уделял огромное внимание хоровому пению, но вовсе не интересовался более важными вещами, такими, как программа обучения и компетентность учителей). В конечном счете, отчет А.Н. Куропаткина наглядно демонстрирует, почему имперским властям не удалось решить проблемы казачества позднеимперского периода: в своей реформаторской деятельности имперские чиновники порой исходили не из реальности, а из априорных представлений о том, какими должны быть казаки.

Ключевые слова: источниковедение, Российская империя, донское казачество, А.Н. Куропаткин, власть и казачество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1447-1454
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1447

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of the System of Public Education in the Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Aleksandr E. Epifanov ^{d, e}, Sergey A. Buryanov ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The work is devoted to the analysis of the system of public education in the Tambov province during the early XX century.

There were used as sources the documents of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russian Federation), as well as published sources: commemorative books and address calendars of the Tambov province and annual reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod.

In conclusion, the authors state that:

1. The secondary education in the Tambov province in 1900–1916 developed dynamically. During this time, the secondary education became available for both boys and girls, both in the provincial center and in almost all counties;

2. The lower vocational education in the province did not become widespread, although there were lower craft schools, a women's vocational school and other institutions in the region;

3. In the field of primary education, there has been a twofold increase in ministerial schools and the number of students in them has also doubled. In the schools of the ecclesiastical department, there was a constant process of reorganizing literacy schools into parochial schools with the simultaneous enlargement of these schools by students. As a result, the average number of students in the parochial school of the Tambov province rose from 34 students in 1900 to 73 students in 1914;

4. By 1915, there were 316,109 school-age children in the Tambov Province, of which 203,324 were covered by schools. Thus, in order to implement the project of universal primary education in 1915, it was required to put about 30 % more children at their desks, most of whom were girls.

Keywords: the system of public education, Tambov province, education in Tambov province, public schools, public education, 1900–1916.

1. Введение

Работа является продолжением и завещающей частью в серии трудов, посвященных исследованию развития системы образования Тамбовской губернии на примере Памятных книжек и отчетов церковного ведомства. Хронологический рамки данной рукописи – с 1901 по 1916 годы. Эти годы характеризуются значительными внутри- и внешнеполитическими изменениями.

Так это был проигрыш в русско-японской войне 1904–1905 годов, которая оказалась крайне непопулярной среди подданных Российской империи, особенно у провинциального населения, которое не понимало стратегических целей войны. Поражение в войне стала одной из причин

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

подъема революционного движения в ходе Первой русской революции 1905–1907 годов. Эта революция, в свою очередь, поменяла форму правления в России с абсолютной монархии на де-факто конституционную; появился парламентаризм, политические партии, свобода слова и многое из того, чего не могло быть в принципе до начала этой революции и русско-японской войны.

Нельзя не отметить и то пристальное внимание, которое правительство стало уделять грамотности населения. Прежде всего, отметим закон от 3 июня 1908 года «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования», который де-факто способствовал развитию тенденции по распространению грамотности вширь.

Нельзя не отметить и бурный промышленный и аграрный подъем, вызванный реформами С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, которые усилили экономику и не дали ей развалиться в результате русско-японской войны и революции 1905–1907 годов, а к началу первой мировой войны в условиях мирного развития принесли хорошие результаты, позволили правительству выделять значительные суммы на развитие образования.

И, наконец, нельзя не отметить проблему начавшейся Первой мировой войны, которая для Российской империи оказалась фатальной и привела не только к обрушению экономики, но и к революциям 1917-го года, развалу государства, неоднократной смене власти и политических режимов, а также к поражению в войне и неприятному Брестскому миру 1918 года.

Все эти события достаточно сильно влияли на развитие системы образования в стране в целом и в Тамбовской губернии в частности. Проследим данные процессы на примере доступных нам источников.

2. Материалы и методы

В качестве источников были использованы документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также опубликованные источники: памятные книжки и адрес-календари Тамбовской губернии ([Адрес-календарь, 1902](#); [Адрес-календарь, 1911](#); [Адрес-календарь, 1912](#); [Памятная книжка..., 1916](#)) и ежегодные Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода ([Всеподданнейший отчет, 1903](#) и др.).

Нашу работу серьезно осложняло то обстоятельство, что материалы о народном образовании публиковались в «Памятных книжках» и «Адрес-календарях» эпизодично и в крайне хаотичном порядке. В сведения включалась самая разнообразная информация, включая о мусульманских духовных школах, которые никакого отношения к светскому образованию не имели.

Методология исследования опиралась на комплекс исторических и общенаучных методов исследования. Среди этих методов важное значение имел историко-сравнительный метод, который позволил сравнить статистические данные о школах духовного ведомства с данными о школах Министерства Народного Просвещения. Что в результате привело к обнаружению погрешностей в статистических данных дореволюционного периода. Ввиду специфики нашей работы важное значение было отведено и статистическому методу, что позволило нам проанализировать развитие системы народного просвещения на территории Тамбовской губернии в 1900–1916 гг. И, наконец, метод историзма был применен для рассмотрения системы народного просвещения в контексте общеисторической обстановки в регионе и в Российской империи.

3. Обсуждение

На историографию нашего исследования серьезное влияние оказало практически полное отсутствие опубликованных источников по развитию министерских школ на территории Тамбовской губернии в дореволюционный период. В результате большая часть публикаций была посвящена церковно-приходским школам духовного ведомства. Так, например, О.В. Клевцова изучала церковно-приходские школы на примере Липецкого уезда в период второй половины XIX века ([Клевцова, 2020](#)). В свою очередь, А.С. Колотова в двух своих работах на примере Козловского уезда Тамбовского губернии обращалась: к изучению системы церковно-приходских школ ([Колотова, 2016](#)) и к анализу церковно-приходских и земских начальных школ ([Колотова, 2016а](#)). К изучению церковно-приходских школ на примере Липецкого уезда Тамбовской губернии периода второй половины XIX века обращались и Д.В. Бурдаков ([Бурдаков, 2015](#)), а также О.В. Малышева ([Малышева, 2008](#)).

Изучали авторы и другие аспекты народного образования. Так, С.П. Юхачев обращался к изучению Общества народных чтений на территории губернии ([Юхачев, 2021](#)), М.К. Акользина затрагивала вопросы губернских частных учебных заведений периода XIX века ([Акользина, 2019](#)), Г.С. Махрачев изучал процесс становления начального профессионального образования на территории Тамбовской губернии имперского периода ([Махрачев, 2018](#)), а В.Л. Колесникова анализировала тему – женщина духовного сословия в системе народного образования ([Колесникова, 2007](#)).

Географически Тамбовская губерния входила в состав Харьковского учебного округа. В последнее время исследователи проявляли также интерес к системе народного просвещения других губерний этого округа. Так, систему народного просвещения на примере Воронежской губернии периода начала XX века рассматривали А.А. Черкасов и другие ([Cherkasov et al., 2020](#)), С.И. Дегтярев рассматривал чиновничество в системе народного просвещения на примере Харьковского учебного

округа (Degtyarev et al., 2020), А.Ю. Перетятко на примере Донской области обращался к изучению высшего и среднего образования в период Великих реформ (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017).

4. Результаты

Классификация учебных заведений изложена нами в первой части работы (Rajović et al., 2023: 804).

Статистика по средним, низшим и начальным учебным заведениям ведомства Министерства народного просвещения на территории Тамбовской губернии не отличается своей полнотой и даже те данные, которые имеются, часто представляют противоречивый характер. Несмотря на это, мы попытаемся обобщить эти сведения.

В 1902 г. среди средних учебных заведений на территории губернии были: Тамбовская мужская гимназия, Тамбовское реальное училище, Екатерининский учительский институт, женская гимназия и другие учебные заведения (Адрес-календарь, 1902: 2-3). В 1911 г. в губернии уже было: Тамбовская мужская гимназия, Тамбовское реальное училище, Птиримовская частная гимназия и реальное училище, Екатерининский учительский институт, Александровский институт благородных девиц, Министерская женская гимназия, Женская гимназия Д.А. Пташник, Женская гимназия Р.К. Ивановой (Адрес-календарь, 1911: 46-51).

В 1916 г. на территории Тамбовской губернии работали следующие средние учебные заведения: Тамбовская мужская гимназия, Тамбовское реальное училище, Птиримовская гимназия и реальное училище, Екатерининский учительский институт, Тамбовская женская гимназия, Частная женская гимназия Д.А. Пташник, частная женская гимназия Р.К. Ивановой; в городе Борисоглебске: Александровская мужская гимназия и женская гимназия; в городе Елатье: мужская и женская гимназии; в городе Кирсанов: реальное училище, женская гимназия; в городе Козлов: мужская и женская гимназия, женская гимназия Е.П. Сатиной, коммерческое училище; в городе Лебедяне: мужская и женская гимназии; в Липецке: реальное училище и женская гимназия; в городе Моршанске: реальное училище, мужская земско-городская гимназия и женская гимназия; в Спасске: женская гимназия; в городе Темникове: женская и мужская гимназии; в городе Кадоме: женская гимназия; в Усмани: реальное училище и женская гимназия; в Шацке: реальное училище и женская гимназия (Памятная книжка..., 1916: 157-194). Помимо этих учебных заведений в Тамбовской губернии находилось еще 8 учительских семинарий.

Таблица 1. Количество учебных заведений Тамбовской губернии системы народного просвещения (Rajović et al., 2023: 804; Краткий обзор..., 1917: 2; Попов, 1903: 203, 206; Народное образование, 1914: 35-36; Памятная книжка..., 1916: 157-194; РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1).

Год	Учебных заведений				Число учащихся
	Средних	Низших	Начальных	Всего	
1900	16 ¹	Д.н. ²	681	1739 ³	109385 ⁴
1902	Д.н.	Д.н.	786	Д.н.	57374
1903	Д.н.	Д.н.	803	Д.н.	59385
1913	Д.н.	7 ⁵	1395 ⁶	Д.н.	118038
1914	40	7	1583 ⁷	1629	Д.н.
1916	40	7 ⁸	1382 ⁹	Д.н.	124812

Данные Таблицы 1, как уже отмечалось, носят порой противоречивый характер. Так, за 1900 г. всех школ в губернии (включая церковно-приходские) насчитывалось 1763, при этом достоверно известно, что церковно-приходских школ было в этом году 1186. Таким образом, школ Министерства Народного Просвещения должно быть значительно меньше, как и число учащихся в них. В этом отношении показательны данные за 1902 г. где общее число учащихся обозначено в 57 тыс., если добавить число учащихся церковно-приходских школ (51 тыс.), то мы получим 108 тыс. учащихся в

¹ Включая духовные учебные заведения.

² Данных нет.

³ В том числе учащиеся церковно-приходских и начальных заведений.

⁴ В том числе учащиеся церковно-приходских и начальных заведений.

⁵ В том числе 6 низших ремесленных школ и 1 ремесленное училище.

⁶ В том числе 15 высших начальных, 53 приходских и 54 сельских.

⁷ Из них 1535 земских школ, 37, системы народного просвещения и 11 школ других ведомств.

⁸ В том числе 5 низших ремесленных школ, женская профессиональная школа и 1 городское ремесленное училище.

⁹ Неполные данные.

1902 г. При этом нужно учитывать, что количество только министерских школ за два года увеличилось на 15 % (с 681 до 786), рост демонстрировали и церковно-приходские школы. К 1914 г. система народного образования на территории Тамбовской губернии вышла на свой пик количество средних учебных заведений достигло 40, и оно было доступно для мальчиков и девочек практически во всех уездах губернии. А общее количество учащихся уже период Первой мировой войны достигло 124812 человек.

Несколько слов скажем и о частных учебных заведениях. В 1902 г. на территории Тамбовской губернии было 7 частных учебных заведений, среди них одна женская гимназия 1-го разряда и 5 начальных учебных заведений (1 мужское, 1 женское и 3 смешанных). Общее количество учащихся в них составляло 314 человек (85 мальчиков и 229 девочек) (Попов, 1903: 208-209).

В 1903 г. количество частных учебных заведений осталось неизменным, а вот количество учащихся возросло до 451 человека (116 мальчиков и 335 девочек) (Попов, 1903: 208-209).

В 1911 г. помимо одной частной (Питиримовской) гимназии в губернии были следующие частные училища, которые назывались по фамилиям их владельцев: Соловьевой, Каменевой, Макаровой, Афанасьевой, Бодровой и Шишковой (Адрес-календарь, 1911: 54).

В 1913 г. общее количество частных учебных заведений достигло 13, но детализации по учебным заведениям не публиковалось (Народное образование, 1914: 35).

В 1916 г. в Тамбове было 2 частные женские гимназии и 9 начальных училищ. В Борисоглебске – Борисоглебская частная женская гимназия и частная мужская гимназия С.А. Товаровой. В Козлове было частное учебное заведение дворянки Н.Н. Трацевской. В Липецке – частное 2-классное училище 3-го разряда Н.Н. Савестьяновой, частное начальное училище Л.П. Чистяковой. В Моршанске – частная гимназия Струве и два частных училища (Березиной и Стольпиной) (Памятная книжка..., 1916: 157-194). Таким образом, в 1916 г. на территории губернии уже было 5 средних учебных заведений и 14 начальных училищ.

Теперь обратимся к школам духовного ведомства. В 1900 г. на территории Тамбовской губернии насчитывалось 1186 учебных заведений (церковно-приходские школы и школы грамоты). Статистические данные о количестве школ и учащихся духовного ведомства мы свели в [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Количество церковно-приходских школ на территории Тамбовской губернии в 1900–1915 гг. (Всепопданнейший отчет, 1903: 64-65; Всепопданнейший отчет, 1905: 64-65, 70-71; Всепопданнейший отчет, 1905а: 64-65, 70-71; Всепопданнейший отчет, 1909: 120-121, 124-125, 128-129, 136-137; Всепопданнейший отчет, 1910: 212-213, 228-229, 246-247; Всепопданнейший отчет, 1911: 218-219, 242-243; Всепопданнейший отчет, 1913: 110-111; Всепопданнейший отчет, 1913а: 176-177, 204-205; Всепопданнейший отчет, 1915: 120-121; Всепопданнейший отчет, 1916: 122-123; Краткий обзор..., 1917: 2)

Годы	Количество училищ из них			Количество учащихся		
	Церковные школы	Школ грамоты	Всего	Мальчиков	Девочек	Всего
1900	725	461	1186	33263	12327	45590
1901	750	441	1191	34058	15087	49145
1902	786	428	1214	35021	16777	51798
1903	809	372	1181	37382	19157	56539
1904	820	357	1177	38237	18911	57148
1905	823	328	1151	41520	22985	64505
1906	853	278	1131	44975	25211	70186
1907	979	218	1197	43590	22698	66288
1908	1032	64	1096	44173	21707	65880
1909	1061	32	1093	44279	22185	66464
1910	1054	19	1073	44109	23324	67433
1911	1054	18	1072	45312	25411	70723
1912	1055	18	1073	44558	26137	70695
1913	1058	13	1071	44990	27723	72713
1914	1057	12	1069	46287	32225	78512
1915	1005	10	1015	Д.н.	Д.н.	Д.н.

Анализируя [Таблицу 2](#), мы можем видеть, что духовное ведомство на территории губернии занималось целенаправленным сокращением количества школ грамоты. Уже в 1908 г. их количество

составило менее 70, а в 1915 г. – всего 10. При этом происходил постоянный процесс укрупнения количества учащихся. В 1900 г. на одно учебное заведение духовного ведомства приходилось 38,4 учащихся, в 1908 г. этот показатель поднялся до 60,1, а в 1914 г. – до 73,4. Таким образом, количество учащихся на одно учебное заведение в период с 1900 до 1914 г. увеличилось более чем в два раза. Важно также обратить внимание на гендерный баланс учащихся: в 1908–1914 гг. количество учащихся мальчиков было практически неизменным (44–46 тыс. человек, что составляло около 100 % от всех мальчиков школьного возраста), что же касается девочек, то в 1908–1913 гг. их количество понемногу возрастало, а в 1914 г. произошло резкое увеличение их численности.

К 1915 г. на территории Тамбовской губернии насчитывалось 316109 детей школьного возраста, из которых школами было охвачено 203324 (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1). Таким образом, для реализации проекта всеобщего начального образования в 1915 г. требовалось посадить за парты еще около 30 % детей, большую часть из которых составляли девочки.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Среднее образование на территории Тамбовской губернии в 1900–1916 гг. развивалось динамично. За это время среднее образование стало доступно как для мальчиков, так и для девочек, как в губернском центре, так и практически во всех уездах;

2. Низшее профессиональное образование в губернии не получило значительного распространения, хотя в регионе и имелись низшие ремесленные школы, женская профессиональная школа и другие учреждения;

3. На nive начального образования произошло двукратное увеличение министерских школ и также двукратно увеличилось количество учащихся в них. В школах же духовного ведомства шел постоянный процесс реорганизации школ грамоты в церковно-приходские школы с одновременным укрупнением этих школ учащимися. В итоге средняя численность учащихся в церковно-приходской школе Тамбовской губернии с 34 учащихся в 1900 г. поднялась до 73 учащихся в 1914 г.

4. К 1915 г. на территории Тамбовской губернии насчитывалось 316109 детей школьного возраста, из которых школами было охвачено 203324. Таким для реализации проекта всеобщего начального образования в 1915 г. требовалось посадить за парты еще около 30 % детей, большую часть из которых составляли девочки.

Литература

[Адрес-календарь, 1902](#) – Адрес-календарь служащих в Тамбовской губернии лиц на 1802 г. Тамбов, 1902.

[Адрес-календарь, 1911](#) – Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1911 г. Тамбов, 1911.

[Акользина, 2019](#) – Акользина М.К. Частные учебные заведения в Тамбовской губернии в XIX веке // *Психолого-педагогический журнал Гаудеамс*. 2019. № 18(39). С. 83-88.

[Бурдаков, 2015](#) – *Бурдаков Д.В.* Развитие системы церковно-приходских школ во второй половине XIX в. (на примере Липецкого уезда Тамбовской губернии) // *История. Историк*. Источники: электронный научный журнал. 2015. № 1. С. 17-22.

[Всепопданнейший отчет, 1903](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903.

[Всепопданнейший отчет, 1905](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905.

[Всепопданнейший отчет, 1905а](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905.

[Всепопданнейший отчет, 1909](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 гг. СПб., 1909.

[Всепопданнейший отчет, 1910](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.

[Всепопданнейший отчет, 1911](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 гг. СПб., 1911.

[Всепопданнейший отчет, 1913](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 г. СПб., 1913.

[Всепопданнейший отчет, 1913а](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913.

[Всепопданнейший отчет, 1915](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. Петроград, 1915.

[Всепопданнейший отчет, 1916](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Петроград, 1916.

[Клевцова, 2020](#) – *Клевцова О.В.* Церковно-приходские школы Липецкого уезда Тамбовской губернии во второй половине XIX века // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2020. № 1(22). С. 98-102.

[Колесникова, 2007](#) – Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия в системе народного образования России XIX – начала XX вв. (на примере Тамбовской губернии) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. № 1(32). С. 67-71.

[Колотова, 2016](#) – Колотова А.С. Система церковно-приходских школ Козловского уезда Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Мичуринский агрономический вестник*. 2016. № 2. С. 72-78.

[Колотова, 2016a](#) – Колотова А.С. Церковно-приходские и земские школы Козловского уезда Тамбовской губернии // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 1-6. С. 60-63.

[Краткий обзор..., 1917](#) – Краткий обзор состояния народного образования в Тамбовской губернии в 1914-1915 гг. Тамбов, 1917.

[Мальшева, 2008](#) – Мальшева О.В. Развитие сети школ духовного ведомства на территории Липецкого уезда Тамбовской губернии во второй половине XIX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 61. С. 170-173.

[Махрачев, 2018](#) – Махрачев Г.С. Становление начального профессионального образования в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 23(174). С. 163-170.

[Народное образование, 1914](#) – Народное образование // *Памятная книжка Тамбовской губернии на 1914 г.* Тамбов, 1914. С. 35-36.

[Однодневная перепись, 1916](#) – Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года. Петроград, 1916.

[Памятная книжка..., 1916](#) – *Памятная книжка Тамбовской губернии на 1916 г.* Тамбов, 1916.

[Попов, 1903](#) – Попов И.В. Краткий очерк народного образования в Тамбовской губернии (1861-1902 гг.) // *Памятная книжка Тамбовской губернии на 1903 г.* Тамбов, 1903. С. 165-209.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

[Юхачев, 2021](#) – Юхачев С.П. Становление системы просвещения и образования Тамбовской губернии конца XIX – начала XX века: общество народных чтений // *Манускрипт*. 2021. №14(9). С. 1760-1765.

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.

[Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 666-678.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.

[Rajović et al., 2023](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A. The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 798-811.

References

[Adres-kalendar', 1902](#) – Adres-kalendar' sluzhashchikh v Tambovskoi gubernii lits na 1802 g. [Address-calendar of employees in the Tambov province of persons for 1802]. Tambov. [in Russian]

[Adres-kalendar', 1911](#) – Adres-kalendar' Tambovskoi gubernii na 1911 g. [Address-calendar of the Tambov province for 1911]. Tambov, 1911. [in Russian]

[Akol'zina, 2019](#) – Akol'zina, M.K. (2019). Chastnye uchebnye zavedeniya v Tambovskoi gubernii v XIX veke [Private educational institutions in the Tambov province in the 19th century]. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeams*. 18(39): 83-88. [in Russian]

[Burdakov, 2015](#) – Burdakov, D.V. (2015). Razvitie sistemy tserkovno-prihodskikh shkol vo vtoroi polovine XIX v. (na primere Lipetskogo uyezda Tambovskoi gubernii) [The development of the system of parochial schools in the second half of the XIX century. (on the example of the Lipetsk district of the Tambov province)]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 1: 17-22. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.

[Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I. (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.

[Klevtsova, 2020](#) – Klevtsova, O.V. (2020). Tserkovno-prihodskie shkoly Lipetskogo uyezda Tambovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka [Parish schools of the Lipetsk district of the Tambov

province in the second half of the 19th century]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*. 1(22): 98-102. [in Russian]

[Kolesnikova, 2007](#) – *Kolesnikova, V.L.* (2007). Zhenshchina dukhovnogo sosloviya v sisteme narodnogo obrazovaniya Rossii XIX – nachala XX vv. (na primere Tambovskoi gubernii) [Woman of the clergy in the system of public education in Russia in the 19th – early 20th centuries (on the example of the Tambov province)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. 1(32): 67-71. [in Russian]

[Kolotova, 2016](#) – *Kolotova, A.S.* (2016). Sistema tserkovno-prikhodskikh shkol Kozlovskogo uyezda Tambovskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [The system of parochial schools in the Kozlovsky district of the Tambov province in the late XIX – early XX centuries]. *Michurinskii agronomicheskii vestnik*. 2: 72-78. [in Russian]

[Kolotova, 2016a](#) – *Kolotova, A.S.* (2016). Tserkovno-prikhodskie i zemskie shkoly Kozlovskogo uyezda Tambovskoi gubernii [Church-parochial and zemstvo schools of the Kozlovsky district of the Tambov province]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 1-6: 60-63. [in Russian]

[Kratkii obzor..., 1917](#) – Kratkii obzor sostoyaniya narodnogo obrazovaniya v Tambovskoi gubernii v 1914-1915 gg. [A brief review of the state of public education in the Tambov province in 1914-1915]. Tambov, 1917. [in Russian]

[Makhrachev, 2018](#) – *Makhrachev, G.S.* (2018). Stanovlenie nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya v Tambovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The formation of primary vocational education in the Tambov province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 23(174): 163-170. [in Russian]

[Malysheva, 2008](#) – *Malysheva, O.V.* (2008). Razvitiye seti shkol dukhovnogo vedomstva na territorii Lipetskogo uyezda Tambovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka [Development of a network of schools of the spiritual department on the territory of the Lipetsk district of the Tambov province in the second half of the 19th century.]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 61: 170-173. [in Russian]

[Narodnoe obrazovanie, 1914](#) – Narodnoe obrazovanie [Public education]. *Pamyatnaya knizhka Tambovskoi gubernii na 1914 g.* Tambov, 1914. Pp. 35-36. [in Russian]

[Odnodnevnaya perepis', 1916](#) – Odnodnevnaya perepis' nachal'nykh shkol Rossiiskoi imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda [A one-day census of elementary schools in the Russian Empire, carried out on January 18, 1911]. Petrograd, 1916. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1916](#) – Pamyatnaya knizhka Tambovskoi gubernii na 1916 g. [Memorable book of the Tambov province for 1916]. Tambov, 1916. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E.* (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.

[Popov, 1903](#) – *Popov, I.V.* (1903). Kratkii ocherk narodnogo obrazovaniya v Tambovskoi gubernii (1861-1902 gg.) [Brief outline of public education in the Tambov province (1861-1902)]. *Pamyatnaya knizhka Tambovskoi gubernii na 1903 g.* Tambov. Pp. 165-209. [in Russian]

[Rajović et al., 2023](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A.* (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 798-811.

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Vsepoddanneishii otchet, 1903](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1900]. SPb., 1903. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1905](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1901 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1901]. SPb., 1905. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1905a](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1902 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1902]. SPb., 1905. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1909](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1903–1904 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1903–1904]. SPb., 1909. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1910](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905–1907 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodo confession for 1905–1907]. SPb., 1910. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1911](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gg. [The most submissive report of the chief

prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1908–1909]. SPb., 1911. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 g. [The most substantial report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1910]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913a](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1911–1912 gg. [The most authentic report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1911–1912]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1915](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 g. [The most subordinate report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1913]. Petrograd, 1915. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1916](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The most subordinate report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1914]. Petrograd, 1916. [in Russian]

[Yukhachev, 2021](#) – *Yukhachev, S.P.* (2021). Stanovlenie sistemy prosveshcheniya i obrazovaniya Tambovskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX veka: obshchestvo narodnykh chtenii [Formation of the system of enlightenment and education of the Tambov province of the late XIX – early XX centuries: a society of folk readings]. *Manuskript*. 14(9): 1760-1765. [in Russian]

Развитие системы народного образования в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Часть 2

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Елифанов ^{d, e}, Сергей Анатольевич Бурьянов ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Академия управления МВД России, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена анализу системы народного образования на территории Тамбовской губернии в период начала XX века.

В качестве источников были использованы документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также опубликованные источники: памятные книжки и адрес-календари Тамбовской губернии и ежегодные Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода.

В заключении авторы отмечают, что:

1. Среднее образование на территории Тамбовской губернии в 1900–1916 гг. развивалось динамично. За это время среднее образование стало доступно как для мальчиков, так и для девочек, как в губернском центре, так и практически во всех уездах;

2. Низшее профессиональное образование в губернии не получило значительного распространения, хотя в регионе и имелись низшие ремесленные школы, женская профессиональная школа и другие учреждения;

3. На nive начального образования произошло двукратное увеличение министерских школ и также двукратно увеличилось количество учащихся в них. В школах же духовного ведомства шел постоянный процесс реорганизации школ грамоты в церковно-приходские школы с одновременным укрупнением этих школ учащимися. В итоге средняя численность учащихся в церковно-приходской школе Тамбовской губернии с 34 учащихся в 1900 г. поднялась до 73 учащихся в 1914 г.;

4. К 1915 г. на территории Тамбовской губернии насчитывалось 316109 детей школьного возраста, из которых школами было охвачено 203324. Таким для реализации проекта всеобщего начального образования в 1915 г. требовалось посадить за парты еще около 30 % детей, большую часть из которых составляли девочки.

Ключевые слова: система народного образования, Тамбовская губерния, образование в Тамбовской губернии, народные школы, народное образование, 1900–1916 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1455-1466
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1455

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Omsk-Karkaraly Period: the Origins of A. Baitursynov's Educational and Political Activities

Almasbek A. Absadyk ^{a,*}, Otegen I. Issenov ^a, Baktyly S. Boranbaeva ^b, Kabibek S. Mukhitov ^c

^a A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

^b M. Utemisov West Kazakhstan university, Uralsk, Republic of Kazakhstan

^c Atyrau state University named after H. Dosmukhamedov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The Omsk-Karkaraly period is meaningful in creative biography of A. Baitursynov, the great educator, politician and poet. It is the start of his enlightening and political activity. During this time, a former unknown state servant became a famous poet and politician, widely recognized among Kazakhs. Performing duties of the state servant, he got a lot of valuable information from A. Alektorov, the well-known Turkologist, and scientist-educator. A. Baitursynov gathered invaluable experience in the system of administrative management and educational and methodological arrangement of enlightenment. In the process of translating practice of I. Krylov 40 fables, he was recognized as a talented poet and translator. Published as a special edition of verses, this translation came into use in educational process of rural schools. The famous Kazakh intelligentsia worked in the city of Omsk. His co-thinkers, A. Bukeikhanov and Zh. Akpaev, shared his political views, and also interested in development of Kazakh society. In the revolutionary 1905 year, he actively participated in social and political life of Akmola and Semey oblasts. A. Baitursynov was among ideological arrangers of “Karkaraly Petition”, and proclaimed social, economic and political demands. Due to repressive policy of authorities Baitursynov imprisoned. It caused a public outcry. Under public pressure the authorities released him from confinement. Emerged from jail, he exiled from Steppe and rested under police supervision till 1917.

Keywords: Alektorov, Baitursynov, Bukeikhanov, Omsk, Karkaralinsk, gendarmerie, clerk, educator, petition, manifesto.

1. Введение

Омско-каркаралинская страница творческой деятельности А. Байтурсынова состоит из двух периодов: два года с 1902 по 1904 гг. в Омске и пять лет с 1904 по 1909 гг. в Каркаралинске. В Омске он работал в сфере государственной службы в качестве делопроизводителя директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. Город Омск являлся областным административным центром сибирских казахов. В Омске концентрировались представители казахской интеллигенции. В городе Байтурсынов сорудничал со своими товарищами, которые стали его друзьями и единомышленниками – А. Букейханов, Ж. Акпаев. Работая в сфере образования администратором он совмещал службу с литературно-просветительской деятельностью. Подготовил к изданию цикл переводов басни И. Крылова.

В 1904 г. он назначается на должность заведующего уездной школы в г. Каркаралинске, которая открылась в это время. В исследуемый период руководители уездных школ сохраняли свое влияние на коллектива аульских и волостных школ. Очевидно, в условиях отказа от политической деятельности А. Байтурсынов имел возможности для дальнейшей карьеры в образовательной сфере.

* Corresponding author

E-mail addresses: absalmas@mail.ru (A.A. Absadyk), utegen59@mail.ru (O.I. Issenov), Bbaktyly@bk.ru (B.S. Boranbaeva), ocean_5@mail.ru (K.M. Mukhitov)

Революция 1905 г. изменила мировоззрение Байтурсынова, который во имя интересов народа занялся политикой. В 1909 г. он подвергся аресту в Каркаралинске и был заключен в тюрьму. После освобождения 1910 г. из Семипалатинской тюрьмы вплоть до 1917 г. находился под полицейским надзором (Легкий и др., 2022: 195). Таким образом, государственный служащий А. Байтурсынов пожертвовал собственным благополучием, стал общественным деятелем и критиком правящего режима (Абсадык, 2022: 106-107).

2. Материалы и методы

Авторы использовали малоизученные материалы Центрального государственного архива РК (Алматы, Казахстан), архива Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан), Государственного архива РФ (Москва, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация), Государственного исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), архива Красноярского краеведческого музея (Красноярск, Российская Федерация).

Авторы в процессе работы с фондами российских государственных архивов изучили особенности административной деятельности Байтурсынова в должности делопроизводителя директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. В частности, ознакомление с источниками Томского областного государственного архива «О назначении начального учителя Ахмета Байтурсынова делопроизводителем дирекции народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей» формирует общее представление о принципах и качестве работы дирекции народных школ соответствующих административных единиц Западно-Сибирского учебного округа. Документы содержат информативную базу относительно правил и механизмов составления характеристик на служащих, утверждения их в ходе карьерного продвижения на новых должностях, передвижение документов и деловых бумаг. Анализ выявленных источников позволяет установить детальную хронологию событий омского периода А. Байтурсынова.

Материалы Омского областного государственного архива «Переписка с директором народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей об открытии аульных русско-киргизских школ, о назначении в них учителей, программах обучения и оборудовании школ» представляют ценность для научной общественности с целью определения многогранной административно-организационной деятельности дирекции народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей по таким направлениям как открытие аульных школ, подбор и назначение в штат учителей, обеспечение школ учебными пособиями и книгами просветительского содержания, осуществление учебно-методической помощи учителям, и предоставление им заработной платы.

Источники Государственного архива Российской Федерации, в частности сведения из «Возвращения союза учителей 1902–1905 гг.» дают ясную картину об общественных объединениях учительского движения таких как «Союз народных учителей», боровшихся против монархической системы, съездах, организованных объединениях, стоявших перед ними целях. Учительское движение, возникшее в центральных областях России, привлекло большое количество сочувствующих и сторонников из удаленных регионов империи и подтолкнуло их против царской власти. Очевидно, работавший тогда в дирекции народного училища Акмолинской и Семипалатинской областей А. Байтурсынов также был хорошо знаком с их агитационно-пропагандистской работой.

Архивные документы свидетельствуют, что работая учителем в Каркаралинске, он проводил среди аульных казахов агитационно-пропагандистскую работу против царского режима. Следует отметить большое научное значение следующего документа из упомянутого архива: «Дело департамента полиции. 7 делопроизводства по наблюдению за производящейся в порядке положения об охране переписки об Ахмете Байтурсынове». Соответствующий источник содержит сведения персонализированного дела относительно Байтурсынова, который подвергся задержанию полиции в Каркаралинске. В материалах указаны причины, на основании которых Байтурсынов был арестован, подробно расписана обвинительная часть судебного приговора, выявлены факты его освобождения. Архивные документы содержат важную информацию относительно судеб людей, которые непосредственно имели отношение к делу Байтурсынова.

При рассмотрении творческой биографии и гражданской позиции А. Байтурсынова немаловажное значение имеют материалы архива Красноярского историко-краеведческого музея. В частности, речь идет о письме лидера движения Алаш А. Букейханова на имя известного ученого, общественного деятеля Г.Н. Потанина о Байтурсынове. Письмо отражает не только историческую действительность изучаемого периода, особенности эпохи и препятствия царской цензуры в издательском деле, но также дает ранее неизвестные сведения о многогранном таланте просветителя.

Такие документы из Российского государственного исторического архива как «Прошение...» А. Байтурсынова на имя министра внутренних дел, а также написанные в советский период письма А. Букейханова и А. Байтурсынова на имя Пешковой относительно освобождения просветителя из

архангельской ссылки, материалы Центрального государственного архива РК представленные обращением Б. Байтурсыновой в компетентные властные органы с просьбой о заступничестве по судьбе мужа, сохранившиеся в архиве Казахского национально-педагогического университета написанное собственноручно в 1929 г. автобиографическое изложение профессора А. Байтурсынова под названием «Жизнеописание», определены необходимы в познании поставленной проблемы.

В процессе исследования научной темы авторы апеллировали к хронологическим, синхронному и диахронному методам. Хронологический метод оказался востребован с целью распределения материалов по временному принципу, применение синхронного метода предопределило одновременный анализ происходивших событий. Использование диахронного метода сделало возможным детальное исследование по периодам. Синхронно авторы использовали методы исторического моделирования и статистического анализа, которые актуальны для системного накопления данных и их обработки с целью познания проблемы. Поставленные в исследовании вопросы рассматриваются концептуально в ракурсе исторического мышления. Исторические события и их научная ценность раскрываются в рамках реального содержания, соответственно интересам национально-духовного возрождения.

3. Обсуждение

Значительный объем просветительской и политической деятельности А. Байтурсынова приходится на период дореволюционной России. Однако первые биографические исследования стали появляться только в период Советской власти. Так, в 1922 году в сборнике «Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края» были опубликованы две работы, посвященные А. Байтурсынову: статья М. Дулатова «Ахмед Байтурсунович Байтурсунов. Биографический очерк» (Дулатов, 1922: 17-25), а также статья Ил. Омарова под названием «Ученая деятельность А.Б. Байтурсунова» (Омаров, 1922: 7-16). В этих работах были опубликованы биографические сведения об А. Байтурсынове, а также затрагивалась его общественно-педагогическая деятельность и научный вклад в изучение казахского языка.

В 1923 г. в центральной газете КазАССР «Енбекшил қазақ» (Трудолюбивый казах) публикуется статья С. Сейфуллина «Ахмету Байтурсынову исполняется 50-лет» (Сейфуллин, 2004: 241-243). В том же году в ташкентской газете «Ақ жол» (Светлый путь) была опубликована статья М. Ауэзова «50-летний юбилей Байтурсынова» (Ауэзов, 1991: 17-20). Отличающиеся публицистическим содержанием эти статьи были посвящены просветительской деятельности Байтурсынова, политическому лидерству и вкладу в казахскую культуру в дореволюционный период.

В 1930-е гг. в период тотального господства классовой идеологии творческая деятельность Байтурсынова подверглась жесткой критике (Браинин, Шафири, 1937: 35-76) и его труды определялись как произведения буржуазной антисоветской направленности. Советская идеология запрещала даже упоминать имя репрессированного просветителя, тем более изучать его произведения. В 1988 году в период Перестройки после полной реабилитации имени А. Байтурсынова вновь возродилось изучение его биографии и творческого наследия. Был опубликован сборник его произведений. В годы независимости такие ученые-историки как К. Нурпеисов (1995), М. Койгельдиев (1995), Д. Аманжолова (2009), специалисты-филологи Т.Журтбай (2008) и Р. Имаханбет (2010) провели фундаментальные исследования биографии и творчества А. Байтурсынова.

Очевидно некоторые важные сведения биографии и деятельности просветителя до сих пор неизвестны общественному вниманию. Например, омский период в биографии А. Байтурсынова, в котором он работал в должности делопроизводителя является «белым пятном» для широкой общественности. Также ожидают отдельного изучения некоторые детали и штрихи биографии, просветительской и политической деятельности просветителя в каркаралинский период, проведенные в связи с «Каркаралинским событием» следственные дела, а также нужны конкретные исследования по судьбе лиц, участвовавших в этом событии. Данная статья призвана восполнить эти пробелы.

4. Результаты

Ахмет Байтурсынов родился в 1872 г. в ауле №5 Тусунской волости Тургайской области в семье середняка Байтурсына Шошакова. Он являлся потомком легендарного батыра Умбетя, который прославился в казахско-джунгарской войне XVIII века. Б. Шошаков характеризовался исследователями в качестве гордого, свободолюбивого человека (Дулатов, 1922: 18). Б. Шошаков и его братья Актас и Сабалак выразили свое несогласие решениям начальника Тургайской уезда полковника Яковлева. В 1885 г. по обвинению в избиении Яковлева они подверглись ссылке в Сибирь сроком на 15 лет (Дулатов, 1922: 18).

А. Байтурсынов начальное образование получил в аульных школах: «С 1882 года по 1884 г. обучался казахской грамоте, то в доме у разных грамотных людей, то в аульных мектебах, случайно оказавшиеся по близости» (КазНПУ. Ф. 6 «Б». Оп. 1. Д. 209. Л. 1), – пишет он в своем автобиографическом очерке «Жизнеописание». В 1886 году он был принят в Тургайскую двухклассную русско-казахскую школу с шестилетним сроком обучения. По окончании школы в 1891 году А. Байтурсынов поступает

Оренбургскую учительскую школу. Учеба в Оренбурге, по словам М. Дулатова, дается с материальной точки зрения нелегко для А. Байтурсынова (Дулатов, 1922: 19).

По завершению обучения в Учительской школе он в 1895 г. по направлению областной инспекции народного образования работает учителем во вновь открывшейся Арынгазиевской аульской школе Бестамакской волости Актюбинского уезда Тургайской области. Так, с Бестамакской волости начинается педагогическая деятельность А. Байтурсынова. В 1898-1900 годах он работал учителем в Аулиекольской волостной школе Аманкарагайской волости Кустанайского уезда, в 1900–1902 годах в педагогическом классе в городе Кустанай и параллельно в Урунбаевской сельской школе Мендигарской волости Кустанайского уезда. А. Байтурсынов в Кустанае подружился с инспектором народных училищ Тургайской области (1894–1902) А. Е. Алекторовым, имя которого было широко известно в регионе. В 1902 г. он вместе с А. Алекторовым отправился из Кустанае в Омск (Absadyk et al., 2022: 893-895).

Министерство народного просвещения инициировало создание в 1902 г. в Омске новой административной структуры, которая курировала работу народных училищ Степного края. Таким образом, сформированная структура дирекции народных училищ курировала школы Акмолинской и Семипалатинской областей. Школы данных областей относились к Западно-Сибирскому учебному округу. Штатный состав дирекции состоял из директора и делопроизводителя. Должность директора возлагалась на инспектора народных училищ Тургайской области Александра Ефимовича Алекторова (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1588. Л. 219об.). В должности делопроизводителя был утвержден учитель Урунбаевской школы Кустанайского педагогического класса Ахмет Байтурсынов (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 385. Л. 4). Таким образом, сотрудничество двух педагогов, которое началось в Кустанае, продолжилось в Омске. Один в качестве руководителя, другой в роли делопроизводителя приступили к исполнению административных обязанностей в Сибири (Абсадык, 2022: 82).

Комплексная программа развития системы народного образования основывалась на осуществлении масштабных мероприятий, в частности открытия аульных русско-казахских школ в уездах Акмолинской области. 29 июля 1902 года дирекция сообщила инспектору народных школ Акмолинской области о необходимости открытия шести аульных школ (ГИАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Параллельно проводилась работа по назначению учителей в эти школы. В июле-августе дирекция назначила Ержана Айманова в Худайбергенскую школу, Мусылманбека Сеитова в Эскеневскую школу, Ташмухамбета Нысамбаева в Тлебалганскую школу, Павла Псарёва в Таспикетскую школу, Антона Герасимова в Кызылагашскую школу и Николая Комарова в Ачылыкскую школу (ГИАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-25). Четверо из них (Е. Айманов, М. Сеитов, П. Псарев, А. Герасимов) являлись уроженцами Акмолинской и Семипалатинской областей, а двое (Т. Нысамбаев, Н. Комаров) из Тургайской области.

По факту формирования штатного состава аульных школ дирекция инициировала мероприятия по обеспечению учебного процесса учебно-методическими комплексами, правилами организации обучения, книгами просветительского содержания. Работники дирекции сохраняли заинтересованность в определении потребности в учебниках, пособиях с типовыми образцами уроков. Байтурсынов, будучи делопроизводителем, переписал красивым каллиграфическим почерком двадцать экземпляров «Правил для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей», утвержденные Министерством народного просвещения (ГИАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 13об., 16). В числе самых первых книг просветительского содержания на казахском языке, предназначенных для учителей, были: «Глазная болезнь – трахома», «Оспа», «Как надо жить, чтобы не заболеть холерой» (ГИАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 32). Эти брошюры, доставленные в школы по решению дирекции, рекомендовались для расширения знаний обучающихся и жителей по уходу за здоровьем.

Специально для аульных учителей дирекция предложила методическое пособие «Учебники и способы преподавания в аульных школах Акмолинской и Семипалатинской областей». Авторы пособия предложили образцы уроков с готовым списком учебных пособий в зависимости от уровня класса и задач внеклассового обучения (ГИАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 38-42).

В Омске директор в качестве непосредственного начальника и друга оказывал всестороннюю помощь Байтурсынову. А. Алекторов, будучи ответственным руководителем, с целью оказания помощи Байтурсынову направлял запросы в различные учреждения. Он содействовал в доставке в Омск аттестации Байтурсынова об окончании Оренбургской учительской школы (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 385. Л. 10-11об.) и освобождении его от кибиточного сбора в Тургайской области. Аттестат был незамедлительно доставлен, но вопрос освобождения от кибиточного сбора в Тургайской области затянулся. 16 апреля 1904 г. А. Байтурсынов был вынужден написать прошение на имя министра внутренних дел (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 89. Л. 1-2об.). Только после этих действий данная проблема нашла свое положительное решение (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 89. Л. 4-5). Алекторов предпринял попытку оказания содействия своему коллеге в публикации сборника стихов «41 басня», который являлся переводом произведений И. Крылова, в Омской газете «Сельскохозяйственный листок»¹. Его

¹ «Сельскохозяйственный листок» – бывшая газета «Акмолинские областные ведомости», печатный орган Степного генерал-губернаторства.

попытки не увенчались успехом. Информацию о соответствующем факте мы получили из содержательной части письма А. Букейханова на имя Г. Н. Потанина (ККМ. Ф. 7928. Оп. 116. Д. 1315. Л. 116.).

Особо оценивая труды А. Алекторова в деле народного просвещения Акмолинской и Семипалатинской областей, царское правительство использовало его опыт и авторитет среди казахов и неоднократно – 1904 году (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 171. Л. 1-6) и в 1909 году еще на 5 лет (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 206. Л. 15-17).) – продлеvalo срок его выхода на пенсию. В 1907 г. Степной генерал-губернатор И. П. Надаров¹ создал совет и комиссию по разным направлениям. Соответствующие структуры формировались из представителей, рекомендованных населением для обсуждения вопросов относительно интересов казахского народа. На А. Алекторова возлагались полномочия по руководству комиссией в образовательной сфере (Газета Казах, 2013: 115). В июне 1908 г. А. Алекторов получил должность окружного инспектора вновь открытого 3-го округа Западно-Сибирского учебного округа и переехал в г.Томск (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 206. Л. 1-4).

В процессе совместной двухлетней работы с Алекторовым в Омске Байтурсынов получил значительный опыт работы в деле народного просвещения, что оказалось весьма важным для него в перспективе. Он был прекрасно осведомлен, в какой поддержке и помощи нуждаются аульные начальные школы, чего не хватает и какие недостатки преобладают в образовательном процессе. А. Байтурсынов приложил много усилий для решения этих вопросов. В 1912 г. в Оренбурге он создал собственный алфавит «Оқи қығалу», который оказался приспособлен к фонетике казахского языка. На первой странице его труда под названием «Danalyqqa shaqutu» («Призыв к мудрости») были напечатаны стихи, призывающие учеников к получению знаний. Свой призыв к молодому поколению он заимствовал и интерпретировал из названия книги А. Алекторова «К мудрости по ступенькам. Азбука для учеников начальных русско-киргизских школ». А. Байтурсынов добавил стихотворную форму обучения в процессе распространения алекторовского метода обучения.

В Омске А. Байтурсынов тесно сблизился и установил дружеские связи с видным представителем казахской интеллигенции, политическим лидером А. Букейхановым. Губернский секретарь А. Букейханов работал в должности помощника Омского лесного хозяйства и одновременно преподавал в Омской лесной школе (РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 1307. Л. 1-9). Он популяризировал творчество Байтурсынова, способствовал развитию его просветительской, литературной деятельности. Несомненно, А. Букейханов оказал влияние на формирование общественно-политического мировоззрения и гражданской позиции Байтурсынова. Он стремился помочь молодому поэту в публикации переводов басен И. Крылова. Поэтому в мае 1904 г. он пишет письмо Н.Г. Потанину и просит его оказать содействие:² «Многоуважаемый Григорий Николаевич! Один мой знакомый киргиз перевёл на киргизский язык чудными стихами 41 басню, преимущественно И.А. Крылова. Автор перевода по общественному положению незначительный человек – делопроизводитель директора народных училищ Акмолинской области. Намереваясь напечатать переводы в «Сельскохозяйственном листке», издаваемом канцелярией Степного Генерал-губернатора, автор Ахмет Байтурсунов обратился к своему начальству – директору г. Алекторову. Он, продержав рукопись полгода, вернул её автору и сказал, что г. Сухотин³ не разрешил печатать в «Сельскохозяйственном листке». Мы, я и Ахмет Байтурсунов, решили напечатать его перевод отдельной брошюрой, но не знаем, как получить разрешение специального цензора книг, выходящих на татарско-тюркском языках. Не укажете ли способы, как и куда нужно обратиться? Не возьмете ли вы на себя, через петербургских знакомых, представить в цензуру перевод А. Байтурсунова?» (ККМ. Ф. 7928. Оп. 116. Д. 1315. Л. 116).

В ноябре 1905 г. А. Букейханов, выступая на общественном съезде земских и городских деятелей в Москве, критиковал политику властей в области цензуры: «У нас преследуется школа с киргизским (казахским – Авт.) языком, нас также давит цензура. Вот уже 13 месяцев, например, не могу добиться от цензуры разрешения на издание киргизского перевода 46 басен И.А. Крылова» (Козодой, 2021: 97). Содержательная часть письма А. Букейханова логически определяет умозаключение проявления Байтурсыновым творческих усилий в ходе переводческой деятельности басен И. Крылова. Таким образом, задуманный им сборник был поготовлен к изданию. В итоге лишь в 1909 году А. Букейханов помог выпустить книгу в г. Санкт-Петербурге под названием «Сорок басен».

В 1933 году А. Букейханов в письме к руководителю организации «Помощь политическим заключенным» Е.П. Пешковой, сопоставлял общественную значимость и влияние А. Байтурсынова с выдающимися представителями русского народа, в частности, Кириллом, Мефодием, Новиковым и Радищевым. Автор письма охарактеризовал суть перевода Байтурсынова произведений Крылова следующим образом: «...он популяризировал эту азбуку, напечатав в ней сатирические свои стихи и перевод 40 басен Крылова. При этом он с последним поступил как же, как дедушка Крылов с Эзопом.

¹ Надаров Иван Павлович – генерал-губернатор Степного края 1906-1908 гг.

² Письмо А.Букейханова к Н.Потанину любезно предоставил нам известный ученый Султан-хан Аккулы.

³ Сухотин, Николай Николаевич – генерал-губернатор Степного края 1901–1906 гг.

Эзопокрыловские басни сделал казахскими. По меткости сатиры, красоте стиха, по краткости изложения темы – переводы Байтурсунова – представляют высокохудожественное творение свыше отмеченного таланта. Крылова в степи знал всякий казах» (ГАРФ. Ф.Р-8409. Оп. 1. Д. 994. Л.46-47об.).

В вышеупомянутом письме на имя Н. Потанина А. Букейханов пишет, что «молодой киргиз» наряду с поэтическим даром обладает тонким художественным талантом, и будь его материальное положение получше, он стал бы известным общественным деятелем (ККМ. Ф. 7928. Оп. 116. Д. 1315. Л. 116). Действительно, через некоторое время Байтурсынов заявил о себе в Каркаралинске в качестве интеллектуала, новатора, интересы и взгляды которого нашли одобрение и поддержку населения.

В 1903 г. в Омске А.Байтурсынов впервые знакомится с рукописным вариантом стихов Абая (Газета «Казах», 1913: 396), которые Букейханов подготовил к изданию. Творчество Абая Кунанбаева сильно повлияло на художественный мир молодого поэта в процессе перевода «Сорока басен». Следует отметить, что Абай также практиковал ряд переводов произведений И. Крылова. В первом учебнике на казахском языке под названием «Киргизская хрестоматия», составленным И. Алтынсариним в 1879 г., содержалась переведенная басня И. Крылова «Ворона и лиса» (Алтынсарин, 1879: 13-14). Работавший в Омске А. Байтурсынов продолжил благое дело просветителей А. Кунанбаева и И. Алтынсарина, сгруппировал басни И. Крылова и использовал их в качестве основы для новой содержательной поэтической стези.

Дирекция народных училищ в начале своей деятельности в 1902-1903 гг. осуществляла целевую задачу открытия аульных школ в Акмолинской области. В 1904 г. служащие дирекции расширили территорию своей деятельности. Обозначались новые приоритеты открытия школ на расположенной на дальнем расстоянии от Омска Семипалатинской области, на территории которой сохранялось преобладание казахского населения. В этот период в Акмолинскую и Семипалатинскую области прибывает вторая волна учителей из Тургайской области. В их числе были М. Дулатов, Н. Кульжанов, М.Н. Греховедов, А. Комаров. Мыржакип Дулатов работал учителем в Жарлинской аульной школе Зайсанского уезда Семипалатинской области (Адрес-календарь СО, 1905: 66), Нургали Кульжанов получил место учителя татарского (казахского) языка в Учительской семинарии в Семипалатинске (Адрес-календарь СО, 1908: 30), бывший директор Кустанайского педагогического класса М. Греховедов работал в качестве инспектора Петропавловского уезда (Памятная книжка..., 1909: 334), и выпускник Оренбургской учительской школы А. Комаров функционировал в должности инспектора Павлодарского уезда (Голикова, 2021: 53).

По факту приезда А. Байтурсынова в сентябре 1904 г. из Омска в Семипалатинскую область он назначается на должность заведующего уездной русско-казахской школы города Каркаралинска. Его сопровождали два учителя: Михаил Дмитриевич Желнин и Ахмет Аяганович Аяганов (Адрес-календарь СО, 1905: 53). Каркаралинская русско-казахская школа была открылась 27 октября 1904 г. в арендованном у местного жителя здании (Памятная книжка СО, 1909: 390). Итак, А. Байтурсынов отправился с целью организации учебно-методической работы во вновь открытой школы.

В период учительства А. Байтурсынова в Каркаралинске начинается подъем революционного движения, которое охватило всю территорию империи. Политические установки некоторых движений базировались на призывах к ликвидации монархии в Российской империи и установления парламентской республики. Демократически настроенные учителя поддерживали передовые тенденции. Учитель А. Байтурсынов активно стал заниматься политической и общественной работой. Большое влияние на него оказывали его товарищи по Омску А. Букейханов и Ж. Акпаев.

В 1903 г. в России формируется общество под названием «Союз народных учителей». На первом съезде Союза его участники приняли обращение к учителям с лозунгом «В единении – сила». Съезд определил ближайшую цель как «свержение самодержавия» (ГАРФ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 142. Л. 1). Участники организованного в январе 1904 г. съезда актуализировали 15 вопросов относительно учительских прав и принципов процесса обучения. В реестре вопросов наибольшую актуальность имели следующие: введение востребованного для решения всеобщего 4-летнего начального образования, обучение на языке местного населения, формирование образовательных программ с учетом требований органов (ГАРФ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 143. Л. 3-4об.). После начала первой русской революции 1905 года (Кровавое воскресенье) радикальная часть Союза создала группу социал-революционеров и призвала учителей к вооруженному мятежу (ГАРФ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 144. Л. 1-2об.).

Эхо первой русской революции донеслось и до казахских степей. На традиционно проходившей Каркаралинске «Кояндинской ярмарке» в июне 1905 г. была подготовлена так называемая «Каркаралинская петиция». Организаторы направили ее российскому императору Николаю II, а также председателю Кабинета министров. Они собрали 17 767 подписей под письмом, которое адресовали председателю Кабинета министров. В начале текста петиции отмечалось: «...в настоящее время, когда вся Россия заявляет о необходимости полного переустройства своей жизни, киргизские степи, связанные судьбою с Россией, не могут оставаться безучастными к переживаемым ею событиям и не заявлять о своих назревших нуждах» (ЦГА РК. Ф.И-4. Оп. 1. Д. 2053. Л. 10).

В общей сложности документ содержал 11 пунктов с требованиями относительно вопросов вероисповедания, разрешения на издание газет на родном языке, избирательного права, языка, судов, местного самоуправления. Во втором пункте ходатайства был поднят вопрос образования,

необходимости развития грамотности на казахском языке, обучения родной азбуке на основе фонетики казахского языка (ЦГА РК. Ф.И-4. Оп. 1. Д. 2053. Л. 12). В содержательной части требований отчетливо звучало мировоззрение реформатора А. Байтурсынова.

Император Николай II 17 октября 1905 г. с целью снижения общественного накала и политической напряженности издал Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Население Степного края с большой радостью восприняло Манифест (Букейханов, 1916: 43-44). Бывший депутат 1-й Думы А. Букейханов в своих воспоминаниях описывал поездку одного из лидеров казахской интеллигенции Ж. Акпаева в Акмолинскую и Семипалатинскую области с целью разъяснения сути манифеста. Упоминается событие о восприятии жителями города Каркаралинска Манифеста: «...Он доехал до родного города Каркаралов к середине ноября. Немедленно на единственной площади перед лицом полицейского управления состоялся митинг. На нем был весь город: вся русская интеллигенция, русские казаки, татары, сарты и киргизы. Один мой товарищ, который только что пережил тиф и не мог ходить, попросил, чтобы его повезли туда, и приехал. Ораторами выступили судья, следователь, учитель, единственный местный батюшка и Акпаев. Разъясняли слушателям непонятный конституционный строй, критиковали весьма понятный слушателям старый режим» (Букейханов, 1916: 44).

В этом тексте имя А. Байтурсынова не упоминается, но стилистика и содержание письма указывают на его участие в качестве выступающего на митинге. Слова А. Букейханова «один мой товарищ, который только что пережил тиф и не мог ходить», «ораторами выступали судья, следователь, учитель» косвенно указывают на это. По нашему мнению, термин «учитель» автор использовал применительно к А. Байтурсынову. Соответствующий вывод находит подтверждение в статье М. Дулатова, которую он написал к 50-летию А. Байтурсынова: «После обнародования Манифеста 17 октября 1905 года он был одним из видных и активных руководителей киргизских масс» (Дулатов, 1922: 20).

«Оттепель» Манифеста 17 октября 1905 г. длилась недолго. Царский режим начинает преследовать общественных деятелей Акмолинской и Семипалатинской областей. А. Байтурсынов продолжал нелегально вести общественно-политическую деятельность (Дулатов, 1922: 20). 1 июля 1909 г. он подвергается аресту в Каркаралинске и заключается в тюрьму в Семипалатинске. Власти 9 июля возбудили против него дело по обвинению в антиправительственной агитации, распространению сепаратистских настроений (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 1).

Следственную работу по дознанию проводил помощник начальника Омского жандармского управления в городе Семипалатинске ротмистр Леваневский. В современных исследованиях используются документы за подписью «ротмистр Леваневский», но при этом не указываются не только его имя и отчество, но и официальная должность, к которому обращались как «Его Высокоблагородию господину помощнику начальника Омского жандармского управления».

Казахстанские исследователи определили период вступления в должность Сергея Платоновича Леваневского, который датируется 15 мая 1904 г. Он имел ряд правительственных наград. С. Леваневский составил несколько официальных рапортов, в содержании которых ощущается детальный анализ социально-экономического положения Степного края (Легкий и др., 2022: 61-82). С целью выявления вовлеченности Байтурсынова в антиправительственное движение он апеллировал к показаниям свидетелей, выделил его сторонников.

С. Леваневский в своих рапортах относительно деятельности Байтурсынова приводит слова двух главных свидетелей по обвинению Байтурсынова. Согласно рапорту упоминаются показания «Акчатавского волостного управителя Амантая Адамбаева и почетного аксакала Аксаринской волости Мангырбая Байдаuletова, старика 74 лет, бывшего представителем на коронации ныне царствующего Государя императора» (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 21-210б.).

Акчатавский волостной управитель А. Адамбаев отмечал следующее: «...Разъезжая по аульным школам, сталкиваясь с киргизами в городе Каркаралы, Байтурсунов проповедовал следующее: «я, говорил Байтурсунов, человек грамотный и на моей душе будет грех, если я вам всего не скажу; в настоящее время взяла верх соц.-демократическая партия и что вы не попросите, все вам дадут. Русский царь теперь уже не может повелевать, он потерял силу, поймите вы, – продолжал Байтурсунов, что если бы Русский царь был силен, он бы не стал собирать Государственную Думу, да и манифест 17 октября дан не по своей воле царем, а по настоянию народа. Русского царя бояться нечего, у него остались верными одни казаки. Подати не платите, в России за крестьянами целые миллионы недоимок и с ними ничего не могут сделать, потому что они не трусы, а вы боитесь начальства» (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 21 об.; Легкий и др., 2022: 235).

Далее, по его словам, А. Байтурсынов говорил следующее: «Не стройте поселки, правительство заставит вас приобщиться к русской религии, обложит подушным налогом в размере 10 рублей, сделает из вас солдат и силой отберет ваши земли. В таком случае, переезжайте в Китай и Афганистан и не платите налоги. Пользующийся вашим уважением А. Букейханов не сможет помочь, так как находится в тяжелом положении. Поэтому руководители волости должны ежегодно давать ему по 50 рублей денежных средств, а он будет издавать газету против правительства и отстаивать интересы казахов в Государственной Думе» (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 22).

Ответы второго свидетеля «почетного аксакала» М. Байдавлетова по своей сути оказались созвучны показаниям его предшественника (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 220б.-24; Легкий и др., 2022: 237).

Ротмистр С. Леваневский по факту анализа показаний данных персоналий и «свидетелей занимающих среди киргиз видное положение и заслуживающих доверия» резюмировал заключение о наличии работающей по единой программе антиправительственной группы. В качестве руководителя он выделил А. Букейханова, его ближайшим сподвижником назвал А. Байтурсынова (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 23-24об.; Легкий и др., 2022: 239).

По итогам дознания ротмистр С. Леваневский сделал вывод о наличии двух противодействующих партий в степи. Поэтому в ходе реализации суда некоторые свидетели откажутся от дачи показаний. У него возникли опасения возможности ответных действий партии Байтурсынова с целью возмездия. Он инициировал решение закрытия дела с наложением административного взыскания на подсудимых с учетом сложившейся ситуации в Каркаралинском уезде (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 23-31).

Таким образом, в феврале 1910 г. А. Байтурсынов был приговорен к административному наказанию в виде переселения из Казахской степи. Генерал-губернатор Семипалатинской области А.Н. Тройницкий с учетом рапорта С. Леваневского обратился с письмом на имя Степного генерал-губернатора О. Е. Шмидта, в котором просил привлечь к наказанию указанных в рапорте 12 человек в виде высылки из территории области (Материалы..., 2022: 74-75).

Шестеро из 12 упомянутых лиц подвергались переселению. Их возвращению домой раньше окончания срока помог депутат Николай Леонидович Скалозубов. «В 1910 году, – пишет А. Букейханов в некрологе, написанном по случаю смерти Н. Скалозубова, – Хасен, Ибрай, Смакан, Бодубек, сын Ахмета Райымбек, Сулеймен были высланы из Каркаралинска на два года. Им вменялась вина: один в родстве со мной, другой в родстве с Якубом, третий читал стихотворения Ахмета Байтурсынова и знал его. Эти джигиты вернулись домой раньше срока. Друзья Л.Н. Толстого Михаил Александрович¹ и Н. Л. Скалозубов способствовали скорейшему возвращению этих шестерых джигитов, предприняв неоднократные обращения на имя Столыпина, «уговаривая» его оказать помощь» (Газета «Казах», 1915. № 111).

Арест и заключение А. Байтурсынова в тюрьму вызвали большой общественный резонанс, а его имя стало известным в общественной среде и государственных учреждениях Российской империи (Легкий и др., 2022: 52-59). Это произошло в результате усилий А. Букейханова. Он сделал многое для привлечения внимания центрального издания кадетской партии «Речь» и членов партии Н. Скалозубова и Н. Новикова к делу А. Байтурсынова. В результате в № 318 газеты «Речь» от 19 ноября 1909 г. была опубликована переписка под названием «Киргизский поэт в тюрьме» (Киргизский..., 1909. № 318), а затем эта переписку быстро перепечатали такие газеты как «Русские ведомости» (№ 264), «Современное слово» (№ 682) и «Волянь» (№ 322) (ГАРФ. Ф. 102 Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 31). Также депутат Госдумы Н. Скалозубов написал специальное письмо от 17 ноября 1909 г. на имя министра внутренних дел П.Г. Круглова о невиновности А. Байтурсынова (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 12-12об.). Депутат Госдумы Н. Некрасов обратил внимание, на то что заключенные в тюрьме подвергаются насилию и просил провести расследование (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 15-15об.).

В статье газеты «Речь» отмечается, что уволенный со своей должности А. Байтурсынов обращался за помощью к попечителю Западно-Сибирского учебного округа, и тот пообещал вернуть его на прежнюю должность. Это событие произошло до заключения в тюрьму. Следует обратить внимание на факт упоминания в архивных материалах признания властями Байтурсынова подозреваемым лицом, который с января 1909 г. проводил антиправительственную агитацию (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 31). Именно эти обстоятельства побудили власти освободить Байтурсынова от должности заведующего школы.

По факту признания клеветой выдвинутых против него обвинений Байтурсынов выехал в Томск с целью получения от попечителя Западно-Сибирского учебного округа ходатайства для возвращения на незаконно утраченную должность. Мы полагаем, что он обращался за помощью к другу А. Алекторову.

За А. Байтурсынова активно ходатайствовали не только его друзья и коллеги, но также его супруга Бадрисафа Байтурсынова. Она отправляет в начале телеграмму генерал-губернатору Степного края Е. Шмиду, затем пишет письмо на имя депутата Госдумы Н. Скалозубова (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 12). А 5 января 1910 года она отправляет телеграмму на имя министра внутренних дел П.А.Столыпина.

Б. Байтурсынова в своей жалобе на имя генерал-губернатора сообщила о незаконном предъявлении властями её мужу обвинения, которое возникло по причине конфликта между противодействующими партиями. Она уведомила в письме о слабости здоровья мужа, поэтому

¹ Мы считаем, что упоминаемый А. Букейхановым «Михаил Александрович» – религиовед, публицист, писатель М.А.Новоселов (1864–1938).

просила об освобождении его от заключения (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5832. Л. 44). В жалобе, направленной Н. Скалозубову и Министру внутренних дел, она просила отпустить ее мужа, находящегося в заключении в течение 7 месяцев, под домашний арест или выпустить под залог (ГАРФ. Ф. 102. Д-7-206. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 16; Легкий и др., 2022: 255). Эти усилия принесли свои плоды. В феврале 1910 г. А. Байтурсинов был освобожден из тюрьмы. По распоряжению МВД он на протяжении 2-х лет не имел права проживания в Степном крае, Семиреченской и Тургайской областях. 23 февраля 1910 г. он выехал в город Оренбург для отбывания двухлетнего административного наказания (ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 397. Л. 131). 10 марта 1910 г. А. Байтурсинов прибыл в город (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 70-71).

Драматические события омско-каркаралинского периода в биографии А. Байтурсинова и его жизненные невзгоды сподвигли его на публикацию в Оренбурге в 1911 г. сборника стихов «Маса» (Комар). Этот сборник содержит такие стихи, как «Письмо к матери», «Городу К...» (Каркаралинск – Авт.), «Серым ослам», «Письмо другу», «Госпоже Н.», «Казахский менталитет», «Состояние казахов». Они являются отголосками драматических событий омско-каркаралинского периода.

В Оренбурге начинается новый плодотворный этап его творческой биографии. «До революции 1905 г. на казахском языке не писать, не читать, не учиться не разрешалось; поэтому на этом языке не была даже и того основного, без которого невозможно вести какую-либо просветительскую работу, т.е., не было ни алфавита, ни орфографии, ни грамматики, ни учебников, ни печатной литературы, ни газеты. Все это пришлось создавать и основать мне, так как раскрепощение языка, после революции 1905 г. совпало с творческой порой моей жизни» (ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д.889. Л. 14-140б.), – вспоминал он в 1933 году в письме, адресованном на имя Е. Пешковой.

5. Заключение

Омско-каркаралинский период в биографии просветителя насыщен героико-драматическими обстоятельствами и событиями. Если в Омске А. Байтурсинов имел статус государственного служащего в сфере народного просвещения, занимался литературными переводами, то в Каркаралинске он стал одним из лидеров протестного поведения народа, выступавшим за демократические преобразования, общественным деятелем, резко критиковавшим политику правительства. Очевидно, его добровольный выбор критики правительства, стремления к осуществлению демократических реформ в крае сделал невозможным благополучную служебную карьеру в административных структурах системы народного образования. Судьба подарила ему надежного тамыра-друга А. Алекторову, который сделал взлет от директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей до окружного инспектора Западно-Сибирского учебного округа. Они были вместе в Тургайском крае, вдвоём начали работу на новом месте. Но будущее А. Байтурсинова сложилось иначе. Он выбрал путь служения своему народу. Многие сделал для возрождения культуры и образования. Впереди его ждали тяжелые испытания...

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках научного проекта Комитета науки МНВО РК АР09260561 «Ахмет Байтурсинов. Полное собрание сочинений в 12 томах. На казахском и русском языках».

Литература

- Абсадык, 2022 – Абсадык А.А. Серт: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности Ахмета Байтурсинова. Монография. Алматы: Изд-во «Арыс», 2022. 232 с. [на каз. языке].
- Адрес-календарь СО, 1905 – Адрес-календарь Семипалатинской области на 1905 г. Семипалатинск. Типография областного правления, 1905.
- Адрес-календарь СО, 1908 – Адрес-календарь Семипалатинской области на 1908 г. Семипалатинск. Типография областного правления, 1908.
- Аманжолова, 2009 – Аманжолова Д.А. На изломе: Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. 412 с.
- Ауэзов, 1991 – Ауэзов М. «50-летний юбилей Байтурсинова» // Байтурсинов А. Ак жол: Стихи и переводы, публ. Статьи и литературоведческие исследования / Сост. Р. Нурғалиев. Алматы: Жалын, 1991. 464 с. [на каз. языке].
- Алтынсарин, 1879 – Алтынсарин И. Киргизская хрестоматия. Книга первая. Оренбург. Типография И.И. Евфимовского-Мировицкого. 1879.
- Букейханов, 1916 – К 10-летию 1-й Государственной думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: сборник статей первоумцев. Петроград: Огни, 1916. 231 с.
- Браинин, Шафиро, 1937 – Браинин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Казахстанское краевое издательство, Алма-Ата-Москва, 1937.
- Газета «Казах», 1913 – Газета «Казах». 1913 год. 2-издание / Сост. С. Смагулова, Г. Анес, Т. Замзаева. Алматы: Издательство «Арыс», 2018. 480 с. [на каз. языке].
- Газета «Казах», 1915 – Газета Казах. 1915. №111.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 ГАТО – Государственный архив Томской области.
 ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.

Голикова, 2021 – Голикова О.А. Кадровый состав дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2021. № 74. С. 50-54.

Дулатов, 1922 – Дулатов М. Ахмед Байтурсунович Байтурсунов (Биографический очерк) / Труды общества изучения Киргизского края. Вып. III. Оренбург, 1922.

Журтбай, 2008 – Журтбай Т. «Клич мой Алаш!...». Т. 1. Исследования: Тюрьменные рассказы. Алматы: Ел-шежире, 2008. 472 с. [на каз. языке].

КазНПУ – Казахский национальный педагогический университет им. Абая.

Койгельдиев, 1995 – Койгельдиев М. Движение Алаш (Учебное пособие). Алматы: «Санат», 1995. 368 с. [на каз. языке].

Киргизский народный..., 1909 – Киргизский народный поэт в тюрьме. Из Семипалатинска // *Газета «Речь».* 19 ноября 1909. № 318. С. 5.

ККМ – Красноярск краеведческий музей.

Козодой, 2021 – Козодой В.И. Алихан Букейханов: человек-эпоха. Алматы, 2021. 312 с.

Легкий и др., 2022 – Легкий Д.М., Ибраев Е.Е., Табулденов А.Н. «Дальнейшее наблюдение за ним установлен». Ахмет Байтурсынов под надзором царской охранки (1905-1917 годы). Монография. Костанай, 2022. 382 с.

Материалы..., 2022 – Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.3. Составители: М. Койгельдиев (отв.редактор), З. Мырзатаева / Руководитель редакции Е.Т. Карин. Астана, 2022. 432 с.

Нурпеисов, 1995 – Нурпеисов К. Алаш и Алашорда – Алматы: Ататек, 1995. 256 с.

Омаров, 1922 – Омаров Ил. Ученая деятельность А.Б. Байтурсунова // *Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края.* Выпуск 3. Оренбург, 1922. С. 7-16.

Памятная книжка..., 1909 – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Издание 7-е канцелярии попечителя. Томск. Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1909.

Памятная книжка СО, 1909 – Памятная книжка и Адрес-календарь Семипалатинской области, 1909.

Имаханбет – Имаханбет Р. Человек века: творческая биография Ахмета Байтурсынова (по архивным данным). Монография. Астана: «Педагогика-ПРЕСС», 2010. 304 с. [на каз. языке].

Сейфуллин, 2005 – Сейфуллин С. Многотомное собрание сочинений. Алматы: Издательство «Казыгурт», 2005. Т. 5. Истории. Публицистика. 368 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Absadyk et al., 2022 – Absadyk A.A., Issenov O.I., Mukhitov K., Boranbaeva B.S. The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910) // *Bylye Gody.* 2022. 17(2): 890-901.

References

Absadyk et al., 2022 – Absadyk, A.A., Issenov, O.I., Mukhitov, K., Boranbaeva, B.S. (2022). The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910). *Bylye Gody.* 17(2): 890-901.

Absadyk, 2022 – Absadyk, A.A. (2022). Sert: neizvestnye stranicy biografii i tvorcheskoj deyatelnosti Ahmeta Bajtursynova. Monografiya [The oath: unknown pages of the biography and creative activity of Akhmet Baitursynov]. Almaty: Izd-vo «Arys», 232 p. [in Kazakh]

Adres-kalendar SO, 1905 – Adres-kalendar Semipalatinskoy oblasti na 1905 [Address-calendar of Semipalatinsk region for 1905]. g. Semipalatinsk, Tipografiya oblastnogo pravleniya, 1905. [in Russian]

Adres-kalendar SO, 1908 – Adres-kalendar' Semipalatinskoy oblasti na 1905 [Address-calendar of Semipalatinsk region for 1905]. g. Semipalatinsk, Tipografiya oblastnogo pravleniya, 1908. [in Russian]

Altynsarin, 1879 – Altynsarin, I. (1979). Kirgizskaya hrestomatiya [Kirghiz anthology]. Kniga pervaya. Orenburg. Tipografiya I.I. Evfimovskogo-Mirovickogo. 1879.

Amanzholova, 2009 – Amanzholova, D. (2009). Na izlome: Alash v etnopoliticheskoy istoriyi Kazakhstana [At the break: Alash in the ethno-political history of Kazakhstan]. Almaty, 412 p. [in Russian]

Auezov, 1991 – Auezov, M. (1991). 50-letnij yubiley Bajtursynova [Baitursynov's 50th Anniversar]. Baitursynov A. Ak Zhol: Poems and translations, publ. Articles and literary studies. Sost. R. Nurgaliev. Almaty: Zhalyn, 464 p. [in Kazakh]

Brainin, Shafiro, 1937 – Brainin, S., Shafiro, Sh. (1937). Ocherki po istorii Alash-Ordy [Essays on the history of Alash-Orda]. Kazakstanskoe kraevoe izdatelstvo, Alma-Ata-Moskva. [in Russian]

Bukejhanov, 1916 – K 10-letiyu 1-j Gosudarstvennoj dumy. 27 aprelya 1906 – 27 aprelya 1916: sbornik statej pervodumcev [To the 10th anniversary of the 1st State Duma. April 27, 1906 – April 27, 1916: collection of articles by pervodumtsev]. Petrograd : Ognj, 1916. 231 p. [in Russian]

- CGA RK** – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dulatov, 1922** – *Dulatov, M.* (1922). Ahmed Bajtursunovich Bajtursunov (Biograficheskij ocherk) [Ahmed Baitursunovich Baitursunov (Biographical sketch)]. *Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya*. Vyp. III. Orenburg. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region].
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskij oblasti [State Archive of the Tomsk Region].
- Gazeta «Kazah», 1913** – *Gazeta «Kazah»*. 1913 god. 2-izdanie. Sost. S. Smagulova, G. Anes, T. Zamzaeva [Newspaper "Kazakh". 1913. 2nd edition. Comp. S. Smagulova, G. Anes, T. Zamzaeva]. Almaty: Izdatel'stvo «Arys», 2018. 480 p. [in Kazakh].
- Gazeta «Kazah», 1915** – *Gazeta «Kazah»*. 1915 god. 2-izdanie. Sost. S. Smagulova, G. Anes, T. Zamzaeva [Newspaper "Kazakh". 1915. 2nd edition. Comp. S. Smagulova, G. Anes, T. Zamzaeva]. Almaty: Izdatel'stvo «Arys», 480 p. [in Kazakh]
- GIAOO** – Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [State Archive of the Omsk Region].
- Golikov, 2021** – *Golikova, O.A.* (2021). Kadrovij sostav direkcii narodnyh uchilishch Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [The staff of the directorate of public schools of the West Siberian educational district.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 74: 50-54. [in Russian]
- Imahanbet, 2010** – *Imahanbet, R.* (2010). Chelovek veka: tvorcheskaya biografiya Ahmeta Bajtursynova (po arhivnym dannym) [Man of the century: Akhmet Baitursynov's creative biography (according to archival data)]. Monografiya. Astana: «Pedagogika-PRESS», 304 p. [in Kazakh]
- Jurtbai, 2008** – *Jurtbai, T.* (2008). "Klich moi Alash!..." ["Cry my Alash!..."]. T. 1. Issledovaniya: Tyur'emnye rasskazy. Almaty: El-shezhire, 472 p. [in Kazakh]
- KazPU** – Arhiv Kazahskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaya [Kazakh National Pedagogical University named after Abaya].
- Kirgizskij narodnyj..., 1909** – Kirgizskij narodnyj poet v tyur'me. Iz Semipalatinska [Kirghiz people's poet in prison. From Semipalatinsk]. *Gazeta «Rech'»*. 19 noyabrya 1909. 318: 5. [in Russian]
- KKM** – Krasnoyarsk kraevcheskij muzej [Krasnoyarsk Regional Museum].
- Koigel'diev, 1995** – *Koigel'diev, M.* (1995). Dvizhenie Alash [Alash movement]. Almaty, Sanat, 368 p. [in Kazakh]
- Kozodoj, 2021** – *Kozodoj, V.I.* (2021). Alihan Bukejhanov: chelovek-epoha [Alikhan Bukeikhanov: Man is an epoch]. Almaty, 312 p. [in Russian]
- Legkij i dr., 2022** – *Legkij, D.M., Ibraev, E.E., Tabuldenov, A.N.* (2022). «Dal'nejshee nablyudenie za nim ustanovlen». Ahmet Bajtursynov pod nadzorom carskoj ohranki (1905–1917 gody). ["Further surveillance of him is established". Akhmet Baitursynov under the supervision of the tsarist okhrana (1905–1917)]. Monografiya. Kostanaj, 382 p. [in Russian]
- Materialy..., 2022** – Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reblitacii zhertv politicheskikh represij (20-50 gody XIX veka) [Materials of the State Commission for the Complete Rehabilitation of victims of Political Repression (20-50 years of the twentieth century)]. T.3. Sostaviteli: M.Kojgel'diev (otv.redaktor), Z. Myrzataeva. Rukovoditel' redakcii E.T. Karin. Astana, 2022. 432 p. [in Russian]
- Nurpeisov, 1995** – *Nurpeisov, K.* (1995). Alash i Alashorda [Alash and Alashorda]. Almaty: Atatek, 256 p. [in Russian]
- Omarov, 1992** – *Omarov, Il.* (1922). Uchenaya deyatelnost A.B. Baitursynova [The scientific activity of A.B. Baitursunov]. *Trudy Orenburgskogo obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya*. Vipusk 3. Orenburg. Pp. 7-16. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka SO, 1909** – Pamyatnaya knizhka i Adres-kalendar' Semipalatinskoj oblasti [Commemorative book and Address-calendar of the Semipalatinsk region]. 1909. [in Russian]
- Pamyatnaya..., 1909** – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 god. Izdanie 7-e kancelyarii popechitelya [Memorial book of the West Siberian Educational District for 1909. 7th edition of the Office of the Trustee]. Tomsk, Tovarishchestvo «Pechatnya S.P.Yakovleva», 1909. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Seifullin, 2023** – *Seifullin, S.* (2023). Mnogotomnoe sobraniye sochineniy [Multi-volume collected works]. Almaty: Izdatel'stvo «Kazykurt». T. 5. Istoriy. Publicistica. 368 p. [in Kazakh]

Омско-каркаралинский период: истоки просветительской и политической деятельности А. Байтурсынова

Алмасбек Ахметулы Абсадык ^{a, *}, Отеген Ихсанович Исенов ^a, Бактылы Сансызбаевна Боранбаева ^b, Кабибек Садирович Мухитов ^c

^a Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

^b Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, Республика Казахстан

^c Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, Атырау, Республика Казахстан

Аннотация. Омско-Каркаралинский период является одним из значимых периодов творческой биографии великого просветителя, политического деятеля и поэта А. Байтурсынова. В это время начинается его просветительская и политическая деятельность. В этот период малоизвестный госслужащий стал известным поэтом и политиком, обрел широкое признание среди казахов. Исполняя обязанности госслужащего он получил много ценной информации от известного тюрколога, ученого-просветителя А.Алекторова. А.Байтурсынов приобрел бесценный опыт административного управления и организации учебно-методической в образовательной сфере. Осуществив перевод басен Крылова он получил широкое признание талантливого поэта и переводчика. Данный перевод, изданный в виде специального сборника стихов, стал использоваться в учебном процессе аульных школ. В Омске работали известные представители казахской интеллигенции. Его единомышленники, А. Букейханов и Ж. Акпаев, разделяли его политические взгляды, и также были заинтересованы в развитии казахского общества. В революционный 1905 год он активно участвовал в общественно-политической жизни Акмолинской и Семипалатинской областей. А.Байтурсынов являлся одним из идейных организаторов «Каркаралинской петиции», выдвинувшей социальные, экономические и политические требования. В ходе репрессивной политики властей Байтурсынов был подвергнут тюремному заключению. Это вызвало возмущение общественности. В результате общественного давления он был освобожден из тюрьмы, но подвергнут административному наказанию в виде высылки из Степного края и вплоть до 1917 года находился под надзором полиции.

Ключевые слова: Алекторов, Байтурсынов, Букейханов, Омск, Каркаралинск, жандармерия, делопроизводитель, просветитель, петиция, манифест.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: absalmas@mail.ru (А.А. Абсадык), utegen59@mail.ru (О.И.Исенов), Bbaktyly@bk.ru (Б.С. Боранбаева), ocean_5@mail.ru (К.С. Мухитов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1467-1475
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1467

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Political Associations of the Russian Population of Kyiv in the Conditions of the Revolution of 1905–1907: Party of Legal Order

Alexey V. Antoshin ^{a, *}

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the appearance of political organizations of the Russian population of Kyiv in the conditions of the revolution of 1905–1907. The focus is on the history of the Legal Order Party, which was the first political party of the modern type, uniting representatives of the right-wing Russian public in Kyiv. The source base for this study was documents stored in the funds of the State Archives of the Russian Federation (SARF, Moscow) and the Russian State Historical Archives (RGIA, St. Petersburg). In addition, the materials of the regional periodical press were used – the newspapers “Pravo i porядok” and “Kievlyanin” published in Kyiv. The methodological basis of the study is the theoretical developments of specialists in the field of studying the phenomenon of political parties. Using these conceptual constructions, the author comes to the conclusion that the formation of party structures in the Western Territory took place in a complex multinational composition of the population, consisting of adherents of various religious systems. As historical sources testify, the period of the First Russian Revolution was marked in the southwestern provinces of the Russian Empire by a sharp aggravation of socio-political tension. Under these conditions, there was a consolidation of representatives of the right-wing Russian public – landowners, officials, entrepreneurs. It is proved that Russian nationalism, understood primarily as measures aimed at strengthening the unity and territorial integrity of the Russian state, became the ideological basis of the emerging political groupings that united these population groups. The key ideological and organizational center of Russian nationalism gradually became Kyiv – a university city where a fairly large intelligentsia lived. However, the author comes to the conclusion that the Party of Legal Order gradually turned into a marginal structure. In fact, it was replaced by a new political project – the All-Russian National Union, which was the most solid support for the government of P.A. Stolypin.

Keywords: First Russian Revolution, Party of Legal Order, Russian nationalism, liberal conservatism, national liberalism, Southwestern Territory, Russian community of Kyiv, “Kyivlyanin”, A.I. Savenko, All-Russian National Union.

1. Введение

Научная значимость проблемы политических организаций, созданных русским населением Киева в условиях Первой русской революции, весьма высока. Обострение национальных противоречий стало одним из ключевых факторов, обусловивших революционные потрясения 1905–1907 гг. При этом данная тенденция была особенно характерна для западных губерний Российской империи, входивших в черту еврейской оседлости. Многонациональный состав населения, принадлежавшего к различным конфессиям и религиозным объединениям, противоречия, вызванные ускоренной социально-экономической модернизацией, - все это порождало на Украине, в Белоруссии, в Литве напряженность, которая нередко выливалась в открытые столкновения. В губерниях Западного края, по выражению историка Д.А. Коцюбинского, русские землевладельцы,

* Corresponding author

E-mail addresses: alex_antoshin@mail.ru (A.V. Antoshin)

купцы и чиновники «испытывали экономическое, культурное и политическое давление со стороны польских помещиков, еврейских купцов и украинской интеллигенции» (Коцюбинский, 2001: 36).

В этой ситуации естественным было то обстоятельство, что русское население западных губерний империи объединялось в организации, чтобы отстаивать свои интересы. Пожалуй, наиболее ярко этот процесс протекал в Киеве – университетском городе, где имелась многочисленная русская интеллигенция, которая начала консолидироваться еще во второй половине XIX в. Однако именно Манифест 17 октября 1905 г. дал возможность этой части киевлян начать создание своих политических структур. Одной из первых таких организаций стала Партия правового порядка (ППП). Анализ идейно-политических установок данной структуры и ее роли в общественной жизни Киева начала XX в. является целью данной статьи.

2. Материалы и методы

Источниковая база данной статьи является достаточно разнообразной. Прежде всего, следует отметить фонды Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация). Так, нами использован Фонд Соединенного Комитета конституционно-монархических партий (ГАРФ. Ф. 1822) в котором хранятся документы, посвященные ведению избирательной кампании в I Государственную Думу ведущими либерально-консервативными партиями, в том числе и ППП.

Значительный интерес представляют также документы Фонда «Союза 17 октября» (ГАРФ. Ф. 115). В данном фонде хранится, в частности, личная переписка лидеров октябристов и Партии правового порядка, дающая неофициальную и исключительно ценную информацию о «закулисной» политической борьбе в периоды избирательных кампаний в Государственную Думу.

Важные документы по истории Партии правового порядка хранятся в Фонде Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102). Многие из них имеют гриф «секретно». Для данной темы особый интерес представляют материалы переписки руководства МВД с региональными властями, содержащие информацию о взаимоотношениях ППП с государственными структурами, (в том числе в Киевской губернии).

Весьма интересную информацию о Партии Правового Порядка дают также документы Фонда Союза русского народа (ГАРФ. Ф. 116). Они показывают, насколько тесным было сотрудничество Киевской организации ППП с местными отделениями Союза русского народа и других правомонархических организаций.

Ценные источники по истории ППП хранятся также в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Так, некоторые программные документы партии имеются в Фонде Петроградского общества заводчиков и фабрикантов (РГИА. Ф. 150). В Фонде Совета Министров Российской Империи (РГИА. Ф. 1276) находятся доклады о ходе избирательной кампании в I Государственную Думу в различных регионах империи (в том числе и в Киевской губернии). Участие ППП в избирательных кампаниях в Государственную думу в Киеве раскрывается в журналах заседаний губернских избирательных собраний, хранящихся в Фонде Государственной Думы Российской Империи (РГИА. Ф. 1278).

Наряду с архивными документами, ценным источником по истории ППП является периодическая печать. Особый интерес представляет журнал (впоследствии газета) «Право и порядок» который являлся печатным органом ППП в Киеве. Кроме того, безусловно, чрезвычайно ценный исторический источник – это газета «Киевлянин» которая фактически была печатным органом Киевского клуба русских националистов. Среди членов данного политического клуба было немало видных деятелей Киевской Партии правового порядка.

Методологической основой данной статьи являются теоретические разработки специалистов в области изучения феномена политических партий (М. Вебер, Й. Блунчли, Г. Кельзен и др.). Применяются как концептуальные подходы, характерные для неонституционализма, так и разработки теоретиков бихевиоризма (Б. Берельсон, П. Лазерфельд, Г. Лассуэлл и др.). Партия правового порядка предстает в данном исследовании не только как институт партийной системы Российской империи на региональном уровне, но и как сообщество общественных деятелей, для которых были характерны определенные модели политического поведения, механизмы восприятия общественно-политических процессов.

3. Обсуждение

Киевская Партия правового порядка первоначально выступала как региональное отделение общероссийской ППП. История этой политической организации фрагментарно затрагивалась уже в работах советских исследователей (Черменский, 1939; Славин, 1968; Спирин, 1977 и др.). В советской историографии существовали разные оценки идеологии ППП («реакционная», «консервативная», «либерально-консервативная» и т.д.). Тем не менее, используя характерный для данной эпохи классовый подход, практически все советские исследователи акцентировали внимание на буржуазном характере идеологии ППП и отмечали неудачу ее попыток пропаганды своих идей в рабочей среде.

Среди работ постсоветского периода можно выделить энциклопедическую статью Д.Б. Павлова. Характеризуя правопорядцев как умеренно-либеральную структуру, историк справедливо отмечал,

что ППП «служила своеобразным мостом, благодаря которому происходило сближение либеральной буржуазии и консервативного дворянства» (Павлов, 1996: 428).

В XXI в. Партия правового порядка привлекает внимание прежде всего тех исследователей, которые занимаются феноменом русского национализма начала XX в. Этапной в этом плане стала монография Д.А. Коцюбинского, сразу же получившая широкую известность в научном сообществе. Оригинальность подхода историка состояла в том, что он рассматривал ППП и другие структуры такого рода как выразителей «умеренно-либерального западнического по своей сути истолкования консервативных основ русского национализма» (Коцюбинский, 2001: 92). На страницах книги Д.А. Коцюбинского представлены портреты ряда видных деятелей Киевской ППП.

Анализ данной проблематики был продолжен в известном труде С. М. Саньковой. Справедливо рассматривая ППП как предшественницу «Русской партии в России» Всероссийского национального союза (ВНС) исследователь полагает, что эти структуры защищали принципы «государственнического» национализма, поскольку «интересы русского народа отстаивались ими постольку, поскольку, по их мнению, они выражали интересы самой российской государственности» (Санькова, 2006: 21).

Что же касается деятельности Партии правового порядка в Киеве, то ее история фрагментарно затрагивалась уже советскими историками (Попик, 1989). В постсоветский период нельзя не отметить труды А.В. Глушкова и М.Н. Лукьянова. В них были охарактеризованы такие институты, как газета «Киевлянин» и Киевский клуб русских националистов, в которых принимали участие многие видные киевские правопорядцы (Глушков, 2012; Глушков, Лукьянов, 2012).

Определенный вклад в изучение истории ППП внесен зарубежными исследователями. Так, американский историк Т. Эммонс полагал, что ППП представляла собой «смесь национализма, критики режима и отстаивания прав, обещанных Манифестом 17 октября 1905 г.» (Emmons, 1983: 140). При этом исследователь подчеркивал, что формально программа партии была достаточно прогрессивной. Во всяком случае, она «не была в значительной степени консервативной или обращенной к существующему режиму и в некоторых аспектах выступала скорее в качестве левоцентристской» (Там же).

Однако американский историк Д. Роусон весьма критически относился к тезису о либеральном характере идеологии ППП, который присутствует в исторической литературе. Он полагал, что провозглашение ППП себя конституционалистской политической организацией было «сомнительным утверждением, означавшим лишь то, что она отстаивала свободы личности и упорно поддерживала учреждение новой Думы, но не желала конституционных ограничений самодержавия» (Rawson, 1995: 134).

Нельзя не отметить также статью Р. Эдельмана, посвященную избирательной кампании в III Государственную думу (Edelman, 1979). В ней затрагивался процесс переориентации лидера Киевской организации ППП А.И. Савенко на структуры новой, более перспективной политической организации – Всероссийского национального союза.

4. Результаты

Возникновение Партии правового порядка осенью 1905 г. стало результатом революционных потрясений в российском обществе, вынудивших Николая II издать Манифест 17 октября. Уже к осени 1905 г. заметными были национальные противоречия в стране, стремление политических элит, отдельных этнических групп к выдвиганию требований автономии или независимости от имперского Центра. Как полагает С.М. Санькова, в определенной степени эти процессы провоцировались и деятельностью правительства. Манифест 17 октября 1905 г. отмечает она, предоставил национальным окраинам шанс «надеяться на получение национальной независимости (или автономии) больших прав для инородцев. Это, в свою очередь, вызывало недовольство русского населения окраин, усматривавшего в подобных требованиях ущемление своих прав, а также опасность для общегосударственных интересов» (Санькова, 2006: 29). При этом следует учитывать, что противоречивая политика правительства, его колебания в национальном вопросе не устраивали никого: подобными действиями были недовольны как националистически настроенные элиты, принадлежавшие к «инородцам» так и активисты из числа русского населения.

По мнению последних, дестабилизация обстановки в стране, связанная с событиями Первой русской революции, угрожала единству и территориальной целостности империи. Очевидно, именно эти настроения были ключевыми для тех киевских общественных деятелей, которые в ноябре 1905 г. провозгласили создание региональной организации Общероссийской Партии правового порядка. Характерно, что передовица первого номера печатного органа Киевского комитета ППП – журнала «Право и порядок» начиналась призывом: «Отечество в опасности! Все любящие его и дорожащие принципами Манифеста 17 октября должны сплоченной массой, не медля, стать на пути мутного и грязного революционного потока» (Право и порядок. 1905. № 1. С. 3).

Как свидетельствуют исторические источники, деятели Киевской организации ППП заявляли о своей готовности не только на словах, но и на деле бороться против революционных беспорядков, охвативших Россию осенью 1905 г. Как известно, одним из их проявлений была Всероссийская

почтово-телеграфная забастовка, целью которой была дезорганизация управления страной. В этих условиях 21 ноября 1905 г. лидеры правопорядцев добились аудиенции у Председателя Совета министров С. Ю. Витте, где заявили, что в случае необходимости они готовы заменить бастовавших служащих ([Право и порядок. 1905. № 1. С. 12](#)). Фактически эти действия активистов ППП давали революционным партиям основания обвинять их в штрейкбрехерстве.

Непримиримость по отношению к тем, кто использовал насильственные методы для достижения своих политических целей, выступал за свержение существующего режима, отличала деятелей Киевской организации ППП на всем протяжении истории данной структуры. В частности, в декабре 1905 г. они выступили решительно против идеи объявить в России амнистию. Один из лидеров организации, землевладелец Н.А. Садчиков, заявил по этому поводу: «Нет амнистии преступникам, пролившим человеческую кровь и собирающимся ее проливать! Их место в тюрьме и на каторге» ([Садчиков, 1905а: 8](#)).

Закономерно то обстоятельство, что ППП пыталась бороться против активности левых радикалов в крестьянской среде. Первая русская революция ознаменовалась всплеском протестной активности крестьянства, аграрными волнениями, которые использовались и направлялись революционными партиями. Безусловно, умеренно-консервативным деятелям, часть из которых сами принадлежали к землевладельцам, было крайне сложно вести контрпропаганду идей революционеров. Вместе с тем такие попытки (нередко содержавшие апелляцию как к христианским ценностям, так и к присущей крестьянам житейской мудрости), предпринимались. Так, один из лидеров Киевской ППП М.М. Бубнов заявлял: «Мы должны сказать крестьянам: честные русские люди! Не верьте, что можно грабежом и насилием улучшить свое положение... Если вы возьмете силой чужое добро, то и от вас могут взять тем же путем ваше добро другие» ([Бубнов, 1906: 6](#)).

Следует учитывать, что такая активная борьба против левого радикализма, характерная для Киевской ППП, была отражением общественно-политической ситуации в России и находила поддержку у части местного общества. Острота социально-политических противоречий, разгул революционного насилия привели к тому, что вокруг ППП объединялись именно те общественные деятели, которые стремились к сильной государственной власти, были готовы бороться с революцией любыми методами. Этому способствовало и выбранное организаторами ППП название данной структуры. Позднее журнал «Право и порядок» писал: «Когда гремел гром революции, когда имущественная и личная безопасность в Киеве настолько не была обеспечена, что каждый дрожал за свое добро и даже за свою жизнь, тогда одна только наличность в названии первой по времени возникновения у нас ППП слова «порядок» создала ей сразу огромную популярность» ([Право и порядок. 1908. 18 ноября](#)).

Вместе с тем, отмечая активную борьбу правопорядцев с революционной активностью левых партий, необходимо задаться вопросом: какова же была их позитивная программа? В этом плане большой интерес представляет концептуальная статья того же Н.А. Садчикова, опубликованная в журнале «Право и порядок» за 1906 г. Им был выдвинут тезис о том, что Манифест 17 октября 1905 г. привел к возникновению в России модели самодержавно-правового государства. Эта модель, по мнению видного правопорядца, базировалась на традициях политической культуры русского народа, берущих свое начало еще в допетровском времени. Он считал, что преобладание в жизни русского народа «нравственной стихии над стихией формально-юридической» привело к господству идеи единения царя с народом ([Садчиков, 1906: 11](#)). Этот строй, по его мнению, был ликвидирован Петром I, заложившим основы бюрократического абсолютизма в России. Именно та политическая система, которая возникла в начале XVIII в. и являлась источником многих проблем российского общества: в этом Н.А. Садчиков был солидарен со славянофилами. Поэтому, полагал он, надо было выступать не против старого самодержавия, а против «новейшего абсолютизма чиновной иерархии, которая является чем-то вроде зловредного паразита на народном организме» ([Садчиков, 1906: 12](#)).

Впрочем, вопрос об идейных предшественниках правопорядцев, а также возникшего на их основе Всероссийского национального союза является дискуссионным. Оригинальную точку зрения высказал Д.А. Коцюбинский, который считает представителей этих сил «западниками национально-либерального толка, требующими от русского общества следования европейским образцам развития» ([Коцюбинский, 2001: 79](#)). По его мнению, их идейные истоки находятся не в наследии славянофилов, а в европейской (прежде всего немецкой) национально-либеральной мысли (Г. Штейн, Ф. Лист, О. Бисмарк и т.д.). Д.А. Коцюбинский доказывает, что, несмотря на внешнее сходство, внутренне взгляды националистов и правопорядцев отличались от позиции А.С. Хомякова, И. В. Киреевского и др. В отличие от последних, лидеры ППП и ВНС полагали, что до Петра I Россия развивалась по европейскому пути, который для нашей страны является подлинно органичным и естественным ([Коцюбинский, 2001: 94](#)). На наш взгляд, с этим подходом можно согласиться лишь частично. Очевидно, некоторые из идеологов ППП и ВНС действительно воспринимали себя как наследников европейских национал-либералов, однако многим их соратникам славянофильские идеалы были значительно ближе.

Вместе с тем организаторы Партии правового порядка в Петербурге прямо заявляли: главным пунктом в программе ППП являлся тезис о необходимости единства и неделимости Российской империи ([Первый штурм, 1990: 503](#)). Именно борьба против окраинного сепаратизма принесла

партии широкую поддержку среди лидеров русского населения Западного края. В своих воззваниях ППП заявляла, что «ни на какие автономии партия согласиться не может в виду того, чтобы не было государства в государстве» (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 103. Л. 15).

Закономерно, что эти идеи не раз звучали и в заявлениях лидеров Киевской организации ППП. Так, по мнению Н.А. Садчиков, само развитие мировой цивилизации представляло собой укрупнение политических структур, формирование более крупных государственных образований. «История непрерывным процессом собирания мелких государств в крупные осудила идею автономии, – доказывал он. – Когда все народы объединяются, мы будем разъединяться» (Садчиков, 1905b: 9).

Позиция лидеров Киевской ППП по национальному вопросу была тесно связана с их отношением к судьбам российских евреев. То обстоятельство, что Киевская организация ППП располагалась в Западном крае, губернии которого входили в черту еврейской оседлости, привело к тому, что местные правопорядцы заняли в этом вопросе особенно жесткую позицию. Известно, что именно под их влиянием вопрос о равноправии евреев в России так и не был решен в программе общероссийской ППП в положительном смысле (РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 265. Л. 132).

Специфика идейно-политических установок киевских правопорядцев нашла отражение в особенностях их электорального поведения в периоды избирательных кампаний в Государственную Думу. Они всегда делали свой политический выбор самостоятельно, не оглядываясь на позицию общероссийской ППП. Так, в ходе избирательной кампании в Петербурге ППП заключила соглашение с другими либерально-консервативными структурами. Возник Соединенный комитет конституционных партий, куда помимо ППП вошли «Союз 17 октября», Прогрессивно-экономическая партия и Всероссийский торгово-промышленный союз (ГАРФ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 4. Л. 71-81). Но киевские правопорядцы воспринимали себя как неотъемлемую часть правых сил, претендуя на то, чтобы объединить различные политические группы киевлян, существовавшие в этой части политического спектра. Однако ППП не удалось добиться соглашения всех правых группировок Киева: на выборах в I Думу был заключен лишь блок ППП с Торгово-промышленной партией (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8, Л. 277). В итоге либерально-консервативному блоку не удалось получить поддержку киевлян. Как и в других районах Российской империи, в Киеве ППП была разгромлена Конституционно-демократической партией.

После этого Киевская ППП могла вообще прекратить свое существование как организованная политическая сила. Российская многопартийность носила крайне неустойчивый характер. Многие политические объединения являлись карликовыми эфемерными структурами и не выдержали испытания даже одной избирательной кампании. К тому же репутация получерносотенной организации, постепенно закреплявшаяся за ППП, препятствовала притоку в ее ряды либерально-консервативной общественности. Многие местные организации партии влились в состав «Союза 17 октября» (Саратов, Самара и т.д.).

Киевская организация ППП также не избежала кризисных явлений. За короткий промежуток времени один за другим два ее лидера покинули ряды партии. Основатель Киевской организации ППП А.И. Любинский из-за поворота партии вправо вышел из нее и стал создавать в Киеве отдел либерально-центристской Партии мирного обновления. В свою очередь, занявший после него пост лидера ППП профессор Политехнического института И.Г. Рекашев в ноябре 1906 г. перешел в ряды черносотенного Союза русского народа. После ухода И.Г. Рекашева председателем Киевской ППП стал популярный журналист газеты «Киевлянин» А.И. Савенко, только что вступивший в ряды партии. Долгое время, с 30 апреля по 19 июля 1906 г. не выходил журнал «Право и порядок» который являлся печатным органом Киевской организации ППП. Это было связано, по заявлениям самой редакции этого издания, с «недостатком средств и бойкотом всех патриотических газет Киевским профсоюзом печатников» (Право и порядок. 1906. № 19-20. С. 1). В июле издание было возобновлено, но в октябре 1906 г. выпуск журнала вновь прекратился.

Тем не менее следует подчеркнуть, что, несмотря на эти кризисные явления, ППП в Киеве оказалась значительно более устойчивой структурой, чем в других районах Российской империи. Очевидно, этому способствовало то обстоятельство, что она во многом опиралась на ресурсы газеты «Киевлянин» структуры, обладавшей определенным авторитетом и информационно-пропагандистским потенциалом. Именно вокруг нее традиционно группировалась правая русская общественность города. Продолжавшаяся Первая русская революция была мощным фактором, который консолидировал эту часть русского населения Киева.

Данное обстоятельство обусловило тот факт, что в период избирательной кампании во II Государственную Думу ППП в Киеве была тесно связана с правомонархическими группировками. В частности, А.И. Савенко являлся членом Совета Киевского Союза русского народа (СРН) (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 183. Л. 1). Среди учредителей Киевского СРН значились и другие видные киевские правопорядцы – Н. А. Садчиков и П. Ю. Макк (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 183. Л. 3).

Лидеры киевских правопорядцев выражали солидарность с наиболее экстремистской частью правомонархического лагеря. Так, в сентябре 1906 г. Н.А. Садчиков подписал приветственное письмо лидеров Киевского СРН прибывшему в их город А.И. Дубровину. В этом документе А.И. Дубровин (которого считали экстремистом даже лидеры думских правых В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков)

именовался «богатырем мысли и дела объединения русского народа», «благороднейшим русским человеком» (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 183. Л. 3).

Эти эпитеты, на наш взгляд, во многом отражали стремление лидеров правых организаций русского населения Киева к консолидации усилий монархических группировок для достижения общей цели – победы на выборах во II Государственную Думу. Как показывают исторические источники, значительные усилия в этом направлении предпринял А.И. Савенко, который в дни выборов практически ежедневно выступал на эту тему на страницах газеты «Киевлянин». Эта деятельность лидера ППП принесла свои плоды: на выборах был создан блок «Объединенных русских партий» который включал представителей ППП, СРН, «Русского братства» Монархической партии и Союза русских рабочих. В нем значились все наиболее значимые правые лидеры русского населения Киева: редактор «Киевлянина» Д.И. Пихно, городской голова Киева В.Н. Проценко, правопорядцы А.И. Савенко, П.К. Любимов, К.Д. Попов, председатель Монархической партии Б.М. Юзефович и др. (Киевлянин. 1907. 19 января).

Идейно-политические установки «Объединенных русских партий» наиболее четко выраженные в выступлениях лидера правопорядцев А.И. Савенко на страницах «Киевлянина» носили националистический характер и содержали призывы к решительной борьбе против революции. А.И. Савенко был убежденным противником уступок революционному движению, полагая, что либерализация режима может лишь усугубить ситуацию. При этом А.И. Савенко фактически позволял себе подвергать сомнению даже такие основополагающие решения власти, как издание Манифеста 17 октября 1905 г. По этому поводу он писал: «Перед 17 октября сторонники уступок и капитуляции перед революцией уверяли: дайте свободы и Конституцию, и все сразу прекратится... Дали «свободы» и пр. И революционное движение сразу удесятирилось» (Савенко, 1907а).

Наиболее заметный пропагандист правых партий русского населения Киева периода выборов во II Государственную думу А.И. Савенко резко критиковал те действия имперского правительства, которые, по его мнению, свидетельствовали о нерешительности в борьбе с революционным движением. Особенно резкой критике в этом плане им подвергалась политическая линия правительства С.Ю. Витте (Киевлянин. 1907. 15 января). Однако не вполне он был доволен и деятельностью нового главы кабинета П. А. Столыпина: «Мы все еще идем робко, ощупью и после долгих размышлений воспрещаем восхваление в печати преступлений, вместо того, чтобы воспретить существование такой печати» (Савенко, 1907а).

Главными мишенями той пропагандистской кампании, которую вели лидеры «Объединенных русских партий» Киева, были либералы и инородцы. Первых А.И. Савенко обвинял в том, что они «братаются с убийцами, прославляют и всячески подбодряют их» (Савенко, 1907b). Что касается вторых, то Н.А. Садчиков указывал на «священный долг каждого русского отстаивать русскую государственность и национальные интересы от революционного и инородческого натиска». Отвергнув «всякие соглашения с евреями», он прямо заявлял в одном из своих выступлений: «Бомбами и браунингами всех русских не перебьешь, кто-нибудь останется. Лучше смерть, чем неволя» (Киевлянин. 1907. 15 января).

Особенно страстной была статья А.И. Савенко в «Киевлянине» 27 января 1907 г. накануне киевских выборов. Вложив весь свой полемический дар в пропаганду идей «Объединенных русских партий», он вопрошал: «Киевляне, неужели опять опозорим наш древний и славный город? Неужели мы опять допустим, чтобы от Киева в Думу попал «жидовский наймит»?» (Савенко, 1907с).

Пропаганда блока «Объединенных русских партий» сыграла свою роль: ему удалось одержать победу на киевских выборах (РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 546. Л. 2). Киев оказался единственным в Российской империи городом с отдельным представительством, где среди выборщиков было пять членов ППП.

Однако период работы II Государственной Думы оказался недолгим. Избирательный закон 3 июня 1907 г. был позитивно встречен Киевской ППП. Ее лидеры заявляли, что данным документом был изменен «лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную Думу». Однако, по мнению киевских правопорядцев, были неправы те, кто старался «придать манифесту 3 июня 1907 г. значение возвращения к дореформенным временам» (Право и порядок. 1908. 2 декабря). На наш взгляд, в данном случае Киевская ППП еще раз продемонстрировала прежде всего свою готовность поддерживать мероприятия правительства, особенно те из них, которые были нацелены на стабилизацию ситуации в стране.

В ходе избирательной кампании в III Государственную Думу деятели Киевской ППП (прежде всего А.И. Савенко) вновь выступали как политическая сила, стремившаяся прежде всего к консолидации правых группировок русского населения города. В частности, А.И. Савенко полагал, что для сплочения правых группировок необходимо было сотрудничать даже с соратниками А.И. Дубровина, которых в правом лагере многие воспринимали как экстремистов. Среди дубровинцев, по его мнению, было немало «деятели очень почтенных и одушевленных чувством патриотизма» (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 3).

Очевидно, амбициозный А.И. Савенко претендовал на то, чтобы правые силы Киева консолидировались именно вокруг его фигуры. Постепенно он пришел к выводу о том, что для

достижения этой цели ему более выгодно принадлежать не к Партии правового порядка, постепенно ставшей маргинальной структурой, к тому же имевшей среди правых репутацию «полуконституционной» партии, а к более сильным группировкам. В результате он вышел из ППП и стал одним из организаторов Киевского клуба русских националистов ([Право и порядок. 1908. 18 ноября](#)). Впоследствии новая структура А.И. Савенко вошла в состав Всероссийского национального союза, став крупнейшей из его местных организаций. Киевская ППП продолжила свое существование под руководством М.М. Бубнова.

С именем М.М. Бубнова связан заключительный этап в истории Киевской Партии правового порядка (конец 1907 – 1908 гг.). Для него характерна некоторая идейная эволюция киевских правопорядцев, которые превратились в последовательно либерально-консервативную группу октябристского толка, стоявшую на позициях Манифеста 17 октября 1905 г. Данный акт, по мнению М.М. Бубнова и его соратников, «решительно повернул Россию на путь обновления» ([Право и порядок. 1908. 2 декабря](#)).

Однако Киевской Партии правового порядка не удалось консолидировать русскую общественность города на этой центристской основе. Переживший Первую русскую революцию правый русский избиратель нуждался в более решительной антиреволюционной платформе, которую олицетворяла газета «Киевлянин». Очевидно, сказалось и отсутствие в партии после ухода А.И. Савенко ярких лидеров, ораторов, способных консолидировать различные группировки правой общественности. Все это привело к постепенному уходу Партии правового порядка с политической арены Киева. На смену ей приходит Всероссийский национальный союз, которые воспринял от ППП многие черты ее идеологии и тактики. При этом именно Киев, по выражению Д. А. Коцюбинского, стал «идейным и организационным центром русского национализма» ([Коцюбинский, 2001: 36](#)).

5. Заключение

Таким образом, анализ исторических источников доказывает, что Партия правового порядка оставила заметный след в политической жизни Киева начала XX в. Фактически именно она стала первой политической партией современного типа, стремившейся выражать интересы правого русского обывателя – киевлянина, напуганного событиями революции 1905–1907 гг. Именно объединившаяся вокруг ППП часть русской общественности Киева наиболее четко осознавала опасность распада единого Российского государства в условиях вызванной революционными событиями дестабилизации обстановки в стране. Используя элементы различных идеологических систем (как взгляды славянофилов, так и некоторые идеи европейских национал-либералов) эти общественные деятели в качестве знамени своей политической активности выдвинули доктрину русского национализма.

Вместе с тем политический проект Партии правового порядка нельзя назвать безусловно удачным. Отдельные электоральные успехи этой структуры были связаны скорее с личными качествами некоторых ее лидеров (прежде всего А.И. Савенко). Фактически ППП постепенно становилась все более маргинальной структурой, вытесняемой на периферию киевской политической жизни. Ее попытки выступать в качестве консолидирующей силы в правой части политического спектра Киева оказались малоуспешными, поскольку откровенных черносотенцев отталкивали элементы либеральной идеологии, присутствовавшие в программных документах ППП. В условиях сильной политической поляризации в России любые предложения по реформированию общества часто воспринимались правым избирателем как элемент, способный привести лишь к дестабилизации ситуации в стране. Во многом именно в этом крылась трагедия русского либерал-консерватизма начала XX в.

6. Благодарности

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030".

Литература

[Бубнов, 1906](#) – *Бубнов М.М.* О т.н. «всероссийских крестьянских съездах» в Москве // *Право и порядок.* 1906. № 1. С. 6-7.

[ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.

[Глушков, 2012](#) – *Глушков А.В.* Газета «Киевлянин» и прогрессивные националисты, 1915-1917 гг. // *Вестник Пермского университета. Серия История.* 2012. Вып. 1 (18). С. 271-277.

[Глушков, Лукьянов, 2012](#) – *Глушков А., Лукьянов М.* «Свой среди чужих, чужой среди своих»: российский прогрессивный национализм (1915-1917 гг.) // *Власть.* 2012. № 10. С. 159-162.

[Киевлянин](#) – *Киевлянин.* 1907. 15 января; 19 января.

- Коцюбинский, 2001** – Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
- Павлов, 1996** – Павлов Д. Б. Партия правового порядка / Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 428.
- Первый штурм, 1990** – Первый штурм / Сост. К. Ф. Шацилло. М.: Молодая гвардия, 1990. 652 с.
- Попик, 1989** – Попик В. И. Политическая борьба на Украине вокруг выборов в III Государственную думу. Киев: Наук.думка, 1989. 97 с.
- Право и порядок** – *Право и порядок*. 1905. № 1. 1906. № 19–20. 1908. 18 ноября, 2 декабря.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Савенко, 1907a** – Савенко А.И. Заметки // *Киевлянин*. 1907. 1 января.
- Савенко, 1907b** – Савенко А.И. Заметки // *Киевлянин*. 1907. 17 января.
- Савенко, 1907c** – Савенко А.И. Что нужно делать, чтобы победить на выборах // *Киевлянин*. 1907. 27 января.
- Садчиков, 1905a** – Садчиков Н.А. Место партии «Правового порядка» в ряду других политических партий // *Право и порядок*. 1905. № 1. С. 9–10.
- Садчиков, 1905b** – Садчиков Н.А. По поводу амнистии по политическим и религиозным делам // *Право и порядок*. 1905. № 4. С. 8–10.
- Садчиков, 1906** – Садчиков Н. А. Самодержавно-правовое государство // *Право и порядок*. 1906. № 10. С. 11–15.
- Санькова, 2006** – Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917 гг.). Орел: С. В. Зенина, 2006. 370 с.
- Славин, 1968** – Славин Н. Ф. Правового порядка партия / Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. II. С. 502.
- Спирин, 1977** – Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.
- Черменский, 1939** – Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.-Л.: Гос.соц.-эк.изд-во, 1939. 374 с.
- Edelman, 1979** – Edelman R. The Elections to the Third Duma: the Roots of the Nationalist Party / The Politics of Rural Russia. Bloomington; London, 1979. Pp. 94–122.
- Emmons, 1983** – Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; London: Harvard University Press, 1983. 543 p.
- Rawson, 1995** – Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 286 p.

References

- Bubnov, 1906** – Bubnov, M.M. (1906). O t.n. “vserossiiskih krestjanskikh syezdah v Moskve” [About the so-called. "All-Russian peasant congresses" in Moscow]. *Pravo i poryadok*. 6-7. [in Russian]
- Chermensky, 1939** – Chermensky, E.D. (1939). Burjuazija i tsarizm v revolutsii 1905–1907 gg. [The bourgeoisie and tsarism in the revolution of 1905–1907]. Moscow; Leningrad. 374 p. [in Russian]
- Edelman, 1979** – Edelman, R. (1979). The Elections to the Third Duma: the Roots of the Nationalist Party. The Politics of Rural Russia. Bloomington; London. Pp. 94–122.
- Emmons, 1983** – Emmons, T. (1983). The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; London: Harvard University Press, 543 p.
- GARF** – Gosudarstvennyy arhiv Rossiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Glushkov, 2012** – Glushkov, A.V. (2012). Gazeta “Kievlyanin” i progressivnye natsionalisty. 1915–1917 [Newspaper “Kievlyanin” and progressive nationalists, 1915–1917]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 271–277. [in Russian]
- Glushkov, Lukyanov, 2012** – Glushkov, A., Lukyanov, M. (2012). “Svoy sredi chужih, chужoy sredi svoih”: rossiskiy progressivnyy natsionalizm, 1915–1917 [“Friend among strangers, stranger among friends”: Russian progressive nationalism (1915–1917)]. *Vlast*. 159–162. [in Russian]
- Kievlyanin** – *Kievlyanin*. 1907. January 15. 1907. January 19. [in Russian]
- Kotsubinsky, 2001** – Kotsubinsky, D.A. (2001). Russky natsionalizm v nachale XX stoletija: Rojdenie i gibel ideologii Vserossiskogo natsionalnogo sojuza [Russian Nationalism at the Beginning of the 20th century: The Birth and Death of the Ideology of the All-Russian National Union]. Moscow. 528 p. [in Russian]
- Pavlov, 1996** – Pavlov, D.B. (1996). Partija pravovogo poryadka [The Party of Legal Order]. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaja tret XX veka. Entsiklopediya. Moscow. P. 428. [in Russian]
- Pervy shturm, 1990** – Pervy shturm [First assault]. Moscow. 652 p. [in Russian]
- Popik, 1989** – Popik, V.I. (1989). Politicheskaya borba na Ukraine vokrug vyborov v III Gosudarstvennyuyu dumu [Political struggle in Ukraine around the elections to the Third Dume]. Kiev. 97 p. [in Russian]
- Pravo i poryadok** – *Pravo i poryadok*. 1905. 1; 1906. 19–20; 1908. November 18. December 2. [in Russian]

- Rawson, 1995** – *Rawson, D.C.* (1995). *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge: Cambridge University Press, 286 p.
- RGIA** – Rossiskiy gosudarstvenny istorichesky arhiv [Russian State Historical Archive].
- Sadchikov, 1905a** – *Sadchikov, N.A.* (1905). Mesto partii Pravovogo poryadka v ryadu drugih politicheskikh partiy [The place of the Legal Order party among other political parties]. *Pravo i poryadok*. 9-10. [in Russian]
- Sadchikov, 1905b** – *Sadchikov, N.A.* (1905). Po povodu amnistii po politicheskim i religioznym delam [On political and religious amnesty]. *Pravo i poryadok*. 8-10. [in Russian]
- Sadchikov, 1906** – *Sadchikov, N.A.* (1906). Samoderjavno-pravovoe gosudarstvo [Autocratic legal state]. *Pravo i poryadok*. 11-15. [in Russian]
- Sankova, 2006** – *Sankova, S.M.* (2006). Russkaya partiya v Rossii. Obrazovanie i dejatel'nost' Vserossoskogo natsionalnogo sojuza, 1908–1917 [Russian party in Russia. Formation and activities of the All-Russian National Union, 1908–1917]. Orel. 370 p. [in Russian]
- Savenko, 1907a** – *Savenko, A.I.* (1907). Zametki [Notes]. *Kievlyanin*. 1907. January 1. [in Russian]
- Savenko, 1907b** – *Savenko, A.I.* (1907). Zametki [Notes]. *Kievlyanin*. 1907. January 17. [in Russian]
- Savenko, 1907c** – *Savenko, A.I.* (1907). Shto nujno delat, chtoby pobedit na vyborah [What you need to do to win the election]. *Kievlyanin*. 1907. January 27. [in Russian]
- Slavin, 1968** – *Slavin, N.F.* (1968). Pravovogo poryadka partiya [The Party of Legal Order]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya*. P. 502. [in Russian]
- Spirin, 1977** – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeschichiih i burjuaznyh partiy v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (beginning of the 20th century – 1920)]. Moscow. 366 p. [in Russian]

Политические объединения русского населения Киева в условиях революции 1905–1907 гг.: Партия правового порядка

Алексей Валерьевич Антошин ^{a, *}

^a Уральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена возникновению политических организаций русского населения Киева в условиях революции 1905–1907 гг. В центре внимания – история Партии правового порядка, которая была первой политической партией современного типа, объединявшей представителей правой русской общественности Киева. Источниковой базой данного исследования послужили документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва) и Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург). Кроме того, использованы материалы региональной периодической печати, издававшиеся в Киеве газеты «Право и порядок» и «Киевлянин». Методологической основой исследования являются теоретические разработки специалистов в области изучения феномена политических партий. Используя эти концептуальные построения, автор приходит к выводу о том, что формирование партийных структур в Западном крае происходило в условиях сложного многонационального состава населения, состоявшего из приверженцев различных религиозных систем. Как свидетельствуют исторические источники, период Первой русской революции ознаменовался в юго-западных губерниях Российской империи резким обострением социально-политической напряженности. В этих условиях происходила консолидация представителей правой русской общественности – землевладельцев, чиновников, предпринимателей. Доказано, что идеологической основой формирующихся политических группировок, объединявших эти группы населения, становился русский национализм, понимаемый прежде всего как меры, направленные на укрепление единства и территориальной целостности Российского государства. Ключевым идейным и организационным центром русского национализма постепенно становился Киев – университетский город, где проживала достаточно многочисленная интеллигенция. Однако автор приходит к выводу о том, что Партия правового порядка постепенно превращалась в маргинальную структуру. Фактически ее заменил новый политический проект – Всероссийский национальный союз, который являлся наиболее прочной опорой правительства П.А. Столыпина.

Ключевые слова: Первая русская революция, Партия правового порядка, русский национализм, либеральный консерватизм, национал-либерализм, Юго-Западный край, Русская общественность Киева, «Киевлянин», А.И. Савенко, Всероссийский национальный союз.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex_antoshin@mail.ru (А.В. Антошин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1476-1485
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1476

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Radio in the Russian Empire Based on the Materials of the “Priroda (Nature)” Journal (1912–1916)

Natalya P. Koptseva^{a,*}, Ksenia A. Degtyarenko^a, Anna A. Shpak^a, Julia N. Menzhurenko^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article is a source analysis of the articles of the monthly journal “Priroda” published in the Russian Empire in the period from 1912 to 1916. This is the first stage in the history of radio communications in our country. In 1912–1916 the process of radio development is mainly aimed not at improving the technology, but at spreading it, which turned out to be very important for the development of the Russian Arctic zone and other vast and difficult territories. The main purpose of the study is to study the concept of “radio” and its derivatives in the periodical scientific publication – the journal “Priroda (Nature)” – using the qualitative-quantitative method of content analysis, as well as to reconstruct the history of radio as an element of the history of science and technology of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The particular attention is paid to the use of radiotelegraphy in scientific expeditions, in particular, in the northern and arctic regions, the importance of radio technologies as a means of wireless communication and transmission of textual information is emphasized. The potential of radio for the rapid development of science and technology in the Russian Empire, including during the war years of the First World War, is analyzed.

The history of the development of radio, reflected in such specific historical sources as scientific and popular science articles of the journal “Nature”, shows that scientists and engineers of the Russian Empire in a short time turned scientific discoveries into technologies that contributed to the development of territories, territorial ties, intercontinental communications, international exchange of scientifically significant information. The increase in the number of references to radiotelephony in 1915 was due to the scientific analysis of the importance of radio for military purposes.

Keywords: radio, radiotelegraph, radiotelegraph, wireless telegraph, Russian Empire, journal “Priroda (Nature)”.

1. Введение

Сегодня все более возрастающую роль в жизни каждого человека играют различные медиа, в системе которых особое место сохраняет за собой радиовещание. Радио прочно вошло в повседневную информационную культуру. Исследование становления радиовещания на его ранних этапах дает возможность осмыслить его исторические, социальные и политические функции в специфически российском культурном контексте.

История становления и развития системы радиовещания тесно связана с историей российской науки и техники в XIX–XX вв. Возникновение радио было обусловлено стремительным развитием науки и техники, объективной потребностью общественного прогресса. Новые технические достижения не только вывели Россию на принципиально новый уровень общественно-политического и экономического развития как внутри страны, так и за ее пределами, но и расширили возможности прямого воздействия на общественные настроения, способствовали быстрому распространению

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko), annahey@gmail.com (A.A. Shpak), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Y.N. Menzhurenko)

достижений науки, культуры, производственного и технологического опыта, расширили границы различных видов искусств.

Существует определенная дискуссия, связанная с первенством открытия радио. Однако она не является предметом данного исследования, посвященного не столько ученым – первооткрывателям радио, сколько истории радиовещания в Российской империи, изложенной в специфических исторических источниках – научных статьях, изданных в журнале «Природа», старейшем периодическом журнале, издающемся в нашей стране с 1912 года по настоящее время.

2. Материалы и методы

1. Источниковая база исследования – номера 1912–1916 гг. (12 номеров каждого года выпуска) ежемесячного естественнонаучного журнала «Природа». Журнал выпускается с января 1912 г. под началом сообщества ведущих российских ученых, а с 1921 г. стал официальным изданием Академии наук. Журнал включает материалы о достижениях в различных областях науки, вопросах истории и философии естествознания, организации науки. Здесь публикуются обзоры, очерки об ученых, текущая научная хроника, дискуссии, воспоминания и т.д. Идея издания журнала принадлежала профессору зоологии и основателю школы сравнительной психологии Владимиру Александровичу Вагнеру и профессору химии, будущему академику Льву Владимировичу Писаржевскому. Эти выдающиеся ученые и были первыми редакторами журнала «Природа».

2. В основе методологии данного исследования лежит источниковедческий и сравнительный анализ. Источниковедческий анализ позволяет раскрыть и проанализировать содержание вышеуказанных материалов на предмет исторической и научно-технической значимости, а также применить это содержание в научной практике и оценить его потенциал в научно-технических исследованиях данного периода. Сравнительный анализ позволяет соотнести содержание разных выпусков и проследить динамику процессов, происходящих в научно-технической сфере в дореволюционной России. Использование контент-анализа дает возможность описать историю радио в научно-популярном контексте, характерном для привлекаемых исторических источников.

Российская империя. В начале XX века развивались самые передовые научно-технические достижения, которые распространялись через систему многочисленных периодических изданий. Среди них журнал «Природа» занимает достойное место, выступая посредником между различными научными коллективами и российским обществом, способствуя развитию просвещения в области естественных наук и основанных на них технологиях.

3. Обсуждение

Сразу после изобретения А.С. Поповым радио в 1895 г. начались его первые испытания, в том числе на флоте и в армии, которые доказали его преимущество перед другими средствами связи. Радио не только обеспечило высокоэффективную связь, но и определило Россию как пионера в новых видах боевых действий – в радиоразведке и радиоэлектронной борьбе (перехват и последующая дешифровка радиogramм иностранных баз и флотов, создание радиопомех с целью подавления действий противника и т.п.) (Кикнадзе, 2017; Гребенников, 2018). В дальнейшем динамика внутрисполитической и международной деятельности страны определяет инициативу правительства в развитии нового средства сообщения.

В работах по истории радиотехники, опубликованных после 1945 г., исследуемому периоду уделялось недостаточное внимание, а выводы не всегда были объективными и аргументированными. В связи с этим не было полной картины развития радиосвязи в дореволюционной России. Большое внимание в работах 1945–1980 гг. уделяется времени, связанному с деятельностью А.С. Попова, развитием радио на флоте, организацией Кронштадтской мастерской, опытами в Военном ведомстве, первыми двумя радиостанций народнохозяйственного назначения в Азовском море и т.д. (Берг, Радовский, 1948; Богуславский, 1949; Бренев, 1965; Васильев, 1959). Также стоит отметить работы авторских коллективов НИИ связи Военно-морского флота (Поляк и др., 1945) и Военной академии связи им. С.М. Буденного (Белов, 1983) и труды И. Т. Пересыпкина (Пересыпкин, 1946).

В 1950 г. вышла монография С.Б. Крылова (Крылов, 1950) по международно-правовому правовому регулированию радиосвязи, в которой представлены материалы первых международных радиотелеграфных конференций в Берлине и Лондоне. В 1970-е гг. выходят в свет работы, в которых предпринимаются попытки всестороннего освещения истории раннего периода развития радиотехники (Бренев, 1970; Ахизер, 1974; Очерки истории..., 1975).

Со второй половины 1980-х гг. историография исследуемого периода представлена статьями, посвященными юбилейным датам в истории радио (Гуляев, 1995; Биккенин, 1999), истории учреждений и деятельности старейших предприятий страны (Михайлов, 2000). Часть работ этого времени посвящена продолжающимся дискуссиям об открытии радио (Герасимов, Пилипенко, 1996). Другие исследования содержат интересные материалы истории раннего периода развития радио (Родионов, 1985; Коваленко, Стрелов, 1997).

Для современных исследователей проблематика развития радиотехники в России остается актуальной (Тележный, 2002; Карпов, 2008; Яхнин, 2009). Стоит отметить, что до начала XXI в.

не существовало комплексных исследований, обращенных к истории развития радиосвязи в начале XX века, ее роли в модернизации страны и освещающих все аспекты этого сложного процесса, который охватывал все сферы деятельности государства. Первая попытка такого комплексного подхода с единой концепцией предпринята А.А. Глуценко (Глуценко, 2005), монография которого построена на материалах центральных и местных архивов. Использование подлинных документов позволило автору восполнить пробелы недостаточно изученных вопросов развития и роли радиосвязи в исследуемый период.

4. Результаты

Журнал «Природа» согласно полному названию издания, опубликованному на титульном листе первого выпуска за январь 1912 года, – «ежемесячный популярный естественно-исторический журнал для самообразования» (Рисунок 1). Периодическое издание было представлено ежегодно 12 номерами, но в некоторых случаях журнал выходил выпуском, состоящим из двух номеров, например: 7–8 за 1912 г., 1913 г., 1914 г., 1915 г.; 5–6 и 7–8 за 1916 г.

Журнал в разные годы выпускался под редакцией выдающихся профессоров Владимира Александровича Вагнера, Льва Владимировича Писаржевского, Льва Александровича Тарасевича, Николая Константиновича Кольцова.

Издание было призвано осветить главные открытия науки и техники, передовые векторы развития в естественно-научной области. Начиная с первых выпусков, с журналом сотрудничали и вели планомерную работу значимые деятели науки Российской империи. С одним из списков можно ознакомиться на Рисунке 2.

Оформление обложки выпусков принадлежит графику Михаилу Исааковичу Соломонову (1872–1942) и не меняется вплоть до 1919 года. Обложка создана в стиле русского модерна, популярного на тот момент как в Российской империи, так и во всем мире. В соответствии с названием журнала, центральный картуш содержит пейзаж, включающий широкие природные просторы: небо, восходящее солнце, реку и засеянные поля в обрамлении цветочных гирлянд. Две женские фигуры по краям картуша представляют собой аллегории природного изобилия (справа) и научных открытий (слева). Плавность линий, обилие растительного орнамента и природного пространства не только указывает на программу журнала, но и соответствует ведущему художественному стилю модерна эпохи рубежа XIX–XX веков. К юбилею журнала в 1992 году искусствовед В.В. Корнилова под рубрикой «Из редакторской почты» описала творчество М.И. Соломонова как последователя художников, входящих в знаменитое объединение «Мир искусства» (Корнилова, 1992).

В рамках настоящего исследования проанализировано 60 номеров, изданных в 54 выпусках в 1912–1916 годы. Был проведен качественно-количественный контент-анализ. В качестве единицы анализа был взят концепт «радио» и его производные.

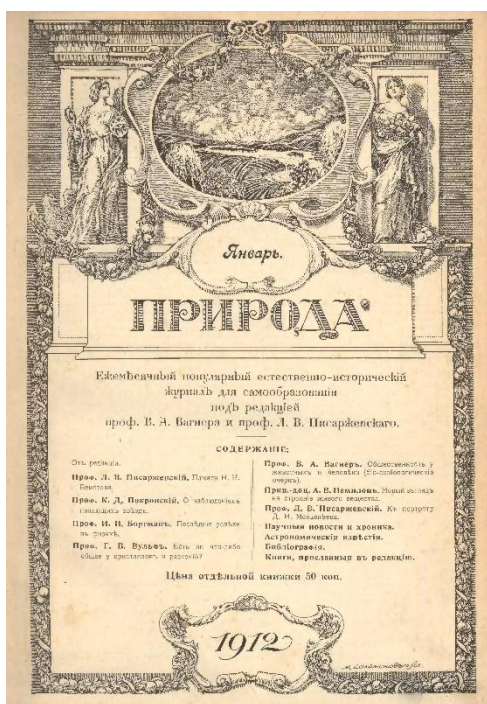

Рис. 1. Обложка номера журнала «Природа», 1912

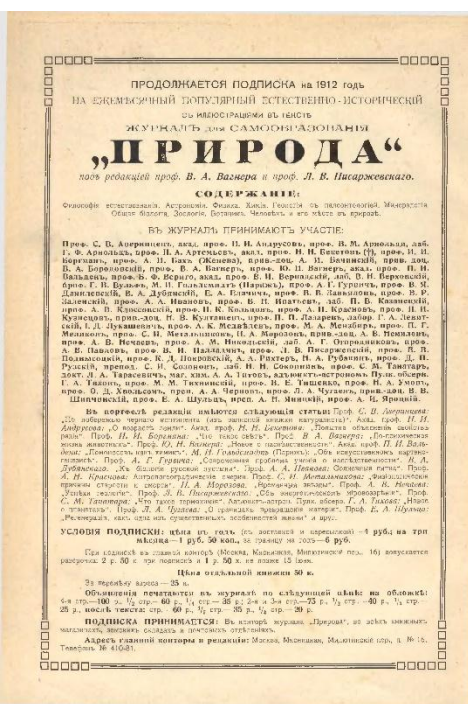

Рис. 2. Содержание номера журнала «Природа», 1912

Выпуск журнала «Природа» 1912 года содержит еще достаточно мало информации и упоминаний радиосвязи. Общее название для беспроводной связи в данное время — это «беспроволочный телеграф» (Природа, 1912, № 7-8: 994). Основное содержание публикаций — использование радиотелеграмм без развитой сети телеграфных станций. Подробно описывается план «радиотелеграфии» (Природа, 1912, № 9: 1136) в Соединенных Штатах. Беспроволочные телеграфы работают на морских судах, например, на пароходе «Неккар» (Природа, 1912, №10: 1267), курсирующем из европейского города Бремена в американский город Нью-Йорк. Обсуждается и использование «радиотелеграфии» (Природа, 1912, № 12: 7) для развития применения электричества.

В выпусках за 1912 год упоминание технологий радиопередачи информации встречается 4 раза. Концепт «радио» используется в качестве описания быстро развивающейся технологии беспроводной связи как с точки зрения развития науки, так и в контексте развития сообщения между территориями разных государств, находящихся на далеком расстоянии друг от друга.

В выпусках журнала «Природа» за 1913 год концепт «радио» встречается девять раз. Так, в статье «Беспроволочный телеграф в экспедиции к Северному полюсу», которая входит в рубрику «Смесь» выполнен обзор разных технических новостей со всего мира. Обсуждаются сложности освоения северных территорий и использование «беспроволочного телеграфа» (Природа, 1913, № 1: 130), сообщаемого с «радиотелеграфной станцией» (Природа, 1913, № 1: 130) на острове Шпицберген.

Концепт «радио» встречается и в материалах рубрики «Метеорологические известия» например, у автора В. Шипчинского «радиотелеграммы» (Природа, 1913, № 2: 262) и «радиотелеграф» (Природа, 1913, № 2: 263) позволяют эффективно связывать разные отдаленные территории, что соответственно позволяет составлять метеорологические сводки. В связи с метеорологическими наблюдениями, например, на Эйфелевой башне во Франции упоминаются «регулярные радиотелеграфные сигналы» (Природа, 1913, № 3: 380).

В журнале приводятся последние сводки северных экспедиций и полученные от их участников «радиотелеграммы» (Природа, 1913, № 3: 387), как в данном случае с экспедициями Р. Шредера-Штранца и южно-полярной «Авроры». Помимо связи с экспедициями сообщается об установке радиотелеграфных станций, например, в северной части Канина носа (Архангельская область), у Югорского Шара, на острове Вайгач и полуострове Ямал. Развитие связи на Севере связано также с началом активного развития Северного морского пути. Информация о территориях Антарктики обязательно дается в контексте сообщений, полученных от экспедиций с помощью «радиотелеграфных депеш» (Природа, 1913, № 9: 1114) «через Австралию».

Таким образом, в 1913 году журнал «Природа» регулярно публикует различные технические новости со всего мира и территорий Российской империи, связанные с радиотелеграфией. В статьях журнала концепт «радио» рассматривается в аспекте применения технологий связи для отдаленных земель, включая описание экспедиций к Северному полюсу и территорий Антарктики. Радиотелеграф становится важным источником информации с помощью беспроводной связи, в том числе для передачи важнейших метеорологических данных. Зафиксировано применение радиотелеграфа в прогностических целях и предположение о его будущих возможностях, требующее эмпирического подтверждения.

В 1914 году в выпусках журнала «Природа» делается 4 упоминания концепта «радио» в качестве синонима беспроводной телеграфной связи.

В рубрике «Географические известия» в статье С. Григорьева (Природа, 1914, № 1: 118) указывается, что «радиотелеграфный аппарат» необходим для связи в условиях Крайнего Севера. Использование концепта «радио» напрямую связано с проблемами исследования территорий Российской империи в этот период. В выпуске журнала за март 1914 года упоминание необходимости всемерного развития радиотелеграфной связи встречается 2 раза. Тема радио возникает в контексте развития межконтинентальной радиосети во всем мире, в частности между Европой и Австралией (Океанией). Радио с технической точки зрения обсуждается в статье А.А. Иванова «Николаевская главная астрономическая обсерватория в Пулково» где дается описание прибора для принятия «радиотелеграфных сигналов» (Природа, 1914, № 9: 995) времени со станции Норддейх в Париже, Франция.

Тема радио обязательно обсуждается в статьях, где речь идет о насущной необходимости установления беспроводной связи в условиях Крайнего Севера. Анализируется ее необходимость для уточнения полученных данных в русских обсерваториях, прежде всего в обсерватории, находящейся в Санкт-Петербурге. Сообщается о развитии радиотелеграфных станций и сетей между Европой и Океанией.

Стоит отметить, что самое большое количество упоминаний концепта «радио» и его производных в журнале «Природа» за 1912–1916 гг. встречается именно в выпусках 1915 года (48 упоминаний).

Один из редакторов журнала, профессор Н.К. Кольцов, в своей статье «Отражение войны в научно-популярных журналах Англии и Америки» обращает внимание на дефицит «книжных и научных новостей» (Природа, 1915, №1: 155) в самом начале Первой мировой войны. Автор объясняет это единственным маршрутом доставки печатных изданий (в том числе лондонских, парижских, нью-

йоркских), который проходил через Германию (Лейпциг). Н.К. Кольцов тщательным образом анализирует издательскую деятельность научных и научно-популярных журналов, останавливаясь на журналах «Nature», «Knowledge», «Scientific American». В этом обзоре даются сведения об использовании и развитии радио: «война помешала использовать во время солнечного затмения радиотелеграфные станции» (*Природа*, 1915, №1: 155); «в Лондонском университете в связи с войной проф. Флемминг открывает практический и теоретический курс радиотелеграфии» (*Природа*, 1915, №1: 157)

Анализ особенностей использования радиотелеграфа в военное время выполнен в статье Б.В. Ильина «Беспроволочный телеграф и его применение на войне», где зафиксировано 12 упоминаний концепта «радио» и его производных, среди которых: «радиотелеграф», «радиотелеграфные явления», «схема радиостанции», «подвижная радиостанция» – 3 раза, «радиограммы», «радиотелеграфия» – 2 упоминания, «радиотелеграфист», «антенная радиостанция», «радиотелеграфная передача» (*Природа*, 1915, №10: 1223-1234). Подчеркивается также актуальность исследования химического состава минералов для радиотелеграфа как военной техники для усовершенствования приема-передачи электрических волн (*Природа*, 1915, №11: 1441).

Особенностям применения радиотелеграфии посвящена статья Феррье «Применение беспроволочной телеграфии», в которой присутствует 13 упоминаний концепта «радио» и его производных: «радиотелеграфная станция» – 9 раз, включая упоминания о переносной радиотелеграфной станции и о сигналах радиотелеграфной станции, «радиотелеграфные сети» – 2 раза, «радиотелеграфия», «радиограмма» – по 1 упоминанию (*Природа*, 1915, №11: 1355-1370).

Журнал в статьях 1915 г. постоянно публикует сведения об использовании радиотелеграфа в научных целях, как, например, это показано в статье С.А. Советова «Ледяные горы в Северном Атлантическом океане», который так описывает свой метод: «делать наблюдения над плавающими в этих водах ледяными горами и сообщать (...) сведения по радиотелеграфу» (*Природа*, 1915, №9: 1149). В обзоре «Азия» С. Григорьева, опубликованном в разделе «Географические известия», говорится: «Вскоре по прибытии удалось с помощью взятого с собой радиотелеграфного аппарата вступить в сношения с г. Лагором в Индостане. Так как при этом обнаружилось, что высокие горные цепи не являются препятствием для беспроволочной телеграфии, то экспедиция не только все время пребывания в Скарду переговаривалась с Лагором, но главным образом пользовалась радиотелеграфом по заранее намеченному плану для различных научных целей, напр., для сравнения времен и т. д. <...> здесь пришлось пробыть до 4-го марта, производя наблюдения и обмениваясь радиотелеграммами с Лагором» (*Природа*, 1915, №11: 1445-1446).

Читателям журнала постоянно сообщается об использовании радиотелеграфии при коммуникациях между научными экспедициями по Северному Ледовитому океану и полярными станциями: «Судя по известиям, полученным радиотелеграфной станцией в Югорском шаре, на этот раз ледоколам удалось исполнить намеченную задачу: установлены размеры и очертания з. Имп. Николая II, а 10-го авг. удалось миновать м. Челюскин, т.-е. пройти самую трудную часть северо-восточного прохода <...> с парохода “Колыма”, который последние годы по стопам “Таймыра” и “Вайгача” благополучно совершал рейсы в устье реки Колымы, получена радиотелеграмма, что благодаря рано наступившим холодам с сильными морозами океан замерз и “Колыма” вмерзла в лед восточнее мыса Северного» (*Природа*, 1915, №1: 325); «У Вайгача “Андромеда” встретилась с пароходом “Василий Великий”, на котором ехала экспедиция для устройства радиотелеграфной станции» (*Природа*, 1915, № 4: 611); «“Герта” стояла еще в Александровске на Мурмане, когда получила радиотелеграмму “Андромеды” с Вайгача <...> несколько раньше возвратилась “Герта”, получившая из Архангельска по радиотелеграфу известие» (*Природа*, 1915, №4: 612); «в ноябре и декабре были по радиотелеграфу получены в Югорском Шаре, а затем и в Архангельске известия, что “Эклипс” зимует недалеко от Таймырского п-ова и состоит по радиотелеграфу в сношениях с “Таймыром” и “Вайгачем” Вильницкого» (*Природа*, 1915, №4: 614); «он [Свердруп] совершил на поиски Русанова санную поездку по льду, захватив с собой радиотелеграфный аппарат для постоянных сношений с оставшимися на судне» (*Природа*, 1915, №11: 1443); «Издredка путешественники давали о себе знать по радиотелеграфу» (*Природа*, 1915, №11: 1445); «кап. Вилькицкий по радиотелеграфу вступил в сношения со Свердрупом (корабль которого находился на зимовке по соседству у м. Шпеллинга) <...> пароход “Туруханск”, на котором ехала вспомогательная экспедиция под начальством участника Седовской экспедиции врача П.Г. Кушакова, ведя с собой на буксире специально приспособленный для полярной экспедиции и снабженный радиотелеграфным аппаратом лихтер “Корреспондент”: дело в том, что летом район деятельности станций беспроволочного телеграфа сокращается, и с наступлением теплой погоды сношения судов с радиотелеграфной станцией в Югорском шаре <...> [лихтер] “Корреспондент” должен был, устроившись где-нибудь в защищенной бухте простоять до конца навигации, играя роль радиотелеграфной станции. <...> Кушаков приспособил привезенные с собой дома для зимовки, выгрузил радио-телегр. станцию и, оставив на о-ве уголь и провизию, с казенным пароходом возвратился в Красноярск. <...> зимовка с долгой полярной ночью тянулась томительно, разнообразясь только прогулками, охотой на подхлывших к судам белых медведей (убито около 40)

да изредка приходившими по радиотелеграфу известиями о войне <...> “Таймыр” сел на мель, и только с помощью “Вайгача”, который подозвали по радиотелеграфу, удалось благополучно сняться» (Природа, 1915, №12: 1560-1561).

В первом номере журнала выпуска 1916 года в статье «Чукотский полуостров и уроки Аляски» Д. Зика «радиотелеграфная станция» (Природа, 1916, № 1: 68) описывается как объект инфраструктуры, жизненно необходимый для развития территорий. Но, как указывает автор, данная стратегия не была реализована. Часто в выпусках журнала 1916 года упоминаются уже существующие «радиотелеграфные станции» (Природа, 1916, №11: 1345) на Обской губе, острове Диксон, которые связаны с радиостанцией Николаевской физической обсерватории, и уже упомянутый ранее Югорский Шар. А также говорится о планах создания радиотелеграфных станций на Маточкином Шаре, на Новой Земле и на острове Белом.

С точки зрения развития науки концепт «радио» анализируется в аспекте изучения природы электромагнитных волн, где о радиоволнах говорится следующим образом: «излучения, доставляющие нам радиотелеграммы» (Природа, 1916, № 5-6: 531) и «волны, испускаемые радиотелеграфными станциями» (Природа, 1916, № 5-6: 558).

В целом было 8 упоминаний о радио в выпусках журнала за 1916 год. Их содержательный анализ показывает, что использование радио в Российской империи развивается стремительно, и все больше радиостанций появляется на территориях Крайнего Севера империи. Анализ публикаций позволяет сделать вывод о том, что этот период истории радио в нашей стране связан с миссией освоения труднодоступных и сложных в климатическом и ландшафтном отношении земель. Авторы подчеркивают, что единственным и эффективным видом связи между северными экспедициями и людьми, которые несут за них ответственность, является радиотелефония.

Важно отметить, что на страницах журнала «Природа» использование концепта «радио» и его производных происходит как в научном контексте в виде описания природы разных волн, в том числе и радиоволн, так и в техническом аспекте в форме описания механизмов работы этих радиоволн и их прикладного использования в технологиях связи.

5. Заключение

Количественное использование концепта «радио» и его производных в отношении к применению и развитию беспроводной телеграфной сети в проанализированных выпусках журнала «Природа» за 1912–1916 гг. встречается: в 1912 году 4 раза, в 1913 году 9 раз, в 1914 году 4 раза, в 1915 году 48 раз и в 1916 году 8 раз. Всего данный концепт встречается в анализируемых источниках 73 раза.

Значительное количество упоминаний концепта «радио» и его производных в журнале «Природа» связано с научными изысканиями и открытиями в области химии, медицины, что не относится к предмету изучения настоящего исследования. Использование этого концепта в анализируемых исторических источниках зачастую связано с конкретной российской территорией и определяется процессами развития инфраструктуры радиосвязи в Российской империи и других странах.

Регулярно публикуются сведения об использовании радиотелеграфа в научных целях, а также об использовании радиотелеграфии при сообщениях между научными экспедициями, передвигающимися по Северному Ледовитому океану, и полярными станциями. Большое количество упоминаний в данном контексте свидетельствует о значительном внимании ученых и инженеров Российской империи к развитию связи на Севере в рамках исследований стратегически важных для государства северных и арктических территорий России. В 1912–1916 годах радио как технология связи находится в самом начале своей истории, но при этом в Российской империи активно развивается соответствующая инфраструктура в виде радиотелеграфных станций, о чем постоянно сообщается на страницах журнала «Природа».

Концепт «радио» и его производные встречаются в виде сложных существительных, сложных прилагательных, образованных при помощи объединения двух основ (например радиотелеграф, радиотелеграфный, радиотелеграфия), где дается описание технологии способов связи. В первом случае «радио» используется в значении беспроводной связи, во втором – в контексте передачи именно текстовой информации. Таким образом, в русский язык вводятся новые научно-технические термины, которые еще совсем недавно в нем отсутствовали.

С 1914 года в журнальных статьях как исторических источниках фиксируется и нарастает значение радиотелеграфии для ее применения в военных целях, а также описываются актуальные для того времени исследования, связанные с усовершенствованием данного вида связи. «Радио» в качестве новаторского способа связи быстрее любых других способов связи оценивается положительно как для развития науки и техники, исследования геополитических важных территорий и инфраструктуры, так и для статистической сверки и учета природных данных и международного обмена этой значимой для развития науки информацией.

Проведенный анализ позволил зафиксировать новые сведения об истории радиосвязи в Российской империи и указать на значимость радио для развития истории освоения российского Крайнего Севера, истории межконтинентальных коммуникаций, истории международного научного

сотрудничества. Резкое увеличение описаний радио в изданиях журнала «Природа» 1915 года связано с использованием радио для военных целей.

Таким образом, опираясь на источники публикаций в журнале «Природа» 1912–1916 гг. можно сделать вывод о том, что Российская империя этого исторического периода активно осваивает и развивает наиболее новаторские научно-технические открытия, к которым относится радио, преобразуя научные открытия радиоволн в технологии связи как на территории империи, так и для создания качественной связи с северными экспедициями и международного обмена научными данными не только с ближними государствами, но и отдаленными континентами.

Литература

- Ахиезер 1974** – Ахиезер А.С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М., 1974. 310 с.
- Белов, 1983** – Белов А.И. История военной связи. Т. 1. М., 1983. 384 с.
- Берг, 1945** – Берг А.И. Изобретение радио А. С. Поповым. Сборник документов и материалов. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1945. 309 с.
- Берг, Радовский, 1948** – Берг А.И., Радовский М.И. Изобретатель радио А. С. Попов. М.–Л.: изд-во и тип. Госэнергоиздата. 1948. 136 с.
- Биккенин, Глущенко, 1999** – Биккенин Р.Р., Глущенко А.А. Службе связи ВМФ – 90 лет // *Морской сборник*. 1999. № 12.
- Богуславский, 1949** – Богуславский Г.А. А. С. Попов и адмирал С. О. Макаров // *Электричество*. 1949. № 12.
- Бренев, 1965** – Бренев И.В. Изобретение радио А. С. Поповым. М.: Советское радио. 1965. 112 с.
- Бренев, 1970** – Бренев И.В. Начало радиотехники в России. М.: Советское радио. 1970.
- Васильев, 1959** – Васильев А.М. А. С. Попов и современная радиосвязь. М., 1959. 32 с.
- Герасимов, Пилипенко, 1996** – Герасимов С. М., Пилипенко А. В. "Изобретение радио": как это понимать // *Радиотехника*. 1995. № 4 (5). С. 39-41.
- Глущенко, 2005** – Глущенко А.А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900–1917 гг.). СПб.: ВМИРЭ. 2005. 719 с.
- Гребенников, 2018** – Гребенников В.В. Радиоразведка России. Перехват информации // *Издательские решения*. 2018. 270 с.
- Гуляев, 1995** – Гуляев Ю.В. 100 лет радио // *Радиотехника*. 1995. № 4/5.
- Карпов, 2008** – Карпов Е. А. Открытие радио – великое достижение российской научной мысли // *Электросвязь*. 2008. № 4. С. 2-7.
- Кикнадзе, 2017** – Кикнадзе В.Г. Развитие радиоразведки отечественного Военно-Морского Флота в первой половине XX в // *Вопросы истории*. 2017. № 12. С. 47-60.
- Коваленко, Стрелов, 1997** – Коваленко Ю. Я., Стрелов А. Б. У истоков радиосвязи. СПб., 1997. 158 с.
- Корнилова, 1992** – Корнилова В.В. Из редакционной почты // *Природа*. 1992. № 9. С. 56-57.
- Крылов, 1950** – Крылов С.Б. Международно-правовое регулирование радиосвязи и радиовещания. М., 1950. 372 с.
- Михайлов, 2008** – Михайлов В. А. Научно-исследовательский институт "Вектор" – старейшее радиотехническое предприятие России. 1908–2008 гг. СПб., 2008.
- Омелик, 2023** – Омелик А.А. Трансформации визуального искусства под влиянием искусственного интеллекта // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7. № 2. С. 126-132.
- Очерки истории..., 1975** – Очерки истории техники в России (1861–1917). М., 1975. 393 с.
- Пересыпкин, 1946** – Пересыпкин И.Т. Радио на службе обороны страны. М., 1946. 64 с.
- Пиков, 2022** – Пиков, Н. О. Репрезентация культурного наследия: современные подходы // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6. № 1. С. 174-186.
- Поляк и др., 1945** – Поляк Н.Ю., Адамский В.К., Павлов Б.Н., Виткевич В.В. История радиосвязи Военно-морского флота Союза ССР // *Бюллетень связи ВМФ*. М.–Л. 1945. № 6/7.
- Природа, 1912** – Журнал «Природа» 1912 года издания. М., 1912.
- Природа, 1913** – Журнал «Природа» 1913 года издания. М., 1913.
- Природа, 1914** – Журнал «Природа» 1914 года издания. М., 1914.
- Природа, 1915** – Журнал «Природа» 1915 года издания. М., 1915.
- Природа, 1916** – Журнал «Природа» 1916 года издания. М., 1916.
- Родионов, 1985** – Родионов В.М. Зарождение радиотехники. М., 1985.
- Сергеева, 2023** – Сергеева Н.А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7. № 2. С. 108-115.
- Тележный, 2002** – Тележный Б.Г. Развитие радиосвязи в российской армии в период русско-японской и Первой мировой войн // *Электросвязь*. 2002.
- Яхнин, 2009** – Яхнин В. Г. Открытие радио великим русским ученым А.С. Поповым – гордость России // *Вестник Самарского отраслевого научно-исследовательского института радио*. 2009. № 2. С. 91-94.

[Avdeeva et al., 2020](#) – Avdeeva Yu. N., Degtyarenko K. A., Kolesnik M. A. et al. Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 838-859.

[Koptseva et al., 2021](#) – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Y.N. The Journal "Cine-phonon" as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2043-2052.

[Koptseva, Seredkina, 2021](#) – Koptseva N.P., Seredkina N.N. The Journal "North" (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16 (1): 343-356.

[Koptseva, Sitnikova, 2019](#) – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. 32: 47-74.

[Koptseva, Zamaraeva, 2023](#) – Koptseva N.P., Zamaraeva Y.S. Techno-Futurism in Contemporary Social Studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2023. 16(3): 494-504.

[Sertakova et al., 2023](#) – Sertakova E.A., Kolesnik M.A., Omelik A.A. The image of scientific and technological progress in the fine art of Pavel Filonov // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2023. 16(4): 594-607.

References

[Ahiezer 1974](#) – Ahiezer, A.S. (1974). Nauchno-tehnicheskaya revolyuciya i nekotorye social'nye problemy proizvodstva i upravleniya [Scientific and technical revolution and some social problems of production and management]. M., 310 p. [in Russian]

[Belov, 1983](#) – Belov, A.I. (1983). Istoriya voennoj svyazi [History of military communications]. 1. M.: Voennoe izdatel'stvo, 384 p. [in Russian]

[Berg, 1945](#) – Berg, A.I. (1945). Izobretenie radio A. S. Popovym [The invention of radio by A. S. Popov]. *Sbornik dokumentov i materialov*. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 309 p. [in Russian]

[Berg, Radovskij, 1948](#) – Berg, A.I., Radovskij, M.I. (1948). Izobretatel' radio A. S. Popov [Inventor of radio A. S. Popov]. M.–L.: izd-vo i tip. Gosenergoizdata. 136 p. [in Russian]

[Bikkenin, Glushchenko, 1999](#) – Bikkenin, R.R., Glushchenko, A.A. (1999). Sluzhbe svyazi VMF – 90 let [The Communications Service of the Navy is 90 years old]. 12. [in Russian]

[Boguslavskij, 1949](#) – Boguslavskij, G.A. (1949). A. S. Popov i admiral S. O. Makarov [A. S. Popov and Admiral S. O. Makarov]. *Elektrichestvo*. 12. [in Russian]

[Brenev, 1965](#) – Brenev, I.V. (1965). Izobretenie radio A. S. Popovym [The invention of radio by A. S. Popov]. M.: Sovetskoe radio, 112 p. [in Russian]

[Brenev, 1970](#) – Brenev, I.V. (1970). Nachalo radiotekhniki v Rossii [Beginning of radio engineering in Russia]. M.: Sovetskoe radio, 256 p.

[Vasil'ev, 1959](#) – Vasil'ev, A.M. (1959). A. S. Popov i sovremennaya radiosvyaz' [A. S. Popov and modern radio communications]. M., 32 p. [in Russian]

[Gerasimov, Pilipenko, 1995](#) – Gerasimov, S.M., Pilipenko, A.V. (1995). "Izobretenie radio": kak eto ponimat' ["The invention of radio": how to understand it]. *Radiotekhnika*. 4 (5): 39-41. [in Russian]

[Glushchenko, 2005](#) – Glushchenko, A.A. (2005). Mesto i rol' radiosvyazi v modernizacii Rossii (1900–1917 gg.) [The place and role of radio communications in the modernization of Russia (1900–1917)]. SPb.: VMIRE. 719 p. [in Russian]

[Grebennikov, 2018](#) – Grebennikov, V.V. (2018). Radiorazvedka Rossii. Perekhvat informacii [Russian radio intelligence. Interception of information]. *Izdatel'skie resheniya*. 270 p. [in Russian]

[Gulyaev, 1995](#) – Gulyaev, Y.V. (1995). 100 let radio [100 years of radio]. *Radiotekhnika*. 4(5). [in Russian]

[Karpov, 2008](#) – Karpov, E.A. (2008). Otkrytie radio – velikoe dostizhenie rossijskoj nauchnoj mysli [The discovery of radio is a great achievement of Russian scientific thought]. *Elektrosvyaz'*. 4: 2-7. [in Russian]

[Kiknadze, 2017](#) – Kiknadze, V.G. (2017). Razvitie radiorazvedki otechestvennogo Voenno-Morskogo Flota v pervoj polovine XX v [The development of radio intelligence of the domestic Navy in the first half of the 20th century]. *Voprosy istorii*. 12: 47-60. [in Russian]

[Kornilova, 1992](#) – Kornilova, V.V. (1992). Iz redakcionnoj pochty [From edit post]. *Priroda*. 9: 56-57. [in Russian]

[Kovalenko, Strelou, 1997](#) – Kovalenko, Yu. YA., Strelou, A.B. (1997). U istokov radiosvyazi [At the origins of radio communication]. SPb., 158 p. [in Russian]

[Krylov, 1950](#) – Krylov, S.B. (1950). Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie radiosvyazi i radioveshchaniya [International legal regulation of radio communications and broadcasting]. M., 372 p. [in Russian]

[Mihajlov, 2008](#) – Mihajlov, V.A. (2008). Nauchno-issledovatel'skij institut "Vektor" – starejshee radiotekhnicheskoe predpriyatie Rossii. 1908–2008 gg. [Research Institute "Vector" is the oldest radio engineering enterprise in Russia. 1908–2008]. SPb. [in Russian]

- [Omelik, 2023](#) – *Omelik, A.A. (2023). Transformacii vizual'nogo iskusstva pod vliyaniem iskusstvennogo intellekta [Transformations of visual art under the influence of artificial intelligence]. Severnye Arhivy i Ekspedicii. 7 (2): 126-132. [in Russian]*
- [Ocherki istorii..., 1975](#) – *Ocherki istorii tekhniki v Rossii (1861–1917) (1975). [Essays on the history of technology in Russia]. M. 393 p. [in Russian]*
- [Peresyupkin, 1946](#) – *Peresyupkin, I.T. (1946). Radio na sluzhbe oborony strany [Radio in the service of the country's defense]. M., 64 p. [in Russian]*
- [Pikov, 2022](#) – *Pikov, N.O. (2022). Reprezentaciya kul'turnogo naslediya: sovremennyye podhody [Representation of cultural heritage: modern approaches]. Severnye arhivy i ekspedicii. 6(1): 174-186. [in Russian]*
- [Polyak i dr., 1945](#) – *Polyak, N.Yu., Adamskij, V.K., Pavlov, B.N., Vitkevich, V.V. (1945). Istoriya radiosvyazi Voenno-morskogo flota Soyuza SSR [History of radio communications of the Navy of the USSR]. Byulleten' svyazi VMF. M.–L. (6/7). [in Russian]*
- [Priroda, 1912](#) – *Zhurnal «Priroda» 1912 goda izdaniya [The journal "Nature" published in 1912]. Moscow, 1912. [in Russian]*
- [Priroda, 1913](#) – *Zhurnal «Priroda» 1913 goda izdaniya [The journal "Nature" published in 1912]. Moscow, 1913. [in Russian]*
- [Priroda, 1914](#) – *Zhurnal «Priroda» 1914 goda izdaniya [The journal "Nature" published in 1912]. Moscow, 1914. [in Russian]*
- [Priroda, 1915](#) – *Zhurnal «Priroda» 1915 goda izdaniya [The journal "Nature" published in 1912]. Moscow, 1915. [in Russian]*
- [Priroda, 1916](#) – *Zhurnal «Priroda» 1916 goda izdaniya [The journal "Nature" published in 1912]. Moscow, 1916. [in Russian]*
- [Rodionov, 1985](#) – *Rodionov, V.M. (1985). Zarozhdenie radiotekhniki [The origin of radio engineering]. M. 243 p. [in Russian]*
- [Sergeeva, 2023](#) – *Sergeeva, N.A. (2023). Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of "visuality" in modern theory and history of art]. Severnye arhivy i ekspedicii. 7(2): 108-115. [in Russian]*
- [Telezhnyj, 2002](#) – *Telezhnyj, B.G. (2002). Razvitie radiosvyazi v rossijskoj armii v period russko-yaponskoj i Pervoj mirovoj vojn [The development of radio communications in the Russian army during the Russo-Japanese and World War I]. Elektrosvyaz'. [in Russian]*
- [Yahnin, 2009](#) – *Yahnin, V. G. (2009). Otkrytie radio velikim russkim uchenym A.S. Popovym – gordost' Rossii [The discovery of the radio of the great Russian scientists A.S. Popov – the pride of Russia]. Vestnik Samarskogo otraslevogo nauchno-issledovatel'skogo instituta radio. (2): 91-94. [in Russian]*
- [Avdeeva et al., 2020](#) – *Avdeeva, Yu.N., Degtyarenko, K.A., Kolesnik, M.A. et al. (2020). Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 13(6): 838-859.*
- [Koptseva et al., 2021](#) – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Y.N. (2021). The Journal "Cine-phono" as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916. Bylye Gody. 16(4): 2043-2052.*
- [Koptseva, Seredkina, 2021](#) – *Koptseva, N.P., Seredkina, N.N. (2021). The Journal "North" (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. Bylye Gody. 16 (1): 343-356.*
- [Koptseva, Sitnikova, 2019](#) – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique. (32): 47-74.*
- [Koptseva, Zamaraeva, 2023](#) – *Koptseva, N.P., Zamaraeva, Y.S. (2023). Techno-Futurism in Contemporary Social Studies. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 16(3): 494-504.*
- [Sertakova, et al., 2023](#) – *Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A., Omelik, A.A. (2023). The image of scientific and technological progress in the fine art of Pavel Filonov. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 16(4): 594-607.*

Радио в Российской империи по материалам журнала «Природа» (1912–1916 гг.)

Наталья Петровна Кошцева^{a, *}, Ксения Александровна Дегтяренко^a, Анна Андреевна Шпак^a, Юлия Николаевна Менжуренко^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Кошцева), akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко), annaheyy@gmail.com (А.А. Шпак), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко)

Аннотация. Данная статья представляет собой источниковедческий анализ статей ежемесячного журнала «Природа», опубликованных в Российской Империи в период с 1912 по 1916 гг. Речь идет о первом этапе истории радиосвязи в нашей стране. В 1912-1916 гг. процесс развития радио направлен в основном не на усовершенствование технологии, а на ее распространение, что оказалось очень важным для освоения Российской Арктической зоны, иных обширных и труднопроходимых территорий. Главная цель исследования заключается в изучении концепта «радио» и его производных в периодическом научном издании – журнале «Природа» с помощью качественно-количественного метода контент-анализа, а также в реконструкции истории радио как элемента истории науки и техники Российской империи в начале XX века. Уделяется особое внимание использованию радиотелеграфа в научных экспедициях, в частности в северных и арктических регионах. Подчеркивается важность радио технологий как средства беспроводной связи и передачи текстовой информации. Анализируется потенциал радио для стремительного развития науки и техники в Российской империи, в том числе, в военные годы Первой мировой войны.

История развития радио, отраженная в таких специфических исторических источниках, как научные и научно-популярные статьи журнала «Природа» показывает, что ученые и инженеры Российской империи в короткие сроки превращали научные открытия в технологии, которые способствовали развитию территорий, территориальных связей, межконтинентальных сообщений, международному обмену научно значимой информацией. Рост количества упоминаний о радиотелефонии в 1915 году был связан с научным анализом значения радио в военных целях.

Ключевые слова: радио, радиотелеграф, радиотелеграфия, беспроводный телеграф, Российская империя, журнал «Природа».

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1486-1494
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1486

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Lyalya: Timber Industry Technologies and Innovations at the beginning of the XX century

Ivan V. Zykin ^{a,*}

^a Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russian Federation

Abstract

In the Russian Empire, the course of modernization processes was closely connected with the penetration of new technologies. In particular, this concerned the timber industry, which has been actively developing since the second half of the XIX century. On the example of the joint-stock company of the Nicolae-Pavdinsky Mountain District (Northern Urals) – one of the largest timber companies of the Russian Empire at the beginning of the XX century – it is shown how technology was borrowed.

Materials from regional and central archives have been put into circulation: contracts, correspondence with machine-building firms, trading houses; letters and reports from engineers, management of the administration of the Nicolae-Pavdinsky Mountain District.

It was revealed that the management board of the joint-stock company was interested in the implementation of integrated forest management, the development of deep processing of wood. A large project was a paper mill at the Lyalya station. The involvement of reputable experts in the field of pulp and paper production, production of charcoal contributed to the development of domestic innovations, the dissemination of knowledge about certain aspects of forestry activities. The stimulating role was played by the First World War, the loss by the Russian Empire of part of the western territories where pulp and paper enterprises were located. Extensive correspondence with machine-building plants, trading houses testifies to the desire of the board of the joint-stock company, engineers to establish long-term cooperation with enterprises to obtain the necessary equipment. This was especially evident when ordering paper machines and additional equipment for them. An important role was played by foreign business trips of specialists. It was not possible to implement all the projects due to the revolutionary events and the sharp deterioration of the economic and political situation in the country at the end of 1917.

Keywords: forest industry, technologies, innovations, actors, diffusion, Northern Urals, Nicolae-Pavdinsky mountain district.

1. Введение

Модернизационные процессы в России в XVIII – начале XX вв., протекавшие в связи с военно-технологическими, экономическими, социально-культурными вызовами Нового времени, сопровождались заимствованиями технических, социальных инноваций из центров их выработки (Западная, Центральная и Северная Европа, позднее – Северная Америка). В системе приоритетов власти особое место занимала лесная отрасль, функционал которой был обширен, но ключевые задачи составляли заготовки древесины для кораблестроения и обеспечения топливом металлургических заводов.

Во второй половине XIX – начале XX вв. активное железнодорожное строительство, рост потребностей в древесине на внутреннем рынке и экспорта лесных материалов стимулировало развитие лесопромышленного производства (Кафенгауз, 1994: 517, 549; Ляндау, 1925: 42). Однако в части техники и технологий имелось существенное отставание от стран Скандинавии, Центральной

* Corresponding author

E-mail addresses: zivverh@mail.ru (I.V. Zykin)

Европы и Северной Америки, которыми к началу XX в. был накоплен большой опыт как конструирования и производстве оборудования для предприятий, так и в разработке новых видов продукции. В России же механизация сферы заготовки древесины, внедрение передовых целлюлозно-бумажных, лесохимических технологий осуществлялись фрагментарно (противовесом являлся положительный опыт Финляндии), как правило, в порядке частной инициативы (см., напр.: Чернов, 1998). С другой стороны, из-за слабого уровня развития целлюлозно-бумажной отрасли Россия импортировала целлюлозу, бумагу и бумажные изделия. В 1913 г. было ввезено 128,8 тыс. т. бумаги и бумажных изделий (около 45 % от объема их производства в стране) (Социалистическое..., 1935: 581). На этом фоне началось освоение лесных массивов и строительство предприятий на Европейском Севере и Урале. Основной вклад в данный процесс внесли отечественные предприниматели (Струмилин, 1936: 42).

В начале XX в. в слабо освоенном пространстве Николае-Павдинского горного округа на Северном Урале, обладавшего крупными запасами леса (массивы Среднего Урала, где концентрировались металлургические предприятия, активно эксплуатировались с начала XVIII в.), был реализован масштабный проект в области освоения лесов, первый в своем роде в восточных районах Российской империи. Лесная промышленность стала играть ведущую роль (наряду с этим осуществлялась добыча драгоценных металлов), здесь возникли крупнейшие и передовые для своего времени предприятия по механической обработке и глубокой переработке древесины.

2. Материалы и методы

Заимствованные акционерным обществом Николае-Павдинского округа и разработанные на месте технологии и новации являются частью индустриального наследия (более широко – историко-культурного наследия) и представляют значимый сюжет экономической истории, истории предпринимательства: как отечественного, так и зарубежного.

Материалы об акционерном обществе Николае-Павдинского горного округа (существовало с 1912 по 1918 гг.) сосредоточены в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Свердловской области и Архивном отделе администрации Серовского городского округа. В научный оборот введена лишь малая часть материалов. Изучение переписки правления акционерного общества, управления горного округа с машиностроительными фирмами, заключенных договоров, писем инженеров позволит установить значимость и перспективность внедренных технологий для российской лесной промышленности.

Диффузионистский подход (Диффузия..., 2011: 35–38; Rogers, 2003) позволяет выявить основные условия и механизмы импульсов (внутренних, внешних), которые обуславливали институционально-политическое, социально-экономическое и социокультурное развитие стран. При исследовании темы заимствования, освоения и производства инноваций нельзя обойти вниманием роль акторов (Акторы..., 2016), состав которых в имперский период отечественной истории был разнообразным. Применительно к лесной промышленности следует особо отметить деятельность предпринимателей, интеллигенции, приглашенных специалистов и профессиональных обществ.

3. Обсуждение

На фоне многих обстоятельных трудов о развитии экономики Российской империи в начале XX в. (Кафенгауз, 1994; Китанина, 2016; Маевский, 1957; Миронов, 2017; Поткина, 2022; Россия..., 2017; Gatrell, 1986; The Economic Transformation..., 1993) и ряда научных и научно-популярных работ об истории лесной промышленности (Истомина, 2019; История целлюлозно-бумажной..., 2009; Шегельман, 2008; Algreve, 1966) (в том числе Урала (История развития..., 1997; Леса Урала..., 1948; Петров, 1952)) следует отметить концептуальные публикации, посвященные проникновению европейских инноваций в Россию в имперский период (Алексеева, 2007; Шенк, 2010). Научное представление об экономической деятельности на территории Николае-Павдинского горного округа (помимо этого, имеются краеведческие работы) было сформировано только в последние годы (Барышников, 2015; Рукосуев, 2012).

В связи со слабой изученностью темы проникновения технологий и производства инноваций в лесной промышленности, обращение к ней представляется актуальным для более глубокого осмысления истории отрасли и экономики Российской империи.

4. Результаты

За 15 лет с момента приобретения в 1902 г. астраханским рыбопромышленником К.П. Воробьевым Николае-Павдинского горного округа с целью освоения лесных ресурсов здесь были проложены железные дороги, осуществлено лесоустройство, построены предприятия по механической обработке и глубокой переработке древесины. Положительными факторами стали обнаружение и начало добычи золота и платины, переселенческая политика российского правительства.

После смерти К.П. Воробьева в 1908 г. его наследники (вдова, сын и шесть дочерей) продолжили экономическую деятельность на территории горного округа и в 1912 г. стали

учредителями акционерного общества (АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 41-41об.), собственниками которого стали акционеры Русско-Английского банка. Акционерное общество вошло в число крупнейших лесопромышленных фирм Российской империи (с третьим по величине уставным капиталом) (Барышников 2015: 41-42, 44, 46-47). Изучение состава правления акционерного общества Николае-Павдинского горного округа показало, что среди его членов находились авторитетные экономисты, финансисты, в том числе знатоки лесопромышленного дела – Е.Ф. Давыдов (был приглашен на должность председателя правления), Г.О. Бененсон. Ими двигало не только желание получить прибыль от эксплуатации природных богатств округа, но и стремление развивать там транспортную, производственную инфраструктуру, поселенческую сеть. То есть речь шла о комплексном освоении территории на долгосрочную перспективу.

В первый год деятельности правление занялось планированием, среди задач которого выделялась рационализация пользования ресурсами, особенно в лесной отрасли. По железным дорогам лесоматериалы должны были отправляться в Поволжье и Среднюю Азию, в Западную Сибирь, а также продаваться на местном рынке и экспортироваться (Акционерное..., 1913: 3-4). В ходе лесоустройства в горном округе были установлены 4 хозяйственных единицы. Одна из них – балансовая для заготовки около 67 тыс. м³ для бумажной фабрики (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 46. Л. 3-3об.).

К действовавшему с 1909 г. Лобвинскому 7-рамному лесопильному заводу добавилось в 1913 г. 5-рамное предприятие у ст. Ляля, а в годы войны – ящичный завод. Главным делом акционерного общества стало сооружение бумажной фабрики у ст. Ляля. Оберточная бумага, полученная посредством переработки отходов лесопиления и елового леса, должна была реализовываться на Урале, в Сибири и Поволжье, отправляться на экспорт, благодаря чему достигалась быстрая окупаемость инвестиций (Акционерное..., 1913: 9-10). Новое предприятие (мощность 500 тыс. пудов или 8,2 тыс. т продукции) могло потеснить финских производителей, имевших в Поволжье и Урало-Сибирском регионе крепкие позиции.

Для оснащения Лялинской бумажной фабрики правление акционерного общества заключило 19 марта 1913 г. договор с американской фирмой «Пуссей и Джонс» (Уилмингтон, штат Делавэр) на изготовление машины для выпуска бурой оберточной бумаги со скоростью хода 180 м в минуту (стоимостью 54700 долларов). Гарантийный срок оборудования равнялся 12 месяцев, на поставщика налагались солидные обязательства по исправлению выявленных дефектов. Не позже 15 августа 1913 г. (по старому стилю) агрегат должны были доставить на пристань Нью-Йорка или Филадельфии. Приглашенный поставщиком инженер отвечал за доставку и установку машины (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 9. Л. 7-8). При этом уже в ходе эксплуатации бумагоделательной машины выяснилось, что ее производительность была выше заявленной проектом (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 35. Л. 4-5).

Часть оборудования (главным образом моторы для бумагоделательной машины и каландры), выполнявшаяся иностранными фирмами, не была поставлена в определенные договорными сроками, и бумажная фабрика с одной машиной, корообдирочным и дефибрерным отделениями начала работать в сентябре 1914 г., на три месяца позже намечавшего пуска. Это было единственное из шести бумажных и картонных предприятий на Урале, снабжавшее производство собственными полуфабрикатами. Фабрика, будучи обеспечена заказами, достигла проектной мощности спустя два месяца (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 3-3об.). Несмотря на трудности приобретения за границей сеток, сукон, маншонов и других предметов, необходимых для производства бумаги, в 1914/1915 г. предприятие работало почти непрерывно (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 35. Л. 4).

Наибольший объем бумаги был изготовлен в 1914/1915 г. – 5,3 тыс. т. В следующем операционном году в связи с закрытием рынков сбыта и трудностями получения комплектующих объем производства снизился до 3,5 тыс. т. В 1916/1917 г. к числу факторов, негативно повлиявших на работу предприятия, добавился пожар на силовой станции. Выпуск бумаги составил 1,7 тыс. т. (АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 35об.-39, 42-42об.). Тем не менее продажа бумаги приносила существенные прибыли, а вместе с лесными товарами обеспечила, например, в 1915/1916 г. 44,2 % чистой прибыли акционерного общества (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 25. Л. 20б., 6, 70б., 9; Д. 46. Л. 40б.).

В связи с прекращением работы некоторых целлюлозно-бумажных производств в западных районах империи функционирование фабрики на Урале давало преимущества. Поскольку в Финляндии в это время велось строительство новых предприятий, правление акционерного общества Николае-Павдинского горного округа решило расширить производство на Лялинской фабрике. Планировалось выпускать культурные сорта бумаги, организовать изготовление полуфабрикатов, побочных товаров (канифоли, скипидара). Ожидаемая прибыль равнялась 4 млн. руб. (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 46. Л. 4-5). Как видно, правление общества и руководство горного округа развивали дело в сторону комплексной переработки древесины.

Большая заслуга в продвижении проекта расширения бумажной фабрики принадлежала приглашенному в 1913 г. для строительства и эксплуатации предприятия финскому инженеру К.К. Бергстрему (приехал на Северный Урал с группой финских специалистов). Он проявил себя также как химик: создал фабричную лабораторию и по результатам анализа экономической ситуации и практических опытов считал, что после войны сохранятся высокий спрос и высокие цены на

масленку, газетную и альбомную бумагу. К. Бергстрем рассчитывал, что внедрение передовых технологий бумажного, канифольного и скипидарного производства обеспечит высокое качество и, соответственно, более высокую стоимость продукции на рынках сбыта (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20. Л. 21-22об., 41-42). В случае принятия правлением акционерного общества проекта на ст. Ляля возникал первый в регионе лесопромышленный комбинат полного цикла. В 1917 г. основным проектом акционерного общества стало строительство целлюлозного и канифольного заводов на ст. Ляля.

Обширная переписка правления акционерного общества с российскими и зарубежными техническими конторами, фабриками и торговыми домами по вопросам приобретения оборудования показывает, как актуальные для своего времени лесопромышленные технологии проникали и осваивались на Урале, где глубокая переработка древесины была развита слабо.

Так, фабрике технических аппаратов «Луи Шоппер» (Лейпциг, Германия) был сделан заказ на изготовление лабораторных приборов в количестве 20 единиц на сумму более 2 тыс. руб. (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 18. Л. 11). Тесные торговые отношения сложились у правления акционерного общества с конторой по выписке всех принадлежностей для писчебумажного, картонного и обойного производства «Л. Ф. Вунш» (Москва). В ноябре-декабре 1913 г. эта фирма выполняла заказы по поставке на Лялинскую бумажную фабрику сукон, ремней, в январе 1914 г. был сделан заказ на поставку сеток для бумагоделательной машины (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 18. Л. 18-19, 21-23).

Вообще покупка «одежды» для бумагоделательных машин являлась актуальным мероприятием, поскольку она изготовлялась преимущественно за рубежом и требовалось создавать ее запасы на предприятии. Большую работу в этом направлении проделал заведующий бумажной фабрикой К. К. Бергстрем, авторитетный специалист в целлюлозно-бумажной отрасли. В 1914 г. он вел активную переписку с правлением акционерного общества Николае-Павдинского горного округа по вопросам приобретения товаров для предприятия: каландра (для заключительной отделки бумаги), запасных валов для бумагоделательной машины и каландров, корообдирочной машины (в качестве запасного оборудования и работы в зимний период), кохера (четвертого по счету; для удлинения времени варки древесины), голендера (для перемолки бракованной продукции), рольно-резательной машины, всасывающего ящика для бумажной машины и сукон (для более быстрого удаления воды из бумаги и сукон), фрезерного и точильного станков (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 18. Л. 82, 126, 143-144об.).

Из-за начала военных действий экстремальная ситуация могла сложиться в деле обеспечения Лялинской бумажной фабрики (как и целлюлозно-бумажной отрасли России в целом) сукнами и ситами для бумагоделательных машин. Таммерфорская суконная фабрика (Финляндия), сама зависевшая от поставок шерсти из-за границы, перестала принимать новые заказы. К. К. Бергстрем сообщал еще в августе 1914 г. правлению акционерного общества Николае-Павдинского горного округа о том, что на фабрике имелся запас сукна и ситца до февраля-марта 1915 г. и советовал заказать требовавшиеся товары в Швеции (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 18. Л. 133, 137).

12-18 февраля 1915 г. Горный округ посетил председатель правления акционерного общества Е.Ф. Давыдов. Он утвердил условно разрешенные кредиты на приобретение дополнительного оборудования для бумажной фабрики и лесопильного завода: рольно-резательной машины, двух всасывающих ящиков для сукон, корообдирочной машины, точильного станка, новых цепей и зубчатых колес для транспортеров и других товаров. Помимо этого, правление обязалось самостоятельно закупить шесть запасных валов для каландров и всасывающий ящик для бумагоделательной машины. Заведующий Лялинской бумажной фабрикой К. К. Бергстрем лично выехал в г. Ригу и Финляндию для поиска и приобретения требовавшихся рольно-резательной машины и корообдирочного станка (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 30. Л. 13-13об.). В результате корообдирочный станок был заказан механическому заводу акционерного общества «Кархула», рольно-резательная машина – шведскому Карлстадскому механическому заводу, сукна, сетки и маншоны – акционерному обществу «Лоренцен и Веттре», дефибрерные камни – фирмам Н. А. Эйе и Г. Д. Саутам, два ящика для всасывания воды – компании «Пуссей и Джонс» (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 30. Л. 16).

В период войны в условиях повышения стоимости расходных материалов заведующий Лялинской бумажной фабрикой К. К. Бергстрем озаботился поиском рационального способа клейки бумаги. В начале 1916 г. он сообщил правлению акционерного общества об изобретении новой технологии клейки бумаги, позволявшей за счет использования для получения смеси 50 % смолы и 50 % канифоли с добавлением поваренной соли и малого количества персульфата натрия удешевить изготовление продукции (РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 232. Л. 1-10б., 4-4об., 6). В марте 1916 г. управление горного округа поддержало изобретение К. К. Бергстрема и просило правление изыскать возможность приобретения охранительного свидетельства. Оно признало экономичность новой технологии и опасалось предложений заведующему фабрикой от других предпринимателей. Летом 1916 г. правление приобрело лицензию на изготовление специального клея, увеличив заведующему фабрикой ежемесячный заработок (РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 232. Л. 5-7, 12-12об.). Это позволило избавить Лялинскую бумажную фабрику от завоза (в том числе импорта) больших партий дорогостоящих расходных материалов.

После начала работы Лялинской бумажной фабрики началась разработка планов по расширению предприятия. Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа вело в начале 1914 г. переговоры с фирмой «Н. М. Латаш» (Санкт-Петербург) о подготовке сметы и спецификации на вторую бумагоделательную машину шириной 3050 мм для выработки бумаги плотностью 20–50 г/м². На ней предполагалось изготавливать тонкую оберточную бумагу. Завод «Вагнер и Ко» в лице инженера О. Кифера предложил свои услуги в этом деле а также выразил готовность организовать на Лялинской фабрике производство сульфатных мешков (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 18. Л. 58-59, 84-85). Данное направление глубокой переработки древесины сулило значительный финансовый результат, позволяя направить продукцию на внутренний рынок и на экспорт. О. Кифер был готов отправиться на Урал для подготовки сметы проекта, но начавшая война отложила грандиозные планы по расширению бумажной фабрики.

К осени 1915 г. снабжение европейских машиностроительных предприятий материалами улучшилось, что дало правлению акционерного общества повод для активизации переговоров об изготовлении и покупке оборудования для расширения бумажной фабрики на ст. Ляля. Однако акционерное общество Таммерфорской льняной и железной мануфактуры и Карлстадский механический завод (в лице посредника – фирмы «Джон М. Сумнер и Ко») соглашались принять заказ, не называя конкретных сроков его выполнения из-за больших объемов работ. При этом Таммерфорская фабрика предлагала сразу заключить договор (с предоплатой) чтобы зафиксировать цены на продукцию (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20. Л. 1, 4-5).

Конкретные действия правления акционерного общества стали возможны только в начале 1917 г. в связи с получением по итогам 1915/1916 г. крупной прибыли и реализацией планов по строительству завода сульфатной целлюлозы и расширению бумажной фабрики. 1 февраля 1917 г. правление разместило через торговый дом «Александр Аллан и Ко» (Петроград) заказ на изготовление бумагоделательной машины и всех комплектующих к ней на общую сумму 176,5 тыс. долларов. Из этой цифры 124,5 тыс. долларов приходилось на 134-дюймовую бумагоделательную машину производства американской компании «Пуссей и Джонс», 17,4 тыс. – на 130-дюймовый суперкаландр, 8,2 тыс. – на мельницу Жордана, 4,8 тыс. – на две рольно-резательные машины. Исполнителем заказа стало акционерное общество «Лоренцен и Веттре» (Христиания, Норвегия) (АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 500б.).

Вторая бумагоделательная машина для Лялинской бумажной фабрики являлась аналогом первого агрегата, построенного в 1913 г., но скорость хода была уже 200 м в минуту. Фирма «Пуссей и Джонс» должна была поставить в Нью-Йорк бумажную машину спустя 12 месяцев с момента заключения договора, остальное оборудование – в течение 8–10 месяцев (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 11. Л. 42-47, 51). Эта же фирма должна была изготовить два вращающихся щита Фойта (стоимостью 15500 долларов), снабдить запасными частями к этим щитам. Срок доставки заказа в док Нью-Йорка или Филадельфии был определен не позднее 15 февраля 1918 г. (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 11. Л. Л. 31-310б.). Однако этим планам не суждено было сбыться из-за прихода к власти большевиков, национализации предприятий, начала Гражданской войны. Не было завершено в 1917 г. и строительство целлюлозного завода. Для его оснащения был приобретен Коткинский завод в Финляндии. Однако оборудование не удалось доставить на Урал целиком. Отсутствовали 2 кохера, 4 диффузора, 2 револьверных печи для содового отделения (АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 43).

Перспективным направлением деятельности акционерного общества Николае-Павдинского горного округа считалось углежжение. Древесный уголь был востребован уральскими металлургическими предприятиями. Накануне Первой мировой войны инженер Каганов совершил по поручению правления акционерного общества заграничную поездку для изучения передовых способов углежжения и утилизации побочных продуктов и подготовил обстоятельный доклад. Специалист считал сооружение печей Аминова, получивших распространение в Швеции и позволявших утилизировать побочные продукты углежжения, несмотря на их дороговизну, делом экономически выгодным (по сравнению с печами Шварца).

Командировка продолжалась с 25 марта по 8 мая 1914 г., и уже 24 июня Каганов представил правлению отчет. За полтора месяца инженеру удалось посетить два десятка населенных пунктов в Швеции, Германии, Австро-Венгрии, познакомиться с работой заводов (за исключением немецких, на что не хватило времени), строительных фирм и функционированием рынка. Каганов признавал, что шведы за последние годы вырвались вперед в деле углежжения благодаря утилизации продуктов сухой перегонки дерева и механизации производственных процессов, и отмечал необходимость учета этих моментов в модернизации углежжения в горном округе (РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 196. Л. 17-18).

В связи с этим директор акционерного общества А.А. Борисов обратился к управлению Николае-Павдинского горного округа с просьбой подготовить заключение о перспективах углежжения в районе. Речь шла о целесообразности затрат на строительство печей системы Аминова. Управление округа, за неимением достаточного количества времени, осуществило оценку только экономической стороны развития углежжения в округе. Оно предполагало, имея возможность ежегодно заготавливать не менее 50 тыс. куб. сажень дров развивать углежжение на р. Лобве, Ляле, в районе п. Лесопильного и линии узкоколейной железной дороги.

Специалисты управления округа исключили ряд производственных факторов, идентичных для обоих типов печей, и сосредоточились на анализе стоимости оборудования, его эксплуатации, амортизации, накладных расходов и выхода продукции. С точки зрения вложений печь Аминова (91 тыс. руб.) проигрывала печам Шварца, которых нужно было установить 34 единицы (одна печь Аминова позволяла переугливать 7 тыс. куб. саженей дров в год), стоивших 27,2 тыс. руб. Другие стоимостные показатели свидетельствовали также о более дешевой эксплуатации печей Шварца. Авторам доклада прибавляло уверенности то, что уголь, вырабатывавшийся в Николае-Павдинском горном округе, не вызывал нареканий на рынке. К тому же работникам удалось довести выход угля (используя кучный способ и печи Шварца) до 3,75 короба на кубическую сажень (печь Аминова давала 3,85 короба) (РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-3). Нужно отметить, что подобные выводы были оправданы при производстве только древесного угля. Поскольку именно эту продукцию акционерное общество Николае-Павдинского горного округа рассматривало в качестве приоритетной, становится понятным скептическое отношение специалистов к печам Аминова, не получивших еще распространения в России.

По результатам поездки и поставленных опытов для углежжения были выбраны печи Шварца, которые не позволяли утилизировать продукты сухой перегонки, но являлись производительными и давали продукцию высокого качества. К тому же затраты на оборудование одной печи равнялись около 800 руб. Применение же утилизации продуктов сухой перегонки было отложено из-за дороговизны. К концу октября 1914 г. при Лобвинском лесопильном заводе количество углеобжигательных печей Шварца достигло 40. Спустя год углежжение в Николае-Павдинском горном округе еще больше расширилось. Количество печей Шварца было доведено до 65, из них 15 были сооружены при Лялинском лесопильном заводе. На 1 ноября 1916 г. при Лобвинском лесопильном заводе действовали 50 печей, при Лялинском – 37, в лесных массивах – 22. (ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 30б.; Д. 35. Л. 40б.; Д. 46. Л. 4). Традиционным кучным способом выжигался только незначительный объем угля. Выжиг древесного угля осуществлялся до 1917 г. и затем прекратился ввиду отдаленности сырья и удорожания себестоимости изготовления этого товара (АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 43).

5. Заключение

В начале XX в. организация лесопромышленной деятельности на Северном Урале, в этот период включенной в общегосударственную сеть железных дорог, требовала реализации передовых технологических решений. Выбранные в 1912–1916 гг. акционерным обществом Николае-Павдинского горного округа направления (выпуск оберточной бумаги из собственных полуфабрикатов; комбинирование лесопиления, деревообработки и целлюлозно-бумажного производства; изготовление сульфатной целлюлозы и бумажной тары) являлись перспективными. Передовые технологии проникали посредством приобретения их у американских, немецких, шведских фирм; заграничных командировок специалистов; приглашения инженерно-технических специалистов.

Приглашенный правлением для заведования Лялинской бумажной фабрикой финн К. Бергстрем был не только крупным организатором и инженером целлюлозно-бумажного производства, сумевшим в короткие сроки построить и пустить крупнейшую на Урале бумажную фабрику (что важно – в кооперации с лесопилением), но и ученым и знатоком российских и мировых тенденций развития отрасли. Он энергично пробивал актуальные в условиях Первой мировой войны проекты, реализация которых позволяла освоить новые виды продукции и принести дополнительную прибыль.

География приобретений техники для оснащения Лялинской бумажной фабрики свидетельствует о том, что бумагоделательные машины заказывались в США. Тогда как вспомогательное, энергетическое, лабораторное оборудование – в России, Германии и Швеции. Спрос на американскую технику был обусловлен, скорее всего, достижением лидерства страны в производстве и потреблении лесных товаров, бумаги и бумажных изделий, высоких результатов в глубокой переработке древесины и машиностроении. Немаловажными факторами являлись соотношение цены и качества техники, ее фирменная установка и обслуживание.

В начале Первой мировой войны, несмотря на сокращение экспорта лесных ресурсов и материалов, импорта лесной техники и комплектующих к бумагоделательным машинам, правление акционерного общества продолжало вынашивать планы расширения масштабов лесопромышленной деятельности, притом в направлении глубокой переработки древесины и вплоть до осени 1917 г. Материалы о деятельности акционерного общества Николае-Павдинского горного округа свидетельствуют, что большинство заказов, сделанных правлением в 1916–1917 гг. европейским и американским фирмам, не было выполнено, несмотря на частичную оплату заказов, позволявшую начать изготовление техники (как правило, остаток суммы перечислялся после сдачи оборудования заказчику). Часть иностранных компаний в годы Первой мировой войны работала с перебоями или приостановила деятельность из-за недостатка топлива, рабочей силы и материалов.

В деятельности правления акционерного общества, руководства Николае-Павдинского горного округа, инженеров прослеживается глубокое понимание актуальности развития глубокой

переработки древесины, внедрения передовых технологий. За короткие сроки предприятия приобрели общероссийскую известность, их продукция ценилась на рынке.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Литература

- Акционерное...**, 1913 – Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа. СПб., 1913. 11 с.
- Акторы...**, 2016 – Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
- Алексеева, 2007** – Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007. 368 с.
- АОАСГО** – Архивный отдел администрации Серовского городского округа.
- Барышников, 2015** – Барышников М.Н. Г.И. Бененсон и А.Д. Голицын: деловое партнерство в институциональном контексте российской действительности начала XX века // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. 2015. Т. 7. № 2. С. 38–57.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Диффузия...**, 2011 – Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 405 с.
- Истомина, 2019** – Истомина Э.Г. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX вв.). М.: Квадрига, 2019. 358 с.
- История развития...**, 1997 – История развития лесной промышленности Среднего Урала / сост. М. Ф. Маслюков. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 1997. 398 с.
- История целлюлозно-бумажной...**, 2009 – История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: Правда Севера, 2009. 232 с.
- Кафенгауз, 1994** – Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.
- Китанина, 2016** – Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. СПб.: Гуманитарная Академия, 2016. 352 с.
- Леса Урала...**, 1948 – Леса Урала / под ред. М.Е. Ткаченко. Свердловск: Изд-во Уральского филиала Академии наук СССР, 1948. 231 с.
- Ляндау, 1925** – Ляндау Л.Г. Иностраный капитал в дореволюционной России и в СССР. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. 58 с.
- Маевский, 1957** – Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. 390 с.
- Миронов, 2017** – Миронов Б.Н. Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 463-480.
- Петров, 1952** – Петров Б.С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л.: Гослесбумиздат, 1952. 146 с.
- Поткина, 2022** – Поткина И.В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб.: Нестор-История, 2022. 380 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рукоусев, 2012** – Рукоусев Е.Ю. Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа // *Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра. Мат. всероссийской науч. конф. / под ред. В.В. Запария*. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2012. С. 78-85.
- Социалистическое...**, 1935 – Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. 690 с.
- Струмилин, 1936** – Струмилин С. Советская промышленность за 19 лет // *Плановое хозяйство*. 1936. № 11. С. 41–62.
- Чернов, 1998** – Чернов Н.Н. Первый главный лесничий Уральских горных заводов И.И. Шульдц // *Леса Урала и хозяйство в них*. Вып. 20. Екатеринбург: Уральская государственная лесотехническая академия; Швейцарский федеральный НИИ леса, снега и ландшафта, 1998. С. 20–27.
- Шегельман, 2008** – Шегельман И.Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.

[Шенк, 2010](#) – Шенк Б.Ф. Imperial inter-rail: влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 354–380.

[Algvare, 1966](#) – *Algvare K.V.* Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Skogsekonomi i Sovjetunionen med en analys av landets potentiella konkurrenskraft. Stockholm: Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. 449 p.

[Gatrell, 1986](#) – *Gatrell P.* The Tsarist Economy, 1850–1917. London: Batsford, 1986. Pp. xvi + 288.

[Rogers, 2003](#) – *Rogers E.M.* Diffusion of Innovations. Simon and Schuster, 2003. 576 p.

[The Economic Transformation..., 1993](#) – The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / Ed. by R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge University Press, 1993. Pp. xxxii + 381.

References

[Aktory..., 2016](#) – Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [Actors of the Russian Imperial Modernization (XVIII – early XX century): regional dimension]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii. 316 p. [in Russian]

[Aktionernoe..., 1913](#) – Aktsionernoe obshchestvo Nikolae-Pavdinskogo gornogo okruga [Joint-Stock Company of the Nicolae-Pavdinsky Mountain District]. Saint Petersburg. 11 p. [in Russian]

[Aleksееva, 2007](#) – *Aleksееva, E.V.* (2007). Diffuziya evropeyskikh innovatsiy v Rossii (XVIII – nachalo XX v.) [Diffusion of European innovations in Russia (XVIII – early XX century)]. Moscow, ROSSPEN. 368 p. [in Russian]

[Algvare, 1966](#) – *Algvare, K.V.* (1966). Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Skogsekonomi i Sovjetunionen med en analys av landets potentiella konkurrenskraft. Stockholm, Skogshögskolan Royal College of Forestry, 449 p.

[AOASGO](#) – Arkhivnyy otdel administratsii Serovskogo gorodskogo okruga [Archive Department of the administration of the Serov city district].

[Baryshnikov, 2015](#) – *Baryshnikov, M.N.* (2015). G.I. Benenson i A.D. Golitsyn: delovoe partnerstvo v institutsional'nom kontekste rossiyskoy deystvitel'nosti nachala XX veka [G.I. Benenson and A.D. Golitsyn: business partnership in the institutional context of Russian reality at the beginning of the XX century]. *Journal of institutional studies*. 2: 38-57. [in Russian]

[Chernov, 1998](#) – *Chernov, H.H.* (1998). Pervyy glavnyy lesnichiy Ural'skikh gornykh zavodov I.I. Shul'ts [The first chief forester of the Ural mining plants I.I. Shultz]. *Lesnaya Urala i khozyaystvo v nikh*. Vyp. 20. Ekaterinburg, Ural'skaya gosudarstvennaya lesotekhnicheskaya akademiya; Shveysarskiy federal'nyy NII lesa, snega i landshafta, pp. 20-27. [in Russian]

[Diffuziya..., 2011](#) – Diffuziya tekhnologiy, sotsial'nykh institutov i kul'turnykh tsennostey na Urale (XVIII – nachalo XX v.) [Diffusion of technologies, social institutions and cultural values in the Urals (XVIII – early XX centuries)]. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 405 p. [in Russian]

[GASO](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti [The State Archive of the Sverdlovsk region].

[Gatrell, 1986](#) – *Gatrell, P.* (1986). The Tsarist Economy, 1850–1917. London, Batsford, pp. xvi + 288.

[Istomina, 2019](#) – *Istomina, E.G.* (2019). Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII – nachalo XX vv.) [Forests of Russia: ecological and socio-economic history (XVIII – early XX centuries)]. Moscow, Kvadriga. 358 p. [in Russian]

[Istoriya razvitiya..., 1997](#) – Istoriya razvitiya lesnoy promyshlennosti Srednego Urala [The history of the development of the forest industry of the Middle Urals]. Ekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo. 398 p. [in Russian]

[Istoriya tsellyulozno-bumazhnoy..., 2009](#) – Istoriya tsellyulozno-bumazhnoy promyshlennosti Rossii [History of the pulp and paper industry in Russia]. Arkhangel'sk, Pravda Severa. 232 p. [in Russian]

[Kafengauz, 1994](#) – *Kafengauz, L.B.* (1994). Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii [Evolution of industrial production in Russia]. Moscow, Epifaniya. 848 p. [in Russian]

[Kitanina, 2016](#) – *Kitanina, T.M.* (2016). Rossiya v Pervoy mirovoy voyne 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaya politika. Kurs lektsiy [Russia in the First World War 1914–1917: Economics and Economic Policy. Course of lectures]. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya. 352 p. [in Russian]

[Lesnaya Urala..., 1948](#) – *Tkachenko, M.E.*, Ed. (1948). Lesnaya Urala [Forests of the Urals]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural'skogo filiala Akademii nauk SSSR. 231 p. [in Russian]

[Lyandau, 1925](#) – *Lyandau, L.G.* (1925). Inostranny kapital v dorevolyutsionnoy Rossii i v SSSR [Foreign capital in pre-revolutionary Russia and the USSR]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izd-vo. 58 p. [in Russian]

[Maevskiy, 1957](#) – *Maevskiy, I.V.* (1957). Ekonomika russkoy promyshlennosti v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny [The economy of Russian industry in the conditions of the First World War]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury. 390 p. [in Russian]

[Mironov, 2017](#) – *Mironov, B.N.* (2017). Dostizheniya i provaly rossiyskoy ekonomiki v gody Pervoy mirovoy voyny [Achievements and failures of the Russian economy during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Istoriya. 3: 463-480. [in Russian]

- [Petrov, 1952](#) – *Petrov, B.S.* (1952). Ocherki o razvitií lesnoy promyshlennosti Urala [Essays on the development of the Ural forest industry]. Moscow, Leningrad, Goslesbumizdat. 146 p. [in Russian]
- [Potkina, 2022](#) – *Potkina, I.V.* (2022). V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh [On the eve of the disaster. The state and the economy of Russia in 1914–1917]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022. 380 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Rogers, 2003](#) – *Rogers, E.M.* (2003). Diffusion of Innovations. Simon and Schuster. 576 p.
- [Shelokhaev, 2017](#) – *Shelokhaev, V.V.*, Ed. (2017). Rossiya nakanune velikikh potryaseniy: Sotsial'no-ekonomicheskiy atlas. 1906–1914 [Russia on the eve of Great Upheavals: A Socio-Economic Atlas. 1906–1914]. Moscow, Kuchkovo pole. 672 p. [in Russian]
- [Rukosuev, 2012](#) – *Rukosuev, E.Yu.* (2012). Aktsionernoe obshchestvo Nikolae-Pavdinskogo gornogo okruga [Joint Stock Company of the Nicolae-Pavdinsky Mountain District]. Zapariy, V.V., Ed. Industrial'naya Rossiya. Vchera, segodnya, zavtra. Mat. vsrossiyskoy nauch. konf. Ekaterinburg, Izd-vo UMTs-UPI, pp. 78–85. [in Russian]
- [Shegel'man, 2008](#) – *Shegel'man, I.R.* (2008). Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.) [Forest transformations (XV–XXI centuries)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU. 240 p. [in Russian]
- [Shenk, 2010](#) – *Shenk, B.F.* (2010). Imperial inter-rail: vliyaniye mezhnatsional'nogo i mezhhimperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitel'stva v tsarskoy Rossii [Imperial inter-rail: the influence of interethnic and inter-imperial perception and rivalry on the policy of railway construction in Tsarist Russia]. Aust, M., Vul'pius, R., Miller, A., Eds. Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917): sb. st. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 354–380. [in Russian]
- [Sotsialisticheskoe..., 1935](#) – Sotsialisticheskoe stroitel'stvo SSSR. Statisticheskiy ezhegodnik [Socialist construction of the USSR. Statistical Yearbook]. Moscow, TsUNKhU Gosplana SSSR. 690 p. [in Russian]
- [Strumilin, 1936](#) – *Strumilin, S.* (1936). Sovetskaya promyshlennost' za 19 let [Soviet industry for 19 years]. *Planovoe khozyaystvo*. 11: 41–62. [in Russian]
- [The Economic Transformation..., 1993](#) – *Davies, R.W., Harrison, M., Wheatcroft, S.G.*, Eds. (1993). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge University Press, pp. xxxii + 381.

Ляля: лесопромышленные технологии и инновации в начале XX века

Иван Валерьевич Зыкин ^{a, *}

^a Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. В Российской империи протекание модернизационных процессов было тесно связано с проникновением новых технологий. В частности, это касалось лесной промышленности, которая активно развивалась со второй половины XIX в. На примере акционерного общества Николае-Павдинского горного округа (Северный Урал), одной из крупнейших лесопромышленных фирм Российской империи в начале XX в., показано, как происходило заимствование технологий.

Введены в оборот материалы региональных и центральных архивов: договоры, переписка с машиностроительными фирмами, торговыми домами; письма и отчеты инженеров, руководства управления Николае-Павдинского горного округа.

Выявлено, что правление акционерного общества было заинтересовано в осуществлении комплексного лесопользования, развитии глубокой переработки древесины. Крупным проектом стала бумажная фабрика у ст. Ляля. Привлечение авторитетных специалистов в области целлюлозно-бумажного производства, углубления способствовало разработке отечественных инноваций, распространению знаний об отдельных сторонах лесопромышленной деятельности. Стимулирующую роль оказали Первая мировая война, утрата Российской империей части западных территорий, где находились целлюлозно-бумажные предприятия. Обширная переписка с машиностроительными заводами, торговыми домами свидетельствует о стремлении правления акционерного общества, инженеров наладить долговременное сотрудничество с предприятиями для получения необходимого оборудования. Особенно это проявилось при заказах бумагоделательных машин и дополнительного оснащения к ним. Важную роль сыграли заграничные командировки специалистов. Реализовать все проекты не удалось из-за революционных событий и резкого ухудшения экономической и политической обстановки в стране в конце 1917 г.

Ключевые слова: лесная промышленность, технологии, инновации, акторы, диффузия, Северный Урал, Николае-Павдинский горный округ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zivverh@mail.ru (И.В. Зыкин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1495-1501
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1495

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Charitable Activities of Orthodox Monasteries in the Initial Period of the First World War

Ruslan M. Allalyev ^{a, b, *}, Mikhail G. Smirnov ^c, Ilya V. Tyurin ^d, Igor A. Gordeev ^e

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Moscow, Russian Federation

^c National University of Oil and Gas «Gubkin University», Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract

The article considers the charitable activities of the monasteries of the Russian Orthodox Church in the initial period of the First World War, that is, in 1914. There were as sources the published documents and materials of the pre-revolutionary periodical press. Among the published documents, the most important is the “Most Comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod”, which was published in 1916. The materials of the journal “Tserkovnye vedomosti” are also of great importance in the work.

In conclusion, the authors state that the outbreak of the First World War, due to its scale, required the consolidation of the efforts of all Russian Orthodox monasteries in organizing charitable assistance for those affected by the war. In 1914, this assistance was provided in the following areas: the participation of monks in combat operations as regimental priests; the organization of their own hospital network; the transfer of vacant areas of monasteries to hospitals of other departments; food and other support for both family members called up for war and refugees; organization of sewing workshops for sewing the necessary clothing supplies for the front; provision of medical and moral and spiritual assistance within their competence (sisters of mercy, monks); voluntary monthly deductions from personal income for military needs, as well as the organization of shelters for war orphans. Such a broad charitable activity required the monasteries to spend a lot of money and strain the spiritual and physical strength of its employees. It is obvious that the Great Victory required great sacrifices, and the Russian monastic clergy clearly demonstrated with all their appearance that they were ready for these sacrifices.

Keywords: Russian Orthodox Church, Holy Synod, monasteries, World War I, 1914.

1. Введение

О Первой мировой войне написано много, ее историография насчитывает тысячи произведений. Немало публикаций было посвящено и благотворительной деятельности российского общества в условиях этого крупнейшего военного конфликта. Важная роль в благотворительной деятельности была отведена и для Русской Православной Церкви. В данной работе мы хотели бы рассмотреть роль православных монастырей в организации разноплановой благотворительной помощи для лиц, пострадавших от войны, на примере 1914 г., то есть за начальный период войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: allalyev-rm@ranepa.ru (R.M. Allalyev)

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали опубликованные документы и материалы дореволюционной периодической печати. Среди опубликованных документов важное значение имеет «Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода», который был опубликован в 1916 г. ([Всепопданнейший отчет..., 1916](#)). Среди разнообразных материалов в нем представлены и сведения о благотворительной деятельности монастырей в начальный период Первой мировой войны. Также важное значение в работе имеют и материалы журнала «Церковные ведомости» ([Определения..., 1914](#)), в котором публиковались, в том числе Определения Святейшего Синода.

Методология исследования представлена своими базовыми принципами: системность, историзм и объективность, а также с учетом принципа историографической традиции. Сочетание первых трех принципов позволяет рассматривать тему благотворительности православных монастырей в начальный период войны в системе (выделяя разные направления этой благотворительности), в хронологической последовательности и привлекая разнообразные источники. Что же касается принципа историографической традиции, то при проведении исследования брались во внимание и учитывались работы из современной историографии.

3. Обсуждение

Тема благотворительности Русской Православной Церкви в целом и православных монастырей в частности периода Первой мировой войны неоднократно затрагивалась в историографии. Наиболее близко к этой теме подходит публикация А.В. Ключаревой, в которой автор делал попытку рассмотреть благотворительную деятельность монастырей Русской православной церкви периода Первой мировой войны ([Ключарева, 2011](#)). Помимо этого, к изучению темы в обще российском масштабе обращались В.П. Кудрявцева, которая изучала деятельность РПЦ в период Первой мировой войны на материалах журнала Святейшего Синода «Церковные ведомости» ([Кудрявцева, 2015](#)). В свою очередь, С.П. Батури и О.Э. Васькина обращались к изучению деятельности РПЦ в период военного противостояния 1914–1917 гг. ([Батури, Васькина, 2022](#)). Монастырскую благотворительность периода Великой войны рассматривал также А.Н. Кашеваров ([Кашеваров, 2015](#)). И, наконец, деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны изучала М.Ю. Горожанина ([Горожанина, 2006](#)).

На локальных примерах тему нашего исследования рассматривали: П. Семилетов, который анализировал благотворительную и социальную деятельность Тамбовских монастырей во второй половине XIX – начале XX века ([Семилетов, 2017](#)) примерно в тех же хронологических рамках рассматривал монастырскую благотворительность, но на примере Кубанской области Р.А. Остапенко ([Остапенко, 2019](#)). Просветительская и благотворительная деятельность женских монастырей Курской области периода 1900–1916 гг. стала предметом научного интереса Е.А. Антоненко ([Антоненко, 2014](#)), в свою очередь, А.В. Шадрина обратилась к теме социального служения и благотворительной деятельности монастырей Донской и Новочеркасской епархии периода Первой мировой войны ([Шадрина, 2016](#)).

Завершая историографический обзор, нужно отметить, что, несмотря на наличие большого количества работ по теме нашего исследования, благотворительная деятельности православных монастырей периода 1914 г. еще не становилась темой самостоятельного исследования, а эпизодически лишь рассматривалась в контексте всей Первой мировой войны.

4. Результаты

Православные монастыри исторически являлись носителями христианских традиций и в периоды военного времени проявляли высокую патриотическую активность. Не исключением из правил стала и Первая мировая война. В первую очередь такая патриотическая активность была связана с пастырской работой монашеского духовенства, которое совершала таинства в многочисленных монастырских лазаретах для раненых и больных воинов. Помимо этого, некоторые монастыри направили своих иеромонахов в полевые госпитали, снабдив их на монастырские средства церковной утварью, одеждой, иконами и специальной литературой. Не мало монашествующих, в том числе и два епископа, отправились на фронт и служили в должностях полковых священников. Также некоторые монастыри выделили из монахов специальные отряды братьев милосердия, которые безвозмездно помогали по уходу за ранеными и больными.

Другим важным направлением деятельности монастырей была организация помощи больным и раненым, что достигалось путем открытия собственных монастырских лазаретов. 20 июля 1914 г. было опубликовано Определение Святейшего Синода за № 6502, в котором рекомендовалось призвать монастыри и общины к заготовлению принадлежностей для госпиталей ([Определения..., 1914: 348–349](#)). Уже к концу 1914 г. при монастырях значилось 207 лазаретов для больных и раненых воинов Русской армии. При этом собственные лазареты находились при 139 монастырях, а при 68 монастырях были отведены под лазареты жилые площади. Общее число кроватей в собственных монастырских лазаретах достигало 4135. В свою очередь, в монастырях, в которых были отведены места под лазареты, общее количество кроватей превышало 6 тыс. Таким образом, уже за первые

полгода войны монастырями была развернута лазаретная база на более чем 10 тыс. коек (*Всепопданнейший отчет...*, 1916: 24-25).

Справедливости ради нужно также отметить, что монастыри, которые предоставили свои площади под лазареты, не ограничились только этой помощью. Монахи бесплатно оказывали уход за воинами, а также выделяли собственные средства то на оборудование лазаретов, то на содержание их. Так, Киевско-Михайловский монастырь, оборудовал на собственные средства и предоставил Военному ведомству лазарет на 450 коек и на содержание его истратил в октябре – декабре 1914 г. 7303 рубля. Из числа 252 кроватей, которые были организованы 11 монастырями Курской епархии, 166 были оборудованы за счет монастырских средств. Причем, например, Белгородским монастырем на оборудование лазарета на 40 кроватей было потрачено 5 тыс. руб. и ежемесячно расходовалось по 145 руб. В других монастырях той же епархии выделялись в лазареты продукты питания. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, предоставивший в распоряжение Звенигородского земства для устройства лазарета свое помещение двухэтажной монастырской гостиницы, на оборудование лазарета пожертвовал 500 руб., бесплатно передавал продукты питания, а также взял на себя коммунальные расходы (освещение и отопление) лазарета и, кроме того, ежемесячно вносил на содержание лазарета процентное отчисление из доходов братства. Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь Пензенской епархии не только отвел под лазарет Земского Союза большой трехэтажный монастырский корпус, но и на собственные средства оборудовал этот лазарет и содержал его совместно с Союзом (*Ключарева, 2011: 100*). Помимо этого, 8 лазаретов получали питание от монастырей, а 5 лазаретов от монастырей снабжены полным комплектом белья.

Наибольшее число собственных монастырских лазаретов, по данным всепопданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода, находилось в 1914 г. в следующих епархиях: Московской – 1251 кровать, Петроградской – 360 кроватей, Киевской – 356 кроватей, Ярославской – 239, Тамбовской – 189, Херсонской – 160, Калужской – 151, Пензенской – 127, Харьковской – 125 и Владимирской 124 кровати (*Всепопданнейший отчет...*, 1916: 27).

Самым большим лазаретом Московской епархии был лазарет на 200 кроватей, открытый Троице-Сергиевой лаврой. Помимо полного оборудования и содержания этого лазарета, Лавра предоставила в распоряжение Великой княгини Елизаветы Федоровны на дело помощи раненым 100 тыс. руб.

Вторым по значимости лазаретом Московской епархии был лазарет Московской Покровской общины на 150 кроватей, в содержании этого лазарета принимали участие все монастыри. Ежемесячные расходы на содержание этого лазарета составляли 12 тыс. руб. Всего же расходы монастырей Московской епархии на лазареты за 5 месяцев 1914 г. достигали 150 тыс. руб.

В Полоцком Спасо-Ефросиниевском монастыре Московской епархии был устроен лазарет на 60 кроватей, в Старо-Голутвинском монастыре той же епархии – на 20 кроватей (*Ключарева, 2011: 100*).

Из числа монастырских лазаретов Петроградской епархии в первую очередь необходимо отметить лазареты Троицкой Александро-Невской лавры. Лавра оборудовала на собственные средства подвижной лазарет и содержала его на театре военных действий. Оборудование этого лазарета обошлось в 18 тыс. руб., а содержание в течение первых трех месяцев обошлось в 32 тыс. 19 ноября 1914 г. Лаврой был открыт еще один лазарет на 30 кроватей. Лазарет был оборудован всем необходимым, включая медицинский персонал (*Всепопданнейший отчет...*, 1916: 28).

При Петроградском Воскресенском женском монастыре был создан лазарет на 140 человек (36 офицеров и 104 нижних чинов) (*Иванова, 2016: 67*). Для оказания медицинской помощи лазарет этот ежедневно посещали три доктора; кроме того имелся фельдшер, а уход за ранеными осуществлялся сестрами милосердия.

При Петроградском Иоанновском женском монастыре, кроме лазарета на 50 кроватей (10 мест для офицеров и 40 для нижних чинов), были отведены большие площади для помощи сиротам из Галиции (*Ключарева, 2011: 99*). При приходе Введенского собора лейб-гвардии Семеновского полка также был открыт лазарет для раненых и больных воинов (*Иванова, 2016: 67*). Всего же монастыри Петроградской епархии открыли 15 лазаретов и содержали 63 кровати в лазаретах других ведомств. На эти нужды в 1914 г. монастыри истратили около 100 тыс. руб.

В Киевской епархии первое место принадлежало лазарету при Киевско-Покровском женском монастыре. В самом начале войны в лазарет была реорганизована хорошо оснащенная монастырская бесплатная больница. Этот лазарет насчитывал 225 кроватей, в том числе 25 офицерских.

Из других монастырей Киевской епархии крупный лазарет имелся в Киево-Печерской лавре 120 человек. Содержание этого лазарета в 1914 г. обошлось лавре в 25 тыс. руб. Та же лавра отвела 10 собственных корпусов для помещения в них 1,5–2 тыс. раненых. Эти корпуса в условиях мирного времени за 5 месяцев могли принести доход в размере 32 тыс. руб. Кроме того лаврой одновременно было выдано 5 тыс. руб. на поддержку семей воинов и ежемесячно передавалось процентное отчисление с содержания монастырской братии.

Из собственных монастырских лазаретов остальных епархий самым значимым являлся госпиталь на 150 кроватей, открытый 28 октября 1914 г. в Ростовском Спасо-Иаковлевском

монастыре. Этот госпиталь находился в недавно отстроенном монастырском корпусе, в нем имелась операционная, перевязочная и рентгеновский кабинет. Ежемесячное содержание в размере 4,5 тыс. руб. монастырь взял на собственный счет (Ключарева, 2011: 100).

Большой лазарет на 100 кроватей содержал Григорие-Бизюков монастырь Херсонской епархии. Тот же монастырь, кроме отправки значительного числа предметов (несколько вагонов) для снабжения воинов действующей армии, ежемесячно снабжает более 750 семей воинов ржаной мукой.

Хорошо оборудованные лазареты существовали и при 4 женских монастырях Холмской епархии всего на 80 кроватей. Известный своей благотворительностью Красностоцкий монастырь Гродненской епархии предполагал устроить в своих помещениях лазарет на 150 коек, но военные действия помешали этому намерению. Тем не менее монастырь много принес пользы Русской армии, так как в самый разгар военных действий в монастыре было развернуто несколько полевых госпиталей, для которых монахи предоставляли продовольствие, кровати, белье и некоторые медикаменты. Тот же монастырь долгое время бесплатно раздавал обеды воинам по 80 человек в день.

Оказание помощи больным и раненым воинам не ограничивалось только финансовыми средствами монастырей. Монахи осуществляли и уход за ранеными. Эта деятельность была инициирована Определением Святейшего синода от 4-10 сентября 1914 г. за № 7955 «О привлечении монашествующих и послушников православных обителей к делу подачи помощи раненым воинам» (Иванова, 2016: 67). Здесь необходимо отметить деятельность сестер женских монастырей, многие из которых уже в период войны прошли курсы сестер милосердия и были обучены уходу за больными и ранеными. Сестры женских монастырей в 1914 г. работали не только в монастырских лазаретах, но и в лазаретах других ведомств. Например, в московских лазаретах работали 6 фельдшеров-монахинь и 90 монахинь – сестер милосердия. Сестры Новоторжского женского монастыря Тверской епархии обслуживали лазарет Земского Союза на 500 раненых, устроенный в здании Тверской духовной семинарии. 60 сестер Бежецкого Благовещенского монастыря работали в лазарете Тверского уездного земства на 450 кроватей. Сестры Тверского женского монастыря работали в монастырском лазарете. 10 сестер Оршина монастыря обслуживали лазарет Земского Союза. Сестры монастырей Старицкого, Мариинского, Вышневолоцкого, Казанского, Кашинского, Шестаковского и Ильинского работали в земских госпиталях, в лазарете на станции Сонково и даже в одном из дворцовых госпиталей. В лазаретах Пензенской епархии уходом за ранеными воинами занимались 96 послушниц (Всепопданнейший отчет..., 1916: 31).

В лазарете Киево-Покровского монастыря работали 240 монахинь и послушниц. В разных лечебных заведениях Симбирской губернии уходом за ранеными было занято 60 монастырских сестер. Аналогичную работу вели монастырские сестры и других епархий. В результате своей усердной работы сестры милосердия не только исцеляли тело военнослужащих, но и их душу. Известно, например, что «сестры Львовского Знаменского женского монастыря проявляли «отзывчивое сочувствие и участливое отношение к раненым». В результате этого многие солдаты вели переписку с матушками Львовской Знаменской обители» (Антоненко, 2014: 134).

Помимо устройства лазаретов и значительного труда в них монастырской братии и сестер, православные монастыри служили делу помощи раненым воинам и семьям, призванных на войну, также значительными финансовыми и материальными пожертвованиями. Так, единовременных пожертвований в 1914 г. на нужды войны поступило в разные учреждения до 220 тыс. руб., в том числе от Троице-Сергиевой лавры – 100 тыс. руб., от Соловецкого монастыря – 25 тыс. и от Валаамского монастыря – 10 тыс. руб. (последний помимо этого, ежемесячно вносил на нужды войны по 500 руб.) (Всепопданнейший отчет..., 1916: 32).

Не ограничиваясь этим, монастырская братия делала разные отчисления из собственного жалования на военные потребности в размере от 2 до 5 % и выше. Существовали и фиксированные пожертвования из личных ежемесячных доходов. Так, в Донской и Новочеркасской епархии каждый священник ежемесячно жертвовал 3 руб., диакон – 2 руб., а псаломщик – 1 руб. (Шадрина, 2016: 127)

Отдельно нужно сказать и о пожертвованиях различными вещами, которые поступали от монастырей. Сестры монастырей с усердием занимались изготовлением белья для лазаретов и для отправки в армию. Все, например, московские монастыри принимали участие в работе по шитью белья в склады императрицы Александры Федоровны. При этом общее число занятых этой деятельностью монахинь и послушниц составляло более 1 тыс. человек. Во всех 16 монастырях и общинах Тверской епархии были организованы швейные мастерские для шитья белья и других принадлежностей для нужд раненых и больных воинов. Такая мастерская была также в Рижском Свято-Троицком женском монастыре, который проявил выдающуюся активность в начальный период войны: содержал не только свой лазарет, но и питательный пункт для семей воинов, где ежедневно от 650 до 850 человек получали хлеб и суп (Всепопданнейший отчет..., 1916: 33).

Также можно упомянуть и еще одну сторону монастырской благотворительности, которая касалась помощи детям лиц, взятым на войну, а также лицам, пострадавшим от войны. При 10 монастырях в 1914 г. были устроены небольшие приюты для детей и сирот воинов. Один из московских монастырей содержал на полном содержании 12 семей лиц, призванных на войну.

Нижегородский Оранский монастырь обеспечивал питание 60 таким же семьям. Один из монастырей Гродненской епархии содержал бесплатный приют для беженцев.

5. Заключение

Итак, начавшаяся Первая мировая война благодаря своим масштабам потребовала консолидации усилий всех российских православных монастырей в деле организации благотворительной помощи для лиц, пострадавших от войны. В 1914 г. эта помощь оказывалась по следующим направлениям: участие монахов в боевых действиях в качестве полковых священников; организация собственной госпитальной сети; передача свободных площадей монастырей под госпиталя других ведомств; продовольственная и иная поддержка как членов семей призванных на войну, так и беженцев; организация швейных мастерских для пошива необходимых фронту вещевого имущества; оказание медицинской и морально-духовной помощи в пределах своих компетенций (сестры милосердия, монахи); добровольные ежемесячные отчисления из личных доходов на военные нужды, а также организация приютов для сирот войны. Столь широкая благотворительная деятельность требовала от монастырей больших расходов и напряжения духовных и физических сил ее служащих. Очевидно, что Великая победа требовала и великих жертв, и российское монашество всем своим видом наглядно демонстрировало, что оно готово к этим жертвам.

Литература

- Ключарева, 2011** – Ключарева А.В. Благотворительная деятельность православных монастырей в годы Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 8-2 (14). С. 98-102.
- Семилетов, 2017** – Семилетов П. Благотворительная и социальная деятельность тамбовских монастырей во второй половине XIX – начале XX века // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2017. № 4. С. 194-202.
- Остапенко, 2019** – Остапенко Р.А. Монастырская благотворительность в Кубанской области (1878 – 1914 гг.): документы из фонда духовной консистории государственного архива Ставропольского края // *Христианское чтение*. 2019. № 4. С. 207-215.
- Антоненко, 2014** – Антоненко Е.А. Просветительская и благотворительная деятельность женских монастырей Курской губернии в 1900-1916 гг. // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2014. № 3. С. 130-136.
- Шадрина, 2016** – Шадрина А.В. Социальное служение и благотворительная деятельность монастырей Донской и Новочеркасской епархии в годы Первой мировой войны // *Сборники конференций НИЦ Сфера*. 2016. № 4. С. 29-33.
- Кудрявцева, 2015** – Кудрявцева В.П. Русская православная церковь в годы Первой мировой войны по материалам журнала «Церковные ведомости» (из фонда БАН) // *Петербургская библиотечная школа*. 2015. № 1(49). С. 37-46.
- Батурин, Васькина, 2022** – Батурин С.П., Васькина О.Э. Русская православная церковь в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 14-17.
- Кашеваров, 2015** – Кашеваров А.Н. Монастырская благотворительность в период Первой мировой войны // *Россия в глобальном мире*. 2015. № 6 (29). С. 129-137.
- Всепопданнейший отчет..., 1916** – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Петроград, 1916.
- Горожанина, 2006** – Горожанина М.Ю. Деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // *Доклады Академии военных наук*. 2006. № 5 (23). С. 255-264.
- Определения..., 1914** – Определения Святейшего Синода // *Церковные ведомости*. 1914. 26 июля.
- Иванова, 2016** – Иванова Н.М. Благотворительная деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны // *Клио*. 2016. № 12(120). С. 65-73.

References

- Antonenko, 2014** – Antonenko, E.A. (2014). Prosvetitel'skaya i blagotvoritel'naya deyatel'nost' zhenskikh monastyrei Kurskoi gubernii v 1900-1916 gg. [Educational and charitable activities of convents in the Kursk province in 1900-1916]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istorija i pravo. 3: 130-136. [in Russian]
- Baturin, Vas'kina, 2022** – Baturin, S.P., Vas'kina, O.E. (2022). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v gody Pervoi mirovoi voyny 1914-1917 gg. [Russian Orthodox Church during the First World War 1914-1917]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 3: 14-17. [in Russian]

Gorozhanina, 2006 – Gorozhanina, M.Yu. (200). Deyatel'nost' pravoslavnoi tserkvi v gody Pervoi mirovoi voyny [The activities of the Orthodox Church during the First World War]. *Doklady Akademii voennykh nauk*. 5(23): 255-264. [in Russian]

Ivanova, 2016 – Ivanova, N.M. (2016). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v gody Pervoi mirovoi voyny [Charitable activities of the Russian Orthodox Church during the First World War]. *Klio*. 12(120): 65-73. [in Russian]

Kashevarov, 2015 – Kashevarov, A.N. (2015). Monastyrskaya blagotvoritel'nost' v period Pervoi mirovoi voyny [Monastic charity during the First World War]. *Rossiya v global'nom mire*. 6 (29): 129-137. [in Russian]

Klyuchareva, 2011 – Klyuchareva, A.V. (2011). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' pravoslavnykh monastyrei v gody Pervoi mirovoi voyny [Charitable activities of Orthodox monasteries during the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*. Voprosy teorii i praktiki. 8-2 (14): 98-102. [in Russian]

Kudryavtseva, 2015 – Kudryavtseva, V.P. (2015). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v gody Pervoi mirovoi voyny po materialam zhurnala «Tserkovnye vedomosti» (iz fonda BAN) [The Russian Orthodox Church during the First World War based on the materials of the journal “Church Gazette” (from the BAN fund)]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. 1(49): 37-46. [in Russian]

Opredeleniya..., 1914 – Opredeleniya Svyateishego Sinoda [Definitions of the Holy Synod]. *Tserkovnye vedomosti*. 1914. 26 iyulya. [in Russian]

Ostapenko, 2019 – Ostapenko, R.A. (2019). Monastyrskaya blagotvoritel'nost' v Kubanskoj oblasti (1878 – 1914 gg.): dokumenty iz fonda dukhovnoi konsistorii gosudarstvennogo arkhiva Stavropol'skogo kraja [Monastic Charity in the Kuban Region (1878 – 1914): Documents from the Fund of the Spiritual Consistory of the State Archive of the Stavropol Territory]. *Khristianskoe chtenie*. 4: 207-215. [in Russian]

Semiletov, 2017 – Semiletov, P. (2017). Blagotvoritel'naya i sotsial'naya deyatel'nost' tambovskikh monastyrei vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Charitable and social activities of the Tambov monasteries in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii*. 4: 194-202. [in Russian]

Shadrina, 2016 – Shadrina, A.V. (2016). Sotsial'noe sluzhenie i blagotvoritel'naya deyatel'nost' monastyrei Donskoj i Novoчеркасской епархии в годы Pervoi mirovoi voyny [Social service and charitable activities of the monasteries of the Don and Novoчеркасской diocese during the First World War]. *Sborniki konferentsii NITs Sfera*. 4: 29-33. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet..., 1916 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The Most Submissive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Office of the Orthodox Confession for 1914]. Petrograd, 1916. [in Russian]

К вопросу о благотворительной деятельности православных монастырей в начальный период Первой мировой войны

Руслан Мурадович Аллалыев ^{a, b, *}, Михаил Гурамович Смирнов ^c, Илья Владимирович Тюрин ^d, Игорь Анатольевич Гордеев ^e

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^c Российский государственный университет нефти и газа НИУ имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается благотворительная деятельность монастырей Русской православной церкви в начальный период Первой мировой войны, то есть в 1914 г. В качестве источников были привлечены опубликованные документы и материалы дореволюционной периодической печати. Среди опубликованных документов важное значение имеет «Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода» который был опубликован в 1916 г. Также важное значение в работе имеют и материалы журнала «Церковные ведомости».

В заключении авторы отмечают, что начавшаяся Первая мировая война, благодаря своим масштабам потребовала консолидации усилий всех российских православных монастырей в деле организации благотворительной помощи для лиц, пострадавших от войны. В 1914 г. эта помощь оказывалась по следующим направлениям: участие монахов в боевых действиях в качестве полковых

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: allalyev-rm@ranepa.ru (Р.М. Аллалыев)

священников; организация собственной госпитальной сети; передача свободных площадей монастырей под госпиталя других ведомств; продовольственная и иная поддержка как членов семей призванных на войну, так и беженцев; организация швейных мастерских для пошива необходимых фронту вещевых принадлежностей; оказание медицинской и морально-духовной помощи в пределах своих компетенций (сестры милосердия, монахи); добровольные ежемесячные отчисления из личных доходов на военные нужды, а также организация приютов для сирот войны. Столь широкая благотворительная деятельность требовала от монастырей больших расходов и напряжения духовных и физических сил ее служащих. Очевидно, что Великая победа требовала и великих жертв, и российское монашество всем своим видом наглядно демонстрировало, что оно готово к этим жертвам.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Святейший Синод, монастыри, Первая мировая война, 1914 г.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1502-1511
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1502

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Periodical Press as an Instrument of Public Diplomacy in the Process of Integration of the Countries of the Concord during the First World War

Irina V. Alferova ^a, Valeriy F. Blokhin ^{a,*}, Natalia B. Akoeva ^b, Mikhail A. Bondarev ^a

^a Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

^b Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

In the conditions of the First World War, reliable relations between the Allies, based on mutual support, were an important prerequisite for the strength of the front. However, achieving such a level of relations, based on a stable trust in each other, depended not only on the diplomatic efforts of both sides. Of equal importance was the possibility of broadcasting positive information about oneself as an associate in solving military and political tasks. Much also depended on the quality of purposeful influence on the mass consciousness of the population of partner countries and neutral states. The article considers some aspects of such interaction and shows the mechanisms of transmission of substantive and emotional information through public diplomacy. The authors use specific examples to demonstrate the participation of the periodical press in interpreting the events that took place. The press played a significant role in justifying the foreign policy preferences of the Russian Empire during the First World War. The episodes presented in the article, reflected in the periodicals of the war, are convincing evidence that in a complex and volatile environment the methods of public diplomacy were actively used to attract allies and neutral countries to their side. The main part of the article is based on the materials of Russian archives and periodicals of the Great War period.

Keywords: World War I, foreign policy, Concordia countries, public diplomacy, public opinion, periodicals.

1. Введение

Первая мировая война наглядно продемонстрировала, что для успехов на поле боя требовалось единство фронта и тыла, предполагавшее мобилизацию основных наличных ресурсов через напряжение всех общественных сил. В решении этих проблем важную роль играло также наличие союзников и сохранение с ними и с нейтральными странами дружественных отношений, обеспечивавших монолитность фронта, деморализовавших противника. Государства, не принимавшие непосредственного участия в войне, играли роль не просто наблюдателей, а основной детерминанты всех протекавших событий, выполняли функцию своеобразных посредников, к которым регулярно обращались обе воевавшие стороны: «Прямые воззвания к мнениям нейтралов продолжались на протяжении всего конфликта» (Лассуэлл, 2021: 148).

Еще до того момента, когда в войне зазвучали выстрелы, будущие ее участники приступили к выпуску огромного количества печатной продукции, в которой воспроизводили идеализированный образ собственной нации и обрушивались с критикой на потенциальных противников. Доминировали старые, традиционные представления народов друг о друге. Одновременно шел поиск новых начал, на которых можно было построить отношения в стремительно изменявшейся военно-политической ситуации. На смену культивирования устаревших образов и устойчивых

* Corresponding author

E-mail addresses: blohin.val@yandex.ru (V.F. Blokhin), alferovairi@yandex.ru (I.V. Alferova)

этностереотипов пришли иные оценки, основанные на системе военных, политических, экономических и других мер, реализуемых государством в условиях уже начавшейся войны и в своей совокупности определявших его привлекательность в массовом сознании за рубежом.

Российские властные структуры к началу XX в. уже отчетливо представляли роль газет и журналов в качестве одного из важных факторов воздействия на общественное сознание, видели в них проводников необходимых настроений, которые можно было при их помощи конструировать или хотя бы корректировать. В условиях начавшейся конфронтации формировалась новая социально-политическая реальность, и периодическая печать стран-участников начала активно смещать интерес читающей публики в сторону отрицательных явлений, существовавших в государствах противостоящего лагеря. При этом позитивно оценивались свои союзники и нейтралы входивших в орбиту собственных политических интересов. Соответственно, при усилении противостояния в условиях возможных неудач на полях сражений информационный натиск на противника приобретал все более эмоциональный характер.

Для нас применение концепта «публичная дипломатия» (public diplomacy) дает возможность за счет использования важной его функции, направленной на развитие прямых контактов на неформальном уровне, показать значение знакомства иностранцев с культурой, образом жизни населения позиционирующей себя страны (Nye, 2008: 101-102). Смысл этого термина чаще использовался в качестве понятия «пропаганда», но не в характерном для него отрицательном смысле, а, как минимум, в нейтральном или даже позитивном значении. Периодическая печать в качестве важного инструмента публичной дипломатии выполняла роль элемента отношений между странами, давая возможность получить намеченные результаты без силового давления и угроз.

2. Материалы и методы

Изучение периодической печати периода Первой мировой войны дает уникальную возможность выявления сути общественных настроений, господствовавших на определенных этапах военного противостояния. Причем пресса не только отражала «расположение духа» российского общества, она давала свои оценки происходившему и через высказываемые суждения формировала у читателей особое видение происходивших процессов. Отсюда историю периодической печати периода войны необходимо рассматривать не только в контексте социальных, политических, экономических и бытовых перемен, но и с учетом специфики ее функционирования в условиях действия контроля со стороны военных властей, осуществлявших регулирование оценочной стороны газетных и журнальных публикаций.

Номинально военная цензура принадлежала военному ведомству, но в части надзора за периодическими изданиями фактически выполняла указания Министерства внутренних дел, к которому относился и Петроградский комитет по делам печати. В фонде входившей в его состав военной цензуры, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 778), уцелели корректуры частично разрешенных и полностью вычеркнутых газетных статей. На основании этих материалов можно судить об отношении официальной власти (с учетом возможного личного вмешательства цензора) к тем или иным публикуемым сведениям. Применительно к вопросам, рассматриваемым в статье, это касалось проблем внешней политики государства периода войны.

В этой связи возникает вопрос о степени доверия к печати, находившейся под постоянным контролем и давлением со стороны официальных структур. Разобраться в проблеме может помочь анализ прессы, сохранившийся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Автор одного из обзоров отмечал, что цензоры лишь на короткое время могли задержать сообщения, считавшиеся вредными для интересов страны.

Поскольку газеты функционировали в условиях острого соперничества, каждая из них старалась осветить то, что было недоступно для конкурентов. В результате не все сообщения были верными, многие явно приукрашенными. Но ошибочные впечатления устранялись более поздними газетными сообщениями, формировавшими в итоге целостную картину. То есть, если «читать умеючи», то военным сообщениям можно было верить. «Теперь лишь очень немногие читатели не научились различать между достоверными сведениями и ходячими слухами, между заинтересованными и беспристрастными рассказами, между ложью и истиной», – констатировал аналитик внешнеполитического ведомства (АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 8).

В 1906 г. на пост министра иностранных дел был назначен Александр Петрович Извольский, который осуществил модернизацию структуры аппарата, предусмотрев преобразование Газетной экспедиции в Бюро печати. В годы войны был создан Отдел печати и осведомления (АВПРИ, ф. 140). Сохранившиеся в его фонде документы были использованы при написании статьи. Отдел печати был призван, помимо подготовки обзоров, осуществлять специальное уведомление редакторов столичных газет, предупреждая их о недопущении тех или иных оценок, касавшихся деятельности внешнеполитического ведомства.

Примером пропагандистского использования периодической печати в качестве важного средства трансляции и изменения представлений о существовавшей действительности служит

издававшаяся в Берлине для российских военнопленных газета «Русский вестник». В статье приводятся материалы издания, которые преследовали цель внести разлад в действия союзников. Она бичевала союзную стратегию и дипломатию за их неудачи и рисовала для них крайне мрачные перспективы. В центре внимания была Англия, с которой связывались все проблемы мира и войны. Таким способом предпринимались попытки сместить интерес читателей в необходимом направлении, передавать при помощи прессы необходимые сведения, вносящие раскол в существовавшие межгосударственные союзы.

Для авторов статьи главным из общих теоретических подходов к анализу исследуемой проблемы выступал принцип историзма, который предполагает познание всех явлений в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их процессами.

Творчески интерпретируя основные идеи крупнейшего немецкого социолога Н. Лумана (Niklas Luhmann), рассматривавшего массмедиа как обособленную социальную систему, в которой происходило «удвоение или конструирование реальности», авторы рассматривают содержание прессы как производное не всегда добровольного взаимодействия редакций и цензурных ведомств с их запретами. При этом является очевидным, что органы печати в годы войны явились доминантой соответствующих общественно-политических настроений и практик.

Для уточнения полученных результатов авторами использовались специальные общеисторические методы исследования: проблемно-хронологический и историко-генетический. Первый из них был задействован при определении соответствующих групп источников для решения конкретных задач, определяемых главной целью статьи: осуществить анализ прессы в качестве инструмента публичной политики в деле интеграции стран Согласия. Историко-генетический метод (ретроспективный) позволил реконструировать трансформацию контента прессы в зависимости от общественно-политической и экономической ситуации в стране.

3. Обсуждение

Осмысление роли публичной дипломатии и периодической печати как эффективного инструмента позиционирования положительных сторон государства для иностранных читателей представляет собой задачу, решение которой позволяет исследовать механизм, при помощи которого изменялись установки и мнения населения стран друг о друге. В конечном итоге пресса оказала свое специфическое влияние на принимаемые внешнеполитические решения в условиях войны.

Изучение этих вопросов с позиции влияния пропагандистских государственных усилий периода Первой мировой войны началось, как уже отмечалось, еще в 1920-е гг. Авторы публикаций были убеждены, что в случае нового военного конфликта накопленный опыт пригодится и будет активно использован. Например, в 1927 г. была опубликована, а в 1938 г. переиздана книга американского политолога Гарольда Дуайта Лассуэлла (Harold D. Lasswell) «Техника пропаганды в мировой войне» (Lasswell, 1938). В 1929 г. работа была переведена на русский язык в СССР, а в 2021 г. вновь появилась в новом переводе в России (Ласвель, 1929; Лассуэлл, 2021).

К концу 1920-х гг. относится книга Ф.Л. Блументаля с характерной для того времени риторикой в названии: «Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918: обработка общественного мнения» (Блументаль, 1928). Автор не обошел своим вниманием роль периодической печати в процессе формирования общественных настроений, но его интересы, как и интересы большинства исследователей, рассматривавших особенности пропаганды, ограничивались анализом государственных возможностей в использовании прессы для оказания влияния на общественное мнение внутри страны в условиях потенциально возможной войны.

Среди публикаций последних десятилетий особый интерес для нашей статьи вызывают работы А.Б. Астахова о российской пропаганде, направленной в условиях Первой мировой войны на нейтральные государства. Проблема получила освещение в специальной публикации, материалы которой затем явились основой отдельной главы монографии, посвященной пропаганде на русском фронте (Асташов, 2002; Асташов, 2012). Автор на объемном архивном материале показал активную деятельность гражданских и военных российских структур, нацеленную на решение проблемы привлечения на свою сторону стран, оказавшихся в сфере политических и военных интересов противоборствовавших сил. В своих выводах А.Б. Асташов отметил успехи российской пропаганды, однако констатируя при этом, что в организационном, финансовом, да и содержательном аспектах она уступала германской.

Проблема трансформации образов союзников Российской империи в Первой мировой войне раскрыта в монографии А.В. Голубева и О.С. Поршневой «Образ союзников в сознании российского общества в контексте мировых войн» (Голубев, Поршнева, 2011). Авторы отметили волнообразность процесса конструирования образа России на международной арене и оценили репрезентативное значение периодической печати в его отражении.

Нас же, как отмечалось, интересуют проблемы публичной дипломатии и своеобразные посреднические функции печати, связанные с возможностями именно непредвзятого транслирования образа страны для иностранной общественности. В деле реализации этих задач необходимо было знание чужого народа, некоторых его этнопсихологических особенностей.

Предпринимаемые в этом направлении усилия отличались от действий, нацеленных на подъем морального духа собственного населения или на ослабление воли противника к сопротивлению.

4. Результаты

Действенность идей, распространяемых среди союзников и нейтральных государств, многократно усиливалась за счет авторитета верховной власти стран – участников войны. Через официальные встречи представителей властных структур обеспечивались гарантии намеченных соглашений. Однако подготовка будущих договоренностей проходила главным образом на основе неформальных контактов, поскольку дипломатические службы с их специфической особенностью скрытного ведения дел чаще всего не могли успешно участвовать в процессе формирования общественного мнения, претендовавшего на выход за рамки формального проведения уже намеченной политики.

Впрочем, это не означает, что в этом правиле не было своих исключений, реализуемых в том числе благодаря роли отдельных влиятельных государственных деятелей. Например, Сергей Дмитриевич Сазонов являлся главой российского дипломатического ведомства с 1910 по 1916 г., а до этого служил в посольстве в Лондоне, затем занимал должность министра-резидента при папском престоле. Являясь представителем при Римской курии, он пользовался расположением Папы Римского, сумел завоевать определенный авторитет в политических кругах Рима, в том числе и среди тех, кто оказался у власти и возглавил внешнюю политику Апеннинского королевства в период Первой мировой войны. Именно С.Д. Сазонову, признававшемуся «искренним и убежденным сторонником Италии» принадлежала громадная заслуга в том, что в военных условиях началось официальное сближение Петрограда и Рима. Министр предстал в качестве лучшего противовеса интригам князя Бернгарда фон Булова, который в 1914–1915 гг. являлся германским послом в Италии и опирался на ее клерикальные круги.

Благодаря усилиям С.Д. Сазонова была подготовлена встреча Николая II и Виктора-Эммануила в Ракониджи (*Итальянские события..., 1915*). С этого момента связи между двумя государствами получили позитивное развитие, а итоговым результатом явился нейтралитет Италии, хотя она довольно долго «вращалась в орбите немецкого притяжения». Это был крупный успех союзной и российской дипломатии.

Итальянский посол в Вене 10 мая 1915 г. вручил министру иностранных дел Австро-Венгрии документ следующего содержания: «21-го апреля императорскому королевскому правительству было сделано заявление о тех серьезных причинах, в силу которых Италия, уверенная в правоте своего дела, объявила свой союзный договор с Австро-Венгрией, прекратившим существование и не имеющим в дальнейшем силы, в виду нарушения его императорским королевским правительством, и предоставила себе полную свободу действий» (*Война. Хроника и отклики, 1915*).

Таким образом, усилиями дипломатов в условиях Первой мировой войны был положен конец союзу Италии и Австро-Венгрии. Но этот эпизод дипломатической истории не исключает общего представления о роли публичности, и процесс формирования общественного мнения был далек от своего завершения, выйдя за рамки главных итогов, полученных дипломатическим путем. Подтверждением является инициированная министром иностранных дел встреча с представителями российской прессы, состоявшаяся в начале мая 1915 г. После нее периодические издания выступили со своими заявлениями, которые не вполне устроили военных цензоров.

Если газета «Речь» выразила свою неудовлетворенность способом публичного оповещения общественности об итогах достигнутых соглашений, заявив, что «было бы, конечно, более импозантно, если бы в Петрограде могли повториться сцены, которые только что произошли в Париже, и если бы С.Д. Сазонов имел возможность выступить со своим заявлением в собрании народных представителей» (*РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 213. Л. 14*). Автор статьи высказывался за необходимость более обстоятельного обсуждения этого события со стороны депутатов Государственной Думы, намекая на проблемы, которые были сознательно скрыты от внимания широкой публики: «Мы должны довольствоваться газетным сообщением, в котором рассеяно немало интересных подробностей, заслуживающих быть отмеченными» (*РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 213. Л. 14*). Оба приведенных отрывка были удалены из газеты и сохранились только в документах военной цензуры.

Такая же участь постигла часть публикации другого петроградского издания. Автор статьи в газете «День» за 12 мая отмечал, что до сих пор предметом обсуждения ещё официально не стали те компенсации, которые были гарантированы Италии за её присоединение к странам Согласия. По утверждению «Дня» которое также было удалено военной цензурой, Италия должна была стать хозяином всего принадлежавшего австрийцам Адриатического побережья. «Не может быть спора, что эти уступки весьма значительны и целиком сделаны за счёт славянских притязаний, ибо и сербы, и хорваты, и словенцы одинаково считали себя обладателями законных прав на австрийское наследство на Адриатике. Но в расчётах высшей дипломатии национальные требования должны были уступить перед интересами высшего порядка. Этим дипломатия взяла на себя великую задачу, но в то же время приняла и великую ответственность» (*РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 213. Л. 4*).

Речь в данном случае шла об обязательствах, которые брала на себя Россия в отношении славянских государств, забота о которых на европейском пространстве позиционировалась в качестве основного мотива участия империи в Первой мировой войне. Намек на отказ от этих договорных отношений ради государства, не игравшего решающей роли в происходившем военном конфликте, соблюдавшего нейтралитет, несмотря на вхождение в Тройственный союз, являлся фактическим обвинением российской дипломатии и нивелировал ее достижения в вопросе о выходе Италии из войны.

С.Д. Сазонов позднее практически признавал правоту газетных высказываний и оправдывал свою позицию, отмечая в своих воспоминаниях, что считал «преувеличенными» территориальные претензии Италии. «Насколько я считал законным желание Италии получить на севере стратегическую границу, которая обезопасила бы ее навсегда от угрозы вторжения через альпийские проходы, бывшие в руках Австрии, настолько же не оправдывались в моих глазах итальянские притязания на большую часть Далматинского побережья с прилегающими к нему островами, заселенного сплошным славянским населением, за исключением некоторых городов. Итальянцы, предъявляя свои требования, объясняли их необходимостью владеть ради безопасности обоими берегами Адриатики» (Сазонов, 2002: 132-133).

Еще одним примером индивидуальных усилий может служить специальная поездка российского публициста и писателя Сергея Николаевича Сыромятникова в США, направленная на решение задач формирования разнообразных знаний американцев и русских друг о друге, преодоления сложившихся стереотипов в этих представлениях.

Особенность ситуации, связанной с вступлением заокеанского государства в войну, заключалась в том, что: «В Соединенных Штатах, где выбор между войной и миром оставался в подвешенном состоянии даже дольше, чем в Великобритании, разногласия в вопросе о том, какую группу воюющих держав считать врагом, породили беспрецедентную массу рационализаций, пригодных для тиражирования сторонниками любой группы» (Лассуэлл, 2021: 90).

Подробно о миссии российского публициста рассказано в статье В.И. Журавлевой (Журавлева, 2015). Также сохранился ряд документов в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 1-2, 21-22, 37-37об. и др.) В условиях войны обеим сторонам необходимо было отказаться от упрощенных представлений друг о друге. В результате проделанных усилий в США в периодической печати постепенно стали набирать силу призывы к отказу от проявления нетерпимости к особенностям и реалиям решения «еврейского вопроса» в Российской империи. Американцев разубеждали в том, что возможная победа в мировой войне может привести к тому, что управляемая жестоким и деспотичным правителем Россия начнет реализовывать идеи экспансии агрессивного панславизма, ставившего под угрозу существования западную цивилизацию.

Одновременно россияне уверяли в том, что представления об Америке как о стране «дымящих заводов», а о ее жителях как о «нации делателей денег» не являются исчерпывающими и страдают упрощенностью (Журавлева, 2015: 87, 93). Развернувшаяся в России кампания по избавлению от немецкого засилья, в том числе и в экономической сфере, потенциально подталкивала российского покупателя «в объятия» американского продавца.

Основное назначение военной цензуры, сформированной сразу после начала войны, заключалось в противодействии возможной утечке важной информации. Однако не менее важной функцией выступало и распространение через печать нужных сведений. Военные цензоры делали это не через конкретный «заказ», а путем негласного разрешения на распространение определенных сообщений и материалов.

Для редакций газет с определенного момента становилось очевидным, что при освещении отдельных тем допускаются несоблюдения жестких правил. Одновременно в действиях военной цензуры просматривалась определенная жесткая позиция в отношении как недооценки роли союзников, так и в преувеличении степени союзнических успехов. В целом же такого рода публикации могли выглядеть для союзников и противников как пока неофициальный, но в перспективе возможный правительственный подход к решению тех или иных проблем внутренней и внешней политики.

Наряду с неоднозначными моментами существовали и общие начала, на которые можно было опереться при необходимости расстановки новых акцентов, нацеленных на сближение этих государств. Например, введение Николаем II «сухого закона» на период мобилизации ставилось американской печатью и общественными деятелями в один ряд с реформами Петра I и Александра II, поскольку оно тесно перекликалось с трезвенным движением в самих США, так же как и борьба за эмансипацию русских женщин согласовывалась с движением за права женского населения в США (Журавлева, 2015: 92).

В газете «Утро» 17 марта 1915 г. в заметке: «За хлопком в Америку» рассказывалось об уполномоченных от московских хлопчатобумажных фабрикантов, побывавших в Англии и Соединенных Штатах, где им удалось закупить значительное количество хлопка для фабрик Московского района. В их докладе отмечалось: «В настоящее время в Америке смотрят на Россию как на чрезвычайно интересную страну для торговых отношений в ближайшем же будущем и верят в

финансовую силу России и особенно преклоняются перед ее политикой отрезвления» (РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 708. Л. 3).

Из письма, адресованного С.Н. Сыромятниковым министру иностранных дел С.Д. Сазонову, следовало, что, намереваясь отправиться с особой миссией в США, он изучил доклады об американской печати, подготовленные агентами российского Министерства торговли за последние 15 лет (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 2).

Следует отметить, что это были осознанные и совершенно необходимые действия накануне организации такого рода поездки. Дипломаты и штабные офицеры иначе, по сравнению с гражданскими лицами, чье мнение на самом деле играло в большинстве вопросов решающее значение, воспринимали происходившие события. В данном случае даже было неважно, насколько это восприятие соответствовало реалиям того времени. Просто одно дело высказывания в конфиденциальной дипломатической переписке, а совсем другое – выступление на страницах прессы.

Авторы публикаций в периодических изданиях использовали свои методы воздействия на читателя, учитывая буквально каждодневно изменявшиеся настроения публики, исходя из ее увлечений и господствовавших предрассудков. Эффект усиливался тем, что на первом месте были не логические рассуждения, а образное восприятие, живые, эмоционально рассказанные истории. Все это служило развитию читательского интереса, продаваемости изданий и увеличению тиражей: «...многие газеты однажды обнаруживают, что, честно приобретя приверженцев, они не могут резко изменить позицию...» (Липпман, 2004: 331).

В ходе миссии С.Н. Сыромятникова был подготовлен план создания в Нью-Йорке «Русско-славянского бюро переводов» («Russian Slavonic Translation Office») с целью распространения через американскую печать сведений о России, о ее участии в развернувшихся военных событиях. Через эту информацию, касавшуюся самых разных сфер жизни, планировалось оказать воздействие на процесс формирования общественного мнения в отношении России. «Основой для правильного изучения России в США» должны были стать переводы из русских газет, журналов и книг, публиковавшиеся в агентстве «Associated Press» (Журавлева, 2015: 94).

Следует отметить, что такого рода подборки текстов способны были играть очень важную роль в процессе зарождения и сохранения дружественных отношений между самими союзниками и союзников с нейтральными странами. В свою очередь, страны Четверного союза в формируемой ими информационной сфере старались внести схожими методами раскол среди государств Антанты.

Например, в Берлине издавалась специальная газета на русском языке для российской армии и ее военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, а также для стран Антанты под названием «Русский вестник». В основном она состояла из отобранных по определенному плану заметок из российских газет. Опубликованные материалы должны были свидетельствовать о господствовавшей в России национальной и религиозной нетерпимости, о давлении российских властей на печать и на формируемое ею общественное мнение, на другие недостатки, ставившие под сомнение возможности и прочность союза воевавших на стороне противника государств.

В первом номере издания редакция заявляла, что она печатает подлинные официальные сообщения всех воюющих сторон, чтобы читатель сам мог составить себе правдивую картину о ходе военных действий. Для получения обзора ежедневных событий стоило лишь сопоставить соответствующие сообщения (Русский вестник, 1915, № 1, 4 декабря). Однако на самом деле редакция активно подсказывала те выводы, которые должен был сделать читатель. Так, в сообщении от Российского штаба Верховного Главнокомандующего от 29 ноября 1915 г. сообщалось о боях в Рижском районе. Рассказывалось о взятых в плен немецких офицерах и нижних чинах, о доблести российских воинов, «соперничавших в проявлении храбрости и чувства долга». Однако на этой же странице содержалось сообщение от германской Главной квартиры, в котором говорилось следующее: «Русское официальное сообщение от 29 ноября о боях, происходивших якобы в районе Иллюкста – Казимиршки, является чистейшим вымыслом. В армии генерала графа фон Ботмера слабые части русских, двинувшиеся было в наступление, были отражены передовыми отрядами (Восточный театр, 1915). В таком же духе представлялись неудачи англичан, потерявших на Иракском фронте за пять дней пять тысяч человек, бросивших 100 верблюдов и не успевших сжечь «хоть маленькую часть вещей и военного материала».

Другие сообщения с фронтов выглядели вполне нейтрально и содержали незначительную информацию, как бы «разбавляя» ключевые сообщения. Зато в разделах, посвященных внутреннему положению России, перечислялись местности, которым угрожало отсутствие продовольствия, говорилось о закрытии Центрального кооперативного комитета, предназначенного для борьбы с дороговизной, отмечалась плохая работа транспорта и повествовалось о нерешаемых проблемах беженцев в городе Томске.

От экономических вопросов газета плавно переходила к политическим и, сославшись на «Московские ведомости» от 15 ноября 1915 г. заявила, что «можно уже вполне откровенно объяснять причины перемены правительственного курса и что прежние фразы о совместной деятельности власти и общественности можно сдать в архив как потерявшую смысл словесную декорацию» (Власть и общественность, 1915).

Наконец содержались сообщения, совершенно точно адресованные союзникам, реальным и потенциальным. В газете, читавший ее российский военный цензор, отметил их своим карандашом. Первая заметка называлась «Инородцы и иноверцы. Латыши и эстонцы». Ссылаясь на «Новое время», автор отмечал, что наложенное по решению Совета министров запрещение на имущество немцев будет распространено на всех жителей Прибалтийского края евангелического вероисповедания, которые таким образом будут лишены прав коренного русского населения. От этой меры в первую очередь должно было пострадать латышское и эстонское население оставшихся во власти русских двух остзейских провинций, поскольку латыши в Лифляндской губернии составляли 43,9 %, а эстонцы в Эстляндской губернии – 88,8 и в Лифляндской губернии – 39,9 % от всего населения (*Инородцы и иноверцы. Латыши и эстонцы, 1915*).

Следующая информация содержала сведения о закрытии еврейских газет: «Главкомандующий армиями Северного фронта, по сообщению "Речи" от 18 ноября воспретил выход и распространение газет на еврейском языке» (*Закрытие еврейских газет, 1915*). Редакция «Русского вестника» подчеркивала, что этот запрет никак не связан с проблемами безопасности государства, поскольку из перечисленных восьми изданий только «Кооперация среди евреев» и «Петроградер Тогблат» действительно печатались, а остальные были разрешены властями, но пока еще не выходили в свет, но попадали теперь под запрет (*Закрытие еврейских газет, 1915*).

Таким образом, публикации в немецком «Русском вестнике» наглядно демонстрируют, как «газеты работают друг против друга, причем каждая старается огласить то, что противник хотел бы скрыть» (*АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 7*). Мы далеки от вывода о том, что только благодаря публикациям в газетах удалось упрочить блок государств, противостоящих в Первой мировой войне Четвертому союзу, или обеспечить участие США в войне на стороне Антанты. Вступление Вашингтона в военные действия было в первую очередь спровоцировано самой Германией, организовавшей, например, подводную войну и потопившей 7 мая 1915 г. британский пассажирский лайнер «Лузитания» на борту которого были в том числе и американцы. Российский посол в Вашингтоне 16 мая 1915 г. также сообщал о нападении немецкой подводной лодки на американское торговое судно, отмечая, что «ежели оно оправдается, то вызовет, может быть, сильнейшую агитацию, чем после гибели "Лузитании"» (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 36*). Существовали и другие многочисленные факторы, которые усиливались приведенными обстоятельствами.

Сторонников Соглашения и Четвертого союза разделяли сами принципы подхода к международной политике, различное видение будущего послевоенного мира: под имперским флагом или с противостоящим ему гарантированным правом на самоопределение. Эти обстоятельства способствовали более успешному пониманию в американском обществе усилий, прилагаемых посредством публичной дипломатии будущими союзниками США в войне.

В этом контексте России как одной из четырех империй, сохранявшихся на европейском пространстве, необходимо было показать свои отличия от уже заметно девальвированной германской политической системы, обозначить желание избавиться от прежних отрицательных национальных моделей мышления и сохранявшихся стереотипов. Министерство иностранных дел активно транслировало добровольную готовность избавиться от недостатков, препятствовавших созданию прочного союза, постулировало в условиях войны однородность взглядов с союзниками на послевоенное будущее.

Министерство иностранных дел России негласным путем еще в начале войны наметило меры по борьбе с распространением за границей вредных для государственных интересов сведений. По инициативе министерства было проведено специальное междуведомственное совещание с целью воздействия на общественное мнение за рубежом. Среди ключевых вопросов прозвучала задача «воздействия на нейтральную печать с целью недопущения ее перейти на сторону наших противников» (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 4*). Однако в конце января 1915 г. пришлось констатировать, что поставленные задачи не только не были до конца решены, но и обрели еще более сильное звучание, поскольку противники России в войне стали применять еще более активные действия, и теперь уже было недостаточно только противостоять направленным против страны известиям предоставлением достоверного материала. Необходимо было стремиться к широкому распространению таких сообщений, которые могли бы вызвать интерес читающей зарубежной публики и увеличить симпатии правительств и населения союзников и нейтральных государств (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 4об.*)

Военное министерство настаивало на необходимости активнее обсуждать при помощи периодической печати обоюдно выгодные экономические мероприятия, которые могли бы послужить основанием для более интенсивного взаимодействия сторон (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 4об.*) Для этой цели предлагалось создать в Петрограде наряду с уже существовавшими русско-итальянской и славянской торговыми палатами «новых торговых палат русско-скандинавской и даже русско-румынской» (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 5*). Действовавшие и намеченные к организации структуры должны были в соответствии с замыслом способствовать обсуждению в российской и зарубежной печати взаимных экономических интересов. Для решения этих задач военное ведомство готово было выделить необходимую финансовую поддержку.

Однако этого было недостаточно, и был поставлен вопрос о характере предоставляемой информации. Для освещения военных событий необходимо было, с одной стороны, исключить секретную информацию, а с другой – не допускать ложных или формальных мало информационных сведений. В качестве еще одной из мер предполагалось в каждое из государств, в которых была заинтересована Россия, направить своих представителей, знакомых с особенностями страны и обладавших публицистическими способностями. Отмечалось, что эти лица должны были пользоваться поддержкой российских консульских и дипломатических учреждений, но быть вполне от них независимыми, т.е. создавать впечатление о своей отстраненности от официальной пропаганды. Наконец, в Петрограде планировалось создать специальное бюро, которое собирало бы необходимые сведения для сообщения за границу, а также анализировало бы все данные о распространяемых за границей вредных для России известий: «Так как попытки враждебного нам влияния на общественное мнение могут быть действительным образом отражены лишь немедленным им противодействием, то в деятельности нашей в этом направлении должны быть устранены всякие излишние промедления» (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 80б.)

5. Заключение

Страны Согласия на момент вступления в войну, естественно, обладали определенным знанием друг о друге, и оно в какой-то своей части способствовало их сближению, но могло служить и дополнительным поводом для раздоров. Так, препятствием выступали известные представления о различном уровне экономического развития, на котором находились потенциальные союзники. Еще в большей степени стран-союзников разделяли внешнеполитические устремления.

Летом 1914 г. Германия выступала в качестве одного из ключевых фигурантов, на совести которого лежала ответственность за начало войны. Но возложенное на ее плечи можно было уже тогда смело разделить как минимум с Австро-Венгрией, Сербией, Францией, Великобританией и Россией. Каждая из перечисленных стран имела свои особые представления по поводу развивавшихся событий. У любой из них имелись свои далеко идущие цели в области империалистической политики. Ложные и подлинные представления о соседних государствах зачастую оборачивались причиной социального и политического напряжения в отдельных регионах и в мире в целом.

Для формирования союзов, а также для сохранения и успешного взаимодействия их членов необходимо было иметь общее представление о войне во всей ее полноте и в самых различных ее аспектах, выработать общее видение послевоенного переустройства. Внешнеполитические ведомства прилагали огромные усилия для трансляции своей позиции, достижения потенциального сближения, используя авторитет верховной власти, предоставлявшей гарантии подготовленных соглашений.

В решении этих проблем особая роль отводилась позитивному образу страны, способному содействовать принятию важных политических решений. А важнейшим инструментом осуществлявшейся информационной политики выступала публичная дипломатия. С ее помощью на неофициальном уровне предоставлялись немедленные ответы на вопросы, которые регулярно ставила война, полная не запланированных инцидентов.

Активное участие прессы в освещении происходивших событий, в их политической оценке и в формировании общественных настроений способствовало выработке взглядов, оценок и суждений как на уровне массового, так и индивидуального сознания.

В России намеченные меры создания условий для распространения позитивного образа страны за рубежом удалось реализовать с разной степенью успеха. Что-то было исполнено с присущим для бюрократической системы формализмом, не обошлось без ошибок и заблуждений. Но для нас приведенные примеры являются убедительным доказательством того, что на протяжении Первой мировой войны, в условиях сложного и переменчивого времени, методы публичной дипломатии активно использовались для привлечения союзников и нейтральных стран на свою сторону. Приведенный материал дает возможность проследить, как в условиях решения назревших внешнеполитических задач Россия вынуждена была пойти на изменение своего образа, сделав его более понятным и убедительным для своих западных партнеров. И одна из главных ролей в этом принадлежала российской печати.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
Агуреев, 2020. – Агуреев С.А. Болгария на пути к Четвертому союзу и политика Российской империи // *Обозреватель*. 2020. № 1 (360). С. 98-109.

Асташов, 2002 – Асташов А.Б. Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организация, средства, методы // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Европейское измерение политической истории. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 101-123.

Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первая мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.

Блументаль, 1928 – Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну. М., 1928. 168 с.

Власть..., 1915 – Власть и общественность // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Война..., 1915 – Война. Хроника и отклики. Пг.: Издание «Исторического вестника», 1915. № 11. 48 с.

Восточный..., 1915 – Восточный театр // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Голубев, Поршнева, 2011 – Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзников в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

Журавлева, 2015 – Журавлева В.И. Заокеанское путешествие С.Н. Сыромятникова, или как убедить американцев изучать Россию // *Новая и Новейшая история*. 2015. Вып. 4. С. 87-100.

Закрытие..., 1915 – Закрытие еврейских газет // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Иногородцы..., 1915 – Иногородцы и иноверцы. Латыши и эстонцы // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Итальянские события..., 1915 – Итальянские события и русская дипломатия // *Колокол*. 1915. № 2701. 10 мая.

Ласвель, 1929 – Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне / Сокращенный перевод с англ. в обработке Н.М. Потапова. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. военной лит., 1929. 199 с.

Лассуэлл, 2021 – Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. М.: РАН; ИНИОН, 2021. 237 с.

Луман, 2005 – Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 253 с.

Пашенцев, 2013 – Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке и ее интерпретация в США // *Государственное управление*. Электронный вестник. 2013. № 36. С. 80-98.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Русский вестник..., 1915 – Русский вестник. 1915. № 1. 4 декабря.

Сазонов, 2002 – Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002. 368 с.

Lasswell, 1938 – Lasswell G.D. Propaganda Technique in the World War. N.Y.: Peter Smith, 1938. 244 p.

Nye, 2008 – Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. Pp. 94-109.

References

Agureev, 2020 – Agureev, S.A. (2020). Bolgariya na puti k SHetvernomu soyuzu i politika Rossijskoj imperii [Bulgaria on the way to the Fourth Alliance and the policy of the Russian Empire]. *Obozrevatel'*. 1(360): 98-109. [in Russian]

Astashov, 2002 – Astashov, A.B. (2002). Politicheskaya propaganda na nejtral'nye strany v gody Pervoj mirovoj vojny: organizaciya, sredstva, metody [Political propaganda on neutral countries during the First World War: organisation, means, methods]. *Evropejskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya*. Evropejskoe izmerenie politicheskoy istorii. M.: IVI RAN. Pp. 101-123. [in Russian]

Astashov, 2012 – Astashov, A.B. (2012). Propaganda na russkom fronte v gody Pervaya mirovoj vojny [Propaganda on the Russian front during the First World War]. M.: Speckniga, 400 p. [in Russian]

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].

Blumental', 1928 – Blumental', F. (1928). Burzhuaznaya politrabota v mirovuyu vojnu [Bourgeois political labour in the world war]. M., 168 p. [in Russian]

Golubev, Porshneva, 2011 – Golubev, A.V., Porshneva, O.S. (2011). Obraz soyuznikov v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovyh vojn [The image of allies in the consciousness of Russian society in the context of world wars]. M.: Novyj hronograf, 392 p. [in Russian]

Inorodcy..., 1915 – Inorodcy i inovercy. Latyshy i estoncy [Inorodcy i inovercy. Latyshy i estoncy]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]

Ital'yanskie sobytiya..., 1915 – Ital'yanskie sobytiya i russkaya diplomatiya [Italian events and Russian diplomacy]. *Kolokol*. 1915. № 2701. 10 maya. [in Russian]

Lassuell, 2021 – Lassuell, G.D. (2021). Tekhnika propagandy v mirovoj vojne: perevod s angl [Propaganda techniques in world warfare]. M.: RAN; INION, 237p. [in Russian]

Lasswell, 1938 – Lasswell, G.D. (1938). Propaganda Technique in the World War. N.Y.: Peter Smith, 244 p.

Lasvel', 1929 – Lasvel', G. (1929). Tekhnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda techniques in world warfare]. Sokrashchennyj perevod s angl. v obrabotke N.M. Potapova. M.; L.: Gos. izd-vo. Otd. voennoj lit., 199 p. [in Russian]

Luman, 2005 – Luman, N. (2005). Real'nost' massmedia [The reality of mass media]. M.: Praksis, 253 p. [in Russian]

- Nye, 2008 – Nye, J.S. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 616: 94-109.
- RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Russkij vestnik... – Russkij vestnik [Russian Herald]. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Sazonov, 2002 – Sazonov, S.D. Vospominaniya [Memories]. Mn.: Harvest, 2002. 368 s. [in Russian]
- Vlast'..., 1915 – Vlast' i obshchestvennost' [Authorities and the public]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Voina..., 1915 – Voina. Hronika i otkliki [War. Chronicle and responses]. Pg.: Izdanie «Istoricheskogo vestnika», 1915. № 11. 48 p. [in Russian]
- Vostochnyj..., 1915 – Vostochnyj teatr [Oriental theatre]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Zakrytie..., 1915 – Zakrytie evrejskih gazet [The closure of Jewish newspapers]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Zhuravleva, 2015 – Zhuravleva, V.I. (2015). Zaokeanskoe puteshestvie S.N. Syromyatnikova, ili kak ubedit' amerikancev izuchat' Rossiyu [S.N. Syromyatnikov's overseas journey, or how to persuade Americans to study Russia]. *Novaya i Novejshaya istoriya*. 4: 87-100. [in Russian]

Периодическая печать как инструмент публичной дипломатии в процессе интеграции стран Согласия в годы Первой мировой войны

Ирина Викторовна Алферова ^a, Валерий Федорович Блохин ^{a, *}, Наталья Борисовна Акоева ^b, Михаил Аvezович Бондарев ^a

^a Брянский государственный университет, Брянск, Российская Федерация

^b Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В условиях Первой мировой войны надежные отношения между союзниками, основанные на взаимной поддержке, являлись важной предпосылкой успешного ведения военных действий. Однако достижение такого уровня взаимоотношений, базировавшихся на устойчивом доверии друг к другу, зависело не только от дипломатических усилий обеих сторон. Важным условием являлись возможности транслирования о себе как о соратнике позитивной информации при решении военных и политических задач. Многие зависело также от качества целенаправленного воздействия на массовое сознание населения стран-партнеров и нейтральных государств. В статье рассмотрены некоторые аспекты такого взаимодействия, показаны механизмы передачи содержательных и эмоциональных сведений посредством публичной дипломатии. Авторы на конкретных примерах демонстрируют участие периодической печати в деле интерпретации происходивших событий. Пресса играла значительную роль в обосновании внешнеполитических предпочтений Российской империи в период Первой мировой войны. Приведенные в статье эпизоды, нашедшие отражение в периодических изданиях времен войны, являются убедительным доказательством того, что в условиях сложной и переменчивой обстановки методы публичной дипломатии активно использовались для привлечения союзников и нейтральных стран на свою сторону. Статья в основной своей части опирается на материалы российских архивов и периодических изданий периода Великой войны.

Ключевые слова: внешняя политика, страны Согласия, публичная дипломатия, общественное мнение, периодическая печать, военная цензура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: blohin.val@yandex.ru (В.Ф. Блохин), alferovairi@yandex.ru (И.В. Алферова) bondarevmike27@gmail.com (М.А. Бондарев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1512-1521
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1512

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Military Aviation and the Aviation Industry of the Russian Empire in the First World War: Potential, Economic and Technological Solutions (according to Archival Documents)

Alexander L. Chupin ^a, Svetlana V. Bryukhovetskaya ^b, Marina B. Medvedeva ^b, Oleg Yu. Kazenkov ^{c, d, *}

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^d P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of technological solutions during the First World War related to the production of aviation equipment. It is proved that there is in certain technological segments of the aviation industry Russia kept pace with the West. The nature of the war on the Eastern Front and the mistakes of the High Command largely determined the vector of technological development of the Armed Forces of the Russian Empire in the First World War and their air force formations in particular. The authors believe that the tasks of modernizing the Russian Air Force were solved by the spring-summer of 1917, but the policy made its own adjustments, the aviation industry and other segments of the industry fell into decline quite quickly, soon the industrialization of the period of the First World War was completely forgotten. Nevertheless, the experience in the technological sphere remained, which contributed to the continuation of the technological modernization of the aviation industry in Russia after March 1917. The First World War set Russia tasks that its society could not imagine until August 1914. However, Russia managed to create 21 enterprises of the aviation industry by the autumn of 1917, and valuable experience was also gained in the economic and technological development of this industry. The authors aim to show in the article the significant success of the Russian aviation industry during the First World War, as well as achievements in the development of the potential of Russian military aviation as a whole during this period. But the authors also reflect in their work the main shortcomings of the aviation industry of the Russian Empire, which occurred in general from the nature of government and its armed forces.

Keywords: military aviation of the Russian Empire, the First World War, the history of Russian aviation, the aviation industry of Russia in the First World War.

1. Введение

Первая мировая война стала первой войной двигателей. Как общепринято, но это не совсем точное определение, эта война стала переходом от методов вооруженной борьбы XIX в. с приоритетом артиллерийских калибров и количеств винтовок к модели войны XX в., главной сферой которой выступает воздух. Самые современные изобретения, среди которых был самолет, использовались во время войны с большим размахом. Вначале примитивные самолеты, способные выполнять разведывательные полеты, стали одним из основных средств ведения боевых действий. Отрасль, которая до войны была представлена практически небольшими промышленными предприятиями, превратилась в высокоразвитую и определяющую развитие науки и техники в любой стране. Однако развитие самолетов и их вооружений контрастирует с тем, что было до Первой мировой войны, когда качественные характеристики систем вооружений менялись медленно. Россия

* Corresponding author

E-mail addresses: o.kazenkov@gmail.com (O.Yu. Kazenkov)

вступила в эту войну, имея армию фактически образца 1870-х гг. Но с некоторыми оговорками, разумеется. Столько быстрый переход к новым качественным и количественным характеристикам оборонно-промышленного комплекса и вооруженных остался «за кадром» в отечественной и зарубежной историографии, где принято «монотонно» уже несколько десятилетий повторять тезис об отсталости государственной системы русского царизма. Авиационная отрасль наглядно демонстрирует тот факт, что эта «отсталая» система могла быстро приспосабливаться к новым требованиям научно-технического прогресса, несмотря на достаточно высокую степень консерватизма военной элиты государства.

Первая мировая война рассматривается в России многими историками и не только историками в качестве главного фактора, приведшего страну к социальной революции. В этой связи, особенно левыми считается, что Российская империя не «выдержала экзамен» этой войной с точки зрения способности ее экономики стать базой для развертывания производства оборонных товаров в необходимых для обеспечения армии масштабах. В общем, в этом смысле продолжается традиция, заложенная советским военным историком Г.И. Шигалиным (Шигалин, 1956), базисом которой стала большевистская концепция о predetermined заранее отставании царской России, сформулированная еще до Октябрьского переворота и широко обсужденная на рубеже 1920–1930-х гг. в формате дискуссии о дальнейшем пути развития Советского государства. Однако изученные нами документы позволяют сделать несколько иное заключение: промышленность России готова была решать поставленные перед ней войной задачи, но имело место слабое и неповоротливое планирование на высшем уровне управления Вооруженными силами.

Мы проводим в настоящей работе сравнительный анализ стратегий развития основных российских предприятий авиационного производства на основе опубликованных работ и архивных источников. Наша цель – ответить на следующие вопросы: 1) в какой степени российская авиапромышленность была готова к войне? 2) в какой степени она смогла удовлетворить потребности фронта в количественном отношении? 3) Соответствовали самолеты российского производства технологическим требованиям своего времени?

2. Материалы и методы

Базой источников нашей работы послужили материалы фондов Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива и Российского государственного архива Военно-морского флота. Это ведомственные материалы по текущим вопросам организации военной авиации, производства и заказов авиационной техники, а также отчетность по итогам этой деятельности. Мемуарную и советскую литературу мы считаем в большинстве своем и в большинстве пунктов предвзятой. Например, Н.Н. Головин, писавший свою аналитическую работу во Франции после Великой Войны, не проводит сравнения состояния авиации России в начале Первой мировой войны с государствами-противниками. Статистические данные приводятся им часто без ссылок на источники. Это и понятно, если учесть, что работа писалась в эмиграции (Головин, 1939: 46-49). Немало мемуаров тех, кто имел власть в старой России, являются субъективными работами, не имеющими отношения к исторической науке. Так, например, в 2007 г. вышли воспоминания первого российского генерала авиации В. М. Ткачева «Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации 1910–1917 гг.». Но этот единственный фундаментальный труд мемуарного характера по первым годам истории российской военной авиации создавался его автором в условиях жесткой цензуры в СССР (Ткачев, 2007). В.М. Ткачев отбыл в Советском Союзе в 1945–1955 гг. срок в ГУЛАГе по политической статье как бывший активный участник Белого движения. В.М. Ткачева заставляли переделывать свою книгу согласно идеологическим установкам коммунистического режима. К тому же эта работа содержит не так много сведений о стратегии развития Военно-воздушного флота Российской империи. Участники тех событий в период Великой войны не имели времени на создание мемуарных трудов. Кроме того, многие бывшие летчики ВВФ Российской империи затем приняли участие в Белом движении, и это также создало впоследствии известные сложности с публикацией их воспоминаний.

Мы изначально поставили задачу изучить вопрос с военной авиацией и ее выпуском в Российской империи по архивным документам. Анализ мемуарной литературы является отдельной историографической задачей, которой мы уделили ограниченное внимание. Мы не стали обращаться к периодической печати, так как в ней не раскрывались стратегические вопросы развития военной авиации в России. Кроме того, периодическая печать в Российской империи периода Первой мировой войны находилась под контролем государственной цензуры.

Достижению поставленной цели способствовало применение проблемно-хронологического и сравнительного методов. Их сочетание позволило не только раскрыть состояние авиационной промышленности Российской империи в годы Первой мировой войны, показать проблемы ее развития, но и сравнить ее с состоянием авиационной промышленности других ведущих стран в аспекте способности обеспечить потребности вооруженных сил в авиационной технике.

3. Обсуждение

В советской историографии развитие авиационной промышленности во время Первой мировой войны было фрагментарным. В общем контексте развития авиации П. Дуз рассматривал эту проблему (Дуз, 1989). В своем исследовании, посвященном разработке самолетов, В. Шавров также кратко остановился на состоянии авиационной промышленности (Шавров, 1978). В постсоветской российской историографии есть две группы исследований, имеющих отношение к нашей работе. Первыми из них являются публикации, посвященные общим вопросам развития российской авиации и авиационной промышленности (Соболев, 2011; Куликов, 2014). Вторая группа состоит из работ по конкретным типам и классам российских самолетов периода Первой мировой войны (Хайрулин, 2010; Маслов, 2021; Петров, 2000). Но отметим особо: эти работы носят больше научно-популярный характер, как значительная часть постсоветской отечественной литературы о Первой мировой войне. Свое мнение о мемуарной и советской литературе мы сказали выше.

4. Результаты

Состояние военной авиации России в Первую мировую войну

К лету 1914 г. Россия находилась в составе мировой пятерки лидеров по выпуску самолетов, но военные модели относились в основном к морской авиации (Каширин и др., 2021: 1025-1026). Для армии развивались преимущественно аэропланы разведки. Даже знаменитый бомбардировщик «Илья Муромец» изначально планировался как самолет дальней (армейской) разведки, когда для разведки корпусного уровня предусматривались «Ньюпор-4» и «Фарман-16» (Елисеев, 2008). В целом у России в канун Первой мировой войны не наблюдалось серьезного технологического отставания по авиации по сравнению с государствами Запада (Karataev et al., 2017; Герасимов, 2004). На вооружении Вооруженных сил Российской империи имелись 263 самолета в составе 39 авиаотрядов (Аллахвердянц, 2008: 95).

Летом 1914 г., разумеется, никто в российском высшем командовании не имел представления о том, сколько и каких качественных характеристик потребуется самолетов даже через полгода ведения боевых действий. Усиление интенсивности воздушной войны потребовало частых пересмотров планов в пользу расширения выпуска самолетов и их закупок за рубежом. Даже после первого месяца войны акцент в развитии военной авиации России делался в пользу морской авиации, на что указывает тот факт, что на флот переводились летчики из армии (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1451. Л. 26).

Кроме того, в начале Первой мировой войны в офицерском корпусе армии Российской империи продолжали иметь место быть ультра-консервативные настроения, выразившиеся в известной формулировке: «Техника убивает дух армии» (РГВА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 15. Л. 232).

В конце 1915 г. Россия имела на фронтах 322 исправных самолета (всего в армии числились 574 самолета (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 20)). После многих боев за весь тот год российские пилоты совершили 9993 боевых полета, проведя в воздухе в общей сложности 14647 часов (Куликов, 1998: 30). При этом 35 % потерь летного состава стало следствием огня зенитной артиллерии противника и воздушных боев (2 %) (Куликов, 1998: 30). По другим данным, в 1915 г. было выполнено летчиками российской армейской авиации 14838 полетов (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 28). Потери высоко квалифицированных кадров восполнялись в основном за счет выпускников двух летных школ в Гатчине и Севастополе (Офицерская авиационная школа). К октябрю 1917 г. ими было подготовлено около 1000 пилотов (Аллахвердянц, 2008: 95). Но с начала войны были открыты и другие авиационные школы: Авиационная школа Императорского Московского общества воздухоплавания в Москве, Школа авиации Черноморского флота в Севастополе, Школа авиации при заводе Анатра в Одессе, Авиационная школа при Императорском Всероссийском аэроклубе в Петрограде, Офицерская школа авиации в Тифлисе, Офицерская школа морской авиации Отдела Воздушного флота в Петрограде с отделением в Баку (подготовка пилотов морской авиации). Всего к 1 января 1916 г. действовали 9 летных школ (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 31) обучение в которых прошли в течении 1915 г. 989 человек, из них 62 слушателя не завершили в силу разных причин обучение (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 31). К 1 января 1916 г. численность личного состава только нижних чинов удалось увеличить до 7972 человек против 772 человека на 1 января 1915 г. (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 35).

К 1 февраля 1916 г. Российская армия имела в своем составе 56 авиационных отрядов, из них 52 – на фронтах (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 21). При этом летный состав достиг численности 297 человек, из которых 81 относились к нижним чинам (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 25). Надо сказать, прогресс в увеличении количества пилотов к концу зимы 1916 г. был небольшой, если сравнивать с 1915 г. Самолетов состояло в армии на 1 января 1916 г. 505 единиц, но при этом поступило в 1915 г. новых аэропланов 785 шт., убыль по разным причинам составила в 1915 г. 507 самолетов (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 26).

К 20 мая 1916 г. в армии России было уже 65 авиаотрядов (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 38). Но при этом количество самолетов фронтовой авиации было небольшим – 437 машин, из которых 275 исправных. Во фронтовой российской авиации преобладали на конец мая 1916 г.

бомбардировщики «Вуазен» 126 шт. А также истребители системы «Моран» 106 шт. (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 41). Более эффективные истребители «Ньюпорт» оставались редкостью.

«Моран» был хорошим по технико-тактическим характеристикам самолетом. Но с появлением у Германии и Австро-Венгрии в середине 1916 г. более совершенных модификаций истребителей «Альбатрос» эта машина, выпуск которой занимались в России «Дукс» и завод Лебедева, уже морально устарела. Для противодействия новым немецким истребителям требовались более продвинутые модификации «Ньюпортов» подачу которых в войска в нужных масштабах удалось начать не ранее ноября 1916 г.

К 1 сентября 1916 г. ситуация с оснащенностью российской фронтовой авиации самолетами немного улучшилась: в 75 отрядах имелось 716 аэропланов, из которых исправных – 401 (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 51). Много было по-прежнему «Вуазенов» 173 шт. Следующими по количеству в частях фронтов следовали «Мораны» 108 шт., «Ньюпортов» было только 45 шт., «Спадов» 27 шт. (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 51). Количество авиационных военных школ при этом снизилось к осени 1916 г. до 6. В них на тот момент обучались 199 офицеров и 537 нижних чинов (РГВА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 87. Л. 54).

По скорости уже в 1915 г. российские образцы самолетов стали уступать самолетам противника и союзников. Это потребовало развернуть производство истребителей «Ньюпорт-17» Nieuport Ni.17 и «Спад-7» SPAD VII (по французским лицензиям) в Москве (фирма «Дукс») и Nieuport Ni.17 Одессе (фирма «Анатра»).

В 1914 г. доля боевых самолетов в общем российском производстве составила 53 % против 95 % у Германии (Кузьмин, 2018: 12). В 1915 г. доля истребителей в российском выпуске боевой авиации вышла на показатель только 1 % против 17 % у Германии, в 1916 г. 9 % против 33 % у немцев (Кузьмин, 2018: 14). Такая структура выпуска боевых самолетов обрекала Россию в случае отсутствия импорта истребителей на поражение в воздухе. При этом из 1491 самолета, построенных в 1916 г. (самый максимальный выпуск был продемонстрирован в этом году) российскими компаниями, 70 % имели зарубежные конструкции (Кузьмин, 2018: 17). Заимствования моделей велось в основном у французов. Это стало следствием системного отставания авиапрома России и его конструкторской базы в силу того, что до войны и в первый ее год высшее военное командование пренебрежительно относилось к боевым самолетам (Кузьмин, 2018: 17).

К началу Февральской революции 1917 г. была достигнута удовлетворительная укомплектованность армии самолетами: Северный фронт – 117 машин, Западный фронт – 129, Юго-Западный фронт – 200, Румынский фронт – 99 (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1224. ЛЛ. 117-120). На всех фронтах состояло в частях 545 самолетов, из которых 119 относились к классу истребителей (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1224. Л. 120). Например, Германия имела на фронтах в 1917 г. в среднем 1500 самолетов (Klein, 1969: 53). Но масштаб вовлеченности германской военной авиации в боевые действия был большим.

Морская авиация в России, несмотря на явные приоритеты в ее пользу со стороны высшего командования, имела на начало Первой мировой войны только 23 аэроплана иностранного производства (Герасимов, 2006: 308). После всех мер, которые предпринимало Военно-морское ведомство, количество самолетов к концу 1917 г. у Черноморского и Балтийского флотов составило 202 шт. (Герасимов, 2006: 312).

Наращивание потенциала производственной базы

Момент вступления Российской империи в войну привел к росту производства вооружений и военных материалов, включая самолеты. Одним из решающих факторов, приведших к росту производства, стало то, что доставка из-за рубежа стала затруднительной, одной из причин чему была нехватка самолетов у самих Франции и Англии. Поэтому России пришлось частично заменить зарубежные образцы собственными, при этом технологическая база осталась западная.

Использование самолетов в полевых условиях привело к их ускоренному износу. Период эксплуатации самолета до капитального ремонта составлял два-три месяца, а общий жизненный цикл – не более девяти месяцев. Все это, а также боевые потери потребовали увеличения поставок самолетов.

Российские авиационные предприятия получили крупные контакты, которые почти в 10 раз превысили объем заказов, имевшихся до войны. Это подтолкнуло владельцев предприятий к развитию производственной базы существующих заводов и созданию новых предприятий.

Постепенно наметилась тенденция, ознаменовавшая переход от лицензионного производства зарубежных образцов к производству самолетов по собственным проектам. Последнее стало ограничено практиковаться до Первой мировой войны.

Российская авиационная промышленность отличалась высокой концентрацией и отсутствием средних предприятий. Сборка продукции распределялась между крупными и малыми заводами. 90 % продукции было обеспечено четырьмя крупными заводами: "Утки", "Щетинин", "Анатра" и «Лебедев». Остальные 10 % были разделены между Первой российской ассоциацией воздухоплавания (ПРАВ) (имело мощности для выпуска малых партий тяжелых самолетов) и

несколькими небольшими заводами или, лучше сказать, мастерскими (Терещенко, Моска, Адаменко, Слюсаренко) (Соболев, 2011: 29-30).

Несмотря на дефицит мощностей, ПРАВ сумела освоить достаточно масштабный выпуск самолетов к концу Великой войны на базе завода Сергея Щетинина в С-Петербурге. Это объяснимо тем, что подготовительные работы для производства этой техники начались на предприятии уже в середине 1910 г. Миссией ПРАВ было обеспечение Военно-морского флота самолетами, что и было сделано: к Февральской революции эта организация выпустила в общей сложности 1360 самолетов, из которых 1030 машин относились к морской авиации (Куликов, 2014: 231). Это соответствовало общей стратегии Ставки, которая долгое время и рассматривала самолеты преимущественно в качестве вспомогательного средства для эскадр военных судов («глаза» флота).

Другим крупным петербургским заводом было предприятие Владимира Лебедева, которое выпустило за период 1914–1917 гг. около 800 самолетов (Куликов, 2014: 244). В. Лебедев уделял больше внимания отечественным разработкам самолетов, но фактически его «Лебедеи» создавались на базе трофейных образцов. Это и привело к тому, что завод развернул выпуск в действительно крупных масштабах только в 1916 г.

Получилось так, что в канун Великой войны мощности авиационной промышленности распределялись в основном между двумя городами – С-Петербургом (о них мы сказали выше) и Одессой, где развернул выпуск завод «Анатра» созданный Артуром Анатрой, российским банкиром итальянского происхождения. В марте 1908 г. в Одессе был основан аэроклуб, при котором заработала мастерская по сборке самолетов французских образцов. Но до войны военные не испытывали большого интереса к «Анатре» пока последняя не добилась небольшого заказа от Военного министерства в 1913 г. (РГВА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 2337. Л. 84). Однако из-за дефицита финансов в мастерской «Анатры» были к августу 1914 г. заняты только 95 человек (Александров, Петров, 1997: 31). Кроме того, А. Анатра не готов был рисковать крупными средствами для разработки нового отечественного самолета. Поэтому в Германии была приобретена лицензия на модель Р20, выпуск которой был затруднен в российских условиях во время войны. Надо признать, что «Анатра» не была успешной фирмой. Она сумела освоить выпуск менее 300 самолетов типа «Фарман». К началу Февральской революции фирма осуществляла производство и других марок самолетов.

Предприятия российской авиационной промышленности сильно отличались от европейских низкой производительностью труда и слабыми инженерными кадрами (последние забирали в основном морские и артиллерийские заводы). По данным В. Савина, заводу Anatra требовалось 30-40 сотрудников для работы в течение месяца, чтобы построить один самолет. Между тем на немецких и французских предприятиях требовалось для этого всего 10 сотрудников. Имел место дефицит инженерных кадров на российских авиационных заводах. В связи с низкой продуктивностью заводы в Первую мировую войну смогли удовлетворить спрос Вооруженных сил России по самолетам на 9 %, по двигателям – на 5 % (Mukhin, 2022: 60).

Растущая потребность во фронтовых частях, в боевых самолетах вызвала необходимость срочного расширения производственной базы авиационной промышленности, поскольку импорт авиационных материалов был затруднен из-за войны, а имеющиеся российские предприятия не могли удовлетворить потребности армии и флота.

Именно поэтому в 1916 году российское правительство инициировало программу поддержки отечественных фирм, которые рассматривали авиационную промышленность как шанс получить значительные выгоды. Несколько авиационных заводов, строительство которых уже началось или было завершено, перевалило за 15. Уже во время Октябрьского переворота был зарегистрирован 21 завод, которые занимались выпуском самолетов или комплектующих к ним (РГВА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 15. Л. 394). Мы рассмотрим несколько наиболее типичных примеров, которые иллюстрируют три подхода к созданию производства авиационных материалов: расширение существующих компаний, создание государственных предприятий и производство авиационных материалов теми предприятиями, которые ранее не были частью этой отрасли.

Типичным примером внедрения первого подхода стало расширение компании Anatra. В марте 1916 года владелец этой компании подписал соглашение с Военным министерством, в соответствии с которым он был обязан построить завод в Симферополе в течение следующих шести месяцев с производственной мощностью 20 самолетов в месяц. С этой целью Главное военно-техническое управление выделило Anatra грант в размере 300 000 рублей и беспроцентный заем 340 000 рублей. Строительство завода продолжалось до конца сентября 1916 года (РГВИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 119. Л. 280). В октябре 1916 года Исполнительный комитет Военного министерства принял решение заказать 150 самолетов Anade на Симферопольском заводе. Но через несколько дней решение было изменено, и с этого момента производство самолетов Anade было перенесено в Одессу. Фабрика в

Симферополь получил указание готовиться к производству истребителей «Ньюпорт» (Nieuport). Компания получила заказ на 100 самолетов Nieuport XVII, которые должны были быть отправлены армии в апреле-мае 1917 года (РГВИА. Ф. 493. Оп. 11. Д. 200. Л. 5).

Согласно контракту, цена на самолеты составляла 11000 рублей (без двигателя и вооружения). И это была обычная стоимость для одноместных истребителей, несмотря на их тип. Но на момент

подписания контракта были некоторые сомнения относительно сроков его выполнения. Причиной стал хорошо известный “двигательный голод”. В контракте говорилось, что только один из пяти самолетов может быть испытан, но Военное министерство не смогло предоставить даже такой минимум двигателей. Поэтому 6 октября 1917 года военный представитель на Симферопольском заводе выписал карточку о получении 50 самолетов “Ньюпор” даже без их испытаний в воздухе, только по внешнему виду (РГВИА. Ф. 493. Оп. 11. Д. 200. Л. 47). Это означало, что самолеты были официально переданы армии, и компания получила свои деньги, но, на самом деле, аэропланы находились на заводе.

Проверка завода “Анатра” в Симферополе, проведенная Государственным комитетом в августе 1917 г., показала его очень плохое состояние. На заводе были заняты 370 рабочих. Производственные мощности оказались готовы к использованию, но было установлено только 60 % необходимого оборудования. Не хватало даже имевшегося оборудования. Комитет признал низкий технический уровень, отсутствие эффективного управления и плохие дорожные условия. Также было выявлено, что к производству мебели были привлечены высококвалифицированные работники авиационной промышленности (РГВИА. Ф. 493. Оп. 11. Д. 200. Л. 67-68). Таким образом, очевидно, что государство вложило деньги в завод, но армия не получила ни одного самолета.

Завод «Матиас» Matias является примером новичка в авиационной промышленности (Акционерное общество “Вдова Матиаса и сыновья”) в Бердянске. Эта компания была основана в 1884 году и занималась производством сельскохозяйственной техники и инструментов. Дела компании шли хорошо. В 1913 году “Матиас” занимал восьмое место из 334 предприятий сельскохозяйственного машиностроения в Российской империи по оценкам основного капитала. В то время в компании работало около 500 сотрудников. Но начало Первой мировой войны привело к падению платежеспособного спроса на продукцию Matias. Это заставило совет директоров задуматься о смене специализации компании. Они приняли предложение П. Стефанкевича, который был инженером, начать производство самолетов.

В начале 1917 года Matias приступил к ремонту производственных помещений и купили землю в пригороде для строительства новых мастерских и создания заводского аэродрома. 1 июня 1917 года «Матиас» получил заказ на 100 самолетов-разведчиков «Фарман-30» (Farman XXX) со сроком поставки июль-сентябрь 1917 года (РГВИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 561. Л. 60-61). После завершения этого проекта компания должна была начать производство самолетов-разведчиков «Спад-19» (SPAD XIV). Но предприятие потерпело неудачу: до 10 декабря 1917 года «Матиас» получила от государства 3,5 млн рублей на организацию производства самолетов (долг превысил общую стоимость завода), но не произвел ни одного самолета (РГВИА. Ф. 493. Оп. 9. Д. 357. Л. 351-352). Ситуация с заводами “Анатра” в Симферополе и “Матиас” в Бердянске была типичной для России. В 1916–1917 гг. ряд предприятий получили государственные субсидии и кредиты на расширение производства самолетов, но эффект был незначительным. Возможным направлением действий могло бы стать создание государственного авиационного завода.

Еще одним фактором, заставившим армию пойти на это, было отсутствие заинтересованности частных компаний в освоении модернизированных образцов самолетов. Но причина в отставании в гонке за высоту и скорость самолетов заключалась не только в хозяйственной практике компаний. Государственный завод должен был заняться внедрением новых моделей, играя ведущую роль в этой области. Место для завода было выбрано удачно - Херсон. Основная причина при размещении завода там был хороший климат, в основном много солнечных дней, благоприятных для испытаний самолетов. 31 марта 1917 года было принято окончательное решение о строительстве Государственного авиационного завода в мощностью 200 самолетов в год с затратами 3,35 млн рублей и завод авиационных двигателей мощностью 200 двигателей общей стоимостью 3,4 млн рублей (РГВИА. Ф. 493. Д. 6. Оп. 11. Л. 127). Для контроля за строительным процессом был создан специализированный комитет во главе с профессором Александром Ван-дер-Флитом. В плане было определено, что в июле 1917 г. начнется производство пулеметов для самолетов, в конце 1917 г. – выпуск запасных частей к самолетам и авиационных двигателей, а до 1 июля 1918 года будут построены окончательно два завода, способные осуществлять полную сборку самолетов. Но процесс строительства шел недостаточно быстро, и заводы в Херсоне не работали. До января 1918 г. сумма в 1,25 млн рублей на нужды стройки была выделен из государственного бюджета, из которых 830 тыс. рублей было потрачено на приобретение строительных материалов, инструментов, дорожное строительство и т.д. (РГВИА. Ф. 493. Оп. 6. Д. 11. Л. 171). Кризис России в 1917 г. привел к прекращению строительных работ.

Идея передачи 20 % выпуска всех моторов для военной авиации появилась в Военно-морском ведомстве к лету 1916 г. Предлагалось в этой связи передать часть производства на Ижорский завод, увеличив для этого количество занятых там рабочих на 5-6 % (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1451. Л. 1). Этот пример указывает на то, что проблема дефицита авиационных двигателей заключалась в том сбоях в сфере государственного планирования в условиях войны, а не в общей отсталости народного хозяйства России. Государство в Российской империи придерживалось традиции опираться в вопросах обеспечения армии на частный сектор экономики. В начале июня 1916 г. Военно-морское

ведомство уже занималось созданием на Ижорском заводе мощностей для выпуска 400 авиационных моторов в год (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1451. Л. 2).

Всего Россия произвела за период 1913–1918 гг. около 4 898 самолетов (Кузьмин, 2018: 17) против примерно 28185 в Германии в годы Первой мировой войны (Соболев, 2011: 18). Однако данные по выпуску военных самолетов Россией в годы Первой мировой войны у нас вызывают сомнения. Принимая во внимание качество учета и состояние оставшегося после Октябрьской революции массива документов по военным авиации и авиастроению. Мы предполагаем, что выпущено самолетов было больше, чем около 4,9 тыс. единиц.

Зарубежными авиастроительными, которые имели производственные филиалы в России, были французские «Гном-Рон» и «Сальмсон». У них с декабря 1915 г. по сентябрь 1917 г. военные заказали 1 100 моторов (РГВИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 19. Л. 197). К 1 октября 1917 г. эти французские филиалы в России сдали армии 545 моторов (РГВИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 19. Л. 198). «Сальмсон» имел свой завод в Москве (около Семеновской слободы). Он заработал 21 сентября 1915 г. Мощность этого завода составляла 600 моторов в год (РГВИА. Ф. 493. Оп. 5. Д. 68. Л. 29).

Авиапром России обеспечивался с начала 1916 г. двигателями в основном отечественного производства, выпущенными по зарубежным лицензиям. Лидерами здесь выступали упомянутые выше филиалы двух французских фирм и компании «Мотор», «Ильин», «Русский Рено», «Русский Балтийский завод». Контракты с военными часто срывались авиационными предприятиями. К примеру, «Русский Рено» не поставил к 1 октября 1917 г. ни одного двигателя из 1000 заказанных (РГВИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 19. Л. 198). Несмотря на невыполнения контрактов, в 1917 г. выпуск авиамоторов российскими заводами все-таки оказался немалым. Судя по тому, что на складах производителей к 1 октября того же года находился 1991 двигатель (РГВИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 19. Л. 337).

5. Заключение

Длительная нехватка самолетов в российской авиации стала следствием отставания в военном планировании на уровне Высшего командования Вооруженными силами Российской империи. Разумеется, сыграла свою роль и слишком запоздалая информация о новейших образцах германской авиационной техники, о которой часто узнавали только после первых воздушных боев. В этой связи бипланы "Фарман" и "Буазен" оставались основными самолетами армейской авиации к 1917 году. Их скорость немного превышала 100 км/ч, чего было недостаточно.

Кроме того, эти самолеты имели толкающий винт, что делало их слишком уязвимыми при атаках противника с тыла. Но применение самолетов "Фарман" и "Буазен" продолжалось, и российская промышленность продолжала получать заказы на эти самолеты. Другие самолеты-разведчики, такие как "Лебедь" XII и «Анаде» не соответствовали требованиям времени летом 1917 года, несмотря на их более современную конструкцию. Бомбардировщик "Илья Муромец", считавшийся самым популярным самолетом российской разработки, в период войны претерпел лишь небольшие усовершенствования, которые не смогли улучшить его параметры. К тому же пренебрежение со стороны Высшего командования долгое время истребительной авиацией делало крайне затруднительным применение любых бомбардировщиков, так как не было достаточно истребителей для их прикрытия. В 1917 году летные возможности "Ильи Муромец" уже отличались в худшую сторону по сравнению с новейшими бомбардировщиками противника и союзников. Только в конце 1917 года было начато действительно массовое лицензионное производство современных французских бипланов «Спад-7» (SPAD VII).

Подводя итоги, можно сказать, что российская авиационная промышленность до зимы 1916–1917 гг. оказалась не в состоянии поставлять военные самолеты надлежащего качества и в необходимом количестве. Большинство самолетов – дублированные зарубежные образцы. Такое дублирование привело к ситуации, когда российская авиация стала использовать устаревшие самолеты. Правда, здесь вина не авиапрома и конструкторов, но несвоевременной реакции Высшего командования на технологические изменения у противника. То же самое касается структуры выпуска: российская военная мысль долгое время, даже после первых выстрелов Первой мировой войны, находилась в плену концепции, что «авиация – это глаза армии». Затем акценты сместились в пользу бомбардировочной авиации в ущерб истребительной. В итоге это привело к тому, что инициатива в воздухе армией Российской империи была потеряна. Тем не менее надо отметить, что до лета 1916 г. российская фронтовая авиация имела паритет по техническим характеристикам с германской и австро-венгерской. И это было большим достижением и российской конструкторской мысли, а также ее промышленности. Да, Россия импортировала много самолетов и моторов, но отметим в этой связи, что адаптация иностранной техники к национальным условиям есть тоже большая работа. И здесь можно противопоставить российскому случаю с развитием авиации в Первую мировую войну сюжеты со строительством Военно-воздушных сил Китая в 1920–1930-е гг., Польши в межвоенный период, пример Италии в то же время, во всех трех сюжетах адаптация иностранной техники и технологий, а также разработка на зарубежной базе собственных, как методов ведения войны в воздухе и организации военно-воздушных сил, оказались заметно менее удачными, нежели у Российской империи в 1913–1917 гг.

Надо также принять во внимание, что российский авиапром, как и вся промышленность, работали в годы Первой мировой войны в условиях дефицита энергии и прочих ресурсов. При этом предвоенное состояние российского авиапрома можно было бы охарактеризовать как близкое к «зеру». Но в этих условиях России удалось создать свою производственную базу авиационной промышленности и современные на то время военно-воздушные силы. И это отличает положение российского авиапрома в 1914–1917 гг. от советского периода Великой Отечественной войны. Последний имел уже достаточно мощную производственную базу и обширные источники снабжения.

Литература

- Аллахвердянец, 2008** – Аллахвердянец В.Г. Русская авиация в Первой мировой войне // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2008. №1. С. 93-97.
- Александров, Петров, 1997** – Александров А.О., Петров Г.Ф. Крылатые пленники России. Германские, австро-венгерские и турецкие аэропланы в российской и советской авиации с 1914 по 1920 гг. СПб.: Б.С.К., 1997. 84 с.
- Герасимов, 2004** – Герасимов В.Л. Авианесущие корабли русского военного флота // *Военно-исторический журнал*. 2004. № 2. С. 25-33.
- Герасимов, 2006** – Герасимов В.Л. Морская авиация России в годы Первой мировой войны: зарождение, строительство и применение / Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-8 сентября 2004 года. Отв. ред. В.П. Козлов. М.: Наука, 2006. С. 307-318.
- Дузь, 1986** – Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.). М.: Машиностроение, 1986. 368 с.
- Головин, 1939** – Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. 256 с.
- Елисеев, 2008** – Елисеев С.П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // *Военно-исторический журнал*. 2008. №2. URL: <http://history.milportal.ru/archiv/voenno-istoricheskij-zhurnal-2008-g/voenno-istoricheskij-zhurnal-2-2008-g/> (дата обращения: 23.12.2022).
- Кузьмин, 2018** – Кузьмин Ю.В. Научно-технический уровень России в годы Первой Мировой войны на примере авиастроения (статистический анализ базы данных) // *Историческая информатика*. 2018. №4. С. 1-21.
- Куликов, 1998** – Куликов В. Российская армейская авиация в I мировой войне // *Авиация и время*. 1998. №1. С. 30-34.
- Куликов, 2014** – Куликов В.П. Русская авиация в Первой мировой войне. М.: Русское авиационное акционерное общество (РУСАВИА), 2014. 320 с.
- Маслов, 2021** – Маслов М.А. Русские самолеты Первой мировой войны: Крылья империи. М.: Эксмо, 2021. 194 с.
- Петров, 2000** – Петров Г.Ф. Гидросамолеты и экранопланы России. М.: Русское авиационное акционерное общество (РУСАВИА), 2000. 243 с.
- РГА ВМФ** – Российский государственный архив военно-морского флота.
- РГВА** – Российский государственный военный архив.
- РГВИА** – Российский государственный военный исторический архив.
- Соболев, 2011** – Соболев Д.А. (ред.). История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение, 1910-2010 гг. М.: Русское авиационное общество (РУСАВИА), 2011. 432 с.
- Ткачев, 2007** – Ткачев В.М. Крылья России: воспоминания о прошлом русской военной авиации, 1910-1917 гг. СПб: Новое культурное пространство, 2007. 637 с.
- Шавров, 1978** – Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР до 1978 г. М.: Машиностроение, 1978. 576 с.
- Шигалин, 1956** – Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. 1956. 332 с.
- Хайрулин, 2010** – Хайрулин М.А. "Илья Муромец". Гордость русской авиации. М.: Язуа, Коллекция, Эксмо. 2010. 189 с.
- Karataev et al., 2017** – Karataev V.B., Chursin A.A., Semenov A.S. The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). Pp. 301-308.
- Kashirin et al., 2021** – Kashirin A.I., Strenalyuk V.V., Semenov A.S., Kashirin P.A. To the Issue of the Composition and Tactical-Technical Characteristics of Aircraft Carriers of the Black Sea Fleet during the First World War (1914–1917) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 1024-1032.
- Klein, 1969** – Klein F. Deutschland in Ersten Weltkrieg. 3 Bde. Bd. 2. Berlin: Akacl.-Verl. 1968–1969. 231 p.
- Mukhin, 2022** – Mukhin M.Y. "Industrial Revolution" as an Element of the Soviet Project (Based on the Materials of the Soviet Aviation Industry) // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. 92(1). Pp. 60-69. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1019331622070097>

References

- Aleksandrov, Petrov, 1997** – *Aleksandrov, A.O., Petrov G.F.* (1997). Krylatye plenniki Rossii. Germanskie, avstro-vengerskie i turetskie aeroplany v rossiiskoi i sovetskoj aviatsii s 1914 po 1920 gg. [Winged prisoners of Russia. German, Austro-Hungarian and Turkish aeroplanes in Russian and Soviet aviation from 1914 to 1920]. SPb.: B.S.K., 1997. 84 s. [in Russian]
- Allakhaverdyants, 2008** – *Allakhaverdyants, V.G.* (2008). Russkaya aviatsiya v Pervoi mirovoi voine [Russian aviation in the First World War]. *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii*. 1: 93-97. [in Russian]
- Duz', 1986** – *Duz', P.D.* (1986). Istoriya vozdukhoplavaniya i aviatsii v Rossii (iyul' 1914 g. – oktyabr' 1917 g.) [History of aeronautics and aviation in Russia (July 1914 – October 1917)]. M.: Mashinostroenie, 368 p. [in Russian]
- Eliseev, 2008** – *Eliseev, S.P.* (2008). Razvitie aviatsii russkoj armii v Pervoi mirovoi voine [The development of the aviation of the Russian army in the First World War]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2. [Electronic resource]. URL: <http://history.milportal.ru/arxiv/voенно-istoricheskij-zhurnal-2008-g/voенно-istoricheskij-zhurnal-2-2008-g/> (date of access: 23.12.2022). [in Russian]
- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, V.L.* (2004). Avianesushchie korabli russkogo voennogo flota [Aircraft-carrying ships of the Russian military fleet]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2: 25-33. [in Russian]
- Gerasimov, 2006** – *Gerasimov, V.L.* (2006). Morskaya aviatsiya Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: zarozhdenie, stroitel'stvo i primenenie [Russian naval aviation during the First World War: origin, construction and application]. *Poslednyaya voina Rossiiskoi imperii: Rossiya, mir nakanune, v khode i posle Pervoi mirovoi voiny po dokumentam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 7-8 sentyabrya 2004 goda. Otv. red. V.P. Kozlov. M.: Nauka. Pp. 307-318. [in Russian]
- Golovin, 1939** – *Golovin, N.N.* (1939). Voенnye usiliya Rossii v mirovoi voine [Russia's military efforts in the World War]. Parizh: Tovarishchestvo ob"edinennykh izdatelei, 256 p. [in Russian]
- Karataev et al., 2017** – *Karataev, V.B., Chursin, A.A., Semenov, A.S.* (2017). The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction. *Bylye Gody*. 43(1): 301-308.
- Kashirin et al., 2021** – *Kashirin A.I., Strenalyuk V.V., Semenov A.S., Kashirin P.A.* (2021). To the Issue of the Composition and Tactical-Technical Characteristics of Aircraft Carriers of the Black Sea Fleet during the First World War (1914–1917). *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 1024-1032.
- Khairulin, 2010** – *Khairulin, M.A.* (2010). "Il'ya Muromets". Gordost' russkoj aviatsii ["Ilia Mutomets". Pride of Russian aviation]. M.: Yauza, Kolleksiya, Eksmo. 189 p. [in Russian]
- Klein, 1969** – *Klein, F.* (1969). Deutschland in Ersten Weltkrieg. 3 Bde. Bd. 2. Berlin. [in German]
- Kulikov, 1998** – *Kulikov, V.* (1998). Rossiiskaya armeiskaya aviatsiya v I mirovoi voine [Russian Army aviation in World War I]. *Aviatsiya i vremya*. 1: 30-34. [in Russian]
- Kulikov, 2014** – *Kulikov, V.P.* (2014). Russkaya aviatsiya v Pervoi mirovoi voine [Russian aviation in First World War]. M.: Russkoe aviatsionnoe aktsionernoe obshchestvo (RUSAVIA), 320 p. [in Russian]
- Kuz'min, 2018** – *Kuz'min, Yu.V.* (2018). Nauchno-tekhnicheskii uroven' Rossii v gody Pervoi Mirovoi voiny na primere aviastroeniya (statisticheskii analiz bazy dannykh) [The scientific and technical level of Russia during the First World War on the example of aircraft construction (statistical analysis of the database)]. *Istoricheskaya informatika*. 4: 1-21. [in Russian]
- Maslov, 2021** – *Maslov, M.A.* (2021). Russkie samolety Pervoi mirovoi voiny: Kryl'ya imperii [Russian aircraft of the First World War: wings of the Russian Empire]. M.: Eksmo, 194 p. [in Russian]
- Mukhin, 2022** – *Mukhin, M.Y.* (2022). "Industrial Revolution" as an Element of the Soviet Project (Based on the Materials of the Soviet Aviation Industry). *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 92(1): 60-69. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1019331622070097>
- Petrov, 2000** – *Petrov, G.F.* (2000). Gidrosamolety i ekranoplany Rossii [Seaplanes and ekranoplans of Russia]. M.: Russkoe aviatsionnoe aktsionernoe obshchestvo (RUSAVIA), 243 p. [in Russian]
- RGA VMF** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voенно-morskogo flota [Russian state archive of the Navy].
- RGVA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voенnyi arkhiv [Russian state military archive].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voенnyi istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- Shavrov, 1978** – *Shavrov, V.B.* (1978). Istoriya konstruktssii samoletov v SSSR do 1978 g. [History of aircraft designs in the USSR before 1978]. M.: Mashinostroenie, 576 p. [in Russian]
- Shigalin, 1956** – *Shigalin, G.I.* (1956). Voенnaya ekonomika v Pervuyu mirovuyu voynu [Military economy in the First World War]. M.: Voенnoe izdatel'stvo Ministerstva oborony Soyuza SSR. 332 p. [in Russian]
- Sobolev, 2011** – *Sobolev, D.A.* (red.). Istoriya otechestvennoi aviapromyshlennosti. Seriinoye samoletostroenie, 1910-2010 gg. [History of the national aviation industry. Serial aircraft building 1910–2010]. M.: Russkoe aviatsionnoe obshchestvo (RUSAVIA), 432 p. [in Russian]

Tkachev, 2007 – Tkachev, V.M. (2007). Kryl'ya Rossii: vospominaniya o proshlom russkoi voennoi aviatsii, 1910-1917 gg. [Wings of Russia: memories of the past of Russian military aviation, 1910–1917]. SPb: Novoe kul'turnoe prostranstvo, 637 p. [in Russian]

Военная авиация и авиапром Российской империи в Первую мировую войну: потенциал, хозяйственные и технологические решения (по архивным документам)

Александр Леонидович Чупин ^a, Светлана Владимировна Брюховецкая ^b,
Марина Борисовна Медведева ^b, Олег Юрьевич Казенков ^{c, d, *}

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

^c Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

^d Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема технологических решений в годы Первой мировой войны, связанных с производством авиационной техники. Доказывается, что в определенных технологических сегментах авиапрома Россия шла в ногу с Западом. Характер войны на Восточном фронте и ошибки Высшего командования определяли во многом вектор технологического развития Вооруженных сил Российской империи в Первую мировую войну и их военно-воздушных соединений, в частности. Авторы считают, что задачи по модернизации Военно-воздушного флота России были решены к весне – лету 1917 г., но политика внесла свои коррективы, авиапром и другие сегменты промышленности пришли в упадок достаточно быстро, вскоре индустриализация периода Первой мировой войны была вовсе забыта. Тем не менее, опыт в технологической сфере сохранился, что способствовало продолжению технологической модернизации авиационной отрасли России после марта 1917 г. Первая мировая война поставила перед Россией задачи, которые до августа 1914 г. ее общество не могло представить. Однако России удалось создать к осени 1917 г. 21 предприятие авиационной промышленности, был также получен ценный опыт хозяйственного и технологического развития этой отрасли. Авторы стремятся показать в статье значительный успех российской авиационной промышленности в годы Первой мировой войны, а также достижения в развитии потенциала российской военной авиации в целом в течении данного периода. Но также авторы отражают в своей работе главные недостатки работы авиационной отрасли Российской империи, которые происходили в целом от характера управления государством и его вооруженными силами.

Ключевые слова: военная авиация Российской империи, Первая мировая война, история российской авиации, авиационная промышленность России в Первую мировую войну.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.kazenkov@gmail.com (О.Ю. Казенков)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1522-1531
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1522

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Transformation of Russian Theatrical Art under the Direction of V. Meyerhold at the beginning of the 20th century in the Mirror of Russian Periodicals

Maria A. Kolesnik^{a,*}, Natalia M. Leshchinskaia^a, Ekaterina A. Sertakova^a, Aleksandra A. Sitnikova^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Theater art, one of the brightest manifestations of Russian culture, was changing and transforming at the turn of the 19th – 20th centuries. Among the persons whose work became determinant in these processes were K.S. Stanislavsky, V.I. Nemirovich-Danchenko and V.E. Meyerhold. This article presents an analysis of publications of the Russian periodical press, which reflect the ideas and activities of V. Meyerhold and his associates, aimed at the formation of a new – director's theater, as well as the reaction of the theatrical environment, critics to these experiments. For the study we chose the magazine “Lyubov' k trem apel'sinam”, the publication of which was initiated by V.E. Meyerhold, which published discourses on the art of theater, its essence, the purpose of the actor and understanding of his work, as well as printed detailed answers to questions and claims to Meyerhold's productions, put forward by critics, amateurs and connoisseurs of theater. The magazines “Rampa i zhizn”, “Teatr i iskusstvo”, “Artist i stsena” were also studied, in which detailed analyses, critical dissections of Meyerhold's theater productions were presented. As a result, conclusions were drawn about the peculiarities of the theatrical art created by Vsevolod Emilievich and about his influence on the Russian theater as a whole.

Keywords: periodicals, magazine “Lyubov' k trem apel'sinam”, magazine “Rampa i zhizn”, magazine “Teatr i iskusstvo”, magazine “Artist i stsena”, Vsevolod Emilievich Meyerhold, Russian theatrical art, theater.

1. Введение

Театр – один из старейших видов искусства, корнями уходящий в практику театра теней, древних мистерий, античной комедии и трагедии. История его долгого существования и популярности в разные эпохи связана с умением реагировать на происходящие изменения в обществе и отражать актуальную повестку, а также брать на вооружение технические изобретения. Театр постоянно совершенствуется и использует новые подходы организации театрального действия. При этом многие из них находят необходимую опору в теории и практике предшественников. Так, современный театр представлен не только традиционными (репертуарными) постановками на сцене, но и парципаторными и иммерсивными действиями, основанными на находках режиссеров-экспериментаторов столетней давности.

Постановки рубежа XIX – начала XX столетия реконструируются и ставятся на современной сцене. При обучении актеров на вооружение берутся теоретические положения и практические зарисовки ведущих театральных деятелей того времени. Среди самых востребованных имен прошлого для сегодняшнего театра называются Константин Станиславский, Ежи Гротовский и Всеволод Мейерхольд (Roy, 2016; Vieites, 2020). Их вклад в развитие театральной эстетики, режиссерского дела и актерского мастерства считается одним из самых значительных.

* Corresponding author

E-mail addresses: masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik),
trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova),
sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova)

Отдельное положение в данном ряду занимает фигура В. Мейерхольда. К его наследию обращаются деятели современного театрального искусства разных стран, вводя принципы биомеханики в учебную практику и работу. Многим интересна трансформация театрального искусства под руководством В. Мейерхольда, то, как менялись его взгляды под воздействием социокультурных изменений и личного творческого роста.

Важно отметить, что данные изменения были зафиксированы самим мастером. Понимая стремительность исторических и культурных перемен в начале XX столетия, В. Мейерхольд публиковал свои мысли в периодической печати, выступая главным редактором и автором журнала «Любовь к трем апельсинам». Важность его персоны отмечали и современники – режиссеры, критики, деятели искусства, и поэтому публикации о его постановках или деятельности в целом также выходили в печать. Сегодня эти источники представляют большое значение для понимания процессов, происходящих не только на театральной сцене, но и в российской культуре того времени в целом.

Посвященные театру журналы содержат информацию, которая позволяет засвидетельствовать изменение театрального искусства в творчестве В. Мейерхольда, исходя из публикаций современников, выявить то, как обозреватели относились к его новым театральным приемам, как реагировала публика, насколько он повлиял на развитие театрального дела в России.

Целью настоящего исследования является анализ контента российских дореволюционных журналов на предмет освещения вопросов развития театрального искусства в России и роли в данном процессе одного из знаковых режиссеров времени – Всеволода Мейерхольда.

2. Материалы и методы

2.1. Исследовательским материалом настоящей работы выступили периодические издания, посвященные искусству театра журналы: «Любовь к трем апельсинам», «Рампа и жизнь», «Артист и сцена», «Театр и искусство». Исследовательский потенциал дореволюционной периодики раскрыт в ряде научных публикаций (Koptseva et al., 2021; Koptseva, Seredkina, 2021).

2.2. В качестве основного метода был применен количественный и качественный контент-анализ, зарекомендовавший себя как эффективный исследовательский инструмент поиска и обработки информации (Koptseva, Sitnikova, 2019; Сергеева, 2023). В данной работе он был применен для понимания того, как развивалась театральная жизнь в дореволюционной России, какие нововведения и эксперименты использовал в своем творчестве В. Мейерхольд и как на это реагировала культурная среда.

3. Обсуждение

Работ, посвященных русскому театральному искусству рубежа XIX–XX веков, немного. Большинство из них ориентированы на рассмотрение истории театрального дела в России: от скоморошества до театра советского времени (Евреинов, 2020; Лейченко, 2023). Персоналии авторов пьес, режиссеров, актеров занимают в них важное место, но имеют преимущественно энциклопедический характер.

Более содержательная информация представлена в статьях, узкая направленность которых позволяет более детально рассмотреть разные аспекты российской культуры (Пименова, Замараева, 2023; Копцева и др., 2023; Сергеева, Замараева, 2023) и российского театрального искусства изучаемого времени. Так, по запросу Театральное творчество В. Мейерхольда можно обнаружить ряд свежих публикаций с широким географическим охватом.

Например, С.Н. Веласкес обращается к рассмотрению биомеханики В. Мейерхольда с позиции театральной антропологии (Velasquez, 2019). Исследователь М. Ито сосредотачивает внимание на концепции зрителя в теории В. Мейерхольда. В данной работе отмечаются многие приемы, введенные режиссером в практику, которые сегодня особенно востребованы в театре: различные провокации публики, «записи реакции зрительного зала» и их обсуждение в труппе; практики, которые размывали границу между сценой и залом, создавая новый уровень событийности в театре. За вовлечением зрителей в театральное действие исследователь обнаруживает желание В. Мейерхольда наделить их активностью, что соответствовало пред- и послереволюционному контексту (Ито, 2019: 110).

Среди публикаций, посвященных В. Мейерхольду, встречаются практические изыскания. Так, Д. Рой является автором статей, в которых приводятся задания современной учебной программы по драматическому искусству, построенные на методе В. Мейерхольда, чью важность неоднократно подчеркивает автор. По его мнению, весь современный «физический» театр берет начало из практик и приемов биомеханики режиссера. Инновационность теории и методов В. Мейерхольда отмечают А. Кавальер и Ч. Маккалоу. Первый рассматривает мейерхольдовскую эстетику и сценическую поэтику в работах современного бразильского режиссера Маттео Бонфитто (Cavaliere, 2022). Второй автор (McCullough, 2003) уделяет внимание новаторству режиссера на поприще политического театра.

М.Ф. Виейтес рассматривает творчество режиссера в рамках двух художественных, философских и даже идеологических течений, обозначивших развитие театральной сцены в XX веке и в начале XXI столетия: постмодернистского театра (театра коллажа, смешения, гибридации) и

театра современности, который стремится передрамматизировать сцену и сам театр (реконструировать его). В их сравнении автор склоняется к преимуществам второго театра, который, по его мнению, вывел на свет самых сильных корифеев XX столетия – от Пискарева до Гротовского, от Брука до Барбы. Концепцию театральности, которая до сих пор актуальна на многих сценах по всему миру и отражена в их творчестве, берет начало у В. Мейерхольда (Vieites, 2020).

Важно отметить, что материалом для исследовательских изысканий выступают тексты лекций и выступлений В.Э. Мейерхольда о режиссуре и курс биомеханики. На дореволюционную театральную журналистику как источник практически никто не опирается. Исключение составляет работа В.В. Борзенко, в которой разные журналы о театре типологизируются и разрабатывается методика изучения театральной прессы (Борзенко, 2006). Автор отмечает, что дореволюционные журналы о театре содержат высокий теоретический уровень анализа развития театрального искусства и являются важными источниками для исследований в своей области.

Огромное значение театральной практики В. Мейерхольда для развития русского и мирового театра в XX веке, высокая ценность отзывов и описаний современных мастеру критиков, опубликованных в начале XX века на страницах специализированных театральных журналов и еженедельных газет, которые зачастую являются единственными источниками для понимания сути театрального творчества режиссера, привело к тому, что в 1997 была подготовлена антология «Мейерхольд в русской театральной критике: 1898–1918», объединяющая большой массив критических публикаций в прессе о его творчестве и постановках.

4. Результаты

История русского театрального искусства начала XX века связана с деятельностью ряда выдающихся деятелей искусства. И прежде всего это К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, В.Э. Мейерхольд. Всеволода Эмильевича Мейерхольда без преувеличения можно назвать великим театральным деятелем. Он явился создателем режиссерского театра. Будучи учеником К.С. Станиславского, В.Э. Мейерхольд был принципиально не согласен со своим учителем, с его системой методов актерской техники. Критически относившийся к пониманию сценического искусства К. Станиславским, он готовил для своего театра актеров по собственной системе, с опорой на биомеханику – систему физической подготовки актера (Шнейдерман, 2014). Несмотря на разногласия, К.С. Станиславский поддерживал своего ученика в творческих исканиях и театральных экспериментах: на свои личные средства он помог В. Мейерхольду организовать театральную лабораторию. «Любовь к трем апельсинам» – издание, ставшее печатным органом экспериментальной лаборатории Мейерхольда. В данном журнале он выступал в качестве главного редактора под псевдонимом Доктор Дапертутто. Журнал выходил в свет в Санкт-Петербурге, а затем в Петрограде в 1914–1916 годах. На его страницах публиковались материалы, посвященные искусству, театру, литературе. Были постоянные разделы: стихи, публикации сценариев и пьес, теоретический раздел об искусстве театра, затем раздел посвященный комедии дель арте (commedia dell'arte), Hofmaniana, Студия, Хроника. Также печатались отзывы на театральные постановки, рецензии на литературные произведения. Анализ публикаций со страниц данного журнала позволяет сформировать понимание о трансформациях, которые произошли в истории русского театрального искусства под влиянием деятельности В.Э. Мейерхольда.

Во-первых, на что стоит обратить внимание, В. Мейерхольда и его единомышленников интересовала история театра, его глубинные корни. Выстраивая театр по-новому, они опирались на фундаментальные принципы, определявшие суть театрального искусства. На это указывает такой факт: во всех номерах журнала уделяется значительное внимание театру Commedia dell'arte. Усвоение истории, знание существовавших ранее практик рассматривается как необходимый этап, предваряющий самостоятельную работу (Соловьев, 1914: 2: 34). Также в журнале представлено описание основных типов Commedia dell'arte К. Милашевского. Автор рассматривает образы, связь внешности и определенного характера, содержания, обращает внимание на типичность, предзаданность и возможность импровизации в рамках того или иного типа (Милашевский, 1914: 3).

Значительное место в публикациях занимают теоретические рассуждения о ключевых феноменах театрального искусства.

Понятие формы – одно из фундаментальных в модели театра В. Мейерхольда и его единомышленников. Самуил Вермель объясняет важность формы в театральном искусстве, необходимость актером произвести раздвоение себя на материал и творящую личность: «Во что же должно вылиться искусство Великой Иллюзии, которое именуется театром? В технике формы – ответили бы мы на этот вопрос» (Вермель, 1914а: 1: 16).

Понятие формы тесно связано с пространством, понимание его как художественного материала, из которого создается театральное произведение, можно обнаружить в рецензии на постановку произведений Мольера на сцене Михайловского театра, где среди прочих замечаний указывает в качестве основного недостатка – «робость в обращении с предоставленным для игры пространством» (Вогак, 1914: 2: 52)

С. Вермель также анализирует смысл феномена «театральность»: «Понятие театральности мы бы определили как волю человека от жизни дарованной к жизни, им себе созданной. Если жизнь есть путь прямой линии, то театральность есть тот же путь, но пройденный по линии волнистой, зигзагообразной или какой угодно другой не прямой линии. Это – вечное стремление человека к творчеству, к созданию своего мира. Поэтому театральность как отвлеченное, внутреннее руководит всегда каждым художником» (Вермель, 1914, 2: 44).

В каждом номере журнала «Любовь к трем апельсинам» есть материалы, посвященные современному театру: анализ постановок, рецензии, а также раздел о деятельности Студии В.Э. Мейерхольда. В данном разделе описан процесс обучения актеров, что ими изучается: класс К.А. Вокага – Техника речи, класс В.Э. Мейерхольда – Сценическое движение, класс В.Н. Соловьева – Принципы сценической техники импровизационной итальянской комедии. Перечисляются теоретические темы, практические занятия, которые входят в программу обучения Студии Мейерхольда (Редакция, 1916).

Особенный интерес вызывают ответы на работу Студии, опубликованные в иных изданиях. В данных ответах последовательно дается пояснение либо опровержение предъявляемых претензий. Одна из часто встречающихся претензий – обвинение Мейерхольда в том, что он обучает «мертвому искусству», занимается «реставрацией» (Редакция, 1915).

Первые публикации о В. Мейерхольде появляются в российской прессе с 1892 года, когда он периодически участвует в постановках Пензенского народного театра в качестве актера-любителя. Отзывы провинциальной пензенской прессы дают высокую оценку талантливой игре молодого актера. Положительные оценки актерской игры В. Мейерхольда и его постановок даются критиками на страницах новостных газет, например, «Новости дня», «Московские ведомости», «Кавказ», «Тифлисский листок» и позднее: сначала, когда он становится актером Московского художественно-общедоступного театра в 1898 году, и потом, с 1902 года, когда он возглавляет уже в качестве режиссера труппу в Херсоне.

В настоящей статье мы сосредоточены на изучении реформаций русского театра в начале XX века, произошедших под влиянием творчества В. Мейерхольда, а первые значительные шаги режиссера в этом направлении были сделаны им во время работы постановщиком в Драматическом театре В. Комиссаржевской в Петербурге в 1906–1907 годах, где им были поставлены такие спектакли как: «Гедда Габлер», «Сестра Беатриса», «Пелеас и Мелисанда», «Пробуждение весны», «Жизнь человека» и другие. Постановки в театре В. Комиссаржевской стали по-настоящему большим событием для русского театра, что подтверждает шквал публикаций в специальных профессиональных изданиях («Театр и искусство», «Театральная газета», «Золотое руно») и новостных газетах («Товарищ», «Речь», «Московский еженедельник» и другие). Этот период в творчестве режиссера характеризуется самыми радикальными, экспериментальными поисками новой театральной формы, принципов работы с актерами и интерпретациями драматических текстов. Поэтому в прессе встречаются весьма неоднозначные отзывы о работе режиссера, чаще резко критические. Например, А. Кутель в рецензии на спектакль В. Мейерхольда «Гедда Габлер» пишет: «В результате смутно, дико, непонятно, ничто не подчеркнуто, не выделено ни одной смелой, энергичной черты. У г. Станиславского обстановка подавляет тяжестью натуралистических подробностей. У г. Мейерхольда – какой-то *bric a brac* художественной мастерской, в котором нельзя никак доискаться смысла» (Кутель, 1906, 47: 732). Основные позиции для критики постановок режиссера: 1) игнорирование авторских ремарок (профессиональные критики сосредоточены на тщательном сравнении замысла драматурга в ремарках и режиссерской интерпретации текста); 2) отступление от классических канонов актерской игры в традициях психологического погружения в роль и декламационных выступлений в сторону пластических экспериментов акробатического и танцевального характера; 3) экспериментальные решения сценического пространства: столпотворение актеров на тесной, высоко поднятой площадке или использование художественных декораций в стиле символической живописи вместо воссоздания предметной среды; 4) авторская игра с освещением сцены: например, использование яркого освещения в тех сценах, где у драматургов речь идет о том, что действие происходит во тьме; 5) критика репертуарного выбора, например, воспринятая как аморальная постановка «Пробуждение весны» по Ф. Ведекинду. Таким образом, сквозь призму негативных оценок критиков постановок В. Мейерхольда в театре В. Комиссаржевской становится возможным выделить те качества, которые и послужили основой для реформации русского театра в XX веке. Во-первых, В. Мейерхольд усиленно продолжил работу по созданию режиссерского театра в России: привычная концепция театра XIX, где главным демиургом считался драматург, была разрушена прежде всего тем, что В. Мейерхольд не считался с ремарками драматургов, а сам интерпретировал действие и придумывал мизансцены. Также он разрушил концепцию актерского театра – в театральной прессе начала XX века во многих журналах основное содержание отводилось оценкам актерской игры, фаворитам критики и публики. Считалась, что именно на глубине психологической игры актера держится театральное действие. Но для В. Мейерхольда актер стал всего лишь инструментом и художественным материалом для построения живописно-пластических мизансцен на сцене. Для начала XX века концепция режиссерского театра,

где постановщик спектакля проявляет свою творческую волю при работе с драматическим текстом, была еще очень свежа и инновационна. Во-вторых, в русле передовых европейских и русских театральных идей В. Мейерхольд сотрудничал с современными ему художниками – например, Н. Сапуновым и С. Судейкиным – для создания декораций к спектаклям, в основном художниками, работающими в русле символистской эстетики, зачастую делая ширмы с их рисунками главным центром сценического пространства. В-третьих, в творчестве В. Мейерхольда продолжалось обновление репертуара русского театра: помимо увлечения «новой драмой» – пьесами М. Метерлинка, Г. Ибсена, постановками которых занимался и К. Станиславский, он также брался за постановку пьес молодых драматургов («Балаганчик» А. Блока), провокационного Ф. Ведыкина, редкого для русской сцены Кальдерона и других авторов.

Критическая и негативная оценка деятельности В. Мейерхольда критиками привела к тому, что в 1907 году он был уволен с поста режиссера Драматического театра. Но уже в 1908 году был приглашен заниматься постановками в Мариинском и Александринском театрах. После увольнения В. Мейерхольда на страницах театральных журналов начали появляться отзывы о деятельности режиссера иного характера. Критики заговорили о том, что, несмотря на все недостатки творческой работы В. Мейерхольда, его постановки были яркими событиями на сцене Русского театра, а его экспериментальные поиски путей обновления театра были необходимы.

Журнал «Артист и сцена» в большей степени освещал музыкальную сцену. Но тем интереснее обратить внимание на заметки о В. Мейерхольде, показывающие значение его режиссерской работы для одного из главных театров Российской империи – Мариинского. Заметки эти довольно краткие, в основном о том, какие постановки в том или ином сезоне были поручены режиссеру: опера Глюка «Орфей» в сотрудничестве с балетмейстером М. Фокиным (У рампы, 1911: 15: 3), с ним же опера Римского-Корсакова «Млада» (У рампы, 1912: 1: 5), опера-пастораль Глюка «Королева Мая» в сотрудничестве с известным художником-декоратором А. Я. Головиным (У рампы, 1912а: 8: 3). Весьма интересна заметка, показывающая, насколько амбициозные проекты, связывающие отечественную сцену с общемировым контекстом, доверяли Мейерхольду: «Дирекция Императорских театров решила пополнить вагнеровский репертуар включением в него оперы «Мейстерзингеры». Для ознакомления с постановкой этой оперы в Байрейт командированы режиссер В. Э. Мейерхольд и художник К. А. Коровин. Новую постановку этой оперы предполагают закончить к будущему сезону» (У рампы, 1911а: 21: 3).

Важно отметить, что в журналах очевиден акцент на освещение актерской работы или же, как в случае с постановкой оперы «Орфей» Глюка издатели даже не удосуживаются упомянуть режиссера-постановщика, всецело отдавая внимание более именитому на тот момент на мировой сцене соавтору Мейерхольда М. Фокину. Сам балетмейстер, однако, отмечает некоторые новаторские ходы, присущие всей постановке: акцент на пластику, все направлено на то, чтобы все задействованные актеры составили своей игрой «ряд пластических иллюстраций». Была также проделана работа над движениями хора, что было весьма ново (Боголюбов, 1911: 22-23: 4-5). То же самое можно сказать и о большой статье, напечатанной в «Ежегоднике императорских театров», посвященной постановке оперы «Борис Годунов» Мусорского на сцене Мариинского театра. В статье акцент ставится на музыкальном гении композитора, достоинствах его произведения, тогда как исполнители и сам режиссер просто даны в перечислении (Каратыгина, 1911, 4: 114-118).

В журнале о театре «Рампа и жизнь» заметки о В. Э. Мейерхольде появляются достаточно редко и почти всегда только в разделах «Письма из Петрограда» или «Петроградские отклики» подписанные автором Вас. Базилевским. Так, например, в одном из номеров за 1914 г. содержится критическая заметка о постановке «Маскарада». Отмечается ее вкус и тщательность, а также тот факт, что именно Мейерхольд таким образом не оставил незамеченным юбилей со дня рождения М.Ю. Лермонтова, в то время как в казенных театрах в целом ничего по этому поводу не ставилось. Не обошлось и без язвительного замечания: «... хотя г. Мейерхольд «усиленно» готовит уже три года злополучный «Маскарад» (Базилевский, 1914: 44: 15). Однако это может и относиться к серьезному подходу режиссера к исходному материалу и его проработке для сцены. Сразу несколько упоминаний режиссерских работ появляются на страницах журналов в 1915 г. Спектакли разбираются с точки зрения зрительского восприятия и их соотношения с драматургическим исходным материалом. Примером тому служит критическая заметка о спектакле «Зеленое кольцо» по пьесе З. Гиппиус. Базилевский пишет, что поставленная «в тонах утонченного реализма» пьеса «оставляет двойственное впечатление». И еще: «Метко схвачен характер собрания «Зеленого кольца», избегнута сутолока, хорошо размещены группы. В постановке отсутствуют вычурности. (Базилевский, 1915, 9: 13). В целом о работе скорее хороший отзыв: указаны достоинства работы режиссера, а замечания в основе своей относятся скорее к тексту З. Гиппиус, которая выбирает темой своего произведения переживания подростков, вызывающую снисходительную улыбку у зрелой публики – основного посетителя театра. В другом журнале – «Театр и искусство» – в критическом отзыве на этот же спектакль имя Мейерхольда вообще не упоминается, автор Н. Тамарин сосредотачивается исключительно на разборе пьесы З. Гиппиус и попутно отмечает игру актеров (Тамарин, 1915, 8: 127-128).

В другом номере журнала «Рампа и жизнь» за 1915 г. упоминаются две режиссерские работы в связи с прощальным спектаклем артиста Ю.Э. Озаровского. В данном случае автор заметки критикует постановку «Стойкий принц» Кальдерона за ее излишнюю роскошь и изощренность режиссерских

решений, а также и декораций Головина, не отвечающих духу сказки испанского драматурга (Базилевский, 1915а, 18: 13). В другом номере этого года о возобновлении той же самой постановки сказано скорее в похвальном ключе: Г. Мейерхольд оригинально распланировал сцену, выдвинул просцениум, приблизил артиста к зрителю, перебросив подмости через оркестр, и пустил прислужников возвещать об антрактах, закрывать занавес» (Базилевский, 1915b, 42: 11).

И наконец, в одном из номеров журнала за 1916 г. содержится заметка по поводу возобновления на сцене Александринского театра спектакля «Гроза» по пьесе Островского. И снова критик сопоставляет свои впечатления от спектакля с произведением писателя: «Постановка любопытна, внешняя жизнь приволжского городка передана интересно, содержательно, но со сцены не веяло «духом» Островского, не пылала живая душа, не была отражена ярко психология самодуров. В общем, спектакль хороший, и если в режиссерских взмахах сквозила нарочитость и нечто от лукавого, все же внимание публики было велико» (Базилевский, 1916, 3: 13).

Журнал «Театр и искусство» чаще других периодических изданий пестрит рецензиями на спектакли, поставленные В. Э. Мейерхольдом. Интересно, что работающего в императорских театрах режиссера многие авторы начинают упрекать в том, что он «поправел» и его постановки прежней дерзостью не отличаются (Homo novus, 1916, 3: 60-63). В чем же еще упрекал режиссера автор Homo novus? Во-первых, стилизация – то, что некий город Калинов, изображенный на сцене в «Грозе» Островского, совершенно не схож с каким-нибудь провинциальным городком. Во-вторых, яркие пестрые костюмы и игра актеров, вызывающие скорее сказочные ассоциации, нежели то, что автор называет в статье «органическим театром» Островского, – нивелирование характерных ролей в пользу красочного общего рисунка постановки в целом. В номере журнала за 1917 г. автор, пишущий под этим же псевдонимом, критикует постановку «Смерть Тарелкина», указывая на то, что и здесь, и даже в «Грозе» по Островскому режиссер видит фантастику, близкую, по его мнению, гофмановской (Homo novus, 1917, 44-46: 766-768). В упрек Мейерхольду ставится то, что все, что он не ставит, отличается символичностью и фантастикой.

Кроме критики, на постановки Мейерхольда встречаются иногда и вполне положительные отзывы, как, например, статья в журнале «Обозрение театров» за 1916 г. авторства И. Осипова. В ней прямо говорится о том, что режиссер совершил долгожданный прорыв в постановке пьесы Островского, сумев вписать ее в общеевропейский контекст драматургии (Осипов, 1916: 8-10). Подкупает критика основной лейтмотив, который высветил режиссер: показать то, какой может быть счастливая жизнь и как тому мешают жестокие нравы. По мнению И. Осипова, такой подход из национальной-бытовой драмы возвышает до мировой трагедии, и при этом текст режиссером не был каким-либо образом переработан.

5. Заключение

Начало XX века – ярчайший период в истории русского театра. Познакомиться с его особенностями дают возможность периодические издания того времени. Анализ публикаций, представленных в журналах «Любовь к трем апельсинам», «Рампа и жизнь», «Театр и искусство», «Артист и сцена» позволяет сделать следующие выводы о трансформациях русского театрального искусства под влиянием идей В.Э. Мейерхольда.

Создавая новые подходы к постановке спектаклей, к пониманию актерского исполнительства, театр В. Мейерхольда опирается на различные традиции театрального искусства. Значительное внимание уделяется изучению истории сценической техники итальянской комедии дель арте (commedia dell'arte), анализу феномена театра пантомимы (Théâtre des Funambules) Жана Гаспара Дебуро. В разделах журнала, посвященных деятельности Студии Мейерхольда, представлено описание занятий, которое позволяет увидеть роль и место театральных традиций в создании нового театра.

Благодаря экспериментальной работе В. Мейерхольда через критику и резкое неприятие интеллигентной зрелой публикой окончательно утверждается концепция режиссерского театра, начатая на русской сцене К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко: главенствующая роль в театре больше не принадлежит ни звезде-актеру, ни драматургу с его авторским видением постановки, выраженным в ремарках.

В. Мейерхольд разрабатывает инновационные приемы живописно-пластического видения сценического пространства и мизансцен: он создает единую картину в движении из декораций от современных художников, оригинальных и геометрически выверенных решений сценического пространства, актерской пластической массы.

В российской прессе постановки В. Мейерхольда подробно освещались и были критически проанализированы. Существующие публикации позволяют хотя бы в некоторой мере получить представление о постановках В. Мейерхольда в театрах Российской империи начала XX века, так как визуальная документация этого периода творчества режиссера скудная. В профессиональных театральных журналах творчество режиссера получило крайне неоднозначные оценки: реформационная и экспериментальная работа В. Мейерхольда в текстах критиков прекрасно описана, позволяет получить представление о его новаторских решениях, но чаще всего рассматривается как негативное, хоть и необходимое явление на русской театральной сцене.

Литература

- Базилевский, 1914 – Базилевский В. Письма из Петрограда // *Рампа и жизнь*. 1914. № 44. С. 15.
- Базилевский, 1915 – Базилевский В. Петроградские отклики // *Рампа и жизнь*. 1915. № 9. С. 13.
- Базилевский, 1915a – Базилевский В. Петроградские отклики // *Рампа и жизнь*. 1915. № 18. С. 13.
- Базилевский, 1915b – Базилевский В. Петроградские отклики // *Рампа и жизнь*. 1915. № 42. С. 11.
- Базилевский, 1916 – Базилевский В. Петроградские отклики // *Рампа и жизнь*. 1916. № 3. С. 13.
- Боголюбов, 1911 – Боголюбов В.Н. М. М. Фокин о пластике в постановке оперы «Орфей» // *Артист и сцена*. 1911. № 22-23. С. 4-5.
- Борзенко, 2006 – Борзенко В.В. Театральные журналы в дореволюционной России // *Научно-культурологический сетевой журнал RELGA*. 2006. № 21 (143).
- Вермель, 1914 – Вермель С. Ирония и театральность // *Любовь к трем апельсинам*. 1914. № 2. С. 44-46.
- Вермель, 1914a – Вермель С. Момент формы в искусстве // *Любовь к трем апельсинам*. 1914. № 1. С. 15-17.
- Вогак, 1914 – Вогак К.А. К постановке комедий Мольера «Ученые женщины» и «Проделки Скапэна» на сцене Михайловского театра // *Любовь к трем апельсинам*. 1914. № 2. С. 50-53.
- Евреинов, 2020 – Евреинов Н.Н. История русского драматического театра. Абрис/ОЛМА. 2020. 256 с.
- Ито, 2019 – Ито М. Зритель как лаборант: о работе Научно-исследовательской лаборатории Театра им. Мейерхольда // *Шаги*. 2019. № 5 (4). С. 107-119.
- Каратыгина, 1911 – Каратыгина В. Г. Опера // *Ежегодник императорских театров*. 1911. № 4. С. 114-118.
- Копцева и др., 2023 – Копцева Н. П., Середкина Н. Н., Дегтяренко К. А. Эстетические трансформации как идейная основа советского изобразительного искусства 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (4). С. 522-535.
- Кугель, 1906 – Кугель А. Театральные заметки // *Театр и искусство*. 1906. № 47. С. 730-734.
- Лейченко, 2023 – Лейченко Н.М. Ключевые факторы формирования театрального дела в Красноярском крае в различные исторические периоды // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7(2). С. 65-78.
- Мейерхольд, 1916 – Мейерхольд Вс.Э. Студия Вс. Мейерхольда (1916-1917) // *Любовь к трем апельсинам*. 1916. № 2-3. С. 144-150.
- Милашевский, 1914 – Милашевский К. Основные типы в commedia dell'arte // *Любовь к трем апельсинам*. 1914. № 3. С. 71-76.
- Осипов, 1916 – Осипов И. «Гроза» А. Н. Островского в постановке В. Э. Мейерхольда и А. Я. Головина // *Обозрение театров*. 1916. № 2988. С. 8-10.
- Пименова, Замараева, 2023 – Пименова Н.Н., Замараева Ю.С. «Культурная политика»: концепция Дэвида Белла и Кейт Окли // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7 (1). С. 37-49.
- Редакция, 1915 – Редакция. К 1-му вечеру «Студии» 12 февраля 1915 г. (Отзывы ежедневной печати и замечания редакции журнала Доктора Дапертутто) // *Любовь к трем апельсинам*. 1915. № 1-3. С. 132-149.
- Сергеева, 2023 – Сергеева Н.А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7 (2). С. 108-115.
- Сергеева, Замараева, 2023 – Сергеева Н. А., Замараева Ю. С. Создание новых художественных объединений в советском изобразительном искусстве 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (7). С. 1043-1061.
- Соловьев, 1914 – Соловьев В. К истории сценической техники commedia dell'arte // *Любовь к трем апельсинам*. 1914. № 2. С. 34-41.
- Тамарин, 1915 – Тамарин Н. Александринский театр // *Театр и искусство*. 1915. № 8. С. 127-128.
- У рампы, 1911 – У рампы // *Артист и сцена*. 1911. № 15. С. 3.
- У рампы, 1911a – У рампы // *Артист и сцена*. 1911. № 21. С. 3.
- У рампы, 1912 – У рампы // *Артист и сцена*. 1912. № 1. С. 5.
- У рампы, 1912a – У рампы // *Артист и сцена*. 1912. № 8. С. 3.
- Шнейдерман, 2014 – Шнейдерман И. Три встречи к истории личных и творческих взаимоотношений К. С. Станиславского и В. Э. Мейерхольда // *Вопросы театра*. 2014. №1-2. С. 133-137.
- Cavaliere, 2022 – Cavaliere A. Meyerhold e o Performa Teatro: um projeto estetico para a contemporaneidade // *RUS*. 2022. № 13 (21). С. 66-86.
- Homo novus, 1916 – Homo novus. Заметки // *Театр и искусство*. 1916. № 3. С. 60-63.
- Homo novus, 1917 – Homo novus. Заметки // *Театр и искусство*. 1917. № 44-46. С. 766-768.
- Koptseva et al., 2021 – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cinephono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, Sereidkina, 2021 – Koptseva N. P., Sereidkina N. N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 343-356.

Koptseva, Sitnikova, 2019 – *Koptseva N.P., Sitnikova A.A.* The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries // *International Journal for the Semiotics of Law- Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. V. 32. № 1. Pp. 47-74.

McCullough, 2003 – *McCullough Ch.* Ensino e politica da teatralidade: estudo de caso sobre Meyerhold // *Urdimento*. 2003. № 5. Pp. 117-142.

Roy, 2016 – *Roy D.* Teaching Meyerhold // *Drama Victoria – Mask 2.0*. 2016. Pp. 1-8.

Velasquez, 2019 – *Velasquez N.V.* Meyerhold, entre la tecnica extracotidiana de inculturacion y aculturacion // *Investigacion Teatral Revista de artes escenicas y performatividad*. 2019. № 10(15). Pp. 105-121.

Veites, 2020 – *Veites M.F.* Meyerhold: A pioneer in Reception Aesthetics // *ESCENA Revista de las artes*. 2020. № 80 (1). Pp. 69-95.

References

Bazilevskiy, 1914 – *Bazilevskiy, V.* (1914). Pis'ma iz Petrograda [Letters from Petrograd]. *Rampa i zhizn'*. 44: 15. [in Russian]

Bazilevskiy, 1915 – *Bazilevskiy, V.* (1915). Petrogradskie otkliki [Petrograd responses]. *Rampa i zhizn'*. 9: 13. [in Russian]

Bazilevskiy, 1915a – *Bazilevskiy, V.* (1915). Petrogradskie otkliki [Petrograd responses]. *Rampa i zhizn'*. 18: 13. [in Russian]

Bazilevskiy, 1915b – *Bazilevskiy, V.* (1915). Petrogradskie otkliki [Petrograd responses]. *Rampa i zhizn'*. 42: 11. [in Russian]

Bazilevskiy, 1916 – *Bazilevskiy, V.* (1916). Petrogradskie otkliki [Petrograd responses]. *Rampa i zhizn'*. 3: 13. [in Russian]

Bogoliubov, 1911 – *Bogoliubov, V.N.* (1911). M.M. Fokin o plastike v postanovke operi "Orfeiy" [M.M. Fokin about plasticity in the production of the opera "Orpheus"]. *Artist i stsena*. 22-23: 4-5. [in Russian]

Borzenko, 2006 – *Borzenko, V.V.* (2006). Teatral'nyye zhurnaly v dorevolyutsionnoy Rossii [Theatrical magazines in pre-revolutionary Russia]. *Nauchno-kul'turologicheskii setevoi zhurnal RELGA*. 21(143). [in Russian]

Cavaliere, 2022 – *Cavaliere, A.* (2022). Meyerhold e o Performa Teatro: um projeto estético para a contemporaneidade. *RUS*. 13 (21): 66-86.

Redaktsiya, 1915 – *Redaktsiya.* K 1-mu vecheru «Studii» 12 fevralya 1915 g. Otzyvy yezhednevnoy pechati i zamechaniya redaktsii zhurnala Doktora Dapertutto [By the 1st evening of the "Studio" on February 12, 1915 (Reviews of the daily press and comments by the editors of Dr. Dapertutto's journal)]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 1915. 1-3: 132-149. [in Russian]

Evreinov, 2020 – *Evreinov, N.N.* (2020). Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra [History of Russian Drama Theatre]. *Abris/OLMA*, 256 p. [in Russian]

Homo novus, 1916 – *Homo novus.* Zametki [Notes]. *Teatr i iskusstvo*. 1916. 3: 60-63. [in Russian]

Homo novus, 1917 – *Homo novus.* Zametki [Notes]. *Teatr i iskusstvo*. 1917. 44-46: 766-768. [in Russian]

Ito, 2019 – *Ito, M.* (2019). Zritel' kak laborant: o rabote Nauchno-issledovatel'skoy laboratorii Teatra im. Meyerkhol'da [Spectator as a laboratory assistant: about the work of the Research Laboratory of the Theater. Meyerhold]. *Shagi*. 5(4): 107-119. [in Russian]

Karatigina, 1911 – *Karatigina, V.G.* (1911). Opera [Opera]. *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov*. 4: 114-118. [in Russian]

Koptseva et al., 2021 – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N.* (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.

Koptseva, Serechkina, 2021 – *Koptseva, N.P., Serechkina, N.N.* (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356.

Koptseva i dr., 2023 – *Koptseva, N. P., Serechkina, N.N., Degtyarenko, K.A.* (2023). Esteticheskiye transformatsii kak ideynaya osnova sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva 1917–1922 gg. [Aesthetic transformations as the ideological basis of Soviet fine arts in 1917-1922]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 16 (4): 522-535 [in Russian]

Koptseva, Sitnikova, 2019 – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2019). The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries. *International Journal for the Semiotics of Law- Revue internationale de Sémiotique juridique*. 32(1): 47-74.

Kugel, 1906 – *Kugel, A.* (1906). Teatral'nie zametki [Theatre notes]. *Teatr i iskusstvo*. 47: 730-734. [in Russian]

- Leychenko, 2023 – Leychenko, N.M. (2023). Klyuchevyye faktory formirovaniya teatral'nogo dela v Krasnoyarskom kraye v razlichnyye istoricheskiye periody [Key factors in the formation of theater in the Krasnoyarsk Territory in various historical periods]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(2): 65-78. [in Russian]
- McCullough, 2003 – McCullough, Ch. (2003). Ensino e política da teatralidade: estudo de caso sobre Meyerhold [Teaching and politics of theatricality: a case study on Meyerhold]. *Urdimento*. 5: 117-142. [in Spanish]
- Meyerhold, 1916 – Meyerhold, Vs.E. (1916). Studiya Vs. Meyyerkhol'da (1916-1917) [Studio Vs. Meyerhold (1916-1917)]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 2-3: 144-150. [in Russian]
- Milashhevskiy, 1914 – Milashhevskiy, K. (1914). Osnovnyye tipy v commedia dell'arte [The main types in the commedia dell'arte]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 3: 71-76. [in Russian]
- Osipov, 1916 – Osipov, I. (1916). "Groza" A.N. Ostrovskogo v postanovke V.E. Meyerhol'da i A.Ya. Golovina ["Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky directed by V. E. Meyerhold and A. Ya. Golovin]. *Obozrenie teatrov*. 2988: 8-10. [in Russian]
- Pimenova, Zamaraeva, 2023 – Pimenova, N.N., Zamaraeva, Yu.S. (2023). "Kul'turnaya politika": kontseptsiya Devida Bella i Keyt Okli ["Cultural Policy": A Concept by David Bell and Kate Oakley]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(1): 37-49. [in Russian]
- Roy, 2016 – Roy D. (2016). Teaching Meyerhold. Drama Victoria – Mask 2.0, pp. 1-8.
- Sergeeva, 2023 – Sergeeva, N.A. (2023). Ponyatiye «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of "visuality" in modern theory and history of art]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(2): 108-115. [in Russian]
- Sergeeva, Zamaraeva, 2023 – Sergeeva, N.A., Zamaraeva, Yu.S. (2023). Sozdaniye novykh khudozhestvennykh ob'yedineniy v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve 1917-1922 gg. [Creation of new art associations in the Soviet fine arts 1917-1922]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 16(7): 1043-1061. [in Russian]
- Shneyderman, 2014 – Shneyderman, I. (2014). Tri vstrechi po istorii individual'no-tvorcheskikh ob'yektov K. S. Stanislavskogo i V. E. Meyyerkhol'da [Three meetings on the history of individual creative objects by K. S. Stanislavsky and V. E. Meyerhold]. *Voprosy teatra*. 1-2: 133-137. [in Russian]
- Solov'yev, 1914 – Solov'yev, V. (1914). K istorii stsenicheskoy tekhniki commedia dell'arte [To the history of stage technology commedia dell'arte]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 2: 34-41. [in Russian]
- Tamarin, 1915 – Tamarin, N. (1915). Aleksandrinsky teatr [Alexandrinsky Theater]. *Teatr i iskusstvo*. 8: 127-128. [in Russian]
- U rampi, 1911 – U rampi [At the ramp]. *Artist i stsena*. 1911. 15: 3. [in Russian]
- U rampi, 1911a – U rampi [At the ramp]. *Artist i stsena*. 1911. 21: 3. [in Russian]
- U rampi, 1912 – U rampi [At the ramp]. *Artist i stsena*. 1912. 1: 5. [in Russian]
- U rampi, 1912a – U rampi [At the ramp]. *Artist i stsena*. 1912. 8: 3. [in Russian]
- Velasquez, 2019 – Velasquez, N.V. (2019). Meyerhold, entre la tecnica extracotidiana de inculturacion y aculturacion [Meyerhold, between the extra-daily technique of inculturation and acculturation]. *Investigacion Teatral Revista de artes escenicas y performatividad*. 10(15): 105-121. [in Spanish]
- Vermel', 1914 – Vermel', S. (1914). Ironiya i teatral'nost' [Irony and theatricality]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 2: 44-46. [in Russian]
- Vermel', 1914a – Vermel', S. (1914). Moment formy v iskusstve [Moment of form in art]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 1: 15-17. [in Russian]
- Vieites, 2020 – Vieites, M.F. (2020). Meyerhold: A pioneer in Reception Aesthetics. *ESCENA Revista de las artes*. 80(1): 69-95.
- Vogak, 1914 – Vogak, K.A. (1914). K postanovke komediy Mol'yera «Uchenyye zhenshchiny» i «Prodelki Skapena» na stsene Mikhaylovskogo teatra [To the staging of Molière's comedies The Learned Women and The Tricks of Scapin on the stage of the Mikhailovsky Theater]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 2: 50-53. [in Russian]

К вопросу о трансформации русского театрального искусства под руководством В. Мейерхольда в начале XX века в зеркале русской периодики

Мария Александровна Колесник ^{a, *}, Наталья Михайловна Лещинская ^a,
Екатерина Анатольевна Сертакова ^a, Александра Александровна Ситникова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник),
trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова),
sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова)

Аннотация. Театральное искусство, одно из ярких проявлений русской культуры, на рубеже XIX – XX веков изменяется и трансформируется. Среди персон, чье творчество стало определяющим в этих процессах, были К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко и В.Э. Мейерхольд. В настоящей статье представлен анализ публикаций русской периодической печати, в которых отражены идеи, деятельность В. Мейерхольда и его единомышленников, направленные на формирование нового – режиссерского театра, а также реакция театральной среды, критиков на данные эксперименты. Для исследования были выбраны журнал «Любовь к трем апельсинам», издание которого было инициировано В.Э. Мейерхольдом, где публиковались рассуждения о театральном искусстве, о его сути, о предназначении актера и понимании его творчества, а также печатались детальные ответы на вопросы и претензии к постановкам Мейерхольда, выдвигаемые критиками, любителями и знатоками театра. Также были изучены журналы «Рампа и жизнь», «Театр и искусство», «Артист и сцена», в которых представлены подробные анализы, критические разборы постановок театра В.Э. Мейерхольда. В результате были сделаны выводы об особенностях театрального искусства, созданного Всеволодом Эмильевичем, и о влиянии его на русский театр в целом.

Ключевые слова: периодические издания, журнал «Любовь к трем апельсинам», журнал «Рампа и жизнь», журнал «Театр и искусство», журнал «Артист и сцена», Всеволод Эмильевич Мейерхольд, русское театральное искусство, театр.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1532-1538
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1532

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”)

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper attempts to consider the evolution of the image “Children at War” on the pages of the army newspaper “Soldatskii Vestnik” of the period 1914–1915. As materials, the authors used the files of the newspaper “Soldatskii Vestnik” for 1914–1916.

In conclusion, the authors note that the image “Children at War” on the pages of the army newspaper “Soldatskii Vestnik” in 1914–1915 underwent a significant evolution: August 1914 – demonstration of isolated cases of children's participation in the war; October 1914 – the participation of children in the war is massive, children participate in guerrilla and sabotage operations, are used in reconnaissance and ammunition tray; November 1914 – a minor unarmed scout in a clash with an armed enemy comes out victorious; December 1914 – with the help of a patriotic letter from a minor girl for the “first soldier” and the publication of feedback from the front (a soldier's letter), an attempt is made to strengthen the connection of children of the rear with the soldier masses; January 1915 – publication of generalizing materials about the reasons for children's participation in the war, their motivation and the difficulties of field life; February 1915 – heroism in the war can show not only boys, but also girls.

That is, in the period from August 1914 to February 1915, the theme of children at war evolved from a child as an isolated case to a mass phenomenon and the use of children in a wide variety of operations (up to bayonet attacks and sabotage work). Despite all of the above, after February 1915, the topic “children at war” ceased to be considered on the pages of the newspaper “Soldatskii Vestnik”. The reasons for this was an attempt by the military department to stop glorifying the image of “children at war” in order to reduce the number of cases of minors escaping from home to the theater of military operations.

Keywords: the First World War, the image “Children at war”, the newspaper “Soldatskii Vestnik”, 1914–1915.

1. Введение

Участие несовершеннолетних детей в Первой мировой войне – одна из наименее изученных тем в историографии. Причин этому много: это и общий тренд на замалчивание патриотического подъема русского общества в советской историографии, и малочисленность материалов об участии детей в действующей армии в период Первой мировой войны. Разумеется, были и другие причины, о которых речь пойдет ниже. В данной работе на материалах газеты «Солдатский вестник» мы хотели бы проанализировать эволюцию образа «дети на войне» периода 1914–1915 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы подшивки газеты «Солдатский вестник» (Рисунок 1). Первый номер газеты «Солдатский вестник» был издан 31 августа 1914 г. Газета являлась изданием штаба Петроградского военного округа и имела периодичность 2 раза в неделю. Редактором газеты являлся полковник П.А. Риттих, а помощником редактора - капитан Г.К. фон Брюммер. Газета печаталась в типографии Императорской Николаевской военной академии в Петрограде. В заметке от редакции отмечалось: «В славную и трудную годину Второй Отечественной войны по приказанию Главнокомандующего для нужд нижних чинов будет выпускаться 2 раза в неделю «Солдатский вестник». Характер этого «Вестника» исключительно осведомительный о ходе наших и союзных военных действий. По мере возможности будут перепечатываться из повременной печати рассказы раненных с театра военных действий, письма из деревни и т.п.» (От редакции, 1914: 1).

Рис. 1. Титульная страница газеты «Солдатский вестник» за 31 августа 1914 г.

Методология исследования представлена методом контент-анализа. Применение этого метода позволило нам выявить из многочисленных материалов армейской газеты «Солдатский вестник» периода Первой мировой войны публикации, посвященные теме «Дети на войне». Дальнейшая интерпретация выявленных материалов позволила нам обратить внимание на эволюцию образа «Дети на войне» в период 1914–1915 гг.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования немногочисленна. Тем не менее в ней можно выделить несколько самостоятельных групп: во-первых, это собственно публикации посвященные теме «Дети на фронтах Первой мировой войны»; во-вторых, это публикации, связанные с военной пропагандой периода Первой мировой войны.

К первым работам мы хотели бы отнести такие труды, как: В.Б. Аксенов, Ю.А. Жердева «Рисуя эпоху: дети, война и революция в пропаганде и творчестве школьников 1914-1917 гг.» (Аксенов, Жердева, 2018), В.В. Карпова «Столичные педагогические журналы в годы Первой мировой войны» (Карпова, 2014), а также А.А. Cherkasov «The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I» (Cherkasov et al., 2016).

Ко второй группе работ мы можем отнести публикации из специализированного издания по истории военной пропаганды – журнала «Propaganda in the World and Local Conflicts». Среди работ по военной пропаганде мы хотели бы назвать труды: L.G. Polyakova «Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine)» (Polyakova, 2016), V.A. Parkhomenko «“The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War» (Parkhomenko, 2018) и V.S. Kamensky «Literary Propaganda and Litterateurs during World War I» (Kamensky, 2021).

4. Результаты

Как известно, Первая мировая война в определенной мере была неожиданностью для российского общества. Неожиданностью стал и общий патриотический подъем практически всего общества. Этот патриотический подъем оказался настолько масштабным, что он захлестнул и несовершеннолетних, что привело к случаям бегства детей на фронт. По понятным причинам этот порыв несовершеннолетних был замечен столичной и провинциальной прессой, и после публикации

первых заметок средствами массовой информации стал формироваться образ «дети-герои – защитники отечества».

В газете «Солдатский вестник» тема нашего исследования, также как и в целом в российской периодической печати, не получила широко распространения. Большая часть публикаций на эту тему относится к 1914 г. Последняя публикация датируется 11 февраля 1915 г., после чего редакция старается не затрагивать эту тему.

Впервые эта тема была представлена в 1-м номере газеты за 31 августа 1914 г. Так, в заметке «Юный доброволец» отмечалось, что во время мобилизации в Петрограде из квартиры одного портного исчез живший в «учениках» деревенский 13-летний мальчик Василий Маркин. Вскоре было выяснено, что под предлогом поступления в лучшее место мальчик уговорил своего дядю сделать ему паспорт, с которым и скрылся. В тайну исчезновения беглеца был посвящен только его сверстник по играм во дворе, который получил от своего друга письмо из действующей армии. Из письма выяснилось, что Василий слезными просьбами умолил уезжавших на фронт солдат взять его с собой. Солдаты довольно долго скрывали Василия от глаз начальства, пряча его под лавками вагона. По прибытии на театр военных действий мальчик, снабженный всем военным обмундированием, был зачислен добровольцем, и в качестве солдата он нес походную службу. Василий Маркин успел принять участие в нескольких сражениях, в последнем из которых получил легкое ранение в руку (*Юный доброволец, 1914: 4*). Благодаря этой публикации был введен нарратив – мальчик-герой, который добровольно присоединился к армии и принимал участие в боях. Этот образ был единичным, и в дальнейшем следовало ожидать расширение этого нарратива.

Следующая публикация в «Солдатском вестнике» появилась спустя полтора месяца в 13-м номере газеты (11 октября 1914 г.). Публикация была посвящена подросткам партизанам и называлась «Партизаны-подростки». Суть этой публикации заключалась в том, что в окрестностях деревни Шептал Горный (недалеко от Влоцлавска в Польше) отряд немецких улан из 6 человек выполнял разведку. Немцы захватили в поле польского крестьянина с двумя сыновьями. Взяв сыновей в заложники (одному было 16 лет, а второму – 17) немцы отправили их отца в разведку, а сами остановились на отдых. Пока отца не было, юноши успели освоиться со своим положением и, улучшив момент, захватив всех лошадей, бежали. В лесу подростки встретили казачий разъезд со своим отцом. Разъезд нагнал немцев и пленил их (*Партизаны-подростки, 1914: 4*). Теперь был введен несколько нарративов: первый о том, что дети на войне (их в этом конкретном случае уже двое) это массовое явление массовым явлением); второй – дети могли находить себе применение в качестве партизан.

Еще один интересный жанр публикации был представлен в том же 13-м номере газеты – письмо ребенка русскому императору. Данная заметка была озаглавлена «Письмо малолетней Елизаветы Гюбнер». Приведем весь текст письма: «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу. Являюсь письменно к Государю Императору, чтобы помочь чем-нибудь в это тяжелое время Царю, так как я будущая русскоподданная и много думаю про войну. Вот и выдумала, что если аэроплан покрыть большим полотном покрашено похоже на облачко, так как такой может все незаметно разузнать. Я сама хочу пойти на войну, только мама говорит, что я мала, мне только 12-й год, не возьмут и девочка. Елизавета Гюбнер» (*Письмо..., 1914: 6*). Очевидно, что Великая война возбуждала патриотические чувства у значительной части общества, не исключением здесь были и дети женского пола. Публикация данного нарратива как раз и демонстрировала наличие поддержки царю со стороны детей, которые стремились оказать посильную помощь в этом противостоянии.

Очередная публикация была сделана уже в 14-м номере газеты (15 октября 1914 г.). Так, здесь была опубликована заметка «Дети-герои». В заметке, в частности, отмечалось, что, когда один из полков уходил на фронт, в казармы явились два подростка и стали проситься взять их на войну. Однако когда было выяснено, что одному из них не было и 15 лет, а второму едва исполнилось 15, то им отказали в приеме. Тем не менее, мальчики заявили, что все равно добьются своего. И действительно, мальчики уехали на фронт и явились в роту, однако командир полка категорически запретил брать мальчиков на строевую службу. Так юноши стали подносчиками патронов и занимались этим в самый разгар боя. Один из раненых солдат вспоминал: «лежишь в цепи и стреляешь, смотришь, на животе ползет мальчик, бросит мешочек с патронами – и назад». До 19 августа мальчики участвовали в 6 боях и остались невредимы. Однажды во время привала они пошли в лес и заметили в кустах немецкого мальчика лет 15, как оказалось впоследствии, бойскаута (разведчика). Они взяли его в плен и отвели в лагерь, за что и были представлены к награде (*Дети-герои, 1914: 2*). В этом нарративе вновь представлен пример массового участия детей, которые могли эффективно применяться как для подноса на передний край боеприпасов, так и для разведки.

В 16-м номере газеты за 25 октября 1914 г. была опубликована очередная заметка под названием «Двенадцатилетний воин». В этой заметке отмечалось, что в Могилевский госпиталь из-под Варшавы был доставлен двенадцатилетний воин Яша Рябов. В лазарете Яша Рябов рассказал о себе следующее: «Не мог выдержать: как только в Петрограде была объявлена мобилизация, бросил службу в кинематографе, отнес матери заработанные деньги и с 1,5 рублями отправился на вокзал. Отправлялась на войну батарея... Старший офицер батареи князь Туманов, сначала было не

соглашавшийся взять меня в поход, наконец уважил мою просьбу, и я с батареей очутился на прусской границе. Был в нескольких боях: под Лыком, Граевом, с батареей наступал, с ней отступал и вновь попал в Пруссию. Тут во время разведки заблудился, потерял свою часть и кое-как добрался в Варшаву. Скоро пристроился к пехотному полку, выступавшему в бой. Пришлось маршировать пешком. При батарее ездил на коне. В сражении под Варшавой пошел с товарищем, 15-летним мальчиком, портить замки у неприятельских орудий, и удалось бы... как вдруг у ног свалился прусский «чемодан» (артиллерийский снаряд – Авт.)... гул, свист, что-то шарахнуло по голове... Далее ничего не помню. Очнулся на перевязочном пункте... Теперь чувствую себя хорошо» (*Двенадцатилетний воин, 1914: 6*). И здесь, несмотря на то, что главным героем выступает 12-летний мальчик, имеется упоминание, что на последнее, по сути, диверсионное задание он ходил с 15-летним мальчиком. Таким образом, происходит очередной ввод информации о массовом участии детей, а также впервые отмечается, что дети могут применяться в диверсионной работе.

В 23-м номере за 19 ноября 1914 г. была помещена любопытная заметка «Геройство мальчика-разведчика». Суть публикации сводилась к тому, что один безоружный мальчик-разведчик столкнулся на пути у Кракова с австрийским вооруженным солдатом. Ловкий мальчик бросился под ноги австрийца и сшиб его на землю. Не дав времени опомниться австрийцу, он обезоружил его и доставил в плен. Находчивый мальчик был награжден (*Геройство..., 1914: 2*). При помощи данного нарратива был введен образ, что в случае столкновения даже безоружного мальчика-разведчика с вооруженным солдатом противника исход дела для неприятеля может быть трагичным. Такие публикации должны были поддерживать моральный дух не только детей, но и взрослых.

В 34-м номере газеты за 31 декабря 1914 г. была сделана заметка, представлявшая собой новый жанр публикации – письмо, участие в судьбе комбатанта. Эта заметка была озаглавлена «Первому попавшемуся солдату». Суть этой публикации заключалась в том, что 11-летняя институтка (воспитанница института благородных девиц – Авт.), придя домой в отпуск, сочинила и отправила на фронт очень теплое письмо, написав на конверте «Действующая армия, первому попавшемуся солдату». Данное письмо действительно попало на фронт, и в ответ на него солдат написал следующие строки: «Здравствуйте, милая и дорогая Таня Петровна! В первых строках моего маленького письма спешу поздравить Вас с высокаторжественным праздником Рождества Христова и наступающим новым годом, которые от чистого сердца желаю встретить и провести в душевной радости, счастье и полном благополучии. Милая и дорогая моя сочувствительница Таня Петровна, сегодня в дорогу, выпавшую для моего отдыха минуту после вчерашних с неприятелем частых перестрелок, я встречаюсь с одним солдатом нашего полка. Он говорит мне: «Вот товарищ, есть письмо первому попавшемуся солдату». Я же так как солдат, то осмелился его вскрыть и прочитать; меня очень затронуло ваше письмо, я осмеливаюсь дать Вам, милая Таня, ответ. Я прочел его, мне стало на душе очень радостно, что Вы, дорогая Таня, очень беспокоитесь о нас, я верю, что Вы, хотя и по воле, но вы входите в солдатское положение, Вы сочувствуете, как сейчас приходится подчас очень трудно, но должны же мы постоять и даже придется, то и помереть за веру православную и за Царя и Отечество...» (*Первому попавшемуся солдату, 1914: 5*). Данная публикация также имела высокое патриотическое значение: во-первых, благодаря публикации этого опыта другие девочки могли отправить аналогичные письма на фронт, а во-вторых, такие письма поднимали боевой дух русской пехоты.

В 41-м номере газеты за 24 января 1915 г. был использован жанр обобщения информации. К этому времени в российской периодической печати было накоплено большое количество информации о детях на полях Первой мировой войны. Автором очередной заметки был человек под инициалом «Г», а заметка называлась «Война и дети». В этой заметке, пытаясь разобраться в причинах добровольчества детей, автор отмечал, что Великая война, всколыхнувшая до самой глубины душу русского народа, не могла не затронуть и его юношей, и как только она началась и на рубеж нашей Родины двинулись полки, к ним стали присоединяться и малыши-добровольцы. По мнению автора, чистая, пылкая душа ребенка, живущая только наполовину действительностью, и на половину еще фантазией, не могла остаться равнодушной; для нее война с врагом получила, особенно притягательную силу, и дети, покорные своему чувству, послушные порыву своей души, потянулись туда, куда уже шли или только двигались их отцы и старшие братья. Сначала как будто не смело, с опаской, по одному, а потом пошли гурьбой по несколько человек. Тот, кто просматривает ежедневные газеты, тот читал списки этих маленьких героев, с каждым днем учащающихся и увеличивающихся численностью. Их влечет туда любовь к родине, впитанная ими из рассказов стариков и из сочинений наших лучших писателей, их души жаждут подвига, жаждут своим участием помочь и облегчить трудный подвиг богатырей русской земли. Время идет. Одни из таких детей живы, здоровы и продолжают делать то славное дело, за которым пошли, другие – ранены и находятся сейчас в лазаретах, залечивая свои недетские раны, третьих уже нет, они нашли себе покой на полях битв, и души их, вероятно, продолжают молиться за своих братьев. Автор резюмировал эту часть своего повествования, что счастливая страна, сыны которой имеют таких детей. Как она будет гордиться их подвигом, как на их порыве будет она воспитывать целые поколения других детей, по малолетству или почему-нибудь другому не могших последовать их порыву. Много, много ушло детей на войну. Всех их, несмотря на различие возраста, положения, воспитание, объединяет одна

мысль: необходимость защищать свою родину, свою милую и великую Россию (Война и дети, 1915: 2). В данной части публикации рассматриваются причины добровольного участия детей в боевых действиях. Основную роль в этом, по мнению автора, имел патриотизм.

Далее автор приводит конкретные примеры службы подростков в армии: «вот кавалер Св. Георгия (награжден Георгиевским крестом 4-й степени – Авт.), двенадцатилетний деревенский пастух, с утра до позднего вечера сидевший и стороживший свое стадо. Казалось, что ничего не нарушает его несложных и простых обязанностей, он пел свои детские песенки, шалил с однолетками..., но началась война, и его душа всколыхнулась, и бросил он, свой лес, поле, речку и пошел на немца» (Война и дети, 1915: 2). Тут же автор приводит и другой пример: «гимназист четвертого класса: с какой радостью катался он на лодке, во время каникул, ходил за грибами, играл в футбол; казалось в этом – его жизнь, казалось, что он занятый этими интересными делами и не подумает о походе, но началась война, мимо двинулись поезда, наполненные воодушевленными солдатами, и вспыхнуло пламя в его гимназической душе, бросил все такое веселое и спокойное, и в один прекрасный день пошел вслед за ушедшими уже поездами» (Война и дети, 1915: 2). При помощи этих двух примеров автор ввел в оборот нарратив, что дети-добровольцы – это не только социально незащищенные слои общества, например ребенок-пастух, но и учащиеся гимназий принимают в этом деле участие. Таким образом, дети добровольцы – это вновь явление массовое, а также впервые вводится нарратив, что среди добровольцев дети разных сословий.

Автор уделил внимание и пути добровольца - от попыток уговорить военнслужащих взять его на фронт до конкретных вариантов применения в зоне боевых действий: «Сколько невзгод, мытарств, испытывают эти славные дети; им ведь гораздо труднее попасть на войну, чем взрослому, и они знают все это и все-таки идут и идут. Поговорите с теми из них, которые по той или иной причине вернулись с войны, послушайте из рассказы о том, как они просились у солдат захватить их с собою, как их возвращали к родителям и как они опять удирали и пробирались поближе к действующей армии. Вы услышите, как солдаты прятали их в вагонах, под своими серыми шинелями, и как удивлялось начальство, когда узнавало, что вместе с его эшелоном прибыл какой-то мальчуган. Вот дети достигали передовых позиций – их заветной цели, и здесь они живут душа в душу со своими старшими братьями, силами той же великой матери Родины, составляя маленькую, но, безусловно, полезную частицу, здесь они занимаются разведкой, охотятся за неприятельскими аэропланами, под огнем огромных неприятельский орудий таскают солдатам патроны, а когда понадобится, то вместе с ними бросаются в штыки, здесь они чувствуют себя настоящими солдатами» (Война и дети, 1915: 2). Помимо уже ранее звучавших нарративов здесь даются важные дополнения: во-первых, дети-добровольцы могут заниматься разведкой аэропланов противника, а во-вторых, в случае необходимости могут принимать участие и в штыковых атаках. То есть ребенок-доброволец за полгода Первой мировой войны прошел путь в вариантах своего применения от подносчика патронов до разведчика и даже диверсанта, который мог применяться в случае необходимости и в штыковых атаках.

Далее автор приводит еще несколько примеров службы детей на фронте: «Один из наших малышей, Орлов, награжденный уже Георгиевским крестом, под ужасным огнем немецких ружей и пулеметов, пробежав около 700 шагов, представляя в это время единственную мишень для неприятеля, сумел уведомить о недостатке патронов в окопе, и благодаря своевременной доставке их немцы принуждены были уступить нам свои позиции» (Война и дети, 1915: 2), а вот и другой пример: «в другой рассказывает, как в одну из разведок его внимание остановил подозрительно свежий вид песка и как он доложил об этом командиру, утверждая «не иначе как закопано что» и стали рыть, сначала попалась веревочка от пулеметного замка, а за ней полезли и пулеметы: один, два, три и четвертый; обо всем этом ребенок (ему 12 лет) рассказывает с чисто детским задором» (Война и дети, 1915: 2). Этот нарратив – пример того, что при определенной находчивости и бдительности ребенок-доброволец может стать и Георгиевским кавалером. Как известно, Георгиевские кавалеры исторически высоко почитались в русском обществе.

В заключении автор отмечал, что теперь имена очень немногих попадают на страницы российских газет, основная же масса юных героев так и остается неизвестной; кто они, сколько их, откуда, какова их судьба – никто не знает. Но их много. Их знают наши братья, защищающие родину, их со временем узнаем и мы... (Война и дети, 1915: 2). В целом в данной публикации делается попытка представить целостную картину участия детей в Великой войне, выявить их мотивацию, ознакомить с проблемами, возникающими при движении на фронт, а также с проблемами полевой жизни.

Наконец, последняя публикация, касающаяся темы нашего исследования, появилась в 46-м номере газеты за 11 февраля 1915 г. Заметка называлась «Дочь полка» в преамбуле данной публикации сообщалось, что в одном из русских военно-полевых госпиталей на австрийском фронте лежит раненая в ногу девочка-подросток двенадцати лет. Девочка была русинкой по происхождению, из Восточной Галиции, круглая сирота, после смерти родителей, зверски убитых австрийцами, она была ранена при исключительных обстоятельствах, героически спасая русский разведывательный дозор от нападения австрийцев из засады. И полк достойно оценил ее героическую услугу, усыновив сироту. Далее приводились подробности этого дела... (Дочь полка, 1915: 4). Эта последняя публикация вводила на страницы «Солдатского вестника» новый нарратив о том что героизм на войне могут

проявлять не только мальчики, но и девочки. Таким образом, несмотря на очевидную гендерную диспропорцию детей на войне (мальчиков было гораздо больше) девочки также получили свое место в патриотических нарративах, связанных с Первой мировой войной.

Однако после февраля 1915 г. цикл публикаций о детях-добровольцах полностью исчез со страниц «Солдатского сборника». Причинами этого, на наш взгляд, было то, что военное ведомство, стремясь остановить поток детей на фронт, перестало героизировать их образ, а следовательно, опыт детей-добровольцев перестал быть примером для подражания как минимум в некоторых (например, армейских) средствах массовой информации.

5. Заключение

Подводя итоги, нужно отметить, что образ «Дети на войне» на страницах армейской газеты «Солдатский вестник» в 1914–1915 гг. прошел существенную эволюцию: август 1914 г. – демонстрация единичных случаев участия детей в войне; октябрь 1914 г. – участие детей на войне носит массовый характер, дети участвуют в партизанских и диверсионных операциях, применяются в разведке и подносе боеприпасов; ноябрь 1914 г. – несовершеннолетний безоружный разведчик в столкновении с вооруженным противником выходит победителем; декабрь 1914 г. – при помощи патриотического письма несовершеннолетней девочки для «первого попавшегося солдата» и публикации обратной связи с фронта (письмо солдата) делается попытка усилить связь детей тыла с солдатскими массами; январь 1915 г. – публикация обобщающих материалов о причинах участия детей в войне, их мотивации и трудностях полевой жизни; февраль 1915 г. – героизм на войне могут проявлять не только мальчики, но и девочки.

То есть в период с августа 1914 по февраль 1915 гг. тема «Дети на войне» эволюционировала от ребенка как единичного случая, до массового явления и применения детей в самых разнообразных операциях (вплоть до штыковых атак и диверсионной работы). Несмотря на все вышеперечисленное, после февраля 1915 г. тема «Дети на войне» перестала рассматриваться на страницах газеты «Солдатский вестник». Причинами этого была попытка военного ведомства перестать героизировать образ «детей на войне» чтобы снизить количество случаев побегов несовершеннолетних из дома на театр военных действий.

Литература

- От редакции, 1914 – От редакции // *Солдатский вестник*. 1914. № 1. С. 1.
 Юный доброволец, 1914 – Юный доброволец // *Солдатский вестник*. 1914. № 1. С. 4.
 Партизаны-подростки, 1914 – Партизаны-подростки // *Солдатский вестник*. 1914. № 13. С. 4.
 Дети-герои, 1914 – Дети-герои // *Солдатский вестник*. 1914. № 14. С. 2.
 Письмо..., 1914 – Письмо малолетней Елизаветы Гюбнер // *Солдатский вестник*. 1914. № 13. С. 6.
 Двенадцатилетний воин, 1914 – Двенадцатилетний воин // *Солдатский вестник*. 1914. № 16. С. 6.
 Геройство..., 1914 – Геройство мальчика-разведчика // *Солдатский вестник*. 1914. № 23. С. 2.
 Первому попавшемуся солдату, 1914 – Первому попавшемуся солдату // *Солдатский вестник*. 1914. № 34. С. 2.
 Война и дети, 1915 – Война и дети // *Солдатский вестник*. 1915. № 41. С. 2.
 Дочь полка, 1915 – Дочь полка // *Солдатский вестник*. 1915. № 46. С. 4.
 Аксенов, Жердева, 2018 – Аксенов В.Б., Жердева Ю.А. Рисуя эпоху: дети, война и революция в пропаганде и творчестве школьников 1914–1917 гг. // *Quaestio Rossica*. 2018. № 6 (2). С. 487–503.
 Карпова, 2014 – Карпова В.В. Столичные педагогические журналы в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2014. № 3(11). С. 271–282.
 Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5(1): 4–11.
 Polyakova, 2016 – Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5(1): 12–29.
 Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko V.A. “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018. 5(2): 49–54.
 Kamensky, 2021 – Kamensky V.S. Literary Propaganda and Litterateurs during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 16–22.

References

- Aksenov, Zherdeva, 2018 – Aksenov, V.B., Zherdeva, Yu.A. (2018). Risuya epokhu: deti, voina i revolyutsiya v propagande i tvorchestve shkol'nikov 1914–1917 gg. [Drawing an era: children, war and revolution in the propaganda and creativity of schoolchildren 1914–1917]. *Quaestio Rossica*. 6(2): 487–503. [in Russian]
 Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 4–11.

- Deti-geroi, 1914 – Deti-geroi [Children-heroes]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 14: 2. [in Russian]
- Doch' polka, 1915 – Doch' polka [The daughter of the regiment]. *Soldatskii vestnik*. 1915. 46: 4. [in Russian]
- Dvenadtsatiletnii voyn, 1914 – Dvenadtsatiletnii voyn [Twelve-year-old warrior]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 16: 6. [in Russian]
- Geroistvo..., 1914 – Geroistvo mal'chika-razvedchika [The heroism of a scout boy]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 23: 2. [in Russian]
- Kamensky, 2021 – Kamensky, V.S. (2021). Literary Propaganda and Litterateurs during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 16-22.
- Karpova, 2014 – Karpova, V.V. (2014). Stolichnye pedagogicheskie zhurnaly v gody Pervoi mirovoi voiny [Metropolitan pedagogical journals during the First World War]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 3(11): 271-282. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1914 – Ot redaktsii [From the editor]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 1: 1. [in Russian]
- Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko, V.A. (2018). "The Image of the Enemy" in the Russian Empire during the Great War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2): 49-54.
- Partizany-podrostki, 1914 – Partizany-podrostki [Teenage partisans]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 13: 4. [in Russian]
- Pervomu popavshemusya soldatu, 1914 – Pervomu popavshemusya soldatu [To the first soldier who came across]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 34: 2. [in Russian]
- Pis'mo..., 1914 – Pis'mo maloletnei Elizavety Gyubner [Letter from the minor Elizabeth Gyubner]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 13: 6. [in Russian]
- Polyakova, 2016 – Polyakova, L.G. (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 12-29.
- Voyna i deti, 1915 – Voyna i deti [War and children]. *Soldatskii vestnik*. 1915. 41: 2. [in Russian]
- Yunyi dobrovolets, 1914 – Yunyi dobrovolets [Young volunteer]. *Soldatskii vestnik*. 1914. 1: 4. [in Russian]

Эволюция образа «Дети на войне 1914–1915 гг.» (на материалах газеты «Солдатский вестник»)

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе делается попытка рассмотреть эволюцию образа «Дети на войне» на страницах армейской газеты «Солдатский вестник» периода 1914–1915 гг. В качестве материалов авторами были использованы подшивки газеты «Солдатский вестник» за 1914–1916 гг.

В заключении авторы отмечают, образ «Дети на войне» на страницах армейской газеты «Солдатский вестник» в 1914–1915 гг. прошел существенную эволюцию: август 1914 г. – демонстрация единичных случаев участия детей в войне; октябрь 1914 г. – участие детей на войне носит массовый характер, дети участвуют в партизанских и диверсионных операциях, применяются в разведке и подносе боеприпасов; ноябрь 1914 г. – несовершеннолетний безоружный разведчик в столкновении с вооруженным противником выходит победителем; декабрь 1914 г. – при помощи патриотического письма несовершеннолетней девочки для «первого попавшегося солдата» и публикации обратной связи с фронта (письмо солдата) делается попытка усилить связь детей тыла с солдатскими массами; январь 1915 г. – публикация обобщающих материалов о причинах участия детей в войне их мотивации и трудностях полевой жизни; февраль 1915 г. – героизм на войне могут проявлять не только мальчики, но и девочки.

То есть в период с августа 1914 по февраль 1915 гг. тема дети на войне эволюционировала от ребенка как единичного случая до массового явления и применения детей в самых разнообразных операциях (вплоть до штыковых атак и диверсионной работы). Несмотря на все вышеперечисленное, после февраля 1915 г. тема «дети на войне» перестала рассматриваться на страницах газеты «Солдатский вестник». Причинами этого была попытка военного ведомства перестать героизировать образ «детей на войне» чтобы снизить количество случаев побегов несовершеннолетних из дома на театр военных действий.

Ключевые слова: Первая мировая война, образ «Дети на войне», газета «Солдатский вестник», 1914–1915 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1539-1549
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1539

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From “Tsarist” to “Soviet”: Russia of the post-revolutionary turning point of 1917 through the Space of Cuisine and Gastronomy

Denis V. Shchukin ^{a,*}, Olga G. Nekrylova ^a

^a Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract

The specificity of the marker identification of the image of post-imperial Russia in the conditions of the formation after 1917 of new political realities and the birth of the country of Soviets is considered. It is shown that the Russian cuisine of the post-revolutionary turn of 1917, acting as a social sign, a symbol of the formation of a new “Soviet” statehood, has a unique semiotic meaning in its space of everyday life. Based on the analysis of personal sources of memory, the authors identify accent markers of food practices and taste preferences of the era under study. The novelty of the study lies in the structural and content analysis of the political transformation and identification of the “new” (Soviet) Russia presented for the first time in the conditions of the collapse of the “old” (imperial) Russia as a result of revolutionary changes in the early twentieth century through the space of cuisine and gastronomy. Parallels are presented in the associative environment “political – taste”, based on the analysis of a wide range of archival and ego documents, the phenomenon of “political gastronomy” is singled out as an object of analysis from the point of view of interdisciplinary historical, political and cultural studies of the space of everyday life of the vector spectrum of the historical path of Russia's development. Conclusions are drawn that the traditions of *gastika* in Russia of the post-revolutionary turning point of the early twentieth century have become a moving scale for the development of a new society – the “Soviet” society.

Keywords: history, Soviet Russia, Russian Empire, political events, everyday life, revolution, 1917, culinary preferences, food, kitchen.

1. Введение

В пространстве истории время как понятие и константа – это зеркальная призма динамики развития человека и всей мировой цивилизации в отражении различных эпох и событий. Эволюционный ход мировой истории явно показывает нам не только смену различных политических режимов и государственно-территориальных формаций, но и самого хозяйственно-бытового уклада жизни человека, в котором еда всегда была центром всего вокруг. Причина данного статуса проста – без еды человек просто не может существовать. Эта бесспорная характеристика определило на все времена сакральное, религиозное и неоспоримое место силы влияния еды на все процессы истории развития человечества. В подтверждение данного укажем, что ни что на протяжении всей мировой истории так не меняло векторальный ход её развития как голод или наоборот изобилие.

Таким образом, связь истории человека и мира с историей кухни, еды имеет прочную генетическую ткань, сюжетные линии которой находят своё отражение в картинах повседневности той или иной исторической эпохи. Это, в свою очередь, закрепляет за едой, кухней статус идентифицирующего маркера конкретного исторического времени или события, по которому человек сможет быстро как определить временную эпоху, так и осуществить погружение в её пространство.

* Corresponding author

E-mail addresses: dionysios@yandex.ru (D.V. Shchukin), nekrylova_80@mail.ru (O.G. Nekrylova)

Вышесказанное даёт предметное основание рассматривать кухню как пространство – универсариум, поле разноплановых повседневных практик жизни человека от гигиены и культуры поведения до политических предпочтений и идеалов.

Исходя из данного, взгляд на еду, кухню как на культуру со своим маркерным инструментарием приводит к логичной постановке следующего вопроса. Насколько это возможно и можно ли вообще провести анализ политических предпочтений индивида, символов и режимом через вкусовые предпочтения, пищевые практики и кухню? Возможно ли экстрополяция феномена «гастрономии» на пространство политического в параллели ассоциативной среды «политическое – вкусовое» с выделением понятия «политическая гастрономия» в качестве отдельного явления в спектре истории повседневности?

Таким образом, взор через пространство кухни и пищевых предпочтений на процессы политической трансформации и идентификации «новой» (советской) Россией в условиях распада «старой» (имперской) в результате революционных переломов начала XX века представляется нам *une idée séduisante* (с франц. – привлекательной, заманчивой идеей).

2. Материалы и методы

Источниками для данной работы послужили не только различного рода архивные материалы (РГАСПИ. Ф. 2 Оп. 4. Биографические документы В.И. Ленина (1871–1923)), но и широкий спектр эго – документов (дневники, воспоминания, письма) исследуемого периода (Карабчевский, 1921; Кутепов, 1934; Милоков, 2015; Набоков, 2019; Тыркова – Вильямс, 2007). Также стоит выделить публицистические материалы, печатные источники (прессу) (Искры, 1917; Огонёк, 1997), пособия по кулинарии (Петрова, 1889) и художественную литературу.

Основой исследования стал методологический подход. Использовался сравнительно-исторический метод. Применение его было вызвано тем, что в исследовании использовались различные работы, источники, мнения авторов об одном и том же событии и различная их оценка. Также применялся ретроспективный метод, который позволяет осмыслить, как развивались события в реальности – от причины к следствию. Обработка первичной информации осуществлялась посредством критического анализа широкого спектра документальных работ и источников. Методы описания и анализа активно применялись в процессе изучения печатного иллюстративного материала газет и журналов.

3. Обсуждение

Интерес исследователей к разным аспектам пространства повседневности и кухни в рамках истории культуры, гастрософии вполне устойчив и набирает сегодня всё большую популярность в научной среде. Со стороны историографического ракурса укажем следующее. Во-первых, общий объём научных работ в данной направленности пока ещё крайне мал, а во - вторых, он обладает разнонаправленным характером. Несомненно, стоит выделить работу А.В. Павловской, в которой, автор представляет обоснование предпосылкам создания нового научного историко-культурного направления «гастрософия» (Павловская, 2015).

Интерес представляет работа отечественного исследователя С.А. Кравченко, в которой автор исследует еду как средство коммуникации в сравнительном анализе четырёх теоретико-методологических подходов, приходя к выводу о том, что «...сегодня необходимо переоткрыть еду с позиций обоснования ее нелинейной природы развития в контексте соответствующей динамики социума вообще и развития средств коммуникации в особенности». Не менее примечателен и постулат автора о ««стреле времени» еды: мы едим то, каком обществе мы живем со всеми его средствами коммуникации» (Кравченко, 2015).

Различные аспекты «кухонной» истории рассматриваются современными исследователями на научных конференциях по истории повседневности, отражение которых становятся публикации в научной периодике (Абдрахманова, Сактаганова, 2016; Веременко, 2018), в работах как отечественных (Васильева, 1992; Вепрева и др., 2019; Veremenko, 2019), так и зарубежных (Figes, 1997; Fitzpatrick, 2017; Wade, 2000) авторов по социальной и локальной истории периода революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг.

В трудах различных авторов (Глушченко, 2015; Невежин, 2017; Патрикеева, 2015; Шукин, 2017) находит своё отражение и гастрономическая подоплека «политической кухни» своей исторической эпохи. Исследователи сквозь призму содержания тарелок и буфетов, дипломатических обедов и приёмов, кухмистерских и ресторанов, вкусовых предпочтений представителей и лидеров различных политических партий пытаются проанализировать ассоциативные взаимосвязи политического и вкусового.

Особую примечательность представляет работа А.Н. Щербака, который, проведя межстрановое сравнительное исследование с использованием данных по 157 странам, приходит к выводу, что изменение пищевых привычек населения может быть своего рода предвестником и маркером политических изменений (Щербак, 2016).

Вместе с тем, с позиции историографического анализа отметим, что научных работ в разрезе поднятой в данной статье темы фактически отсутствует. Постараемся восполнить этот пробел и проанализируем специфику маркерной идентификации образа постимперской России в условиях оформления после 1917 года новых политических реалий и рождения Страны Советов через пространство кухни и «политической гастрономии».

4. Результаты

Влияние политических решений власти на пространство еды, кухни и тем самым практику повседневности своей исторической эпохи выступает само собой разумеющимся в разрезе политико-государственных дел и решений в области продовольственного обеспечения народонаселения. Однако есть и другая сторона медали. Так, мировая история человечества показывает, что любые изменения, затрагивающие сферу питания (голод, продовольственное эмбарго, изменение вкусовых предпочтений, практик еды) или наличие нерешённых властью проблем в данной области, вне зависимости от суммы причин (товарный дефицит, хлебные и соляные бунты, очереди за едой, хлебные хвосты и т.д.) всегда приводили к трансформации институтов власти и политического поля конкретного государства.

В контексте данного примечательно, что одним из катализаторов процессов политической трансформации России революционных и пост революционных изломов 1917 года выступила как раз ситуация с неудовлетворённостью народных масс в сфере продовольственного насыщения. «Русская революция выросла из хвостов» – значился подзаголовок содержательной части № 39 журнала «Искры» за 1917 г. (Искры, 1917: 308).

«Хвостам» был посвящён весь данный номер. В нём представлено не только фотографическое, но и предметно красочное описание данного явления в истории повседневности революционной России 1917 года. Примечательна фотографическая классификация «хвостов», выделенная корреспондентами журнала. Это хлебный, яичный, папиросный, карточный (игральные карты), табачный, конфетный (за карамелью), калошный, масляный, мыльный, керосиновый, овсяной, картофельный, чайный, сахарный, мясной и даже обеденный. В отношении «московских хвостов» журнал пишет: «...хвосты, хвосты, хвосты и что ни день, то новый или более длинный хвост, новые мучения, новые страдания. И страдает именно беднейший обыватель, который часами и в дождь, и в непогоду стоит в хвосту, чтобы получить кусок хлеба, кусок мыла, фунтик керосину, одну картофель, два яйца и т. д. Тот, который, казалось бы, должен, прежде всего, заботиться о бедном брате, он, как раз наоборот, не думает о нем вовсе и сам через разные свои комитеты получает все, что ему угодно. А хвосты все растут, и вместе с ними растет раздражение, негодование и возмущение населения...» (Искры, 1917: 308). Примечательна зарисовка и «петроградских хвостов». «Шесть месяцев, – пишет один корреспондент, – я наблюдаю то, что проделывают с людьми в хлебном хвосту у городской лавки по Б. Дворянской ул. Вчера я встал, например, 450-м, сегодня встал 360-м и оба раза хлеба не получил. В 5 час. закончилась выдача. Женщина, перед носом которой закрывалась дверь лавки, стояла в очереди кому-то на радость и удовольствие с 8 часов утра до 5 часов дня, т. е. девять часов ни больше, ни меньше» (Искры, 1917: 312).

На наш взгляд восприятие требования массами в феврале 1917 г. в Петрограде хлеба как некоего драйвера для того, чтобы взять власть в свои руки с позиции «политической гастрономики» крайне интересно. Народ требовал хлеба, а практика показывает, что к этому автоматически прилагается ещё и потребность в зрелище. «...Как тысячу лет держалось – писал известный русский религиозный философ, литературный критик и публицист Василий Васильевич Розанов – И вдруг только «в Петрограде не хватает булочек». От Юрика до Николая II одно развитие, один ход, один, в сущности, смысл: и вдруг «на Выборгской стороне не хватило булок» – и все разом рухнуло» (Розанов, 1917).

Кухня России постреволюционного перелома 1917 года, несомненно, обладает своей семиотической значимостью, т.е. выступает как социальный знак, как символ события. Прекрасным олицетворением данного выступает двустигшие В.В. Маяковского, ставшее нарицательным в системе идентификации исторических процессов в социально-политическом пространстве России рассматриваемого периода и констатирующее произошедшие в нём изменения:

*Ешь ананасы, рябчиков жуй,
день твой последний приходит, буржуй.*

Примечателен рассказ самого автора данных строк об их рождении. «К Привалу («Привал комедиантов» – артистический кабачок) стали приваливаться остатки фешенебельного и богатого Петербурга. В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустигшие... Это двустигшие стало моим любимейшим стихом: Петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: Ешь ананасы... и т. д.» (Маяковский, 1959: 149).

Подчеркнём, что в советский период образ Октябрьской революции 1917 года подвергся своей сакрализации, превратившись в «миф основания» – символ. В свете данного возникают следующие вопросы: А с позиции кухни это как-то находит своё отражение? Имеет ли революция свою пищевую семиотику, свой маркер еды? Попытаемся ответить на это, используя корпус личных источников

памяти – дневники и воспоминания публицистов, общественных и политических деятелей рассматриваемой эпохи.

Анализ корпуса эго-документов данного периода позволяет сделать вывод о том, что пространство кухни революционного периода – это территория быстрой еды. Главные персонажи – хлеб, бутерброд с колбасой или маслом, чай, кипяток. С позиции гастрософии бутерброд (*от нем. Butterbrot – хлеб с маслом*) – это закуска, имеющая вид ломтика хлеба или булки, на который выложены дополнительные ингредиенты. В пространстве политического – это главное блюдо революционных будней. Незамысловатое, простое, народное, не требующее большого времени на приготовление и что самое главное, это быстро и дешево. Нет сомнений, что когда совершаются революционные преобразования, этикет, сложные блюда и классический ужин уходят. Причина в простом: нет времени сидеть за столом. А революция – это время где события разворачиваются крайне быстро и стремительно. За столом сидеть некогда, да и невозможно. Таким образом, революции нужна быстрая, простая и понятная еда, которая при этом обладает «народным характером». Всеми данными качествами как нельзя лучше обладает именно бутерброд – главное топливо революции для её «человека с ружьём», особенно в условиях, когда «промедление смерти подобно» (Ленин, 1967: 390).

Интересно, что бутерброд как некий маркер (символ) пространства кухни революционный изломов 1917 года присущ обеим сторонам: как революционерам, так и тем, кто пытался их усмирить. Так, в своих воспоминаниях А.П. Кутепов пишет: «Получив приказ от генерала Хабалова оцепить район от Литейного моста до Николаевского вокзала и всё, что будет в этом районе, загнать к Неве и там привести в порядок. Я отправился его выполнять». Интересуясь у ротных командиров лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка, лейб-гвардии Преображенского запасного полка, в каком состоянии находятся роты, и получая ответ, что «...роты хорошие, но, к сожалению, они вчера не получили ужина и до сего времени ничего не ели», А.П. Кутепов приказывает командирам «...при первой же остановке купить ситного хлеба и колбасы и накормить людей» (Кутепов, 1934: 159).

При этом подчеркнём взаимосвязь политического и гастрономического. Если революция «российская», то и бутерброд должен быть «российским». Это как раз и произойдет в рассматриваемый период. Революционные вихри в России начала XX века надолго закрепят в культуре отечественного бытия наш бытовой, «рабоче-пролетарский» бутерброд формата кусок хлеба и колбаса.

Действительно, сложно провести стойкую ассоциативную параллель в восприятии борьбы рабоче-крестьянских масс в России начала XX века «за правое дело», с каким-то иным видом бутерброда. В формат «революция в России» не укладывается «сендвич», «чип бати» (Великобритания), «тапас» (Испания), «кростини», «панини» (Италия), «пан-багат», «Крок мадам» (Франция), «кацу-санда» (Япония). Данные ассоциативные связи чужды нашему восприятию и национально-культурной ментальности. Бутерброд рода «советский» – открытый, не многокомпонентный, понятный, без аристократических изысков, с простыми ингредиентами. Перечень главных «хитов» советского времени только подкрепляет данное:

- бутерброд с водой и сахаром
- бутерброд с маслом и сахаром
- бутерброд с вареньем
- бутерброд с сыром
- бутерброд с колбасой (варёной или копчёной, ливерной)
- бутерброд с майонезом
- бутерброд с кабачковой или баклажановой икрой
- бутерброд со шпротами, с селёдкой, с килькой
- бутерброд с салом.

Данные виды исключительно просты, они не обладают «имперским статусом». Они принадлежность широких трудовых масс, их природа – рабочая. Приготовление не занимает много времени, бутерброд быстро утоляет чувство голода, не требуется сервировка стола, в большинстве случаев приемы пищи носят массовый, а не индивидуальный характер. Примечательно, что в книге конца XIX в. «Настоящий подарок молодым хозяйкам. Самоизучение кухонного, кондитерского и булочного искусства» содержится 1602 рецепта, приготовления различных блюд (Петрова, 1889). В книге отмечены гренки, но бутерброда там нет – его время в России ещё не пришло.

Таким образом, постреволюционная повседневность практик отечественного бытия прочно идентифицируется с данным видом еды в пространстве кухни уже нового человека – «советского». Воспринимать его без данного не получается, так как данный образ остаётся не полным и лишённым своей внутренней историко-культурной силы.

Революционные перемены 1917 г. в России имели в памяти современников яркую картину эмоций, которая из источников личной памяти вошла в историографию данных исторических событий (Милюков, 2015; Набоков, 2019; Тыркова-Вильямс, 2007). При этом «меню» революции вызывало «аппетит» не у всех участников данных событий. В данном свете интересна зарисовка помещений Государственной думы в Таврическом дворце, ставшем в феврале 1917 г. «цитаделью русской революции». Около 6 часов вечера 2 марта 1917 года во дворец доставили М.И. Горемыкина,

отметившего бытовую обстановку в своих воспоминаниях: «В первой большой комнате вдоль стены, группами и в одиночку, около дощатых столов сидели депутаты и посторонние. Везде окурки, грязь, вороха грязной посуды и спитых чайных стаканов. Кое-кто пальцами, без ножей и вилок на бумажках ест что-то. Женщина из простых с грохотом собирает посуду. Я помню, как меня поразило, что эта баба, нисколько не стесняясь, через всю комнату крикнула: «Эй, Павел, что кипяток-то еще будет?» В углу на полу, на разостланном пальто кто-то спал. Этот зал 3-го класса был кабинет официального главы революции в здании Парламента!» (Горемыкин, 1922: 33).

Примечателен сквозь окно пищевых предпочтений кухни и образ политиков периода до и постреволюционного излома 1917 года в России. С одной стороны, это члены Временного правительства: П.Н. Милоков (министр иностранных дел) – «шампанское» (Милоков, 2015), Н.В. Некрасов (министр путей сообщения) – «варенье» (Тыркова-Вильямс, 2007). Не забудем упомянуть и видного участника политического пространства повседневности и революционных будней 1917 года – кадета В.Д. Набокова, любящего «кекса» по воспоминаниям его сына.

Не менее интересен и образ А.Ф. Керенского, – председателя Временного правительства. «Если не брать во внимание одежду, в быту Керенский был непритворлив. У него не было особых пристрастий в еде, разве что он любил сладкое и мог зараз съесть три порции десерта». Именно так описывали его современники (Федюк, 2009: 101).

Заметим, что данный «персонаж» постреволюционных изломов 1917 года также является символическим маркером исследуемого периода. Сквозь призму «политической гастрономии» данная фигура промежуточного двоевластия в России 1917 года крайне примечательна в отражении зеркала кухни. «Блюда вполне скромного завтрака подавались довольно нескладно двумя министерскими курьерами (теперь «товарищами») одетыми в летние коломянковые тужурки. Вина на столе не было, но был квас и вода. Пухлые салфетки и вся сервировка напоминали буфет второстепенной железнодорожной станции. Да и сами завтракавшие за одним столом люди казались сборищем куда-то спешащих пассажиров, случайно очутившихся за общей буфетной трапезой» (Карабчевский, 1921: 132). Данная зарисовка, на наш взгляд, как нельзя точно характеризует период от отречения Николая II до установления Советской власти. Временное правительство – это некая «случайность», «буфет второстепенной станции», временная необходимость утоления «голода» в пути, а его лидер А. Керенский – «спешащий пассажир».

Другую сторону представляют лидеры Советского государства, видные деятели партии большевиков. Так, первый председатель Совнаркома В.И. Ленин был, по воспоминаниям современников, неразборчив в еде. Известный историк В.В. Похлёбкин в своей работе пишет: «Чёрный хлеб употреблялся только в будни дни к обеду. К чаю, ужину полагался белый хлеб. Мать В.И. Ленина, Мария Александровна Ульянова, предпочитала не тратить время на приготовление первых блюд. При этом, имея на руках хозяйство и большую семью, старалась готовить так, чтобы было поменьше кухонной разделки. В связи с этим мясные блюда готовились редко. Говядину лишь отваривали, что было быстрее, так как жарить надо было возиться и уметь. Она часто готовила яичницу или яйца всмятку. Зато любила армериттер – белый хлеб, вымоченный в молоке и залитый яйцом, взбитым и размешанным с двумя ложечками холодной воды. Другим дежурным блюдом были куча бутербродов с маслом или с хорошей копченой рыбой: с осетриной, балыком, севрюгой» (Похлёбкин, 1997: 20).

Таким образом, параллель с главным маркером революционного пространства – бутербродом фактически на лицо. Революционер – это человек «быстрой еды». Однако такой тип питания всухомятку, несомненно, порождает желудочные расстройства и приводит к гастриту. В.И. Ленин не стал в этом деле исключением. Политическая деятельность будущего вождя мирового пролетариата не способствовала полноценному и правильному питанию. Подполье, ссылки, эмиграция, постоянные переезды, отсутствие регулярного дохода – некий формат «полуголодного существования» вдобавок к общей неразборчивости В.И. Ленина в еде привели к тому, что всю свою жизнь он постоянно страдал желудком и вел напряженную борьбу с этим. Революционные вихри 1917 года в России в пищевые практики повседневности В.И. Ленина принесли предметное увлечение крепким, «содержательным» чаем. В свете данного примечательным выступает тот факт, что среди первых декретов Советской власти был и декрет о чае (Похлёбкин, 1997: 20). Также была создана организация «Центрчай», которая занималась в 1917–1923 гг. распределением чая с конфискованных складов.

В период с апреля 1917 г. по 1924 г. питание «вождя мирового пролетариата» – «подпольное», в основном сухомятка. При этом власть старалась заботиться о своём вожде, понимая характер его труда. Удостоверения № 7322 и 1451 председателя Совнаркома РСФСР В. И. Ленина (Ульянова), выданные ему Управлением Дел Совета Народных комиссаров 19 декабря 1918 – 29 января 1919 г., на право пользоваться продовольственной и хлебной карточкой первой категории, аргументирует данное «ввиду того, что (Ленин) занимается умственным трудом неограниченное число часов» (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 40Ц. Д.22. Л. 1-2).

Подчеркнём, что неправильное питание В.И. Ленина не было исключением в среде лидеров Советской власти. Нельзя сказать, что в постреволюционной России, особенно в первые годы

Гражданской войны, другие большевики питались как-то иначе. Однако примечательны и «кухонные» контрасты. Так, по воспоминаниям ряда большевиков, глава ВЧК Ф.Э. Дзержинский ел плохо, пил часто пустой кипяток. О пищевых предпочтениях И.В. Сталина говорят зарисовки из воспоминаний Ады Юсис, дочери И.Ф. Юсиса, начальника личной охраны Сталина в 1927–1931 гг. Она пишет: «Сталин любил ездить на пикники. Обычно мы направлялись в сторону гор и искали место поинтересней – там и устраивали привал. Всегда брали белую скатерть. Из угощений всегда присутствовали шашлыки и разные бутерброды – с икрой, с рыбой – севрюгой, сёмгой. Были также сыры и зелень, особенно кинза. Ещё папа умел делать колбасу из медвежьего мяса по-литовски, Сталину очень нравилось» (Богомолов, 2016: 15).

В итоге на наш взгляд гастрономические предпочтения политических деятелей периода революционных потрясений 1917 года в России были довольно близки в ассоциативной среде «политическое – вкусовое».

Революционные перемены 1917 года в России создадут в её историческом пространстве новые «кулинарные стандарты» своего времени. Явными предметами гастики постреволюционной России станут очереди в магазинах, нехватка продуктов, спекуляция. С 1918 года обыватель в России отходит от модели привычного питания из трёх блюда. В основном, одно блюдо в обед и далее всухомятку. Своеобразным маркером и неким мерилom социального статуса в России в период 1918–1920 гг. станет система продовольственного и классового пайка. При этом нормированное распределение продуктов по карточкам – новая норма повседневности постреволюционной России.

Лозунг «Кто не работает, тот да не ест» в короткой динамике времени с сентября 1917 г. к маю 1918 г. вначале становится «главнейшим правилом» (Ленин, 1967: 311), затем «практической заповедью социализма» (Ленин, 1967: 203), и, в конце концов «коренным началом социализма» (Ленин, 1967: 357). Еда, как привилегия теперь уже класса трудящегося и членов правящей партии, новая идеологема постимперской «советской» России – государства «всеобщего равенства и братства».

Меню обывателя уже не «царской», а «советской» России кардинально изменится. Из-за идеологических соображений произойдёт предметный исторический отказ от изящной кухни высшего общества, а также переименование и трансформация рецептуры блюд на новый «советский» лад (Рисунок 1, 2) (Нарпит..., 1928: 96).

ХII. Новые наименования блюд.

С У П Ы.

Старое наименование.	Новое наименование.
1. Консоме протаньер.	Бульон с кореньями и зеленью.
2. Похлебка боярская.	Суп картофельн. со свеж. грибами.
3. Щи николаевские.	Щи из шинкованной капусты.
4. Суп мавританский.	Суп со свежими овощами и помидорами.
5. Суп Гарбюр.	Суп с запечен. рисом и кореньями.
6. Суп Итальянский.	Суп с макаронами и томатом.
7. Крем ля-рен.	Куриный суп протертый.
8. Суп Озель.	Суп из щавеля с молоком.
9. Консоме Жульен.	Бульон с кореньями.
10. Консоме рояль.	Бульон с молочной яичницей.
11. Консоме профетрель.	Бульон с сухими печен. булочками.
12. Крем Дюбарн.	Суп из протертой цветной капусты.

РАЗНЫЕ БЛЮДА.

1. Матлот из рыбы.	Котлеты из судака фарширован. грибами и яйцами, соус с томатом.
2. Тельное из судака.	
3. Судак Жуанвиль.	Судак разварной под раковым соусом.
4. Осетрина флорентин.	Осетрина разварная со шпинатом.
5. Кокиль из рыбы.	Рыба запечен. под молочным соусом.
6. Осетрина а-ля-брошет.	Осетрина жареная куском.
7. Судак орли.	Судак жареный в тесте.
8. Судак огротен.	Судак запечен. в соусе с луком.
9. Судак норманд.	Судак в белом соусе с сухарями.
10. Осетрина америкен.	Осетрина разварная в соусе томат.
11. Осетрина Грилье.	Осетрина жареная на углях с лимоном.
12. Аспези из рыбы.	Судак протертый в формочках.
13. Судак меньер.	Судак жареный с лимоном
14. Судак соус польский.	Судак разварн., соус с маслом и яйцами.
15. Навага фри.	Навага жареная в сухарях.

Рис. 1. Перечень новых наименований блюд «царской» кухни на «советский» лад. Источник: Нарпит..., 1928

МЯСНЫЕ БЛЮДА.

1. Беф Мирантон.	Говядина запечен. в луковом соусе.
2. Беф Огарев.	Бифштекс с жареным луком.
3. Бифштекс по гамбургски.	Бифштекс с яйцом.
4. Штуфат с макаронами.	Тушеное мясо с макаронами.
5. Биточки по казацки.	Биточки с рисом, соус сметана с томатом и луком.
6. Фляки по-русски.	Рубец по-русски.
7. Котлеты марешаль.	Куриные котлеты фаршир. молочн. соусом.
8. Котлеты по-киевски.	Котлеты куриные фарширован. маслом.
9. Котлеты охотничьи.	Котлеты из дичи.
10. Тефтели.	Мелкие рубленые биточки.
11. Котлеты де-воляй.	Отбивные куриные котлеты.
12. Жиго баранье.	Жареная задняя нога барана с гарниром.
13. Лангет соус пикан.	Жарен. мясо с острым соусом и луком.
14. Эскалоп Африкен.	Натур. шницель из телятины с помид. и гриб.
15. Шнель-клопе.	Жареное мясо соус луков. в сметане.
16. Цвибель-клопе.	Биточки в сметане с луком.
17. Почки а-ля-брошет.	Почки жарен. на углях с лимоном.
18. Почки в мадере.	Почки в красном соусе.
19. Почки меньер.	Почки жареные с лимоном.

СОУСА.

1. Соус голландский.	Белый яичный соус.
2. Соус мадера.	Соус красный.
3. Бешемель.	Белый густой молочный соус.
4. Соус пикан.	Острый красный соус с луком.
5. Соус паровой или супрем.	Соус белый.
6. Соус провансаль (холодный).	Соус из яичн. желтк. на прованс. масле.
7. Соус провансаль (горячий).	Соус томатный с гриб. и луком.

Я И Ч Н И Ц Ы.

1. Яйца берси.	Яичница с сосисками, соус томат.
2. Яйца паризьен.	Яйца в бел. хлебе с ветчин. и грибами.
3. Омлет офинзерб.	Омлет с зеленью.

ХОЛОДНЫЕ БЛЮДА.

1. Шоффуа из дичи.	Филейчик фарш. из дичи с разн. соус.
2. Майонез из дичи или рыбы.	Дичь или рыба под холодн. бел. соусом.
3. Салат паризьен.	Салат из свеж. зелени дичью или телятиной.

Рис. 2. Перечень новых наименований блюд «царской» кухни на «советский» лад
Источник: [Нарпит..., 1928](#)

При этом обедать на кухне, а не в столовой – главная примета перехода от старого порядка к «новым», советским пищевым практикам повседневности.

На наш взгляд нет сомнений в том, что революционные изломы 1917 года в России стали сценой невиданного по своим масштабам зрелища, имевшего свои отдельные части, эпизоды, антракты, главных персонажей, массовку и конечно свой буфет. С пространства гастрософии они изменили отношение к еде, процессу её принятия, кухне и как результат сами пищевые предпочтения масс. При этом синергетические изменения пищевых и политических практик данного времени привели к прекращению существования пространства повседневности в прежнем «имперском формате» царской России. Они перевели его на ступень нового мира – Советского, «социалистического и светлого», «справедливого и народного», став важной частью его «политической гастрономики». Так, уже в самый первый период своего существования новая Советская Россия в процессе определения своего «лика» всяческим способом будет избавляться от наследия «старого» имперского режима. Постреволюционный маркер «мы наш, мы новый мир

построим» найдёт своё воплощение во всём пространстве, от политического до повседневного. И как результат, в том числе и на кухне, и в гастрономии.

5. Заключение

Проведённый анализ собранных материалов по данной теме позволяет выделить следующий набор маркеров пространства кухни постреволюционной Советской России:

1. Практика постоянного дефицита продуктов, определившая вымывание многих не только экзотических товаров (каперсы, рябчики или осетрина), но порой и таких, как речная рыба или масло.

2. Общий хронический недостаток системы советской торговли в практике распределения свежих продуктов и овощей и, как результат данного, их предметное сокращение. Появление в виду данной причины одновременного увеличения доли консервов и полуфабрикатов.

3. Устойчивый «культ» круп, картофеля и макаронных изделий в рационе массового питания по причине уменьшения в нём доли речной рыбы и мяса.

4. Ориентация на общепит и, как результат, характер промышленного производства советской кухни, что привело к потере индивидуальности по линии «повар – клиент».

5. Продукты и гастрономия становятся безошибочным маркером определения в Советской России социального статуса собеседника.

В конечном итоге в пространстве повседневности России постреволюционного перелома начала XX века традиции гаски выступили некой подвижной шкалой процесса развития нового общества – «общества советского», а не «частно-имперского». При этом пространство кухни советского человека будет политизировано властью наряду с другими сферами общественной жизни. Причиной этого станет принятие советским государством патерналистской позиции не только «хозяина земли Русской», но и ответственного лица за пропитание и счастье всего советского народа.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке руководства ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Литература

Абдрахманова, 2016 – Абдрахманова К.К. Вопросы питания в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана в 1950–1970-е гг. // *История повседневности*. 2016. № 2. С. 43-57.

Богомолов, 2016 – Богомолов А.А. Легенды первых лиц СССР. Москва: АСТ, 2016. 312 с.

Васильева, 1992 – Васильева Л.Н. Кремлевские жены: Факты, воспоминания, документы, слухи, легенды и взгляд автора. Москва: Вагриус, 1992. 543 с.

Вепрева и др., 2019 – Вепрева И. Т., Мустайоки А., Магсар Ц. Что варят на политической кухне: аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе. // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 241-257.

Веременко, 2018 – Веременко В.А. «Женское царство» – эволюция организации питания городской дворянской семьи в России в конце XIX – начале XX в. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 187-189.

Глуценко, 2015 – Глуценко И. Общепит. Микоян и советская кухня. Москва: Высшая школа экономики, 2015. 240 с.

Горемыкин, 1922 – Горемыкин М.И. 2 марта 1917 г. в Государственной думе // *Двуглавый орёл*. Берлин: Двуглавый орёл, 1922. № 29. С. 33-41.

Искры, 1917 – *Искры: газета*. Хвосты. 1917. № 39. 8 октября. С. 305-312.

Карабчевский, 1921 – Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Т.2. Революция и Россия. Берлин: Дьякова и К, 1921. 168 с.

Кравченко, 2014 – Кравченко С.А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. Москва: МГИМО-Университет, 2014. 198 с.

Кравченко, 2015 – Кравченко С.А. Еда как на средство коммуникации: сравнительный анализ теоретико-методологических подходов. // *Коммуникология*. 2015. Т. 3. № 3. С. 114-124.

Кутепов, 1934 – Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде: сборник статей. Париж: Издание комитета имени Генерала Кутепова, 1934. С. 159-178.

Ленин, 1962 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений: Т. 34. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. 584 с.

Маяковский, 1959 – Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: Т. 12. Москва: Гослитиздат, 1959. 715 с.

Милюков, 2015 – Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. Москва: ЭКСМО, 2015. 957 с.

Набоков, 2015 – Набоков В.Д. До и после Временного правительства: избранные произведения. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2015. 623 с.

Нарпит..., 1928 – «Нарпит» товарищество (Москва). Продуктовые нормы обедов, отдельных блюд и прочих изделий общественных столовых: (Раскладки). Москва: паевое т-во «Нарпит» (типо-

лит. Воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе), 1928. 105 с.

Нарский, 2001 – Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с.

Невежин, 2017 – Невежин В.А. Дипломатические приемы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлевский протокол и особая кухня // *Российская история*. 2017. № 2. С. 139-153.

Павловская, 2015 – Павловская А.В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 1. // *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 4. С. 23-38.

Павловская, 2016 – Павловская А.В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 2. // *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. № 1. С. 26-41.

Павловская, 2016 – Павловская А.В. Русская кухня сегодня, завтра и всегда / *История еды и традиции питания народов мира: сборник статей*. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. С. 76-87.

Пайпс, 1994 – Пайпс Р. Русская революция. Москва: РОССПЭН, 1994. 399 с.

Патрикеева, 2015 – Патрикеева О.А. 58 квадратных саженей или думский буфет // *Родина*. 2015. № 1. С. 128-129.

Петрова, 1889 – Петрова Е. Настоящий подарок молодым хозяйкам: Средства к сокр. расходов в домаш. хоз-ве, провер. путем практ. опыта: Самоизуч. кухон., кондит. и булоч. искусства ...: С политипаж. рис., изображающими: план. и фасад дома, приспособл. к хоз. потребностям; уборку столов и кушаньев, разрезку мяса... и проч. Москва: Ф.К. Иогансон, 1889. 553 с.

Похлебкин, 1997 – Похлебкин В.В. Что ел Ленин // *Огонёк*. 1997. № 39. С. 20-21.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Розанов, 1917 – Розанов В.В. Социализм в теории и в натуре // *Новое время*. 1917. 19 мая.

Троцкий, 1930 – Троцкий Л.Д. Моя жизнь: опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. 325 с.

Тыркова-Вильямс, 2007 – Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.

Федюк, 2009 – Федюк В.П. Керенский. Москва: Молодая гвардия, 2009. 416 с.

Щукин, 2016 – Щукин Д.В. От тарелки и буфета до ресторана: «кухня» в политических процессах и повседневности российского парламентаризма начала XX века (по воспоминаниям членов партии кадетов) / *Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник статей*. Санкт-Петербург: Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств участников – СНГ, 2017. С. 304-314.

Figes, 1997 – Figes O. A people's tragedy: The Russian revolution 1891–1924. London: Pimlico, 1997. 923 p.

Fitzpatrick, 2017 – Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford; New York: Oxford university press, 2017. 226 p.

Raleigh, 1981 – Raleigh D.J. Revolutionary Politics in Provincial Russia: The Tsaritsyn «Republic» in 1917. // *Slavic Review*. 1981. Vol. 40. № 2. P. 194-209.

Raleigh, 1986 – Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in. Ithaca; London: Cornell University Press, 1986. 373 p.

Shcherbak, 2016 – Shcherbak A.N. A Recipe for the Democracy? The Spread of the European Diet and Political Change / Basic research program. WP BRP. SERIES: SOCIOLOGY National Research University Higher School of Economics, 2016. 42 p.

Shchukin, 2019 – Shchukin D.V. Russian liberal movement of the early 20th century in historical research // *AMAZONIA INVESTIGA*. 2019. 8(18): 203-210.

Veremenko, 2019 – Veremenko V.A. Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1187-1200.

Wade, 2000 – Wade R.A. The Russian revolution, 1917. Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. 337 p.

References

Abdrakhmanova, 2016 – Abdrakhmanova, K.K. (2016). Voprosy pitaniya v povsednevnoi zhizni gorozhan Tsentral'nogo Kazakhstana v 1950–1970-e gg. [Nutrition issues in the everyday life of the citizens of Central Kazakhstan in the 1950s–1970s.]. *Istoriya povsednevnosti*. 2: 43-57. [in Russian]

Bogomolov, 2016 – Bogomolov, A.A. (2016). Legendy pervykh lits SSSR [Legends of the first persons of the USSR]. Moskva, AST, 312 p. [in Russian]

Fedyuk, 2009 – Fedyuk, V.P. (2009). Kerenskii. [Kerensky]. Moskva, Young Guard, 416 p. [in Russian]

Figes, 1997 – Figes, O. (1997). A people's tragedy: The Russian revolution 1891–1924 (1997). London, Pimlico, 923 p.

Fitzpatrick, 2017 – Fitzpatrick, Sh. (2017). The Russian Revolution (2017). Oxford; New York, Oxford university press, 226 p.

Glushchenko, 2015 – Glushchenko, I. (2015). Obshechepit. Mikoyan i sovetskaya kuchnya [Public catering. Mikoyan and Soviet cuisine]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki, 240 p. [in Russian]

- Goremykin, 1922** – *Goremykin, M.I.* (1922). 2 marta 1917 g. v Gosudarstvennoi dume [March 2, 1917 in the State Duma]. *Dvuglavyi orel*. 29: 33-41. [in Russian]
- Karabchevsky, 1921** – *Karabchevskii, N.P.* (1921). Chto glaza moi videli [What my eyes have seen]. Berlin, Dyakova i K, 168 p. [in Russian]
- Kravchenko, 2014** – *Kravchenko, S.A.* (2014). Sotsiokul'turnaya dinamika edy: riski, uyazvimosti, vostrebovanost' gumanisticheskoi biopolitiki [Sociocultural dynamics of food: risks, vulnerabilities, demand for humanistic biopolitics]. Moskva, MGIMO-Universitet, 198 p. [in Russian]
- Kravchenko, 2015** – *Kravchenko, S.A.* (2015). Eda kak na sredstvo kommunikatsii: sravnitel'nyi analiz teoretiko-metodologicheskikh podkhodov [Food as a means of communication: a comparative analysis of theoretical and methodological approaches]. *Kommunikologiya*. 3(3): 114-124. [in Russian]
- Kutepov, 1934** – *Kutepov, A.P.* (1934). Pervye dni revolyutsii v Petrograde: sbornik statei [The first days of the revolution in Petrograd: a collection of articles]. Parizh: Izdanie komiteta imeni Generala Kutepova. Pp. 159-178. [in Russian]
- Lenin, 1962** – *Lenin, V.I.* (1962). Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]. T. 34. 5-e izd. Moskva, Gospolitizdat, 584 p. [in Russian]
- Mayakovskiy, 1959** – *Mayakovskii, V.V.* (1959). Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]: T. 12. Moskva, Gospolitizdat, 715 p. [in Russian]
- Milyukov, 2015** – *Milyukov, P.N.* (2015). Iz tainikov moei pamyati [From the recesses of my memory]. Moskva, EKSMO, 957 p. [in Russian]
- Nabokov, 2015** – *Nabokov, V.D.* (2015). Do i posle Vremennogo pravitel'stva: izbrannye proizvedeniya [Before and after the Provisional Government: Selected Works]. Sankt-Peterburg: Simpozium, 623 p. [in Russian]
- Narpit..., 1928** – «NarpiT» tovarishchestvo (Moskva). Produktovye normy obedov, otdel'nykh blyud i prochikh izdelii obshchestvennykh stolovykh: (Raskladki). [Food norms for lunches, individual dishes and other products of public canteens]. Moskva: paevoe t-vo «Narpit» (tipo-lit. Voen. akad. RKKA im. M.V. Frunze), 105 p. [in Russian]
- Narsky, 2001** – *Narskii, I.V.* (2001). Zhizn' v katastrofe: budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life in a catastrophe: everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. Moskva, ROSSPEN, 613 p. [in Russian]
- Nevezhin, 2017** – *Nevezhin, V.A.* (2017). Diplomatische priemy I.V. Stalina 1941–1945 gg.: kremlevskii protokol i osobaya kuchnya [Diplomatic receptions of I.V. Stalin 1941–1945: Kremlin Protocol and Special Cuisine]. *Rossiiskaya istoriya*. 2: 139-153. [in Russian]
- Patrikeyeva, 2015** – *Patrikeyeva, O.A.* (2015). 58 kvadratnykh sazheni ili dumskii bufet [58 square sazhen or a Duma buffet]. *Rodina*. 1: 128-129. [in Russian]
- Pavlovskaya, 2015** – *Pavlovskaya, A.V.* (2015). Gastrosofiya: nauka o ede. K postanovke problemy. Chast' 1. [Gastrosophy: the science of food. To posing a problem]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 4: 23-38. [in Russian]
- Pavlovskaya, 2016** – *Pavlovskaya, A.V.* (2016). Gastrosofiya: nauka o ede. K postanovke problem. Chast' 2. [Gastrosophy: the science of food. To posing a problem. Part 2]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1: 26-41. [in Russian]
- Pavlovskaya, 2016** – *Pavlovskaya, A.V.* (2016). Russkaya kuchnya segodnya, zavtra i vseгда [Russian cuisine today, tomorrow and always]. *Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira: sbornik statei*. M.: Tsentr po izucheniyu vzaimodeistviya kul'tur, pp. 76-87. [in Russian]
- Petrova, 1889** – *Petrova, E.* (1889). Nastoyashchii podarok molodym khozyaikam: Sredstva k sokr. raskhodov v domash. khoz-ve, prover. putem prakt. opyta: Samoizuch. kuchon., kondit. i buloch. iskusstva ...: S politipazh. ris., izobrazhayushchimi: plan. i fasad doma, prisposobl. k khoz. potrebnostyam; uborku stolov i kushan'ev, razrezku myasa... i proch [A real gift for young housewives]. M.F.K. Ioganson, 553 p. [in Russian]
- Pipes, 1994** – *Paips, R.* (1994). Russkaya revolyutsiya [Russian revolution]. M., ROSSPEN, 399 p. [in Russian]
- Pokhlebkina, 1997** – *Pokhlebkina, V.V.* (1997). Chto el Lenin [What did Lenin eat?]. *Ogonek*. 39: 20-21. [in Russian]
- Raleigh, 1981** – *Raleigh, D.J.* (1981). Revolutionary Politics in Provincial Russia: The Tsaritsyn «Republic» in 1917. *Slavic Review*. 40(2): 194-209.
- Raleigh, 1986** – *Raleigh, D.J.* (1986). Revolution on the Volga: 1917 in (1986). Ithaca; London, Cornell University Press, 373 p.
- RGASPI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. [in Russian]
- Roza Novoe vremya, 1917** – *Roza Novoe vremya, V.V.* (1917). Sotsializm v teorii i v nature [Socialism in theory and in nature] *Novoe vremya*. 19 maya. [in Russian]
- Shcherbak, 2016** – *Shcherbak, A.N.* (2016). A Recipe for the Democracy? The Spread of the European Diet and Political Change 2016. Basic research program. WP BRP. SERIES: SOCIOLOGY National Research University Higher School of Economics. 42 p.

Shchukin, 2016 – *Shchukin, D.V.* (2016). Ot tarelki i bufeta do restorana: «kukhnYA» v politicheskikh protsessakh i povsednevnosti rossiiskogo parlamentarizma nachala XX veka (po vospominaniyam chlenov partii kadetov). [From a plate and a buffet to a restaurant: "kitchen" in the political processes and everyday life of Russian parliamentarism at the beginning of the 20th century (according to the memoirs of members of the Kadet Party)]. St. Petersburg. Pp. 304-314. [in Russian]

Shchukin, 2019 – *Shchukin, D.V.* (2019). Russian liberal movement of the early 20th century in historical research. *AMAZONIA INVESTIGA*. 8(18): 203-210.

Iskry, 1917 – *Iskry*. Khvosty. № 39. 8 oktyabrya. Pp. 306-312. [in Russian]

Trotsky, 1930 – *Trotskii L.D.* (1930). Moya zhizn': opyt avtobiografii [My life: an autobiographical experience]. Berlin, Granite, 325 p. [in Russian]

Tyrkova-Williams, 2007 – *Tyrkova-Vil'yams, A.V.* (2007). Na putyakh k svobode [On the way to freedom]. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 392 p. [in Russian]

Vasilyeva, 1992 – *Vasil'eva, L.N.* (1992). Kremlevskie zheny: Fakty, vospominaniya, dokumenty, slukhi, legendy i vzglyad avtora. [Kremlin Wives: Facts, Memoirs, Documents, Rumors, Legends and the Author's View]. M., Vagrius, 543 p. [in Russian]

Vepreva, 2019 – *Vepreva, I.T., Mustaioki, A., Magsar, T.S.* (2019). Chto varyat na politicheskoi kukhne: aksiologicheskii potentsial kulinarno-gastronomicheskoi metafory v publitsisticheskom diskurse. [What is cooked in the political kitchen: the axiological potential of the culinary and gastronomic metaphor in journalistic discourse]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2(187): 241-257. [in Russian]

Veremenko, 2018 – *Veremenko, V.A.* (2018). «Zhenskoe tsarstvO» - ehvolyutsiya organizatsii pitaniya gorodskoi dvoryanskoi sem'i v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [“Women's kingdom” – the evolution of the catering of the urban noble family in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moskva, IEA RAN, pp. 187-189. [in Russian]

Veremenko, 2019 – *Veremenko, V.A.* (2019). Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 53(3): 1187-1200.

Wade, 2000 – *Wade, R.A.* (2000). The Russian revolution, 1917 (2000). Cambridge, Cambridge univ. press, 337 p.

От «царского» к «советскому»: Россия постреволюционного перелома 1917 года через пространство кухни и гастрономию

Денис Васильевич Шукин ^{a, *}, Ольга Геннадьевна Некрылова ^a

^a Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается специфика маркерной идентификации образа постимперской России в условиях оформления после 1917 года новых политических реалий и рождения Страны Советов. Показано, что кухня России постреволюционного перелома 1917 года, выступая как социальный знак, символ становления новой «советской» государственности, обладает в её пространстве повседневности уникальным семиотическим значением. Авторы на основе анализа личных источников памяти выделяют акцентные маркеры пищевых практик и вкусовых предпочтений исследуемой эпохи. Новизна исследования заключается в представленном впервые структурно-содержательном анализе политической трансформации и идентификации «новой» (советской) Россией в условиях распада «старой» (имперской) России в результате революционных переломов начала XX века через пространство кухни и гастрономию. Представлены параллели в ассоциативной среде «политическое – вкусовое», на основе анализа широкого спектра архивных и эго-документов выделен феномен «политической гастрономии» в качестве объекта анализа с точки зрения междисциплинарных исторических, политических и культурологических исследований пространства повседневности векторального спектра исторического пути развития России. Сделаны выводы о том, что традиции гаски России постреволюционного перелома начала XX века стали подвижной шкалой процесса развития нового общества – общества «советского».

Ключевые слова: история, Советская Россия, Российская империя, политические события, повседневность, революция, 1917 год, кулинарные предпочтения, еда, кухня.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dionysios@yandex.ru (Д.В. Шукин), nekrylova_80@mail.ru (О.Г. Некрылова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1550-1560
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1550

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Comparative Analysis of Studies on the Problems of Kazakh Women in the first half of the XX century

Malika A. Shashayeva ^{a, *}, Auyezkhan K. Shashayev ^a, Makhabbat M. Kozybayeva ^b, Yildirim Seyfi ^c

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Branch of the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Hadcettepe University, Institute of Principles and History of the Revolution of Ataturk, Ankara, Republic of Turkey

Abstract

The article analyzes the history of studying the problem of Kazakh women's equality in the framework of changes in society during the formation of Soviet Kazakhstan. The relevance of the topic lies in the fact that the study of the transformation of the status of women in the Soviet period allows us to assess the situation in modern Kazakhstan, determine strategies and tactics aimed at implementing the gender policy determined by the President of the Republic of Kazakhstan. The policy of the Soviet Union led to a change in the position and status of women in Kazakhstan, as well as the institution of marriage and family, which subsequently affected the emergence of the problem of the loss of traditional family values. In the course of the analysis of the studies, it was found that when studying the living conditions of the Kazakh people, as a result of Soviet policy, scientists left out sighting the problem of the work of Kazakh women. As a result of the conclusions obtained, the history of the study of the acute women's issue, which began to rise in society after the October Revolution, was divided into several stages and a comparative analysis was carried out.

Keywords: women's equality, marriage, levirate, kalym, polygamy, eliminate inequalities, historiography.

1. Introduction

In the XX century, the policy of the Soviet government in the country led to a number of political and social changes. Among them is the “women’s question” posted after the October Revolution of 1917, which was associated with the change of the role of women in society to the type of “ordinary Soviet woman” based on the values of the Marxist and Russian folk tradition (Gradskova, 1999: 15).

Representatives of the Alash movement demanded equality of women’s political rights on an equal basis with men, and also raised the issue of the right of voluntary marriage, the need for brides to consent to their marriage, the establishment of the age of marriage at 18 for men and 16 for women, the abolition of kalym (traditional custom: a ransom paid by the groom to the bride's parents), amenity (marriage of a wife who has died and is widowed, to her brother-in-law, or to one of the closest relatives of the spouse), the need to obtain the permission of the first wife to marry the second (Alash Orda, 1992: 49-50).

The first decrees of the Soviet government of 1917, adopted on this issue, affected changes in the traditional model of marriage and family in Kazakh society, since the age of marriage for men and women was established, gender equality was declared, and it was also allowed to divorce at will. The decrees of the central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the RSFSR “On civil marriage, on children and on the maintenance of books of state acts” of December 18, 1917 and “On the dissolution of

* Corresponding author

E-mail addresses: ma.shashaeva@mail.ru (M.A. Shashayeva), shashaevaezhan@mail.ru (A.K. Shashayev), koz.mahabbat_85@mail.ru (M.M. Kozybayeva), ahiseyfi@hotmail.com (S. Yildirim)

marriage” of December 19, 1917 are the first documents adopted on this issue. As a result, the minimum age of marriage was established and the possibility of voluntary divorce was provided ([Decrees of the Soviet Government, 1957:237](#)).

In addition, according to the party program adopted in 1919 at the 8th Congress of the RCP (b), for the construction of communism, along with men, it was necessary to involve workers and peasants. By creating such an image of a Soviet socialist woman, it was supposed to deny the traditional role and place of family members, the former model of marriage and family institutions of the Kazakh people, calling them “remnants of the past”.

As a result of this policy, the status of women in society and in the family has been changed. Therefore, the study of the “women’s issue” during the formation of the Soviet government we decided to start from 1917, since decrees and laws were adopted that caused for radically changing of the status of women and put the “women’s issue” on the agenda.

2. Materials and methods

Archival documents identified in the State Archive of the Russian Federation (SARF), the Russian State Archive of Socio-Political History (Moscow, Russian Federation), the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Almata, Republic of Kazakhstan), the Central Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK) were used as a documentary database of sources. Scientific works and articles of Soviet, domestic and foreign researchers of the XX-XXI centuries devoted to the problems of women in Kazakhstan in the first quarter of the twentieth century were the object of study. The article provides a historiographical review of these materials and a comparative analysis depending on the results of the research.

A comparative analysis of the views of researchers of the XX-XXI centuries on the “women’s issue” in Kazakh society is based on the positions of historicism and objectivity in accordance with the real reflection of the historical situation. The usage of historical-systemic and comparative-historical methods of working with resources and materials allows us to trace and prove the divergence in the views and assessments of researchers about the impact on the position of Kazakh women of traditional social and legal institutions and political reforms of the Soviet government.

3. Discussion

Along with campaign brochures, in the 20s and 30s, women’s issues began to rise on the pages of newspapers and magazines. These are the Soviet magazines “Rabotnitsa (women labor)”, “New Vostok (New East)”, “Delegatka (women delegation)”, “Krestyianka (women peasant)”, “Komministka (women communist)”, “Zhetysu’s women”, “Semirechiya’s women”, “Women’s equality” in Kazakh, “Stalin’s way” since 1936, “Kazakhstan’s women” since 1956 and “Mother and Child”, “Azat (free) woman”, “Freedom woman”, “Working woman” in Russian in the newspapers “Pogranichnitsa (border protectors)”, “Voice of Water worker”, “Voice of labor”, the issues of involvement of Kazakh women in social and political life, women’s equality, and kalym (groom’s ransom to the bride’s side) were widely published ([Akhmetova, 1975: 12](#)).

According to foreign studies, the situation of women during the October Revolution ([Haemmerle et al., 2008: 21-34](#)), including emigrant women from other countries (Curtin, 1982:156), Soviet citizens ([Porter, 1987: 45](#)), the socio-historical life of intellectuals and ordinary peasant women ([Baher, 1985: 75-114](#)), as well as women’s equality, gender policy problem ([Leydesdorff, 1999: 597-611](#)) were considered. In the work “In the shadow of Revolution”, on the basis of oral interviews, literary memoirs, personal notes women shared their reflections and life during the 1917 revolution. It can be pointed that this work forms one of the factual basis of our work. We want to draw your attention on it because there were the true to life facts about how women of that time experienced the changes taking place in society and the system of the state during that period ([In the Shadow..., 2000: 195](#)).

The works of Turkish authors are of interest in foreign historiography on this issue. The position of Kazakh women in the first quarter of the twentieth century was devoted to her research by Jemile Kynachi, who studied the reflection of the “women’s issue” in the culture of Kazakhstan. J. Kynachi noted that in 1920–1928, in art performances staged in theaters of Kazakhstan, such social issues as equality of women, payment of kalym, polygamy, forced marriage to a girl against her will, amengerism, the “modernization” influence of the policy of the Soviets were raised.

Also, in the work of the author Kazakh writers name had been mentioned – Mirzhakip Dulatov, Zhusipbe Aimautov, Saken Seifullin, Zhiengali Tilepbergenuly, Koshke (Koshmambet) Kemengeruly, Mukhtar Auezov as representatives of the intellectuals, who first raised the issue of women in Kazakh literature. During the study of Kazakh literature of the XX century, J. Kynachi paid special attention on the change in the image of a woman before and after the October Revolution in the poems and prose of Kazakh poets and writers, about the social status and desires of ordinary women ([Kinaci Baran, 2017: 172](#)).

In the dissertation work of Junayeva, the situation of women in Kazakhstan in the XX century was analyzed and connected with the fates of the character who had become the main theme of literary prose. The works of famous Kazakh writers were used as the object of the research work: “The Unfortunate Jamal” by M. Dulatov, “The Sign of Shuga” by B. Mailin, “The Day of the Defenceless” by M. Auezov and “Ulpan” by

G. Musrepov. In his scientific work, the author, reviewing the history of Kazakhstan in general, aimed to study the situation of women since the time of the Kazakh Khanate, starting with the time of Tauke Khan.

In her work the author draws attention on the problems of Kazakh women education, profession and employment relying on the articles by representatives of the Alash movement on women's equality, comparing the situation of Kazakh women before and after the October Revolution of 1917, which had a significant impact on the fate of women in Kazakh society. The paper studies and analyzes the historical and social aspects of the status of women in the 1920s-1930s. Nevertheless, the reflection of the continuity of the women's issue in fiction increases its relevance (Junayeva, 2019: 176).

4. Results

Scientific researches of the 20-40s of the twentieth century

The problems of women began to be investigated for the first time in Soviet times, but only since the second half of the twentieth century, these issues had been raised in domestic research works. In the 20-40s of the twentieth century, the historiographical aspect of the topic of the status of women in Kazakhstan was not adequately covered. A series of historically significant publications of this period in accordance with the communist ideology consisted mainly of propaganda articles, printed newspapers and pamphlets. These publications were published in accordance with the plan of publishing work of the press department of the RCP (b) of the Central Committee on the occasion of the All-Russian Gatherings of women of eastern peoples under the leadership of the women's department. Such publications include A. Kollontai's pamphlets "Wake up, Women of the East" and Otnogulova's "The legal status of women of the east before and now", as well as the pamphlet "Social Revolution and the Woman of the East", stored in the funds of the Russian Center for the Storage and Study of Documents of Modern History (RCSMDMH).

Many articles by prominent representatives of the women's movement of the 1920s in Kazakhstan Nagima Arykova, Nazipa Kulzhanova and Sara Esova about polygamy and kalym (bride price), protection of mother and child, work of nomadic red corners, work among women were published in the popular magazine "Equality of women" (Kasabekova, 2013: 4).

Since the 1920s, the archival network began to develop in the country, which marked the beginning of the intensification of scientific research. In this regard, the work of V.G. Sokolovsky "Kazakh aul", published in 1926 (Sokolovsky, 1926), is of great interest. It is believed that this work, written based on the results of the expedition to study the rural economy of O. Zhandosov and V.G. Sokolovsky by order of the Kazkraikom of the CPC (b) and the Statistical Department of Kazakhstan in 1924-1925, was independent of propaganda and party ideology. Therefore, the researcher explains the origin of the kalym by the value of female labor in agriculture.

Another research work, independent of propaganda, was the article by A. Shtusser "Remnants of the tribal system in Kazakhstan", published in the journal "New East" of the publishing center of the Scientific Community of Orientalists of the USSR in 192 (Shtusser, 1929: 50-62). The article was written based on the results of an expedition to study the legal status of Kazakh women, organized by the Committee for the Improvement of Labor and Life of Oriental Women of the National Academy of sciences and the Women's Commission of the Scientific Community of Orientalists. The author comprehensively explores the problems of kalym, levirate, as well as other traditions and customs closely related to the status of women in Kazakhstan. Strictly adhering to the scientific point of view, he rejects the accusations of the Kazakh people in domestic crimes and explains the preservation of the kalym and levirate to the present time for economic reasons.

Citing numerous statistical data, the author made a conclusion that from the end of 1924 to 1929, despite the ongoing work against kalym and polygamy, the number of cases of domestic crimes increased but did not decrease. Investigating the problem of levirate A. Stusser identifies two reasons this phenomenon, firstly, levirate is a measure related to with the division of work on the household, secondly, women were considered as a guarantee of the availability of the main labor force in the family. Summing up his work, A. Stusser concludes that women are the main labor force in the household, and this is the main economic reason for the preservation of the kalym and levirate.

In G.A. Timchenko's book "Revolts of "soldiers" in Kazakhstan", published in 1933, the views of women on the national liberation uprising of 1916 and the revolt of women whose husbands were sent to the war in the Torgai region (Timchenko, 1933: 32). The underestimated work has great scientific significance, as there was the first time touched upon the social activity of women before the revolution documented by historical data.

There were number of works were written about the situation of married Kazakh women and investigated as well in the 20-30s of the XX century, however, the issue of the work of Kazakh women in the household and in production remained out of the field of view of the researchers. Also, the problems of Soviet society that worsened during the famine years and mass political repression, as well as high mortality, unemployment, child homelessness, forced migration and others were practically avoided in the scientific works. These arguments prove the existence of party censorship and the ideological framework in which the authors were the members, who influenced the restriction of the subject.

Thus, the historiography of this period is mainly propaganda literature and research works written on popular science topics in accordance with the ideology of the party. In the earlier soviet period, works were written concerning the equality of women, the status of women in society and family.

Scientific researches of the 50-70s of the twentieth century. Since the 50s of the twentieth century, studies on the status of women in Kazakhstan, after the October Revolution had been uncritical and written in the context of glorifying the achievements of conscientious authorities. Sh. Abubakirova's research work belongs to this time, which studies the women's movement after the October Revolution, the party activities of women, the work of Kazakhstani women during the period of collectivization. However, in this research, the author does not approach critically on the study of these issues, but considers them in the context of the role of the party without any contradictions (Abubakirova, 1950: 12).

In H.G. Seitkazieva's research, special attention is paid on the working class created from among Kazakhstani women. As the main organizers and participants of the women's movement, she emphasized the high social activity of factory workers and railway workers compared to rural women. She pointed out the works of A.S. Kocharovskaya, E.A. Shegolova and N.S. Shilova as the first women developing the ideas of Marxism in Kazakhstan (Seitkazieva, 1963: 192).

In the research work of K. Kairbekova "Participation of Kazakhstan women in the construction of socialism (1926–1937)" the women's issue is studied in the context of women's participation in the dissemination of ideas and slogans of communism. The research is based on Lenin's idea that without the proletarian movement and the class struggle of the proletarian movement there wouldn't be any special women's problem (Kairbekova, 1966: 9).

Domestic researchers started drawing attention to the problem of women's education in Kazakhstan in the 50-60s of the twentieth century. At first it was considered only in the context of works on Soviet Educational institutions using statistical materials, but since the 1960s, separate scientific studies on this question have been conducted (Sembayev, 1962: 89). For example, M. Kozgambayeva's work deals on the problem of women's education between 1917–1940.

Due to the fact that it covered the period of the October Revolution and the time of Soviet power, this work is of great historiographic relevance. However, a comprehensive study of this issue does not pay attention on women's school education and co-education of girls and boys (Kozgambayeva, 1968: 15).

The dissertation paper of K. Sadvakasova studies the prerequisites for the education of Kazakh girls in vocational, higher educational institutions after secondary schools in the 20-30s of the twentieth century (Sadvakasova, 1966: 17). Subsequently, the author published a monograph on this topic with an expanded chronological framework. The researcher examines the role and influence of the party in solving the women's issue in terms of women's education, raises the problems of schools and educational programs for illiterate women (Sadvakasova, 1969: 153).

In 1965, a monograph by A. Bisenova was published and dedicated to the organization of the case for the protection of mother and child in the period from the end of the XIX century to the 60s of the XXth century (Bisenova, 1965: 208). A. Bisenova studied the peculiarities of the organization of obstetrics and medical care for Kazakh women, childcare before the revolution and the Soviet period. She has admitted that in the first years of after revolution, due to the lack of funds allocated by the Soviet government, the insufficient number of qualified medical specialists, as well as the lack of support from the population, the issue of mother and child protection did not develop at the proper level. Also, the researcher highlighted the issues of the creation of mother and child protection centers in Kazakhstan (Bisenova, 1965: 27).

A number of dissertations of the 60s of the twentieth century, which studied the problem of raising the questions of women's equality before the revolution will be included the work of G.K. Satybekova, who studied the women's issues on the pages of the Kazakh magazine "Aykap" (Satybekova, 1965: 14). The historiographical significance of the given work lies in the comparative analysis of articles published on the pages of the magazine "Aykap" and the newspaper "Kazakh" about the social problems of women in Kazakhstan.

The research work of L.M. Akhmetova written in 1975 deals with an attempt made to study the peculiarities of the coverage of the women's issue on the pages of the Soviet periodical press and the influence of the women's press on the development of public relations in the republic. The newspapers "Enbekshi Kazakh", "Kedei tily", "Auy", "Bostandyk tuy" and the magazines "Kyzyl Kazakhstan", "Zhana mektep", "Adebiet maidanynda" published in the Kazakh language were used as sources. These papers raised the question of the activities of the journal "Equality of women", its working methods and the role of the journal in the training of specialized journalists among women for the first time.

The paper provides information about famous women publicists who published their first articles in the magazine, such works of these authors N. Kulzhanova, Sh. Imanbayeva, M. Khakimzhanova, A. Mambetova, A. Kemelova, Z. Tokbarlyna, L. Sergazina, L. Otepova are pointed out. However, despite the great scientific and informational value of the work, factual information is provided only on newspaper materials, without extensive use of archival sources, which leads to the conclusion that comparative studies were not conducted by the author (Ahmetova, 1975: 14).

The research work of R. Kumekova on the topic "The activities of the Communist Party of Kazakhstan to attract women to cultural construction", the socio-cultural activity of women in Kazakhstan in the context of the party movement is studied (Kumekova, 1973: 18).

In the ethnographic work of Argynbayev H.A. on the institution of family and marriage among Kazakhs, along with other issues, the role of women in the family has been studied, the problems of kalyam

and polygamy, the relationship of widows and brides to unequal and involuntary marriage are raised. At the same time, the author defined polygamy background connection with patriarchy and property inequality than Islam connection that took place in Kazakh society. The underestimated work raised such less studied problems as the role of the Kazakh woman in marriage customs, the relationship of the daughter-in-law and mother-in-law, the position of the first (main) wife and second wife in the family, the position of a childless women and the attitude of the Kazakh people towards her (Argynbayev, 1975: 29).

In K. Kunantayeva's monograph on women's education in the XX century as an hour of the Cultural revolution, archival materials of the Commission for the Improvement of Women's Work and Life and the "Union of the Poor", which were directly involved in the work of on the education and enlightenment of women, are used as a resource. This paper examines the problems of Kazakh women receiving higher education in boarding schools, which became wide spread in the 1960s.

However, although the researcher approves of this form of education, she does not disclose the moral aspects of the difficulties of living girls away from family and parents. The monograph contains valuable information, but not enough attention is paid to the issues of providing girls with secondary education and getting girls educated at school (Kunantayeva, 1978: 53).

The research work of Tasyrova on the topic "The activities of the Communist Party of Kazakhstan for the development of women's education in the Republic" (1928–1940) focuses on the contribution of the party to the upbringing and education of women in vocational schools, technical schools, higher educational institutions, and also highlights the participation of women of Kazakhstan in the construction of a new socialist society (Tasyrova, 1984: 19).

Thus, in the soviet period, in many studies, starting from the 50s of the XXth century, the influence of the party and ideological attitudes can be traced, but the formation of new scientific approaches, the involvement of various types of sources and statistical data and photographic documents are clearly outlined. The study of the women's issue becomes an interdisciplinary problem, since it becomes the object of research by historians, psychologists, sociologists, as well as other social sciences. At the end of the XXth century, this issue became an object of discussion in the scientific community at separate scientific and practical conferences (Ashgabat, 1972; Tashkent, 1975; Alma-Ata, 1975).

Scientific researches after 1991. The work of A.K. Baltabayeva can be distributed to a number of studies written after the declaration of independence of Kazakhstan. In this dissertation, the researcher raises the issue of the socio-legal status of Kazakh women in the late XIX- early XX centuries. The author showed that during that period Kazakh women had the right to participate in the socio-political life of society, but couldn't realize it, and only in the Soviet period a new period began for Kazakh women. She revealed the role of the Soviet state in ensuring equal rights for women, and divides the socio-political and administrative activities of Kazakh women into stages. This work shows the propaganda work and activity of women during the period of collectivization. However, the severe consequences of collectivization, especially for women and children were not considered, women who were subjected to repression in the 30-50s of the last century were not mentioned (Baltabayeva, 1995: 11).

S.S. Karpykova's dissertation work "Women of Kazakhstan: problems of historiography (20-80-s of XX century) " provided a broad historiographic review of research on women's problems. The researcher, studying the literature of historiographic importance on the problem of women, divided it into four stages: the problem of women in historical literature from the first half of the 20th to the 30th; publications in the socio-political literature from the mid-30s to the 50s; Scientific and historical literature on the problem of women in Kazakhstan from the second half of the 50-60s and historiographic analysis of scientific works on the problems of the situation of women in Kazakhstan in the 70-80s.

In the dissertation work of the researcher, a historical characterization of each period was analyzed and a stream of fully studied works on this topic is shown, which can be considered as a methodological tool for scientists. The research paper provided an objective assessment of the corresponding sequence of works and research in the historical, social, demographic, educational, health and economic fields devoted to the problem of women of Kazakhstan (Karpykova, 1997: 185).

The scientific work G.O. Nurbetova, devoted to the economic companies of 1925–1933 by the totalitarian regime of Soviet power in Kazakhstan, also showed the socio-economic changes that took place in the republic after the establishment of socialism in the country. The researcher deeply worked on social processes in the context of the policy of "Small October" in Kazakhstan, the time of Sovietization of Kazakh villages during collectivization, highlights the historical results of the campaign to eliminate literacy among the policy of the Soviet government to address the women's issue (Nurbetova, 2000: 140).

During the period from 1991 at the beginning of 2000, the researcher focused on the trend of gender equality in Kazakhstan, the contribution of the country's first president N.Nazarbayev to the establishment of equal rights for women, as well as legislation and state programs adopted for these purposes. In her work, R.O. Balgozina widely used archival materials identified in domestic archives, the works of the Kazakh intelligentsia, representatives of the Alash party, publications of the Soviet period, memoirs and letters of Kazakhstani women as one of the sources (Balgozina, 2009: 311).

A monograph work was published by A.I. Kasabekova in 2013, which was one of the historically significant works on the issue of women's equality in Kazakhstan in the 20-30s of the XX century. The author

noted that the problem of women's equality was widely raised in the Kazakh press at the beginning of the XX century, the opinions of figures of the Alash movement, decrees and decisions of the Soviet government on women's equality, the history of creation of the women's department, its work during the famine in 1921–1922, the participation of Soviet women during grain procurement, their involvement in collectivization time were given, the life of repressed women and their families. In her work, the researcher A.I. Kasabekova expressed the opinion that the freedom given to Kazakh women by the Soviet government “was expensive”.

The author attributes this to labor inequality, the absence and shortage of necessary medical and social assistance, the low number and quality of preschool institutions, as well as the fact that the Soviet government's concern for women and children was only on paper (Kasabekova, 2013: 172). Based on the study of a large layer of archival documents, the author comes to the conclusion that Kazakh women were not only observers of political events, but also took an active part in solving all the problems facing society in that historical period. The monograph suggests that the works and researches of the Soviet period gave a biased assessment of the unequal status of women in terms of domestic and social life before the revolution and magnified the role of the Bolsheviks in the liberation of women of the East (Kasabeova, 2013:172).

In her scientific work “The first figures of the women's movement” A.I. Kasabekova tells about the life and work of Kazakh women who were the first to raise the issue of women's equality and the elimination of female literacy in the Soviet period. She notes that famous Kazakh women N. Kulzhanova, A. Orazbayeva, A. Doszhanova, N. Arykova, M. Begalieva, S. Esova, Sh. Imanbayeva, N.Sanalieva, B. Kasenova, N. Alpysova took an active part in the cultural and educational work of the country. As a valuable historic material, the paper presents articles and reports of prominent activists of the women's movement who have contributed to social construction with their extensive organizational activities and a sharp pen (best writers) (Kasabekova, 2003: 81).

As for the next work “From the experience of solving the women's problem in Kazakhstan. 1920–1930s” by D. Amanzholova expressed the idea that the traditional political, ideological and cultural values of the people were recognized as obsolete and rejected by the Soviet government on the basis of a radical change in the forms and methods of socio-political activity of the mass of people. Also, in the article “From the experience of solving the women's problem in Kazakhstan. 1920–1930s” D. Amanzholova noted that the process was very difficult, especially in national republics, including in Kazakhstan. This is due to the fact that feminization itself, on the one hand, regardless of the physiological indicators of women, assumed their transformation into a direct productive force working in all spheres of production. On the other hand, a woman became an object of social policy in order to turn them into an important factor of civic life through various exclusively female public organizations and present women to the masses as a model of Soviet consciousness, order and responsibility.

The reason of that is in addition to the duties of a woman in the family, in the household, now, the functions and responsibility on production and society have been added. And the state of social infrastructure in Kazakhstan at that time, that is, educational institutions for children, and the service sector, was not very satisfactory. As a result of that, the rush to feminization – caused resistance among the population to government decrees, however, any resistance to female emancipation was seen as a criminal act. At the same time, all kinds of “corporate bonuses” inextricably linked personal life with the team. According to the communist ideology, industrial places such as a brigade, workshop, farm, collective farm or factory sought to become a second, large and complexly organized family, adhering to patriarchal hierarchical values and stereotypes.

However, the Special Research Commission on improving the labor and living conditions of women under the CAC of the KASSR showed that in 1928 Kazakh women worked an average of 154 days a year, and men-97 days. The author cited important data that while 33 days of the volume of work were spent by men on trips to markets, fairs, public institutions, meetings, etc., women allocated 1 day for such trips. In addition, in her article, D.Amanzholova testifies to the increase in the volume of women's work as a result of collectivization and famine, and nevertheless the low quality of their social and medical care, and comes to the conclusion that the goal of eliminating women's inequality as a result of the tendency of the Soviet government to harshly structure the mass population actually made the situation of women even more complicated (Amanzholova, 2017).

In the article by K.S. Bizhigitova “Changes in the role of women in the Kazakh steppe in the colonial period based on archival sources (the 40s of the XIX- early XX centuries)” based on the analysis of archival documents, the main research hypothesis is proposed that during the colonial period the traditional nomadic Kazakh society underwent significant changes. Changes have affected all spheres of life of Kazakhs, including with the change of ideas about the place and role of women in traditional society, new phenomena have appeared in public relations.

The author came to the conclusion that this led to an increase in the activity of women, an increase in their efforts to protect their “women's” rights by contacting the Russian colonial administration at various levels. K.S. Bizhigitova revealed that in the 40-50s of the XIX century, in applications submitted to the head of the Siberian border Kyzgyz (Kazakh) region, women often complained about the cruelty of their husbands, about being forced to marry when they did not reach the age of majority. Obviously, it was very difficult for women to file a lawsuit and try to defend their rights. The author confirms that for the same reason, women

faced significant difficulties: since the fact of applying to the colonial administration contradicted established traditions and Customs, women had to travel a long distance to get to Omsk and look for suitable people to write these requests. Women who had no means of their own could not submit such requests to various instances of the colonial administration without the material and moral support of their fathers and brothers, as evidence of which the author claims that some archival cases were not the women themselves, but were proxies of their fathers and brothers on their behalf. The researcher pointed to interesting facts that in order to solve their problem, unsupported women forced their relatives to threaten to convert to Christianity and put pressure on them to recognize their independence.

As a result of the research, the author made several conclusions: Russian officials considered Kazakh women as successful propagators of Russian culture among the traditional nomadic society; the decisions of the tsarist (monarchy) Russian authorities contradicted the legal system of nomads, which led to long-term contradictory trends; the colonial authorities made attempts to indirectly influence on the solution of problems of family and marriage relations and the marriage court, therefore, the traditional legal norms (customs) of nomads adapting to new conditions, began to change (Bizhigitova, 2017: 173-178).

The monograph of Zh.B. Kundakbayeva critically assesses the policy of the Soviet government towards women in Kazakhstan. The author pointed out that the change in the Kazakh institutions of marriage and family, the creation of women's department, the "Red Yurt" were considered as tools for the Bolsheviks to implement the project to create a "new Soviet woman". The author also noted that the Soviet government tried to install Soviet ideology in the local population, denying Islamic family and marriage traditions, adopting new models of children's relationships with society, changed not only the established values and lifestyle of not only women, but also significant part of the population as well (Kundakbayeva, 2017: 148).

Along with that problems above, the problem of women's equality in the works of Kazakh writers published in the 20s and 30s were taken under analysis in the monograph. The researcher devoted separate chapters to literary critic F. Gabitova and other women activists, public figures who, together with their husbands were repressed revealed in detail their lives and destinies. Valuable archival materials, articles by S. Eskyzy, A. Tursynbaykyzy, B. Smagulkyzy, N. Arykkyzy, N. Abdirashidkyzy from the magazine "Women's Equality", memoirs and letters of members of the women's department, veterans of labor and the party were used as a source.

Thus, scientific works since the 1990s demonstrate a critical approach and a comprehensive study of the women's issue in Kazakhstan. The presented works shows the data before the revolution and after 1917 are systematized, the position of women of that time is associated with changes in modern society, and their historical significance is determined. One of the qualities of scientific works of this period is an objective assessment of the policy of the Soviet government in Kazakhstan, the study of its positive and negative results that affected the issue of women's equality, and the introduction of new relevant sources into their research.

5. Conclusion

Historiographical analysis has shown that in scientific works and studies of the early 20-50s of the twentieth century, the topic of the status of women in Kazakhstan was not sufficiently covered. The first group includes works of an agitation and propaganda. In these works, there was carried out a process of internal design of the problem, which was reflected in the gradual expansion of the database and the accumulation of various information. The authors of these works, often containing a small database, were not professional historians, but directly practical workers— employees of the women's department. That is why the structure and methodological level of these works were explained by the fact that they were designed for the masses and often had an agitation and propaganda character. The scientific literature of this period is based on the intention to justify the forced nature of socialist reconstruction and to justify the necessity of the Soviet way of real emancipation of women in Kazakhstan. As a result, was identified a narrow range of issues that are considered in these publications.

These included—the disenfranchised position of the Kazakh woman before the revolution of 1917, the first decrees and resolutions adopted by the Soviet government for her "liberation", the first forms of work of the Communist Party among women (delegate meetings, women's conferences, etc.), attempts to publish the pre-revolutionary speeches of women of Kazakhstan (1916), their participation in the Civil War, as well as the experience of organizing and working among the nomadic people of Kazakhstan. It was the rise of these topics that was ideologically connected not only with the glorification of the Soviet government, but also with the need for a specific historical moment, which demanded a large and complex political and educational work in the broad masses, explaining the tasks of the women's movement in the country, in particular in Kazakhstan.

Therefore, among the literature of that period, manuals of a propaganda nature, explanatory brochures, as well as articles resembling collections of quantitative and factological material prevail, but even then these works did not lose their historiographic significance. One of the reasons is that they are also valuable in the order of historical sources describing the Soviet period at that time. It also includes an emotional assessment of the problem by its direct participants in the described events, the diversity and relevance of author's views on it, freedom from a strict ideological framework (the possibility of discussion).

Research works written about the results of ethnographic expeditions are also included in the list of literature of the 1920s-1930s. The authors of these works were professional historians, mainly scientists of

the USSR Academy of Sciences who were educated in central universities of Russia before the revolution, as well as local historians who worked at the territory of Kazakhstan in the "Society for the Study of the Kyrgyz Territory". The role of these scientists in the comprehensive study of this problem over the conditions of a strict administrative regime is very great. Paying special attention to its ethnographic aspect, this kind of works had the character of pre-revolutionary research. Thus, the following topics have found their place in the cycle of women's issues: the place of women in the social structure of traditional Kazakh society; living conditions of Kazakh women in the 20s of the twentieth century; unequal division of household labor in the family; early marriage of girls and its consequences for the female body; kalym; the position of a widow; types of women's needlework, traditional women's clothing, women's jewelry; anthropological features of women of Kazakhstan. However, on the base of the materials of the expeditions, it was found that during the study of the living conditions of ordinary Kazakh people, as a result of the influence of politics, scientists ignored the problem of the labor of Kazakh women.

Although the research raises the issues of the place and social inequality of women in traditional Kazakh society, the difficult situation that arose as a result of the famine and collectivization that swept the Republic at that time, that is, in the 20s, especially such problems as the mortality of women and children, prostitution and child homelessness, neglect of women's departments, unemployment did not find their place. This proves that the ideological policy of the Soviet government also took control of Science, and explains the widespread use of propaganda literature of this period.

Thus, the first stage of the historiography, the problems are characterized by two independent trends, that is, a gradual slowdown in the development of academic historical science due to external conditions, and a rapid flourishing of historic, party and propaganda literature.

The second stage of the research of the issue of the status of women in Kazakhstan in the XX century, considered in the frame of the changing political situation in the country, is reflected in science since the 50s of the XX century. For ten years, until the end of the 1940s, the ideology of the cult of personality blocked many promising areas in the study of women's issues, allowing only those topics that corresponded to specific tasks of the time.

During the Great Patriotic War of 1941–1945, the Soviet government chose priority topics that indirectly influenced the development of the country's defense potential, and did not make significant changes to the historiography of the issue. Developing mainly in the genre of historical articles and articles in the publicist style, during the Great Patriotic War they made contribution only to the process of collecting factual materials on the women's topic in Kazakhstan.

In the early 50s of the XX century due to the rapid growth of the personnel of Republic in the field of history in the post-war period, the improvement of its qualitative composition, as well as the creation of the Institute of History in the structure of the Kazakh branch of the Academy of Sciences of the USSR, and then the Academy of Sciences of the Kazakh USSR, there was a tendency to revive and deepening the ethnographic part in the study of the status of women in Kazakhstan. For this reason, research expeditions began to be conducted again in all corners of Kazakhstan. As a result of the expeditions, the following topics of the problem were raised again: the lawless situation of Kazakh women before the October Revolution; the relationship between the first and second wife; the current (40-50's) situation of Kazakh women in rural areas. And also, significant topics of the 20-30s were not ignored, including family and marriage relations of the traditional Kazakh people (marriage, betrothal, kalym); traditional women's clothing, women's jewelry, women's crafts; hygienic and medical condition of the Kazakh people. As a result of these expeditions, the scale of the problem was expanded, the background of its appearance, i.e. the problems of the status of women in Kazakh society before 1917 were systematized, has entered database of sources which were collected during field expeditions.

Due to the growth of historical specialists, the improvement of the quality of their training, the first dissertation research on the situation of women in Kazakhstan in the 20-30s of the XX century is added to the list of works of the early 50s. These research works correspond to the highest scientific and theoretical level of generalization of historical-party and civil topics and are protected in prestigious higher educational institutions of the cities of Moscow, Leningrad, Alma-Ata of the USSR. Among the issues addressed in these works are: the work of party organizations among women of different ages; In the 30s and 50s, various types of work among women (women's sectors, brigades); involvement of Kazakh women in collective farm construction (problems of collectivization in this direction), issues of women's education, the level of social and medical care for them, and the protection of motherhood and childhood were considered.

Since the 50s of the twentieth century Kazakhstan historiography has been characterized by a quantitative increase of historical publications on this issue, a significant expansion of the range of issues, an inclusion of new historical sources, identified and published from Soviet and Kazakh archives, replenishment with new scientific data obtained from various fields of science, which significantly improved the quality of research. The latter one allowed us to consider the situation of women in the first quarter of the twentieth century in several aspects, for example: the level of exploitation of women's labor (in terms of economic consequences); labor rights of women (legal aspects); the transformation of the status of Soviet women in society (philosophical and social aspects); assessment of working conditions of working women in

manufacturing industry (medical aspects), statistical and demographic analysis of the birth rate in Kazakhstan, demographic and social position of the Kazakh family (demographic aspects).

At the same time, in the historiographic period under consideration, obvious signs of a decrease in intensity appeared in the study of this issue, that is, a negative trend. This is evidenced by the biased position and lack of disclosure of the problem in the study of the topics "special medical and social assistance to women of Kazakhstan", "protection of motherhood and childhood" in the twentieth century. It is also expressed in a large number of dissertation works of historical-party, that is, socialist-Marxist orientation, in the unambiguous framework of the problems under consideration, in the uniformity of conceptual solutions with frequent repetition of well-known truths. Instead of sticking to a narrow point of view and trying to glorify the Communist Party, scientists were completely hindered by the solution of the problem under study, that is, its historiographic development.

Despite the difficulties of the historical development of society in the second half of the 50s, the politicization of science, the narrow field of a number of scientific works, history as a science began to actively research previously unexplored topics with novelty, in particular, issues about the status of women in Kazakhstan. On this basis that by the mid of 1950s, in order to increase scientific interest in the women's problem, on the basis of a deeper study of archival sources, began scientific rethinking of the historical status of women in Kazakhstan.

During the preparation of the article, it is noted that in scientific works written after the independence of the Republic of Kazakhstan, attempts to reflect the situation of women in Kazakhstan in the 20-30s of the XX century with historical realism prevail. First, one of the main reasons of that is the collapse of the totalitarian regime and the loss of pressure on science by the authorities. Secondly, the growing interest in the state of modern women in the time of the globalization trend, the relevance of the process of "feminization" in modern society. Thirdly, women are a phenomenon of increased interest among scientists in the study of the state of Kazakh women of the twentieth century, in determining their way of life, psychological and moral character.

In the research works started in 1991, historical realism prevails in comparison with previous works written on this topic. Undoubtedly, methodological approaches which are capable of providing a sufficient archival and information base and comprehensive study allowed completely reveal the object of research. In addition, State support of science is the reason for the increase of the number of dissertations defended on the topic and scientific projects being developed.

Researchers, on their part, in studying the status of women in the twentieth century, analyze the principles of transformation of the status of women in traditional Kazakh society and in Soviet Kazakhstan before the 1917 revolution, associate them with the peculiarities of the gender policy of the Republic of Kazakhstan at the present time and determine the results and consequences of a large historical period. On the works being analyzed from a critical point of view are considered the Soviet authoritarian policy, as well as the contribution of the Alash movement and active public figures who participated in the elimination of women's inequality in the 20-30s of the twentieth century. In addition, the shortcomings and achievements of research before the 1990s are highlighted and evaluated. Scientific works and studies written after 1991, their critical view of the socio-political reforms carried out by the Soviet government, the focus on in-depth study of this topic prove the continuity of the status of women, family and marriage institutions in the modern process of globalization.

6. Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the project "Educational activities of public organizations in Kazakhstan in the first quarter of the twentieth century" (individual registration number AP09260737) with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

References

- [Abubakirova, 1950](#) – *Abubakirova, Sh.* (1950). Borba bolshevikov Kazakhstana za vovlechenie zhenshin kazashek v kolhoznoe stroitelstvo [The struggle of the bolsheviks of Kazakhstan for the involvement of Kazakh women in collective farm construction]. Moscow. 27 p. [in Russian]
- [Alash-Orda, 1992](#) – *Alash-Orda*. Sbornik dokumentov [Alash-Orda. Collection of documents]. Almaty, 192 p. [in Russian]
- [Amanzholova, 2017](#) – *Amanzholova, D.* (2017). Iz opyta resheniya zhenskogo voprosa v Kazakhstane, v 1920-1930 gg [From the experience of solving the women's issue in Kazakhstan, in 1920-1930]. [Electronic resource]. URL: <http://futureruss.ru/worldculture/ethnic-groups/gender-v-kazaxstane.html> (date of access: 06.05.2017). [in Russian]
- [Argynbayev, 1975](#) – *Argynbayev, H.A.* (1975). Semiya i brak kazakhov [Family and marriage of Kazakhs]. Alma-Ata, 129 p. [in Russian]
- [Akhmetova, 1975](#) – *Akhmetova, L.M.* (1975). Pechat Kazakhstana v borbe za vovlechenie zhenshin v sotsialisticheskoe stroitelstvo (1926–1932) [Seal of Kazakhstan in the struggle to involve women in socialist construction (1926–1932)]. Alma-Ata, 220 p. [in Russian]

- Baher, 1985** – *Baher, J.* (1985). The Position of Women in Kazakhstan in the Interwar Years. *Central Asian Survey*. 4(1): 75-114.
- Baltabayeva, 1995** – *Baltabayeva, A.K.* (1995). Vovlechenie kazakhskikh zhenshin v sferu gosudarstvennogo upravleniya Kazakhstana [Involvement of Kazakh women in the sphere of public administration of Kazakhstan]. Moscow. P. 20. [in Russian]
- Balgozina, 2009** – *Balgozina, R.O.* (2009). Problemy zhenskogo ravnopraviya v istoricheskoi mysli Kazakhstana [Problems of women's equality in the historical thought of Kazakhstan]. Almaty. 311 p. [in Russian]
- Bisenova, 1965** – *Bisenova, A.* (1965). Materinstvo i detstvo (ocherki razvitiya ohrany materinstva i detstva v Kazakhstane) [Motherhood and childhood (essays on the development of motherhood and childhood protection in Kazakhstan)]. Alma-Ata, 208 p. [in Russian]
- Bizhigitova, 2017** – *Bizhigitova, K.S.* (2017). Izmenenie roli zhenshin v kazakhskoi stepi v kolonialnyi period na osnove arkhivnykh istochnikov (40-e gody XIX – nachalo XX vv.) [Changes in the role of women in the Kazakh steppe in the colonial period on the basis of archival sources (40s of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Vestnik KazNPU*. 2(53): 173-178. [in Russian]
- Curtin, 1982** – *Curtin, L.B.* (1982). Station of Women: A Comparative Analysis of 20 Developing Countries. Washington. 156 p.
- Decrety..., 1957** – *Dekrety Sovetskoi vlasti* [Decrees of the Soviet Power]. Moscow. Gos. Izd. Polit. Liter, 1957. P. 237. [in Russian]
- Gradskova, 1999** – *Gradskova, U.* (1999). "Obychnaya" sovetskaya zhenshina – obzor opisaniy identichnosti ["Ordinary" soviet woman – overview description identity]. M., Kompaniya Sputnik+. 158 p. [in Russian]
- Haemmerle et al., 2008** – *Haemmerle, C., Langreiter, N., Lanzinger, M., Saurer, E.* (eds.) (2008). Gender Politics in Central Asia. Historical Perspectives and Current Living Conditions. Weimar-Wien: Boehlau Verlag. Pp. 21-34.
- In the Shadow..., 2000** – *In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War.* Ed. By Sheila Fitzpatrick, Yuri Slezkine. Princeton: Princeton University Press, 2000. 443 p.
- Junaeva, 2019** – *Junaeva, N.* (2019). Kazak Toplumunda Kadının Statüsü ve Kazak Edebiyatında Sorunsal Kadın Roman ve Hikâyeler Üzerine Bir İnceleme [The status of women in kazakh society and an analysis on novels and stories with problematic women in kazakh literature]. Ankara, 176 p. [in Turkish]
- Kairbekova, 1966** – *Kairbekova, K.* (1966). Uchastie zhenshin Kazakhstana v postroenii sotsializma (1926–1937) [Participation of women of Kazakhstan in the construction of socialism (1926–1937)]. Alma-Ata. P. 29. [in Russian]
- Karpykova, 1997** – *Karpykova, S.* (1997). Zhenshiny Kazakhstana: problem istoriografii (20-e – 80-e gody XX veka) [Women of Kazakhstan: problems of historiography (20s and 80s of XX century)]. Almaty, 185 p. [in Russian]
- Kasabekova, 2013** – *Kasabekova, A.I.* (2013). XX gasyrdyn 20-30 zhyldaryndagy "Aiel tendigi" maselesi (aleumettik zhagy, maselenin qoiylu tarikhy, aielderdi qogamdyq omirge qatynastyru) [The issue of "Women's equality" in the 20-30s of the 20th century (social side, history of the issue, relation of women to public life)]. Astana, 172 p. [in Kazakh]
- Kasabekova, 2003** – *Kasabekova, A.I.* (2003). Qazaq qozgalysynyn algashqy qairatkerleri [The first figures of the women's movement]. Teaching aid. Taraz.: University. 81 p. [in Kazakh]
- Kinaci, 2017** – *Kinaci, Baran C.* (2017). Kazak Tiatrosunda Kadın Meselesi (1920–1928) [Women's issue in kazakh theater (1920–1928)]. Ankara, 172 p. [in Turkish]
- Kozgambaeva, 1968** – *Kozgambaeva, M.* (1968). Iz istorii zhenskogo obrazovaniya v Kazakhstane (1917–1940) [History of female education in Kazakhstan (1917–1940)]. Alma-Ata, 19 p. [in Russian]
- Kumekova, 1973** – *Kumekova, R.* (1973). Deyatelnoet Kommunisticheskoi partii Kazakhstana po vovlecheniyu zhenshin v kulturnoe stroitelstvo [Activity of the Communist Party of Kazakhstan to involve women in cultural construction]. Alma-Ata. 30 p. [in Russian]
- Kunantaeva, 1978** – *Kunantaeva, K.* (1978). K verhinam znaniy: (Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazakhstane 1920–1977 gg. [To the top of knowledge: (Development of female education in Kazakhstan 1920–1977)]. Alma-Ata. 136 p. [in Russian]
- Kundakbaeva, 2017** – *Kundakbaeva, Zh.* (2017). Modernizatsiya rannei sovetskoi epokhi v sudbakh zhenshin Kazakhstana, 1920–1930 gody [Modernization of the early Soviet era in the fate of women of Kazakhstan, 1920-1930]. Almaty: Kazakh University. 411 p. [in Russian]
- Leydesdorff, 1999** – *Leydesdorff, S.* (1999). Gender and Categories of Experienced History. *Gender & History*. 11(3): 597-611.
- Nurbetova, 2000** – *Nurbetova, G.O.* (2000). Istoriya ideino-politicheskogo i agitatsionno-propagandistskogo obespecheniya osnovnykh khozyaistvenno-politicheskikh kampanii totalitarno-sovetskogo rezhima v Kazakhstane 1925–1933 [History of ideological and political and agitational and propaganda support of the main economic and political campaigns of the totalitarian Soviet regime in Kazakhstan (1925–1933)]. Almaty. 140 p. [in Russian]

- [Porter, 1987](#) – *Porter, C.* (1987). *Women in Revolutionary Russia*. Cambridge. 45 p.
- [Sadvakasova, 1966](#) – *Sadvakasova, K.* (1966). *Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazakhstane (1920–1932)* [Development of female education in Kazakhstan (1920–1932)]. Alma-Ata. 23 p. [in Russian]
- [Sadvakasova, 1969](#) – *Sadvakasova, K.* (1969). *Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazakhstane* [Development of female education in Kazakhstan]. Alma-Ata. 135 p. [in Russian]
- [Satybekova, 1965](#) – *Satybekova, G.K.* (1965). *Zhurnal “Aikap” kak istochnik po istorii Kazakhstana* [Journal "Aykap" as a source of history of Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]
- [Seitkazieva, 1963](#) – *Seitkazieva, H.G.* (1963). *V borbe za svobodu* [In struggle for freedom]. *Voprosy istorii Kompartii Kazakhstan*. Alma-Ata. edit. 1. P. 192. [in Russian]
- [Sembaev, 1962](#) – *Sembaev, A.I.* (1962). *Istoriya razvitiya sovetskoi shkoly v Kazakhstane* [History of the development of the Soviet school in Kazakhstan]. Alma-Ata, Kazuchpedgiz. P. 367. [in Russian]
- [Sokolovsky, 1926](#) – *Sokolovsky, V.G.* (1926). *Kazakhskii aul: k voprosu o metodah ego izucheniya gosudarstvennoi statistikoï na osnove reshenii V-I Vsekazak. Partkonferetsii I 2-go Plenuma Kazkraikoma VKP(b) s 17 spetsialnymi prilozheniyami, ilustriruyushimi osobennosti kazakhskogo aula* [Kazakh village: On the question of the methods of its study by state statistics based on the decisions of the V-th All kazak. partconference and the 2nd Plenum of the Kazkraikom of the ACP (b) with 17 special appendices illustrating the features of the Kazak village]. Tashkent. 49 p. [in Russian]
- [Tasyrova, 1984](#) – *Tasyrova, G.K.* (1984). *Deyatelnost Kommunisticheskoi partii Kazakhstana po razvitiyu zhenskogo obrazovaniya v respublike (1928–1940)* [Activity of the Communist Party of Kazakhstan on the development of female education in the republic (1928–1940)]. Almaty. 26 p. [in Russian]
- [Timchenko, 1933](#) – *Timchenko, G.A.* (1933). *Bunty “soldatok” v Kazakhstane* [Riots of "soldiers" in Kazakhstan]. Alma-Ata: publishing Kaz. centr. arhiv. 32 p. [in Russian]
- [Shtusser, 1929](#) – *Shtusser, A.* (1929). *Perezhitki rodovogo stroya v Kazakhstane* [Remnants of the family system in Kazakhstan]. *Novy Vostok*. Kn. 26-27. Pp. 50-62. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(3): 1561-1569
DOI: 10.13187/bg.2023.3.1561

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Academic Center in the Development of Education, Science and Enlightenment in Kazakhstan (1921–1926)

Auezkhan K. Shashaev ^a, Shamek B. Tleubaev ^a, Nurgul N. Kurmanalina ^{a, *}, Svetlana G. Belous ^b

^a Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the history of the activity of the Academic Center under the Kyrgyz (Kazakh) People's Commissariat of Education (1921–1926).

In studying this topic, one should take into account the works in which the activities of public organizations, their members, and the contribution of the intelligentsia to the study of the region are studied. For example, there are not a few scientific papers devoted to the activities of the Society for the Study of Kazakhstan, but in this case the specific object of research is an Academic Center. And the work of this public organization was considered one of the many activities of the Academic Center. Therefore, this study is supposed to reveal in more detail the diverse aspects of the activities of the Academic Center.

Historical sources were obtained from the funds of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, the United State Orenburg Regional Archive of the Russian Federation. These materials reveal the diverse activities of the Academic Center.

The Academic Center stood at the origins of the formation and development of archives, museums, publishing, secular education, scientific and educational activities at the state level. It contributed to the eradication of illiteracy. The Academic Center was one of the main institutions where the Kazakh intelligentsia was most united.

The Academic Center in its research activities relied on a number of scientific organizations, such as the Society for the Study of Kazakhstan, the Scientific and Pedagogical Society and the Physical and Mathematical Society, Science and Labor, the Orenburg branch of the Russian Geographical Society.

Keywords: Academic center, People's Commissariat of Education, education, science, enlightenment, Main Museum, Main Archive, State Academic Council, State Art Council.

1. Введение

Социальные, экономические, политические изменения, произошедшие в 1920-е годы, оказали существенное влияние на культуру и образование Автономной Киргизской (Казакской) Социалистической Советской Республики (АКССР), ликвидацию неграмотности, возникла необходимость развития культурно-просветительского направления. Наряду с восстановлением разрушенного хозяйства после Гражданской войны возникла необходимость решения неотложных вопросов в сфере культурного просвещения.

С 1920 года Научный отдел Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) АКССР занимался вопросами науки, литературы, искусства, музеев и архивов. В августе 1921 г. вместо него был создан Академический центр (Акцентр) при Наркомпросе АКССР как первое государственное учреждение, организующее научно-исследовательскую работу (Ахметова, 1982). Основное направление

* Corresponding author

E-mail addresses: nurgulca@mail.ru (N.N. Kurmanalina)

его деятельности было связано с общетеоретическим и программным руководством в сфере общего образования, науки, просвещения и т.д. О чем более подробно будет раскрыто в данной работе.

2. Материалы и методы

Материалы были получены из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Объединенного государственного архива Оренбургской области Российской Федерации (Оренбург, Российская Федерация). Они дают сведения об истории и деятельности Академического центра при Наркомпросе КАССР, который существовал в 1921–1926 гг. В фонде 81 «Народный комиссариат просвещения Киргизской (Казахской) АССР» ЦГА РК есть данные о создании Академического центра, деятельности научной комиссии при Наркомпросе, библиотеках, музеях и т.д. В следующем фонде 921 «Отдел народного образования Военно-революционного комитета по управлению Киргизским (Казахским) краем» также представлены материалы, касающиеся деятельности Академического центра. В описи 1 фонда 693 представлены материалы деятельности Общества изучения Казахстана за 1920–1936 гг., а в описи 2 – за 1921–1941 гг.

В основе исследования лежат принципы исторической науки, объективности, историзма, системности и цивилизационного подхода. Историографическими источниками служили издания, опубликованные в советское время и в современный период, которые освещают отдельные вопросы истории и деятельности Академического центра.

3. Обсуждение

Отдельные сведения об Академическом центре содержатся в сборнике документов и материалов о культурном строительстве в Казахстане. Так, в работе изложены основные задачи Академического центра:

- выработка общего плана народного просвещения на тот или иной период по проектам, представленным центром и главными отделами Наркомпроса;
- выработка по особому поручению Коллегии Наркомпроса частных планов для той или другой области просвещения;
- разработка планов и программ деятельности научных учреждений и руководство разработкой планов и программ преподавания всех типов учебных заведений КАССР;
- разработка и руководство разработкой проектов организаций этих учреждений и учебных заведений;
- выработка планов обеспечения упомянутых учреждений и учебных заведений научно-учебным персоналом;
- непосредственное заведывание учреждениями, ставящими своей задачей чисто научную, теоретическую и художественно-академическую работу Академии, научно-исследовательские институты, общества и т.д. (*Культурное строительство, 1965: 307*).

С.Н. Покровский, А.Н. Нусупбеков, Г.Ф. Дахшлейгер в работе, посвященной развитию исторической науки в Казахстане, в основном рассматривали труды историков, деятельность общественных организаций советского времени. По их мнению, уже в 20-х гг. XX в. Наркомпрос, Академический центр, Общество изучения Киргизского края (позднее Общество изучения Казахстана), Семипалатинское отделение Русского географического общества, губернские и республиканские библиотеки, музеи проводили большую эмпирическую работу, издавали научные труды, участвовали в сохранении исторических памятников, собирали фонд этнографических коллекций по прикладному искусству казахов (*Покровский, Нусупбеков, 1967: 472*).

Работа С.Ш. Ахметовой посвящена историческому краеведению в Казахстане. Труд состоит из четырех глав. Одна из них посвящена истокам краеведческого дела в Казахстане, а другая глава посвящена деятельности Общества изучения Казахстана. Также освещены вопросы музейного краеведения и охраны памятников. Здесь основное внимание уделяется краеведческим вопросам, касающимся основной темы исследования автора. А история создания Академического центра изложена вкратце (*Ахметова, 1982*).

В отдельных работах отмечается, что в 1925 г. Академический центр был преобразован, а на его базе создано Общество изучения Казахстана (*Наука советского Казахстана, 1981: 226*). Однако известно, что Академический центр был отдельным учреждением, а Общество изучения Казахстана – отдельной общественной организацией.

Исследование Ш.Ж. Таукибаева посвящено становлению государственных учреждений образования, культуры и науки в Казахстане. Автор приводит общие сведения об Академическом центре. В нем указано, что в октябре 1921 г. было утверждено Положение об Академическом центре, а задачи, ранее организуемые Научным сектором, были расширены и углублены. Было резюмировано, что создание двух основных организаций Академического центра: Государственного ученого совета и Государственного художественного совета и иных комитетов было принято как шаг к созданию самостоятельных подразделений функционального характера, а после создания СССР Наркомат Просвещения был отнесен к республиканским наркоматам (*Таукибаева, 1999: 15-16*).

В статье Г.М. Ибраева подчеркивается, что с 1922 г. казахстанское исследовательское общество активизировало свою отчетную деятельность, направляя документацию в Центральное бюро краеведения и в Российский отдел научных учреждений Главнауки (г. Москва), в Академический центр Кирнаркомпроса, и в Кирнакомвнудел (г. Оренбург) (Ибраев, 2015: 72).

В целом, в большинстве работ кратко излагается история создания Академического центра (Наука советского Казахстана, 1981: 29; Ермекбай, 2016: 103).

В недавно опубликованной коллективной монографии, посвященной системе светского образования и просвещения, написана об отдельных функциях Академического центра. Согласно данной работе, Академический центр и подчиненные ему отделы разрабатывали правила присвоения ученых званий и должностей. Так, Академический центр разработал проект Положения о присвоении ученого звания профессора в КАССР. Комиссия отделов народного образования рассмотрела рецензии на научные труды и учебники, учебные пособия, представленные в Государственное издательство. Например, научная и методическая значимость подготовленных рецензий на Руководство по проведению культурно-просветительской работы на местах В.А. Еловикова, справочник для работников просвещения В.Я. Струминского, работа о деятельности государственного творческого совета и его развитии В.А. Еловикова была высокая. Кроме того, было рассмотрено и дополнено Положение о переходе творческих мастерских главного политико-просветительского комитета на хозяйственные средства и т. д. (Қазақстандағы оқу-ағарту жүйесі..., 2022: 41).

В рассматриваемой монографии указано о том, что за годы руководства А. Байтурсынова Наркомпросом Академический центр начал всестороннее и разнонаправленное изучение традиций и истории казахского народа, особенностей казахской степи. В целом были представлены основные направления деятельности, которыми занимался Академический центр (Қазақстандағы оқу-ағарту жүйесі..., 2022: 107).

Проанализировав выводы и заключения, отраженные в вышеизложенных трудах, отмечаем историческую значимость и ценность их в восстановлении истории Академического центра. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что история Академического центра не была объектом специальных научных исследований и полностью не изучена.

4. Результаты

До 24 октября 1921 года действовал Научный сектор с отделами: научный, музейный, Главное архивное управление, Главный художественный комитет. Научный отдел работал в двух направлениях: чисто научном и практическом.

Научная работа сосредотачивалась в научных обществах: Общество изучения края, Научно-педагогическом и Физико-математическом. Эти общества возникли по инициативе отдельных научных работников г. Оренбурга и Научный отдел использовал их, оказывая возможное денежное вознаграждение. Общество изучения края и Научно-педагогическое общество выделились по трудоспособностью. В работе Общества изучения Киркряя следует отметить подготовленный к печати большой научно-популярный труд по истории казак-киргизского народа в древние времена и средние века (более 400 страниц). Подобран материал по изучению прошлого Башкирского земледелия в первую половину XIX века. Осуществлен сбор и обработка материалов по изучению киргизской устной словесности. Записано более четырехсот киргизских песен и игр, зарисовано большое количество киргизского орнамента. Также были собран и обработан значительный материал по лекарственным растениям Башкирии и Киргизии.

Научно-педагогическое общество дало ряд докладов на темы «Теория и практика трудовой школы» и предприняты меры к обследованию состояния существующих школ 1-й и 2-й ступеней, но из-за нехватки средств эта работа была приостановлена.

Научным отделом налажено библиотечное дело. Бывшие библиотеки Оренбургской архивной комиссии и Оренбургского географического общества приводились в порядок. Также научный отдел принимал большое участие в организации выставки на тему: «Минеральные богатства Киргизского края и его геологическое прошлое». И в работах по организации Оренбургского отделения Московского археологического института были приняты меры к объединению научной работы края и установлены связи с местами. В Уральске и Кустанае открыты отделения Общества по изучению Киркряя (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 61. Л. 38).

Постепенно сфера деятельности Академического центра расширилась. Всего в Академическом центре работало около десяти сотрудников. Состав сотрудников Академического центра на 1 января 1922 г. был следующим: 1) А. Байтурсынов – председатель совета, председатель Академического центра; 2) А.П. Лошкарев – ученый секретарь Государственного ученого совета (ГУС); 3) И.В. Кусков – председатель Государственного художественного совета (ГОХС), ученый секретарь; 4) А.В. Затаевич – председатель секции музея; 5) А.П. Михайлов – председатель Главка, научный сотрудник Главархива; 6) А.Л. Мелков – председатель Главка, научный сотрудник Главмузея; 7) В.П. Ильинский – зав. секретариатом/секретарь Коллегии Академического центра; 8) Р.В. Овчинникова – начальник канцелярии; 9) И.И. Антипов – делопроизводитель; 10) Е.И. Павлова – регистратор. А должность председателя секции Лито и машиниста были вакантны (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 97а. Л. 62).

1922 г. Академический центр пополнился обществом «Науки и труд» (с мая т.г.), «Семипалатинским отделом Русского географического общества» и Центральным краевым музеем. Все общества были расположены в г. Оренбурге, за исключением Семипалатинского. Отделения обществ в других городах Кирреспублики, считались филиалами оренбургских обществ и не находились в непосредственном ведении Академического центра. Музеи на местах также находились в ведении или Губернского отдела народного образования (ГубОНО), или отделений обществ (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 617. Л. 16).

А в 1924 г. в Академическом центре был создан Киргизский научно-литературный совет, имеющий своей целью: а) составление и перевод на киргизский язык учебников и учебных пособий для киргизских школ 1 и 2-й ступени, б) выработка киргизского языка и научных терминов, в) перевод на киргизский язык политической и политико-просветительной литературы, г) научную и литературную работу. Также в центре работала Научно-методическая секция (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 823. Л. 54).

Киргизский научно-литературный совет издал и подготовил к печати около 30 наименований книг на киргизском языке переводных так и оригинальных трудов, главным образом учебники для школ 1 и 2 ступени, а также по общим политико-просветительным и педагогическим вопросам (незначительное количество). Существенной работой являлся созыв в июне месяце 1924 г. съезда научных киргизских работников (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 823. Л. 54).

Музейный отдел Академического центра организовал Краевой музей и устраивал лекции и выставки. В музей входили три отдела: исторический, этнографический и общественно-бытовой. Организованы две выставки на темы «Геологическое прошлое Оренбургского края» и «Минеральные богатства Кирккрая». На эти же темы были прочтены лекции. Была организована выставка изделий слепых из «Дома для слепых». Разработан план экскурсий для широких масс и осуществлена подготовительная работа по организации выставок по зоологии и ботанике. Организован институт наглядных пособий. При нем функционировала мастерская по изготовлению диапозитивов, которая изготовила за 1921 год 7000 диапозитивов (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 61. Л. 380б.).

Институтом наглядных пособий организовано два сборных пункта в с. Ермоловка и Претории, которые на месте вели работу по изготовлению естественноисторических пособий, гербариев, коллекций препаратов. Но работа означенных пунктов велась слабо и в силу крайних тяжелых материальных условий.

1922 г. музей был перемещен в новое здание. И два месяца ушло на ремонт нового помещения. Основные коллекции музея были получены: из бывшего реального училища, от архивной комиссии, от географического общества, от реквизиционной комиссии, от церкви. В музее действовали отделы: археологический, нумизматический, палеонтологический, военно-бытовой, местно-бытовой, изящных искусств и старинных русских древностей, естественноисторический, дошкольного воспитания, всего 9. Позже все отделы были сгруппированы в два: Отдел природы и Историко-этнографический. Так как волна сокращений штатов коснулась и музея, вместо 16 чел., фактически было только 9 (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 617. Л. 17).

В работе музея главную роль играли разборка экспонатов, составление их описаний, систематизация, этикирование, каталогизация и составление путеводителя. Разборка экспонатов после спешного переезда музея в новое помещение сильно усложнилась отсутствием систематических каталогов. Отсутствие путеводителя по музею усложняло работу, особенно при недостаточном штате служащих, которые могли бы рассказать об экспонатах. Пополнение музеев экспонатами в виду ограниченности средств можно сказать за 1924–1925 гг. не было, если не считать единичных случайных приобретений. Поэтому идея о создании при музее отделов сельского хозяйства и кустарной промышленности до самого последнего времени оставались не осуществленной. Только с прибытием экспонатов с сельскохозяйственной выставки началась их разборка и таким образом положена основа этим отделам.

Если говорить о посещаемости музея, то за последний квартал 1922 г. его посетило 3436 лиц, организованы 76 экскурсий. Число посетителей составляли главным образом учащиеся различных школ. Заведующие отделами проводили экскурсии при посещении музея группами. Следует отметить, что кроме обзора экспонатов нередко были случаи зарисовки тех или других экспонатов посетителями.

В музее регулярно проводились лекции публичного характера и научного характера. Доклады краеведческого характера были сделаны в основном членами Общества изучения Киргизского края и касались главным образом биологии края и, в частности, окрестности Оренбурга.

Из губернских музеев Семипалатинский находился в ведении Западносибирского географического общества и обслуживался всего 3-мя единицами, выделяемыми ГубОНО при числе экспонатов около 4000. Посещаемость в среднем 25–30 чел. Уральский губернский музей обслуживался всего одним лицом. Работали два отдела – географический с 636 экспонатами, историко-этнографический – 183 экспонатами. Посещаемость Семипалатинского музея составляла 25–30 человек в день (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 823. Л. 17).

История становления архивного дела в республике также связана с периодом деятельности Академического центра. 15 апреля 1921 г. Михайлов был назначен на должность заведующего Главархивом Кирреспублики. 16 апреля начинается работа по организации архивного дела в Кирреспублике. Положение архивного дела в последние годы гражданской войны стало катастрофическим. Масса архивов совершенно уничтожены, особенно военные, дело разрушения которых производилось солдатами и несознательной частью населения. Главархив выработал план, который в общих чертах заключался в следующем: 1) создание центрального краевого архива в г. Оренбург с секцией архива революции и Справочной научной библиотеки в нем и 2) организация губернских архивных фондов 7-ми в губернских городах и одного в форте Александровске для автономного Адаевского уезда. Организация центрального краевого архива была произведена благодаря тому, что в г. Оренбург уже существовал Губархив (с конца 1919 г.) который вмещал в себе значительное количество архивных материалов и имел помещение. Поэтому и был преобразован с 1-го сентября 1921 г. в Центральный краевой архив (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 61. Л. 450б.).

Во второй половине 1921 года было перевезено до 30 архивов, из них некоторые весьма солидные, как например, архив бывшей научной архивной комиссии (до 150 возов) и Архив быв. Тургайского управления (34 воза). Крупные архивы распределены по отделениям и скалам, а 5 архивов окончательно разобраны и приведены в полный систематически порядок по годам, месяцам, числам, номерам и т.д. Необходимо было составить описи дел: 1) архив бывшего Тургайского правления, 2) Оренбургского губернского Жандармского правления, 3) Оренбургского полицейского управления Ташкентской ж. д., 4) Дворянской опеки, 5) Оренбургского горного округа и 6) часть бывшей Канцелярии Оренбурга.

В становлении и развитии архивного дела в Казахстане способствовали научно-исторические учреждения соседних регионов (Омская губерния). Студенты Томского университета помогали летом 1921 г. разрабатывать материалы в архивах Омска, Петропавловска, Семипалатинска. Туркестанский испарт при участии Н. Тюракулова, С. Асфендиарова, А. Рахимбаева и других обнаружил и сохранил архивы крайкома РКП(б), Семиреченского охранного отделения, ряд материалов по истории восстания 1916 г.

Идейная руководящая роль предоставляется в научном отношении Государственному Ученому Совету, а в Художественном – Государственному Художественному совету. Эти два органа являлись важнейшими в работе Академического центра, и на организации их работ было обращено самое серьезное внимание (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 61. Л. 380б.).

Коллегией Академического центра были рассмотрены и приняты инструкции к положению о Государственном ученом совете, Государственном художественном совете, Главмузея и Главархива (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 61. Л. 39).

ГУС при Академическом центре Кирнаркомпроса являлся высшим государственным органом, руководящим, объединяющим и контролирующим всю научную и научно-просветительскую деятельность в Кирреспублике (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 134. Л. 13).

ГУС состоял из председателя, ученого секретаря и членов по одному от каждой Государственной научной организации, работающей в краевом масштабе (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 134а. Л. 19).

Работа Государственного ученого совета проводилась по двум направлениям: научному и научно-методическому. В ходе научной работы была организована работа по изданию научных и художественных произведений, имеющих большую значимость для Киргизской Республики, критическому рассмотрению и оценке подвергались все труды, издаваемые в Киргизском крае. Так, Академическим центром выпущены и подготовлены к печати следующие труды: «Бекет» Анненковой Бернад, «Собрание киргизских песен» А. Затаевича, «Собрание киргизских орнаментов» А. Четыркиной.

В целях развития научной работы на местах Академическим центром было разослано до 40 «Писем Акцентра» об организации научной работы на местах по различным губерниям и частным лицам, способным заниматься наукой. И были получены ответные письма с мест, уведомляющие, что к организации научной работы на местах приступили. Сущность этой работы, согласно указаниям Акцентра заключалась в сборе различных памятников киргизской культуры, в разработке архивных материалов, в написании научных сочинений, освещающих быт Киргизии. Например, из Кустаная были присланы в Академический центр «Киргизские сказки».

А по научно-методической работе можно считать разрешенными вопросы: а) о единой схеме народного образования, б) о типичных программах для школ профессионального образования, в) о программах для школ соцвоса, г) о примерных учебниках для школ 1-2 ступени, д) о программах занятий в клубной, библиотечной финансово-налоговой секциях Совпартшколы. Для развития научно-методической работы на местах Акцентром Кирнаркомпроса разработана и разослана по всем ГубОНО «Инструкция о развитии научно-методической работы Совета при каждом ГубОНО (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 617. Л. 14-15).

Академический центр тщательно просматривал и подвергал проработке все учебные планы и программы местных школ, учебных и просветительных заведений, представляемые в Наркомпрос на

утверждение. Сущность данной работы выражалась в том, что, не меняя основных принципов трудовой школы, установленных в центре, Акцентр вносил в учебные планы и программы такие изменения и дополнения, которые вызывались национальными особенностями киргиз и конкретными условиями местного края. На этом основании программы почти всех предметов Акцентр пополнял сведениями из местного материала: например, в курс географии вносился отчет о географии местного края, в курс политграмоты - сведения об органах местного самоуправления и т.п. Для киргизских школ программы составлялись заново.

Еще одной важной работой научно-методических органов Акцентра составляла разработка и проверка работ в коллективах школьных работников КССР. Третья, очень важная работа заключалась в наблюдении и руководстве за постановкой научно-методической стороны преподавания в местах опытно-показательных учреждениях и школах. Особое внимание в научно-методической сфере уделялось изданию учебников и учебных научно-методических пособий для школ местного края (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 823. Л. 15-16).

В первые месяцы 1924 г. на основании распоряжения из Наркомпроса РСФСР разрабатывается проект и положение об организации деятельности научно-методического бюро при Академическом центре. Был выработан план обследования и отчетности о постановке научно-методической деятельности преподавания и обучения в опытно-показательных школах и учреждениях КССР. Даны заключения по отчетам о научно-методической работе на местах. Установлены термины по политической экономии, теории словесности казахского языка и кодексу Законов. Проведена организационная работа по созыву Съезда научных работников и была составлена программа Съезда (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 823. Л. 23).

На съезде присутствовали представители Бухары, Хивы, Туркестана, Москвы и др. Основными вопросами съезда были: вопрос о киргизской транскрипции, о киргизской орфографии, о программах ГУСа и киргизских школах, о сохранении памятников киргизского искусства и старины (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 823. Л. 54).

Академический центр объединил ведущих представителей интеллигенции того времени, таких как: М. Дулатов, М. Джулдыбаев, К. Жубанов, Б. Майлин, Е. Омаров, Ш. Сарыбаев, С. Сейфуллин, Т. Шонанов и других. Руководство учреждения высказало свою позицию по оказанию помощи, поддержки отдельным лицам, внесшим значительный вклад в изучение истории и этнографии казахов и т.д. В свое время А. Затаевич написал председателю КирЦИК тов. Мендешеву 6 августа 1922 года заявление, где ученый просил переселиться семьей в Москву и для этого перевести его в Киргизское представительство в Москве. Он хотел в Москве организовать музыкальную лабораторию для киргизов. Исследователь, отмечая значимость своего труда в сборе, изучении музыкального искусства казахского народа, просил оказать единовременную материальную помощь при переезде в другой город (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 97а. Л. 495-496). По поводу данного письма А. Затаевича председатель Академического центра, А. Байтурсинов выразил свое мнение и направил Наркому просвещения КССР. По его суждению, А. Затаевичу не только следует выдать помимо проездных на семью денег, - особое пособие, достаточное для того, чтобы подняться с места и устроиться в дорогой ныне Москве. Но и обеспечить его в Москве такими средствами (персональный оклад, паек, квартира хотя бы на первое время), которые не создавали бы для него необходимости растрчивать свои немолодые уже силы совмещением многих должностей ради заработка, а предоставляли бы ему большую свободу дальнейшей работы для киргизского народа (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 97а. Л. 501).

Академический центр принял участие в работе по организации предоставления научным работникам академических паек (ежемесячных пособий). Сотрудники заполняли анкеты, готовили списки.

В информации, направленной в управление комиссии по снабжению рабочих, председатель Академического центра А. Байтурсинов объясняет ситуацию по этому вопросу. Вследствие обширности территории КССР и слабого развития путей сообщения сведения о количестве научных работников из большинства губерний не получено. Между тем научно-исследовательская работа ведется в Уральской, Кустанайской, Семипалатинской, Букеевской губ. Вследствие вышеизложенного, число лиц имеющих право на получение академического пайка нужно удвоить. Таким образом, на Кирреспублику по самому скромному расчету необходимо забронировать хотя бы 250 акад. паёков. (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 140. Л. 18).

Так, в управление комиссии по делам обеспечения работников при Совнарком просвещения 23.12.1921 г. направлены дополнительные документы по делам №221, №222 от 20.06.1922 г. №3101. В нем перечислены лица, которые должны получать академические пособия. Среди них были и преподаватели педагогического техникума, института народного образования, рабочего факультета, губернских советско-партийных школ, Оренбургского отделения Московского археологического института, индустриального техникума и т.д. Всего в списке - 63 человека (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 140. Л. 24-25).

Период работы Академического центра совпал с годами голода. В связи с этим организация разработала свой план 21 декабря 1921 года. Академический центр, как организация чисто

теоретического характера, не имеющая в своем непосредственном ведении никаких аппаратов с практической функцией, был в состоянии:

- Давать силами своих сотрудников концерты, устраивать научно-популярные лекции, чистый доход с которых должен поступить в пользу голодающих,
- Отдавать весь сбор с посетителей краевого музея в пользу голодающих,
- Принять меры к исследованию некоторых снабженных корневищами растений, употребляемых киргизами в пищу при голоде в весеннее и летнее время, например, суйрика, борыка, буулдыка и карга-туяка,
- Использовать диапозитивную мастерскую для организации выставки «Ужасы голода» (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 136. Л. 6).

Академический центр в отчете по борьбе с голодом приводит свое мнение о причинах, следствии и путях решения данной проблемы. Одной из причин стали периодически повторяющиеся неурожаи, которые были естественной особенностью климата КССР. И массовое уничтожение рабочего скота обескровило крестьянское хозяйство. Развитие болезней и смерть от голода повлекли за собой резкое уменьшение количества населения и временную или постоянную инвалидность оставшихся в живых. Просвещение резко упало, школы закрыты, много беспризорных детей, среди них естественно должна развиваться преступность. На работе Академического центра голод отразился слабою работою ГУБОНО голодающих губерний и невозможностью организовать Губархивы не говоря уже о Губмузеях. Научная деятельность, требовавшая средств от Кирнаркомпроса, почти замерла. Работа Академического центра выразилась в устройстве в ЦК Музее особой витрины с голодным хлебом и участием сотрудников Красном Караване. Помощь оказывали путем пожертвования удержаний содержания. Принять меры направленные к устранению неурожая: распространение правильной культуры в условиях засушливой местности; мелиоративные работы; охрана лесов (ЦГА РК Ф.81. Оп. 1. Д. 136. Л. 37).

Таким образом, академический центр активно трудился, вмешиваясь в жизнь общества.

В целом можно подытожить, что академический центр официально проработал почти пять лет. Так как с октября 1921 г. возобновил работу ранее научного сектора, а затем в 1926 г. был преобразован в научный и научно-методический совет.

Как указано в протоколе №42 заседания коллегии Совнархоза просвещения от 28 марта 1926 г. рассмотрен вопрос о реорганизации Академического центра. С докладом выступил Жолдыбаев. Затем было принято постановление и академическому центру присвоено название "научный и научно-методический совет" (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1134. Л. 62).

5. Заключение

Академический центр стал первым государственным учреждением, созданным в августе 1921 г. при Киргизском (Казахском) Наркомпросе для организации научно-исследовательской работы. Направления деятельности Академического центра дополнялись, масштабы работ расширялись с каждым годом. В его составе в разное время были Государственный ученый совет, Государственный художественный совет, Киргизский (Казахский) научно-литературный совет, Центральный краевой музей (главный музей), главный архив и т.д. и несколько общественных организаций такие как: Общество изучения киргизского края, Семипалатинское отделение Русского географического общества, Физико-медицинское общество, Общество науки и труда. Несмотря на то, что общественные организации создавались и функционировали по частной инициативе, правительство периодически выделяло специальные средства для организации их работы. Штат Академического центра насчитывал около десяти человек. Первым его председателем стал А. Байтурсынов, затем возглавил К. Токтабаев, М. Джулдыбаев.

Основная деятельность академического центра была связана с общим теоретическим и программным руководством. Организация объединила вокруг себя представителей интеллигенции того времени, которые плодотворно трудились на благо страны.

Академический центр в Казахстане также стал одним из очагов распространения культуры. Были изучены традиции и этнография, культура и история казахского народа, популяризированы. На местах проводились массовые культурные мероприятия, читались лекции, доклады, пополнялись библиотечные фонды, собирались экспонаты, налаживалась работа по реставрации, по сохранению древних памятников и произведений искусств.

Таким образом, академический центр в 20-х гг. XX в. выполнил свою миссию по организации деятельности в сферах образования, науки, культуры и просвещения Казахстана.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Просветительская деятельность общественных организаций Казахстана в первой четверти XX века» (регистрационный номер: АР 09260737).

Литература

- Ахметова, 1982** – Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 168 с.
- Ермекбай, 2016** – Ермекбай Ж.А. Формирование и развитие науки Советского Казахстана // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 413. С. 103-110.
- Ибраев, 2015** – Ибраев Г.М. История развития краеведения Казахстана // *Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің хабаршысы*. № 1 (44) 2015. Б. 69-76.
- Культурное строительство..., 1965** – Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.) Сборник документов и материалов. / Сост.: М. А. Абдулкадырова, С. С. Голубятников, А. Г. Кукушкина и др. Алма-Ата: Казахстан, 1965. 300 с.
- Қазақстандағы оқу-ағарту жүйесі..., 2022** – Қазақстандағы оқу-ағарту жүйесі: тарихы мен тағылымы (1920-1930 жылдар) Ұжымдық монография. [Авт.: А.Т. Қайпбаева, О.Х. Мұхатова, А.М. Әбікей т.б.]. Алматы: «Мадияр» ЖК, 2022. 320 б.
- Наука советского Казахстана, 1981** – Наука советского Казахстана. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казаской ССР, 1981. 300 с.
- Нусупбеков, Покровский, 1960** – Нусупбеков А.Н., Покровский С.Н. Шахматов В.Ф. Развитие исторической науки в Казахстане. В кн.: Наука Советского Казахстана за 1920-1960 гг. Алма-Ата. Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. С. 559-590.
- ОГАОО** – Объединенный государственный архив Оренбургской области
- Октябрь и наука Казахстана, 1967** – Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казаской ССР, 1967. 575 с.
- Таукибаева, 1999** – Таукибаева Ш.Ж. Становление государственных учреждений Казахстана по образованию, культуре и науке (1917-1936 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Алматы, 1999. 32 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- Akhmetova, 1982** – Akhmetova, S.Sh. (1982) Istoricheskoe kraevedenie v Kazakhstane [Historical local lore in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan, 168 p. [in Russian]
- Ermekbai, 2016** – Ermekbai, Zh.A. (2016). Formirovanie i razvitie nauki Sovetskogo Kazakhstana [Formation and development of science in Soviet Kazakhstan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 413: 103-110. [in Russian]
- Ibraev, 2015** – Ibraev, G.M. (2015). Istoriya razvitiya kraevedeniya Kazakhstana [History of the development of local history of Kazakhstan]. *Korkyt Ata atyndagy Kyzylorda memlekettik universitetinin khabarshysy* [Bulletin of Korkyt Ata Kyzylorda State University]. № 1 (44) 2015. P. 69-76. [in Russian]
- Kazakstandagy oku-agartu zhuiesi..., 2022** – Kazakstandagy oku-agartu zhuiesi: tarikhy men tagylymy (1920-1930 zhyldar) Uzhyndyk monografiya [Educational system in Kazakhstan: history and lessons (1920-1930) collective monograph]. [Avt.: A.T. Kaipbaeva, O.Kh. Mukhatova, A.M. Abikei ect.]. Almaty: «Madiyar» ZhK, 2022. 320 p. [in Kazakh]
- Kul'turnoe stroitel'stvo..., 1965** – Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazakhstane (1918-1932 gg.). Sbornik dokumentov i materialov [Cultural construction in Kazakhstan (1918–1932) Collection of documents and materials]. Sost.: M.A. Abdulkadyrova, S.S. Golubyatnikov, A.G. Kukushkina i dr. Alma-Ata: Kazakhstan, 1965. 300 p. [in Russian]
- Nauka sovetskogo Kazakhstana, 1981** – Nauka sovetskogo Kazakhstana [Science of Soviet Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazaskoi SSR [Publishing house «Nauka» of the Kazakh SSR], 1981. 300 p. [in Russian]
- Nusupbekov, Pokrovskii, 1960** – Nusupbekov, A.N., Pokrovskii, S.N. Shakhmatov, V.F. (1960). Razvitie istoricheskoi nauki v Kazakhstane. V kn.: Nauka Sovetskogo Kazakhstana za 1920-1960 gg [Development of historical science in Kazakhstan. V kn.: Science of Soviet Kazakhstan for 1920-1960]. Alma-Ata. Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR [Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. Pp. 559-590. [in Russian]
- ОГА ОО** – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg region].
- Oktyabr' i nauka..., 1967** – Oktyabr' i nauka Kazakhstana [October and Science of Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazaskoi SSR. 1967. 575 p. [in Russian]
- Taukibaeva, 1999** – Taukibaeva, Sh.Zh. (1999). Stanovlenie gosudarstvennykh uchrezhdenii Kazakhstana po obrazovaniyu, kul'ture i nauke (1917-1936 gg.) [Formation of state institutions of Kazakhstan for education, culture and science (1917-1936)]. Avtoref. diss. ... k.i.n. Almaty, 32 p. [in Russian]
- TGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Роль Академического центра в развитии образования, науки и просвещения Казахстана (1921–1926 гг.)

Ауезхан Кадиржанович Шашаев^a, Шамек Баянович Тлеубаев^a,
Нургуль Нурсултановна Курманалина^{a,*}, Белоус Светлана Геннадьевна^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история деятельности Академического центра при Киргизском (Казахском) народном комиссариате просвещения (1921–1926 гг.).

В изучении данной тематики следует учитывать труды, в которых изучены деятельность общественных организаций, их членов, вклад интеллигенции в изучении края. Например, научных трудов посвящённых деятельности Общества изучения Казахстана не мало, но в данном случае конкретным объектом исследования является Академический центр. А работа данной общественной организации считалась одним из многих направлений деятельности Академического центра. Поэтому в данном исследовании предполагается более детально раскрыть разносторонние аспекты деятельности Академического центра.

Исторические источники были получены из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан, объединенного государственного Оренбургского областного архива Российской Федерации. Данные материалы раскрывают разноплановую деятельность Академического центра.

Академический центр стоял у истоков формирования и развития архивного дела, музейного дела, издательского дела, светского образования, научной и просветительской деятельности на государственном уровне. Внес свой вклад в ликвидации неграмотности. Академический центр был одним из главных учреждений, где была наиболее сплочена казахская интеллигенция.

Академический центр в научно-исследовательской деятельности опирался на ряд научных организаций, таких как Общество изучения Казахстана, Научно-педагогическое общество и Физико-математическое общество, Наука и труд, оренбургское отделение Русского географического общества.

Ключевые слова: Академический центр, Народный комиссариат просвещения, образование, наука, просвещение, Главмузей, Главархив, Государственный ученый совет, Государственный художественный совет.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nurgulca@mail.ru (Н.Н. Курманалина)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1570-1580
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1570

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical and Bibliographic Study of the Development of Archeology in the Russian Empire

Irina V. Sukhareva ^{a, *}, Gelysya F. Kayumova ^b, Abidat A. Gazieva ^c

^a Ufa State Petroleum Technical University, Russian Federation

^b Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

^c Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The attention to the experience of predecessors in science is dictated by the need to assess the level of development of today's knowledge. This experience is often undeservedly forgotten. That leads to mistakes and misunderstandings. Archaeology is no exception. It is closely connected with modernity, as it allows us to trace the origins of many current ideas, ideas, traits of the national mentality. The policy of the Russian state in the field of archeology development can be enriched by the experience of the state policy of the Russian Empire, an experience that turns out to be instructive and in many ways applicable now. This is due to the relevance of this work. The study of historiography is constructed in accordance with the division into three conditional blocks. The first historiographical block includes works devoted to the development of archeology in Russia as a science and state policy in this direction. To the second – works on the historiography of archeology of individual periods and regions, to the third – the personalities of the pioneers of the national archaeological science. Since the historiographical part accompanies any archaeological work, the article draws attention to the works of recent years, the distinctive feature of which is the appeal to archival materials, the introduction of new sources into circulation. It is such works that the main attention is paid in this article. The use of archaeologists' archives allows modern researchers to reveal new facets of scientific and pedagogical creativity of the pioneers of Russian archaeology and dispel the established scientific myths associated with their activities. As a result of the research, new directions in historiography are highlighted and a conclusion is made about the need to form a new type of scientist – archaeologist-historiographer who has information on various aspects of the humanities, which corresponds to the interdisciplinary nature of modern knowledge.

Keywords: historiography of archeology, history of archeology, Russian Empire, I.E. Zabelin, A.S. Uvarov, A.A. Formozov, L.S. Klein.

1. Введение

Теоретические и эмпирические исследования в рамках любой науки не могут состояться без обращения к ее истории. Понять и верно оценить уровень развития знания сегодня невозможно без внимания к опыту предшественников. Опыту, который часто оказывается незаслуженно забытым. Все сказанное относится и к археологии. Наука о древнейшем прошлом человечества, об истории бесписьменных народов или народов, письменная традиция которых может быть дополнена привлечением материальных источников, непосредственно связана с современностью. Археология раскрывает истоки происхождения многих современных реалий, идей, культурных явлений, помогает человеку XXI века лучше понять себя, свое место в жизни и в историческом процессе. Поэтому обращение к истории археологического знания представляется актуальным.

* Corresponding author

E-mail addresses: ira.sarigel@yandex.ru (I.V. Sukhareva), Gulfar2@mail.ru (G.F. Kayumova), gazieva.abidat@mail.ru (A.A. Gazieva)

Археология оперирует материальными источниками, и против ее доказательств трудно что-либо возразить. Беря свое начало в первых кладочислательских раскопках, она открывала памятники искусства древних народов, часто являвшиеся настоящими шедеврами, украшающими ведущие государственные музеи, в том числе и Императорский Эрмитаж, пополнение коллекций которого являлось актом государственного престижа. Изучение государственной политики Российской империи в области археологии обогащает наши знания тем опытом, который оказывается поучительным и зачастую применимым в современности. Без сохранения исторической памяти о прошлом, сбережения и научной реставрации древнейших вещественных памятников невозможно адекватно построить настоящее и создавать будущее. Поэтому именно сейчас представляется актуальным обращение к историографии – археологической науки, интерес к которой в последнее время закономерно возрос.

2. Материалы и методы

Данная работа носит историографический характер. Материалами для нее послужили публикации XX – начала XXI веков, посвященные истории археологической науки. Археологическое знание имеет регионально-хронологическую специфику, что наложило свой отпечаток и на характер историографии. Каждое археологическое исследование сопровождается обзором историографии вопроса. В нашей работе мы остановимся на трудах, посвященных именно историографии археологии.

Вся историография может быть условно разделена на три блока. К первому относятся работы, посвященные развитию археологии в России как науки и государственной политике в этом направлении. Второй блок составляют труды, в которых рассматривается развитие археологии отдельных периодов и регионов. Третий блок представлен персоналиями российских археологов, большинство из которых в рассматриваемый нами период (конец XIX- начало XX веков) могут быть смело названы пионерами отечественной археологической науки. В современной историографии археологии Российской империи намечаются еще ряд направлений, как, например, изучение деятельности отдельных учреждений или терминологическая работа археологов. Появление таких работ, возможно, послужит началом для формирования новых историографических блоков.

Данная работа является не только историографической, но и библиографической. Нами рассматриваются сначала монографии и обобщающей труды, а потом статьи в журналах и сборниках публикаций.

В ходе исследования использованы такие методы, как сравнительно-исторический. Он позволяет сравнить точки зрения отдельных авторов на процесс развития археологической науки, оценку деятельности различных археологов. Deskriptivный метод применен для описания концепций отдельных авторов, касающихся характеристики уровня развития археологической науки в Российской империи и персоналий археологов. Основным в историографическом исследовании, особенно по историографии археологического знания, является принцип объективности, который позволяет раскрыть суть концепции того или иного автора без добавлений и замалчиваний. Мы искренне благодарим коллег: М.М. Вагабова, Ю.Г. Кокорину, Л.Г. Хуснутдинову и других авторов за возможность воспользоваться неопубликованными материалами.

3. Обсуждение и результаты

Поскольку наша работа носит историографический характер, практически вся она может быть отнесена к этому разделу. В данном разделе мы хотели бы остановиться на работах, которые могут быть отнесены к первому из названных выше блоков – работах обобщающего плана, посвященных истории развития археологии в Российской империи.

«Большое видится на расстоянии». Поэтому первым в ряду российских ученых, посвятившим свои работы развитию археологической науки в России, прежде всего рассматриваемого периода, может быть назван А.А. Формозов (1928–2009). В данном разделе мы рассмотрим его труды обобщающего характера. А работы по истории археологии отдельных периодов и персоналиям российских археологов укажем далее.

Одна из первых обобщающих работ исследователя – «Очерки по истории русской археологии» (Формозов, 1961) определила цель исканий автора «говорить не столько о полевых открытиях русских археологов, сколько об идеях ученых» (Формозов, 1961: 8). История археологии Императорской России начинается им с Допетровского времени, но основное внимание уделено эпохе Петра Первого как началу сбора «курьезитетов». С присоединением Северного Причерноморья в России формируется античная археология, и автор приводит ценные факты из биографии ее основателей И.А. Стемпковского (1789–1832) и П. Дюбрюкса (1770–1835) указывает на основные тенденции периода: увлечение античностью в эпоху классицизма и стремление выразить «русское в античных одеждах» художниками романтического направления. А.А. Формозов раскрывает деятельность А.Н. Оленина (1763–1843) президента Академии художеств и автора как археологических работ, так и учебного курса по археологии. Ценен анализ зарождения археологии палеолита и среднеазиатской археологии, обусловленный как присоединением новых территорий, так и общим развитием естественнонаучного знания. Ученый останавливается на деятельности пионеров славяно-русской

археологии З. Ходаковского (1784–1825) и В. Пассека (1808–1842) во многом опередивших свое время, практически первым дает характеристику классикам различных направлений отечественной археологии. Политике правительства России в области охраны памятников посвящена специальная глава монографии, в которой рассмотрены законодательные акты и постановления XVIII–XIX веков. В духе тогдашнего времени вывод о том, что «многое из созданного старой русской археологией органически вошло в фонд советской археологической науки. Этим и оправдывается наш интерес к дореволюционной русской археологии» (Формозов, 1961: 126). Свою цель – «показать развитие русской археологии не замкнуто, не само в себе, а на широком фоне русской жизни в связи с историей общества, историей культуры» (Формозов, 1961: 10), исследователь реализовал в других своих историографических работах (например, Формозов, 1983; Формозов, 1993), и подробный анализ его трудов еще впереди. Мы подробно остановились на данной монографии, поскольку она является хронологически первой в ряду работ обобщающего характера.

В 1992 году вышла монография Г.С. Лебедева (1943–2003) «История отечественной археологии. 1700–1917 гг.» (Лебедев, 1992). В которой российская археология рассматриваемого периода дана на фоне развития мировой археологии. Определены характеристики каждого из этапов: «Периода ученых путешествий» (1700–1825), «Оленинского периода» (1825–1846), «Уваровского периода» (1846–1884), «Постуваровского периода (1884–1889), «Спицыно-Городцовского периода» (1899–1919). Каждый из периодов, названных именами выдающихся российских археологов, определивших развитие науки в указанный период, рассмотрен по единой логической схеме, дан анализ основных теорий в советской археологии и их критика. Работа ленинградского автора ценна не только выявлением места российской археологической науки в мировом контексте, но и своими философскими обобщениями, в частности, о том, что «в эпоху НТР археология развивает объективацию ориентирующей функции до качественно нового уровня культурно-экологической перестройки общественного сознания, впервые в глобальном масштабе осознающего универсальную объективную необходимость непрерывного сохранения и преемственного развития исторической традиции и накопленного культурного фонда — одного из объективных условий будущего самосохранения человечества» (Лебедев, 1992: 450–451).

Обширную монографию посвятил истории российской археологии Л.С. Клейн (Клейн, 2014). Она открывается обоснованием периодизации истории российской археологии и общим обзором истории науки до начала 2000-х годов. На основе обширного круга публикаций исследователь выделяет периоды в истории российской археологии, в том числе и Российской империи, выделяя их особенности по сравнению с развитием науки о древностях в Западной Европе того же времени. Так, он отмечает, что интерес к археологии в России начался с изучения богатств Сибири, а не античности, и насаждался «сверху» как элемент западного образа жизни (Клейн, 2014: 38). Сквозь все оценки историографического плана в труде Л.С. Клейна прослеживается утверждение его позиций, высказанных в теоретических трудах ученого (Клейн, 1978; Клейн, 1992; Клейн, 2004): представление об археологии как источниковедческой дисциплине, выделяющей культурные типы. Этим, видимо, обусловлено его внимание к трудам Н.П. Кондакова (1844–1925) и его школы, включающей выдающихся археологов: Я.И. Смирнова (1869–1918), Б.В. Фармаковского (1870–1928), М.И. Ростовцева (1870–1952) (Клейн, 2014: 57). Им же посвящена глава в предшествующей монографии ученого, в которой речь идет о развитии археологической мысли, преимущественно за рубежом (Клейн, 2011: 657–678). Этим обусловлен упрек исследователя И.Е. Забелину в понимании археологии как исторической науки, что, по мнению Л.С. Клейна, обусловило «порочность советского определения археологии как параллельной истории и принес значительный ущерб практике советской археологии» (Клейн, 2014: 449). Работа Л.С. Клейна построена по принципу персоналий российских археологов, содержащих богатый фактический материал из опубликованных источников и авторскую оценку личностей пионеров археологического знания в России.

Все рассмотренные выше работы выполнены на основе опубликованных источников. Н.И. Платонова в своей работе по истории российской археологии середины XIX века – первой трети XX века использовала архивные материалы, что позволило уточнить известные характеристики и сместить устоявшиеся акценты (Платонова, 2010). Исследовательница рассматривает развитие археологического знания в России в политическом и культурном контексте российской истории, выявляет основные противоречия во взглядах ведущих археологов и организаторов науки, подчеркивает особенности двух школ в российской археологии в зависимости от взгляда на науку как гуманитарную или естественную дисциплину. Особую ценность работе Н.И. Платоновой придает публикация архивных материалов, иллюстрирующих взгляды основоположников первого направления – А.И. Спицына (1858–1931), А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), П.Ф. Преображенского (1894–1937). На основе широкого круга источников исследовательница рассматривает развитие взглядов сторонников второго – И.С. Полякова (1845–1887), А.И. Кельсиева (?–1885), А.А. Иностранцева (1843–1919) и других. Особое внимание в работе уделено формированию палеонтологической школы в России, приходящееся на рассматриваемый нами период, как и началу деятельности В.А. Городцова (1860–1945) и его школы. Таким образом, в изучении истории археологии Императорской России намечается переход от опоры на опубликованные источники к использованию архивов.

Второй историографический блок представлен работами, посвященными развитию отдельных направлений в археологии.

Начать рассмотрение данного блока необходимо с работы А.А. Формозова «Начало изучения каменного века в России» (Формозов, 1983). В ней рассказывается о предыстории изучения каменного века в России, сборе «громовых стрел» (как называли неолитические наконечники и топоры) и дан подробный анализ первых монографий по археологии каменного века, вышедших почти одновременно, в 1880–1883 годы. А.А. Формозов являлся специалистом по археологии каменного века, и в этом его труде исключительно удачно переплелись его профессиональные знания и умение историографа. Изучение данного этапа в Императорской России рассмотрено на широком культурно-историческом фоне, что является отличительной чертой книг А.А. Формозова. Собраны и проанализированы данные научной биографии И.С. Полякова (1845–1887), И.А. Иностранцева (1843–1919), А.С. Уварова (1825–1884) – авторов первых научных работ по археологии каменного века. А.А. Формозов доказывает необходимость не отбрасывать книги пионеров археологической мысли как устаревшие, а внимательно читать, так как в них есть «над чем поразмыслить и чему поучиться» (Формозов, 1983: 99). Работа исследователя написана, повторимся, на основе археологических публикаций.

Выход труда И.В. Тункиной, посвященного истории античной археологии в России первой половины XIX века (Тункина, 2002), публикация архивного наследия одного из первых российских археологов-античников П. Дюбрюкса (Дюбрюкс, 2010), как и другие труды исследовательницы, основаны на широком использовании архивных материалов. Опираясь на обширный круг источников, И.В. Тункина характеризует роль государства в развитии археологии античности в России, описывает особенности отношения к «антикам» в первой половине XIX века и приводит яркие подробности персоналий российских археологов-античников названного периода.

На основе архивных материалов, иллюстрирующих политику Российской Империи по отношению к археологии, написана работа А.С. Смирнова (Смирнов, 2011), в которой уделено основное внимание роли власти в развитии славяно-русской археологии. Исследователь объясняет это политическими причинами, прежде всего, идеологией царствования Александра III. С.П. Щавелев посвятил специальную статью рассмотрению данной монографии, сравнивая концепции А.А. Формозова и А.С. Смирнова, к которой мы и отсылаем заинтересованного читателя.

Обращение к архивным материалам при рассмотрении истории археологии в России становится устойчивой тенденцией в развитии отечественной науки. Роль Дома Романовых и Императорского правительства в развитии такого раздела археологии, как скифология, заключалось в «возглавлении, пусть номинальном, археологических обществ, также в направлении на руководящие должности в ИАК крупных государственных деятелей, в награждении археологов, открывавших богатые захоронения в скифских курганах, государственными наградами и в выделении значительных средств на раскопки курганов, на покупку у помещиков ценностей, обнаруженных в скифских курганах. Это выражалось в законодательной борьбе с разграблением курганов, в том числе и скифских. Все вышеизложенное особенно впечатляет в наши дни, когда разграбление скифских курганов, как и вообще так называемая «черная археология», достигли ужасающих размахов» (Kokorina et al., 2021: 1688).

Каждое археологическое исследование содержит историографическую часть, поэтому проанализировать все работы, затрагивающие историю развития археологии Российской империи, не представляется возможным. Мы останавливаемся в своей работе на трудах, использующих архивные материалы наряду с редкими опубликованными источниками, среди которых велика доля незаслуженно забытых. Так, тщательный анализ «Записок Одесского Общества истории древностей» (ООИД) позволил прийти к выводу, что, хотя «в фокусе научных интересов членов ООИД находилось антиковедение, ими внесен значительный вклад и в скифологию <...>. Члены ООИД были высокообразованными людьми, влюбленными в историю своего края, что позволяло им осуществлять историко-географические исследования, не потерявшие своего значения и в XXI веке» (Kokorina et al., 2022b: 184).

Самым объемным является третий историографический блок, включающий персоналии археологов Императорской России. Начиная разбор с монографий, необходимо отметить, что персоналиям археологов посвящены разделы практически всех работ, рассмотренных нами выше. Активно использовал архив выдающегося историка и археолога И.Е. Забелина (1820–1908) при написании монографии об исследователе А.А. Формозов (Формозов, 1984), в чем состоит особая ценность работы. Верный своим принципам изучения истории науки в связи с историей России изучаемого периода, А.А. Формозов рисует процесс формирования И.Е. Забелина как историка, археолога, гражданина. Однако некоторая тенденциозность в оценке археологической деятельности ученого, обусловленная, видимо, стремлением опровергнуть взгляды А.В. Арциховского (Арциховский, 1948) и М.И. Артамонова (Алексеев, 2004) высоко оценивавших полевою методикой И.Е. Забелина, стала причиной появления ряда мифов, распространившихся в археологическом научном сообществе. Так, А.И. Формозов считает, что «сотрудников: лаборантов, художников, фотографов либо каких-либо иных помощников у Забелина долгое время не было вовсе» (Формозов,

1984: 102). «Однако в фонде И.Е. Забелина хранится тщательно выполненный в красках план Чертомлыка с цветовым выделением каждого из слоев колец-подсыпок кургана и расположения погребений, выполненный с соблюдением масштаба и указанием объема каждой из подсыпок. Дано изображение кургана до раскопок и вертикальный разрез» (Kokorina et al., 2023b: 141).

В современной литературе ставятся в упрек И.Е. Забелину раскопки античных городов Северного Причерноморья, Фанагории и Ольвии, траншеями (Клейн, 2014: 443). «Но раскопки широкими площадями, применяемые в XX веке, требовали больших средств и значительного числа рабочих, на нехватку которых указывает сам Иван Егорович» (Kokorina et al., 2023b: 142).

Сомнительны утверждения, укоренившиеся в российской науке, о том, что И.Е. Забелин не докапывал курганы бронзового века и по незнанию не копал скифские могилы «под снос». Использование архивных материалов и дневниковых записей ученого открывает перед нами «образ внимательного и вдумчивого археолога, который тонко и глубоко эмоционально чувствовал природу древних памятников» (Kokorina et al., 2023b: 144).

И.Е. Забелин рассматривал археологию как воплощение национальной идеи. В живописании быта народа он видел «натуру истории», «а натура истории, как мы показали, есть археология. Ведь древним историческим веществом обладает только она. Можно больше сказать, именно археология со своей вещественной, реальной стороны, со стороны всякого рода памятников есть само искусство во всех его видах и формах и во всех степенях его развития». Исследователь «предупреждает от увлечения чрезмерной специализацией, мелкотемьем и эмпиризмом, что окажется свойством советской археологической науки XX века и с трудом будет преодолеваться в XXI веке» (Kokorina et al., 2023a: 614).

И.Е. Забелин разработал и воплотил авторскую программу преподавания археологии, которую он читал студентам Константиновского Межевого Института наряду с историей, российской словесностью и палеографией. Эта сторона жизни и деятельности вообще не исследовалась ранее и реконструируется только по материалам архива ученого. При этом обнаруживается, что «несмотря на то, что И.Е. Забелин преподавал российскую историю и археологию, готовя не профессиональных историков или археологов, а межевых инженеров, его подход к преподаванию содержит авторское видение задач каждой из наук. Археологию историк считал выражением частного, тогда как истории принадлежит общее. Поэтому «изложение истории надо начинать с описания быта личности, ее верований, жилища, пищи, одежды, занятий» (Kokorina et al., 2023c: 655).

При этом выясняется, что «не имея высшего образования, Иван Егорович стал не только выдающимся историком, но и талантливым педагогом. Он учил своих студентов понимать через древние вещи духовный мир народа, разрабатывал свой курс непосредственно по источникам письменным и материальным, указывал молодым людям на необходимость самостоятельного чтения литературы по истории. И.Е. Забелин использовал передовые для того времени педагогические технологии, в частности, принцип наглядности, добросовестно и внимательно относился к своим обязанностям, посвящая аудиторию и в тонкости работы с древностями, и обращаясь к археологической теории. Студенты высоко ценили своего педагога» (Kokorina et al., 2023c: 656).

Личность И.Е. Забелина-педагога раскрывается в его демократических убеждениях, перекликающихся с воззрениями К.Д. Ушинского (1823–1871). Остается только сожалеть, что бюрократические причины не позволили удовлетворить ходатайство друзей ученого о предоставлении ему места профессора Московского университета, где широкая эрудиция, педагогический талант и добросовестности ученого могли бы развернуться на благодатной почве. Личность и деятельность И.Е. Забелина столь масштабны и многогранны, что их оценка и подробный анализ на основе архивных материалов будут занимать еще не одно поколение ученых. Именно обращение к архивам позволяет развеять многие научные мифы, связанные с его жизнью и творчеством, и по-новому представить личность выдающегося археолога, которого А.В. Арциховский не случайно называл «русским богатырем» (Арциховский, 1948: 5).

В российском научном сообществе сложилась традиция противопоставления двух «титанов», двух выдающихся организаторов археологической науки, двух пионеров российской археологии – И.Е. Забелина и А.С. Уварова (Клейн, 2014: 697). Мы считаем подобное противопоставление во многом надуманным. Изучение историографии показывает, что «в литературе дореволюционного времени преобладало восторженное отношение к деятельности графа А.С. Уварова, кроме статьи А.А. Спицына (Спицын, 1905). Оценки личности и деятельности А.С. Уварова в советское время отражают условия политической конъюнктуры. Это отношение к А.С. Уварову как к основателю российской археологической науки (Готье, 1925; Жебелев, 1923) – и полное отрицание заслуг ученого (Равдоникас, 1930; Арциховский, 1947, Арциховский, 1955). Этапом в изучении личности и творчества графа А.С. Уварова стала работа А.А. Формозова (Формозов, 1993). Именно ее, дополнив сведениями о предках графа, изложил в своем труде Л.С. Клейн (Клейн, 2014)» (Kokorina et al., 2022a: 1198). Граф А.С. Уваров был инициатором создания Московского Археологического общества (МАО), издания Обществом первого археологического словаря на русском языке и его активным автором. Словарные статьи, написанные А.С. Уваровым, «выделяются на общем фоне благодаря его высокой культуре как ученого, высокой ответственности перед читателем словаря, стремлению создать в виде каждой

словарной статьи настоящее научное исследование. Таким образом, перед нами предстает масштабная личность талантливого историка, археолога, лингвистически грамотного человека, организатора науки, личность, настоящие масштабы которой нам еще предстоит оценить» (Kokorina et al., 2022c: 1201). Внимание к терминологической работе представителей российской исторической науки, словари которых включают и археологическую информацию, свойственно современной историографии. Так, выдающийся российский историк В.О. Ключевский составил курс «Терминология российской истории», при лингвистическом (параметрическом) анализе которого выделяется и археологический параметр, а «термины представлены в виде иерархически организованной системы, приведена этимология, выделяется инвариант «словарных статей» (Озтюрк и др., 2023: 168).

А.С. Уваров известен как организатор науки, и современные исследователи изучают различные аспекты многогранной деятельности А.С. Уварова: проведение археологических съездов в России (Пискотина, 2017), раскопки славянских могильников (Макаров, 2015), переписка ученого с деятелями культуры (Бархат, 1955; Кызласов, 2009), но ни в одном из них не упоминается педагогическая работа графа. Обращение к архиву исследователя позволило обнаружить интересный документ – конспект лекций по археологии, которые А.С. Уваров читал великим князьям Сергею Александровичу и Павлу Александровичу, сыновьям императора Александра II, в 1876 году. Изученные материалы позволяют утверждать, что А.С. Уваров был не только выдающимся археологом и организатором науки, но и «замечательным педагогом, лекции которого оставили глубокий след в душах его учеников и отразились на их дальнейшей деятельности. У Великих князей были талантливые учителя, в том числе и по истории, но понимание необходимости и важности археологических исследований, охраны памятников старины, создания музеев национального масштаба было сформировано, следует надеяться, в ходе обучения курсу археологии графа А.С. Уварова» (Kokorina et al., 2022a: 1837).

Среди современных изданий персоналий археологов необходимо назвать сборник документов из архива Д.И. Самоковасова (1843–1911), вышедший под редакцией А.А. Формозова (Археология..., 2007). Издание содержит письма выдающегося российского историка и археолога, что позволяет составить представление о деятельности археолога в рамках архивного дела и истории в целом. Мы рассмотрели работы, посвященные московским археологам. Петербургскими авторами изданы коллективные монографии, публикация которых стала этапом в развитии отечественной археологической историографии. Имеется ввиду издание документов, относящихся к личности и работе антиковеда и скифолога М.И. Ростовцева (1870–1952) – коллективные монографии «Скифский роман» (Скифский роман, 1997) и «Парфянский выстрел» (Парфянский выстрел, 2003). Авторы первого из названных изданий опирались не только на российские, но и на европейские и американские архивы, ввели в научный оборот большое число неизвестных ранее документов, среди которых – элементы эпистолярного и педагогического наследия ученого. Особую ценность представляет публикация лекций М.И. Ростовцева – «Заметки об Индии и её древнем искусстве» и «Древний мир и современность» (Скифский роман, 1997: 581-599), не утративших своего научного значения и в наши дни.

Книга «Парфянский выстрел» на основе архивов России, Западной Европы и США рисует картину раскопок М.И. Ростовцева в Азии, Северной Африке и на Ближнем Востоке, содержит не публиковавшиеся ранее письма, лекции, малоизвестные работы археолога. Авторы раскрывают деятельность археолога в годы иммиграции, когда талант ученого был направлен на исследование памятников эпохи эллинизма и римского времени вне территории России. Издание представляет исключительную ценность благодаря активному вводу в научный оборот и знакомству российского читателя с неизвестными страницами биографии исследователя. И, как это часто бывает при обращении к архивным материалам, многие научные штампы и историографические мифы оказываются развеянными. Например, утверждение об принципиальной аполитичности М.И. Ростовцева, увлечении далекими от современности сюжетами. Публикация статей в американской прессе в книге «Парфянский выстрел» рисует нам образ всесторонне образованного и заинтересованного событиями современности человека.

Отдельный историографический блок могли бы составить работы, посвященные археологическим учреждениям, ведущее место среди которых занимает Императорская Археологическая Комиссия (ИАК). Ее 150-летию посвящен обширный труд питерских археологов, основанный на широком использовании архива Рукописного Архива ИИМК (Императорская..., 2009). В коллективной монографии представлена как общая история учреждения, так и персоналии ведущих деятелей Комиссии – государственных чиновников, и выдающихся российских археологов. Композиция издания построена в соответствии с разделами российской археологии и содержит информацию о развитии археологического знания в Императорской России. Новое направление в историографии археологии представлено работами, посвященными организации использования отдельных методов, как, например, фотофиксации раскопок и артефактов в рамках деятельности Императорской Археологической Комиссии по раскопкам на территории Боспора Киммерийского (Светопись..., 2017).

4. Заключение

Таким образом, при рассмотрении истории археологии в Российской империи историки науки все активнее вводят в научный оборот малоизвестные и редкие издания и, что особенно важно, архивные материалы. Начало масштабным исследованиям в области российской археологической историографии связано с именем А.А. Формозова, поднявшего проблему изучения истории археологического знания в России в контексте культурного, социального, политического развития страны. Труд Г.С. Лебедева содержит широкие философские обобщения, которые в историографии называют «провидческими». Публикации Л.С. Клейна несут на себе яркий отпечаток личности автора, его научных и политических убеждений, что придает несомненную новизну его трудам и обеспечивает легкость восприятия работ ученого.

Новый этап в развитии историографии археологии в Императорской России связан с широким использованием архивов. Именно в этом исключительная ценность трудов как отдельных авторов, так и целых авторских коллективов. Путем использования рукописного наследия выдающихся российских археологов, введения в научный оборот новых документов, раскрывающих политику правительства России и Дома Романовых в охране памятников древности, идут большинство современных авторов. Обращение к архивам дает возможность не только расширить наши представления о развитии археологии в Российской империи, но и развеять многие научные мифы и ликвидировать исторические штампы, сформировавшиеся в отечественном научном сообществе. Впереди предстоит значительная работа по оценке и переоценке деятельности как пионеров российской археологии, так и роли государства и Императорского дома в развитии археологического знания. В этом видится воплощение междисциплинарного характера современного знания вообще и археологического в частности, что требует от историка науки знаний как в археологии, так и истории, источниковедении, лингвистике, лексикографии и вспомогательных исторических дисциплинах. Это требует формирования нового типа ученого, за которым будущее.

5. Благодарности

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (PRIORITY-2030).

Литература

- Алексеев, 2004** – Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии // *Невский археолого-историографический сборник к 75-летию А.А. Формозова* / Ответственный редактор А.Д. Столяр. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С.37-48.
- Археология..., 2007** – Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.И. Самоквасова (1843–1911). Курск, 2007.
- Арциховский, 1948** – Арциховский А.В. Забелин-археолог / Историко-археологический сборник. Москва: «Красный печатник», 1948. С.5-11.
- Арциховский, 1955** – Арциховский А.В. Археология / Очерки истории исторической науки в СССР. М.-Л.: Наука, 1955. Т. 1. С. 521-550.
- Бархат, 1955** – Бархат И.М. А.С. Уваров – Герцену // *Литературное наследство*. 1955. Т. 62. С. 604.
- Готье, 1925** – Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры восточной Европы до основания первого русского государства. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1925. Т. 1. 270 с.
- Дюбрюкс, 2010** – Дюбрюкс П. Собрание сочинений / Составитель и ответственный редактор И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. В 2-х тт.
- Жебелев, 1923** – Жебелев С.А. Введение в археологию. Петроград: Наука и школа, 1923. Ч. 1. 172 с.
- Императорская..., 2009** – Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
- Клейн, 1978** – Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. 119 с.
- Клейн, 1991** – Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ, 1991. 447 с.
- Клейн, 2004** – Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1: Метаархеология. СПб: «Бельведер». 2004. 470 с.
- Клейн, 2011** – Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. Т. 1. 628 с.
- Клейн, 2014** – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Кызласов, 2009** – Кызласов И.Л. П. Кондаков и А.С. Уваров (по материалам переписки) / *ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 93-115.
- Лебедев, 1992** – Лебедев Г.С. История отечественной археологии (1700–1917 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. 463 с.

- Макаров, 2015** – Макаров Н.А. А.С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. 2015. № 5. С. 3-13.
- Озтюрк и др., 2023** – Озтюрк М., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М. Параметрический анализ работы В.О. Ключевского «Терминология русской истории» // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 159–171.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Парфянский выстрел, 2003** – Парфянский выстрел. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2003. 760 с.
- Пискотина, 2017** – Пискотина В.А. А.С. Уваров и проведение первых археологических съездов: дело, ставшее традицией // *Актуальные проблемы отечественной истории*. Сборник научных трудов. М.: Планета, 2017. С. 27-32.
- Платонова, 2010** – Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX-первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Равдоникас, 1930** – Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // *Известия Государственной академии истории материальной культуры*. 1930. Т. VII. Вып. 3–4. 94 с.
- Светопись..., 2017** – Светопись боспорской археологии в XIX - начале XX в. (к истории формирования фотоколлекций по изучению античной живописи на юге России в собрании научного архива ИИМК РАН). СПб.: «Лема», 2017.
- Скифский роман, 1997** – Скифский роман. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1997. 624 с.
- Смирнов, 2011** – Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.
- Спицын, 1905** – Спицын А.Л. Владимирские курганы. СПб. Б.и. 1905. 90 с.
- Тункина, 2002** – Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России, XVIII – середина XIX вв. СПб.: «Наука», 2002. 676 с.
- Формозов, 1961** – Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство Академии Наук СССР. 1961. 130 с.
- Формозов, 1983** – Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. М.: Наука, 1983. 127 с.
- Формозов, 1984** – Формозов А.И. Историк Москвы И.Е. Забелин. Москва: Московский рабочий, 1984. 239 с.
- Формозов, 1993** – Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // *Российская археология*. 1993. № 3. С. 228-245.
- Щавелев, 2012** – Щавелёв С.П. Власть археологии и археология власти (Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., Институт археологии РАН, 2011. 592 с. // *Российский археологический ежегодник* / Под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб., 2012. №2. С. 765-780.
- Kokorina et al., 2021** – Kokorina Y.G., Vagabov M.M., Rogozhkin V.A. The Policy of the House of Romanov and the Russian Government on the Development of Scythian Archaeology // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1683-169.
- Kokorina et al., 2022a** – Kokorina Y.G., Rogozhkin V.A., Khusnutdinova L.G., Zulkarnaeva E.Z. The First Concept of Archaeological Education in Russia // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1831-1842.
- Kokorina et al., 2022b** – Kokorina Y.G., Vagabov M.M., Chekhovskaya O.E. The Imperial Odessa Archaeological Society and its role in the Development of Scythian Archaeology // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 180-188.
- Kokorina et al., 2022c** – Kokorina Y.G., Vagabov M.M., Rogozhkin V.A., Ozturk M. Count A.S. Uvarov and the First Russian Archaeological Dictionary // *Bylye Gody*. 2022. 17(3). Pp. 1197-1206.
- Kokorina et al., 2023a** – Kokorina Y.G., Abdullayev U.I., Vagabov M.M., Kozukhov V. “Archaeology in a Broad Sense Contains a Source of Knowledge of National Identity” (I.E. Zabelin on the Tasks of Archaeology (based on Archival Materials)) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2). Pp. 609-618.
- Kokorina et al., 2023b** – Kokorina Y.G., Vagabov M.M., Akimova A.A. I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later // *Bylye Gody*. 2023. 18(1). Pp. 137-148.
- Kokorina et al., 2023c** – Kokorina Y.G., Sabina N. Khanbalaeva S.N., Abdullayev U.I., Vagabov M.M. The Concept of Teaching Archaeology by I.E. Zabelin // *Bylye Gody*. 2023. 18(2). Pp. 650-661.

References

- Alekseev, 2004** – Alekseev, A.Yu. (2004). K portretu I.E. Zabelina na fone skifologii [To the portrait of I.E. Zabelin against the background of Scythology]. Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik k 75-letiyu A.A. Formozova. Otvetstvennyi redaktor A.D. Stolyar. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 37-48. [in Russian]
- Artsikhovskii, 1948** – Artsikhovskii, A.V. (1948). Zabelin-arkheolog [Zabelin-archaeologist]. *Istoriko-arkheologicheskii sbornik*. M.: «Krasnyi pechatnik». Pp. 5-11. [in Russian]

- [Arkheologiya..., 2007](#) – Arkheologiya, istoriya i arkhivnoe delo Rossii v perepiske professora D.I. Samokvasova (1843–1911) [Archeology, history and archival affairs of Russia in the correspondence of Professor D.I. Samokvasov (1843–1911)]. Kursk, 2007. [in Russian]
- [Artsikhovskii, 1947](#) – *Artsikhovskii, A.V.* (1947). Vvedenie v arkheologiyu [Introduction to archaeology]. M.: MGU, 220 p. [in Russian]
- [Artsikhovskii, 1955](#) – *Artsikhovskii, A.V.* (1955). Arkheologiya [Archeology]. *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR*. M.-L.: Nauka. T. 1. Pp. 521-550. [in Russian]
- [Barkhat, 1955](#) – *Barkhat, I.M.* (1955). A.C. Uvarov – Gertsenu. *Literaturnoe nasledstvo*. 1955. T. 62. P. 604. [in Russian]
- [Dyubryuks, 2010](#) – *Dyubryuks, P.* (2010). Sobranie sochinenii [Collected works]. Sostavitel' i otvetstvennyi redaktor I. V. Tunkina. SPb.: Kolo. V 2-kh tt. [in Russian]
- [Formozov 1984](#) – *Formozov, A.I.* (1984). Istorik Moskvyy I.E. Zabelin [Moscow Historian I.E. Zabelin]. Moscow: Moskovsky Rabochy, 239 p. [in Russian]
- [Formozov, 1961](#) – *Formozov, A.A.* (1961). Ocherki po istorii russkoi arkheologii [Essays on the history of Russian archaeology]. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 130 p. [in Russian]
- [Formozov, 1983](#) – *Formozov, A.A.* (1983). Nachalo izucheniya kamennogo veka v Rossii [The beginning of the study of the Stone Age in Russia]. M.: Nauka, 127 p. [in Russian]
- [Formozov, 1993](#) – *Formozov, A.A.* (1993). A.S. Uvarov i ego mesto v istorii russkoi arkheologii [Uvarov and his place in the history of Russian archaeology]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 3: 228-245. [in Russian]
- [Got'e, 1925](#) – *Got'e, Yu.V.* (1925). Ocherki po istorii material'noi kul'tury vostochnoi Evropy do osnovaniya pervogo russkogo gosudarstva [Essays on the history of material culture of Eastern Europe before the foundation of the first Russian state]. L.: Brokgauz–Efron, Vol. 1. 270 p. [in Russian]
- [Imperatrskaya..., 2009](#) – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): To the 150th anniversary of its foundation. At the origins of Russian archaeology and protection of cultural heritage]. Nauch. red.-sost. A. E. Musin. Pod obshechiy red. E. N. Nosova. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2009. 1192 p. [in Russian]
- [Klein, 1978](#) – *Klein, L.S.* (1978) Arkheologicheskie istochniki [Archaeological sources]. L.: Izdatel'stvo LGU, 119 p. [in Russian]
- [Klein, 1991](#) – *Klein, L.S.* (1991) Arkheologicheskaya tipologiya [Archaeological typology]. L.: LF TsENDISI, 447 p. [in Russian]
- [Klein, 2004](#) – *Klein, L.S.* (2004) Vvedenie v teoreticheskuyu arkheologiyu. Kn. 1: Metaarkheologiya [Introduction to Theoretical Archaeology. Book 1: Meta-archaeology]. SPb: «Bel'veder». 470 p. [in Russian]
- [Klein, 2011](#) – *Klein, L.S.* (2011). Istoriya arkheologicheskoi mysli [The history of archaeological thought]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. T. 1. 628 p. [in Russian]
- [Klein, 2014](#) – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of russian archeology: teachings, schools and personalities]. T. 1. Obshchii obzor i dorevolyutsionnoe vremya. SPb.: EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]
- [Kokorina et al., 2021](#) – *Kokorina, Y.G., Vagabov, M.M., Rogozhkin, V.A.* (2021). The Policy of the House of Romanov and the Russian Government on the Development of Scythian Archaeology. *Bylye Gody*. 16(4): 1683-169.
- [Kokorina et al., 2022a](#) – *Kokorina, Y.G., Rogozhkin, V.A., Khusnutdinova, L.G., Zulkarnaeva, E.Z.* (2022). The First Concept of Archaeological Education in Russia. *Bylye Gody*. 17(4): 1831-1842. [in Russian]
- [Kokorina et al., 2022b](#) – *Kokorina, Y.G., Vagabov, M.M., Chekhovskaya, O.E.* (2022). The Imperial Odessa Archaeological Society and its role in the Development of Scythian Archaeology. *Bylye Gody*. 17(1): 180-188.
- [Kokorina et al., 2022c](#) – *Kokorina, Y.G., Vagabov, M.M., Rogozhkin, V.A., Ozturk, M.* (2022). Count A.S. Uvarov and the First Russian Archaeological Dictionary. *Bylye Gody*. 17(3): 1197-1206.
- [Kokorina et al., 2023a](#) – *Kokorina, Y.G., Abdullayev, U.I., Vagabov, M.M., Kozukhov, V.* (2023). “Archaeology in a Broad Sense Contains a Source of Knowledge of National Identity” (I.E. Zabelin on the Tasks of Archaeology (based on Archival Materials)). *Bylye Gody*. 18(2): 609-618.
- [Kokorina et al., 2023b](#) – *Kokorina, Y.G., Vagabov, M.M., Akimova, A.A.* (2023). I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later. *Bylye Gody*. 18(1): 137-148. [in Russian]
- [Kokorina et al., 2023c](#) – *Kokorina, Y.G., Sabina, N., Khanbalaeva, S.N., Abdullayev, U.I., Vagabov, M.M.* (2023). The Concept of Teaching Archaeology by I.E. Zabelin. *Bylye Gody*. 18(2): 650-661. [in Russian]
- [Kyzlasov, 2009](#) – *Kyzlasov, I.L.* (2009). P. Kondakov i A.S. Uvarov (po materialam perepiski) [P. Kondakov and A.S. Uvarov (based on correspondence materials)] *ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA*. M.: Indrik, pp. 93-115. [in Russian]
- [Lebedev, 1992](#) – *Lebedev, G.S.* (1992). Istoriya otechestvennoi arkheologii (1700–1917 gg.) [History of Russian Archeology (1700–1917)]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 463 p. [in Russian]
- [Makarov, 2015](#) – *Makarov, N.A.* (2015). A.S. Uvarov i nachalo arkheologicheskogo izucheniya SeveroVostochnoi Rusi [Uvarov and the beginning of the archaeological study of North-Eastern Russia]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli*. 5: 3-13. [in Russian]

OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of written sources of the State historical museum].

Oztyurk i dr., 2023 – *Oztyurk, M., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2023). Parametricheskii analiz raboty V.O. Klyuchevskogo «Terminologiya russkoi istorii»* [Parametric analysis of V.O. Klyuchevsky's work "Terminology of Russian history"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 28(2): 159-171. [in Russian]

Parfyanskii vystrel, 2003 – Parfyanskii vystrel [Parthian shot]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 2003. 760 p. [in Russian]

Piskotina, 2017 – *Piskotina, V.A. (2017). A.S. Uvarov i provedenie pervykh arkheologicheskikh s"ezdov: delo, stavshee traditsiei* [Uvarov and the holding of the first archaeological congresses: a matter that has become a tradition]. *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii*. Sbornik nauchnykh trudov. M.: Planeta. Pp. 27-32. [in Russian]

Platonova, 2010 – *Platonova, N.I. (2010). Istoriya arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX-pervaya tret' XX veka* [The history of archaeological thought in Russia. The second half of the XIX – the first third of the XX centuries]. SPb.: Nestor-Istoriya, 316 p. [in Russian]

Ravdonikas, 1930 – *Ravdonikas, V.I. (1930). Za marksistskuyu istoriyu material'noi kul'tury* [For the Marxist history of material culture]. *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*. T. VII. Vyp. 3-4. 94 p. [in Russian]

Shchhavelev, 2012 – *Shchhavelev, S.P. (2012). Vlast' arkheologii i arkheologiya vlasti (Smirnov A.S. Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (Ocherki institutsional'noi istorii nauki XIX – nachala XX veka). M., Institut arkheologii RAN, 2011. 592 s.* [The power of archeology and the archeology of power (Smirnov A.S. Power and the organization of archaeological science in the Russian Empire (Essays on the institutional history of Science of the XIX – early XX century). M., Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2011. 592 p.] *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*. SPb., 2. Pp. 765-780. [in Russian]

Skifskii roman, 1997 – Skifskii roman [Scythian romance]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 1997. 624 p. [in Russian]

Smirnov, 2011 – *Smirnov, A.S. (2011). Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (ocherki institutsional'noi istorii nauki XIX – nachala XX veka)* [The power and organization of archaeological science in the Russian Empire (essays on the institutional history of Science of the XIX – early XX century)]. M.: Institut arkheologii RAN, 592 p. [in Russian]

Spitsyn, 1905 – *Spitsyn, A.L. (1905). Vladimirskie kurgany* [Vladimir mounds]. SPb. B.i. 90 p. [in Russian]

Svetopis'..., 2017 – Svetopis' bosporskoj arkheologii v XIX - nachale KhKh v. (k istorii formirovaniya fotokollektsii po izucheniyu antichnoj zhivopisi na yuge Rossii v sobranii nauchnogo arkhiva IIMK RAN) [Svetopis of Bosporan archeology in the XIX – early XX centuries (on the history of the formation of photo collections for the study of ancient painting in the south of Russia in the collection of the scientific archive of the IIMC RAS)]. SPb.: «Lema», 2017. [in Russian]

Tunkina, 2002 – *Tunkina, I.V. (2002). Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii, XVIII – seredina XIX vv.* [Russian science of classical antiquities of the South of Russia, XVIII – mid-XIX centuries]. SPb.: «Nauka», 676 p. [in Russian]

Zhebelev, 1923 – *Zhebelev, S.A. (1923). Vvedenie v arkheologiyu* [Introduction to archaeology]. Petrograd: Nauka i shkola, Part 1. 172 p. [in Russian]

Историко-библиографическое исследование развития археологии в Российской империи

Ирина Витальевна Сухарева ^{a, *}, Гелюся Фаридовна Каюмова ^b, Абидат Абдулаевна Газиева ^c

^a Уфимский государственный нефтяной технический университет, Российская Федерация

^b Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

^c Дагестанский Федеральный Исследовательский Центр Российской Академии Наук, Российская Федерация

Аннотация. Внимание к опыту предшественников в науке продиктовано необходимостью оценить уровень развития сегодняшнего знания. Этот опыт зачастую оказывается незаслуженно забытым. Что приводит к ошибкам и недоразумениям. Археология не является исключением. Она тесно связана с современностью, так как позволяет проследить истоки многих нынешних идей,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ira.sarigel@yandex.ru (И.В. Сухарева), Gulfar2@mail.ru (Г.Ф. Каюмова), gazieva.abidat@mail.ru (А.А. Газиева)

представлений, черт национального менталитета. Политика Российского государства в области развития археологии может быть обогащена опытом государственной политики Российской Империи, опытом, который оказывается поучительным и во многом применимым сейчас. Этим обусловлена актуальность данной работы. Изучение историографии построено в соответствии с разделением на три условных блока. К первому историографическому блоку отнесены труды, посвященные развитию археологии в России как науки и государственной политике в этом направлении. Ко второму – работы по историографии археологии отдельных периодов и регионов, к третьему – персоналии пионеров отечественной археологической науки. Поскольку историографическая часть сопровождает любой археологический труд, в статье обращено внимание на работы последних лет, отличительной чертой которых является обращение к архивным материалам, ввод в оборот новых источников. Именно таким работам уделено основное внимание в данной статье. Использование архивов археологов позволяет современным исследователям раскрыть новые грани научного и педагогического творчества пионеров российской археологии и развеять сложившиеся научные мифы, связанные с их деятельностью. В результате исследования выделяются новые направления в историографии и делается вывод о необходимости формирования нового типа ученого – археолога-историографа, владеющего информацией по различным аспектам гуманитарных наук, что отвечает междисциплинарному характеру современного знания.

Ключевые слова: историография археологии, история археологии, Российская Империя, И.Е. Забелин, А.С. Уваров, А.А. Формозов, Л.С. Клейн.